

Пис. Левицкій

Гелиогр. Эксп. Заг. Гос. Бумагъ

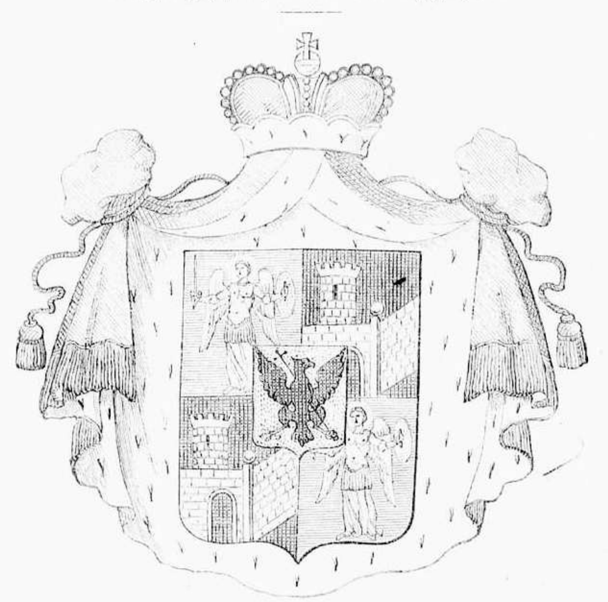
СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Подъ редакціей И. П. Хрущова.

ИЗДАНІЕ КНЯЗЯ Б. С. ЩЕРБАТОВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій пр., д. № 132
1896.

Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ родился 22 Іюня 1733 г., въ Москвѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны—умеръ 57 лѣтъ, въ 1790 году 12 Декабря, въ собственномъ имѣніи, въ селѣ Михайловскомъ Ярославской губерніи, гдѣ и погребенъ.

Князья Щербатовы происходятъ отъ св. Владиміра, внука его, Святослава Черниговскаго, по линіи князей Тарусскихъ (3 поколѣнія) и отрасли ихъ князей Оболенскихъ (2 поколѣнія). Князь Василій Андреевичъ Оболенскій — Щербатый далъ свое прозвище въ наслѣдіе потомкамъ. Дѣдъ князя Михайла Михайловича, князь Юрій Ѳедоровичъ, сперва жилецъ, потомъ стряпчій и стольникъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ—царями Іоанномъ и Петромъ, по низверженіи Софіи, жалуется въ окольничіе. При самомъ началѣ великой Сѣверной войны онъ былъ опредѣленъ въ дѣйствующіе полки и былъ раненъ подъ Нарвою. Въ послѣдствіи князь Юрій Ѳедоровичъ учреждаетъ, по повелѣнію Петра Великаго, Ямской Приказъ, и его надзору порученъ кирпичный и кафли́тный заводы въ Петербургѣ. Въ 1722 г. князь Юрій Ѳедоровичъ переименовывается изъ окольничихъ въ бригадиры, а въ 1730 г. поступаетъ въ монашество, въ Андреевскій монастырь, въ Москвѣ— подъ именемъ Софронія. Жена его, княгиня Анна Михайловна постриглась также, принявъ имя Александры. Сынъ князя Юрія Ѳедоровича, князь Михайло Юрьевичъ, генералъ-маіоръ — умеръ губернаторомъ Архангельска; онъ имѣлъ отъ перваго брака съ Ѳеклой Ивановной Паниной сына, князя Петра Михайловича, а отъ третьяго брака съ княжной Ириной Семеновной Солнцевой-Засѣкиной — сына, князя Михайла Михайловича. Самъ князь Михайло Михайловичъ былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ Щербатовой, своей отдаленной 7-ю колѣнами родственницѣ, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя

Ивана Андреевича и жены его Парасковьи Ивановны, рожденной Стрѣшневой.

У князя Михайла Михайловича былъ одинъ сынъ, князь Димитрій и шесть дочерей. Князь Димитрій Михайловичъ имѣлъ лишь двухъ дочерей: княгиню Наталью Дмитріевну Шаховскую и княжну Елисавету Дмитріевну, хранившихъ до 1860 г рукописи своего дѣда въ селѣ Михайловскомъ.

Такимъ образомъ мужскаго поколѣнія отъ князя Михайла Михайловича не осталось; отъ брата его князя Петра Михайловича происходитъ князь Борисъ Сергѣевичъ Щербатовъ, предпринявшій настоящее изданіе собранія сочиненій своего знаменитаго предка.

Нѣкоторые изъ трудовъ князя М. М. Щербатова печатались при его жизни, какъ отдѣльно, такъ и въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» Новикова. Еще въ 1768 году Императрица Екатерина Вторая поручила князю М. М. Щербатову разобрать архивъ Петра Великаго, а затѣмъ, узнавъ о его занятіяхъ русскою исторіею, велѣла открыть для него государственные архивы и библіотеки. Съ 1770 г. по 1791 г. князь Щербатовъ издалъ 15 книгъ *Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ*. Изъ изданныхъ имъ книгъ особенно выдаются изданія источниковъ русской исторіи: *Царственная книга* (СПб. 1769); *Царственный лѣтописецъ* (СПб. 1772); *Журналъ, или поденная записка Петра I* (СПб. 1770—1772); *Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ* (СПб. 1774); *Записныя тетрадки Петра I всякимъ письмамъ и дѣламъ 1704 и 1706 со многими примѣчаніями о службѣ людей, бывшихъ при Государѣ* (СПб. 1794) и другія. Екатерина II почтила князя Щербатова званіемъ *исторіографа*.

Въ 1789 г. князь Щербатовъ издалъ въ Москвѣ «*Письмо къ пріятелю на нѣкоторыя секретныя и явныя хуленія, учиненныя его исторіи отъ генерала-маіора Болтина въ примѣчаніяхъ на Леклеркову исторію*». Болтинъ написалъ на это «*Отвѣтъ на письмо князя Щербатова, сочинителя русской исторіи* (СПб. 1789)», а Щербатовъ на это—«*Примѣчанія дворянина, возвратившагося изъ чужихъ краевъ*», изданныя по смерти автора въ Москвѣ, въ 1792 году.

Въ концѣ первой половины текущаго столѣтія Мих. Парф. Заблоцкимъ-Десятовскимъ были тщательно переписаны рукописныя сочиненія князя М. М. Щербатова. Вскорѣ многія изъ нихъ были изданы въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей россійскихъ» (1853 г. кн. III; 1860 г. кн. I; 1871 г. кн. IV); въ «Библіографическихъ запискахъ» (1858 г. I и II), въ «Отечественныхъ запискахъ» (1858 г. № 3; 1859 г. № 12). Въ Лондонѣ въ 1858 г. было напечатано «*О поврежденіи нравовъ въ Россіи*». Послѣ того подлинныя рукописи князя Щербатова изъ села Михайловскаго были пріобрѣтены редакціей «Русской Старины», и нѣкоторыя изъ нихъ были изданы на страницахъ этого журнала 1870 т. I и 1872 т. V; тамъ же перепечатано было и «*О поврежденіи нравовъ въ Россіи*» (1870 г. т. II и 1871 г. т. III). Нынѣ рукописи эти принадлежатъ князю Борису Сергѣевичу Щербатову.

Наконецъ, изданныя въ 1869 г. «Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія» познакомили съ мнѣніями князя Щербатова, какъ депутата.

Послѣ изданія многихъ статей князя Щербатова политическаго и публицистическаго характера на труды его обратилось вниманіе ученыхъ. Оцѣнкѣ его взглядовъ на различные вопросы русской жизни стали посвящаться многія работы. Въ полномъ собраніи сочиненій князя Щербатова стала ощущаться потребность. Желаніе удовлетворить этой потребности и возстановить дѣятельность своеобразнаго писателя вѣка Екатерины, историка и публициста привело къ настоящему изданію, въ которомъ будутъ включены сочиненія князя Щербатова, изданныя и неизданныя.

Въ планъ изданія входитъ и перепечатка «Исторіи россійской». Въ концѣ предполагается біографія автора и обзоръ и оцѣнка его трудовъ.

Нынѣ выпускаемый въ свѣтъ I-й томъ начинается съ «*Проектовъ и голосовъ отъ депутата Ярославскаго дворянства князя Михайла Михайловича Щербатова въ Коммисію о сочиненіи проекта новаго уложенія*». Напечатано съ подлинныхъ рукописей бывшей библіотеки князя Щербатова, переданной по смерти его, по волѣ Императрицы Екатерины II, въ Эрмитажную Биб-

ліотеку, а нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Дѣятельность князя Щербатова въ Коммисіи оставила еще слѣды: во первыхъ, въ подлинныхъ собственноручно имъ переписанныхъ мнѣніяхъ 1768 года *), во вторыхъ, въ такъ называемыхъ дневныхъ запискахъ, или въ журналахъ Коммисіи.

Этимъ журналамъ депутатскихъ мнѣній, нынѣ напечатаннымъ въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», самъ кн. Щербатовъ не довѣрялъ, какъ это видно изъ приписки его (стр. 174 нашего изданія), и потому редакція, опуская дневныя записки, перепечатала только одни подлинныя мнѣнія.

Послѣ проектовъ и голосовъ въ томѣ помѣщены статьи, посвященныя разнымъ вопросамъ права и политики. Въ нихъ, отчасти затронуты вопросы уголовнаго и гражданскаго права главнымъ же образомъ разсмотрѣны различныя стороны государственнаго и экономическаго строя Россіи. Авторъ начинаетъ обыкновенно съ теоріи и переходитъ къ современному положенію Россіи, при чемъ предлагаетъ способы къ разрѣшенію того или другого вопроса. Попытка представить всю совокупность условій государственной и экономической жизни Россіи нашла себѣ выраженіе въ замѣчательной статьѣ—къ сожалѣнію неоконченной—«*Статистика въ разсужденіи Россіи*».

Томъ заключается обширною, тоже не вполнѣ оконченною, нынѣ въ первые изданною статьею: «*Путешествіе въ страну Офирскую*», гдѣ въ литературной формѣ изложены идеалы государственнаго и политическаго устройства, а равно и нравственно-религіозныя положенія, не чуждыя массонскому міровоззрѣнію. Такимъ образомъ въ этомъ томѣ князь Щербатовъ вполнѣ обрисовывается, какъ писатель, политикъ и идеалистъ своего вѣка.

Къ первой изъ собранныхъ здѣсь статей самимъ авторомъ составлено предисловіе. Заключеніе этого предисловія выражаетъ отношеніе писателя къ своей общественной роли и можетъ служить краснорѣчивымъ наставленіемъ каждому, кто работаетъ надъ политическими вопросами съ научной или съ практической стороны:

*) «Проекты и голосы» были поданы княземъ въ 1767 году.

«Совѣстію моею клянуся, что безъ всякаго самолюбія сіе тщусь потомству предложить для того, чтобы оно безпристрастно и по дѣйствіямъ уже могло судить, что я полезное иль вредное отъ недоумѣнія моего предлагалъ. Пусть будетъ оно смѣло охулять тѣ мои мысли, которыя могли какой вредъ отечеству нанести и изъ заблужденій моихъ да научится справедливо мыслить. Но токмо да подражаетъ единому, что, мню, вездѣ въ моихъ сочиненіяхъ видно, то есть любовь и искренняя преданность любезному отечеству».

Примѣчанія редакціи къ трудамъ князя Щербатова по Екатерининской Коммиссіи принадлежатъ Александру Григорьевичу Воронову.

Редакторъ приноситъ глубочайшую благодарность Директору Императорской Публичной Библіотеки Академику Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову и Академику Леониду Николаевичу Майкову за просвѣщенное содѣйствіе при пользованіи подлинниками и за сообщеніе печатныхъ матеріаловъ для настоящаго изданія. Своимъ долгомъ почитаетъ онъ выразить благодарность Академику Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину за многіе полезные совѣты по общему плану изданія, а равно и Старшему Библіотекарю рукописнаго отдѣленія Имп. Публ. Библіотеки Ивану Аѳанасьевичу Бычкову за любезное содѣйствіе при продолжительномъ списываніи статей князя Щербатова съ подлинниковъ.

Прилагаемый портретъ князя М. М. Щербатова исполненъ геліогравюрой въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ—съ современнаго портрета, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЕКТЫ И ГОЛОСЫ,

подаванные отъ Депутата Ярославскаго дворянства князя Михаила Щербатова въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКЦІИ.

Всѣмъ извѣстно, что Императрица Екатерина II манифестомъ, обнародованнымъ 14 декабря 1766 г., учредила „Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія“ и созвала, для ея образованія, депутатовъ со всей Имперіи. Князю Михаилу Михаиловичу Щербатову, избранному въ Коммиссію депутатомъ отъ дворянства Ярославскаго уѣзда, принадлежитъ выдающееся мѣсто въ исторіи этого замѣчательнаго учрежденія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи наказа депутату отъ Ярославскаго дворянства, въ обсужденіи наказа депутату отъ дворянства Московскаго уѣзда, подавалъ словесно и письменно мнѣнія по разнымъ вопросамъ, возбуждавшимся въ самой Коммиссіи, представлялъ также проекты различныхъ законовъ и инструкцій. Здѣсь печатается собраніе проектовъ и письменныхъ мнѣній князя М. М. Щербатова, которые онъ самъ желалъ издать въ свѣтъ.

Для полнаго пониманія нижеслѣдующаго нужно припомнить нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи „Коммиссіи“.

Депутаты избирались: сенатомъ, синодомъ, коллегіями и канцеляріями (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ), и народонаселеніемъ (кромѣ крѣпостнаго) по сословіямъ. Дворянство присылало по одному депутату отъ каждаго уѣзда *); горожане по одному депутату отъ каждаго города. По одному депутату отъ каждой провинціи присылали: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты и разныхъ службъ служилые люди и прочіе, содержащіе ландмилицію; 3) государственные черносошные и ясачные крестьяне.—Инородцы, крещеные или некрещеные, избирали по одному депутату отъ каждаго народа, отъ каждой провинціи; казацкія войска присылали депутатовъ въ числѣ,

*) Россійская Имперія дѣлилась тогда на 20 губерній, губерніи—на провинціи, провинціи на уѣзды, носившіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ названія полковъ, крейсовъ и другія.

опредѣленномъ ихъ высшимъ начальствомъ.

По выборѣ депутата, нѣсколькимъ избирателямъ поручалось сочиненіе *наказа* этому депутату. Въ наказѣ излагались всѣ общественныя нужды, какія избиратели желали представить въ „Коммиссію". Наказы прочитывались въ собраніяхъ избирателей и подписывались присутствовавшими. Коммиссія была открыта Императрицей 30 іюля 1767 г. и засѣдала сначала въ Москвѣ (въ Грановитой Палатѣ), съ 31 іюля по 14 декабря того же года, а затѣмъ была переведена въ Петербургъ, гдѣ имѣла засѣданія (въ Зимнемъ Дворцѣ) съ 18 февраля 1768 г. по 12 января 1769 г.

Кромѣ общаго собранія Коммиссіи—такъ называемой „Большой Коммиссіи"—происходили собранія частныхъ коммиссій, составлявшихся изъ членовъ Большой. Ходъ занятій какъ въ Большой, такъ и въ частныхъ коммиссіяхъ долженъ былъ опредѣляться особымъ уставомъ, даннымъ Коммиссіи Императрицей и названнымъ „Обрядомъ управленія Коммиссіею". Большая часть этихъ частныхъ коммиссій (всѣхъ ихъ было 19) имѣли цѣлію разработку отдѣльныхъ частей законодательства. Такъ, напримѣръ, существовали коммиссіи: о правосудіи, о государственныхъ родахъ, о среднемъ родѣ людей (въ числѣ членовъ этой коммиссіи находился князь М. М. Щербатовъ) и прочія. Одна изъ частныхъ коммиссій была назначена для разбора депутатскихъ наказовъ. Двѣ частныя коммиссіи имѣли общее значеніе — Дирекціонная и

Экспедиціонная. Послѣдней поручались исправленія редакціи заготовляемыхъ частными коммиссіями проектовъ, Дирекціонной — руководительство всѣми частными коммиссіями. Управленіе Большою Коммиссіею принадлежало *маршалу*, выбранному общимъ собраніемъ депутатовъ съ утвержденія Императрицы (маршаломъ былъ утвержденъ депутатъ отъ дворянъ Костромскаго уѣзда генералъ-поручикъ и Л. Гв. Измайловскаго полка секундъ-маіоръ Александръ Ильичъ Бибиковъ), *генералъ-прокурору* (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) и избраннымъ ими—изъ среды членовъ Коммиссіи—помощникамъ. Маршалъ и генералъ-прокуроръ, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ долженъ былъ присутствовать въ засѣданіяхъ Большой и Дирекціонной Коммиссій. Всѣ составляемые частными коммиссіями проекты препровождались въ Дирекціонную Коммиссію, которая должна была разсматривать, согласуются ли вырабатываемыя части законодательства между собою и съ Наказомъ, даннымъ Коммиссіи, Императрицей—приведены ли всѣ части къ одному заключенію: „къ сохраненію цѣлости Имперіи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человѣколюбивые законы; изъ чего послѣдуетъ любовь, вѣрность и послушаніе къ Государю". Дирекціонная Коммиссія принимала или измѣняла положенія Частныхъ коммиссій и затѣмъ должна была препровождать ихъ на утвержденіе Большой Коммиссіи, объясняя, по какой причинѣ сдѣланы ею тѣ или другія из-

мѣненія. Занятія Большой Коммиссіи, кромѣ производившихся въ ней выборовъ, составленія адрессовъ Императрицѣ и дѣлъ, относящихся къ внутреннему распорядку Коммиссіи, состояли въ слѣдующемъ.

Были прочтены и обсуждены 12 депутатскихъ наказовъ, данныхъ депутатамъ отъ черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ Каргопольскаго уѣзда и отъ такихъ же крестьянъ, по большей части инородцевъ, населявшихъ страны Приволжскія и Приуральскія. Затѣмъ началось чтеніе и обсужденіе законовъ о дворянствѣ,—вызвавшее чрезвычайно оживленныя пренія между представителями старыхъ дворянскихъ родовъ и защитниками установленнаго Петромъ Великимъ права выслуги дворянскаго достоинства. Раньше, чѣмъ кончили разсужденіе о правахъ дворянства, перешли къ чтенію и обсужденію законовъ о купечествѣ, а затѣмъ къ чтенію и обсужденію Лифляндскихъ и Эстляндскихъ привилегій. По возобновленіи засѣданій Коммиссіи въ Петербургѣ, начали читать и обсуждать законы, относящіеся до юстиціи. Сюда были отнесены законы, опредѣляющіе обязанности соблюдать предписанія церкви, далѣе—законы о судопроизводствѣ и законы уголовные. По поводу чтенія законовъ о бѣглыхъ нѣкоторые депутаты заговорили о необходимости облегчить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, что вызвало со стороны другихъ сильныя возраженія. Разсужденія были прерваны сообщеніемъ маршала о присылкѣ изъ Дирекціонной Коммиссіи—

составленнаго Коммиссіей о государственныхъ родахъ и дополненнаго замѣчаніями Коммиссіи Дирекціонной—проекта правамъ благородныхъ. По обсужденіи этого проекта было положено отослать его въ Дирекціонную Коммиссію вмѣстѣ съ мнѣніями, высказанными по его поводу депутатами. Затѣмъ Коммиссія приступила къ чтенію и обсужденію законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, куда вошли разныя части права гражданскаго. На этомъ прекратились засѣданія Большой Коммиссіи, многіе члены которой должны были уѣхать въ армію по случаю начинавшейся войны съ Турціею. Продолжали свои засѣданія однѣ частныя коммиссіи, которыя разрабатывали проекты законовъ. Эти проекты законовъ оказали вліяніе на многіе акты послѣдующей законодательной и правительственной дѣятельности Императрицы Екатерины II.

Слѣды мнѣній, заявленныхъ членами Большой Коммиссіи, мы находимъ, во 1-хъ, въ подлинныхъ *„голосахъ"*, т. е. въ запискахъ, поданныхъ членами, и во 2-хъ, въ журналахъ Коммиссіи, или въ такъ называемыхъ *„дневныхъ запискахъ"*, въ которыя вошло описаніе всѣхъ дѣйствій Коммиссіи и краткое изложеніе всего произнесеннаго и прочитаннаго членами оной при обсужденіи вопросовъ. Возсоздавая дѣятельность какого-нибудь члена Коммиссіи, слѣдовало бы пользоваться, какъ подлинными его письменными заявленіями, безъ сомнѣнія полнѣе выражающими его мысль, чѣмъ какія бы то ни было краткія извлеченія изъ

его рѣчей, нашедшія себѣ мѣсто въ дневныхъ запискахъ Коммиссіи, такъ и самыми дневными записками, дающими въ извлеченіи тѣ словесныя заявленія членовъ, которыя въ подлинникѣ до насъ не дошли. Наблюденіе надъ составленіемъ дневныхъ записокъ было поручено Императрицею дѣйствительному камергеру графу Андрею Петровичу Шувалову.—Д. В. Полѣновъ, издатель 3-хъ первыхъ томовъ *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, посвященныхъ матеріаламъ къ исторіи Екатерининской Коммиссіи (томы IV, VIII и XIV) *), въ предисловіи къ этимъ матеріаламъ (т. IV, стр. XIX) говоритъ о значеніи вышеуказанныхъ 2-хъ видовъ матеріаловъ слѣдующее: „Если бы до насъ дошли однѣ только

*) Слѣдующіе томы Сб. И. Р. И. О., посвященные матеріаламъ Коммиссіи, вышли подъ редакціею профессора В. И. Сергѣевича.

дневныя записки общихъ собраній Коммиссіи, то *мы имѣли бы точныя свѣдѣнія* объ ея дѣятельности, но картина была бы блѣдная. Между тѣмъ подлинныя мнѣнія депутатовъ, сохранившіяся въ довольно полномъ составѣ, устраняютъ недостатокъ, который могъ бы произойти отъ краткости дневныхъ записокъ". Князь М. М. Щербатовъ, какъ видно изъ приписки, сдѣланной имъ къ собранію своихъ трудовъ для Коммиссіи (см. ниже), относился съ недовѣріемъ *къ точности* передачи депутатскихъ мнѣній дневными записками. Собраніе письменныхъ мнѣній князя М. М. Щербатова, или, какъ онъ самъ называетъ ихъ, *голосовъ* и проектовъ, имъ начертанныхъ, найденное въ его бумагахъ и здѣсь печатаемое, представляетъ хотя и не полную, но вполнѣ точную картину его дѣятельности по Екатерининской Коммиссіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(Князя М. М. Щербатова).

При вступленіи въ важное дѣло сочиненія проекта Новаго Уложенія, въ которомъ я отъ моихъ собратій удостоенъ участіе имѣть,—честь, которую я толь велику почитаю, что бы за преступленіе себѣ почелъ, если бы не старался о семъ мнѣ учиненномъ удостоеніи потомству сообщить. Не меньше же лестно для меня и то, что самое то общество, которое меня къ толь важному дѣлу соблаговолило избрать и проектъ мой наказа съ малыми отмѣнами апробовало, которые — какъ мой проектъ, такъ и самый наказъ—въ сей книгѣ пристойнымъ почелъ включить. Не меньше же за нужное почелъ потомству преложить и мнѣнія тѣ, которыя я къ пользѣ государства имѣлъ честь въ собраніи предлагать. Сіе чиню не для того, чтобы почиталъ оныя удобны къ прославленію моему, но токмо, дабы безпристрастному потомству показать, что такія были мнѣнія добраго сына отечества для по-

правленія въ Россіи. И хотя почтенное собраніе депутатовъ многія изъ сихъ предложеній и являлось апробовать, хотя нѣкоторыя и монаршую апробацію получили, но, какъ еще неизвѣстно, будутъ ли нѣкоторыя въ законъ введены, то хочу по крайней мѣрѣ имѣть слабое удовольствіе, чтобы въ будущія времена, когда уже ожидаемые законы исполненіе свое будутъ имѣть, могло потомство видѣть и разсуждать, что было предлагаемо, что принято, и что изъ принятаго благое иль (отъ чего Боже сохрани) вредное слѣдствіе имѣетъ.

Потомъ, какъ по представленію генералъ-прокурора я былъ опредѣленъ въ Коммиссію о сочиненіи законовъ о среднемъ родѣ людей, тогда отъ оной Коммиссіи повелѣно было мнѣ сочинить планы о сихъ законахъ, которые, какъ первый, въ сей книгѣ включенный, такъ и второй, уже поправленный, апробаціи не имѣли, которые также потомству въ разсмотрѣніе предаю.

Наконецъ, еще прежде начатія Коммиссіи, когда въ чинѣ Московскаго уѣзда дворянина я былъ съ прочими призванъ для слушанія проектовъ наказа, который должно было дать выбранному отъ московскаго дворянства депутату Петру Ивановичу Панину (что нынѣ графъ), и въ приключившейся одной трудности взялъ смѣлость ему противное мнѣніе содержать и потомъ, предостерегаяся, чтобъ не принужденъ былъ къ тому наказу, противному моимъ мыслямъ, подписаться, объясненіе сего спору, купно и съ предложеніями моихъ мыслей, написалъ, которое хотя

и не подалъ, ибо къ наказу не принуждаемъ былъ подписаться, но къ показанію потомству состоянія того дѣла, которое тогда немало шуму въ публикѣ сдѣлало, сіе писаніе на концѣ голосовъ 1767 года включаю.

Я въ заключеніе сего предъизвѣщенія совѣстію моею клянусь, что безъ всякаго самолюбія сіе тщусь потомству предложить, а токмо, повторяю, для того, чтобы оно безпристрастно и по дѣйствіямъ уже могло судить, что я полезное иль вредное отъ недоумѣнія моего предлагалъ. А понеже сей мой трудъ ближе всѣхъ будетъ касаться и скорѣе видимъ моему потомству, то да будетъ онъ и ему въ наставленіе всегда всевозможное попеченіе имѣть о благѣ отечества. Пусть будетъ оно смѣло охулять тѣ мои мысли, которыя могли какой вредъ отечеству нанести, и изъ заблужденій моихъ да научится справедливѣе мыслить. Но токмо да подражаетъ единому, что, мню, вездѣ въ моихъ сочиненіяхъ видно, то есть любовь и искренняя преданность любезному отечеству.

Проектъ наказу Депутату отъ города *).

Понеже материнское соизволеніе Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, означенное въ манифестѣ отъ 14 числа декабря мѣсяца прошедшаго 1766 году, и въ приложен-

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Названіе «Депутата отъ города» заключаетъ въ себѣ неточность: такъ назывались исключительно депутаты городскихъ сословій, между тѣмъ какъ здѣсь предложенъ проектъ наказа депутату отъ дворянства Ярославскаго уѣзда. Неточность эта, какъ показано ниже, была исправлена.

номъ при томъ обрядѣ, повелѣваетъ собравшимся каждаго уѣзда дворянамъ, по учиненіи выбора предводителя и депутата, сочинить депутату наказъ о нуждахъ того уѣзду: чего ради, выбранные для сочиненія сего наказа отъ города нашего, чувствуя безпримѣрную милость Ея Императорскаго Величества, оказываемую ко всей Россійской Имперіи, и желая съ своей стороны, что для блага общества касается, толь милосердымъ намѣреніямъ соотвѣтствовать, яко сочлены генеральнаго общества Россіи, и представляющіе въ особливѣ часть общества дворянскаго, сего общества, которое въ толикихъ случаяхъ древнихъ временъ и недавно минувшихъ, яко во время общихъ безпокойствъ въ Россіи, въ бывшихъ войнахъ для сохраненія монаршихъ интересовъ и расширенія пространства Имперіи, пролитіемъ своей крови и крайнимъ ущербомъ.... имѣній услуги свои показало и милости, равно и удовольствіе отъ своихъ монарховъ заслужило. Но предковъ нашихъ и наша пролитая кровь и убытки довольно уже тѣмъ награждены, что имѣли честь служить отечеству своему, споспѣшествовать его славѣ и сдѣлать угодное своимъ государямъ. Нынѣ же милосердое повелѣніе Ея Императорскаго Величества не токмо превосходитъ достойныхъ награжденій за все то, но и пролитіемъ всей нашей крови довольно заплатиться не можетъ. И полагая во основаніе вышеозначенныя главности, мы вамъ, выбранному отъ насъ господину депутату, препоручаемъ:

РАЗДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

1. Россійское дворянство, сочиняя главный чинъ сей Имперіи и заслугами своими удостоившись особливой повѣренности отъ своихъ монарховъ, такъ что всѣ главнѣйшіе чины, какъ въ военныхъ, такъ и въ штатскихъ мѣстахъ, ими издревле всегда занимаемы были и нынѣ также состоятъ, и они единые право (окромя особливыхъ достоинствъ и услугъ прочихъ чиновъ) имѣютъ оныя надѣяться получить; имѣютъ вольность служить, сколько пожелаютъ, и отъѣзжать въ чужіе края для принятія службъ; владѣніе деревень изъ древнихъ временъ, которыя тогда на помѣстья и вотчины раздѣлились, дворянству же принадлежитъ; и прочія многія права, которыя иль отъ премѣны обычаевъ, иль отъ захваченія другихъ чиновъ, нынѣ совсѣмъ въ забвеніе пришли, иль затушены подкопами подъ законы. О чемъ вамъ должно стараться, чтобъ чинъ дворянства, яко вѣрнѣйшій и усерднѣйшій своему государю и отечеству, какъ для общей пользы всего государства, такъ и для дворянскаго благополучія на прежнюю степень преимуществъ своихъ былъ возведенъ.

2. Россійское дворянство, раздѣляющееся на разныя части, а именно: россійскіе природные, выѣзжіе, пожалованные милостію монарховъ дипломами, верстанные (то-есть, такіе, которые изъ древнихъ временъ въ оклады отъ государей были верстаны), и достигшіе по чинамъ ихъ до степени дворянской. И хотя въ ономъ числѣ изъ послѣднихъ многіе, въ противность 16-го пункта табеля о чинахъ, и

напрасно въ чинъ и право дворянское вступили (яко по чинамъ коммисарскимъ), но трудность ихъ неправильность доказать принуждаетъ то въ молчаніи оставить. И тако, надлежитъ просить, дабы соблаговолено было, во исполненіе донынѣ во всей точности неисполненнаго 16 пункта табеля о рангахъ, герольдіи, какая учреждена будетъ, взять точныя извѣстія о всѣхъ фамиліяхъ и о гербахъ ихъ съ доказательствами, долговременностію ли временъ они утверждены, иль пожалованы отъ государей. На таковомъ основаніи княжескія россійскія и выѣзжія фамиліи отъ самаго ихъ начала, иль съ того времени, какъ пожалованы въ княжеское достоинство, графы и бароны, изъ какихъ бы они фамилій ни происходили, въ реестры графской и баронской со времени ихъ полученія сихъ достоинствъ, а недалѣ, дворяне россійскіе выѣзжіе, пожалованные и заслуженные—со времени выѣзду, жалованья, иль полученія чина офицерскаго вписать, дабы чрезъ такой способъ герольдія, бывъ ужъ извѣстна о дѣйствительномъ состояніи дворянства, не допустила бы другихъ въ сіе достоинство самовольно впредь вступать. Чрезъ которые реестры, вѣрно содержанные, герольдія предупредитъ, чтобы многіе и подъ имена не подбирались, также чтобы однодворцы и называемыя дѣти боярскія, кромѣ прежде данныхъ имъ привилегій и правъ, именемъ и правами дворянскими пользоваться не могли.

3. Россійское дворянство пріобщеніемъ многихъ провинцій пріобщило себѣ въ собратство множество дворянства завое-

ванныхъ провинцій, которые (дворяне) многіе обрѣтаются въ службахъ и многіе помѣщиками великороссійскими становятся; сверхъ того, пріѣздомъ многихъ чужестранныхъ въ россійскую службу, пожалованіемъ многихъ чрезъ дипломы въ чины дворянскіе, достиженіемъ многихъ въ чины офицерскіе, толико (дворянство) умножилось, и ревностію своею къ службѣ уже чрезъ даваніе преимущества нижнимъ, достигшимъ въ чины, въ побужденіе нужды не имѣетъ, отъ котораго умноженія числа дворянство пришло въ бѣдность, чрезъ выхожденіе деревень изъ старыхъ родовъ въ новые и въ вновь произведенные. И тако, не соблаговолено ли будетъ право достигшимъ въ офицерскіе чины дворянскаго, какъ имени, такъ и прочихъ дворянскихъ правъ, отмѣнить (которое по нуждѣ прежнихъ обстоятельствъ было дано), какой бы чинъ ни имѣли, дабы достоинство дворянское, которое—яко и блаженной и вѣчной славы достойной памяти Петръ Великій въ табелѣ о рангахъ изъясняется, — единственно жаловать государю принадлежитъ, не было уподлено чрезъ какія другія происками учиненныя происхожденія; и тако бы, кто какого бы чину ни достигъ, если не получитъ отъ монарха своего, единаго могущаго награжденія свои и потомству услугу учинившаго преложить, диплома на дворянство, именоваться дворяниномъ и пользоваться его правомъ до того не могъ. Также когда кто и чужестранный пріѣдетъ на вѣчное жилище въ Россію, отъ какого бы роду ни происходилъ, пока не получитъ

диплома на достоинство россійскаго дворянина, правомъ бы и именемъ россійскаго дворянина пользоваться не могъ.

4. Для лучшаго исполненія сихъ правилъ, ежель милостивно приняты быть имѣютъ, надлежитъ предлагать, дабы соблаговолено было расписать все дворянство по городамъ, учредить ежегодныя собранія дворянства во всякой провинціи и при нихъ учредить списки дворянскіе того уѣзду. И кто по заслугѣ своей и по высочайшей милости Ея Императорскаго Величества пожалованъ будетъ чрезъ дипломъ въ дворянское достоинство, долженъ въ тотъ уѣздъ, который изберетъ себѣ, въ положенный срокъ пріѣхать и предъ собраніемъ дворянъ представить свои дипломы, которые, съ радостію пріемля себѣ отъ руки монаршей собрата, принявъ дипломы, запишутъ въ книгу.

И тако, какъ по вышеписанному видно, стараться, дабы право имѣть деревни и земли однимъ дворянамъ россійскимъ оставлено было, яко болѣе всѣхъ рожденіемъ своимъ и воспитаніемъ пристойнымъ владѣть другими подданными Ея Императорскаго Величества.

5. Указомъ вѣчной славы достойнаго памяти государя Петра Великаго, для побужденія россійскаго купечества заводить фабрики, позволено имъ (купцамъ) подъ фабрики и подъ заводы покупать деревни, которые (купцы) не токмо симъ правомъ воспользовались, но, простирая его далѣе надлежащаго положенія, и въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ ихъ фабрикъ деревни покупали, что не токмо соотвѣтствуетъ намѣреніямъ государя Петра Ве-

ликаго, но паче ихъ разрушаетъ тѣмъ, что фабриканты и заводчики, видя себя владѣтелями многихъ деревень, не съ толикою прилежностію стали за фабриками своими смотрѣть, яко единому предмету, отъ чего богатство и пропитаніе себѣ получить (могутъ), но стали пользоваться помѣщичьими доходами; а которые и дѣйствительно для фабрикъ и заводовъ деревни покупили и на фабрики людей употребили, и то учинили, забирая всѣхъ на фабрики и на заводы въ работу, да и то за толь малую плату, что насилу дневное пропитаніе могутъ имѣть. Чрезъ то умноженію народа чинится препона, и земледѣліе оскудѣваетъ; да и сами крестьяне толико работами замучимы бываютъ, что часто бунты производятъ. Того ради, не соблаговолено ли будетъ, по разсмотрѣнію, въ противность законовъ купленныя ими деревни у нихъ взять съ нужнымъ распорядкомъ, дабы ихъ по милосердію въ убыткѣ не оставить, а которыя фабрики впредь будутъ заводиться, тѣмъ учинить надлежащее опредѣленіе — работниковъ-мастеровъ по числу работы и величинѣ завода имѣть, а прочіе бы работники были наемные. И сіе, мнится, можетъ принудить фабрикантовъ и заводчиковъ болѣе прилежанія имѣть о приведеніи въ лучшее состояніе россійскихъ фабрикъ и тщаніе о произведеніи россійскими товарами коммерціи; а дворянство, когда ихъ крестьяне между работныхъ поръ будутъ ходить къ купцамъ работать на фабрики и заводы, чрезъ вящшую циркуляцію денегъ пользу же себѣ пріобрѣтетъ.

6. Колико дворянство ни упражнено службою своею государю, однако не меньше имѣетъ старанія и о домостроительствѣ, помышляя, что домостроительство партикулярныхъ людей дѣлаетъ ихъ изобиліе, а обиліе партикулярныхъ сочиняетъ обиліе государства. И какъ оно изъ древнихъ временъ имѣетъ право пользоваться винною сидкою для поставки государю, которое право и нынѣ еще имъ (дворянамъ) вновь милосердіемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни подтверждено; а какъ мнится намъ, что сіе право, особливое дворянству, не отъ чего инаго начало свое имѣетъ, какъ отъ того, что вино изъ продуктовъ земли, которой единые дворяне владѣтели, сидится, то по тому же резону мнится, что и фабрики, сочиняющіяся изо льну и изъ пеньки, и изъ прочихъ земляныхъ и экономическихъ произращеній, равнымъ же образомъ дворянамъ должны принадлежать. А понеже уже многіе купцы, за неразличеніемъ сего права, вступили въ сіи фабрики и уже великіе капиталы положили, то оныя у нихъ оставить имъ и потомству ихъ, съ нѣкоторымъ небольшимъ и имъ нечувствительнымъ платежемъ корпусу дворянства въ число платежа подушныхъ денегъ за крестьянъ, а впредь такія фабрики оставить такъ, какъ вино, единымъ дворянамъ.

Равно и дворянство обязуется за другія заведенія, которыя на корпусъ купеческой оставятся, ежели что уже завели, въ оный корпусъ, куда будетъ опредѣлено, платежъ производить. Также, какъ уже почти всѣ ученѣйшіе народы признали, что право торговли внѣ государства,

если и дворяне въ оную вступятъ, полезно государству, а въ Россіи еще не въ толь изученномъ ни чужестраннымъ языкамъ, ниже самому исчисленію, купечествѣ, дворянству бы сего, съ заплатою нѣкоей суммы на купечество, не запретить, ибо [не въ хулу сему купечеству, но должность вѣрныхъ подданныхъ принуждаетъ сказать] понынѣ еще россійское купечество, хотя пользуясь и великими привилегіями и имѣя внутри своего отечества самонужныя вещи для чужестранныхъ народовъ, еще нигдѣ ни консулей, ни конторъ не учредило и всю прибыль, какую бы могло отъ вывозу и заморской продажи имѣть, торгующимъ народамъ оставляетъ, можетъ быть, россійское дворянство потщится нѣчто и болѣе сдѣлать, какъ изъ него (того?) довольно уже видно, что все, что желаніе государей было, стремилось къ тому и въ краткое время достигло до того, что другіе народы во многіе вѣка на силу могли пріобрѣсть. Также, чтобы дворянство могло пользоваться торгомъ хлѣбнымъ на такомъ основаніи, чтобы купечеству было запрещено у крестьянъ по дворамъ хлѣбъ закупать, ибо таковая закупка ими хлѣбу дѣйствительно къ разоренію крестьянъ клонится; понеже часто купцы, задавая деньги впередъ крестьянамъ, наконецъ принуждаютъ ихъ за половинную цѣну хлѣбъ имъ отдавать. И тако бы, токмо оставлено было имъ право таковую закупку производить привознаго хлѣба въ городахъ и на учрежденныхъ торжкахъ.

7. Уже милосердое соизволеніе Ея Императорскаго Величества, означенное въ

полковничьей инструкціи, дабы дворянъ производить изъ солдатъ прямо въ подпрапорщики, потомъ въ сержанты и потомъ въ офицеры, обходя и старшихъ, которые не изъ дворянъ, совершенное удовольствіе дворянамъ учинило, и тѣмъ паче, что чрезъ сіе корпусъ дворянскій чувствуетъ ту отмѣну, которую отъ единаго благоволенія всемилостивѣйшей Государыни заслужилъ. Остается токмо сему вѣрному дворянству, припадая къ стопамъ сей матери отечества, просить, да соблаговолено будетъ и въ наказаніяхъ отличить дворянъ отъ простыхъ людей — мы разумѣемъ чрезъ сіе не за важныя преступленія бываемыя, — дабы какъ нынѣ прилежащее дворянство къ воспитанію своихъ дѣтей, не могли-бъ оныя отъ излишней къ нимъ строгости, каковая можетъ случиться отъ неразличія наказаній, лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить.

8. Оказуемая отъ Ея Императорскаго Величества къ дворянству повѣренность подаетъ намъ смѣлость и о пыткахъ упомянуть не для того, чтобы мы хотѣли защитить преступныхъ своихъ собратій, — нѣтъ! строгость законовъ да исполнится надъ ними, — но дабы дворянинъ, впадшій въ прегрѣшеніе, не подверженъ былъ къ пыткѣ и ко всякому публичному наказанію безъ лишенія прежде чину его дворянскаго, дабы сей корпусъ не подверженъ былъ къ пятну, чтобъ съ симъ достоинствомъ кто въономъ пытанный иль наказанный находился. Осмѣливаемся же потому упомянуть, что какъ всемило-

стивѣйшая наша Государыня, могущая правосудіемъ своимъ и щедротою быть примѣромъ прошедшимъ вѣкамъ и будущимъ, то, конечно, не желаетъ, чтобы каковое и малое озлобленіе напрасно воспослѣдовало ея подданнымъ; и того ради, дерзаемъ принести всеподданнѣйшую просьбу, да соблаговолено будетъ при сочиненіи сего новаго закона установить, чтобы каждый, въ какомъ бы преступленіи ни явился, ожесточительнымъ образомъ, прежде изобличенія его, содержанъ не былъ, и чтобы во время самаго производимаго слѣдствія ему дозволено было на допросные пункты не токмо письменно отвѣтствовать, но также въ случаѣ уторопленности своей и отъ пріятелей своихъ, не подозрительныхъ, совѣта требовать, и если между слѣдователей его найдется кто его непріятель, таковаго бы могъ отрѣшить; ибо довольно, мню, всякому извѣстно, колико невинность, бывъ великимъ преступленіемъ обвиняема, видъ робкій имѣетъ, которая робкость можетъ наипросвѣщеннѣйшимъ судьею за самое внутреннее признаніе совѣсти причесться. Также, понеже по всѣмъ правамъ и въ интересныхъ дѣлахъ требованіе совѣта и отрѣшеніе подозрительныхъ судей позволено, то коль наипаче оно совершенно нужно въ дѣлахъ, касающихся до жизни человѣческой, о которыхъ не сомнѣваемся, чтобъ не по уставленнымъ законамъ безъ прибавки и убавки были рѣшены.

9. Хотя мы довольно чувствуемъ, что собираемый сборъ отъ продажи винной вмѣсто многихъ другихъ въ замѣну для

государственныхъ нуждъ служитъ; и тако, не съ тѣмъ, чтобы уменьшить государственные доходы, паче желая оные приумножить, но самая нужда и безпокойство, которое чувствуютъ дворяне отъ обрѣтающихся въ ихъ деревняхъ питейныхъ домовъ, которые, часто бывъ построены на лучшихъ и способнѣйшихъ мѣстахъ, воспрещаютъ на тѣхъ мѣстахъ какое другое строеніе полезное учинить. Въ деревнѣ или въ селѣ обрѣтающійся питейный домъ, бывъ подъ смотрѣніемъ какого худыхъ поступковъ цѣловальника, подвергаетъ часто все селеніе къ пожару и разоренію; всякіе люди, для питья вина бывающіе въ питейныхъ домахъ, между которыми могутъ случиться и разбойники, служатъ къ совершенному и вѣрному пристанищу для изысканія удобнаго времени къ убіенію и къ грабленію помѣщика; убійства, драки и всѣ прочіе бывающіе отъ пьяныхъ людей безпорядки подвергаютъ къ безпокойствамъ и разоренію по причинѣ, что каждой помѣщикъ долженъ отвѣтствовать за свои земли. И тако, не соблаговолено ли будетъ, по исчисленію, сколько на тѣ въ господскихъ деревняхъ построенные питейные домы выходитъ вина, пива и меду, отдать тѣмъ самымъ господамъ на откупъ съ тѣмъ, что они, яко и прочіе откупщики, будутъ брать вина не меньше надлежащаго числа и платить по пропорціи доходъ съ питейнаго дому, яко откупщики, государю; а купцы токмо тогда въ откупъ такихъ питейныхъ домовъ могутъ вступить, когда уже владѣльцы сами откажутся.

10. Хотя сама собою вещь и неваж-

ная, — ибо дворянинъ по чину своему еще больше обязанъ повиноваться законамъ, нежели кто другой, — но для лучшаго показанія милости къ намъ нашихъ монарховъ, желали бы, чтобъ при каждомъ дѣлѣ, по которымъ нынѣ по приказному порядку по дворянъ сыскныя посылаютъ, повелѣно бы было дворянъ отъ простолюдиновъ отдѣлить посылкою къ нимъ хотя въ первый разъ повѣстки, которая равную силу сыскной можетъ имѣть.

11. Бываемое продолженіе дѣлъ и отъ того послѣдующій убытокъ, по принужденію во время земледѣлія самимъ помѣщикамъ или ихъ прикащикамъ, а часто и самимъ земледѣльцамъ жить въ городѣ, и самое умноженіе дѣлъ, часто весьма самихъ собой неважныхъ, приключаетъ какъ судебнымъ мѣстамъ, такъ и дворянству великія отягощенія, иль многіе принуждены малыя имъ учиненныя обиды безъ просьбы упускать, чрезъ которыя земледѣлецъ претерпѣваетъ (убытки), домы дворянскіе въ враждѣ между собою становятся, и, наконецъ, часто повторяемыя обиды дракамъ и убійствамъ причину подаютъ. Того ради, не повелѣно ли будетъ учинить таковое установленіе, чтобы всѣ дѣла, яко малыя ссоры въ земляхъ, въ потравахъ, въ порубкахъ лѣсу, въ малыхъ дракахъ, въ долгахъ крестьянскихъ, и прочія подобныя были сужены учрежденными на то годовыми, во всякомъ стану выбранными коммисарами отъ дворянства, которые, бывъ на мѣстѣ скорѣе могутъ судъ и расправу учинить; и чтобъ меньше нѣкоей положенной суммы иску въ канцеляріи дѣла не входили.

И всѣ свои суды оный коммисаръ долженъ записывать для подачи собранію дворянскому при смѣнѣ его, которое, для извѣстія и для сохраненія въ архивѣ, оные по разсмотрѣніи въ градскія канцеляріи будетъ отсылать. [Если же кто судомъ коммисара доволенъ не будетъ, тотъ бы могъ, хотя бы искъ былъ и меньше положенной суммы, просить во обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, которыя по законамъ такъ, какъ бы оно не было нигдѣ производимо, слѣдствіе или судъ учинятъ, развѣ токмо отъ коммисара потребуютъ справокъ въ случаѣ двоерѣчія свидѣтелей]. По окончаніи же (срока?), собранные дворяне, по разсмотрѣнію судовъ того коммисара, могутъ ему учинить нѣкое почетное награжденіе, яко предсѣданіе въ собраніи на нѣсколько лѣтъ, или наказаніе запрещеніемъ присутствовать на нѣсколько лѣтъ, иль и вѣчно въ собраніи; а если какое весьма важное преступленіе учинилъ, то могутъ его для дальнѣйшаго слѣдствія и наказанія и къ обыкновенному гражданскому суду отослать.

Сверхъ же вышеозначенной должности, сіи коммисары могутъ и нижеслѣдующее исполнять: 1) подновлять поставленныя межи и наблюдать, чтобы другъ у друга дворяне земли не захватывали; 2) проводить военныхъ людей черезъ ихъ станы, давать имъ по установленной иль тогда бывшей цѣнѣ провіантъ и фуражъ; 3) наблюдать, чтобы стоящіе по уѣздамъ солдаты обидъ и наглостей не чинили, и въ случаѣ обиды не токмо полковнику и того уѣзда въ канцелярію представлять, но жалобы свои даже и до вы-

сочайшихъ мѣстъ правительства простирать могутъ; 4) имѣть смотрѣніе о исправности дорогъ.

И понеже сія на нихъ наложенная должность учинится весьма многотрудна, того ради, не повелѣно ли будетъ пожаловать ихъ нижеслѣдующими привилегіями: 1) чтобъ могли имѣть честь именоваться подъ протекціею Ея Императорскаго Величества, яко люди, служащіе безъ жалованья для наблюденія спокойствія и благополучія общества; 2) чтобъ ни за какимъ дѣломъ и ни по какому дѣлу, окромя оскорбленія Величества, во время бытности ихъ въ коммисарствѣ отлучены быть не могли; 3) чтобы если кто ихъ убьетъ, или чѣмъ обидитъ, за то двоякимъ штрафомъ противу ихъ чиновъ былъ штрафованъ; 4) чтобы всякое судное мѣсто правительства на предложеніе коммисара, уѣзднаго или становаго, принуждено было, подъ опасеніемъ штрафа, съ полученія его предложенія не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, отвѣтствовать и слѣдствіе начать; 5) чтобы оный коммисаръ нигдѣ, окромя собранія дворянскаго, по дѣламъ его коммисарства подсуденъ не былъ.

12. Довольно всей Имперіи извѣстно, коликое отягощеніе терпятъ живущіе въ ихъ деревняхъ дворяне отъ нераздѣленія архивовъ вотчинной коллегіи; ибо для справки о самой малѣйшей частицѣ земли живущій въ деревняхъ своихъ дворянинъ принужденъ, оставя свою экономію, ѣхать въ Москву, куда часто проѣздъ его болѣе стоитъ, нежели та самая земля. Того ради, не соблаговолено ли бу-

детъ, оставя государственные архивы въ вотчинной коллегіи, вѣрные списки по крайней мѣрѣ во всѣ провинціи разослать и во исполненіе сего употребить удобный способъ, отъ чего, конечно, все дворянство, а паче живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ почувствуютъ великую пользу.

РАЗДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дворяне, бывъ владѣтели земель и деревень, не меньше должны и о крестьянахъ, подданныхъ того же государя и имъ подвластныхъ, попеченіе свое прилагать; того ради, мы и о сихъ осмѣливаемся нижеслѣдующія предложенія учинить:

1) Дабы оные крестьяне въ начатыхъ исковыхъ дѣлахъ во время земледѣлія забираны въ городъ не были, ибо таковое ихъ задержаніе, какъ имъ самимъ, такъ владѣльцу ихъ и всему обществу чрезъ упущеніе земледѣлія знатной убытокъ приключаетъ; а когда по какому исковому дѣлу и потребно задержаніе учинить, и оное бы невеликаго числа.

2) Чтобъ уже учиненныя установленія въ пользу крестьянъ нижеслѣдующія: чтобы хлѣбъ и всякія съѣстныя вещи имъ безпошлинно и невозбранно позволено было продавать въ городахъ и на торжкахъ; и отъ покупки бы оныхъ были исключены купцы, торгующіе тѣми вещьми, до полудни, дабы общество, купя изъ первыхъ рукъ, могло пользоваться дешевизною, а крестьянинъ лучшей продажей побужденъ къ земледѣлію и домостроенію былъ; а послѣ полудни и купцы, имѣющіе таковой торгъ, вообще съ другими

гражданами къ тому были бы допущены,— соблаговолено было подтвердить. Чтобы всякія мастерства, необходимо надлежащія для крестьянъ, яко плотничье, грубое столярное, кирпишное, каменщичество, пешное, колесниковъ телѣжныхъ колесъ, ременьщики, которые вяжутъ хомуты, тѣ, которые вьютъ веревки, выдѣлываніе овчинъ, и кузнешное, какъ для ковки лошадей, сошниковъ, косъ и гвоздей, и прочія подобныя были имъ позволены, съ такимъ, однако, опредѣленіемъ для кузницъ, что ежели кто изъ крестьянъ въ городѣ будетъ имѣть кузницу, таковой за построеніе той кузницы въ опредѣленное мѣсто нѣкоторую сносную плату будетъ платить, слѣдственно, чтобъ и не запрещено всѣмъ имъ было трудами ихъ сработанныя вещи и продавать во всякое время и кому пожелаютъ.

3) Чтобъ продажа харчей, яко калачей, хлѣбовъ, бузы и суслы, и содержаніе харчевенъ съ платежемъ въ казну за харчевни, но безъ исключенія купечества, имъ позволено было.

4) Также мастерство портныхъ крестьянскихъ, яко для шитья балахоновъ, шубъ и шапокъ крестьянскихъ, имъ позволено было.

5) Чтобъ позволено было крестьянамъ съ поручительствомъ ихъ господъ, а государевымъ—ихъ командировъ, въ вышереченныхъ мастерствахъ въ подряды до нѣкоторой опредѣленной суммы вступать и по учиненнымъ контрактамъ, хотя бы они нигдѣ не явлены были, безъ суда

и безъ замедленія на коштъ виноватаго, если дойдетъ до просьбы, скорѣйшимъ способомъ слѣдствіе было произведено. И тако бы часто, за дальнею отлучкою своихъ господъ, или за какими другими случаями, сіи беззащитные люди къ напрасному разоренію и отягощенію отъ вѣроломныхъ людей подвержены не были.

6) Чтобъ позволено было крестьянамъ подряжаться въ государевы магазейны и во всякія мѣста того уѣзда, гдѣ онъ жительство имѣетъ, каждому до ста четвертей, а не болѣе, хлѣба становить съ засвидѣтельствованіемъ отъ своихъ господъ и окружныхъ обывателей, что онъ по семьѣ своей толикое число хлѣба напахать могъ, ибо толикое число семьянистый крестьянинъ можетъ съ своею семьею въ плодородныхъ провинціяхъ напахать; а понеже семьянистому крестьянину часто также за неплодороднымъ годомъ не менѣе и самому бываетъ нужда купить, то чтобы позволено имъ было безъ притѣсненія отъ купцовъ и на торгахъ, колико имъ потребно, хлѣба покупать.

7) Равное же сему и о холстахъ, чтобъ каждый крестьянинъ безъ запрещенія могъ до 500 аршинъ подрядиться поставить въ уѣздѣ его жилища, куда онъ пожелаетъ, или если имѣетъ нужду, колико пожелаетъ, могъ бы на ярмаркахъ и торгахъ безъ запрещенія покупать иль продавать.

8) Чтобъ позволено было крестьянамъ въ зимнее время у купцовъ въ лавкахъ и у откупщиковъ въ питейныхъ домахъ повѣренными сидѣть; а въ лѣтнее время

то бы имъ запрещалось, дабы тогда они къ земледѣлію возвращались.

9) Понеже ежедневно изъ числа крестьянъ множество земледѣльцовъ выбываетъ иль отдачею въ рекруты, иль хожденіемъ ихъ въ разныя мастерства, иль браніемъ отъ господъ въ ихъ домы для услугъ, иль, наконецъ, что заживные записываются въ купечество, а ни изъ какихъ сихъ состояній обратно въ земледѣльцы не возвращаются, что со временемъ тогда, когда прочихъ состояній люди умножатся, число земледѣльцовъ толь можетъ убавиться, что не будетъ ихъ довольнаго числа для напаханія и хлѣба на прочіе чины.

А понеже нужны и мастерства крестьянамъ по долго продолжающемуся въ Россіи неудобному времени къ земледѣлію, по худобѣ земли и неблагорастворенію воздуха, а въ иныхъ уѣздахъ и по недостатку земли; также и помѣщикамъ для самой необходимой ихъ нужды во дворъ людей брать запретить не можно; того ради, не соблаговолено ли будетъ учредить таковое установленіе, дабы каждый крестьянинъ, жившій въ деревнѣ, имѣлъ удвоенное или и утроенное безчестье противу прежденоложеннаго, но сіе бы право не далѣе жительства деревенскаго продолжалось, и такъ было бы весьма менѣе во время его житья въ городѣ. Таковое положеніе отвратитъ побои и нападки отъ проѣзжающихъ, принудитъ крестьянъ болѣе къ деревенскому житью и, слѣдственно, къ земледѣлію побудитъ. И другіе чины, видя крестьянъ земледѣльцовъ почтеннѣе и благоден-

ственнѣе, нежели они были, паки могутъ возвращаться къ земледѣлію. Также россійское купечество, бывъ уже довольно многочисленно, въ прибавкѣ нужды не имѣетъ (желательно было бы, чтобъ толь и богато все было), да и тѣ крестьяне, которые, перемѣня свое состояніе, изъ крестьянъ въ купецкой чинъ записываются, изъ нелюбящихъ свой чинъ крестьянъ, сумнительно, чтобы знающихъ торговлю купцовъ могли учинить. И тако, чтобъ съ одной стороны, дабы не лишать земли ея дѣлателей, а съ другой не отяготить и купечество великимъ онаго умноженіемъ, не соблаговолено ли будетъ не отнимать у крестьянъ прежней привилегіи записываться въ купечество, но сумму, которую долженъ объявить, гораздо пріумножить.

10) Чтобъ торгъ дровами, лѣсомъ, досками, драныо, смолою и гонтомъ крестьянамъ также позволенъ былъ, хотя и изъ уѣзда въ уѣздъ (по смежности) перевозя.

11) Для одежды крестьянской часто потребны вещи, которыя являются къ крестьянству и не принадлежатъ, яко булавки, иголки, ленты шелковыя, галуны, крашенина, китайка, выбойка и прочее, что на учрежденныхъ торжкахъ продается точно для одежды крестьянской. Оное бы имъ было позволено, но безъ исключенія купцовъ, по торжкамъ ѣздя и сидя въ такъ называемыхъ шалашахъ, продавать. Лапти же, деготь и горшки возить по деревнямъ и продавать имъ бы единственно оставлено было.

О семъ о всемъ, вамъ, отъ насъ вы-

бранному господину депутату, мы препоручаемъ въ надлежащее время представленіе учинить, и если и сверхъ сего что (вамъ) заблагоразсудится къ дополненію, къ уваженію, иль ко изъясненію представить, мы то не токмо сами позволяемъ, но еще о томъ васъ и просимъ. Равнымъ же образомъ, если потребно будетъ предложить нѣкоторые и способы для облегченія исполненій вышеписаннаго, то вы по благоразумію своему предложить можете; притомъ же за нужное почитаемъ вамъ напамятовать и то, что вы, яко вѣрный сынъ отечества, должны стараться, дабы въ сочиненіи законовъ право наслѣдственное, опекунства, и прочія были утверждены наияснѣйшимъ образомъ, и чтобы всѣ учрежденныя права, елико возможно, на толь твердомъ основаніи уставлены были, чтобъ къ частымъ перемѣнамъ не могли подвергнуты быть, дабы тѣмъ благополучіемъ, которое надѣемся отъ благоволенія нашей щедрой Монархини получить, могли наидальнѣйшіе наши потомки пользоваться, и каждый бы, какъ изъ насъ, такъ и изъ потомковъ нашихъ, чувствуя ежечасно пріобрѣтенное ему благополучіе симъ новымъ закономъ, непрестанно отъ искренности сердца своего благодарилъ всемилостивѣйшую нашу Государыню за несчетныя ея щедроты ко всей Россійской Имперіи.

Напечатанный въ IV томѣ *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества* (стр. 297—313) „Наказъ Ярославскаго уѣзда отъ благороднаго дворянства избранному госпо-

дину депутату въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, его сіятельству, лейбъ-гвардіи капитану, князю Михаилу Михаиловичу Щербатову" составленъ на основаніи помѣщеннаго здѣсь проекта, отличаясь отъ него:

1) немногими измѣненными выраженіями;

2) вставкою между 1-мъ и 2-мъ раздѣленіями новаго, названнаго 2-мъ, причемъ 2-е раздѣленіе проекта названо 3-мъ;

3) исключеніемъ 1-го пункта 2-го раздѣленія (въ дѣйствительномъ „Наказѣ" 3-го);

4) исключеніемъ изъ 2-го пункта этого раздѣленія (названнаго 1-мъ) слова „грубое" при поименованіи столярнаго мастерства въ числѣ тѣхъ крестьянскихъ производствъ, продукты которыхъ предполагалось дозволить крестьянамъ продавать въ розницу;

5) соединеніемъ 3 и 4-го пунктовъ въ одинъ (названный 2-мъ);

6) исключеніемъ изъ 5-го пункта (названнаго 3-мъ) четырехъ словъ: „*а государевымъ—ихъ командировъ*", распространившихъ ходатайство, въ этомъ пунктѣ изложенное, на крестьянъ государевыхъ; *)

7) соотвѣтственнымъ переименованіемъ остальныхъ пунктовъ того же раздѣленія (6-го 4-мъ, 7-го 5-мъ и т. д.).

Вставленное въ „Наказъ" *второе раздѣленіе*—написанное неизвѣстнымъ лицомъ—вслѣдъ за симъ помѣщается. Онъ представляетъ значительный интересъ, указывая, насколько введенное Екатериною II-ою письменное судопроизводство соотвѣтствовало желаніямъ общества и условіямъ своего времени.

*) См. выше стр. 26.

Раздѣленіе второе «Наказа» депутату ярославскаго дворянства, присоединенное къ проекту князя Щербатова.

1) Какъ есть главный предметъ Ея Императорскаго Величества материнскаго попеченія о благоденствіи Ея вѣрноподданныхъ, дабы государственные законы и по онымъ правосудіе въ своей силѣ и въ надлежащихъ границахъ реченіе имѣло; то уже учрежденная изъ просвѣщенныхъ особъ Коммиссія о возстановленіи таковыхъ желаемыхъ и преполезныхъ узаконеніевъ безъ нашего изъясненія съ прозорливостію прилежаніе возъимѣть изволитъ. Въ примѣчаніи чего представлять о всѣхъ подробностяхъ за излишнее признавается; а единственно лишь только во удостовѣреніе означиваемъ здѣсь о формѣ суда гражданскаго, сколько мы по недоумѣнію своему предвидѣть можемъ; если оная воспослѣдуетъ вновь на таковомъ основаніи, чтобы противу истцова челобитья отвѣтчикъ (давалъ) отвѣтъ, а напротиву того челобитчикъ—доказательство, и на оное отвѣтчикъ же—свое оправданіе, получая съ того за скрѣпою копіи, противу чего кому изъ нихъ соотвѣтствовать слѣдуетъ, и подавали отъ себя письменно въ назначенные имъ сроки, каковые въ законѣ предпишутся (а не такъ, какъ нынѣ въ судѣ говорятъ на словахъ и подъячій записываетъ),—признавается быть весьма полезно. Потому, что судьи слушаніемъ того, что въ судѣ говорятъ, не будутъ имѣть помѣшательства въ рѣшеніи другихъ таковыхъ же челобитчиковыхъ, по собраніи справокъ приведенныхъ ко окончанію дѣлъ, а паче во отправленіи интересныхъ; челобитчикамъ же и отвѣтчикамъ выгода быть можетъ та, что многіе могутъ сами свои доказательства и выправки сочинять и подавать судьямъ, не нанимая въ судъ итти вмѣсто себя повѣренныхъ, чрезъ что можетъ менѣе быть и ненавистныхъ ябедниковъ; ибо много такихъ въ обществѣ сыщется, что при публикѣ сами говорить незаобыкновенны, и для того принуждены нанимать стряпчихъ, изъ коихъ иногда, по подкупленію противной стороны, бываетъ проронка въ судѣ, чрезъ что нерѣдко обвиняются; а на письмѣ бы изъясниться какъ свѣдующіе всѣ обстоятельства своего дѣла могли, да и таковыя собственно отъ самихъ показанія справедливѣе и къ разбиратель-

ству не столь затруднительны быть признаваются, какъ отъ стряпчихъ ябеднические вымыслы, кои лишь только затмѣваютъ истину. Сверхъ же того, кто чего и самъ не доразумѣетъ, можетъ посовѣтовать о своемъ дѣлѣ съ надежными своими пріятелями и, отъ нихъ будучи удостовѣренъ, если дѣло его неправо, скорѣе стараться о посредствахъ примиренія съ своимъ соперникомъ.

2) Въ дополненіе же сего гражданскаго суда, надѣясь на материнскія щедроты всемилостивѣйшей Государыни нашей, осмѣливаемся представить: 1) законы духовные и свѣтскіе согласно предопредѣляютъ: презрѣвшаго пользу ближняго противу несвѣдущаго объ оной вящше наказать; почему всякъ, зная и пользуясь чужимъ имѣніемъ во всякомъ названіи, то-есть, движимымъ и недвижимымъ, предками-ль его, или самимъ имъ захваченнымъ, и не прилежа о безпристрастномъ удовольствіи по достовѣрному объ ономъ при судѣ изъясненію, долженъ, яко нечеловѣколюбивый, штрафованъ быть; 2) узаконить сроки отвѣтчикомъ противу истцовыхъ челобитенъ къ отвѣту являться, или повѣренныхъ съ полномочіемъ присылать; а не чрезъ забирательство въ колодники людей и крестьянъ ихъ привлекать, дабы они разновымышленныхъ отбывательствъ не имѣли; что единственно происходитъ отъ такихъ, кои знаютъ, что они подлинно обидили, интересуются непринадлежащимъ имъ имѣніемъ, чего не хотя возвратить обиженному, продолжать нѣсколько лѣтъ стараются чрезъ укрывательства отъ посылокъ по нихъ, такъ что и по тремъ посылкамъ иногда никого въ колодники изъ людей или крестьянъ его не приведутъ; а хотя нѣсколько человѣкъ чрезъ оплошность каковую либо и попадутся, однакоже, и затѣмъ многіе, зная, что тѣ ихъ люди столько прибыли не принесутъ, сколько получить могутъ съ имѣющаго у себя въ рукахъ челобитчикова иску, къ отвѣту долговременно не являются; а челобитчики, кромѣ собственныхъ до суда проѣстей и волокитъ, съ частыхъ по отвѣтчиковъ посылокъ, печатныхъ пошлинъ и приставамъ хоженаго, принуждены бываютъ тѣмъ колодникамъ, содержавшимся по ихъ челобитнымъ, давать отъ себя кормовыя деньги; и для того, не соблаговолено ли будетъ, принявъ сіи обстоятельства въ уваженіе, ежели отвѣтчикъ по повѣсткѣ на

срокъ къ суду самъ не явится, повѣреннаго не пришлетъ и никакой законной причины, препятствующей ему, съ яснымъ и несомнительнымъ о справедливости засвидѣтельствованіемъ не представитъ, таковаго тою просрочкою, со обожданіемъ послѣ сроку нѣкотораго опредѣленнаго времени, винить; 3) проѣсти и волокиты хотя прежнія положить, точію съ тою разностью: не съ начала суда, а съ подачи исковаго челобитья и до рѣшенія дѣла; ибо всякій челобитчикъ, коль скоро войдетъ въ челобитье, то уже предписанную проѣсть и волокиту имѣетъ.

Сверхъ же того, во уравненіе, противу узаконенныхъ уже за насильное владѣніе чужими людьми и крестьянами заработныхъ денегъ, съ денежныхъ и другихъ исковъ положить указные проценты, дабы въ разсужденіи единственныхъ проѣстей и волокитъ, что по большимъ, то и по малымъ искамъ челобитчики,—каждой по мѣрѣ своего иску удовольствіе получилъ, чрезъ что менѣе отбывательства отъ судовъ быть можетъ, да и праворѣшенныхъ дѣлъ въ апелляцію уже переносить не отважатся, какъ то нынѣ иные дѣлаютъ, единственно для продолженія, въ разсужденіи малыхъ проѣстей и волокитъ, и что они тѣмъ временемъ съ того, въ чемъ по законамъ правильно обвинены и заплатить другому должны, въ десять разъ или болѣе противу проѣстей профитовать отъ того могутъ; а ежели, напротиву того, и истецъ по суду окажется, что билъ челомъ ложно, то отвѣтчику, сверхъ должнаго безчестія, взыскивать съ него, челобитчика, таковую-жъ проѣсть, что бы принадлежало, въ случаѣ справедливости, ему съ отвѣтчика получить.

3) Напротиву же того, что принадлежитъ до судей по городамъ, то небезполезно быть разсуждается, ежели бы къ воеводамъ въ товарищи, вмѣсто находящихся нынѣ при нихъ ассессоровъ, позволено было выбирать того уѣзда дворянамъ изъ собратіи своей таковыхъ добросовѣстныхъ, честныхъ и безпорочныхъ людей, на вѣрность коихъ въ правосудіи они положиться могутъ, ибо всякъ знаетъ въ своемъ обществѣ, какого кто есть поведенія, и потому неимѣющаго достоинствъ, или ненадежнаго ко отправленію того званія выбрать не могутъ. И чтобы оный, выбранный отъ дворянства, воеводскій товарищъ по челобитнымъ челобитчиковъ, съ коими

бы всякой долженствовалъ прежде подачи къ нему явиться, старался о примиреніи чрезъ позывъ къ себѣ до кого тѣ челобитья касаться будутъ, изъясняя имъ обоимъ справедливость и приводя упорнаго въ резонабельное признаніе; а ежели не склонятся на посредствахъ мира прекратить свою тяжбу, то бы, предъявя воеводѣ, отдавалъ таковыя челобитныя въ производство приказное по канцеляріи и наблюдалъ бы, какъ экспедиторъ таковыхъ земскихъ дѣлъ, чтобы волокиты истцамъ и отвѣтчикамъ въ судѣ не было; чего онъ болѣе смотрѣть и понуждать повытчиковъ, а въ случаѣ примѣченной имъ медлительности по дѣламъ, и взыскивать на нихъ долженъ былъ, какъ о томъ въ законѣ, если воспослѣдуетъ, предписано быть имѣетъ; а воевода въ соотвѣтствіи того свободнѣе можетъ пещись о теченіи интересныхъ дѣлъ, имѣя предъ собою, онъ о сихъ, а товарищъ его о челобитчиковыхъ дѣлахъ, настольные реестры; почему, какъ и въ нынѣшнемъ генеральномъ регламентѣ узаконено, трудъ канцелярскій и попеченіе о дѣлахъ по нихъ раздѣлено быть имѣетъ, слѣдственно, и въ дѣлахъ лучшаго успѣху ожидать должно.

Сверхъ же того, оный выбранный отъ дворянства товарищъ воеводскій долженствуетъ и крестьянъ того уѣзда, пріѣзжающихъ въ городъ со своими избытками для продажи, отъ притѣсненій купеческихъ и другихъ пребывающихъ въ городѣ людей защищать, или въ случаѣ произнесенныхъ ему въ чемъ либо на уѣздныхъ жалобъ разбирать и сокращать ихъ, не допуская до дальнѣйшихъ своевольствъ. А если тотъ воеводскій товарищъ окажется въ чемъ либо подозрителенъ или неисправенъ, тогда, выбравъ на его мѣсто другаго, подверженъ быть можетъ слѣдствію, и потому, когда найдется виновенъ, сверхъ опредѣленнаго по законамъ за то штрафа, могутъ и дворяне какъ пристрастнаго человѣка лишить на нѣсколько времени своего сообщества, или, смотря по важности преступленія, объявить его публично и презрѣннымъ; чего всякій благородный человѣкъ остерегаться долженъ будетъ, дабы не сдѣлаться въ своемъ обществѣ обезчещеннымъ на вѣкъ. Къ тому же знать будетъ и то, что всякій дворянинъ, имѣющій достоинство, можетъ быть на его

мѣсто судьею, и потому, неправды сдѣлать не отважится, какъ такимъ людямъ, отъ коихъ онъ единственно тѣмъ предпочтенъ и въ противномъ случаѣ смѣненъ и въ пренебреженіи быть можетъ; чего нынѣ опредѣляемые судьи не имѣютъ причины опасаться, какъ неимѣющіе въ томъ обществѣ своего вѣчнаго пребыванія, знавъ, что по смѣнѣ съ инымъ не дойдетъ случай и видѣться.

4) Просвѣщенные познаніемъ добродѣтели и безпорочнымъ житіемъ, не только исполняютъ законъ въ его силѣ, но и не въ предписанномъ единственно стараются жить добродѣтельно, въ чемъ поставляютъ свое и удовольствіе; противу того, вопреки имъ рожденные къ одному разрушенію цѣлости общества, яко то воры и разбойники, кои, время отъ времени умножаясь, нынѣ почти повсемѣстно разсѣялись, и обществу всегдашняя отъ нихъ не только опасность, но и бѣдственная жизнь, а нерѣдко и оной лишеніе бываетъ,—подданнически испросить: 1) ко искорененію оныхъ для спокойствія и благоденствія общества съ полезнымъ учрежденіемъ строгости закона; 2) а дабы и таковые, которые вмѣсто желаемой обществу пользы хотя и малымъ, но частымъ воровствомъ, пьянствомъ и другими продерзостными поступками наносятъ вредъ и безпокойство, а паче легкомысленныхъ приводятъ слѣдовать ихъ примѣру, по примѣчанію безнадежнаго въ нихъ къ добропорядочному житію обращенія отрѣшены были отъ безпорочнаго общества такъ навсегда, какъ и нынѣ по всевысочайшей Ея Императорскаго Величества материнской милости по состоявшемуся въ правительствующемъ сенатѣ 1760 году декабря 13 дня указу.

На читанной наказъ августа 24-го числа Симбирскаго и Сызранскаго уѣздовъ отъ пахотныхъ солдатъ депутату Ефиму Нетурахину *).

Покорнѣйшее предложеніе.

На „1“ пунктъ, что оные пахотные солдаты представляютъ, яко бы имъ не-

довольно было на каждый дворъ, въ 4 душахъ состоящій, по 60 десятинъ земли,— сіе само собою испровергается, ибо колико много по экономическимъ правиламъ ни положить, то оное число земли все таковое положеніе превосходитъ, хотя бы и каждой оныхъ четырехъ душъ уже совершенной работникъ былъ, и тутъ невозможно, чтобы нѣкое число еще впустѣ не оставили, коль наипаче, когда оные не всѣ работники; что же упоминаютъ о даваніи имъ прежними указами болѣе земли, о семъ они точныхъ доказательствъ

не учинили, да и неуповательно, что если бы они о таковой дачѣ дѣйствительныя крѣпости имѣли, чтобы по межевой инструкціи, за учиненіемъ дачи имъ въ собственность, уже бы для такой собственности съ уменьшеніемъ ограниченія учинили. Если же единое владѣніе и глазомѣрные отводы въ право себѣ почитаютъ, то сіе право весьма не основательно, ибо поселившимся на пустыхъ мѣстахъ людямъ, колико они хотятъ, земля дается, когда же поселенія и народъ въ тѣхъ пустыхъ мѣстахъ умножатся, то

---

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Содержаніе наказа, даннаго депутату отъ пахотныхъ солдатъ Сызранскаго уѣзда Ефиму Нетурахину, изложено на 93—95 страницахъ IV-го т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Вотъ содержаніе тѣхъ мѣстъ наказа, которыя подали поводъ къ замѣчаніямъ князя Щербатова (въ приводимомъ ниже его письменномъ «предложеніи»).

Пахотные солдаты представляли (ст. 1), что по межевой инструкціи 1766 г. повелѣно поселившимся на порожнихъ государственныхъ земляхъ однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ, безъ дачъ, намѣривать на каждый дворъ, полагая въ немъ 4 души, по 60 десятинъ земли. Но такое количество они считаютъ недостаточнымъ, ибо въ прежнее время предкамъ ихъ, за ихъ службы, жаловано было земли на человѣка по 20 и 30 четвертей въ каждомъ полѣ, что составляетъ по 30 и по 45 десятинъ на душу, а на дворъ по 120 и по 180 десятинъ (примѣчаніе редакціи IV-го тома Сб. И. Р. И. О.). Сверхъ того, они находили для себя стѣснительнымъ и то мѣсто инструкціи, гдѣ говорится о земляхъ, купленныхъ владѣльцами, или самовольно заселенныхъ въ селеніяхъ однодворческихъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей, между тѣмъ какъ указами 1727 и 1737 годовъ не дозволено было никому таковыя земли покупать и ни за кѣмъ укрѣплять.

Въ ст. 2 они объясняли, что терпятъ большія обиды и разореніе отъ помѣщичьихъ крестьянъ. Послѣдніе, въ случаѣ принесенія на нихъ жалобъ, отказываются давать отвѣты, ссылаясь на то, что не могутъ идти въ отвѣтъ безъ воли господъ своихъ; для полученія же отъ своихъ господъ на то разрѣшенія требуютъ тройныхъ поверстныхъ сроковъ въ мѣста отдаленныя, отъ чего чинятся многія напрасныя волокиты. Составители наказа просили объ отмѣнѣ означенныхъ сроковъ.

Въ ст. 4 они просили, чтобы тяжебныя дѣла ихъ съ людьми посторонними разсматривались не судомъ по формѣ 1723 года, а слѣдственнымъ порядкомъ, на который они указывали, какъ на болѣе скорый, чѣмъ судебный.

Въ статьяхъ 5 и 9 они жаловались, что купцы и полицейское начальство запрещаютъ имъ продавать ихъ сельскія произведенія въ розницу, требуя, чтобы они продавали эти произведенія оптомъ и по дешевой цѣнѣ; что тѣ же купцы не дозволяютъ имъ покупать хлѣбъ и съ нимъ ѣздить на Яикъ, между тѣмъ какъ они въ силу указовъ должны поставлять хлѣбъ на Яицкое войско.

Въ ст. 6 указывали, что по дѣламъ стороннихъ челобитчиковъ они вызываются въ городъ и принуждены бываютъ оставаться тамъ все то время, въ которое производится дѣло; а такъ какъ это часто случается въ рабочую пору, то задержка ихъ бываетъ причиною упущеній въ хозяйствѣ. Они предлагали, чтобы вызовы имъ дѣлали на то только время, когда наступитъ въ нихъ дѣйствительная надобность.

Въ ст. 10 они жаловались, что на ихъ Сызранскія дачи, за Волгою, пріѣзжаютъ большими партіями калмыки и, кочуя тамъ съ 20 іюля по 1 сентября, вытравляютъ ихъ сѣнные покосы и рубятъ, и жгутъ лѣсъ.

Въ ст. 12 они представляли, что нѣкоторые изъ нихъ проживаютъ по законнымъ видамъ въ городахъ съ своими семьями и, платя повинности въ мѣстахъ, гдѣ записаны, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ разную городскую службу; но мѣстныя начальства запрещаютъ имъ имѣть свои дворы и жить съ семьями. Они просили объ отмѣнѣ этого запрещенія.

уже ограниченье положить должно, каковое нынѣ и полагается, конечно, безобидно имъ.

Что же касается о поселившихся помѣщичьихъ крестьянахъ на ихъ земляхъ и о учиненномъ положеніи, дабы тѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ платить по пяти копѣекъ за десятину на содержаніе ландмилиціи, колико сіе положеніе ни полезно для заселенія тѣхъ пустыхъ мѣстъ, и для таковыхъ поселителей, но, мню, чтобы можно позволить было и совсѣмъ въ собственность продать такія земли тѣмъ, которые ихъ купить пожелаютъ, и оныя деньги, дабы теченіе приходу на содержаніе ландмилиціи не пресѣклось, положить въ банки въ торговыхъ того края городахъ съ надлежащимъ процентомъ. Чрезъ таковой способъ владѣльцы не токмо пріобрѣтутъ желаемую ими совершенную собственность, но самыя тѣ деньги, изъ банковъ имѣя обращенія, можетъ быть, пріумножатъ торговлю съ Азіей, толь нужную для Россіи.

На „2“, что касается до обидъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ, учрежденіе нужныхъ положеній какъ о сихъ, такъ и о всѣхъ почтенная Коммиссія сдѣлать не преминетъ, дабы никто не могъ отъ правосудія за наглостію отбывать, однако, чтобы крестьянамъ по крайней мѣрѣ одного поверстнаго сроку не давать для увѣдомленія своихъ помѣщиковъ, сего никакъ отмѣнить не можно.

На „4“ судъ и слѣдствіе суть различныхъ родовъ, ибо судъ, оказуя требованія иль обвиненія просителя, всю

ясность дѣла отвѣтчику оказуетъ; вмѣсто что слѣдствіе чрезъ допросы производится, того ради, и требуютъ положеній, по какимъ дѣламъ единое и другое производить. Однако, мнится мнѣ, что ни съ какимъ гражданиномъ не должно поступать, яко съ обвиненнымъ, покамѣстъ онъ не изобличенъ, и что дѣло, на которое долженъ отвѣчать, не токмо должно ему показать, но елико можно изъяснить, дабы за несовершеннымъ его понятіемъ или отъ чего другаго напрасно обвиненъ не былъ.

На „6“ требованіе ихъ является справедливо, что много претерпѣваютъ отъ забиранія великаго числа людей въ города и часто во время самаго земледѣлія, чего ради, и мнится мнѣ, что надлежитъ нѣкоторыя установленія сдѣлать, дабы отъ таковыхъ забираній земледѣліе не претерпѣвало и крестьяне бы не разорялись.

На „9“ позволеніе симъ пахотнымъ солдатамъ, также вообще и всѣмъ крестьянамъ, о продажѣ хлѣба гуртомъ и порознь въ городахъ и по торгамъ необходимо нужно; я называю сію продажу гуртомъ и порознь такую, чтобы позволено было крестьянину, привезшему произведенія своего домостроенія, продать ихъ съ воза на разныя части, равно же и купить, ибо противной сему поступокъ, принуждая крестьянина продавать однимъ почти лавошникамъ съ уменьшеніемъ цѣнъ, дѣйствительно отнимаетъ у него побужденіе стараться о домостроеніи. А съ другой стороны, и живущіе по городамъ люди, имѣя запрещеніе по мѣрѣ

своей малое число нужныхъ къ пропитанію вещей изъ первыхъ рукъ купить, мастерства свои по мѣрѣ своего пропитанія дороже становятъ. И такъ, крестьянинъ отъ обидъ въ земледѣліи ослабѣваетъ, мѣщанинъ претерпѣваетъ, а и лавошникъ чрезъ обиду земледѣльцу полученную имъ прибыль бываетъ принужденъ въ другія, съ излишествомъ умноженныя цѣною, вещи употребить. Однако, такое право земледѣльцамъ не далѣе полудня, по моему мнѣнію, должно оставлено быть, дабы и самые тѣ купцы, которые, сидя въ лавкахъ, продая съѣстныя вещи, пропитаніе себѣ получаютъ, онаго не лишились и, покупая у застоявшихся крестьянъ, торгъ и лавки свои содержать могли.

На „10“ требуются разсмотрѣнія, чего ради калмыки туда пріѣзжаютъ, и какая изъ того польза происходитъ, то въ разсужденіе оной, если она взаимная есть, учинить нужныя учрежденія, дабы пахотные солдаты обидъ не претерпѣвали, между которыми, мню, и сіе не безполезно было бы, чтобы для оныхъ калмыковъ отвести удобныя пустыя мѣста, гдѣ бы они могли останавливаться съ надлежащей нѣкоторой нетягостной платою.

На „12“ отлучнымъ отъ ихъ жилищъ пахотнымъ солдатамъ не токмо, мню, позволить, но запретить надлежитъ покупку домовъ въ городахъ, во 1-хъ, для того, дабы не толь покушалися отъ домовъ своихъ отходить и тѣмъ бы болѣе къ земледѣлію прилежали; во 2-хъ, дабы городы и мѣщанъ не отяготить прихожими

людьми, которые, не дѣлая въ тягостяхъ имъ вспоможенія, чрезъ разные свои промыслы промысламъ мѣщанскимъ дѣлаютъ подрывъ; въ 3-хъ, дабы состоянія каждыхъ людей, живущихъ въ пространной Россійской Имперіи тѣмъ болѣе были раздѣлены, и отъ знанія бы каждаго о правахъ своихъ общее благополучіе произошло.

Подано августа 27-го дня 1767 г.

На читанной августа 27-го числа голосъ господина депутата города Самары Данилы Рукавкина *).

Всепокорнѣйшее предложеніе.

Означенной господинъ депутатъ въ голосѣ своемъ на читанной наказъ, августа 24-го числа, Симбирскаго и Сызранскаго уѣздовъ отъ пахотныхъ крестьянъ предлагаетъ, дабы крестьянамъ каждую продажу порознь запретить, представляя тому въ резоны, что многіе привозятъ, окромя хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, другія своего домостроенія производства, яко холстъ, пестрядины и сукны, и оныя сваливаютъ на дворахъ,

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Того же 27-го августа 1767 г., когда были поданы княземъ Щербатовымъ вышеприведенныя замѣчанія на наказъ Сызранскихъ пахотныхъ солдатъ, на этотъ самый наказъ сдѣлали свои замѣчанія между прочими депутаты: коммерцъ-коллегіи Сергѣй Межаниновъ и отъ города Самары Данила Рукавкинъ (Сб. И. Р. И. О., т. IV, стр. 100). Межаниновъ предложилъ, чтобы пахотнымъ солдатамъ продажу въ городахъ съѣстныхъ припасовъ и ѣзду для торга на Яикъ не дозволять. Рукавкинъ представилъ такое же мнѣніе, прибавивъ, что пахотные солдаты, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, привозятъ и другія произведенія своего хозяйства. Противъ этихъ мнѣній князь Щербатовъ представилъ на другой день нижеслѣдующее возраженіе, къ которому присоединился депутатъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ Тимоѳей Клингштетъ.

а послѣ продаютъ въ розницу къ великому ущербу купецкаго промыслу. И того бы ради, всякую общимъ образомъ продажу имъ запрещено было въ розницу чинить, на что имѣю честь сему почтенному собранію слѣдующее предложить.

1) Если таковой поступокъ отъ крестьянъ чинится, то яко совершенно вредный купечеству, оправдать его не можно, ибо такимъ образомъ чиня почти лавками постоялые ихъ дворы, за которые и платежу въ казну Ея Императорскаго Величества не производится, подрывъ приключаютъ; но не слѣдуетъ изъ сего, чтобы надлежало запретить всякую продажу въ розницу крестьянамъ произведенія ихъ домостроенія, и всѣ бы труды земледѣлія почти на откупъ малому числу купцовъ, такими вещами торгующихъ, отдать; ибо хотя имени такого-то и не будутъ нести, но въ самомъ дѣйствіи откупъ будетъ тѣмъ, что единые, со исключеніемъ другихъ, будутъ покупать, и въ томъ же мѣстѣ единые же будутъ и продавать, и тако цѣна покупки и продажи отъ воли тѣхъ единыхъ зависѣть будетъ.

2) Начало даннаго намъ Наказа отъ Ея Императорскаго Величества насъ научаетъ непремѣнному правилу христіанскаго закона послѣдовать, то-есть, взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно, и другое естественное правило, подтверждающее тоже, что мы должны желать другому то, что себѣ желаемъ; а можно ли сказать, чтобы вышеписанное предложеніе сходствовало съ такими

святыми правилами, когда полагаетъ неволю на бѣднаго земледѣльца, пріобрѣтшаго чрезъ тяжкую работу и кровавый потъ лица своего нѣкоторое излишество, чтобы и то, какъ способнѣй ему, онъ продать не могъ, онъ самъ, господинъ депутатъ, въ семъ случаѣ и судья можетъ быть, не прискорбно ли бы ему было, если бы отъ кого другаго на него такая неволя налагалась?

3) Но тщетно мнѣ на сіе сказать могутъ, что для общаго блага торговли и для раздѣленія разныхъ состояній людей сіе весьма полезно, я же осмѣлюся мнѣніе мое представить, что сіе для торговли никакой полезности не приключаетъ и не служитъ къ раздѣленію состояній. Можетъ же, мнится мнѣ, слѣдующіе вреды произвести, а именно: отягченіе земледѣльца и ослабленіе его въ толь трудной работѣ, и дороговизну всѣхъ нужныхъ для жизни вещей по городамъ, о чемъ въ доказательство слѣдующее предлагаю.

1-е. Сіе для торговли вообще полезности не пріобрѣтаетъ, ибо не можно сказать, чтобы та часть купцовъ, которые такими вещьми торгуютъ, главную часть сочиняли и, слѣдственно, когда они и великую прибыль будутъ имѣть, то что болѣе они прибыли будутъ получать отъ такого запрещенія, то болѣе будутъ отягощать дорогою цѣною другихъ жителей градскихъ, которые по мѣрѣ той наложатъ на свои товары и ремесла, и тако, дѣйствительной подрывъ купцы же купцамъ учинятъ, а наче въ таковыхъ товарахъ, которые въ заморской отпускъ

отправляются, ибо тотъ работникъ, который для какой фабрики нанимался за нѣкоторую цѣну, когда изъ первыхъ рукъ хлѣбъ себѣ покупалъ, не можетъ уже ту цѣну брать, когда принужденъ будетъ себѣ пищу изъ другихъ рукъ купить.

2-е. Состоянія тѣмъ недовольно раздѣляются, когда одинъ чинъ государства восхочетъ другаго утѣснять, а, какъ уже я выше предложилъ, сіе учинитъ дѣйствительное утѣсненіе земледѣльцамъ и сдѣлаетъ откупъ совсѣмъ противно и желанію Ея Императорскаго Величества, означенному въ 319-мъ отдѣленіи Наказа *), да также раздѣленіе между земледѣльцовъ и мѣщанъ, означенное въ 358-мъ и 359-мъ пунктахъ Ея Императорскаго Величества Наказа **), не въ томъ состоитъ, чтобы часть мѣщанъ, запрещая вольную продажу трудами земледѣльцовъ сработанныхъ вещей, тѣмъ бы отъ оныхъ отличились, но въ томъ, что земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ и обработываютъ землю, изъ которой произрастающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей, и сей есть ихъ жребій, а въ ремесла, торговли, художества и науки вступаться не должны; и еще далѣе упоминая о городахъ, Ея Императорское Величество въ отдѣленіи 388-мъ тако изъясняется,—есть такіе, кои единственно служатъ къ продажѣ продуктовъ пріѣзжающихъ земледѣльцовъ того или другаго уѣзду ***), и за

*) Наказъ, стр. 208 (изданіи 1809 г.).
**) Тамъ же, стр. 225.
***) Тамъ же, стр. 230.

толь нужную вещь такую продажу изволитъ почитать, что въ 398-мъ отдѣленіи упоминаетъ, что малые города суть весьма нужны по уѣздамъ, дабы земледѣлецъ могъ сбыть плоды земли и рукъ его и себя снабдить тѣмъ, въ чемъ ему случится нужда *); что все склоняется, дабы земледѣлецъ въ произведеніяхъ точно своего домостроенія утѣсняемъ въ продажѣ не былъ.

3) Если таковое запрещеніе учинится, чтобы крестьянинъ не могъ инако свои продукты, какъ токмо гуртомъ, продавать, дѣйствительно отягчитъ земледѣльца тѣмъ, что онъ, иногда живя въ дальномъ разстояніи отъ города, когда привезетъ туда произведенія своихъ трудовъ, и многажды бы имѣлъ случай ихъ продать порознь, но, видя на то запрещеніе, принужденъ будетъ съ уменьшеніемъ цѣны продать лавошнику. Таковыя часто повторяемыя ему потери не могутъ ли, наконецъ, его довести до ненависти его состоянія и склонить его чрезъ какіе другіе способы пропитаніе себѣ искать, каковыхъ въ Россіи много, и не могутъ за недостаткомъ другихъ родовъ людей имъ запрещены быть; и тако, отшествія каждаго земледѣльца ключъ иль начало изобилія уменьшаютъ; къ сему же можно приложить и то, что во многихъ провинціяхъ Россійской Имперіи земли весьма не плодородны и насилу могутъ своихъ жителей пропитать; къ тому же холодность климата и во всей Россіи немалое отягченіе земледѣльцу дѣлаетъ, а какъ Ея Импера-

*) Тамъ же, стр. 232.

торское Величество, своимъ материнскимъ провидѣніемъ знавъ такіе недостатки, изволитъ изъясняться въ 294-мъ отдѣленіи даннаго намъ Наказа, что земледѣліе есть самый большій трудъ для человѣка; чѣмъ больше климатъ приводитъ человѣка къ избѣжанію сего труда, тѣмъ больше законы къ оному возбуждать должны *), а въ Римской республикѣ даны были нѣкія привилегіи тѣмъ мореходцамъ, которые хлѣбъ привозили, то не должно ли оставить право вольно продавать врознь на торгахъ крестьянамъ, которые вмѣстѣ и пріобрѣтатели и привозители хлѣба, и не сдѣлать съ ними неправосудія, чтобы запретить продавать другимъ, которые хотятъ у нихъ покупать вещи, въ коихъ у нихъ обрѣтается обильность, дабы чрезъ то себѣ пріобрѣсти нужныя вещи, въ коихъ имъ недостатокъ. Не конечно ли справедливо то, что продажа и закупка хлѣбу, какъ гуртомъ, такъ и врознь, не можетъ быть довольно умножена, вольна и защищена **).

4) Произведетъ дороговизну въ съѣстныхъ припасахъ по городамъ тѣмъ, что большая часть оныхъ, бывъ изъ другихъ и изъ третьихъ рукъ покупаема мѣщанами, которые не имѣютъ оными торгу, они по мѣрѣ дороговизны пропитанія своего на другія вещи цѣну наложатъ, и

*) Тамъ же, стр. 204.

**) Излагая мысли западноевропейскихъ философовъ и юристовъ о народныхъ правахъ и занятіяхъ, встрѣчающіяся въ различныхъ отдѣленіяхъ Наказа, князь Щербатовъ, ссылается на сочиненія *Puffendorf*'а, *Montesquieu*, (Esprit des lois) и *Mirabeau* (L'ami des hommes), а также на сочиненіе de la Mare: *Traité* de la police, ou l'on trouvera l'histoire de son établissement etc. Paris. 1722—1738.

цѣна сія, обходя, дойдетъ до самихъ тѣхъ лавошниковъ, которые съ отягощеніемъ крестьянъ право у нихъ въ розницу продавать хотятъ отнять такъ, что и они принуждены будутъ на продаваемыя ими съѣстныя вещи еще цѣну пріумножить, что весьма умножитъ дороговизну хлѣба.

[Къ общему же благополучію потребно, что, какъ земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно *), чрезъ вольную продажу пріобрѣтенныхъ вещей земледѣльческимъ домостроеніемъ могло процвѣтать, такъ же разные ремесленные люди, могущіе бы купить изъ первыхъ рукъ себѣ пропитаніе, цѣну работы своей дешевле ставили, и чрезъ то бы балансъ торговли болѣе на россійскую сторону всегда клонился, чего ради, осмѣливаюсь предложить нѣкоторыя установленія для продажи земледѣльческихъ продуктовъ, которыя на разсмотрѣніе почтеннѣйшей Коммиссіи имѣю честь предать.]

1) Чтобы уставлены были во всѣхъ городахъ торговые дни.

2) Чтобы крестьяне въ оные дни имѣли право продавать произведенія ихъ домостроенія, яко всякаго званія хлѣбъ, сѣно, масло, яйцы, сукна, холсты, пестряди и прочее, также и птицъ, телятъ, барановъ и поросятъ, порознь и гуртомъ, какъ имъ способнѣе, до полудни, а съ полудни они уже таковаго бы права не имѣли, а должны были купцамъ въ лавки оное продавать.

3) Чтобы крестьяне, окромя какъ на

*) Наказъ, стр. 207, отдѣленіе 313.

учрежденныхъ въ городахъ торгахъ, на квартирахъ и на постоялыхъ дворахъ ничего продавать не могли.

4) Чтобы запрещено было купцамъ, смотря по величинѣ города, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ закупать вышеозначенныя вещи и выѣзжать навстрѣчу ѣдущимъ крестьянамъ оныя перекупать, дабы каждый, живущій въ городѣ, покупая изъ первыхъ рукъ, дешевизною могъ пользоваться.

Такія мои всепокорнѣйшія мнѣнія предлагаю, и тѣмъ болѣе льщуся, что они противны не будутъ, что предложеніе мое основано на томъ, что въ большей части Европы исполняется; испытаніе доказуетъ, что отъ такого положенія купечество тѣхъ мѣстъ ни мало не претерпѣваетъ, но, ѣздя въ отдаленныя мѣста и въ удобныя времена, трудолюбіемъ малую неспособность награждая, и снисходя на нужды прочихъ ихъ согражданъ и сами довольной прибылью пользуясь, и другихъ не тяготятъ, чрезъ что цѣпь союзу согражданскаго ежечасно укрѣпляется.

Подано 28-го дня августа 1767 года.

На читанный августа 31-го числа голосъ господина депутата города Карачева, который онъ подалъ на наказъ Казанскаго уѣзду Алатской и Ногайской дорогъ отъ пахотныхъ солдатъ, данной господину депутату Ивану Алексѣеву *),

Всепокорнѣйшее предложеніе.

Уже во многихъ наказахъ, какъ и въ вышепомянутомъ Казанскаго уѣзду

*) *Примѣчаніе Редакціи.* 28 августа 1767 г. былъ прочитанъ наказъ, данный отъ жителей

Алатской и Нагайской дорогъ отъ пахотныхъ солдатъ, изъяснена просьба, яко бы въ тягость имъ былъ подушной платежъ за престарѣлыхъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ и малолѣтнихъ. Что и господинъ депутатъ города Карачева въ означенномъ своемъ голосѣ подтверждаетъ, предлагая, дабы въ предбудущія ревизіи не повелѣно было таковыхъ, (которые) не въ состояніи платить, въ окладъ писать; чего ради, и за должность себѣ почитаю,

Арской и Нагайской дорогъ Казанскаго уѣзда депутату старокрещенцу Ивану Алексѣеву, въ первыхъ 2-хъ статьяхъ котораго (Сб. И. Р. И. О., т. IV, стр. 107) было упомянуто о наложенномъ на избирателей этого депутата 60-ти копѣечномъ подушномъ окладѣ, и о находящихся между ними дряхлыхъ, увѣчныхъ, сиротахъ и малолѣтнихъ, которые не въ состояніи платить за себя подати. Въ засѣданіи 31 августа депутатъ города Карачева Яковъ Никулинъ сдѣлалъ на помянутый наказъ слѣдующія замѣчанія (тамъ же, стр. 109).

Жители Арской и Нагайской дорогъ, упомянувъ, что они платятъ подушный окладъ за дряхлыхъ, увѣчныхъ, сиротъ и умершихъ, имѣли, безъ сомнѣнія, желаніе, чтобы всѣ таковые были исключены изъ оклада; но какъ такіе же увѣчные и немощные находятся во всѣхъ мѣстахъ и также числятся въ окладѣ, то и нѣтъ возможности всѣхъ ихъ изъ онаго исключить. На будущее же время депутатъ Никулинъ предложилъ для всенародной пользы постановить закономъ, чтобы при слѣдующихъ ревизіяхъ старыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ и прочихъ, которые дѣйствительно не въ состояніи нести какую-либо работу, по надлежащемъ въ томъ удостовѣреніи, въ окладъ не полагать.

На мнѣніе депутата Никулина князь Щербатовъ 3 сентября представилъ ниже приводимыя замѣчанія.

Въ заглавіи поданнаго княземъ Щербатовымъ голоса наказъ, давшій къ нему поводъ, названъ неправильно: наказъ Казанскаго уѣзда Нагайской, Арской и Алатской дорогъ отъ содержащихъ ландмилицію, данный депутату Аѳанасью Танбовцеву, былъ прочитанъ въ томъ же засѣданіи 28 августа (Сб. И. Р. И. О, т. IV, стр. 107), но какъ имя депутата, такъ и содержаніе наказа дѣлаетъ очевиднымъ, что князь Щербатовъ имѣлъ въ виду наказъ вышеназванный.

дабы молчаніе мое не причлося въ согласіе, нижеслѣдующее предложить.

1) Во-первыхъ, за нужно почитаю разсмотрѣть, не тяготителенъ ли сей подушный окладъ народу, и не стѣсняется ли его вольность, налагая подать ни съ чего другаго, какъ токмо съ естества каждаго. И тщетно нѣкоторые писатели почли, яко бы сіе нѣкоимъ образомъ было принуждать платить народъ за самой ими вдыхаемый (въ подл. *дышащій*) воздухъ; я совсѣмъ противнаго того мнѣнія, а почитаю, что народъ платитъ подушныя деньги для того, что чрезъ сію дань показуетъ свое подданство отечеству, и что онъ защищенъ законами той страны, которые дѣлаютъ всякаго состоянія и возраста людямъ пользу, младенецъ въ безпрестанной болѣзни своего младенчества, совершенный мужъ и престарѣлый ими защищается отъ наглости сильнѣйшихъ. Онъ имъ даетъ спокойное владѣніе ихъ имѣній, и онъ сохраняетъ ихъ жизнь, здоровье и честь. То за толикія благодѣянія, общія отъ отечества, не долженъ ли каждой признаніе свое нѣкой платой государству показать. Скажу еще, что расположеніе подушныхъ денегъ въ Россійской Имперіи на содержаніе арміи яснѣе сей предметъ показуетъ. Ибо, какъ всякой подданной Ея Императорскаго Величества раздѣляетъ благоденствіе мудраго Ея правленія, то каждый же подданный и долженъ — иль своей персоной, или нѣкоторой данью спомоществовать къ защищенію отечества; и, слѣдственно, втолкованной такой предметъ народу болѣе можетъ оной побудить къ любви отечества, нежель, какъ если бы онъ платилъ съ земли, яко наемщикъ оной, которой сборъ и многія другія непреодолимыя почти, а наче въ Россіи, неспособности имѣетъ.

2) Требованіе же, дабы съ младенцевъ, съ престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ не платить, иль въ будущія ревизіи ихъ въ окладъ не класть, съ перваго взгляду справедливо быть является. Ибо положеніе платежа съ младенца, токмо рожденнаго, съ дряхлаго, иль съ престарѣлаго, требующихъ себѣ помощи, а не другимъ помощь могущихъ дать, конечно, нѣкое отвращеніе дѣлаетъ. И не можетъ законъ такое положеніе сдѣлать, которое въ самомъ естествѣ вещи исполнено быть не можетъ. Но коль причину сію подробнѣе разсмотрѣть, то найдется, что никогда платежъ подушныхъ денегъ на таковыхъ положенъ не былъ, и что законъ, всѣхъ безъ исключенія живущихъ полагая въ платежъ, хотѣлъ предупредить разныя неспособности, могущія послѣдовать отъ требуемаго различенія, яко утайки, напрасныя приклепыванья болѣзни и прочее, по которымъ бы приключенныя слѣдствія болѣе бы подданныхъ отяготили, а дѣйствительно платежъ съ однихъ работниковъ производится.

3) Генеральное правило есть, что доходы государственные должны по его нуждамъ располагаться; таковымъ образомъ, пространная Россійская Имперія какъ въ частяхъ Европы, такъ и въ Азіи, должна свои границы защищать; и сверхъ

того, силою своею содержать не токмо равновѣсіе сѣверныхъ частей, но и всей Европы, должна стараться имѣть довольные доходы для содержанія по пропорціи довольно многочисленныхъ армій. И такъ, вся сумма, надлежащая на сіи арміи, должна быть на народъ расположена, то понеже сумма есть извѣстна, колико ея потребно, надлежитъ расположить, почему каждому заплатить, то будетъ ли облегченіе, когда малолѣтнихъ, больныхъ и престарѣлыхъ исключить и положить ту на могущихъ платить, и не равную ли тягость сіе имъ сдѣлаетъ, окромя слѣдствій, могущихъ произойти въ приклепаніи болѣзней и въ утаеніи лѣтъ, конечно, отяготительныхъ крестьянамъ. А сверхъ того, и самой законъ, цѣлому народу данный, можетъ ли положить самую точность, съ какихъ лѣтъ какой платежъ производить и съ коихъ лѣтъ исключать. Ибо сложенія людей есть разныя, единые въ силу ранѣе приходятъ, другіе позже свою силу теряютъ, и тако, нѣкоторые молодые будутъ позже зачинать работать, а престарѣлые, если ограничать имъ лѣта, съ которыхъ освобождать будутъ, хотя и силу бы имѣли, отъ земледѣлія отставать и впадать въ облѣнчивость, — зло, которое во всякое время человѣкомъ овладать можетъ.

4) Колико же мнѣ извѣстно, всякой платежъ у крестьянъ и располагается не по числу душъ, но или по числу работниковъ, или по тягламъ, иль по промысламъ. Естественной способъ, весьма пристойный и справедливый въ управленіи малыхъ обществъ, но ради множества подробностей въ великой Имперіи почти невозможный.

5) Хотя я и покушался бы мнить, что таковымъ расположеніямъ послѣдуютъ и въ жилищахъ тѣхъ, откудова таковыя просьбы присланы; но какъ не могу себѣ представить, чтобы, видя таковую ко всей Россійской Имперіи народамъ милость матери отечества Ея Императорскаго Величества, могли что несправедливое написать, то полагая, что безпорядокъ ихъ управленія къ отягощенію и къ просьбамъ имъ причину подалъ, того ради, осмѣливаюсь предложить сему почтенному собранію мои мнѣнія: 1) Дабы повелѣно было управителямъ съ совѣтомъ нѣсколькихъ тѣхъ волостей пахотныхъ солдатъ или крестьянъ, также жалобы приносящихъ, хотя и съ числа душъ оклады будутъ собираться, на оные распредѣлять по числу работниковъ и могущихъ такой окладъ весь или отчасти платить по расположенію. 2) Многодѣтныхъ изъ окладу исключать. 3) Отставшихъ отъ земледѣлія принудить къ оному опять прилежать и прочее. Чѣмъ мы еще будемъ соотвѣтствовать материнскимъ попеченіямъ и мудрымъ примѣрамъ Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни, означеннымъ въ 280-мъ, 282-мъ и 286-мъ отдѣленіяхъ даннаго намъ Наказа о побужденіи земледѣльства и размноженіи народа *).

Подано сентября 3-го числа 1767 года.

---

*) Наказъ, стр. 200—202.

На читанные сентября 11-го дня указы 1721-го году генваря 16-го дня, 1722-го году генваря 24-го числа, табеля о рангахъ 15-го пункта и 1722-го году февраля 5-го дня герольдмейстерской инструкціи 5-го пункта *).

Всепокорнѣйшее предложеніе.

Я прежде всего за долгъ себѣ почитаю изъяснить то, что, хотя я и осмѣливаюсь представить мои мнѣнія для отмѣненія вышеозначенныхъ законовъ; сіе не для того, чтобы сердце мое недовольно было тронуто благодѣяніями государя императора Петра Великаго, которой соизволилъ оные учредить, но обстоятельства временъ и разные случаи принудили его такія положенія для нашего же благополучія сдѣлать, которыя при благополучной державѣ матери отечества нашей всемилостивѣйшей Государыни по премѣнамъ временъ и нравовъ не токмо полезны, но вредны могутъ быть, и тако приступаю къ разсмотрѣнію о семъ.

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Законы, на которые здѣсь сдѣлана ссылка, содержатъ слѣдующія постановленія.

1721 г. генваря 16 (Полное Собраніе Законовъ, № 3705): Всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянъ, равно какъ и дѣти ихъ и ихъ потомки, суть дворяне, и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство.

1722 г. генваря 24 (тамъ же, № 3890). Табель о рангахъ, пунктъ 15-й: Дослужившіеся до оберъ-офицерства и ихъ дѣти суть дворяне, кромѣ гражданскихъ и придворныхъ, находящихся въ томъ рангѣ (о нихъ говоритъ п. 11-й: дослужившіеся до восьми первыхъ классовъ и ихъ дѣти въ вѣчныя времена имѣютъ быть причтены къ лучшему старшему дворянству).

1722 г. февраля 5 (тамъ же, № 3896). Инструкція герольдмейстеру, п. 5-й: Дослужившихся изъ военныхъ чиновъ не изъ дворянъ до оберъ-офицерства и дѣтей ихъ, родившихся въ то время, какъ ихъ отцы были уже въ семъ чинѣ, вписывать въ дворянскій списокъ.

1. Сіи означенные законы содержатъ въ себѣ, что каждой дослужившійся до чину офицерскаго, дворяниномъ долженъ почитаться; и дѣти его уже въ реестръ дворянской вмѣститься должны, слѣдственно, и всѣми правами и преимуществами чину дворянскаго уже пользоваться могутъ. Таковое данное преимущество дослужившимся до чину офицерскаго по тогдашнимъ обстоятельствамъ, для принужденія дворянъ служить, необходимо нужно было; но нынѣ, когда уже видимъ россійское дворянство единой любовью къ отечеству и славѣ и по усердію къ ихъ монархамъ довольно побуждено къ службѣ и къ наукамъ, то мнится, что такое право, сравнивающее ихъ со всякимъ, кто бы какимъ образомъ до чину офицерскаго ни достигъ, должно отмѣнить, право, которое единственно Государю принадлежитъ, чтобы онымъ награждать по благоизволенію своему за великія учиненныя услуги не токмо самого его, но и его потомство.

2. Если разсмотримъ о началѣ имени дворянскаго, то сей мой предлогъ яснѣе еще будетъ. Безсумнительно есть, что первое различеніе между состояній произошло ни отъ чего иного, какъ токмо отъ отличной добродѣтели нѣкоторыхъ изъ народа, которыхъ равнымъ же образомъ и потомки, предъ другими отличались и дѣлали услуги сообществамъ, которыхъ они были члены; и такъ, чрезъ многія лѣты повторяемыя заслуги склонили народы и государей къ единому имени и къ счастію происходить отъ толь добродѣтельныхъ предковъ почтеніе чину дво-

рянскаго присовокуплять. И тако можемъ за первое объясненіе о дворянинѣ представить то, что онъ есть такой гражданинъ, котораго рождающагося отечество, пріемля въ свое объятіе, является, ему говоритъ: „ты рождаешься отъ добродѣтельныхъ предковъ, ты, не сдѣлавъ еще ничего мнѣ полезнаго, уже знатной чинъ дворянина имѣешь; то тѣмъ болѣе иныхъ ты и обязанъ твою добродѣтель и усердіе мнѣ показать; тебя предъидущія твоимъ заслугамъ, законами моими данныя, права къ тому обязуютъ, тебя дѣла твоихъ предковъ къ тому побуждаютъ, — будь въ добродѣтели имъ подражатель, — и будешь достоинъ мнѣ“. Рожденной такъ на свѣтъ, воспитанной въ такихъ мысляхъ человѣкъ, не будетъ ли сугубыя усилія употреблять, дабы чину и имени своего достойнымъ учиниться; такое единое имя и на памятованіе славныхъ дѣлъ своихъ предковъ, довольно сильно, дабы ко всякимъ славнымъ подвигамъ благородныхъ людей понудить; и политика сія у Римлянъ толь далеко простиралась, что начала знатныхъ родовъ ихъ богамъ приписывали, о чемъ, яко свидѣтельствуетъ блаженный Августинъ, Варронъ, славный римскій писатель, тако изъяснялся, что полезно есть государству, чтобы знатные люди почитали себя отъ боговъ происшедшими; хотя сіе и не правда, но дабы мысль толь славнаго начала ихъ побуждала къ славѣ такъ же бы предпринимать и оканчивать величайшія дѣла *). Такія были мысли сего про-

свѣщеннаго народа на все то, что могло его славу и власть пріумножить; и самой естественный разсудокъ насъ клонитъ, что понеже, какъ всѣ лучшіе писатели признаютъ, что въ дворянствѣ честь и слава наиболше дѣйствуетъ, то, слѣдственно, не болѣе-ль сіи главности будутъ дѣйствовать въ томъ, которой съ самаго почти рожденія своего слышитъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видитъ ихъ изображенія, поминаетъ тѣ услуги, какими оные прославились, нежель тотъ, который видитъ отца своего въ нижніе чины офицерскіе происшедша (иль свыше) по старшинству службы, иль по проискамъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видитъ въ родителяхъ своихъ ничего толь преизящнаго, чтобы могло его къ славнымъ дѣламъ склонять, а имена предковъ уже во тьму праха скрываются. И не могу къ сему умолчать, чтобы не помянуть мнѣніе знатнаго наукою своею и знаніемъ въ законахъ барона Пуффендорфа, который изъясняется тако: обыкновенно чины не даютъ дворянства сами собою, но государь даетъ титулъ дворянина, кому заблагоразсудитъ, и прочее *). И тако, предложивъ, на чемъ основываю мое мнѣніе, что чинъ дворянской и его правы инымъ, окромя государя, ни кѣмъ даться не могутъ, яко сочиняющее единое изъ важнѣйшихъ правъ самодержавства: милость и бла-

*) Отрывки сочиненія о философіи Марка Теренція Варрона (род. въ 116 г. до Р. Х.) сохранены бл. Августиномъ (род. въ 354 г. по Р. Х.) въ сочиненіи «De civitate Dei libri XXII».

*) ***Puffendorfii***, De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo.

говоленіе свое къ нѣкоему лицу, не токмо на того самаго изліетъ, но и потомству предложитъ, и такъ, можно сказать, въ тлѣнныхъ подлунныхъ вещахъ нетлѣнную и вѣчную честь сдѣлаетъ; — осмѣлюсь приложить, что такое право, данное каждому разночинцу единымъ чиномъ офицерскимъ безъ разсмотрѣнія его поступковъ, ни мыслей, въ дворянское достоинство вступить, многимъ злоупотребленіямъ можетъ быть виною, то есть, что дабы дослужиться до чину офицерскаго, чѣмъ бы и титулъ дворянина себѣ пріобрѣсти, и видя то во власти каждаго командира, не отрекается дѣлать всѣ подлости и льстить его страстямъ для сниканія его благоволенія, что можетъ повредить и нравы его самого и нравы командующаго; достигши до чину офицерскаго и видя уже себя дворяниномъ, почти уже теряетъ побужденія въ важнѣйшіе чины происходить, а желаетъ токмо пріобрѣсти себѣ имѣніе, которымъ бы могъ пользоваться, проискиваетъ всѣ пути, не отвергаетъ ни единаго, который бы могъ его скорѣе до желаемаго конца довести; оттого могутъ произойти мздоимства, похищенія и прочія злы, которыя болѣе можно себѣ изобразить, нежели я могу описать.

3. И понеже главное основаніе дворянству есть честь, какъ то означено въ 360-мъ отдѣленіи Наказу Ея Императорскаго Величества: дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены *);

*) Наказъ, стр. 225.

и въ 361 отдѣленіи: какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а притомъ и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе въ чести, и уставлено, чтобы они пользовались разными преимуществами, основанными на сихъ вышесказанныхъ начальныхъ правилахъ *); и прочія предписанныя правила въ сей XV главѣ Наказа **); и, наконецъ, въ 375-мъ отдѣленіи: преимущества же дворянскія должны всѣ основаны быть на вышеписанныхъ начальныхъ правилахъ, составляющихъ существо дворянскаго званія ***), — то отъ сихъ святыхъ и ненарушимыхъ правилъ права и преимущества сего корпуса должно и произвести, о которыхъ, хотя и не сомнѣваюсь, чтобы почтенная выбранная Коммиссія мудрыя и благія положенія не учинила, однако, беру смѣлость и я нижеслѣдующее представить: 1-е. Дабы никто изъ разночинцовъ въ чинъ и право дворянское вступить инако не могъ, какъ по единой монаршей власти. 2-е. Что дворяне по единому имени своему имѣютъ уже преимущественное предъ другими чинами право служить отечеству, и тако, чтобы о сей службѣ и о преимуществахъ въ оной дворянамъ соблаговолено было нѣкое съ симъ корпусомъ, толико разъ показавшимъ свое усердіе къ отечеству, милосердое опредѣленіе учредить.

*) Тамъ же, стр. 225.
**) Тамъ же, стр. 225—228.
***) Тамъ же, стр. 228.

3-е. Дабы дворянинъ, безъ снятія съ него чину его дворянскаго, не могъ быть подвергнутъ чрезъ катскія руки наказанія, яко такое право шляхетство по военному процессу (части второй, главы шестой, пунктъ десятой) и имѣетъ о пыткѣ. 4-е. И понеже дворянство, какъ выше многажды имѣлъ случай упомянуть, отъ чести происходитъ и честью содержится, то является, что и непристойныя брани и руганія дворянина должны закономъ запретиться. 5-е. Право владѣнія деревень, яко вещь, обязующая его собственной его пользою къ службѣ отечеству, и есть вѣрной способъ ему себя содержать во всѣхъ мѣстахъ, куда будетъ угодно отечеству его употребить, одному же сему корпусу мнится за полезное оставить со правами свои домостроительскія произведенія употреблять и продавать и прочія, о которыхъ за напрасно почитаю упоминать, предая то, равно же и сіе, на разсмотрѣніе почтеннѣйшаго собранія. 6-е. Однако, не тщуся я лишить никакого званія людей преимуществъ, которыя чинятъ награду добродѣтели; весьма есть справедливо дѣлать оныя награжденія и воздаянія, гдѣ бы она ни обрѣталась; но, чтобы то дѣйствительно добродѣтель и награждалась, да и отъ того, кто единый такое награжденіе, потомству прелагаемое, естественно учинить можетъ, сирѣчь отъ монарха.

Подано сентября 12-го дня 1767-го году.

На читанной голосъ сентября 13-го дня господина депутата города Енисейска Степана Самойлова *)

Всепокорнѣйшее предложеніе.

Въ голосѣ своемъ означенной господинъ депутатъ предлагаетъ, дабы называемыхъ сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ и комплектъ и жалованье опредѣлены указомъ 1725-го году, сравнить съ россійскими дворянами. Предлагая при томъ многія якобы

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Значеніе Сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ выясняется изъ 2-го пункта наказа, даннаго депутату отъ гражданъ города Енисейска Степану Самойлову (Сб. И. Р. И. О., т. IV, стр. 157), въ которомъ говорится слѣдующее.

«Службы же исправляемъ слѣдующія: у прихода и расхода денежной и товарной казны и мягкой рухляди, у подушнаго окладнаго денежнаго сбора, сбираемаго съ государственныхъ крестьянъ и разночинцевъ, яко при немаломъ высочайшемъ Ея Императорскаго Величества интересѣ приходчиками и въ разныхъ мѣстахъ у покупки провіанта и другихъ касающихся матеріаловъ, коммисарами; также и за препровожденіемъ на кузнецкія и колыванскія линіи, яко чрезъ немалое разстояніе, для поставки на военнослужащія команды разнаго провіанта и фуража, судоваго отправленія казенныхъ всякихъ матеріаловъ и прочаго; и въ разныхъ ясашныхъ волостяхъ за сборомъ съ ясашныхъ иноземцевъ ясаку сборщиками; за привозомъ и отвозомъ въ разные губерніи, города и линіи денежной казны, гдѣ и продолжаемся по немалому времени. При томъ же находимся по разнымъ отдаленнымъ городамъ за случающимся слѣдствіемъ и возвращаемся какъ по отдачѣ вышеписанныхъ интересовъ денежной казны и прочаго, такъ и по окончаніи слѣдствіевъ въ домы на своихъ собственныхъ прогонахъ и наймахъ за свои платы, отъ чего и претерпѣваемъ великую скудость; бываемъ же за отводомъ и межеваніемъ государственныхъ земель и за случающимися не малыми командами и у полицейской должности; сверхъ же того, когда, будучи при городѣ, то находимся при письменныхъ въ енисейской канцеляріи дѣлахъ, гдѣ и чинимъ по указамъ исполненія и несемъ должность съ отягощеніемъ подъяческую, и у сочиненія о всякихъ суммахъ казенныхъ разныхъ счетовъ и прочаго, а единымъ словомъ заклю-

тягостныя службы, которыя они для сохраненія интересовъ Ея Императорскаго Величества несутъ, на что имѣю честь предложить.

1-е. Довольно намъ извѣстно по сибирской исторіи о первомъ завоеваніи Сибири казакомъ Ермакомъ Тимофѣевичемъ и о посылкѣ туда первыхъ воеводъ и съ ними войскъ въ весьма маломъ числѣ, да и то по большей части состоящихъ изъ козаковъ. И тако, почти первыя поселенія, учиненныя Россіянами въ Сибири, намъ извѣстны, что сіи посыланные козаки оныя тамъ учинили. Другія поселенія въ Сибири были учинены чрезъ посыланныхъ туда за нѣкія вины россійскихъ людей, такъ какъ и нынѣ многія чинятся. Третьяго роду поселенія отъ россійскихъ купцовъ, которые перешли туда для пріобрѣтенія себѣ прибыли отъ торговли мягкою рухлядью, которую за дешевую цѣну покупали, и какъ еще Сѣ-

чается, что ни малаго празднаго времени не имѣемъ; платья же и обуви намъ изъ казны выдавать не опредѣлено, но единственно довольствуемся покупкою изъ вышеписаннаго окладнаго жалованья отъ чего наибольшую въ пропитаніи себя скудость претерпѣваемъ; къ предписаннымъ же служеніямъ опредѣляемся не по собственнымъ своимъ выборамъ; между бы чего, чувствуя отягощеніе другъ предъ другомъ, могли равную тягость предостеречь, но властно съ единственнаго приказанія присутствующихъ». Упоминаемое здѣсь окладное жалованье показано въ голосѣ, поданномъ депутатомъ Степ. Самойловымъ (тамъ же, стр. 156): Дворяне, которымъ не дано земель, получали въ то время (съ 1725 г.) денежное и хлѣбное жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: дворяне — по 8 р. 82 коп. деньгами и хлѣбомъ по 5-ти четвертей и по 2 четверика ржи и по стольку же овса; дѣти боярскія — деньгами по 7 р. 4 коп., хлѣбомъ по 5-ти четвертей ржи и по 4 четверти и по 5-ти четвериковъ овса ежегодно.

верная Америка тогда не сыскана иль не весьма извѣстна была, оную съ великимъ барышемъ во всю Европу продавали.

Наконецъ, четвертой родъ поселенія былъ отъ бѣглыхъ крестьянъ изъ россійскихъ странъ, изъ коихъ многіе по разнымъ заводамъ жили и иные тамъ поселились, какъ то видно изъ указу 1720-го году апрѣля 20-го и іюня 18-го чиселъ. Такія суть начальныя россійскія поселенія въ Сибири, которыми и городъ Енисейскъ, о которомъ въ первой разъ упоминается въ 1611-мъ году въ данномъ наказѣ Мангазейскимъ воеводамъ князь Василію Масальскому и Савлуку Пушкину, почти не сумнительно есть населенъ; а не видно ни въ какихъ посылкахъ войскъ и ни по какимъ разряднымъ книгамъ, чтобы туда кто изъ дворянъ, для заведенія шляхетства тамъ, посыланъ былъ.

2-е. Не могу[1] я точнаго времени назначить, съ котораго государи повелѣли тамъ бывшимъ воеводамъ для нужды службы жаловать изъ казаковъ въ чины, то есть, дворяне сибирскіе и дѣти боярскія, о чемъ прилежно надлежитъ примѣтить, что разумѣніе сибирскаго дворянина не есть состояніе, но чинъ, который и отъ отца къ сыну не переходитъ, какъ сіе и во многихъ другихъ губерніяхъ и нынѣ въ обычаѣ есть такъ жаловать, и сходствіе сего имени не можетъ быть справедливою причиною, чтобы по немъ ко правамъ и преимуществамъ знатнаго чину шляхетскаго кому пріобщенну быть; да и самой ихъ господиномъ депутатомъ упоминаемой указъ 1725-го

году, какъ самъ онъ изъясняется, что по оному именованнымъ имъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ комплектъ и жалованье опредѣлено, не показуетъ ли, что они единое токмо имя дворянское имѣютъ, ибо какой законъ можетъ чину дворянскому число положить и естественнымъ произведеніямъ комплектъ уставить; и тако, понеже они ни званіемъ, ни дѣломъ не суть дворяне, то и требованіе такое, мнится мнѣ, принято быть не можетъ, яко противное всѣмъ правильнымъ положеніямъ государства и Наказу Ея Императорскаго Величества (раздѣленіе 360): дворянство есть нарицаніе, въ чести различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены; и не вижу я, какія-то великія и славныя заслуги дѣлаютъ, чтобы быть основаннымъ такое требованіе предлагать: сборъ ясака, въ чемъ, можетъ быть, и себѣ прибытокъ получаютъ, храненіе соли, провожаніе казны и подобныя заслуги суть ли довольно важны, дабы такой великой степени себѣ и потомкамъ своимъ просить. Напрасно хвалятся заслугами и великими дѣлами своихъ предковъ, они если были въ томъ числѣ, которые покорили Сибирь, были храбры, но вся Европа то гласитъ, свидѣтельствуютъ о томъ искуснѣйшіе въ воинскихъ дѣйствіяхъ народы, что и всѣ Россіяне храбры и арміи россійскія непобѣдимы суть, но въ храбрости и въ послушаніи состоитъ должность солдатская, побѣды же, яко плоды мудраго предводительства, приписуемы предводителямъ бываютъ; а и сіи храбрые воины, покорившіе Сибирь, не сами собою

то чинили, но подъ предводительствомъ дворянъ, которые тогда награжденія получили отъ милости монарховъ, а и они сами даніемъ имъ земель, спокойныхъ жилищъ и, наконецъ, жалованьемъ сугубымъ образомъ воздаяніе имѣютъ.

3. Предложа мои мнѣніи на голосъ господина Енисейскаго депутата, беру смѣлость представить, что дабы учредить нѣкое порядочное правленіе въ пространной странѣ Сибирскаго царства, дабы по мѣрѣ обширности своей оно могло довольную и пользу всей Россійской Имперіи приносить, мнится мнѣ, не безполезно учредить тамъ корпусъ дворянской, ибо гдѣ есть дворяне, тутъ есть имъ подданные, гдѣ есть дворянскіе подданные, тутъ есть земледѣліе и мануфактуры и, слѣдственно, богатство; а гдѣ есть богатство тутъ есть науки и художества. Однако мое представленіе не къ тому клонится, чтобы оныхъ сибирскихъ дворянъ сравнить въ Россіи Европейской съ россійскими старыхъ родовъ и выслуженныхъ дворянами, ибо тѣ могутъ въ спокойствѣ то пріобрѣтать, что россійскіе съ пролитіемъ крови себѣ снискали; такъ же бы и сіи, бывъ именемъ сибирскихъ дворянъ отъ губернаторовъ яко въ чинъ пожалованные, и не имѣющіе (правъ) дворянина, окромя одного имени, въ сіе право, если за благо принято будетъ, примѣшаться, окромя нижеписанныхъ обстоятельствъ, не могли, должны сего имени лишены быть; и тако, о заведеніи сего корпуса осмѣлюся, яко вѣрной сынъ отечества, мнѣнія мои предложить:

1-е. Губернаторъ можетъ получить

дозволеніе отъ Ея Императорскаго Величества таковыхъ въ Сибири дворянъ жаловать и давать имъ на то изъ губернской своей канцеляріи диплоны, но не инако, какъ дѣтей таковыхъ, которые до офицерскаго чину дослужились и сами уже офицеры, о которыхъ сверхъ того должно имѣть аттестаты, что служили не меньше двадцати лѣтъ, никогда въ подозрѣніи, въ штрафахъ и въ неприличныхъ дворянству поступкахъ не бывали.

2-е. Они черезъ пожалованіе свое въ дворяне получатъ право себѣ и потомству своему просить пустыя земли и покупать изъ Татаръ, изъ Калмыковъ и Бухарцовъ, а паче изъ заграничныхъ себѣ людей въ крестьяне, и ими сіи земли могутъ обработывать, а русскаго никого покупать не могутъ.

3-е. Если пріѣдетъ въ Россію сибирской дворянинъ, тотъ долженъ считаться въ вышней степени середняго роду людей и по чину своему почтеніе имѣть.

4-е. Всѣми прочими правами, каковыя соблаговолено будетъ учредить для россійскихъ дворянъ, таковые дворяне въ Сибири могутъ пользоваться, но не въ Россіи, развѣ которой уже диплонъ отъ Ея Императорскаго Величества на чинъ россійскаго дворянина получитъ.

5-е. Надлежитъ для сихъ дворянъ учредить школы самонужныхъ наукъ по главнымъ городамъ въ Сибири, дабы туда, елико можно, науки проникали, и если которые покажутъ отличную прилежность и подадутъ надежду, что могутъ и къ высочайшимъ наукамъ способны быть, таковыхъ по ихъ изволенію, иль

по изволенію родителей ихъ, въ установленной для таковыхъ комплектъ, въ академію наукъ и университетъ для окончанія наукъ посылать.

Впрочемъ, предая все сіе на разсмотрѣніе почтеннѣйшаго сего собранія, я считалъ бы себя совершенно счастливымъ, если бы въ чемъ ни есть могъ способствовать къ благополучію моего дражайшаго отечества и споспѣшествовать милосердымъ о насъ намѣреніямъ матери отечества нашей всемилостивѣйшей Государыни.

Подано сентября 17-го дня 1767-го году.

На читанную сентября 13-го дня герольдмейстерскую инструкцію на 1 пунктъ *)

Всепокорнѣйшее предложеніе.

Въ оной герольдмейстерской инструкціи въ первомъ пунктѣ между протчимъ изображено, чтобы ему имѣть трояківе списки, генеральные, имянные и порознь по чинамъ, также и что у кого дѣтей, и въ каковы лѣта, и впредь кто родится и умретъ мужеска полу, о вѣрномъ содержаніи которыхъ еще сверхъ того многими указами подтверждено. Но какъ многое является по сему не исполнено, то неисполненіе чего, мню, болѣе

отъ загрубѣлости нѣкоихъ и отъ неспособности учрежденія произошло, чего ради беру смѣлость нижеслѣдующее предложить.

1) Учрежденіе дворянскихъ собраній и бытіе во всякомъ уѣздѣ дворянскаго предводителя, является, по многимъ обстоятельствамъ весьма нужно для Россіи; отъ учрежденія же сихъ собраній естественно происходитъ, что каждой дворянинъ по какому городу себя долженъ написать, и тако не соблаговолено ли будетъ на таковыхъ предводителей, уже извѣстныхъ о числѣ дворянства въ ихъ уѣздѣ, и положить, чтобы они ежегодныя вѣрныя росписи о новородившихся, о женившихся и о умершихъ присылали, включая въ сіе число и женщинъ, ибо знаніе и о женщинахъ не малой нужды есть, дабы по женскому колѣну не поддѣлывали родословныя, и чрезъ то бы неправильно чужія имена себѣ не пріобрѣтали. Сей способъ тѣмъ легчайшій мню, является быть, что каждой дворянинъ, знавъ одно мѣсто, куда онъ написанъ, можетъ прежде установленнаго сроку собранія, въ канцелярію для отдачи предводителю, или во время самаго собранія предводителю увѣдомленіи самъ или чрезъ деревенскихъ своихъ управителей подать, и ничѣмъ отречись не можетъ, чтобы въ годъ не имѣлъ время иль случая извѣстія переслать.

2) О всемъ вышеозначенномъ, мнится мнѣ, должно письма съ засвидѣтельствованіемъ присылать, дабы впредь въ рожденіи и въ смерти кого спору быть не

могло, а и предводитель, оные при собраніи-жъ распечатавъ, вписавъ, иль отмѣтя о всемъ, о чемъ его увѣдомляютъ, единожды давъ знать о томъ герольдіи, отъ многихъ трудовъ ее избавитъ, и таковой порядокъ сохраняемой всегдашнее извѣстіе въ герольдіи о Россійскомъ дворянствѣ учинитъ, и воспрепятствуетъ впредь подъ имена чужихъ фамилій подбираться; и тако драгоцѣнное имя дворянина во всей чистотѣ своей сохраняясь, и слава предковъ побуждая каждаго къ службѣ отечеству и государю, новые успѣхи отечеству пріобрѣтетъ, о чемъ вкратцѣ предаю мои мнѣніи на разсужденіе почтенному собранію, а имѣлъ уже честь пространнѣе о семъ въ Коммиссію разбору наказовъ, яко служащее къ объясненію даннаго мнѣ отъ Ярославскаго дворянства наказа, представить.

Поданъ сентября 17-го дня 1767 году.

Проектъ о разборѣ дворянства.

Материнское попеченіе Всемилостивѣйшей нашей Государыни о благополучіи Ея подданныхъ какъ каждаго особливо, такъ и о всѣхъ; и между протчими знаками Ея къ намъ щедроты, учиненныя Ея Императорскимъ Величествомъ въ большомъ наказѣ примѣчанія о дворянствѣ подаютъ мнѣ смѣлость, по наложенной на меня должности отъ моихъ собратій, на разсмотрѣніе высочайшей властію установленной Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія слѣдующее предложить: яко во изъясненіе того, о чемъ бла-

*) Въ засѣданіи Коммиссіи 11 сентября маршалъ, по объявленіи, что частная Коммиссія о разсмотрѣніи родовъ государственныхъ жителей уже составлена, предложилъ Собранію начать чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ. Чтеніе продолжалось въ пяти засѣданіяхъ. Въ числѣ законовъ была 13 сентября прочитана инструкція герольдмейстеру 5 февраля 1722 г. (Полн. Собр. Зак. № 3896), вызвавшая печатаемое ниже заявленіе кн. Щ. Однородное, но болѣе пространное заявленіе было подано авторомъ въ частную Коммиссію для разбора наказовъ. На это послѣднее заявленіе — печатаемое далѣе — авторъ дѣлаетъ ссылку въ концѣ заявленія въ главную Коммиссію.

городное дворянство Ярославскаго уѣзду въ данномъ мнѣ наказѣ, въ раздѣленіи первомъ, во второмъ и протчихъ пунктахъ, препоручило мнѣ свою всеподданническую просьбу принести, то есть, [дабы соблаговолено было учинить вѣрные списки всего дворянства и содержать въ герольдіи; чтобы никто впредь подбираться подъ имена старинныхъ фамилій не могъ, ко исполненію чего слѣдующіе способы мнѣ удобны быть являются:]

1) Оные списки должны быть сочинены во время сочиненія проекта самаго закона.

2) Сообразуяся съ даннымъ намъ обрядомъ отъ Ея Императорскаго Величества, матери отечества, Коммиссія для разобранія старыхъ родословій и для сочиненія новыхъ должна состоять изъ пяти персонъ дѣйствительныхъ дворянъ, или чинъ и имя дворянское носящихъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть изъ знатнѣйшихъ фамилій, ибо, какъ сіе дѣло точно до всего дворянства, а паче до знатнѣйшихъ фамилій касается, то знатнѣйшій кто ни есть, хотя одинъ, и долженъ въ немъ участіе имѣть.

3) По избраніи своемъ сіи чины Коммиссіи во исполненіе препорученнаго имъ дѣла объявятъ чрезъ печатные листы во всѣ городы и уѣзды выбраннымъ дворянскимъ предводителямъ, гдѣ они есть, а гдѣ ихъ нѣтъ—въ канцеляріи, дабы оные объявили обрѣтающимся въ тѣхъ уѣздахъ дворянамъ, чтобы каждый, соглашась съ протчими своими однородцами, чрезъ полъ года по публикаціи сихъ листовъ, отъ старшаго того роду, если которой родъ о такомъ старшемъ подлинно извѣстенъ, иль отъ старшаго по чину (для того, что не всякой родъ можетъ прежде сочиненія обстоятельныхъ родословныхъ и знать, кто у нихъ старшій по степени, и тако сіе таковому старшему впредь осужденія быть не должно) присылали свои родословныя за подписаніемъ всѣхъ той фамиліи, а понеже часто и одна фамилія въ разныхъ уѣздахъ, или по своимъ деревнямъ, или по бытности ихъ въ службѣ, жительство имѣетъ, того ради, если кому къ общей своего роду родословной подписаться самому не можно, то оный главный или старшій долженъ отъ такихъ представить вѣрющія письмы, засвидѣтельствованныя въ канцеляріи или въ какой командѣ, которыя равную силу подписки того будутъ имѣть, и при сихъ родословіяхъ прилагать, кто имѣетъ гербъ съ самымъ лутшимъ доказательствомъ.

Оныя же повѣренныя письмы должны быть писаны такимъ образомъ:

Государь мой

Понеже вы по вашему чину (иль по старшинству въ родѣ) должны быть отъ нашего рода подателемъ родословныхъ вѣдомостей въ Коммиссію о герольдіи, того ради чрезъ сіе вамъ сообщаю, что я имя рекъ, стольких лѣтъ, женатъ на имя реки (ежели кто женатъ) рожденной такой фамиліи, въ такомъ году, имѣю дѣтей, сына, рожденнаго году, мѣсяца и числа, имѣющій свои вотчины въ такихъ-то уѣздахъ, есть

сынъ имя рекъ, внукъ имя рекъ, что нашей фамиліи имя рекъ мнѣ родной дядя, братъ отца моего, имя рекъ двоюродной дядя, двоюродной братъ отца моего, сынъ имя река роднаго брата дяди моего, что имя рекъ мнѣ братъ родной, имя рекъ мнѣ братъ двоюродной (а далѣе двоюродныхъ и дѣдовъ не писать, а если кто сего не можетъ, то и менѣе родства написать можно), вамъ въ подачѣ таковой сказки вѣрю и дальнѣйшую (ежели кто можетъ) родословію какъ о мужескѣ, такъ и о женскѣ полѣ, за моимъ же подписаніемъ и съ засвидѣтельствованіемъ прилагаю, и сіе мое письмо вмѣсто подписи служитъ; къ чему герба нашей фамиліи (или за неимѣніемъ герба обыкновенную мою печать) прилагаю и пребуду:

Чинъ, имя, отечество.

Оныя родословныя вѣдомости должны сочиняться слѣдующимъ образомъ: княжескія россійскія и выѣзжія фамиліи отъ ихъ начала или выѣзда, если возможно со изъясненіемъ лѣтъ, съ прописаніемъ службъ и съ назначиваньемъ мѣстъ погребенія, а ежели сего не можно, то хотя единыя имена съ показаніемъ, кто живъ, кто умеръ, въ числѣ живыхъ и умершихъ писать и женщинъ, колико возможно, или колико память застигнетъ.

Пожалованные въ княжеское и графское достоинство, не захватывая свою фамилію отъ дальнѣйшихъ временъ (а токмо прописавъ, что отъ такой фамиліи начало имѣетъ), должны писать съ самой той персоны, которая таковымъ достоинствомъ пожалована была, съ прописаніемъ службы, лѣтъ и мѣста погребенія, такъ же прописывать, на комъ были женаты и за кого дочери были выданы, отличая живыхъ отъ мертвыхъ, и понеже таковыя достоинствы недавно стали даваться, то нетрудно о всемъ ономъ обстоятельно знать.

Верстаннымъ и пожалованнымъ дипломами въ дворянское достоинство, не захватывая далѣе свои роды, прописывать токмо того, которой былъ поверстанъ въ окладъ, въ которомъ году и въ которомъ уѣздѣ ему былъ окладъ данъ (а ежели того не могутъ, то доказательство свое отъ имѣнія за собою дачъ во время сочиненія писцовыхъ книгъ производить и таковыя въ верстанныхъ должны счисляться)—иль пожалованъ дипломомъ съ прописаніемъ его потомства мужескаго и женскаго половъ, за кого выданы, и на комъ женаты были, гдѣ служили, и протчее противу вышеписаннаго елико возможно, также съ означеніемъ о живыхъ съ прописаніемъ ихъ лѣтъ.

Дослужившіеся по чинамъ своимъ до чину дворянскаго также, не захватывая далѣе, должны начинать писать съ того точно, которой дослужился, назначивая его службу, о мущинахъ и о женщинахъ его потомства со всѣми вышеозначенными обстоятельствами.

Я не уповаю, чтобы знатныя, княжескія и графскія фамиліи, въ сіи достоинства произведенныя, иль протчія почли себѣ за обиду, что далѣе ихъ

роды не изыскиваются, конечно и слава того ихъ предка, иль ихъ самихъ, которые сіи вышнія достоинствы получили, довольно велика, дабы къ почтенію, достойному имъ, всѣхъ благоразсудныхъ людей принудить, ибо премудрые государи, которыми Россія имѣла счастіе быть управляема, и нынѣ есть, конечно толь знатные титулы, не раздавали инымъ, какъ токмо тѣмъ, которые дѣйствительно достойны ихъ носить, и тако родители довольно, по родословіямъ тѣхъ родовъ, откуда оные произошли, и по хранимымъ разряднымъ книгамъ, извѣстные, хотя въ сихъ родословныхъ включены и не будутъ, въ гробахъ (если что свѣтское тронуть ихъ можетъ) своихъ порадованы будутъ, что произвели такое потомство, которое при новомъ положеніи Имперіи и при новыхъ обстоятельствахъ, не токмо сравнялися имъ, но уже и превзошли ихъ.

Сверхъ же того не мню, чтобы кто довольно не благоразсуденъ былъ, чтобы кто изъ пожалованныхъ диплонами, изъ верстанныхъ и изъ происшедшихъ по чинамъ своимъ въ дворянское достоинство, восхотѣлъ къ другимъ родамъ подбираться и за лутчее бы почелъ отъ роду дѣйствительнаго своего отпереться, чтобы славу свою съ ущербомъ своей чести съ другимъ раздѣлить, что единому ему, яко первому своего рода принадлежитъ, но какъ нѣкоторой несправедливой стыдъ можетъ къ сему иныхъ довести, того ради не повелѣно ли будетъ единожды на всегда объявить, что если кто въ таковомъ преступленіи явит-

ся, тотъ яко дѣйствительно показавшій себя недостойнымъ того достоинства, которое онъ носитъ, изъ числа дворянъ и отъ правъ ихъ будетъ исключенъ.

4) Хотя почти всѣ старинныя фамиліи имѣютъ свои гербы, иль по мѣстамъ прежнихъ владѣній ихъ, иль тѣ, каковые имѣли ихъ праотцы въ странахъ, откуда выѣхали, но доказательствъ прямыхъ не во многихъ, мню, родахъ можно сыскать, того ради, если чей гербъ засвидѣтельствованъ и утвержденъ, какъ нѣколикой долговременностію, такъ и отъ протчихъ древнихъ фамилій, тѣмъ гербамъ при тѣхъ фамиліяхъ и остаться повелѣно бы было, графскіе же и жалованные диплонами дворяне всѣ гербы свои по тѣмъ диплонамъ доказать могутъ, что же касается до такихъ, которые гербы свои потеряли, а впротчемъ доказательствы имѣютъ о древности и дѣйствительномъ дворянствѣ ихъ, такимъ дать разрѣзанные на двое щиты разноцвѣтные съ девизомъ, *что древность истребила, то добродѣтель обновитъ* [иль какъ инако за благо разсуждено будетъ], имѣя при томъ право по заслугамъ своимъ у Ея Императорскаго Величества просить такой дополнки; а которые никогда гербовъ не имѣли, яко верстанные, иль дошедшіе по чинамъ своимъ до степени дворянской, тѣмъ бы повелѣно было печататься пустыми щитами, коронованными дворянскимъ шлемомъ по блазону, что еще побудитъ оныхъ дворянъ, вящимъ своимъ усердіемъ къ службѣ отечества и государю, оной пустой щитъ стараться наполнить, и спрося

себѣ въ награжденіе, за оказанныя вновь какія важныя услуги, нѣкоторой знакъ въ свой щитъ пустой.

5) По полученіи вышеозначенныхъ родословныхъ, учрежденная Коммиссія должна ихъ разобрать по степенямъ старшинства фамилій, къ чему могутъ въ помощь къ себѣ еще потребовать, именно кого изберутъ способнаго къ сему дѣлу, и, размѣтя номерами ихъ старшинство (стараяся при томъ и съ старыми книгами герольдіи не разбиваться, развѣ въ чемъ въ тѣхъ очевидныя ошибки явятся) повелѣть съ самой вѣрностью ихъ вписать въ нарочно учрежденную книгу съ означиваньемъ и изъясненіемъ ихъ гербовъ, и не токмо всѣмъ при ономъ дѣлѣ бывшимъ коммиссіонерамъ каждой листъ съ означиваньемъ числа кружковъ, но также и самъ податель, иль повѣренной отъ него, долженъ подъ своей фамиліей съ коммиссіонерами подписаться, и сіи при герольдской архивѣ должны храниться; подлинные же подаваемые листы, разобравъ въ подобной же порядокъ, переплетши, отдать для сохраненія въ вѣчность, куда безопаснѣе заблагоразсудится, и для долголѣтнѣйшаго сохраненія за лутчее бы почиталъ, ежели гдѣ можно, повелѣть оныя родословныя писать на пергаментѣ. Сверхъ сего, каждой старшій въ родѣ долженъ на свой коштъ для вѣдома своего повелѣть списать таковой точно списокъ, каковой въ Коммиссію поданъ, которой тогда же долженъ быть коммиссіонерами сличенъ и за подписаніемъ ихъ, также и за печатью коммиссіонерскою, ему для

вѣдома отданъ; такимъ образомъ въ вѣчность преданныя и не могущія почти погибнуть родословныя, желаніе услугами своими вѣчно прославиться и жить въ памяти у потомства умножится, и польза Имперіи произойти можетъ, и тѣмъ должность или дѣло сихъ коммиссіонеровъ кончится.

РАЗДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Таковыя сочиненныя родословныя книги, если токмо на семъ и остаться, не могутъ быть довольны къ желаемому предмету о всегдашнемъ извѣстіи о состояніи Россійскаго дворянства, если оныя вѣрными дополненіями во всегдашнемъ ненарушимомъ порядкѣ содержаны не будутъ. Того ради за нужное почитаю и о всегдашней должности герольдіи касательно до сего дѣла упомянуть.

1) Президентъ герольдіи, является мнѣ, долженъ быть единой изъ знатнѣйшихъ фамилій, и сіе право на единое мѣсто въ толь пространной Имперіи, мнится, протчіе могутъ безъ оскорбленія уступить единому изъ потомковъ тѣхъ, которые въ теченіи многихъ вѣковъ, во многіе роды, является, токмо для того кровь свою потомству прелогали, чтобы и оно готово было для службы отечества ее пролять—и при немъ два совѣтника изъ протчихъ дворянскихъ фамилій. Оные, какъ президентъ, такъ и члены по одному каждой годъ должны смѣняться, дабы ни одинъ болѣе трехъ лѣтъ тутъ не присутствовалъ.

2) Пространство Россійской Имперіи толь велико, что сіи три человѣка, коли-

кимъ бы разумомъ и трудолюбіемъ одарены ни были, не могутъ сами собою одни сей порядокъ содержать, чего ради за нужное почитаю, дабы во всякомъ уѣздѣ собраніемъ дворянскимъ единой былъ выбранъ въ герольды того уѣзду, о должности которыхъ здѣсь ниже упомянется.

3) Установленная же герольдія будетъ получать присылаемыя къ ней всѣ извѣстіи отъ протчихъ уѣздныхъ герольдовъ и по онымъ надлежащимъ образомъ въ книги имена новорожденныхъ, умершихъ, о бракахъ мущинъ и женщинъ, о произвожденіяхъ и протчее вносить иль отмѣчать и должна тѣ репорты сохранять.

4) Продолженіе многихъ вѣковъ наконецъ можетъ учинить тѣ книги, которыя Коммиссіей будутъ сдѣланы, недостаточными для вмѣщенія прибавляющихся, того ради, если герольдмейстеры такую надобность усмотрятъ, то могутъ и дополненіи въ особливо переплетенныхъ книгахъ дѣлать, и оныя, равно какъ и прежнія, хранить, и каждой членъ, присутствующій въ герольдіи, долженъ бы былъ истребовать отъ протчихъ своей фамиліи повѣренныя письмы, и прежде смѣны своей къ прибавленіямъ во утвержденіе вѣрности ихъ подписаться.

5) Когда же кто пожелаетъ свою родословную изъ герольдіи выписать, въ томъ чтобы герольдія не токмо ему трудностей не дѣлала, но напротивъ того о скорѣйшемъ его удовольствіи старалась и выдала бы ему ту родословную, написанную на паргаментѣ, за под-

писаніемъ тогда обрѣтающихся герольдмейстеровъ и за герольдскою печатью.

6) Если кто изъ дворянъ впадетъ въ такое преступленіе, что по оному долженъ быть изъ числа дворянъ исключенъ, тогда бы герольдія должна была, учиня экстрактъ изъ производства дѣла, въ силу онаго заключить свое опредѣленіе о выключеніи онаго изъ числа дворянъ, что торжественнѣйшимъ образомъ должно исполняться, а именно: взявъ то опредѣленіе, герольдскіе чины должны итти въ вышнее правительство и при полномъ собраніи онаго, и ежель можно въ присутствіи самого виновнаго, то опредѣленіе подписать, послѣ чего, возвратясь въ свое присутствіе, должны къ старшему по линіи того роду, къ герольду и предводителю того города, по которому онъ пишется, послать извѣстіе, дабы и они, увѣдомивъ о томъ его исключеніи протчихъ дворянъ того уѣзда, его въ числѣ дворянъ не считали и писемъ отъ него и всякихъ увѣдомленій не принимали (ибо, если во время его осужденія жена его уже была брюхата, то и о семъ рожденіи должна та команда, гдѣ онъ обрѣтается, а не самъ онъ, городоваго герольда увѣдомить), также бы и старшій въ родѣ, какъ самъ извѣстенъ былъ, такъ бы и протчимъ своимъ однородцамъ сообщилъ, чтобы отъ числа ихъ родственниковъ они его исключили.

7) Таковой, лишенной чину дворянскаго человѣкъ, не токмо уже подвергнутъ ко всякому публичному наказанію по его винѣ, но также, ежель живъ

останется, лишается всякаго права дворянскаго, каковое они имѣютъ, иль пріобрѣсти могутъ, дѣти же его мужеска и женска полу, рожденные прежде преступленія, иль которымъ жена его и въ самое то время брюхата находится, права и преимуществъ дворянскихъ не лишаются, токмо чтобы малолѣтніе отъ него отнимались и отдавались воспитываться его родственникамъ, дабы сѣмя пороковъ, каковое могли отъ рожденія имѣть, хорошимъ воспитаніемъ могло истребиться.

8) Если же таковой преступникъ женатъ, и жена его безвинная и рожденная дворянка, не взирая на его преступленіи, церковное обязательство сохраняя, пожелаетъ и съ шельмованнымъ мужемъ жить, то уже рожденныя отъ нихъ, послѣ шельмованья его, дѣти въ числѣ дворянъ считаться не могутъ, однако ради добродѣтельной и знатнорожденной матери, мнится мнѣ, что дать имъ такое право принадлежитъ, что если они войдутъ въ службу и своимъ безпорочнымъ и добродѣтельнымъ поступкомъ могутъ доказать, что толь есть добродѣтельны, коль отецъ ихъ порочень былъ, и достигнутъ штабскаго чину, то, взявъ атестаты отъ своихъ командировъ, имѣютъ уже право просить о диплонѣ на дворянство, которой бы имъ и давать соблаговолено было, начиная ими новой родъ, яко выслуженныхъ, а къ старымъ и ни къ какимъ того правамъ примѣшиваться бы не могли. Если же таковой преступникъ былъ женатъ, или женится

не на дворянкѣ послѣ его шельмованья, то уже дѣти ихъ, такъ какъ простолюдины, остаются, и права о диплонѣ просить не имѣютъ.

9) Не должны же законы толь строги быть, чтобы къ покаянію мѣста не оставляли, и тако, колико бы кто преступникъ ни былъ, если покаяніемъ своимъ, или какой великой услугою, или претерпя нѣсколько, милосердіемъ монарха возвращенъ въ первое достоинство будетъ, тогда герольдія, получа на то указъ, должна вѣчному забвенію дѣло предать, и о такомъ забвеніи во всѣ надлежащія мѣста сообщить и родъ его вести по прежнему.

10) Исключеніе изъ дворянства, которое наказаніе тягчѣе смерти почитаю, ибо смерть, окончa единожды преступную жизнь, далѣе простереться не можетъ, а таковой стыдъ, на потомство преложенной, является смертную казнь въ роды прелагать, и тако весьма должно быть осторожнымъ въ наложеніи сего наказанія, и мню, что оное должно токмо за слѣдующія вины чиниться, по которымъ уже тотъ и къ смертной казни подвергнутъ, а именно: 1) за явную измѣну, то есть, сообщенія секретовъ непріятелямъ, уходъ съ командою, за сдачу за деньги города, 2) за явной бунтъ, яко кто вооруженной противу отечества найдется, 3) за явно доказанной умыселъ на здоровье государево тайнымъ или явнымъ образомъ, 4) за поносительныя слова противу государя, то есть, за такія, которыя къ возмущенію клонятся, и въ

сей мысли говорены, яко поносительныя и возмутительныя рѣчи, въ публичныхъ собраніяхъ и къ народу, 5) за тайныя и явныя измѣнническія убійствы, 6) за разбои и грабленіи насильные, 7) за сочиненіе фальшивыхъ крѣпостей и 8) за торгъ и продажу правосудія; а болѣе ни за какія, мнится мнѣ, дворянинъ не долженъ быть подверженъ ни къ какому публичному, чрезъ катскія руки, наказанію и дворянство отниматься не можетъ, ибо, мню, лучше нѣкое помилованье съ виновными сдѣлать, нежели строгимъ наказаніемъ уподлить родъ людей, изъ толь древнихъ лѣтъ посвятившій кровь свою для службы государства.

11) Сверхъ того герольдія всегда должна имѣть въ готовности свои книги для отвѣту на справки, которыя могутъ воспослѣдовать въ наслѣдственныхъ дѣлахъ, ибо, зная происхожденіи и супружествы, легко по книгамъ оной можно будетъ узнать, кому послѣ кого наслѣдствы принадлежатъ.

12) При герольдіи долженъ обрѣтаться единой человѣкъ на особливомъ жалованьѣ для сочиненія гербовъ тѣмъ, кому они будутъ въ прибавокъ, иль вновь даваны, и о сихъ также должна герольдія того уѣзду, по которому кто написанъ, предводителя, и того роду старшаго увѣдомлять, записавъ прежде въ свои книги объ ономъ вновь пожалованіи, иль прибавленіи.

13) Герольдіи же принадлежитъ писать даваемые дипломы на дворянство, и по которому городу кто себя пожелаетъ написать, того ради предводителя и герольда того уѣзду увѣдомлять и о принятіи его въ то дворянство репорту требовать, а до полученія сего репорту въ новой листъ книги родословной его фамиліи не вписывать.

РАЗДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О должности уѣздныхъ герольдовъ.

1) Если ежегодныя дворянскія собраніи учредятся, тогда выбранной предводитель можетъ между протчихъ, на него наложенныхъ, должностей имѣть чинъ герольда того уѣзду.

2) Онъ имѣетъ должность взять родословныя отъ всѣхъ дворянъ того уѣзду, цѣлыхъ родовъ, если которые цѣлыми родами въ томъ уѣздѣ жительство имѣютъ, а ежели кто не цѣлыми родами, то тѣхъ колѣнъ родовъ приписанныхъ дворянъ къ тому уѣзду, наблюдая, чтобы они были написаны противу вышеписаннаго въ первомъ раздѣленіи пункта „3-го“.

3) Такія родословіи онъ долженъ, сообщась съ главною герольдіею, переплести по № въ книгу и положить для соблюденія въ архивъ, всѣмъ же присутственнымъ и отсутственнымъ чрезъ печатные листы объявить, что каждой годъ имѣетъ быть собраніе въ такомъ мѣсяцѣ, чего ради каждой изъ тѣхъ, кто женится, у кого кто родится, долженъ сообщить письмы, засвидѣтельствованныя за священниковыми, совершающими тѣ таинствы, руками, а ежели можно, хотя бы и отъ командъ засвидѣтельствованныя съ прописаніемъ, на комъ кто женился, скольких она лѣтъ,

какого роду, иль кто родился, котораго числа, кто крестилъ и протчія обстоятельствы; также, если кто произведенъ во что; если кто и умеръ, то наслѣдникъ равнымъ же образомъ долженъ въ то собраніе, гдѣ прежній былъ написанъ, сообщить, когда тотъ умеръ, скольких лѣтъ, и гдѣ погребенъ, и всѣ такія письмы должны быть за руками и за печатьми самихъ посылателей, и въ назначенной срокъ чрезъ ихъ деревенскихъ управителей со вписаніемъ въ книгу въ канцеляріи того города вручены.

4) При начатіи съѣзда герольдъ и предводитель того уѣзду получаетъ сіи письмы съ реестромъ отъ канцеляріи, и при публичномъ собраніи всего того дворянства, которое на собраніе съѣдется, оныя письмы, по числамъ ихъ полученія назначенныя номерами, распечатываетъ, и освидѣтельствовавъ руки и печати, въ прежде уже учрежденной книгѣ родившихся включаетъ, выданье дочерей и женитьбы мущинъ означиваетъ, произведеніи вписываетъ, и умершихъ отмѣчаетъ, и потомъ, вписавъ письмы, складываетъ и отдаетъ для сохраненія въ архиву; изъ вписанія же разныхъ оныхъ вещей въ книгу долженъ сочинить списокъ обстоятельной, и оной единой за подписаніемъ всего тутъ обрѣтающагося дворянства оставляетъ въ архивѣ, а другой, точно таковой же и съ таковыми же подписами, долженъ отослать въ главную герольдію.

5) Если же кто презритъ таковыя вѣдомости о себѣ, о супружествѣ-ль,

о рожденіи-ль, иль о чемъ другомъ вышеписанномъ, въ два года прислать, таковому, мнится мнѣ, должно учредить нѣкой не малой штрафъ отъ существа вины происходящій, какой заблагоразсуждено будетъ, ибо таковое установленіе, если за благо принято будетъ, есть для общей полезности дворянской, то каждой дворянинъ о порядочномъ его сохраненіи и долженъ стараться.

6) Въ ономъ же собраніи герольдъ по вышеозначеннымъ пунктамъ надлежащіе журналы и отмѣтки по сообщеніямъ отъ главной герольдіи, всѣ въ присутствіи и съ засвидѣтельствованіемъ всѣхъ дворянъ, производить долженъ.

Поданъ сентября 17-го дня 1767 года.

На читанный голосъ господина депутата Днѣпровскаго пикинернаго полку Якова Козельскаго *).

Покорнѣйшее предложеніе.

Означенный господинъ депутатъ во первыхъ представляетъ, якобы и всѣ

---

*) *Примѣчаніе редакціи.* Многими депутатами отъ дворянства было высказано желаніе, чтобы впредь достиженіе извѣстнаго чина не давало само по себѣ права на дворянское достоинство, но чтобы это достоинство сообщалось неродившемуся дворяниномъ не иначе, какъ пожалованіемъ его самимъ Монархомъ. Другіе депутаты—главнымъ образомъ депутаты Малороссійскаго и Новороссійскаго дворянства, казачьихъ войскъ, городовъ и однодворцевъ—отстаивали постановленія Петра Великаго. Въ числѣ этихъ послѣднихъ депутатовъ, въ засѣданіи 21 сентября, подалъ письменное мнѣніе депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка Яковъ Козельскій. Въ его мнѣніи говорилось между прочимъ (Сб. Р. И. Об. т. IV стр. 187): «Изъ прочитанныхъ законовъ о дворянствѣ видно, что достоинство это получило *начало отъ самыхъ незнатныхъ фамилій...* И такъ, ежели предки Россійскихъ дворянъ начало своего достоинства получили чрезъ награжденіе по своимъ заслу-

древнія россійскія дворянскія фамиліи отъ низкихъ родовъ произошли, и якобы нынѣ оные древніе дворяне по пышности своей не желаютъ впустить въ такое достоинство достойныхъ тому людей, на что имѣю честь представить:

Я весьма удивляюся, что оной господинъ депутатъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи порицаетъ, тогда, когда не токмо одна Россія, но вся вселенная свидѣтелемъ противному можетъ быть, и ко опроверженію сего довольно, мню, историческаго представленія: единые Россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ по нисходящей линіи отъ великаго князя Владиміра, другіе выѣхавшіе знатные люди отъ коронованныхъ же главъ свое начало ведутъ, еще многіе, хотя и не отъ коронованныхъ главъ начало свое имѣли, однако отъ весьма знатныхъ людей происходили, и, выѣхавши уже въ службу къ великимъ князьямъ Россійскимъ, многія столѣтіи древности своей считаютъ, которое время еще украсили великими учиненными ими службами отечеству. То какъ нынѣ возможетъ въ лицахъ своихъ депутатовъ собранная

гамъ за вѣрность и добродѣтель, а *не чрезъ знатность рода*, то потомки ихъ не должны бы умалять и презирать офицерскіе чины...» Это мѣсто въ «голосѣ» депутата Козельскаго вызвало въ томъ же засѣданіи горячій протестъ со стороны кн. Щербатова, выраженный въ ниже печатаемомъ его «предложеніи». Предложеніе это, какъ замѣчено въ дневной запискѣ названнаго засѣданія (ibid. стр. 193), князь Щербатовъ «говорилъ и окончилъ съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно».

Россія слышать нареканія подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ услуги ей свои показали, какъ она не воспомянетъ пролітую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! свидѣтель будь мнѣ дрожайшее отечество въ услугахъ, тебѣ учиненныхъ отъ вѣрныхъ твоихъ сихъ древнихъ фамилій дворянъ! вы будьте свидѣтели мнѣ, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы по волѣ нашей Монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! не вы-ли были во власти хищныхъ рукъ? вы, Божественные храмы, не были-ли вы посрамлены отъ иновѣрцовъ? Кто-же въ гибели твоей Россія тебѣ руку помощи подалъ? то вѣрные твои чада, древніе Россійскіе дворяне! они, оставя все и жертвуя свою жизнь, они тебя отъ чуждаго ига свободили, они тебѣ прежнюю вольность пріобрѣли! Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей, напоминающую ихъ потомкамъ тоже исполнять и также жертвовать своей жизнью отечеству, какъ они учинили.

Вотъ первое право требованій древнихъ родовъ дворянъ, дабы никто безъ Высочайшей власти съ ними сравненъ не былъ; но сіи, любовію къ отечеству побуждены, не затворяютъ пышностію врата добродѣтели, а хотятъ, чтобы кто къ нимъ въ собратство войти желаетъ, тотъ-бы того удостоился дѣйствительной добродѣтелью, которую-бы и самъ монархъ чиномъ дворянскимъ увѣнчалъ.

Поданъ сентября 21-го числа 1767 году.

На читанные законы сентября 25-го числа *).

Всепокорнѣйшія примѣчанія.

Въ Уложеніи—глава „10“ статья „260“—напечатано, что если россійской купецъ долженъ чужестранному купцу и Россійскимъ, то сперва должно съ него долгъ чужестраннаго доправить, а Русскимъ людямъ велѣть на немъ долгъ ихъ править послѣ, что еще и многими указами подтверждено, на что имѣю честь предложить:

1-е. Не буду я тщиться по подражанію многихъ древнихъ націй, также нѣкоторыхъ Европейскихъ, нарушать должное страннопріимство чужеземцамъ, толь славное и полезное тому государству, куда они приходятъ; но также за справедливое почитаю, чтобы имъ и преимуществъ надъ рожденными земляками не давать, къ чему, является, вышеозначенной законъ клонится; колико могу усмотрѣть предметъ онаго, то мнится мнѣ, что онъ тогда былъ сочиненъ для привлеченія чужестранныхъ для торговли въ Россію, и дабы тогда пріучить Европейскіе народы съ Россіей, еще незнаемой ими, торгъ производить, а можетъ быть, что тогдашняя и ненависть Россіянъ къ чуже-

страннымъ причину къ сему подала, но какъ нынѣ страннопріимство Россіянъ къ чужестраннымъ довольно всему свѣту извѣстно, то таковое право преимущественное предъ природными, мнится, можно отмѣнить, которое само собою со многими неудобствами сопряжено, яко разореніе великаго числа природныхъ Россійскихъ купцовъ къ обогащенію чужестранныхъ, которые не токмо опасаются уже падающему купцу деньги задавать, но вяще получа отъ него товаръ за дешевую цѣну, наконецъ его самого въ неоплатность, кромѣ себя однихъ, доводятъ, а паденіемъ того многимъ другимъ Россійскимъ купцамъ разореніе приключаютъ; имѣя всегда довольную прибыль, иль въ дешевизнѣ покупки, иль преимущественной заплатѣ имъ, что, мню, немалую препону и къ распростертію торговли Россійскому купечеству чинитъ, и тѣмъ наипаче, что Россійскіе купцы взаимственнымъ образомъ нигдѣ подобнымъ правомъ не пользуются. А можетъ быть сей законъ подалъ причину къ злоупотребленію, противу котораго творецъ и интересовъ Европейскихъ разсмотрѣнныхъ касающе до торговли вопіетъ: „то будетъ учинить великую услугу россійской торговлѣ, если отмѣнить обыкновеніе договоровъ (которые онъ называетъ) браку, сирѣчь покупать въ долгъ на шесть мѣсяцевъ или въ годъ, а продавать на чистыя деньги, всѣ или отчасти товары иль земледѣльческія произведенія за полъ года или за годъ прежде“.

*) *Примѣчаніе редакціи.* Въ засѣданіяхъ Коммиссіи съ 25 сентября по 19 ноября 1767 г. читались законы «о купечествѣ». Въ засѣданіи 2 октября кн. Щербатовымъ представлены нижеслѣдующія «примѣчанія» на постановленіе Соборнаго Уложенія 1649 г. о преимущественномъ правѣ на удовлетвореніе долговыхъ претензій иностранныхъ купцовъ предъ Россійскими, каковыя постановленія были подтверждены указами 1671 и 1674 г. (Полн. Собр. Законовъ т. I, №№ 497 и 579).

сей обычай есть совершенно вреденъ продавцамъ и купцамъ національнымъ, а полезенъ торгующимъ чужеземцамъ, которые впередъ задаютъ свои деньги съ великими процентами, а паче по дешевой цѣнѣ ихъ покупали.

2-е. Можетъ быть нѣкоторые на предложеніи мои учинятъ слѣдующія возраженія: 1) что отнятіе таковаго права отниметъ охоту у чужестранныхъ купцовъ производить торгъ съ Россіею; 2) что сіе можетъ нарушить кредитъ толь нужной для торговли. На сіе отвѣтствую: каждая торговля имѣетъ въ предметъ себѣ прибытокъ, который пока будетъ торгующимъ народамъ представляться, всегда сія охота и желаніе оную продолжать пребудетъ, а какъ несумнительно есть, что всѣ торгующіе съ Россіею народы немалую пользу себѣ отъ сей торговли получаютъ, то отнятіе сего права ихъ отъ сего торгу отвратить не можетъ. Къ сему осмѣлюся еще предложить, что въ равновѣсіи торговли Россія по большей части получаетъ отъ чужестранныхъ народовъ такія вещи, которыя болѣе къ сластолюбію служатъ, вмѣсто что тѣ вывозятъ изъ Россіи самыя нужныя вещи, безъ которыхъ почти имъ и обойтиться не можно. Кредитъ, толь нужной въ торговлѣ, сіе нарушить не можетъ-же, когда въ правѣ о долгахъ чужестранные сравнены будутъ съ Россійскими купцами, между которыхъ сохраненіе кредиту не меньше нужно, какъ между чужестранными и Русскими; и могутъ-ли сходственно

со справедливымъ разсудкомъ роптать сіи чужестранные за то, что Россія отмѣнна въ человѣколюбіи предъ всѣми Европейскими народами, отверзаетъ свои врата всѣмъ народамъ торгующимъ людямъ, и въ правѣ о долгахъ сравниваетъ ихъ съ своими природными гражданами.

3-е. Но, дабы отнятіе вышеозначеннаго права не могло подать причины къ какому злоупотребленію и притѣсненію чужестранныхъ, а паче въ отдаленныхъ отъ столицъ городахъ, гдѣ таковые чужестранные, бывъ судимы Россійскими судьями, которые могутъ по нѣкоимъ пристрастіямъ для одноземцовъ, свойственниковъ и друзей своихъ нѣкую отмѣну къ нимъ показать, того ради мнится мнѣ, чтобы небезполезно было, учредить для чужестранныхъ купцовъ опекунство, которому бы они могли чрезъ единыя письмы изъ всѣхъ мѣстъ жалобы свои въ неправосудіяхъ, въ волокитѣ, и въ притѣсненіяхъ по ихъ долгамъ приносить, которое бы съ своей стороны прилагало стараніе, дабы каждый чужестранной могъ равно съ Россійскимъ безъ всякой ему обиды и притѣсненія удовольствованъ быть, о чемъ о всемъ предаю на разсужденіе почтеннѣйшему собранію.

Поданъ октября 2-го числа 1767-го года.

На читанной голосъ октября 2-го дня отъ господина депутата рыбной слободы Алексѣя Попова *).

Покорнѣйшее предложеніе.

Оной господинъ депутатъ представляетъ: 1-е, якобы многіе господа депутаты отъ дворянъ предлагали, чтобъ купцамъ фабрикъ не имѣть, а по его мнѣнію, чтобы всякія фабрики и минеральные заводы оставить однимъ купцамъ, а дворянъ къ нимъ не допускать, 2-е, чтобъ подъ фабрики земли и къ фабрикамъ крестьянъ для работъ покупать, 3-е, чтобъ оставить купленыя деревни фабриканамъ, 4-е, чтобъ винные заводы по прежнему-же купцамъ позволить держать, 5-е, чтобъ купечеству въ городахъ безъ платежа имѣть лавки, амбары, погреба, харчевни, постоялые дворы, огороды и домовыя бани, 6-е, чтобъ крестьянамъ ничего ниже въ деревняхъ не скупать, 7-е, чтобы крестьянамъ привозимой ими хлѣбъ продавать оптомъ, а не врознь, 8-е, и то бы продавать умѣренными цѣнами и 9-е, жалуется, что вступленіе разныхъ людей въ торги разоряетъ купечество и отнимаетъ всѣ способы къ торговлѣ. Не буду я о правахъ дворянскихъ упоминать, повинуяся въ томъ учиненному октября 2-го дня опредѣленію почтеннѣйшаго собранія о отсылкѣ оныхъ законовъ и поданныхъ примѣчаній въ Коммиссію о разборѣ родовъ, которая не оставитъ здраво разсмотрѣть и предписать, каковыя права и преимущества корпусъ дворянской имѣть долженъ, а токмо предложу, что понеже дворянство обязано служить отечеству и государю, то о его благо-

*) *Примѣчаніе редакціи.* Чтеніе въ Коммиссіи законовъ «о купечествѣ» дало поводъ представителямъ торговаго сословія, какими являлись депутаты отъ городовъ, высказать свои притязанія на исключительное право заниматься торговлею, а равно и заведеніемъ фабрикъ и заводовъ. Эти притязанія встрѣтили болѣе или менѣе энергическія возраженія со стороны представителей сословій крестьянскаго и дворянскаго. Дворяне, отстаивая свои собственныя права на производство нѣкоторыхъ видовъ торговли и обрабатывающей промышленности, поддерживали также и права крестьянъ на производство торговли въ извѣстныхъ размѣрахъ. Выразителемъ желаній торговаго сословія выступилъ въ засѣданіи Большой Коммиссіи 2 октября 1767 г. депутатъ отъ купечества Рыбной слободы (нынѣ городъ Рыбинскъ Ярославской губ.).

Въ засѣданіи 8 октября кн. Щербатовъ представилъ свое—печатаемое здѣсь—возраженіе на названный голосъ Попова. Сущность заявленій депутата Попова объ исключительныхъ правахъ на торговлю купечества (а вмѣстѣ о правѣ на покупку земель и крѣпостныхъ людей для заведенія фабрикъ) приведена въ самомъ мнѣніи кн. Щ—ва и не требуетъ уясненія. Необходимо замѣтить, что кромѣ заявленій, приведенныхъ кн. Щербатовымъ, депутатъ Поповъ выражалъ желаніе, чтобы купечество было судимо между собою во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ важнѣйшихъ государственныхъ) въ городовыхъ и слободскихъ магистратахъ и ратушахъ, а равнымъ образомъ, чтобы «и на купцовъ, въ причиняемыхъ ими обидахъ, бить челомъ въ тѣхъ же магистратахъ и ратушахъ, а не въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ» (Сб. И. И. Об. т. VIII стр. 40 п. 4). Указывать на этотъ пунктъ заявленія депутата Рыбной слободы кн. Щ. не имѣлъ надобности, такъ какъ не имѣлъ въ виду дѣлать противъ него возраженія. Напротивъ, какъ будетъ видно изъ печатаемаго ниже «предложенія» кн. Щербатова, онъ, по вопросу о подсудности купечества «своимъ выбраннымъ изъ ихъ корпуса судьямъ», вполнѣ поддерживалъ мнѣніе названнаго депутата.

Къ сказанному не лишнее будетъ прибавить, что къ мнѣнію депутата Попова присоединились 69 депутатовъ, въ томъ числѣ 65 депутатовъ отъ городовъ (остальные 4— отъ однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ и отъ служилыхъ людей прежнихъ службъ—ibid. стр. 44) а къ мнѣнію кн. Щербатова — 11 депутатовъ дворянства и 1 депутатъ отъ правительственнаго мѣста (адмиралтействъ-коллегіи—Ibid. стр. 67).

состоянии попеченіе приложить должно, дабы оно и по собственному своему интересу къ отечеству обязано было и могло-бы сносить разные убытки отъ службы приключаемые; яко единой писатель (Bodin) изъясняется, „и вообще сказать, каждое государство тѣмъ есть тверже, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, яко на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые бы не могли снести тягость великаго зданія, если-бы были слабы, хотя и въ величайшемъ числѣ“; и дѣйствительно является, что величество государствъ Французскаго и Гишпанскаго есть основано на знатныхъ родахъ. И приступаю отвѣтствовать на предложеніи означеннаго господина депутата.

1-е. Я не уповаю, чтобы кто изъ господъ отъ дворянства депутатовъ предлагалъ, чтобы отнять право у купцовъ фабрики заводить, ибо господа депутаты дворянскіе въ семъ почтеннѣйшемъ собраніи во всѣхъ подаваемыхъ ихъ голосахъ довольно умѣренность свою и незахватчивость надъ правами другихъ показываютъ, даже защищая и самое купечество противу имъ предосудительныхъ законовъ; что же оный господинъ депутатъ, не обинуюся, предлагаетъ отнять у корпуса дворянскаго право имѣть минеральные заводы и всякія фабрики, то въ отвѣтъ предлагаю, что коль ему и сомнѣніе: не хотятъ-ли купечество лишить сего права — толь чувствительно показалось, не меньше и дворянству должно чув-

ствительно быть напрасное наступленіе отъ купца на ихъ право. Но разсмотримъ самое естество заводовъ и фабрикъ; содержаніе минеральныхъ заводовъ, для которыхъ руды родятся въ землѣ и передѣлываются чрезъ огонь, не должно-ли сочинять безъ исключенія купцовъ одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе земель однимъ дворянамъ должно принадлежать, а какъ руды есть земляныя произведенія, равнымъ образомъ и ленъ, то таковое произращеніе и даетъ корпусу дворянства право въ сихъ заводахъ участіе имѣть, которые, по праву ихъ владѣнія деревень, могутъ дешевле купцовъ и самыя работы исполнять. Не съ тѣмъ я говорю и не хочу оправдать тѣхъ, которые подданныхъ своихъ для собственной своей прибыли работами отягчаютъ, но по самой близости могутъ уже чрезъ работу крестьянъ своихъ нѣкую прибыль имѣть и лучше (выдерживать?) суперничество другихъ націй во внѣшней продажѣ по умѣренной цѣнѣ однако безъ подрыву купцовъ. Содержаніе фабрикъ, а паче тѣхъ, которыя изъ россійскихъ продуктовъ производятся, не есть ли удобной способъ ко умноженію земледѣлія, чрезъ которой земледѣлецъ обрѣтаетъ (возможность?) безъ замедленія продать свои произращеніи, и чрезъ то побуждается стараться и въ другой годъ болѣе объ нихъ попеченія имѣть. Онѣ (фабрики), бывъ дворянами заведены въ ихъ деревняхъ, содержатъ въ безпрестанномъ трудолюбіи крестьянъ, которые, получая отъ

господъ своихъ довольную плату, и свое собственное благосостояніе въ прибыткѣ своего господина находятъ. Но да не возразятъ мнѣ, что многіе господа таковой платы крестьянамъ своимъ не даютъ; я первое не мню, чтобъ толь суровыя сердца были, которыя-бы сихъ подвластныхъ имъ людей хотѣли лишить достойной мзды за то, что самимъ имъ прибыль дѣлаетъ; а сверхъ того осмѣлюся сказать, что сіе почти не соотвѣтствуетъ съ добрымъ управленіемъ фабрикъ, что-бы неволею и почти изъ-за палки человѣкъ работалъ, ибо въ тканіи всякихъ вещей, если кто собственнымъ своимъ прибыткомъ не побужденъ хорошо вырабатывать вещи, однимъ кускомъ испорченнымъ болѣе убытку приключитъ нежели чтобъ ему надлежало въ полъ года заплатить. Но что же, развѣ желаніе господина депутата Рыбной слободы состоитъ въ томъ, чтобъ, лиша дворянъ всѣхъ способовъ ко пріобрѣтенію всякой прибыли, учинится купцамъ яко откупщиками всѣхъ продуктовъ Россіи, уставливать цѣну какъ онымъ, такъ и самымъ работникамъ,— вредное слѣдствіе, которое къ отягощенію земледѣлія и къ разоренію дворянства клонится, и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видно, отъ котораго иногда и сами купцы отъ сильнѣйшихъ ихъ претерпѣваютъ? Но что же, развѣ отлучка дворянская отъ домовъ своихъ для службы отечеству и государю можетъ имъ воспрепятствовать надлежащее смотрѣніе за такими заведеніями

имѣть? Сохрани мя, Боже, и помнить, чтобъ въ такое время, когда милость и правосудіе на престолѣ, то самое, что должно корпусу дворянскому нѣкія правы пріобрѣсти, его-бы напротивъ того чего могло лишить. А сверхъ онаго еще могу сказать, что и самая отлучка господъ великаго вреда не приключаетъ, чрезъ разные способы, которые употребляютъ для сохраненія въ добромъ состояніи ихъ заведеній; и если разсмотримъ, то можетъ быть болѣе найдемъ упадающихъ фабрикъ и заводовъ въ рукахъ купецкихъ, нежели въ рукахъ дворянскихъ, хотя первые и великія суммы на заведенія ихъ отъ государства получили.

2-е. Что касается до покупки земель подъ фабрики, сіе является мнѣ неоспоримо, чтобы купцамъ позволить, но не болѣе какъ столько тотъ его заводъ можетъ содержать, дабы не было остачи для выгону, и протчихъ принадлежащихъ до деревни удобностей, работники-же хотя, когда съ единой стороны разсмотрѣть, и надобны необходимо, но съ другой если разсмотримъ число пахарей въ Россійской Имперіи, то конечно не токмо надлежитъ позволить дворянамъ съ земли людей на фабрики продавать, но паче о размноженіи земледѣльцовъ стараться. Разсмотримъ же самое употребленіе и жизнь сихъ работниковъ, то увидимъ, что окромя нѣкоторыхъ мастерствъ, въ которыхъ, дабы мастерства своего постороннимъ не показали, почти невольниками содержутся, протчіе въ весьма худомъ

состояніи какъ въ томъ, что касается до содержанія ихъ, такъ и для нравовъ. Самой сей столичной городъ свидѣтелемъ можетъ быть распутному состоянію сихъ оставленныхъ отъ всѣхъ людей, чтобъ попечися о добрыхъ нравахъ. Въ нихъ по большей части пьянство и пороки толико вкоренились, что нетщатся о приведеніи себя въ лутчее состояніе въ своемъ мастерствѣ; въ нихъ нравы повреждены, многонародіе уменьшается, и безпорядки въ городахъ и въ деревняхъ отъ нихъ нерѣдко бываютъ. И тако весьма бы полезно было, чтобы сихъ обрѣтающихся уже на фабрикахъ приписныхъ людей переписать, и болѣе фабриканамъ покупать запретить, чтобы они ими и потомствомъ ихъ довольствовались, а мало по малу стараться ихъ и вольными сдѣлать, давая вольность въ награду за добрые нравы и за лучшее знаніе искусства, съ опредѣленіемъ указныхъ лѣтъ выслужить въ благодарность у того фабрикана, которой ихъ потщился изучить, и въ самой вольности имъ сдѣлать обязательство отъ ремеслъ фабриканскихъ не отставать. Сіе поправитъ нравы, умножитъ людей и приведетъ мастерствы въ лутчее состояніе.

3-е. Господинъ Рыбной слободы депутатъ не довольно изъясняется, о какихъ деревняхъ онъ упоминаетъ, чтобы оставить за фабриканами. Есть-ли то о тѣхъ, которыя въ силу разныхъ узаконеній они для надобности фабрикъ покупили, иль о такихъ, которыя ими куплены для помѣщичьихъ доходовъ. Раздѣляя недвижимыя имѣнія такимъ образомъ, о первыхъ имѣю честь представить, что оныя у фабрикановъ отнимать иль къ продажѣ ихъ понудить не надлежитъ, ибо они ими куплены въ силу узаконеній, по силѣ которыхъ уже исполненное свято и ненарушимо должно сохраняться, однако съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ купленныя къ фабрикамъ деревни въ тѣхъ самыхъ уѣздахъ, а не въ дальнемъ разстояніи отъ фабрикъ были, и при томъ и число ихъ было не превышающее, какъ что можетъ потребно быть по величеству завода. А чтобъ открыть путь онымъ опять въ дворянскіе роды возвратиться, мнится мнѣ, и о сихъ надлежитъ такое установленіе сдѣлать: отмежевать ихъ особо отъ фабрикъ и позволить имъ въ наслѣдство роду того фабрикана, пока фабрика въ надлежащемъ числѣ становъ пребываетъ, преходить; когда же фабриканъ намѣренъ будетъ продать свою фабрику, то-бы имѣлъ право оную продать кому хочетъ, а деревни кому изъ дворянъ, не могши ихъ за собою безъ фабрики удержать. Что же касается до другихъ, которыя въ противность указамъ не для фабрикъ, но для помѣщичьихъ доходовъ чрезъ злоупотребленія закону куплены, о таковыхъ, не взирая на преступленіе оныхъ покупившихъ, мню, что почтеннѣйшая Коммиссія соблаговолитъ милостивое опредѣленіе сдѣлать, дабы сами тѣ злоупотребившіе законъ дальнаго убытку не восчувствовали и щедротою къ нимъ болѣе-бы побуждены вновь сочиняемой сохранить.

4-е. Не безъ удивленія вижу предложеніе господина депутата, упоминающаго толь часто о земледѣліи, а въ самомъ его началѣ желающаго пресѣчь все ободреніе къ оному, даже требованіемъ, чтобы купцамъ позволено было винные заводы заводить, якобы чрезъ сіе дешевле и исправнѣе винная поставка будетъ, но таковое обѣщаніе важности и рѣшимости съ собою не несетъ, а желательно бы было, если бы соблаговолилъ оной господинъ депутатъ доказать, отчего дворяне не могутъ толь исправную поставку вина дѣлать, какъ купцы, если бы имъ позволены таковые заводы были. Я не проникаю его способовъ, а вижу токмо естественные, то есть, тѣ, что вино сидится изъ разныхъ хлѣбовъ и хмѣлю, которые всѣ суть земляные и, по его собственному признанію, принадлежащіе дворянамъ продукты; дворянинъ употребляетъ свои дрова, своихъ людей, хотя и съ платою, но конечно полезной для него (тѣмъ, что жители деревенскіе, не выходя почти изъ домовъ своихъ, на него и работаютъ), хлѣбъ уродившійся по большей части изъ житницъ на винокурни употребляетъ, скотину, которую упитываетъ бардой, въ своихъ угодьяхъ лѣтомъ пасетъ, земли для заводу не нанимаетъ,— то чѣмъ таковымъ способностямъ будутъ купцы сопротивляться? Развѣ задаваемыми задатками и подобными способами, которые всѣ удручаютъ земледѣльца, отнимаютъ его благосостояніе, чинятъ ослабленіе земледѣлія и дѣлаютъ препону умноженію народа. И каждой, мню, можетъ себѣ изобразить, какое будетъ состояніе дворянъ, когда они будутъ подобны какъ работники, пахавшіе землю, осушающіе болоты, вычищающіе лѣса и питающіе скотину для чего? токмо для того, чтобы по уставленной купцами цѣнѣ излишнее за своимъ пропитаніемъ и то первой матеріей, не осмѣлясь и передѣлать, имъ продать, чтобъ тогда же для покупки потребныхъ вещей для своей одежды и другихъ нуждъ купцамъ же тѣ деньги, потомъ и трудами пріобрѣтенныя, обратно отдать. Довольно такихъ установленій, чтобъ въ самую бѣдность корпусъ дворянской привести, но обогатитъ ли то купцовъ и сдѣлаетъ ли пользу отечеству? Нѣтъ, купцы россійскіе и такъ не весьма тщательные ко внѣшней торговлѣ, будутъ разореніемъ дворянъ и земледѣльцовъ съ единой стороны деньги получать, чтобы опять ихъ отдавать чужестраннымъ торгующимъ народамъ, и конечно, видя повсюду у себя врата отверсты къ обогащенію, ни на малую опасность въ чужестранномъ торгу покуситься не похотятъ. И такъ вся дѣйствительная торговля, обогащающая государство, въ рукахъ чужеземцовъ останется, и чрезъ сіе лишь паче будетъ удаляться отъ предмету Государя Императора Петра Великаго, и сверхъ того и въ самомъ наказѣ Ея Императорскаго Величества матери отечества изъяснено отдѣленіе „321", приводя въ примѣръ

Англію, что хотя она стѣсняетъ купца, но все въ пользу торговли.//

5-е. Что касается до того, чтобы купечеству въ городахъ имѣть лавки, амбары, погреба, харчевни, постоялые дворы, огороды, домовыя бани безъ платежа, я чувствую нужду, которую государство имѣетъ въ великихъ доходахъ, которые должно стараться приумножить, а не уменьшить. И тако, мнится мнѣ, что таковое требованіе принято быть не можетъ, а паче о такихъ вещахъ, которыя имъ самимъ приносятъ великую прибыль, то почитаю, что могутъ малой платежъ для пользы государства, защищающаго ихъ, безъ роптанія нести, сверхъ того нѣкоторые изъ сихъ прямо къ купечеству и не принадлежатъ, но должны оставлены быть не торгующимъ мѣщанамъ, какъ впредь буду имѣть честь представить.

6-е. Не можетъ законъ на то установленъ быть, чего онъ безъ вящихъ затрудненій отвратить не можетъ и, мнится мнѣ, что должно во всякомъ такомъ положеніи сдѣлать исключеніе (выборъ?) между пользами, каковыя могутъ произойти, и вреда, которой воспослѣдуетъ. Таковое есть сіе требованіе, чтобъ крестьянамъ запретить ничего въ деревняхъ не скупать. Я не буду разсматривать, полезно-ли таковое установленіе будетъ для цѣлаго государства вообще и для каждаго особливо или нѣтъ, но токмо подлинно есть, что правительство не можетъ почти за всякимъ присмотръ учинить, и сіе наконецъ можетъ произвести до-

носы, слѣдствіи, забирательствы въ городъ и подобныя всѣмъ безпокойствы, такъ что общество земледѣльческое и съ нимъ все государство болѣе претерпитъ, нежель польза единому корпусу можетъ быть.

7-е. Что же касается о требованіи господина рыбной слободы депутата о томъ, чтобъ крестьяне всѣ ихъ домостроительскаго произведенія гуртомъ, а не врознь продавали, о семъ ссылаюся на поданной мною голосъ прошедшаго августа 28-го дня, сверхъ того и мню, что въ силу обнародованнаго въ 1755-мъ году декабря 1-го дня таможеннаго уставу, въ 10 главѣ и приложенномъ реестрѣ, крестьянамъ торгъ тѣми означенными товарами позволить надлежитъ.

8-е. О какихъ умѣренныхъ цѣнахъ въ продажѣ хлѣба господинъ депутатъ упоминаетъ, сего и понять не могу; ибо нужда, каковую въ хлѣбѣ имѣютъ всякаго званія люди, есть такая, что когда его недорожай, то хотя и дорого купятъ, однако все умѣренной цѣною почитается, понеже по мѣрѣ дороговизны хлѣба, и всѣ другіе способы къ пріобрѣтенію денегъ дороже становятся. Установить-ли цѣну на всякой хлѣбъ, то въ неплодородные годы имущіе хлѣба не будутъ по дешевизнѣ цѣны продавать, и неимущіе будутъ помирать съ голоду, въ плодородные же годы, желая дешевле купить, будутъ самые же купцы стараться дешевѣйшею цѣною противу положеннаго тайно у крестьянъ покупать, а тѣ, которые восхотятъ по

положенной цѣнѣ продавать, и купцовъ не найдутъ, и тако самой законъ въ корыстолюбіи людей будетъ причиною злоупотребленія, за что онъ же и наказывать долженъ. Но коль желаемъ учинить умѣренную цѣну, она вскорѣ сама собою воспослѣдуетъ, когда земледѣлецъ будетъ защищенъ, въ продажѣ своихъ произращеній не будетъ имѣть притѣсненія. Чрезъ сіе многонародіе и земледѣльство умножится. Когда купцы будутъ лишены покупать на фабрики людей, а дворяне, имѣя въ деревняхъ своихъ фабрики, во время зимнее токмо на нихъ валовую работу будутъ производить, то оставшееся лѣтнее время земледѣлецъ болѣе будетъ о плодородіи земли радѣть, чрезъ промыслы и работы свои пріобрѣтетъ деньги, будетъ стараться о скотоводствѣ, чрезъ что земли будутъ лучше удобряться, пріобрѣтать лучшихъ лошадей, чрезъ кои землю свою лучше и глубже вспашетъ, которая, награждая труды земледѣльца и обильно его довольствуя, самымъ прибыткомъ склонитъ его къ сему полезному и честному упражненію.

9-е. Наконецъ господинъ депутатъ Рыбной слободы жалуется, якобы крестьяне и прочіе разночинцы торгующіе отняли у купцовъ всю торговлю. Съ удивленіемъ вижу такое предложеніе, и отъ купца учиненное, якобы Россія (въ Россіи?), въ которой считается не съ большимъ двѣсти тысячъ купечества, а изъ того числа сумнительно найти сорокъ тысячъ торгующихъ, да

если и еще къ тому толикое же число приложить тѣхъ, которые неправильно въ торги вступили, восемьдесятъ тысячъ могли наполнить всѣ отрасли пространной торговли! Какъ-же Голландія, которая имѣетъ въ себѣ почти столько купцовъ, сколько жителей, можетъ торгъ свой производить? Я согласуюсь съ господиномъ депутатомъ въ томъ, что крестьянамъ торгъ чужестранными товарами должно запретить, но не слѣдуетъ изъ того, чтобы въ внѣшней торговлѣ они купечество подрывали, и чтобы таковое ихъ вступленіе въ торгъ препятствовало предметамъ Государя Петра Великаго, ибо предметъ сего великаго Государя не состоялъ въ томъ, чтобъ Россійское купечество, не выходя не токмо изъ за границъ Россіи, но ниже изъ города своего, торгъ производило. Онъ самъ господинъ депутатъ упоминаетъ, что сей великой монархъ заключилъ договоры съ англійскими и голландскими банкирами для учиненія кредиту Россійскимъ купцамъ съ чужестранными, слѣдственно и хотѣлъ онъ, чтобы внѣшняя торговля процвѣтала; но соотвѣтствовали-ль Россійскіе купцы такимъ попеченіямъ, учредили-ль конторы въ другихъ государствахъ? имѣютъ-ли корреспондентовъ для знанія, какіе товары куда потребны и по сколько? посылали своихъ дѣтей учиться торговли? нѣтъ, сего ничего не учинили,— то тщетно господинъ Рыбной слободы депутатъ и жалуется, яко бы крестьяне и протчіе разночинцы имъ всѣ спо-

собы къ торгу отнимаютъ. Повторяю вся внѣшняя торговля имъ остается. Да взглянетъ на плодоносную Россію, узритъ со всѣхъ странъ протчія части вселенной, отверзающія врата Россійскимъ произращеніямъ, лишь токмо, чтобы были охотники, которые бы чужестранныя сокровища за Россійскія произведеніи хотѣли брать; на западѣ Балтійское море, гдѣ многіе порты отверзаютъ намъ путь и торговлю во всѣ Европейскія страны, куда по нуждѣ въ нашихъ товарахъ чужестранные пріѣзжаютъ въ нашу страну ихъ брать, и тѣмъ и сами обогащаются, и насъ обогащаютъ, то коль же бы вящей прибытокъ былъ, если бы мы сами туда наши товары возили и изъ первыхъ рукъ на промѣнъ чужестранные брали. На востокѣ Каспійское море, которое чрезъ Волгу, сдѣланной каналъ и Неву сообщается съ Финляндскимъ заливомъ, которымъ можетъ съ Персіею, съ Татарами Узбекскими, съ царствомъ Корганскимъ, съ Туркеманами и съ неподвластными Татарами, съ великимъ прибыткомъ торговать; на полднѣ море Черное, чрезъ призваніе купцовъ Франковъ изъ Константинополя на турецкихъ корабляхъ, путь торговли нашей даже до Египта отверзаетъ. Упомяну-ли я про сѣверъ, гдѣ море ледяное къ промысламъ нашимъ представляетъ неистощимое богатство разными ловлями рыбъ и біеніемъ китовъ. Вотъ отрасли торговли, въ которыя купцы должны себя употребить, чтобы съ богатствомъ себѣ благополучіе и

драгому отечеству пріобрѣсти. И не стыдно ли здѣсь намъ сообраннымъ Россіянамъ слышать, что Гамбургцы и Голландцы, бывъ отдаленнѣе отъ ледянаго моря, нежели Кола, на 15 и на 18 градусовъ широты въ прямую линію, окромя обхода Норвегіи, приходятъ бить китовъ и получать себѣ прибыль у нашихъ почти бреговъ, хотя ихъ вооруженіе и договоры съ матросами весьма дороги становятся, то есть, чиновнымъ людямъ корабля на каждой мѣсяцъ по 134 рублевъ, матросовъ, которыхъ живетъ иногда до двадцати человѣкъ на кораблѣ, отъ 6 до 10-ти рублевъ каждому на мѣсяцъ, подарку, какъ у нихъ обычай, чиновнымъ людямъ по 140 рублевъ, а какъ путешествіе сихъ кораблей для ловли рыбъ продолжается иногда до пяти мѣсяцовъ, то приходитъ на одно жалованье и подарокъ служащимъ на кораблѣ до 1600 рублевъ, окромя что за каждую убитую рыбу еще платится по 10 рублевъ, то коль-бы прибыльно Россійскимъ купцамъ было въ такой торгъ вступить по близости мѣста и по дешевизнѣ найму матросовъ и по дешевизнѣ дровъ для перетопки сала; вотъ истинные ключи богатства купеческаго, да почерпнутъ въ оныхъ и тогда увидятъ, что дѣйствительная польза отечества съ ихъ обогащеніемъ сопряжена.

10-е. Такимъ образомъ, представивъ мои мнѣніи на предложеніе господина депутата отъ Рыбной слободы, почитаю, что не безполезно будетъ пред-

ложить о нѣкоторыхъ и правахъ купеческихъ и мѣщанскихъ, въ чемъ они должны по мнѣнію моему состоять.

О правѣ купецкомъ.

1-е. Дабы купечество не могло быть стѣснено никакими другими чинами, яко должно быть подсудно своимъ, выбраннымъ изъ ихъ корпуса, судьямъ;

2-е. Каждой, какого-бы кто званія ни былъ, если въ торгъ или въ какое обязательство купеческое вступится, долженъ яко купецъ быть судимъ магистратомъ;

3-е. Подробная продажа, переводъ денегъ, содержаніе лавокъ, прилавковъ, погребовъ, герберковъ, кабаковъ (окромя въ помѣщичьихъ деревняхъ), отпускъ скупныхъ вещей и фабрики изъ выписанныхъ первыхъ матерій имъ-же должны принадлежать.

4-е. Чины браковщиковъ, маклеровъ, нотаріусовъ и протчіе подобные купцамъ, мнится, оставлены должны быть.

5-е. Нерѣдко слышно купечество жалующееся, что претерпѣваетъ не малыя разореніи отъ разныхъ службъ, яко быть въ головахъ выборныхъ ларешныхъ и щетчикахъ и другихъ подобныхъ, что и дѣйствительно ихъ отрываетъ отъ ихъ собственныхъ дѣлъ, чего для и должно отъ оныхъ ихъ освободить.

6-е. Покупка земель и деревень симъ должна запретиться, окромя земель и дворовъ внутри города иль подъ самой токмо заводъ, какъ имѣлъ

честь выше предложить, также и покупка людей равнымъ образомъ, яко приключающая ущербъ земледѣлію, должна имъ запрещена быть.

7-е. Содержаніе мореходныхъ судовъ и барокъ для перевозу товаровъ имъ должно оставлено быть съ такимъ исключеніемъ, что если кто изъ помѣщиковъ можетъ барку своимъ хлѣбомъ нагрузить, тотъ можетъ и барку имѣть свою, не имѣя права брать чей чужой хлѣбъ и пользоваться прибылью привоза.

8-е. Купечество должно быть въ каждомъ городѣ раздѣлено на три части, и каждая часть имѣтъ свои особливые торги. Первая статья да торгуетъ валовымъ и чужестраннымъ торгомъ и можетъ имѣть собственность лавокъ; вторые могутъ пользоваться подробною продажею въ лавкахъ и собственностію же лавокъ; третьи быть въ прикащикахъ, сидѣльцахъ, повѣренныхъ и могутъ сидѣть въ прилавкахъ.

9-е. Чтобъ всякіе откупы, или монополіи были накрѣпко запрещены, и, яко въ случаѣ винныхъ откуповъ, чтобы никто цѣлаго уѣзда или города на откупъ взять не могъ, но чтобы раздѣлить оной откупъ на малыя части, и каждую таковую часть чтобъ разные брали. Сіе учинитъ умноженіе государству интересу въ разныхъ торгахъ, и прибыль, какую будутъ получать отъ таковыхъ откуповъ, не одному иль малому числу людей будетъ доставаться, но во многія руки, что вящее купцовъ число обогатитъ и лучшее учи-

нить обращеніе денегъ въ государствѣ, да и суммы государевы вѣрнѣе всегда будутъ; а богатые купцы, которые до сего употребляли свои капиталы въ таковые откупы, принуждены будутъ оные во внѣшніе торги употребить, что неизщетную пользу Россіи приключитъ.

10-е. Чтобъ имѣніи купеческія, съ одной страны, для вѣрности торгу освобождены были отъ всякой конфискаціи, окромя долговъ, а долги вексельные, въ случаѣ банкрутства, предпочитались-бы казеннымъ долгамъ, а съ другой, чтобы банкруты, которые правости своей не предъявятъ, неупустительно-бы наказаны были.

Правы же мѣщанскія по моему мнѣнію суть:

1-е. Мѣщанинъ есть различенъ отъ купца, ибо хотя и каждой житель града можетъ мѣщаниномъ того города назваться, но сіе не сочиняетъ корпусъ мѣщанства, и тако за нужное почитаю постараться оной учредить, и мню, что оной можно выбрать изъ купечества, которые не войдутъ въ первые, выше означенные мною, три класса купцовъ.

2-е. Оные могутъ раздѣляться на два класса: (первый классъ —) живущіе своими доходами, яко содержащіе постоялые дворы, иль отдающіе въ наемъ свои домы, имѣющіе на своихъ земляхъ лавки, харчевни, кузницы, огороды и прочее; второй классъ — ремесленныхъ людей, получающихъ свое пропитаніе отъ своего ремесла.

3-е. Оные всѣ должны быть подъ судомъ магистратскимъ, и первые имѣть одного изъ ихъ сочленовъ въ судьяхъ магистрата, и когда кто изъ нихъ пріобрѣтетъ довольное число денегъ, дабы въ которой классъ купечества вписаться, если пожелаетъ, по имѣнію своему въ тотъ классъ можетъ быть вписанъ и пользоваться уже правомъ купечества, ибо вышеозначенными промыслами купечеству промышлять должно быть запрещено, развѣ съ заплатою въ мѣщанство.

4-е Вторые, то есть, ремесленные люди должны быть записаны въ цѣхи и могутъ окромя своего ремесла пользоваться означенными мѣщанскими правами.

5-е. Подсудны должны быть своимъ цѣховымъ судьямъ по разнымъ мастерствамъ.

6-е. Если которой имѣетъ патентъ мастерства, тотъ, хотя бы и собственнаго своего дому не имѣлъ, не менѣе долженъ (если вольной человѣкъ) въ числѣ мѣщанъ считаться, и въ судьи цѣховые быть выбиранъ, какъ о цѣхахъ благоучреждено будетъ.

7-е. Другаго города житель, пока въ мѣщанство не принятъ, правомъ бы мѣщанина того города пользоваться не могъ.

8-е. Понеже дворяне и купцы имѣютъ великія мѣста, отдаютъ въ наемъ огороды, имѣютъ постоялые дворы на своихъ земляхъ, которые промыслы принадлежатъ къ мѣщанству, то за оное, если оставить ихъ не похотятъ, должны

нѣкую плату въ тотъ корпусъ производить:

Поданъ октября 8-го дня 1767-го году.

На читанный октября 11 дня голосъ Елецкой провинціи господина депутата Михаила Давыдова *).

Всепокорнѣйшее представленіе.

Какъ означенный господинъ депутатъ, такъ и многіе другіе, въ поданныхъ своихъ голосахъ предлагаютъ, дабы позволено было купцамъ покупать въ собственность людей, предлагая, будто бы наемные люди не толь вѣрно будутъ сохранять ихъ прибытки и что опасно некрѣпостнымъ своимъ ввѣриться въ пути, а паче когда кто изъ купцовъ везетъ съ собою не малыя суммы денегъ, — и тако, предложивъ его мнѣніе, беру смѣлость представить почтеннѣйшему собранію разсужденія мои: 1) прилично-ли имѣть купцамъ у себя невольныхъ людей? 2) такую людей безъ земель продажу можно-ли позволить? 3) полезно-ли самому купечеству то? и 4) не вредно-ли государству?

1) Во многихъ отдѣленіяхъ даннаго намъ отъ Ея Императорскаго Величества наказа весьма ясно изображено, коль полезно есть раздѣленіе разныхъ родовъ людей, живущихъ въ государствѣ, дабы каждой, зная свои правы и предѣлы оныхъ, не вмѣшивался въ должности другихъ. Тако „Дворянство есть нарицаніе въ чести различающее“ отъ протчихъ тѣхъ, кои онымъ украшены, и всѣ правы и преимущества онаго отъ сего начальнаго правила должны истекать. Сіе именованіе ихъ обязуетъ съ особливымъ усердіемъ служить отечеству и государю, и для того воспитаніемъ своимъ стараться изготовить себя способными быть къ таковой службѣ и къ управленію другими подданными своего монарха; сіе между прочимъ даетъ имъ право имѣть деревни и рабовъ, дабы, на-

*) *Примѣчаніе редакціи.* Въ засѣданіи Большой Коммиссіи 11 октября подалъ свое мнѣніе по поводу прочтенныхъ законовъ «о купечествѣ» депутатъ отъ однодворцевъ Елецкой провинціи Михайло Давыдовъ (Сб. И. Р. И. Об. т. VIII, стр. 85 и 87). Возражая противъ притязаній купечества на исключительное право торговли, названный депутатъ высказалъ, тѣмъ не менѣе, свое согласіе на удовлетвореніе одного изъ притязаній купеческихъ представителей — именно притязанія на право владѣть крѣпостными дворовыми людьми. Это заявленіе Елецкаго депутата вызвало ниже печатаемое «представленіе» кн. Щербатова. Доводы депутата Давыдова приведены княземъ Щербатовымъ, почему нѣтъ надобности въ объясненіи предмета полемики. Но нельзя не замѣтить, что печатаемое здѣсь произведеніе кн. Щербатова принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ рѣчей его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ числу замѣчательнѣйшихъ рѣчей, читанныхъ въ Екатерининской Коммиссіи. Возставая ближайшимъ образомъ противъ правъ купечества на владѣніе крѣпостными, авторъ высказываетъ требованіе совершенно общее: «конечно несомнѣваюсь», говоритъ онъ, «чтобъ почтенная Коммиссія... не соблаговолила *узаконить запрещеніе никому безъ земли по одиночкѣ людей не продавать*». Въ высшей степени замѣчательно также выражаемое далѣе авторомъ опасеніе, чтобы невольничій трудъ не подавилъ труда свободныхъ обѣднѣвшихъ мѣщанъ и не привелъ послѣднихъ къ совершенной невозможности поправить свое бѣдственное положеніе, иными словами, чтобы развитіе крѣпостнаго права въ Россіи не получило того пагубнаго значенія, какое имѣло развитіе невольничества въ Римской республикѣ для обѣднѣвшихъ Римскихъ гражданъ.

Въ виду особеннаго значенія печатаемаго здѣсь «представленія» кн. Щербатова не лишнимъ будетъ замѣчаніе, что съ выраженнымъ имъ здѣсь мнѣніемъ согласились (Сб. И. Р. И. Об. т. VIII, стр. 111) депутаты отъ дворянъ Воронежской губерніи и 3 депутата отъ дворянъ губерній Бѣлгородской и Казанской.

учась съ младенчества управлять своими деревнями, тѣмъ бы способнѣе были къ правленію частей Имперіи и по своимъ бы обстоятельствамъ всѣ нужды разныхъ родовъ людей государства знали. Въ отдѣленіи-же 359 изображено, что въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ. И тако по самому сему наказу, залогу нашего благополучія, ясно является, что мѣщане, между коими и купцы суть вмѣщены, должны имѣть вышеписанныя упражненія и самолично, а не чрезъ невольныхъ людей, въ томъ упражняться; таковое же право, требуемое господиномъ депутатомъ, неволю нижняго рода людей еще чувствительнѣйшею сдѣластъ тѣмъ, что тѣ принуждены будутъ чрезъ продажу ихъ служить такимъ людямъ, которыхъ они недавно равными себѣ видѣли. То коль полезно есть, сію чувствительность, дѣйствительно приключающую несчастіе людей, отвратить, когда бы они хорошо и содержаны были; но если, доставшись въ купецкія руки, еще и худое содержаніе принуждены будутъ претерпѣвать, то до какого отчаянія сіи бѣдные люди могутъ быть доведены, и какая можетъ быть приличность, чтобы равной равнаго могъ въ неволѣ у себя имѣть.

2) Воззримъ на человѣчество и устыдимся и о помышленіи одномъ, чтобы дойти до такой суровости, чтобы равноестественныхъ намъ сравнять съ скотами и по одиночкѣ продавать. До-

вольно древнія времена, непросвѣщенныя чистымъ нравоученіемъ, во ужасъ насъ приводятъ, въ кои людей, какъ скотину, по торгамъ продавали, а въ приключенномъ вреду невольнику не его болѣзнь и страданіе, но убытокъ господской почитался, и за тотъ законы къ платежу принуждали. Мы — люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ; разность случаевъ свѣта возвела насъ властвовать тѣми, однако не должны мы забыть, что и тѣ суть равное созданіе намъ. Но будетъ-ли тогда сіе сходствовать съ таковымъ неоспоримымъ правиломъ, когда кто господинъ для единаго своего прибытку возьметъ отъ родителей и родственниковъ и отъ дому мужеска или женска полу кого, равно какъ скотину продастъ его другому! Какое сердце не тронется на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣста своего жилища, и всѣхъ, кѣмъ рожденъ и кѣмъ воспитанъ и съ кѣмъ пріобыкъ всегда жить, и еще въ неподлинности о будущемъ своемъ состояніи, и какъ не сжалиться на вопль, на слезы и на жаленье остающихся! Отъ единаго сего изображенія вся кровь во мнѣ леденѣетъ, и, конечно, не сомнѣваюсь, чтобъ почтенная Коммиссія, въ разсужденіи такихъ жалостныхъ слѣдствій, не соблаговолила узаконить запрещеніе никому безъ земли по одиночкѣ людей не продавать.

3) Но можетъ-ли и съ такого дозволенія купцамъ покупать себѣ собственныхъ людей всему корпусу куце-

чества польза произойти, и справедливы-ли предложенія господина депутата Елецкой провинціи? 1) Мнѣ удивительно, что онъ можетъ представлять, якобы наемные люди не толь были вѣрны къ своимъ господамъ, какъ собственные: сіе подобно какъ будто-бы онъ сказалъ, что тотъ, кто изъ подъ неволи что дѣлаетъ, охотнѣе къ тому прилежитъ, нежели тотъ, который по склонности своей къ тому побужденъ. И дѣйствительно, не естественно-ли есть то, что вольный человѣкъ, который у меня можетъ служить иль не служить, если мнѣ служитъ, а паче долгое время, то служитъ окромя жалованья своего по совершенному усердію, а въ невольникѣ я и проникнуть не могу, усерденъ-ли онъ ко мнѣ, или нѣтъ. И какъ можно сказать, что безъ таковыхъ невольныхъ людей обойтиться купцамъ невозможно, когда цѣлую Европу видимъ, что никто невольныхъ людей не имѣетъ, однако ни на невозможность обойтиться, ни на недостатокъ усердія не жалуются. Что же касается до опасности въ пути отъ вольнаго человѣка, то не вижу никакой естественной причины, зачѣмъ бы съ вольнымъ человѣкомъ опаснѣе было; ибо если вкоренившееся зло въ вольномъ человѣкѣ можетъ его склонить къ какому умыслу, то и невольный то-же можетъ сдѣлать и еще болѣе съ отвагою, ибо и самое его состояніе не толь есть благополучно, чтобы жизнь и честь свою могъ болѣ вольнаго щадить, да и не видитъ никакого почти предмета въ лучшее состояніе достигнуть. Если мнѣ

возразятъ, что невольный, и сдѣлавъ зло, не можетъ укрывательства себѣ найти, то развѣ можетъ онъ, господинъ депутатъ, мнить, что законы не равное наказаніе учредятъ для того, который раба, иль вольнаго преступнаго укроетъ. И изо всего сего послѣдуетъ, что вольный человѣкъ, могущій болѣе благополучія своего потерять, нежели рабъ, менѣе на какое злое дѣло отважится и, слѣдственно, болѣе повѣренности достоинъ. 2) Таковое позволеніе купцамъ покупать себѣ въ рабство людей вредно и разорительно всему купечеству тѣмъ, что не весьма многое число изъ купцовъ имѣютъ знатные торги; которые, также и меньшіе, избѣгая отъ мнимой имъ дороговизны найму, накупятъ себѣ людей, употребятъ оныхъ себѣ въ работники, въ повѣренные и въ прочія должности, къ чему бы бѣдные ихъ собратья способны могли быть. А понеже таковыхъ, не токмо неимѣющихъ торгу, но насилу и дневнаго пропитанія купцовъ, по признанію ихъ самихъ, есть большая часть, то не должно-ли потщиться подать способы тѣмъ несчастнымъ людямъ, чтобы они могли званіе свое не напрасно носить. Тщетно, можетъ быть, мнѣ возразятъ, что покупка людей купцамъ потребна для грубыхъ работъ, и что такіе бѣдные купцы дошли до такого повреждения нравовъ, что не можно ихъ ни во что употребить. На сіе краткимъ образомъ имѣю честь отвѣтствовать, что всякая грубая работа есть сноснѣе, нежели такое бѣдное состояніе, что и дневной пищи не имѣть, и что повреждение

нравовъ можетъ быть и оттого произошло, что какъ скоро купецъ впалъ въ нищету, то уже, не видя никакихъ способовъ къ поправленію своего состоянія, не радитъ о своихъ нравахъ, ввергнется во всѣ пороки, и такъ почти самъ себя изъ числа людей исключитъ. Но, коль во всякомъ случаѣ зрѣніе предмету благосостоянія будетъ бѣднымъ купцамъ представляться съ тѣмъ, что они трудолюбіемъ своимъ до того могутъ достигнуть, то и нравы ихъ сами собою поправятся; начавши и грубыми работами, могутъ пріобрѣсти повѣренность своихъ господъ, быть употреблены въ лучшія дѣла и, мало по малу скопляя деньги и пріобрѣтая повѣренность, и до знатныхъ предпріятій тѣ, которые въ самой бѣдности нынѣ, достигнуть могутъ. Вотъ о чемъ со слезами вопіютъ сіи утѣсненные люди отъ ихъ собратій! они, прибѣгая къ отечеству, просятъ сей единой помощи, дабы чрезъ оную могли учиниться достойными нести свое званіе.

4) Не вредно-ли такое дозволеніе будетъ государству? Для разсмотрѣнія сего надлежало-бы учинить исчисленіе всякаго званія людей, обитающихъ въ пространной Россійской Имперіи. Но какъ сего мнѣ не возможно, то буду стараться, по крайней мѣрѣ, приближающимъ числомъ къ дѣйствительному вредъ, какой можетъ произойти государству, показать. Крестьянъ въ подушномъ окладѣ нынѣ около семи милліоновъ пяти сотъ тысячъ душъ; дворянъ, духовенства, купцовъ, военныхъ, всякаго званія людей и чужестранныхъ можно положить до одного милліона; и тако, можетъ въ Россіи считать, по крайней мѣрѣ, до осьми милліоновъ пяти сотъ тысячъ душъ мужеска полу, да женскаго полу столько-же. И тако, обоего до семнадцати милліоновъ. Разсмотримъ же, сколько на сіи семнадцать милліоновъ работаютъ земледѣліемъ: то если и величайшее число положить, не уповательно, чтобы изъ числа крестьянъ было болѣе четырехъ милліоновъ душъ работниковъ, изъ котораго числа надлежитъ еще выключить людей, обрѣтающихся въ службѣ у своихъ господъ, приписанныхъ при фабрикахъ, безземельныхъ крестьянъ, разныхъ ходящихъ и необходимо нужныхъ въ работы, яко плотниковъ, каменьщиковъ и кирпичниковъ и ходящихъ на баркахъ, что дѣйствительно, мню, можетъ до семи сотъ тысячъ восходить, которое число должно выключить изъ четырехъ милліоновъ человѣкъ,—учинитъ дѣйствительныхъ земледѣльцовъ три милліона триста тысячъ человѣкъ, что учинитъ, что каждый пахарь долженъ слишкомъ на пять человѣкъ хлѣба напахать. Если-же дозволить купцамъ покупать себѣ людей, то хотя положить, что двадцать тысячъ каждый себѣ по двѣ семьи купять, и то учинитъ убавку сорока тысячъ пахарей, которыхъ земля останется въ пустѣ, и оные не токмо будутъ помогать къ общему прокормленію народа, но оному въ отягощеніе будутъ сами и потомство ихъ. И слѣдственно: естественно, всякой хлѣбъ вздорожаетъ, и тако безъ пользы купцамъ уменьшеніемъ земледѣльства дѣйствительный вредъ всѣмъ чинамъ государства произойдетъ. Не упоминаю ужъ о томъ, что выше о бѣдномъ купечествѣ предложилъ, что оное не можетъ къ поправленію себѣ способовъ имѣть и тѣмъ государству полезность по состоянію своему пріобрѣсти.

О чемъ о всемъ имѣю честь на разсмотрѣніе почтенному собранію предложить. Счастливымъ бы себя почиталъ, если бы мнѣнія мои могли способствовать къ благоучрежденію дражайшаго нашего отечества, коего благосостояніе въ справедливомъ положеніи правъ каждаго состоять долженствуетъ.

Поданъ Октября 15 дня.

На читанный октября 12 числа голосъ господина депутата города Серпейска, Родіона Глинкова *).

Покорнѣйшее предложеніе.

Я, оставя прочія представленія господина депутата, яко такія, на которыя уже многія опроверженія были подаваны, имѣю честь на сомнѣніе его касающе до фабрикъ мое предложеніе учинить.

§ 1. Представляетъ означенный господинъ депутатъ, дабы всякія фабрики единственно купцамъ позволено было содержать; о чемъ, въ прибавленіе къ поданному отъ меня голосу октября 8 дня, за нужное почитаю разсмотрѣть, что такое фабрики?

1) Оныя есть не что иное, какъ передѣлываніе первыхъ матерій въ вещи, которыя тѣхъ матерій цѣну умножаютъ, подаютъ чрезъ сіе способъ немалому числу людей пріобрѣтать себѣ пропитаніе, и наконецъ, по передѣлкѣ вещей удовольствовать нужды и желанія каждаго.

2) Разныя есть таковыя первыя матеріи: единыя, которыя родятся внутри Россіи, другія же, которыя привозятся изъ чужихъ странъ.

А понеже рождающіяся въ Россіи первыя матеріи иль отъ земледѣлія, иль отъ домостроительства производятся, то не естественно-ли есть, чтобы дворяне, яко природные владѣтели земель, участіе, по крайней мѣрѣ равное куп-

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Печатаемое здѣсь «предложеніе» кн. Щербатова составляетъ возраженіе на поданное, въ засѣданіи Большой Коммиссіи 12 окт. 1867 г., мнѣніе депутата города Серпейска Родіона Глинкова по вопросу о правѣ дворянъ на заведеніе фабрикъ. Въ ряду мнѣній, поданныхъ представителями городовъ объ исключительныхъ правахъ купечества на производство нѣкоторыхъ видовъ промышленности и торговли, мнѣніе Серпейскаго городскаго депутата представляетъ нѣкоторыя особенности. Названный депутатъ отстаиваетъ исключительное право купечества на заведеніе фабрикъ и заводовъ, указывая на большую пользу, извлекаемую окрестнымъ населеніемъ изъ устройства посреди этого населенія фабрикъ, заводимыхъ членами купеческаго сословія, и сопоставляя эту пользу съ тягостными условіями, въ которыхъ оказывается крѣпостное населеніе имѣнія, въ которомъ заводитъ подобную-же фабрику помѣщикъ. Депутатъ Глинковъ утверждаетъ, что крестьяне помѣщика, заводящаго фабрику, должны бываютъ тратить матерьяльныя средства, время и силы на добываніе и подвозъ матеріаловъ для постройки фабрикъ, на строительныя работы и, наконецъ, на самыя работы по производству фабрикатовъ — и все это безъ сколько-нибудь достаточнаго вознагражденія. Кн. Щербатовъ, возражая на мнѣніе Серпейскаго депутата, не приводитъ этого мнѣнія, но опровергаетъ его, рисуя картину дѣйствительныхъ — по его мнѣнію—отношеній помѣщиковъ къ ихъ фабричнымъ рабочимъ—крестьянамъ. Картина эта представляется идиллическою и— нельзя не сказать—слишкомъ идеализованною и потому довольно далекою отъ того, что замѣчалось современными внимательными наблюдателями.

цамъ, въ заводимыхъ фабрикахъ изъ Россійскихъ произведеній имѣли?

Трудность сей задачи весьма легко рѣшиться можетъ, если оную положить, что все дѣло состоитъ единственно въ томъ, что больше или меньше имѣетъ право дворянинъ первую матерію передѣлать. И, дабы таковое мое предложеніе примѣромъ объяснить, полагаю ленъ, который, родясь травою, и изъ первой матеріи еще первенствующую составляетъ, — то должно-ли его, сей первенствующій, купцамъ, содержащимъ фабрики, и продавать? Но уповаю, что господинъ депутатъ Серпейской позволитъ безпрекословно дворянину и крестьянину рожденный его ленъ обмять и привести въ состояніе прясть; нѣтъ, мню еще, что за неимѣніемъ довольнаго числа пряхъ, и что работа пряденья весьма дорого будетъ стоить, то позволитъ оный и опрясть. И вотъ что, мню, первой матеріей называетъ. Но сіе уже не первая матерія, ибо форму свою перемѣнила. И когда не оспорно есть, что первое премѣненіе формы первой матеріи первѣйшему владѣльцу есть незапретительно, то какая-же къ тому естественная или политическая общая причина можетъ быть, чтобы запретить и второе перемѣненіе формы той матеріи первѣйшему ея владѣльцу дѣлать? Возможетъ ли въ томъ прибытокъ и общая польза быть, чтобъ отнять у всѣхъ родовъ людей способы постараться въ лучшее состояніе привести изъ россійскихъ произращеній дѣланныя вещи? И долго-ли Россіи нѣ-

коимъ образомъ данной быть за лучшія свои произращенія чужестраннымъ народамъ, яко за полотны, которыми мы отъ чужихъ народовъ и понынѣ довольствуемся? Имѣетъ-ли право корпусъ купеческой, часть котораго оный господинъ депутатъ представляетъ, требовать, чтобъ дворяне лишены были права всякое тканіе у себя производить тогда, когда они малыми своими заводами и попеченіями стараются довести крестьянокъ тоньше прясть, заводятъ хотя для нужды своей тонкія полотны, и хотя донынѣ еще великихъ успѣховъ не имѣли, но, довольствуяся своимъ, все хотя по немногу равновѣсіе торговли на россійскую сторону преклоняютъ?

Разсмотримъ еще болѣе. Не мню, чтобъ кто осмѣлился предложить, чтобы пряжу передѣлывать крестьянкамъ въ холсты запретить: зачѣмъ же толикое разнствіе дѣлать между холстовъ и холстовъ, ибо самымъ дѣломъ и работающіяся на фабрикѣ тонкія полотна, орланскія, ревендуки и коломенки суть тѣ же холсты, а токмо разнствуютъ лучшимъ мастерствомъ и широтою. И тако могу заключить, что, какъ сіи, такъ и прочія всякаго званія фабрики, производящіяся изъ россійскихъ произращеній, должны для умноженія трудолюбія въ Россіи, для вывозу товаровъ, равно дворянамъ и купцамъ позволены быть, съ той разностію, чтобы купцы на оныя употребляли вольныхъ людей, иль прежде сего узаконенія приписанныхъ къ фабрикамъ, а дворяне

могли бы употреблять вольныхъ же и своихъ по ихъ благоизобрѣтенію.

Предложеніе мое для пользы государства самымъ испытаніемъ утверждается, что дворяне, заводя фабрики, весьма умножили разныя рукомеслы и трудолюбіе и подали способъ государству довольствоваться тѣми вещьми своими, которыя оно прежде отъ чужестранныхъ народовъ получало. И оставя прочія, токмо о двухъ родахъ упомяну, то есть о суконныхъ и полотняныхъ, которыхъ, не взирая на великія побужденія Государя Императора Петра Великаго, по 1742 годъ было суконныхъ фабрикъ только 16; съ вышеозначеннаго году, когда дворяне зачали въ оныя вступать, донынѣ еще ихъ 60 прибавилось, и чрезъ такое прибавленіе Россія стала въ состояніи армію свою собственными своими сукнами довольствовать; полотняныхъ-же, которыхъ было по вышеозначенный годъ только 20, съ того году еще 68 прибавилось. И отпускамъ такихъ товаровъ коль много равновѣсіе торговли на свою сторону перетянули! То должно-ли лишить такихъ заведеній, полезныхъ государству, полезныхъ обществу, каждому особливо и вообще, такихъ людей, которые оныя завели, и трудолюбіе привесть въ неволю? И чѣмъ наполнится толь великая учиненная пустота?

§ 2. Что же касается до покупки деревень къ фабрикамъ, хотя я о семъ въ прежнихъ моихъ голосахъ и имѣлъ честь упомянуть, однако и здѣсь все-

покорнѣйше предложу, что хотя узаконеніемъ Государя Императора Петра Великаго и позволено было подъ фабрики деревни покупать, но то было учинено въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ, то есть, что крестьяне были не пріобычны ни къ какимъ работамъ и ни за какія деньги на фабрики итти не желали; то дабы избавиться за самонужные товары, которые можно сдѣлать въ Россіи, дорогія деньги платить чужестраннымъ, соизволилъ позволить купцамъ, желающимъ заводить фабрики, покупать къ онымъ деревни, дабы хотя съ нѣкоторою неволею крестьянъ къ фабриканскимъ ремесламъ принудить. Но какъ нынѣ крестьяне къ таковымъ работамъ пріобыкли и охотою на фабрики работать всюду идутъ, то, понеже причина престала, и дѣйствіе равнымъ образомъ должно прекратиться. Притомъ же, если разсмотрѣть употребленіе, каковое изъ оныхъ покупныхъ подъ фабрики деревень чинится, да и необходимо должно таковое быть: которые фабриканы покупили деревни дѣйствительно для фабрикъ, тѣ всѣхъ работниковъ употребляя въ работу, чинятъ умаленіе въ многонародіи и утѣсняютъ земледѣліе; другіе же, во зло употребляя законъ, единственно для размноженія фабрикъ учиненный, имѣютъ отдаленныя отъ ихъ заводовъ деревни и пользуются помѣщичьими доходами; и наконецъ, сами или наслѣдники ихъ, наскучивъ трудами содержанія, фабрики теряютъ изъ глазъ своихъ, — должный имъ быть

единой предметъ доброе состояніе ихъ мануфактуры,—содержа токмо для виду нѣсколько становъ, сами дѣйствительно въ спокойствѣ помѣщичьими доходами пользуются. Такія противу желанія великаго монарха произошли дѣйствія, земледѣліе оскудѣло, а и трудолюбіе въ не лучшее, ежели не сказать въ худшее, состояніе пришло. И самое испытаніе намъ показуетъ, что лучшія фабрики, которыя есть въ Россіи, суть тѣ, къ которымъ нѣтъ приписанныхъ деревенъ; паденіе-же многихъ фабрикановъ немалое число съ собою въ тоже разореніе купцовъ влечетъ. Напротивъ-же того, дворянинъ, имѣя право содержать фабрику и передѣлывать въ послѣднюю степень нужды и потребности россійскія произращенія, права другаго ни на кого не пріобрѣтаетъ; онъ пользу обществу и государству туже можетъ приносить раздаваемыми за работу и за первыя матеріи деньгами; содержитъ обильство и трудолюбіе; упражняя крестьянъ своихъ на фабрикѣ неотлучными отъ домовъ, дѣлаетъ способъ ко умноженію народа; имѣя присмотръ не токмо яко надъ фабриканами, но яко и надъ подданными своими, которыхъ благосостояніе не токмо ему самому, но и потомкамъ его есть нужно, содержитъ въ нихъ добрыя нравы. Самое паденіе его вреда бóльшаго другимъ не приключаетъ, ибо не по фабрикѣ кредитъ его, но по числу деревень происходитъ. (Дворянинъ) побуждаетъ земледѣліе, не токмо оставляя, но и принуждая своихъ под-

данныхъ въ земледѣліи упражняться; и наконецъ, привозя свои товары и продавая россійскимъ купцамъ на биржѣ и въ лавкѣ, всему корпусу купечества пользу дѣлаетъ.

§ 3. Не могу оставить я, чтобы и о томъ не помянуть, что господинъ депутатъ города Серпейска представляетъ, колико строеніемъ фабрикъ дворяне отягощаютъ своихъ крестьянъ и въ работную пору. Коль его предложенія чудны быть ни являются, однако, почитая въ господинѣ депутатѣ выбравшее его общество, я не мню, чтобъ по наиторжественнѣйшей присягѣ что несправедливое сказалъ. Итако я за должность себѣ почитаю мнить, что, можетъ быть, ему случилось такія беззаконія на свѣтѣ видѣть; но не слѣдуетъ изъ того, чтобы непристойной поступокъ кого одного въ доказательство для обвиненія всего общества служилъ. Въ самомъ-же дѣлѣ таковой поступокъ, какой онъ представляетъ, сопряженъ съ противурѣчіемъ, ибо каждой помѣщикъ, заводящій фабрику, или охотою къ домостроенію, иль желаніемъ къ прибытку къ тому побужденъ; и первое должно склонять его къ желанію пріобрѣсти благосостояніе своихъ крестьянъ, а второе къ разсмотрѣнію въ удобное время все дѣлать; и тако, обое есть равно противно тому, чтобы въ самую работную пору заставлять какое строеніе крестьянамъ строить. Но какъ рѣчь господина депутата, представляющаго жалкое состояніе крестьянъ, клонится яко

къ предписанію права помѣщиковъ надъ ихъ подданными, то на сіе имѣю честь предложить, колико есть разныхъ узъ, связующихъ дворянъ съ ихъ крестьянами: дворяне, получа земли и деревни въ награжденіе за пролитую свою кровь и за разныя услуги, большую часть земель для пропитанія своимъ крестьянамъ уступили; снабдили ихъ лѣсами, снабдили ихъ лугами, надзираютъ подобно какъ надъ дѣтьми своими, чтобы никто никакой обиды имъ не учинилъ, и чтобъ между собою другъ друга не раззоряли; ссужаютъ ихъ во время нужды и хлѣбомъ, и скотиной, и лошадьми. За такія дарованія, защищеніе и доброе управленіе иль полагаютъ крестьянъ своихъ на пашню и работу, оставляя однако по меньшей мѣрѣ двѣ трети времени на ихъ собственныя работы, иль положили ихъ на оброки, и тогда уже работы не требуютъ; но рѣдко чтобъ какимъ изъ сихъ положеній отягощали такихъ людей, которыхъ благосостояніе не токмо имъ самимъ, но и дѣтямъ ихъ нужно, и коихъ разореніе самимъ ихъ разореніемъ приключитъ по обязательству, въ которомъ находятся, платить за крестьянъ своихъ всякіе государственные поборы; а если иногда положенія на крестьянъ и тягостны являются, но таковыя положенія умѣриться трудны, ибо оныя по большей части накладываются не токмо по числу душъ, но и по разнымъ выгодамъ, каковыя деревня имѣетъ.

§ 4. Наконецъ, мнится мнѣ, небезполезно будетъ предложить на раз-

смотрѣніе почтеннѣйшему собранію нѣчто о правахъ фабрикановъ, разумѣя ихъ въ двухъ родахъ: дворянъ, желающихъ оныя имѣть, и мѣщанъ.

Право дворянское о фабрикахъ.

1) Дворянинъ, по мнѣнію моему, долженъ имѣть право заводить всякую фабрику, которая производится изъ Россійскихъ продуктовъ, и если будетъ для оной употреблять земледѣльцовъ, то фабрика его можетъ въ лѣтнее время праздна стоять.

2) Онъ долженъ всѣ свои товары продавать Россійскимъ купцамъ въ лавки и при портахъ; и въ послѣднемъ случаѣ, если Россійскіе купцы ему настоящей цѣны давать не будутъ, то можетъ, учиня въ таможнѣ протестацію, и чужестранному прямо продать.

Право купецкое о фабрикахъ.

1) Всякій купецъ можетъ всякаго роду фабрику какъ изъ Россійскихъ произращеній, такъ изъ чужестранныхъ, имѣть въ городѣ или въ деревнѣ на купленной имъ землѣ токмо подъ тотъ заводъ, и работу производить приписанными прежде или вольными людьми.

2) Вступившій купецъ въ содержаніе фабрики никакимъ другимъ торгомъ, окромя того, что дѣлается на его заводѣ, торговать не долженъ, окромя выписки и покупки нужныхъ первыхъ матерій для его заводу.

3) Болѣе одной лавки для продажи вещей, сработанныхъ у него на заводѣ имѣть не долженъ, дабы и другіе куп-

цы, у него покупая и продавая врознь, могли его трудолюбіемъ пользоваться.

4) Дома же и на фабрикѣ всякая продажа должна быть запрещена фабрикану.

5) Содержаніе фабрики, мнится мнѣ, не должно свобождать купца ни отъ какихъ тягостей, каковыя несутъ его собратья.

И все сіе предаю на разсмотрѣніе почтеннѣйшему собранію.

Поданъ Октября 18 дня.

Въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія *).

Всепокорнѣйшее предложеніе.

Недавно предъ симъ читанные законы о торговлѣ на торжкахъ и ярмонкахъ подаютъ мнѣ причину предъ сіе почтеннѣйшее собраніе мнѣнія мои о таковыхъ торжкахъ предложить.

„Внутренняя торговля“, говоритъ единый писатель, „есть великой полезности; она подаетъ всѣмъ гражданамъ способъ пріобрѣтать себѣ нужныя вещи; она производитъ обращеніе денегъ, побуждаетъ трудолюбіе и, давая пропитаніе великому числу подданныхъ, спомоществуетъ ко умноженію народа и къ силѣ государства“, и далѣ: „на-

роды суть обязаны спомоществовать внутренней торговлѣ: 1. понеже доказываютъ по естественному праву, что люди взаимственно другъ другу должны помогать, спомоществовать, колико имъ возможно, къ совершенству и къ счастію имъ подобныхъ; откуда послѣ воспослѣдуетъ введеніе собственности и обязательство уступать другимъ за умѣренную цѣну вещи, въ которыхъ тѣ нужду имѣютъ, и которыя мы для своего употребленія не опредѣляемъ. 2. Сообщество бывъ установлено съ тѣмъ, чтобы каждой могъ себѣ пріобрѣсти нужныя вещи къ своему совершенству и благоденствію, а торговля внутренняя бывъ способъ къ пріобрѣтенію сихъ вещей, то должность оной спомоществовать происходитъ отъ самаго согласія, которое сочинило общество. 3. Наконецъ, сія торговля, бывъ полезна націи, то она (нація) должна сама стараться о приведеніи ея въ цвѣтущее состояніе“. Къ чему еще я приложу, что она есть вѣрнѣйшій способъ для побужденія къ земледѣлію и къ распространенію внѣшней торговли.

И дѣйствительно, когда деньги учинились знакомъ вещей, и когда чрезъ нихъ можно все нужное себѣ пріобрѣтать, то, что можетъ болѣе побудить земледѣльца прилежать къ трудной его работѣ, какъ то, что чрезъ легкій способъ продажи пріобрѣтенныхъ его трудами вещей все нужное себѣ пріобрѣсти можетъ? Рукомесленникъ также, продавая сработанныя имъ вещи, пропитаніе себѣ пріобрѣтаетъ. И, слѣдственно, колико

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Приводимое здѣсь «предложеніе» кн. Щербатова внесено въ засѣданіи Большой Коммиссіи 7 ноября 1767 г. Въ сборникѣ И. Р. И. Об. оно напечатано не было, но на содержаніе его сдѣлано указаніе на основаніи дневной записки названнаго засѣданія (Сб. Т. VIII стр. 222). Въ виду краткости этихъ указаній можно сказать, что дневная записка содержитъ лишь намеки на содержаніе предложенія кн. Щербатова. Къ мнѣнію кн. Щербатова присоединились 5 депутатовъ отъ дворянства (см. тамъ-же).

легчайшіе способы къ такому обращенію вещей будутъ учреждены, то болѣ земледѣльцы къ трудолюбію побудятся и, отъ исполненія взаимственной обязанности другъ другу, каждый изъ того себѣ пользу обрѣтая, и цѣлое государство чрезъ благоденствіе своихъ подданныхъ воспользоваться можетъ.

Колико вышеозначенныя мною правилы являются мнѣ справедливы и для каждаго государства, но могу сказать, что они еще нужнѣе для Россіи, гдѣ рѣдкость градовъ, понуждая часто для сниcканія нужныхъ вещей земледѣльца на многіе дни отъ своего дому отлучаться, приключаетъ ему невозвратную потерю времени, которое-бы онъ могъ во всякое время гораздо полезнѣе для себя употребить; дальностію провоза умножаетъ цѣну товаровъ и малостію привоза вдругъ, по причинѣ дальныхъ разстояній, какъ по дороговизнѣ, такъ и по продолженію надлежащаго времени для закупки, и внѣшней торговли дѣйствительное помѣшательство приключаетъ. Изъ чего я заключаю, что вышепредложенныя мною причины суть довольно сильны къ показанію, что торжки необходимо нужны. И тако, остается мнѣ о разстояніи ихъ и о учрежденіяхъ упомянуть:

1) Что касается до учрежденія таковыхъ торжковъ, то мнится мнѣ, чтобы полезно было въ каждомъ городѣ оные назначить въ нѣкоторые дни, смотря по величинѣ города и его уѣзду, по два или по три дня въ недѣлю; однако съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобы такіе

повторительные на одной недѣли торги были назначены въ зимнее время, а въ лѣтнее токмо-бы одни воскресные дни и тѣхъ городовъ годовые праздники въ городахъ для торгу оставались, дабы чрезъ сіе инымъ нерачительнымъ крестьянамъ воспрепятствовать многажды въ одну недѣлю отъ своего дому отлучаться.

2) Чтобы ни въ какой деревнѣ, ближе двадцати верстъ лежащей отъ города, торговъ не было, дабы чрезъ то внутреннимъ торгомъ городъ болѣе могъ пользоваться, какъ то въ данномъ намъ наказѣ отъ Ея Императорскаго Величества въ отдѣленіяхъ 388 и 391 изъяснено.

3) Что же до деревенскихъ торговъ, то оные, мнится мнѣ, не должны быть одинъ отъ другаго ближе двѣнадцати верстъ, дабы не могли одинъ другому подрывъ дѣлать, и болѣе ни въ какой деревнѣ одного торга въ недѣлю не производить.

4) Въ расположеніи-же такихъ торговъ не взирать на величину селенія, ибо оный не для того селенія учреждается, но для общей пользы всѣхъ окружныхъ жителей; такъ что, если селеніе будетъ не менѣе токмо двадцати дворовъ и имѣетъ къ тому способности, яко стояніе близъ большой дороги, нетрудный проѣздъ, довольную воду и прочія подобныя удобности, то уже къ таковому торжку его удобнымъ почитаю.

5) Надлежитъ, мнится мнѣ, въ таковыхъ селеніяхъ не токмо позволять, но и принуждать, чтобы нужные крестьянамъ ремесленники были, яко: ко-

лесники, кузнецы и прочіе, дабы земледѣлецъ, пріѣхавъ на таковой торгъ, могъ не токмо свое продать, иль что купить, но и нужды свои для исправленія земледѣльческихъ орудій исправить.

6) Первое основаніе всякой торговли есть вольность, какъ то и въ данномъ намъ наказѣ отъ Ея Императорскаго Величества въ отдѣленіи 317 изъяснено: „торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойства не нарушаютъ", къ чему уже Россія великой способъ имѣетъ чрезъ снятіе внутренней пошлины; и слѣдственно мѣста тѣ, иль площади, на коихъ торжекъ производится, ни кѣмъ загорожены быть не могутъ, и никто не долженъ имѣть права, чтобы кого не впустить, иль не выпустить, иль осмѣлиться цѣну устанавливать, ибо, еще повторяю, вольность единая одушевляетъ всякую торговлю.

7) Построеніе амбаровъ на такихъ деревенскихъ торжкахъ для ссыпанія хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ есть необходимо нужно, и пошлина съ оныхъ, хотя они не престаютъ собственность помѣщиковъ составлять, съ строенія, а не съ кладеныхъ товаровъ должна собираться.

8) Для охраненія отъ ссоръ и безпорядковъ сотскіе и десятскіе той округи, гдѣ таковой торжекъ производится, должны на ономъ быть и не допускать ни до какихъ смущеній; также полезно было-бы, если-бы такіе сотскіе учрежденныхъ коммисаровъ, а коммисары правительствъ ежемѣсячно увѣдомляли о цѣнѣ всякихъ земледѣльческихъ вещей, продающихся на такихъ торжкахъ, дабы черезъ то правленіе всегда о возвышеніи и униженіи цѣнъ извѣстно было.

Все мое предложеніе состоитъ о единыхъ токмо деревенскихъ торжкахъ, ибо ярмарки, яко пространнѣйшія вмѣщающія торгъ, дальнѣйшимъ распоряженіямъ подлежатъ. Также не упоминаю и о товарахъ, кому чѣмъ торговать, о чемъ въ правахъ каждаго чина предписать должно.

Поданъ Ноября 7 дня.

О способахъ лечить крестьянъ *).

Въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Предложеніе.

Неусыпныя и материнскія попеченія Ея Императорскаго Величества о

всемъ томъ, что до блага Россіи касается, толико должны воспламенять наши сердца ко всему тому, что можетъ пользу ей принести и обратить всѣ чувствы наши къ добродѣтели, чтобъ за нѣкое преступленіе себѣ почелъ, если бы мысли мои, сходствующія съ человѣколюбивыми намѣреніями, означенными въ данномъ намъ наказѣ, отдѣленіяхъ 266, 267, 268 и 276, не изъяснилъ.

Нерѣдко съ крайней жалостію взиралъ я на Россійскій нижайшей степени народъ и чувствовалъ содроганіе сердца, видя его въ непрестанной болѣзни съ его младенчества, въ приключенныхъ припадкахъ въ совершенномъ возрастѣ, и въ дряхлости ихъ престарѣлыхъ лѣтъ безъ всякаго попеченія въ естественныхъ и въ прилипчивыхъ болѣзняхъ оставленна. И какое жестокое сердце не тронется, какая не взволнуется кровь, видя женщинъ рождающихъ, безъ всякой помощи оставленныхъ! Нѣтъ, не довольно оставленныхъ, но ниже имѣющихъ людей, которые бы симъ, въ невѣжествѣ коснѣющимъ, людямъ восхотѣли-бы на себя взять трудъ сказать всю опасность, къ какой часто безъ нужды невоздержаніемъ своимъ себя и безвинный ихъ плодъ подвергаютъ! Воззримъ на сихъ младенцовъ, подающихъ надежду государству; мы узримъ ихъ въ обыкновенныхъ ихъ болѣзняхъ, въ оспѣ, сыпяхъ, жарахъ и прочихъ, безъ всякаго присмотру подверженныхъ къ суровости временъ и пищи... то удивительно-ли сіе, что сія надежда государственная прежде назначеннаго судьбою времени косою смерти посѣкается?

Напрасно на сіе мнѣ нѣкоторые, можетъ быть, возразятъ, что нашихъ земледѣльцовъ суровое и крѣпкое сложеніе есть такое, что вредно намъ быть является, вреда имъ не приключаетъ. Сіе правило можетъ служить для достигшихъ уже въ совершенныя лѣты, которые могли ужь къ тому пріобыкнуть, и коихъ члены отъ работы нѣкую крѣпость пріобрѣли, но младенческіе нѣжные члены возмогутъ-ли то снести? Спасаются въ небреженіи такомъ нѣкоторые, но то мѣньшая часть, а бóльшая часть погибаетъ. И самые уже достигшіе въ лѣты не могутъ-ли быть подвержены къ болѣзнямъ? и кто о томъ неизвѣстенъ, что самое крѣпкое сложеніе отъ болѣзни ослабѣваетъ, и тогда, если ему подпоры нѣтъ, то не въ явную-ли погибель и легкою болѣзнію ввергается, что я скажу иногда и о малыхъ болѣзняхъ, которыя бы можно чрезъ легкіе способы отвратить, а онѣ за недостаткомъ присмотра смертельны становятся. Наконецъ, прилипчивыя болѣзни, заражающія родъ человѣческій, и вмѣстѣ съ жизнію причину скорби, болѣзни и безвременной смерти наносящія; такъ же увѣчья, приводящія въ нищету и чинящія человѣка неспособна ко всякой пользѣ общества, и хотя жизнь его и продолжается, но то токмо лишь терпѣніе и страданіе его длится, и смерть, по мнѣнію того, недовольно скоро приходитъ сократить его

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Печатаемое здѣсь «предложеніе» было внесено въ засѣданіи Большой Коммиссіи 19 ноября 1767 г. отъ имени депутата отъ Перемышльскаго и Воротынскаго уѣзда (нынѣшней Калужской губерніи) Льва Александровича Нарышкина (Сб. И. Р. И. Об. т. VIII стр. 302—305). По прочтеніи сего представленія (тамъ же стр. 305) маршалъ предложилъ собранію «сдѣлать на него свои замѣчанія, съ которыми и отослать въ Дирекціонную Коммиссію для передачи въ ту частную, въ которой объ этомъ предметѣ будетъ разсматриваться. Собраніе изъявило на это свое согласіе. Замѣчанія на предметъ, указанный въ приводимомъ мнѣніи и на самое это мнѣніе сдѣланы въ засѣданіи Большой Коммиссіи: 11 декабря—депутатомъ отъ медицинской коллегіи барономъ Георгіемъ Ашъ (тамъ же стр. 352—360) и 14 декабря того же года—депутатомъ отъ казаковъ Оренбургской линіи Харитономъ Самсоновымъ (тамъ же стр. 378—382).

Что предложеніе, внесенное въ Коммиссію отъ имени Перемышльскаго и Воронежскаго депутата, составлено кн. Щербатовымъ, слѣдуетъ изъ нахожденія его въ составѣ «голосовъ и проектовъ», собранныхъ самимъ княземъ, и изъ сдѣланной въ концѣ «предложенія» приписки (см. ниже).

печальные и подверженные къ страданію дни.

Печальныя воображенія, возмущающія всякое человѣколюбивое и чувствительное сердце, и тѣмъ паче наводящія прискорбіе, что трудно, является, тому помощь подать! Но не должна трудность преодолѣть въ насъ чувствительность и должное соучастіе къ несчастіямъ намъ подобныхъ людей; чего ради не соблаговолитъ-ли почтеннѣйшая Коммиссія повелѣть Медицинской Коммиссіи о прекращеніи сихъ золъ надлежащіе способы поискать и о удобности ихъ здѣсь разсмотрѣть.

Однако и я, хотя никакого знанія въ той великой и важной наукѣ не имѣю, но любовію къ человѣчеству бывъ побужденъ, которая меня въ семъ трудномъ предложеніи да просвѣтитъ, да покажетъ мнѣ въ сей мрачной темнотѣ путь о томъ, что почитаю за полезное о семъ представить!

Способы, служащіе къ сохраненію жизни человѣческой и къ предупрежденію отъ болѣзней, я на три части раздѣляю: происходящіе отъ желанія каждаго сохранить свою жизнь, отъ любви къ своему потомству и отъ отвращенія отъ всякой болѣзни и страданія, которые суть слѣдующія: 1) надлежащее поддержаніе съ нужнымъ знаніемъ, какъ оное исполнять; 2) вспомоществованіе въ малыхъ припадкахъ, наконецъ, 3) елико возможное попеченіе въ важныхъ болѣзняхъ.

И тако! зачиная съ рождающихъ женщинъ, которымъ бы весьма полезно было

во время скорби ихъ родовъ помощь подавать. Но коль полезность онаго есть очевидна, такъ и совершенная невозможность представляется найти довольное число и во время искусныхъ къ тому бабокъ, въ которыхъ и въ городахъ недостатокъ имѣемъ. И тако, мнится, оставить деревенскимъ жительницамъ естественную вещь—рожденію себѣ подобныхъ съ прежнею помощію чинить, но постараться добрыми данными наставленіями предупредить, чтобы послѣ родинъ своихъ отъ невоздержности своей къ смертельнымъ припадкамъ не подвергались. Кому же таковыя наставленія имъ давать и какія оныя пристойны? Мнѣ мнится, что священники, обязанные по своему сану имѣть попеченіе о нашихъ душахъ, всѣхъ способнѣе къ тому могутъ быть по повѣренности, каковую они имѣютъ отъ поселянъ, а паче когда они предложатъ, что обыкновенной своей невоздержностію подвергаютъ себя и плодъ свой къ смерти и убійцами себя и невинныхъ тѣхъ младенцовъ становятся. Однако надлежитъ приложить къ тому, что воздержаніе, каковое рождающимъ поселянскимъ женщинамъ должно предписывать, не должно быть такое, чтобы по нуждѣ рода ихъ жизни его исполнять не могли; но если и малая отмѣна противу прежняго въ нихъ будетъ, иль охраненіе себя въ самые хотя первые дни отъ холоду, тяжкихъ работъ и подобнаго, то уже могутъ многія спастися, чего ради и мнится мнѣ, что надлежало-бы, согласуясь съ сложеніями,

привычкою къ работѣ и обычаями поселянъ, краткія, но ясныя правила предписать, которыя раздать священникамъ, дабы они оныя имъ внушали. Не сумнѣваюся-же я, чтобы таковыя наставленія приняты не были и по большей части не стали исполняться безъ принужденія: ибо любовь къ собственному своему бытію, любовь къ своему потомству и страхъ, закономъ приключаемый, суть довольно сильныя причины, дабы наиупрямѣйшихъ склонить.

2. Также является мнѣ, чтобы небезполезно было, если-бы отъ искусныхъ докторовъ были выданы краткія книги описанія нѣкоторыхъ болѣзней и простѣйшихъ лекарствъ, которыя бы равнымъ образомъ къ священникамъ были разосланы съ приложеніемъ самыхъ сихъ лекарствъ, въ корняхъ и травахъ состоящихъ, дабы во время таковыхъ болѣзней они могли такими простѣйшими лекарствами пользовать; и, дабы предупредить могущій произойти вредъ отъ излишняго количества лекарства, оныя, въ пріемы раздѣля, къ нимъ и отсылать. И тѣмъ сіе мое предложеніе является основательное, что мы видимъ въ другихъ Европейскихъ государствахъ многихъ деревенскихъ священниковъ, пользующихъ своихъ прихожанъ, то для чего же подобное и у насъ въ обычай не ввести?

И сверхъ того, я мню, что рѣдкій найдется живавшій въ деревняхъ своихъ дворянинъ, которой бы не могъ засвидѣтельствовать, что многажды каждому случалось подобными простыми ле-

карствами почти отъ смерти людей своихъ избавлять.

3. А понеже многіе впадаютъ и въ такія болѣзни, которыя отъ искуснѣйшихъ людей помощи требуютъ, для таковыхъ являлося-бы, мню, весьма полезно было учредить во всѣхъ уѣздахъ уѣздныхъ лекарей, которые бы должны были дважды или трижды въ годъ, возя съ собою нужную аптеку, объѣхать весь уѣздъ и стараться обрѣтающимся въ тяжкихъ болѣзняхъ помощь подать, а имѣющихъ заразительныя хотя и должайшимъ житьемъ въ томъ мѣстѣ излечить; и на содержаніе такихъ лекарей, аптекъ и лекарствъ, мню, что ни единой не откажется, для сохраненія жизни себѣ подобныхъ, нѣкое споможеніе учинить.

4. Воспитаніе младенцовъ также не должно въ забвеніи оставить, которыхъ хотя великое число рождается, но мало въ совершенной возрастъ достигаютъ. И мнится мнѣ между прочими примѣчать сему причину въ томъ, что матери ихъ не своимъ, а скотскимъ молокомъ воспитываютъ. То также кому пристойнѣе ихъ въ томъ увѣщать, какъ священникамъ, дабы матери болѣе о сихъ невинныхъ попеченія имѣли; сохраняли-бы ихъ отъ суровости временъ, а паче въ болѣзняхъ, и чрезъ противные поступки не сдѣлалися-бы убійцами потомства своего.

И таковыя наставленія, часто твер женныя отъ пастырей душевныхъ и имъ по вышеписанному въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ розданныя, чаю,

не меньше прочаго дѣйствіе свое произвести могутъ.

Сіи мои мнѣнія на разсмотрѣніе почтеннѣйшему собранію имѣю честь предложить и льщу себя, что искусные люди, бывъ побуждены человѣколюбіемъ, потщатся нѣкія правила предписать и тѣмъ сдѣлаютъ услугу человѣчеству и государству.

Поданъ ноября 19 дня именемъ Льва Александровича Нарышкина.

Въ Дирекціонную Коммиссію о сочиніи проекта новаго уложенья, отъ частной Коммиссіи о среднемъ родѣ жителей въ Россійской Имперіи *).

ПЛАНЪ:

Во первыхъ полагаю (полагаемъ?) себѣ въ основаніе данный намъ наказъ

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Напечатанными выше мнѣніями и проектами исчерпывается собраніе заявленій, поданныхъ кн. Щербатовымъ въ Большую Коммиссію, имъ самимъ составленное. Вслѣдъ за симъ печатаются «Планы законовъ о среднемъ родѣ людей», составленные княземъ—какъ видно изъ его предисловія къ собранію трудовъ по ЕкатерининскойКоммиссіи (см. выше стр. 9)—по порученію частной Коммиссіи, для сочиненія таковыхъ законовъ образованной. О началѣ дѣятельности этой Коммиссіи находимъ слѣдующія указанія въ предисловіи проф. Сергѣевича къ XXXVI тому Сборника Императорскаго Руссаго Историческаго Общества (стр. IV, V и VI):

25-го сентября 1767 г. частная Коммиссія о разборѣ родовъ государственныхъ жителей сдѣлала представленіе дирекціонной о необходимости учредить особую Коммиссію о среднемъ родѣ людей. Эта новая Коммиссія была учреждена «подъ смотрѣніемъ Коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, какъ часть оной». Въ ея составъ вошли, по избранію Большой Коммиссіи: графъ Эрнстъ фонъ Минихъ, депутатъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи, князь Иванъ Вяземскій, депутатъ Дмитровскаго дворянства, и Степанъ Нарышкинъ, депутатъ Михайловскаго дворянства; по предложенію генералъ-прокурора, кн. Мих. Щербатовъ, депутатъ ярославскаго дворянства, и, по предложенію маршала, Михаилъ Степановъ, депутатъ города Венева.

отъ Ея Императорскаго Величества, какъ въ ономъ изъяснено въ 359, 380, 381, 382 и прочихъ отдѣленіяхъ, касающихся до сего роду людей, коему положенію послѣдуя, и учрежденная Коммиссія о разборѣ родовъ жителей въ Россійской Имперіи раздѣлила оныхъ на восемь степеней: 1) на бѣлое духовенство, 2) на ученыхъ, 3) на художниковъ, 4) на купцовъ, 5) на ремесленниковъ, 6) на приказныхъ, 7) на разночинцовъ и 8) на освобожденныхъ, которое раздѣленіе отъ дирекціонной Коммиссіи въ частную о среднемъ родѣ Коммиссію и сообщено:

Тако учрежденная частная Коммиссія о поставленіи правъ разныхъ чи-

Къ 6 ноября 1767 года эта Коммиссія выработала планъ проекта правъ средняго рода людей; а 26 іюля 1768 года былъ готовъ и самый проектъ».

Изъ бумагъ, печатаемыхъ ниже, явствуетъ, что на упоминаемый здѣсь планъ, составленный княземъ Щербатовымъ, сдѣланы были замѣчанія Дирекціонною Коммиссіею; что замѣчанія эти, сообщенныя Коммиссіи «о среднемъ родѣ людей», 15 ноября 1767 г. вызвали новую переработку плана, выполненную также княземъ Щербатовымъ. Этотъ послѣдній, переработанный планъ и легъ въ основу дальнѣйшихъ трудовъ Коммиссіи. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла проф. Сергѣевичъ (см. тамъ же) говоритъ слѣдующее:

«Съ 29 іюля по 16 октября 1768 г. проектъ разсматривался совмѣстно Коммиссіей о родахъ государственныхъ жителей и Коммиссіей о среднемъ родѣ людей. Въ результатѣ получился нѣсколько переработанный проектъ, принятый обѣими Коммиссіями. Затѣмъ началось разсмотрѣніе проекта членами Коммиссіи о среднемъ родѣ вмѣстѣ съ членами коллегій и канцелярій, дѣятельности которыхъ проектъ касался. Съ этою цѣлію члены Коммиссіи ходили въ присутствіе Синода и приглашали въ свои засѣданія членовъ Академіи наукъ, Академіи «трехъ знатнѣйшихъ художествъ», Бергъ, Мануфактуръ, Адмиралтействъ и Военной Коллегій и пр.». Копіи съ соотвѣтствующихъ отдѣловъ проекта обсуждались и въ полномъ присутствіи этихъ учрежденій. Съ нѣкоторыми замѣчаніями учрежденій Коммиссія соглашалась, дру-

новъ людей, входящихъ въ средній родъ, предполагая въ главное основаніе благо государства, ихъ вольность, добронравіе, трудолюбіе и поощреніе къ тому, нижеслѣдующее имѣетъ представить:

Не отдаляясь отъ вышеозначенныхъ раздѣленій, но желая токмо въ простѣйшій порядокъ привести, раздѣляемъ сей обще средній родъ людей на три части: 1) состоитъ изъ тѣхъ, которые въ наукахъ и художествахъ упражняются, 2) торгующіе и 3) которые другими мѣщанскими промыслами пользуются и могутъ еще на многіе классы раздѣляться, и тѣ еще другія, подробнѣйшія раздѣленія имѣть, иль части частей составлять.

Первый классъ, въ наукахъ и художествахъ упражняющійся.

Сей классъ раздѣляется на три части, то есть: 1) на бѣлое духовен-

гія приняты не были. Послѣдовала новая переработка проекта, происходившая съ ноября 1768 г. по 12 февраля 1769 г., съ участіемъ представителей Академіи наукъ и 3-хъ знатнѣйшихъ художествъ. Новый проектъ былъ подписанъ членами Коммиссіи 12 февраля 1769 г. и 17 числа того же мѣсяца внесенъ въ Дирекціонную Коммиссію, вмѣстѣ съ непринятыми Коммиссіею замѣчаніями правительственныхъ учрежденій, возраженіями Коммиссіи на эти замѣчанія и замѣчаніями на проектъ члена Коммиссіи о родахъ государственныхъ жителей, депутата Архангелогородскаго отъ города купца Николая Свѣшникова.

Проектъ и замѣчанія на него напечатаны на страницахъ 179—232 XXXVI тома Сборника И. Р. И. О. Изъ замѣчаній правительственныхъ учрежденій, относящихся столько же къ проекту, сколько къ первоначальному его плану, особенно важны замѣчанія Св. Синода, не одобрявшаго ни рѣзкаго раздѣленія духовенства на монашествующее и бѣлое, ни включенія послѣдняго въ «средній родъ людей» (тамъ же стр. 187 и 188).

ство, 2) на ученыхъ и 3) на художниковъ.

Бѣлое духовенство.

Раздѣляется: 1) на священниковъ, 2) дьяконовъ и 3) на прочихъ церковнослужителей.

Ученые.

Раздѣляются: 1) на профессоровъ, въ которое число вмѣщаются и доктора, и 2) на учителей свободныхъ наукъ, и къ нимъ причисляются лекари и аптекари.

Художники.

Раздѣляются 1) на художниковъ четырехъ вольныхъ художествъ, то есть (1) архитектуры, (2) живописи, (3) рѣзьбы и (4) музыки, и 2) на тѣхъ изъ ремесленниковъ, которымъ академія за отличное искусство, иль какое новое изобрѣтеніе, титулъ художниковъ дастъ.

Сіи три степени перваго класса средняго роду людей, конечно, должны нѣкоторыми особливыми почетными выгодами быть отличены предъ другими, дабы чрезъ то паче побудить людей къ наукамъ и художествамъ прилежать.

Второй классъ: торгующихъ.

Сей второй классъ средняго роду людей, упражняющійся въ торговлѣ, на двѣ части раздѣляется: 1) на купцовъ и 2) на мореплавателей на купецкихъ корабляхъ.

Купцы.

Раздѣляются: 1) на гуртовыхъ, къ которому числу причисляются и банкиры, 2) на продающихъ врозницу и

3) на сидѣльцовъ, прикащиковъ и разносчиковъ.

Мореплаватели.

Раздѣляются: 1) на тѣхъ, которые имѣютъ собственные свои мореходныя суда и нанимаются перевозить товары, 2) на тѣхъ, которые токмо имѣютъ одни суда, иль нанимаются въ шкиперы управлять кораблями, и 3) на работниковъ на такихъ судахъ.

Первые изъ оныхъ, по нашему мнѣнію, должны быть сравнены съ валовыми купцами, а вторые—съ продающими врозницу; и какъ сіи мореплаватели всѣми правами купеческими по классамъ своимъ пользоваться, такъ и купцы могутъ безъ запрещенія въ мореходный промыселъ вступать. Третіи, же остаются въ томъ классѣ людей, изъ котораго они взяты будутъ.

Третій классъ—тѣхъ, которые другими мѣщанскими промыслами пользуются.

Сей классъ раздѣляется: 1) на ремесленниковъ, 2) на приказныхъ служителей и ихъ дѣтей, 3) на разночинцовъ и 4) на освобожденныхъ.

1. Ремесленники.

Раздѣляются: 1) на мастеровъ, 2) на подмастерій и 3) на работниковъ; послѣдніе остаются въ томъ чинѣ и родѣ людей, изъ котораго они взяты.

2. Приказные служители и дѣти ихъ.

3. Разночинцы.

Раздѣляются на разныя степени, яко то извощики, харчевники, разные работники и прочіе, и словомъ всѣ тѣ,

которые мѣщанскимъ правомъ пользуются, а не въ какую степень изъ вышеписанныхъ не входятъ.

4. Освобожденные.

До коихъ мѣстъ въ какой изъ вышеписанныхъ классовъ не вступятъ.— Къ симъ разнымъ раздѣленіямъ частная Коммиссія о среднемъ родѣ людей за нужное почла приложить еще установленіе о цѣхахъ, яко о единомъ изъ главнѣйшихъ способовъ, которымъ сей родъ людей себѣ пропитаніе обрѣтаетъ. И тако, съ одной страны конечная нужда въ цѣхахъ для побужденія и приведенія въ совершенство ремеслъ въ Россіи, и съ другой и самое состояніе сего рода людей понуждаетъ насъ о всѣхъ учрежденіяхъ оныхъ упомянуть, окромя суда, который съ прочими судами средняго рода людей на благоучрежденіе дирекціонной Коммиссіи оставляемъ.

Всегдашнее позволеніе въ Россіи разныхъ вѣръ, милосердые законы и призваніе чужестранныхъ Ея Императорскимъ Величествомъ подаетъ намъ причину уповать, что коль много оныхъ ни есть уже въ Россіи, но отъ времени до времени еще могутъ умножаться; а понеже отъ пріѣзду таковыхъ чужестранныхъ Россія можетъ себѣ не малую полезность ожидать, того ради учрежденная Коммиссія о среднемъ родѣ людей за нужное почитаетъ и о правахъ тѣхъ упомянуть, дабы таковые пріѣзжіе съ одной стороны знали, на какихъ основаніяхъ и правахъ они приняты въ Россію будутъ, а съ дру-

гой, дабы и законы сходственны съ ихъ надеждою были, и таковое положеніе естественно доводитъ и о защищеніи, иль опекунствѣ оныхъ упомянуть, дабы какъ чужестранные невѣденіемъ законовъ отречися отъ исполненія ихъ не могли, такъ и судебныя мѣста, пользуяся невѣденіемъ ихъ нашего языка, въ производствѣ касающихся до нихъ дѣлъ не могли бы имъ какого притѣсненія учинить.

Учрежденіе купеческихъ обществъ на подобіе, какъ оныя есть у чужестранныхъ народовъ, и которыя прежде въ Россіи подъ именемъ сотенъ бывали, есть толь полезно, что оная полезность, мнимъ, каждому ощутительна есть. И тако Коммиссія о среднемъ родѣ людей не хотѣла и сіе благое учрежденіе упустить, чтобы о правахъ такихъ обществъ не помянуть.

Наконецъ, разсуждая, колико просвѣщеніе разума человѣческаго склоняетъ его сердце ко всякой добродѣтели и ко всему, что можетъ полезно отечеству быть; то учрежденіе школъ для мѣщанства, гдѣ бы дѣти оныхъ нужнымъ наукамъ учились и въ благонравіи преуспѣвали, за необходимо принадлежащее къ правамъ средняго рода людей почитаетъ. Чего ради и особливую главу о правѣ заводить такія училища назначила, оставляя другой благоучрежденной Коммиссіи о правилахъ такихъ школъ расположеніе учинить.

Такимъ образомъ расположивъ и изъясня, колико до плану можетъ принадлежать, о учрежденіи и раздѣле-

ніяхъ средняго рода людей, при семъ и оглавленіе главъ на разсмотрѣніе дирекціонной Коммиссіи предлагаемъ; однако съ тѣмъ, что во время продолженія нашего труда въ семъ дѣлѣ, если и сверхъ означенныхъ главъ и матерій что по прочтеніи надлежащихъ законовъ и наказовъ за полезное разсудимъ прибавить, иль сократить въ порученной намъ матеріи, что весьма по новости и пространности оной можетъ случиться, — то, чтобы намъ не возбранено было по разсужденію нашему то учинить.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Главъ законовъ, касающихся до средняго рода людей.

Гл. XVIII. О городскихъ школахъ для дѣтей средняго рода людей.

Гл. XIX. О чужестранныхъ и опекунствѣ ихъ.

Поданъ въ Дирекціонную Коммиссію ноября 6-го дня.

Копія съ полученныхъ примѣчаній 15-го ноября 1767 году.

Дирекціонной Коммиссіи примѣчаніе на планъ Коммиссіи о среднемъ родѣ людей.

1) Въ первой классъ разсуждается прибавить приказныхъ людей — вмѣстить между учеными и художниками.

2) Во второй классъ положить въ равенствѣ содержателей заводовъ и фабрикъ съ гуртовыми купцами; о мореплавателяхъ сдѣлать раздѣленіе какъ по количеству и качеству судовъ, и по поѣздкамъ.

3) И также, что подъ именемъ шкиперовъ разумѣть должно, и притомъ къ онымъ причислить имѣющихъ собственныя большія суда, употребляемыя по рѣкамъ и озерамъ.

4) Наименованіе разночинцы избѣжать, а вмѣсто онаго разумѣется, что означено подъ третею статьею 3-го класса, то есть о всѣхъ, кои мѣщанскимъ правамъ пользоваться могутъ.

5) А какъ цѣхи, школы и пріѣздъ иностранныхъ до труда оной Коммиссіи (не) принадлежитъ, а оное опредѣлено будетъ дѣлать тѣмъ Коммиссіямъ, которыя будутъ избраны.

6) Чтобъ въ планѣ представленномъ мѣщанскія упражненіи были раздѣляемы частями, а не классами, то есть въ пер-

вой части быть ученымъ, во второй — торговли, въ третіей — ремесламъ.

Подлинной за рукою сочинителя князя Ковловскаго *).

Въ дирекціонную Коммиссію:

О сочиненіи проекта новаго уложенія отъ частной Коммиссіи о среднемъ родѣ жителей въ Россійской Имперіи.

ПЛАНЪ.

(Исправленный).

Во первыхъ полагаемъ себѣ въ основаніе данный намъ наказъ отъ Ея Императорскаго Величества, какъ въ ономъ изъяснено въ 359, 380, 381, 382 и прочихъ отдѣленіяхъ, касающихся до сего рода людей, коему положенію последуя, и учрежденная Коммисія о разборѣ родовъ жителей въ Россійской Имперіи раздѣлила оныхъ на восемь степеней: 1) на бѣлое духовенство, 2) на ученыхъ, 3) на художниковъ, 4) на купцовъ, 5) на ремесленниковъ, 6) на приказныхъ, 7) на разночинцовъ и 8) на освобожденныхъ, которое раздѣленіе отъ Дирекціонной Коммиссіи въ частную о среднемъ родѣ Коммиссію и сообщено.

Тако учрежденная Коммиссія о поставленіи правъ разныхъ чиновъ людей, входящихъ въ средній родъ, предполагая въ главное основаніе благо государства, ихъ вольность, добронравіе, трудолюбіе и поощреніе къ тому, нижеслѣдующее имѣетъ представить.

*) *Примѣчаніе редакціи.* Князь Ѳедоръ Козловскій упоминается въ трудахъ Коммиссіи о государственныхъ родахъ: онъ подписался сочинителемъ составленнаго въ этой Коммиссіи проекта правилъ благородныхъ и скрѣпилъ его по статьямъ (см. Сборникъ И. Р. И. О. т. XXXII стр. 577 и 585).

Не отдаляясь отъ вышеозначенныхъ раздѣленій, но желая токмо въ простѣйшій порядокъ привести и согласуясь съ учиненными примѣчаніями отъ Дирекціонной Коммиссіи на прежде поданной планъ, раздѣляемъ сей обще средній родъ людей на три части: 1) состоитъ изъ тѣхъ, которые въ наукахъ и художествахъ упражняются, 2) торгующіе, 3) которые другими мѣщанскими промыслами пользуются и могутъ еще на многія части раздѣляться, и тѣ еще другія, подробнѣйшія раздѣленія имѣть, иль части частей составлять.

Первая часть, въ наукахъ и художествахъ упражняющаяся.

Сія раздѣляется на четыре части, то есть: 1) на бѣлое духовенство, 2) на ученыхъ, 3) на приказныхъ служителей и ихъ дѣтей и 4) на художниковъ.

Бѣлое духовенство.

Раздѣляется: 1) на священниковъ, 2) дьяконовъ и 3) на прочихъ церковнослужителей.

Ученые.

Раздѣляются: 1) на профессоровъ, въ которое число вмѣщаются и доктора, 2) на учителей свободныхъ наукъ, и къ нимъ причисляются лекари и аптекари.

Приказные служители и дѣти ихъ. Художники.

Раздѣляются: 1) на художниковъ четырехъ вольныхъ художествъ, то есть: 1) архитектуры, 2) живописи, 3) скульптуры, 4) музыки, и на 2) тѣхъ ремесленниковъ, которымъ академія за отличное искусство, или какое изобрѣтеніе, титулъ или право художника дастъ.

Сіи четыре степени первой части средняго рода людей, конечно, должны нѣкоторыми особливыми почетными выгодами быть отличены предъ другими, дабы чрезъ то паче побудить людей къ наукамъ и художествамъ прилежать.

Вторая часть торгующихъ.

Сія вторая часть средняго рода людей, упражняющихся въ торговлѣ, раздѣляется на двѣ части: 1) на купцовъ и 2) на мореплавателей на купецкихъ корабляхъ.

Купцы.

Раздѣляются: 1) на гуртовыхъ, къ которому числу причисляются банкиры, заводчики и фабриканы, 2) на продающихъ врозницу, и 3) на сидѣльцовъ, прикащиковъ и разнощиковъ.

Мореплаватели и судоходцы.

Раздѣляются: 1) на тѣхъ, которые имѣютъ собственныя свои мореходныя суда и нанимаются перевозить товары въ отдаленныя Европейскія и прочихъ частей свѣта порты, 2) на тѣхъ, которые имѣютъ небольшія мореходныя суда и производятъ мореплаваніе въ Балтійскомъ морѣ иль въ другихъ моряхъ, недальнѣйшихъ онаго, и на тѣхъ, которые имѣютъ собственныя большія суда, употребляемыя по рѣкамъ и озерамъ, и наконецъ, на тѣхъ, которые имѣютъ токмо одни суда или нанимаются въ шкиперы съ довольнымъ знаніемъ мореплаванія управлять кораблями и 3) на работниковъ на такихъ судахъ.

Первые изъ оныхъ, по нашему мнѣнію, должны быть сравнены съ валовыми купцами, а вторые съ продаю-

щими врозницу, и какъ сіи мореплаватели всѣми правами купеческими по классамъ своимъ пользоваться, такъ и купцы могутъ безъ запрещенія въ мореходной и судовой промыселъ вступать. Третіе же остаются въ томъ классѣ людей, изъ котораго они взяты будутъ.

Третья часть—тѣхъ, которые другими мѣщанскими промыслами пользуются.

Сіи раздѣляются: 1) на ремесленниковъ, 2) на тѣхъ, которые разными промыслами довольствуются и могутъ пользоваться мѣщанскимъ правомъ и 3) на освобожденныхъ.

Ремесленники.

Раздѣляются: 1) на мастеровъ, 2) на подмастерій и 3) на работниковъ; послѣдніе остаются въ томъ чинѣ и родѣ людей, изъ котораго они взяты.

2. Довольствующіеся разными промыслами и могущіе мѣщанскимъ правомъ пользоваться.

Раздѣляются на разныя степени, какъ то: извощики, харчевники, разные работники и прочіе, и словомъ всѣ тѣ изъ средняго рода людей, которые мѣщанскимъ правомъ пользуются, а ни въ какую степень изъ вышеписанныхъ не входятъ.

3. Освобожденные.

До коихъ мѣстъ въ какой изъ вышеписанныхъ классовъ не вступятъ.

Учрежденіе купецкихъ обществъ на подобіе, какъ оныя есть у чужестранныхъ народовъ, и которыя прежде въ Россіи подъ именемъ сотенъ бывали, есть толь полезно, что оная полез-

ность, мнимъ, каждому ощутительна есть. Итакъ, Коммиссія о среднемъ родѣ людей не хотѣла и сіе благое учрежденіе упустить, чтобы о правахъ такихъ обществъ не помянуть, чего ради и особливую главу о семъ назначила. Такимъ образомъ расположивъ и изъясня, колико до плана можетъ принадлежать, о учрежденіи и раздѣленіяхъ средняго рода людей, при семъ и оглавленіе главъ на разсмотрѣніе дирекціонной Коммиссіи предлагаемъ; однако съ тѣмъ, что во время продолженія нашего труда въ семъ дѣлѣ, если и сверхъ означенныхъ главъ и матерій что по прочтеніи надлежащихъ законовъ и наказовъ за полезное разсудимъ прибавить, или сократить, или перемѣнить въ порученной намъ матеріи, что весьма по новости и пространности оной можетъ случиться,—то чтобы намъ не возбранено было по разсужденію нашему (то) учинить.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главъ законовъ, касающихся до средняго рода людей.

Разсужденіе *), полезно ли Россійской Имперіи, чтобы деревни между дворянъ обращались, по причинѣ учиненнаго противнаго предложенія Его Высокопревосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, Московскому уѣзду депутатомъ, въ собраніи дворянства, бывшемъ 2 мая 1767 году, и надлежитъ ли оное право быть еще подвергнуто къ разсужденію, яко то въ ономъ по множеству голосовъ опредѣлено.

РАЗДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сдѣланная мнѣ честь отъ одного изъ знатнѣйшихъ уѣздовъ Россійской Имперіи избраніемъ меня въ депутаты

къ сочиненію вѣчнаго закона налагаетъ на меня должность съ прилежностію разсматривать все то, что можетъ полезно быть моему отечеству и каждому чину его особо, къ чему не токмо обязанъ по сей наложенной на меня должности, но также склоненъ,—не скажу любовью, но страстію къ дражайшему моему отечеству; осмѣливаюсь мнѣнія мои, хотя въ противность мыслямъ почтеннѣйшаго мужа, предложить, колико полезно для всей Имперіи, дабы дворянство къ прочимъ своимъ привилегіямъ имѣющимъ, иль которыя ему впредь пожалованы будутъ, пріобщало исключительное имѣть владѣніе деревень.

1. Зачавши отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, мы видимъ, что всегда дворяне россійскіе были жалованы отъ своихъ государей помѣстьями и вотчинами, а никакой другой чинъ таковыхъ жалованій не имѣлъ, или тогда же тотъ, кто таковую милость получалъ, въ число дворянъ причитался и службы съ числа четвертей своего

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Печатаемое здѣсь «Разсужденіе» кн. Щербатова было—какъ указано выше въ предисловіи князя (см. стр. 9 и 10)—написано авторомъ по поводу предложенія, сдѣланнаго дворянству Московскаго уѣзда, депутатомъ этого дворянства генералъ-аншефомъ Петромъ Иванов. Панинымъ, о включеніи въ наказъ ему ходатайства о дозволеніи дворянству продавать деревни лицамъ другихъ сословій. Въ дѣйствительности въ наказъ было включено слѣдующее ходатайство (пунктъ 7-ой наказа депутату Московскаго дворянства—см. т. 4 Сборника И. Р. И. Общ. стр. 229):

«Чтобы сдѣлано было единожды навсегда точное государственное положеніе, кому и какъ покупать и продавать деревни, дабы онымъ пресѣчь и отвратить для переду происходящія нынѣ продажи, безъ всякихъ правъ и законовъ подъ многообразными видами и предлогами».

Кн. Щербатовъ высказался противъ нерѣшительности тона этого заявленія и требовалъ безусловнаго запрещенія продажи дворянскихъ имѣній недворянамъ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что «наказъ депутату Московскаго дворянства» былъ подписанъ 47 лицами, между тѣмъ какъ полномочіе, данное этому депутату («полная мочь»), подписано 135 лицами, въ числѣ которыхъ 44 участвовали въ подписаніи «наказа», а 91—и между ними князь Михаилъ Щербатовъ—наказа не подписывали (тамъ же стр. 234—236). Находятся ли эти числа въ связи съ разногласіемъ въ мнѣніяхъ по вопросу, разсматриваемому въ помѣщаемомъ «разсужденіи» кн. Щербатова, объ этомъ, за недостаткомъ данныхъ, сказать что нибудь положительное нельзя.

помѣстья несъ. Ни время, ни смущенія, ни разныя обстоятельства сего права ни на единой часъ почтенный корпусъ дворянства не лишили, и, хотя великій нашъ государь Петръ Первый, видя Россію погруженную въ невѣжество и желая художествами ее на такую же степень славы возвести, до коей славой военной ее довелъ, часть нѣкоторую являлся удѣлить, давъ позволеніе и другихъ чиновъ людямъ покупать земли и деревни точно для фабрикъ и заводовъ, а не для помѣщичья доходу. Сіе распоряженіе, для дѣйствительной пользы государственной учиненное, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и непривычкѣ нашихъ крестьянъ ко всякому роду ремесла, конечно, нужно было, чтобы, хотя неволею, фабриканы-купцы своихъ покупныхъ крестьянъ ремесламъ научили. Но какъ по самомъ вступленіи на престолъ Ея Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, усмотрѣно было, что множество деревень изъ дворянскихъ родовъ въ купецкіе вышло, что купцы многіе, подъ видомъ фабрикъ накупя деревни, помѣщичьими доходами пользуются, что крестьяне уже сами собою охотно на фабрики работать ходятъ, и что умножившееся число разныхъ мастеровыхъ и прочихъ другихъ состояній, окромя земледѣльцовъ, людей мало по пропорціи земледѣльцовъ оставляетъ: тогда, послѣдуя мысли Петра Великаго, сіе право фабриканамъ указомъ августа 8 дня 1762 году было отмѣнено и

теперь во всей пространности за дворянами состоитъ.

2. Политическое положеніе Россіи требуетъ, чтобы дворянскій корпусъ хотя не въ крайнемъ богатствѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ довольствѣ содержать, ибо единые дворяне до нынѣ, бывъ пристойнымъ образомъ по ихъ рожденію воспитаны, изучены приличнымъ какъ для военнаго искусства, такъ и для гражданства наукамъ, и то по большей части на своемъ коштѣ (ибо еще учрежденныя публичныя училища суть для великаго числа оныхъ недовольны), наполняютъ и единые суть достойны наполнять тѣ всѣ мѣста, а наполняя сіи мѣста, принуждены къ разнымъ убыткамъ—ибо напрасно будутъ въ сластолюбіи обвинять, но не сластолюбіе, а самыя нужды и случаи военные часто къ излишнимъ сверхъ жалованья убыткамъ принуждаютъ. Тако не должно ли дать, иль, лучше сказать, сохранить то право, чрезъ которое дворянство могло бы по прежнему дѣтей своихъ изучать, чтобъ добрыми гражданами и слугами отечеству и государю сдѣлать, и сносить убытки службы; также бы, имѣя за собою нѣкоторыя имѣнія, окромя единственной любви къ отечеству (часто другими страстями затушенной), обязать и собственнымъ интересомъ къ вѣрности ему. Свидѣтельствуюсь вами, всѣ древніе мудрецы, свидѣтельствуюсь вами, древніе законодатели и почтенные народы, коихъ дѣла, по чудной ихъ добродѣтели, намъ нынѣ невѣроятны кажутся,

не всѣ ли вы со мною согласно разсуждаете, что не можно ввѣрить защищенія государства такимъ людямъ, которые ничего въ немъ, къ чему бы сами обязаны были, не имѣютъ!

И слѣдственно, хотя съ нѣкою неволею, не должно ли обязать дворянство, особливо чинъ, посвященный къ защищенію и службѣ отечества, чтобы, конечно, каждый имѣлъ что ни есть, что бы его къ тому обязывало.

3. Право же сіе упомянутое, которое можетъ сдѣлать состояніе дворянъ довольно изобильно для изученія разнымъ наукамъ ихъ дѣтей,—служить съ прибавленіемъ изъ своего кошту въ службѣ Государю и обязать каждаго собственнымъ его интересомъ къ вѣрности къ отечеству—есть сохраненіе права имѣть деревни однимъ дворянамъ, яко вѣрный и ненарушимый способъ, который имъ даетъ мочь все сіе исполнить. И, слѣдственно, и запретить всѣмъ другимъ чинамъ никакимъ образомъ деревень не пріобрѣтать.

4. Я называю сіе единымъ вѣрнымъ способомъ, могущимъ содержать дворянство, потому что оно, бывъ обязано службою отечеству и государю, не имѣетъ времени попеченія имѣть о другихъ прибыляхъ, которыя чрезъ крайнее и неусыпное смотрѣніе пріобрѣтаются; и тако, что болѣе сей ключъ дворянскихъ доходовъ будетъ уменьшаться, то болѣе дворянство въ дѣйствительную нищету, въ загрубѣлость, въ уныніе и въ другія злы неизбѣжныя впадетъ.

5. Однако усердное дворянство къ

отечеству и государю безъ роптанія бы учинило участниками сего ихъ преимущества и прочіе чины государства, если бы оные могли безъ вреда государству въ оное право вступить. Но нѣтъ, сіе конечно не токмо полезно, но паче вредно государству будетъ: фабриканы, имѣя вольность покупать деревни, иль отъ фабрикъ отстанутъ, иль, употребляя всѣхъ людей на фабрики, за малую плату, сдѣлаютъ препону во умноженіи народа и въ земледѣліи, чему уже и примѣры видны; купцы, пріобрѣтая таковыя имѣнія, отстанутъ отъ торговли, дабы къ дворянскимъ доходамъ прилежать, и, конечно, безопасный и вѣрный получаемый доходъ съ деревень предпочтутъ опасности торговли и лучше ввѣрятъ свои капиталы дѣйствительному имѣнію, нежели бурному морю, которому и нынѣ мало ввѣряются, а тогда совсѣмъ будутъ отбѣгать; и слѣдственно, земледѣліе, мануфактуры и торговля оскудѣютъ и упадутъ, купечества не будетъ, а дворянство исчезнетъ. То что же отъ сего произойдетъ? Дворянство исчезнетъ, вторично повторяю, тѣмъ, что если всякаго званія людямъ покупку деревень позволить, то сіи всякаго званія люди, не бывъ обязаны рожденіемъ своимъ ни къ службѣ, ни къ нѣкоимъ излишнимъ издержкамъ, для показанія великолѣпности двора, но уединены, не зная роскоши, живши въ ихъ деревняхъ и безъ всякаго другаго промыслу,—развѣ излишніе налоги на крестьянъ,—будутъ обогащаться, а дворянство, съ другой стра-

ны, приходя чрезъ вышеозначенные способы въ бѣдность, будетъ онымъ, единственно для себя, а не для отечества живущимъ людямъ, свои деревни продавать, и не имѣя ни способовъ, ни время, опять сіи деньги издержитъ, такъ что оныя обратно къ тѣмъ же, отъ кого взяты, возвратятся, совершенно лишится всего своего имѣнія; останется, можетъ быть, нѣкое число въ рукахъ въ великіе чины происшедшихъ людей, да и то не надолго, ибо дѣти ихъ, если подобной отцамъ своимъ фортуны имѣть не будутъ, равнымъ же образомъ оскудѣютъ. Что же воспослѣдуетъ? Не имѣя ничего, чтобы дворянъ обязывало собственнаго интересу къ отечеству, не могутъ его искренно любить; не имѣя ничего потерять, на все отважатся; въ великіе чины произведенные люди, мѣстомъ, чиномъ, службою, нѣкоей славой и богатствомъ предпочтенные, ежечасно будутъ возгоржаться и бѣдныхъ своихъ собратій утѣснять; вся равность пропадетъ, и съ скотами тѣ, бѣдные смѣсятся.

Но нѣтъ! мнѣ должно отложить сіи печальныя изображенія, которыя съ слезами описывать принужденъ; не можетъ сего быть! Не за тѣмъ насъ всемилостивѣйшая наша Монархиня собираетъ, чтобы нетвердыя основанія нашего благополучія положить.

Премудростію своею она проникла всѣ наши нужды, еще желаетъ отъ насъ ихъ узнать, чтобы тѣмъ тверже основаніе нашего благополучія въ вѣчность положить; и, слѣдственно, не токмо до-

зволитъ такое наше древнее право владѣнія деревень удѣлить, но что и въ разсужденіе, полагаемъ, безъ гнѣву и огорченія то видѣть не можетъ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

1. Сіи мнѣнія понудили меня содержать, что, конечно, въ даваемомъ наказѣ высокопревосходительному, отъ московскаго уѣзду выбранному, отъ дворянства господину депутату надлежитъ утвердительнымъ образомъ (яко вещь неподлежащую къ разсмотрѣнію и во владѣніи нашемъ находящуюся) написать. Что же предложеніе его Высокопревосходительства Петра Ивановича Панина, состоящее, чтобы каждому позволено было деревни, не различая чиновъ и состояній, продавать, слѣдственно, каждому и покупать, для того: 1) что узаконеніе деревнямъ между единыхъ дворянъ обращаться является быть нѣкая неволя.

2) Что если деревни между одними дворянами будутъ обращаться, то цѣну свою потеряютъ, и мы принуждены будемъ по пяти рублевъ душу продавать, чему Его Высокопревосходительство и примѣръ видѣлъ въ Пруссіи, гдѣ отъ Его Величества короля Прусскаго запрещено деревнямъ не между дворянъ обращаться, развѣ на то отъ него получитъ и каждый особливое дозволеніе, и что всѣ дворяне таковымъ узаконеніямъ весьма недовольны и со слезами выпрашиваютъ сего дозволенія, дабы вящшую цѣну за деревни получить, о чемъ и самъ Его Высоко-

превосходительство ходатель за многихъ былъ при Россійскомъ дворѣ во время, когда Пруссія, на своихъ правахъ бывъ, подъ Россійскою державой находилась.

3) Что если съ деревень цѣна упадетъ, то одинъ можетъ накупить столько, что цѣлые уѣзды будетъ за собою имѣть и почти тираномъ учинится. И сего ради, при дозволеніи каждому покупать деревни, различеніе между дворянъ и разночинцовъ въ правѣ владѣнія учинить.

Въ семъ состоятъ всѣ его резоны, и хотя съ огорченіемъ для меня, что толико почтенному человѣку, службою и чинами своими и уже общимъ согласіемъ дворянства избранному въ ходатели, за него принужденъ спорить, но любовь къ моему отечеству и славѣ моей августѣйшей государыни, затушая во мнѣ всѣ прочія чувства, принуждаетъ сіи мысли, по моему мнѣнію мнѣ несправедливыми являющіяся, испровергнуть слѣдующимъ.

Выше предложенныя мною въ первомъ раздѣленіи причины суть довольно важны для всей Имперіи, дабы, если бы предложенія высокопревосходительнаго Московскаго депутата отъ дворянства и неоспоримы были, едиными бы тѣми яко превосходительными пользами для общества могли опровергнуты быть, коль наипаче, когда они и сами не весьма неоспоримы суть. И тако, по порядку его предложенія мои возраженія предлагаю:

1. Каждый законъ, какой бы онъ ни

былъ, взявъ его въ генеральномъ его разсужденіи, есть неволя, но такая ли, о которой должно жаловаться? Нѣтъ, сія неволя есть на пороки, а не на добродѣтели, ибо, исключая нѣкіе обряды, добродѣтель законовъ не имѣетъ, а сама себѣ есть законъ. И тако каждой законъ долженъ въ себѣ имѣть слѣдующіе предметы: I. сохраненіе добрыхъ нравовъ, II. сохраненіе и безопасность государства, III. благоденствіе каждаго его корпусовъ и IV. каждаго особь; а понеже сей законъ не одно, а всѣ сіи качества имѣетъ, то законъ, обуздающій власть дворянскую деревень ихъ изъ корпуса своего не выпускать, не только мучителенъ, но нуженъ. Качества же сіи въ немъ находятся; I. тако, сынъ, наслѣдуя не токмо имя, но и имѣнія отцовы, имѣя по собственному своему интересу обязанность къ отечеству, чрезъ вѣрные доходы имѣя довольное пропитаніе, старается учиниться достойнымъ своего имени и наслѣдства, которое получилъ; по собственнымъ своимъ интересамъ прилѣпляется къ службѣ отечеству; имѣя довольное пропитаніе, не тщится его чрезъ беззаконные способы искать. II. Сохраняетъ и безопасно чинитъ государство чрезъ объявленный способъ собственной каждаго обязанности по своимъ интересамъ къ отечеству. III. Благоденствіе каждаго корпуса, подавая способъ дворянамъ, безъ дальнихъ хлопотъ имѣя довольное пропитаніе, стремиться всегда, куда польза отечества и слава его влечетъ, а отнимая

у фабрикановъ и купцовъ способы впасть въ облѣнчивую жизнь и оставить ихъ промыслы, полезные имъ самимъ и государству. IV. Каждому особѣ: ибо когда всѣ деревни въ родахъ дворянскихъ обращаются, то какъ бы, несчастіемъ ли, или своей виною, кто въ бѣдность ни впалъ, первое отъ своихъ собратій, родственниковъ и свойственниковъ скорѣе сыщетъ помощь и можетъ надѣяться, что какимъ ни есть образомъ чрезъ разные случаи, хотя не онъ, то хотя его потомки нѣкоторой возвратъ деревень и имѣній получать.

И такъ, вторично подтверждаю, нѣтъ въ томъ неволи, что безопасность и благоденствіе государства и всѣхъ подданныхъ и въ корпусѣ, и каждаго особливо сохраняетъ.

2. Весьма я сумнѣваюсь о томъ, чтобы деревни потеряли свою цѣну, если они между однихъ дворянъ будутъ обращаться; и хотя въ Пруссіи сіе и произошло, и являлося бы, что испытаніе есть лучшее доказательство въ свѣтѣ, но противное тому испытаніе въ Россіи, гдѣ, хотя уже нѣсколько времени древнія наши правы запрещеніемъ другимъ чинамъ покупать деревни однимъ намъ возвращены, однако не видимъ, чтобы цѣна деревень сбыла. И такъ, испытаніе въ сравненіи съ испытаніемъ мнится мнѣ, что всегда то, которое въ той странѣ, для которой дѣлаютъ законъ, должно быть предпочтено. Россійское дворянство не токмо за такое возвращенное имъ право жалуется, но еже-

дневное благодареніе къ Господу и монархамъ своимъ приноситъ. А сверхъ того, деревни есть вещь не мысленная, но дѣйствительная, ибо онѣ не отъ своенравій и капризовъ нашихъ цѣну свою получаютъ, но отъ дѣйствительной ихъ полезности. И тако, умноженіе денегъ въ государствѣ, умноженіе хлѣбоѣжевъ, ремеслъ и способовъ къ обогащенію, произвели дороговизну всему. Сіе подало причину умножить помѣщикамъ доходы, которыхъ крестьяне въ иныхъ уѣздахъ по 2 рубли съ полтиною и по три рубли безъ отягощенія платятъ; а которые имѣютъ время къ земледѣлію прилежать, тѣ и вящшей еще доходъ получаютъ. То какъ возможно, чтобы цѣна деревень могла упасть такъ, что будутъ по пяти рублевъ душу продавать, тогда когда она половину, иль и болѣе, въ одинъ годъ платитъ? Ежели мнѣ на сіе возраженіе учинятъ, что дворянство сластолюбіемъ своимъ иль какими другими причинами пришло въ оскудѣніе въ деньгахъ, не будетъ деревни покупать, противу сего я всегда буду содержать, что если иные приходятъ въ скудость, другіе богатѣютъ, а паче жившіе въ деревняхъ, и тако колесо обращается. Но положимъ, что цѣна деревень и сбавится: какой то вредъ государству, какой то вредъ корпусу дворянства? а вредно сіе нѣкоторымъ партикулярнымъ, которые по большей части сластолюбіемъ своимъ и излишествами впали въ оскудѣніе. То можно ли для нѣкоего числа людей, изъ коихъ еще многіе достойны болѣе наказанія, нежели жалости, пре-

зрить всѣ выше означенныя пользы и открыть путь къ разоренію корпуса дворянскаго? Притомъ же, если бы деревни нѣсколько и вздешевѣли (о чемъ я сумнѣваюсь), сіе можетъ прекратить мотовство и, слѣдственно, и самое зло, котораго страшатся, — служить къ поправленію правъ, что есть драгоцѣннѣйшее сокровище государства.

3. Тщетная опасность, чтобъ по дешевизнѣ деревень, какая можетъ воспослѣдовать, кто одинъ партикулярный не скупилъ цѣлые уѣзды и не учинился бы яко тираномъ въ оныхъ: во первыхъ, сіе почти воспослѣдовать не можетъ; да и для чего сего токмо бояться отъ дворянъ, а не бояться отъ купцовъ, которые, если будутъ имѣть право покупать деревни, хотя онѣ и дороги будутъ, тоже могутъ учинить? Ибо что есть деньги? деньги суть вещь, взаимствующая свою цѣну отъ нужды, которую въ нихъ имѣютъ для пріобрѣтенія всего нужнаго, и онѣ суть дороги иль дешевы по числу и по нуждѣ ихъ. И тако, бѣдному одинъ рубль толь дорогъ, какъ богатому тысяча. И по сему купцы, не бывъ обязаны къ нужнымъ дворянскимъ издержкамъ, имѣющіе время для надзиранія своей экономіи, могутъ великія суммы денегъ собирать и дорогою цѣною также цѣлые уѣзды, и еще болѣ, съ легостію скупить.

4. Я несовершенно по малоразумію своему понялъ, что Его Высокопревосходительство изволилъ представлять о различныхъ правахъ во владѣніе деревень между дворянъ и другихъ чиновъ.

Но какіе бы оные ни были, однако неспорно есть, что если, давъ дозволеніе протчимъ чинамъ покупать деревни, права ихъ надъ крестьянами меньше дворянскихъ сдѣлать, то они такой цѣны уже давать не будутъ, что разрушаетъ вышепредложенный предметъ о содержаніи дороговизны деревень; иль купя, хотя и не прейдутъ границъ своихъ правъ (о чемъ весьма сумнителенъ), но крестьяне, не вѣдая до коихъ мѣстъ онѣ простираются, будутъ мнить, что онѣ суть далѣе, будутъ бунтовать, какъ таковые бунты по ошибкамъ крестьянскимъ въ прежнее правленіе уже многіе и противу дворянъ были, и произойдетъ отъ того, что насилу еще законъ окончится, уже правленіе единственно принуждено будетъ упражняться въ унятіи бунтовъ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Можетъ ли сей пунктъ предаваться на разсмотрѣніе, утвердивши во первыхъ, коликой полезности есть для цѣлой имперіи, чтобъ деревни обращались токмо между корпуса дворянства, и предложа мои возраженія на предложенія высокопревосходительнаго Московскаго уѣзду депутата! Остается мнѣ разсмотрѣть, что сіе почтеннѣйшее бывшее собраніе не учинило ли какой ошибки въ томъ, что по большей части подписалось, что предается на впредь будущую сочиненную Комиссію для сочиненія уложенія для расположенія, кому имѣть деревни, кому оныя продавать и какимъ образомъ. Не буду я разсматривать, какихъ ради резо-

новъ большая часть, оставя утвердительный пунктъ, чтобы подробно и точно (постановить?), чтобы деревни между дворянъ обращались, къ другому, предающему на разсмотрѣніе Комиссіи, подписались, ибо такое разсмотрѣніе къ поправленію сему не слѣдуетъ, а можетъ многимъ быть противно. Но надлежитъ разсмотрѣть: 1) что такое сія Комиссія, 2) что наше бывшее Собраніе, 3) можетъ ли наше Собраніе сходственно съ разумомъ манифеста Ея Императорскаго Величества назначать пунктъ и предавать на разсмотрѣніе, 4) и подлежитъ ли сей пунктъ въ сумнѣніе положенъ отъ нашего собранія быть.

1) Мнѣ, послѣднему подданному, монарши тайны не прилично проникать, но колико можно разумѣть изъ Высочайшаго манифеста Ея Императорскаго Величества, то явно является, что каждой депутатъ, если не членъ, по крайней мѣрѣ допущенъ будетъ въ оную Комиссію, сочиненную подъ особливою протекціею нашей всемилостивѣйшей Государыни, которая, обще съ предложеніями отъ всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ депутатовъ, единодушно постарается благими законами утвердить благополучіе России навсегда, созидая на семъ продолжительнѣйшій монументъ славы нашей Монархини. И тако, всѣ наши правленія, дѣйствительныя, иль которыя впредь можетъ пріобрѣсти, иль требовать, суть подвергнуты къ суду ея; и тако, будемъ ли предлагать на разсужденіе ея, иль нѣтъ, уже тѣмъ права и мочи ея ни пріумножимъ, ибо и безъ насъ совершенно оныя имѣетъ?

2) Что наше сіе, бывшее мая 2 числа, Собраніе, учиненное по волѣ монаршей, для апробованія дающагося наказу высокопревосходительному отъ Московскаго уѣзду дворянства депутату, въ которомъ мы наказѣ должны нужды свои представить и сіе нижайшее наше челобитье, какъ въ Высочайшемъ манифестѣ изображено, депутату препоручить, то не странно ли каждому покажется, что мы препоручаемъ на разсмотрѣніе Комиссіи (которая и безъ того право имѣть будетъ разсматривать всѣ наши предложенія), яко бы не знали, должны-ль о семъ просить, или нѣтъ? Если не знаемъ, то не лучше ли уже совсѣмъ умолчать, нежель совѣту челобитчикамъ у судей требовать, тогда какъ они всѣ должны токмо рѣшить, нежель показать такую неподлинность въ собраніи лучшей части дворянства Россійскаго, да и тогда, когда намъ точно позволено точно писать. Чрезъ таковой поступокъ является, яко бы мы и собственныхъ своихъ пользъ не знали.

3) Что такое препорученія на Комиссію положить и въ силу Высочайшаго манифеста мы не можемъ, сіе здѣсь выше предложилъ, ибо донынѣ еще нигдѣ не слыхано, чтобы просьбу свою кто, просить ли о чемъ, иль нѣтъ, въ челобитьи своемъ еще на разсужденіе судей предалъ.

4) Подлежитъ ли сей пунктъ въ сумнѣніе положенъ быть? Не мню, чтобы кто изъ владѣльцовъ деревень мнѣ осмѣлился отвѣтствовать, чтобы владѣніе деревень ему не полезно было. И коль всѣ обще соглашаются, что владѣніе деревень полезно каждому особо, и нѣтъ противуреченія въ томъ, слѣдственно, и всему корпусу оно дворянскому полезно. Но оставимъ страсть къ дворянству,— самому оно купечеству вредно, какъ я выше имѣлъ случай предложить; то коль владѣльцы къ полезности утверждаютъ, противной партіи, купцамъ оно безполезно. Указы и законы сіи намъ даровали, всемилостивѣйшая наша Монархиня, обѣщая насъ сдѣлать толико счастливыма сколько могутъ счастливы смертные быть, указами своими повелѣвая чужестраннымъ дворянамъ получать диплонъ на Россійское дворянство, дабы правами онаго пользоваться, изъ которыхъ главнѣе есть владѣніе деревень: то какому уже сомнѣнію подвержено? Я, истинно, кромѣ пирронических философовъ, никого не найду, кто бы вещь толь ясную и каждому ощутительную въ сумнѣніе полагалъ.

Во окончаніе сего я еще и въ томъ почитаю нѣкое безчестіе дворянству, что когда оно по торжественнѣйшей присягѣ приступило къ выбору депутата и удостоило въ ходатели за себя Его Высокопревосходительство Петра Ивановича Панина, то въ даваемомъ отъ насъ ему наказѣ, въ знакъ нашей къ нему повѣренности, не должны ли мы свои нужды и полезности прямымъ, а не окольничьимъ образомъ ему изъяснить, дабы въ случаѣ онъ могъ быть нашъ защитникъ? а не тако, яко предая напрасно и неправильно на разсмотрѣніе Комиссіи, въ толь важномъ пунктѣ отрѣшить его отъ права разсуждать, яко не имѣющему въ семъ пунктѣ и повѣренности отъ своего согражданства.

Приписка Кн. Щербатова.

Занужное почитаю, если сей мой трудъ увидитъ потомство, увѣдомить его, что въ томъ, что касается до журналовъ Комиссіи, то, если они дойдутъ до будущихъ вѣковъ, что имѣть вѣры въ ихъ не должно, ибо директоръ дневной записки, господинъ графъ Шуваловъ, достойный отцу своему, ни одного журнала безъ страсти не дѣлалъ, и либо на персону, или на дѣло взирая, тѣ, которые ему угодны были всячески украшалъ, протчіе же тщился портить елико возможно, а наче въ преніяхъ, гдѣ, можно сказать, кому желалъ вспомоществовать, то почти выдумки свои писалъ, а другихъ слова ниже бралъ трудъ связывать.

Дополненіе къ собранію мнѣній Кн. М. М. Щербатова, представленныхъ имъ въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Отъ редакціи.

Напечатаннымъ выше исчерпывается собраніе трудовъ кн. Щербатова по Коммиссіи, составленное имъ самимъ и содержащееся въ рукописи Император-

ской Публичной Библіотеки. Почему въ это собраніе не включены письменныя заявленія, поданныя княземъ въ Большую Коммиссію въ 1768 году, когда эта Коммиссія засѣдала въ Петербургѣ, рѣшить трудно. Между тѣмъ въ XXXII и XXXVI томахъ Сборника Имп. Русск. Истор. Общества, вышедшихъ подъ наблюденіемъ профессора Сергѣевича, напечатаны семь подлинныхъ мнѣнія князя — одно по поводу предложенія депутата Коробьина „Объ ограниченіи правъ помѣщика надъ имуществомъ ихъ крѣпостныхъ“ и шесть по поводу „Проекта правамъ благородныхъ“, составленнаго частною Коммиссіею „О государственныхъ родахъ“, и по поводу примѣчаній, сдѣланныхъ къ этому проекту дирекціонной Коммиссіей. Въ виду, съ одной стороны, важности вопросовъ, которыхъ касалась большая часть помянутыхъ мнѣній, а съ другой заявленія профессора Сергѣевича (XXXII т. Сборника стр. XXII), что въ Сборникѣ „голоса депутатовъ напечатаны безъ всякихъ измѣненій (издатель исправилъ только орѳографію и разставилъ знаки препинанія)“, — редакція настоящаго изданія нашла необходимымъ дополнить составленное самимъ княземъ Щербатовымъ собраніе его трудовъ по Коммиссіи упомянутыми 7-ю его мнѣніями, перепечатавъ ихъ безъ измѣненій изъ названныхъ томовъ Сборника И. Р. И. О. Указаніе поводовъ къ заявленіямъ, сдѣланнымъ княземъ, читатели найдутъ въ примѣчаніяхъ Редакціи.

На мнѣніе господина депутата Козловскаго отъ дворянства Григорія Коробьина.

Предложеніе *).

Въ поданномъ своемъ голосѣ отъ Козловскаго дворянства господинъ депутатъ Коробьинъ приписываетъ, по большей части, причины побѣговъ крестьянскихъ: 1) ко излишнимъ побораМъ, каковые помѣщики съ крестьянъ своихъ берутъ; 2) что многіе для удовлетворенія своихъ должниковъ отдаютъ людей съ земли для зарабатыванія и 3) наконецъ, что нажившихъ нѣкоторое стяжаніе ограбливаютъ. Къ предупрежденію сего предлагаетъ, чтобъ ограничить власть помѣщиковъ въ доходахъ и надъ имѣніями ихъ крестьянъ и дать онымъ нѣкую собственность.

На что имѣю честь предложить:

Не буду я тщиться оправдывать безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, которые сверхъ силы и возможности на крестьянъ своихъ налоги полагаютъ, ибо, имѣя въ омерзеніи всякую суровость и нападеніе, порокъ во всякомъ состояніи людей не меньше мерзокъ почитаю; но желаю токмо здѣсь предложить: глав-

---

*) *Примѣчаніе редакціи.* Артиллеріи поручикъ Григорій Коробьинъ, депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда, 5 мая 1768 г. внесъ въ Большую Коммиссію «примѣчаніе» къ читаннымъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ законамъ о бѣглыхъ, вызвавшее въ Коммиссіи продолжительныя и оживленныя пренія. Въ этомъ примѣчаніи или предложеніи говорилось слѣдующее: (Сб. И. Р. И. О. т. XXXII. стр. 406—410).

На здравомъ разумѣ основано правило, выраженное въ Наказѣ Императрицы: гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать оныя. Слѣдуя этому правилу, депутатъ предпринялъ изъяснить, «что наипаче бываетъ причиною къ бѣгству господскихъ людей и крестьянъ», и «сообщить нѣкоторые способы, могущіе хотя отчасти зло сіе предупредить или истребить причину онаго». «Часто размышлялъ я», сказалъ Коробьинъ, «чтобы понуждало крестьянина оставить свою землю, съ которой ступить почитаетъ онъ за дѣло невозможное, покинуть родственниковъ, жену и дѣтей, которыхъ видя при себѣ, несказанно утѣшается, а разлучаясь съ ними, источникъ слезъ проливаетъ, странствовать по неизвѣстнымъ мѣстамъ и предаваться тяжкимъ несчастіямъ, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду въ такія мысли, то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Думаю, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновенной подати; есть и такіе, которые, промотавъ свои пожитки и набравъ много долга, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты... но что всего больше, то являются между ними и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина, трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія». Изъ сказаннаго Коробьинъ выводилъ, что «начало, отъ котораго толь вредныя происходятъ слѣдствія, состоитъ въ неограниченной власти помѣщика надъ имѣніями своего крестьянина», что «надлежитъ предписать законами, коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями крестьянина», чтобы «всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что онъ не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано». Въ подкрѣпленіе своей мысли Коробьинъ сослался на 295 и 261 статьи Наказа Императрицы, изъ которыхъ въ первой говорилось: «Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго», а во второй: «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества». Приведя эти статьи, Коробьинъ восклицалъ: «Премудрое умствованіе, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтеннѣйшіе г.г. депутаты, что Матерь наша къ намъ вѣщаетъ!... Она наставляетъ, что для приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе потребны такіе законы, которые бы знать давали крестьянину, что извѣстную часть своего имѣнія почитать долженъ не за свою, но за помѣщичью, а прочее имѣніе за свое собственное, т. е. за такое, которое онъ можетъ безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то: заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому хочетъ, не думая, что оное когда нибудь отнято будетъ его помѣщикомъ, и, кратко сказать, за такое, надъ которымъ онъ полный господинъ». «Чтобы видѣть хлѣбопашество въ своей силѣ и земледѣльцевъ изобилующихъ и наслаждающихся своимъ собственнымъ имѣніемъ, — продолжалъ Коробьинъ, — то надобно предписать законамъ, чтобы крестьянинъ платилъ своему помѣщику ежегодно извѣстную дань, однакоже, по силѣ 277 ст. даннаго намъ Наказа, — мѣрную. Остается разсмотрѣть, въ чемъ оная дань состоять долженствуетъ: въ деньгахъ однихъ, или въ произрастеніяхъ сельскихъ, или въ обоихъ вкупѣ, т. е. какіе поборы брать съ крестьянина... Но предписать о семъ количествѣ, также— гдѣ лучше получать оные произрастеніемъ и гдѣ лучше деньгами, сіе требуетъ большаго разсмотрѣнія, не малаго свѣдѣнія положенія Всероссійскаго государства...» Коробьинъ высказалъ желаніе, чтобы «почтеннѣйшіе г.г. депутаты не оставили сію матерію описать подробно, согласуясь съ повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества, съ благосостояніемъ государства, съ желаніемъ соотечественниковъ, съ благополучіемъ земледѣльцевъ и съ пользою трудовъ ихъ». Въ концѣ своего голоса, Коробьинъ, въ предупрежденіе могущей возникнуть мысли о томъ, что принятіе его предложенія поведетъ къ «своевольничеству» земледѣльцевъ, проводитъ разницу между властію помѣщика надъ имѣніемъ крестьянина и его властію какъ правителя. «Когда здѣсь говорено»—замѣчаетъ онъ— «объ ограниченіи власти господской надъ имѣніями его земледѣльца, еще ничего не сказано объ ограничиваніи власти помѣщичьей въ разсужденіи правленія. Она ему остается полная, какъ и нынѣ. Крестьянинъ его пребываетъ ему, какъ и нынѣ, крѣпостнымъ, почему доброму владѣльцу ничто не препятствуетъ къ приведенію своихъ крестьянъ въ лучшее состояніе своимъ благоразуміемъ;... пресѣчется токмо воля у худыхъ помѣщиковъ разорять своихъ хлѣбопашцевъ».

Предложеніе Коробьина вызвало много возраженій со стороны представителей дворянства. Указывая разныя частности, въ которыхъ выражались невыгодныя стороны проектируемыхъ Коробьинымъ порядковъ, многіе возражатели указывали, что при сохраненіи за помѣщиками власти *надъ личностью крестьянина* ограниченіе власти надъ его имѣніями не дастъ никакихъ существенно полезныхъ результатовъ, но разрушитъ добрую сторону существовавшихъ патріархальныхъ отношеній между большинствомъ помѣщиковъ и ихъ крестьянами. Въ числѣ возражателей на предложеніе Коробьина подалъ 22 мая свой голосъ—и кн. М. М. Щербатовъ.

нѣйшія ли суть тѣ причины, которыя онъ представляетъ? и сіе я тѣмъ болѣе побужденъ учинить, дабы, плѣнясь оказуемымъ имъ человѣколюбіемъ и краснорѣчіемъ, сіе какого вреда не произвело.

1) Я мню, что рѣдкій помѣщикъ, имѣющій за собою не малое число душъ, возможемъ сказать, чтобъ нѣсколько бѣглыхъ не имѣлъ, то всѣ ли такіе побѣги отъ неправосудія и, такъ можно сказать, отъ мздоимства помѣщиковъ происходятъ? нѣтъ, не мню, чтобы онъ и самъ господинъ депутатъ на добродѣтельнѣйшій корпусъ дворянства, каковой есть во вселенной, возмогъ хулу такую возложить. И если то такъ, то должно искать другихъ причинъ; и вотъ оныя. 1-я. Пространство Россійской имперіи, вмѣщающее въ себѣ восемь климатовъ по земному шару, понуждаетъ многихъ искать себѣ способнѣйшаго жилища; да и въ самыхъ сихъ климатахъ не равная доброта земель и не равныя выгоды. 2-я. Недостатокъ земель и неплодородіе ихъ въ однихъ мѣстахъ, а напротивъ того великое обильство и доброта ихъ въ другихъ. 3-я. Рекрутскіе наборы, отъ которыхъ избавляясь, многіе не токмо изъ мѣста въ мѣсто, но изъ Россіи вонъ бѣгутъ. 4-я. Непостоянство, облѣнчивость и худые нравы самихъ крестьянъ, которые, пришедши въ несостояніе и бывъ понуждаемы къ работѣ, или страшась достойнаго за ихъ проступки наказанія, оставя дома свои, сбѣгаютъ; и многія другія, о коихъ

за потребное почитаю умолчать. То какъ возможно положить все на одну суровость помѣщиковъ тогда, когда къ тому толь много другихъ причинъ постороннихъ есть? Можетъ быть мнѣ господинъ депутатъ отъ Козловскаго дворянства скажетъ, что трудно для превосходства доброты климата или удобностей крестьянину, оставя домъ свой, скотину, въ землѣ посѣянный хлѣбъ, родственниковъ и знакомыхъ, уйдти, переселиться въ незнаемую землю и, ничего тамъ не имѣя, еще вновь долженъ наживать, извѣстное ради неизвѣстнаго оставить; и тутъ мнѣ учинитъ плачевное описаніе слезъ, терзаніе духа и чувствительность, какую онъ можетъ восчувствовать, могущихъ тронуть самыя жестокія сердца. Но я впредь на сіе отвѣтствую, что таковыхъ цѣлыми домами побѣговъ крестьянъ и не бываетъ, развѣ такихъ, которые, бывъ привезены изъ тѣхъ жилищъ, отлучены отъ благорастворенія того воздуха, лишены обильства и доброты земель и многихъ выгодностей, хотя нѣсколько поживутъ, но наконецъ, привлекаемы всѣми тѣми выгодами, яко въ отечество свое, туда возвращаются, и въ предложеніи моемъ смѣло могу сослаться на всѣ явочныя въ правительства поданныя челобитныя; и такъ что не мню, чтобы въ цѣлой Россіи теперь, счисляя назадъ съ тридцати лѣтъ, болѣе пятидесяти такихъ бѣглыхъ цѣлыми домами было. Я исключаю изъ сего подговоренныхъ выходцами и бѣжавшихъ дворовыхъ съ женами и съ

дѣтьми, которые, бывъ близь господина, чаще за нераченіе наказаніямъ подвергнуты, а не имѣя у себя ни дома, ни земли, скорѣе на побѣгъ съ цѣлымъ своимъ семействомъ отваживаются. Но, оставя таковыя справки, которыя хотя всѣмъ здѣсь присутственнымъ господамъ депутатамъ ощутительны—если бы предлогъ господина депутата Коробьина былъ справедливъ—что они бѣгутъ отъ налоговъ своихъ помѣщиковъ, то бы не одна или двѣ семьи изъ деревни бѣжали, но и цѣлыя бы деревни мало по малу опустѣли побѣгомъ ихъ жителей, чего, конечно, нѣтъ, ибо давно бы Россія отъ сего въ пустыню обратилась.

2) Но какъ со всѣмъ тѣмъ оспорить не можно, чтобы между великаго числа помѣщиковъ не было такихъ, каковыхъ описываетъ онъ, господинъ депутатъ Коробьинъ, и понеже желаніе нашей Всемилостивѣйшей Государыни есть, чтобы сдѣлать насъ толь счастливыми, сколь возмогутъ смертные быть, слѣдовательно, хотя бы и въ одномъ такое злоупотребленіе его власти видно было, надлежитъ, конечно, потщиться, чтобы и то прекратить, дабы самый послѣдній подданный, видя ему утвержденное благополучіе, по мѣрѣ состоянія своего, по окончаніи сего закона, въ восхищеніи удовольствіемъ своего сердца, не переставалъ благодарить общую нашу благодѣтельницу, Екатерину II-ю. Но за нужное для сего почитаю разсмотрѣть, возможные ли, паче, не вредные ли способы пред-

ставлены господиномъ депутатомъ Коробьинымъ: ограничить власть помѣщиковъ въ доходахъ? Да позволится мнѣ теперь спросить: не самая ли то истина, что дабы положить чему границы, надлежитъ ту самую вещь узнать? ибо если не обнимаешь зрѣніемъ или понятіемъ какую вещь, то и границъ ей положить не можно; также не самая ли то истина, что должно съ крестьянъ положеніе чинить по ихъ обстоятельствамъ и выгодамъ, каковыя они имѣютъ? Но возможно ли какому бы то ни было правительству сіи неравныя выгоды обстоятельно знать: разность климатовъ, доброты земли, обильство или недостатокъ угодій, способы къ промысламъ, всѣ обстоятельства, премѣняющіяся по разнымъ уѣздамъ Россіи? Что я говорю—по разнымъ уѣздамъ? но часто и въ одномъ стану одна деревня въ вышеозначенныхъ выгодахъ преимущества предъ другою имѣетъ. Что я еще скажу о самомъ умоначертаніи крестьянъ и ихъ способностяхъ? Единые, бывъ долгое время подъ присмотромъ трудолюбиваго помѣщика, съ вящшимъ прилежаніемъ не токмо свою землю обработываютъ, но также распростираются въ питаніи скота и другихъ промыслахъ, пристойныхъ крестьянству, и въ ремеслахъ; самое зимнее время употребляютъ въ хожденіе въ работы и, пріобрѣтая себѣ прибыль работою, сей самой прибылью умножая свое имущество, чинятся болѣе въ состояніи платить своему помѣщику; способствуютъ рукодѣлію, умножаютъ

государственную торговлю и, какъ малый, но полезный источникъ, орошаютъ поля благоденствія государства. Вмѣсто что другіе, не бывъ подъ смотрѣніемъ добраго помѣщика или, за всегдашнею отлучкою онаго падши въ облѣнчивость, единое необходимое исполняютъ и если не тягостны, но и не весьма полезны государству, то будетъ ли какая справедливость въ уравненіи ихъ и, вмѣсто награжденія тщательному, съ нерадивнымъ его въ правѣ сравнять? Изъ всего сего не ясно ли воспослѣдуетъ, что ограниченіе господъ доходомъ, яко подлежащее къ толикимъ несчетнымъ подробностямъ, сдѣлать никакъ невозможно; а надлежитъ ихъ предоставить на разсмотрѣніе ихъ самихъ, какъ должныхъ имѣть попеченіе о благосостояніи своихъ подданныхъ, яко сочиняющихъ членовъ самихъ ихъ благоденствія и яко отвѣтствующихъ и предъ государствомъ о добромъ состояніи ихъ платежомъ за нихъ поборовъ, въ случаѣ крайняго упадка ихъ, чему уже многіе примѣры были, и не одинъ дворянскій домъ отъ сего въ разореніе пришелъ. И таковое учрежденіе толь есть полезно, что довольно извѣстный всему свѣту мудрыми своими правилами для законодательства г. Монтескье въ трудѣ своемъ „О разумѣ законовъ“, кн. 13. гл. 6, точно россійское учрежденіе о сборѣ доходовъ и связь между помѣщиками и ихъ подданными похваляетъ.

3) Дать нѣкоторую собственность крестьянамъ. Весьма мнѣ удивительно,

что о такой собственности и поминается, будто бы се и не было. Дастся то, чего до сего не имѣли, но какъ понынѣ наши крестьяне имѣли и имѣютъ совершенную собственность (хотя не законами утвержденную, но если осмѣлюсь сказать, еще сильнѣйшую, т. е. основанную на общемъ умствованіи и на взаимной пользѣ) во всемъ своемъ движимомъ имѣніи, т. е. могли и могутъ нынѣ весь свой пожитокъ продавать и отдавать по благоизобрѣтенію своему, токмо съ такимъ ограниченіемъ, что помѣщики наблюдаютъ для крестьянскаго же благоденствія, дабы самыхъ нужныхъ вещей для земледѣлія не сбывали и не становились бобылями, что все еще и для общаго распростертія земледѣлія и благосостоянія государства клонится; и толь попеченіе сіе о ихъ благосостояніи простираютъ, что снабжаютъ ихъ скотиною, лошадьми, хлѣбомъ, даютъ имъ лѣсу на строеніе, и все то безъ всякой другой заплаты какъ единственно токмо, чтобъ спомоществовать ихъ благосостоянію. Въ утвержденіе чего свидѣтельствуюсь всѣми здѣсь обрѣтающимися господами депутатами. Слыхалъ ли кто, чтобы крестьянинъ требовалъ у своего помѣщика позволенія продать какую вещь изъ своего пожитка или куда деньги употребить? Конечно, сего нѣтъ; во всемъ ими нажитомъ они совершенную волю имѣютъ, а напротивъ того, нерѣдко бываютъ требованія отъ крестьянъ и исполненія по нимъ для ссуды оныхъ, что послѣднее сію неразрывную цѣпь ме-

жду помѣщиками и крестьянами утверждаетъ. Что же господинъ депутатъ Коробьинъ представляетъ, дабы часть нѣкоторую имѣнія позволить имѣть крестьянамъ въ собственность, т. е. чтобы ее могли продать, заложить, подарить и проч., понеже, какъ я выше предложилъ о собственности ихъ въ движимомъ имѣніи, которая, конечно, не безъизвѣстна ему, господину депутату, то развѣ о недвижимомъ говоритъ *)? и о семъ состоятъ вопросы: 1) изъ какихъ земель имъ сію собственность дать? 2) и не разорительна ли она будетъ государству? Отвѣтствую. На 1-й: большая часть земель еще изъ древнихъ временъ дана государями въ оклады, а потомъ въ вотчины дворянамъ за ихъ вѣрную службу отечеству, яко: за сопротивленіе Татарамъ и Полякамъ, за неоднократное освобожденіе

Москвы и проч., которыя дачи, если бы чего не доставало при началѣ оныхъ, еще сверхъ того безпрестанно и во всѣхъ случаяхъ ихъ пролитой кровью заслужили, а сверхъ того и положенными пошлинами за справки и за продажи едва не всю цѣну и денежную въ государственную казну внесли; то справедливо ли будетъ лишить сей корпусъ самыхъ сихъ земель, которыя его обязываютъ къ службѣ отечеству, или что, лучше сказать, онъ отчиной своей почитаетъ, и отнять не токмо кровью, но и деньгами купленныя ими имѣнія? И за награжденіе, что отъ ига Татарскаго Россію свободили, что всегда нерушимою вѣрность сохраняли, что запечатлѣли свое усердіе къ своимъ Монархамъ во время бунтовъ ругательными и мучительными смертями, что многія провинціи Россіи пріобрѣли, у нихъ самое то награжденіе отнять, дабы отдать ихъ подданнымъ, которые никогда къ сему права не имѣли или токмо послѣдовали ведущимъ ихъ предводителямъ? Нѣтъ, и изображеніе сего довольно, мню, самаго неправосуднаго въ ужасъ приводитъ! И не должны мы и помнить, чтобы лучшій законъ, какой во вселенной можетъ быть, возмогъ начаться такимъ неправосудіемъ! Великая Екатерина, коей мудрости вселенная удивляется, древнія вольности утѣсненнымъ народамъ сохраняя, не можетъ то терпѣть, чтобы вѣрные ея подданные такого правосудія страшиться могли. Позволь мнѣ, почтеннѣйшій маршалъ, едину рѣчь сказать всѣмъ

---

*) *Примѣчаніе редакціи.* 21 мая, т. е. наканунѣ представленія княземъ Щербатовымъ его голоса, депутатъ Коробьинъ отвѣчалъ своимъ возражателямъ, подававшимъ голоса ранѣе, и въ этомъ отвѣтѣ отрицалъ сдѣланное нѣкоторыми депутатами предположеніе, будто онъ желаетъ предоставлять и землю въ собственность крестьянамъ. Выраженія Коробьина не были вполнѣ опредѣленными: «господинъ депутатъ»,—сказалъ Коробьинъ объ одномъ изъ своихъ возражателей (см. Сб. И. Р. И. О. т. XXXII, стр. 477), «узнавъ, что я представляю, дабы учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества, заключаетъ уже, что я желаю, дабы земледѣльцы имѣли въ собственности и земли». Князь Щербатовъ, какъ видимъ, дѣлаетъ тоже самое предположеніе о стремленіяхъ Коробьина. Могло это произойти и отъ неполной опредѣленности вышеприведеннаго выраженія послѣдняго, но кажется вѣрнѣе будетъ предположить, что прочтенный 22 мая отзывъ кн. Щербатовъ писалъ ранѣе 21 мая, т. е. дня прочтенія втораго голоса Коробьина. Ни изъ чего нельзя заключить, чтобы этотъ второй голосъ князь имѣлъ въ виду при составленіи своихъ возраженій на первый.

симъ поселянамъ, которые здѣсь обрѣтаются для устроенія общаго благополучія! Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слыхали отъ отцовъ своихъ, коликія заслуги корпусъ дворянскій всей Россіи оказалъ? еще во многихъ у васъ мѣстахъ видны развалины разрушенныхъ храмовъ, запустошенныя селенія отъ ярости иновѣрцевъ! кто вамъ православную вѣру сохранилъ? кто отъ ига и мучительства варваръ и чужеземцевъ васъ избавилъ, если то не дворяне? Толь ли награжденія отцы наши, имѣя честь предводительствовать своихъ слугъ противъ общихъ непріятелей и защищать православную вѣру и государство, надѣялись получить, чтобы нынѣ ихъ потомковъ съ тиранами сравнять? такое ли будетъ отъ васъ награжденіе за спасеніе васъ и душъ вашихъ? Но вижу, всѣ, равнымъ усердіемъ пылая, и отъ напоминовенія сего очи отвращаютъ, то какже за полезное можно принять, что толь не правосудно всему свѣту является? Скажу еще больше на 2-й вопросъ, что толь вредно всему государству. Какъ возможно позволить недвижимыя имѣнія продавать крестьянамъ, отдавъ ихъ онымъ въ собственность? возможетъ ли какое порядочное тогда домостроеніе быть, когда участки земли, отданной въ совершенную собственность, каждый крестьянинъ, имѣя право продать или подарить, будетъ другимъ оные продавать и раздробитъ ихъ не токмо на части, но на лоскуты, въ противность Наказу, отдѣленію 427?

Не имѣющіе довольнаго попеченія о земледѣліи, или бывъ несчастіями какими принуждены, продадутъ ихъ посторроннимъ; въ дачи одной деревни ста другихъ деревень владѣнія войдутъ, и тѣ, продавши свои единыя имѣнія, которыя могли бы ихъ пропитать, не имѣя почти ни селенія, ни мѣста, откуда бы себѣ пропитаніе промышлять, и полученіемъ мнимой собственности дѣйствительной лишатся и принуждены будутъ или отстать отъ земледѣлія, или идти въ наемники, и тогда уже, дѣйствительно ничего не имѣя, не будутъ стараться о размноженіи народа, чрезъ что конечно до крайности государство дойдетъ; и, избѣгая отъ имѣній, въ дѣйствительную бѣду ввергнуться (каковое слѣдствіе сей собственности уже мы и видимъ у черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ большая часть, продавъ свои земли, у меньшей части въ неволи находится, о чемъ шлюсь и на чиненныя имъ запрещенія такія дѣлать продажи), кромѣ что разныхъ владѣній и разнаго употребленія смѣшанныя земли произведутъ отъ однихъ другимъ не малый вредъ, яко: драки, убійства, перекосы, потравы, увѣчья и проч.

И такъ, изъ всего, что имѣлъ честь представить, мню, что всякому ощутительно есть, колико представляемые способы господиномъ депутатомъ Коробьинымъ суть вредны. Но я съ моей стороны съ радостію ему то прощаю, почитая, что отъ усердія своего къ нѣкоторымъ удрученнымъ крестьянамъ

оные онъ предложилъ, но не могу безъ удивленія видѣть, что коль имѣетъ онъ попеченіе о пожиткахъ крестьянскихъ, толь малое тщаніе прилагаетъ объ избавленіи ихъ отъ того утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній, налагаемыхъ на нихъ, ибо тщетно имя собственности растверживать: когда тѣло чье подвластно другому, имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ, и законы таковые, всегда сильнѣйшему уступая, лишь причина (презрѣніемъ ихъ) новому преступленію будутъ. А сей господинъ депутатъ точно говоритъ, что онъ не желаетъ, чтобы самихъ крестьянъ отняли отъ власти ихъ помѣщиковъ. То какая же собственность въ имѣніи у нихъ можетъ быть, когда помѣщикъ, имѣя власть самопроизвольно наказывать своихъ крестьянъ, слѣдственно можетъ и неволею, для избѣжанія отъ наказанія, имѣніе ихъ всегда, когда пожелаетъ, отнять? Дать ли право крестьянамъ въ таковыхъ наглыхъ поступкахъ имѣть прибѣжище къ суду? Вотъ новое зло. Крестьяне, по нынѣ не бывъ довольно просвѣщенны, за незнаніемъ своимъ, до коихъ мѣстъ ихъ право можетъ простираться, въ самыхъ справедливыхъ налогахъ на господъ своихъ съ просьбами и жалобами, отлучаясь цѣлыми деревнями отъ ихъ селеній, въ судебныя мѣста будутъ приходить; земля останется безъ земледѣлія, и они лишатся своего пропитанія, въ разбоѣ и татьбѣ принуждены будутъ себѣ его искать; иль и въ

самой справедливости, противъ нихъ учиненной, будутъ несправедливость находить, къ бунтамъ преклонятся и на жизнь помѣщиковъ возстанутъ; унятіе же такихъ бунтовъ какъ помѣщикамъ, такъ и земледѣлію безъ ущерба быть не можетъ. Но да не помнятъ, чтобы я симъ послѣднимъ предложеніемъ къ вольности крестьянской преклонялся, ибо довольно извѣстенъ, что и оная не меньше вредна можетъ всего вышеписаннаго быть, и что не должно вдругъ великаго числа освобождать, а дѣйствительно почитаю, что если хотя кто и одинъ отъ напрасныхъ нападковъ помѣщика страждетъ, надлежитъ предосторожности о пресѣченіи сего учинить.

Но долженъ я признаться, что коликое желаніе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества ни есть, дабы противъ таковыхъ злоупотребленій законами предосторожность учинить, но трудности почти непреодолимыя на всякой степени предстаютъ, чтобы съ одной стороны сокращеніемъ помѣщичьей власти не прервать сію цѣпь, связующую толь тѣсными узами земледѣльцевъ съ дворянами, и болѣе бы не навлечь несчастій на поселянъ и по непросвѣщенію оныхъ не ввергнуть бы ихъ въ такія злоключенія, которыя въ Наказѣ Ея Императорскаго Величества, въ отдѣленіяхъ 502, 503, 504 означены, т. е., чтобы не развратились отъ начальныхъ основаній правленія, не вкоренилось бы умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго, и когда

всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ, и если не будутъ почитать своихъ господъ. Однако, понеже господинъ депутатъ Коробьинъ способовъ для сихъ предосторожностей не предложилъ, то я, побужденъ ревностію къ отечеству и человѣколюбіемъ, хотя съ крайней опасностію, дабы чего вреднаго не предложить, осмѣлюсь не положеніями, но едиными разсужденіями, доводящими до сего предмета, представить.

Мнится мнѣ, что противъ такихъ помѣщиковъ, ежели они есть, которые неумѣренные оброки или двойные съ крестьянъ своихъ берутъ, или которые отягощаютъ безмѣрно работою своихъ крестьянъ, или которые ограбливаютъ тѣхъ, кои потомъ лица своего пріобрѣли себѣ нѣкоторый пожитокъ, можно употребить такой способъ, чтобы учрежденные коммисары и дворянскія собранія имѣли наблюденіе о благосостояніи крестьянъ и не токмо касающееся до имѣній ихъ, но также и безчеловѣчныхъ наказаній, и таковыхъ помѣщиковъ сперва словесно или письменно къ умѣреннѣйшему поступку старались склонить; если же и таковыя увѣщанія не послужатъ, и помѣщикъ тотъ ни оправданія не предложитъ, ни суровость свою не смягчитъ, то бы въ вышнее правительство о томъ увѣдомляли, которое, учиня обстоятельное и строгое изслѣдованіе, можетъ повелѣть такому помѣщику дать опекуновъ и чрезъ сіе, послѣдуя Наказа 254-му отдѣленію, означающему, что „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленія рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія откуду произойти“, и тогда же достигнуть учрежденія нѣчто полезнаго для собственнаго рабовъ имущества, какъ означено въ большомъ Наказѣ въ 261 статьѣ.

Такія есть мои мнѣнія, которыя я имѣю честь здѣсь предложить. Желаю токмо, чтобы усердные сыны отечества на оныя воззрить соблаговолили и постарались бы, колико климатъ, умоначертаніе народное и состояніе Россіи стерпѣть возможетъ, къ взаимственному благополучію обоихъ сихъ состояній людей надлежащее учрежденіе учинить.

Примѣчаніе редакціи XXXII тома Сборника И. Р. И. О. Рукопись князь Щербатовъ самъ подписалъ, мѣстами исправлялъ и дополнялъ собственноручно. (См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества т. XXXII, стр. 486—492).

Примѣчаніе на 13-ю статью II главы проекта правамъ благородныхъ *).

Великое сіе есть право, чтобы кому свободу даровать! Единое сіе имя *свободы* возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ удовольствіе; оно, вспоминая человѣку естественное его свободное состояніе, рождаетъ мысли, чтобъ, колико возможно, всѣхъ жителей свѣта, лишившихся оныя отъ поврежденія нравовъ и чрезъ обстоятельства, соучастниками оной сдѣлать. Такія есть первыя мысли, къ которымъ любящій добродѣтель и вольность человѣкъ естественно обращается. Но здѣсь не тщетнымъ мечтаніямъ мы должны послѣдовать, а надлежитъ соглашать сочиняемый нами проектъ законовъ къ состоянію государства, къ умоначертанію и къ умствованію народа и, наконецъ, къ самому климату сей пространной имперіи, дабы, съ единой страны, не разрушить ту цѣпь нисходящую, которая отъ монарха начинается и властію его дѣйствуетъ, которая чрезъ самодержавную его власть, награждая скоростью рѣшеній происходимую медленность отъ отдаленности мѣстъ, всѣ разныя страны сочиняющія Россійскую Имперію, между собою толико отдаленныя, въ порядкѣ содержитъ,—и чтобъ, прелестнымъ видомъ благодѣяній, или желаніемъ тщетной славы прельстясь, оставя древніе и до сего времени полезные обычаи, не учинить такихъ узаконеній, которыя со временемъ вредны могутъ быть,

Тако хотя въ 13-й статьѣ главы II-й сего проекта и не означено, въ чемъ свобода сія деревень будетъ состоять, но я при семъ неопредѣленномъ положеніи однако не могу по самому разуму сей статьи инако сію свободу объяснить, какъ тако, что оная есть нѣкое право, данное отъ какого помѣщика своей деревнѣ, котораго ни самъ онъ, ни его потомки отнять не могутъ. О чемъ, прежде изъясненія моихъ мыслей, беру смѣлость предложить: 1-е, Какія пользы могутъ произойти отъ сей свободы, единственно яко не могущей быть премѣненной? 2-е, Нынѣшнее состояніе помѣщичьихъ крестьянъ. 3-е, Какіе вреды отъ сего произойти могутъ? и 4-е, Что всякія ограниченія, съ какими бы можно сіе право утвердить, всего вреда не предупредятъ.

1. Пріятно, мню, каждому человѣку зрѣть себя въ состояніи нѣкоторому числу людей благодѣяніе сдѣлать: веселится добродѣтельное сердце, когда то исполняетъ, когда можетъ обязать; цѣлое селеніе себѣ быть во вѣки благодарнымъ. Добродѣтельный родитель, видя у себя злонравнаго сына, съ удовольствіемъ приступаетъ къ освобожденію своихъ крестьянъ: онъ симъ своимъ добродѣтельнымъ изволеніемъ ограждаетъ—по крайней мѣрѣ отчасти—оныхъ своихъ подданныхъ отъ притѣсненія, каковыя могъ бы тотъ злонравный сынъ имъ приключить. Иной, видя отличныя

---

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Настоящее и слѣдующія за тѣмъ два мнѣнія кн. Щербатова вызваны попыткой, сдѣланной частной Коммиссіей о государственныхъ родахъ, въ составленномъ ею «проектѣ правамъ благородныхъ», ввести новое учрежденіе «свободныхъ деревень» и нѣкоторыми льготами, предоставленными владѣльцамъ таковыхъ деревень, расположить помѣщиковъ къ освобожденію своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Всѣ три названныя мнѣнія были говорены въ одинъ день—4 августа 1768 г. Содержаніе 13 статьи II главы «проекта» было слѣдующее:

«Благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно». (Сб. И. Р. И. О. т. XXXII, стр. 580). Къ печатаемому здѣсь мнѣнію кн. Щербатова — совершенно отрицающему пользу приведенной статьи—присоединилось (тамъ же стр. 233 и 234) 34 депутата, въ томъ числѣ 29 депутатовъ отъ дворянъ, двое — отъ городовъ и трое—отъ крестьянъ.

усердія отъ своихъ крестьянъ, имъ чрезъ сіе долгъ благодарности воздаетъ. Наконецъ, другой можетъ за полученіе отъ нихъ нѣкотораго числа денегъ за то свободу имъ даровать: и самъ воспользуется тою прибылью, которую на тогдашнія нужды получилъ, и крестьяне, давъ за свободу свою деньги, обои довольны остаются. И такимъ образомъ большая часть французскихъ крестьянъ были освобождены, откупяся отъ своихъ господъ. Я признаюся, что всѣ сіи соображенія суть довольно сильны, дабы добродѣтельное сердце склонить. Но, дабы дѣлать людей благополучными, надлежитъ, чтобъ они, по состоянію своему, довольнаго счастья не имѣли. Посему должно разсмотрѣть—

2. Въ какомъ состояніи нынѣ помѣщичьи крестьяне? Я съ засвидѣтельствованіемъ всѣхъ здѣсь находящихся господъ депутатовъ могу сказать, что оныя, часъ отъ часу богатѣя, и благоденственнѣе становятся, свидѣтельствуюсь на присланные наказы отъ городовъ, въ которыхъ великія жалобы на крестьянъ происходятъ въ томъ, что они торгами своими подрываютъ купецкіе торги, слѣдственно они богаты и благоденственны; свидѣтельствуюсь на всѣ правительства, должныя по именованіямъ своимъ наблюдать о благоденствіи подданныхъ, примѣтили-ль они какое худое состояніе крестьянъ помѣщичьихъ, иль есть ли на нихъ недоимки въ государевыхъ сборахъ? Напротивъ того, они защищены своими господами, которые, почитая, что ихъ собственное

благоденствіе зависитъ отъ хорошаго состоянія ихъ крестьянъ, безъ свободы не частно, но всѣ о хорошемъ состояніи ихъ пекутся; имѣя частное правленіе, наблюдаютъ о всемъ томъ, что можетъ добронравіе и трудолюбіе въ нихъ вкоренить; самую строгость употребляя, содержатъ ихъ въ довѣренности въ промыслахъ ихъ у купцовъ, которые скорѣйшее и безхлопотное удовольствіе у помѣщиковъ на крестьянахъ находятъ, нежели гдѣ индѣ. А все сіе по большей части клонится къ самому ихъ благоденствію. То надлежитъ ли давать право дѣлать такихъ людей благополучнѣйшими, которые по своему состоянію уже все надлежащее благополучіе имѣютъ, и коего сверхъ мѣры умноженіе можетъ во вредъ обратиться?

3. Весьма бы мнѣ должно распространиться, если бы восхотѣлъ исчислить всѣ вреды, какіе изъ сего могутъ воспослѣдовать, ибо коль бы мало сіе право свободы не было, однако разрываетъ сію цѣпь, связующую помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, которая въ толь давнихъ временахъ благоденствіе самихъ крестьянъ и цѣлость государства сохраняла. И самое сіе влечетъ за собою поврежденіе ихъ въ нравахъ, изъ чего происходитъ разбой, воровства, корчемства, и уменьшеніе иль невѣрность государственныхъ доходовъ, ослабленіе крестьянъ въ разныхъ работахъ, недовѣренность къ нимъ отъ купечества въ ихъ промыслахъ, уменьшеніе раченія въ земледѣліи, запустѣніе заводовъ и фабрикъ, куда часто для умноженія

иль прибытку во время зимнее самими помѣщиками принуждаемы бываютъ ходить; ибо противно естеству мнить, чтобъ какой помѣщикъ приложилъ равное попеченіе о свободной своей деревнѣ, какъ о той, которая его крѣпостная. Еще Россійскій народъ требуетъ во многомъ просвѣщенія, котораго ни отъ кого инаго, какъ отъ своихъ господъ, крестьяне получить не могутъ, и слѣдственно, если бы возможно было, безъ утѣсненія надлежало бы стѣснить сей союзъ, ихъ взаимно связующій, а не клониться его прервать. Но положимъ, что въ семъ трудномъ дѣлѣ почти невозможное и превосходящее вѣроятіе будетъ о свободѣ деревень положено то есть, что, сохраня нужную связь между помѣщиковъ и крестьянъ, благополучіе ихъ довольно пріумножитъ, но единое сіе имя свободы въ сихъ непросвѣщенныхъ людяхъ не произведетъ ли умствованіе неподданства, до самой крайности доведеннаго? не вселитъ ли сіе въ нихъ ненависти и огорченія противу ихъ господъ, о которыхъ всегда будутъ подозрѣвать, коль снисходительно ни стали бы съ ними обходиться, что мѣру власти своей превосходятъ и надъ свободой ихъ захватываютъ? одна свободная деревня не токмо сама вредъ восчувствуетъ, но и другимъ сосѣдственнымъ не вложитъ ли мысли зависти, непокорства и негодованія—чему можно бъ многіе примѣры предложить, колико таковая зависть и недоумѣніе вреда и печальныхъ приключеній производили?

И тако, какъ первая должность всякаго добраго гражданина—благополучіе своего отечества за главное себѣ счастіе почитать, то представленныя мною въ семъ предложеніи удовольствія, каковыя добродѣтельнымъ людямъ могутъ быть, когда кто, охраняя своихъ крестьянъ отъ злонравнаго сына, свободу деревнѣ своей даруетъ, не меньше ли того неудовольствія, которое восчувствуетъ отъ приключеннаго вреда государству? и одинъ ли сей способъ отнять у злонравнаго человѣка власть утѣснять своихъ подданныхъ? и можетъ статься, что сей самъ злонравный человѣкъ, обратясь къ пути добродѣтели, примѣромъ милосердія и человѣколюбія будетъ; можетъ быть, потомство того злонравнаго человѣка отличною добродѣтелью будетъ процвѣтать, то за что оно за пороки отца своего претерпитъ? За усердіе своихъ крестьянъ, по добросердечію своему, желающій ихъ наградить, можетъ ли, предвидя вредъ, могущій отъ того произойти, на то осмѣлиться? и не довольно ли у каждаго помѣщика есть способовъ такое награжденіе сдѣлать, не касаясь къ общимъ и древнимъ государственнымъ установленіямъ? Желающіе купить отъ помѣщика себѣ свободу знаютъ ли сами, что покупать желаютъ? и не можетъ ли изъ самаго сего произойти притѣсненія, чтобы такимъ образомъ къ откупу крестьянъ побудить? И такъ одни, откупясь отъ помѣщика, лучшаго состоянія не пріобрѣтутъ, развратные-жъ помѣщики будутъ побуждены притѣснять крестьянъ, а наконецъ, давъ такое право,

тѣхъ не сдѣлавъ благополучными, а токмо учиня единое разнообразіе въ государствѣ, лишатъ потомство свое того права, которое бы, по начальному основанію правосудія, должны были цѣло и нерушимо ему оставить.

4. Колико ни сильны всѣ сіи причины, но нерѣдко я размышлялъ, не возможно ли, съ условіемъ давая свободу, отъ вышепоказанныхъ слѣдствій избѣжать, то есть, чтобъ такую свободу не инако давать, что то освобожденное селеніе не отступитъ отъ тѣхъ гражданскихъ должностей, которыя къ состоянію его приличны; въ случаѣ же отступленія отъ сей должности, угроженіе лишиться сей свободы было бы остановкою ввергаться въ какіе неприличные и вредные обществу поступки. Но самое сіе не произведетъ ли другаго вреда? не толь легко отнимать свободу, коль легко ее дать: даръ каждый съ радостію пріемлетъ, но колико бы кто самъ себя его недостойнымъ не показалъ, всегда почитаетъ себя несправедливо лишеннымъ. Коль наипаче таковое мнѣніе можетъ быть въ сихъ не весьма просвѣщенныхъ людяхъ! И тако, если дойдетъ до того, что данную свободу должно будетъ отнимать, то лишеніе имени свободы не произведетъ ли роптанія, а можетъ быть и болѣе — сопротивленія, которыя иногда и оружіемъ должно будетъ унимать?

Всѣ сіи разсужденія, совокупленныя съ умствованіемъ народа, принуждаютъ меня здѣсь въ заключеніи сказать, что милосердое изволеніе Ея Императорскаго Величества въ собраніи насъ сю-

да, учиненная нами торжественная присяга, любовь къ отечеству, видѣніе сего торжественнаго собранія, на которое вся Европа глаза обращаетъ, почтеніе наше самимъ къ себѣ, любовь къ потомству, дабы то насъ не обвиняло, что мы суть причина какому злоключенію, которое они восчувствуютъ, и повѣренность нашихъ согражданъ — обязуютъ насъ къ особливой осторожности, дабы не сдѣлать чего такого, отъ чего вредъ можетъ произойти. А какъ я здѣсь выше имѣлъ честь мои мнѣнія предложить, что въ положеніи сей статьи болѣе вреда, нежели какой пользы предвидится, того ради и надлежитъ ее совсѣмъ оставить, неподвергаяся вѣрное и давно пребывающее благо государства на неподлинную новость промѣнять. (Безъ подписи).

(См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества т. XXXVI. стр. 309—313).

Примѣчаніе на 14 статью той же главы проекта *).

Я уже изъяснилъ мои мысли обще о деревняхъ свободныхъ. Что же касается до деревень, на которыя дѣлаются завѣщанія со условіемъ, — хотя точные предѣлы онаго положить и поручено трудиться коммиссіи объ имѣніяхъ, но мнѣ является, что оные не могутъ далѣе простираться, какъ въ ограниченье власти наслѣдникамъ ее продавать, закладывать, переходить ей въ чужой родъ, и прочее подобное. Но зачѣмъ же такое право и крѣпостнымъ деревнямъ не предписать? зачѣмъ дѣлать яко понужденіе помѣщику, дабы возмогъ съ условіемъ оставить деревню наслѣдникамъ своимъ — сдѣлать ее свободною, и такъ въ самой собственности неволю сдѣлать? Съ условіемъ отданная деревня не иное что, какъ залогъ.

Слѣдственно, отъ естественнаго и государственнаго права истекаетъ: отъ перваго, что каждый въ собственномъ своемъ совершенную имѣетъ власть, отъ втораго — то, чтобъ сія самая вольность не была въ предосужденіе положеніямъ государства, и чтобъ отецъ по злобѣ, по упрежденію, иль ради какихъ другихъ причинъ не лишилъ сына или наслѣдника своего тѣхъ правъ, которыя долженъ ему оставить, яко есть первое правило правосудія — воздать каждому, что ему принадлежитъ. Ради сихъ причинъ не соблаговолено ли будетъ сіе право на крѣпостныя благопріобрѣтенныя деревни перенести и статью сію написать тако: Благородные могутъ дѣлать благороднымъ завѣщаніе съ условіемъ, законами опредѣленнымъ, на благопріобрѣтенныя свои деревни; родовыхъ же деревень завѣщать такимъ же образомъ не можно". (Княземъ М. Щербатовымъ самимъ подписано и дополнено).

*) *Примѣчаніе Редакціи.* 14 статья II главы «проекта» давала слѣдующія опредѣленія: «Благородные могутъ дѣлать благороднымъ завѣщанія съ условіемъ, законами опредѣленнымъ, на деревни свободныя; крѣпостныхъ же деревень завѣщать таковымъ образомъ не можно». Къ статьѣ этой было сдѣлано дирекціонной Коммиссіей слѣдующее *примѣчаніе*: «Въ чемъ состоитъ условіе, и какіе оному положить предѣлы, о томъ поручено трудиться... Коммиссіи о имѣніяхъ». (Сб. И. Р. И. О. т. XXXII, стр. 580).

Въ слѣдующей статьѣ—15-й говорилось: «Благороднымъ дозволяется продавать и покупать свободныя деревни безпошлинно». (Тамъ же). На 15-ю статью въ приводимыхъ здѣсь мнѣніяхъ кн. Щербатова возраженій не сдѣлано. Но въ дневной запискѣ (журналѣ) засѣданія 4 авг. 1768 г. указано (та же стр. 237), что кн. Щербатовъ предложилъ эту статью исключить. Мотивы очевидно тѣ же, какіе вызвали печатаемое возраженіе противъ ст. 14. Сказаннымъ объясняется, почему въ слѣдующемъ за симъ мнѣніи кн. Щербатова—на 16 статью—(см. ниже) говорится въ началѣ, что 15 статья проекта, какъ и двѣ предшествующія—13 и 14—уже были княземъ обсуждены.

(См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества т. XXXVI, стр. 314 и 315).

Примѣчанія на 16 статью той же главы проекта *).

Сверхъ того, что на 13, 14 и 15-ю статьи имѣлъ честь мнѣнія мои сказать, на 16-ю статью предлагаю, основываясь на томъ, что Ея Императорское Величество Монаршимъ своимъ словомъ изволила обѣщать насъ толико благополучными сдѣлать, колико возмогутъ смертные счастливы быть. Изъ чего и справедливо можемъ ожидать, что права наши столь далеко будутъ простираться, колико общее положеніе Имперіи то стерпѣть можетъ, чему нынѣ уже и начало зримъ. Однако сіе отдѣленіе, перенося право отказывать благопріобрѣтенныя деревни не иныя, какъ также свободныя, дѣйствительно дѣлаетъ нарушеніе тому праву, которое дворянство имѣло при сочиненіи Соборнаго

*) *Примѣч. Редакціи.* Содержаніе 16 статьи II главы проекта слѣдующее: «Благороднымъ дозволяется благопріобрѣтенныя свободныя деревни отказывать всякому благородному, кому они заблагоразсудятъ, крѣпостныхъ же деревень и родовыхъ свободныхъ никто дарить не можетъ». (Сб. И. Р. И. О. т. XXXII, стр. 581).

Съ мнѣніемъ кн. Щербатова, здѣсь печатаемымъ, согласился Обоянскій депутатъ отъ дворянства Глазовъ (тамъ же, стр. 240).

Уложенія, какъ сіе означено въ XVII-й главѣ статья 31-я *). И хотя послѣ нужды государственныя и учинили, что таковое право было премѣнено, однако дворянство не меньше всегда возвращенія онаго ожидало. Но нынѣ, какъ изъ самыхъ сихъ положеній видно, что такія нужды государственныя престали; однако пренесеніе такого права съ ограниченіемъ на свободныя деревни дѣйствительно совершенную собственность въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ отнимаетъ. Ибо могу ли я то собственностью и свободою назвать, когда, дабы по благоизволенію моему возмогъ ихъ кому отказать, я еще, по праву, для исполненія единаго другое противу желанія своего долженъ сдѣлать? возможетъ ли сіе сходствовать съ 414 отдѣленіемъ Большаго Наказа, называющимъ сіе ожесточительнымъ, чтобъ человѣка въ послѣдніе жизни его часы лишить власти дѣлать благодѣяніе, или, по крайней мѣрѣ, толь обуздать тогда его право, чтобъ онъ не могъ достигнуть до сей власти, какъ другимъ противнымъ желанію его поступкомъ? Я при семъ по званію своему дерзаю съ тою смѣлостью, какая предписана въ 517-мъ отдѣленіи Большаго Наказа,

*) *Примѣч. Редакціи.* 31 статья XVII главы Уложенія Царя Алексѣя Михайловича дозволяла вотчинникамъ «купленую свою вотчину» продать, заложить, отдать кому безденежно, а также отказать по духовному завѣщанію; при этомъ родственники вотчинника не получали права выкупа, перешедшаго въ другой родъ имѣнія: «и дѣтемъ его» — говорилось въ названной статьѣ — «и внучатомъ и инымъ его роду впредь до тое вотчины дѣла нѣтъ, и на выкупъ имъ тое вотчины не отдавати».

покорнѣйшую просьбу принести: да воззрятъ нынѣ на всѣ заслуги, учиненныя дворянами государству, да воспомянется ихъ пролитая кровь, претерпѣнныя раны и понесенные труды за отечество, и да въ возмездіе возвратится имъ то право, которое Великій Князь, Россійскій Законодавецъ, Царь Алексѣй Михайловичъ въ вышесказанной статьѣ Соборнаго Уложенія предписалъ! Что я говорю — да возвратится то право? но да исполнится по представленному же отъ меня правилу Большаго Наказа — въ статьѣ 414 — и совершенная воля надъ благопріобрѣтенными имѣніями и да не стѣснится, но да, исключа свободныя, перенесется она на всѣ благопріобрѣтенныя деревни.

Итако, по мнѣнію моему, надлежитъ написать сію статью слѣдующимъ образомъ: „Благороднымъ дозволяется благопріобрѣтенныя свои деревни отказывать всякому благородному, кому они заблагоразсудятъ; родовыхъ же деревень никто отказывать или дарить не можетъ“. (Княземъ М. Щербатовымъ самимъ подписано и дополнено).

(См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XXXVI, стр. 315—316).

Примѣчанія къ 27 статьѣ той же главы проекта *).

Въ 27-й статьѣ сей II-й главы сказано: „Благородные невозбранно могутъ произведенія собственныхъ своихъ

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Содержаніе 27-й статьи II главы проекта слѣдующее: «Благородные невозбранно могутъ произведенія собственныхъ своихъ деревень, кромѣ законами запрещенныхъ, продавать валовою продажею». (Сб. И. Р. И. О. т. XXXII

деревень, кромѣ законами запрещенныхъ, продавать валовою продажею“. Весьма недостаточно сіе положеніе является, хотя умалчиваю о „запрещенныхъ законами“, ожидая, когда та часть, гдѣ такіе законы вмѣстятся, будетъ окончена. Но сказано въ сей статьѣ „валовою продажею“, что я разумѣю быть не иное что, какъ то, что всѣ произведенія своихъ деревень благородные могутъ продавать въ одинъ разъ, или по крайней мѣрѣ каждое особо, не имѣя права никакъ раздроблять ниже на половину, какъ бы велико ихъ число ни было. Не буду я, въ тѣснѣйшемъ разумѣ сіе принимая, неудобности описывать, но и въ пространнѣйшемъ, то есть, что каждаго роду произращенія можетъ вдругъ кому продать. Извѣстно всѣмъ, коль многочисленны бываютъ произращенія земледѣлія — и желательно для пользы государства, чтобы и еще многочисленнѣе были — то если какой помѣщикъ трудами и тщаніемъ своимъ пріобрѣтетъ великій урожай, такъ что каждая, иль нѣкоторыя части могутъ восходить цѣною на многія тысячи рублевъ, которыя какъ для своей прибыли, въ чемъ и естественная польза есть, привезетъ въ какой городъ, то можетъ ли скоро

стр. 582). Употребленное въ этой статьѣ слово «валовою» и вызвало князя Щербатова на представленіе, 11 августа 1768 г., печатаемаго здѣсь заявленія, согласнаго съ предыдущими заявленіями князя по тому же предмету (см. выше). Къ мнѣнію князя Щербатова присоединились одинъ депутатъ отъ города (С.-Петербурга) и шесть депутатовъ отъ дворянства (Сб. И. Р. И. О. т. XXXII, стр. 265).

найти на великое число себѣ купцовъ и не принужденъ ли будетъ за безцѣнокъ таковыя его трудами пріобрѣтенныя вещи отдавать, лучше, нежели подвергнуть ихъ, за неимѣніемъ купцовъ, къ согніенію; и самое сіе не учинитъ ли утѣсненіе земледѣлію, когда произведенія онаго не могутъ настоящей цѣны имѣть? Можетъ быть, что таковое положеніе учинено для пользы купцовъ, и не сумнительно, что каждый членъ государства долженъ одинъ другому помогать и не требовать ничего, что бы другому хотя бы малый вредъ приключить могло; но полезно ли то самимъ купцамъ? не много есть такихъ, а наче торгующихъ въ лавкахъ хлѣбомъ, чтобъ могли вдругъ многія тысячи на такую валовую покупку употребить, слѣдственно, уже одни гуртовые купцы будутъ покупать, которые съ барышемъ продавая лавочникамъ, изъ дешевой покупки цѣну возвысятъ, а тѣ, и по необходимости еще цѣну налагая, еще доровизну пріумножатъ. И тако попеченіе помѣщиковъ о земледѣліи будетъ утѣснено, купцы богатые бѣдныхъ удручатъ, а и прочіе мѣщане покупкою изъ третьихъ рукъ себѣ въ пропитаніи восчувствуютъ великую тягость, не считая, колико изъ сего утѣсненія произойдетъ нарушеніевъ закона. Я весьма отдаленъ мнить, чтобы должно было позволить дробную продажу благороднымъ въ городахъ, и домы бы ихъ лавками сдѣлать, но мню, что позволеніе стаями продавать, которыхъ мѣра въ особливой коммиссіи

предпишется, сходно какъ съ побужденіемъ къ земледѣлію, такъ съ пользою благородныхъ, купцовъ и мѣщанъ будетъ. Такія есть мои мысли, что касается до городской продажи. Но надлежитъ разсмотрѣть и о самой въ деревняхъ производимой (продажѣ), о которой въ сей статьѣ умолчано, иль смѣшана она съ городскою. Донынѣ часто, иль и по большей части, благородные продаютъ произведенія своихъ деревень въ самыхъ тѣхъ деревняхъ, не утруждая ихъ крестьянъ перевозомъ. Сею продажею пользуются купцы для закупокъ великаго числа, пользуются же и самые крестьяне, которые иль за неимѣніемъ довольнаго числа земли, иль отъ какого непредвидѣннаго случая, часто бываемыхъ въ трудахъ земледѣлія, не имѣютъ у себя довольно хлѣба къ пропитанію ихъ семейства; изъ чего и та польза происходитъ, что за покупкою такою въ близости отъ селеній своихъ ѣздятъ, и, слѣдственно, домы ихъ отъ отлучки не претерпѣваютъ, ибо въ крестьянскомъ состояніи и самая малая отлучка вредъ можетъ принести. Для лучшаго урожаю хлѣба перемѣня самыя свои сѣмяна, зная качество земли, гдѣ какого помѣщика уродившійся хлѣбъ продается, малымъ числомъ покупаютъ; а иногда случается и самымъ недостаткомъ сѣмянъ къ тому принуждены. То должно ли всѣ сіи общественныя пользы презрѣть, принудить крестьянъ, жившихъ въ дальнемъ разстояніи отъ городовъ иль отъ торжковъ, вмѣсто, чтобъ могъ что въ одинъ день исправить, на нѣ-

сколько дней, иль и на недѣлю отъ дому отлучиться, на нечаянность полагаясь, не зная качества земли, сѣмяна свои перемѣнять, иль для недостатку купить и отъ недороду? какой можетъ отъ сего произойти и себѣ, и всему обществу вредъ? Изъ чего всего является мнѣ воспослѣдовать, что сію 27-ю статью надлежитъ написать слѣдующимъ образомъ: „Благородные невозбранно могутъ произведенія собственныхъ своихъ деревень, кромѣ законами запрещенныхъ, въ городахъ продавать гуртомъ и стаями, которыхъ число и мѣра предписаны въ учрежденіи; въ деревняхъ же своихъ токмо оныя произведенія могутъ продавать въ мелочь". (Княземъ М. Щербатовымъ самимъ подписано и мѣстами поправлено).

(См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XXXVI, стр. 323—324).

Примѣчанія на ст. 29-ю той же главы проекта *).

Въ сей 29-й статьѣ проекта правъ благородныхъ сказано: „Благородные въ дѣлахъ, до чести и жизни касаю-

щихся, судятся равными себѣ, то есть благородными". Справедливое и на милосердіи основанное положеніе! Какое въ семъ случаѣ возможемъ мы принести достойное благодареніе общей нашей благодѣтельницѣ Великой Екатеринѣ, изволившей въ данномъ намъ Большомъ Наказѣ, 127-мъ отдѣленіи, точно изъясниться: „также бы надлежало нѣсколькимъ изъ судей быть чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, то есть ему равнымъ", что, конечно, и послужило основаніемъ сочиненію сего отдѣленія. Да позволится мнѣ теперь сказать съ той смѣлостью, какую требуетъ въ семъ мѣстѣ мое званіе, что я не могу на учиненную

поправку Дирекціонной Коммиссіи согласиться и не признаю ее быть въ силу Большаго Наказа, отдѣленія 489-го, ибо сіе отдѣленіе единственно испровергаетъ чиненные особливые наряды въ самодержавныхъ правленіяхъ особливыхъ судей—судить кого нибудь изъ подданныхъ. И, подлинно, съ достойной служить примѣромъ владыкамъ свѣта мудростью, предвидѣніемъ и милосердіемъ Ея Императорское Величество отвергаетъ такіе наряды и показываетъ безполезность ихъ, равно какъ и могущее произойти неправосудіе, что послѣднее и самымъ означеннымъ примѣромъ въ статьѣ 490-й доказываетъ. Но здѣсь въ положеніяхъ частной ком-

---

*) *Примѣчаніе Редакціи.* 29-ую статью II главы проекта Частная коммиссія о государственныхъ родахъ предполагала изложить такъ:

«Благородные въ дѣлахъ, до чести и жизни ихъ касающихся, судятся равными себѣ, т. е. благородными».

Дирекціонная Коммиссія предложила измѣнить эту статью слѣдующимъ образомъ:

«Благородные въ дѣлахъ, до чести и жизни ихъ касающихся, судятся только въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, которымъ законами дано право судить благородныхъ». (См. Сб. И. Р. И. О. т. XXXII, стр. 582).

Въ объясненіе предлагаемаго ею измѣненія Дирекціонная Коммиссія привела слѣдующія соображенія (тамъ же, стр. 583):

«Сія перемѣна учинена, какъ въ силу Большаго Наказа, 489-го отдѣленія онаго, такъ и въ такомъ уваженіи, что хотя и желательно, чтобъ всѣ и каждый равными себѣ судимъ быть могъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи тотчасъ ощущается самая непреоборимая невозможность; ибо въ такомъ случаѣ не токмо дѣлъ и самыхъ судебныхъ мѣстъ можетъ весьма умножиться, но весьма еще опасно, что сколько будетъ такихъ мѣстъ, столько жъ разнообразныхъ по одинаковому дѣлу рѣшеній. Сверхъ того есть много такихъ, особливо удаленныхъ провинцій, гдѣ или мало, или и совсѣмъ—дворянскяхъ имѣній, слѣдовательно и живущихъ тамо дворянъ, нѣтъ. А изъ того и произошло бъ, что или судей на мѣсто учиненнаго преступленія издалека собирать, или къ судьямъ обвиняемаго и свидѣтелей съ несказаннымъ затрудненіемъ возить надлежало бъ. Можетъ здѣсь сказано быть, что не во всякомъ мѣстѣ могутъ быть и такія судебныя мѣста, какимъ дается право судить благородныхъ. Сіе подлинно такъ; но, имѣя извѣстныя мѣста, не будетъ нужды заводить всегда новыя, и тотчасъ всякъ вѣдаетъ, гдѣ просить на обвиняемаго, такъ что между преступленіемъ и судомъ не пропадетъ напрасно много времени; а сіе паче всего нужно и паче всего подтверждено Большимъ Наказомъ».

Перемѣны, внесенныя въ названную статью проекта Дирекціонною Коммиссіей и данное ею объясненіе этихъ перемѣнъ и послужили поводомъ къ печатаемымъ здѣсь замѣчаніямъ князя Щербатова. По поводу ссылки, сдѣланной Дирекціонной Коммиссіей на 489 отдѣленіе Большого Наказа, можно замѣтить, что хотя нѣкоторыя, не совсѣмъ опредѣленныя выраженія этого и слѣдующаго отдѣленія, могли дать поводъ къ предположенію о нежеланіи автора Наказа допускать судъ равныхъ, но и прямой смыслъ цитируемаго мѣста («Самая безполезная вещь Государямъ въ самодержавныхъ правленіяхъ есть наряжать иногда особливыхъ судей судить кого нибудь изъ подданныхъ своихъ. ...Столь мало отъ таковыхъ судовъ происходитъ пользы, что не стоитъ сіе того труда, чтобы для того *превращать порядокъ суда обыкновенный*») и совокупное разсмотрѣніе его съ отдѣленіями 127, 180 и 181 Наказа, рекомендующими судъ «равныхъ» отвѣтчику или обвиняемому, дѣлаетъ очевиднымъ, что 489 отдѣленіе Наказа направлено не противъ сословныхъ судовъ, а противъ судовъ *чрезвычайныхъ* (въ нѣмецкомъ переводѣ 488 раздѣленія Наказа—по изданію 1770 г. Gerichten, die auf besondern Befehle angeordnet werden). Слова 490 раздѣленія: «симъ способомъ предавали смерти всѣхъ, кого хотѣли изъ онаго вельможъ собранія» (англійской Палаты Лордовъ) дѣлаютъ яснымъ, что примѣромъ такихъ чрезвычайныхъ «безполезныхъ» для монархіи судовъ Императрица приводила изъ англійской исторіи дѣйствовавшую при Тюдорахъ и Стюартахъ Звѣздную Комету. Очевидно ссылка на 489 отдѣленіе Наказа въ опровержніе предложенной Коммиссіею о государственныхъ родахъ редакціи вышеназванной статьи было сдѣлано неправильно.

миссіи не отъ правительства о наряженныхъ судьяхъ дѣло идетъ, но о тѣхъ, которые дворянина могутъ судить, и, слѣдственно, о сходствіи съ вышеупомянутою 127-ю, также и 126-ю статьями Большаго Наказа, которыя не суть противурѣчительны 489-й статьѣ.

Что же до предложенныхъ неудобностей, якобы: 1) судебныя мѣста и дѣла чрезъ такое положеніе умножились; 2) опасно, что сколько будетъ такихъ мѣстъ, столько жъ разнообразныхъ по одинаковому дѣлу рѣшеній; 3) что могутъ случиться такія дѣла въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ и дворянства нѣтъ, и отъ того произойдетъ, что или судей на учрежденное мѣсто учиненнаго преступленія издалека собирать, или къ судьямъ обвиняемаго и свидѣтелей съ несказаннымъ затрудненіемъ возить надлежало-бъ,—на сіи причины мои разсужденія имѣю честь предложить:

На 1-е. Не проникаю я причины, отъ чего бы судебнымъ мѣстамъ пріумножиться, ибо и учиненное сіе положеніе отъ частной коммиссіи, мню, не съ тѣмъ разумомъ учинено, чтобъ для каждаго преступившаго дворянина особливый выборъ судьямъ дѣлать, но чтобъ они судилися самыми уже выбранными отъ благородныхъ судьями, по силѣ главы II статьи 39-й сего проекта, а къ тому бы, соглашаясь съ означенными правилами въ статьяхъ 126-й и 127-й Большаго Наказа, могли „избирать себѣ судей, или, по крайней мѣрѣ, отрѣшить изъ нихъ

толикое число, чтобъ оставшіеся казались быть въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ, и такъ же бы надлежало нѣсколькимъ изъ судей быть чину по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, то есть ему равнымъ", и, слѣдственно, могли бы изъ такихъ уже выбранныхъ судей единыхъ отрѣшить, а одного иль нѣсколькихъ хотя отъ себя и представить. Что жь касается до умноженія дѣлъ, то если законы, какъ мы не сомнѣваемся, на самой справедливости будутъ основаны, и надлежащее наказаніе неотмѣнно послѣдуетъ преступленію, то отъ чего болѣе дѣламъ умножиться, ибо такой обрядъ суда не къ послабленію, но токмо къ неутѣсненію виновнаго сверхъ мѣры и къ защищенію безвиннаго клонится, и, сверхъ того, ясные и полезные законы, поправя нравы, предупредятъ преступленія, чего мы всѣ должны желать, и такое наше ожиданіе есть самое подкрѣпленіе намъ въ семъ многотрудномъ и важномъ дѣлѣ.

На 2-е. Равнымъ же образомъ не вижу я, отъ чего разнообразнымъ образомъ могли бы дѣла рѣшиться, ибо, какія бы на то ни были учреждены судебныя мѣста, однако не всѣ ли они имѣть будутъ единую всеобщую должность послѣдовать въ рѣшеніяхъ ихъ единымъ преданнымъ законамъ и точному знаменованію ихъ, какъ во многихъ мѣстахъ Большаго Наказа предписано; и, слѣдственно, единый ясный законъ разнообразно гласить не можетъ.

На 3-е. Ничѣмъ лучше не мню

на сію третью трудность отвѣтствовать, какъ самымъ тѣмъ же, что сама Дирекціонная Коммиссія соблаговолила въ примѣчаніи своемъ написать, что не во всякомъ мѣстѣ могутъ быть такія судебныя мѣста, коимъ дается право судить благородныхъ, и, слѣдственно, если то такъ, то не справедливо ли сіи самыя судебныя мѣста и назначить такія, гдѣ бы единственно благородные были, куда такого преступившаго и должно привозить и позволить тутъ ему часть судей себѣ избрать, что будетъ соотвѣтствовать и съ Наказомъ Ея Императорскаго Величества, и съ подданническимъ ожиданіемъ дворянъ. И хотя бы и въ семъ нѣкоторыя затрудненія могли быть, но если разсмотрѣть важность самаго дѣла, то есть касающагося до чести и жизни знатнорожденнаго человѣка, то не лучше ли хотя бы поступить на нѣкоторыя затрудненія (которыхъ однако и не предвидится), которыя добрымъ учрежденіемъ поправлены быть могутъ, нежели подвергнуть какому утѣсненію въ толь важныхъ вещахъ дворянина? Всѣ сіи причины принуждаютъ меня, изъясняя оныя, о принятіи сей 29-й статьи, какъ она написана отъ частной коммиссіи, предложить, предоставляя той коммиссіи, коей будетъ принадлежать, учинить учрежденіе о принадлежащихъ обрядахъ. (Князь Щербатовъ самъ подписалъ).

(См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XXXVI, стр. 326—328) *).

---

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Съ изложеннымъ мнѣніемъ князя Щербатова заявили свое согласіе: 11 депутатовъ отъ дворянства, одинъ депутатъ отъ содержащихъ ландмилицію (Ставропольской провинціи) и одинъ отъ города (С.-Петербурга). Одинъ депутатъ отъ города заявилъ свое согласіе на опровергавшееся княземъ примѣчаніе Дирекціонной Коммиссіи. Въ томъ же засѣданіи (11 авг.) были высказаны по поднятому вопросу еще два мнѣнія: Депутатъ Судиславскій отъ дворянства Баскаковъ полагалъ, чтобы въ составѣ каждаго суда, имѣющаго права судить всѣхъ гражданъ, находилось извѣстное нѣкоторое число дворянъ (съ этимъ мнѣніемъ согласились одинъ депутатъ отъ дворянства и одинадцать отъ другихъ сословій), а депутатъ Гороховецкій отъ города Малявинскій, совершенно противоположно мнѣнію князя Щербатова, заявилъ, что «дворянинъ генерально во всякомъ присутственномъ мѣстѣ судимъ быть можетъ, не смотря на то, какого бъ рода и чиновъ въ присутственномъ мѣстѣ не находились». Съ мнѣніемъ Малявинскаго согласились тридцать четыре депутата отъ городовъ и отъ низшихъ сословій (Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXII, стр. 271—273).

Дополнительныя примѣчанія къ проекту правамъ благородныхъ *).

При окончаніи чтенія проекта правъ благородныхъ, котораго на многія статьи мнѣнія мои имѣлъ честь предложить, за необходимо нужное я по званію моему почитаю предложить для пополненія онаго нѣкоторыя права, о которыхъ въ семъ проектѣ не упомянуто, и мнѣ весьма нужными быть являются.

1-е. Во всемъ проектѣ правъ благородныхъ ни мало не упомянуто, могутъ ли они имѣть домы въ городахъ и какими правами по тѣмъ домамъ пользоваться, а какъ владѣніе домовъ въ городахъ есть совершенно нужно для благородныхъ какъ для житья ихъ для службы Ея Императорскаго

---

*) *Примѣчаніе Редакціи.* Настоящія примѣчанія были предложены въ засѣданіи Коммиссіи 21 авг. 1768 г., когда окончилось чтеніе и обсужденіе проекта правамъ благородныхъ по отдѣльнымъ статьямъ.

Величества, такъ и для собственныхъ ихъ нуждъ, и самое житье ихъ въ городахъ многія полезности пріобрѣтаетъ, яко: обращеніе денегъ, побужденіе художествъ и ремеслъ и прочее,—того ради имѣю честь предложить, дабы сіе право имъ въ надлежащемъ мѣстѣ было вмѣщено слѣдующимъ образомъ: „Благородные могутъ не токмо въ одномъ какомъ городѣ, но и во многихъ имѣть домы, какъ внутри, такъ и въ предмѣстьяхъ и пользоваться по онымъ приличными выгодами, по предписанію правъ о городахъ".

2-е. Въ Соборномъ Уложеніи гл. XXII, статья 21 сказано: „А будетъ чей человѣкъ убьетъ кого нибудь до смерти, или ранитъ, обороняя того, кому онъ служитъ, и тому человѣку того въ вину не ставити и спрашивати того убійства на томъ, кому онъ служитъ", что само собою изъясняетъ право быть защищаему своими слугами, и хотя сіе съ одной стороны сочиняетъ должность слугъ, но не меньше есть право помѣщика требовать сего защищенія отъ нихъ. О семъ изъ давнихъ лѣтъ узаконенномъ правѣ благородныхъ тѣмъ болѣе осмѣливаюсь помянуть, что, учиня оное съ довольнымъ ограниченіемъ, не можетъ оно причиною какого злоупотребленія быть, какъ и не было оно въ теченіи 120 лѣтъ отъ сочиненія Соборнаго Уложенія донынѣ; и что нынѣшнія самыя обстоятельства, показующія частую невѣрность рабовъ противу ихъ господъ, являются къ тому побуждать. Итако, если сіе мое предложеніе принято будетъ, то является мнѣ, что въ надлежащее мѣсто статью, содержащую сіе право, надлежитъ вмѣстить тако: „Благородные имѣютъ право токмо въ случаѣ всякаго нечаяннаго иль какого другаго злодѣйскаго на нихъ нападенія, быть защищаемы отъ своихъ слугъ, и въ случаѣ при такомъ защищеніи слугами ихъ учиненномъ смертоубійствѣ отвѣтствуютъ сами за оныхъ".

3-е. Также я не могу при семъ случаѣ, не наруша учиненной мнѣ повѣренности отъ моихъ согражданъ, умолчать изъясненную просьбу въ данномъ мнѣ наказѣ отъ Ярославскаго дворянства, въ раздѣленіи I-мъ статья 9, заключенную въ сихъ словахъ: „Хотя мы довольно чувствуемъ, что собираемый сборъ отъ продажи винной, вмѣсто многихъ другихъ въ замѣну, для государственныхъ нуждъ служитъ, и тако не съ тѣмъ, чтобъ уменьшить государственные доходы, паче желая оные пріумножить, но самая нужда и безпокойство, которыя чувствуютъ дворяне отъ обрѣтающихся въ ихъ деревняхъ питейныхъ домовъ, которые часто, бывъ построены на лучшихъ и способнѣйшихъ мѣстахъ, воспрещаютъ на тѣхъ мѣстахъ какое другое строеніе полезное учинить; въ деревнѣ иль въ селѣ обрѣтающійся питейный домъ, бывъ подъ смотрѣніемъ какихъ худыхъ поступокъ цѣловальника, подвергаетъ часто все селеніе къ пожару и разоренію, всякимъ людямъ, для питья бывающимъ въ питейныхъ домахъ, между которыми могутъ случиться и разбойники, служитъ къ совершенному и вѣрному пристанищу для отысканія удобнаго времени къ убіенію и грабленію помѣщика; убійства, драки и всѣ прочіе бывающіе отъ пьяныхъ людей безпорядки подвергаютъ къ безпокойствамъ и разоренію; по причинѣ, что каждый помѣщикъ долженъ отвѣтствовать за свои земли, и тако не соблаговолено ли будетъ по исчисленію, сколько на тѣ въ господскихъ деревняхъ построенные питейные домы выходитъ вина, пива и меду, отдать тѣмъ самымъ господамъ на откупъ, съ тѣмъ, что они, яко и прочіе откупщики, будутъ брать вина не меньше надлежащаго числа и платить по препорціи доходъ съ питейнаго дому, яко и откупщики; а купцы токмо тогда въ откупъ такихъ питейныхъ домовъ могутъ вступить, когда уже владѣльцы сами откажутся". Не буду я справедливость сей просьбы утверждать, ибо оная по предложенной статьѣ даннаго мнѣ наказа каждому довольно ощутительна, но токмо имѣю честь предложить, что если сія просьба Ярославскаго дворянства во уваженіе будетъ принята, чтобъ сію статью написать тако: „Въ деревняхъ благородныхъ обрѣтающіеся питейные домы предпочтительно предъ другими должны отдаваться на откупъ тѣмъ самимъ владѣльцамъ деревень".

4-е. Также хотя въ 17 статьѣ главы II проекта правъ благородныхъ и упомянуто, что могутъ частно людямъ своимъ давать свободу, но нигдѣ не сказано о неоспоримомъ ихъ правѣ людей своихъ отпускать на время, чего ради почитаю за нужное, дабы и о семъ правѣ въ пристойномъ мѣстѣ упомянуто было, что благородные могутъ отпускать отъ себя людей, дворовыхъ и крестьянъ на время, и даваемые ими для сего паспорты всю надлежащую силу имѣютъ".

5. Наконецъ, понынѣ всегда пребывающее и полезное благороднымъ право, что могутъ людямъ своимъ давать отъ себя пропуски для проѣзду, куда отъ нихъ посланы, въ семъ проектѣ не упомянуто, о чемъ также напомянуть за должность себѣ почитаю. И если сіе за полезное усмотрѣно будетъ, то предлагаю сію статью написать слѣдующимъ образомъ: „Благородные, посылая для своихъ нуждъ внутри Россіи вольныхъ у нихъ служащихъ и крѣпостныхъ своихъ людей и крестьянъ, имѣютъ право давать имъ отъ себя пропуски, которые надлежащую силу для безпрепятственнаго ихъ проѣзду имѣютъ". (Княземъ Щербатовымъ самимъ подписано).

(См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XXXVI, стр. 344—346).

Размышленіе о дворянствѣ *).

Праздность, въ которой я теперь нахожусь, подаетъ мнѣ случай нѣкоторыя мои мысли о дворянствѣ изъяснить.

Всѣ государства свѣта, какъ древнія, такъ и новыя, имѣли свои дворянства, то есть за услуги предковъ данныя нѣкоторыя преимущества нѣкоторымъ родамъ. Персы имѣли, колико намъ извѣстно, происходящихъ отъ шести убійцевъ Смердиза мага; Римляне ихъ патрикіевъ; Карѳагенцы ихъ роды, отъ коихъ вожди и правители ихъ велися; самыя Греческія народныя республики имѣли отличные роды, отъ каковыхъ Алкивіады, Ѳемистокли, Кононы, Эпаминондасы, Аристодемы и другіе происходили; равно новѣйшія государства всѣ имѣютъ свое дворянство, подъ разными именами извѣстное и разными выгодами пользующееся. И сіе кажется такъ естественно ко всякому правленію, яко служащее въ награду добродѣтели, пріобрѣтенію достойныхъ къ службѣ отечества мужей, и къ раздѣленію самыхъ состояній, что самый уѣздъ Балкскій, нетерпящій въ себѣ имени дворянина, преложилъ сіе токмо на другое, давая титулъ мѣщанина Балкскаго содѣлавшимъ имъ какія услуги, и прелагая оной на потомство тѣхъ. Самая Турецкая монархія —монархія, основанная на совершенномъ самовластіи; которая не законами, но наглостью и другими безпорядками сдерживается; монархія, гдѣ въ сералѣ воспитанные младенцы, яко бывшіе ближе къ императору, по большей части въ главные чины происходятъ; гдѣ часто изъ подлѣйшаго состоянія люди, чрезъ дворскія обращенія правителями государства становятся;—однако и тутъ почтеніе къ происходящимъ отъ знатныхъ людей сохраняется, и тѣ, которые отъ извѣстныхъ отцовъ произошли, *углу* именуются.

Касательно до Россійской Имперіи: первобытное положеніе ея, окромѣ всѣхъ естественныхъ причинъ къ сочиненію знатнѣйшаго корпуса благородныхъ спомоществовало; издревле бывъ раздѣлена на многія княжескія между сыновей Ярославовыхъ, и при присоединеніи сихъ къ великому княженію, не могли сіи князья, коихъ предки были вѣнценосны и единоплеменные съ великими князьями, преимущества предъ другими не сохранить; сосѣдство Россіи съ Литвою, гдѣ многочисленное Гедиминово потомство, междуусобіями своими бывъ истребляемо, отчасти искало между пользами государства и свободою и блаженствомъ нижнихъ чиновъ

*) [illegible] 23 Имп. Публичной Библіотеки (бывшей Эрмитажной)

убѣжища въ Россіи и было съ радостью принято по политическимъ причинамъ, яко могущіе чрезъ знаемость свою въ Литвѣ сдѣлать въ странѣ сей замѣшательства, кои воспрепятствуютъ нападеніямъ Литовцевъ на Россію, и яко искусные мужіе въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, могущіе отличныя услуги Россіи показать. Россія, бывъ отчасти окружена Татарами, которые прежде ее и покорили, то великіе князья не токмо принимали, но и старались призывать къ себѣ разныхъ царевичей и знатныхъ людей татарскихъ съ ихъ служителями, дабы имѣть храбрыхъ вождей, и Татаръ противу Татаръ въ сопротивленіе поставить. Наконецъ древніе Россійскіе государи, примѣчая многіе недостатки въ своемъ государствѣ, ласковымъ пріемомъ чужестранныхъ оные наполнить хотѣли, чѣмъ побуждены, многія знатныя особы выѣхали, и какъ въ военныхъ, такъ въ статскихъ и въ другихъ дѣлахъ спомоществовали возвеличенію Россіи. И тако можно сказать, что въ созиданіи Россіи основаніе, части и подпоры ея были нынѣ наименованные древніе Россійскіе дворяне.

Но несть *) предметъ мой изъяснить происхожденіе дворянскихъ родовъ: но 1-е показать химеру равности состояній новыхъ философовъ; 2-е доказать полезность государствъ въ сохраненіи дворянскаго корпуса; 3-е изыскать колико возможно препорціональную черту

*) Кп. Щербатовъ упорно держится этого правописанія: несть см. нѣсть.

людей, гдѣ право дворянское поставлено быть должно.

1-е. Лейбницъ во изысканіи естественныхъ вещей и самаго единаго роду не нашелъ ни одной подобной другой; многіе мудрые люди разсматривая физіономіи человѣческія, ни одну другой совершенно подобной не обрѣли; и понеже есть толь безконечная разность въ наружныхъ чертахъ тварей, то коль болѣе она можетъ быть во внутреннихъ расположеніяхъ человѣка; а посему, почти неоспоримою истиною можемъ поставить, что несть ни единагό человѣка совершенно подобнаго другому во внутреннихъ своихъ расположеніяхъ, а гдѣ несть таковагό подобія, тутъ нѣтъ и равности; кажется, сама природа, предупреждая наши суемудріи и располагая порядокъ общежитія человѣческаго, разными дарованіями разныхъ людей снабдила, яко мудро распредѣляя единыхъ быть правителями и начальниками, другихъ добрыми исполнителями, а наконецъ третьихъ слѣпыми дѣйствующими лицами; ибо чаю никто не скажетъ, чтобы тотъ Афинецъ, который потерявъ руку, зубами ухватилъ персидскій корабль, былъ равенъ Мильтіаду, ибо единый имѣлъ только запальчивую храбрость, а другой при неустрашимости мудрое и тонкое расположеніе; единъ дѣйствовалъ своими членами, коихъ сила есть ограничена, а другой разумомъ, вмѣщающимъ въ себя безконечность. Всѣ правительства, каковыя для общаго житія человѣческаго устанавливались,

подражая симъ незагладимымъ чертамъ природы, учредили главныхъ начальниковъ, исполнителей и дѣйствующія лица повинующихся, и потому несть между всякаго человѣка и человѣка равности. Дикіе народы, скитающіеся по пустымъ лѣсамъ, безъ всякаго просвѣщенія, едиными побужденіями природы управляемые, не могутъ однако и малочисленныхъ своихъ общежитій учредить, не избравъ себѣ начальника; ибо и они чувствуютъ, что совершенной равности между человѣкъ быть не можетъ. Воззримъ на наше рожденіе, воззримъ на слабость нашего младенчества, въ которое время отъ родителей пропитаніе и помощь получаемъ; а самое сіе и нудитъ насъ, иль лучше сказать, дѣлаетъ намъ священнѣйшимъ долгомъ почтеніе къ родителямъ нашимъ; такожде по чувствованію, недостатку испытанія, въ младыхъ нашихъ лѣтахъ, мы естественно обязываемся старѣйшихъ себя уважать. И тако степени лѣтъ и родства, при всѣхъ ровныхъ обстоятельствахъ, уже мнимое равенство между людей разрушаютъ. Я все вышеписанное говорю, взирая токмо отрѣшительно отъ всего другаго на природное состояніе человѣка; но если мы еще присовокупимъ къ тому многіе прилагательныя качества, которыя человѣкъ въ общежитіи чрезъ воспитаніе и науку пріобрѣтаетъ, то сіе намъ докажетъ, что не токмо не находится личное равенство между человѣка и человѣка, но можетъ оно и потомственное быть.

Пріемля за историческое основаніе себѣ священное писаніе, мы не можемъ сомнѣваться, чтобы всѣ мы не отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли; и потому всѣ суть братія, и всѣ суть равно благородны; но выше означенное неравное раздѣленіе въ дарованіяхъ, также и преимущества, присвоенныя старшимъ въ родахъ, вскорѣ учинили различіе между человѣка и человѣка. Сіи первые получили начальство надъ равными себѣ, обязали тѣхъ не силою, но учиненными имъ услугами, и привлекли къ себѣ почтеніе; такъ что въ нѣкоторыхъ грубыхъ народахъ поставили въ память сихъ своихъ благодѣтелей столпы, кумиры, учредили праздники, напамятованіи и наконецъ богами ихъ почли, и жертву имъ приносили. Дѣти и внучата сихъ благодѣтелей рода человѣческаго, поступкамъ предковъ своихъ подражая, тожъ почтеніе къ себѣ привлекая, удостоились сыны боговъ быть именованы; и сіе есть начало благородства, ибо не должно думать, чтобы иное кромѣ благодарности возмогло приклонить людей единаго изъ среди себя, самого и потомство его высшимъ себя сдѣлать.

Почтеніе, какое къ симъ первымъ своимъ благодѣтелямъ имѣли и къ потомкамъ тѣхъ, учинило, что родившіеся въ высшемъ сану изъ дѣтства своего навыкали познавать нужды народныя, владычествовать и управлять равными себѣ. Народъ, почитая ихъ происхожденіе, съ охотою имъ повиновался, а отъ сего происходило совершенное согласіе, долженствующее быть между начальниками и подчиненными, которое составляло блаженство народовъ, и дало основаніе сильнымъ имперіямъ.

Всѣ свѣдѣнія наши мы чрезъ чувства получаемъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, чего мы не видали, не слыхали, не обоняли, не вкушали и не осязали, о томъ и понятія имѣть не можемъ; а все сіе чтобъ получить чувствованіе чего бы то ни было, зависитъ отъ случая и обстоятельствъ; ибо дикій Американецъ, питающійся касавой, не будетъ имѣть понятія о произращеніи ржи, о удобномъ для нея земледѣліи, ни о употребленіи ея; ни Лапонецъ о апельсинныхъ деревьяхъ и плодахъ ихъ. Сказалъ же Инократъ въ своихъ афоризмахъ: *наука долга, а жизнь коротка*; слѣдственно, то состояніе людей, въ которомъ скорѣе можно пріобрѣсти себѣ разныя понятія, удобныя къ разнымъ родамъ службы государства, есть предпочтительное для пользы онаго; а сіе состояніе и есть потомственное благородство; ибо родившійся человѣкъ отъ благородныхъ родителей, служащихъ или служившихъ въ разныхъ должностяхъ своему отечеству, окромѣ превосходнаго наученія, которое попеченіями ихъ получаетъ, насматривается, какъ должно ему обходиться съ высшими, съ равными и съ низшими себя; въ бесѣдахъ родителей своихъ слышитъ о прежнихъ приключеніяхъ, внимаетъ похвалу добродѣтели и охуленія пороковъ; чрезъ разныя ихъ разглагольствія научается о состояніи политическомъ, гражданскомъ и военномъ своего отечества; слышитъ разныя дѣянія, питающія его умъ и научающія, какъ ему въ разныхъ обстоятельствахъ поступать; сообщества его съ его родственниками — почтеніе къ старшимъ себѣ или обхожденіе съ ровными—тѣ жъ ему наставленія подаютъ; отъ первыхъ онъ научается правиламъ, а со вторыми исполняетъ долгъ сообщества и благопристойности. Я думаю, что нѣкоторые народы, разсуждая, коль много можетъ и отъ родственниковъ своихъ юноша взаимствовать, за несовершенно благородныхъ почитаютъ происшедшихъ отъ тѣхъ, которые въ неровные браки вступили, страшася, чтобъ и малое число не благородныхъ такихъ родственниковъ, чего недостойнаго прямому благородству юноши не внушили; и единую возможность сему сбыться униженіемъ благородства показали, понеже вся жизнь благородно рожденнаго юноши должна быть наполнена безпрерывными наставленіями ученіемъ ли, бесѣдою ли, или примѣромъ для всѣянія въ сердце и въ разумъ его тѣхъ благихъ сѣмянъ, кои должны произвести плодъ полезный отечеству во время свое.

Учиню ли я послѣ сего сравненія между воспитанія благороднаго и низкорожденнаго. Каждому, думаю, ощутительно, что всѣхъ вышеписанныхъ преимуществъ и удобностей низкорожденный имѣть не можетъ; а потому и заключаю, что благородство должно быть потомственно.

Разныя страсти владычествуютъ надъ

человѣкомъ, но главнѣйшею считаю я честолюбіе, поелику сія страсть есть ничто иное, какъ преобразованіе самаго самолюбія. Сія страсть, побуждающая человѣка ко всѣмъ благороднымъ подвигамъ, затмѣвающая въ душѣ его тягость трудовъ, жестокость болѣзни и ужасъ смерти, есть наикрѣпчая подпора государствъ. Представимъ же себѣ благороднаго и низкорожденнаго: благородный воспоминаетъ своихъ предковъ и считаетъ ихъ заслуги, почитаетъ мертвыя тѣни ихъ, но почти совмѣстникомъ имъ становится, желая сравняться или и превзойти; ихъ прозваніе, которое онъ носитъ, ежечасно ему воспоминаетъ, что онъ долженъ себѣ, предкамъ своимъ и отечеству; яко нѣкоторый духъ безпрестанно ему вопіющій, да сохранитъ имя невреждённо, которое онъ отъ благородныхъ родителей получилъ. Римляне, сей народъ, коихъ мудрое правительство способствовало ко учиненію ихъ властителями большей части тогда знаемой вселенной, конечно для такого побужденія учредили при погребеніи ихъ патрикіевъ носить образованіи (т. е. изображенія) предковъ умершаго, и чтобы сынъ или ближайшій родственникъ похвальную рѣчь о умершемъ говорилъ; да, похваляя того и видя образованія того предковъ купно и своихъ, научится и побудится подражать того добродѣтелямъ, и да будутъ оныя равно какъ услуги отечеству наслѣдственны въ изящнѣйшихъ родахъ.

Я долженъ теперь сказать о низкорожденномъ: не зритъ онъ и не знаетъ

знатныхъ своихъ предковъ, не побужденъ онъ славою ихъ, не поощренъ онъ именемъ своимъ; но онъ человѣкъ, и честолюбіе ему сродно. Но какое онъ честолюбіе будетъ имѣть, честолюбіе подражательное благороднымъ или почти можно сказать завидливое? Но и то охулить не можно, если онъ добродѣтельными стезями къ предмету своему пойдетъ, и достиженіе удостоиваетъ его сравняться съ благородными; но каждый чувствуетъ, что онъ побудительныхъ причинъ имѣетъ меньше, а потому и труднѣе сему быть. Государства же не трудные способы должны изыскивать, а легчайшими стараться себя управлять.

II-е. Всѣ части государства должны клониться къ единой точкѣ, сіе есть къ блаженству и силѣ онаго; а какъ благородные составляютъ часть онаго, а по вышесказанному довольно видно, что болѣе способовъ къ пріобрѣтенію изящныхъ качествъ имѣютъ, а потому должны составлять первый чинъ государства и съ превосходствомъ предъ другими полезнѣе оному быть. Не отступая отъ вышепоказанныхъ главностей, потщуся я показать, что государства, возвышая и снабжая благородныхъ, сугубую мзду себѣ пріемлютъ, (А) обрѣтая вѣрныхъ, рачивыхъ и способныхъ людей для разныхъ должностей; (В) что благородные, наполняя собственными своими иждивеніями недостатокъ даваемаго имъ отъ государства жалованья, не токмо особами своими служатъ государству, но и самыми

своими имѣніями и благосостояніемъ своимъ оному жертвуютъ; (Г) что они спомоществуютъ введенію благонравія и просвѣщенія въ народѣ, распространенію художествъ и искусствъ; (Д) что самая торговля, точащая рѣки богатства въ нѣдра государства, подкрѣпленіе отъ сего сословія получаетъ.

(А). То, что я выше сказалъ во обрѣтеніи государствомъ вѣрныхъ, попечительныхъ и рачивыхъ слугъ и способныхъ къ разнымъ дѣламъ, требуетъ еще объясненія. Разныя должности по разнымъ дѣламъ требуютъ разныхъ людей для составленія силы и блаженства государства; (1) предписаніе законовъ, храненіе оныхъ, исполненіе правосудія и введенія благоустройства; (2) содержаніе связи между чуждыми государствами и наблюденіе пользъ во всякихъ договорахъ своего; (3) содержаніе силъ государства, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, и укрѣпленіе границъ, (4) самое земледѣліе, поелику оно съ познаніемъ естества вещей сопряжено, составляетъ важную должность.

1-е. Я вещи касающіяся до законовъ и правосудія въ первыхъ постановилъ, ибо тщетно гремитъ слава военная, тщетно побѣжденные народы лобзаютъ покорившую ихъ руку, когда внутри нѣтъ благоустройства и правосудія—непрочны тѣ побѣды. И силу временную, оказываемую въ семъ случаѣ, я сравниваю съ силою горячкою больнаго человѣка, который во время своего жара, когда жилы его сильнымъ движеніемъ крови

наполняются, сильнѣе здороваго является быть, но вскорѣ упадетъ и недвижимъ бываетъ. Такъ часто безъ добраго внутренняго правленія прельщаютъ насъ звучныя побѣды, но внутренность стенитъ и ослабѣваетъ; народы покоренные, чувствуя тягость ига своего и бывъ недовольны правленіемъ, вящими врагами становятся, тѣмъ наиболѣе опаснѣйшими, что не можетъ правительство всѣхъ тѣхъ осторожностей противу ихъ взять, каковыя имѣло тогда, когда онѣ ему чужды были; или силою оружія стараясь сдерживать сіи народы, увѣчняетъ войну и въ вящее ослабленіе внутренность свою приводитъ. Достопамятный намъ противный примѣръ представляетъ Китайское государство: сіе, бывъ покорено Монгольскими народами, народами дикими, къ грабежу склонными, но добротою законовъ китайскихъ, благоустройствомъ, введеннымъ въ государство, сіи самые дикіе народы стали покорены, и не побѣжденные Китайцы принуждены учинились законамъ побѣдителей своихъ послѣдовать, но побѣдители сами подвергли себя подъ законы и уставы побѣжденныхъ.

Такова есть сила доброты законовъ и благоустройства отъ исполненія ихъ; но, дабы сочинить таковые законы, дабы ихъ безпристрастно и точно исполнять, кто удобенъ можетъ быть къ сему: не тотъ ли, который отъ сосцовъ матери своея питался благородно, коему съ младенчества внушали въ мысли честолюбіе, который въ предкахъ своихъ видитъ примѣры, коимъ долженъ по-

слѣдовать; который отъ родителей и отъ родственниковъ въ юности лѣтъ своихъ наслушался о нуждахъ государства, почерпнулъ знаніе отнихъ законовъ и наконецъ наукою свой разумъ просвѣтилъ, и сіе есть благородный.

Да не возразятъ мнѣ, что наука законовъ почти должна относиться или тѣмъ, которые изъ дѣтства въ университетахъ прошли всѣ школьныя правила, сличали римскіе съ другими законами, проникали всѣ тонкости ихъ; или тѣмъ, которые изъ дѣтства прилежатъ ко исполненію приказныхъ дѣлъ, наизусть выучили уложеніи и указы, памятуютъ числы и годы ихъ. Первые достойны уваженія, и просвѣщеніе, которое они чрезъ науку получили, можетъ весьма послужить, яко общія правила къ поданію совѣта тѣмъ, кто, зная при томъ обстоятельства государства, къ частнымъ положеніямъ какой земли сіи общія правила можетъ употребить. Да смирится духъ его предъ ними и гордость его да унизится предъ открытыя чрезъ многіе вѣки правила.

Что же касается до вторыхъ, то, не отрѣшая всѣми любомудрцами принятыя истины, что люди познанія свои чрезъ чувства получаютъ, казалось бы, чтобъ сіи изъ дѣтства начатымъ и долговременнымъ исполненіемъ законовъ, узнавши ихъ содержаніе, могли весьма удобны быть ко исполненію оныхъ; но родъ ихъ воспитанія и способъ пріобрѣтенія знанія сему препону полагаютъ; ибо въ комъ не вселено чрезмѣрное честолюбіе съ младенчества, могущее превоз-

мочь всѣ другія страсти, тотъ можетъ, взирая на прибытокъ, на благосостояніе, на виды производства и возвышенія, поползнуться отъ истины святой отстать, вмѣсто что благородный введенъ уже самымъ рожденіемъ своимъ къ возвышенію; а благородное честолюбіе ему толь сродно, какъ горячность огню и мокрота водѣ. Понеже я не склоняю свои размышленія на какое нибудь особливое государство, то и видимъ разными образами, какъ пріобрѣтаютъ познанія въ законахъ; во многихъ европейскихъ государствахъ по окончаніи нѣкоторыхъ наукъ начинаютъ быть адвокатами, или стряпчими; а имя и должность стряпчаго есть уже противна, чтобъ безъ чрезвычайности какой онъ могъ совершенно безпристрастнымъ судьею учиниться. Припишемъ мы ему изящныя качества; пусть онъ будетъ уменъ, понятенъ, памятенъ, прилеженъ и сообразителенъ; пусть одаренъ будетъ добродѣтелями, сострадателенъ и не корыстолюбивъ; но при всѣхъ сихъ изящныхъ качествахъ и добродѣтеляхъ уже не можетъ онъ быть и не честолюбивъ, а честолюбіе его повлечетъ защищать сумнительныя или несправедливыя дѣла; и сіе есть сѣмя зла, которому трудно воспрепятствовать, чтобы далеко корни свои не распространило и не произвело дѣйствія надъ стряпчимъ, сдѣлавшимся судьею. Воззримъ на отечество наше: у насъ таковые приказные люди, не имѣвъ благороднаго воспитанія, ниже знавъ грамматику и логику, начинаютъ съ

простыхъ писцовъ свою службу и производятъ ее далѣе. Вся жизнь ихъ употреблена въ списыванье и напомяновеніе законовъ, не оставляя имъ ни малѣйшаго времени на разсмотрѣніе ихъ. И тако становятся весьма памятливые на законы, но не искусные въ познаніи ихъ; не говорю уже, коль много страстей и пороковъ, не бывъ отраждены ни воспитаніемъ, ни наукою, съ младенчества пріобрѣтаютъ; а потому недостойны суть внити въ сіи освященныя врата правосудія, ими же входитъ чистъ сердцемъ и непороченъ руками; но какъ каждое правительство изъ всякихъ вещей должно себѣ стараться пользу пріобрѣтать, то и сіи люди, да употребятся къ напамятованію законовъ благороднымъ, долженствующимъ исполнять ихъ, дондеже повторяемыми опытами докажутъ, что недостатокъ воспитанія и науки награждается въ нихъ добрымъ расположеніемъ ихъ сердца и прилежностью.

Тако думаю неоспоримо есть, что мечъ правосудія тѣмъ наипаче страшный, что безъ защищенія подданныхъ поражаетъ, не долженъ быть иному ввѣренъ, какъ благорожденнымъ, кои отъ сосцовъ матери своея питались благороднымъ честолюбіемъ, благородныя расположеніи своего сердца, дражайшее наслѣдіе своихъ предковъ, благороднымъ воспитаніемъ и наукою утвердили; или тѣмъ (ибо не отметаю я достоинства ни въ комъ), кои многажды повторяемыми и повторяемыми опытами во всемъ себя равны благороднымъ учинили.

2-е. Содержаніе связи между государствъ, или служба, какъ мы называемъ, министерская ни на одной ловкости придворной основана, какъ многіе думаютъ. Она требуетъ глубокаго познанія силы государствъ, ихъ способовъ, ихъ заимственныхъ даже и прежнихъ обязательствъ, ихъ выгодъ и пользъ, равно чуждыхъ, какъ и своего; и сіе называется наука дипломатическая, наука тѣмъ труднѣйшая, что она должна быть пріобщена къ познаніямъ, которыя чрезъ путешествія пріобрѣтаютъ, къ уклонности, пріятству обхожденія и къ самой веселости; однимъ словомъ ко всѣмъ ловкостямъ и пронырствамъ дворскимъ, каковыя для обмана своихъ государей и благодѣтелей хитрые придворные употребляютъ; а потому должно, чтобы глубокая наука пользы, состояній государствъ и кабинетное упражненіе, омрачающее веселый нравъ, и путешествія, отнимающія время пребывать въ какомъ упражненіи, единое бы другому не помѣшало. Задача трудная и почти невозможная, если всѣ таковыя потребныя познанія чрезъ бдѣніе и кабинетный трудъ пріобрѣтать. Но въ благородномъ они не невозможны, ибо наука его начинается съ младенчества; чрезъ наслышку получаетъ разумъ его множество познаній, которыя бы многолѣтними трудами и бдѣніемъ другой долженъ пріобрѣсти; и останется почти кабинетной работѣ прибавить нѣчто ко влiянному съ младенчества въ него знанію и въ порядокъ нѣкоторый расположить. Вѣжливость,

привѣтство и хорошее обхожденіе суть не отдѣлимы отъ благороднаго воспитанія, по роду самаго обращенія благородныхъ между собою. Я скажу, что самое пронырство и коварство, которое въ министерскихъ дѣлахъ нынѣ по поврежденной политикѣ нашего вѣка употребляется, ему извѣстнѣе, чѣмъ другаго состоянія человѣку, и коль все сіе ни есть противно благородному и добродѣтельному его воспитанію, но и сіе онъ благороднѣйшимъ образомъ и привлекая къ себѣ болѣе повѣренности, яко презрительное, но нужное въ разсужденіе пользы отечества, орудіе употребитъ.

Приложимъ къ сему, что, не взирая на тщаніе многихъ дворовъ уменьшить почтеніе ко благородству, не взирая на суемудріе нынѣшняго вѣка сравнить всѣ состоянія государства, къ чему владыки свѣта окромѣ своихъ особъ тщанія употребляютъ—яко бы они сами, Переиросомъ (sic) произведенные, были преадамиты—у многихъ однако дворовъ имя знатное и старшинство рода заслуживаетъ особливое вниманіе; и потому и въ сей статьѣ я заключаю, что благородный предпочтительнѣе всякаго другаго въ таковыхъ дѣлахъ долженъ быть опредѣленъ.

3-е. Не одна храбрость въ воинахъ дѣйствуетъ, запальчивость обычаевъ и горячность въ крови суть свойственны полуденнымъ народамъ; однако неисчетныя достоинства Персовъ малымъ кучкамъ хорошо устроеннымъ греческихъ войскъ никогда сопротивляться не могли; узкій проходъ Ѳермопильскій, поля Маратонскія и берега Саламинскіе свидѣтельствуютъ доброе устроеніе, порядокъ и искусство въ военномъ дѣлѣ Грековъ противу неисчетныхъ Перскихъ силъ. Пространство Азіи и трудности путей прославляютъ десять тысячъ Грековъ, шедшихъ сквозь пространныя вражескія земли подъ предводительствомъ Клеарха и наконецъ Ксенофонта, по разбитіи младаго Кира. Наконецъ самое паденіе Перскія имперіи и завоеваніе ея Александромъ Великимъ, начавшимъ брань сію съ сорокъ тремя тысячами Македонцами, числомъ толь малымъ въ разсужденіи Перской имперіи, что каждый изъ сатраповъ ея могъ тройное или четверное число въ сопротивленіе поставить; то коликія долженствовали быть всѣ собранныя силы сей имперіи! Но всѣ они яко о нерушимый камень фаланга Македонскаго сокрушены были; но самые наконецъ сіи Греки, побѣдители толь сильныхъ народовъ и покорители толь обширныхъ странъ, превосходящему устроенію Римлянъ должны были уступить и подданными ихъ учиниться.

Таковое есть превосходство, каковое и древніе народы отъ благоустройства своихъ воинствъ и отъ искусства воеводъ пріобрѣтали; но тогда бой былъ рукопашный, и много побѣда зависила отъ храбрости личной. Нынѣ же по изобрѣтенію разныхъ огнестрѣльныхъ орудіевъ, хотя храбрость народная и не отрѣшается, но успѣхи и побѣды гораздо болѣе древняго зависятъ отъ

благоустройства воинствъ и отъ мудрости предводителя. Густавъ Адольфъ съ малымъ числомъ воинствъ привелъ въ трепетъ Германію, а императоръ Фердинандъ искусствомъ вождей своихъ Тилли и Валленштейна мало самовластнымъ Германской имперіи не учинился.

Наука сія военная толь многія въ себѣ части вмѣщаетъ, что дѣйствительно не токмо должно къ ней особливыя дарованія имѣть, но съ младенчества ученіе, наслышку и размышленіе; ибо ни естественныя дарованія, ни храбрость, ни испытаніе не могутъ совершенно замѣнить то, что можно пріобрѣсти въ оной наукою и размышленіемъ. Я говорю о познаніи земли, гдѣ производить войну, о исчисленіи маршей, о занятіи лагерей, о устроеніи по разнымъ обстоятельствамъ и по разнымъ оружіямъ войскъ, о выгоднѣйшемъ дѣйствіи разныхъ оружій и о содержаніи ихъ, о атакѣ и защищеніи градовъ и, наконецъ, о познаніи народовъ, съ которыми и противу которыхъ воюешь, такъ же о содержаніи доброй дисциплины въ войскахъ.

Не лишенъ отъ природы ни единый человѣкъ способовъ пріобрѣсти всѣ сіи нужныя знанія и можетъ статься, что между пахарей мы многихъ бы Александровъ и Цесарей нашли, но они, родясь съ сохой, съ сохой и умираютъ, никогда не подозрѣвая такія дарованія имѣть; ибо никогда имъ не было случая, чтобъ оныя открылись, и сѣмена внутри ихъ души безплодны остаются; то должно ли по сумнѣнію, коль оно справедливо ни есть, съ опасностью многія тысячъ разъ ошибиться, Александровъ, Цесарей и Сципіоновъ у сохи искать? И не долгъ ли есть всякаго правительства искать въ томъ состояніи удобныхъ къ службѣ себѣ людей, гдѣ съ вѣроятностью уповаетъ скорѣе ихъ найтить? а сія вѣроятность и обращается на сихъ благородныхъ.

Содержаніе морскихъ силъ и служба во флотахъ, хотя по первому взгляду, требуетъ не меньше знанія, какъ и сухопутная, ибо соединяетъ въ себѣ общее и частное познаніе земловоднаго глобуса, познаніе морей, береговъ, пристаней, исчисленія густоты водъ, теченій, стремленія вѣтровъ, познанія вѣтровъ временныхъ, познанія теченій планетъ и звѣздъ, и искусство употреблять орудія и дѣлать нужныя исчисленія; къ тому же и знаніе механики, дабы дѣйствовать толь сложною махиною, каковъ есть корабль. Не говорю уже я о нужныхъ наукахъ и искусствахъ для строенія корабля, ибо сіе составляетъ особливую часть въ содержаніи морскихъ силъ государства, и которая ничѣмъ инымъ не пріобрѣтается, какъ наукою и употребленіемъ.

А самая военная служба на корабляхъ—единые-ль благородные къ ней удобны, или всѣ безъ разбора, кто къ оной будетъ прилежать, пріобрѣтетъ довольныя знанія наукою ли или испытаніемъ? Агличане могутъ примѣромъ служить для возраженія оказанной мною мысли, что во всѣхъ службахъ госу-

дарства благородные предъ другими должны быть предпочтены; мнѣ скажутъ, чтобъ я взглянулъ на два сильныя морскими силами государства, Англію и Францію. 1-е, гдѣ по большей части не дворяне, не столько по наукѣ, коль по испытанію управляютъ кораблями; и 2-е, гдѣ благородные съ немалымъ познаніемъ математики, съ природною храбростью и воспитаніемъ, начальниками кораблей и флота становятся; и которое изъ сихъ государствъ имѣетъ преимущество? Я не умедливши скажу — Англія, не отступая однако отъ прежняго моего мнѣнія, что въ семъ родѣ службы благородные предъ другими должны быть предпочтены, а дабы сіе мнѣніе доказать, надлежитъ разсмотрѣть, отчего тутъ, гдѣ не благородные начальствуютъ, превосходство обрѣтается. Показаніе состоянія сихъ государствъ и порядокъ службы ясно сіе докажетъ.

Великобританія бывъ составлена изъ острововъ, окруженныхъ морями, простирая свою торговлю во всѣ четыре части свѣта, чрезъ которую всѣ части ея народа богатятся и благосостояніе свое получаютъ, такъ что не взирая на малую обширность ея странъ, она богатѣйшая въ свѣтѣ учинилась; а дабы побудить сію торговлю, правительство дѣлаетъ побужденіе и самому мореплаванію; а самое сіе и произвело великое число искусныхъ и проворныхъ матросовъ и испытаніемъ научившихся добрыхъ, но неученыхъ начальниковъ, которые, служа на купецкихъ судахъ, всегда готовы перейти на суда корон-

ныя и оружіемъ силу Великобританіи умножить. Морскія силы Англіи начали оказываться съ того времени, какъ при королевѣ Елизаветѣ англинскимъ флотомъ флотъ, называемый непобѣдимый, Филиппа II-го былъ разбитъ. Карлъ I-й и братъ его Георгій, имѣя нужду хранить границы своей державы, оной содержали; а Кромвель, именитый своими качествами, равно какъ и преступленіями, силу Англіи какъ во всемъ, такъ и въ ономъ пріумножилъ. Является, якобы нѣкая темная завѣса закрывала очи правителей европейскихъ государствъ, которые толь не рачили о пріумноженіи англинскихъ морскихъ силъ. Тщетно Рюйтеръ съ голландскимъ флотомъ показалъ, что Англичане не суть непобѣдимы на морѣ. Тщетно Людовикъ XIV во время царствованія своего, исполненнаго великими людьми, въ краткое время достигъ равняться морскими силами своими съ силою Англіи, и побѣды Дестрея кровавые удары Англичанамъ учинили; но купеческій Голландскій народъ, болѣе стараясь о своихъ прибыткахъ, духа военнаго въ народѣ своемъ не содержалъ, а французскіе флоты были съ шумомъ учиненныя усилія, которые какъ молнія съ трескомъ блеснули и тогда же исчезли, ибо французскія морскія силы въ 1760 году до такой слабости дошли, что насилу имѣли четырнадцать военныхъ кораблей въ сопротивленіе многочисленному англинскому флоту поставить. Флоты же сего послѣдняго народа часъ отъ часу воз-

ростали, бывъ превосходны числомъ, наполнены испытанными начальниками и искусными и проворными матросами, вездѣ побѣды одержали; а одержаніемъ сихъ побѣдъ влагалась имъ въ мысль надежда, и сія бодрость, которая ихъ заставляетъ мнить, что Агличане на морѣ непобѣдимы суть, и что имперія морей имъ единымъ принадлежитъ. Таковое предубѣжденіе, ибо народъ по дѣйствіямъ только судитъ, есть предзнаменованіе побѣды и успѣховъ.

Понеже опасности, сопряженныя съ морскими путешествіями, во время которыхъ безпрестанно съ двумя сильными стихіями — воздухомъ и водою — бороться подобаетъ, гдѣ жизнь человѣческая единою токмо доскою отъ смерти отдалена, гдѣ незнаемость морей, перемѣна климатовъ, обыкновенныя корабельныя болѣзни, недостатокъ хорошей пищи, прѣсныя воды, сообщеніе съ дикими кровожаждущими и вѣроломными народами сіи опасности умножаютъ и сокращаютъ жизнь человѣческую. Все сіе однако не возбраняетъ стремиться на такія путешествія торговымъ народамъ для пріобрѣтенія себѣ корысти. Я, размышляя о сихъ опасностяхъ и о всѣхъ безпокойствахъ, какое они претерпѣваютъ, покусился бы ихъ ироями назвать, есть ли бы не корыстолюбіе причина ихъ подвиговъ была; а если корыстолюбіе побуждаетъ таковые народы къ терпѣнію сносить толь великіе труды и подвергаться и толь неизбѣжнымъ опасностямъ, то кажется со справедливостью можемъ заключить, что

оно можетъ придать и неукротимую храбрость во время боя. Самая исторія примѣры намъ сему представляетъ: въ походахъ Португальцевъ — Гамы, Албукерка — во Восточную Индію и невѣроятно храбрыя ими учиненныя дѣянія въ Каликуттѣ и въ другихъ странахъ; а во всѣхъ сихъ случаяхъ корысть дѣйствовала надъ ихъ сердцами. Агличане, бывъ народъ торговый, къ той же страсти подверженъ есть, и не ироическою храбростью, но корыстью подвигнуты и, пользуяся вездѣ превосходящимъ своимъ числомъ противу Французовъ, съ упорствомъ сражаются, а не съ благородною храбростью, каковая едина есть подпора государству; ибо отними у Агличанъ сіе предубѣжденіе, которое въ ихъ народѣ вселено, яко бы Агличане превосходство надъ всѣми на морѣ имѣютъ; а сіе предубѣжденіе легко отняться можетъ, если придутъ несчастія, что ежели непостоянными стихіями — водою и воздухомъ — враги ихъ помогаемые, нѣсколько мѣсяцевъ надъ ними побѣды будутъ одерживать, падетъ сія превозносливость и въ робость обратится; отними отъ Агличанъ надежду корыстей взятіемъ вражескихъ кораблей, уменьшится дерзость ихъ и охота иттить къ бою, слѣдственно и самыя ихъ побѣды, яко на неблагородной храбрости основанныя, не могутъ какъ токмо толикое время продолжиться, колико имъ счастіе поспѣшествуетъ; но какъ все оное основано толико на единой тщетной превозносливости и на корыстолюбіи.

въ случаѣ несчастія помочи себѣ не обрѣтетъ, ибо единая благородная храбрость не возгоржается побѣдою, корыстью не ослѣпляется и побѣжденна не упадаетъ.

Описавъ, какія причины спомоществовали Англіи толь великія преимущества надъ прочими европейскими державами, а паче надъ сосѣдственною ей Франціею, въ морскихъ силахъ пріобрѣсти, воззримъ теперь на самую Францію и разсмотримъ самые пороки ея управленія, которые учинили, что, хотя первые мореплаватели въ дальныя страны изъ французовъ были, — яко жители Сантъ-Мало первые плавали ко африканскимъ берегамъ и за Зеленый мысъ, а жители Сантъ-Жанъ де Люсъ (S. Jean de Luz) прежде другихъ въ сѣверныя моря путешествовали,—но бывшія междоусобія и слабости правленія Франціи симъ сѣменамъ торговли и морскимъ силамъ произрасти воспрепятствовали. А паче думаю духъ рыцарства, прешедшій отъ Готовъ, а потомъ отъ Гишпаніи, толь въ сердца благородныхъ вкоренился, яко лелеящій честолюбіе и чинящій зависѣть подвиги ихъ и честь не отъ воды, вѣтра и движенія махины, но и отъ личной храбрости, въ презрѣніе привелъ морскую службу; а потому силы морскія и не могли во Франціи возрастать. Тщетно Людовикъ XIV старался Францію прославить своимъ флотомъ, тщетно ко многимъ побѣдоноснымъ вѣнцамъ при Еге - Морте ростральный вѣнецъ пріобщилъ; тщетно Дюге-

троенъ (Duguai-Trouin) — французскій Рюйтеръ—многими знатными дѣлами прославился. Чрезъ учрежденіе классовъ, то есть записныхъ для службы морской жителей нѣкоихъ приморскихъ провинцій, старался онъ (Людовикъ) матросовъ пріумножить; флоты его не основаны были на пользѣ торговли, ни на умочертаніи народномъ, а потому и долгаго пребыванія въ ихъ силѣ имѣть не могли.

Война, оконченная 1762-го года, и потеря Канады научила Францію, что не можетъ она ни колоніи свои сохранить, ни защитить свою торговлю безъ сильныхъ флотовъ. Она попеченія свои къ тому опредѣлила, благородные, изученные всѣмъ нужнымъ наукамъ для мореплаванія, вступили въ сей родъ службы; но новое зло отъ самаго ихъ честолюбія произошло: служащіе на королевскихъ корабляхъ презирали быть равными съ оксильерными, то есть морскими солдатскими офицерами; сіе произвело раздоры, а гдѣ раздоры, тутъ нѣтъ порядка. Прибавь еще къ сему, что классы, бывъ худо управляемы, никогда искусными матросами не снабжали французскій флотъ.

Однако въ послѣдней, оконченной 1783-го году, войнѣ Франція, не взирая на всѣ вышесказанныя неудобности, показала, что можетъ она противу многочисленныхъ, испытаніемъ наученныхъ, ободренныхъ предубѣжденіемъ превосходности и корыстью побужденныхъ аглинскихъ морскихъ силъ сопротивляться. Какія орудія ей по-

служили послѣ самой слабости ея флотовъ, если не превзойтить, то по крайней мѣрѣ нѣсколько сравниваться и держать нѣкое равновѣсіе со аглинскимъ флотомъ? Наука, честолюбіе и усердіе ея благородныхъ, которые съ благородною храбростью, презирая равно опасности и корысть, сражалися съ врагами ихъ отечества и, если не всегда побѣждали, но и побѣжденіе свое кровію вражескою обмывали и показали симъ мнимымъ властителямъ морей, что скипетръ надъ оными лишь слабостью и нераченіемъ другихъ державъ въ рукахъ ихъ можетъ удержаться.

4-е. Я велъ благороднаго чрезъ всѣ роды службы государства и льщу себя, что превосходство въ оныхъ его доказалъ. Но ежели мы возьмемъ его и въ самыхъ домашнихъ упражненіяхъ, воззримъ на него въ его домостройствѣ, и тутъ найдемъ его превосходно полезнымъ отечеству. Земледѣліе, яко такое упражненіе, которое пріобрѣтаетъ человѣку нужнѣйшую вещь для его жизни, то есть вещество пропитанія. Колико благородно сіе упражненіе не есть по его полезности, однако въ самомъ дѣлѣ оно остается въ рукахъ грубыхъ и непросвѣщенныхъ. Незнающій человѣкъ за ничто почитаетъ орать, пахать, боронить землю, сѣять сѣмена и собирать жатву, и думаетъ, что крестьяне наши совершенное въ томъ искусство имѣютъ; но просвѣщенный находитъ тутъ глубокія и трудныя испытанія естества, разсмотрѣніе свойства земель, какое удобреніе какой землѣ

пристойно, какія сѣмена на какую землю сѣять, въ какія времена года, какъ удобнѣе собирать и сохранять ихъ. Сіи суть все причины таковыя, изъ которыхъ каждая можетъ занять размышленіями и испытаніями цѣлую жизнь просвѣщеннаго человѣка. И можемъ ли мы сего ожидать отъ непросвѣщенныхъ крестьянъ, ибо тщетно испытаніе ихъ велико, но оно не основано на первенствующихъ правилахъ. Можетъ ли крестьянинъ поднять могущія произойти убытки отъ таковыхъ испытаній? Примѣръ многихъ европейскихъ странъ насъ научаетъ, что просвѣщенные благородные начали дѣлать такія испытанія, употребили къ тому не малое иждивеніе и весьма увеличили плодородіе земли. Трудами, иждивеніемъ и искусствомъ ихъ безплодныя поля покрылись плодоносною жатвою или тучною сѣянною травою; государства чрезъ сіе получили прибыль, и не малѣйшая ихъ трудность состояла или и нынѣ состоитъ — привести заматерѣвшихъ въ своихъ убѣжденіяхъ земледѣльцевъ послѣдовать испытанному примѣру ихъ, устроить собственное свое благосостояніе, также вспомоществовать благу государства.

(В.) Духъ корыстолюбія, вселившійся отъ нѣкоего времени во всѣ правительства свѣта, учинилъ, что главные правители государствъ за честь себѣ считаютъ, если могутъ нѣсколькими цифрами умножить сумму доходовъ государевыхъ. Отъ того происходятъ налоги на соль, на вино, на землю, умно-

жение пошлинъ и налоги на самыхъ благородныхъ. Если бы сіи правители разсмотрѣли, что хотя неточнымъ образомъ, но всѣ сіи налоги наконецъ на благородныхъ обращаются, яко долженствующихъ по самому званію своему большія издержки имѣть; а посему и въ самомъ семъ случаѣ благородные дѣлаютъ спомоществованіе въ доходахъ государству. Но если воззримъ на службы ихъ, на безпокойства, на разлученіе съ семьей своей, на отлученіе отъ дому своего и на упущеніе своего домоводства и сравнимъ все сіе съ жалованьемъ, которое благородные служащіе за службу свою получаютъ, то по вѣрному исчисленію найдемъ, что служащій благородный, сохраняющій благопристойность сану и имени своего, большую часть собственныхъ своихъ доходовъ въ разсужденіи службы проживаетъ. А по сему купецъ, мастеровой и крестьянинъ, что̀ отъ родителей своихъ получилъ или что̀ самъ пріобрѣлъ, пользуется тѣмъ, яко его есть, не имѣя нужды по званію своему ничего лишняго дѣлать. Единъ дворянинъ ни жизни, ни крови, ни времени спокойнаго, ни имѣнія своего не имѣетъ, а все онъ жертвуетъ отечеству.

(Г.) 1-е. Спомоществуетъ онъ ко введенію благонравія. Все что выше я сказалъ о воспитаніи благороднаго, все что я говорилъ о совершенно свойственномъ ему честолюбіи, которое нѣкоимъ образомъ особливо сего рода людямъ долженствуетъ быть, довольно доказуетъ, что въ нихъ должно быть и

вящее благонравіе, а благонравіе сего сословія простирается чрезъ подаваемый примѣръ и на другія состоянія людей государства; и хотя по вышесказанному сіе бы болѣе доказательствъ не требовало, но я еще приложу: благопристойность, происходящая отъ самаго честолюбія или отъ благородной гордости, долженствующей быть во дворянахъ, сія благопристойность никакими государственными законами не предписанная, но толь силу великую надъ сословіемъ благородныхъ имѣющая, что каждое противъ ее преступленіе влечетъ за собою необходимое наказаніе: презрѣніе и омерзеніе, а потому и подкрѣпляетъ нравственныя добродѣтели. Ибо дабы краткимъ образомъ яснѣе сіе учинить, учтивство сопрягаетъ общества и привлекаетъ любовь и пріятство, а грубость общества расторгаетъ и отвращаетъ людей отъ службы. Воздержность сохраняетъ человѣка по мѣрѣ данныхъ ему отъ Бога дарованій быть годну для общества всегда, а пьянство лишаетъ человѣка его разума, въ презрѣніе и омерзеніе приводитъ. Для защищенія своея чести, благопристойность влечетъ благороднаго, робкаго человѣка къ смерти, ибо оказаніе робости дѣлаетъ его презрительнымъ въ самыхъ сообщеніяхъ, въ играхъ, въ забавахъ, въ посѣщеніи разныхъ мѣстъ — вездѣ благопристойность предписуетъ благородному человѣку такія правила, отъ которыхъ онъ, не подвергнувъ себя къ всеобщему презрѣнію, отступить не можетъ не токмо

говорю о такомъ, который сохраняетъ въ сердцѣ своемъ чувствіе добродѣтели, но и такой, который развратное сердце имѣетъ, по неволѣ долженъ правила благопристойности соблюдать, которыя удерживаютъ его отъ многаго соблазна, а симъ хотя видимые знаки добродѣтели даетъ. Ибо въ самомъ дѣлѣ, окромя такого развратнаго дворянина, коего и самые подлые развратные люди презираютъ, пойдетъ ли кто дворянинъ на кабакъ или станетъ ли на кулачномъ бою къ стѣнѣ. Сіе все не стыдно нижняго чина людямъ, а дворянинъ, хотя бы во всѣхъ сихъ случаяхъ ничего порочнаго не учинилъ, безъ навлеченія на себя стыда сдѣлать того не можетъ, а таковое подверженіе его подъ законы благопристойности не можетъ не вселять благонравія и въ нижніе чины людей любящихъ подражать высшимъ ихъ.

2-е. Я знаю, что тамъ, гдѣ науки корни свои утвердили, безъ разбора всякаго чина люди ко онымъ прилежать, что Руссо не стыдился быть сынъ часоваго мастера, ни Лонгомантанъ *), знатный астрономъ шестагонадесять вѣка, тѣмъ, что онъ родился отъ крестьянина; напротивъ того болѣе мы находимъ именитыхъ людей изъ благородныхъ — Невтонъ, Лейбницъ, Декартъ, Гроцій, Монтескье и Бюфонъ отъ благородныхъ рождены; но въ тѣхъ

*) Христіанъ Лонгомонтанусъ р. 1562, ум. 1647, прежде ректоръ гимназіи въ Выборгѣ, въ послѣдствіи профессоръ въ Копенгагенѣ. Его «astronomia danica» имѣла большую извѣстность въ свое время. *Примѣч. редакціи.*

мѣстахъ способности пріобрѣсти знаніе гораздо легчайшія суть, нежели у насъ; мы же, можно сказать родившіеся къ наукамъ съ 1700-го года, не взирая, что всему примѣры и правила при рожденіи нашли, чрезъ 85 лѣтъ въ сущемъ младенчествѣ еще пребываемъ, хотя и имѣли единаго знатнаго въ наукахъ мужа Михаила Васильевича Ломоносова, отъ низкаго состоянія людей происшедшаго, но примѣръ его не можетъ намъ доказать, чтобы благородные и въ самомъ наученіи не могли взять верхъ надъ другими, ибо окромѣ что можемъ поставить въ стихотвореніи совмѣстникомъ ему Александра Петровича Сумарокова, колико другихъ благородныхъ стихотвореніями своими доказали, что пути, ведущіе къ струямъ Инокрены, суть не незнакомы имъ. Еще въ примѣръ скажу: уже болѣе полувѣка уставленная академія наукъ имѣетъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ низкаго чина люди обучаются; но да исчислятъ мнѣ ученыхъ писателей, которые, вышедъ изъ оной, процвѣтали; напротивъ того, позже академіи наукъ учрежденный старый кадетскій корпусъ, колико достойныхъ людей воспиталъ. Они не были авторы, ибо къ писанію книгъ не прилежали, но изученную науку употребляли въ дѣйствіе для службы отечеству.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ въ разсмотрѣніе воспитаніе и состояніе благороднаго и низкорожденнаго человѣка, то найдемъ, что съ самаго своего младенчества благороднорожденный человѣкъ болѣе внушеній получаетъ, а

самымъ симъ болѣе отверзается его разумъ для понятія труднѣйшихъ наукъ.

Но не то есть званіе благороднаго человѣка, чтобъ ему писаніями своими и откровеніями прославиться, сіе есть упражненіе жизни спокойныя; жизнь же благороднаго есть жизнь дѣйствующая, вся употребленная для пользы службы отечества, въ которой остается ему только то въ дѣйствіе приводить, что въ младости своей изучилъ. Однако познанія, которыя благородные имѣютъ и которыя они съ младенчества пріобрѣли, охота, вселившаяся въ нихъ ко всякимъ наукамъ, служитъ къ побужденію прочимъ, какъ въ трудныхъ наукахъ, такъ и въ письменныхъ, упражняться, и они суть Мецены (Меценаты) рождающіе Виргиліевъ и Горацiевъ. Можетъ статься я излишне умножаю мои доказательства, однако не могу удержаться, чтобы единый примѣръ сему не приложить. Всѣмъ извѣстно, что въ Аѳинахъ благороднѣйшіе люди прилежали по самому роду правленія къ риторскому искусству; такъ Периклесы, Алкибіады, Никіасы, Кимоны и Кононы не менѣе знатны были своимъ краснорѣчіемъ, какъ другими изящными своими дѣлами. И народъ, подражатель въ высшихъ себѣ, до такого совершенства извыкъ къ красотѣ слога, что Ѳеофрастъ искусный, краснорѣчивый писатель, рожденный въ Веоѳіи, по единому своему изъясненію узнанъ былъ простой женщиной афинской, что онъ не сего града уроженецъ.

3-е. Тоже воспитаніе, дающее про-

свѣщеніе благороднымъ, вселяетъ въ нихъ вкусъ къ живописи, рѣзбѣ и архитектурѣ. Вкусъ ихъ прелагается и къ другимъ. Учиненныя ими собранія картинъ и рѣзбъ служатъ примѣромъ художникамъ, а строенія ихъ побуждаютъ архитектуру и всѣ прочія ремесла удобныя къ созиданію.

(Д.) Благопристойность требуетъ, чтобъ благородный оказывалъ нѣкоторую пышность въ своемъ одѣяніи и житьѣ, а самое сіе побуждаетъ фабрики и распространяетъ внѣшнюю торговлю, подкрѣпленіе, безъ коего она быть не можетъ,—и дѣлаетъ обращеніе денегъ въ государствѣ, отчего и самое земледѣліе процвѣтаетъ.

Можетъ быть мнѣ скажутъ на сіе, что строенія, охота къ рѣзбѣ и живописи, пышная одежда и житье, суть все вещи, принадлежащія къ единой роскоши; а потому купецъ и мѣщанинъ богатый могутъ въ семъ случаѣ равно полезны отечеству быть. Я въ семъ не спорю, ибо ни у кого не отнялъ Богъ дарованія и вкуса, но спорю я въ дѣйствіи и въ различности людскихъ состояній, и что какому состоянію пристойно. Состояніе благороднаго сопряжено съ славолюбіемъ и, слѣдственно, съ нѣкоторою пышностью; благородный, имѣя излишній доходъ, иль долженъ его проживать, или отдавать въ проценты, а не въ погребахъ своихъ деньги хранить. Первымъ онъ побуждаетъ искусства, ремесла и торговлю, а вторымъ съ прибылью себѣ другихъ нужды удовлетворяетъ. Но честь, слава и имя

его не зависили до сего числа отъ нѣкой опредѣленной суммы и, въ бѣдности съ матерью своею живущи, Романовъ бѣдностью своею не возбраненъ былъ быть на тронъ Россійскій возведенъ; но купецъ или мѣщанинъ все блистаніе имени своего и всю честь отъ суммы его торгу и отъ числа капитала заимствуетъ; не считаютъ у него степеней его предковъ, но число тысячъ его капитала. Да и въ самомъ дѣлѣ, колико если мы возьмемъ купца, оной торговлею своею есть полезный членъ государству, яко спомоществующій вывозу произведеній онаго и тѣмъ ободряющій рукодѣлія, мануфактуры и земледѣліе, и снабжаетъ государство тѣмъ, что въ немъ недостаетъ, а самымъ симъ умножаетъ богатство государства и благоденствіе народа. Но полезность сію не можетъ онъ производить, какъ по мѣрѣ своего капитала, слѣдственно все, что онъ изъ онаго вынетъ для удовольствія своего сластолюбія и ненужной охоты, то вынимаетъ частицы, которыми бы онъ могъ быть полезенъ отечеству, отъ коего онъ спокойное житіе получилъ. Я съ неудовольствіемъ иногда взираю на строющіеся или построенные великолѣпные домы откупщиками (ибо мало купцовъ нашихъ, которые бы безъ откуповъ до великаго богатства достигли), сими людьми набогатившимися и болѣе не торгующими, коихъ домы представляютъ намъ долговременный памятникъ, что было время, въ которое могли откупщики, окрадывая казну и высасы-

вая кровь народную, до чрезмѣрности обогатиться. Однимъ словомъ, понеже честь купеческая и польза его государству зависитъ отъ его капитала, то умѣренность во всемъ и должна ему честь пріобрѣтать; а таковая умѣренность не весьма способствуетъ къ распространенію художествъ и ремеслъ.

Можно еще къ сему приложить: каждый купецъ есть гражданинъ цѣлаго свѣта, онъ по сообщенію своей торговли имѣетъ равное дѣйствіе надъ купцами отдаленнѣйшихъ странъ такъ, какъ и надъ окружающими его. Трудно человѣку сохранить умѣренность въ охотѣ своей къ художествамъ и къ роскоши, а паденіе его влечетъ часто паденіе множества другихъ жившихъ въ разныхъ странахъ купцовъ, и наноситъ ущербъ кредиту самого государства. Но если благородный неумѣренными своими издержками приведетъ себя въ раззоренье, издержки его были полезны государству, онѣ побуждали художества, ремесла и торговлю, а паденіе его вредно ему токмо самому и развѣ малому числу людей, а никакъ внѣ государства распространиться не можетъ.

III. Третья часть, касающаяся до установленія правъ дворянскихъ, есть толикой трудности, что едва ли и съ глубочайшимъ познаніемъ градомудрія и закономудрія возможно слѣдовать сей чертѣ, чтобъ на которую ни есть сторону не преклониться.

Въ доказательство сему можно представить примѣры разныхъ народовъ и какъ единыя состоянія надъ другими

захватчивости учинили. Поляки, доблестями своими въ древнія времена возвыся свое отечество, учинили королей себѣ избираемыхъ, составили законы, клонящіеся наиболѣе въ пользу тѣхъ храбрыхъ рыцарей, которые споможествовали расширять и защищать отечество. Конечно сіи законы со добрымъ намѣреніемъ были дѣланы, но неумѣренныя преимущества, данныя дворянству, ослабили самые законы, въ ничто привели власть королевскую, утѣснили низкій народъ подъ жестокимъ игомъ тѣхъ, кои бы должны быть его защитники и наконецъ въ самую слабость и безсиліе отечество свое привели. Германія, хвалящаяся безпримѣснымъ происхожденіемъ своихъ благородныхъ, толикое различіе въ степеняхъ самаго благородства положила, что если не физическимъ образомъ, то моральнымъ, не токмо нижнихъ степеней людей, но и самыхъ благородныхъ знатное дворянство удручаетъ; а чрезъ то таланты затмѣваются, душа упадаетъ, и государство не толь хорошо услужено. Венеція, коего благородные хвалятся отъ древнихъ римскихъ патрикіевъ происходить и древность свою считаютъ превыше древности многихъ самодержавныхъ домовъ, но сіи *нобили* суть въ самомъ дѣлѣ невольники по строгости законовъ внутри ихъ града, и тираны—въ покоренныхъ имъ областяхъ, какъ того дворянства, такъ и простого народа. Сіе же самое, огорчая тѣхъ сердца, уменьшаетъ силу сей республики. Съ другой стороны въ

Англіи состояніе благородныхъ толь смѣшено съ другими состояніями, что почти нечувствительная черта ихъ раздѣляетъ; если не мудрые законы, плоды рѣкъ истекшей крови, кои устанавляютъ власть монаршу, отнимая у оной право дѣлать налоги, стѣсняютъ власть у вельможъ противоположительною народною властью, и колико съ одной стороны правомъ налагать подати, увеличиваютъ власть народную, толико отъятіемъ власти законодательства оную стѣсняютъ, то бы легко могло воспослѣдовать, чтобъ огорчительные ихъ споры въ парламентѣ токами крови упоились. Но однако и при всѣхъ сихъ мудрыхъ узаконеніяхъ, не зримъ мы въ Аглинскомъ народѣ сего безпристрастія, некорыстолюбія и благородства, которое отличаютъ тѣ народы, кои умѣренно возвысили свое дворянство; но члены ихъ парламента по большей части подкуплены, избраніе не достойныхъ, но по страстямъ дѣлается; вожди ихъ не толь славы и благополучія государству ищутъ какъ прибытку, народъ обще отягощенъ толико податьми, что почти самый воздухъ покупать долженъ. Наконецъ воззрю ли я теперь на соединенныя Нидерландскія провинціи, гдѣ мѣщанство надъ благородными преимущество имѣетъ. Несогласія въ народѣ, наступленіе на законную власть статгальтера, возмущенія во градахъ, потеря полезныхъ поселеній и стыдное покорство чужимъ державамъ суть плоды порочнаго ихъ установленія и необузданія народной власти.

Если бы я хотѣлъ тапере говорить объ отечествѣ моемъ, то-бъ долженъ былъ исторію благородства сначала описать, показать онаго пороки и захватчивость, смѣшанную однако съ великостью духа и любви къ отечеству; показать паданіе сего великаго духа, смѣшеніе дворянства и вселеніе духа неподданства въ тѣхъ, кои должны высшихъ себя почитать. Воистину вредныя предзнаменованія, ибо идѣже нѣтъ повиновенія къ законамъ и къ высшимъ, идѣже духъ неподвластія до крайности доходитъ, тутъ колеблется основаніе государства.

Но сего довольно къ показанію несовершенства разума человѣческаго въ разсужденіи законодательства. Приступимъ однако хотя съ трепетомъ къ описанію приличныхъ правъ дворянамъ и почтимся изыскать сію среднюю черту, гдѣ права сего почтеннаго сословія между властью монаршей и между правами нижнихъ чиновъ людей должны быть поставлены, а для сего, первое, я почитаю сдѣлать объясненіе о разныхъ степеняхъ дворянства; а потомъ, второе, положить общія правила, яко данныя точки, по коимъ расположиться должны правы дворянскія, изъ коихъ наконецъ раздробительно почерпнуть краткое изображеніе самыхъ сихъ правъ. Сила Римской имперіи, распространившаяся на большую часть тогда знаемаго свѣта и покорившая знатную часть Европы, а потомъ Римскій языкъ, пріобщенный къ обрядамъ церковнымъ и къ вѣрѣ, крупно со многими обычаями влады-

чествовалъ окромѣ Россіи во всѣхъ частяхъ Европы. Сего ради и должны мы въ Римскихъ обычаяхъ и въ Римскомъ языкѣ искать начальнаго происхожденія и именованій достоинствъ въ роды прелагаемыхъ.

Принцъ—есть точное латинское именованіе и знаменуетъ первѣйшаго, такъ что самые знатнѣйшіе государи титла сего не отвергаютъ. Въ Россіи подобный сему титлу есть *князь*. Властители Россійскіе сіе названіе принимали и преложили его своимъ потомкамъ. Но прежде продолженія далѣ моихъ размышленій, потщуся я мнѣніе мое предложить о происхожденіи самаго сего наименованія. Персидская имперія простиралась до Каспійскаго моря, откудова мы видимъ и по нашимъ лѣтописцамъ, что многіе народы—Торки, Черныя шапки (Караколпаки) — въ Россію проникали; съ пришествіемъ сихъ народовъ не невѣроятно есть, что и древній языкъ Персидскій въ полуденныя части Россіи тогда былъ занесенъ, ибо *Кій*, *Щекъ* и *Хоревъ*—имена первыхъ обладателей Кіева—суть точно имена восточныя. А когда Кіевъ подпалъ подъ Игореву власть, тогда восточный языкъ смѣшался съ Славенскимъ, и хотя Славенскій яко владычествующій и превозмогъ, однако многія слова восточныя остались. На древнемъ же Персидскомъ языкѣ *Кій* знаменуетъ властелина, или *держателя*, а мѣстоименіе *а* или *я* писывали *яз*, то отъ сложенія сихъ словъ *кій яз*, знаменующее: первая часть восточнымъ язы-

комъ, а вторая славенскимъ, *державецъ я*, могло, по поврежденію временами, произойти слово *князь*, происхожденіе не отдаляющееся отъ происхожденія латинскаго, знаменующее первенство, ибо однимъ вещамъ названія, происходящія отъ самаго свойства тѣхъ вещей, по естественному порядку должны одинакія знаменованія имѣть.

Графъ, по латынски comites, по французски comte, происходитъ точно отъ римскихъ обычаевъ, ибо еще во время республики были комиты при преторахъ для произведенія сужденій. Императоры увеличили, учредя сіи чины при дворѣ своемъ, учредя единыхъ судьями царскихъ домовъ, другихъ судьями градовъ и судьями на границахъ, отчего произошли наименованія графовъ, палатиновъ, бургграфовъ, маркграфовъ и другихъ. Но чины сіи, колико ни знатны были и колико ихъ многіе люди ни добивались, не были потомственны, а уже по паденіи Римской Западной Имперіи, пользуяся безпорядками феодальнаго (помѣстнаго) правленія, во время раздоровъ потомства Карломанова многіе, учрежденные токмо правителями, независимыми властителями тѣхъ самыхъ мѣстъ учинились и потомству своему титлы и владѣнія свои преложили. Послѣ пришедшіе государи, оказавшихъ имъ свои услуги, въ сіи достоинства иль лично жаловали, иль купно учреждая ихъ владѣнія титуломъ графства и въ обоихъ случаяхъ на потомство сіе изъявленіе своего благоволенія, и въ память знаменитыхъ имъ

учиненныхъ услугъ прелагали, со многими пріобщенными къ сему имени преимуществами. Петръ Великій, подражая чуждыхъ народовъ обычаямъ, тоже достоинство для побужденія къ вящему усердію своихъ благородныхъ, хотя не съ учрежденіемъ графствъ, но личнымъ жалованьемъ, на потомство простирающимся, ввелъ.

Баронъ—слово, происходящее отъ Тефтоническаго или отъ Англосаксонскаго языка, и знаменуетъ *храбраго* или смѣлаго человѣка. Кажется, что таковые люди, извѣстные своею храбростью, употребляемы были биться близъ государей или первѣйшихъ начальниковъ народа; яко сіе еще доказывается остатками титловъ, сохраненныхъ между благородныхъ Англіи: écuyer baronet, сирѣчь оруженосецъ баронетъ. За храбрые подвиги первыхъ по готическому тогдашнему обычаю давались земли съ титулованіями баронствъ, и сперва что личное достоинство составляло, то по сему титулу земель наслѣдственно потомкамъ учинилось, а какъ обыкновенно при государяхъ и первѣйшихъ вельможахъ народа были оруженосцами и билися близъ сихъ благородные, которые тогда и всю вооруженную конницу (gendarmerie) составляли, то таковые пріобрѣтаніемъ титула баронскаго пріобрѣтали въ тѣхъ земляхъ степени возвышенія благородства. Но сего не можно сказать въ Россіи, ибо хотя Петръ Великій и ввелъ сіе достоинство въ имперію, давая его лично и на потомство, не учреждая недвижимыхъ имѣ-

ній баронствами; а Россійское дворянство, гордясь древностью своего происхожденія, гордясь союзами съ ихъ монархами, почитая сіе выше такого именованія, принять онаго не хотѣло. И такъ Петръ Великій и его наслѣдники раздавали токмо оное людямъ, до того дворянства не имѣющимъ, и сіе именованіе, которое первое свое начало отъ храбрости имѣетъ, учинилось въ Россіи награжденіемъ ради статской службы, купцамъ и прибыльщикамъ раздаваемое. А по всему сему въ Россіи оно не можетъ преимущество предъ дворянствомъ, а паче старшимъ, имѣть; ибо въ самомъ дѣлѣ роды Кобылиныхъ и Шереметевыхъ—однородцы съ Юрьевыми Романовыми, отъ коего рода произошелъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; родъ Стрѣшневыхъ, коего роду была Евдокія Лукьяновна, мать царя Алексѣя Михайловича; родъ Нарышкиныхъ, отъ коего роду была Наталья Кирилловна, родившая намъ Петра Великаго,—не могутъ, окромѣ ихъ древности, по свойству своему съ государями зрить себя ниже Соловьевыхъ и Черкасовыхъ, ни Россійскіе князья, въ теченіе восьми сотъ лѣтъ дающіе отъ роду своего государей Россійскихъ, имъ равными себя считать.

Дворянинъ по французски называется gentilhomme, то есть хорошій человѣкъ; имя хорошаго человѣка, заключая въ себѣ все, то есть, какъ военныя, такъ и гражданскія добродѣтели имѣющаго человѣка. Въ Россіи же имя дворянина происходитъ отъ

царскаго двора, при коемъ они всегда служивали. Отъ сего произошли въ древни времена царедворцы и жильцы при дворѣ государевомъ. Понеже сіе именованіе есть честное, то честью его достигали. Въ разныхъ государствахъ разныя предписаны узаконенія для достиженія сего достоинства. Гордые Германцы своимъ дворянствомъ донынѣ съ трудностью въ сіи достоинства производили. Во Франціи, хотя нѣкоторые чины означняютъ мѣщанъ, но надлежитъ нѣсколько колѣнъ, дабы дворяниномъ могъ считаться. Въ Венеціи гордые *нобили* въ сословіе свое никого кромѣ знатнѣйшихъ родовъ не принимаютъ, да и то съ великою трудностью; и хотя дважды въ сей республикѣ случилось по знатному числу, въ такъ называемую златую книгу благородныхъ, достаточныхъ людей за деньги вписывать, то есть во время Генуезской и Кандійской войнъ, когда республика въ крайность была приведена. Но такія обстоятельства общимъ правиломъ не служатъ, а дачи знатныхъ суммъ отъ сихъ вновь вписанныхъ исправили худое состояніе республики и показуютъ, колико почтенно есть имя *нобиля* Венеціанскаго.

Въ Россіи хотя мы точнаго жалованія въ дворяне до временъ Петра Великаго не обрѣтаемъ, но жалованіе помѣстій и верстаніе въ оклады по дворянской службѣ въ самомъ дѣлѣ тоже жалованье въ дворянское достоинство составляло. Петръ Великій, по окончаніи кровопролитной Швед-

ской войны, гдѣ онъ вездѣ присутствовалъ, гдѣ онъ зрилъ своими очами изящныя услуги, учиненныя ему и отъ неблагороднорожденныхъ, за раны, за подвиги, за подъятые труды и опасности, не токмо произвелъ ихъ въ офицеры, по 1721-го году табелью своею о рангахъ ихъ тогда и до того бывшихъ и дѣтей ихъ, рожденныхъ въ офицерствѣ, пожаловалъ во дворяне и позволилъ имъ просить дипломы на дворянство; и какъ мудрый государь, яко духомъ предвидѣнія предусматривая могущее произойти злоупотребленіе, въ той же табели о рангахъ сказалъ, что никто кромѣ государя во дворянское достоинство произвести не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если воззримъ мы на государя, дающаго которое изъ вышеписанныхъ достоинствъ, то въ семъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ равняется онъ божеству, ибо, поелику возможно въ естествѣ тлѣнныхъ вещей, увѣчняетъ свое благодѣяніе; а къ тому градомудріе государства требуетъ умножать награжденіе и возбуждать великость души. Чины и ордены лично даются и лично проходятъ, да и не могутъ иногда безъ оскорбленія другихъ достойныхъ единому даться. Награжденіе деньгами и деревнями, первое приводитъ въ оскудѣніе казну государства и ко вредному корыстолюбію пріучаетъ. Достоинства же баронское, дворянское, графское и княжеское, мудро раздаваемы, составляютъ наивящее побужденіе, яко и на потомство прелагаемы суть. И для того над-

лежитъ, чтобы простороженный человѣкъ желалъ для правъ и преимуществъ получить достоинство барона или дворянина; баронъ или дворянинъ, для пріумноженія тѣхъ же преимуществъ,— титулъ графа, а графъ — княжеское достоинство, но чтобы сіи достоинства степенями и правами различны были и не единое имя составляли, ничего не знаменующее; ибо таковымъ именемъ безъ правъ отнимается побужденіе ихъ получить, и уподляется благодѣяніе государства. Изъяснивъ такимъ образомъ о разныхъ степеняхъ именованій благородныхъ, остается мнѣ сдѣлать краткое начертаніе имъ приличныхъ правъ, поелику оныя съ пользою каждаго государства могутъ согласоваться. Я оныя раздѣляю на разныя части, а именно: первое, на почетныя, сообщенныя къ званію; второе, на почетныя, полезныя въ разсужденіи службы; третье, на полезныя относительно до владѣнія имѣній.

Первое: почетныя права, сообщенныя къ званію.

Я выше сказалъ, что всякое названіе степени благородства должно имѣть нѣкоторыя отличности, дабы оныя добиваться каждый имѣлъ причину, не уподлилась бы милость государская, и богатодарность монарха во оныхъ пребывала. Сего ради и кажется мнѣ во всякихъ случаяхъ надлежитъ различить разныя степени благородныхъ преимуществами, входомъ и пріемомъ у двора, въ правительства, предсѣданіемъ по степенямъ знатности въ собраніяхъ и украшеніемъ экипажей, ибо, если князь,

графъ, дворянинъ или баронъ нѣсколько предпочтительно предъ своими чинами входъ ко двору будутъ имѣть; если такъ же по тому же правилу въ присутственныхъ мѣстахъ они будутъ съ излишнимъ уваженіемъ приниматься; если будутъ предсѣданіе имѣть по степенямъ ихъ названія; если по тѣмъ же степенямъ раздѣлятся между ими украшеніе экипажей,—то сіе, соединяя съ должными утвердиться титулами, гербами и ихъ украшеніями, умножитъ богатодарность монаршу, не нанося никому вреда, и побудитъ каждаго къ вящему усердію къ отечеству и, не щадя ни трудовъ, ни крови, ни жизни, сихъ прелагаемыхъ на потомство достоинствъ добиваться. Сердца не пышностью тщетнаго имени воспламенятся, но воспламенятся истиннымъ признаніемъ и благодарностью къ монарху, и сіе войдетъ въ совмѣстничество съ тѣмъ, что каждый гражданинъ долженъ своему отечеству, и оба сіи чувствія согласно повлекутъ человѣка къ вѣрности, къ усердію и къ подвигамъ полезнымъ государю и государству.

Второе: почетныя права въ разсужденіи службы.

Я общимъ правомъ всего дворянства полагаю быть прежде времени возрасту своего записану въ службу, но не въ солдаты и не въ унтеръ-офицеры, дабы вступая въ службу, хотя ея еще и не несетъ, съ чиномъ единаго именованія съ даточнымъ рекрутомъ, не уподлились мысли благороднаго. И такъ чинъ, въ который благо-

родные должны быть записываны, долженъ имѣть наименованіе кадетовъ. При вступленіи же въ службу получаетъ онъ немедленно чинъ офицерскій, съ такимъ по мнѣнію моему различіемъ единожды навсегда, что вступившіе въ единый годъ или въ единую четверть года, или хотя въ единый мѣсяцъ, по степенямъ званія благородства своего должны старшинство себѣ получить.

Третье: полезныя права относительно до владѣнія имѣній.

Сіе право должно быть одинаково у всѣхъ, то есть, владѣть своими деревнями, оныя продавать и покупать, право рубки лѣсовъ, рыбныхъ ловель по землямъ, содержаніе мельницъ, заводовъ и фабрикъ изъ россійскихъ произведеній, добываній сокровищъ, въ нѣдрахъ земли сокрытыхъ и въ дачахъ владѣнія ихъ находящихся, имъ исключительно принадлежитъ. Обще же съ другими чинами владѣніе дворами, учиненіе завѣщанія и торгъ внутренній и внѣшній своего урожая произведеніями.

Понеже по всему вышеписанному видно, колико дворянское достоинство есть полезно государству, то самое сіе, привязывая благосостояніе благороднаго къ недвижимымъ вещамъ, и дѣлаетъ, что каждый самъ особою своею привязанъ къ государству; что бьется онъ и служитъ государству, исполняетъ тѣмъ долгъ отечеству, а тогда же бьется онъ и служитъ для себя, сохраняя и защищая участокъ свой въ государствѣ.

Но не да почтется благородный по

числу его достатку, ибо сіе произведетъ мысли корыстолюбія, несовмѣстныя ни съ пользою государства, ни съ именемъ благороднаго. Привязавъ почесть къ какому бы то малому достатку ни было, не въ силахъ уже правительства состоитъ сдержать то стремленіе къ корыстолюбію, которое само оно произведетъ. Цинциннатусъ былъ убогъ, но услуги его Риму знатны; пахавъ на силу могущую пропитать его полосу земли, превыше сокровищей *епироцкихъ* учинился *).

Равнымъ образомъ да не пріобщится право благороднаго къ единымъ чинамъ; ибо всѣ права благороднаго должны обращаться къ пользѣ отечеству, а можетъ ли отечество отвергнуть службу кого изъ своихъ сыновъ, а паче если онъ несчастливъ, боленъ или увѣченъ, и сихъ ради причинъ не могъ достаточныхъ чиновъ получить; но положимъ, что лѣность, порокъ и нераченіе отвели его отъ возданія долга отечества, сіе отечество не должно ли, яко чадолюбивая мать, не безчестіемъ, но самымъ милосердіемъ возвратить его къ должности и изъ неполезнаго полезнымъ учинить.

Ко всему вышеписанному мнѣ только остается дополнить, что таковыя права, данныя благороднымъ, возбуждая ихъ ко благородной гордости и къ подвигамъ для отечества, не захватываютъ однако надъ правами купечества; ибо

симъ послѣднимъ весь чужестранный торгъ, лавочная и мелочная продажа и всѣ смѣшанныя и единственно сдѣланныя изъ чужестранныхъ произведеній мануфактуры остаются, такъ какъ и пристойныя ремесла въ городахъ, откупы и подряды, взирая по ихъ свойству, имъ исключительно, а другія вообще съ благородными принадлежатъ.

О правѣ крестьянскомъ хотя труднѣе то сказать, ибо благосостояніе ихъ толь связано съ благосостояніемъ ихъ владѣльцовъ, какъ сіе я впредь льщуся показать, что всякое расторженіе сей связи угрожаетъ паденіемъ государству; но со всѣмъ съ тѣмъ, когда благонравіе и благородная гордость вселятся въ сердца дворянскія, тогда сіи самые, изящными сими добродѣтелями бывъ побуждены, не въ деньгахъ и въ богатствѣ считая свое благородство, но въ правосудіи, добродѣтеляхъ и честности, учинятся отцы и покровители своихъ рабовъ и мнимое оставляемое самовластіе въ пользу оныхъ употребятъ, тѣмъ наипаче, если и у самыхъ развратныхъ новые законы подтвержденіемъ прежнихъ законовъ отнимутъ власть учинить нѣкоторыя явныя наглости, яко убивство, пытку и личную продажу; такъ же обяжутъ ихъ быть ихъ поручителями платежа податей, и чтобъ не странствовали въ нищетѣ, яко по законамъ отечества моего сіе и предписано есть **).

Примѣчанія Редакціи. *) Т. е. сокровищъ Пирра-Эпирскаго, при чемъ Цинциннатъ упомянутъ вмѣсто Фабриція, котораго Пирръ царь Эпирскій пытался подкупить деньгами, о чемъ расказывается въ біографіи Пирра у Плутарха.

**) Изъ содержаній этой статьи ясно, что она написана до 1785 года, т. е. до появленія жалованной дворянству Граматы. Въ противномъ случаѣ авторъ не удержался бы по поводу сказаннаго имъ на страницахъ 264—266 отъ сравненія своихъ требованій съ новыми узаконеніями.

ПРИМѢЧАНІЯ

вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ *).

По означеніи титуловъ дѣйствительно вмѣщенныхъ странъ въ Россійскую Имперію, Ея Императорское Величество сама признается, что всѣ сіи страны присовокуплены „дѣйствіями послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предпріимчиваго и сильнаго Россійскаго народа, когда-жъ вѣрою къ Богу, вѣрностію къ престолу онъ управляемъ, когда трудъ и любовь къ отечеству соединенными силами стремятся преимущественно къ общему благу, и когда въ военномъ и гражданскомъ дѣлѣ примѣромъ предводителей поощрены подчиненные на дѣянія, хвалу, честь и славу за собою влекущія, и пр.; послѣдуя потомъ, что начальниковъ и предводителей такихъ Россіи чрезъ теченіе осми сотъ лѣтъ отъ времени своего основанія находила посреди своихъ сыновъ,“ и пр.

Кто же сіи начальники и предводители были, и какія точно ихъ заслуги и учиненныя подъ приводствомъ ихъ, или изліяніемъ крови ихъ, пріобрѣтенія? Въ первомъ сама Ея Императорское Величество признается, что то были сыны отечества; а какъ не токмо подлые не могли быть предводители и начальники, но по праву древняго мѣстничества, сіе и невозможно было, то изъ сего и выходитъ, что всѣ сіи начальники были благородные, отъ знатныхъ родовъ произшедшіе люди. Съ кѣмъ же они учинили такое пріобрѣтеніе Россіи? Съ братьями своими, такими же дворянами. Ибо, по тогдашней помѣстной службѣ, долженствовали сами дворяне на своемъ иждивеніи ходить на войну; они отряды особливые сочиняли, бывши даже въ рядовыхъ; число же служителей, которое при нихъ находилось и были въ бой употреблены, было весьма малое въ сравненіи съ самыми дворянами, яко можно сіе видѣть по исто-

*) Статья эта была напечатана въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» (1871 г. кн. IV, 1—36). Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями Кн. М. М. Щербатова оригиналъ былъ найденъ М. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ—въ домашнемъ архивѣ внуки князя Михаила Михаиловича, княжны Елисаветы Дмитріевны.

ріи о Казанской осадѣ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, по ротамъ столниковъ и стряпчихъ, которые въ слѣдующія времена были учреждены; по цѣлымъ полкамъ коннымъ, сочиненнымъ изъ дворянъ при императорѣ Петрѣ Великомъ; по числу княжескихъ родовъ, истребившихся конечно нигдѣ индѣ, какъ чрезъ разныя войны. А именно: изъ Черниговскихъ князей 17, Кремлевскихъ (?) и Островскихъ 2, Смоленскихъ и Ярославскихъ 29, Ростовскихъ и Бѣлозерскихъ 17, Суздальскихъ 8, Тверскихъ 2, Стародубскихъ 4, итого 78 родовъ, и великое число дворянскихъ знатныхъ родовъ. Пріобрѣтенныя же имъ пользы обще Россійскому Государству: освобожденіе отъ ига Татарскаго, первое, съ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ на побоищѣ на Куликовѣ полѣ, содержаніе и возстановленіе на Московскій престолъ великаго князя Василья Васильевича, взятіе Казани и Астрахани, и расширеніе съ одной стороны власти Россійской даже до Каспійскаго моря, а съ другой стороны въ Литву и въ Финляндію; истребленіе самозванцевъ, въ которомъ случаѣ самую Москву отъ Поляковъ свободили, и хотя князья роду великаго князя Владимира, и слѣдственно, однородцы съ Московскими Государями были, потоль почитали родъ своихъ Государей, что по единому свойству обязаннаго къ царю Ѳеодору Іоанновичу, послѣднему рода Мономахова, Михайла Ѳеодоровича, уступя

каждый свои права на престолъ Россійскій, малолѣтняго возвели; изгнали Поляковъ и Шведовъ, хотѣвшихъ воспользоваться раздорами Россіи и захватившихъ уже многія области. Во время Царя Алексѣя Михайловича съ храбростію подвизалися для пріобрѣтенія Смоленска и другихъ странъ, отторгнутыхъ отъ Россіи. Во время Петра Великаго, въ бунтахъ вѣрностію своею многіе жертвою были, и изліянные токи ихъ крови отъ руки Стрѣлецкой засвидѣтельствовали ихъ вѣрность. Во время премѣны учрежденій, не взирая на закоренѣлость предубѣжденій, исполняя волю своего Государя, стремились всюду туда, куда угодно ему было; грубѣйшія мастерства, не взирая на природную ихъ гордость, имъ знатны показались; въ предводителяхъ, военачальникахъ и въ простыхъ воинахъ, безъ страху, безъ ропоту, и съ равнымъ духомъ твердости и безстрашія, во время 22-лѣтней войны противу враговъ Россійскихъ подвизались, даже какъ до желаемаго миру великій сей Монархъ достигъ, пріобрѣтши къ Россіи Лифляндію, Естляндію, Карелію и другія области; при начатіи строенія Петербурга, не взирая на разореніе, какое чувствовали ихъ домы, собственнымъ своимъ имѣніемъ и переселеніемъ своимъ спомоществовали воздвигнуть и украсить сей градъ. Наконецъ, въ слѣдующія царствованія, когда уже заведенное регулярство въ войскахъ заставило ихъ славу свою съ простыми

солдатами раздѣлять, они были начальники въ войскахъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, во время Польскія и Турецкія войны. Они были начальники въ войскахъ въ Шведской войнѣ, которою знатная часть Финляндіи Россіи пріобрѣтена, и Россія толь сильную инфлюенцію надъ Швеціей получила, что даже по ея изволенію и король былъ выбранъ. Они были начальниками войскъ во время Прусской войны; поля Франкфуртскія еще гласятъ о славѣ и побѣдѣ Россіянъ надъ знатнѣйшимъ воиномъ нашего вѣка. Наконецъ, хотя Ея Императорское Величество и поминаетъ о послѣдней Турецкой войнѣ и о учиненныхъ пріобрѣтеніяхъ къ Россіи, но нѣсколько умолчено: а тако не ихъ ли храбростію и усердіемъ, по волѣ ихъ Самодержицы, король на Польскій престолъ былъ избранъ? Не ихъ ли усердіе и храбрость ясно оказались при Перекопи и взятіи Крыма, при стѣнахъ Бендерскихъ, гдѣ меньшее число большее въ крѣпкомъ градѣ осаждали? Не ихъ ли храбрость знаменита учинилась на Ларгскихъ, Кагульскихъ поляхъ, при струяхъ рѣки Дуная, при Силистріи и при Шумлѣ? Не ихъ ли неустрашимость видна была при Чесмѣ и во всей експедиціи Средиземнаго моря? Наконецъ, не запечатали-ль они свою вѣрность точно особѣ своей Монархини въ бывшемъ бунтѣ отъ злодѣя Пугачева, и тысячи семей кровь проліянная симъ злодѣемъ

не есть ли довольная заслуга, требующая хоть напоминанія о себѣ?

Сіи суть заслуги (не упоминаю о неисчетномъ множествѣ другихъ) и доблести благородныхъ Россійскихъ родовъ. О нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ поминаетъ Ея Императорское Величество и въ Манифестѣ своемъ, но то токмо, дабы отдать честь единымъ Графу Румянцову и Князю Потемкину, яко бы другіе предводители и не заслуживали ея упоминовенія. Не говорю я о васъ, почтенные и всегда въ памяти достойные пребывати мужіе — Мстиславскій, показавшій толикую доблесть при взятіи Казани; князь Горбатый, прославившійся своими побѣдами въ Литвѣ и въ Лифляндіи; Бѣльскій, учинившій отпоръ Саипъ-Гирею; Пожарскій и Трубецкой, освободившіе Москву отъ Польскаго мучительства; Шереметевъ, споспѣшествующій возведенію на престолъ Царя Михайла Ѳеодоровича; Долгоруковъ и Нарышкины, проліявшіе кровь свою отъ руки стрѣльцовъ за Государя; Лыковъ, усмирившій бунтъ Стрѣлецкой; Шереметевъ, одержавшій толикія побѣды надъ Шведами и усмирившій Астраханскій бунтъ; Голицынъ, всегда непобѣдимый въ браняхъ; Толстой, искусствомъ своимъ въ политическихъ дѣлахъ, не менѣе единымъ разумомъ своимъ, подкрѣпляющій Россійской скипетръ. Но вы, современники наши, умершіе — Салтыковъ, Франкфуртскій побѣдитель; Панинъ, сниз-

вергнувшій Бендерскія стѣны и истребившій внутреннія безпокойства; Орловъ, подъявшій труды и безпокойства дальняго морскаго пути, и неподлиннѣйшій изъ неподлинныхъ воинъ; Спиридовъ, искуствомъ своимъ одержавшій Чесменскую побѣду; Долгоруковъ, коего память для честности твоей какъ лебедка, умершій малое число тому лѣтъ. Уже ли и память твоя, и взятіе первое тобою Крыму, и усердіе, которое ты являлъ къ твоей Государынѣ, изъ памяти истребилось? Не знаю; но упоминовенія о васъ нѣтъ, и вы дѣйствительно въ забвеніи остаетесь.

Весьма слабая похвала дворянству, что съ самыхъ нижнихъ чиновъ службу свою начинаетъ; и правило сіе: не есть бо въ свѣтѣ добрый начальникъ, который самъ въ свое время повиноваться не пріобыкъ, не толь есть общее, какъ хотятъ намъ его утвердить. Ибо Помпей никогда ни подъ чьимъ предводительствомъ не служилъ, равно какъ и Конде, однако были добрые начальники. Но, не отвергая сего правила, надлежитъ ли дворянину въ самыхъ нижнихъ чинахъ служить, чтобы повиноваться научиться, и въ однихъ ли солдатскихъ, капральскихъ и унтеръ-офицерскихъ чинахъ требуется повиновеніе? Сіе самое противно прежнимъ узаконеніямъ Ея Императорскаго Величества, повелѣвающимъ дворянъ въ кадеты и въ подпрапорщики, а не инако, записывать, слѣдственно,

хотя нижній чинъ при запискѣ получаютъ, но не всѣ чиноначалія проходятъ. Противно сіе самому поступку Ея Императорскаго Величества, жалующаго иль въ знатные чины, за заслуги отцевъ ихъ, людей молодыхъ, иль въ офицеры гвардіи новорожденныхъ; слѣдственно, сіи не всѣ чиноначалія пройдутъ, а потому по положенному сему правилу не могутъ быть уже толь годны, какъ тѣ, которые всѣ чиноначалія прошли; слѣдственно, не милость имъ, но вредъ въ пожалованіи имъ заключается, заключается и вредъ государству, что тѣ, которые бы могли, почерпнувъ отъ родителей своихъ многія знанія, которыя другіе и почерпнуть не могутъ, становятся, однако, не толь годны, какъ другіе, токмо отъ низкихъ степеней происшедшіе. Наконецъ, если сіе правило есть общее, то оно на всѣхъ Государей простирается; они чрезъ всѣ чиноначалія не происходятъ; убо не могутъ быти добрые начальники, ибо въ свое время сами повиноваться не пріобыкли.

Я весьма отдаленъ мнить, чтобы вдругъ жаловать въ знатные чины дворянъ; но со всѣмъ съ тѣмъ, не могу же почитать за утвержденное правило, чтобы имъ съ самыхъ чиновъ, какъ рекрутъ, службу свою начинать надлежало. Петръ Великій, конечно, любитель должнаго повиновенія и искусства избирать и научать людей, узаконилъ выучившимся на своемъ коштѣ давать чины офицерскіе. Въ табели о рангахъ на-

значилъ по штатской службѣ время, которое противу какого чину дворянамъ служить; а по архивѣ Его Величества мнѣ извѣстно, что онъ и по степенямъ дворянства раздѣленіе сіе хотѣлъ сдѣлать. Сіе не было исполняемо. Такъ, но для того, первое, что мало благородныхъ писцовъ въ штатскую службу вступало, а второе, что вскорѣ послѣ табели о рангахъ Петръ Великій преставился.

„Прямо честолюбивыя души, отъ самой древности, гдѣ многочисленнѣе, какъ не между Россійскимъ дворянствомъ обрѣтались? Не ихъ ли обязательства утверждалися за неустойку единымъ стыдомъ? ибо стыдъ и поношеніе благороднымъ и честь любящимъ душамъ представлялись найтягостнѣйшимъ наказаніемъ“, и пр. Похвальныя правила, но утверждаются ли они послѣдующими сему Манифесту законами?

Сдѣланныя похвалы дворянству и побѣдамъ Россіянъ суть тѣмъ болѣе справедливы, что нигдѣ Россійскія войска не были довольно снабжены, дабы по правиламъ военнымъ возмочь справедливую имѣть надежду побѣдить непріятеля; а именно въ Бендерахъ 17,000 осаждало 35,000 Турокъ; при переходѣ за Дунай съ Графомъ Румянцовымъ не съ большимъ 13,000 человѣкъ было; въ Средиземномъ морѣ, противу флота Турецкаго, котораго сожжено шестнадцать кораблей, да взять одинъ, было восемь кораблей. Таковыя есть и новыя заслуги Рос-

сіянъ. Но воззримъ на права, соотвѣтствуютъ ли они толь пышнымъ израженіямъ и великимъ обѣщаніямъ? *)

На 1.

Дефиниція не совсѣмъ основательна; ибо хотя и правда, что первое благородство долженствовало отъ добродѣтели имѣть свое начало, а паче отъ храбрости, но потомъ избранные на престолъ по ихъ добродѣтели, яко Рюрикъ съ братьями, казался требовать болѣе изъясненія, что многихъ сія добродѣтель и до самыхъ престоловъ довела.

На 2.

Сіе не есть право данное, но токмо признаніе древняго права.

На 3.

Тоже и не токмо Христіянскимъ, но и всѣми другими законами утвержденное.

На 4.

Тоже.

---

*) *Прим. Редакціи.* Чтобы читателямъ сдѣлать яснымъ смыслъ замѣчаній автора на отдѣльныя статьи Екатерининской «Грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства», здѣсь приводится содержаніе этихъ статей, гдѣ возможно, въ сокращеніи, а гдѣ нужно дословно.

А «О личныхъ преимуществахъ Дворянъ».

1. «Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихся въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное».

2. «Не токмо Имперіи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго Дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо; а для того изстари, нынѣ, да и пребудетъ во вѣки благородное Дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются...»

3 и 4. Дворянинъ сообщаетъ дворянское

На 5.

Чтобъ лишить чести человѣка, то должно, чтобы онъ какое злодѣяніе содѣлалъ, слѣдственно, сіе есть право всеобщее, а потому и есть не милость, ни право особливое.

На 6.

Исчисленіе преступленій, за которыя лишается благородный дворянства, требуетъ великаго истолкованія. Нарушеніе клятвы, есть-ли то Государю, или Государству? То сіе напрасно, ибо таковое нарушеніе означено въ измѣнѣ. Нарушеніе клятвы между приватными людьми? Они клятвою между собою не обязуются, слѣдственно, никогда не дойдетъ до исполненія по сему закону. Нарушеніе клятвы, учиненной во время супружества о взаимномъ любленіи другъ друга, яко таинство церковное. Такъ же, не думаю, чтобы когда оно на разводныхъ распростерлось, которыхъ довольно есть. Развѣ нарушеніе клятвы въ дѣлахъ и въ сказаніи истины Государю? То, кажется, чтобы начать сіе объясненіе, надлежало лишеніемъ дворянства (права?) карать тѣхъ, которые обманываютъ лишь Государя, а безъ того я не вѣрю, чтобы на нихъ сіе простиралось. Слѣдственно, на что же? Лживые поступки — толь неопредѣлительное выраженіе, что я, по малоразумію своему, и ума приложить не могу; ибо если кто другъ съ другомъ обходится и какъ ни есть побранится, то можно сказать, что дружба ихъ была неосновательна, и кто ни есть противнымъ пріятству лживымъ поступкомъ причину подалъ ко враждѣ, всѣхъ ли сихъ судить и лишать дворянства? да и какъ и судить, и какъ доказать? Можетъ статься, что чрезъ сіе разумѣлось сочиненіе лживыхъ крѣпостей и обязательствъ, но я въ томъ не виноватъ, что не то сказано. Лживый же поступокъ въ общежитіи болѣе всѣхъ бываетъ при Дворѣ: однако не слышно, чтобы кто поправился, или бы наказанъ былъ, а напротивъ того, благодаренія, лживыя восклицанія, противу клятвы обманы государству умножаются. Да сверхъ того, сіе есть не право, но судъ.

На 7.

Данное позволеніе благородной дѣвкѣ выйти за неблагороднаго, не лишаяся дворянства своего, не токмо есть не право, но вредъ государству, разрушеніе нравовъ.

Вредъ государству по тому, что полезно въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, чтобы состоянія не были смѣшаны; мужъ и жена составляютъ по святому закону нашему одного человѣка; то мужъ будетъ купецъ, кузнецъ, извощикъ или живодеръ, а жена дворянка; мужъ, не имѣющій права имѣть владѣнія деревень, а жена будетъ имѣть то право: вотъ два права соединены и состоянія смѣшаны. Купецъ, или мѣщанинъ, женяся можетъ статься и увозомъ по согласію дѣвки, на какой знатной, и сдѣлаетъ родню себѣ вѣчно непримиримыми непріятелями, или по долгомъ времени примирится съ нею. Пока будутъ непріятели, до тѣхъ мѣстъ въ чинахъ находящіеся люди будутъ угнетать его кредитомъ своимъ, и изъ хорошаго купца, можетъ статься, нищимъ его сдѣлаютъ: помиряся, будутъ опять съ утѣсненіемъ другихъ ему помогать, то вотъ пойдетъ разоренье другимъ. И состояніе сихъ людей не токмо счастливо, но несчастливѣе еще будетъ: благородная дѣвушка, воспитанная въ отцовскомъ домѣ, вошедъ въ семью посадскую, или и ниже, захочетъ имѣть то сластолюбіе и роскошь, къ какому она привыкла; ибо извѣстно есть, что женщины есть сластолюбивѣе; капиталъ глупаго мужа исчезнетъ, и тотъ, который бы могъ быть хорошій купецъ, нищій сдѣлается.

Вредно дворянству (*выше упомянутое дозволеніе*) и разрушаетъ нравы. Дворянское именованіе отъ чести и добродѣтели начало свое имѣетъ, какъ въ дефиниціи и Ея Императорское Величество изволитъ заключать, болѣе похваляя въ Манифестѣ, что стыдъ единый былъ главнѣйшее обязательство Россійскихъ дворянъ. Но по сему закону благородная дѣвушка, вышедъ за живодера, ушедши отъ родителей, и ей не будетъ стыдно; родители небогатые, ради прибытку, продадутъ дочь свою за купца, отказавъ хорошему, благородному, заслуженному, но небогатому дворянину, и имъ не будетъ стыдно. Когда по несчастію таковое начертаніе мыслей вселится въ сердца дворянскія, тогда не разрушатся ли всѣ мысли честности и славолюбія, и не произойдетъ ли отъ сего развратъ? Ея же Императорское Величество въ Наказѣ своемъ соизволила сказать, что если послѣ ея законодательства народъ ея не будетъ найдобродѣтельнѣйшій, то до сего несчастія не хощетъ она дожить; а я, какъ вѣрной подданной, ни разврату не хочу, и не желаю смерти моего Монарха.

На 8.

Нѣстъ какое особенное право, ибо нигдѣ и самой подлѣйшій злодѣй безъ суда не наказуется.

На 9.

Тожъ.

На 10.

Тожъ.

На 11.

Тожъ.

достоинство женѣ своей и дѣтямъ своимъ— послѣднимъ наслѣдственно.

5. «Да не лишится Дворянинъ или Дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ».

6. «Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя суть слѣдующія; 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе; 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ, или научилъ подобныя преступленія учинить».

7. «Но понеже достоинство не отъемлется, окромѣ преступленія; бракъ же есть честенъ и Закономъ Божіимъ установленъ; и для того благородная Дворянка, вышедши замужъ за недворянина, да не лишится своего состоянія; по мужу и дѣтямъ не сообщаетъ она дворянства».

8, 9, 10, 11. «Безъ суда да не лишится благородный» дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія.

На 12.

Не знаю, можно ли въ вексельныхъ дѣлахъ судиться благородному своими равными.

На 13.

Есть истинное право, но не новое, уже и прежними указами установленное.

На 14.

Право временное, да и то для плутовъ, а паче тѣмъ худо, что можетъ развратныхъ людей побудить дѣлать преступленія, надѣясь, что десять лѣтъ покрыть его не могутъ; ибо никто не дѣлаетъ преступленія, думая, что оно явно будетъ.

На 15.

Право не новое, ибо и по артикулу Петра Великаго дворянъ велѣно штрафовать шляхетскимъ штрафомъ, и Ея Императорскаго Величества нынѣшней Государыни, уже и прежнія узаконенія были.

На 16.

Тожъ.

На 17 и на 18.

Не что другое есть, какъ подтвер-

---

12. «Да не судится благородный окромѣ своими равными».
13. «Дѣло благороднаго... по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества».
14. Преступленія благородныхъ въ теченіе 10 лѣтъ оставшіяся безгласными «предать вѣчному забвенію».
15. «Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго».
16. Съ Дворянами, служащими въ нижнихъ чинахъ Нашихъ войскъ, поступать во всѣхъ штрафахъ такъ, какъ..... съ оберъ-офицерами».
17. «Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды Россійскому благородному Дворянству вольность и свободу».
18. «Подтверждаемъ благороднымъ, нахо-

жденіе вольности дворянству, данной Петромъ III, манифестомъ его 1762 года, Февраля 18 дня, но еще и въ семъ случаѣ есть нѣкоторое затрудненіе, ибо въ сихъ, называемыхъ Всемилостиво данныхъ правахъ и преимуществахъ дворянскихъ сказано: „Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ“. Какія суть сіи правилы? Естьли то вышеозначенной Манифестъ, онъ не есть какія сдѣланныя правила, но основательный *) законъ государства, яко въ 9 пунктѣ точно сіе изображено, а потому и трудно бы казалось его нарушить; но когда основательный законъ просто правилами называютъ, то правила еще болѣе къ нарушенію подвергнуты.

На 19 и на 20.

Не что другое, какъ въ вышепомянутомъ Манифестѣ изъяснено, съ тою разностію, что въ томъ служащій дворянинъ и въ чужестранной службѣ, и получа себѣ чины отъ коронованныхъ главъ, и объявя патенты, получаетъ тѣ

дящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ».
19. «Подтверждаетъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службы прочихъ Европейскихъ, Намъ союзныхъ, Державъ и выѣзжать въ чужіе краи».
20. «Но.... во всякое... время, когда служба Дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной Дворянинъ обязанъ по первому позыву отъ самодержавной Власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы Государственной».
*) *Примѣчаніе Редакціи.* «основательный» безъ сомнѣнія въ смыслѣ «основной».

же чины, какіе тамъ получили патенты, дабы, пріобрѣтши знанія въ чужестранной службѣ, могли сіе знаніе и въ Россіи употребить; нынѣ же ниже сказано, чтобъ по учрежденію принимать ихъ въ службу, а потому достойной человѣкъ, получа чины въ чуждой службѣ, получа нужныя и мало свѣдомыя въ Россіи понятія о тактикѣ, о войнѣ осадъ и прочее, долженъ еще при Военной Коллегіи изъ милости просить, какой ему чинъ дадутъ, и оставить тамъ вѣрное, дабы возвратиться па невѣрное. А по сему право дворянства умалено, яко къ самоизвольному сужденію подвергнуто. Манифестъ 1762 года, составляющій основательный законъ, нарушенъ; охота ѣхать служить въ чужіе краи отвращена; а которые поѣхали, тѣмъ загражденъ путь къ возвращенію, и неволею должны они отречися быть сыны отечества.

На 21.

Удивительно, что чрезъ 70 лѣтъ по уничтоженіи помѣстій, милость дѣлается, что онъ писаться можетъ по прозваніи своемъ какъ помѣщикъ его помѣстій; что же касается до вотчинъ, то сіе составляетъ нѣкоторое право, единственно пышность знаменующее, но къ праву сему присвоено ли къ тѣмъ вотчинамъ какое преимущество; а есть ли сего нѣтъ, то оно и не есть право, но токмо нѣкоторая пыль, брошенная въ глаза для ослѣпленія, и можетъ быть пріятная такимъ, которые ника-

---

21. «Благородный имѣетъ право..... писаться какъ помѣщикомъ его помѣстій, такъ и вотчинникомъ..... его вотчинъ».

кими титлами удовольствоваться не могутъ, и ради цѣлыя библейпой величины книги титлами своими наполнять. Побужденіе къ пышности, самохвальству и ко внутреннему разврату безумно пышныхъ душъ.

На 22.

Право, но не новое; ибо и древними законами то было позволено, а прекращено ради единыя пошлины. Нерѣдко видимъ въ Россіи, для сбору малаго числа денегъ, нарушать священнѣйшія права. Однако и возобновленіе сіе достойно уваженія. Но, кажется, сія статья требуетъ великаго дополненія въ обрядѣ, какъ сочинять акты даренія и переданія, дабы отъ самаго сего не воспослѣдовало множество злоупотребленія.

На 23.

Право, обычаемъ уже введенное, но закономъ не утвержденное; а утвержденіе сіе закономъ достойно благодарности. Хотя, можетъ статься, нѣкоторые и скажутъ, что, наворовавъ человѣкъ имѣніе, не долженъ сіе пріобрѣтенное воровствомъ сохранить. Соразсужденіе сіе справедливо, но поелику можетъ причиною въ самовластномъ государствѣ ко множеству злоупотребленій, то сія статья не менѣе милости въ себѣ заключаетъ.

---

22. «Благородному свободная власть и воля оставляется..... благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить, или завѣщать, или продать кому заблагоразсудитъ. Наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжается инако, какъ законами предписано».
23. «Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наслѣднику, или наслѣдникамъ».

На 24.

Не есть право особливое, но право благоустройства, чтобы суды не были разбойничьи притоны, но все бы по законамъ дѣлалось. Но какъ каждый законъ долженъ имѣть свою ограду наказаніемъ за преступленіе, что Французскіе законоучителіе называютъ sanction, то бы казалось надлежало предписать, какое наказаніе на такихъ отбирающихъ и разоряющихъ имѣнія благородныхъ должно полагать.

На 25.

Не есть право, но порядокъ.

На 26.

Право старое и происходящее отъ естества вещей, что всякой пріобрѣтенное имъ можетъ въ прибыль себѣ употреблять.

На 27.

Право старое, но, какъ здѣсь изъяснено, можетъ произвести разные доносы и затрудненія; ибо пока не назначено, что такое оптъ, по тѣхъ мѣстъ неизвѣстны предѣлы подробной продажи.

---

24. «... находимъ справедливо снова запретить и строго подтвердить древнія о томъ запрещенія, да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора, въ силу законовъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у благороднаго имѣніе, или оное разорять».

25. ...«буде благородный имѣетъ законное требованіе, или кто на благороднаго, то оное разобрать надлежитъ въ установленныхъ. . Судебныхъ мѣстахъ предписаннымъ порядкомъ; ибо несправедливо и съ общимъ порядкомъ несходственно бы было, когда бы всякъ въ собственномъ своемъ дѣлѣ вздумалъ сдѣлаться судьею».

26. «Благороднымъ подтверждается право покупать деревни».

27. «Благороднымъ подтверждается право оптомъ продавать, что у нихъ въ деревняхъ родится или рукодѣліемъ производится».

На 28.

Право старое.

На 29.

Заведеніе торговъ, какъ здѣсь сказано, есть право старое, а заведеніе мѣстечекъ я не понимаю. Естьли то укрѣплять свои деревни, то не знаю, согласно ли то съ самовластнымъ правленіемъ, и какія права приписуются симъ мѣстечкамъ.

На 30.

Покупать и строить домы есть право старое, а имѣть рукодѣлія хотя и старое, но должно, кажется объясниться и согласить сіе съ правомъ городскимъ; ибо естьли благородные заведутъ рукодѣлія въ своихъ домахъ, то могутъ подрывъ сдѣлать городамъ.

На 31.

Сіе здѣсь въ примѣчаніе итти не можетъ, ибо надлежитъ прежде знать, что городовое право, куда и примѣчаніе сіе относится.

На 32.

Право, и право съ справедливымъ

---

28. «Благороднымъ дозволяется имѣть фабрики и заводы по деревнямъ».

29. «Благороднымъ дозволяется въ вотчинахъ ихъ заводить мѣстечки, и въ нихъ торги и ярманки согласно съ государственными узаконеніями, съ вѣдома ген.-губернаторовъ и Губернскихъ Правленій, и съ наблюденіемъ, чтобъ сроки ярманокъ въ мѣстечкахъ ихъ соображены были со сроками въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ».

30. «Благороднымъ подтверждается право имѣть, или строить, или покупать домы въ городахъ, и въ оныхъ имѣть рукодѣлье».

31. «Буде кто благородный желаетъ пользоваться городовымъ правомъ, да повинуется ему».

32. «Благороднымъ дозволяется оптомъ продавать, или изъ указанныхъ гаваней за моря отпускать товаръ, какой у кого родится, или на основаніи законовъ выдѣланъ

ограниченіемъ учиненное, но для сего надлежитъ утвердить, что есть гуртъ, безъ чего къ частымъ затрудненіямъ благородные подвергнуты будутъ.

На 33.

Право, но не новое, а подтвержденіе прежде даннаго помянутымъ указомъ.

На 34.

То жъ. Но можно на самое сіе право сдѣлать примѣчанія, нѣтъ ли излишности въономъ.

На 35.

Право, утверждающее спокойствіе помѣщика; желательно бы было, что бы сіе право, по крайней мѣрѣ, на покои хозяйскіе и въ городахъ было распространено.

На 36.

Право, но право древнее.

Примѣчанія, какія, по крайней мѣрѣ, можно бы было къ симъ правамъ прибавки учинить.

будетъ; ибо имъ не запрещается имѣть, или заводить фабрики, рукодѣлія и всякіе заводы».

33. «Подтверждается благороднымъ право собственности, дарованное милостивымъ указомъ отъ 28 іюня 1782 года, не только на поверхности земли, каждому изъ нихъ принадлежащей; но и въ нѣдрахъ той земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастенія, и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ томъ указѣ изъяснено».

34. «Подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ милостивомъ указѣ 22-го сентября 1872 года изображено».

35. «По деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя».

36. «Благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей».

Весьма я отдаленъ, чтобы желать имѣть какія права въ предосужденіе пользъ государства; родившись и живши подъ законами, наслѣдовавъ отъ прародителей моихъ, вмѣстѣ съ кровію, любовь и усердіе къ отечеству, не могу я желать, чтобы благородные дворяне, коль ни суть знамениты ихъ заслуги, получили права такія, которыя пользу отечества разрушатъ, коего дворяне должны защитники быть. И для того сокращусь токмо учинить прибавленіе такихъ правъ, которыя уже прежними указами были даны, и умолчаніемъ въ сихъ правахъ яко отмѣненны быть являются. Оныя суть двоякія: почетныя и полезныя.

Почетныя.

1.

Инструкціей пѣхотнаго и коннаго полковниковъ велѣно дворянъ не инако записывать, какъ въ кадеты, или въ подпрапорщики, и предпочтительно предъ недворянами производить.

2.

Въ Уложеніи означены безчестія разнымъ чинамъ, а въ дипломахъ Княжескихъ и Графскихъ, утвержденныхъ подписаніемъ Монаршимъ, такъ же назначены безчестія. Нынѣ дворянину, ни Графу, ни Князю, безчестья нѣтъ, чрезъ что Графскіе и Княжескіе дипломы отмѣняются, а чрезъ сіе уничтожаются сіи достоинства, а остаются тщетныя наименованія, и они простые дворяне остаются, которыхъ можно каждому обидѣть, кто какъ хочетъ, не страшася на-

казанія. Пусть нѣкоторые на сіе скажутъ, что въ Уложеньѣ по чинамъ положено безчестье, то и нынѣ оно по чинамъ же остается; но сіе не отвергаетъ уничтоженія дипломовъ и Государскаго подписанія; но въ табели о рангахъ точно сказано, какое платить безчестіе дѣтямъ мужеска и женска полу и женамъ, и сіе, хотя такъ же по чинамъ отцовъ и мужей распредѣлено, однако идетъ въ право нечиновнымъ. Не нахожу же я неудобности положить нѣкоторую пеню и наказаніе и самому дворянскому достоинству, ибо сіе есть чинъ, и чинъ, обязующій наслѣдственно каждаго служить отечеству. При томъ не желалъ бы я, чтобъ денежной платежъ кому благородному за безчестіе былъ, но чтобъ пеня была установлена для отданія въ казну, а обидѣвшій благороднаго нѣкоимъ другимъ наказаніемъ былъ усмиренъ, яко содержаніемъ подъ стражею, въ смирительномъ дому и другими подобными, по степени обидимаго и обидчика. Сіе мое мнѣніе мнѣ тѣмъ справедливѣе является, что въ единое время купцамъ и мѣщанамъ безчестье положено, а дворяне яко оставлены быть обидимы каждымъ.

3.

Сохраненіе именованій древнихъ родовъ толь есть полезно Государству, что и древними законами повелѣно было послѣднему въ родѣ кого себѣ женившагося на послѣдней въ родѣ усыновлять, и принимать тому женою исчезающую фамилію для возобновленія оной. Чего же бы ради сего не вписать и не рас-

пространить и бездѣтному, кого на такомъ же основаніи съ пріятіемъ имени фамиліи усыновить.

4.

Доносъ и свидѣтельство холопей на ихъ господина былъ и древними законами запрещенъ.

5.

Послѣ Наказу, Коммисія Уложенія частная о благородныхъ написала: „Благородный, впадшій въ подозрѣніе по дѣламъ, до чести и жизни его касающимся, сверхъ назначенныхъ судей, можетъ со своей стороны назначить одного судью, кого онъ заблагоразсудитъ, и которой на то согласится, и можетъ представить для защищенія своего дѣла одного стряпчаго, или ходатая въ предписанное законами время“.

6.

По силѣ большаго Наказа о различеніи посажденія подъ стражу, не являлось ли бы нужно различить, что благородный, до снятія съ него дворянства, въ единое мѣсто съ другими преступниками не долженъ быть заключаемъ.

7.

А изъ сего слѣдуетъ, что благородный безъ важныхъ причинъ и взятъ не долженъ быть подъ стражу, и по семъ, что Коммисія положила, что ежели благородный заслужитъ лицеимство, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, то, представя за себя надежный залогъ, можетъ онаго освободиться.

8.

Сходственно съ табелью о рангахъ

и мнѣнія Коммисіи, всѣ благородные имѣютъ свободный входъ ко Двору.

9.

Понеже нынѣ екипажи составляютъ часть преимуществъ, то зачѣмъ благородному, не имѣющему чина, не позволить ѣздить хотя парою въ каретѣ, тогда какъ и купецкимъ первыхъ статей дѣтямъ сіе не запрещено.

10.

Въ Коммисіи о сочиненіи Уложенія, на основаніи прежнихъ узаконеній, было положено: „Благородные вольны служить и не служить, избирать себѣ службу по своей склонности, придворную, воинскую, или гражданскую, продолжать оную сколь долго пожелаютъ, увольненіе отъ службы получаютъ по законамъ установленнымъ, воинскому и гражданскому“.

11.

Нарушенъ фундаментальный законъ, чтобы служащихъ въ чужестранной службѣ при возвращеніи принимать тѣми же чинами, на какіе они объявятъ себѣ патенты отъ коронованныхъ главъ.

Полезныя.

1.

Глава XI Уложенія утверждаетъ крестьянъ дворянамъ; указъ 1754 года тоже подтверждаетъ, но о владѣніи крестьянами ничего не помянуто.

2.

Чтобы у благородныхъ не описывать за долги болѣе имѣніе, какъ столько, сколько во удовлетвореніе долговъ тѣхъ потребно. Право, основанное на благо-

устройствѣ и на прежнихъ узаконеніяхъ и на безчисленномъ числѣ рѣшеній.

3.

О строеніи мельницъ не помянуто.

4.

Право, чтобъ безъ согласія владѣльцовъ къ церквамъ, въ деревняхъ ихъ находящимся, какъ въ священники, такъ и въ церковники не опредѣлялись. Право, основанное на обрядѣ первенствующей Церкви, всегда пребывающее, подтвержденное гражданскими узаконеніями и обычаемъ, и въ уложенной Коммисіи было вмѣщено.

5.

О сидкѣ винной не помянуто.

6.

О правѣ благородныхъ отпускать на волю своихъ людей не помянуто.

7.

Перевозъ крестьянъ, древнее право и нужное для государства по причинѣ многаго населенія въ сѣверныхъ губерніяхъ, а малаго въ плодоноснѣйшихъ мѣстахъ, не упомянутъ.

8.

Узаконенія сего нигдѣ нѣтъ, и для того писать его насилу дерзаю, дабы захватчивымъ не почесться; но кажется, для чего бы не дать права благороднымъ отдавать и наслѣдникамъ свои деревни на нѣкоемъ условіи, не вѣчномъ (ибо вѣчное условіе влечетъ съ собою многія неудобности), но временномъ, которое и должно бы ограничить не болѣе на десять, или на пятнадцать, лѣтъ.

9.

Ввозъ вина дворянамъ въ города,

позволенный же Уставомъ о винѣ и названный правомъ, не помянутъ.

На часть Б.

Теперя я приступаю говорить о части Б, наименованной: „О собраніи дворянъ, установленіи общества дворянскаго въ губерніи, и выгодахъ дворянскаго общества“.

На 37.

Учрежденіе собраній дворянскихъ есть истинное право, естьли бы оно зависѣло отъ собственнаго согласія, или отъ тѣхъ, кого они сами начальниками себѣ изберутъ; но какъ сего нѣтъ, то они собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо, какъ нѣкоторыя орудія, которыя сносятъ, для угнетенія самихъ же ихъ; слѣдующія статьи яснѣе сіе покажутъ.

38.

Вотъ самая слѣдующая статья, которая и показуетъ, что сіи собранія не есть вольныя собранія, и не для пользы дворянской, но токмо для выборовъ, которые могутъ имѣть свою полезность, но при томъ и для выслушиванія отъ Генералъ-Губернатора, или Губернатора, предложеній, которымъ по сю пору никто не сопротивлялся, да и сопротивляться не можно, по многимъ сильнымъ причинамъ, между коими есть первая, что Намѣстникъ Сенату не подсуденъ; вторая, что жалобы трудно доходятъ до Государя; третія, да и Государь самъ сей чинъ столько уважаетъ, что хотя многіе налоги дѣланы на дворянъ, однако ни единой Намѣстникъ еще сужденъ за сіе не былъ.

39.

Насилу единое узаконеніе вышло о Губернскомъ Предводителѣ, но должности его нѣтъ; и тако я вопрошаю, на что онъ? ибо чинъ безъ должности есть ничто. До сего избирали знатнѣйшихъ людей изъ губерніи имѣть сей чинъ, а нынѣ кто съ честолюбіемъ человѣкъ въ знатномъ чину пойдетъ въ оной, чтобы быть подвергнуту сужденію о себѣ Намѣстника, или Губернатора? Хваля толь вѣрное дворянство, не можно ли было, по крайней мѣрѣ, дать сіе право благороднымъ, чтобы они въ своей губерніи выбрали себѣ самовольно одного въ главные свои Предводители, не сдѣлавъ его зависима отъ Генералъ-Губернатора, или

«Б. О собраніи Дворянъ, установленіи Общества Дворянскаго въ губерніи, и о выгодахъ Дворянскаго Общества».

37. «Нашимъ вѣрноподданнымъ Дворянамъ жалуемъ дозволеніе собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ Намѣстничествѣ, и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами».

38. «Дворянство собирается въ губерніи по позыву и дозволенію Ген.-Губернатора, или Губернатора, какъ для ввѣренныхъ Дворянству выборовъ, такъ и для выслушиванія предложеній Ген.-Губернатора, или Губернатора, всякіе три года въ зимнее время».

39. «Собранію Дворянства въ Намѣстничествѣ дозволяется избрать Губернскаго Предводителя Дворянства той губерніи; и для того Собранію Дворянства всякіе три года представить изъ Уѣздныхъ Предводителей 2-хъ Государеву Намѣстнику или Правителю, и котораго изъ сихъ Ген.-Губернаторъ или Губернаторъ назначитъ, тому и быть Губернскимъ Предводителемъ Дворянства той губерніи».

Губернатора. Сіе, съ одной стороны, уподляетъ чины, ибо заслужившіе ихъ, бывъ зависимы отъ равныхъ себѣ, теряютъ свою цѣну и почтеніе; уподляетъ чинъ Губернскаго Предводителя и принуждаетъ чиновныхъ дворянъ отъ должности сей убѣгать. А самымъ симъ, что съ одной стороны въ пользу дворянъ установляется, то разрушается съ другой.

40.

Право не новое, но старое, по учрежденію.

41.

То жъ.

42.

То жъ.

43.

То жъ.

44.

То жъ.

45.

Учреждены были не для чего иного, какъ чтобы, колико возможно, сдѣлать избранія свободны. Нынѣ же и сіи нѣкоимъ образомъ отмѣняются. Ибо Намѣстники и Губернаторы, бывъ деспоты въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія пожелаютъ (кого пожелаютъ?), а и самая малая партія, усиленная ихъ властію, сильнѣйшую превозможетъ, а потому всѣ судьи и будутъ по ихъ волѣ выбираться. Когда и по баламъ, въ коемъ неизвѣстно кто куда шаръ кладетъ, дѣйствіе власти Намѣстника есть ощутительно, когда Ея Императорское Величество сама въ рѣченіи пунктовъ, поданныхъ отъ Намѣстниковъ, запретила имъ быть при выборахъ, дабы по волѣ ихъ не выбирали, то симъ позволеніемъ представлять кандидатовъ безъ баловъ, уже необходимо всѣ кандидаты будутъ по избранію Намѣстниковъ представляться, и собранія сіи, равно какъ вышеписанныя права, тщетны становятся, и дворяне будутъ токмо съѣзжаться, быть каждые три года свидѣтели утѣсненія своего, тѣмъ горчайшаго, что видъ будетъ пребывать, яко бы они сами виновны въ своемъ утѣсненіи.

46.

Принимать собранному дворянству во уваженіе представленія Намѣстника, или Губернатора, есть дѣло справедливое, естьли то въ законахъ; но прибавленіе: т а к ъ и о б щ е м у д о б р у, есть лишнее и открываетъ путь ко многимъ злоупотребленіямъ, яко налогамъ,

---

40. «По силѣ 64 и 211 статей Учрежденій, Уѣздный Предводитель Дворянства избирается Дворянствомъ того уѣзда черезъ всякіе 3 года по баламъ».

Въ статьяхъ 41, 42, 43 и 44 подтверждается основанное на Учрежденіи о губерніяхъ право Дворянства избирать членовъ земскихъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ судовъ, а равно и земскаго исправника, представляя избранныхъ кандидатовъ Ген.-Губернатору или Губернатору, который «буде за ними нѣтъ явнаго порока подтверждаетъ дворянскій выборъ».

45. Собраніе Дворянства, буде выборъ всего Дворянства по баламъ продолжителенъ и неудобенъ окажется; тогда дозволяется Собранію Дворянства представить кандидатовъ, изъ коихъ баллотировать».

46. «Въ случаѣ предложеній Дворянству отъ Ген.-Губернатора или Губернатора, Собраніе Дворянства въ губерніи беретъ предложенія въ уваженіе, и на оныя чинитъ по случаю или пристойные отвѣты, или соглашенія, сходственныя какъ узаконеніямъ, такъ и общему добру».

и прочее; и неразсудно есть предоставить нижнимъ мѣстамъ разсуждать о общемъ добрѣ, и въ дѣйствіе то приводить.

47.

Право нужное, но требовало бы прибавленія таковаго, что Намѣстникъ, естьли найдетъ представленіе ихъ справедливо, долженъ представить оное къ престолу Монаршу, или сказать имъ причины, чего ради сіе отметаетъ, и тогда и сами могутъ въ вышнее Правительство челобитную свою послать.

48.

Право весьма полезное, однако такое, которое и у каждаго человѣка лишить не можно, чтобы онъ, въ случаѣ крайняго ему притѣсненія, къ вышнему Правительству прибѣжища не имѣлъ. Но казалось бы, чтобъ собраніе дворянское, тѣхъ самыхъ дворянъ, которые похвалены въ самомъ Манифестѣ, дворянъ вѣрныхъ, усердныхъ и послушливыхъ, могли бы имѣть и болѣе права, то есть, представлять, естьли и самыя узаконенія какую имъ тягость наносятъ. Симъ бы Правительство и Государь узнали справедливое состояніе разныхъ губерній, часто сокрытое отъ нихъ; возвысился бы духъ дворянскій, естьли бы въ чемъ ихъ такія представленія были приняты; они

бы, окромѣ избавленія себя отъ тягости, лично бы благодарны были, что вняли жалобу ихъ, а естьли бы и не принято было, и отвѣтствовано съ причинами, то бъ не меньше членами государства и Правительства себя почитали, и паче къ такому отечеству усердствовали; а сіе право, истинно сказать, не иное что, какъ позволяется визжать, когда ихъ бьютъ.

49.

Въ примѣчаніи на 48 статью объясненій моихъ я уже сдѣлалъ нѣкоторое по случаю примѣчаніе и на сію. А токмо мнѣ остается приложить, что такое точное запрещеніе на тягостные имъ законы не представлять—замыкаетъ въ себѣ три вида. Первый, что надлежитъ намъ вѣрить, что наши правители суть колпаки непреложны ex cathedra; вторый, что самыми законами хотятъ дворянъ стѣснить, положа кляпъ въ горло, чтобы они и не кричали; а что тогда же ихъ боятся, какъ и прочими статьями сіе отказывается. О несчастное состояніе, когда владѣтель подвластныхъ опасается!

50.

Естьли собранія дворянскія толико

---

47. Собранію Дворянства дозволяется представить Ген.-Губернатору или Губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ».

48. «Подтверждается Собранію Дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ Депутатовъ ихъ какъ Сенату, такъ и Императорскому Величеству на основаніи узаконеній».

49. «Собранію Дворянства запрещается дѣлать положенія, противныя законамъ, или требованія въ нарушеніи узаконеній, подъ опасеніемъ за первый случай (положенія противныя законамъ) взысканія съ Собранія пени 200 р., а за второй случай (требованія въ нарушеніи узаконеній) уничтоженія недѣльныхъ требованій; что поручается бдѣнію Губернскихъ стряпчихъ».

50, 51, 52, 53. Собранію Дворянства каждой губерніи дозволяется: имѣть домъ для Собранія въ Губернскомъ городѣ, имѣть Архиву, имѣть печать, избрать и имѣть своего собственнаго Секретаря.

малое имѣютъ преимущество, что и въ утѣсненіи своемъ жалобу приносить не могутъ, то зачѣмъ ему и домъ, развѣ до утѣсненія его будетъ памятникъ, и темница ихъ свободы?

51.

Архива для дворянства нужна, но какъ по нижеписанному показано будетъ, большая часть тутъ будутъ сохраняться дѣянія его рабства, а не дѣянія блаженства сего похвальнаго собранія.

52.

Печать дворянская нужна, естьли бы было что печатать и права дворянскаго собранія не были утѣснительны. А сверхъ того вопрошаю, кто сію печать дастъ, само ли оно сдѣлаетъ, или отъ Намѣстника получитъ? Естьли само сдѣлаетъ, кто ее апробуетъ? Естьли сіе будетъ все зависѣть отъ Намѣстника, та таковая печать дворянства не къ чести, но къ стыду сего собранія; ибо сіе дворянство, которое упоило внутреннія и окружныя страны государства своею кровію, для службы отечества, кажется достойно, чтобы отъ самаго Государя и печати свои получило, а не отъ равнаго себѣ.

54.

Ни право, ни ущербъ, ибо каждый въ деньгахъ своихъ воленъ, и можетъ, сложась ли, или одинъ, на что угодно ему будетъ, ихъ употреблять.

55.

Не право, ибо еще не слыхано, чтобы общество, за личное кого одного преступленіе, наказывали. А самое сіе и доказываетъ, коль велико есть деспотичество, что и то намъ въ право предписуется, когда и безъ вины мы, но виноваты. А безъ сего бы сіе и въ мысль войти не могло.

56.

Всему собранію на судъ предстать нельзя, и потому волею ли, или неволею, должно, чтобы кого отъ себя представило стряпчего. Но все сіе толь темно и недописано, ибо разныя суть обстоятельства, которыя разные поступки и съ собраніемъ дворянства требуютъ.

57.

Здѣсь столько много сказано, что ничего не сказано; ибо естьли бы собраніе дворянства въ мысляхъ возмущенія собралось, то, конечно, начальникъ сильною рукою можетъ воспрепятствовать вреднымъ его намѣреніямъ. Въ противномъ случаѣ, за что цѣлое собраніе брать подъ стражу? Но какъ собраніе дворянское дѣлается въ губернскихъ городахъ, гдѣ обыкновенно войска находятся, по крайней мѣрѣ, штатныя команды, а не уповаю, чтобы какой Намѣстникъ, или Губернаторъ, позволилъ дворянству вооруженному со-

---

54. «Собранію Дворянства каждой губерніи дозволяется составить особливую казну своими добровольными складками, и оную казну употреблять имъ по общему ихъ согласію».

55. «Да не взыщется на Дворянствѣ вообще личное преступленіе Дворянина».

56. «Собраніе Дворянства на судъ да не представетъ, но да защищается своимъ Стряпчимъ».

57. «Собраніе Дворянства ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ».

браться; ибо собранія сіи съ ихъ позволенія дѣлаются; слѣдственно, дворянство и всегда собирается подъ стражей.

58

Учрежденіе, касающееся до судопроизводства, а не право.

59.

Учрежденіе, а не право.

60.

То жъ.

61.

То жъ.

62.

Содрогаетъ духъ мой, читавъ сію статью, чтобъ дворянина, имѣющаго меньше ста рублевъ доходу съ деревень своихъ, въ должности, зависящія отъ выбора дворянства, не выбирать, яко бы благодарность и честность отъ доходу зависѣли, и тотъ бы благороднѣе былъ, кто есть богатѣе. Остается намъ приносить жалобы наши на небо. Господи, Сотворителю небеси и земли, ты зрѣлъ, когда благородное и вѣрное Россійское дворянство избавляло отечество свое отъ ига иновѣрныхъ, когда возстановляло падшій престолъ Россійскій, когда поко-

Въ статьѣ 58 указываются дѣла о дворянахъ и разночинцахъ, подлежащія переносу въ Верхніе Земскіе Суды по апелляціи на Уѣздные и Нижніе Земскіе Суды и Дворянскія Опеки.

Въ статьяхъ 59, 60 и 61 говорится объ учрежденіи при Уѣздныхъ Судахъ Дворянскихъ Опекъ, составѣ ихъ (подъ предсѣдательствомъ Уѣзднаго Предводителя Дворянства, Уѣзднаго Судьи и «его Засѣдателей») и предметѣ ихъ дѣятельности.

62. «Собранію Дворянства запрещается избирать для тѣхъ должностей, кои выборомъ наполняются, Дворянина, котораго доходъ съ деревень ниже 100 р. составляетъ, и который моложе 25 лѣтъ».

ряло знатныя области подъ стольких своихъ Государей, тогда имѣющіе менѣе ста рублевъ доходу ограждены ли были твоею оградою, чтобъ кровь ихъ не лилась, чтобъ не были растерзаны члены ихъ, чтобъ равные злы съ богатыми не терпѣли; а тщетная почесть именованія дворянина, пріобрѣтенная кровію ихъ и истощеніемъ ихъ имѣнія, тогда какъ всю пользу Государи получаютъ, можетъ ли справедливо Государемъ отъ нихъ отняться? Можетъ ли злодѣй, мздоимецъ, откупщикъ, скрывшій свои преступленія, воспользоваться, въ предосужденіе безпорочныхъ людей и дѣтей мужей безпорочныхъ, тѣмъ, что грѣхомъ и безсовѣстнымъ поступкомъ пріобрѣлъ? Не есть ли сіе самое противуреченіе противу того, что въ самомъ Манифестѣ о честолюбіи и благородности Россійскаго дворянства сказано, когда сіе честолюбіе, доведши до бѣдности дворянство, будетъ получать въ возмездіе, лишеніе достойнаго уваженія права быть избрану судить себѣ равныхъ? Отцы благородные, дающіе воспитаніе вашимъ дѣтямъ, можете ли вы послѣ сего давать наставленія имъ презирать богатство, подвергать себя къ бѣдности для защищенія отечества, для сохраненія добродѣтели? Нѣтъ, сіе кажется неестественно, но должны все въ предметѣ имѣть сто рублевъ доходу. Однако, что другому народу покажется неестественно, то Россійскому свойственно будетъ, и онъ предпочтетъ всему добродѣтель, пока сила вѣры и убѣжденія закону въ сердцахъ ихъ будутъ

пребывать. Толпою мысли мнѣ встрѣчаются и порядокъ вѣщаній моихъ разрушаютъ. Но заслуженный, израненный дворянинъ, пролівшій свою кровь за отечество, истощившій свое имѣніе въ службѣ, при маломъ жалованьѣ Государя, нашедъ, по долговременномъ своемъ отсутствіи, деревни свои разоренны и недающія опредѣленнаго, для составленія дворянина, старублеваго доходу, долженъ ли, за службы, за раны, за труды, быть недостойнымъ почтену служить своему отечеству по избранію собратій его, знающихъ его честность и оплакивающихъ его судьбину? Не отверзуются ли сами раны его, естьли уста въ молчаніи пребудутъ, и ліющаяся паки изъ ранъ его кровь, изъ ранъ, отъ рукъ вражескихъ наложенныхъ, для службы отечества, не возопіетъ ли: Любезное отечество! Предки мои и я съ усердіемъ тебѣ служили, припадка мы не имѣли, жалованье намъ Государево никогда довольно на содержаніе наше не было, но изъ единой чести и изъ усердія главы наши для пользы твоей полагали. Се ли возмездіе намъ? Бѣдность наша отвращала ли насъ отъ нашей должности, а се нынѣ въ наказаніе намъ учинилась"!

Умолча и не докончa отъ туги сердечной сію статью, скажу, что естьли до 25 лѣтъ не избирать въ должности дворянъ, то, слѣдственно, и совершенныя лѣта должны не менѣе 25 лѣтъ считаться; еще уменьшеніе древняго права дворянскаго.

63.

О семъ выше въ примѣчаніи на § 62 говорено.

64.

Не могу я охулить мысль, съ которою статья сія сочинена, ибо дѣйствительно множество дворянъ, по лѣности своей, по сластолюбію, и по праздволюбію, лишь бы могли достигнуть офицерскаго чину, службу оставляютъ, чрезъ что дѣйствительно служба претерпѣваетъ, и претерпѣваетъ самая польза государства и честь дворянскаго корпусу; чего ради и является такая природа, наносящая нѣкое безчестіе дворянамъ, является съ перваго взгляду полезна быть.

Такова съ перваго взгляду сія статья усерднымъ сынамъ отечества является; но поступимъ далѣе, раздробимъ законоположеніе, поелику оно должно сходствовать съ высочайшею истиною, и слѣдственно, съ милосердіемъ, и вникнемъ въ состояніе каждаго. Но дабы сіе учинить, предположимъ непремѣнныя и, по мнѣнію моему, неоспоримыя, правила, которыя бы были путеводители въ сужденіи нашемъ; и тако: 1) лучше сто винныхъ простить, нежели единаго без-

63. «Въ Собраніи Дворянства, Дворянинъ, который самъ не владѣетъ деревнею, и моложе 25 лѣтъ, присутствовать можетъ, но голоса не имѣетъ».

64. «Въ Собраніи Дворянства быть можетъ Дворянинъ, который вовсе не служилъ, или бывъ въ службѣ до оберъ-офицерскаго чина не дошелъ, (хотя бы оберъ-офицерскій чинъ ему при отставкѣ и былъ данъ); но съ заслуженными сидѣть не долженъ, ни голоса въ Собраніи Дворянства имѣть не можетъ, ни выбранъ быть способенъ для тѣхъ должностей, кои наполняются выборомъ Собранія Дворянства».

виннаго наказать. 2) Чтобъ сіе мнимое наказаніе не было нечестолюбивымъ къ побужденію ихъ лѣности, ибо безъ сего самый законъ не достигаетъ до своего предмету: И тако, троякіе суть люди, которые, не служа совсѣмъ, или не служа какъ токмо до того, чтобы достигнуть офицерскаго чину, отстаютъ отъ службы. а) Суть такіе, которые за болѣзнями своими не могутъ понести военной службы, знатность же родовъ ихъ не дозволяетъ имъ въ подъяческой быть; б) которые, служа въ нижнихъ чинахъ, получа раны и изліявъ свою кровь за отечество, принуждены съ награжденіемъ офицерскаго чина отстать отъ службы, не служа, хотя бы и желали дѣйствительно, офицерами; в) которые были побуждены такими обстоятельствами, которыя необходимо побуждали ихъ возвратиться въ свои домы, дабы не быть самимъ разоренными, яко лишеніе родителей, великія дѣла, требующія ихъ присутствія, межеванья, и прочее; г) которые по празднолюбію, и не имѣя довольнаго честолюбія, дабы быть, что называютъ они свободными, оставили, не служа въ офицерахъ, службу. Двое первыхъ, конечно, со всѣмъ винными почесться не могутъ; третіи, можно сказать, въ половину виноваты, а четвертые и никакого оправданія имѣть не могутъ; то должно ли, чтобы наказать сихъ послѣднихъ, подъ единый строгій законъ, яко отнятіемъ права дворянскаго, всѣхъ ихъ вмѣстить, и безвинныхъ, несчастныхъ своею судьбою, яко одержимыхъ болѣзнію, или

изліявшихъ кровь свою за отечество, равно съ празднолюбцами наказать? Болѣе о семъ не простираюсь, ибо истина сія каждому будетъ ощутительна.

Возвращаюсь къ четвертымъ, къ тѣмъ самымъ, которые сіе наказаніе справедливо заслуживаютъ. Они не честолюбивы и лѣнивы, слѣдственно, что честолюбіе и оставленіе ихъ въ лѣности сочиняетъ ли имъ наказаніе? Я тѣмъ болѣе сіе утверждаю, что мнѣ извѣстно, что многіе даютъ деньги, дабы откупиться отъ выборовъ, слѣдственно, не есть ли сіе побужденіе ихъ лѣности? ибо лѣнивецъ, праздный, не хотящій служить, уже теперь не будетъ страшиться, чтобъ выборомъ дворянскимъ обеспокоенъ былъ служить обществу. Сего ради многіе, которые опасаясь, чтобъ сей выборъ на нихъ не палъ, продолжаютъ военную службу. Нынѣ, сего не страшась, станутъ найболѣе побуждаться, изъ неофицерскихъ чиновъ итти въ отставку, зная, что они покойны уже отъ выборовъ дворянскихъ будутъ; вмѣсто что усерднѣйшіе болѣе тягости и убытковъ принуждены будутъ понести, и тѣмъ болѣе, что какъ убавится число годныхъ къ выбору, то самые усердные чрезъ сіе болѣе тягости понесутъ, а во многихъ намѣстничествахъ и выбирать некого будетъ.

И по сему сіе право быть избранну не токмо въ честь, но въ отягощеніе всему дворянству учинится, и самые усерднѣйшіе къ отечеству, видя, что ни въ какое время не могутъ найти себѣ успокоенія отъ службы, принуж-

дены будутъ въ таковую же лѣность вдаться.

Несидѣніе въ собраніи есть наказаніе честолюбивымъ, а нечестолюбивой и не поѣдетъ въ собраніе, слѣдственно, и наказанія ему нѣтъ.

Сверхъ же сего, понеже сіе не есть преимущество, но наказаніе празднолюбцамъ, то сіе и въ права, по справедливому закономудрованію, входить не должно.

Можетъ статься, на сіе мнѣ скажутъ: „Ты самъ признаешься, что многіе по лѣности и по празднолюбію оставили службу, не учиня ни какого дѣянія, должнаго дворянину, не оказавъ признанія за права и преимущества, которыми и по рожденію своему отечествомъ и Государями снабжены, то какое имъ наказаніе учинить, дабы зло сіе не распространилось?“

Отвѣтствую. Я не законодавецъ, но для поученія своего разсматриваю законъ, и какъ добрый сынъ отечества, дѣлаю мои примѣчанія. Однако, естьли потребно и въ семъ мое мнѣніе, то принужденнымъ себя нахожу сказать: 1) Надлежитъ различить тѣхъ, которые по болѣзнямъ, или раненые, не служа въ офицерахъ, пошли въ отставку: и дабы удовлетворить несчастіе ихъ, не токмо позволить ихъ выбирать дворянамъ, но и Сенату предписать, что естьли потребуютъ службы и они достойны явятся, тѣхъ предпочтительно другимъ опредѣлять; 2) которые безъ сихъ причинъ пошли въ отставку (ибо домашнія дѣла сокровенны суть), таковые

естьли годны найдутся, должны быть выбираны въ службу не инако, какъ въ самыя нижнія должности; а которые и негодны, можно на нихъ положить нѣкоторой налогъ для вспоможенія тѣмъ бѣднымъ сверхъ Государева жалованья, которые на малое жалованье будутъ выбираться, и не прежде отъ сего положенія могутъ избавиться, какъ трехлѣтнею службою, или шестилѣтнимъ платежемъ, по положенію дворянскому, съ числа имѣнія и душъ, находящихся за ними. А симъ и право дворянское сохранится, и они хотя платежемъ дѣяніе дворянское исполнятъ, и праздные не будутъ льститься безпечно въ праздности, отошедъ отъ службы, жить въ своихъ деревняхъ, число къ избранію дворянъ умножится, а избранные съ лучшею выгодою положенныя на нихъ должности будутъ нести.

65.

Право, кажется, великое, но въ самомъ дѣлѣ ничто, ибо опороченный судомъ и безъ того не можетъ быть избранъ; а чтобы кто имѣлъ явной и безчестной порокъ, всѣмъ извѣстной, и не былъ бы подъ судомъ, сіе доказуетъ слабость правленія. А естьли бы и случился такой случай, въ которомъ сіи обстоятельства подъ судъ человѣка не подвергали, то естьли нравы исправлены, въ таковыхъ явныхъ порокахъ

65. «Собранію Дворянства дозволяется исключить изъ Собранія Дворянства Дворянина, который опороченъ судомъ, или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы и судимъ еще не былъ, пока оправдается».

находящійся человѣкъ недостоинъ и общества честныхъ людей, не токмо быть ихъ судьею. Но было бы то право, естьли бы и обвиняемаго въ какомъ безчестномъ дѣлѣ можно было исключить, пока оправдается. Какъ Іулій Цесарь сказалъ о женѣ своей, разводяся съ нею, тогда какъ она была обвиняема въ прелюбодѣяніи съ Клавдіемъ, что супруга Цесарева ниже къ сомнѣнію должна подвергнута быть.

66.

Мѣстничество было вредно; но тогда ли оно уничтожилось, когда разрядныя, хранимыя въ домахъ, книги были сожжены; ибо хотя оно именемъ и пребывало, но уже со временъ Царя Іоанна Васильевича во всѣ почти походы хаживали безъ мѣстъ. Правда, суды въ мѣстничествахъ и послѣ случались; но то, можно сказать, были послѣднія издыханія гордости дворянской, основанной на еще пребывающихъ правахъ. Согласіе же и просьба дворянская, какъ сама Ея Императорское Величество поминаетъ, есть новый знакъ усердія дворянства къ отечеству и къ службѣ ихъ Государей, что ниже собственныхъ своихъ правъ, многими вѣками утвержденныхъ, не пощадили. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ тогда же повелѣлъ сочинить родословную книгу, гдѣ каждый родъ, оказавъ свое начало, о всѣхъ происходящихъ и носящихъ то имя, и тогда естествующихъ, въ росписяхъ показывалъ. Нынѣ же повелѣно снова составить родословную книгу, въ коей писать дворянство той губерніи. Извѣстно же каждому, что почти всѣ роды имѣютъ въ разныхъ губерніяхъ свои деревни, а потому и не можетъ быть общей росписи отъ всего роду: а самое сіе раздѣляетъ роды, которые бы должны быть соединенны; слѣдственно, и не будетъ родословной книги родовъ, но родословная книга колѣнъ. Такъ же нигдѣ не упомянуто, какимъ образомъ подавать сіи родословныя росписи, а токмо даны образцы табели, яко подушной переписи, какъ дворянъ писать; но я сужденіе мое о семъ останавливаю, ибо по тому, что сказано о старшинствѣ родовъ, можетъ быть будутъ даны впредь наставленія. Однако, и изъ сего, что здѣсь написано, истекаетъ, что роды будутъ писаться по разнымъ губерніямъ колѣнами; сіе, раздѣля знатные роды, ихъ унизитъ и подастъ способъ ко многимъ подборамъ; а къ тому же и самыя наши наслѣдства подвергнуты будутъ ко многому злоупотребленію, что совсѣмъ чюжеродцы будутъ послѣ бездѣтно умершихъ наслѣдства требовать. Приложимъ къ сему, что естьли нѣкоторые начнутся писаться по селеніямъ своимъ, какъ въ статьѣ позволено, то и совсѣмъ память однородства затухнетъ, и мало по малу мы и тщетнова удовольствія происходить за многія столѣтія отъ знатныхъ особъ лишимся.

67.

Естьли книга была бы порядочно сдѣлана, и не раздѣлены бы роды были, сіе бы весьма полезно было.

68.

То жъ.

69.

Статья сія подвержена сомнѣнію, ибо сказано: „Буде кто не внесенъ въ дворянскую родословную книгу той губерніи, тотъ не только не принадлежитъ дворянству той губерніи, но да и не пользуется общими преимуществами дворянства той губерніи“. Что такія общія преимущества? Ибо первая часть сихъ называемыхъ правъ названа: **личныя преимущества**, а вторая часть названа: о собраніи дворянъ, установленіи общества дворянскаго въ губерніи и о выгодахъ дворянскаго общества; наконецъ, третья часть содержитъ наставленія для сочиненія дворянской родословной книги въ Намѣстничествѣ; а никоторая не названа общими правами, чрезъ что подвергаются дворяне (хотя ни мало не думаю, чтобы таковая мысль была) лишиться своихъ самыхъ деревень въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они въ книгу не вписаны, потому только, что нѣтъ нигдѣ особливо названія общихъ правъ, а всѣ ихъ, яко ко всему дворянству принадлежащими, можно общими назвать.

70.

Право.

71.

Излишній трудъ; ибо что обнародовано, то уже привилегію составляетъ, естьли сіе можно привилегіей и правомъ назвать.

На часть В.

На 72 и 73.

Обѣ сіи статьи суть токмо для показанія, какъ Уѣзднымъ Предводите-

---

66. «Возобновляемъ повелѣнія блаженныя памяти предковъ Нашихъ, изданныя по уничтоженіи (согласномъ съ прошеніемъ о томъ самихъ Дворянъ) вреднаго Государству мѣстничества, и снова повелѣваемъ, предбудущимъ родамъ на память, во всякой Губерніи составить Дворянскую родословную книгу, въ коей вписать Дворянство той Губерніи...»

67. «Для составленія...родословной книги, Дворянство каждаго уѣзда избираетъ по одному Депутату чрезъ всякіе 3 года по баламъ...»

68. «Въ Дворянскую родословную книгу въ намѣстничествѣ внести имя и прозваніе всякаго Дворянина, въ той Губерніи имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго».

Содержаніе 69 статьи дословно приведено Кн. Щербатовымъ въ его примѣчаніяхъ на эту статью.

70. «Всякой благородный Дворянинъ въ томъ Намѣстничествѣ, гдѣ внесенъ въ родословную Дворянскую книгу, имѣетъ право присутствовать по совершеннолѣтіи при Собраніи Дворянства той Губерніи».

71. «Дворянству каждаго Намѣстничества повелѣваемъ дать жалованную грамоту за Нашимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ Государственной печати, въ которой прописать отъ слова до слова здѣсь выше и ниже сего прописанныя общественныя и личныя дворянскія преимущества».

В. «Наставленіе для сочиненія и продолженія Дворянской родословной книги въ Намѣстничествѣ».

Въ статьѣ 72-ой указываются Уѣздному Предводителю Дворянства правила для составленія алфавитныхъ списковъ «всѣмъ дворянскимъ родамъ въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющимъ», при чемъ о каждомъ лицѣ внесенномъ въ списокъ требуются слѣдующія данныя:

Холостъ или вдовъ или женатъ и на комъ именно; число и имена дѣтей обоего пола; какое кому принадлежитъ недвижимое имущество; въ уѣздѣ ли живетъ или въ отлучкѣ; въ службѣ или въ отставкѣ; какого чина.

Статья 73 содержитъ форму «списка дворянскаго рода, въ уѣздѣ живующаго», вполнѣ соотвѣтствующую указаніямъ предыдущей статьи.

лямъ сочинять списки наличныхъ дворянъ, и можно сказать полицейское учрежденіе, которое къ правамъ дворянъ не касается, какъ токмо поелику можетъ дать свѣдѣніе о числѣ и состояніи наличныхъ дворянъ.

74.

То жъ.

75.

Какъ изъ подушной переписи, только для извѣстія о наличномъ числѣ дворянъ сочиненной, составить родословную книгу? Сія статья знаменуетъ, что либо не хотятъ никакой родословной книги составить и привести дворянство на ногу Турецкую, гдѣ токмо чиновныхъ отцовъ дѣти, углу (оглу) называемые, нѣкоторое преимущество имѣютъ, или есть недописка, тѣмъ наипаче, что и слѣдующее сему противурѣчитъ. //

На 76, 77, 78, 79, 80, 82 и 81 статьи

Общее примѣчаніе.

Сказано въ 76 статьѣ: „Родословная книга раздѣляется на шесть частей". А потомъ въ слѣдующихъ статьяхъ идутъ и объясненія о каждой сихъ частей. Сего ради прежде, нежели приступлю говорить о каждой изъ сихъ частей, занужное почитаю сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія обще на сіе раздѣленіе. Я не буду говорить, что сіе раздѣленіе на разныя степени, не давая никому никакого права, можетъ токмо произвести междоусобіе въ родахъ дворянскихъ, отъ котораго, по малому числу, знатнѣйшіе болѣе потеряютъ, и кажется будетъ прибавленіемъ къ раздѣленію родовъ по Намѣстничествамъ, по 68 и 69 статьямъ, дабы совершенно затушить знатнѣйшіе роды: но приступаю къ самому порядку. Каждая вещь имѣетъ свое начало и конецъ, почему, дабы раздробленныя части положить въ ихъ порядокъ, надлежитъ ихъ по степенямъ раздѣлить. Правда, въ нѣкоторыхъ вещахъ, какъ можетъ быть мыслила Ея Императорское Величество и о дворянствѣ, отъ воли зависитъ, съ которой ни есть стороны порядокъ раздѣленія начать, съ

Въ ст. 74 предписывается Уѣздному Предводителю составленный согласно предыдущимъ указаніямъ списокъ доставить Губернскому Предводителю, у себя же оставить съ него копію.

Въ ст. 75 предписывается Губернскому Предводителю вмѣстѣ съ уѣздными Депутатами Дворянства составить изъ полученныхъ отъ Уѣздныхъ Предводителей Списковъ Дворянскую родословную книгу Губерніи.

Въ ст. 76 указывается о раздѣленіи родословной книги на 6 частей.

Въ слѣдующихъ 6 статьяхъ — 77, 78, 79, 80, 81 и 82-ой даются указанія о томъ, какіе роды вносятся въ каждую изъ 6 частей родословной книги:

«Въ I часть внесутъ роды дѣйствительнаго Дворянства по алфавиту...» (ст. 77).

«Во II часть... роды военнаго Дворянства по алфавиту...» (ст. 78).

«Въ III часть... роды осьмиклассилго Дворянства...» (ст. 79).

«Въ IV часть... всѣ иностранные роды...» (ст. 80).

«Въ V часть... титулами отличенные роды...» (ст. 81).

«Въ VI часть... древніе благородные Дворянскіе роды...» (ст. 82).

Въ объясненіяхъ къ статьямъ 78 и 79 (о II и III частяхъ родословной книги) приводятся соотвѣтствующія мѣста изъ указа Петра Великаго 1721 г. Января 16 и изъ табели о рангахъ 1722 г. Января 24—мѣста, повторенныя Кн. Щербатовымъ въ его примѣчаніяхъ.

нижняго ли краю, яко требуетъ ариѳметической порядокъ, или съ верхняго, какъ во многихъ случаяхъ требуетъ политической, и начала почти съ нижняго, то есть, съ дипломованнаго и столѣтняго; но сей порядокъ ариѳметической къ сему раздѣленію не удобенъ, ибо ариѳметической порядокъ съ единицы начинается для того, что всѣ прочія числа отъ единицы происходятъ; но здѣсь знатнѣйшіе роды, отъ коронованныхъ главъ имѣя свое начало, уже не первобытное единицы представляютъ состояніе, и потому бы яко первые и должны быть поставлены.

Самый сей порядокъ мнѣ столь удивителенъ кажется, что я въ немъ ни начала, ни конца не вижу, и хотя всячески возбраняю себѣ мнить, что таковой порядокъ не съ дальновидностію какою учиненъ, но вещь кажется толь ясно встрѣчается, что никакъ мысли сей разсудкомъ моимъ отвратить не могу; ибо первая часть, которая кажется по порядку нижайшая всѣхъ, должна въ себѣ содержать дворянъ, которые имѣютъ дипломы и которые до ста лѣтъ древности своей считаютъ. Слѣдственно, не говоря уже о вторыхъ, первыхъ дворянство есть утверждено подписаніемъ руки самой Ея Императорскаго Величества, или ея предковъ, то какъ оное можетъ быть ниже того дворянства, которое во вторую часть велѣно писать, которое токмо по чинамъ своимъ офицерскимъ дошло до дворянскаго достоинства, и какъ Монарху толь мало имѣть уваженія о подписаніи руки своея, чтобы выслужившихся по нижнимъ офицерскимъ чинамъ предпочтить таковымъ, которымъ по собственной своей знаемости, или по докладу перваго Правительства, данъ за Монаршимъ подписаніемъ дипломъ и гербъ, и Государственною печатію то утверждено. Таковое положеніе разрушаетъ самодержавную власть и дѣлаетъ Государя ниже подданнаго, которой не дворянина жалуетъ въ офицеры.

Касательно до вторыя и третія книги, о которыхъ, окромѣ что ниже сказано будетъ, ничего въ примѣчаніи предложить не имѣю, ибо они являются мнѣ, сохраняютъ естественный порядокъ.

Но что касается до четвертой книги, то изъясненія оной содержатъ великія недоумѣнія. Велѣно въ оной писать всѣ иностранные роды по алфавиту. То на сіе вопросъ идетъ, что такое иностранные роды? Естьли почитать иностранными родами всѣхъ издревле выѣзжихъ дворянъ, изъ которыхъ многіе семьсотъ или восемьсотъ лѣтъ тому назадъ выѣхали, то сіе кажется несправедливо, что и толь долгое пребываніе въ Россіи не могло ихъ натурализовать Россіянами; ежели почесть ихъ по давности ихъ выѣзду Русскими, то должно ихъ вписать въ шестую книгу, а по порядку въ шестой книгѣ они будутъ выше написаны самихъ Россійскихъ Князей, къ предкамъ коихъ ихъ предки выѣхали, и подданные ихъ были, яко въ примѣръ положу Игнатьевыхъ и Плещеевыхъ, которые выѣхали

изъ Чернигова, а учинятся они выше написаны Черниговскихъ Князей. Хотя правда, что все сіе тщетность, но за чѣмъ же самое историческое правосудіе у людей отнимать? Не менѣе же толкованіе сей статьи есть обидно Князьямъ, выѣхавшимъ въ древнія времена въ Россію, яко Голицынымъ, Куракинымъ и прочимъ, такъ же Царскому роду Грузинскихъ, которые, многіе уже годы пребывъ въ Россіи, могли, кажется, пріобрѣсть право гражданства; но здѣсь они съ простыми, не титулованными дворянами, поставляются, наровнѣ и съ такими Татарскими Князьями, которые въ странѣ своей никакъ титла Княжескаго не имѣли, и которые, по Сенатскому указу, яко не отъ Султановъ происходящіе, не должны бы Князьями называться, а о разсмотрѣніи о сихъ титулахъ Князей Татарскихъ нигдѣ не сказано. Обидно еще и тѣмъ, что въ толкованіи на 81 статью сказано, что получившіе по соизволенію коронованной главы названіе Княжеское, или Графское, должны въ пятую книгу быть вмѣщены. А какъ общее поименованіе коронованной главы не отрѣшаетъ и чужестранныхъ Государей, то чрезъ сіе Князь Потемкинъ и Графъ Безбородько входятъ въ старшую книгу предъ Князьями Голицыными, долгое время пребывающими въ Россіи, имѣвшими честь быть соединены союзами съ нашими Государями, показавшими многія знаменитыя услуги.

Въ пятую часть повелѣно вносить титулами отличные роды по алфавиту,

то есть, тѣ, коимъ присвоено, или наслѣдственно, или по соизволенію коронованной главы, названіе или Княжеское, или Графское, или Баронское, или иное.

Статья сія и съ самымъ ея толкованіемъ ко многимъ сомнѣніямъ подвергнута: 1) Я уже изъяснилъ, что по точному ея смыслу вновь пожалованные преимущество получатъ надъ многіе вѣки пребывающими въ России Княжескими родами; 2) велѣно писать по алфавиту, то съ различеніемъ ли степеней по титуламъ, или каждаго титула особливо? Ежели съ различеніемъ по титуламъ, то бы кажется надлежало сіе для вящшей ясности помянуть; а если безъ различенія по титуламъ, то изъ сего происходитъ, что нѣтъ съ сего времени въ Россіи ни Князей, ни Графовъ, ни Бароновъ, ибо всѣ они смѣшаны; ибо ни старшинства въ постановленіи въ книгу, и ни другихъ преимуществъ не имѣютъ, и Баронъ Черкасовъ равенъ, или и старѣе Графа Шереметева и Князя Щербатова, потому что въ одной книгѣ, да и выше по азбучному порядку, написанъ.

Еще должно къ сему приложить, что такое въ Россіи Бароны. Оно не то, что въ чужихъ краяхъ бывшіе старшіе владѣльцы ленъ или помѣстій, и рожденные судьи государства; но новые дворяне, которыхъ уважая службу, Государи восхотѣли почтить симъ титуломъ, таковы есть Шафировы, Черкасовы, Соловьевы, Фридриксы и тому

подобные, которыхъ происхожденіе и новость въ дворянствѣ довольно извѣстны; то какъ же ихъ сравнить и въ одну книгу написать съ Князьями и Графами, и выше самыхъ такихъ дворянъ, которые не токмо не восхотѣли бы титулъ Баронской принять, но и самой титулъ Графской имъ низокъ казался, яко Борисъ Петровичъ Шереметевъ во всю жизнь свою Графомъ не писался, тоже и Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, а Нарышкины многажды имъ предлагаемый Графской титулъ не приняли, довольствуясь быть знатными дворянами и свойственниками Петра Великаго, а нынѣ они ниже Соловьевыхъ Бароновъ написаны будутъ.

Что касается до шестой части, то объ оной выше уже помянулъ; однако и здѣсь за нужное почитаю прибавить слѣдующее. Въ Россіи находятся многіе, не имѣющіе титуловъ, Княжескіе роды, яко Еропкины, Ржевскіе, Татищевы и другіе, происходящіе отъ Смоленскихъ Князей, какъ родословныя книги, и самые гербы и короны ихъ гербовъ свидѣтельствуютъ. Если сіи роды прямое честолюбіе имѣютъ, то за обиду себѣ почтутъ быть вписаны хотя и въ старшую шестую книгу, разлучася тѣмъ отъ своихъ однородцовъ; если же впишутся въ оную, то чѣмъ они предпочтительнѣе Князей, ихъ однородцовъ? Наконецъ, если Княжескія достоинства или именованія въ Россіи есть, то должны они быть первые изъ благородныхъ; зачѣмъ же ихъ ниже столѣтнихъ поставить? И чѣмъ

Россійскіе Князья провинились, чтобы тако цѣлое общество, состоящее въ 28 родахъ, изъ степени унизить?

Сдѣлавъ общее примѣчаніе на порядокъ сихъ книгъ, возвращаюся паки по статьямъ примѣчанія свои предлагать.

На 77.

Сія статья, окромѣ что выше сказано, примѣчанія не требуетъ.

78.

Во вторую часть Родословной книги повелѣно внести роды военнаго дворянства, а въ толкованіи и сказано: „Военное дворянство не иные суть роды, какъ тѣ, о коихъ въ имянномъ указѣ блаженной и вѣчно достойной памяти Государя Императора Петра Перваго 1721 года, Генваря 16 дня, узаконено сими словами:

„Всѣ Оберъ-Офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные, и ихъ дѣти, и ихъ потомки суть дворяне, и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство“.

Самыя изъясненія Ея Императорскаго Величества въ сей статьѣ требуютъ изъясненія: сказано въ толкованіи: военное дворянство не иные суть роды, какъ тѣ, о коихъ, и пр. Слово коихъ по грамматикѣ есть предлогъ указательный, а потому не простирается далѣе, какъ на тѣхъ, на кого указаніе сіе идетъ.

Указаніе же сіе идетъ на тѣхъ, о коихъ указъ 1721 года, Генваря 16 дня, говоритъ. А въ указѣ семъ сказано: Всѣ Оберъ-Офицеры, которые произошли не изъ дво-

рянства, и пр. Слово: произошли есть въ прошедшемъ времени, а прошедшее не есть будущее, а потому изъ не дворянъ, произшедшихъ въ оберъ-офицерскіе чины, тѣ токмо имѣютъ право требовать дворянскаго достоинства, которые до времени сего указу 1721 года, Генваря 16 числа, были офицерами, а не другіе.

Такой есть грамматическій смыслъ и точное знаменованіе сего закону. Большимъ же своимъ наказомъ Ея Императорское Величество точно запрещаетъ судьямъ инако судить, какъ по точнымъ словамъ закона. Но воззримъ на состояніе Россіи. Великое число неблагородныхъ, послѣ вышеупомянутаго указу, вошли въ офицерскіе чины, и не по закону Петра Великаго, но по злоупотребленію получили право дворянское, поженились на благородныхъ, пріобрѣли себѣ деревни, и по два и по три рода въ неоспоримомъ правѣ дворянскомъ продолжаютъ; то хотя начало сему и есть злоупотребленіе, но можно ли многія тысячи таковыхъ вдругъ несчастными сдѣлать? и не опасно ли сіе самому престолу?

Нѣкоторые, дѣлая насиліе самому грамматическому смыслу, говорятъ, что слово коихъ, въ семъ случаѣ можетъ приняться за каковыхъ; тако указательное дѣлаютъ сравнительнымъ, и потому всѣ сіи, не изъ дворянъ дослужившіеся до офицерскаго чину, должны въ сіе военное дворянство вмѣститься. Но хотя я и самъ того мнѣнія, что стародавное злоупотребленіе, дабы

не сдѣлать множество людей несчастливыми, должно закономъ утвердить; но въ семъ случаѣ я различаю злоупотребленіе отъ преступленія. А именно, дослужившіеся на дѣйствительной военной службѣ до оберъ-офицерскаго чину, и по недоумѣнію закона, а изъ того истекшему злоупотребленію, получа достоинство дворянское, достойны быть въ немъ утверждены. Но тѣ, которые для виду токмо записывались, въ походахъ не бывали, полку не видали, чрезъ нарушеніе должности полковничей или по взяткамъ были произведены въ офицеры—каковые живые многіе примѣры въ самой Москвѣ видимъ, и между протчими одного шляпника, и одного портного, исполняющихъ ихъ ремеслы—могутъ ли они, пріобрѣтши чины сіи не токмо злоупотребленіемъ, но (чрезъ) пріобщенное къ оному и преступленіе, и не лучше ли было бы, осмѣлюся сказать, предписать о таковыхъ правила для изслѣдованія, какъ они службу свою продолжали, на подобіе правилъ, ведущихъ къ полученію орденовъ святаго Георгія и святаго Владиміра, и таковыхъ токмо, яко достойныхъ по службѣ своей, въ дворянскую книгу писать?

На 79.

Смыслъ сей статьи есть тотъ же, какъ и 78, и въ томъ же разумѣ предлогъ указательной коихъ употребленъ, а табель о рангахъ 1722 года, Генваря 24 дня, еще яснѣе; ибо въ ней сказано: „Всѣ служители Россійскіе или чужестранные, которые осми

первыхъ ранговъ находятся или дѣйствительно были“, и пр.; оба сіи изъясненія находятся или дѣйствительно были, тутъ въ настоящемъ и въ прошедшемъ времени, и на будущее не простираются, и потому подобное же злоупотребленіе въ считаніи ихъ дворянами и о нихъ произошло; а какъ случай сихъ совсѣмъ подобенъ случаю статьи 78-й, то и примѣчанія мои на ту статью равно и сюда слѣдуютъ.

На 80, 81 и 82.

Все, что подлежало о сихъ статьяхъ примѣтить, мною уже сказано въ общемъ примѣчаніи на раздѣленіе сей родословной книги.

83.

Справедливо; но узаконенныя ниже доказательства требуютъ примѣчанія.

84.

Справедливо. Но довольно всѣмъ извѣстно, что во многихъ домахъ старыя наши грамоты пропали, а разрядныя книги сожжены, то не служило ли бы для сего, если бы разрядную архиву для выправокъ открыть, и требующимъ повелѣть изъ оной давать справки, какъ сіе и производится въ Герольдіи.

Въ статьѣ 83 возлагается на Губернскихъ Предводителей Дворянства и Дворянскихъ Депутатовъ для внесенія рода въ родословную книгу Губерніи требовать отъ рода «неопровержимыхъ доказательствъ своего благороднаго достоинства».

Ст. 84. «Всякій благородный родъ представить имѣетъ доказательства своего достоинства или въ подлинникѣ или засвидѣтельствованною копіею».

85.

Сказать нечего.

86.

Поборъ, а не болѣе.

87.

Сказать нечего.

88.

Сказать нечего.

89.

Изрядно. Но трудно будетъ Герольдіи соображать по частямъ писанные роды.

90.

Хотя въ самой вещи сіе учрежденіе и хорошо, но какіе могутъ быть

Согласно 85 статьѣ Губернскій Предводитель и Дворянскіе уѣздные Депутаты рѣшаютъ вопросы о томъ, признать ли представленныя доказательства Дворянскаго достоинства достаточными или отложить внесеніе рода въ родословную книгу до представленія новыхъ доказательствъ неопровергаемыхъ—единогласно или большинствомъ двухъ третей голосовъ.

86. «При внесеніи рода въ родословную книгу отдается на волю Дворянскаго Собранія той Губерніи, имѣетъ ли каждый родъ внести и сколько денегъ въ Дворянскую казну, что при каждомъ съѣздѣ единожды Дворянское Собраніе опредѣлить имѣетъ; но не выше 200 рублей».

87 статья предоставляетъ недовольнымъ рѣшеніемъ дѣла въ порядкѣ указанномъ 85 статьею «просить и представить свои доказательства въ Герольдію».

88 статья предписываетъ по составленіи родословной книги въ Губерніи внести ее и прочесть въ Собраніи Дворянства, которому предоставляется требовать сообщенія протоколовъ Губернскаго Предводителя и Дворянскихъ Депутатовъ «дабы Собраніе Дворянства усмотрѣть могло порядочное производство сего дѣла».

89 статья предписываетъ Губернскому Предводителю и Депутатамъ по прочтеніи въ Дворянскомъ Собраніи родословной книги доставить двѣ копіи съ нея въ Губернское Правленіе: одну для архива Губернскаго Правленія, другую для отсылки въ Сенатъ, гдѣ она должна сберегаться въ Герольдіи.

90. «Буде кто впредь получитъ по наслѣдству, или по закладнымъ, или по купчимъ, или пожалованіемъ вотчины или деревни

такіе дворяне, которыхъ бы имена гдѣ не внесены были по сему учрежденію? А если такіе и случатся, то зачѣмъ имъ дана лишняя привилегія передъ другими, что, тогда какъ знатнѣйшіе роды при началѣ должны доказывать свое дворянство, сіи, которые, конечно, не изъ знатнѣйшихъ будутъ, то по одному свидѣтельству нѣкоторыхъ, можетъ статься, подкупленныхъ дворянъ, безъ другихъ доказательствъ внесутся въ дворянскую книгу? Противорѣчіе. Лучше бы, при общемъ поданіи, извѣстные роды освободить, дабы сіе не заняло много времени, нежель по одиначкѣ, послѣ подачи другихъ, требующихъ о вписаніи своемъ, когда и дѣла о дворянствѣ не будетъ.

Доказательства благородства.

На 91.

Сказано: „Обыкновеннымъ милосерднымъ попеченіемъ избираемъ правосудной способъ подать руку помощи“, и пр., а выше сказано, что таковыя до-

казательства „болѣе зависятъ отъ испытанія древности“, то, подая руку помощи къ доказательствамъ дворянства, не надлежало ли открыть и двери древности, дабы каждый оттуда могъ почерпнуть свои доказательства? Я разумѣю симъ Разрядный архивъ, однако о немъ нигдѣ не сказано.

92.

„Доказательствами неопровергаемыми благородства (суть) да будутъ“.

Сіе слово: да будутъ, весьма справедливо здѣсь употреблено, ибо какъ все на деспотичествѣ основано, то словомъ: да будутъ, всякимъ чинамъ доказательство можно дать. Ибо какъ доказательства дворянства суть историческія, то истина историческая, яко прошедшая вещь, ни отъ какой власти не зависитъ, и потому повелѣвать имъ не можно.

Но разсмотримъ порядокъ и существо сихъ доказательствъ.

въ той губерніи: то долженъ при первомъ съѣздѣ Собраніе Дворянства просить о внесеніи его въ родословную книгу; и буде Собранію извѣстно, и сомнѣнія о его благородствѣ не имѣетъ, то безъ справокъ да внесется въ родословную книгу. Буде же вмѣщенъ въ родословной книгѣ которой губерніи, и о томъ грамоту за подписаніемъ Губернскаго Предводителя и Уѣздныхъ Дворянскихъ Депутатовъ и за печатію Дворянскаго Собранія внесетъ въ Собраніе Дворянское, то сіе служитъ ему достаточнымъ доказательствомъ для внесенія въ родословную книгу той Губерніи».

91. «Благородные разумѣются всѣ тѣ, кои или отъ предковъ благородныхъ рождены или Монархами симъ достоинствомъ пожалованы; доказательства же благородства суть многочисленны и болѣе зависятъ отъ испытанія древности, прилежнаго изысканія и разсмотрѣнія доказательствъ, нежели отъ новыхъ предписаній. Различныя начала дворянскихъ родовъ сами за собою затрудненія таковыя въ предписаніи правилъ распространяютъ. Точное правосудіе не дозволяетъ исключить ни единаго доказательства котораго рода инако, какъ тутъ, гдѣ слово закона доказательство таковое опровергаетъ. Въ такомъ нѣжномъ и трудномъ положеніи сего важнаго дѣла обыкновеннымъ милосердымъ попеченіемъ избираемъ правосудный способъ подать руку помощи Нашему вѣрнолюбезному подданному Россійскому благородному Дворянству утвержденіемъ слѣдующихъ доказательствъ благородства, не исключая однакоже и сверхъ того отъискать могущихся справедливыхъ и неоспоримыхъ доказательствъ котораго рода, хотя бы здѣсь и не прописаны были».

92. «Доказательствами неопровергаемыми благородства да будутъ:

1. Дипломы предковъ Нашихъ, или отъ Насъ или прочихъ коронованныхъ Главъ пожалованные на Дворянское достоинство.

1. Дипломы въ первой степени доказательствъ дворянства поставить не можно, а паче въ Россіи, гдѣ недавно ихъ зачали на дворянство давать; но первые Россійскому древнему дворянству доказательства суть лѣтописцы и старинные разряды. Дипломы же должны итти за сими доказательствами.

2. Гербы всегда жаловались съ дипломами, а потому сія статья не иное что, какъ та же, которая о дипломахъ на двое раздѣлена.

3. По грамматическому изъясненію, которое я предложилъ на сочиненіе этой части родословной книги, сіи патенты токмо служатъ для тѣхъ, которые до 1721 и 1722 года пожалованы.

4. Ордены святаго Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, такъ же два высшіе класса орденовъ Георгіевскаго и Владимірскаго, суть такіе, которые точно отъ Государя и по собственному его признанію достоинства раздаются, хотя и въ томъ не можно поручиться, чтобъ всѣ достойные ихъ получали. И тако не могу оспорить противу даннаго сего преимущества симъ орденамъ, хотя они прежде сего не имѣли, и сія милость, кажется, въ право дворянское нейдетъ, гдѣ должно изъяснить ихъ преимущества, а не предписать способы ихъ умножить, тогда какъ уже треть дворянъ и безъ того съ нуждою пропитаніе имѣютъ. Но что-

бы нижніе классы орденовъ Георгіевскаго и Владимірскаго тоже преимущество имѣли, сіе ни къ чему клонится, чтобы самымъ излишнимъ умноженіемъ дворянъ привести ихъ въ такую низкость, чтобъ единые чины дѣлали преимущество, а роды бы ничего, и похваля древнія службы праотцовъ, ихъ всѣ уничтожить. Ордены сіи даются по одобренію начальниковъ, а всѣ ли начальники справедливо одобряютъ? Я слышалъ, не помню о комъ, что одному былъ присланъ орденъ Георгіевской съ прописаніемъ его знатнаго дѣла, но онъ съ трудомъ его принялъ, говоря, что онъ тогда и въ арміи не находился, а другой получилъ, сказываютъ, орденъ за потеряніе пушекъ въ Польшѣ. Владимірской орденъ не лучше же, кажется, раздаваемъ. Третьяковской, укравъ деньги у своего благодѣтеля, и когда дѣло было гласно, орденъ Владимірской получилъ; найду я и другихъ воровъ, о которыхъ сами начальники доносятъ, а однако ордены получаютъ; и потому можно ли дворянину не жалованному, но рожденному, безъ прискорбія видѣть, что воровствомъ и происками сіи равны дѣлаются съ тѣми, которыхъ кровь въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ лилась за отечество? Я болѣе еще скажу, что сіе самое разрушаетъ самодержавство, ибо прилично единому Государю потомству прелагаемое награжденіе чинить, какъ и самъ Петръ Великій въ табели о рангахъ признается. Нынѣ же всякій Генералъ, Пол-

---

2. Жалованные отъ Государей гербы.
3. Патенты на чины, къ коимъ присвоено Дворянское достоинство.
4. Доказательства, что Кавалерскій Россійскій Орденъ особу украшалъ.

ковникъ, или Начальникъ деташемента, Губернаторъ, Предсѣдатель право сіе, долженствующее бы единому Государю, пріобрѣлъ; ибо, по одобренію каждаго изъ нихъ, можно получить какой изъ сихъ орденовъ. Не говорю уже я о злоупотребленіяхъ, которыя отъ сего послѣдуютъ, о которыхъ, кажется, во всемъ семъ сочиненіи ни малаго вниманія не сдѣлано.

5. Доказательство полезное.

6. То жъ.

7. То жъ.

8. То жъ.

9. То жъ.

10. То жъ, поелику они даны дворянину, какъ въ самомъ узаконеніи сказано.

11. То жъ.

12. Весьма недовольное, ибо естьли не почитать Россію варварскою землею, то уже о дѣдѣ и отцѣ, ежели что они службу сходственную съ дворянскимъ названіемъ производили, можно по архивамъ выправиться. Что жъ бы отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь, сіе требуетъ инакова изъясненія: что такое благородная жизнь? а пока не изъяснена, я не понимаю. О свидѣтельствѣ же двѣнадцати извѣстныхъ дворянъ о семъ, первое, что могло бы быть великое злоупотребленіе въ такихъ свидѣтельствахъ; ибо и мнѣ извѣстно, что Князь Урусовъ и другіе благородные о дворянствѣ Полетаева, холопа Князя Долгорукова, подписались; да сверхъ того, какъ сіе сказано, то выходитъ дѣло невозможное, ибо должны они свидѣтельствовать, что отецъ и дѣдъ вели сходственную жизнь съ благороднымъ состояніемъ, и служили въ приличной дворянину службѣ, а думаю, что слышавшій свидѣтель ни по какому закону приняться не можетъ, слѣдственно всѣ сіи двѣнадцатерные свидѣтели должны быть Несторы, жившіе три вѣка человѣческихъ.

14. Потребно еще разсмотрѣть, законно ли владѣли, и не упущеніемъ ли закона сіе владѣніе у нихъ оставалось.

---

5. Доказательства чрезъ жалованныя или похвальныя грамоты.

6. Указы на дачу земель или деревень.

7. Верстанье по дворянской службѣ помѣстьями.

8. Указы или грамоты на пожалованіе изъ помѣстья вотчинами.

9. Указы или грамоты на жалованныя деревни и вотчины, хотя бы оныя и выбыли изъ рода.

10. Указы или Наказы или Грамоты, данныя Дворянину на Посольство, Посланничество или иную посылку.

11. Доказательства о Дворянской службѣ предковъ.

12. Доказательство, что отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь, или состояніе, или службу сходственную съ Дворянскимъ названіемъ, и свидѣтельство о томъ 12-ти человѣкъ благородныхъ, о Дворянствѣ коихъ сомнѣній нѣтъ.

13. Купчія, закладныя, рядныя и духовныя о Дворянскомъ имѣніи.

14. Доказательства, что отецъ и дѣдъ владѣли деревнями.

15. Доказательства поколѣнныя и наслѣдственныя, восходящія сыну отъ отца, дѣда, прадѣда и такъ выше, сколько показать могутъ или пожелаютъ, чтобъ быть внесену въ которую часть родословной книги съ ихъ родомъ».

Въ заключеніи 92-ой статьи помѣщены нѣкоторые Указы прежнихъ Государей (Өеодора Алексѣевича и Петра Великаго), въ которыхъ упоминаются «доказательства о Дворянствѣ», и постановленія о томъ, въ какихъ случаяхъ потомкамъ Дворянъ личныхъ дозволяется «просить Дворянства дѣйствительнаго».

15. Сіе есть самое доказательство, и не послѣднее, но первое бы должно быть.

Таковыя есть мои примѣчанія на сей законъ, называемый право дворянское, которыя я, для собственнаго моего наученія, начерталъ, не ожидая, чтобы когда они могли въ дѣйство произвестися. Если же кто обвинитъ меня дерзостію, то я на сіе отвѣтствую: „Уподленіе духа никогда не дѣлаетъ честныхъ людей, и есть ужасно и безумно требовать, что болѣе мы глупы будемъ, то лутчіе будемъ граждане“. (Questions sur les miracles. Lettre XIII). *).

---

*) Примѣч. редакціи. Collection des lettres sur les miracles, écrites à Genève et à Neufchatel ...Neufchatel 1765.

РАЗНЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

О ПРАВЛЕНІИ *).

1. Вообще о правленіи.

Хотя человѣкъ и снабденъ даромъ разума, чтобы долженствовало всегда его вести на прямой путь, по главностямъ добродѣтели, иже суть изображены въ его сердцѣ, но такъ какъ одаренная разумомъ тварь, могущая принимать разныя изображенія, сіи чуждыя вещи толикое дѣйствіе въ немъ произвели, что нынѣшній человѣкъ не таковъ ужъ, каковъ отъ естества сотворенъ, но таковъ, каково воспитаніе, разныя предосужденіи и изображеніи часто несправедливыя его сочинили, и счастливъ тотъ, кто между сего тернія можетъ разсмотрѣть хорошую траву, которая подавлена суть.

Сіе поврежденіе разума человѣческаго есть причина, что никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не можетъ пребывать безъ нѣкоторыхъ правилъ и законовъ, которые каждаго поступокъ установляютъ, и безъ одного или многихъ опредѣленныхъ персонъ, дабы принуждать оныя исполнять и надзирать надъ исполненіемъ. Сіе сочинило разные роды правленія, монархическое, которое отъ патріаршаго правленія начало свое имѣетъ; деспотическое, иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое, о коихъ можно мнить, что они произведены неудовольствіемъ вельможъ иль всего народа, правленіемъ сихъ деспотовъ, которые по тому, колико они имѣли участіе въ сихъ премѣненіяхъ, болѣе или менѣе участія въ правленіи взяли.

Всѣ сіи правленіи (окромя самовластнаго) имѣютъ ихъ полезности и пороки: часто монархія пременяется въ самовластіе или во ужаснѣйшее мучительство, аристократія весьма утѣсняетъ подлой народъ, демократія производитъ безпорядки и смущенія, которыя иногда и самого государства погибель приключаютъ. И такъ можно сказать, что нѣстъ ничего совершеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ, но понеже совершенство намъ не дано въ удѣлъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, стараться отъ пороковъ избѣжать.

*) Статья эта была напечатана въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» (1860 г. кн. 1-я) вмѣстѣ съ девятью разными сочиненіями кн. М. М. Щербатова изъ домашняго архива его наслѣдницъ, по списку М. П. Заблоцкаго.

2. Правленіе Монаршическое.

Понеже Монаршическое правленіе имѣетъ свое начало отъ правленія патріарховъ, или отцовъ фамилій, тутъ Государь—по избранію ли, иль по праву рожденія, на престолъ бываетъ возведенъ—долженъ не только себя почитать Царемъ народа, которой управляемъ, какъ отцомъ, а они себя его (должны) дѣтьми считать: онъ есть ихъ покровитель, защитникъ, судія и проч. И яко въ правленіи каждаго рода хотя вышняя власть и въ персонѣ единаго отца пребываетъ, однако и тотъ въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣту у старѣйшихъ иль мудрѣйшихъ своихъ дѣтей, то тѣмъ найвяще, понеже въ монаршическомъ правленіи болѣе важныхъ дѣлъ случается, и что когда же надлежитъ сохранить установленные уже законы иль новые установить для благополучія народовъ: не необходимо ли нужно Государю имѣть совѣтъ, сочиненной изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ, людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ щастію государствъ, и отсовѣтовать колико возможно въ вещахъ, предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію.

И тако я считаю за величайшаго и счастливѣйшаго между Монарховъ того, которой, почитая себя отцомъ народа, не старается, отвергая законы, ввести самовластіе, не раздѣляетъ свои интересы съ интересами государства, знаетъ великое искусство избирать себѣ въ совѣтники таковыхъ людей, которые сопрягаютъ усердіе къ ихъ Государю съ любовію къ отечеству и законамъ. Но коль мало есть таковыхъ Монарховъ, которые, имѣя уже вышнюю власть, бывъ склонены честолюбіемъ, разными страстьми, а паче симъ ацкимъ *) чудовищемъ (то есть лестію придворныхъ), не покушаются достигнуть до самовластія! Коль же мало есть и Министровъ, которые бы по слѣпой любви къ Государю, а болѣе для собственной ихъ корысти, не готовы бъ были ему въ томъ помогать, иль бы могли сопротивляться блистанію злата и достоинствъ! Такъ же мало и народовъ, которые бы не хотѣли простерть ихъ привилегіи чрезъ уменьшеніе власти и доходовъ Государя.

3. О аристократическомъ правленіи.

Аристократическое правленіе, по моему мнѣнію, установилось чрезъ нѣкоторыя возмущеніи, сочиненныя главными фамиліями, которыя, видя, что монархія зачала въ самовластіе премѣняться, выдумали другой родъ правленія, сирѣчь, такой, въ которомъ власть ввѣрена нѣкоторому числу людей, отличныхъ ихъ достоинствами и лѣтами. Съ перваго взгляду нѣстъ ничего прекраснѣе главностей сего правленія: тутъ мудрѣйшіе люди сочиняютъ Сенатъ; не по своенравію единаго, но по здравому разсужденію разумнѣйшихъ

*) т. е. адскимъ.

мужей государства дѣла теченіе свое имѣютъ. Учиненные проекты Государемъ, толь подвержены къ премѣненіямъ, наслѣдникомъ его не оставляются, иль и самою премѣной его мыслей, понеже сей Сенатъ есть безсмертенъ и непоколебимъ; тутъ каждой не ожидаетъ награжденій и не страшится наказаній, какъ токмо по мѣрѣ услугъ его государству. Сіи достойные вожди народовъ, трудяся для пользы отечества, сопрягаютъ пользы ихъ родовъ съ пользою республики, которою управляютъ; законы тутъ не премѣняются для пользы иль своенравія единаго: понеже ревность между членовъ Сената производитъ сопротивленіе; лесть, сіе ацкое чудовище, не имѣетъ власти въ такомъ правленіи; команда армій лишь храбрѣйшимъ и искуснѣйшимъ препоручается, а не пронырливѣйшимъ придворнымъ. Юноши, воспитанные въ добродѣтели, желая достигнуть до подобнаго достоинства въ правленіи, побуждены похвальнымъ честолюбіемъ, стараются добродѣтелями и заслугами своими достойными учиниться.

Вотъ вкратцѣ изображеніе съ единой страны сего правленія, которое бы можно почесть совершеннымъ, если бы люди могли укрощать ихъ страсти; но сія толь мудрая форма правленія, какова она, если ее въ тонкость разсмотрѣть? Сіи толь мудрые люди, сочиняющіе Сенатъ, такъ же бываютъ заражены честолюбіемъ и собственною къ себѣ любовію; каждой, хотя и равенъ въ Сенатѣ, однако хотѣлъ бы

властвовать, и чтобы его голосу предпочтительно предъ другими послѣдовали. Сіе раждаетъ происки, партіи, ненависти и другія злы, иже суть не отдѣльны отъ сихъ страстей. Хотя дѣла и рѣшаются по большему числу голосовъ, однако большее число не всегда лучшее бываетъ; хотя проекты и не толь легко примѣняются, но разные происходящіе споры, въ которыхъ каждой хочетъ содержать свое мнѣніе, и чрезъ препятствія, которыя чинитъ, естьли то противу его мнѣнія опредѣлится, толь медлѣютъ (замедляютъ), что часто оные (проекты) въ ничто обращаются. Предпочитая пользы своихъ родовъ интересамъ государства, стараются учинить вѣчными въ ихъ домахъ достоинства и богатствы со исключеніемъ другихъ, и утѣсняя подлой народъ, которой нигдѣ столь не нещасливъ, какъ подъ аристократическимъ правленіемъ. Хотя благіе законы не толь легко премѣняются для прибытку и честолюбія единаго, для самой той же причины вредные, въ которыхъ многіе члены Сената себѣ пользу обрѣтаютъ, и столь легко отвергнуты бываютъ. Коль лесть отъ нижняго къ вышнему въ семъ родѣ правленія не обрѣтается, другой родъ лести, иже есть, дабы возмочь кого привлечь въ свою сторону, между членовъ Сената бываетъ, а первая отъ подлаго народа вельможамъ для пріобрѣтенія ихъ покровительства. Хотя команда армій лишь достойнымъ людямъ поручается, однако, окромя, что сіе правило есть не безъ исключенія, обыкно-

венная тихость въ разсужденіяхъ и исполненіи чинитъ, что часто лишь разсуждаютъ тогда, когда уже дѣйствовать надлежитъ. Юношество, правда, побуждаемо знатнымъ честолюбіемъ, старается своими добродѣтелями и великими дѣлами пріобрѣсти себѣ достоинствы, но весьма часто сіе лишь маска, которую употребляютъ для прикрытія своего неумѣреннаго честолюбія.

Я уже не говорю о сихъ заразахъ правленія аристократическаго, которыя, льстя народъ, усиливаются или дѣлать смущенія, иль достигнуть до мучительства, къ чему рѣдкое республиканское правленіе не подвергнуто; и о маломъ обрѣтающемся послушаніи отъ нижнихъ, когда они находятся подъ покровительствомъ въ родствѣ кому изъ великаго числа управляющихъ республику; ни о неудовольствіи народа, которой, бывъ часъ отъ часу болѣе утѣсняемъ отъ вельможъ, ищетъ случая низвергнуть съ себя иго ихъ, и себя отмстить, хотя съ подверженіемъ произвести междоусобную войну и все государство въ смущеніе и безпорядокъ привести.

4. О демократическомъ, или народномъ правленіи.

Тѣ же причины, которыя подали случаи премѣнить монархію во аристократію, сирѣчь, мучительство государей вельможамъ, были причиною установленія народнаго правленія, то есть, мучительства вельможъ подлому народу. Иногда неравной раздѣлъ земель, яко во Аѳинахъ, иногда утѣсненіе дол-

жникамъ, як овъ Римѣ, иль какія другія причины принудили плебіанъ (дабы употребить обыкновенное именованіе въ Римской республикѣ) принять оружіе и сравняться съ ихъ утѣснителями, какъ въ правѣ разсуждать о дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ правѣ происходить въ достоинствы. Демократическое правленіе съ перваго взгляду является быть сходственнѣйшее съ естественнымъ закономъ; понеже бывъ всѣ рождены отъ единаго отца, не всѣ ли имѣютъ справедливость требовать сію равность состояній, которая (нынѣ) является изгнанною изъ сообществъ? Но, разсмотря сіе съ другой страны, нѣсть ничего непостояннѣе сего правленія; оно снѣдаетъ свои нѣдры, раздѣляяся въ разныя партіи, которыя разные смутные поджигаютъ, яко корабль на волнующемся морѣ— хотя часто искуствомъ кормщика отъ потопленія избѣгаетъ, но чаще еще и погибаетъ иногда и у самой пристани. Понеже, окромя обыкновеннаго пороку медленности, общаго всѣмъ республикамъ, никакое государственное таинство скрываться не можетъ, бывъ сообщаемо всему народу: издержки, весьма нужныя и необходимыя для государства, бываютъ соблюдены для того, что народъ не хочетъ новые наклады на себя наложить; люди справедливаго обычаю и непріятели лести, не токмо презрѣны остаются, но и гоненіе претерпѣваютъ; вмѣсто (того) люди лукавые, пронырливые, которые за правило ихъ поступка, не добродѣтель и справедливость

почитаютъ, но ихъ собственный убытокъ, яко Силла, Цесарь, Августъ, Альцибіадъ, Периклесъ и другіе, суть почтены и любимы. Тщетно несправедливо обвиняемой человѣкъ, надѣясь на свою добродѣтель и справедливость, мнитъ избѣжать отъ казни; довольно ему имѣтъ двухъ смутныхъ непріятелей, дабы осуждену быть, вмѣсто (чего) преступникъ не теряетъ надежды, чтобы съ помощію хорошаго ритора, которой пріятнымъ чарованіемъ своего краснорѣчія умѣетъ разжалобить народъ и затмить законы, быть оправданъ симъ смутнымъ собраніемъ. Любовь народа непостояннѣе его ненависти: они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти казнятъ того, которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ избавителемъ отечества почитаемъ: и часто изгнанной съ безчестіемъ человѣкъ возвращается въ свое отечество при восклицаніяхъ сего самаго народа, которой недавно ему непріятель былъ. Учиненныя заслуги не далѣе въ памяти пребываютъ, какъ толико времени, колико они шумъ производятъ; проходитъ ли нѣсколько времени безъ какого новаго знатнаго дѣла, то заслуги забываются, а часто и наказаны бываютъ.

5. О самовластіи.

Я не знаю, можно ли по справедливости самовластіе именемъ правленія именовать, понеже сіе есть мучительство; въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своенравій деспота (самовладѣтеля). Вмѣсто что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть здѣланъ для государя. Тщетно естество истощитъ свои сокровищи для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными добродѣтельми, въ семъ родѣ правленія однако онъ весьма мало блага народу здѣлаетъ, естьли не испровергнетъ самовластіе: вмѣсто что нещастіе и злоключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюетъ ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не старается, но болѣе имѣетъ въ предметѣ честолюбіе, иль своенравіе государя; сочиняетъ ли благіе законы, народъ не имѣетъ причины радоваться, понеже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть, иль и оставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочетъ. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованіяхъ щастія, но и самую жизнь имѣетъ токмо тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться—навсегда лишенъ величайшаго дара природы, то есть, вольности? Возможетъ ли что ужаснѣе быть, какъ видѣть милліоны людей, сравненныхъ съ скотами, которые работаютъ лишь для единаго, и для его визиря и фаворита, которой, бывъ рожденъ въ неволѣ, достигъ до милости Государя лишь чрезъ мерзкую лесть и подлость—требуетъ, чтобы другіе ему подобное же почтеніе воздавали и дѣ-

лали бы для него то же, что онъ, для сохраненія своего случая, дѣлаетъ? Тщетно человѣкъ, утвержденной въ добродѣтельныхъ склонностяхъ, надѣится достигнуть до нѣкотораго достоинства, понеже всегда льстецы ему пресѣкаютъ дорогу, и недовольно того, что препятствуютъ ему пройзойтить, становятся его изгонителями, по единой токмо той причинѣ, что онъ является своею добродѣтелью ихъ укорять въ ихъ преступленіяхъ. Какое можетъ воинъ награжденіе ожидать за свою храбрость и доброй поступокъ, когда тотъ, кто по государѣ милости разливаетъ, часто не болѣе что, какъ токмо шутъ, а почти всегда человѣкъ воспитанный при Дворѣ и знаетъ войну лишь по наслышкѣ одной? Имѣетъ ли право справедливой судья требовать награжденія за его непристрастное правосудіе, когда разливатель оныхъ не токмо никакого знанія въ правахъ не имѣетъ, но часто насилу и азбуку помнитъ, и имѣетъ нужду, чтобы ему давали для удовлетворенія его сластолюбія и лѣности? Такимъ образомъ, подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежель дѣлать свою должность, судья продаетъ правосудіе для удовольствованія сребролюбія временщика, духовнаго чину человѣкъ безъ твердости, вмѣсто наставленій, лишь панегрики сочиняетъ, торговля ослабѣваетъ, науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ, искать благорастворённѣйшихъ воздуховъ.

6. О правахъ народовъ подъ сими разными правленіями.

Понеже ничто болѣе дѣйствія не имѣетъ надъ правами человѣческими, какъ воспитаніе, и какъ воспитаніе разнствуетъ по разнымъ родамъ правленія, и такъ подъ всякимъ правленіемъ народъ имѣетъ особливые правы, болѣе иль меньше сходственные съ законами государства. Такимъ образомъ въ монархіи люди честолюбивы, во аристократіи горды и тверды, въ демократіи смутнолюбивы и увертчивы, въ самовластномъ же правленіи подлы и низки.

7. О законахъ.

Понеже никакое сообщество не можетъ быть безъ нѣкоторыхъ правилъ или законовъ, то и обрѣтаютъ великое множество законодавцовъ; мало есть монарховъ иль деспотовъ, которые бы не предпріяли законодавцами учиниться; немного есть временщиковъ, сенаторовъ, иль вождей народа, которые бы не предлагали сочинить нѣкоторые законы, мня чрезъ сіе или достигнуть до какого желаемаго ими конца, или учинить безсмертно свое имя чрезъ пользу, которую восчюствуетъ народъ.

Никакая, по моему мнѣнію, слава не сравнительна той славѣ, каковую себѣ пріобрѣтаетъ мудрый законодавецъ, понеже учиненное имъ благодѣяніе народу есть продолжительнѣйшее всѣхъ другихъ, и что оно на каждаго разливается. Но также нѣсть ничего вреднѣе худыхъ законовъ; ибо какъ благіе законы сочи-

няютъ благополучіе всего народа, такъ худые дѣлаютъ его злополучіе. Однако, по большей части таковые законодавцы обрѣтаются, которые имѣютъ великое мнѣніе о самихъ себѣ, и болѣе стараются о собственномъ своемъ прибыткѣ, нежели о благѣ государства, не размышляя сочиняютъ законы, которые сочинятъ нещастіе народа и самаго потомства ихъ.

Дабы сочинить благіе законы, надлежитъ, чтобы тотъ, кто восхочетъ предписывать законы, не токмо бы знающъ былъ въ древнихъ узаконеніяхъ страны, но такъ же бы въ исторіи, дабы не весьма сопротивляться древнимъ, и возмогъ бы предвидѣть (чрезъ взятые примѣры изъ исторіи), какія могутъ слѣдствіи произойтить. Надлежитъ, чтобы онъ зналъ главныя установленіи своей страны, дабы въ нѣкоторыхъ пунктахъ ихъ не опровергнуть; имѣлъ бы знаніе сердца человѣческаго, дабы проникнуть внутрь и искоренить пороки въ самомъ ихъ началѣ; надлежитъ ему знать владычествующую склонность своей націи, дабы предписать жесточайшія наказаніи за преступленіи, къ которымъ она болѣе склонности имѣетъ; надлежитъ, чтобы онъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовалъ предупрежденнымъ мыслямъ народа въ его обычаяхъ, которые ихъ древностію силу законовъ получили, и которые часто не могутъ быть премѣнены, не приключа болѣе вреда, нежель какая польза можетъ отъ того произойтить; наконецъ надлежитъ, что-

бы законодавецъ не высокомысленый человѣкъ былъ, которой безъ дальняго разсмотрѣнія осмѣливается предписывать законы; дабы онъ былъ довольно мудръ, дабы возмогъ сносить учиненные ему споры, и возмогъ бы поправиться; довольно милосердъ, дабы отпустить малые вины и довольно твердъ, дабы предписать строгія наказаніи за великія преступленіи.

Законы должны быть писаны слогомъ краткимъ, внятнымъ, и не двояко знаменующимъ. Но понеже лукавство сердца человѣческаго есть толь велико, что тщетно употребятъ всѣ способы къ написанію законовъ безъ двояко-знаменованія, поврежденные судьи все найдутъ нѣкоторые для утвержденія ихъ неправосудія. И для сего является мнѣ, что сіе бы великой полезности было, есть ли бы высшее судебное мѣсто каждой страны ежегодно велѣло печатать подлинникомъ всѣ дѣла, которыя были въ немъ рѣшены. Понеже положимъ, что нѣкоторые изъ сихъ дѣлъ и по пристрастію бы рѣшены были, но сіе бы самое пристрастіе закономъ не учинилось; а и самые бы двоякознаменующіе законы, но тому, какъ они въ семъ вышнемъ судѣ были употреблены для рѣшенія дѣлъ, двойнаго бы ихъ разума лишились, а подданные бы не опасались по единому закону быть оправданы въ одномъ дѣлѣ, а обвинены въ другомъ. Нижнія же судебныя мѣста, имѣя предъ своими глазами рѣшеніи вышняго суда, не осмѣлились бы отъ оныхъ отдалиться.

Всѣ законы не могутъ быть полезны для всякаго роду правленія; тѣ, которые сочиняютъ благополучіе народа въ монархіи, лишь смущеніе и безпорядокъ въ республикѣ произведутъ; и общимъ образомъ можно ознаменить пристойные законы для всякаго правленія подъ сими главностями, то есть: они милосерды въ монархіи, мучительны подъ самовластіемъ, и строги въ республикахъ.

8. О награжденіяхъ.

Любовь къ отечеству, долженствующая побуждать всѣхъ подданныхъ, колико возможно служить отечеству, въ монархіи, окромя, что каждой, служа своей странѣ, надѣется раздѣлять благоденствіе, есть еще и другая причина побужденія, иже есть даваемые Государемъ награжденіи. И тако каждой имѣетъ тройную причину служить государству, яко сынъ отечества, яко раздѣляющій со другими благоденствіе его, и яко ожидающій отъ государя награжденія самому себѣ. Такой государь, которой не тщится пріобрѣсти самовластія, бывъ яко главный государства, котораго онъ долженъ интересы и казну соблюдать, не преисполняетъ награжденій, понеже рѣдко кто можетъ достоинъ быть сему преисполненію, каковое видно въ самовластныхъ правленіяхъ, гдѣ владѣтель, не имѣя другаго закона, ни другаго интересу, окромя своего своенравія, дѣлаетъ все, что ему вздумается, безъ всякаго дальняго разсужденія, преисполняетъ достоинствами и

богатствомъ единаго человѣка, которой часто не имѣетъ другаго достоинства, какъ токмо что искуснѣе другихъ умѣетъ льстить.

Республики для сохраненія равности между граждан суть еще бережливѣе на награжденіи. А однако, не взирая на всѣ неправосудіи, которые обыкновенно бываютъ въ республиканскихъ правленіяхъ, коими исторія наполнена, никакое другое правленіе намъ не подастъ толь великаго числа знатныхъ примѣровъ любви къ отечеству. Вѣнецъ изъ дубовыхъ вѣтвей, иль изъ дерну, боле возбуждали сихъ великихъ людей все жертвовать за отечество, нежель найвеличайшія достоинствы, и неизчетнѣйшія богатствы не могутъ учинить въ какомъ другомъ правленіи. Разсмотримъ же, откудова сіе происходитъ? Сіе есть, что республиканцы, почитаютъ себя единымъ родомъ, въ которомъ каждой имѣетъ нѣкоторую особливую часть себѣ во удѣлъ, отъ котораго онъ болѣе иль меньше прибытку получитъ, по мѣрѣ добраго состоянія, въ которомъ всѣ другія части будутъ находиться. Равность, иже есть удѣлъ республиканцевъ, чинитъ, что каждой старается, колико ему возможно, пріобрѣсти нѣкоторое почтеніе, а рѣдкость награжденій дѣлаетъ, что ради дубовой, или дерновой короны, иль ради нѣкотораго украшенія дому, иль какой другой подобной вещи, не щадитъ ничего для пріобрѣтенія почтенія отъ своихъ сограждан. И понеже каждой имѣетъ одинаковое право требо-

вать сихъ достоинствъ, то каждой же и чтится, чтобы они не были уподлены неразсуднымъ раздаяніемъ.

Можно вообще сказать о награжденіяхъ, что не меньше надлежитъ имѣть умѣренности давать, какъ наказывать. Справедливое посредство весьма трудно сыскать. Великая скупость въ награжденіяхъ ослабляетъ бодрость, а великая чливость чинитъ, что излишно великими почитаютъ всякія заслуги, и производитъ въ сердцахъ корыстолюбіе. Часто государи, для показанія ихъ щедрости, иль для пріобрѣтенія любви своихъ подданныхъ, чливо милости свои разливаютъ и преисполняютъ награжденіи; что же отъ сего происходитъ? Награжденіи, со излишнимъ расточеніемъ даваемые, теряютъ свою цѣну, бодрость корыстолюбива становится, люди, оказавшіе услуги, вскорѣ въ сластолюбіе впадаютъ, и мня, что имъ всегда должно давать, никогда и ничѣмъ довольны не бываютъ. Казна Государственная истощается, и вмѣсто прибытку, какой бы государство могло получить отъ исполненныхъ достоинства людей, они ему въ тягость становятся. Достоинствы, со излишествомъ умноженые, блистаніе свое теряютъ, такъ что, желая избѣжать отъ неспособностей, которые могутъ воспослѣдовать отъ скупости въ награжденіяхъ, въ вящее и опаснѣйшее зло впадаютъ, тѣмъ болѣе не исцѣльное, что привыкши къ сему расточительному раздаянію, будутъ почитать, яко бы у нихъ отнимали все то, что имъ не дадутъ.

9. О наказаніяхъ.

Хотя во всѣхъ правленіяхъ законодавцы соглашаются наказывать смущающія общество преступленіи, однако едиными въ нѣкоторыхъ странахъ строже наказаны, нежели въ другихъ, по мѣрѣ какъ нація болѣе ли, или меньше, имѣетъ склонности въ иные впадать. Такъ же и родъ правленія дѣйствіе свое производитъ; такъ въ республикахъ, гдѣ разныя партіи часто колеблютъ государство, преступленіи оскорбленія величества не столь строго наказуются *): подъ монархическимъ правленіемъ милосердія государя иногда нѣкоторое ослабленіе дастъ; а понеже самовластіе на страхѣ основано, то и содержится мечемъ и кровію.

Сохрани меня, Боже, похвалить сіи безчеловѣчные законы, которые наказуютъ смертною казнію и самыя малѣйшія преступленіи: понеже надлежитъ имѣть почтеніе къ человѣчеству. Но такъ же я не могу похвалить и сіе неумѣренное послабленіе, которое прощаетъ и даруетъ жизнь всякимъ преступникамъ; отцеубіецъ, разбойникъ, смертоубіецъ, обагренной кровію своихъ братьевъ, достоинъ ли какого милосердія? Иль лучше сказать, учиненное милосердіе съ таковымъ чудовищемъ не возбуждаетъ ли другихъ въ таковые же преступленіи впадать? и сей самой человѣкъ, единожды поймавной

*) Чрезъ что стараются не привести оныхъ въ отчаяніе, дабы, желая малое зло наказать, вящее бы не произвести.

въ сихъ преступленіяхъ, есть ли простится, и опять въ нихъ впадетъ, то учиненное съ таковымъ виновнымъ милосердіе не злость ли для невинныхъ? И такъ мнѣ является, что государь, которой, себя обманывая симъ милосердіемъ, освобождаетъ подобныхъ разбойниковъ, чинитъ себя виновна въ смерти всѣхъ тѣхъ, которыхъ сіи освобожденные разбойники умерщвляютъ.

Мечь правосудія не меньше нуженъ для укрощенія мздоимства судей, которыхъ я почитаю, яко разбойниковъ, тѣмъ болѣе опаснѣйшихъ, что труднѣе избѣжать отъ ихъ рукъ, и что они разбои и грабительствы свои среди градовъ и въ священныхъ мѣстахъ чинятъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ ВООБЩЕ *).

Страсть или побужденіе государей и протчихъ правителей государствъ увѣнчить свое имя разными законами—въ видѣ-ли, чтобъ разлить благодѣяніе свое на многіе роды человѣческіе и сдѣлать благословенно и прославленно имя свое на многіе вѣки, или самолюбіемъ побужденны желаютъ сего рода славу, яко наиболѣе пребывающую, себѣ пріобрѣсти, — есть почти общая. Не вхожу я въ таковыя внутреннія расположенія сердецъ человѣческихъ и охотно желаю къ единымъ добрымъ намѣреніямъ и къ склонности хорошо расположенной души приписать желанія новыми законами облагодѣтельствовать народъ.

По вышеписанному довольно видно, что колико есть государей, колико есть вельможъ, колико есть правителей республикъ, колико есть участвующихъ въ сихъ правительствахъ, и даже философы, болѣе упражненные въ своихъ кабинетахъ, нежели извѣстные о гражданскихъ обращеніяхъ, всѣ желаютъ законодателями быть, или къ законодательству споспѣшествовать. Но многіе-ли вникли въ тѣ обстоятельства, которыя должны быть основаніемъ законовъ? взяли-ли весь надлежащій трудъ сообразить политическіе и гражданскіе законы съ божественными и съ естественными? Разсмотрѣли-ли умоначертаніе народное и расположеніе страны? вникнули-ль въ пребывающіе законы, и съ какими намѣреніями они были содѣланы, и въ самые обычаи? и мудро умѣютъ-ли соединить пользы народныя съ пользою государевою и государства?

Всѣ сіи суть такія обстоятельства, которыя многотрудной работы и многаго времени требуютъ. Государь и вельможа, бывъ заняты другими текущими дѣлами, не могутъ на всѣ сіи пространныя обстоятельствы довольнаго вниманія дать, а и самыя собранія часто ко многимъ страстямъ подвержены, отъ чего и происходитъ, что многажды законы обнародуются непонятные (самимъ) судьямъ, неудобоисполнительные, противуборственные другимъ, которые пребываютъ, и отяготительные, а отъ сего иль въ неисполненіи остаются, или подаютъ способъ судьямъ по изволенію своему въ сужденіи дѣлъ ихъ прилагать, или отягощаютъ и въ ропотъ народъ приводятъ; и не благомъ или доброй славою, но несчастіями народными увѣнчаютъ (такіе закомы) имя дерзкихъ законодателей, которые, забывъ, что должны предъ Богомъ и о малѣйшемъ содѣланномъ ими злѣ строгой отчетъ дать, и, упоясь самолюбіемъ и лестію окружающихъ ихъ, мнятъ единые возмочь обнять сію необъемлемую разумомъ единаго человѣка пространность, единые (т. е. безъ помощи другихъ) законы сочиняютъ, предаютъ имя свое въ посмѣяніе, а народъ въ несчастіе ввергаютъ.

Я нѣсмь законодатель, не льщу себя имѣть таковыя удобности, но есмь простой гражданинъ, чувствующій и раздѣляющій народную тягость, прилежавшій къ познанію законовъ моего отечества и по собственнымъ моимъ дѣламъ, равно и по употребленію, гдѣ я имѣлъ честь быть по благости монаршей, имѣлъ случай нѣсколько понять о законодательствѣ моего отечества; желаю, яко жертвою душевною, добраго гражданина мысли, какія мнѣ встрѣтились, начертать—не для того чтобы видѣли онѣ свѣтъ, но чтобъ, по крайней мѣрѣ, дѣти мои со временемъ узнали о мысляхъ ихъ отца, исправили-бы мои заблужденія и послѣдовали бы тому, что полезное для отечества найдутъ; а общимъ бы образомъ научились тому рвенію и усердію, которое меня ежечасно къ службѣ отечества моего побуждаетъ, кое влагаетъ новый жаръ въ охладѣвшую мою кровь и ослабѣвшее болѣзнями тѣло мое возбуждаетъ.

Сего ради раздѣляю трудъ свой на слѣдующія части: 1-е, какъ должно сочинять законы; 2-е, что они должны быть сходны съ Божественными и съ естественными; 3-е, что въ нихъ должно наблюдать въ разсужденіи политическаго состоянія государствъ; 4-е, различить въ нихъ состоянія людскія; 5-е, чтобъ были не противорѣчительны и просты; 6-е, предохранить безопасность личную и имѣній; 7-е, ничего не налагать, что весьма отяготительно или неудобъисполняемо быть можетъ; 8-е, упредить злоупотребленія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ должно сочинять законы.

Выше я уже нѣсколько помянулъ, коль неудобно есть единому сочинять законы; я болѣе здѣсь осмѣлюсь утвердить, что не токмо государь, не могущій собственной своей особой вникнуть во всѣ нужды и обстоятельства всѣхъ состояній своихъ подданныхъ; не могущій войтить и познать всѣ подробности, каковыя въ судебныхъ обрядахъ случаются и могутъ многимъ злоупотребленіямъ причиною быть; не могущій за теченіемъ множества важныхъ другихъ дѣлъ, требующихъ его вниманія, имѣть довольно времени для размышленія и соображенія не токмо о всѣхъ обстоятельствахъ, потребныхъ къ сочиненію какого законодательства, но и о самомъ слогѣ, дабы онъ толь простъ и ясенъ былъ, чтобы всякому законъ былъ вразумителенъ; къ тому же льстецы, окружающіе государя, не осмѣлятся въ сочиненномъ имъ самимъ законѣ противурѣчить, но, воздѣвая руки на небо и

*) Печатается по рукописи Имп. Публ. Библіот. (бывшей Эрмитажной № 66).

проливая фальшивыя слезы, прогласятъ: „божественно“, „премудро“, „преполезно“, прельстятъ добрыя мысли государевы, — законъ обнародуется, несходственный ни съ Божіими, ни съ естественными законами, ни съ физическимъ, ни съ политическимъ положеніемъ государства, противурѣчителенъ другимъ законамъ пребывающимъ, не дописанъ въ содержаніи своемъ и не понятенъ въ слогѣ; народъ восплачетъ, добрый судья затрудится, злой найдетъ причины къ злоупотребленію, а государь обезславится.

Ниже приватный человѣкъ, могущій знать болѣе обстоятельства разныхъ чиновъ государства, имѣетъ болѣе времени къ соображенію всѣхъ нужныхъ обстоятельствъ къ сочиненію законовъ, и можетъ найтить болѣе людей, которые бы ему истину сказали и остерегли-бъ его въ его заблужденіяхъ. Но какъ всякой человѣкъ подверженъ слабостямъ, то коль сіи ни суть сильныя подкрѣпленія добраго намѣренія, разуму и трудолюбію, еще могутъ быть затмены нѣкоими пристрастіями, несвѣдѣніями, предубѣжденіями, самолюбіемъ и ошибками; и потому можетъ либо почему впасть въ заблужденіе, либо отвергнуть добрые совѣты, либо принять, по какимъ нибудь изъ вышеписанныхъ причинъ, худые; ибо бывъ единъ сочинитель закона, единъ сочиняется и судьею всего того; а поелику есть человѣкъ, то не можетъ быть не подверженъ и къ ошибкамъ человѣческимъ. Слѣдственно, и приватный человѣкъ, коликія бы достоинства

и способности ни имѣлъ, не можетъ съ благомудріемъ быть опредѣленъ единый для сочиненія законовъ.

Сочиненіе законовъ какимъ обществомъ есть, конечно, лучшее средство, нежели сочинять кому единому, ибо многіе люди, бывъ собраны вмѣстѣ, познаніями своими другъ другу помогаютъ, удобнѣе могутъ учинить всѣ соображенія, нужныя къ составленію закона, страсти тутъ противуборствуютъ, и самые споры объясняютъ причину. Но съ другой стороны, мы видимъ, что во всякомъ собраніи кто единый по какимъ ни есть причинамъ — по разуму-ль, по краснорѣчію-ль, или по могуществу, — нѣкоторое превышеніе имѣетъ, такъ что мнѣнію его предпочтительно другихъ слѣдуютъ, и тако изъ множества становится единъ; или, какъ случается, самолюбіе заставляетъ многихъ противную истинѣ сторону содержать, наполняя предложенія свои пышнымъ велерѣчіемъ и софистическими доводами, многихъ на свою сторону преклоняютъ, или безполезными спорами продолжаютъ напрасно время. Я болѣе скажу, что въ разсужденіи пространства моего отечества, едвали не въ весьма многочисленномъ собраніи, можно найтить довольно людей, которые бы всѣ обстоятельствы сей имперіи знали; а чтобы учинить многочисленное собраніе, то можно-ль найтить способныхъ и снабженныхъ нужными качествами довольно особъ?

Бывшее собраніе, можно сказать, чиновъ государственныхъ въ Россіи въ

1767 году и въ слѣдующіе ясно показало, колико многочисленное собраніе можетъ не удобно быть къ сочиненію благихъ законовъ: тамъ нѣкоторые казаки и крестьяне предложеніями своими почти и воздухъ дышущій у дворянъ и купцовъ хотѣли отнять; тамъ купцы старались распространить свои правы съ ущербомъ правъ дворянъ и земледѣльцовъ; дворяне хотя и умѣрены были, ибо въ два года пребыванія сей комиссіи почти токмо о общихъ правахъ говорено было, но и тѣ однако нѣкоторую захватчивость надъ правами другихъ оказали. Толь есть трудно въ дѣлѣ, гдѣ касается до блаженства самого и потомства, нужную умѣренность сохранить. Однако не охуляю я сіе собраніе, а напротивъ того, думаю, что если-бы оно долѣ продолжилось, то-бы познаніе всеобщихъ государственныхъ пользъ во всѣ чины Имперіи проникло; ибо подаваніе голосовъ, по большей части вздорныхъ, къ законодательству не служило, а было-бы оно исполняемо особливыми комиссіями, и послужили-бы сіи голоса къ познанію умоначертанія народнаго и ко вложенію духа твердости въ сердца гражданскія. Но важное въ сей комиссіи было то, что всякое состояніе людей всякаго уѣзду, чрезъ свои наказы ихъ депутатамъ, объясняло свои нужды, а губернаторы объясняли состояніе ихъ губерній; и хотя, истину сказать, самые сіи наказы наполнены были тѣми-же предубѣжденіями, каковыя въ голосахъ у

депутатовъ являлись, но сія была грязь, изъ которой можно было много золота получить: ибо среди самаго непросвѣщенія, пристрастія и, можно сказать, безумія каждый однако не оставлялъ объяснить, что ему тягостно быть казалося; присутственныя же мѣста въ своихъ наказахъ изъяснили, что темно, что неудобоисполнительно, и что недостаточно въ законахъ находятъ, каждое по препорученнымъ ему дѣламъ; а сего и довольно для заготовленія вещей къ сочиненію законовъ, ибо по всѣмъ вышеписаннымъ причинамъ не могу я никакъ мнить, чтобы толь многочисленное собраніе удобно было ихъ сочинить.

Да и не сочиняло оно, а сіе было препоручено частнымъ комиссіямъ, и счастливо-бы то было, если бы во всѣхъ оныхъ довольно знающіе люди обрѣтались. Но великое число комиссій и раздѣленіе причинъ учинило (то), что ни довольнаго числа знающихъ людей въ нихъ не было, ниже каждая работа о единой части вмѣщала въ кругъ обозрѣнія своего всѣ части государственныя; отчего и малое число сочиненій, вышедшихъ изъ сихъ комиссій, имѣли многіе недостатки. Правда, что Дирекціонная Комиссія имѣла должность все сіе соображать съ общимъ положеніемъ государства, но если бы она должна была прочесть всѣ документы и выписки всѣхъ наказовъ, то бы работа ея толь же была трудна, какъ бы и самой законы сочинять. Если бы токмо разсматривала она одни сочиненные ко-

миссіями законы, то-бъ, за несвѣдѣніемъ, можетъ быть, и малыхъ подробностей въ государствѣ могла во многія ошибки впасть.

Еще я похвальное нахожу въ сей комиссіи, что была опредѣлена особливая комиссія, наблюдающая чистоту и ясность слога и предостерегающая всякія противурѣчія въ законахъ. Комиссія сія Экспедиціонной называлась, но и та, бывъ сочинена изъ избранныхъ людей въ знаніи Славяно-Россійскаго языка, подавала причину къ сомнѣнію, что, ввергаясь въ великую чистоту и велерѣчіе, не учинила-бы законы непонятны простымъ людямъ. Ибо оные не ради ученыхъ людей дѣлаются, но ради простыхъ, чтобы они ихъ разумѣли; и въ семъ случаѣ кажется должно снисходить на простоту тѣхъ и лучше отдалиться отъ грамматики, нежели непонятный простымъ людямъ законъ написать. Я ниже помяну, какимъ образомъ обѣ сіи крайности, по мнѣнію моему, удобно есть соединить.

Я съ нѣкоторою пространностію помянулъ о семъ наиторжественнѣйшемъ бывшемъ собраніи въ Россіи для сочиненія законовъ, умолчу же о тѣхъ, кои самодержавною властію были собраны, и гдѣ вельможи по превышенію своея силы и по своему единому хотѣнію направляли путь законодательства. Но не могу я умолчать о пребывающемъ законѣ и обрядѣ, установленномъ Петромъ Великимъ для наполненія нѣкоихъ недостатковъ законовъ. Сіе есть: ежели самъ-ли сенатъ, или какое пра-

вительство представитъ сенату о какомъ недостаткѣ въ законахъ, тогда сенатъ собираетъ коллегіи, съ ними обще разсуждая, положитъ свое мнѣніе и докладываетъ государю.

Какимъ же образомъ сіе исполнялось?

Сенатъ, нашедши нужду въ пополненіи закона, собиралъ членовъ коллегіи и учиненною для сего выпискою объявлялъ имъ, какой находится недостатокъ въ законѣ; требуя тогда же мнѣнія отъ каждаго особо, или отъ каждой коллегіи, давая имъ весьма краткое время для написанія онаго. Коликія неудобности въ семъ обрядѣ находятся, всякому благоразумному человѣку, мню, сіе ощутительно, и что въ семъ случаѣ болѣе одинъ обрядъ сохранялся, а не истинное было желаніе какое благое законодательство учинить: ибо единожды или дважды прочтенная выписка нѣсть довольное объясненіе, дабы каждый со всѣми обстоятельствами и съ чистою совѣстію, равно какъ и съ прилежнымъ разсмотрѣніемъ о вещи, служащей на настоящее и будущее времена и могущей быть полезной или вредной на многіе вѣки, въ разсужденіи жизни, или чести, или имѣній гражданскихъ, могъ беззазорно предъ совѣстію своею мнѣніе свое дать; да и краткое время, даваемое отъ сената, не позволяло людямъ вникнуть во всѣ подробности, каковыхъ сія важная причина требуетъ.

И тако, оставалось, что въ разсужденіи собраній коллегій былъ сохраняемъ

только одинъ обрядъ, а сочинялъ законъ сенатъ, а въ сенатѣ генералъ-прокуроръ съ оберъ-секретаремъ. Изъ чего и выходило, что не общая польза тутъ въ виду бывала, но самовластныя хотѣнія сихъ сочинителей или пристрастіе ихъ. Примѣры сему многіе можно представить: яко, между прочимъ, указъ 1754 году о бѣглыхъ крестьянахъ, который былъ сочиненъ по произкамъ графа Петра Ивановича Шувалова для удержанія за нимъ находящихся множества бѣглыхъ крестьянъ на данныхъ ему предъ тѣмъ Гороблагодатскихъ заводахъ. Но сей указъ, хотя не общая польза была причиною къ сочиненію его, но пристрастіе и собственный прибытокъ, однако, препятствуя подборамъ, полезенъ государству есть; но указъ, по представленію его же, графа Шувалова, сочиненный, о позволеніи женамъ независимо отъ мужей продавать и укрѣплять свои имѣнія, указъ, сочиненный для покупки имъ самимъ деревни Аксиньи Александровны Головиной, указъ, разрушающій всѣ божественныя и гражданскія правы, подчиняющія женъ подъ правленіе мужьямъ своимъ, приключилъ дѣйствительный поводъ къ разврату нравовъ въ государствѣ.

Петръ Великій, яко премудрый государь, еще въ жизни своей усмотрѣлъ неудобность собственнаго своего учрежденія, тогда же усмотрѣлъ онъ и то, что нѣсть на свѣтѣ законовъ, которые бы отъ времени до времени не требовали нѣкоего направленія иль перемѣны; сего ради въ запискахъ своихъ для

памяти, между прочимъ, написалъ тако: „О коллегіи такой, которая-бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, отставить, вновь сдѣлать, наченше отъ порядковъ прибыли, даже до чистоты и украшеній во всемъ государствѣ“. Конечно-бы сія коллегія, если-бы она на хорошихъ основаніяхъ и съ добрыми предписаніями была учреждена, могла во многомъ поправить законъ и знатную пользу государству сдѣлать; и было-бы сіе мѣсто, безпрестанно бдящее о порядкѣ государственномъ.

До сего мѣста я говорилъ токмо о способахъ, какіе были учинены, и какіе предпринимались для законодательства отечеству моему. Сказалъ я, что ни государь одинъ, ни вельможа одинъ, ни приватный человѣкъ, пышностію, честолюбіемъ и сладострастіемъ увлекаемый, не затушивши чувствія свои, коликими-бы просвѣщеніями одарены ни были, не удобны суть къ сочиненію всенароднаго законодательства; что страсти, колеблющія людей, малыя собранія, чинимыя для законодательства, также неспособны къ оному чинять; что большія собранія наполнены суть смутностію, невѣжествомъ и пристрастіями; и что, наконецъ, законодательство не можетъ быть раздробительно сочиняемо, ибо какъ всѣ законы должны клониться къ единому средоточію, то есть къ общему благу, то въ раздробленіи сочиненія по частямъ закона едвали и двое раздѣльно работающіе могутъ точно узрить прямое мѣсто сего средоточія.

Но какъ же можно приступить къ

сему сочиненію законодательства? И се есть причина, о которой теперя приступаю говорить. Надлежитъ, по мнѣнію моему, чтобъ законы сочинялись немногими честными (людьми), разумными, исполненными свѣдѣнія, трудолюбивыми и искусившимися въ дѣлахъ и, наконецъ, равными силою и кредитомъ при дворѣ людьми; и чтобъ цѣлое государство снабжевало вещами къ сочиненію законовъ, и каждый бы гражданинъ, по силѣ и могуществу своему, могъ полезный совѣтъ дать: ибо всѣ подъ закономъ должны жить, всѣ и участіе въ немъ должны имѣть.

Но какъ сіе исполнить? Я думаю, что лучшій способъ законодательство въ дѣйство произвести сочиненіемъ комиссіи, раздѣленной на четыре разные департаменты, и чтобъ каждый не изъ парнаго числа людей составленъ былъ. Первый департаментъ будетъ имѣть должность выслушивать выписки законовъ, наказовъ и разныхъ представленій отъ губернаторовъ и сочинять изо всего сего выписки и представить сіе второму департаменту.

Начальное вступленіе сей комиссіи въ ея важное дѣло должно быть составленіе вторымъ департаментомъ системы законовъ и плану, росписаннаго по главамъ, которые должны быть обнародованы съ прошеніемъ каждому гражданину, дабы, если что къ лучшему усмотритъ, мнѣнія свои присылалъ въ третій департаментъ съ прописаніемъ ли имени своего, или безъ имени, со увѣреніемъ, что если чье мнѣніе при-

мется, того имя, яко спомоществующаго законодательству, при законѣ вписано будетъ, и для удобнѣйшей пересылки сихъ мнѣній да освободятся оныя отъ всякаго платежа на почтѣ. Третій же департаментъ, пріемля оныя, сочиняетъ по вышеписанной выпискѣ, а дабы мнѣніями сими упоздать время не могло, то можно назначить срокъ полъ года или годъ для полученія оныхъ.

Второй департаментъ не теряетъ времени во ожиданіи сихъ мнѣній, но немедленно приступаетъ къ подробному плану по статьямъ главы, которой, сочиня, не обнародуя, отдаетъ въ другіе департаменты, дабы первый изготовилъ по статьямъ выписку, имѣя уже готовый планъ—по чему сію выписку дѣлать. Когда мнѣнія на планъ соберутся, и когда выписка изъ законовъ поспѣетъ, тогда, сочиня главу, подобнымъ же образомъ и съ подобнымъ же срокомъ обнародуется отъ втораго департамента, наблюдая, чтобъ ни одной статьи въ законодательство не вносить, не учиня на оную особливаго опредѣленія съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ причинъ, побудившихъ къ сочиненію оной тако, и оную, какъ о планѣ сказано, также обнародуетъ, продолжая далѣе трудъ свой. Когда же по окончаніи и обнародованіи какой главы примѣчанія и мнѣнія на нее соберутся, и выписки сдѣлаются на какую часть, тогда взносится все сіе въ четвертый департаментъ, который, соображая законы и мнѣнія, переправливая ту часть, почитаетъ уже ее оконченной, сочиняя по-

добныя же опредѣленія на всѣ переправки и дополненія, однако писавъ и въ ономъ своемъ сочиненіи, какое было положеніе втораго департамента, дабы то вышнее правительство, гдѣ учинено будетъ послѣднее разсмотрѣніе такому законодательству, могло видѣть, какія разныя положенія были учинены.

Я думаю, что каждому ощутительно, что такое учрежденіе для составленія законовъ есть наилучшее, ибо, первое, не можетъ въ немъ быть несвѣдѣнія древнихъ законовъ, потому что первый департаментъ особливо къ тому опредѣляется, чтобъ выписки изъ оныхъ дѣлать; второе, не можетъ тутъ быть несвѣдѣнія государственныхъ нуждъ, ни противурѣчія, ни темноты и неудобности во исполненіи, понеже не одинъ или не малое общество въ семъ будутъ трудиться, но цѣлаго государства граждане будутъ подавать свои совѣты и дѣлать примѣчанія, которыя—третіе—не тѣми будутъ разсматриваемы, кто первое узаконеніе сочинялъ, и кои бы по свойственному самолюбію каждому человѣку могли тѣ примѣчанія отринуть, но другими, то есть четвертымъ департаментомъ; а самое сіе—четвертое—дабы избѣжать себѣ отъ охуленія побудитъ второй департаментъ болѣе съ прилежностію трудиться; а наконецъ, пятое, четвертый департаментъ, зная, что его трудъ еще къ разсмотрѣнію вышняго правительства подвергнутъ, гдѣ и мнѣнія его со мнѣніемъ втораго департамента суждены будутъ, безпристрастіемъ, полезностію и ясностію законовъ будетъ

стараться себя отличить. Шестое: тако сочиненіе законовъ, преходя изъ рукъ въ руки, не можетъ, чтобъ кто дальновидное какое пристрастное и для себя положеніе учинилъ; но корыстолюбіе и захватчивость уступятъ мѣсто общей пользѣ, жестокость милосердіемъ смягчится, а слабость, побуждена ненавистью противу преступленій, въ твердость и строгость обратится; и седмое: а понеже каждый гражданинъ не лишенъ былъ драгоцѣннаго права спомоществовать своими совѣтами къ тому законодательству, подъ коимъ онъ и чады его жить должны, возлюбитъ онъ его яко труды рукъ своихъ, и не токмо блаженствомъ, которое мнитъ отъ него себѣ получить, и опасностію за преступленіе наказанъ быть, но и яко отчасти къ дѣянію своему прилѣпится и будетъ точно наблюдатель онаго.

Мнѣ остается еще нѣчто сказать о обнародованіи и о слогѣ законовъ, дабы придать всю ясность, каковую требуютъ законы, и отвратить судей дѣлать свои мудрствованія и различнымъ образомъ толковать. Кажется мнѣ, что при обнародованіи книги законовъ надлежитъ обнародовать выписку изъ тѣхъ опредѣленій, которыя были сочиняемы при постановленіи каждыя статьи, гдѣ и причины такого постановленія означены суть. Мнѣ помнится, что во время сочиненія нѣкоторой части законовъ во Франціи, въ царствованіе Людвика XIV, таковые протоколы были сочинены и обнародованы и законоучителями за весьма полезный и изящный трудъ почитаются.

Законы должны быть писаны слогомъ простымъ, но чистымъ, дабы всякому могли понятны быть; слова въ нихъ должны быть употреблены хотя избранныя, но не изыскуемыя и не двоезначущія, а ежели нужда когда случится какое таковое слово употребить, то разумъ его долженъ въ примѣчаніи утвердиться. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что Россійской языкъ еще не утвержденъ и ни одного толковаго словаря не имѣетъ. Болѣе-жъ сего, назначенная къ сочиненію законовъ комиссія можетъ усмотрѣть изъ присылаемыхъ примѣчаній, которыя статьи не въ томъ разумѣ понимаются, въ которомъ онѣ написаны, и для таковыхъ, подобно какъ родители снисходятъ на слабость малолѣтныхъ своихъ чадъ, надлежитъ тѣ статьи въ примѣчаніяхъ еще болѣе объяснить. Наконецъ, какъ выше я сказалъ, ежели чье мнѣніе примется и вмѣстится въ узаконеніе, имя того противъ той строки написано должно быть, какого бы онъ состоянія и званія ни былъ: да не оставится ни чей подвигъ усердія къ отечеству безъ возмездія, и да будетъ сіе первой знакъ правосудія, иже есть начальное основаніе законовъ.

Можетъ быть, нѣкоторые, любящіе болѣе скорыя, нежели твердыя дѣянія, скажутъ, что способъ мой къ сочиненію законовъ есть весьма продолжителенъ. Сему я и не спорю, но можно ли тутъ считать длинными и десять лѣтъ времени, когда устроиваешь то, что на многія столѣтія содѣлываетъ счастіе многихъ милліоновъ людей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Что законы должны быть сходны съ Божественными и естественными узаконеніями.

Вмѣщенное въ священное писаніе ученіе подъ именемъ премудрости Іисуса сына Сирахова намъ гласитъ: „Начало премудрости—страхъ Господень“. Не должны мы отъ сихъ священныхъ и внутреннимъ чувствованіемъ сердецъ нашихъ утвержденныхъ словъ въ важномъ дѣлѣ законодательства удаляться. И въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ, то найдемъ, что самые лучшіе законы управляютъ единую токмо внѣшность, страхъ-же Божій управляетъ нашу самую внутренность и не токмо отвращаетъ насъ отъ содѣланія какихъ сокрытыхъ и не могущихъ увѣданными быть преступленій, надъ коими законы человѣческіе власти не имѣютъ, но и отъ самыхъ помышленій содѣлать ихъ развращающагося съ пути истины на путь правды направляетъ; утверждаетъ безопасность власти и связь общества святостію присяги. А по сему, желая законы гражданскіе установить, не можно лучшаго основанія имъ положить, какъ страхъ Божій и почтеніе къ Божественному закону.

Но впечатлѣвается-ли сіе почтеніе, когда гражданской законъ будетъ противуборствовать закону Божественному? И какое есть состояніе гражданина, когда по имени своему христіанина обязался быть вѣренъ закону Господню, а по присягѣ своей государству обязуется ему противуборствовать? Исполняется-ли должность христіанина, когда кто преступаетъ именемъ-же Божіимъ учиненную имъ клятву? Исполняетъ долгъ гражданина,—отступаетъ отъ того, что долженъ, поелику есть христіанинъ. И тако единый законъ другой разрушаетъ, оба приходятъ въ презрѣніе, святость присяги за ничто почитается, вѣрность къ отечеству и государю исчезаетъ, и нравы повреждаются.

Дабы показать примѣры такихъ узаконеній, я токмо о двухъ упомяну, разрушающія два священнѣйшія таинства нашего закона: покаянія и брака.

Есть у насъ узаконеніе повелѣвающее священнику, если увѣдаетъ на исповѣди какое злоумышленіе противу государя или государства, не взирая на священнѣйшую его должность хранить тайну покаянія, учиниться предателемъ и доносчикомъ на кающагося.

Се есть законъ очевидно противуборствующій закону Божію и разрушающій священнѣйшее таинство нашія вѣры. Но сего не довольно: разсмотримъ, полезенъ-ли онъ и предупреждаетъ-ли онъ всякія злоумышленія противу государя и государства. И тако: 1) каждый, хотя малымъ разсудкомъ одаренный, человѣкъ легко пойметъ, что предпріимающій какое злоумышленіе на государя и государство, не пойдетъ на духу священнику сказывать, зная, что онъ будетъ долженъ на него донести: слѣдственно, законъ сей тщетенъ. А если онъ придетъ съ духомъ раскаянія принести при свидѣтельствѣ священника въ помышленіи своемъ покаянія Господу, и священникъ то долженъ доносить, то

законъ сей не справедливъ, ибо не виноватаго, не затвердѣлаго въ своемъ преступномъ помышленіи, но очистившагося покаяніемъ, наказывать будетъ; 2) удобъ носимое ли сіе бремя возложено и на самыхъ священниковъ? Должны они, презрѣвъ свое обязательство хранить тайно покаяніе, обратить гласъ свой, посвященный на призываніе Святаго Духа, въ доносъ на учинившаго предъ Богомъ ему исповѣданіе и быть погубителемъ его, пріявъ кровь его на главу свою; или, яко покаяніе всегда одинъ на одинъ производится, не могши доказать преступленія, погибнуть самому яко клеветнику, имѣвъ уже осужденіе Божіе на себѣ, яко на нарушителѣ таинства покаянія, ищущемъ крови брата своего. А посему законъ сей есть неудобъ исполнительный. Наконецъ, не могутъ-ли случиться таковые священники, которые, презирая и святость покаянія и святость своей должности, сплетши какой умышленно ковъ на невиннаго, въ доносъ вступятъ и содѣлаютъ пагубу его? А посему законъ сей можетъ подать причину къ злоупотребленіямъ. А посему разрушаетъ таинство покаянія, приводитъ вѣру въ презрѣніе, слѣдственно и уменьшаетъ святость присяги, а тѣмъ самымъ не можетъ никакія пользы государю и государству принести. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, есть-ли въ томъ полезность, если симъ противуборственнымъ закону способомъ откроется какой преступникъ, а тогда же произведеннымъ презрѣніемъ закону Божію и ослабленіемъ силы присяги мил-

лiоны таковыхъ же произведутся, которые не токмо что при покаянiи сказать, но и на исповѣдь не пойдутъ?

Второй законъ — о бракахъ — есть не меньше противуборственъ Божественному закону. Довольно извѣстно каждому, что при сотворенiи перваго человѣка Господь уставилъ бракъ и соединенiе между мужа и женою; что Господь нашъ Iисусъ Христосъ присутствiемъ своимъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской святость брака утвердилъ; что пречистыми Своими устами охулилъ данiя распутной книги женѣ и сочетанiя со другой, прилагая: „ежели что Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ"; что Церковь наша бракъ въ числѣ таинствъ вмѣстила, и что по самымъ гражданскимъ законамъ, яко утверждающiе законы спокойствiя, спомоществующiе къ умноженiю народа, утверждающiе состоянiе дѣтей, благонравiя и воспитанiя, учреждающiе право преложенiя именъ и наслѣдствъ весьма важнымъ пунктомъ считаются: то, кажется, возможно-ли, презрѣвъ установленiя слова Божiя, учрежденiя церковныя, положенiя гражданскiя, противъ впечатлѣнiя собственнаго своего сердца, чѣмъ бы то ни было бракъ разрушенъ учинить?

Однако есть у насъ узаконенiе, повелѣвающее, что всякiй, достойный смерти и наказанный-ли, и ненаказанный, ссылающiйся въ ссылку, влечетъ съ собою расторженiе своего брака, яко граждански мертваго человѣка. Думаю, что причина сего закона, толь противуборственнаго всему вышесказанному, произошла

отъ воображенiя себѣ, что наказанный человѣкъ есть граждански мертвъ, и потому жена его, яко послѣ мертваго, вольна становится. Мое же намѣренiе состоитъ доказать, что кромѣ физической смерти жену отъ мужа, ни мужа отъ жены, ничто не разлучаетъ, и что отъятiе жены отъ мужа есть новый родъ суровости, изобрѣтенной для усугубленiя наказанiя.

Говорятъ: преступленiе рушитъ бракъ; дѣвка, вышедшая замужъ за безпорочнаго человѣка съ надеждою въ томъ состоянiи, въ какомъ онъ есть, или лучше его, препроводить вѣкъ свой, вдругъ паденiемъ его въ тяжкое преступленiе лишается сей надежды, а потому преступникъ, впадая въ преступленiе, забвенiемъ, что̀ долженъ на вѣкъ соединенной съ нимъ его супругѣ, лишается правъ и выгодъ, которыя-бы въ сожитiи съ нею обще могъ имѣть, и дѣлаетъ ее вольну. Ибо не справедливо есть сдѣлать участницею наказанiя виннаго мужа безвинную жену.

Кажется, сiи предложенiя суть неоспоримы, и самъ-бы я легко такъ разсуждалъ, если-бы по закону моему могъ почитать бракъ единственно гражданскимъ договоромъ; но онъ есть таинство, а таинство Церковь не разрушаетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ первобытномъ состоянiи людей не было раздѣленiя между состоянiя и состоянiя. Жена по закону сочетается бракомъ не съ чиновнымъ или богатымъ человѣкомъ, но просто съ человѣкомъ; обѣщаетъ ему вѣрность и усердiе во все

время, пока онъ живъ будетъ, слѣдственно, должна быть обязана ему, покамѣстъ онъ человѣкъ пребываетъ, и въ случаѣ преступленiя или несчастiя ненавидитъ его преступленiя, сожалѣетъ о несчастiи, а любитъ человѣка, вѣрою и Церковью сопряженнаго съ нею; должна помогать сносить ему тягость его наказанiя или несчастiя, обращать его къ покаянiю и возвратить на путь истины. Ибо многiе преступники въ раскаянiе приходятъ и тогда, когда имѣютъ причину льститься, что покаянiемъ своимъ отъ Бога получатъ прощенiе: то какъ гражданскiй законъ предупредительно можетъ наложить такое наказанiе, якобы онъ никогда спокаяться не могъ, и лишить его, по священному писанiю, части тѣла его обще съ удовольствiемъ, каковое онъ могъ-бы имѣть отъ любезныя своея супруги.

Тѣже самыя правила, которыя я предполагаю женамъ въ разсужденiи мужей, должны сохраняться и отъ мужей къ ихъ женамъ: ибо обязательства ихъ относительно до любви суть равныя. Однако, по слабости женской, не полагаю я, чтобы было нужно строго установить закономъ, чтобъ жена въ несчастiяхъ и наказанiяхъ мужниныхъ всегда ему послѣдовала; ибо могутъ случиться разныя обстоятельства, препятствующiя сему: яко воспитанiе дѣтей; а иногда и самъ мужъ, не хотя видѣть тягость жены своея, взять ее не согласится: единый преступилъ, единый тягость наказанiя всю хочетъ понести. Однако, какъ нравы должны составлять самое основанiе за-

коновъ, ибо всякiе законы нудятъ и отягчаютъ, и стараются отъ нихъ избѣжать, а введенные обычаи и благонравiя почти безъ принужденiя и безъ избѣжанiя къ должности своей людей побуждаютъ: и тако въ самыхъ несчастiяхъ чиненное уваженiе къ женамъ, восхотѣвшимъ вольно раздѣлять оныя съ мужьями своими, почтенiе къ нимъ по ихъ возвратѣ и къ ихъ именамъ, если умрутъ, да будутъ подтвержденiемъ, ежели можно, священныхъ и гражданскихъ уставовъ брака и, слѣдственно, добродѣтели.

Да не остановится перо мое, дабы не учинить нѣкоторое поминовенiе о таковыхъ женахъ, иль, лучше сказать, героиняхъ священнаго брачнаго союзу. Графиня Марфа Ивановна Остерманова болѣе десяти лѣтъ раздѣляла несчастiе супруга своего; Графиня Катерина Ивановна Головкина, также многiя лѣта раздѣляя несчастiе своего мужа, въ ссылкѣ и тѣснотѣ скорбь скорбью умножая, имѣла огорченiе зрить его умерша, не погребенна шесть мѣсяцовъ предъ собою. Кто-жъ онѣ? Каковъ ихъ прочiй поступокъ? Первая въ старости лѣтъ своихъ, въ добродѣтельныхъ, святыхъ упражненiяхъ, скончала животъ свой, вторая-же, въ старости и въ слѣпотѣ, почтенна за ея добродѣтель, въ богоугодныхъ упражненiяхъ вѣкъ свой оканчиваетъ. Тако есть истинно, что единая добродѣтель безъ другихъ итти не можетъ, и что самая таже привязанность къ закону Божiю, которая побудила ихъ презирать всѣ безпокойствiя ссылки

супруговъ ихъ, были и есть побужденіемъ добродѣтельнаго и богоугоднаго житія, которое онѣ явили по возвратѣ своемъ.

Я приступаю теперь сказать нѣчто о второмъ раздѣленіи сей части—касательно, что законы должны быть согласны съ естественнымъ положеніемъ государства, и въ примѣръ сему представлю: въ бывшемъ межеваньѣ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, котораго выдумщикъ, учредитель и главный начальникъ былъ Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, и въ немъ повелѣно было становить межевые столбы дубовые, не разсмотря, что не токмо многія провинціи, но и губерніи дубу не имѣютъ; и что тамъ его на необходимыя нужды фунтами покупаютъ: то не раззорительно-ли было бы для поселянъ въ такихъ мѣстахъ великое число такихъ столбовъ купить? И не лучше-ли бы было написать, чтобы сіи столбы ставить изъ крѣпчайшаго, находящагося въ тѣхъ мѣстахъ лѣсу? Сіе въ самомъ дѣлѣ такъ и исполнялось; но исполнялось со взятками и притѣсненіемъ, а правительство чрезъ такую неусмотрительность подало причину народу имѣть сумнѣніе въ своемъ благоразуміи и предусмотрѣніи и поводъ къ злоупотребленіямъ. При нынѣ царствующей Государынѣ обнародованъ былъ указъ о нестрѣляніи во всемъ государствѣ никакой дичи весною. Незнаніе-ли, или забвеніе учинило, что не вняли о томъ, что многіе Сибирскіе народы на весеннемъ перелетѣ разныхъ птицъ, а паче гусей, во множествѣ побиваютъ и тѣмъ самымъ получаютъ себѣ на нѣкоторое время пропитаніе. Законъ сей тамъ исполниться не могъ, ибо гдѣ противуборствуетъ естественная нужда, тамъ законъ силы имѣть не можетъ; онъ былъ, думаю, по представленіямъ губернаторскимъ отмѣненъ, но знаки и память неразсмотрительности правительства остались. Сіе я говорилъ точно о естественныхъ причинахъ; но есть еще и другія, которыя хотя не точно естественныя, однако къ онымъ близко подходятъ, яко многонародіе страны и знаменитость древнихъ городовъ. Въ примѣръ сему можно представить положеніе вновь учрежденнаго банку. Старый банкъ въ Москвѣ разрушенъ, и вся выдача денегъ и заемъ обращенъ въ одинъ Петербургъ, во градъ, на краю Россійскихъ границъ находящійся, во градъ, хотя и много населенный, по причинѣ присутствія Двора, привязанными къ оному и всѣми тѣми, которые исканіями своими что-нибудь отъ Двора хотятъ пріобрѣсти, или кто по привычкѣ или по сластолюбію тамъ жилище себѣ избралъ; но не учинили вниманія о Москвѣ, о градѣ древнемъ, точно матероградѣ Россіи, идѣже, яко къ естественному средоточію, стекается все дворянство, которое въ самомъ дѣлѣ, при самомъ милосердіи монаршемъ, отъ сего учрежденія чувствуетъ отягощеніе себѣ. Тако часто властолюбіе, притягивая всѣхъ къ себѣ одному, разрушаетъ добрыя намѣренія государей и народъ въ прискорбіе приводитъ.

Есть еще нѣкоторыя узаконенія, которыя суть не совмѣстны съ законнымъ положеніемъ государства. Оберъ-Прокуроръ сената шестаго департамента Князь Гаврило Петровичъ Гагаринъ, желая выслужиться по причинѣ обнародованнаго указу о справкѣ и отказѣ деревень, представлялъ, чтобъ пошлины съ отказовъ брать не съ числа писцовой дачи, которой иногда больше, иногда меньше въ наличности находится, но съ числа обмежеванныхъ земель. Предложеніе его— яко имѣющее видъ справедливости. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, чего ради съ мысленныхъ вещей пошлину платить? Чего ради тотъ, кто не имѣетъ полной писцовой дачи, излишнее противъ владѣнія своего заплотить? Чего ради тотъ, кто лишную дачу имѣетъ, не съ полнаго числа будетъ платежъ производить? А все сіе, съ перваго взгляду, и ведетъ къ заключенію, что справедливѣйшій и удобнѣйшій способъ повелѣть производить сей платежъ по утвержденному на правилахъ математическихъ межеванью и по сочиненнымъ планамъ. Предложеніе его было принято и указомъ подтверждено, но, входя въ подробности сего дѣла, съ перваго взгляду являющійся блескъ исчезаетъ тѣмъ: 1) указы объ отказѣ и о платежѣ суть всеобщіе на все государство; справкамъ и отказамъ предписанъ срокъ; а знатная часть государства еще не обмежевана и плановъ нѣтъ; слѣдственно, до узнанія, какой платежъ требовать, и отказывать не можно, а симъ самымъ сила указовъ объ отказѣ разрушается; 2) изъ тѣхъ, которыя земли и размежеваны, великое число находится еще въ спорахъ, и плановъ на нихъ не дано, да и дать невозможно по причинѣ, что еще не извѣстно, кому та земля будетъ принадлежать; слѣдовательно, съ неподлинныхъ дачь и пошлины взимать не можно; 3) находится великое число дачь, которыя хотя безспорно и отмежеваны, но плановъ на нихъ не дано, а потому и въ семъ случаѣ та-жъ неподлинность пребываетъ; 4) по узаконенію межеванье производится общее, а не раздробительное, то есть, что каждая деревня или пустошь межуется вообще, и планъ дается общій, хотя бы сто владѣльцовъ по разнымъ участкамъ въ ономъ состояло: то какъ по плану узнать безъ писцовыхъ книгъ и безъ дачь, что́ кому въ таковой деревнѣ или пустоши принадлежитъ. А по всему сему не могу безъ удивленія видѣть, какъ при таковыхъ обстоятельствахъ и противурѣчительныхъ узаконеніяхъ отказы производются. Однако сію свою выслугу сей Князь Гагаринъ представилъ прошеніемъ своимъ для полученія ордена Владимірскаго, который ему и данъ.

Все вышеписанное мною предложено для показанія токмо примѣромъ, коликаго вниманія и подробнаго разсмотрѣнія требуетъ каждое законодательство, и что не одинъ блистательный и быстрый разумъ къ сему потребенъ, но глубокое вникновеніе во все то, что законъ Божій повелѣваетъ, и что предуставляется естественнымъ и политическимъ состояніемъ государства, также

пребывающими и не разрушающимися предуставленными законами. Но я поступаю далѣе.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Что должно въ законахъ наблюдать въ разсужденіи политическаго состоянія государства.

Дабы приступить говорить о сей причинѣ, надлежитъ сперва разсмотрѣть о разныхъ родахъ правленія, и можетъ-ли въ Европейскомъ государствѣ быть долгопродолжительное самовластіе; дабы потомъ предложить мысли мои, каковы должны быть законы въ монаршическомъ правленіи.

Въ разсужденіи политическаго положенія обыкновенно раздѣляютъ роды правленія на три рода, которые хотя по смѣшенію между собою и многіе другіе составляютъ, но со всѣмъ съ тѣмъ главное основаніе въ каждомъ одно изъ сихъ трехъ родовъ составляетъ, ибо самовластіе не есть родъ правленія, но злоупотребленіе власти.

Сіи же три рода суть: правленіе монаршическое, вельможное и народное. Всѣ они естественныя началы имѣютъ: монаршическое является быть древнѣйшимъ и происходитъ начально отъ власти отцовъ родовъ надъ потомствомъ ихъ; вельможное или отъ того, когда разсѣянныя малыя семьи, не могши какому сильнѣйшему непріятелю сопротивляться, многія въ едино общество соединились, и начальники оныхъ, не хотя единъ другому уступить, равную власть надъ соединеннымъ обществомъ сохранили; или отъ превратившагося

монаршическаго правленія: по злоупотребленію могущества претерпѣвая утѣсненіе и налоги, имянитѣйшіе изъ народа соединились и поврежденную сію власть разрушили, дабы самимъ властителями общества учиниться. Кажется, народное правленіе не толь отъ естества вещей, коль отъ обстоятельства произошло, ибо народъ, чувствуя себя отягченна монаршическою или вельможною властію, отяготящее его низринулъ и самъ властителемъ и правителемъ себѣ учинился.

Но не было и нѣсть ни у единаго живущаго въ градахъ народа точно чистаго какого изъ сихъ правленій, но все единое съ другимъ мѣшалось, ибо монархъ не можетъ править безъ вельможъ, вельможи не могутъ править безъ начальника и безъ народа, ни народъ безъ начальниковъ самъ себя управлять.

Аѳины, хотя имѣли народное правленіе, но были у нихъ начальники подъ именемъ архонтовъ, также и сенатъ, который ареопагомъ называли. Въ Спартѣ были цари начальниками правленія; а эфоры—сдерживающіе власть царскую и дерзость народа, имѣющаго участіе въ правленіи.

У Персовъ, хотя власть царская не ограничена была, но сатрапы могуществомъ и силою своею удерживали его самоизвольные поступки. И наконецъ, въ древнихъ народахъ Римъ прешелъ всѣ роды правленія, но всякое смѣшанное было съ другимъ: при царяхъ имѣлъ сенатъ, и народъ колѣнами и сотнями собирался; по изверженіи ца-

рей,—два консуля съ сенатомъ хотя вельможное правленіе составляли, но консули занимали мѣсто царское, а народъ, хотя самъ не допущенъ былъ ни въ какіе знатные чины, но, собираяся въ собраніи, въ чины патрикіевъ избиралъ и законы утверждалъ; а когда и превозмогъ патрикіевъ, и сталъ имѣть право во всѣ чины государственные вступать, однако тѣ-же изъ среды ихъ происшедшіе вельможами учинились и народомъ управляли; даже какъ лишась своей вольности при императорахъ, учинился позорищемъ всѣхъ золъ и безчеловѣчія. Упалъ сенатъ, твердость римскаго духа въ слабость премѣнилась, монархія претерпѣла отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей, народы побѣдители и побѣжденные возстенали, исторія именами Калигулъ, Нероновъ и Геліогабалей осквернилась.

Се есть касательно до древнихъ народовъ, воззримъ теперь на новыя царствія. Франція имѣетъ монаршическое правленіе; прежде были у нея государственные штаты, гдѣ три степени государственныхъ чиновъ, то есть, духовенство, благородные и мѣщане, или третій родъ, собирались и о нуждахъ государственныхъ судили; нынѣ-же токмо нѣкоторыя изъ ея провинцій сохранили право собранія чиновъ, прочее же управляется парламентами, гдѣ присутствіе перовъ, судей и стряпчихъ,—послѣднихъ большая часть изъ мѣщанъ,—купно монаршическое, вельможное и народное правленіе представляетъ. Но нигдѣ толь не цвѣтетъ народная воль-

ность подъ тѣнью монаршическія власти, какъ въ Англіи; тамъ вышнюю власть, ограниченную законами, имѣетъ король; верхняя камора парламента вельможную власть представляетъ; а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную; и всѣ сіи три власти въ безпрестанныхъ преніяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ.

Но, не продолжая далѣе, единымъ словомъ заключу, что нѣсть царствія, нѣсть республики, гдѣ-бы не зрилось смѣшеніе сихъ трехъ властей, или, по крайней мѣрѣ, двухъ.

Однако вездѣ есть единая власть превосходящая, которой соотвѣтствуетъ умоначертаніе народное, и коей законы въ разсужденіи политическаго состоянія соотвѣтствовать должны. Тако Франція есть монархія, Англія, не взирая, что имѣетъ короля, есть правленія республики; Швеція, Польша и Венеція суть вельможнаго правленія.

Какое-же умоначертаніе по разнымъ симъ правленіямъ въ народѣ надлежитъ? Монархія требуетъ честолюбія, ибо единое насъ честолюбіе къ престолу царскому привязуетъ и побуждаетъ человѣку предъ человѣкомъ дѣлать низкости; въ вельможномъ правленіи требуется особливая добродѣтель, ибо кто хочетъ между равными себѣ имѣть преимущество, тотъ долженъ добродѣтелью своею принудить ихъ ему оное усту-

пить. Таковы были Брутусъ, Цинцинатусъ, Павлъ Эмилій, Фабій и Марцелусъ. Въ народномъ же правленіи не столь должно имѣть добродѣтелей, сколь блистательныхъ качествъ и пронырства, каковы были: Периклесъ, Цесарь и Кромвель.

Описавъ тако разные роды правительства, приступаю къ самовластію, или деспотичеству. Правленіемъ его назвать не можно, ни въ родъ оныхъ помѣстить, ибо оно не что иное есть, какъ злоупотребленіе монаршической власти: потому что монархія должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные, а самовластіе, послѣдуя единому своему хотѣнію, по волѣ своей всѣ законы разрушаетъ. Монархія по установленному закону хранитъ жизнь, честь, имѣніе и спокойствіе своихъ гражданъ, а самовластіе ни на что на сіе не взираетъ, льетъ токи кровавые лучшихъ своихъ подданныхъ, чести ихъ не сохраняетъ, не взираетъ на нѣжность сердецъ, имѣніе по хотѣнію своему отнимаетъ и возмущаетъ во всѣхъ частяхъ жизнь и спокойство каждаго гражданина; ибо, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли тутъ кто спокоенъ быть, гдѣ никого поставленны законы не защищаютъ? И я приравниваю живущихъ подъ самовластіемъ людей тѣмъ мореходцамъ, которые въ жестокую бурю лишилися кормила, мачты и парусовъ своего корабля, и коихъ робкіе служители, съ тяжелыми вещами, кинули въ море компасъ и всѣ другія для примѣчанія содѣлан-

ныя орудія. Плыветъ еще корабль, но при дыханіи бурныхъ вѣтровъ ни управляться не можетъ, ни знать мелей и камней, ни мѣста своего теченія. Спокойны-ли на немъ сидящіе? Иногда достигаетъ счастливаго пристанища, но то не правило, а нечаянность его доведетъ.

Нѣсть въ самовластіи награжденія за заслуги, а напротивъ того, самовластитель завидуетъ блистанію оныхъ.

Тако имъ преторы римскіе отмѣнили побѣдоносные входы своихъ побѣдоносныхъ воеводъ, повелѣвали себя провозгласить императорами за побѣды, которыя не сами они одержали; бывъ погружены въ сластолюбіе и роскошь, за побѣды другихъ вѣнцомъ лавровымъ главу свою увѣнчали. Раздача чиновъ не съ лучшимъ разборомъ чинится: Калигула лошадь свою консулемъ сдѣлалъ. А можетъ быть и много людей, не лучше лошади стоящихъ, самовластители въ вышніе чины произвели. Добродѣтели, достоинства тамъ утѣсняются, ибо каждый самовластитель въ добродѣтельномъ и исполненномъ достоинствъ человѣкѣ мнитъ зрить явнаго себѣ укорителя; наконецъ, разумъ затушается, ибо вредно самовластію, чтобъ кто вникалъ во взаимственныя правы, сочиняющія основанія обществъ, и умными-бы очами возрилъ на состояніе свое.

Таково есть деспотичество, таковы суть его вредныя слѣдствія. А потому я и заключаю, что въ просвѣщенномъ народѣ оно быть не можетъ. А ежели оно и случится, не можетъ быть про-

должительно. Хотя, можетъ статься, какія постороннія обстоятельства и учиняютъ его продолжаться нѣсколько болѣ, нежели-бъ надлежало, но сіе токмо ему жесточайшій конецъ приготовляетъ. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, если всякій разсмотритъ обязательствы свои къ Божіему закону, къ отечеству, къ самому себѣ, къ семьѣ и ближнимъ своимъ, то узритъ, что долгъ и благосостояніе его влечетъ его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго.

Деспотичество—не яко другія вышепоказанныя правленія, которыя примѣшеніемъ единаго роду къ другому исправленіе себѣ чувствуютъ; но все, что къ сему нечистому сосуду ни коснется, все ядомъ симъ заражается, и все обращается въ общественный вредъ. Учреждены-ль какія правительства,—тѣ все взираютъ болѣе на самопроизвольное хотѣніе деспота, или его любимцовъ, нежели на поставленные и пребывающіе законы; учредится-ли какое собраніе чиновъ государственныхъ или помѣстныхъ,—въ нихъ нѣтъ вольности, нѣтъ духу соединенія, нѣтъ любви къ отечеству и къ обществу, но всѣ подъ властію деспота или какого его вельможи пресмыкаются, не смѣя и возникнуть (?) на любезную свободу, ниже помыслить о взаимственныхъ правахъ, связующихъ общества; ибо сей есть между прочими порокъ деспотичества, что деспотъ деспота производитъ, и таковыми государство наполняется, а часто и самый первый деспотъ, нижними его окруженный, связіемъ (связью) оныхъ становится.

Но я прекращу скорѣе сіе начертаніе, котораго ужасныя изображенія во всѣхъ писаніяхъ законоучителей обрѣтаются, дабы приступить къ законамъ, сходственнымъ съ политическимъ положеніемъ моего отечества. Понеже Россійская Имперія есть монаршическаго правленія, яко и сама Ея Величество въ Наказѣ своемъ изъясняется, что „надлежитъ имѣть хранилище законовъ, ибо законы въ немъ должны тверды пребывать подъ тѣнію монаршей власти“. Каковы сіи законы должны быть? Я, первое, считаю, что понеже монархъ нѣсть вотчинникъ, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно быть нѣкіимъ основательнымъ правамъ, которые-бы не стѣсняли могущество монарха ко всему полезному государству, но укрощали-бы иногда безпорядочныя его хотѣнія, по большей части во вредъ ему самому обращающіяся. Въ числѣ сихъ правъ необходимо должно помѣстить твердое основаніе и положеніе о порядкѣ наслѣдства на престолъ, ибо сіе, утверждая наслѣдственное происхожденіе, утверждаетъ спокойствіе государствъ; и Россія, за недостаткомъ такого права, со временъ царя Θеодора Іоанновича, скончавшагося бездѣтна и безродна, довольно несчастій претерпѣла, чтобы искренно желать установленія себѣ такого права. Манифестъ же Петра Великаго, обнародованный 1719-го году, и книга сочиненія архіепископа Прокоповича „Правда воли монаршей“, предполагающая на одну власть царствующаго

государя учреждать наслѣдство по его волѣ, есть дѣйствіе совершенно деспотическое. Храненіе владычествующей вѣры и пребываніе государя въ оной и въ гражданскихъ законахъ должно составить ненарушимое положеніе; а къ тому-жъ и терпѣніе чуждыхъ вѣръ, до коихъ мѣстъ оно должно простираться, дабы ни гоненіемъ, ослабляющимъ государства и возобновляющимъ намъ ужасы шестаго на десять вѣка, не впасть въ бѣсновѣріе, ни излишной понаровкою не показать небрежливость къ владычествующей вѣрѣ. Права изданія законовъ, разныхъ налоговъ на народъ, передѣланія монеты, — вещи, которыя по непостоянству вещей человѣческихъ иногда премѣняются,—то, по крайней мѣрѣ, порядокъ произведенія сего въ дѣйство на непоколебимыхъ основаніяхъ долженъ быть утвержденъ; равнымъ образомъ судъ и право себя защищать и совѣту для ради осуждаемыхъ людей по уголовнымъ дѣламъ (спрашивать?), и право, кому утверждать сіи осужденія; наконецъ, право именованія дворянскаго, по ихъ разнымъ степенямъ, ненарушимо въ монаршическомъ правленіи поставлено быть должно. Но недовольно сіе словами или грамотою какою утвердить: надлежитъ, чтобы поставлены были и наблюдатели о сохраненіи онаго. Тако, держася словъ Ея Императорскаго Величества, надлежитъ имѣть „хранилище законовъ". А что въ Россіи хранилище законовъ? Сіе есть сенатъ. Надлежитъ оной не токмо снабдить довольно основательными государствен-

ными правами о его могуществѣ, но также и наполнить такими людьми въ силу же основательныхъ правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять.

Приступаю къ другимъ законамъ и учрежденіямъ при настоящемъ положеніи Россіи, а паче въ разсужденіи ея пространства. Хотя уголовные законы и должны быть милосерды, ясны и подробны, а паче производство уголовнаго суда съ такою ясностію и подробностію должно быть описано, дабы судья не властенъ былъ въ обрядѣ ничего перемѣнить, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ его частяхъ, дабы въ самомъ производствѣ какого притѣсненія невинному или послабленія виноватому не было. А потому бы легче было предопредѣленному мѣсту для утвержденія такихъ судовъ оные разсматривать. Однако въ Россіи должны быть законы гораздо строжѣ, ибо пространство Имперіи, множество пустыхъ мѣстъ, рѣдкость селеній, происходящихъ отъ самаго климату, грубость нравовъ и, ежели осмѣлюся сказать, поврежденіе оныхъ, крѣпчайшія узды требуютъ, дабы, что вышеписанными причинами можетъ быть попущено, или дальностію мѣстъ упущено, чтобы строгостію наказанія удержено было.

Говоря о уголовныхъ дѣлахъ, не могу я не примѣнить встрѣтившагося обстоятельства по дѣлу губернатора Самойлова, въ которомъ я имѣлъ честь быть употребленъ. Оное состоитъ, что всѣ почти доносчики на него были такіе, которые

участники его преступленій были, и сами въ томъ признались, то многіе говорятъ— и что при нынѣшней развратности сказать не могутъ!,—что понеже осужденный свидѣтелемъ и доносчикомъ быть уже не сможетъ, а они уже сами себя признаніемъ своимъ осудили, слѣдственно, и не могутъ въ доносители на губернатора быть пріяты.

Коль несправедливо сіе заключеніе, думаю, что каждый благоразумный и безпристрастный человѣкъ сіе ощутить можетъ, ибо законъ ясенъ говоритъ о осужденномъ; а таковыя реченія право осужденія отъ судьи на самаго доносчика переносятъ. Доносъ не можетъ быть какъ двоякимъ образомъ учиненъ: или постороннимъ образомъ кто слышалъ или видѣлъ содѣваемое зло, или самъ участникомъ онаго былъ, что въ самомъ дѣлѣ есть признаніе. То, если таковыхъ участниковъ отвергнуть отъ доносу, половина уголовныхъ дѣлъ останутся въ закрытіи, и разбойникъ не будетъ имѣть право оговорить своего атамана или пристанодержателя. Ея Императорское Величество, въ данномъ своемъ наказѣ для сочиненія уложенія, въ главѣ о уголовныхъ дѣлахъ, статья 186-я, изъясняется: „Есть люди, которые почитаютъ между злоупотребленіями словъ, вкравшимися въ житейскихъ дѣлахъ, достойнымъ примѣчанія то мнѣніе, которое привело законодавцовъ уничтожить свидѣтельство человѣка виноватаго, приговоромъ уже осужденнаго; такій человѣкъ почитается граждански мертвымъ, говорятъ законоучители, а

мертвый никакого уже дѣйствія произвести не можетъ. Если только свидѣтельство виноватаго осужденнаго не препятствуетъ судебному теченію дѣла, то для чего не дозволить и послѣ осужденія въ пользу истины и ужасной судьбины несчастнаго еще мало времени, чтобы онъ могъ или самъ себя оправдать или и другихъ обвиненныхъ, ежели только можетъ представить новыя доказательства, могущія перемѣнить существо дѣйствія". А посему, когда и самый осужденный не отвергается принести съ доказательствами свидѣтельство въ пользу безвиннаго осуждаемаго, то какъ не принять доношеніе раскаявшагося человѣка ко обвиненію преступника и ко удовлетворенію раззореннаго имъ народа, и то-ли есть предметъ уголовныхъ законовъ, чтобъ искать повсюду токмо преступниковъ, а угнетенныхъ ими безъ удовлетворенія не оставить и не подвергнуть къ какой тяжкой судьбинѣ?

Колико ни ясны сіи предложеніи и колико по здравому разсудку, по совѣсти и по закону, таковыхъ доносителей отвергнуть не можно, однако признаться надлежитъ, что законъ нашъ не различаетъ разныхъ родовъ доносителей, и коликое преимущество долженъ имѣть самовольно признавшійся; ибо доносъ уже ихъ состоитъ такого роду, что и самихъ ихъ къ наказанію подвергаетъ. А таковыя обстоятельствы нужны есть быть вмѣщены въ законы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О раздѣленіи состояній людскихъ.

Хотя и послѣ уголовныхъ дѣлъ, но

изъ первыхъ почти можно почесть правы разнаго состоянія людей, живущихъ въ государствѣ. Утвержденіе ихъ, во-первыхъ, служитъ къ порядочному управленію государства, къ подкрѣпленію его силы и оказуетъ самое правосудіе за учиненныя предками услуги. Если-бы не было и другихъ вышеписанныхъ побудительныхъ причинъ для данія права Россійскому дворянству, единое-бы воздаяніе за услуги предковъ ихъ, безпрерывно продолжаемыхъ ихъ потомками, долженствовало-бы побудить дать имъ изящныя, но не предосудительныя государству правы, и сословіе сіе тако уважить, чтобъ имя дворянина несло съ собою нѣчто толь важное, которое-бы къ благородному честолюбію и къ службѣ отечеству каждаго побуждало; учинить входъ въ сіе сословіе толь труденъ, чтобъ за вышнее счастіе почитали сію честь получить, и милость-бы монарша, увѣчняющаяся на потомство симъ награжденіемъ, довольно-бы важности имѣла, а власть бы монарша въ толь преизящномъ награжденіи во множество рукъ не раздѣлялась. Есть у насъ щедротою монаршею изданныя дворянскія права, почерпнуты по большей части изъ старыхъ узаконеній съ малою прибавкою новыхъ правъ. Нѣсть мое намѣреніе, бывши дворяниномъ, и мыслить о какомъ прибавленіи оныхъ въ разсужденіи полезныхъ правъ, ибо каждое исключительное право можетъ быть тягостно другимъ чинамъ въ государствѣ, и потому, если правосудіе монаршее, соединенное съ его милосердіемъ, соблаго-

волитъ какое новое право дать, то соображеніе съ общею пользою и полученіе онаго на волѣ его оставить надлежитъ, ниже помышляя въ разсужденіе о семъ вступать. Но что касается до почетныхъ правъ, яко до старшинства родовъ, показующихъ, какъ давно какой родъ отечеству услуги свои оказуетъ, сіе есть дѣло историческое, и бывшее не бывшимъ никакая на свѣтѣ власть сдѣлать не можетъ. А потому не можно сказать, чтобъ алфавитный списокъ, кто прежде кого долженъ быть въ дворянской книгѣ написанъ, не дѣлалъ прискорбія дворянамъ. Самое старшинство родовъ, казалось бы, и вело къ предписанію предсѣдательства по родамъ дворянскихъ собраній, ибо тамъ не чиновники, но дворяне засѣдаютъ; а самое бы сіе засѣданіе, показуя каждому, что беретъ мѣсто по преимуществу своего древняго рода, побуждало бы подражать добродѣтелямъ своихъ предковъ.

Сверхъ того, въ древнія времена хотя въ Россіи приложенія къ титламъ и не знали, ибо и самые царевичи не инако, какъ благородные, были титулованы: Петръ Великій, введши степени дворянъ, до того незнаемыхъ въ Россіи, яко Графовъ и Бароновъ, приписалъ имъ титлы: Графамъ „сіятельство“, Баронамъ „высокородіе“, а при пожалованіи въ Князи Князю Меншикову титло „свѣтлѣйшаго“ далъ. И съ того времени, не знаю для чего, Россійскихъ Князей, происходящихъ отъ Рюрика и отъ Владиміра, съ уменьше-

ніемъ противъ Меншикова зачали „сіятельствами“ титуловать, а дворянъ благородными. И тако, Графы и Бароны сохраняли ихъ титлы по дипломамъ, а Князья и дворяне по почти столѣтнему обычаю, утвержденному извѣстностію государю: то, кажется, и самый сей обычай закономъ почесться можетъ, ибо долговременный обычай, коему никогда вышняя власть не противурѣчила, по мнѣнію всѣхъ законоучителей, закономъ считаться долженъ.

Чего-жъ ради въ правахъ дворянскихъ о всѣхъ сихъ титулахъ умолчено? а потому пребываютъ-ли они или нѣтъ? Пышныя имена, ничего незначащія, но нужныя къ побужденію честолюбія и къ службѣ отечества!

Все, что рѣдко, то есть драгоцѣнно; всё, что трудно доставать,—къ тому стремленіи наши наиболѣе напрягаются; таково должно быть и именованіе дворянское. Таковое-ли оно у насъ? Драгоцѣннымъ его назвать не можно, ибо за малую его цѣну получаютъ; а рѣдкимъ того меньше, ибо мало есть такихъ чиновныхъ людей, которые бы толпы дворянъ не надѣлали. И отъ того произошло, что не дѣйствительная служба къ государству, но пронырство и шильничество прелагаемымъ на потомство драгоцѣннымъ правомъ награждается; конфетурщики, шляпники, портные и самые знатныхъ людей сводники, никогда не служа государству, а токмо бывъ ему въ тягость, оное получили; право ихъ нѣкоимъ образомъ нынѣ подтверждено, и они въ сословіе дворянское принесли

ту подлость, то пронырство, то корыстолюбіе, съ коимъ родилися, въ коемъ воспитаны, въ коемъ упражнялись и коимъ до чиновъ офицерскихъ забвеніемъ нравственныхъ должностей добывались; да и самое старое дворянство симъ заразили. Выше я сказалъ, что то, что есть рѣдко, то и драгоцѣнно. Дворянство у насъ не рѣдко, и стремленіе къ нему отъ подлыхъ велико, но для чего? Не для чести и не для службы отечества, но, дабы подъ симъ священнымъ именемъ въ праздности и къ отягощенію другихъ жить и пользоваться всѣми правами онаго. А чрезъ сіе пороки вкореняются, благородное честолюбіе исчезаетъ, а государство лишается сильнѣйшихъ подпоръ.

Еще не могу я умолчать о данномъ правѣ внучатамъ богатыхъ купцовъ требовать себѣ дворянство. Я признаюсь, что богатый купецъ есть полезенъ государству, и что надлежитъ сдѣлать побужденіе таковымъ людямъ; мнѣніе мое въ семъ случаѣ подтверждено мнѣніемъ господина Монтескію, большимъ наказомъ для коммиссіи уложенія и послѣдними узаконеніями Ея Императорскаго Величества. Но, мнѣ кажется, при семъ случаѣ должно разсмотрѣть родъ торгу Россійскихъ купцовъ, и отчего они наиболѣе богатятся. А по испытанію моему я знаю, что откупы и подряды, гдѣ они корону обманываютъ, составляютъ главные источники богатства ихъ; слѣдственно, когда дѣдъ воровалъ, сынъ грабилъ, а внукъ разбойничаетъ, достоинъ-ли онъ потом-

ственнаго награжденія? Но ежели-бъ купецъ открылъ какую новую отрасль торгу, завелъ-бы конторы въ чужихъ государствахъ, сдѣлалъ-бы полезный курсъ, нашелъ бы способъ съ вящею прибылью россійскія произведенія выпускать, ввелъ бы новыя рукодѣлія и другое подобное сему содѣлалъ, то-бъ не токмо внукъ его, но и самъ достоинъ-бы былъ такого награжденія, и сіе-бъ была награда не за деньги, но за пользу государственную, не за пороки, но за добродѣтель. И конечно-бъ откупщикъ Логиновъ и подрядчикъ Фалѣевъ чиновъ штатскихъ и дворянскихъ не получили, ибо хотя и другіе виды ихъ произвожденію даны, но въ самомъ дѣлѣ откупщикъ и подрядчикъ наградились.

Можетъ быть на сіе мнѣ скажутъ, что сіе зло толь вкоренилось, что безъ огорченія многихъ и прекратить его не можно. Я первое вопрошу, кому сіе огорченіе будетъ? тѣмъ-ли, которые уже получили сіе право, или которые надѣются получить? То о первыхъ никогда не имѣлъ намѣренія толь великое число людей подъ наказаніе приводить, и тако они право свое сохранятъ, а и сами довольны будутъ, чтобъ такъ, какъ въ поганый котелъ, всякой гадъ не валился. А тѣ, которые имѣютъ надежду, у нихъ она не отнимется добродѣтелью, какъ и должно до того достигнуть, а отнимется надежда у недостойныхъ, у порочныхъ и у подобныхъ людей; то для того, чтобъ воровъ не огорчить, должно-ли караулы

свести, отпереть домы и окошки и отворить сундуки, чтобъ свободнѣе имъ красть? А хотя-бы нѣкоему числу людей и было огорченіе, котораго, какъ я показалъ, однако не будетъ, то общее пребывающее благо не должно-ли предпочесть? Если-жъ на сіе мнѣ скажутъ, что сіе зло законами и древнимъ обычаемъ уже заматерѣло и распространилось, буду отвѣтствовать также примѣромъ.

Прилежный земледѣлецъ заросшее плодоносное поле терніемъ не будетъ-ли расчищать за тѣмъ, что терніе усилилось и заматерѣло? и при свирѣпѣющей заразѣ, за тѣмъ что она распространилась, не будутъ-ли стараться оную излечать? А потому и цѣсть никогда поздняго времени заматерѣвшее и распространившееся зло прекратить.

Изъяснивъ мысли мои о дворянствѣ, за нужное я нахожу и о второй степени, то есть о купечествѣ упомянуть. Не можно сказать, чтобы купечество у насъ не снабжено было великими правами; — толь, говорю я, снабжено, что ихъ правы гораздо правъ дворянскихъ происходятъ, хотя дворяне безпрерывными своими подвигами множество услугъ отечеству показали, а купцы ни внѣшней, ни внутренней торговли порядочной не завели. Можетъ быть, правительство, видя ихъ облѣнчивость, снабженіями ихъ толикими преимуществами хотѣло честолюбіемъ побудить къ какому знатному подвигу.

Сего ради предметъ моего труда требуетъ, чтобы разсмотрѣть, совмѣст-

ны ли данныя имъ права съ желаніемъ правительства побудить ихъ къ какому подвигу? Но прежде, нежели я буду о семъ говорить, да позволится мнѣ сдѣлать нѣкоторыя краткія примѣчанія на преимущество ихъ правъ предъ правами дворянскими.

Дворянинъ, какого-бъ онъ званія ни былъ, по рожденію своему, ниже по заслугамъ и чинамъ родителей своихъ, почетнаго права никакого не имѣетъ; хотя-бы онъ былъ Князь, фельдмаршалской сынъ, если не имѣетъ чину офицерскаго, долженъ на дрожкахъ ѣздить; а именитаго откупщика или подрядчика короннаго сынъ можетъ въ каретѣ и четвернею ѣздить, являясь чрезъ сіе всенародно проповѣдывать, что деньги все, а служба и изліяніе крови есть ничто. Какой дворянскій родъ ни служитъ своему отечеству, хотя-бы отъ Князя Рюрика велъ, степень по степени, родство свое съ именитыми службою своею и чиновными людьми, хотя-бы рѣки крови праотцовъ его за отечество изліялись, не пріобрѣтаетъ чрезъ сіе никакого права не токмо къ потомственному и въ роды пребывающему награжденію, но ниже къ полученію низшаго чина офицерскаго; а богатаго откупщика или подрядчика внукъ, не меньше именитаго своимъ капиталомъ, какъ воровствомъ и отягощеніемъ народа, при рожденіи своемъ уже право на потомственное почетное имя дворянина получаетъ.

Я сими разсужденіями сокращусь о

сей причинѣ, дабы теперя говорить о нѣкоторыхъ правахъ, данныхъ купечеству, которыя дѣлаютъ препону распространенія торговли. Умножено великое число судей, яко въ магистратъ, голова, въ сиротскій судъ и прочіе. Извѣстно всѣмъ, что каждая торговля требуетъ все время для упражненія человѣку, а на три года выбранный купецъ не разстроиваетъ-ли своего состоянія? На сіе отвѣтствовать мнѣ будутъ, что полезно есть каждому судиться равными себѣ.

Правило сіе справедливо и драгоцѣнно есть для всякаго гражданина; но еще есть справедливѣе и драгоцѣннѣе сего другое правило, чтобъ судиться безпристрастными людьми и знающими въ законахъ. Обое сіе находится-ли въ выборѣ въ судьи купцовъ, насилу грамотѣ знающихъ, не токмо нужной логикѣ, безъ всякаго понятія о законахъ, съ врожденной грубостію и пристрастіями; и при выборахъ выкраиваются судьи, которые, при присягѣ въ вѣрности Государю и исполненію по законамъ, тогда жъ, уповаю, тихонько клянутся, быть подвластнымъ въ дѣлахъ ябеднику, секретарю или подъячему, выгодъ своихъ и ближнихъ своихъ изъ виду не выпускать, а непріятелямъ своимъ дѣлать мщеніе; если-жъ кто и не таковъ, то чтобъ дѣлами длить, дабы непопасться подъ штрафъ, и какъ-нибудь три года время свое препроводить. Свидѣтели суть тому всѣхъ Великой Россіи городовъ магистраты: начавъ отъ Петербурга,

пройди до Иркутска, вездѣ найдешь замедленіе въ дѣлахъ и неудовольствіе челобитчиковъ, или богатящихся мздоимствами беззаконныхъ судей, или недовольныхъ своимъ состояніемъ.

Да не скажутъ мнѣ, что я единственно трудности и неудобности представляю, не сказавъ, какимъ образомъ исправить. Могъ бы и на сіе я сказать, что я нѣсть законодавецъ и потому оставляю мудрѣйшимъ себя сіи расположенія дѣлать; однако, побужденъ любовію къ отечеству, не могу я умолчать о мысляхъ, которыя мнѣ на первый разъ встрѣчаются. Сіи суть: чтобъ всѣ суды купеческіе исполнялися дворянами или людьми не привязанными къ торговлѣ, а довольно для чести купечества, чтобъ былъ избираемъ голова, и при судахъ одинъ купеческій депутатъ находился; а чрезъ сіе, мнѣ кажется, купцы не были бы отвлечены отъ ихъ торговли, и нетрегодные судьи дѣла скорѣе исполняли. Поступая далѣе, нахожу я въ городскомъ правѣ обще средній родъ людей, раздѣленный на пять частей, окромѣ ремесленниковъ, а именно: именитые, первая, вторая, третія гильдія и посадскіе. Степени ихъ по купечеству и самыя упражненія имъ предписаны не по качеству ихъ и не по пользѣ, каковую они могутъ дѣлать отечеству, но по капиталамъ; якобы капиталъ производилъ качества и самъ собою дѣлалъ пользу. Оныя правы по степенямъ суть: *именитые*—вступаютъ въ сіе состояніе всякаго званія и состоянія капиталисты, кои капиталу до пятидесяти тысячъ и

болѣе за собою объявятъ: банкиры, кои деньги переводятъ и для сего званія ото ста тысячъ до двухъ сотъ за собою объявятъ; тѣ, кои оптомъ торгуютъ и лавокъ не имѣютъ; кораблей хозяева, кои собственные корабли за море отправляютъ. И не запрещается имъ имѣть, заводить и содержать фабрики, заводы и всякія морскія суда. *1-й гильдіи право*: вписываются въ нее тѣ, которые имѣютъ болѣе десяти тысячъ рублевъ, и поощряются производить всякіе внутренніе въ Имперіи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, вымѣнивать и покупать оптомъ, также заводить фабрики и морскія всякія суда. *Право 2-й гильдіи*: вписываются въ нее, кто объявитъ болѣе пяти тысячъ капиталу; поощряются производить внутри Имперіи торги и товары возить водою и сухимъ путемъ по городамъ и ярмонкамъ, и по онымъ продавать, вымѣнивать и покупать потребное для ихъ торгу оптомъ или подробно, на основаніи законовъ, и заводить фабрики, заводы и рѣчныя всякія суда. *Въ 3-ю гильдію* вписываются объявившіе капиталу выше тысячи и до пяти тысячъ рублевъ, и поощряются они производить мелочной торгъ по городу и по уѣзду, продавать мелочной товаръ въ городѣ и въ округѣ и тотъ мелочной товаръ возить водою и сухимъ путемъ по селамъ, селеніямъ и сельскимъ торжкамъ и на оныхъ торжкахъ продавать, вымѣнивать и покупать потребное для мелочнаго торгу въ городѣ и въ округѣ, и имѣть станы,

производить рукодѣлія, имѣть и содержать малыя рѣчныя суда, также герберхи, торговыя бани и постоялые дворы, *Право посадское*: поощряются они производить всякое рукодѣліе и имѣть въ ихъ собственныхъ домахъ, гдѣ они живутъ, лавку съ собственнымъ рукодѣліемъ и съ мелочью, вступать въ казенные подряды и откупы, и продавать плоды, овощи и всякія мелочи.

Прежде приступленія говорить далѣ, да позволится мнѣ сдѣлать нѣкоторые вопросы.

Можно получить право именитаго человѣка, окромѣ всѣхъ другихъ предписаній, содержаніемъ мореходныхъ судовъ. Право сіе, мнѣ кажется, весьма далеко распростерто: ибо не говорю уже я о находящихся при Петербургскомъ портѣ такихъ купцахъ, которые содержатъ мореходныя суда и токмо до Риги и до Ревеля ходятъ, но кто знаетъ Россійское состояніе, кто знаетъ управленіе людей, жившихъ по разнымъ ея областямъ, тотъ не вопроситъ-ли, что у города Архангельска жившій крестьянинъ (каковыхъ и много есть), сдѣлавъ карбасъ, на которомъ съ однимъ правителемъ бабъ и дѣвокъ пятьдесятъ въ море пустятся, для набранія марошки, великую-ли пользу дѣлаетъ отечеству и достоинъ-ли содержатель такого судна названія именитаго человѣка?

А сверхъ того, содержаніе судовъ нѣсть торгъ, но есть родъ морскаго извозчищества. Приведя россійскую торговлю въ такое состояніе, чтобъ, сверхъ

приходящихъ по россійскіе товары чужестранныхъ кораблей, было-бы что вывозить, чтобъ были россійскія въ чужестранныхъ мѣстахъ конторы, откудова-бы можно было товары привозить, снабдя ихъ отъ адмиралтейства способами къ безопасному мореплаванію, то таковые судовые извозчики сами заведутся и безъ знаменованія имъ правъ именитыхъ; вмѣсто что симъ положеніемъ учинится токмо злоупотребленіе, и за марошкою ходящіе могутъ правы именитыхъ и дворянства получать; возбудится безумная гордость, которая хозяевъ къ раззоренію, а работниковъ къ погибели подвергнетъ.

Второй вопросъ. Могутъ-ли именитые первой, второй и третьей гильдіи купцы въ подряды и въ откупы вступать? По крайней мѣрѣ, сіе не означено, окромѣ посадскихъ, и въ самомъ дѣлѣ, если по точности словъ сохранять сей законъ, откупы и подряды коронные великой ущербъ претерпятъ.

Позволяется одной первой гильдіи купцамъ имѣть чужестранный торгъ, выписывать и отпускать товары. Мнѣ является сіе затруднительно; ибо, кто болѣе десяти тысячъ у себя капиталу имѣетъ, еще не пріобрѣлъ симъ капиталомъ разуму, способности, свѣдѣнія и другихъ качествъ, удобныхъ къ произвожденію чужестраннаго торгу; а не данное позволеніе второй и третьей гильдіи купцамъ въ сей торгъ вступать, кажется, отнимаетъ у нихъ побужденіе и способы распространить свой торгъ и стѣсняетъ самый разумъ ихъ что

полезное учинить. Можетъ быть, на сіе отвѣтствовать мнѣ будутъ, что состояніе, въ коемъ теперь находится российская торговля, есть таковое, что надлежитъ имѣть знатные капиталы, дабы возмочь преодолѣть ухищреніе и зависть чужестранныхъ торговцовъ; то чего-же ради именитымъ, имѣющимъ великіе капиталы, никакого права о семъ торгѣ не предписано? Хотя сіе и необходимо нужно есть, да исполняется по догадкѣ, а не по слову законовъ, дабы великое число капиталовъ изъ обращенія чужестраннаго торгу не извлещи. Но, однимъ словомъ сказать, гдѣ есть торгъ, тутъ должна быть свобода, а потому, если и небогатый купецъ имѣетъ способности производить чужестранный торгъ, зачѣмъ разумъ его удручать? зачѣмъ у него отнять способъ быть полезнѣе отечеству, нежели онъ есть? Капиталъ его невеликъ, но онъ либо по мѣрѣ онаго, или по мѣрѣ извѣстной доброй совѣсти его, кредитъ себѣ будетъ получать и наполнитъ то разумомъ, добрымъ поведеніемъ и трудолюбіемъ, что въ капиталѣ его недостаетъ. Зачѣмъ подвергнуть второй гильдіи купца, сидящаго въ лавкѣ и торгующаго чужестранными товарами, чрезъ третіи руки выписывать оные, платить лишнюю комисію, или съ убыткомъ противъ первой гильдіи купцовъ, или съ отягощеніемъ покупщиковъ лишнею цѣною, товаръ свой продавать?

Приложимъ къ сему, что множество чужестранныхъ купцовъ, не имѣющихъ большихъ капиталовъ, пріѣзжаютъ въ

Россію, въ оной поселяются, капиталами своими умножаютъ общій торгъ Россійской, искусствомъ даютъ примѣръ подражанію и умноженіемъ полезныхъ людей многонародіе умножаютъ, но не въ состояніи по капиталамъ своимъ быть въ первую гильдію вписаны. Чего-же ради восхотѣть государству и сихъ пользъ лишиться? Ибо оные за незнаніемъ своимъ языка, ни мѣстъ, ни качества товаровъ, производить внутренняго торгу не могутъ; а для выписки внѣшнихъ товаровъ весьма удобны суть.

Я умалчиваю о многихъ другихъ положеніяхъ, дабы общее воззрѣніе учинить: мнѣ кажется, что во всѣхъ сихъ положеніяхъ не на качествы и содѣлаваемыя полезности купцами взирали, но на капиталы, способность-же, разумъ и искусство въ цѣну денежную полагали. Мнѣніе-же мое состоитъ, что какъ сіи вещи не суть совмѣстны съ деньгами, то деньгами ихъ цѣнить не можно; ибо невещественная вещь съ вещественною никакого сходства не имѣетъ; а потому и кажется мнѣ, что степени купечества должны быть расположены не по капиталамъ, но по пользѣ, каковую каждый приноситъ, оставляя каждому по способности своей капиталъ свой употреблять, какъ хочетъ, и не нарушая чрезъ то собственность самаго имѣнія, также и не чиня разумъ подвластенъ капиталу.

Тако я думаю относительно касательно до купечества, что банкиръ, имѣющій переписку съ чужестранными конторами и переводящій туда деньги; что

купецъ, заведшій контору въ чужихъ краяхъ или, по крайней мѣрѣ, отсылающій прямо товаръ къ своимъ корреспондентамъ и получающій прямо оттудова на свой счетъ; что купецъ, открывшій какую новую отрасль торговли, а паче въ Азіятскія страны; что купецъ, вооружившій порядочнымъ образомъ корабль для китовой ловли, исполняющій сей промыслъ не меньше пяти лѣтъ,—могутъ удостоиться названія именитыхъ людей, поелику учинили и чинятъ полезные отечеству промыслы, какой-бы они капиталъ ни имѣли. Напротивъ того, тѣ, которые имѣютъ внутренній валовой торгъ и отпускаютъ товары въ чужіе краи, также мѣняютъ и выписываютъ внѣшніе и въ лавкахъ не продаютъ, первой гильдіи купцами почестся должны.

Не меньше должно разсмотрѣть правы ремесленниковъ. Учрежденіе цеховъ, положеннаго числа лѣтъ для полученія названія мастера, правы оныхъ мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ, цеховыя собранія, цеховые судьи, клеймы мастерскія тѣмъ болѣе кидаются въ глаза, что испытаніе многихъ вѣковъ доказуетъ, что въ чужестранныхъ мѣстахъ, гдѣ вездѣ цехи заведены, искусствы и ремесла процвѣтаютъ. Но должно съ принадлежностію разсмотрѣть, отъ учрежденія-ли цеховъ успѣхъ сей происходитъ, или отъ какой другой причины? Показаніе обстоятельства о цехахъ и о могущемъ быть, которое и есть, злоупотребленіи сіе намъ ясно покажетъ:

1-е, опредѣлены годы для ученія какому ремеслу; сдѣлано уравненіе годами разуму и склонности, такъ что тупой и непонятный ничего противъ прилежнаго и понятнаго не теряетъ, и сія есть первая несправедливость, удручающая разумъ.

2-е, долженъ ученикъ, прошедши узаконенное время бытности своей быть въ подмастерьяхъ, сдѣлать что нибудь по своему искусству лучшей работы для показанія мастерства своего, чтобы быть приняту въ мастера. Но кто его удостоиваетъ? Кто разсматриваетъ его работу? Мастера, сирѣчь тѣ, которые имѣютъ пользу, чтобы мастеровъ въ городѣ не умножалось, а потому-бы вся работа, случающаяся въ томъ городѣ, между меньшимъ числомъ людей раздѣлялась и болѣе имъ прибыли приносила. Се есть второе удрученіе къ прилежности искусствъ и понужденіе мастеровъ или противъ совѣсти, или противъ пользъ своихъ судить.

3-е... Но пусть, превозмогши всѣ препоны, достигаетъ кто до чину мастерскаго; пусть серебренникъ превзойдетъ искусства Августина, лакировщикъ—Мартина, оружейникъ—Делетерія и прочіе—всѣ лучшихъ въ свѣтѣ мастеровъ. Но будетъ-ли имъ въ томъ польза? Ибо, что совершенно хорошо сдѣлано, за то дороже должно заплатить, а въ состояніи-ли обще какой ни есть народъ, а паче нашъ, искать во всемъ совершенно содѣланныя вещи и за то двойную или полуторную цѣну платить? А если сего не будетъ, такіе

мастера будутъ принуждены съ голоду помереть или, оставя хорошее искусство, соразмѣрно съ состояніемъ народа вещи дѣлать. А потому и надзираніе за искусствомъ ихъ имѣть не можно.

Изъ всего сего я заключаю, что искусствы въ другихъ народахъ не отъ того процвѣтаютъ, что есть цехи, ибо они обще народу отяготительны и для лучшаго успѣху въ работѣ не полезны; но отъ того, что народы достаточнѣе, и не токмо внутри, но и внѣ градовъ, по торговлѣ сработанныя вещи выпускаютъ, а для сего каждый ремесленникъ старается, чтобъ болѣе работы пріобрѣсти, предъ другимъ побуждается, для охотниковъ лучшую работу содѣлываетъ, а самымъ тѣмъ ремеслы ихъ приходятъ въ совершенство.

Не токмо состояніе, введенный обычай, но и самый климатъ нашей страны кажутся составляютъ препоны такому учрежденію, ибо: 1-е, множество дворянъ съ немалымъ себѣ убыткомъ изучили ремесленниковъ, которые, можно сказать, и лучшіе есть; они и благонравіемъ своимъ, и искусствомъ большую часть ремесленниковъ мѣщанъ превосходютъ, а дешевизнею за работу дѣлаютъ пользу всѣмъ гражданамъ. 2-е, семь мѣсяцовъ продолжающаяся зима крестьянъ въ праздности оставляетъ, и изъ нихъ многіе на сіе время приходютъ въ города ремеслами своими себѣ прибыль получать и спомоществовать пользѣ общества.

То должны-ли для единыхъ мѣщанъ ремесленниковъ отнять у дворянъ плоды попеченія ихъ, сдѣлать сихъ ремесленниковъ безъ пропитанія, крестьянъ привести въ нужду и бѣдность, и гражданъ изубытчить дорогою платою? А все сіе безъ пользы и безъ приведенія ремеслъ въ хорошее состояніе.

Мнѣніе-же мое состоитъ, что, понеже ремеслы есть вещь вольная, а потому и никакого принужденія терпѣть не можетъ, слѣдственно, за чѣмъ всякому не позволить въ городахъ ремеслы свои производить? А гдѣ множество мастеровъ, тутъ всякій побуждается одинъ передъ другимъ лучше сдѣлать; чрезъ что не токмо рукодѣліи и ремеслы въ лучшее состояніе приходятъ, но и дешевизнею работы всѣ граждане пользуются.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

О убѣжаніи противурѣчія въ законахъ.

Единое надписаніе сей части покажетъ справедливость сего предложенія; ибо какъ намъ ожидать единообразнаго сужденія, чего правосудіе требуетъ, когда самой законъ не единообразность уже составляетъ?

Я таковыхъ противурѣчій между закона и закона множество-бы находящихся у насъ, могъ въ примѣръ предложить, но сокращуся на малое число, гдѣ оныя противурѣчія являются противны положеннымъ обрядамъ ко исполненію, или противны существу вещей, или противурѣчатъ въ разумѣ своемъ.

1-е. Въ указѣ о апеляціяхъ сказано, что по подписаніи дѣла должно немедленно объявить истцу и отвѣтчику опредѣленіе и дать имъ копіи; если они недовольны, то въ недѣлю должны подписаться, и ежели въ мѣсяцъ не вынесутъ указу о исполненіи, исполнять. Можно сказать, сколько тутъ есть словъ, столько есть противурѣчій. Подписаніе (мъ) протокола, или опредѣленія, называется подписаніе судьями, а высмотрѣніе прокурорское *пропущено*, которой (прокуроръ) иногда, по пространству дѣла, долженъ употребить мѣсяцъ для разсматриванія онаго; но пусть-бы подъ именемъ подписанія разумѣлось и самое пропущеніе прокурорское, какъ, не держася точныхъ словъ закона, но догадкою, по нуждѣ то дополняя, исполняется — объявлять оное. И тутъ прежде пропущенія прокурорскаго копіи списывать съ протоколу не можно, а иногда оный такъ великъ, что его въ недѣлю и не спишутъ, а не имѣвъ копіи, разсмотрѣнія и сличенія, челобитчикъ и отвѣтчикъ съ дѣломъ сдѣлать не могутъ, а потому и въ недѣлю подписаться имъ не можно, и выходитъ отъ того, что мѣсячной срокъ развѣ токмо на двѣ недѣли сокращается.

2-е. Въ Указѣ 1721-го году генваря 16-го дня оберъ-офицеры и дѣти ихъ, которые произошли не изъ дворянъ, дворянствомъ пожалованы; въ табели о рангахъ штабъ офицерскія дѣти и выше тѣхъ, токмо которые до 1722-го году генваря 24 дня были или дѣйствительно находились въ первыхъ осми классахъ, велѣно почитать равно съ знатнымъ дворянствомъ. То первое недоразумѣніе и состоитъ, что̀ простое дворянство и что̀ знатное дворянство, и осмикласныхъ офицеровъ дѣти, рожденныя послѣ сего закону, суть-ли дворяне, или не суть. Правда, по самому разуму словъ разумѣется, что если и прапорщичій сынъ, рожденный въ офицерствѣ, получаетъ дворянство, то штабской тѣмъ наиболѣе, но пустыя имена безъ правъ, означенныя „знатнаго дворянства“ и „просто дворянства“, все сіе въ замѣшательство приводятъ, а неозначеніе, что и всѣ штабскія дѣти, хотя-бы они въ сіи чины произошли и послѣ 1722-го году, правомъ ровнымъ офицерскимъ дѣтямъ пользоваться могутъ, особливо сію статью въ неясности оставляетъ и подвергаетъ законъ сей толкованію. Наконецъ послѣдняя статья сей табели о рангахъ и наиболѣе всему сему противурѣчитъ, ибо тамъ сказано, что ни отъ кого не получается дворянское достоинство, какъ отъ самого государя, когда оно патентомъ или диплономъ утверждено, а тѣмъ все вышеписанное пожалованье испровергнуто и оставлено токмо право просить о дворянствѣ, а получить оное отъ благоволенія монарша.

3-е. Въ одномъ рѣшенномъ дѣлѣ по наслѣдству недвижимыхъ имѣній послѣ брата двумъ сестрамъ и племянницамъ предписано, если у умершаго брата будетъ одна сестра и многія племянницы, братни дочери, то сестра получаетъ половину, а племянницы другую недвижимыхъ имѣній, и если-же, напротиву того, будутъ многія сестры и одна племянница, то всѣ сестры получаютъ по-

ловину, а племянница одна такую-жъ половину равно съ тетками своими. Сей законъ противурѣчителенъ въ естествѣ своемъ: ибо въ единаго родства степеняхъ неравность составляетъ, потому что родная иль родныя сестры умершаго то больше, то меньше племянницъ своихъ получаютъ, равнымъ образомъ и племянницы по числу ихъ. Право наслѣдственное всегда есть прилагательное: то либо племянницы, яко представляющіе отца или отцовъ своихъ по политическому праву, вступить во всѣ правы оныхъ должны съ исключеніемъ своихъ тетокъ, или, по близости крови, теткамъ предпочтительно предъ племянницей должно все право сохранить и быть единымъ наслѣдницами, или, наконецъ, мѣшая политическое право съ правомъ естественнымъ, всѣ ровныя части должны имѣть, — тетка, яко ближняя по крови, ровняяся съ племянницами, яко отъ мужеска полу происходящими, какое было положеніе и уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гдѣ сказано теткѣ съ племянницей дѣлить пополамъ.

Таковыя противурѣчительныя положенія не могутъ не сдѣлать затрудненія судьямъ и не привести въ нѣкоторой ропотъ подданныхъ, принужденныхъ жить подъ неясными законами.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Предохранить безопасность личную и имѣній.

Сіе единое оглавленіе означаетъ всю цѣль, къ коей всѣ благоустроенные законы клониться должны.

Однако, хотя по всему вышеписанному и составлены-бы были они со всѣмъ благоразуміемъ и осторожностію, каковыхъ требуетъ безопасность личная и имѣній; но могутъ при всемъ томъ случиться многіе судебные обряды, которые до законнаго рѣшенія сіе обое нарушаютъ, и о семъ я въ сей части точно намѣренъ говорить. Тщетно, наконецъ, законное рѣшеніе оправдитъ угнетеннаго человѣка, но когда взятіе подъ стражу, содержаніе въ темницѣ, изнуреніе и печаль ужъ жизнь его прекратили.

Мы благостію Господнею и мудрымъ учрежденіемъ монаршимъ не страшимся уже суровостей пытки, ни чтобъ окованнымъ быть привезеннымъ и безъ защищенія ввергнутымъ въ мрачныя темницы Тайной Канцеляріи; однако еще различенія нѣсть между содержанія и содержанія быть подъ стражей, хотя сама владычествующая надъ нами Императрица въ наказѣ своемъ изъяснила, что „разные суть роды взятія подъ стражу: единые берутся для того, чтобъ ихъ самихъ отъ какого зла предохранить; другіе по навѣту и по сумнѣнію; третіи, которые, яко осужденные, въ темницахъ содержатся, ожидая исполненія наказанія ихъ; наконецъ, четвертые, кои самымъ темничнымъ содержаніемъ наказуются“. Чего-жъ бы ради послѣ сего не сдѣлать такое учрежденіе для двоихъ первыхъ, чтобъ ни взятіе ихъ подъ стражу имъ страху и тревоги не навело, ни содержаніе-бъ ихъ ничего безчестнаго, ни огорчитель-

наго не имѣло; а и о послѣднихъ двухъ, хотя они суть и преступники, но они суть человѣки, зачѣмъ не употребить такихъ стараній, чтобы ни отъ сырости темницъ, ни отъ стѣсненія воздуха они болѣзней и мученій не претерпѣли? Ибо, еслибъ кто осужденъ былъ и на смерть, учини ему смертную казнь, но не мучь его и не умори прежде; сохрани его жива къ смертной казни для примѣра другимъ, а не мучь его безполезно; ибо свято есть слово Монархини нашей, изъясненное въ Наказѣ: „желательно, чтобы и въ темницы человѣколюбіе проникло“. Вѣкъ нашъ единое обстоятельство достойное примѣчанія представляетъ: аглечанинъ Говардъ путешествовалъ по цѣлой Европѣ не пышности дворовъ видѣть, не древности собирать, не политическія наблюденія дѣлать; онъ путешествовалъ видѣть темницы въ разныхъ государствахъ Европейскихъ, проникнуть взоромъ своимъ на страждущее тамъ человѣчество и сочиненіемъ своимъ обратить очи владыкъ земныхъ на сихъ страждущихъ, о коихъ никто не внималъ.

Говоря о безопасности личной, не могу я не помянуть и того, чего-бы ради каждому по уголовному дѣлу обвиняемому человѣку не дать стряпчаго или совѣтника, который-бы могъ спомоществовать ему оправдаться.

Въ малой или великой вещи имѣнія нашего имѣемъ мы прибѣжище къ совѣту стряпчихъ; но какъ скоро касается до нашей жизни или чести, тутъ въ робости, въ смущеніи и въ трепетѣ

духа, лишенные совѣту и помощи, сами должны отвѣчать и искать себѣ оправданій. Не могло бы отъ сего никакого зла произойтить, ибо пусть бы отъ сего нѣкоторые винные нашли случай оправдаться, но не лучше ли спасти единаго невиннаго, нежели сто виновныхъ погубить?

Говоря о содержаніи подъ стражей, не могу я умолчать о аглинскомъ узаконеніи, *габеасъ корпусъ* называемомъ, по коему каждый, въ какомъ бы уголовномъ дѣлѣ не былъ обвиняемъ, имѣетъ право, сыскавъ по себѣ поручителей, отъ содержанія подъ стражей избѣжать и пользоваться свободою. Чего-жъ бы ради сего у насъ не учредить? Ибо примѣръ аглинской намъ доказуетъ, что отъ сего никакого зла не происходитъ.

Приступая говорить о безопасности въ имѣніяхъ нашихъ, дабы не распространить напрасно сего труда изъясненіемъ необходимыя нужды, чтобы обряды законы безопасно сохраняли, я прямо приступлю къ показанію нѣкоторыхъ примѣровъ, которые оные разрушаютъ.

1-е. Власть неумѣренная, данная гражданскимъ палатамъ, которая равняется со властію сената, что, не взирая на апеляціи, опредѣленія исполняются. Вотчинная коллегія сей власти не имѣла, она была сочинена изъ лучше выбранныхъ судей, она была въ Москвѣ, а контора ея въ Петербургѣ, близко надзиранія вышняго правительства и знатнѣйшихъ особъ;

беззаконныя ея дѣла скоро свѣданы были, но и тутъ многихъ гражданъ ошибкою-ли, или умышленною несправедливостію въ разореніе приводила; то коль наипаче сорокъ двѣ гражданскія палаты, ни совѣстью, ни знаніемъ одобренныхъ судей не имѣющія, ниже имѣющія полное собраніе законовъ, а вящею властію снабженныя, могутъ нарушенія собственности имѣній сдѣлать! Еще вопль многихъ бѣдныхъ не достигаетъ до столицъ государства, за самой бѣдностію и разореніемъ ихъ, но что онъ есть, въ томъ нималаго сумнѣнія нѣтъ.

2-е. Повелѣно въ нижнихъ судахъ при отверзтыхъ дверяхъ объявлять рѣшительныя опредѣленія и, если въ недѣлю не подпишется апеляція, исполнять. Желалъ-бы видѣть я такого мудреца, который-бы при скоромъ чтеніи о запутанномъ дѣлѣ неяснаго опредѣленія, со включеніемъ еще множества и неясныхъ законовъ, писаннаго дурнымъ слогомъ, безъ статей и разстановокъ, могъ-бы вдругъ понять всю связь дѣла, припомнить законы и обстоятельства и апеляцію со справедливостію подписать. Къ тому-жъ всѣ почти дворяне имѣютъ въ разныхъ уѣздахъ свои деревни, то должны чрезъ повѣренныхъ дѣла свои производить, которые принуждены спроситься съ господиномъ о подписаніи апеляціи, на которую переписку даннаго сроку недовольно, а между тѣмъ временемъ срокъ проходитъ, и неправильныя опредѣленіи исполняются. Сіе тѣмъ еще

удивительнѣе, что законъ о апеляціи не отвергнутъ, а обрядъ его разрушаетъ, и не токмо нижнія правительствы, но и самъ сенатъ не знаетъ, какъ въ такихъ обстоятельствахъ поступать.

3-е. Отказы у насъ дѣлаются чрезъ нижніе суды, и легко подкупить посланнаго для отказу, который, не въѣзжая въ ту деревню, отказъ заочно учинитъ, написавъ, что отказалъ безспорно. Прибитые листы сему не помогаютъ, ибо окромѣ что какимъ воровствомъ они могутъ и не прибиты быть, многія у насъ цѣлыя деревни грамотныхъ не имѣютъ, бывъ отдаленны отъ губернскаго города, почти и не ѣздятъ въ оный; а два года пройдетъ, настоящій владѣлецъ беззаконно деревни лишится, а публично своровавшій оную получитъ. Не лучше-ли бы было, учиня отказъ, начальниковъ той деревни представить въ гражданскую палату, гдѣ при открытыхъ дверяхъ они-бъ подписались, что отказъ слышали, и тогда-же бы о семъ отказѣ для извѣстія помѣщику чрезъ газеты объявить.

Много-бы можно еще другихъ учрежденій найтить, которыя безопасность въ имѣніяхъ разрушаютъ, но я довольствовался сіи токмо предложить для примѣру, дабы побудить и на другія подобныя воззрѣніе особъ, опредѣленныхъ для составленія законовъ, обратить.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Ничего не налагать, что весьма отяготительно или неудобъисполняемо быть можетъ.

Колико разсудокъ нашъ ни ведетъ насъ чувствовать, что никакое общество безъ нѣкоихъ законовъ жить не можетъ: сего ради люди уступили часть своея свободы и своихъ выгодъ, дабы другими частьми безопасно пользоваться. А изъ сего самаго и слѣдуетъ, что не могли они бо̀льшую часть уступить, а самымъ тѣмъ ввергнуть себя въ худшее состояніе, нежели-бы могли быть.

Се есть размѣръ полагаемой тягости законной. Если изъ сего размѣру оная не выйдетъ, то законы любимы, почитаемы и точно исполняемы гражданами, а потому и долго пребывающи суть; ибо каждый гражданинъ находитъ собственную свою пользу ихъ сохранять и споспѣшествовать пребыванію ихъ. Напротиву же того, если они изъ вышесказаннаго размѣру выдутъ, то каждый ихъ возненавидитъ, злоупотребленія и подкопы умножатся, и самой ненавистью народною оные истребятся. Тщетно самовластіе думаетъ сему поставить преграду: силы его, никогда на добродѣтели не основанныя, исчезаютъ.

Въ примѣръ сему можно положить тонкое теченіе воды, которое истираетъ крѣпкой камень; то какъ всеобщее стремленіе не разрушитъ безумной власти? Хотя точно въ примѣръ я таковымъ отяготительнымъ законамъ и не предложу, но общимъ образомъ сдѣлаю я начертаніе нѣкоторымъ вещамъ, кото-

рыя таковымъ законамъ подвергнуты могутъ быть. Оныя суть: безчестіе и униженіе имени, смѣшеніе состояній людскихъ, чиненная строгость въ уголовныхъ дѣлахъ прежде обвиненія, неимѣніе свободы въ своихъ имѣніяхъ и въ производствѣ работы рукъ своихъ, и тому подобныя.

Ничто же болѣе самовластія не доказуетъ, какъ сочиненіе законовъ неудобъисполняемыхъ и, увидѣвъ неудобность ихъ, оставленіе ихъ въ существѣ. Сіе не токмо ненависть, но и презрѣніе къ законамъ производитъ. Я уже о нѣкоторыхъ таковыхъ законахъ помянулъ здѣсь выше, тутъ, гдѣ я говорилъ, что законы должны быть сочинены сообразно съ умоначертаніемъ народнымъ, съ физическимъ и политическимъ положеніемъ государства. Въ примѣръ сему скажу: указъ 1714-го году о наслѣдствѣ въ имѣніяхъ одному не могъ долго состоять. Предписаніе, чтобъ ходящіе на судахъ бурлаки суда отъ разбойниковъ защищали и, нанявшись только тянуть и провожать судно, вмѣсто правительства, долженствующаго охранять безопасность путей, защитниками судна учинились, никакъ не исполняется. Платежъ съ проѣзжихъ за мосты и перевозы отмѣненъ, а суммъ довольно для содержанія оныхъ не положено, да и положить за великостію ихъ не можно. Что-жъ вышло? Мостовъ и перевозовъ нѣтъ, дороги пресѣклись, по злоупотребленію за перевозъ двойныя деньги берутъ, и проѣзжіе отъ простою претерпѣваютъ. Еще

есть одинъ у насъ законъ, который хотя рѣдко ко исполненію случиться можетъ, однако не есть противу естества вещей, чтобы ему не случиться. Оный есть, что послѣ смерти мужа, если останутся жена, сыновья и дочери, тогда первое выдѣливается изъ недвижимаго имѣнія женѣ седьмая часть, каждой дочери противъ жены въ половину, а остальное сыновья дѣлятъ по равнымъ частямъ. Но если-бы случилось, что кто умеръ, оставя по себѣ жену, двѣнадцать дочерей и сына, жена-бъ взяла седьмую часть, дочери каждая противъ жены въ половину, всѣмъ бы учинило шесть частей, то чтобъ осталось сыну, которой бы такимъ образомъ безвинно по худому исчисленію закона былъ лишенъ наслѣдія отца своего?

Много-бы еще можно о таковыхъ законахъ упомянуть, но думаю, что предложенные мною примѣры суть довольно ясны, дабы къ нужной осторожности побудить законодателей.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

Упредить злоупотребленія.

Довольно я выше описывалъ о ясности слогу законовъ и о осторожности отъ противурѣчій, а гдѣ законъ ясенъ и не противурѣчивъ, тутъ благоразумный судья не можетъ учинить злоупотребленія ошибкою какою. Я сказалъ благоразумный судья; но, входя въ состояніе Россійской имперіи, гдѣ штатская служба по большей части служитъ убѣжищемъ отшедшимъ отъ военной службы, много-ли есть такихъ судей, которые-бъ знали законы, или, по

крайней мѣрѣ, знали-бы и понимали разумъ ихъ изъ грамматическаго сложенія россійскаго слова? А однако таковые не токмо въ нижніе судьи, но и въ вышніе, не учась, опредѣляются; законъ хотя еще не ясный, имъ еще не яснѣе кажется; судъ идетъ развратный и противурѣчительный; законы затмеваются, а народъ страждетъ. Не говорю уже я о пристрастіяхъ и умышленныхъ злоупотребленіяхъ, которыя нерѣдко бываютъ.

Но какъ поправить сіе зло, отъ вышняго правительства до нижайшаго гражданина всѣми ощущаемое? Я говорю, что премѣнить порядокъ опредѣленія судей не можно, ни уставить особливый чинъ людей учащихся правамъ для судейскихъ должностей, хотя весьма-бы желательно было, чтобъ въ разныхъ заведенныхъ всенародныхъ училищахъ правилы грамматики, логики и законовъ преподавали. Ибо сіи науки ни въ какой должности лишними быть не могутъ, а къ тому никого выходящаго изъ военной службы вдругъ въ первые какого мѣста не опредѣлять; но долженъ онъ по крайней мѣрѣ три года пребыть вторымъ, третьимъ или четвертымъ членомъ въ какомъ мѣстѣ, и, получа засвидѣтельствованіи о прилежности и понятіи своемъ, ожидать перемѣщенія по чину своему.

Петръ Великій разумно усмотрѣлъ, что по состоянію россійскому должно людей изъ военныхъ въ штатскіе опредѣлять, чего ради, размышляя, что секретари суть обыкновенно люди про-

исшедшіе изъ самыхъ нижнихъ чиновъ приказныхъ, а потому изъ юности привыкшіе къ познанію законовъ, предписалъ, что въ выпискѣ, за сочиненіе ея и за подобраніе законовъ, отвѣтствуетъ подъ наказаніемъ секретарь. А къ тому-жъ были учреждены школы юнкерскія, гдѣ познанію законовъ учились, которыя -- не знаю для чего — когда толь тщатся новыя училища заводить, оныя старыя уничтожили.

Говоря о секретаряхъ, съ сожалѣніемъ я нынѣ вижу, что оные и весь родъ приказныхъ людей перевелся, и знающаго почти никого нѣтъ. Тщетно цѣлую армію изъ разныхъ чиновъ людей въ списки сего роду вмѣстили, то учинили списки животныхъ, а не знающихъ законовъ людей. Да какъ и возможно быть знающимъ секретарямъ? Насилу кто опредѣлится въ писцы, уже черезъ годъ его жалуютъ въ регистраторы; а въ три или въ четыре года онъ уже и въ секретари доходитъ, чтобы, не познавъ еще прямо своей должности, судьею учиниться. Не лучше-ль бы было опредѣлить тройное время для всякаго чину ихъ службы, то есть, раздѣляя по искуству и прилежности, прежде-бы котораго никто произвожденія получать не могъ?

А для секретарей и еще оное продолжить двумя сроками, въ каждый срокъ прибавляя ему жалованья, но сіе оставить на произволеніе того, чинъ-ли, или жалованье изберетъ, дабы не удручить ни достоинства, ни нужнаго честолюбія; а симъ способомъ вскорѣ

приказный чинъ знающими людьми наполнится.

Но еще сего не довольно: если не будетъ возмездія за добрыя дѣла и наказанія за худыя, то всѣ правилы сіи недовольны суть. Правилы о награжденіяхъ положить я не могу, ибо разныя на сіе обстоятельствы суть, и правительство по самому обстоятельству дѣлъ знаніе и прилежность усмотрѣть можетъ, а къ тому и одобреніе отъ начальниковъ послужитъ; но что касается до наказаній (я говорю: при ясныхъ законахъ), то окромѣ должнаго надзиранія начальниками, въѣзду и выѣзду въ присутственныя мѣста извѣстному главному правительству, по самымъ дѣламъ, входящимъ по апеляціямъ, можетъ оно усмотрѣть справедливое внятіе или невнятіе законовъ; а потому, смотря если невнятіе до крайности простирается, и за первый разъ, отрѣша, отдать подъ судъ, а если не такъ велико, то противъ имени его въ спискахъ отмѣтить о невнятіи его закона по рѣшенному дѣлу, и, смотря по важности невнятія, за второй, а много за третій разъ отрѣшить и, по важности причины, подъ судъ для наказанія отдать или взыскать пеню.

Сіи суть мыслей моихъ краткія начертанія, весьма пространныя причины; и если они достигнутъ въ руки такихъ людей, которые могутъ въ дѣйство ихъ употребить, то ежели одна строка изъ оныхъ къ счастію рода человѣческаго послужитъ, я буду себя считать за весь трудъ мой довольно награжденнымъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ *).

Отъ начала составленія обществъ, и слѣдственно съ начала бывшихъ нѣкоторыхъ условій, которые потомъ законами учинились, около половины нашего столѣтія предложена была до сего небывалая задача: должно ли наказывать великихъ преступниковъ смертною казнію, или нѣтъ?

Господинъ Бекарій, предложившій и изъяснившій сію задачю въ трудѣ своемъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, старается изыскать, могли ли люди дать надъ собою право у нихъ жизнь отнимать, а потому и имѣютъ ли правительства таковое право?—изъясняетъ потомъ самую неполезность сего права, говоря, что естьли кто нанесъ вредъ обществу, то не смертью, чинящею его не въ состояніи никакого возмездія учинить, но работою, по конецъ жизни продолжающеюся, учинитъ и впечатлѣніе страху въ тѣхъ, кто бы восхотѣлъ впасть въ подобное преступленіе, и трудомъ его, опредѣленнымъ въ пользу общества, удовлетворитъ приключенный имъ вредъ. Говоря при томъ, что отъ смертныя казни жесточаютъ токмо души, и что вездѣ, гдѣ суть высокія наказанія, тутъ болѣе есть преступленій, приводя сему въ примѣръ самое время царствованія Императрицы Елисаветы въ Россіи.

Европа видѣла сочиненіе господина Бекарія, воздала достойную хвалу его человѣколюбивымъ мыслямъ, но онымъ нигдѣ, кромѣ Россіи, не послѣдовали. А посему и хочю я разсмотрѣть, во всемъ ли справедливы предложеніи сего ученаго человѣка?

Я кратко выше изъяснилъ, какія суть его мнѣніи, которыя пространно каждый можетъ видѣть въ самомъ его сочиненіи. Здѣсь же за нужное почитаю изъяснить: I. Подлинно ли общества не имѣютъ права наказывать великія преступленія смертною казнію?

*) Статья эта написана въ 1788 году, какъ видно изъ ея содержанія (см. ниже стр. 448). Издается съ напечатаннаго въ I книгѣ. Чтеній въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1860 года—изъ числа 10 статей, переписанныхъ съ бумагъ кн. М. М. Щербатова М. П. Заблоцкимъ, по свидѣтельству Бодянскаго—*съ дипломатическою точностью* (см. Предисловіе къ разнымъ сочиненіямъ кн. М. М. Щербатова въ той же книгѣ Чтеній).

II. Не имѣемъ ли мы утвержденія сего права и въ самомъ нашемъ законѣ? III. Производитъ ли всякое другое наказаніе такое впечатлѣніе зрителямъ, какъ смертная казнь? IV. Есть ли въ предложеніи господина Бекарія толико человѣколюбія, какъ чтится онъ показать? V. Удобно ли полагаемое г-номъ Бекаріемъ удовлетвореніе исполнится въ пространныхъ государствахъ? и VI. Какъ въ Россіи отрѣшена смертная казнь, и какъ наказаніи за великія преступленіи бываютъ?

I.

Когда составлялись общества—почтемъ ли мы ихъ начало отъ первыхъ родоначальниковъ—или по избранію разсѣянные роды, для лучшаго надъ собою управленія, дали единому или многимъ власть, то не могли они сего учинить, не учиня сію власть неограниченну наказывать всѣ преступленіи, клонящіися разрушить общество, а потому не уповательно, чтобы въ условіи не была вмѣщена и смертная казнь за великія преступленія. Повѣствіи древнѣйшихъ историковъ о законахъ и обычаяхъ старобытнѣйшихъ народовъ, гдѣ мы видимъ, чѣмъ древнѣе народъ, то казни за преступленія были жесточайшія, сіе доказуютъ. Отъ того ли сіе произошло, что первые жители свѣта имѣли суровѣе нравы, или отъ того, что вновь сочиняющіися общества требовали крѣпчайшихъ узъ, дабы при началѣ не быть расторгнутымъ, или отъ того, что первые законодатели, и не воображая себѣ, чтобы нравы людскіе могли повредиться до такой степени, до какой они послѣ поврежденіемъ дошли, не по поврежденію нравовъ, и не по слабости естества человѣческаго, но по своей добродѣтели полагали степень преступленіямъ. Не могу я надивиться, что господинъ Бекарій предлагаетъ, что въ число условій жизнь человѣческая не могла включиться: ибо тѣ, которые дѣлали первые условіи, содѣловали ихъ для сохраненія принадлежащего имъ, то могли ли подвергнуть жизнь свою къ казни, безъ чего и все, что есть, не нужно? Я отвѣчаю: конечно, могли. Ибо никто, содѣлывая условія, не хотѣлъ преступленій надъ собою терпѣть, а потому, что дороже жизнь ему своя казалась, то дороже за нее онъ цѣну поставлялъ; и конечно, было болѣе такихъ, которые, въ таковыхъ расположеніяхъ были, нежели такихъ, которые намѣрялися содѣлать уголовные преступленія и убійства, ибо сіи и не имѣли нужды въ обществѣ, которое развратнымъ ихъ сердцамъ противно было, но, за недостаткомъ силы, принуждены были согласиться на смертное наказаніе за преступленіи, которые бы и хотѣли содѣлать. Да въ самой вещи, случай болѣе доводитъ до преступленія, нежель сердце, и тако едва таковые и были-ль. Къ тому же самый г. Бекарій мнѣ не оспоритъ, что единая изъ главнѣйшихъ притчинъ составленія обществъ была, чтобы защититься отъ непріятелей. Защищеніе требуетъ драки, а драка съ обѣихъ сторонъ убійства;

а однако они естественно обязались и съ потерянiемъ жизни общество и домы свои сохранять; то естьли бы положенiе г. Бекарiя было справедливо, что жизнь человѣческая не можетъ въ условiе сочиненiя обществъ входить, не вошло бы и то въ условiе, чтобы съ пролiятiемъ крови своей защищать общество и домы свои, а потому бы такое общество было покорено всякимъ такимъ, которое бы не имѣло сей превыспренней нѣжности. Но чтобы такое животолюбивое общество когда было, сiе смѣху достойно.

II.

Колико новая философiя, отрѣшая все откровенiе, сама собою не хощетъ достигнуть до великихъ истинъ, однако, пока мы не сложимъ съ себя имя Христiанъ, пока священныя книги будутъ составлять у насъ основанiе нашея вѣры, мнѣ кажется, что самое благоразумiе научаетъ насъ сходствовать въ самыхъ гражданскихъ узаконенiяхъ нашихъ тѣмъ правиламъ, которыя законъ нашъ почитаетъ быть предписанными самимъ Богомъ. Пусть нѣкоторые, желая и отъ сего ига свободиться, говорятъ, что наказанiя, предписанныя въ Ветхомъ Завѣтѣ великимъ преступникамъ, были сравнены съ суровствомъ того народа, которой тогда подъ богоначальствомъ и въ самомъ гражданскомъ правленiи находился, а потому и не могутъ намъ служить. То первое, кажется въ семъ случаѣ сiе отвѣтствуется тѣмъ, что еще идетъ въ вопросѣ: а именно, нѣтъ ли, хотя подъ

другимъ видомъ и въ насъ не менѣе ожесточенiя сердечнаго, какъ въ томъ народѣ? а второе, когда выше доказали, что самое естественное право—и основанiи первыхъ обществъ—не могло быть безъ установленiй смертныхъ казней; а потому, сходствуя во первыхъ съ божественнымъ закономъ, богохулецъ и развратникъ вѣры, разрушающiй то, что есть найсильнѣйшее у сообществъ; убiецъ, похищающiй у человѣка то, что никакая власть смертнаго не можетъ возвратить; предатель отечества, нарушающiй самое то, чего ради общества учредились, равно какъ и по божественнымъ правамъ, и по первенствующему условiю, смерти подлежатъ. И не можемъ мы мудрствованiемъ своимъ сiе отрѣшить, не разруша единаго и другаго; также не можемъ мы безъ самаго безумiя подумать, чтобы мы мудрствованiемъ своимъ могли превзойти милосердiе Создавшаго насъ. Но да не рекутъ паки о суровости Iудейскихъ законовъ, преданныхъ самимъ Богомъ, чрезъ Моисея, сему народу. Правда, что не токмо въ Десятословiи запрещено всякое убiйство, но оказано толикое омерзенiе Богомъ къ пролiятiю крови человѣческой, что даже животное, умертвившее человѣка, смерти предавалось. Но тогда же и видно милосердiе Божiе, ознаменитое въ сихъ законахъ, что нечаянный убiецъ могъ избѣжать себѣ осужденiя и мщенiя отъ родственниковъ (что ради суровства нравовъ народа сего было учинено), убѣгая въ единый изъ градовъ

убѣжища, установленныхъ во всѣхъ частяхъ областей дѣтей Израильскихъ. А потому не можно сказать, чтобы при строгомъ правосудiи не зрилося и милосердiе, во установленiи Iудейскихъ законовъ.

III.

Все, что г-нъ Бекарiй говоритъ о осужденiи убiйцовъ и другихъ великихъ преступниковъ въ вѣчную работу, и яко бы видѣнiе ихъ страждущихъ въ оной произведетъ впечатлѣнiе надъ тѣми, которые бы восхотѣли ихъ примѣру подражать, нѣсть довольныя силы, въ сравненiи съ смертною казнiю; и сiе я потщуся доказать. Первый мой вопросъ состоитъ: Не затвердѣлые ли въ грубости и развратности сердца на великiя преступленiя дерзаютъ? и какъ не мню, чтобы кто мнѣ въ семъ учинилъ противурѣчiе; ибо, не добродѣтельные люди, и не тѣ, которые бы могли владѣть страстями своими, и страшились бы преступленiй, въ оныя охотно ввергаются, то я ко второму вопросу приступаю. Не истинно ли есть, чтобы найразвратнѣйшiй преступникъ, зная неизбѣжное ему наказанiе, не дерзнулъ преступленiе содѣлать? Думаю, что и въ семъ мнѣ не оспорятъ. Третiе: тако разбойникъ подвергается на труды, на раны и на боязнь, дабы убiйство и грабежъ учинить, съ надеждою, однако, избѣжать смерти; ибо естьли бы зналъ подлинно, что онъ въ разбоѣ будетъ убiенъ, то бы, конечно, не покусился чинить разбои. Въ семъ случаѣ такъ же думаю,

что и самые разбойники утвердятъ мое мнѣнiе, и оно есть слѣдствiе перваго вопроса. И потому и ясно есть, что всякое другое впечатлѣнiе меньше дѣйствуетъ въ человѣкѣ, какъ впечатлѣнiе смерти.

Разсмотримъ мы естественное положенiе человѣка и дѣйствiя его непорядочныхъ хотѣнiй. Сiе есть неоспоримое правило, что каждый человѣкъ убѣгаетъ отъ того, что ему зло быть является, и ищетъ того, что онъ благомъ почитаетъ. Природа сама старалася вдохнуть въ насъ сiи чуствованiя, для побужденiя нашего убѣгать отъ всего того, что зло естеству нашему можетъ нанести; но люди самое милосердное дарованiе природы во зло употребили, и почли не то благомъ, что самое благо есть, и не то зломъ, что самое зло есть; ибо вмѣсто, что благо есть послѣдовать должности, предписанной естествомъ человѣку и вкушать отъ самаго сего удовольствiе, роскошь, самовольство и неподвластность величайшимъ почли благомъ. Зло же есть всякое отступленiе отъ своихъ должностей. А почли зломъ все то, что удерживаетъ и стѣсняетъ непорядочные хотѣнiи человѣка. Отъ сихъ главностей пошедъ, чего преступникъ ищетъ? Онъ ищетъ удовольствiя своихъ хотѣнiй, и ради того, изочтя по своему несправедливому щету, коль трудно ему исполненiе его должностей, дерзаетъ на всѣ опасности, чтобы мнимое себѣ благо прiобрѣсти. То таковый остановится ли воображенiемъ работы и

труда отъ исканія мнимаго себѣ блага, когда онъ и не подвергаясь ни къ чему, работою и трудомъ могъ бы дѣйствительное оное имѣть? Тѣмъ найпаче, что при самыхъ преступленіяхъ своихъ, бывъ уже пойманъ, ежели токмо страшится работы и труда, надѣится какимъ нибудь образомъ ушедши, оныя избавиться, и тѣмъ съ вящимъ стремленіемъ возвращается къ своимъ преступленіямъ, что опасность, дабы опять не впасть въ подобное заключеніе, и невозможность почти уже нигдѣ убѣжища сыскать, его паче къ сему побуждаетъ. А потому сей способъ для самихъ преступниковъ есть недоволенъ отвратить ихъ отъ преступленій, ниже для зрителей, которые видятъ осужденіе въ работу такихъ найболѣе людей, которые бы и безъ того должны были работать, едва и внимаютъ ли, чтобы сіе было наказаніе. Вмѣсто что смертный ударъ, разрушая вдругъ естество человѣческое, чинитъ, что сіе единое уже убійца устрашаетъ, то ему и грозитъ, и зритель, видя казнь преступника, трепещетъ духомъ и страшится подъ оную подпасть.

Правда, что г-нъ Бекарій представляетъ и то его утвержденіе своихъ мыслей, что въ единую минуту исполненная казнь не оставляетъ толико памяти по себѣ, колико видѣніе всегда въ трудѣ и работѣ находящихся преступниковъ. Но на сіе можно отвѣтствовать, что люди имѣютъ память, и что не токмо дѣйствительное видѣніе исполненія смертной казни устрашаетъ,

но и напоминаніе оной, и самое раскazаніе приводитъ въ трепетъ сердца и духи. Но видѣніе работающихъ сихъ? Первое, всякой ли съ любопытствомъ будетъ разсматривать тягость ихъ работы и жестокость ихъ содержанія, и тѣ, которые и увидятъ ихъ худыхъ, безобразныхъ, влачащихъ тяжкія бремена, почти обнаженныхъ въ хладное время, содѣлаютъ ли всѣ надлежащія заключенія о всей боли и тугѣ, которую они претерпѣваютъ? Кажется, что лѣность размышлять и соображать есть единый изъ главнѣйшихъ пороковъ людей; слѣдственно, и видя все сіе, не размыслятъ о терпѣніи ихъ, и не изобразятъ ясно себѣ ихъ тугу и болѣзнь, а потому и толь сильнаго впечатлѣнія въ сердцѣ своемъ имѣть не будутъ. Но смерть есть смерть. Каждый ея страшится, и имя ея уже сочиняетъ впечатлѣніе въ сердцахъ человѣческихъ.

Болѣе еще скажу, что самое то, что г-нъ Бекарій охуляетъ, мнѣ похвально быть мнится. Говоритъ онъ, что судьи осужденнаго со многими приготовленіями ведутъ на казнь. Но какая есть сему причина? А разсмотрѣніе сего и докажетъ мудрость, полезность и человѣколюбіе сего установленія. Понеже законы не для безплоднаго мщенія умерщвляютъ преступника, но дабы самая смерть его, чиня впечатлѣніе въ сердцахъ зрителей, отвратила, естьли бы кто восхотѣлъ впасть въ подобное преступленіе; чинятъ всѣми обрядами болѣе еще ужести въ смертной казни, нежели простое и мгновенное пресѣче-

ніе жизнь приключаетъ. Сего ради, и веденіе преступника всенародно на казнь, окруженнаго палачами; сего ради возженныя свѣщи, изъявляющія погребательные знаки; сего ради отецъ духовный, увѣщающій его къ покаянію; сего ради понужденія ему просить прощенія отъ зрителей. Сказалъ я, что сіи обряды, въ самой ужести своей есть человѣколюбивы, ибо они, наводя ужесть, не умножаютъ физическаго страданія преступника; но ужесть, коимъ сердце его терзается, нѣсть безчеловѣчна. Ибо сія ужесть приближенія къ смерти можетъ побѣдить преступника, поелику возможно, принести свое покаяніе Богу, и еще отъ сего милосердаго Вышняго Естества получить нѣкое милосердіе. Тако законы, оказуя, съ единой стороны, ненависть къ преступленію, милосердуютъ самому преступнику, погубляя его тѣло, достойное погибели за преступленія, и, въ примѣръ другимъ, пекутся, однако, о душѣ его.

IV.

Никакъ я не намѣренъ какихъ худыхъ расположеній сердцу господина Бекарія приписывать, возлагая болѣе на ошибку, сродственную человѣку, называть то человѣколюбіемъ, что въ самомъ дѣлѣ жесточае есть смертные казни, то есть, вѣчная и отяготительная работа, возложенная на преступниковъ въ удовлетвореніе, нанесеннаго ими вреда обществу.

Но подлежитъ на сіе учинить вопросъ: Какую онъ сію работу полагаетъ, и какое содержаніе симъ виновнымъ?

Естьли работу жестокую, и содержаніе, могущее токмо жизнь сохранять человѣку; чтобъ жестокія бремена, носимыя сими нещастными, неимѣніе упокоенія, гладъ и жажда, томящія ихъ тѣло, и подверженіе къ жару солнечному лѣтомъ, къ строгости мразу зимою, и ко всѣмъ безпокойствамъ и безгодіямъ каждаго времени года, дабы ежечасно, чуствуя скорбь и трудъ, могли притти въ раскаяніе, а зрители бы, сіе видя, жестокости устрашились. Не зрю я въ семъ положеніи никакого человѣколюбія, чтобъ, налагая сверхъ силы человѣческой, и не давая ни довольной пищи, ни покоя, удручить по малу нещастнаго, и тихими, но мучительными, стопами его къ смерти же доводить. Не можно ожидать во многихъ и чистосердечнаго раскаянія; ибо сіи суть, по большей части, люди, имѣющіе сердца ожесточенныя, скорѣе ввергнутся въ отчаяніе, нежели достигнутъ къ покаянію. Примѣръ множества Родервикскихъ каторжныхъ сіе намъ доказуетъ; а къ тому же послѣдняя изчезаетъ въ человѣкѣ надежда; среди всей туги, среди всей тягости работы и изнуренія, надѣится каждый какимъ ни есть способомъ отъ жестокости сей избѣжать; а посему и къ чистому покаянію не достигаетъ. Не можетъ сіе произвести сильнаго впечатлѣнія въ сердцахъ зрителей; ибо мимоходомъ, или неучастнымъ окомъ и безъ примѣчанія, взираютъ на ихъ труды и истощеніе, или не могутъ вообразить себѣ ихъ туги. А, кажется, изысканіе,

какъ бы найболѣе удручить жизнь человѣческую, какъ бы отягчить нещастныхъ, и, не взирая на ихъ преступленіи, не имѣть къ нимъ жалости, явить въ начальникахъ не похвальное ожесточеніе сердца, тѣмъ болѣе охулительное, что они должны его продолжительно имѣть, а въ приставахъ ту же стойкость и привычку безъ жалости взирать на страждущихъ. А посему, сей способъ, умучая долговременнымъ трудомъ и болѣзнію нещастнаго, ведетъ его къ смерти, не производя ни надъ нимъ великаго дѣйствія, и не чиня впечатлѣнія зрителямъ, служитъ токмо законнымъ образомъ вложить жестокость и безчеловѣчіе въ начальниковъ и приставовъ, и естьли не дѣяніемъ, то расположеніемъ сердца, и ихъ виновными учинить. И о семъ-то образѣ наказанія можно приложить самыя слова господина Бекарія, что судьи со многими судебными обрядами располагаютъ найдлиннѣйшую казнь, ожесточающую безъ пользы человѣчество и приводящую къ суровости другихъ сердца.

Но я думаю, что мнѣ отвѣтствовать будетъ, что, конечно, не къ такому тихому мученію, наводящему же смерть, онъ преступниковъ сихъ подвергаетъ, а единственно для удовлетворенія приключеннаго ими вреда обществу, почитаетъ, что должно на нихъ наложить тяжкую работу, но не превосходящую силы человѣческія, дать имъ нужное, но довольное пропитаніе, дабы гладомъ не изнурялись; не подвергнуть ихъ ко мразу и беспокой-

ствамъ временъ неодѣянныхъ; ибо поступая инако, подлинно бы въ безчеловѣчіе впали. Но гдѣ же наказаніе? Гдѣ примѣръ, отвращающій другихъ отъ подобныхъ преступленій? Большая часть таковыхъ преступниковъ бываютъ изъ самаго низкаго состоянія людей, а многіе изъ нихъ и едва дневную пищу имѣли, то почувствуютъ ли они работу, къ которой, по состоянію своему, изъ дѣтства привыкли? Но пусть нѣсколько лишняя работа на нихъ и возложится: умноженіе труда будетъ единственно токмо чуствительно имъ, а не зрителямъ, которые, видя, что они ничего весьма тягостнаго не дѣлаютъ, зная же ихъ самихъ и видя одѣянныхъ, никакого впечатлѣнія страха преступленія имѣть не будутъ; а потому наказаніе и не достигнетъ до главнаго своего предмета, отвратить страхомъ другихъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій.

Мнѣ кажется, что г-нъ Бекарій имѣлъ въ такомъ положеніи вычетъ економической. Убіецъ умертвилъ человѣка: да удовлетворитъ онъ обществу своею работою убытокъ, какой ему симъ убійствомъ нанесъ. Яко бы жизнь человѣческая могла цѣнена быть, и яко бы законы взирали въ наказаніи убійца не на кровь гражданина, напрасно пролiянную, но токмо на убытокъ, которой оно претерпѣваетъ лишеніемъ человѣка. Во истинну, естьли сіе и есть економически разсуждаемо, но нѣсть сходно съ нравственнымъ положеніемъ законовъ.

V.

Является, что господинъ Бекарій, писавъ въ Италіи, взиралъ токмо на малыя страны, сочиняющія разныя области Италіи, а не на общее положеніе всѣхъ народовъ земнаго шара. Малыя области, въ которыя Италія раздѣлена, и многонародіе сей страны, чинятъ, что убійствы и преступленіи по размѣру трудностей ихъ сокрыть, рѣдки бываютъ. А естьли гдѣ оное и случится, вскорѣ пойманный преступникъ предается суду, и можетъ, бывъ осужденъ, быть хотя въ одномъ градѣ примѣромъ и другимъ жителямъ по близости ихъ разстоянія. Но въ великихъ областяхъ, не толь населенныхъ и покрытыхъ отчасти лѣсами, какова есть Германія, Польша, Швеція и Россія, преступленій болѣе содѣвается по сложному размѣру пространства и удобности сокрыть оныя. Столичные града имѣютъ болѣе стеченіе народа, а потому въ нихъ и болѣе преступленій бываетъ. То понеже полезно есть, чтобы преступники наказанія претерпѣвали въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ содѣлали преступленіе, коликія по числу преступниковъ надлежитъ содѣлать великія и крѣпкія зданія во столичныхъ и во всѣ городахъ, колико должно имѣть военныхъ людей для стражи, и коликую издержку сіе Государству приключитъ! Да и самая сія издержка повлечетъ за собою многія неудобности, яко могущіе случиться побѣги и самые бунты отъ скопившагося великаго числа преступниковъ. Не единое умствованіе меня доводитъ тако

разсуждать, но долго пребывающій примѣръ въ Россіи. Когда строился Родервикской портъ, отсылали туда преступниковъ для работы, цѣлые полки опредѣляемые были для стражи за ними, полки и военные люди, почитающіе себѣ въ наказаніе быть опредѣленными къ сей стражѣ, и слѣдственно за вину тѣхъ безвинно претерпѣвающіе. Не взирая на строгую дисциплину, на частые дозоры, на поставленіе стражей повсюду, и на цѣпь, когда нещастные ходили на работу, случалось, что нѣкоторые уходили, и бывали заговоры и злоумышленіи отъ собранныхъ въ единое мѣсто злодѣевъ; а за все сіе стражи, по военнымъ законамъ, претерпѣвали наказаніи. Есть ли мнѣ отвѣтствовать будутъ, что строгое каблюденіе все сіе предупредитъ, и что стражи ослабленіемъ своимъ сами виновати, я въ томъ не спорю, судя по законамъ; но естьли судить по человѣчеству, возможно ли, чтобы стражи упаслися отъ всѣхъ злодѣйскихъ вымысловъ толпы собранныхъ злодѣевъ? Возможно ли, чтобы ихъ осторожность была ровна вымысламъ и бдѣнію людей, хотящихъ спастися отъ работы? Ибо, коль бы твердая стража ни была, послѣ труда и бдѣнія ослабѣваетъ бодрость стражи, а въ самое то время утверждается крѣпость хотящихъ либо бѣгствомъ спастися, или злой заговоръ исполнить; ибо единый не знаетъ ни часу, ни времени предпріятія злодѣйскаго, а другой для спасенія своего бдитъ и бодрствуетъ исполнить намѣреніе свое.

А все сіе, какъ я выше доказалъ, безъ пользы для общаго положенія государства, и безъ приключенія страху, естьли бы кто возжелалъ подражать такимъ преступленіямъ.

Сказалъ я выше, что для примѣру должно тутъ быть и наказанію, гдѣ содѣлалось преступленіе, а потому сосланіе въ дальные области для работанія въ рудникахъ, или для другихъ какихъ подобныхъ работъ, отдаляется отъ сего правила, и полезно для удержанія отъ преступленій быть не можетъ; ибо сіе наказаніе производится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и неизвѣстно того преступленія, и бывъ не видимо тутошними жителями, ни другими, по обыкновенномъ отдаленіи такихъ мѣстъ отъ другихъ, никакого впечатлѣнія не учиняетъ.

VI.

Сказалъ я выше, что Европа, прочетши трудъ г-на Бекарія, похвалила желаніе его показать человѣколюбіе, но не приняла его правила о отрѣшеніи смертныя казни, окромѣ Россіи, гдѣ уже во все время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны смертныхъ казней не было.

А сего ради и надлежитъ мнѣ разсмотрѣть; 1) Какія были побудительныя причины отставленія смертной казни Императрицею Елисаветою Петровною? 2) Подлинно ли убавились преступленіи, и отъ того ли убавились, что смертная казнь отставлена стала? и 3) Какая нынѣ казнь вмѣсто смертной налагается и какъ она производится?

1. Хотя не можно сказать, чтобы Императрица Елисавета Петровна не имѣла исполненное человѣколюбіемъ сердце, но смертныя казни при самомъ возшествіи ея на престолъ отставлены были не на основаніи системы человѣколюбія, но по единой набожности; ибо извѣстно, что, умышленіемъ гвардіи Преображенскаго полку Гренадерской роты, она, низвергнувъ Іоанна III, на престолъ Россійскій была возведена. Идучи на сіе предпріятіе, гдѣ крайняя ей опасность представлялась, она, принося свои молитвы Вышнему, обѣщалась, что естьли возможетъ взойтить на родительскій престолъ, во все время царствованія своего не лишитъ никакого виновнаго жизни. Обѣтъ, который она сохранила, и легко, по склонному къ милосердію ея сердцу, ей было его сохранить. И тако ни какихъ, тутъ политическихъ и метафизическихъ соразсужденій, въ отмѣненіи смертныхъ казней, не было.

2. Справедливо есть, что въ царствованіе сея Императрицы уменьшилися разбои, которые прежде великую опасность всѣмъ жителямъ деревенскимъ наносили, но, конечно, не отъ того, что смертная казнь преступникамъ отрѣшена стала; ибо странно такое предположеніе учинить, чтобы уменьшеніе страху наказанія за преступленіи, болѣе страху приключило оные содѣловать. Но мирное ея царствованіе, легость отставки дворянамъ и пребываніе войскъ внутри Государства, было причиною уменьшенія разбоевъ. Но не видно,

чтобы частные преступленіи уменьшились. Драки за землю и великія убійствы многажды бывали, яко въ бывшей дракѣ между крестьянъ Алексѣя Михайловича Еропкина и крестьянъ Архарова, гдѣ послѣдней и самъ помѣщикъ соучастникомъ былъ и около двадцати человѣкъ тутъ побито было. Драка между крестьянъ дворянъ Львовыхъ и Сафоновыхъ, гдѣ такъ же не меньше погибло. Жуковъ съ женою своею умертвилъ мать и сестру свою, и множество другихъ частныхъ смертоубійствъ было, яко свидѣтельствуютъ находящіися въ Приказахъ дѣла. А по сему и ясно есть, что не отрѣшеніе смертныя казни преступленіи уменьшило, но обстоятельства, гдѣ могли, а гдѣ не могли, то они тамъ же продолжались.

3. Приступимъ таперя разсмотрѣть, какъ нынѣ великіе преступники у насъ наказуются? Смертной казни, прямо такъ названной, у насъ нѣтъ, окромѣ открытаго бунту, за что усѣченіемъ главы, или висилицею преступники наказуются; такую казнь у насъ претерпѣли: Мировичъ, взбунтовавшійся въ Слюсенбургѣ и хотящій возвести лишеннаго разума принца Іоанна паки на престолъ Россійской Имперіи; учинившіе бунтъ въ Москвѣ, во время бывшей язвы 1771 года, и Пугачевъ съ его сообщниками, учинившій бунтъ въ Оренбургской Губерніи, воспалившій онымъ не малую часть Россіи и учинившій многія опустошеніи и убійства и, можно сказать, потрясшій самый престолъ. Протчіе же убійцы у насъ осуждаются

быть биты кнутомъ по разнымъ мѣстамъ града, иногда безъ щету, даже до смерти, а иногда съ щетомъ ударовъ, отъ трехъ сотъ и болѣе, но все такое число, чтобы нещастной почти естественнымъ образомъ снести безъ смерти сего наказанія не могъ. Таковыхъ осужденныхъ, однако, не щитаютъ, чтобы они были на смерть осуждены, возятъ виновныхъ съ нѣкоими обрядами по разнымъ частямъ города, и повсюда имъ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ. Нѣкоторые изъ сихъ въ жесточайшемъ страданіи, нежели усѣченіе главы, или висилица, или и самое пятеренье, умираютъ. Другіе же, перенесши всю жестокость сію, безчювственны, отвозятся въ тюрму и тамъ умираютъ; а наконецъ, есть и такіе, которые и толь крѣпкаго сложенія, что не умираютъ и выздоравливаютъ.

Таперя надлежитъ намъ разсмотрѣть: а) Сходственно ли съ условіемъ народнымъ, составляющимъ общество, полагать такія жестокія наказанія? б) Соразмѣрна ли сія казнь съ преступленіемъ убійства? в) Можетъ ли судья, не учинившися самъ убійцомъ, ихъ предписывать? г) Производятъ ли они довольное впечатлѣніе въ сердцахъ зрителей? д) Не ожесточаютъ ли сердца? и е) Нѣсть ли противны самому Христіанскому закону?

а) Выше я упомянулъ, что первыи, сочиняющіи общества, не могли не вмѣстить въ условіе для составленія онаго смертную казнь для тѣхъ, которые тщатся оное разрушить. Но естьли то

были не жестокіе люди и достойные общества сочинить, не могли они согласиться на мучительное и терзательное лишеніе жизни. Ибо единое есть нужно, а второе есть безчеловѣчное дѣйствіе развратныя души, не токмо желающей истребить преступника, но и истребить его съ мученіемъ, насытить звѣрскія свои очи видѣніемъ его страданія, и ушеса свои воплемъ долгопроизводимымъ терзаемаго нещастнаго, являющимъ озлобленіе и месть, неприличную законамъ, и показующимъ равную ненависть къ преступнику, какъ и къ преступленію.

б) Общее есть правило, основанное на естественномъ и божественномъ законѣ, что каждое наказаніе должно быть соразмѣрно преступленію. Сего ради законы и разныя смертныя казни наложили, яко отрубленіе головы, висилицу, колесованіе, за ребро повѣшенье и протчее. Но какъ Европа начала болѣе просвѣщаться, то всѣ долго продолжающіися казни стали отмѣнены; и во Франціи, дабы содержать страхъ въ сердцахъ народа, хотя и пятерятъ, но прежде непримѣтнымъ образомъ зрителямъ стражущаго умерщвляютъ, а симъ образомъ освобождаютъ виновнаго отъ мученія, наводя тотъ же страхъ жителямъ. Тако проникшее милосердіе въ сердца просвѣщенныхъ народовъ и изъ самаго законнаго мщенія старается мученіе отнять. Но можемъ ли мы сказать то о Россіи? Убійца, злодѣй, для корысти умышленно умертвилъ человѣка безъ мученія, безъ тиранства; ибо не въ

тиранствѣ и мученіи ему была нужда, но токмо, чтобы убивъ, возмочь свободно имѣніе его пограбить, возится по торгамъ, съ перемѣшкою терпитъ все мученіе смертной казни, и претерпѣваетъ десять смертей, вмѣсто данныя имъ единыя. А посему и есть ли сравненіе между преступленія и наказанія? Естьли мы войдемъ въ разсмотрѣніе дѣяній, бывшихъ предъ нашими глазами, то болѣе увидимъ, что въ смертныхъ казняхъ поступокъ правительства нашего не имѣетъ ни какого основанія ни на правѣ, ни на человѣколюбіи, но все случайно и самоизвольно дѣлается. Вышепомянутой мною бунтовщикъ Пугачевъ, потрясшій самый престолъ Монаршій, опустошившій многія области Россіи и истребившій болѣе тысечи семей дворянскихъ съ разными мученіями, хотя былъ осужденъ къ пятеренью, которая бы казнь не могла болѣе нѣсколькихъ минутъ продолжиться, имѣлъ, по тайному повелѣнію, голову отсѣченну, а послѣ мертваго пятерили; злодѣи же, убившіе въ нынѣшнемъ 1788 году Нопа, для единныя прибыли и грабежа, претерпѣли засѣченіе кнутомъ, казнь, нѣсколько часовъ продолжающуюся и, конечно, не съ меньшимъ мученіемъ, какъ бы пятереніе. То гдѣ соравненіе казней съ родомъ преступленія? То гдѣ милосердіе къ человѣчеству?

в) Законы наши, или лутче сказать, повѣленіи Монарши, точно отвергаютъ смертную казнь. Нѣсть власти судьѣ чинить болѣе наказаніе того, какое

законы повелѣваютъ; то можно ли судьѣ опредѣлять смертную, да еще и мучительную казнь? Естьли скажутъ, что она ими и не опредѣляется, но токмо жестокое наказаніе, отъ коего не снеся нѣкоторые люди умираютъ, сіе есть смѣшная отговорка; ибо не должно никогда въ такой странѣ, гдѣ отмѣнена смертная казнь, опредѣлять такое наказаніе, отъ коего бы можно естественно предположить, что можетъ человѣкъ лишиться живота; а я вопрошаю: такого ли роду наказаніе есть триста или четыреста ударовъ кнута? Къ тому и малое число ударовъ надлежитъ располагать по сложенію человѣка, дабы его не умертвить; и общимъ образомъ, естьли наказаніе есть такое, что большая половина не выдержатъ его безъ потерянія жизни, то уже оно становится подвергающее почти неизбѣжно напрасно къ смерти того, кого законы освобождаютъ отъ оныя; то я вопрошаю: съ такими ли осторожностями у насъ дѣлаются наказаніи великимъ преступникамъ? Судья, подписывая опредѣленіе учинить такое наказаніе, обманываетъ законы, обманываетъ себя, и въ самомъ дѣлѣ дѣлается самъ убійцомъ, тѣмъ паче неизвинительнѣйшимъ, что во зло употребляя власть, данную ему законами, и по нѣкоимъ угожденіямъ къ Двору, съ поврежденіемъ совѣсти своей, всенародно убійствы учиняетъ, не опасаяся и наказанія отъ правительства, яко бы Вышній Судья вселенной, изыскующій въ каждой малой вещи справедливость человѣческую, не спро-

ситъ со временемъ отчету о сихъ содѣянныхъ противу совѣсти судей, противу узаконеній, и безполезныхъ смертныхъ, съ мученіемъ произведенныхъ и превосходящихъ вину наказаніяхъ?

г) Сказалъ я выше, что многіе не умираютъ на мѣстѣ наказанія, но, бывъ паки отведены въ тюрму, лишаются жизни, а другіе, хотя весьма рѣдко, и совершенно выздоравливаютъ. Коль рѣдко сіи примѣры ни бываютъ, однако они есть; а по сему самый осужденный не совсѣмъ лишается надежды, чтобы остаться живымъ послѣ наказанія, ни зрители, имѣя ту же надежду и щитая болѣе остающихся живыми, нежель дѣйствительно остается, то есть, почти всѣхъ тѣхъ, которые въ тюрмѣ помираютъ, такого впечатлѣнія не имѣютъ. Ибо каждый, мало знающій состояніе человѣческое, со мною согласится, что коликое ни зритъ мученіе въ другомъ, никогда такого ему впечатлѣнія не содѣлаетъ, какъ видѣніе умирающаго человѣка. Есть многіе примѣры, что впечатлѣніе и естественною смертію умирающаго человѣка, нѣкоторыхъ мягкосердныхъ зрителей на вѣки, или по крайней мѣрѣ на долгое время, поражаетъ. Напротиву того, не зримъ ли мы тысячи примѣровъ, что для спасенія жизни даютъ себѣ едва не болѣзнѣйшія, нежели самая смерть, операціи дѣлать, яко отрѣзаніе членовъ, выниманіе камня и другія, еще продолжительнѣйшія? То все сіе и доказуетъ, что всѣ сіи безчеловѣчные наказаніи, чинящія содрагать человѣчество, не могутъ толь сильнаго дѣйствія

произвести, какъ казнь смертная, въ единый мигъ произведенная, сходственная и съ первобытнымъ условіемъ составляющихся сообществъ, и съ божественнымъ закономъ, и съ благомудрымъ постановленіемъ законовъ.

д) Г-нъ Бекарій говоритъ, что частыя казни смертные ожесточаютъ сердца народныя. Я подлинно сему оспорить не могу; ибо частое видѣніе мертвецовъ и умирающихъ приучаетъ очи наши съ меньшимъ ужасомъ на сіе страшное позорище взирать. Но я подлинно не знаю, есть ли причина опасаться нѣкоторой жестокости въ сердцахъ народныхъ и до излишности стараться ихъ смягчать? Римляне никогда никѣмъ ни жестокимъ, ни варварскимъ народомъ не почитались, а однако часто видѣли и казни, и въ самыхъ играхъ ихъ, къ коимъ они весьма жадны были, убіеніе и издыханіе гладіаторовъ. Симъ народъ получалъ не жестокость, а твердость и безбоязненность смерти. Англичане, которые любятъ кровавыя позорищи, и коихъ самой театръ частыя казни и орудія, приличныя быть въ хранилищѣ у палачей, представляетъ, не учинился, однако, варварскимъ и жестокимъ (народомъ). Первые изъ сихъ предохранены были добротою законовъ и философіей, а послѣдніе, такъ какъ и всѣ Христіане, приобщили къ симъ еще и нравоученіе Христіанскаго закона, а потому твердость ихъ и презрѣніе смерти остается токмо для враговъ отечества, а естественная кротость просвѣщенному общежитіемъ человѣку во внутреннемъ обращеніи. Но, видя таковыя долговременныя мученія, народъ болѣе ожесточается: въ смертной казни онъ зритъ наказаніе, налагаемое законами, съ содроганіемъ видитъ смерть, а во второмъ зритъ мученіи, часто не оканчивающіися смертію, а потому суровость и безчеловѣчіе въ сердцѣ вогнѣзжается, чинитъ его таковымъ въ обществѣ, робкимъ же однако смерти, когда должно жизнь свою для пользы отечества пожертвовать.

е) Сказалъ уже я выше, что, по судебнымъ обрядамъ, ведомый человѣкъ на смерть, сошествуемъ есть всѣми знаками погребательными: возженіе свѣщъ, присутствіе отца духовнаго, и чюствіе, что уже ни какъ не можетъ избѣжать смерти и малое число минутъ остается ему жить, поражая его сердце, можетъ представить ему всю тщетность и суету жизни человѣческой, устрашить его, купно съ лишеніемъ временныя жизни, и жизни вѣчныя, и подвергнуться ко всему достойному за преступленіи его наказанію. Ужь и малый лучь лестныя надежды въ сердцѣ его не проникаетъ. Поражена душа, но она поражена сими размышленіями, влекущими его къ покаянію; и не можетъ ли такой злодѣй, въ сихъ послѣднихъ минутахъ своей жизни, принести чистое покаяніе, и отъ Бога, милующаго свою тварь, милосердіе получить? Вмѣсто что по новому обычаю осужденный на наказаніе человѣкъ, которое смертнымъ не называютъ, хотя въ самомъ дѣлѣ оно смертное есть, ему подаетъ надежду пережить, лучь надежды хотя слабой, еще проникаетъ въ его сердце, мирскія суеты совсѣмъ не истребляются, не зритъ онъ ни погребальныхъ обрядовъ, ни увѣщателя предъ собою. Начнется наказаніе, начнется терзаніе его плоти, хотя по чюствуемой имъ болѣзни и чювствуетъ онъ приближаться свою смерть, но имѣетъ ли тогда душа его довольно свободы, чтобы, среди сихъ мученій, собрать всѣ свои чювства, и такое, какъ должно, чистое покаяніе предъ Богомъ принести? И такъ въ мученіи, жесточайшемъ всякія смертныя казни, безъ покаянія умираетъ; а судьи, учинившіе такое осужденіе и содѣлывающіе такое наказаніе, обще какъ за осужденіе виновнаго не по мѣрѣ преступленія, сверхъ законовъ, лишь во угожденіе обычая, такъ и за погубленіе души его отвѣтствовать предъ Богомъ должны.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такія суть мои мысли на предложеніе г-на Бекарія и на введенной обычай въ Россіи. Не скажу таперя я, чтобы въ семъ послѣдовалъ мыслямъ италіянскаго сочинителя, ибо, хотя, какъ я выше показалъ, оныя несообразны со многими обстоятельствами и слабость показуютъ, но не опредѣляютъ толикаго мученія; но въ семъ случаѣ, гоняясь за именемъ человѣколюбія, въ самомъ дѣлѣ суровство деспотическаго правленія является. Но какія же мои мысли, естьли вопросятъ меня, о смертныхъ казняхъ, и какія я почитаю преступленіи достойны оныхъ? Не отвѣтствую; нѣсть мое дѣло поставлять себя законодателемъ, да и свойство труда сего не можетъ терпѣть толикія длинности, чтобы о всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ разсматривать. А по сему токмо краткое начертаніе моихъ мыслей осмѣлюся представить.

Бунтовщикъ, злодѣй государственной и исполнившій измѣну, конечно, достоинъ смертныя казни.

Убіецъ родителей своихъ, мужоубійца и женоубіецъ такъ же заслуживаютъ оную.

Разбойникъ, силою разбивающій на пути, или входящій въ домъ и съ мученіемъ умерщвляющій людей, долженъ, конечно, жизнію заплатить содѣянное имъ зло.

Всякое убійство, въ домѣ ли, или гдѣ индѣ учиненное съ умысломъ, такъ же къ смерти преступника подвергаетъ.

Въ дракѣ учиненное убійство, гдѣ не было намѣренія, хотя, по Божію и гражданскому закону достойно смертнаго наказанія, но, взирая на обстоятельства, можно, кажется, милосердуя къ человѣчеству, въ первый разъ отъ смертныя казни избавить, довольствуяся осудить на нѣсколько лѣтъ, а не вѣчно, въ работу; и сіе токмо за содѣянное въ первый разъ.

Дѣва, пагубившая свое дитя, прикрывая тѣмъ стыдъ свой, хотя, конечно, достойна смертному наказанію, но, взирая на обстоятельства ея, и что

стыдъ и страхъ въ ней превозмогъ и материнскую любовь и человѣчество, кажется, требуетъ пощады, а единственно да осудится на нѣсколько лѣтъ въ работу и приноситъ покаяніе Господу, коего она поступкомъ своимъ сугубо прогнѣвала.

Но да всѣ сіи казни исполнятся безъ мученія! Пусть отнимется у преступника жизнь: тѣмъ воздастъ онъ удовлетвореніе за свое преступленіе.

Но зачѣмъ изыскательными способами искать ожесточить часъ смертный, и такъ довольно тягостный? Да будетъ смерть его въ страхъ и примѣръ другимъ, а не въ ожесточеніе зрящихъ мученія! Да будетъ каждый преступникъ имѣть способъ и время принести свое покаяніе Господу, и душа его да не погибнетъ отъ нечаянной и мучительной казни!

СТАТИСТИКА

ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ РОССІИ *).

Сочиненіе князя Михайла Михайловича Щербатова, подъ заглавіемъ: Статистика въ разсужденіи Россіи, найдено мною въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго князя, принадлежащихъ нынѣ одной изъ внукъ его княжнѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой, и сообщенныхъ, по ея благосклонности, мнѣ на разсмотрѣніе. Оригиналъ этого сочиненія, писанный, до страницы 63-й **), чужою рукою, но поправленный рукою автора, съ слѣдующей за тѣмъ страницы до конца писанъ рукою самого автора. Отъ вліянія сырости и даже воды, эта рукопись сдѣлалась такъ ветха, что во многихъ мѣстахъ листы ломались на части, при неосторожномъ къ нимъ прикосновеніи, и мнѣ съ трудомъ удалось разбирать написанное. Раздѣляя господствующее нынѣ, къ счастію, убѣжденіе въ важной пользѣ сохраненія всѣхъ памятниковъ умственнаго труда нашихъ предковъ, а тѣмъ болѣе труда людей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, я предпринялъ снять копію съ этой рукописи, которой не долго уже сопротивляться губительному дѣйствію времени, и которая прибавляетъ новую черту въ исторіи наукъ въ нашемъ отечествѣ. Какъ ни слабъ, можетъ быть, съ точки зрѣнія нашего времени, очеркъ статистическихъ элементовъ Россіи, который предпринималъ сдѣлать кн. Щербатовъ, но самая попытка написать Статистику Россіи, по времени появленія ея, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ изъ самаго сочиненія видно, что оно писано было княземъ Щербатовымъ въ 1776—77 годахъ. Кромѣ того, не касаясь нѣкоторыхъ взглядовъ автора на тотъ, или другой предметъ, мы должны сказать, что настоящее сочиненіе князя Щербатова, по положенію, которое занималъ онъ въ тогдашнемъ обществѣ и государственной службѣ, помогаетъ проясненію нѣкоторыхъ чертъ его времени.

Сочиненіе, къ сожалѣнію, не кончено.

Мих. Заблоцкій.

19 Февраля, 1855.
Москва.

Прежде нежели приступлю говорить о положеніи Россіи, въ разсужденіи окружающихъ ея областей и въ разсужденіи общей ея связи съ другими Европейскими державами, надлежитъ разсмотрѣть собственное ея положеніе: 1) пространство; 2) границы; 3) плодородіе; 4) многонародіе; 5) вѣру;

*) Статья эта напечатана въ 3-ей книгѣ Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1859 года, съ предисловіемъ М. П. Заблоцкаго.

**) Указанная страница начинается у насъ на стр. 560 со словъ «причины не имѣю, какъ токмо, что разныя суевѣрія» и т. д.

6) правленіе; 7) силу; 8) доходы; 9) торговлю; 10) мануфактуры; 11) характеръ народный; 12) расположеніе къ ней разныхъ народовъ, Азіятскихъ и Европейскихъ, какъ прилегающихъ, такъ и отдаленныхъ.

I. Пространство. 1) Взглянувъ на карту, каждый можетъ увидѣть, что Россія простирается отъ 49 градуса до 210 долготы, широты же имѣетъ отъ 78 до 50; слѣдственно, имѣетъ долготы 6552 версты, считая отъ Смоленска до Камчатки прямою линіею, широты же 2912.

II. Отъ сѣвера граничитъ она съ Сѣвернымъ океаномъ, Норвегіею и Швеціею; отъ запада съ Курляндіею, Польшею, Турецкими областями и народами, живущими въ Кавказскихъ горахъ; отъ полудня со степями, отдѣляющими ее отъ Хивинскихъ народовъ и Китайскія Имперіи; отъ востока съ Тихимъ моремъ.

Границы ея укрѣплены, со стороны сѣвера, по причинѣ опасности, дабы Сѣверныхъ державъ флотъ не могъ учинить нападенія на городъ Архангельскъ, крѣпостію, построенною близъ устья рѣки Двины, называемою Новодвинскою, которая по близъ прилежащему къ ней узкому форватеру, возбраняетъ проходъ всякимъ непріятельскимъ судамъ до города Архангельска. Со стороны самыхъ сѣверныхъ частей отъ Шведскія Лапландіи, хотя укрѣпленныхъ мѣстъ и нѣтъ, но великія озера, болота, рѣки и неприступныя горы довольно защищаютъ сію

часть Россіи отъ всякаго вражескаго нападенія.

Со стороны же Шведской Финляндіи, окромѣ также озеръ, рѣкъ, болотъ, горъ и лѣсовъ, находятся крѣпости: Кексголмъ, Вилманстрандъ, Выборгъ и Фридрихсгамъ.

Кексголмъ построенъ вблизи Ладожскаго озера, яко мѣсто, внутрь страны уже лежащее, и не можетъ служить во время военное, какъ развѣ для заготовленія припасовъ для дѣйствующихъ войскъ въ Финляндіи.

Вилманстрандъ, построенный при заливѣ озера Саймы, которое протекаетъ и въ Шведскія границы и, слѣдственно, хотя и не на самой границѣ лежитъ, но можетъ препону дѣлать, въ случаѣ Шведскія войны лодками нападенія на сей городъ.

Выборгъ построенъ на заливѣ Финскаго нѣдра; сей городъ весьма важенъ былъ, когда границы Россійскія по оный простирались; а нынѣ, по отдаленіи оныхъ, служитъ токмо учинить препятствіе Шведамъ сдѣлать моремъ какія покушенія на Россію.

Фридрихсгамъ лежитъ также на маломъ заливѣ Финскаго нѣдра, близъ Шведскія границы. Сей городъ, если бы былъ лучше укрѣпленъ, то могъ бы великія важности быть, какъ для отвращенія Шведовъ, берегомъ итти учинить впаденіе въ Россію, такъ и возбранить дѣйствію ихъ морскихъ силъ. Въ 1766 году прожектировано построить Давыдъ-крѣпость, которая дѣйствительно и строится. Сія крѣпость,

построенная внутри земли, не можетъ служить инако, какъ токмо защищеніемъ путямъ, ведущимъ къ Петербургу, во время, когда Шведы сдѣлаютъ впаденіе въ Финляндіи, и когда Россія, бывъ упражнена другою какою войною, будетъ принуждена оборонительную противъ Швеціи войну вести. Но какъ польза Россійская требуетъ, чтобы Шведскихъ войскъ не впущать въ Финляндію; ибо народъ сея губерніи, бывъ обязанъ единозаконіемъ, единымъ языкомъ и едиными обычаями съ Шведами, и всегда показующій склонность къ Шведскому правленію, можетъ симъ, вшедшимъ въ ихъ страну, врагамъ великую помощь учинить, и для того первая нужда въ томъ состоитъ, чтобъ границы противу ихъ нападенія укрѣпить, т. е., рѣку Кумень — гдѣ кажется можно изрядныя мѣста сыскать для построенія крѣпостей, яко гдѣ кирка Валкера, кирка Мендугорь — и умноживъ укрѣпленія Нейшлота, лежащаго на озерѣ Куро, то сіи мѣста, начиная отъ Фридрихсгама, вмѣстѣ съ Вилманстрандомъ кажется составляютъ довольно сильную баріеру для невпущенія непріятеля въ страну, пресѣченную многими озерами и болотами.

С.-Петербургъ, городъ, построенный Петромъ Великимъ при устьѣ рѣки Невы. Сей городъ не имѣетъ не токмо никакого укрѣпленія, но ниже стѣнъ, а есть на Петербургской сторонѣ построенная крѣпость, называемая Петропавловская, которыя строеніе въ 1706 году, когда она въ окончаніе прихо-

дила нужно было; ибо Шведы, владѣя еще Выборгомъ, могли, чрезъ Выборгскую сторону, нападеніе на самый Петербургъ учинить, яко они и не единожды то дѣлали. Но какъ Россійскія границы стали распространены далѣе внутрь области Шведской, тогда сія крѣпость уже совсѣмъ не нужна стала; да и дѣйствительно она не можетъ ни защитить сего пространнаго города, ни вмѣстить въ себя жителей онаго; ибо оный сталъ уже нынѣ не пограничный, но внутренній Россійскія Имперіи, и для того сія крѣпость нынѣ употребляется для содержанія колодниковъ, для дѣланія монеты и для прочаго, надъ чѣмъ должно крѣпкое наблюденіе имѣть. Но какъ Петербургъ есть и пристанище морское и, слѣдственно, могущее претерпѣть нападеніе отъ морскихъ силъ, то, предупреждая сію опасность своему новозиждущемуся граду, Петръ Великій учредилъ строеніе на островѣ Котлинѣ, наименуя сей градъ Кронстатомъ, и хотя, по правиламъ военныя архитектуры, великихъ укрѣпленій тутъ и не сдѣлалъ, ибо сей островъ собственнымъ своимъ мѣстоположеніемъ укрѣпленъ, потому что къ нему прилегаютъ мели, а форватеръ для большихъ судовъ лежитъ въ толь близкомъ разстояніи отъ посторонныхъ тутъ батарей, и столь узокъ, что каждое судно подвержено быть можетъ конечному разбитію, прежде вшествія въ гавань. И тако, Кронстатъ есть самая крѣпость, хранящая безопасность Петербурга. Но какъ еще прежде строе-

нія Петербурга и Кронстата, былъ другой удобнѣйшій форватеръ, проходящій близь устья Сестры рѣки, которымъ можно было въ Петербургъ Малою Невкою войтить, то Петръ Великій повелѣлъ, затопленными судами сей форватеръ испортить, и по всю жизнь свою наблюдалъ, дабы теченіемъ рѣки, гдѣ, въ другомъ мѣстѣ, его не промыло. По смерти же сего Государя, стали малое попеченіе прилагать о надзираніи за симъ форватеромъ, такъ что, во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, два корабля, одинъ Голландскій, а другой Французскій, миновавъ Кронстатъ, Малою Невою къ таможнѣ пришли, а сіе подало причину возобновить стараніе о поврежденіи сего форватера. Но такое попеченіе не должно быть по случаямъ учиненное, но непрерывно продолжаемое, ибо отъ онаго зависитъ цѣлость Петербурга.

Н а р в а—крѣпость, взятая у Шведовъ, въ 1704 году, лежащая на рѣкѣ Наровѣ, разстояніемъ отъ моря въ 12 верстахъ, и служащая единственно для недопущенія непріятелей сдѣлать выгрузку въ семъ мѣстѣ на берега. Противу сея крѣпости, на другой сторонѣ рѣки Наровы, находится построенный Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ городокъ, Ивань-Городъ называемый, который былъ послѣ въ Шведскомъ владѣніи и вмѣстѣ съ Нарвою Россіянами былъ взятъ. Сіе мѣсто построено для обузданія Нарвы, и нынѣ, по причинѣ, что оно безъ всякаго попеченія остается, можетъ, естьли какимъ

непріятелемъ будетъ захвачено, не малый вредъ Нарвѣ принести. При устьѣ рѣки Наровы находится морская гавань, токмо для купеческихъ судовъ.

Р е в е л ь, городъ, также лежащій на брегахъ Финскаго залива, при коемъ находится пристань, весьма способная для военныхъ кораблей, гдѣ часть Россійскаго флота обыкновенно зимуетъ. И сіи укрѣпленные города, вмѣстѣ съ укрѣпленнымъ городомъ Аренсбургомъ, на островѣ Езелѣ, служатъ для обузданія Финскаго залива.

Р и г а, городъ, построенный на рѣкѣ Двинѣ, при устьѣ, при которомъ есть малая крѣпостца, называемая Динаминде, Лифляндскаго морскаго залива; градъ, изрядно укрѣпленный, при которомъ цитадель въ содержаніи Императорскихъ войскъ, а градъ хранится войсками городовыми. Великое число строенія внутри города и вокругъ построенная Русская слобода уменьшаютъ его крѣпость. Сей градъ имѣетъ купеческій портъ, который, ради наносу песку рѣкою Двиною, труденъ къ проходу становится: онъ служитъ преградою отъ внѣшнихъ Россійскихъ непріятелей, какъ отъ стороны Польши, такъ и отъ стороны Курляндіи и Пруссіи; а протекающая мимо его рѣка Двина подаетъ способъ къ привезенію великаго числа товаровъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ Польши.

Вновь пріобрѣтенныя Россіею отъ Польши провинціи, которыя начинаются по правую сторону рѣки Двины, отъ Польской Лифляндіи исключи-

тельно, какъ и часть воеводства Полоцкаго, на томъ же брегу лежащаго, (воеводство Витепское), такъ что сія рѣка Двина дѣлается естественною границею между Россійскою Имперіею и Польскою Рѣчью Посполитою, простираяся до пункта частной границы между воеводствъ Витепскаго и Полоцкаго, и слѣдуя внизъ по сей частной границѣ до пункта, гдѣ соединяются такія жъ частныя границы трехъ воеводствъ: Полоцкаго, Витепскаго и Минскаго, откуда прямою линіею до вершины рѣки Друсца подлѣ мѣстечка, называемаго Ордва, и спускаясь по той рѣкѣ до впаденія въ рѣку Днѣпръ. А сею рѣкою до самаго пункта прежнія границы между Россіи и Польши внизъ по той же рѣкѣ, на всей сей границѣ, простирающейся на семь сотъ верстъ отъ Риги до Кіева, нѣтъ ни одного порядочно укрѣпленнаго мѣста. И хотя въ разсужденіи настоящей слабости Польши и неустройства ея правленія, теперь, кажется, и нѣтъ нужды тутъ дѣлать укрѣпленія, но какъ не должно никогда непріятеля своего презирать, дабы, въ случаѣ нужды, не нужно было то съ поспѣшеніемъ дѣлать, что можно заблаговременно, съ большими выгодами, и тако кажется, что и сія часть границы нѣкотораго укрѣпленія требуетъ.

Остальныя части границы Россійскія съ Польшею не имѣютъ другія крѣпости, кромѣ Кіево-Печерской, построенной самимъ Петромъ Великимъ, въ 1706 году. И покамѣсть Польша будетъ пребывать въ такой слабости,

въ каковой она нынѣ обрѣтается, то, кажется, и нужды большой въ дальнѣйшихъ укрѣпленіяхъ нѣтъ. Правда, что приближеніе Австрійскихъ границъ уступленными имъ отъ Польши землями, требуетъ больше вниманія на сію страну, нежели прежде то имѣть надлежало. Отъ Кіева и Василькова, который разстояніемъ въ 30 верстахъ, Россійская граница простирается внизъ по Днѣпру, даже до Запорожской Сѣчи (о которыхъ Казакахъ впредь съ другими Казаками упомянется) и до Кинбурга, вновь уступленнаго града, по трактату 1775 г., Іюня 10 дня. И хотя Кинбургъ, яко городокъ укрѣпленный, стоящій насупротивъ Очакова, былъ съ нимъ раздѣленъ единымъ устьемъ Днѣпра, называющимся лиманомъ, и довольно обуздываетъ Очаковъ, но еще намѣреніе есть, и нужно, тутъ построить городъ укрѣпленный, при стеченіи рѣкъ Днѣпра и Буга, который будетъ два предмета имѣть: 1) съ другой стороны обуздаетъ Очаковъ и будетъ подкрѣплять самой Кинбургъ; 2) бывъ построенъ за Сѣчью Запорожскою, будетъ содержать въ страхѣ сихъ безпокойныхъ Казаковъ, и не допуститъ имъ имѣть сообщенія съ Татарами.

Отъ Днѣпра граница Россійская простирается чрезъ степи къ Дону, гдѣ поселено не малое число военныхъ поселянъ, вышедшихъ изъ Венгріи, Далмаціи, Молдавіи и другихъ Христіанскихъ странъ, которые иные гусарскіе, а другіе пикинерные полки составляютъ. Сія граница укрѣплена, кромѣ

множества редутъ, и крѣпостями: Святыя Елисаветы, по прежде—Украинской линіи бывшей границѣ; Орелъ, крѣпость Ливенская, крѣпости: Ряжская, Святаго Ѳеодора, Козловская, Бѣлевская, Святыя Параскевьи, Ефремовская, Святаго Алексѣя, Св. Петра, Изумская. На границѣ 1714 года: Бахмутъ, крѣпость Св. Димитрія. На рѣкѣ Самарѣ: Усть-Самара, или Богородична и Старая Самара. На границѣ 1742 года крѣпости: Александровская, Никитская, Григорьевская, Кириловская, Алексѣевская, Захарьевская, Петровская, лежащія пять послѣднихъ на рѣкѣ Конскія Воды и Бердѣ, а Петровская возлѣ самаго моря; Семеновская, Павловская и Черепаха. Таганрогъ, крѣпость и портъ, построенный Петромъ Великимъ; но по Прутскому, 1710 года, трактату была разорена, а при начатіи нынѣшней войны съ Турками, въ 1769 году была возобновлена и утверждена трактатомъ 1765 года.

Не надлежитъ думать, чтобъ крѣпости сіи были построены съ толико крѣпкими строеніями, какъ Нарва и Рига, которыя укрѣплялися для сопротивленія порядочному и знающему войну непріятелю; ибо въ такихъ крѣпостяхъ нужды нѣтъ противу Татаръ, которые и малѣйшихъ редутъ, обороняемыхъ пушками, ежели имъ сопротивляются, никогда взять не могутъ; и тако былъ то напрасный убытокъ, чтобъ тутъ толь крѣпкія крѣпости строить. Случалось мнѣ слышать отъ *одного весьма разумнаго человѣка*, его

мнѣніе о линіи между Россіею и Крымскими Татарами: что понеже всю линію захватить людьми не можно, то лучше ее вести по рѣкамъ, и дѣлать на оныхъ заплоты, которые могутъ быть употреблены для здѣланія мельницъ, для молонья на оныхъ провіанту для солдатъ, а тогда же, оными плотинами вода поднявшись, воспрепятствуетъ переходу Татарскому чрезъ рѣки, и когда таковую границу еще укрѣпить нѣсколькими крѣпостями, манеру имъ изобрѣтеннаго *), не дорого стоющимъ и удобнымъ, въ разсужденіи тамошняго разлитія водъ, то никогда Татары, народъ, производящій разбойническую войну, внутрь границъ Россійскихъ впаденія сдѣлать не отважатся. //

Азовъ, городъ, мѣстоположеніемъ близъ устья рѣки Дона; сей градъ, по многимъ премѣненіямъ, былъ взятъ Петромъ Великимъ, въ 1796 году отъ Турковъ. Какъ сей Государь, равно нуждою государства, такъ и охотою побужденъ, пріобщеніемъ себѣ власти надъ морями, распространить Россійскую границу, предпріялъ тутъ строить флотъ, и строеніе сего опредѣленнаго на Черное море флота, учредилъ близъ Воронежа, откудова суда, спускаяся внизъ по Дону, приходили въ Азовъ и въ Черное море. Первыя построенныя немалыя суда—хотя имѣли многое число

*) *Примѣчаніе редакціи*: Крѣпостями, манеру *имъ* изобрѣтеннаго т. е. крѣпостями, которыхъ способъ постройки изобрѣтенъ однимъ *весьма разумнымъ человѣкомъ*.

пушекъ, но малоколиберныхъ—обольстили надеждою Государя, имѣли нѣкоторые бои съ Турецкими судами, и Посланникъ Возницынъ отправленъ былъ на фрегатѣ Викторіи изъ Азова въ Константинополь. Но вскорѣ узнано было, что, въ разсужденіи мелкости водъ Азовскаго моря, при берегахъ Азова и Таганрога, нельзя будетъ большихъ военныхъ кораблей строить, для сопротивленія Турецкимъ кораблямъ. Однако, Возницынъ, какъ выше сказано, на фрегатѣ Викторіи, по малу числу дней плаванія, достигъ до Константинополя, гдѣ, не бывъ извѣстенъ о обычаѣ Турецкомъ, чтобъ городу, а паче сералю, пушечною пальбою чести не отдавать, поравнявшись противъ сераля, мимо котораго должно было ему въ Константинопольскій портъ входить, произвелъ пушечную и оружейную стрѣльбу. Нечаянная сія стрѣльба произвела смущеніе въ сералѣ, а скорый приходъ Россійскаго корабля прямо въ Константинополь произвелъ страхъ въ Правительствѣ, чтобъ Россійскія силы, умножась на Черномъ морѣ, не пришли самый Константинополь атаковать; и хотя тогда ничего не изъявили, но тогда жъ тайно положили себѣ первымъ политическимъ предметомъ, чтобъ всегда стараться о истребленіи морскихъ Россійскихъ силъ на Черномъ морѣ. Петръ Великій хотя извѣстенъ былъ о невозможности построить въ Азовѣ большаго военнаго флота, но былъ также извѣстенъ о страхѣ и предубѣжденіи Турецкомъ, не преставалъ стараніе свое

прилагать о строеніи кораблей въ Таганрогѣ, употребляя для сего токмо довольное иждивеніе и попеченіе, дабы сей мысленно только строющійся флотъ, яко страшилище Турковъ, казать, и тѣмъ удерживать ихъ отъ всякаго предпріятія противу Россіи, даже какъ въ 1709 году, по разбитіи короля Шведскаго и по долгомъ мѣшканіи отъ Турокъ, наконецъ чрезъ интриги Французскія и Шведскія возгорѣлась брань между Россіею и Портою Оттоманскою и несчастное бывшее приключеніе при Прутѣ, принудившее Петра Великаго заключить миръ, чрезъ которой Петръ Великій не токмо отрекся отъ всякаго плаванія на Черномъ морѣ, но и на разореніе Азова и Таганрога согласился. Во время бывшей войны, въ 1736 году, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, противу Турокъ—правительство не разсудило ни Азова возобновлять, ни строить флота на Черномъ морѣ, дабы чрезъ то Турокъ о могуществѣ вскорѣ изъ сего моря до Константинополя флотомъ достигнуть и въ боязнѣ содержать, а хотя и были тогда построены суда, но то толь мелкія, что не показывали и вида, яко бы хотѣли, что съ сея стороны важное предпріимать. Наконецъ, начавшаяся война въ 1768 году склонила правительство стараться вдругъ о возобновленіи лежащихъ въ разореніи градовъ Таганрога и Азова, и о построеніи военнаго флота на Черномъ морѣ. Грады стали возобновлены, но флотъ, за физическою невозможностію желательной силы и величины,

построенъ не могъ быть; ибо—умножилась ли мелкость при берегахъ Азовскихъ и Таганрогскихъ, или препорція старинныхъ кораблей плоскодоннѣе была при Петрѣ Великомъ и тѣмъ неудобна къ плаванію—въ 1769 и слѣдующихъ годахъ строенные и малые фрегаты принуждены были въ средину моря выводить для додѣлки и для оснащиванія, съ подверженіемъ имъ быть разбитымъ отъ стурмовъ, и симъ Туркамъ доказали, что они толь страшиться порта Азовскаго причины не имѣютъ. Однако, портъ сей и укрѣпленный городъ могутъ весьма служить для установленія коммерціи съ Турецкими областями, ежели къ тому довольно совѣстные и знающіе Русскіе купцы будутъ, а притомъ и Министерство постарается учинить ихъ торгъ безопасенъ въ Константинополѣ, о чемъ будетъ въ статьѣ о торгѣ сказано. Съ другой стороны, сей градъ обуздываетъ Крымъ обще съ Донскими Казаками, возбраняя Татарамъ дѣлать впаденіе въ Россійскія области, и наводитъ страхъ на разные дикіе народы, живущіе около рѣки Кубани, возбраняетъ Донскимъ Казакамъ имѣть сообщеніе съ ихъ однородцами, Некрасовцами, прежде ушедшими и поселившимися на Таманѣ островѣ, гдѣ ихъ называютъ Игнатъ-Казакъ, т. е., вольный Казакъ—имѣютъ тамъ они право янычарское—также сей градъ обуздываетъ самое своеволіе Донскихъ Казаковъ.

Прежде продолженія описанія о Россійской границѣ, не могу я оставить, чтобы не помянуть о трехъ пріобщенныхъ къ Россіи Турецкихъ градахъ, а именно: Кинбурнѣ, Еникулѣ и Керчи, по трактату 1775 года, Іюля 10 дня.

Кинбурнъ, градъ, лежащій на лѣвомъ берегу Очаковскаго лимана, и противъ самаго сего Турецкаго города въ такой близости, что всегда изъ сей крѣпостцы можно примѣтить и увѣдать о томъ, что дѣлается въ Очаковѣ; а съ другой стороны, лежа близъ Крымскаго полуострова, можетъ наводить всегда страхъ Татарамъ. Лиманъ Очаковскій уже не весь во области Турецкой нынѣ находится, но половина его стала покорена Россіи въ разсужденіи Кинбурна, и хотя сей градъ своими окружностями и отдѣлился отъ областей Россійскихъ земель, однако, ежели построится крѣпость на стеченіи рѣкъ Буга и Днѣпра, или на томъ мѣстѣ, гдѣ была прежде Запорожская Сѣчь, то сей градъ можетъ подперть быть сообщеніемъ своимъ съ другими Россійскими крѣпостями.

Такія выгоды находятся въ овладѣніи имъ Россіею, которыя, кажется, имѣли тогда въ предметѣ, когда его истребовали отъ Турковъ; но естьли разсмотрѣть съ другой стороны, то самое его положеніе, въ близости Очакова, наводитъ на Турковъ всегдашнюю недовѣренность и, слѣдственно, принуждаетъ ихъ, какъ градъ свой Очаковъ болѣе укрѣплять, такъ и во всемъ противъ Россіи осторожными быть, что есть единый способъ усилить порядкомъ нестройную, но сильную Турецкую армію. Тоже можно сказать о Кин-

бурнѣ и въ разсужденіи Татаръ. Они, конечно, не будутъ отваживаться малыми толпами проѣзжать мимо Кинбурна, для дѣланія впаденія въ Россійскія области, но, перемѣняя родъ своего устроенія по устроенію войскъ опаснаго имъ непріятеля, многочисленнѣйшими и лучше устроенными толпами набѣги свои могутъ дѣлать; ибо сіе есть правило всегдашнее, что военный народъ пріучаетъ къ войнѣ и къ порядку сосѣдственные ему народы. И тако весьма мнѣ удивительно, что въ крайности, въ которую были Турки приведены, не потребовали у нихъ разоренія Очакова дабы чрезъ то Турокъ отъ сосѣдства своего отдалить и совсѣмъ овладѣть Очаковскимъ лиманомъ, удобнѣйшимъ содержать и строить флотъ на Черномъ морѣ, нежели въ Азовѣ.

Еникуль и Керчь,—грады, находящіеся при берегу морскомъ на восточной сторонѣ полуострова Крыма. Я, съ слабымъ своимъ разсудкомъ, не могу понять, какая причина побудила Россію настоять о полученіи сихъ градовъ; ибо ежели считать, что они могутъ служить портами и верфями для Россійскихъ купеческихъ судовъ на Черномъ морѣ, то сіи грады портовъ не имѣютъ, а только рейды, и тѣ весьма опасны; а чтобъ тутъ верфи завести, то должно возить на плоскодонныхъ судахъ лѣсъ изъ Азова и Таганрога, съ подверженіемъ разбитію большой части онаго; а съ другой стороны, владѣніе Россійской державы сими градами наводитъ безпрестанной страхъ на Та-

таръ, и самымъ симъ понуждаетъ ихъ болѣе къ военному искусству прилежать и наиболѣе имѣть привязанности къ Турецкой державѣ, яко къ такой силѣ, которая можетъ ихъ вольность противу Россіи сохранить. Приложимъ къ сему, что толь близкое сосѣдство сихъ градовъ съ Татарами не можетъ быть долго, чтобъ не подавать ежедневно случая къ возобновленію войны.

Не должно же о сихъ трехъ градахъ въ забвеніи оставить и то, что воздухъ сихъ мѣстъ есть столь тяжелъ для Россіянъ, что большая часть лихорадками и горячками помираютъ, а при томъ бывающія тутъ часто моровыя язвы могутъ и цѣлые гарнизоны истребить.

Возвращаюся къ продолженію описанія Россійскихъ границъ. Отъ Азова онѣ идутъ къ востоку по рѣкѣ Маничѣ, впадающей въ Донъ, гдѣ близко ея впаденія находится крѣпость Святыя Анны; оттудова поворачиваясь къ полудню по рѣкѣ Пегерликою (Егорлыкою), и потомъ перешедъ чрезъ вершину рѣки Кумы до рѣки Терека, и сей рѣкою до Каспійскаго моря до Кизляра. На сей границѣ, кромѣ вышеписанной крѣпости, находятся укрѣпленные грады: Моздокъ, Терекъ и Кизляръ. Граница сія защищаетъ Россію отъ набѣговъ разныхъ кочевыхъ народовъ, яко: Кубанцовъ, Иссетинцовъ, Лесгинцовъ и многихъ другихъ, также Горскихъ Черкесъ. И хотя часть сихъ послѣднихъ и считаются подданными Россіи, но подданство ихъ состоитъ

токмо въ томъ, что князья ихъ берутъ отъ России подарки и раздѣляютъ съ своими узденями; а естьли когда они и даютъ войски на помощь Россіи, то не изъ усердія, но для того, что находятъ въ семъ себѣ удобный случай для грабительства. Впрочемъ, сіи горскіе Черкесы суть всегда готовы грабить и разорять Россіянъ, чего ради безпрестанно жителямъ Россійскимъ сея страны должно въ разсужденіи ихъ быть въ осторожности.

Отъ Кизляра Россійская граница по брегамъ Каспійскаго моря простирается до Астрахани, а отъ Астрахани по брегамъ же сего моря чрезъ устье Яика и чрезъ Гурьевъ Городокъ, построенный между устьями сея рѣки, до рѣки Ембы, и сею рѣкою на сѣверъ до рѣки Ора, которою проходятъ къ Оренбургу, а отъ Оренбурга вверхъ по Яику до рѣки Тобола. Понеже граница, находящаяся отъ рѣки Яика до Оренбурга, есть такая, которая натуральными преградами не укрѣплена, того ради и сдѣлана *линія* по рѣкѣ Яику до Оренбурга, и за Оренбургъ до рѣки Тобола, которая, кромѣ Оренбурга и Ора, двухъ изрядныхъ крѣпостей, укрѣплена множествомъ редутъ и крѣпостей, которые обнесены заплотами съ насыпкою въ средину земли, и коль укрѣпленія сіи не суть маловажны, однако довольно сильны для учиненія сопротивленія тремъ ордамъ Киргисъ-Кайсатскимъ, которыя къ сей и Сибирской линіи прилегаютъ. Естьли бы хорошее расположеніе Ко-

мендантовъ и попеченіе ихъ о своей пользѣ гарнизоны въ порядкѣ содержало, а паче, когда тутъ были расположены семь драгунскихъ полковъ, то не токмо бы Киргизъ-Кайсаки трепетали, но страшилися и внутренніе враги Россійскіе т. е. Башкирцы, учинить какое либо возмущеніе.

Тутъ простирается *линія* къ востоку, и на самой рѣкѣ Тоболѣ обрѣтаются крѣпости: Прѣсногорковская, Кабанья, Прѣсноводская, Становая, Святаго Петра на рѣкѣ Ишимѣ, Омская на Омѣ, Зелазинская близь озера Чанъ, Ямышевская, Семипалатная, Устьская, Устькаменогорская, лежащія по рѣкѣ Иртышу, которая въ семъ мѣстѣ служитъ границею Россійской Имперіи отъ Киргизъ-Кайсатской степи. Вблизи сихъ мѣстъ обрѣтается еще крѣпость Змѣиногорская, нѣсколько внутри границъ, близъ рѣки Алеи. Отъ крѣпости Устькаменогорской граница Россійская простирается на востокъ, гдѣ на великое пространство нѣтъ никакихъ естественныхъ рубежей, да и не укрѣплена крѣпостями; ибо отъ самой крѣпости Устькаменогорской до крѣпости Чигойской, лежащей на рѣкѣ Селенгѣ, между Кяхты и Селенгинска, никакой крѣпости на границахъ нѣтъ; а отъ сея именованныя крѣпости въ немаломъ разстояніи находится другая, именуемая Акшинская, на рѣкѣ Ананъ, построенная немного внутри земли. Отъ сея крѣпости граница идетъ къ озеру Далай, изъ котораго истекаетъ рѣка Аргунъ; и въ недальнемъ разстояніи

отъ сего озера построенъ форпостъ Цурухайтуевской, и отъ сего озера на сѣверовостокъ граница Россійская идетъ по рѣкѣ Аргуну, до соединенія ея съ рѣкою Шилкою, гдѣ Россійская граница, еще вдавшись немного по рѣкѣ Шилкѣ внутрь Россіи, потомъ простирается, не много уклоняясь, на сѣверовостокъ, даже до Камчатскаго моря.

Достойно примѣчанія, что на всей сей Сибирской границѣ, отдѣляющей Россійскую Имперію отъ степи Киргисъ-Кайсаковъ, отъ Зенгорскаго владѣнія и отъ земель, принадлежащихъ Китайской Имперіи, находится толь мало крѣпостей, да и то весьма малыхъ, съ которыхъ еще большая часть только противъ Киргисъ - Кайсатской степи построена, а прочее все почти безъ всякаго защищенія остается. Долговременное испытаніе довольно хотя доказываетъ, что Россійская Имперія не имѣетъ опасаться какой наглости отъ Китайцовъ; но гдѣ есть сосѣды, тутъ могутъ быть и непріятели, слѣдственно, кажется, совсѣмъ безъ укрѣпленія сію границу оставить бы не должно. Тщетно на сіе сказать, что малое число войскъ, хранящихъ сію границу, не дозволяетъ тутъ учредить крѣпости и сильнаго гарнизона. Я напротивъ того думаю, что гдѣ недостаетъ силы полеваго войска, тутъ и должно крѣпостямъ быть, въ какомъ состояніи у насъ и есть Сибирь, и не лучше ли учредить по сту и по двѣсти человѣкъ снабженнаго всѣмъ гарнизона, нежели разсѣять по всей границѣ по

четыре и по пяти человѣкъ заставы, которые ни сами не могутъ помощи другимъ подать, ниже оной отъ другихъ получить, и чрезъ самое сіе подвергнуты погибели въ сихъ пустыхъ мѣстахъ отъ самаго безвременія, или быть побитымъ и плѣненнымъ отъ дикихъ, тутъ кочующихъ народовъ, безъ малѣйшія пользы для отечества. Сіе я здѣсь означаю для показанія, какого вниманія сія граница отъ Правительства требуетъ.

Продолжая же описаніе границъ Россійскихъ близъ мѣста, гдѣ оная касается Камчатскому морю, на сѣверъ впадаетъ рѣка Уда, гдѣ построенъ Удинской острогъ, Россійская граница далѣе къ сѣверу простирается и, окружа тутъ заливъ, еще въ два другіе раздѣляющійся, который называется Пенжинскимъ моремъ, идетъ опять на полдень по брегамъ мыса, называемаго Камчатка, къ которому еще примыкаются острова, простирающіеся въ прямую линію къ полудню, называемые Курильскими; оттуда опять обращается на сѣверъ по тѣмъ же Камчатскимъ берегамъ, мимо носа Хатирскаго и устья рѣки Аноды, до устья рѣчки Ите, бывъ окружаема Тихимъ моремъ; оттудова обращается на западъ по Сѣверному Океану, гдѣ рѣки: Колыма, Индигирка, Каяна, Лена, Енисей и Обь, въ оной океанъ впадаютъ, и Вейгачскимъ узкимъ проходомъ до Бѣлаго моря и до Двинскія города Архангельскаго крѣпости.

III. Въ разсужденіи плодородія

Россійскія Имперіи и разныхъ въ ней находящихся климатовъ, каждая почти изъ ея губерній имѣетъ особливыя произращенія; и тако, хотя можно сказать общимъ образомъ, что Россія вездѣ въ нужномъ для житія человѣческаго изобилуетъ, но лучше почитаю вступить въ подробность и каждую губернію особливо описать.

Московская губернія есть единая изъ наивеличайшихъ Россійскихъ губерній, не столь по своему пространству, сколь по многонародію, и, окромѣ Московской провинціи, вмѣщаетъ въ себѣ девять другихъ провинцій, а именно: 1) Переславля Рязанскаго, 2) Костромскую, 3) Юрьевскую—Польскаго, 4) Володимерскую, 5) Суздальскую, 6) Переславля Залѣскаго, 7) Тульскую, 8) Калужскую, 9) Ярославскую, 10) Углицкую, въ которыхъ во всѣхъ щитаю и съ Москвою 48 городовъ. Доброту земли, слѣдственно и плодородіе можно въ сей губерніи на двѣ части раздѣлить. Тѣ, которые отъ Москвы лежатъ къ полудню, общимъ образомъ есть гораздо плодороднѣе, которая доброта земли по степенямъ приближенія къ Воронежской и Бѣлогородской губерніямъ умножается; напротиву же того лежащія къ сѣверу, хотя не столько плодородны, но нарочито промыслами своими награждаются, хотя естьли бы всевозможное прилежаніе и въ сихъ провинціяхъ употреблено было о земледѣліи, то и тутъ не токмо довольное, но и излишнее, пропитаніе могла бы земля дать, яко то видимъ по примѣру добрыхъ домостроителей Ярославскаго, Галицкаго и Костромскаго уѣздовъ, гдѣ иногда рожъ въ восмеро, а ячмень въ десятеро и въ двѣнадцатеро приходитъ. По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію, многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать, и для того принуждены другими работами оный сыскивать. По той же причинѣ многонародіе лѣса въ сей губерніи весьма истребило, и въ полуденныхъ провинціяхъ ихъ столь мало стало, что съ нуждою и на протопленіе имѣютъ.

Санктпетербургская губернія есть весьма мала обширностію и немногонародна, бывъ населена или прежними жителями оной, Чухнами, или переведенцами изъ другихъ Россійскихъ областей. Земля пещаная, болотная и климатъ холодной, непостоянной въ ничто приводятъ всѣ труды земледѣльца и рѣдко награждаютъ попеченія его, такъ что многонародный градъ Петербургъ весьма мало отъ окружающихъ его жителей заимствуетъ своего пропитанія, а самые оные, бывъ удручены частыми недородами хлѣба, хотя освобождены, съ начала заведенія сея губерніи, отъ всѣхъ рекрутскихъ наборовъ, однако мало размножаются, и густые лѣса, годные для строенія, всю сію губернію почти покрываютъ.

Новогородская губернія — пространная, покрытая великими лѣсами, наполненная болотами и озерами и

знатное царство Татарское, которое Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ покорено Россіи стало, и съ тѣхъ поръ только стало Россіянами населяться, имѣетъ въ себѣ многіе старобытные народы, яко: Татаръ, Мордву, Чувашъ, Вотяковъ и Черемисовъ, изъ коихъ первый слѣдуетъ Магомеданскому закону, а прочіе идолопоклонники, о которыхъ всѣхъ можно сказать, что они не суть доброжелательны Россіи. Но какъ я намѣренъ сдѣлать особливую статью о разныхъ народахъ, населяющихъ Россію, то въ оной и о сихъ подробнѣе опишу; здѣсь же о произращеніяхъ сея губерніи токмо упомяну. Можно сказать о сей губерніи, что естьли въ другихъ губерніяхъ дарованія природы суть раздѣлены, въ сей онѣ всѣ сообщены находятся. Тучная земля, изобильно раждающая всякаго рода сѣмена, великіе лѣса, годные для всякаго рода строеній, откудова и Адмиралтейство С.-Петербургское получаетъ большую часть дубоваго лѣса на строеніе кораблей *), великое число въ сихъ лѣсахъ разныхъ деревьевъ; обильство рыбъ въ рѣкахъ, протекающихъ въ сей губерніи, яко то: въ Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ и проч., богатые минералы, которые въ сѣверныхъ ея частяхъ находятся, склонность жителей къ промысламъ и, наконецъ самая рѣка Волга, съ впадающими въ нее рѣками, соединяетъ сію губернію, съ одной стороны, съ Каспійскимъ моремъ, а съ другой, съ Балтійскимъ и съ моремъ Бѣлымъ, и тѣмъ подаетъ способъ сей губерніи отвозить свои произращенія въ разныя мѣста.

Нижегородская губернія имѣетъ въ себѣ, кромѣ самой губерніи, 2 провинціи, Алаторскую и Арзамаскую, и 6 городовъ. Она, по своей малой обширности, довольно многолюдна, и земли ея равно суть плодородны, какъ и въ Казанской губерніи. Протекающія въ ней рѣки, Волга и Ока, которая подъ самимъ Нижнимъ впадаетъ въ Волгу, подаетъ ей способъ имѣть сообщеніе чрезъ водяной путь съ найотдаленнѣйшими частями Россійской Имперіи. Народъ сея губерніи особливо склоненъ ко всякимъ промысламъ и торгамъ, и многіе тутъ обрѣтаются великія села, которыя бо-

*) Петръ Великій, при начатіи Адмиралтейства, осмотря лѣса въ Казанской губерніи, сдѣлалъ два учрежденія объ оныхъ 1) чтобъ помѣщикамъ дубовыхъ лѣсовъ, окромѣ и самыя нужды, не рубить, и то съ позволеніемъ форстмейстера, которые потомъ толь во зло свою власть употребили, что отъ того и должность сію правительство принуждено было уничтожить; 2) чтобъ ежегодно по нѣсколько сѣять дубовыхъ лѣсовъ и растить ихъ по лѣкаламъ для Адмиралтейства; но токмо въ его время и было насѣяно, послѣ него и не думало Адмиралтейство сѣять—и приписалъ 70 тысячъ Татаръ для рубки сихъ лѣсовъ и привозки къ берегу для отправленія въ С.-Петербургъ; а валдмейстеры Адмиралтейства, на коихъ все сіе положено было, толь мало о сихъ лѣсахъ имѣли попеченія, о коихъ Государь думалъ, что ихъ на вѣки будетъ, что уже оныхъ близъ береговъ рѣкъ не находится, а принуждены ихъ отъ дальняго разстоянія на берега возить, да и тамъ на большіе корабли по лѣкаламъ уже почти сыскать не можно. Возка же сія толь разоряетъ сіи приписанные 70 тысячъ душъ, что многіе разумные и разсмотрительные люди меня увѣряли, что каждая переписная Татарская душа болѣе десяти рублей сей работою платитъ въ годъ Государю, не щитая мздоимства правителей.

гатствомъ и торговлею своею знатнымъ городамъ не уступаютъ. Но такъ какъ сіе естественно должно быть, гдѣ есть такіе великіе промыслы у крестьянъ, тутъ земледѣліе ослабѣваетъ, хотя сама природа тутъ кажется призывать людей къ необлѣнчивому земледѣлію, и сіе кажется есть коренное зло въ Россіи, что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы; но какъ нѣтъ никакого добра и зла, которое бы не имѣло причины своего начала, то, кажется, должно о семъ нѣкоторое разсмотрѣніе учинить. Прежде нежели Петръ Великій наложеніемъ подати принудилъ крестьянъ стараться другими ремеслами пріобрѣтать себѣ на пропитаніе и на заплату податей, крестьяне всѣ прилежали къ землепашеству, были сыты, но бѣдны, и хлѣбъ толь дешевъ былъ, что, не взирая на великое плодородіе, никогда не могъ заплатить трудовъ земледѣльца; но какъ стали крестьяне податьми нѣсколько отягчены, тогда помѣщики узнали многія спокойствія жизни, кои до того имъ невѣдомы были, для пріобрѣтенія оныхъ стали на крестьянъ новыя подати накладывать; тогда крестьяне, для удовлетворенія податьми Государя и помѣщика, оставя земледѣліе, стали ходить въ другія работы, и дѣйствительно они стали богатѣе деньгами, но земледѣліе упало и государство отъ того претерпѣваетъ. Вотъ первая причина политическая уменьшенію земледѣлія и дороговизны хлѣба. Есть и вторая: не-

достатокъ земель у многихъ крестьянъ, какъ особливо сіе примѣчается въ сей губерніи, такъ что есть многія великія села и волости въ сей губерніи, которыя, упражняяся въ рукодѣліяхъ, промыслахъ и торговлѣ, земли не имѣютъ, ниже подъ огороды, и слѣдственно таковые крестьяне не суть ко умноженію хлѣбопашества, но къ отягощенію другимъ земледѣльцамъ. Полезно было бы для Россіи, естьли бы Правительство, разсмотря права городовъ и состояніе мѣщанства и крестьянъ, не вдругъ, наглымъ образомъ, но мало по малу, лишило сихъ послѣднихъ тѣхъ промысловъ, которые прямо городамъ принадлежатъ, и отставъ отъ правила продавать государственную пользу, съ надлежащею осторожностію, лежащія въ Бѣлогородской и Воронежской губерніяхъ, пустыя земли, даромъ бы помѣщикамъ и крестьянамъ отдало, то бы самимъ симъ земледѣліе умножилось, и Россія бы богатство и изобиліе почувствовала.

Астраханская губернія есть полуденнѣйшая изъ всѣхъ Россійскихъ областей, къ которой, окромѣ Астрахани, принадлежатъ четыре города: Саратовъ, Царицынъ, Кизляръ и Моздокъ. Однако произращенія ея не суть одинаковы по свойству ея земель; въ иныхъ мѣстахъ, яко кругъ Саратова, тучная земля рождаетъ всякаго рода хлѣбъ; около Моздока, при подобномъ же урожаѣ, хлѣба сѣверныхъ странъ; родится Сарачинское пшено, виноградъ и другіе плоды полуденной стороны, но кругъ

Астрахани и Кизляра песчаная и наполненная соляными частицами земля, а къ тому и жаркой климатъ, суть весьма противны всякому хлѣбородію; и тѣ, которые старалися сдѣлать опытъ, хотя сторичный плодъ получили, однако и самый сей сторичный плодъ не могъ заплатить трудовъ и убытковъ, понесенныхъ ими. Но сія страна, вмѣсто того, производитъ многія другія, служащія къ удовольствію человѣка, вещи, яко: арбузы, дыни, виноградъ и другіе весьма вкусные плоды въ великомъ изобиліи, также тутовыя, или шелковичныя деревья, которыя подаютъ способъ къ заведенію шелковыхъ заводовъ, которые нынѣ есть и весьма могутъ размножиться. Не говорю я въ семъ случаѣ о заведенныхъ на Ахтубѣ (въ единомъ рукавѣ Волги), близъ Царицына, шелковыхъ заводахъ; потому что сіи имѣютъ свои неудобности, какъ тѣмъ, что крестьяне съ принужденіемъ шелкъ дѣлаютъ, въ такое время, когда они рыбнымъ промысломъ могутъ болѣе достать, такъ и тѣмъ, что тутовыя деревья ростутъ на поемныхъ мѣстахъ, и въ самое время водополья, для воспитанія червей шелковыхъ, должны крестьяне, съ подверженіемъ опасности жизни своея, ѣздя на лодкахъ, собирать сей листъ. Однимъ словомъ, сей заводъ, по указу заведенный, по указу и содержанный: а пчелы и шелковые черви не могутъ по указу весьма много размножиться. И тако, говорю я о такихъ заводахъ, которые крестьяне, или мѣщане, находя себѣ удобность,

не по неволѣ, но для своей прибыли потщатся завести, что и весьма легко сдѣлать, естьли Правительство имъ въ семъ случаѣ сдѣлаетъ нѣкоторое побужденіе. Что же касается до винограду Астраханскаго, то сіе уже испытано, что хорошаго и удобнаго къ долгому стоянію вина изъ него сдѣлать не возможно, ради множества соляныхъ частей, которыми, почти каждое утро, вся земля покрывается и слѣдственно которые владычествуютъ и въ самомъ виноградѣ. Мнѣ случилось между записками Петра Великаго найти одинъ его указъ, писанный къ тогда бывшему въ Астрахани Губернатору, Артемію Петровичу Волынскому, въ которомъ сей Великій Государь, признаваясь, что вина изъ Астраханскаго винограда дѣлать не можно, по крайней мѣрѣ повелѣваетъ ему стараться, чтобъ сидѣли Французскую водку. Сіе нынѣ уже исполняется; но по опасности, чтобъ сія изъ винограду сиженая водка не сдѣлала подрыву хлѣбному вину и откупщикамъ, такая цѣна ей положена, и толь сидѣніе ея стѣснено разными узаконеніями, что ни какой дѣйствительной прибыли Государству сдѣлать не можно. Я здѣсь не такъ говорю, какъ прибыльщикъ, который алтына не хочетъ въ казну государственную скопить, и раздѣляющій Государя съ Государствомъ, но яко человѣкъ, который щитаетъ, что многіе убытки могутъ быть полезны Государству, и для того бы, я думалъ, чтобъ сидѣніе водки Французской позволить

всякому въ Астраханѣ. А дабы сія водка откупнаго вина не подрывала, Государь бы по той цѣнѣ, какъ Французская водка продается въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, у промышленниковъ ее покупалъ для продажи гораздо дешевле (съ убыткомъ себѣ) всѣмъ желающимъ, даже и въ самомъ внутри Государства; симъ бы образомъ не могли промышленники корчемствовать сею водкою, находя себѣ больше прибыли продать ее дорогою цѣною Государю, а и Государство бы себѣ прибыль получило тѣмъ, что сіи деньги внутри его обращались, а не выходили бы изъ Государства.

Кизлярской виноградъ, хотя щитается гораздо удобнѣе къ дѣланію вина, однако и изъ него еще мало видимъ хорошаго и прочнаго; но и самое сіе вино удобно для расходу въ кружныхъ мѣстахъ, ибо не должно Государству никакого произведенія презирать.

Двѣ главныя рѣки орошаютъ сію губернію: 1) Терекъ, выходящая изъ Таврійскихъ горъ и отдѣляющая губернію отъ горскихъ народовъ; примѣчательна только чрезмѣрною ея быстротою; 2) Волга, протекающая чрезъ всю Россію и близко Астрахани впадающая въ Каспійское море. Сія рѣка, единая изъ знатнѣйшихъ въ свѣтѣ, въ Астраханской губерніи, входящею въ нее рыбою изъ Каспійскаго моря толь въ рыбѣ обильна, что почти превосходитъ всякое вѣроятіе, и Астраханскіе жители, какъ учугами, такъ и напло-

вомъ ловящіе рыбу, и посылая свои корабли ловить оную еще въ Каспійское море, хотя симъ способомъ довольствуютъ всю Россію, вспомоществуютъ внутренней торговлѣ хлѣбороднѣйшихъ странъ съ Астраханью; но самая легость сего промысла отвращаетъ купечество Астраханское въ дальнѣйшія предпріятія для Азіатской торговли вступать.

Общимъ образомъ можно сказать, что сія губернія лѣсовъ не имѣетъ, и для того сама Астрахань, даже до дровъ, получаетъ изъ другихъ областей Россійскихъ. Единое изъ главнѣйшихъ произведеній Астраханскія губерніи есть соленыя озера. Хотя ихъ и великое число, но главнѣйшее изъ оныхъ есть озеро Елтонское, на которомъ на одномъ столько соли садится, что оно одно можетъ всю Россію продовольствовать, и соль не болѣе четырехъ копѣекъ пудъ въ Дмитровской магазейнѣ становится, но оттуда, при развозѣ въ другія части Россійской Имперіи, толь многія злоупотребленія есть, что наконецъ Корона весьма малую, въ сравненіи надлежащей, прибыль получаетъ. А какъ сіи всѣ злоупотребленія суть великой подробности, то и писать объ нихъ за нужное не почитаю; ибо сія причина есть тѣмъ болѣе важна, что она вмѣстѣ можетъ пріобрѣсти и прибыль Коронѣ и облегченіе всему народу. Мнѣ токмо остается теперь о соли сказать, что сія соль хотя весьма удобна къ пищи человѣческой, но посоленные ею мяса не бываютъ прочны,

мало населенная. Сія губернія имѣетъ четыре провинціи, т. е., Новогородскую, Тверскую, Бѣлозерскую, и Олонецкую, и 17 городовъ. Земля въ сей губерніи, такъ какъ и многонародіе, гораздо обильнѣе въ полуденныхъ ея частяхъ, нежели въ сѣверѣ; сѣверныя же части наполнены великими лѣсами и болотами, и во многихъ мѣстахъ земля есть столь нехлѣбородна, что хотя вырубаютъ великія дубровы и сожигаютъ лѣсъ на сѣчахъ, но и изъ сихъ свѣжихъ земель не болѣе, какъ три, или четыре хлѣба собираютъ, а потомъ совершеннымъ оскудѣніемъ соковъ земли принуждены опять оную землю въ лѣса запускать. Правда, въ сіи 3, или 4, раза собираютъ они обильную жатву; но ежели сравнить великой трудъ вырубки лѣсовъ, пожженіе ихъ, трудность пашни, самую потерю лѣсовъ, то врядъ могутъ сіи обильныя жатвы оный трудъ заплатить. Самыя же сѣверныя части сея губерніи толь наполнены болотами и озерами и каменными горами, что великіе округи земли безъ земледѣлія остаются, а которые бы и могли обдѣлываемы быть, въ тѣхъ ранними морозами хлѣбъ бываетъ побиваемъ, и такъ великая часть народа принуждена другими способами сыскивать себѣ пропитаніе, яко рыбною, птичею и звѣриною ловлями, разными мастерствами и работами въ маленькихъ печахъ желѣзной руды, или на сысканныхъ разныхъ минераловъ заводахъ, но никогда не можетъ быть та благополучна страна, гдѣ пропитаніе жителей не на земледѣліи основано.

Помянувъ о минералахъ, раждающихся въ горахъ сея страны, не могу оставить я, чтобъ нѣкоторымъ образомъ не сказать о начальномъ ихъ сысканіи. Еще при Петрѣ Великомъ найдено было великое число тутъ рудниковъ, и на нѣкоторыхъ изъ оныхъ еще при немъ были учреждены заводы, другихъ же разработка до удобнѣйшаго времени оставлена. Приписаны были къ симъ рудникамъ крестьяне, и частымъ посѣщеніемъ Государя заводы сіи возрастали, а особливо достойные вниманія тутъ были найдены рудники чугунные, весьма удобнаго металла для литья пушекъ чугунныхъ на флотъ. Но какъ многія установленія Петра Великаго, естьли бъ послѣ кончины его, ради видной ихъ полезности, совсѣмъ разрушены не были, но бывъ лишены сего ока, внимающаго о добромъ исправленіи всего, или безполезными учинились, или обратились во вредъ народу; тако и сіи Олонецкіе заводы долгое время безъ всякой прибыли Коронѣ производились и съ крайнимъ отягощеніемъ приписанныхъ крестьянъ, единственно токмо въ пользу опредѣленнымъ тутъ смотрителямъ, и наконецъ, по долгимъ спорамъ между Адмиралтейскою и Бергъ-Коллегіями, которыя обѣ требовали сіи заводы подъ вѣдѣніемъ своимъ имѣть, были совсѣмъ оставлены. Но какъ чрезъ самое сіе флотъ лишился способа удовольствовать себя пушками, то сіе побудило возобновить сіи заводы, а воспоминаніе золъ, каковые крестьяне отъ нихъ

претерпѣли, и начатіе ихъ съ самымъ отягощеніемъ крестьянскимъ, понудило 14 тысячь душъ къ бунту приступить, который токмо въ 1768 году вооруженною рукою унятъ былъ; тогда же приложены стали попеченія о разсмотрѣніи прежде найденныхъ рудниковъ и о сысканіи новыхъ. Вездѣ сія неплодная и каменистая земля, внутри нѣдръ ея скрывающіяся богатства стала оказывать: злато, сребро, мѣдь слитками, и такъ отъ насъ называемая самородка вездѣ богатство и прибыль работающимъ обѣщаетъ. Правда, нѣкоторые искусные люди меня увѣряли, что всѣ сіи руды суть гнѣздовые, и потому безъ надежды долгаго продолженія, которые, прельстивъ первымъ своимъ видомъ искателя, когда построются тутъ заводы, за выработкою своею и убытку заводу не могутъ заплатить; но, не вступая въ таковыя догадки, которыя лишь время можетъ окажетъ, скажу, что желательно только, что при учрежденіи заводовъ опредѣленные люди старались бы больше о твердой пользѣ государства, нежели о своемъ прибыткѣ, иль, показывая обманчивое усердіе, хотѣли выслужиться.

Хотя не толь драгоцѣнная вещь, но не меньше полезная (ежели будутъ умѣть симъ воспользоваться), сыскана въ сей же губерніи, т. е. разныхъ цвѣтовъ мраморъ, который и употребляется для зданія Исакіевской церкви, въ Петербургѣ, и многихъ другихъ казенныхъ строеній; но еще ни заводовъ не сдѣлано, гдѣ бы чрезъ раз-

ныя машины легче сей камень распиливать и полировать, ни ломка его, ни привозъ порядочно не учреждены, чтобы не токмо удовольствовать своихъ гражданъ, но чтобы и сѣверныя части Европы онымъ снабдить дешевле, нежели они оной изъ полуденной части получаютъ.

Кіевская губернія. Сія губернія есть весьма малаго пространства, такъ что не токмо приписной къ себѣ провинціи, но ниже города имѣетъ; но важность ея состоитъ въ томъ, что Кіевъ самъ есть городъ пограничный и ключь Россіи, какъ отъ стороны Турецкихъ областей, такъ и Польши. Что касается до плодоносія сей губерніи, то въ разсужденіи песчаныхъ ея земель, окромѣ такихъ фруктовъ, которые на пескахъ могутъ родиться, произращенія ея суть весьма малой важности; но приписаны къ сей губерніи 16 слободъ Раскольничьихъ, лежащія близъ Стародуба. Сихъ слободъ земли обильствомъ и между обильными Россійскими землями отличаются; ибо на оныхъ равное есть плодородіе всякаго рода хлѣба, пеньки, которая есть тутъ лучшая, травы и плодовъ древесныхъ, а сверхъ того сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею изъ Польши. Надлежитъ примѣтить о сихъ слободахъ, что населившіе оныя раскольники суть по большой части выходцы изъ Польши, и что оные не инако могутъ ужножаться и пребывать въ цвѣтущемъ состояніи, какъ чрезъ весьма доброе управленіе и позволеніе

ихъ вѣры, колико то съ общимъ положеніемъ Государства можетъ сходствовать, какъ о семъ въ статьѣ о разныхъ въ Россіи вѣрахъ помянется.

Бѣлогородская губернія. Сія губернія вмѣщаетъ въ себѣ 3 провинціи, т. е., Бѣлогородскую, Сѣвскую и Орловскую, и 16 городовъ. Общимъ образомъ о сей губерніи можно сказать, что она есть единая изъ плодороднѣйшихъ въ Россіи: тучныя ея земли удобренія никакого не требуютъ, развѣ подъ макъ и подъ коноплu; великое число земель и легкая работа даютъ способъ земледѣльцамъ великое число земли запахивать, такъ что во многихъ мѣстахъ они четверть жатвы своея отдаютъ приходящимъ изъ Московской губерніи за то, что сіи имъ помогаютъ хлѣбъ ихъ убрать, а протекающая отъ Орла рѣка Ока подаетъ способъ хлѣбъ внутрь Россіи не въ толь плодородныя провинціи отвозить. Общимъ образомъ можно сказать о сей губерніи, что въ ней есть великій недостатокъ лѣсовъ; но я почитаю, что и сей недостатокъ исправить можно саженіемъ и сѣяніемъ оныхъ; ибо въ сей губерніи земель также есть обильство; но кажется двѣ причины тому препятствуютъ: первая, нерачительность жителей, которые все то, что отцы ихъ не дѣлали, невозможнымъ почитаютъ, а второе, и самые законы; ибо дубовой большой лѣсъ (какой въ сей губерніи на тучныхъ ея земляхъ растетъ) описывался на Адмиралтейство, и чрезъ сіе самъ хозяинъ, выростившій его, не

токмо не властелинъ ему становился, но ежели онъ кѣмъ и утратится, принужденъ былъ разореніе претерпѣть наложеніемъ на него великаго штрафа; то при такомъ узаконеніи можно ли ожидать, чтобъ старались люди завести лѣса? Сенатомъ уже усмотрѣна неудобность сего узаконенія и велѣно Адмиралтейской Коллегіи о лѣсахъ сдѣлать положеніе, котораго она чрезъ многіе годы еще не сдѣлала.

Воронежская губернія. Сія губернія вмѣщаетъ въ себѣ 3 провинціи, окромѣ губерніи, Елецкую, Тамбовскую и Шацкую, и 16 городовъ. Сія губернія, также какъ и Бѣлогородская, можетъ назваться питательницею Россіи и сходствуетъ во всемъ съ губерніею Бѣлогородскою.

Смоленская губернія. Сія губернія не имѣетъ провинцій, а токмо къ ней приписано 4 города. Сія губернія имѣетъ обильство лѣсовъ, и хотя земля въ ней сама собою и не весьма плодородна, однако чрезъ прилежное земледѣліе вездѣ можно ее довести до того, что не токмо жителей своихъ питать можетъ, но можетъ ссужать еще и другія области Россійскія Имперіи. Городъ Смоленскъ, хотя древнее владѣніе Россійскихъ князей, но бывъ долгое время подъ Польскимъ владѣніемъ, отъ котораго онъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ отторгнутъ сталъ, сохраняетъ многіе обычаи Польскіе; и, не взирая, что уже болѣе ста лѣтъ какъ подъ Россійскою державою опять находится, жители его не могутъ забыть

тѣхъ правъ и вольностей, которыми они, по правамъ Польскимъ, пользовались.

Архангелогородская губернія, занимающая сѣверныя части Россійскія имперіи, вмѣщаетъ въ себѣ, окромѣ губерніи, 3 провинціи: Вологодскую, Великоустюжскую и Галицкую и 14 городовъ. Хотя пространствомъ она многія другія превосходитъ, но бывъ наполнена лѣсами и болотами, мало жителей имѣетъ, и ниже имѣть ихъ много можетъ; ибо подвергнутыя великимъ стужамъ, нѣкоторыя изъ ея частей, не могутъ зрѣть созрѣнія посѣянныхъ въ землю сѣменъ; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ хлѣбныя сѣмена и созрѣваютъ, земля есть столь неплодородна, что едва можетъ пропитать своихъ жителей. Я говорю сіе общимъ образомъ; ибо хотя нѣкоторые домостроители въ полуденныхъ частяхъ и довели землю удобреніемъ до изряднаго плодородія; но трудъ, который они на сіе употребили, и малое число земли, которое они запахиваютъ, паче общее мое положеніе утверждаютъ. Но естьли чего въ хлѣбномъ изобиліи сея губерніи недостаетъ, то награждается великимъ числомъ рыбъ и птицъ, которые въ рѣкахъ и лѣсахъ сея губерніи обрѣтаются; а притомъ можно сказать, что жители сея губерніи суть найпромышленнѣйшіе люди изъ всѣхъ Россіянъ; притомъ примѣчательно есть и сіе, что сія губернія имѣетъ лучшую рогатую скотину изъ всея Россіи, которая имѣетъ свое происхожденіе отъ привезенныхъ Голландцами къ городу

Архангельскому, откуда она по всей губерніи расплодилась.

Городъ Архангельскъ самъ собою достоинъ особливаго вниманія, ибо: 1) обильство кругъ его лѣсовъ, а паче лѣствиничихъ деревьевъ, дѣлаетъ его удобна быть мѣстомъ верфи, для строенія кораблей, которое тамъ и производится, и гораздо дешевле, нежели въ С.-Петербургѣ; 2) мѣстоположеніе его въ близости къ Сѣверному морю могло бы послужить къ заведенію компаніи битья китовъ и рыбной ловли; ибо хотя и нынѣ рыбная ловля производится ловленіемъ бѣлугъ, битьемъ моржей и ловомъ нерпъ, сельдей и другихъ морскихъ звѣрей и рыбъ; но какъ сіи промыслы отданы были на откупъ для сальныхъ заводовъ, то сіе весьма стѣснило оный. А хотя уже послѣ и всѣмъ позволено стало такой промыслъ имѣть, но какъ оный производятъ самые бѣднѣйшіе люди, то не могутъ ни крѣпкихъ судовъ имѣть, ниже осмѣлиться въ дальное разстояніе отъ береговъ пуститься; и тако можно сказать: Россія видитъ предъ глазами своими пользу, отъ рыбной ловли могущую ей быть, но по ся поры оною не пользуется; 3) комерція сего города также можетъ быть весьма пространна, но о семъ я въ статьѣ о торговлѣ упомяну.

Казанская губернія вмѣщаетъ въ себѣ, окромѣ губерніи, 5 провинцій, Свіяжскую, Пензенскую, Синбирскую, Вятскую и Пермскую, и 14 городовъ. Сія губернія, прежде бывшая

Говоривши о минералахъ Оренбургской губерніи, не должно умолчать и о великомъ числѣ камней, которые въ сей губерніи находятся: разные мраморы, агаты, ясмины, хрустали, топазы, аметисты и другіе какъ въ горахъ, такъ и въ минахъ изобилуютъ, и для обдѣлыванія ихъ есть многіе изрядные мастеровые въ Екатеринбургѣ. Сей промыслъ также находится подъ вѣдомствомъ одного изъ членовъ Горнаго начальства, и конечно естьли бы въ такомъ правителѣ вкусъ съ знаніемъ сообщался и государственное бы правительство прилежнымъ окомъ на сіе воззрѣло, то-бъ великую прибыль могло получить. Говоря о произведеніяхъ сей губерніи, не должно умолчать о земледѣліи. Въ сей губерніи есть троякія мѣста: единыя, наполненныя каменными горами, или покрытыя дремучими лѣсами, вторыя — наполненныя минералами, а паче же желѣзомъ, противны всякому произращенію, и третія, гдѣ тучная земля вторичный даетъ плодъ тѣмъ, кто ея обработываетъ. При семъ случаѣ, хотя и опредѣляю особливую статью говорить о народахъ, населяющихъ Россію, не могу я умолчать, чтобъ нѣчто не сказать о большей части Башкирцовъ, народѣ многолюдномъ и питающемся отъ своихъ стадъ, которые толико земли для паствы оныхъ занимаютъ, чтобъ конечно въ десятеро ихъ со изобильствомъ могли питаться, естьли бы народъ земледѣльствующій былъ.

Я окончу сію статью о Оренбургской губерніи описаніемъ самаго города Орен-

бурга, построеннаго на рѣкѣ Яикѣ въ 1734 году, который имѣетъ порядочное укрѣпленіе, населенный какъ многими переѣхавшими туда купцами, казаками, гварнизонными солдатами и ссылочными, которые по ссылкѣ своей на своемъ содержаніи въ ономъ житьи поселиться хотѣли. Близъ него великой мѣновой дворъ каменной построенъ для торгу съ Киргисъ-Кайсаками, Бухарцами и другими Азіатскими народами. Градъ сей построенъ на безлѣсной и неплодоносной степи, такъ что главное неудобство сего города состоитъ въ томъ, что хлѣбъ и лѣсъ должно изъ дальнихъ мѣстъ въ сей городъ привозить.

Сибирская губернія, содержащая въ себѣ двѣ провинціи, Тобольскую и Енисейскую, и 4 города и многіе остроги. Сія губернія, заимствующая свое наименованіе отъ имени всея сея пространныя страны, лежитъ на востокъ отъ Оренбургской и Казанской губерніи: населена-жъ древними ея обитателями; Татарами, нѣсколькими дикими народами, Россіянами; едина часть ея прилегаетъ къ степямъ Киргисъ-Кайсатскимъ, а другая простирается по Ледяному морю, противу Новой Земли. Земля сея губерніи есть найплодоноснѣйшая, и можно сказать, что вездѣ, гдѣ хлѣбопашество заведено, тутъ сѣмена сторичной плодъ приносятъ; тѣ жъ части сея страны, которыя необработаны земледѣліемъ, суть покрыты великими лѣсами: пихтою, ельями, соснами, кедрами и другими подобными, которыя питаютъ множество

звѣрей, составляющихъ своими шкурами знатный Россійскій торгъ. Однако сказать можно нынѣ о звѣряхъ, что ихъ весьма убавилось, а паче соболей, которой звѣрь никакъ не можетъ близко жилья жить, на нѣсколько сотъ верстъ прочь отъ поселенія убѣгаетъ и слѣдственно по мѣрѣ разширенія селеній, онъ отъ сея губерніи удалился; къ чему еще способствовали и самые пожоги лѣсовъ, потому что сей звѣрь далеко отбѣгаетъ, гдѣ послышитъ хотя малѣйшій дымъ. А хотя многими указами и накрѣпко запрещено огни въ лѣсахъ раскладывать, или пожоги дѣлать, но совсѣмъ тѣмъ сіе исполняется, ибо и въ самомъ дѣлѣ въ толь пространной и ненаселенной странѣ возможетъ ли земская полиція таковыя вещи запретить? Но въ самомъ дѣлѣ мое мнѣніе есть, колико на сіе дикіе народы ни жалуются, что единая десятина распаханной земли полезнѣе государству, нежели множество драгоцѣннѣйшихъ соболей въ лѣсахъ. Говоря о земледѣліи сея страны, не должно умолчать объ Барабинской степи, которая отъ моря до Томска простирается; на сей степи учинены великія поселенія изъ отдаленныхъ вмѣсто рекрутъ на поселеніе крестьянъ, и хлѣбопашество тутъ толь размножилось, что дѣйствительно, при плодоносіи сея земли, народъ какъ онымъ, такъ и великимъ скотоводствомъ сталъ тутъ обогащенъ. Не меньше достойна сія губернія примѣчанія многими минералами, которые въ нѣдрахъ земли находятся, и Колывано-Воскре-

сенскій заводъ, построенный близъ Змѣиногорской крѣпости, свидѣтельствуетъ о богатствахъ, сокровенныхъ въ нѣдрахъ сея страны; ибо сей заводъ вырабатываетъ каждый годъ по семи сотъ пудъ серебра для Короны, и хотя шахта идетъ больше, нежели на 90 саженъ въ глубь земли, однако по сю пору вода ее нигдѣ не одолѣла, и многіе лѣта работы не могли истощить одинъ сей рудникъ, а многіе еще и другіе рудники, не менѣе богатые, кругомъ найдены, такъ, что можно сказать, сіи мины вѣчное богатство и доходъ Россійской Имперіи обѣщаютъ. Не меньше-жъ сія страна примѣчательна великими рѣками, орошающими ее, яко: Обь, Иртишъ, Енисей и другія, которыя, протекая чрезъ всю Сибирь, впадаютъ въ Ледяное море. Сіи рѣки и обрѣтающіяся озеры, наполнены великимъ числомъ разныхъ рыбъ, такъ, что жители Сибирскіе почти ни за что сею рыбою довольствоваться могутъ. Рѣка Иртишъ выходитъ изъ озера Норзеса, лежащаго уже на Мунгальской степи, и чрезъ самое сіе, сіе бы мѣсто могло быть способно для торговли съ Мунгальскими народами, первое по тому, что все бы можно изъ Тобольска вверхъ по рѣкѣ Иртишу въ сіе мѣсто отправить водою, а все вымѣненное отъ Мунгаловъ и другихъ народовъ, можно обратно везти внизъ по той же рѣкѣ до Тобольска. 2) Что и самые народы малаго Тибета, которые понынѣ чрезъ Китайцевъ и Мунгалъ съ Россіею на Кяхтѣ торгъ производятъ, могли бы, не захватывая Ки-

тайскихъ областей, къ озеру Норзесу пріѣзжать. Я тѣмъ охотнѣе сіе мое мнѣніе предлагаю, что Петръ Великій въ жизнь свою всегда старался на озерѣ Зайсанѣ торговлю завести.

Иркутская губернія есть самая восточнѣйшая и пространнѣйшая изъ всѣхъ Россійскихъ губерній. Границы ея простираются возлѣ степи, отдѣляющей Россійскую Имперію отъ Китайскія по Тихому, или Восточному морю, гдѣ полуостровъ Камчатка, къ сей же губерніи принадлежитъ, и наконецъ по морю Сѣверному.

Сія губернія, не взирая на ея пространство, имѣетъ въ себѣ, окромѣ губерніи, двѣ провинціи: Якутскую и Удинскую, да и сія послѣдняя въ 1775 году вновь учреждена; также и городовъ въ сей губерніи очень мало. Я первѣе пазначу тѣ, которые съ давныхъ лѣтъ уже имя городовъ носили, а потомъ тѣ, которымъ въ нынѣшнемъ 1775 году наименованіе городовъ дано и учреждены въ нихъ правительства. И тако въ первыхъ: Якутскъ, Селенгинскъ, Нерчинскъ и Илимскъ; изъ вторыхъ: Удинскъ, Устькеренскъ, Алданъ, Балаганскъ, Удинская слобода, Верхоленской острогъ, Тункинской острогъ, Егинское зимовье, Верхоянское зимовье, Средне-Колымское зимовье, Обскминской острогъ и Верховинойская Волость. Я весьма отдаленъ, чтобы дѣлать охуленіе учрежденію правительствъ, естьли къ тому достаточныхъ причинъ не имѣю; однако не могу я удержаться, чтобы не сказать, что сіи

городы и въ оныхъ правительства Воеводскіе и Комисарскіе учреждены по предложенію назначеннаго туда губернатора Нѣмца, который, никогда тамъ не бывавъ, сомнительно, чтобы зналъ обстоятельства сія пространныя Имперіи; а притомъ какъ сія губернія населена по большей части дикими народами, удалена отъ сообщенія съ прочими частями Россіи, гдѣ и самое Губернаторство почти ссылкою можно почитать, и наконецъ, гдѣ Воеводы и Комисары находятъ способъ, угнѣтая дикіе народы, обогащаться, то приумноженіе правительствъ не приумножитъ ли отягощенія симъ бѣднымъ народамъ? Избирать же людей для опредѣленія туда есть дѣло весьма трудное, потому что кто благородный, имѣющій малый чинъ, туда поѣдетъ? А тѣ, которые ѣдутъ для наживы не суть годные люди. Есть при нынѣ царствующей Императрицѣ изданной, весьма выгодной для Сибири, законъ, состоящій, что—кто шесть лѣтъ въ Сибирѣ въ одномъ чину пробудетъ, тотъ можетъ требовать и получить повышеніе чина; но я удивляюся, что въ семъ законѣ вся Сибирь подъ единое правило была вмѣщена; ибо какъ можно сверстать Тобольскую губернію, въ разсужденіи ея близости къ Россіи и другихъ выгодъ, съ отдаленностію Иркутской губерніи, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ съ трудомъ и хлѣба можно достать?

Я, упоминая о городахъ Иркутской губерніи, не означилъ ни одного острога изъ обрѣтающихся въ полуостровѣ Кам-

чаткѣ, которые заимствуютъ свое наименованіе отъ протекающей рѣки того же имени. Оные суть, на западномъ берегу сего полуострова: остроги Кигильской, Ичинской, Боровской, Волшерѣцкой; въ срединѣ острова: Верхо- и Нижне-Камчатскіе.

Народы, населяющіе сію губернію, суть: Братскіе, близъ озера или моря Байкала; Тунгусы, занимающіе великое пространство по обѣимъ сторонамъ рѣки Лены; Якуты, населяющіе около средины теченія той же рѣки правую сторону, а при впаденіи ее въ море и обѣ стороны; Юкагиры, населяющіе обѣ стороны рѣки Колымы до впаденія ея въ Сѣверный окіянъ; Чукчи, населяющіе самую сѣверную часть Сибири; Коряки, живущіе близъ рѣки Анадира и такъ называемаго моря Пенжинскаго, и наконецъ Камчадалы, населяющіе Камчатку. Рѣки, орошающія сію губернію, суть: Лена, найвеличайшая изъ всѣхъ, которая имѣетъ свое начало близъ озера Байкала и впадаетъ въ Сѣверное море; длинное ея теченіе, широта, чистота воды и обильство рыбы дѣлаетъ подлинно, что должно ее единую изъ первѣйшихъ въ свѣтѣ почитать. Другія же рѣки суть: Яна, Индигирка, Колыма, которыя всѣ впадаютъ въ Сѣверный окіянъ; Данъ, Олекма, Витимъ, Вилуй, впадающія въ рѣку Лену, и рѣка Тунгусъ, выходящая изъ озера Байкалъ и соединяющая сіе озеро съ рѣкою Енисеемъ. Не можно пропустить, чтобъ не помянуть о семъ великомъ озерѣ, которое простирается въ длину около 1000 верстъ, а въ ширину въ узкихъ мѣстахъ около восьмидесяти верстъ, и также, какъ всѣ прочіи воды сея губерніи, имѣетъ особливую чистоту и наполнено рыбою. Я въ окончаніи, что касается до водъ сея губерніи, не могу умолчать о рѣкѣ Шилкѣ, которая отъ стеченія рѣкъ Ингоды и Читы начало свое имѣетъ, умножается впаденіемъ въ ея рѣкою Аканъ, и наконецъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ кончатся Россійскія границы, соединясь съ рѣкою Аргунъ, сочиняетъ знаменитую рѣку Амуръ, текущую въ Китайскихъ областяхъ, которыя бы владѣніе весьма полезно было Россійской Имперіи, потому что сія рѣка есть глубокая и широкая, а вокругъ рѣки Шилки можно найти все нужное для строенія морскихъ судовъ, то бы владѣніемъ рѣки Амура, впадающей въ Камчатское море, самимъ бы тѣмъ могли пріобрѣсти владѣніе и Тихаго моря, и ближайшимъ бы образомъ торговлю свою въ Восточную Индію распространить. Въ прежнія времена сія рѣка и составляла границы Россійскія, но посланной въ 1698 году для разграниченія Россійской Имперіи съ Китайцами Головинъ, не проникая ни нужды, ни важности владѣнія сея рѣки, обще съ городомъ Албазиномъ, теченіе сея рѣки Китайцамъ во владѣніе уступилъ. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, когда Графъ Петръ Ивановичь Шуваловъ, присвоя себѣ государственные доходы, но не могши насы-

чего ради Адмиралтейство принуждено Гиспанскую соль для соленія мяса выписывать; однако она еще лучше соли Илецкой.

Понеже я опредѣляю описывать въ особливой статьи многонародіе, то здѣсь токмо упомяну, что въ сей губерніи Рускихъ природныхъ жителей есть весьма мало. Пространныя ея степи заняты Калмыками, пришедшими съ Аюкою Ханомъ, и великое ихъ скотоводство подавало способъ доставать тутъ за дешевую цѣну хорошихъ лошадей, а сало отъ ихъ скота сочиняло знатную часть торговли Россійской; но какъ въ 1771 году семдесятъ тысячь кибитокъ изъ сихъ Калмыковъ ушло въ Мунгалы, то не токмо сего обильства Россія лишилась, но лишилась и великаго числа военныхъ людей, которые могли границы ея отъ набѣговъ другихъ дикихъ народовъ защищать. Есть еще въ Астраханской губерніи нѣкоторыя изъ Европейскихъ народовъ поселенныя колоніи; но какъ для познанія состоянія ихъ надлежитъ изслѣдовать почти ихъ исторію, то я сіе до другаго приличнаго мѣста оставляю, довольствуясь токмо здѣсь сказать, что лучшая изъ сихъ колоній есть колонія Гернгутерская, поселенная на Сарептѣ, и что сіи колонисты завели сѣяніе Виргинскаго табаку въ Астраханской губерніи.

Азовская губернія. Сія губернія прикасается съ одной стороны къ Астраханской, имѣетъ въ себѣ, окромѣ Азовской, одну Бахмутскую провинцію и многіе города, которые, однако, исчислить трудно; ибо какъ они построены всѣ для защищенія линіи отъ набѣговъ Татарскихъ, то по обстоятельству дѣлъ единые упадаютъ, а другіе строятся. Вообще можно сказать объ сей губерніи, что она имѣетъ землю весьма плодоносную и, окромѣ всякаго рода хлѣба, родятся въ ней презрядные плоды, а на самомъ Дону и толь хорошій виноградъ, что изъ него хотя не крѣпкія, но прочныя вины дѣлать можно. Пространныя ея степи наполнены великимъ множествомъ всякаго скота, т. е., лошадьми, коровами и овцами, которыхъ послѣднихъ шерсть за лучшую въ Россіи почитается. Протекающая чрезъ сію губернію рѣка Донъ толь великое множество рыбъ въ себѣ имѣетъ, что она не мало способствуетъ къ обогащенію Донскихъ Казаковъ, которые вмѣщены въ сію губернію, и которою они даже до Константинополя торгъ свой производятъ. Заключенный 1774 года, Іюля 10, миръ съ Портою Оттоманскою и учиненная свобода плавать Россійскимъ кораблямъ по Азовскому и Черному морю, новый источникъ богатствъ для сей губерніи отверзаетъ, и тутъ же умножаетъ ея важность, которая и прежде сего особливаго всегда уваженія достойна была какъ по причинѣ ея пограничности съ Турецкими областями, такъ и по неспокойству Донскаго народа, обитающаго въ ней. А нынѣ, окромѣ вышеписанныхъ причинъ, до торговли касающихся, причина неусыпнаго надзи-

ранія надъ сею губерніею тѣмъ приумножилась, что вновь пріобрѣтенные отъ Турковъ града: Керчь, Еникуль и Кинбургъ къ ней приписаны — града, которые, по стоянію ихъ въ самыхъ земляхъ чуждаго народа, могутъ всегда къ нечаянному нападенію подвергнуты быть, или и самые ихъ гарнизоны могутъ подать причину къ распри, и отъ того къ начатію войны. Впрочемъ, сія губернія не имѣетъ довольно лѣсовъ, но вся безлѣсными степями наполнена; также находится въ ней недостатокъ водъ, ибо, окромѣ Дона и Донца, ни одной тутъ знатной рѣки нѣтъ. По причинѣ Дона, за нужное почитаю упомянуть, что мелкость его водъ и занесенное устье пескомъ, отнюдь не дозволяютъ строющихся въ Воронежѣ мореходныхъ судовъ до Азова спускать, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ безплодно учиненные опыты съ самыхъ временъ Петра Великаго.

Оренбургская губернія, лежащая между Казанскою, Астраханскою и Сибирскою губерніями, имѣетъ въ себѣ, кромѣ Оренбургской, двѣ другія провинціи, Исецкую (Исетскую) и Уфимскую, и не малое число малыхъ городковъ и крѣпостей, оплотами огражденныхъ. Сія губернія населена разными народами, яко, т. е., переведенными Россіянами, Казаками Яицкими, которые нынѣ *Уральскими* называются, горными Башкирцами, Татарами, Калмыками и Мещеряками. Плодородіе почвы во всей сей губерніи есть чрезвычайно, гористыя и ровныя мѣста

множайшимъ образомъ трудъ земледѣльца награждаютъ, а Уральскія горы, занимающія не малую часть сей губерніи, даютъ ключи великимъ рѣкамъ, яко рѣкѣ Бѣлой, Яику, что нынѣ *Уралъ*, содержатъ въ нѣдрахъ своихъ богатые рудники, и лѣса, покрывающіе ихъ, служатъ къ самому выдѣлыванію сихъ рудъ, и тогда же вмѣщаютъ великое число звѣрей, которыхъ ловитвою народъ обогащается. Богатство сихъ рудъ въ сей губерніи толь есть чрезвычайно, что многіе заводчики меньше пятнадцати пудъ металлу, во ста пудахъ руды содержащагося, уже перетапливать презираютъ. Тутъ мѣдь, желѣзо, серебро и самое золото, вездѣ въ обильствѣ обрѣтается, и великое число людей, имѣющихъ тамъ свои заводы, въ краткое время великія сокровища получили. Но можно ли подумать, чтобъ самыя сіи дарованія натуры могли вредны тому государству, гдѣ онѣ находятся, быть? Однако въ самомъ дѣлѣ сіе воспослѣдовало, отъ того — 1) Всѣ волости, тамъ населенныя, были Государевы, которыя по заведеніи заводовъ, къ разнымъ заводамъ приписанныя были по числу донъ (домнъ) и молотовъ; но приписка сія была учинена не по близности и способности волостей, но приписывались тѣ, которыя не могли откупиться, или за которыя заводчики болѣе денегъ давали, и наконецъ, которыя управители заводовъ хотѣли; изъ чего произошло, когда большая часть волостей стали къ заводамъ приписаны, что часто отъ близости одного завода къ другому

по семи сотъ верстъ работники должны ходить работать. Тщетно на сіе сказать, что сдѣланъ плакатъ, который ограничиваетъ волю заводчиковъ: онъ болѣе въ пользу ихъ, нежели въ пользу крестьянскую сдѣланъ, и крестьяне не престаютъ разными пронырствами заводчиковъ разоряемы быть, такъ, что при началѣ царствованія нынѣшней Государыни повсюду бунты и неудовольствія отъ крестьянъ оказались. А наконецъ, когда злодѣй Пугачевъ принялъ дерзостно на себя великое имя, тогда они съ заводовъ толпами стали къ нему прибѣгать и умножать его шайку, и, конечно, нельзя никакими плакатами сдѣлать вспомоществованія симъ страждущимъ крестьянамъ, если они не будутъ приписаны по способности, кому на какой заводъ ходить, если платежъ не по работѣ, но по отдаленности ихъ хожденія не опредѣлится. 2) Правительство донынѣ не прилагало довольнаго попеченія о сочиненіи картъ, и самое недовольное свѣдѣніе сея землемѣрныя науки и великое обильство лѣсовъ учинило, что безъ всякаго разбору и изчисленія давались неумѣренной величины дачи каждому заводу; заводчики же, получа даромъ таковыя дачи, не болѣе употребили своего старанія для сохраненія лѣсовъ, толь нужныхъ для производства заводовъ, и самимъ тѣмъ сдѣлали, что имъ должно уже оныя въ самомъ дальнемъ отъ заводовъ разстояніи получать, а сіе умножило и дороговизну на металлы. 3) Самое обильство ми-

нераловъ и представляющійся видъ скораго обогащенія склонилъ заводчиковъ — не по размѣру числа приписанныхъ къ заводу людей, но по размѣру жадности ихъ къ корысти — заводы умножать. А дабы имѣть на заводѣ работниковъ, то, презирая человѣколюбіе и презирая всѣ установленные плакаты, всякими способами къ работѣ, приписанныхъ къ заводу крестьянъ, принудить тщатся, и какъ чрезъ сіе, такъ и чрезъ объявленное въ первой статьѣ разсмотрѣніе о сей губерніи, крестьяне приходятъ въ совершенную бѣдность, не толико размножаются, коль бы безъ того могли, а земледѣліе ослабѣваетъ, такъ что тучная земля сея губерніи во многихъ мѣстахъ не обработана остается. 4) Многіе заводчики, получа право покупать деревни и перевозить туда крестьянъ, коихъ отнявъ отъ земледѣлія, туда перевезли, а притомъ стараяся всячески наполнить свои заводы людьми, всякихъ бѣглыхъ и распутныхъ людей къ себѣ на заводы принимаютъ, которые въ зимнія времена и пристанищами ворамъ бываютъ, лишь только съ тѣмъ, чтобъ они на ихъ въ сіи времена работали, и чрезъ все сіе заводы распростерли дѣйствіе на уменьшеніе земледѣлія, какъ въ сей губерніи, такъ и въ другихъ провинціяхъ. Множество бѣглыхъ, скрывающихся на сихъ заводахъ и не платящихъ ничего никому, уменьшаютъ доходъ государственный и дѣлаютъ тягость другимъ областямъ, и находящіе себѣ убѣжище на заводахъ разбойники, всегда въ

страхъ и трепетъ Казанскую и Оренбургскую губерніи приводятъ. Тако нѣкоторыхъ приватныхъ людей прибытки разрушаютъ общую связь, полезность и спокойство государственное, чему, однако, инако пособить не можно, какъ воззрѣніемъ прилежнымъ и на мѣстѣ бывшимъ окомъ на всѣ сіи заводы, исчисленіемъ, болѣе ли они пользы, или вреда, своими злоупотребленіями приносятъ, и наконецъ учиненіемъ такихъ узаконеній, гдѣ бы польза государственная, происходящая отъ минераловъ, сравнена была съ пользою, происходящею отъ земледѣлія, гдѣ-бъ благоденствіе заводчиковъ сравнено было съ благоденствіемъ крестьянскимъ, и гдѣ-бъ, наконецъ, собственность, спокойство и общая связь всѣхъ дѣлъ Имперіи безпристрастно наблюдена была.

Говоря о минеральныхъ заводахъ Оренбургской губерніи, не можно умолчать о учрежденномъ горномъ Правительствѣ въ Екатеринбургѣ. Сей городъ, заложенный въ 1723 году, былъ для того и учрежденъ, чтобъ въ ономъ главному горному правительству быть, что я считаю, чтобы здѣсь надлежало и Бергъ-Коллегію, яко Правительство главное, въ семъ градѣ помѣстить. Но какъ большіе господа лучше желаютъ для сохраненія своего кредиту жить близъ лица своего Государя, но никогда мудрое сіе намѣреніе Петра Великаго исполнено не было, а токмо учреждено въ Екатеринбургѣ правительство, зависящее отъ власти сея Коллегіи, находящейся въ С.-Петербургѣ, то оное не было властно многое само собою учинить, принуждено о многомъ переписываться съ сею Коллегіею, въ которой главные заводчики, имѣя себѣ защитниковъ, находятъ способъ мнѣнія пребывающаго на мѣстѣ правительства и, слѣдственно, вникшаго во всѣ обстоятельства заводовъ, рѣшеніями Бергъ-Коллегіи испровергать и сіе самое, произведши коренной вредъ, повредило и сіе правительство такъ, что оно гораздо менѣе пользы приноситъ, нежели бы безъ того приносить могло. Однако, помянувъ о семъ правительствѣ, горнымъ начальствомъ называемомъ, нужно есть сказать о его настоящемъ состояніи. Оно, окромѣ что имѣетъ надзираніе надъ всѣми приватными заводами, имѣетъ особливое попеченіе о обработываніи многихъ рудниковъ, принадлежащихъ Государю; промыслъ золота промываніемъ тутъ же подъ смотрѣніемъ единого члена производится; тутъ же учрежденъ монетный дворъ для дѣланія мѣдной монеты, который съ 1769 году по 1 число Маія 1775 года передѣлалъ тринадцать миліоновъ шестьсотъ семьдесятъ семь тысячъ, двѣсти двадцать три рубля, пятьдесятъ копѣекъ. На дѣланіе сихъ монетъ берется у заводчиковъ четвертая часть мѣди по установленной цѣнѣ, т. е., пудъ по 5 рублей съ полтиною, изъ котораго дѣлаютъ монеты мѣдной 16 рублей, да 1 десятина, которую они съ выплавленной ими мѣди Коронѣ платятъ, также на дѣланіе сея монеты употребляется.

тить своего корыстолюбія, химерическіе проекты представлялъ о завоеваніи Китая, старался онъ познать теченіе и глубину сея рѣки, о чемъ бывшему тогда Губернатору всея Сибири, Ѳедору Ивановичу Соймонову, и писалъ, отъ котораго для сего и посланъ былъ сынъ его, бывшій тогда артиллерійской Офицеръ, а нынѣшній Сенаторъ, Михайло Ѳедоровичъ Соймоновъ, и сей, сѣдши на плотахъ на рѣкѣ Шилкѣ, поплылъ въ низъ къ рѣкѣ Амуру. Единый изъ должныхъ быть при немъ Казаковъ, проникнувъ о намѣреніи Соймонова, кинувшись на маленькой плотъ, упредилъ его и о томъ стоящимъ Китайскимъ карауламъ объяснилъ, которые и воспрепятствовали плаваніе его рѣкою Амуромъ продолжать. Тако сіе намѣреніе, не имѣвъ ни малѣйшаго успѣха, дало токмо знать Китайцамъ о намѣреніяхъ Россіи паки овладѣть сею рѣкою. Намѣреніе хотя важное и полезное, но, конечно, не стоющее, чтобъ за сіе войну начинать.

Тако, упомянувъ о разныхъ рѣкахъ и ихъ важности, остается мнѣ сказать о произведеніяхъ сея страны. Пространство и мѣстоположеніе сея губерніи по шару земному довольно показуетъ, что тутъ должны быть разные климаты, что и дѣйствительно есть. Сѣверныя ея части толь холодны, что не токмо ни какого рода сѣянія не могутъ имѣть, но и самой лѣсъ не ростетъ, а гдѣ и есть лѣсъ, и тотъ, стужею обремененной, не можетъ, какъ въ поясъ человѣка выростать. Печальныя сея страны жители, странствуя между горъ и снѣговъ, питаются рыбою и звѣрями, которыхъ бьютъ на ловитвѣ, или оленями, которыхъ, во время переплаванія ихъ чрезъ рѣки, бьютъ *. Хлѣбъ имъ почти не знаемъ; ибо и несчастнымъ тамошнимъ Русскимъ пудъ почти приходитъ въ 3 и 4 рубли; домовъ они не знаютъ и обогрѣваются рогами оленьими—какъ дикихъ, такъ и домашнихъ, которыхъ они имѣютъ великое число. Напротиву же того, полуденныя части сея губерніи рождаютъ изобильно всякіе сѣмена, которые только въ холодномъ климатѣ изобильно родиться могутъ, яко рожь, овесъ и ячмень; ибо не взирая, что городъ Иркутскъ, лежащій на градусѣ сѣверныя широты и долженъ бы былъ пользоваться благорастворенымъ воздухомъ, однако климатъ тамъ такъ холоденъ, что никакіе древесные плоды не созрѣваютъ, и увѣряютъ, что самая земля только на аршинъ, или на пять четвертей распускается. Морозы въ сей губерніи суть чрезвычайны, такъ что самыя стекла въ окончинахъ отъ оныхъ трескаются, что—уповаю—происходитъ отъ того, что сія страна лежитъ на востокъ, и отъ самой высокости мѣста. Впрочемъ, скотоводство въ сихъ частяхъ сея губерніи есть чрезвычайно, такъ что мно-

* При начатіи жаровъ олени великими стадами ходятъ изъ сѣвера къ полдню, а при начатіи осени опять на сѣверъ возвращаются. Сіи дикіе народы знаютъ время и мѣста, гдѣ они рѣки переплавываютъ и тутъ ихъ стережа, побиваютъ ихъ великое число.

гіе есть крестяне, которые отъ пятисотъ до тысячи скотины имѣютъ, и звѣрей, годныхъ для ѣды, такъ какъ дикихъ козъ и оленей, и тѣхъ, которые мѣхами своими большой торгъ составляютъ, яко соболей, песцовъ и лисицъ, есть великое множество; равнымъ же образомъ птицъ водяныхъ, полевыхъ и лѣсныхъ и разныхъ рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ есть великое обильство. Между земными произведеніями не можно умолчать о богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ минахъ, которыя находятся близъ города Нерчинска, что легко можно заключить изъ того, какъ объясняется бывшимъ тамъ командиромъ, Генералъ-Маіоромъ Васильемъ Ивановичемъ Суворовымъ, въ поданномъ письмѣ, въ 1775 годѣ, Ея Императорскому Величеству, что съ 1763 года по 2 число Мая 1775 года выплавлено имъ серебра пять тысячь сто шестьдесятъ два пуда, одиннадцать фунтовъ, 42 золотника; золота 40 пудъ; за расходами прибыли три милліона осьмнадцать тысячъ семьсотъ шестьдесятъ рублей восемьдесятъ двѣ копѣйки; да отпущено безденежно на Коливанскіе заводы свинцу двѣсти четырнадцать тысячь шестьсотъ пятьдесятъ шесть пудъ, двадцать шесть фунтовъ; работниковъ же на сихъ заводахъ семь тысячъ шестьсотъ семьдесятъ четыре человѣка. Я ни мало не сомнѣваюсь во всемъ усердіи Генералъ-Маіора Суворова, однако нѣкоторыя, имъ сдѣланныя, учрежденія на заводахъ, извѣстныя мнѣ, не кажутся

совмѣстны съ состояніемъ тѣхъ заводовъ. Въ инструкціи, данной ему, повелѣно отдавать партикулярнымъ людямъ въ промыслы отдаленные отъ Нерчинскихъ заводовъ рудники, что имъ и исполнено было отдачею богатыхъ рудниковъ, лежащихъ токмо въ пятнадцати верстахъ разстояніемъ отъ заводовъ, такъ какъ между прочимъ рудникъ, называемый Михайловской, который съ другими богатѣйшими отданъ Сибирякову, а другіе, не такъ богатые и отдаленнѣйшіе, оставлены при Государственныхъ заводахъ. Я весьма отдаленъ отъ того, чтобъ думать, яко бы всѣ въ земли сокровенныя сокровища должны Государю принадлежать; ибо такое несправедливое мнѣніе, вкоренившееся до нынѣ въ Правительство, множество такихъ сокровищей безъ откровенія въ землѣ оставляло, и, конечно, правило, что каждый, гдѣ такое сокровище найдетъ, можетъ, на нѣкоихъ правахъ для Короны выработывать оное, есть весьма полезно для тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно работниковъ сыскать; но въ Нерчинскѣ суть другія обстоятельства. Окружности Нерчинска или населяютъ малое число Русскихъ крестьянъ, обогащенныхъ великимъ пространствомъ и тучностію земли, и великимъ скотоводствомъ, и обильностію рыбъ; и тако имѣя все нужное для жизни человѣческой, сіи конечно въ трудную работу минъ не пойдутъ; иль дикіе и военные народы, питающіеся ловитвою, которые также скорѣе захотятъ изъ

мѣстъ своихъ переселиться, нежели въ минахъ работать за какую бы то ни было плату, чего ради и на Нерчинскихъ Государевыхъ заводахъ употребляется большая часть каторжныхъ,—то какими же людьми сей Сибиряковъ взявши рудники, будетъ ихъ обработывать? Я слышалъ, что ему даются на сіе каторжные изъ Государевыхъ заводовъ изъ одного прокормленія, то не лучше ли бы оныхъ употребить для прибыли Государевой, нежели приватному человѣку отдавать? А изъ сего самаго выходитъ, что Сибиряковъ долженъ льстить Командирамъ Нерчинскимъ. Ежели они склонятся на его желаніе, то заводъ Государевъ будетъ ослабѣвать, а ежели не склоняются, то онъ въ разореніе принужденъ прійти; ежели же насильно будетъ принуждать дикіе народы работать у себя, то сіе можетъ произвести бунтъ, такъ какъ сіе не единожды въ Башкиріи было.

Рижская и Ревельская губерніи. Сіи губерніи, бывшія прежде областями Рыцарей Меченосцевъ по разнымъ примѣненіямъ властителей, наконецъ отъ Швеціи были Россіянами завоеваны. Сіи губерніи также называются Лифляндская и Эстляндская. Мѣстоположеніе ихъ—на Сѣверъ и близъ моря—дѣлаетъ, что землю они имѣютъ весьма не тучную; но какъ сіи страны, для сохраненія своея вольности, должны были сами себя всѣмъ продовольствовать, и нужда, родительница изобрѣтеній, произвела въ нихъ такое при-

мѣчаніе ко всякому роду домостроительства, что изъ бѣдной и худой земли, они ее богатѣйшею учинили; хлѣбопашество въ ней процвѣтаетъ, торгъ внутренній и внѣшній безпрестанно обращается; лѣсовъ безъ излишества, но довольно, скота обильно, рыбныя ловли изрядныя, что все, еще бывъ защищаемо ихъ правами и вольностями, въ лучшее состояніе приводится.

Выборгская губернія, пріобщенная къ Россіи по трактатамъ, является, яко бы естество, поставя сію область въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ свѣта, наполня ее неудобными каменными горами, великими болотами и озерами, опредѣляло ее болѣе къ населенію дикимъ звѣрямъ, нежели людямъ; однако изъ древнихъ лѣтъ поселившіеся тутъ жители толь же въ нравахъ своихъ упорны, сколь земля ихъ дика, самою нуждою своею бывъ поощрены, принуждены были на самыхъ хребтахъ каменныхъ горъ и по разсѣдинамъ почти на наношенной землѣ хлѣбъ сѣять, болота осушать и лѣса вычищать для земледѣлія-жъ. Страна сія намъ показываетъ чудеса рукъ человѣческихъ, и что нѣтъ почти невозможности, которой бы не можно было трудами преодолѣть. Сія страна хладная и неудобная къ земледѣлію доведена до того, что въ иныхъ мѣстахъ въ десятеро хлѣбъ рождаетъ, а менѣе нигдѣ не родится какъ въ четверо. Однако, самое сіе удобреніе земли еще не можетъ продовольствовать жителей сея страны, первое, тѣмъ, что коль

земля ни сдѣлана плодоносною, однако ни одинъ владѣлецъ не можетъ большой пашни имѣть, а притомъ, понеже въ Финландіи всякой крестьянинъ есть собственный владѣтель своего участка, то нѣтъ между ими никакого соединенія для большаго какого предпріятія, чрезъ что, хотя малыя болота обсушаются, но большія по прежнему остаются; тако самыя тѣ права собственности крестьянской, которыя побудили ихъ маленькія свои участки толь удобрить, суть препоною, чтобъ большое какое предпріятіе учинено было. Весьма бы полезно было для сего, ежели бы Правительство послѣдовало мнѣніямъ господина Статскаго Совѣтника Калмана, т. е., чтобы казеннымъ коштомъ нѣкоторыя большія болота обсушить и роздать ихъ крестьянамъ торперамъ, т. е. бобылямъ, которыхъ тамъ великое множество. Я уже выше упомянулъ о множествѣ лѣсовъ въ сей губерніи, которые составляютъ знатной оныя торгъ, но зажиточные мѣщане построивъ пильныя мельницы и находя себѣ защищеніе отъ самаго Губернатора Енгельгарта, женившагося на Финляндкѣ и владѣтеля самаго многими мельницами, не слѣдуютъ учрежденному предписанію, поскольку на каждой мельницѣ пилить, а чрезъ сіе самое лѣса разоряютъ. Впрочемъ лѣса сіи наполнены множествомъ звѣрей и птицъ—озера, рѣки и море великимъ числомъ рыбъ, которые также къ промыслу и пропитанію крестьянъ вспомоществуютъ. Весь Финляндской народъ особливо склоненъ къ скотоводству, и хотя, въ разсужденіи у нихъ малаго числа паствъ и долго продолжающейся зимы, не могутъ они великихъ стадъ имѣть, однако и то число, которое они имѣютъ, толь умѣютъ содержать, что имъ скотина великую пользу приноситъ.

Украинская Малороссійская губернія. Когда Малороссія, при Гетманѣ Хмельницкомъ, пришла въ подданство Царю Алексѣю Михайловичу, тогда владѣніе всѣхъ полковъ Малороссійскихъ и Заднѣпровскихъ оставлено было сему Гетману и его пріемникамъ; но когда, послѣ смерти Гетмана Скоропадскаго, за нужное почтено было, по политическимъ обстоятельствамъ, чтобъ болѣе Гетмановъ въ Малороссіи не имѣть, тогда учреждена была Коллегія, и главный надъ оною, Князь Алексѣй Ивановичь Шаховской. Но при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, не по отмѣнѣ политическихъ причинъ, но жертвуя оныя благоволенію своему къ дому Разумовскихъ, былъ сдѣланъ Гетманомъ Графъ Кирилла Григорьевичь Разумовскій, который и правилъ Малороссіею до царствованія Императрицы Екатерины II. Въ третій годъ Ея царствованія нѣкоторыя причины, которыя въ сокровенности Кабинета остаются, склонили Правительство сдѣлать то, чтобъ Гетманъ Разумовскій сложилъ съ себя чинъ Гетманскій, и Малороссію учредили губерніей, подъ властію учрежденной нарочно Малороссійской Коллегіи, которой Президентомъ и Губернаторомъ былъ пожалованъ Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ. Сей потомъ, окончивъ благополучно послѣднюю Турецкую войну, силы своей при Дворѣ пріумножилъ, отъ чего и Кіевская губернія стала къ Малороссійской пріобщена. Я не знаю, что препорученіе правленія толь знаменитому вождю, которому Коллегія Малороссійская не можетъ по силѣ у Двора противурѣчить и, слѣдственно, онъ соединяетъ въ себѣ всю власть Гетманскую, съ пріобщеніемъ еще подъ его начальство большой части регулярныхъ войскъ, его любящихъ, не болѣе ли противно политикѣ, нежели пребываніе самаго Гетмана? Но оставя сіе политическое разсужденіе, упомяну о производствахъ сея страны. Жирная и плодоносная земля во всей сей губерніи великое обильство хлѣба и всякихъ земляныхъ плодовъ производитъ, лѣса ея наполнены плодовитыми деревьями, едиными бы могущими жителей своихъ пропитать; скотоводство тутъ чрезвычайное, и скотина какъ ростомъ, такъ и добротою отъ другихъ отличествуетъ, и не только довольствуетъ оною великую Россію, но и часть оныя отгоняетъ для продажи въ Германію, яко въ Данцигъ и Бреславль. Недостатокъ въ сей губерніи есть въ строевомъ лѣсѣ и въ водахъ, ибо хотя тутъ и многія великія рѣки протекаютъ, но въ разсужденіи пространства сея страны, еще можно сказать, что ихъ недостаетъ. Сказать можно, что сія страна еще бъ обильнѣе была, если бъ самое ся обильство не приводило жителей въ облѣнчивость, ибо во всей Малороссіи почти ни большихъ фабрикъ, ни знатныхъ художествъ и ремеслъ нѣтъ; къ тому же спомоществуютъ и самая вольность сего народа; ибо единые пользуясь правомъ Казачскимъ, не толь прилежатъ къ земледѣлію; другими словами, земледѣльцы, которые называются посполитыми, отъ ратушей зависятъ и вольны были съ мѣста на мѣсто переходить, слѣдственно, нигдѣ не старалися утвердить свой домъ, и хотя нынѣ сія ихъ вольность нѣсколько и пресѣчена стала, но не скоро можно застарѣлой обычай изъ сердецъ людскихъ искоренить.

Новороссійская губернія мѣстоположеніе свое имѣетъ на полднѣ Кіевской губерніи, и раздѣляется на двѣ провинціи: Елисаветоградскую и Екатерининскую. Сіе мѣсто было пустое и токмо были тутъ нѣсколько поселенныхъ слободъ, вышедшихъ изъ Польши бѣглыхъ Россіянъ, которыхъ Петръ Великій, послѣ нещастнаго Прутскаго дѣла, вывелъ. Не безъизвѣстно есть и найотдаленнѣйшимъ народамъ хорошее благорастворепіе воздуха сея области, тучность ея земель, окромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, прилегающихъ близъ устій рѣкъ къ морю, гдѣ вертячіе пески чинятъ землю неудобну къ земледѣлію; обильство во всякихъ плодахъ, яко виноградѣ и прочихъ; и равно великое плодородіе земли такъ удобно еще къ скотоводству; доволь-

ное число лѣсу толь рѣдкаго въ сихъ странахъ *); такъ же и не малое число рѣкъ, орошающихъ оную (Днѣпръ тутъ протекаетъ и способствуетъ къ привозу сверху потребнаго лѣсу для строенія), которыя тутъ начало свое пріемлютъ, яко Ингулы—Большой и Малой и другія; и сего ради Хорватъ Венгерецъ, служившій въ Венгерской службѣ, послѣдователь же Греческому закону, въ 1753 году, пріѣхавъ въ Россію, предложилъ Правительству, чтобъ сіи земли утѣсняемыми за Греческій законъ Венгерцами и Бошняками населить. Набожная Императрица Елисавета мнила въ предложеніи семъ найти себѣ способъ здѣлать богоугодное дѣло; происки его и дары всѣмъ, тогда обрѣтающимся въ силахъ, учинили, что и они, затмѣвая политическія, противныя Хорвату, причины, паче склонность Императрицину самою пользою Государства старалися подкрѣпить. Тако, все требуемое Хорватомъ ему было обѣщано, даже и то было забыто, что тѣ мѣста, которыя ему яко пустыя степи отдаютъ, имѣли вышепомянутыхъ вышедшихъ изъ Польши жителей и нѣсколькихъ Миргородскаго полку мѣстечекъ, поселенныхъ Бригадиромъ Капнистомъ, которые такимъ образомъ подъ власть Хорвату были отданы, и, отъ оного убѣгая,

*) Изъ сихъ единый пространный лѣсъ назывался Чернымъ лѣсомъ, который нынѣ почти весь выведенъ. Въ прочемъ же, не малая часть жителей топятъ свои домы или ростущимъ толстымъ тростникомъ кругъ рѣкъ, или вербами, которыхъ также довольно по берегамъ находится.

обратно въ полкъ ушли. Хорватъ былъ пожалованъ Генералъ-Маіоромъ, и хотя обѣщанія и ласки ему превосходили самую его надежду, но сей хитрый мужъ, зная, что онъ подъ деспотическое Правительство вступаетъ, требовалъ не такой области, которая бы пространствомъ своимъ могла внити во области Россійскія, но узкой поясъ, простирающійся отъ Архангелогородскаго шанца по Переволочну, съ такими намѣреніями, что естьли ему удастся во области сей власть свою утвердить, то, съ одной стороны, примыкаяся къ Польшѣ, а съ другой, гранича почти съ Турецкой Имперіей, отъ обѣихъ сихъ можетъ помощь себѣ и противу самыя Россіи заимствовать. Мышленное его расположеніе казалось весьма хитро; но въ немъ главная ошибка была то, что онъ мало зналъ Россію, которой сила толь Польскую превышаетъ, что никакъ не можно было ему ни въ какомъ случаѣ на сію нестройную Республику понадѣяться, а Турецкая Имперія толь отдалена, что такъ же не могъ вскорѣ отъ нея помощи получить, хотя бы она и хотѣла ему дать, что есть весьма также сумнительно. Что же касается до Крымскихъ Татаръ, то сіи, по неустройству своему и по малому ихъ знанію въ военномъ искуствѣ, не могли быть страшны Россіи; а къ тому же самымъ полученіемъ сихъ земель онъ огорчилъ тогда живших далѣе его къ Татарамъ—Запорожскихъ Казаковъ, и вмѣсто что, можетъ статься, онъ надѣялся помощь

въ случаѣ и отъ нихъ имѣть, яко отъ людей, которые толь часто противу Россіи бунтовали, учинилъ ихъ своими непріятелями и надзирателями его поступку.

Приступимъ сказать о его поселеніяхъ. Сей мужъ, показавшій сперва имѣть толь глубокіе виды, во исполненіи совсѣмъ былъ не таковъ. Онъ сперва вызвалъ не малое число Венгровъ, Славянъ и Бошняковъ Греческаго исповѣданія; но, имѣя ненасытное желаніе обогатиться, вскорѣ его корыстолюбивые поступки учинили, что не токмо таковые чужестранные престали къ нему приходить, но и пришедшіе многіе назадъ ушли, такъ что, имѣя великое пространство земли, но безъ жителей, онъ подъ видомъ чужестранныхъ началъ принимать бѣглыхъ Малороссіянъ, и льстяся сочинить именованіемъ токмо пять полковъ гусарскихъ. Поступки и преступленія его до такой крайности дошли, что ниже уже защитники его могли предпринять его оправдать, и по долгихъ Коммисіяхъ, въ которыхъ онъ всегда ожидалъ оправданъ быть, наконецъ онъ былъ арестованъ и сосланъ на Вологду, а правленіе сея области, подъ именемъ Новороссійской губерніи (вмѣсто Новой Сербіи, какъ она прежде называлась), было препоручено Кіевскому Губернатору, и Генералъ-Порутчикъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, который былъ единый изъ его слѣдователей, бывшій любимцомъ у Петра III-го, для отдаленія его отъ Двора, былъ посланъ для формированія еще тутъ

четырехъ пикинерныхъ полковъ изъ приобщенныхъ нѣкоторыхъ Украинскихъ селеній.

Оставя, что касается до войска, до другаго времени, скажу, что наконецъ, въ 1774 году, Григорій Александровичъ Потемкинъ, любимецъ Императрицынъ, испросилъ себѣ сію губернію, а по заключеніи мира и предпріялъ сію губернію населить выходящими Молдавцами и Волохами; но кажется мнѣ, что о семъ бы во время самаго пребыванія нашихъ войскъ въ Молдавіи надлежало помышлять, а не при заключеніи мира, учинившуюся намъ дружеской державою Порту Оттоманскую подданными ея ограблять, чего она именно и терпѣть не будетъ. Къ тому же выше я сказалъ, коль сія страна есть плодоносна, то слѣдственно требуетъ себѣ добрыхъ земледѣльцовъ, которыхъ въ Волохахъ и Молдавцахъ сыскать не можно; слѣдственно, не лучше ли бы Россіянами, хотя для показанія примѣру другимъ хлѣбопашества, населить, какъ то при Императрицѣ Аннѣ было учинено близь Дона. А при томъ мнѣ кажется всегда опасно бѣглецамъ изъ своего отечества и чуждымъ народамъ препоручить защищеніе границъ государства.

Слободская губернія содержитъ въ себѣ пять провинцій: 1) Харьковскую, которой главный городъ есть Харьковъ, и въ немъ и самый Губернаторъ сея губерніи имѣетъ свое пребываніе, 2) Ахтырскую, 3) Сумскую, 4) Острогожскую и 5) Изюмскую.

Сія губернія лежитъ на востокѣ отъ Малороссійской губерніи, на полднѣ отъ Бѣлогородской и на западъ отъ Воронежской. Власть ея Губернаторскаго правленія простирается не токмо на всѣхъ тѣхъ Черкасъ, которые въ сей губерніи поселены, но и на всѣхъ прочихъ, выселенныхъ въ разныя времена въ другія Великороссійскія губерніи, яко, дабы помянуть для примѣру, обрѣтаются на Волгѣ близъ Царицына выселенныя Украинцовъ слободы, для поставки соли, которые, хотя впрочемъ подъ правленіемъ Астраханскаго Губернатора находятся, но положенныя съ нихъ подати отсылаются въ Слободскую губернію, которыя и употребляются на содержаніе тамъ гусарскихъ полковъ.

Общимъ образомъ должно о сей губерніи сказать, что она во всемъ изобильна, земля плодоносна для произвожденія всякаго рода хлѣба, лѣса ея наполнены множествомъ плодовитыхъ деревьевъ, луга питаютъ великое число крупной и хорошей скотины, воздухъ здоровъ и благопріятенъ, знатныя рѣки, Ворскла и Сѣверный Донецъ, ее орошаютъ, и хорошее учиненное сіе учрежденіе Евдокимомъ Алексѣевичемъ Щербининымъ, бывшимъ тамо со властію Губернаторскою, который самую сію губернію учредилъ, толь не токмо живущему народу, но и всѣмъ пріѣзжимъ ощутительно, что каждый съ похвалою изъ сей земли выѣзжаетъ, и конечно бы не надлежало искать другаго, окромѣ сего испытаннаго, для учиненія благо-

устройства къ государству. Но можно къ сему еще приложить, что многія есть учрежденія, необходимо нужныя для сея губерніи, которыя сей Господинъ Губернаторъ единственно силою своею содержалъ, яко, между прочимъ, Наказъ земскимъ коммиссарамъ, который хотя многажды Именными Указами велѣно было разсмотрѣть, но какъ были сему Губернатору многіе недоброжелатели, то все сіе въ бездѣйствіи оставалось, какъ и понынѣ есть. Зачинаетъ въ сей губерніи являться недостатокъ въ лѣсахъ, происходящій отъ неограниченнаго винокуренія всѣми Казаками, о чемъ также помянутый Губернаторъ представлялъ, чтобы учинить ограниченіе; но, какъ между прочими владѣльцами въ Слободской губерніи была Княгиня Анна Даниловна Трубецкая, теща Князя Вяземскаго, Генералъ-Прокурора, которая раздавала свое вино сидѣть подданнымъ сей Черкасамъ и, оное продавая, получала себѣ великую прибыль, то не токмо никакого нужнаго о лѣсахъ учрежденія Сенатомъ утверждено не было, но и самъ Генералъ-Прокуроръ, личный непріятель тогдашнему Губернатору Щербинину учинился.

Псковская губернія вмѣщаетъ въ себѣ пять провинцій: 1) Псковскую, 2) Великолуцкую, которыя прежде къ Новгородской губерніи принадлежали, 3) Витепскую, 4) Полоцкую, и 5) Двинскую, присовокупленныя отъ Польши къ Россіи, изъ которыхъ составлена единая изъ губерній Бѣлыя Россіи,

именованная Псковскою, по древнему имянитому граду Пскову. Но какъ самый сей градъ лежитъ на краю сея губерніи, то Губернское Правленіе переведено въ городъ Опочку—мѣстоположеніемъ на другомъ краю Псковской провинціи и почти по середкѣ губерніи.

Что касается до доброты земли сея губерніи, то большая часть ея земель суть глинистыя и песчаны. Земледѣліе тутъ болѣе процвѣтаетъ въ древнихъ Россійскихъ провинціяхъ, нежели пріобрѣтенныхъ отъ Польши, которыхъ подъ Польскимъ правленіемъ удрученный народъ ни къ хлѣбопашеству, ни къ скотоводству, ни къ искусствамъ и ремесламъ не прилежитъ; да и пріучить его трудно по праву, которое тамъ имѣютъ сидѣть вино, то крестьянинъ и малое число напахавъ, имѣя дешевое вино, старается пропить, и такъ облѣнчивость не допускаетъ много выработать, а что и выработаютъ, то имъ никогда не можетъ чувствительно быть, ради скорыя издержки на вино. Псковской же провинціи крестьяне гораздо прилежатъ къ земледѣлію и, можетъ статься, могли бы имѣть довольно хлѣба, естьли бы прибыльнѣй себѣ не почитали сѣять ленъ, который во всей Европѣ за лучшій почитается и отпускается въ великомъ количествѣ въ чужіе краи, чрезъ скупаніе помѣщиковъ у крестьянъ, которые его потомъ чужестраннымъ купцамъ продаютъ. Не безполезно есть о качествѣ сего произведенія Псковской провинціи помянуть: онъ длиненъ,

чистъ и бѣлъ, но такъ жестокъ, что Россійскія фабрики за трудностію опрядать его въ тонкую нитку его не употребляютъ. Новогородскій Губернаторъ Сиверсъ, стараяся, чтобы сей ленъ могъ быть способенъ и на внутреннее употребленіе, обѣщалъ награжденіе тѣмъ, кто его тонѣ другихъ опрядетъ и вытачетъ тонкое полотно; и сіе многіе исполнили, но сами они признаются, что сдѣланныя изъ сей пряжи полотна весьма не носки, но вскорѣ всѣ переломаются, и тако благое намѣреніе сего Губернатора не могло до желаемаго конца достигнуть. Однако намъ извѣстно, что въ цѣлую Европу сей ленъ покупаютъ и дѣлаютъ изъ него хорошія и крѣпкія полотна, то не нужно ли бы было Правительству не пощадить и великаго числа денегъ, дабы узнать сей способъ? Но ожидать сего не должно прежде нежели о прямомъ состояніи Россіи узнаютъ, и узнаютъ о разныхъ качествахъ ея произведеній. Впротчемъ сія губернія наполнена великими лѣсами, которые отпуская въ Ригу, знатной торгъ составляютъ. Однако не должно надѣяться, чтобы торгъ сей могъ долго продолжаться; ибо знатные господа, которые получили въ пріобрѣтенныхъ провинціяхъ деревни, стараясь какъ можно скорѣе деньги получить, великое число всякихъ лѣсовъ, а паче мачтовыхъ, въ Ригу отпускаютъ, заводятъ хрустальные и поташные заводы, и являются поступкомъ своимъ ежедневно доказывать, что они ни какъ не надѣятся, чтобы сіи про-

винціи за Россіею осталися, и для того токмо маловременную прибыль стараются стянуть со своихъ деревень.

Говоря о льнѣ и о лѣсѣ сея губерніи, надлежитъ помянуть и о рѣкахъ, которыми сіи произведенія къ портамъ Нарвскому и Рижскому доставляются. И тако главная рѣка, протекающая сквозь сію губернію и орошающая ее, есть рѣка Великая, имѣющая свое начало въ Полоцкой провинціи, откуда текучи сквозь всю Псковскую и орошая Опочку и Псковъ, впадаетъ въ Чудское озеро. Вторая рѣка Двина, которая, отдѣляя сію губернію отъ Польши, орошаетъ одинъ брегъ Россійскія державы и протекаетъ чрезъ Ригу даже до моря. Въ сей, наполненной лѣсами, болотами и озерами губерніи, конечно и другія есть рѣки, удобныя къ судовому ходу и, слѣдственно, къ способствію торговли, яко: рѣки Алеля, Соротъ, Евесть, Пешишъ, Ловать, и озера Чудское, Любань, Лиспо, Печерцо, Себѣжъ, Ало, Нещердо, Невель, и многія другія, которыя наполнены довольнымъ числомъ рыбъ; и конечно, не сумнительно есть, что сія страна, наполненная столькими озерами и рѣками, могла быть приведена къ лучшему сообщенію водою, но сіе должно отложить, пока торговля тутъ размножится и когда съ довольнымъ знаніемъ будутъ имѣть попеченіе о таковыхъ сообщеніяхъ.

Могилевская губернія вмѣщаетъ въ себѣ 4 провинціи, т. е. Могилевскую, Оршанскую, Мстиславскую

и Рогачевскую. Сія губернія, прилегая съ одной стороны къ Смоленской, съ другой къ Псковской, съ третьей къ Россійской Украйнѣ и къ Малороссіи, имѣетъ разнаго свойства земли. Тѣ, которыя лежатъ къ Псковской губерніи, суть гораздо хуже, а которыя лежатъ къ Малороссіи, тѣ весьма хорошаго свойства, яко и по самымъ лѣсамъ видно, что въ сей губерніи великіе лѣса дубовые находятся, и конечно бы могло тутъ процвѣтать земледѣліе и обильно довольствовать земледѣльца за труды его, естьли бы утѣсненіе, подъ коимъ были подъ Польскимъ правленіемъ жители, и послѣднія разоренія сію область не опустошили. Но гдѣ благорастворение воздуха съ добротою земли соединяются, тутъ и впредь добраго земледѣлія ожидать можно, тѣмъ наипаче, что и способъ оное имѣетъ хлѣбъ свой въ Смоленскъ продавать.

Рѣки, орошающія сію губернію, суть Днѣпръ и Сожъ, впадающая въ оный, которыя теченіемъ своимъ въ Малороссію способствуютъ сообщенію водою между сихъ областей, и хотя весьма рыбными ихъ назвать не можно, однако и недостатка въ рыбѣ нѣтъ.

Я выше помянулъ о дубовыхъ лѣсахъ, которые находятся въ сей губерніи, которые, по причинѣ ихъ положенія на Днѣпрѣ, весьма могутъ полезны быть для сплавливанія сею рѣкою, ежели когда бы Россія восхотѣла на устьяхъ Днѣпра завести корабельное строеніе. Но чѣмъ болѣе предвидится нужды въ сихъ лѣсахъ, тѣмъ бо-

лѣе потребно стараться о сохраненіи ихъ, и тѣмъ наипаче, что два есть способа, которые доводятъ къ истребленію ихъ: 1) Прежде дѣлалось, да и нынѣ не запрещено, отъ Рижскаго порта всякіе лѣса отпускать, и тако, привезя на Двину, въ разныхъ кускахъ, великое число дубоваго онаго лѣсу идетъ въ Ригу и оттуда въ чужіе краи, и хотя и было повелѣно Генералъ-Губернатору общее о лѣсахъ Бѣлыя Россіи, годныхъ для Адмиралтейства, учинить разсмотрѣніе, но какъ онъ самъ производитъ торгъ мачтовыми деревьями изъ Псковской губерніи, то не приступилъ и о сихъ дубовыхъ разсмотрѣніе чинить. 2) Губернія сія и лѣсныя ея мѣста прилегаютъ къ областямъ Россійскимъ, совсѣмъ не имѣющимъ лѣсовъ; вмѣсто что въ Россіи есть ремесла и рукодѣлія, въ Могилевской губерніи его нѣтъ; и такъ изстари заведенъ былъ торгъ: брать рукодѣлія изъ Россіи, а оттуда на промѣнъ давать лѣсъ, и вкоренившійся великомъ числомъ лѣтъ сей обычай, основанный на взаимственной нуждѣ, трудно отвратить.

IV. О многонародіи. Окончивъ описаніе о плодородіи разныхъ губерній Россійской Имперіи, надлежитъ нѣчто сказать о многонародіи; и для того необходимо нужно на разныя части по народамъ различить, а именно: 1) Россіяне и всѣ иновѣрцы, платящіе подушный окладъ и дающіе рекрутъ. 2) Россіяне и иновѣрцы, платящіе подушный окладъ, но недающіе рекрутъ. 3) Разныхъ Христіанскихъ исповѣданій

люди. 3) Разные Казаки и другіе военные поселяне. 5) Башкирцы и другіе дикіе народы Магометанскаго закона. 6) Калмыки и другіе идолопоклонцы кочевые.

Что касается до многонародія, то я, во первыхъ, за нужное почитаю предложить о числѣ народа, обрѣтающемся въ Россіи, по разнымъ извѣстіямъ, которыя имѣю. И тако, во первыхъ, считается оного мужескаго полу:

Въ Московской губерніи. . . .	2,169,288 душъ	
— Новогородской съ Псковскою и Великолуцкою провинціями . .	845,114	
— Бѣлогородской .	717,270	
— Воронежской . .	829,832	
— Нижегородской.	461,099	
— Архангелогородской.	438,210	
— Смоленской . .	288,092	
— Казанской . . .	1,256,201	
— Астраханской .	12,717	
— Оренбургской .	150,327	
— Тобольской. . .	257,446	
— Иркутской . . .	37,599	
Въ Слободской . . 361,737		всего 887,457.
Да жившихъ въ другихъ губерніяхъ, которые, однако, въ Слободскую платятъ подушныя деньги. . . 525,720		

Да сверхъ того въ Петербургской губерніи, какъ видно по присланному доношенію отъ Губернатора о работникахъ въ Выборгѣ 71,744

Въ Выборгской, по такому же доношенію 26,245

Но о сей подлинно можно увѣрить, что вчетверо сего числа населеніе превосходитъ; ибо видно, что въ ономъ доношеніи считаны токмо хозяева домовъ, а торперы, или бобыли, мѣщане и другіе, не владѣющіе землею, не считаны; и тако, уповая, безъ ошибки многонародіе всей губерніи можно положить до 100,000

Въ Лифляндской губерніи, гдѣ ревизія не по душамъ, но по гакамъ дѣлается, состоитъ 6367 гаковъ, на которыхъ, по качеству и по количеству земли, бываетъ отъ 10 до 20 работниковъ, то есть, отъ 15 лѣтъ до 60.

Къ сей же губерніи принадлежитъ островъ Езель, въ которомъ считается 1,477 гаковъ, а всякій гакъ полагается отъ четырехъ до осми работниковъ.

И такъ, взявъ общее посредственное число, т. е., удвояя число работниковъ, для исчисленія стариковъ и малолѣтныхъ, и полагая въ половинѣ по 20 душъ, а въ другой по 40, учинится: въ Лифляндіи 191,010

на островѣ Езелѣ, послѣдуя тому же правилу счисленія 8,862

И того въ Лифляндіи мужеска полу душъ . . . . . 199,872.

Въ Эстляндской губерніи, гдѣ также гаками счисляется, и которыхъ обрѣтается въ сей губерніи 6,241, раздѣленныхъ на двое, единые земскіе, въ которыхъ полагается по 5 душъ, а другіе приморскіе, то какъ я не имѣю точнаго извѣстія о числѣ особливомъ каждыхъ изъ сихъ гаковъ, думаю, что достигну до нѣкой справедливости, сжели положу треть приморскихъ и двѣ трети земскихъ, что учинитъ число людей, считая число душъ въ двое противъ числа работниковъ:

На земскихъ. 41,600

На приморскихъ. 41,620

Обоего мужеска полу душъ. 83,220

Малороссійская губернія, въ которой считается 955,218:

Въ томъ числѣ выборныхъ Казаковъ. 163,889

Казаковъ подпомощниковъ, полковыхъ, артиллерійскихъ служителей сверхъ комплекта и другихъ разнаго званія людей . . . 199,988

Мѣщанъ посполитыхъ, свободныхъ и владѣльческихъ, подсосѣдковъ, тако-жъ другаго званія людей, работниковъ и служителей 585,909

Раскольниковъ и Великороссійскихъ крестьянъ . . . 5,432

Бѣлороссійскія губерніи:

Въ Могилевской. 321,935

Въ Псковской, за исключеніемъ Великихъ Лукъ и Псковской провинціи *). 290,055

Однако о сихъ губерніяхъ надлежитъ примѣнить слѣдующее: первое, что какъ подушная перепись была вещь не бывалая въ Польшѣ, то при начинаніи оные крестьяне думали, что они къ тѣмъ же тягостямъ будутъ подвергнуты, многіе ушли, другіе и бывши на мѣстѣ утаивались, и тако во многомъ сія перепись, яко не со строгостію дѣланная, яко и сіе разумно было учинить, есть не вѣрна. Второе, что великое число въ Псковской губерніи въ Бѣлорусскихъ областяхъ написанные крестьяне суть бѣглые и самые тѣ же, которые во Псковской провинціи написаны, и съ которыхъ тѣ помѣщики съ пуста платятъ всѣ поборы; ибо они во время еще Польскаго владѣнія ушедъ въ Польскія земли, и по приобщеніи и тѣхъ земель къ Россіи, по старымъ помѣщикамъ не были отданы, ниже у нихъ изъ окладу выключены, какъ они, по крайней мѣрѣ, сего требовали.

Новороссійская губернія населена отчасти вышедшими народами изъ Венгріи и Славоніи, также нынѣ вышедшими Молдавцами и Валахами, и от-

*) А исчисленіе числа людей сихъ провинцій въ Новогородской губерніи мѣшено; однако какъ тамъ они вошли въ общую сумму числа душъ губерніи, то здѣсь за нужное особливо число ихъ жителей приобщаю, а именно: во Псковской 137,930, въ Великолуцкой 80,016 душъ.

части Малороссіянами населена. Я подлинно еще неизвѣстенъ, колико въ сей губерніи поселянъ, но слышалъ, что ихъ щитается всѣхъ, полагая въ томъ числѣ и Русскихъ, вышедшихъ изъ Польши раскольниковъ, до ста тысячъ человѣкъ.

Азовская губернія, такъ же весьма мало населена, ибо, не взирая на ея великое пространство отъ устей Дона до Новороссійской и до Воронежской губерніи, окромѣ Донскихъ Казаковъ, такъ же, какъ я слышалъ, едва имѣетъ сорокъ тысячь поселянъ.

Окромѣ сего числа людей обрѣтаются еще въ Россіи многіе кочевые, иновѣрные и иноплеменные народы, о числѣ которыхъ, во первыхъ, за нужное почитаю сдѣлать изчисленіе народовъ, дабы потомъ предложить общія мои мнѣнія о многонародіи въ Россіи, а наконецъ, вторично упомянувъ о всѣхъ сихъ народахъ иноплеменныхъ, показать ихъ положенія, мысли для общей связи, нравы и прочее, съ нѣкоторыми многими размышленіями.

Въ Азовской губерніи:

Донскіе Казаки, которыхъ щитается до 60,000

Въ Хоперской крѣпости Казаковъ до 500

Въ Новороссійской губерніи улущевскихъ Калмыкъ до. 3,000

Въ Астраханской губерніи Волжскихъ Казаковъ мужеска полу 3,665

женска полу 2,799

Кизлярскихъ, мужеска полу.	3,086
женска полу.	3,100
Въ Кизлярѣ Гребенскихъ Терскихъ семейныхъ до.	2,000
Терскихъ и Окочанскихъ до.	800
Въ городахъ Астраханской губерніи до.	2,000.

Калмыкъ прежде было до 50,000 кибитокъ, которыхъ въ 1773 году ушло до 40,000 кибитокъ, что учинитъ, щитая по четыре человѣка на кибитку, 160,000 человѣкъ, нынѣ же осталось 11,198 кибитокъ, что учинитъ до 44,792 душъ.

Въ Оренбургской губерніи:

Яицкихъ Казаковъ, что нынѣ Уральскіе, до	10,000
Жалованныхъ и нежалованныхъ Казаковъ до . . .	20,000
Въ Ставрополѣ изстари крещенныхъ Калмыкъ было до 8,000, нынѣ осталось не болѣе	2,500
Мещеряковъ до	8,000
Тархановъ до.	2,000
Башкирцовъ до	50,000

Въ Сибири:

Въ городахъ Казаковъ до.	10.000
Иновѣрцовъ Брацкихъ до.	40,000
Тунгусовъ до	50,000
Остяковъ до.	10,000
Вогуличей до . . . , . . .	3,000
Кореловъ и другихъ народовъ подвластныхъ можно положить до	20,000

Надлежитъ примѣтить, что и сіе

исчисленіе сдѣлалъ о сихъ народахъ или по достойнымъ вѣроятія словеснымъ и письменнымъ извѣстіямъ, или съ того, по скольку у нихъ военныхъ людей щитается въ Военной Коллегіи, которое число я учетверилъ; ибо и необходимо надлежитъ щитать, что отъ двухъ взрослыхъ одинъ годнымъ къ войнѣ долженъ щитаться, а равное число со взрослыми малолѣтныхъ и стариковъ есть.

Сверхъ сего числа щитается въ Россіи военныхъ людей регулярныхъ по табели изъ Военной Коллегіи 1766 года, окромѣ земскихъ войскъ, яко Новороссійскихъ Гусарскихъ и Пикинерныхъ полковъ, такъ же и въ школахъ находящихся солдатскихъ дѣтей 305,889.

Но какъ многіе солдатскіе дѣти въ школы не записаны и пропадаютъ отъ службы, однако остаются въ государствѣ, то сихъ, по крайней мѣрѣ, еще должно положить до 40,000.

Поповъ, дьячковъ и другихъ церковниковъ, такъ же монаховъ, подъячихъ и другихъ приказныхъ служителей до 50,000.

Дворянъ, офицеровъ чужестранныхъ и другихъ чиновныхъ людей до 50,000.

Гвардіи до 10,000.

И того въ Россіи, окромѣ флота, который я нарочно не положилъ, дабы оный могъ наполнить число, ежели учинилъ гдѣ ошибку, 11,265,928 мужеска полу душъ.

Полагая толикое же число женщинъ, придетъ: 22,531,856 душъ.

Къ сему еще надлежитъ приложить поселенныхъ колонистовъ, которыхъ, по взятому мною извѣстію, въ 1774 году, изъ Опекунской Канцеляріи, находится поселенныхъ около Саратова мужеска полу душъ 25,708.

Да въ разныхъ другихъ мѣстахъ Россіи	3,185.
И того . .	28,893.

И тако всего должно щитать въ Россіи обоего пола душъ 22,560,749.

Хотя я уже и хотѣлъ поступить далѣе моими разсужденіями, но прежде еще за нужное нахожу сдѣлать нѣкоторыя размышленія о самыхъ сихъ колонистахъ. Не тщусь я охулять мудрый и достойный всегдашней похвалы предметъ вызова ихъ въ Россію; ибо каждому ощутительно есть, что пустыя и необработанныя степи ни силы, ни богатства государства не умножаютъ, и тако пріобрѣтеніе и единого земледѣльца я толь прибыльнымъ государству щитаю, что никакъ не могу сожалѣть о великомъ числѣ денегъ, издержанныхъ на сихъ колонистовъ; но думаю, что должно показать, коль неосторожны были въ сихъ поселеніяхъ и какія злоупотребленія во всемъ происходили.

Я думаю, да и самое дѣло сіе доказываетъ, что главный предметъ въ призваніи сихъ колонистовъ состоялъ, чтобъ пустыя степи населить, завести тутъ земледѣліе, гдѣ его не было, и чрезъ то число земледѣльцовъ приумножить; а ежели которые будутъ и несклонны къ земледѣлію, чрезъ способъ

бы тѣхъ завести рукодѣлія и ремесла, и чрезъ сіе бы учинить обращеніе денегъ въ отдаленныхъ и неторговыхъ мѣстахъ Имперіи.

Теперь, предложивъ предметъ, должно разсмотрѣть, исполненъ ли онъ былъ. Первое: тѣ мѣста, гдѣ опредѣлили имъ селиться, не были осмотрѣны и сняты на карты, такъ что, когда началось сіе поселеніе, то найдены были великія деревни, прежде хотя безъ дачъ населенныя, но и тѣ обработываніемъ своимъ земли дѣлали пользу Государству, и слѣдственно тутъ земледѣліе было. И не лучше ли бы оставить было сихъ старыхъ и извѣстныхъ поселянъ, исполняющихъ уже единый предметъ, нежели, сбывъ ихъ, населить невѣдомыми людьми и, въ ожиданіи лучшаго блага, дѣйствительное зло произвести? Однако сіе учинили; и большая часть сихъ поселянъ иль въ населеннѣйшія мѣста перешли, или и разбѣжались, и земля осталась безъ обработыванія. Второе: на сихъ степяхъ кочевали вышедшія съ Аюкомъ, какъ и съ другими Калмыцкими владѣльцами, пятьдесятъ тысячь кибитокъ. Сіи были люди храбрые, съ дѣтства приученные къ военному искуству и охраняющіе великую часть Россійскихъ границъ отъ вражескаго нападенія дикихъ и грабленія ищущихъ народовъ. Прилежность ихъ къ скотоводству дѣлала, что у нихъ, какъ лошадей, такъ и рогатаго скота, великое число было, и не одна губернія за дешевую цѣну отъ нихъ лошадьми довольствовалась, такъ

же и скотиною, которой сало знатной торгъ Россійской составляло. Поселенныя же колоніи близъ Волги, отнимая у нихъ землю, прогоняютъ ихъ многочисленныя стада къ рѣкѣ Волгѣ, и отнявъ у нихъ волю рыбной ловли, весьмо сихъ Калмыковъ утѣсняли, которая причина, соединенная съ другими, о которыхъ ниже помянется, и учинила, что до сорока тысячъ кибитокъ сихъ Калмыкъ со всѣмъ ихъ скотомъ ушли въ Мунгалы.

Не лучше сего было поступаемо въ вызываніи и въ разборѣ поселенія. Главные предпріимщики сего вызову были люди не токмо извѣстной честности, но лучше сказать, извѣстной развратности, которые данныя имъ деньги на сіи вызовы годныхъ людей употребили въ свою пользу, а вмѣсто годныхъ людей вызвали всякихъ бродягъ и развратныхъ людей, которые, пришедъ на мѣста, гдѣ должно было имъ употребляться въ земледѣліи, не мало не стали о томъ прилежать, но довольствовалися тѣмъ пропитаніемъ, которое Корона имъ назначенное время давала, а когда тѣ лѣта минули, то еще выпрашивали; начальниковъ своихъ сіи развратные и непочитающіе никакихъ законовъ люди стали презирать, и не рѣдко даже до бунту доходили, которые часто добрымъ распорядкомъ Господина Резанова, бывшаго начальникомъ надъ колоніями въ Саратовѣ, были униманы. Наконецъ, послѣ бывшаго бунту въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ, приключеннаго злодѣемъ Пугачевымъ,

многія колоніи претерпѣли, и яко люди, уже привыкшіе къ лѣности, тѣмъ болѣе. И мнили себѣ найти способъ къ испрошенію еще себѣ пропитанія на нѣсколько лѣтъ, откладывая всегда годъ отъ году начать стараться самимъ свое благосостояніе сыскивать. Между тѣмъ временемъ происшедшая перемѣна при Дворѣ отдалила любимца Государева, Князя Григорья Григорьевича Орлова, который назывался Президентомъ Коллегіи опекунства иностранныхъ, то есть сихъ колонистовъ, и за отлучкою его въ чужіе краи сія Коллегія стала поручена Генералъ-Прокурору Князю Александру Алексѣичу Вяземскому, человѣку, хотя недальнихъ мыслей, но даже алтынами любящему скоплять казну Государеву. Сей, дабы избѣжать отъ прокормленія великаго числа колонистовъ, во время, когда и всѣ жители тѣхъ губерній крайнюю нужду въ пропитаніи претерпѣвали, представилъ Государынѣ, что было и аппробовано, чтобъ завести въ сихъ мѣстахъ крѣпостныя строенія и давать довольную плату и землю тѣмъ, которые будутъ работать, дабы чрезъ то сіи могли себѣ безнуждное пропитаніе имѣть. Колонисты хотѣли имѣть себѣ ссуду деньгами и хлѣбомъ отъ Короны, но безъ работы, а какъ скоро до работы дошло, то очень мало въ оную вступили, стараяся сыскать себѣ пропитаніе другимъ образомъ, и думаю, что симъ способомъ сіи, до нынѣ бывшіе, праздностцы, будутъ стараться трудолюбіемъ своимъ

сыскивать себѣ пропитаніе, а можетъ быть и полезны Государству будутъ. Тако можно сказать, что гдѣ есть люди, тамъ всегда наконецъ подъ добрымъ присмотромъ трудолюбіе и польза можетъ быть.

Описывая съ худой стороны сіи колоніи, каковы дѣйствительно они и есть, не должно въ сіе число включить Сарпинскую колонію, состоящую всю изъ Гернгутеровъ. Я чаю, что каждый знаетъ главности сего секта, основаннаго на обществѣ имѣнія онаго, и, слѣдственно, прилежаніе ихъ общее ко всякому трудолюбію, что дѣйствительно и есть; ибо они завели торги такъ, что почти во всѣхъ знатнѣйшихъ городахъ имѣютъ своихъ корреспондентовъ; завели разныя рукодѣлія, которыя они всегда посылаютъ продавать; колико земля, ими населенная, ни чуть не удобна къ земледѣлію, однако они всю возможную пользу отъ нея получаютъ. Однимъ словомъ, сія колонія есть примѣръ мудраго управленія во всѣхъ частяхъ домоводства. Сумнителенъ токмо я, что такимъ образомъ неразрывнымъ братствомъ и обществомъ имѣнія соединенные люди, совмѣстны ли съ общимъ правленіемъ Государства, а паче, когда они умножатся до нѣкоего числа?

Въ заключеніе сего о колоніяхъ, почитаю за нужное предложить вѣдомость о нихъ, какъ находящихся кругъ Саратова, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ какомъ они состояніи были въ 1772 году.

Заведенныхъ около Саратова селеній	103
Въ оныхъ семей	6,175
Въ нихъ мужеска и женска полу душъ	25,708
Для нихъ построенныхъ домовъ	5,963

У сихъ поселянъ 1771 года осенью и 1772 года весною было посѣяно:

Ржи	12,804	четв.
Пшеницы	11,115	—
Ячменя	2,118	—
Овса	8,364	—
Проса	174	—
Гороху	494	—
И того	35,076	четв.

Въ томъ 1772 году въ урожаѣ:

Ржи	30,087	четв.
Пшеницы	22,985	—
Ячменя	8,090	—
Овса	30,376	—
Проса	4,039	—
Гречи	88	—
Гороху	1,948	—
Картофеля	9,435	—
И того	107,048	четв.

Табаку	4,477 пуд.,	33 фунт.
Винограду	54	—

У нихъ же рогатаго скота, по бывшей въ 1772 году осенью ревизіи:

Лошадей	16,094
Коровъ	21,210
Овецъ	8,977
Свиней	16,747
Птицъ разныхъ родовъ	83,748.

Да сверхъ сихъ колонистовъ, еще обрѣтается живущихъ въ Саратовкѣ близъ Санкпетербурга, въ Малороссіи и Новороссійской губерніяхъ, близъ Кіева и Царицына, такъ же въ вѣдомствѣ Мануфактуръ-Коллегіи и Главнаго Магистрата 1020 семей, которыя составляютъ мужеска и женска пола 3185 душъ, изъ которыхъ всѣ или къ земледѣлію, или къ ремесламъ принадлежатъ.

Однако не надлежитъ мнить, чтобы сіи колонисты въ нынѣшнемъ 1776 году были въ томъ же состояніи; ибо въ бунтъ Пугачева многія колоніи были разорены, люди разбѣжались или перебиты и Киргисъ-Кайсаками плѣнены, или и послѣ, яко неудобные къ прокормленію себя, разпущены. Но однако по нынѣшнимъ расположеніямъ надежда есть, что они вскорѣ въ прежнее состояніе придутъ, бывъ побуждены нуждою къ трудолюбію и способствуемы добротою земли и благорастворенностію воздуха.

Такъ же не должно прельщаться вдругъ, видя сіе извѣстіе: труды ихъ и земледѣліе суть весьма недостаточны въ разсужденіи ихъ числа; ибо естьли положить изъ числа 25,708 душъ половину мущинъ, то учинится 12,854 мущины, и изъ того числа половину работниковъ, то учинится 6,427 работниковъ, на котораго на каждаго должно положить обработать, по легости тамошнихъ земель, по три десятины въ полѣ, то учинитъ 19,251 десятину, на которыя естьли кругомъ

положить по 12 четвериковъ, учинитъ 28,876½ четвертей. А дабы подлинно узнать по сей вѣдомости, пашутъ ли они столько, то должно положить всю рожь и половину пшеницы, яко сѣющуюся, въ озимомъ же полѣ, что учинитъ и того будетъ 18,461½ четвертей, недостатокъ еще 10,415 четвертей. Прибавь еще къ тому, что не всѣ они сами обработываютъ, то смѣло можно сказать, что еще половина Русскими обработана; и тако сіи Русскіе, работая у колонистовъ, свою землю запускаютъ, и все сіе доказуетъ, что они еще не столь прибыльны для Государства, какъ думали, что они будутъ, и токмо развѣ чрезъ нѣсколько вѣковъ прибыль отъ нихъ чувствительна учинится.

V. Вѣра.

Всѣмъ довольно извѣстно, колико Вѣра имѣетъ дѣйствія надъ народами, и для сего за нужное почитаю о находящихся Вѣрахъ въ Россіи упомянуть.

Первое. Владычествующая Вѣра есть Греческая Каѳолическая, которой послѣдуютъ, исключая раскольниковъ (о коихъ особливо ниже упомянется), всѣ народы древнихъ Россійскихъ областей, всѣ переселенные въ покоренныя надъ Татарами области, т. е. въ Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую, Тобольскую, Иркутскую губерніи, и вся Малороссія. О системѣ сея Вѣры намъ нечего поминать; ибо оная довольно всѣмъ извѣстна.

Въ нѣдрахъ сея благочестивыя Вѣры родились многія ереси, которыя всѣ

подъ именемъ раскола разумѣются; ихъ есть великое число, которыя преподобный Димитрій, въ книгѣ своей «Розыскъ», описалъ; но многіе тутъ есть расколы, которые иль мало распростерлись, иль и никогда не бывали, или, можетъ статься, онымъ и лишнее приписано; ибо сей праведный мужъ не могъ всѣхъ сихъ разныхъ расколовъ людей видѣть и изслѣдовать Вѣру; часто долженъ былъ вѣрить расказаніямъ другихъ людей упрежденныхъ, и чрезъ сіе, можетъ статься, что и лишнее написалъ. Подлинно же есть, что въ сихъ расколахъ есть разныя степени. Единые Старовѣры, которые почитаютъ Россійскую Церковь, ея таинства и Іерархію, но токмо не хотятъ треперстнымъ сложеніемъ креститься и брить бородъ, почитая, яко бы обрѣзаніемъ волосъ бороды повреждается образъ Божій, по коему человѣкъ былъ сотворенъ, и хотя и обще иконы почитаютъ, но вящше воздаютъ честь старымъ письмомъ писаннымъ. Изъ самихъ сихъ другіе, которые токмо за неимѣніемъ другихъ священниковъ ходятъ въ церковь и принимаютъ таинства, но къ вышесказанному прилагается отметаніе всѣхъ книгъ по Никоновскому исправленію; совершенно отметаются всѣ, новымъ письмомъ писанныя, иконы и почитаютъ, что надлежитъ обѣдню служити на седьми, а не на пяти, просфорахъ; и сіи называются Поповщина. Третіи есть, которые называются Безпоповщина; сіи выше писанныя же правила имѣютъ, и при-

томъ толико отметаютъ всю Іерархію, почитая Всероссійской Церкви духовенство неправо постановленное, что хожденіе въ церковь и принятіе какихъ бы то ни было таинъ отъ Россійской Церкви посвященныхъ священниковъ за смертный себѣ грѣхъ почитаютъ, мерзятъ даже съ Правовѣрными имѣть сообщеніе, и для сего имѣютъ свои собственныя для богомолія собранія, которыя отправляются у нихъ кѣмъ изъ ихъ стариковъ, почитаемыхъ знающими законъ, то есть, такими, которые въ невѣжествѣ своемъ болѣе еще другихъ заблуждаются; ибо какъ всѣ сіи секты суть сочинены изъ подлыхъ и грубыхъ людей, то не мудрено, естьли они ежечасно заблуждаются и суевѣрія умножаютъ. Изъ чего и происходитъ, что многіе изъ нихъ плуты, видя бѣсновѣріе народное, уговариваютъ часто великое число, яко бы для Бога пострадать, то есть, собравшись въ единое мѣсто, изпечься, и они корыстуются ихъ имѣніемъ.

Не входя въ историческое изъясненіе о началѣ сихъ сектовъ, и о томъ, какъ бы возможно было вначалѣ ихъ истребить, я токмо предложу ихъ нынѣшнее состояніе, какъ въ разсужденіи собственно ихъ, такъ въ разсужденіи расположенія о нихъ Правительства.

Можно сказать, что между подлаго народа сія ересь, въ разныя части раздѣленная, но подъ единымъ именемъ раскола знаемая, толико распростерлась, что нѣтъ почти ни города, ни знатна-

го селенія, гдѣ бы кого изъ раскольниковъ не было, а есть и цѣлые града, яко: Каргополь, Олонецъ, Нижній Новгородъ и многіе другіе, такъ же какъ и уѣзды ихъ симъ ядомъ заражены. Въ Олонецкой и Бѣлозерской провинціяхъ имѣютъ они знатныя селенія и монастыри, которые общимъ подаяніемъ отъ всѣхъ раскольниковъ довольствуются. Въ Малороссіи есть великое число слободъ, раскольниками населенныхъ; въ Астраханской губерніи такъ же на рѣкахъ, именуемыхъ Узени, знатныя поселенія имѣютъ. Словомъ сказать, что они какъ явные, такъ и тайные, естьли не треть, то, по крайней мѣрѣ, четвертую долю подлаго народа сочиняютъ.

Они почти всѣ житія строгаго, до крайности покоренные своимъ начальникамъ и старѣйшинамъ, упражняются въ торговлѣ и другихъ ремеслахъ, и въ случаѣ какого либо нещастія, случившагося кому изъ нихъ, а паче естьли онъ прямо (по ихъ разумѣнію) благовѣренъ, то есть, наиболѣе врагъ владычествующія вѣры, таковые обще отъ всѣхъ другихъ раскольниковъ знатныя вспоможенія себѣ получаютъ. Стараются они обще всѣ привлечь подлой народъ въ свое исповѣданіе, не токмо представляя имъ всякую погибель въ послѣдованіи Церкви Россійской, и вѣчныя блага небесныя въ послѣдованіи ихъ вѣры, но такъ же обѣщая всякую ссуду и вспомоществованіе отъ ихъ братьевъ, раскольниковъ, и чрезъ сіе великое число къ себѣ привлекаютъ.

Они упрямы и бѣсновѣры въ своей вѣрѣ. Ни на какое увѣщаніе склониться не могутъ, и самыхъ сильнѣйшихъ доказательствъ, испровергающихъ ихъ заблужденія, слушать не хотятъ; непріятели Правительства, такъ что ниже почитаютъ надъ собою власть законную сѣдящаго на престолѣ, яко нѣсть правовѣрнаго. Петръ Великій, который еще во младенчествѣ своемъ видѣлъ учиненной отъ нихъ второй Стрѣлецкой бунтъ, и зная ихъ недоброжеланіе къ Правительству, многими законами старался ихъ утѣснить, яко: чтобы ихъ не принимать во свидѣтельство, въ службы не употреблять, яко не достойныхъ вѣроятія, не допускать въ подряды, чтобы имъ носить на платьѣ разнаго цвѣта съ одеждою нашитые лоскуты для отличенія, и словомъ, какъ сими образами, такъ и другими, старался ихъ утѣснять. И подлинно, хотя принужденіе въ вѣрѣ и есть являющееся нѣчто весьма суровое, какъ мнѣ и самому казалось, но когда мнѣ случилось въ Архивѣ Петра Великаго разбирать великое число по Тайной Канцеляріи дѣлъ, тогда я нашелъ множество злоумышленій, учиненныхъ противу Петра Великаго и Государства отъ сихъ бѣсновѣровъ, токмо по той причинѣ, что они почитаютъ, яко бы не Православный Государь, но антихристъ, или предшественникъ антихристу, на престолѣ Россійскомъ сидитъ, а потому всякая злоба и умышленіе противу его есть вещь не токмо позволительная, но и богоугодная. По кончинѣ

сего Великаго Монарха, когда преемники его, часто и не проникая причинъ его поступку, предпріяли исправлять то, что имъ суровое казалось, мало по малу зачали ихъ, яко богатыхъ и вѣрныхъ людей, допускать въ подряды, и даже отличающіе ихъ лоскуты они сложили, осталася же токмо тягость на нихъ наложенія двойнаго подушнаго оклада, которой они безтягостно платятъ, а неупотребленіе ихъ въ службы не токмо въ наказаніе имъ, но еще въ пользу обратилося, поелику сіи службы есть тягостны другимъ купцамъ.

Тако сіе зло не токмо стало прекращаться, но еще умножается, и нынѣ царствующая Императрица, не довольно разсмотря всю вредность ихъ мыслей въ разсужденіи правленія, и не хотя совѣсти принуждать, позволила и каждому, кто хочетъ, въ расколъ записываться, что еще таковыхъ записныхъ раскольниковъ приумножило, и показывая она отвращеніе отъ всякой наглости противу ихъ, учинила, что и Правительство неучастнымъ окомъ на нихъ взираетъ. Однако сей милостивый поступокъ ни мало не обратилъ ихъ къ любови правленія, и хотя такихъ бѣсновѣрныхъ поступковъ и неосторожныхъ противу Монарха и невидно въ нихъ, но вездѣ, гдѣ они могутъ съ нѣкоторою надеждою показать свою ненависть противу Государя и Россійскія Церкви, не упускаютъ. Свидѣтельствуютъ сему бывшіе бунты: 1) Московской, въ которомъ, хотя скры-

тымъ образомъ, раскольники участіе имѣли; 2) Яицкой, котораго града Казаки, бывъ сей ересію заражены, не почли себѣ преступнымъ дѣломъ противу законныя власти вооружиться; 3) бунтомъ самозванца Пугачева, который главное пристанище и сообщниковъ себѣ имѣлъ на Узеняхъ и въ Малыковкѣ, изъ раскольниковъ поселенной слободѣ, и отъ другихъ раскольниковъ помощь и наставленіе себѣ получалъ, а Мечетской ихъ игуменъ Филаретъ, и главный наставникъ ему былъ. И мнѣ случилося видѣть у Григорія Александровича Потемкина, что нынѣ Имперской Князь, одно увѣщательное письмо, писанное отъ единого ихъ начальника въ Сибири, въ которомъ онъ во многихъ мѣстахъ память Царя Алексѣя Михайловича поноситъ, изъявляя, что чрезъ поступокъ свой въ поправленіи книгъ учинилъ себя недостойна престола, изъявляя съ довольною ясностію, что то же и о наслѣдникахъ его разумѣетъ.

Таковыя мысли, вкорененныя бѣсновѣріемъ въ великое число народа, во многихъ мѣстахъ обществами соединеннаго, и по разнымъ мѣстамъ разсѣяннаго, есть не сумнительно опасны для Правительства. Правительство возмнило, что не должно совѣсти принуждать, что гоненіе лишь токмо ихъ озлобляетъ, и что терпѣніемъ ихъ вѣры можно ихъ къ доброжелательству привести. Но учиненныя имъ милости и терпѣніе имъ вѣры, не уповаю, чтобъ надъ бѣсновѣрами воздѣйствовали, яко сіе, явно бывшія

возмущенія, въ которыхъ они участниками были, доказуютъ. Да не возмнятъ обо мнѣ, яко бы я былъ склоненъ къ гоненію за вѣру, ибо какъ самыя главности нашей Православной вѣры, такъ и правила философіи меня отъ того довольно отвращаютъ; но не могу же я терпѣть, чтобъ неучастнымъ окомъ могло Правительство взирать въ нѣдрахъ своихъ и на такую вѣру, которая другихъ не терпитъ.

Я теперь изъяснюся о томъ, что я думаю о поступкахъ, каковые должно съ ними имѣть, дабы удержать посредство между опаснаго и охулительнаго благовѣрными терпѣнія и гоненія. Ничто такъ не умножаетъ бѣсновѣрія и не утверждаетъ какой новой вѣры, какъ гоненіе на нее; ибо претерпѣвшіе наказаніе и смерть мучениками почитаются, и вскорѣ суевѣріе имъ чудеса и видѣнія отъ нихъ припишетъ, и не токмо отвратитъ, но паче утвердитъ народъ въ его заблужденіи; не щитая, что уже и опасно воздвигнуть гоненіе на такую секту, которую почти половина подлаго народа исповѣдуетъ, иль ей доброжелательна. И тако не гоненіемъ и наказаніемъ, но наставленіями, стыдомъ и убытками надлежитъ ихъ истреблять. 1) Духовенство должно стараться, дабы лучшихъ священниковъ, знающихъ ихъ догматы и изложенія, въ тѣ мѣста употреблять, гдѣ они изобилуютъ. И не токмо повелѣть имъ всю общую Христіанскимъ законамъ добродѣтель наблюдать, но еще соглашаться и съ ихъ предубѣжденіями, яко воздержаніемъ се-

бя отъ вина и табаку, вещи хотя безгрѣшныя, но приводящія ихъ въ омерзѣніе къ тѣмъ, которые оныя употребляютъ. Самая служба въ тѣхъ мѣстахъ должна исправляться также длинно, какъ ихъ, то есть, чтобы все читано было въ одинъ голосъ; и сіе ихъ можетъ привести къ почтенію священниковъ и къ службѣ, и тако уже откроетъ путь ко внушенію ученія. 2) Должно предписать, чтобъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ раскольниковъ много, чтобы въ нѣкоторые назначенные дни въ недѣлю собирались на опредѣленное какое мѣсто, хотя не въ церковь, гдѣ таковой благовѣйной и почтенной ими священникъ, не болѣе получаса долженъ имъ безъ злобы и ругательства, но тихимъ образомъ, говорить поученія, и мало по малу, почти не чувствительно, ихъ догматы испровергать и Православные доказывать, даже какъ достигнутъ до того времени, когда можно будетъ съ ними яснѣе говорить. Апостолъ Павелъ, желая сдѣлать обращеніе въ Аѳинахъ, не зачалъ предъ Ареопагомъ вдругъ охулять многобожіе, но взявъ причину отъ единого алтаря, посвященнаго Богу незнаемому, Господа Христа проповѣдалъ. Сему Апостолу языковъ и должно въ семъ случаѣ подражать. 3) Умножить школы Греческаго языка, и призывать ихъ, дабы изучася сему языку, въ подлинникахъ сами усмотрѣли справедливость Россійской Церкви и учиненнаго поправленія книгъ. 4) Не единыя смерти люди боятся: стыдъ и отличность поносная еще болѣе можетъ

сдѣлать чувствительности самому гоненію. И тако должно возобновить и твердо наблюдать, дабы они по прежнему разноличными лоскутами на плечахъ сукна отличались. 5) Возобновить мало по малу и, смотря по обстоятельствамъ, прежніе о нихъ законы, чтобы въ подряды, въ свидѣтельство и въ поручительство ихъ не допускать, окромѣ того, чтобы ихъ въ службѣ не употреблять; ибо 6) службѣ самой убытокъ приключаютъ; и тако сей законъ былъ имъ выгодою, а не наказаніемъ; и 7) умножить имъ платежъ подушныхъ денегъ и пошлинъ, а такъ же положенія постою на дворы.

Сіи способы, уповаю, могутъ мало по малу начать умалять сіи секты, ибо что многія лѣта возрастало, того не должно хотѣть въ единой часъ истребить; но все можетъ исполниться мудрымъ поведеніемъ, системою и терпѣніемъ.

Магометанскій. Всѣ Татары, остатки древнихъ Татаръ, которые владычествовали надъ Россіею, жившіе въ Костромѣ, въ Касимовѣ, въ Казанской, Оренбургской, Симбирской губерніяхъ, всѣ Башкирцы и Мещеряки, послѣдуютъ Магометанскому закону секты Омаровой. Сей ихъ законъ, въ разсужденіи политическаго состоянія Россіи, тѣмъ предосудителенъ: 1) что они, по закону своему, суть рожденные враги Христіанамъ, и напамятованіе ихъ, что прежде владычествовали надъ Россіей, ихъ дѣлаетъ паче врагами Россіянамъ; 2) что они, бывъ Омаровой секты,

суть, по самому сему, связаны съ Турками, и всегда, когда бываетъ у Россіи война съ Портою Оттоманскою, тогда сіи народы ясно оказуютъ свою преданность къ онымъ.

Правительство уже давно сіи неудобности примѣтило и старалось отвратить могущее произойти зло, склоняя ихъ разными способами къ крещенію, и хотя послѣдуя всегдашнему Россійской Церкви правилу: не начинать явнаго гоненія, однако даваніемъ награжденій и избавленіемъ отъ достойнаго наказанія тѣхъ, которые крестятся, могло умножить Христіанъ, а уменьшить Магометанъ; и даже до того доходило, что брали малолѣтныхъ дѣтей, которыхъ крестили и обучали въ школахъ Христіанскому закону. Но что изъ сего произошло? Тѣ, которые токмо для награжденія крестятся, суть, конечно, безсовѣстные люди, и тако въ нихъ Церковь не находитъ вѣрныхъ Христіанъ, а которые, избѣгая отъ наказанія или рекрутства, крестятся, тѣ, бывши нетерпимые люди въ ихъ обществѣ, еще бывъ отъ онаго отрѣшены, развратнѣе становятся, и не имѣя ни какой вѣры, въ самомъ дѣлѣ и другимъ вѣру Христіанскую презрительну творятъ. Прежде же бывшія заведенныя школы, въ которыя брали малолѣтныхъ Магометанъ, такъ же не токмо не способствовали къ распространенію вѣры, но паче въ ненависть ее приводили; ибо духовной Россійскій чинъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ сіи школы состояли, толь злоупотребленія чинилъ,

что большая часть оныхъ отроковъ помирали, а и другіе исполненные огорченія и неизученные Христіанскому закону выходили.

Естьли Россійское Правительство употребляло такіе способы, не меньше и самые сіи Магометанцы тайнымъ своимъ сообщеніемъ, основаннымъ на вѣрѣ, стараются всегда соединенны быть, и даже до того дошли, что просили позволенія ѣздить въ Мекку и Имановъ своихъ въ Турціи постановлять. Духъ новой философіи, часто несовмѣстный со здравою политикою, мало не позволилъ имъ такого дѣла, которое бы имъ сообщеніе съ Портою Оттаманскою не токмо безопасно, но и позволительно учинило.

Мнѣ весьма трудно является сіи народы въ Христіанскій законъ привести; ибо естьли особливаго милосердія на нихъ Божескаго не будетъ, то трудно такому духовному чину, каковъ у насъ есть, дѣлать обращенія, и тако, кажется мнѣ, чтобъ къ духовнымъ увѣщаніямъ не худо нѣкоторые прибыточные для обращенныхъ способы приложить, храняся, однако, по примѣру Первенствующія Церкви, развратныхъ людей принимать, дабы тѣмъ не обезславливать законъ, безъ всякія политическія пользы. Сіи способы суть:

1) Въ деревняхъ ихъ, чрезъ ученыхъ и благоговѣйныхъ священниковъ, дѣлать проповѣди на ихъ языкѣ, и книги церковныя на ихъ языкъ перевесть. 2) Тѣмъ, которые обратятся, дать нѣкоторую свободу въ подушныхъ

деньгахъ и службѣ. 3) Позволить имъ нѣкоторыя прибыльныя мастерства, которыя Татарамъ запретить. 4) Крайне наблюдать, чтобъ сіи, вновь обратившіеся, отъ священниковъ отягощаемы не были. 5) Избавить ихъ постоя солдатскаго на нѣсколько лѣтъ. Сіи способы, кажется мнѣ, многихъ побудятъ креститься, а единозаконіе умножитъ силу государственную.

Идолопоклонники: Якуты, Чюваши и Черемиса, Мордва и Вотяки. Что касается до идолопоклонниковъ, то есть, Чувашей, Черемисъ, Мордвы и Вотяковъ, такъ же многихъ Сибирскихъ народовъ, яко Самоѣдовъ, Тунгузовъ, Коряковъ, Брацкихъ, Камчедаловъ и въ Астраханской оставшихся Калмыкъ, то о сихъ весьма простираться причины не имѣю, какъ токмо, что разныя суевѣрія каждый изъ сихъ народовъ заражаютъ, сходственныя съ ихъ суровыми нравами; а изъ сихъ Брацкіе и Калмыки послѣдуютъ закону Далы и Ламы, или Кутухты, и ихъ священниковъ, или Ламъ, оттуда посвященныхъ получаютъ, что дѣлаетъ то, что они безпрерывное сообщеніе имѣютъ съ Тибетскими и Китайскими народами, и потому никогда не могутъ быть толико преданы Россійской Державѣ, яко бы сіе желательно было. Послѣдній учинившійся побѣгъ, между прочимъ, отъ сей причины произошелъ, ибо обольщенные со стороны Китайской Князья, а ожесточенные отъ Россійскихъ правителей, хотя и давно уже желали уйти въ селенія ихъ праот-

цовъ, но народъ, приобыкшій жить въ Россіи, и опасаясь побѣгомъ лишиться великихъ своихъ стадъ, никогда бы на сіе не согласился, естьли бы ихъ Ханы не употребили посредство нѣкоторыхъ Ламъ, которые, устраша ихъ силою закона, склонили бѣжать изъ Россіи. Толь сильно есть предубѣжденіе вѣры, и толь важно есть все Правительству надзирать надъ тѣми народами, которые владычествующей вѣрѣ государства не послѣдуютъ, а паче, когда главу вѣры своея почитаютъ быть въ чуждой странѣ. Братскіе Казаки, которые, какъ выше сказано, хотя послѣдуютъ вѣрѣ Кутухты, однако еще по нынѣ не было отъ нихъ никакого возмущенія, и Тайши ихъ, иль Князьки являются болѣе другихъ быть склонны къ Россійскому правленію, хотя сіе и не возбраняетъ, чтобы не долженствовало ихъ уважать. Тунгусы и Самоѣды, Коряки и Камчадалы, послѣдующіе каждое особливому роду идолопоклоненія, ни между собою, ни съ другими народами связи никакой не имѣютъ; но, не взирая на правило Правительства, не принуждать совѣсти, часто духовнымъ чиномъ утѣсняемы бываютъ. Мнѣ случилося вмѣстѣ во многихъ данныхъ для Коммисіи Уложенія наказахъ отъ сихъ народовъ ихъ депутатовъ слышать, что они всѣ на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ жалуются, которые подъ именемъ проповѣдниковъ, грабить и мучить ихъ ѣздятъ. Таковыя проповѣди, конечно, не могутъ хорошаго мнѣнія о законѣ, которой

сіи апостолы проповѣдуютъ, подать, отъ чего и дѣйствительно мало обращеній дѣлается, да и тѣ не искреннія, а токмо по неволѣ учиненныя. Но, по крайней мѣрѣ, надлежало бы подумать, что тѣ изъ сихъ народовъ, которые примутъ Христіанскій законъ, щастливѣе учинятся; нѣтъ, они тѣмъ еще болѣе подвергнутся мучительству и мздоимству поповскому. Они, ѣздя по ихъ юртамъ, примѣчаютъ все у сихъ, худо изученыхъ, Христіянъ, и естьли хотя малое что противу правилъ, или и преданій Христіянскаго закона, примѣтятъ, то не токмо жестоко на тѣлѣ наказуютъ, но и разоряютъ ихъ колико можно. Правительству духовному и гражданскому извѣстны такія злоупотребленія, но помощи еще никакой имъ не учинено. Мое же мнѣніе состоитъ, чтобы, для упрежденія таковыхъ злоупотребленій отъ священниковъ, надлежало запретить имъ ѣздить по улусамъ, но да назначутся имъ времяна и мѣста, города, или селенія, гдѣ бы могли они и приходящимъ Слово Божіе проповѣдывать и крещенымъ дикимъ народамъ потребы исправлять; а къ тому предписать отъ Синода, что должно за преступленіе закона почитать, и какъ ихъ должно наказывать, исключая совсѣмъ тѣлесныя наказанія и лишеніе имѣнія, о чемъ и имъ чрезъ Воеводъ объявить, запрещая имъ допускать себя такимъ образомъ наказывать.

Чуваши, Черемисы, Мордва и Вотяки, всѣ народы населяющіе Казан-

скую губернію, были прежде погружены во мракъ идолопоклоненія, и хотя сколько увѣщаніями, а болѣе силою, и склонены пріять Христіанской законъ, но обращеніе ихъ есть такое, какое можетъ невольное быть, то есть, что они остаются внутренно по прежнему идолопоклонники. Да и быть имъ инако не можно; ибо духовной Россійскій чинъ, отступая отъ правилъ Первенствующія Церкви, не бралъ труда ихъ сперва изучить, ниже знающихъ ихъ языкъ къ нимъ проповѣдниковъ посылать, но токмо такъ какъ въ баню, такъ ихъ ко крещенію, водили, и давъ имъ крестъ, которой они, по грубости своей, нѣкіимъ талисманомъ почитаютъ, образъ, который они чтятъ за идола, и запретъ имъ ѣсть мясо по постамъ, чего они не исполняютъ, а духовный чинъ и благочинные изъ онаго берутъ съ нихъ за сіе взятки. Впрочемъ, не приняли труда ни Священнаго Писанія на ихъ языкъ перевести, ни священниковъ оному изучить, чтобы его имъ толковать. Бывало иногда, что нѣкоторые Архіереи Казанскіе хотѣли въ семъ обращеніи порядокъ завести, но намѣренія ихъ не токмо не были послѣдуемы, но паче въ зло обратились. Одинъ Казанскій Архіерей учредилъ для дѣтей ихъ училище, изъ котораго хотѣлъ въ священники ихъ однородцовъ имъ посвящать, но изъ самаго сего произошло: взятые юноши въ училище не имѣли никакого призрѣнія, и почти съ голоду большая ихъ

часть помирали. Сіе произвело, что они стали съ огорченіемъ ихъ отдавать, отъ чего послѣдовали взятки, а потомъ и паденіе сей школы. Такое есть Христіянство сихъ народовъ, которые тайно многія еще языческія суевѣрія исполняютъ.

VI. Правленіе.

Что касается до правленія, то оно совершенно самовластно; ибо власть законодательная и исполнительная вмѣстѣ соединяется въ Монархѣ. Истину при семъ можно сказать, что два царствованія, то есть, Императрицъ Елисаветы Петровны и нынѣ царствующія Екатерины Алексѣевны, являются такія, въ которыя самое самовластіе токмо для милосердія употреблялось; но естьли отъ благодѣтельныхъ сердецъ дѣйствія благія происходили, сіе, однако, не возбраняетъ, чтобы причина не была самовластная.

Тако мнѣ остается токмо здѣсь описать Правительства, каковыя нынѣ есть (то есть 1776 года, Ноября 27 числа), и какая ихъ власть каждаго.

Первое и главное правительство есть Сенатъ, установленный Петромъ Великимъ, помнится, въ 1708 году. Онъ раздѣленъ въ двѣ части, то есть, одна въ томъ мѣстѣ, гдѣ присутствуетъ Государь, то есть въ Петербургѣ, а другая въ Москвѣ, и раздѣленъ въ шесть Департаментовъ, изъ коихъ четыре въ Петербургѣ, а два въ Москвѣ; а когда Государь ѣздитъ въ Москву, тогда Московской Сенатъ умножается дву-

мя Департаментами, въ Петербургѣ остаются два.

Первый и пятый Департаменты судятъ всѣ дѣла Государственныя, касающіяся до доходовъ и торговли.

Второй и шестой Департаменты судятъ всѣ дѣла Великороссійскія аппеляціонныя, Вотчинныя и Юстицкія.

Третій Департаментъ такъ же судитъ всѣ дѣла аппеляціонныя и Юстицкія по Малороссіи, Лифляндіи, Естляндіи и Финляндіи, и ему же препоручены всѣ Государственныя строенія, коммуникаціи и ученыя дѣла.

Четвертый Департаментъ судитъ всѣ дѣла Военныя по военной и Адмиралтейской Коллегіи.

Всякой Сенаторъ имѣетъ право голосомъ своимъ остановить дѣло, и оно, по увѣщанію Прокурорскому, идетъ въ полное собраніе всѣхъ Департаментовъ, то есть, четырехъ въ Петербургѣ и двухъ въ Москвѣ, и полное же собраніе производитъ въ чины и опредѣляетъ въ должности.

Естьли же и въ полномъ собраніи Сенаторы разныя мнѣнія имѣютъ, тогда Генералъ-Прокуроръ, сперва сдѣлавъ предложеніе, покажетъ свои заключенія, и потомъ, по несогласію Сенаторскому, взноситъ Генералъ-Прокуроръ дѣло къ Государю.

Здѣсь прилично о власти Генералъ-Прокурора упомянуть. Сперва были Оберъ-Секретари въ Сенатѣ, которымъ, яко искуснымъ людямъ въ знаніи законовъ, дана была инструкція, дабы они наблюдали, чтобы всѣ законы были

въ выписки вписываны и ничего бы въ противность законовъ учинено не было. Но какъ отсутствіе Государево въ Персію требовало, чтобы сильнѣйшій и болѣе акредитованный человѣкъ имѣлъ надзираніе, дабы ничего въ противность законовъ не было сдѣлано, то Государь, отъѣзжая въ сей походъ, опредѣлилъ единого изъ своихъ любимцевъ, Павла Ивановича Егузинскаго, назвавъ его Генералъ-Прокуроромъ и окомъ своимъ за Сенатомъ. Вскорѣ сія новая власть дѣйствія свои стала оказывать. Вицъ-Канцлеръ Шафировъ, человѣкъ горячій, отъ ссоры своей съ Генералъ-Прокуроромъ, по дѣлу Князя Меншикова, гнѣвъ Государевъ претерпѣлъ, и съ того времени не преставали Генералъ-Прокуроры власть свою надъ Сенатомъ распространять и, можно сказать, что истребили духъ твердости и усердія въ Сенаторахъ, которые принуждены почти во всемъ съ Генералъ-Прокуроромъ соглашаться. И дѣйствительно, можно ли какой твердости ожидать отъ такихъ судей, которые принуждены слушать токмо тѣ дѣла, которыя, по приказу Генералъ-Прокурора, имъ бываютъ предлагаемы, не смѣвъ ни какого другаго попросить; которые не имѣютъ никакой власти ни надъ малѣйшимъ канцелярскимъ служителемъ; которые ежели что не внялися въ слушаемомъ дѣлѣ, не имѣютъ право, какъ развѣ чрезъ Генералъ-Прокурора, попросить прочесть сіе дѣло, не токмо домой, но и въ Сенатѣ, и когда онъ и дастъ, то почти изъ милости;

которые, естьли подадутъ голоса, то должны слышать увѣщаніе и противное часто заключеніе Генералъ-Прокурора, съ напоминаніемъ указу, чтобы менѣе голосовъ подавали, а старалися бы между себя соглашаться; на которыхъ, наконецъ, пойдетъ съ предложеніемъ Генералъ-Прокуроръ къ Государю, которому онъ и дѣло, конечно, сходственно съ своимъ предложеніемъ, объясняетъ, вмѣсто что Сенаторы заочно и безотвѣтно осуждаются.

Такая захваченная власть Генералъ-Прокурорская, которую они стараются содержать оклевстаніемъ Сенаторовъ въ ихъ пристрастіяхъ предъ Государемъ, чѣмъ самая власть и почтеніе къ Сенату упадаетъ. Да и подлинно пристрастія и пороки въ Сенаторахъ есть; но не довольно, что ихъ охулять за оные, надлежало бы проникнуть и ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ толь узкихъ границахъ властію Генералъ-Прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для Государственнаго правленія надлежащую. Симъ самимъ показуютъ, что сіе вышнее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; чрезъ то принуждаютъ Государя имѣть недовѣренность и его унижать, а униженіе его унижаетъ болѣе ихъ духи; и наконецъ, сердца сихъ людей, не могши быть заняты знатными мнѣніями, что благо отечеству сдѣлать, впадаютъ въ пристрастіи и неправосудіи, и тако можно сказать, что Сенаторы повреждаетъ Сенатъ, а

Сенатъ повреждаетъ Сенаторовъ, а все сіе отъ неумѣренныя власти Генералъ-Прокурора происходитъ.

Многіе, бывъ поражены сею истиною, говорятъ, что за толь благородными и заслуженными мужіями, уже смотрителя, ока Государева, то есть, Генералъ-Прокурора, не надобно. Но я, какъ выше показалъ, что не есть защитникъ сей власти; напротивъ того, скажу, что не все то худо, что злоупотребленіемъ худо учинилось, и что Генералъ-Прокуроръ есть нужная персона въ Сенатѣ, но съ нѣкоимъ сокращеніемъ власти, которая бы и Сенату и Сенаторамъ токмо къ поправленію служила.

1) Потребно во всякомъ мѣстѣ судебномъ имѣть Правителя Канцеляріи, и да останется сіе правленіе на Генералъ-Прокурора, но токмо въ томъ, чтобъ скорое и порядочное исполненіе было по дѣламъ.

2) Полезно Государю еженедѣльно, или и ежедневно, быть извѣстну о всѣхъ дѣлахъ, находящихся въ вышнемъ правительствѣ, и да останется то во власти Генералъ-Прокурора.

3) Но чтобъ реестръ дѣлъ былъ предложенъ предъ Сенаторовъ, по старшинству ихъ, котораго бы старшинства и они не имѣли права перемѣнить безъ важныхъ причинъ, яко дѣла, требующія вящшаго поспѣшенія; дѣла, имѣющія ходящихъ и ищущихъ ихъ, предъ тѣми, за которыми никого ходящаго нѣтъ, и наконецъ, такія дѣла, по которымъ видно, что они со-

вершенное разореніе кому приключаютъ: такія дѣла могли бы по предложенію Генералъ-Прокурора слушаться не по старшинству, однако не инако, какъ съ записаніемъ въ журналъ, чего ради для сихъ дѣлъ порядокъ старшинства перемѣненъ.

4) Каждый Сенаторъ имѣетъ право подавать голосъ и власть дѣло остановить, которое, наконецъ, естьли не согласится на предложеніе Генералъ-Прокурора, несется къ Государю. Но несетъ его Генералъ-Прокуроръ, который и дѣло сіе Государю объясняетъ, и конечно, всегда старается болѣе усилить свое предложеніе, въ противность мнѣнія тѣхъ Сенаторовъ, которые съ нимъ не согласны, то можно ли ожидать, чтобы подъ прямымъ видомъ таковыя дѣла Государю представлялись, и чтобъ Сенаторы, зная, что Генералъ-Прокуроръ есть истолкователь ихъ мысли по своему изволенію, могли надлежащую бодрость духа по званію своему имѣть? Тако, не гораздо ли бы лучше было, естьли бы, во время таковаго несогласія между Сенаторовъ, всегда съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько было избираемо, которые бы при Государѣ мнѣніе свое могли объяснить и опровергать предложенія Генералъ-Прокурора? Тогда бы симъ власть Генералъ-Прокурорская въ надлежащія ей границы вмѣстилась, а и каждый бы Сенаторъ, чувствуя, что усердіе и справедливость можетъ быть изъяснена самимъ имъ предъ Государемъ, болѣе бы твердости духу имѣлъ, и устрашился

бы несправедливое защищать, а самое бы сіе возвратило Сенату вообще, и каждому Сенатору особливо, то почтеніе, которое къ нимъ, для благоучрежденнаго правленія, должно имѣть.

5) Дирекція Сенатской Канцеляріи, какъ выше сказано, должна принадлежать Генералъ-Прокурору, и потому и всѣ служители должны быть подъ его начальствомъ; но и Сенаторы, долженствующіе разсматривать дѣла, писать голоса, и когда для лучшаго объясненія брать выправки, не должны ли при себѣ имѣть кого такого, который бы могъ имъ въ семъ помочь учинить? И не противурѣчительно ли сіе есть, что Генералъ-Прокуроръ, окромѣ Сенатскихъ всѣхъ Департаментовъ, служителей имѣетъ при себѣ многихъ собственныхъ Секретарей и Юрисъ-Консултовъ для писанія своихъ предложеній, а Сенаторы, долженствующіе также судить, никого не имѣютъ? Изъ сего можно заключить слѣдующее: что или Сенаторовъ толь премудрыми людьми почитаютъ, что имъ никакой помощи во исполненіи должности своей не надобно, а Генералъ-Прокурора такимъ дуракомъ, которому всѣ возможныя помощи должно подать; иль Сенаторовъ такими особами, которые токмо для виду посажены, вся же сила оставлена Генералъ-Прокурору, что, кажется, и въ самомъ дѣлѣ есть. То естьли они надобные, не лучше ли придать имъ помощь, давъ имъ, по его выбору, каждому по секретарю, который бы въ трудахъ ихъ могъ спомо-

которые, естьли подадутъ голоса, то должны слышать увѣщаніе и противное часто заключеніе Генералъ-Прокурора, съ напоминаніемъ указу, чтобы менѣе голосовъ подавали, а старалися бы между себя соглашаться; на которыхъ, наконецъ, пойдетъ съ предложеніемъ Генералъ-Прокуроръ къ Государю, которому онъ и дѣло, конечно, сходственно съ своимъ предложеніемъ, объясняетъ, вмѣсто что Сенаторы заочно и безотвѣтно осуждаются.

Такая захваченная власть Генералъ-Прокурорская, которую они стараются содержать оклевстаніемъ Сенаторовъ въ ихъ пристрастіяхъ предъ Государемъ, чѣмъ самая власть и почтеніе къ Сенату упадаетъ. Да и подлинно пристрастія и пороки въ Сенаторахъ есть; но не довольно, что ихъ прохулять за оные, надлежало бы проникнуть и ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ толь узкихъ границахъ властію Генералъ-Прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для Государственнаго правленія надлежащую. Симъ самимъ показуютъ, что сіе вышнее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; чрезъ то принуждаютъ Государя имѣть недовѣренность и его унижать, а униженіе его унижаетъ болѣе ихъ духи; и наконецъ, сердца сихъ людей, не могши быть заняты знатными мнѣніями, что благо отечеству сдѣлать, впадаютъ въ пристрастіи и неправосудіи, и тако можно сказать, что Сенаторы повреждаетъ Сенатъ, а

Сенатъ повреждаетъ Сенаторовъ, а все сіе отъ неумѣренныя власти Генералъ-Прокурора происходитъ.

Многіе, бывъ поражены сею истиною, говорятъ, что за толь благородными и заслуженными мужіями, уже смотрителя, ока Государева, то есть, Генералъ-Прокурора, не надобно. Но я, какъ выше показалъ, что не есть защитникъ сей власти; напротивъ того, скажу, что не все то худо, что злоупотребленіемъ худо учинилось, и что Генералъ-Прокуроръ есть нужная персона въ Сенатѣ, но съ нѣкоимъ сокращеніемъ власти, которая бы и Сенату и Сенаторамъ токмо къ поправленію служила.

1) Потребно во всякомъ мѣстѣ судебномъ имѣть Правителя Канцеляріи, и да останется сіе правленіе на Генералъ-Прокурора, но токмо въ томъ, чтобъ скорое и порядочное исполненіе было по дѣламъ.

2) Полезно Государю еженедѣльно, или и ежедневно, быть извѣстну о всѣхъ дѣлахъ, находящихся въ вышнемъ правительствѣ, и да останется то во власти Генералъ-Прокурора.

3) Но чтобъ реестръ дѣлъ былъ предложенъ предъ Сенаторовъ, по старшинству ихъ, котораго бы старшинства и они не имѣли права перемѣнить безъ важныхъ причинъ, яко дѣла, требующія вящшаго поспѣшенія; дѣла, имѣющія ходящихъ и ищущихъ ихъ, предъ тѣми, за которыми никого ходящаго нѣтъ, и наконецъ, такія дѣла, по которымъ видно, что они со-

вершенное разореніе кому приключаютъ: такія дѣла могли бы по предложенію Генералъ-Прокурора слушаться не по старшинству, однако не инако, какъ съ записаніемъ въ журналъ, чего ради для сихъ дѣлъ порядокъ старшинства перемѣненъ.

4) Каждый Сенаторъ имѣетъ право подавать голосъ и власть дѣло остановить, которое, наконецъ, естьли не согласится на предложеніе Генералъ-Прокурора, несется къ Государю. Но несетъ его Генералъ-Прокуроръ, который и дѣло сіе Государю объясняетъ, и конечно, всегда старается болѣе усилить свое предложеніе, въ противность мнѣнія тѣхъ Сенаторовъ, которые съ нимъ не согласны, то можно ли ожидать, чтобы подъ прямымъ видомъ таковыя дѣла Государю представлялись, и чтобъ Сенаторы, зная, что Генералъ-Прокуроръ есть истолкователь ихъ мысли по своему изволенію, могли надлежащую бодрость духа по званію своему имѣть? Тако, не гораздо ли бы лучше было, естьли бы, во время таковаго несогласія между Сенаторовъ, всегда съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько было избираемо, которые бы при Государѣ мнѣніе свое могли объяснить и опровергать предложенія Генералъ-Прокурора? Тогда бы симъ власть Генералъ-Прокурорская въ надлежащія ей границы вмѣстилась, а и каждый бы Сенаторъ, чувствуя, что усердіе и справедливость можетъ быть изъяснена самимъ имъ предъ Государемъ, болѣе бы твердости духу имѣлъ, и устрашился

бы несправедливое защищать, а самое бы сіе возвратило Сенату вообще, и каждому Сенатору особливо, то почтеніе, которое къ нимъ, для благоучрежденнаго правленія, должно имѣть.

5) Дирекція Сенатской Канцеляріи, какъ выше сказано, должна принадлежать Генералъ-Прокурору, и потому и всѣ служители должны быть подъ его начальствомъ; но и Сенаторы, долженствующіе разсматривать дѣла, писать голоса, и когда для лучшаго объясненія брать выправки, не должны ли при себѣ имѣть кого такого, который бы могъ имъ въ семъ помочь учинить? И не противурѣчительно ли сіе есть, что Генералъ-Прокуроръ, окромѣ Сенатскихъ всѣхъ Департаментовъ, служителей имѣетъ при себѣ многихъ собственныхъ Секретарей и Юрисъ-Консултовъ для писанія своихъ предложеній, а Сенаторы, долженствующіе также судить, никого не имѣютъ? Изъ сего можно заключить слѣдующее: что или Сенаторовъ толь премудрыми людьми почитаютъ, что имъ никакой помощи во исполненіи должности своей не надобно, а Генералъ-Прокурора такимъ дуракомъ, которому всѣ возможныя помощи должно подать; иль Сенаторовъ такими особами, которые токмо для виду посажены, вся же сила оставлена Генералъ-Прокурору, что, кажется, и въ самомъ дѣлѣ есть. То естьли они надобные, не лучше ли придать имъ помощь, давъ имъ, по его выбору, каждому по секретарю, который бы въ трудахъ ихъ могъ спомо-

ществовать? Впрочемъ, Сенатъ не имѣетъ власти законодательной, но токмо исполняетъ и истолковываетъ законы.

Описавъ тако правленіе Сенатское съ его недостатками, приступаю къ прочимъ правительствамъ; и первое, равное Сенату, есть Синодъ для духовныхъ дѣлъ, въ которомъ имѣютъ право присутствовать для духовныхъ дѣлъ, по именованію Государя, Архіереи, Архимандриты и нѣсколько Протопоповъ. Онъ управляется, окромѣ раздѣленія на Департаменты, равно такъ же какъ Сенатъ, и въ немъ обрѣтается Оберъ-Прокуроръ, особа, нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ Гражданскими правами, къ чему они весьма склонны. Но разсмотримъ, и самое сіе такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ Оберъ-Прокуроръ, человѣкъ не большаго чина и по большей части не случайной при Государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться? Правда, понынѣ не видно еще, чтобы Архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельствы противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать; Императрица Екатерина Пер-

вая и Петръ II-й мало царствовали; Императрица Анна Іоанновна имѣла при себѣ Герцога Курляндскаго, Лютеранина, слѣдственно, противнаго Духовенству; Императрица Елисавета мало, по набожности своей, не возобновила чинъ Патріаршій, и временникъ ея, Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временникъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, человѣкъ разумный, и совсѣмъ ихъ проискамъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно Лютеранинъ, а нынѣ царствующая Императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ. Но я впредь не ручаюсь, чтобъ духовной чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть.

Иностранная Коллегія. Сіе мѣсто имѣетъ всѣ дѣла, касающіяся до иностранныхъ народовъ. Главный оныя есть Канцлеръ. Должность его состоитъ производить всѣ дѣла, касающія до негосіацій съ чужестранными дѣлами; онъ даетъ наставленія всѣмъ Министрамъ; онъ отвѣтствуетъ на ихъ реляціи, и онъ докладываетъ непосредственно Государю о всѣхъ дѣлахъ, касающихся по его Департаменту. Прежде всѣ дѣла, окромѣ особливаго таинства требующихъ, производились по Коллегіи, и къ Министрамъ писывали рескриптами, а они Коллегію реляціями

увѣдомляли; но какъ Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, не имѣвъ титла Канцлера, а бывъ Гофъ-Мейстеромъ Великаго Князя, котораго онъ и послѣ не принялъ, получилъ правленіе сихъ дѣлъ, то забралъ всѣ дѣла къ себѣ и съ Министрами сталъ письмами корреспондовать, такъ что Иностранныя Коллегіи другіе члены мало уже извѣстія имѣютъ о текущихъ дѣлахъ. Правда, съ одной стороны сіе способствуетъ болѣе къ сохраненію секретаря, но, съ другой стороны, вся система дѣлъ безъ противурѣчія въ волѣ единого главнаго состоитъ, и онъ не могши быть поднертъ мнѣніемъ другихъ своихъ сочленовъ, не имѣетъ довольно силы и Государю дѣлать представленія, противныя его волѣ. Впрочемъ, Иностранная Коллегія имѣетъ храненіе большія государственныя печати, которой печатаются трактаты, грамоты и патенты. Почтъ-амтъ подъ ея же властію состоитъ. И Канцлеръ подписываетъ подъ Государевой рукою всѣ грамоты, дипломы и патенты; онъ же отвѣчаетъ, вмѣсто Государя, Министрамъ, что за непринятіемъ Графомъ Панинымъ, нынѣ исполняетъ Вицъ-Канцлеръ.

Адмиралтейская Коллегія имѣетъ въ правленіи своемъ все, касающееся до морскихъ силъ. Она имѣетъ разные свои Департаменты для разныхъ снабженій флота, имѣетъ свой Коммисаріатъ, свою Контору для строенія, то есть Интендантскую, свою Артиллерійскую, то есть Цехмейстерскую,

своего Генералъ-Казначея и другія, которыхъ Департаментовъ главные Експедиторами называемые, въ Коллегіи присутствуютъ; она доклады о произвожденіи и о главныхъ дѣлахъ подаетъ самому Государю. Но какъ для лучшаго понятія о ней должно говорить тогда, когда будетъ упоминаться о состояніи флота, то до сего времени оное и отлагаю.

Военная Коллегія. Сіе имѣетъ правленіе всего сухопутнаго войска, имѣетъ свои Департаменты, то есть Коммисаріатскій и Провіантскій; и Корпусъ Артиллерійской хотя особливо правится, однако подчиненъ Военной Коллегіи, и въ разсужденіи докладовъ имѣетъ тоже право, какъ и Адмиралтейская Коллегія.

Сіи три Коллегіи называются Государственными и первыми тремя Коллегіями. Президенты ихъ суть всегда Сенаторы и имѣютъ чинъ Генералъ-Фельдмаршала, а Вицъ-Президенты Генералъ-Аншефа. Окромѣ Иностранной Коллегіи, на которую еще штатъ не сдѣланъ, и Вицъ-Канцлерскаго чина, Вицъ-Президента сея Коллегіи не означено, отъ чего иногда Вицъ-Канцлеры, по уменьшенію ихъ чина и Тайные Совѣтники бываютъ, яко и нынѣ Графъ Остерманъ.

Каморъ-Коллегія находится въ Москвѣ, а имѣетъ свою Контору въ Петербургѣ. Должность сея Коллегіи состоитъ собирать всѣ зборы, окромѣ подушнаго, которой прямо зборъ въ Коммиссаріатъ отпускается; а главный

зборъ сея Коллегіи состоитъ съ винныхъ откуповъ. Сія Коллегія, учрежденная еще Петромъ Великимъ, никогда на хорошую ногу поставлена не была, да сіе и не удивительно, ибо большая часть ея Президентовъ, болѣе стараясь показать Государю приумноженіе доходу, и тѣмъ выслужиться, а притомъ, чтобы и себѣ прибыль отъ откупщиковъ получить, мало прилагали попеченія о приведеніи ея въ доброй порядокъ. Я буду, говоря о Государственныхъ доходахъ, говорить и о винномъ доходѣ, и для того здѣсь о семъ умалчиваю; но скажу здѣсь только о Окладной книгѣ, которая толь есть нужна Коллегіи, на которую положены зборы Государственныхъ доходовъ. Сія Окладная книга многажды начиналась дѣлаться и никогда не была окончена, а нужда въ оной толь очевидна настояла, что первый Департаментъ Сената, вошедъ въ сіе, препоручилъ сочиненіе оныя Генералъ-Прокурору, яко такой особѣ, которая чрезъ подначальныхъ ей Прокуроровъ, и имѣющая дирекцію надъ Сенатскою Канцеляріею, скорѣе сіе исполнить можетъ; однако съ тѣмъ, что какъ многія подати, отмѣненныя уже указами, еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платятся, другія же совсѣмъ разорительны, и болѣе убытку плательщикамъ приносятъ, нежели прибыли казнѣ, чтобы прежде утвержденія сея книги, все сіе разсмотрѣть и доходы привести въ порядокъ. Генералъ-Прокуроръ съ радостію сіе дѣло принялъ на себя, яко могу-

щее ему честь и пользу принести, и по нѣкоемъ времени окончивъ ее, не представляя Сенату, для сдѣланія вышепомянутой нужной операціи, поднесъ ее самъ Государынѣ, приемля все на сіе единое. Такое самовластное дѣло противу перваго Правительства, казалося бы, не могло безъ наказанія остаться, но, напротивъ того, онъ не токмо Андреевскую ленту и похвальный указъ за сіе получилъ, но болѣе, что когда и Сенаторы стали себѣ присвоять честь сочиненія сея книги, изъясняя, что по ихъ повелѣнію она начата и для вышеписанныхъ причинъ, то за сіе гнѣвъ получили. Такая есть сія Окладная книга, которой часть и въ Каморъ-Коллегіи находится, то, слѣдственно, не можно еще сказать, чтобы сей частію сея Коллегія въ совершенство была приведена. Впрочемъ, окромѣ страстей людскихъ и зловреднаго откупу, не можно сказать, чтобъ Каморъ - Коллегія худыя основанія имѣла.

Юстицъ-Коллегія въ Москвѣ. Она судитъ всѣ дѣла криминальныя и по апеляціямъ судныя дѣла. Сіе важное мѣсто съ трудомъ бы могло быть управляемо, естьли бы ясные были законы и естьли бы судьи искусны были въ наукѣ оныхъ. То коль наипаче сіе есть трудно, когда смѣшеніе противурѣчащихъ и безъ системы сдѣланныхъ законовъ въ недоумѣніе самаго лучшаго судью могутъ оставить, а тѣмъ болѣе такихъ, которые съ трудомъ и грамотѣ умѣютъ. Но о томъ, что касается

до законовъ, я буду въ концѣ сея статьи говорить.

Есть еще другая Юстицъ-Коллегія для Лифляндскихъ и Естляндскихъ дѣлъ при общемъ Департаментѣ для Бѣлорусскихъ дѣлъ. Въ сей Коллегіи дѣла отправляются по Нѣмецки, а въ Департаментѣ по Русски. Сія Коллегія касательно до Лифляндскихъ, Естляндскихъ судитъ по ихъ привилегіямъ и законамъ, а чего въ ихъ законахъ недостаетъ, то заимствуютъ изъ Шведскихъ, Польскихъ, Любскихъ и Римскихъ законовъ, какъ сіе точно въ ихъ правѣ означено. Изъ чего часто происходитъ, что по единому дѣлу отвѣтчикъ по волѣ судьи можетъ быть и оправленъ, и обвиненъ, по тому, какъ оный восхочетъ, Польскія ли, Шведскія ли, или Римскія права, часто между собою противурѣчительныя, употребить для рѣшенія; то удивительно ли, что такое смѣшеніе и безпорядокъ подаетъ причину ко многимъ ябедамъ. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны Лифляндцы, жалуяся на недостатокъ своихъ правъ, просили о сдѣланіи имъ Уложенія, которое тогда же и написано было избранными отъ нихъ особами, но не было конфирмовано. Когда же въ 1767 году собрана была Коммисія для сочиненія Уложенія, тогда ихъ депутаты, примѣтя малую благосклонность во Дворѣ къ ихъ правамъ и привилегіямъ, предлагали, чтобъ въ разсмотрѣніе ихъ правъ не вступать, яко довольныхъ для сохраненія ихъ благо-

денствія, или бы, по крайней мѣрѣ, конфирмовать токмо ими сочиненное Уложеніе. Явное противурѣчіе: ибо естьли они довольны своими правами, то не для чего было о пересмотрѣніи ихъ просить. Сія Коммисія конца не имѣла, и такъ права и законы ихъ остались на прежнемъ основаніи. Сочиняемыя великія выписки ихъ правъ дѣлаютъ затрудненіе всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ дѣла Лифляндскія и Эстляндскія судимы бываютъ, а незнаніе исторіи сихъ правъ и причинъ ихъ учрежденія, да такъ же и дѣланные худые переводы, и паче умножаютъ сію трудность. Къ тому же сей народъ, бывъ пораженъ недовѣрчивостію на все то, что къ нимъ изъ Россійскихъ правительствъ идетъ, упорствуютъ во всемъ, что ихъ прежними обычаями, часто уже несовмѣстными съ нынѣшнимъ состояніемъ, утверждено. Въ примѣръ сему можно единое представить. Когда Лифляндія и Естляндія находилась подъ Шведскою державою, тогда по апеляціи взносимые въ Стокгольмъ дѣла повелѣно было переписывать и копіи, а не оригинальные акты, отсылать туда, для того, что какъ ихъ должно было перевозить черезъ моря, то опасалися погибели ихъ. Сіе обстоятельство миновалось, ибо въ Петербургъ оные сухимъ путемъ привозятъ. Вицъ-Президентъ сія Коллегіи, Бемеръ, человѣкъ посредственнаго разума, но довольно искусный въ правахъ и желающій что ни есть полезнаго сдѣлать, видя, что такіе акты, часто весьма ве-

ликіе, однимъ списаніемъ своимъ судящагося въ великой убытокъ приводятъ, такъ что разоренный человѣкъ иногда не аппелируетъ и за недостаткомъ своимъ списать сіи акты, да къ тому же и толь они худо списанные присылаются, что съ трудомъ ихъ можно прочесть, а иногда описками и разумъ вещи перемѣняется и ввергаетъ судью въ неизбѣжность несправедливую сентенцію заключить.

Сихъ ради причинъ помянутый Вицъ-Президентъ Бемеръ, представлялъ Сенату о отставленіи сего обычая, а тогда же и въ Гофъ-Герихтъ Лифляндской послалъ указъ, дабы впредь оригинальные акты присылали, въ чемъ, правда, онъ преступилъ границы своей власти, повелѣвая то, о чемъ еще дозволенія требовалъ. Но онъ, бывъ нелюбимъ Сенаторами, на предложеніе свое никакого рѣшенія не получилъ. Гофъ-Герихтъ, по своему упорству, жаловался Сенату объ отмѣненіи своихъ обычаевъ, за что Бемеру былъ посланъ выговоръ, и тако по нѣкоимъ страстямъ и околничнымъ причинамъ самыя лучшія намѣренія безъ дѣйствія остаются.

Каморъ-Коллегія Лифляндская и Финляндская. Сія Коллегія учреждена въ Петербургѣ, для збору съ гаковъ Лифляндскихъ и съ земель Финляндскихъ. 1) По древнимъ еще обычаямъ Лифляндіи, каждые пять лѣтъ должно дѣлать новыя ревизіи и перекладывать земли, и сіи зборы собираетъ сія Коллегія. 2) По древнимъ

же правамъ шляхетства Лифляндскаго, всѣ гаки Коронные отдаются на аренду, разбирая по чинамъ, прежде служившимъ Лифляндскимъ дворянамъ, по уставленной цѣнѣ, по шестидесяти, или по семидесяти рублевъ или Албертъ-талеровъ, смотря по качеству земли и по состоянію принадлежностей, да сверхъ того станціи или конной службы по 11 талеровъ 2 1/2 гроша, или 11 рублевъ 2 1/4 копѣйки, за Лифляндской гакъ, и по двадцати или тридцати рублевъ, взирая на состояніе гака, да цолнернскаго хлѣба и конной службы денегъ по 4 рубли 48 копѣекъ, за Естляндской или Езельской гаки около 24 рублевъ, да станціи и конной службы 4 рубли 20 копѣекъ. А какъ сіи гаки вдвое и втрое даютъ, то остальная прибыль въ пользу дворянъ обращается. При зборѣ такихъ денегъ вдругъ воспослѣдовала трудность, иль, лучше сказать, привязка Каморъ-Коллегіи, состоящая, что по учиненіи ревизіи, нашлося, что многіе построили корчмы, распахали земли и другія полезныя заведенія учинили, чѣмъ доходъ гаковъ умножился; то представлено было, дабы не токмо по симъ заведеніямъ число гаковъ приумножить, но и съ прежнихъ арендаторовъ, по сему числу приумноженія, арендныя деньги взыскать. Сенатъ сіе предложеніе принялъ и къ дѣйствію приступилъ, а сіе произвело неизчетное число утѣсненій и разореній, ибо многіе арендаторы уже померли или деньги прожили, не щитая, что бы должны

были, сверхъ положенной и контрактомъ утвержденной суммы, платить, то имѣніе ихъ подпало конфискаціи, и токмо плачь и вопль народной остановилъ исполненіе сіе, не отмѣня, однако, чтобы впредь оного не было. Тако желаніе выслужиться, или приватная злоба, производитъ часто несчастія народныя и такія неправосудія, которымъ едва можно повѣрить.

Выше я помянулъ, что сія же Коллегія собираетъ доходы и съ Финляндіи, то для сихъ за нужное я почитаю сообщить, на какомъ основаніи сіи доходы положены. Въ древнія времена Шведы учинили перепись и разборъ Финляндскимъ землямъ и раздѣлили ихъ на четыре градуса, смотря по добротѣ, полагая, что перваго градуса земля родитъ въ семь разъ, втораго градуса въ шесть разъ, третьяго градуса въ пять разъ, четвертаго градуса въ четыре раза, и по сему положенію участки крестьянскія земли разверстали; но учиненное положеніе съ сихъ земель учинили такъ велико, что и перваго градуса земля, по заплатѣ съ нее всѣхъ податей, оставляетъ рабочему человѣку, которыхъ 15 на участкѣ мужескаго и женскаго пола щитается, 1 бочку и гоколь, то есть, 8 четвериковъ 3/16, а въ прочихъ градусахъ земли еще и меньше. Сверхъ того, весь зборъ положенной состоитъ натурою вещей, и вещи въ толь дешевую цѣну положены, что хотя участокъ, или манталъ перваго, втораго и третьяго градусовъ земли и платитъ

25 рублевъ 92 копѣйки, а четвертаго 26 рублевъ 95 копѣекъ, но въ самомъ дѣлѣ выходитъ вдвое и втрое. И сіе у Шведовъ называлась Нилянская метода. Колико такой окладъ ни тягостенъ поселянамъ, но какъ они при отягощеніи находили и разныя увертки, то могли жить и съ нѣкоимъ достаткомъ. Между прочимъ увертокъ есть и то, что имѣютъ торперовъ, или бобылей, которые уже платежа не производятъ, и прилежаніе ихъ къ хлѣбопашеству и скотоводству вспомоществуетъ имъ въ семъ трудномъ платежѣ. Но какъ въ послѣднюю Шведскую войну пріобщена была къ Россійской державѣ Каменегорская провинція, разоренная нещастіями военными, для поправленія которыя дано было ей облегченіе платить половину податей, и сіе продолжаясь около тридцати лѣтъ, склонило Государыню помыслить ее въ общій съ другими окладъ привести. О семъ Ея Величество совѣтовала съ господиномъ тогда бывшимъ Губернскимъ Совѣтникомъ Калманомъ. Онъ предлагалъ, чтобы всю Финляндію перемежевать и, отставя Нилянскую методу, яко тягостную крестьянамъ, учинить гейматы числомъ болѣе земли, елико возможно уменьшить торперовъ или бобылей, и наконецъ обложить землю такимъ образомъ, чтобы давала довольный доходъ Коронѣ и оставляла бы достаточное пропитаніе поселянамъ. Для сего повелѣно было ему начать межеваніе, для котораго онъ изъ Швеціи выписалъ межевщиковъ,

и сіе самое было учинено, никакъ не соображаясь съ государственною политикою, запрещающею внутреннее положеніе мѣстъ чужестраннымъ показывать, а паче такого народа людямъ, отъ котораго сія земля была силою оружія отнята, и которые, конечно, всегда желаютъ ее къ себѣ возвратить. Конечно, на сіе мнѣ скажутъ, что потому, что сія земля отъ Швеціи была завоевана, они уже имѣютъ и прежде насъ карты сея страны; но кто не извѣстенъ, что самое состояніе земли, а паче толь гористой и лѣсистой, часто перемѣняется разрубленіемъ лѣсовъ, здѣланіемъ прежде небывалыхъ дорогъ, обсушкою болотъ, строеніемъ деревень и прочее. А сей перемѣны они и не могли имѣть, вмѣсто что чрезъ сихъ межевщиковъ все сіе имъ извѣстно стало, и они всегда могутъ оныхъ самыхъ и въ вожатые себѣ употребить въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя и намъ, владѣтелямъ страны, не весьма извѣстны. И тако, мимоходомъ учинивъ сіе примѣчаніе, возвращаюсь на предпріятое межеваніе господиномъ Калманомъ. Онъ его въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ изряднымъ успѣхомъ продолжалъ, и наконецъ требовалъ разсмотрѣнія его проекта, дабы, учиня окладъ уже нѣкоторымъ ѣздамъ, доказать дѣйствительную пользу, которая изъ сего можетъ произойтить, и повелѣно было членамъ Коммисіи о Коммерціи, въ присутствіи Калмана, сей проектъ разсмотрѣть; во многихъ годахъ мѣшканія, наконецъ, сей проектъ

въ 1774 году былъ разсмотрѣнъ и къ Государынѣ поднесенъ; но отъ нея отданъ еще на разсмотрѣніе въ третій Департаментъ Сенату. Сей Департаментъ, бывъ уже отягощенъ многими апелляціонными дѣлами по Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, такъ же по дѣламъ строеній и другими, съ трудомъ можетъ вниманіе свое обратить на сіе изъ щетовъ и тонкихъ соображеній сочиненное дѣло, и тѣмъ найпаче, что, кромѣ господина Теплова, который, бывъ членъ Коммисіи о Коммерціи, и въ оной сіе дѣло разсматривалъ, ни одинъ не имѣетъ прямаго понятія о правахъ и положеніи Финляндіи; и такъ сіе дѣло и по сей 1777 годъ лежитъ не окончено, да и неуповательно, чтобъ скоро ко окончанію пришло, а между тѣмъ временемъ Корона лишается доходовъ, а поселяне отъ худаго оклада претерпѣваютъ. Слѣдственно, пока не сдѣлается порядочное положеніе о доходахъ, то и ожидать не можно хорошаго правительства отъ сея Конторы.

Вотчинная Коллегія въ Москвѣ, которая имѣетъ свой Департаментъ въ С.-Петербургѣ, и какъ Коллегія, такъ и Департаментъ подсудны прямо Сенату. Сія Коллегія судитъ всѣ дѣла, касающіяся до наслѣдства и разныхъ укрѣпленій недвижимаго имѣнія, чего ради и архиву имѣетъ всѣхъ писцовыхъ старинныхъ книгъ, записей, записку купчей, ввозныя грамоты, и отказныхъ и межевыхъ книгъ, также и плановъ. Многіе есть недостатки во управленіи сего судебнаго мѣста, толь нужнаго для утвержденія собственности недвижимыхъ имѣній. 1) Множество законовъ противурѣчительныхъ. 2) Недостатокъ самыхъ оныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. 3) Безпорядокъ самыя архивы, которая отъ многихъ бывшихъ пожаровъ отчасти истреблена, или и воровствомъ расхищена; ибо сія архива, которая утверждаетъ благосостояніе многихъ родовъ, подъ толь часто худымъ смотрѣніемъ находится, что въ древнихъ грамотахъ находятъ способы дѣлать приправки, а иные и совсѣмъ выкрадываютъ, яко сіе по дѣлу Парманскаго и по нѣкоторымъ другимъ оказалось. Нынѣ вещи есть полезныя, которыя трудно выдумывать, но тѣ и часто на мысль встрѣчаются и могутъ учредить хорошій порядокъ; однако часто и самыя сіи, не взирая на ихъ легкое исполненіе, въ дѣйство рѣдко приведены бываютъ, яко можно сказать и о сей архивѣ Вотчинной Коллегіи. Всѣ единогласно на безпорядокъ ея жалуются, всѣ вопіютъ, что съ трудомъ дачи свои могутъ отыскать; чего же ради поправленія не дѣлаютъ? Теперь и настоитъ вопросъ: въ чемъ же сіе поправленіе долженствовало состоять? Отвѣтствую, въ слѣдующемъ: надлежитъ сдѣлать по азбукѣ два реестра всѣмъ деревнямъ и землямъ, находящимся въ Писцовой книгѣ и въ другихъ крѣпостяхъ, одинъ по имени владѣльцовъ, а другой по званіямъ селеній и пустошей, съ оставленіемъ

многихъ линеекъ пустыхъ противу всякаго названія и съ показаніемъ, о которой дачѣ, въ какомъ столбцѣ или книгѣ по № и по листамъ поминается. Ежели сіи недвижимыя имѣнія будутъ переходить за другихъ, то въ оставленныхъ пустыхъ линейкахъ и должно отмѣчать, что такія земли, по наслѣдству ли, по купчей ли, по закладу ли, или по чему другому, перешли за такого, въ такомъ году и крѣпости въ такомъ мѣстѣ въ архивѣ находятся. То имѣя такіе обстоятельные списки всѣмъ владѣніямъ, единымъ бы взглядомъ можно видѣть, за кѣмъ сколько недвижимаго имѣнія, и какъ оно переходило, и сіе бы облегчило справки, выписки и отысканіе по архивѣ, а притомъ бы упредило подложныя продажи и заклады.

Правда, есть еще помѣшательство въ запискѣ о земляхъ, нужной содержаться въ Вотчинной Коллегіи сіе есть положенная пошлина съ земель за всякую справку; деспотическое повелѣніе и беззаконный зборъ, яко показующій, что все имѣніе не есть подданныхъ, но Государево; ибо при всякомъ премѣненіи владѣльца должны платить нѣкоторую сумму Государю, и яко вторично покупать то, что уже давно пожаловано. И сіе дѣлаетъ, что гдѣ есть наслѣдственное безспорное владѣніе, тутъ и справокъ не дѣлаютъ, а недѣланіе такихъ справокъ и приключаетъ, что Вотчинная Коллегія и неизвѣстна, за кѣмъ имѣніе находится. Сіе я разумѣю по наслѣдству

о приходящемъ; ибо по купчимъ и другимъ крѣпостямъ не можетъ Коллегія неизвѣстна быть, потому что такія крѣпости всегда для вѣдома записываются въ Коллегіи. Но тогда какъ многіе зборы вѣрные отмѣняются, не лучше ли бы было отмѣнить сей мысленный, который въ самомъ дѣлѣ безчеститъ правленіе, дѣлаетъ безпорядокъ, а мало прибытку приноситъ? Однако, да не возразятъ мнѣ сію трудность, яко бы не можно было вышепомянутыхъ списковъ вѣрныхъ имѣть; я уже сказалъ, что сіе касается токмо до приходящихъ по наслѣдству имѣній, а не до тѣхъ, которые по купчимъ и другимъ крѣпостямъ переходятъ, и слѣдственно, какой бы и случился въ семъ недостатокъ, онъ бы важенъ быть не могъ, а впрочемъ бы сіи списки вѣрны и полезны были.

Великая трудность еще есть въ Россіи, что всякій владѣлецъ, желающій справить за собою недвижимое имѣніе, и изъ дальныхъ губерній долженъ пріѣзжать въ Москву. Неудобность сія усмотрѣна была еще Петромъ Великимъ, который и повелѣлъ тогда архиву развести по губерніямъ, и сіе исполнено тогда было. Но не толь легко есть сдѣлать именованіе архивы, и положить въ нее надлежащія письмы, сколь сдѣлать порядочное о семъ учрежденіе, а паче учредить и исполненіе сего порядку. Архивы были развезены, но не изготовлены были ни пристойныя строенія, ни довольно вѣрные и исправные люди, такъ что отъ

самаго сего произошло, что многія архивы погнили, погорѣли и были раскрадены въ пользу тѣхъ, которые находили себѣ пользу таковыя письма выкрадывать; и самымъ испытаніемъ наученъ, Петръ же Великій, по прежнему повелѣлъ всѣ архивы крѣпостей на недвижимыя деревни собрать въ Вотчинную Коллегію, и не токмо повелѣлъ всѣмъ о справкѣ за собою сихъ имѣній просить въ сей Коллегіи, но даже узаконилъ, что хотя бы какое недвижимое имѣніе въ двои руки было продано иль заложено, то крѣпость должна предпочтительной и старшей почитаться, которая прежде въ Вотчинной Коллегіи явлена.

Видно, что нынѣ царствующая надъ нами Государыня, ясно усматривая затрудненіе дворянъ ѣздить ради справокъ въ Москву, имѣетъ намѣреніе по прежнему справки деревень позволить въ Намѣстничествахъ, чего ради и архивы для такихъ дѣлъ по Намѣстничествамъ учредить. Но предпріемлетъ сіе гораздо съ лучшимъ противу прежняго основаніемъ, а именно, учреждаетъ повсюду нужныя строенія для сохраненія сихъ архивъ. Депертаменты Вотчинные подъ именемъ Гражданскія Палаты для Вотчинныхъ дѣлъ учреждаются, которые и будутъ имѣть должность хранить всѣ таковыя крѣпости. Архива Вотчинной Коллегіи не раздѣляется, и тако не подвергнутся къ погибели, но токмо копіи съ писцовыхъ книгъ въ Намѣстничествы даются, нежели какое случится дѣло по

чьему челобитью, то берется справка изъ Вотчинной Коллегіи, и сіе въ новоучрежденной архивѣ остается, что со временемъ все сіе можетъ сіи архивы пополнить и сдѣлать ихъ достаточными для разобранія нѣкоторой древности дѣлъ, а Вотчинная архива останется, яко хранилище общее Государственное, для вящшей древности всего. Учреждаются межевщики, которые свои планы и межевыя книги имѣютъ должность отдавать какъ въ Гражданскую Палату, такъ въ Межевую Контору и въ Вотчинную Коллегію, чрезъ что право владѣнія утверждается, по которому и впредь случающіяся дѣла рѣшиться могутъ такъ, какъ до нынѣ по Писцовой Книгѣ рѣшились. Недостаетъ токмо повелѣнія, дабы вышепомянутые реестры дѣлать въ столбахъ, съ означеніемъ перемѣнъ владѣльцевъ, но и сіе при добромъ Намѣстникѣ учредиться можетъ.

Тако кажется нынѣ всѣ надлежащія учрежденія для успѣху сего дѣла сдѣланы, и не токмо охуленія, но паче похвалы достойно. Но какъ я предприявъ описывать общее состояніе Россіи, долженъ всякое дѣло и частно и обще разсматривать, то не съ желаніемъ что охулить, ибо безпристрастіе есть первое правило, которое я тщуся наблюдать, и тако осмѣлюся сказать единое. Нѣстъ почти зла безъ нѣкоего добра. То правда, что крайнее было затрудненіе изъ дальныхъ губерній ѣздить дворянамъ справливать свои деревни; но сіе, съ другой

стороны, содержало нѣкоторое сообщеніе между дворянъ и разливало на нихъ изъ столицъ государственныхъ нѣкое просвѣщеніе, котораго обоего они лишатся, не имѣя уже нужды ни зачѣмъ въ столицы пріѣзжать. Тщетно надѣяться, чтобъ Намѣстникъ со своимъ дворомъ могъ поправить грубые нравы и учинить просвѣщеніе; сіе все происходящее отъ нѣкоей власти, будетъ принужденное, а что сами въ столицѣ перенимали, то было вольное; а сообщеніе между разныхъ губерній людей, привлекаемыхъ въ единую середку, и совсѣмъ уже стѣснится. Я осмѣлюся сказать, не стѣснитъ ли то и разума? Ибо кто знаетъ Казань и Москву, и знаетъ, что они суть единого владѣнія, единого Государя, и что польза единого града дѣйствіе на другихъ имѣетъ, тотъ, думаю, пространнѣе будетъ имѣть о общей пользѣ соображеніе, нежели тотъ, кто токмо единый изъ сихъ градовъ знаетъ, не дѣлая себѣ и воображеніе о другомъ. Сіе токмо для примѣчанія, яко бредъ мой, прилагаю.

К о м м е р ц ъ - К о л л е г і я, имѣетъ должность бдить о пользѣ торговли; сего ради она собираетъ всѣ вѣдомости о исходящихъ и входящихъ товарахъ, судитъ по контрактамъ и по другимъ, до торговли касающимся, дѣламъ; судитъ по силѣ трактата въ торговыхъ дѣлахъ Англичанъ, и даетъ наставленія и инструкціи Консуламъ, и имѣетъ съ ними переписку. Учрежденія ея, по настоящему состоянію тор-

говли, суть изрядны, хотя бы многое можно было прибавить; но какъ сiе къ самой торговлѣ принадлежитъ, то тогда о семъ и будетъ изъясненiе. Однако, въ настоящемъ положенiи не могу я умолчать, что естьли то правда, какъ думаю, что никто сему оспорить не можетъ, что торговыя дѣла не терпятъ замедленiя, то, кажется, дозволенная апеляцiя на рѣшенiя Коммерцъ-Коллегiи отъ правила сего отступаетъ. Мнѣ, думаю, многiе на сiе возразятъ, что какъ я хочу единое сiе мѣсто сдѣлать безъ апеляцiи, и тѣмъ имѣнiе и благосостоянiе многихъ торгующихъ предать на недоумѣнiе, а иногда и на пристрастiе Коммерцъ-Коллегiи судей. Сохрани мя, Боже, таковыя мысли имѣть! Я почитаю апеляцiю затруднительною для торгующихъ, но совеѣмъ ее не отвергаю, и для того, съ одной стороны, стараюсь сохранить имѣнiе и благосостоянiе купцовъ, и удержать несправедливыя, или съ недоумѣнiемъ учиненныя, рѣшенiя Коммерцъ-Коллегiи, а съ другой и продостеречись отъ замедленiя, каковое сiи дѣла въ Сенатѣ претерпѣваютъ. Множество есть на сiе способовъ, и между многими, представшими мнѣ, сей мнѣ кажется единый изъ лучшихъ, чтобъ всегда Президентъ сея Коллегiи имѣлъ присутствiе въ Сенатѣ, и въ случаѣ какого такого рѣшенiя сея Коллегiи, которымъ кто изъ просителей есть недоволенъ, то бы могъ недовольный особливою своею запискою представить то Президенту, съ означенiемъ числа въ запискѣ, который,

разсмотря сiе дѣло вторично, въ самую туже недѣлю, представитъ его въ Сенатъ, яко требуя совѣту въ трудности сего дѣла, и Сенаторы того Департамента, не яко опредѣленiе, но яко совѣтъ, должны собрату своему подписать; почему уже дѣло къ самому исполненiю идетъ; и симъ скорѣе дѣла по исполненiю дойдутъ, будутъ рѣшены по коммерческимъ правиламъ, и честь Президентская во всякомъ случаѣ терпѣть не можетъ. Однако, въ случаѣ еще неудовольствiя, воленъ недовольный подавать апеляцiонную челобитную на Коллегiю и на Президента, показуя, что въ Сенатѣ не все дѣло его было объяснено, и исполня сперва по рѣшенiю дѣла, и тогда уже Президентъ и Коллегiя, яко приватные люди, съ нимъ будутъ судиться. А естьли въ семъ разнорядкѣ опасаться страстей и упрежденiй, то и въ нынѣшнемъ положенiи они быть могутъ, токмо съ тою разностiю, что нынѣ почти всякое дѣло наноситъ правому волокитою убытокъ, а тогда, по крайней мѣрѣ, менѣе дѣлъ къ волокитѣ подвергнуты будутъ.

Бергъ-Коллегiя. Я уже выше изъяснился, чтобы прямое мѣсто Бергъ-Коллегiи надлежало быть въ Екатеринбургѣ. Но какъ я долженъ нынѣ говорить о томъ, какъ сiе правительство есть, то и въ семъ случаѣ многое нахожу еще недостаточно. 1) Бергъ-Коллегiя должна, по званiю своему, общее свѣдѣнiе имѣть о всѣхъ обрѣтающихся минералахъ въ Россiйской

Имперiи; но имѣетъ ли она сiе? Нѣтъ; напротивъ того, сдѣланный раздѣлъ ея правительства есть естественная причина сего недостатку. Ибо Колывано-Воскресенскiе заводы отъ нея отдѣлены, и не токмо не даютъ ей никакого свѣдѣнiя о состоянiи сихъ заводовъ и о рудахъ, но ниже не допускаютъ сiю Коллегiю и малаго свѣдѣнiя о сихъ заводахъ имѣть. 2) Промыслъ цвѣтныхъ камней и марморовъ такъ же отъ нея отдѣленъ, гдѣ она такъ же свѣдѣнiя никакого имѣть не можетъ, хотя слои камней и часто бываютъ вѣрнымъ признакомъ богатыхъ рудъ. Примѣръ таковыхъ поступковъ въ разсужденiи Бергъ-Коллегiи отъ Адама Васильевича Олсуфьева, Начальника Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, и Ивана Ивановича Бецкаго, Начальника промысловъ цвѣтныхъ камней предложу. Прежде были посыланы офицеры отъ Бергъ-Коллегiи для описанiя рудниковъ, которые не токмо были не допущены до разсмотрѣнiя Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, но и съ безчестiемъ оттуда выгнаны, а въ семъ 1777 году Коллегiя опредѣлила послать офицера Шурлина описать всѣ рудники и промыслы, съ показанiемъ произвожденiя всѣхъ работъ, и хотя требовала отъ вышепомянутыхъ двухъ особъ, Олсуфьева и Бецкаго, о допущенiи его на порученные въ ихъ вѣдомство заводы, но отъ Олсуфьева никакого отвѣту не получила, что разумѣется отказъ, а отъ Бецкаго получила отвѣтъ совсѣмъ другаго разу-

му, нежели какое было требованiе, и посему ясно есть, не въ разныя ли части сiе, долженствующее нераздѣленно быть единое правленiе, раздѣлено?

Потребно было бы, чтобы Бергъ-Коллегiя не токмо имѣла, но и всякiй бы годъ получала дополненiя о всѣхъ рудникахъ, гдѣ какъ работа происходитъ; но сего и по нынѣ не учинено или отъ недостатку тщанiя, или отъ упрямства находящихъ себѣ защищенiе богатыхъ заводчиковъ; а не имѣя таковыхъ вѣрныхъ извѣстiй ни о рудахъ, ни о происходимой работѣ, ни о лѣсахъ, не можетъ и расположенiя свои, какъ токмо по нечаянности, дѣлать.

Кажется, кабинетъ минеральной есть вещь необходимая для Бергъ-Коллегiи;—оной и начатъ собираться. Но самое сiе собранiе доказуетъ несовершенства управленiя сея Коллегiи. Кабинетъ разобранъ ученымъ образомъ по системѣ Порштета, но не политическимъ. Я говорю, что классы и роды по системѣ Минералогiи разобраны, и только означено, съ какихъ заводовъ какой штуфъ, но не показано въ реестрѣ, съ какой глубины, въ какого рода землѣ, каждый изъ нихъ находится, и сплошная ли она такая идетъ, или съ перемѣнами, и прочими примѣчанiями, до горъ касающимися.

При Бергъ-Коллегiи находится Монетный Департаментъ, которой, имѣя должность раздѣлять металлы и бить деньги, въ сей части не токмо порядочно должность свою исполняетъ, но

может статься, что и лучше, нежели во многих других мѣстах сіе производится; ибо бывшій Президент Берг-Коллегіи, Г-н Шлахтер, муж, присоединяющій великое испытаніе к наукѣ, до такого совершенства сплавливаніе, раздѣленіе металлов и машины для битья металла довел, что врядъ возможно ли больше требовать. Но достойно есть удивленія, что въ таком государствѣ, гдѣ толь великое число публичных зданій строят, не подумают, чтобы здѣлать Монетный двор, гдѣ-б покои были порядочны, люди бы от тѣсноты и низкости покоев не задыхалися, чтоб сырость с полов не входила, гдѣ-б способом водою дѣйствующих машин постаралися уменьшить дороговизну работы: вещи, о которых не однажды представлял покойный сей Коллегіи Президент, Граф Аполос Епафралитыч Мусин-Пушкин; однако, все сіе по сю пору неисполнено, а сей Департамент со всѣми работами остается въ низких, неудобных и сырых казармах Петропавловской крѣпости.

Говоря о Берг-Коллегіи, не можно мнѣ не упомянуть о учрежденном при оной Горном училищѣ. Сіе училище, что касается до производства наук, поелику я сам был на экзаменѣ, можно сказать, есть единое из лучших учрежденій; но въ разсужденіи его установленія, яко въ мѣстѣ отдаленном от всѣх горных промыслов, я не могу толико его похвалить; ибо вся наука производится теоретически, не видит ученик ни здѣланных шахт (ибо здѣланная миніатурная весьма малое изображеніе дѣйствительной дает), ни подлежащих спусков для воды, ни разных земляных укрѣпленій, ни штолнов, ни разных духовых и водяных колесъ, ни разных случаев, каковые въ настоящих минах бывают; не видит он завода, силы воды над колесами, ни укрѣпленія плотины, ни молотов, ни домен, ни силы огня, ни спуска и отдѣленія металла, ни рубки лѣсу, ни сженія уголья, и прочаго безчетнаго числа нужных къ познанію горному офицеру вещей, так что по долгой наукѣ, хотя с нѣкоторою теоріею и выйдет офицер, но еще должно ему стараться сызнова практикою переучаться; а всѣ знают, колико теорія забывчива, и потому неуповательно, чтоб сіе училище могло толикую пользу произвести, какую бы можно было от него ожидать, естьли бы оно было учреждено въ Екатеринбургѣ, гдѣ бы теорія немедленно с практикою соединялась.

Мануфактур-Коллегія. Сія Коллегія, мудро учрежденная Петром Великим для надзиранія над всѣми фабриками и мануфактурами и для побужденія оных, разными злоупотребленіями не токмо полезна, но и вредна учинилась. Первое зло произошло от несправедливаго растолкованія слова закона, что фабриканы по их дѣлам не подсудны нигдѣ индѣ, как токмо въ Манифактур-Коллегіи. Сіе и должно бы разумѣться по их дѣлам, сирѣчь мануфактурным, то есть, въ их добротѣ товаров, въ спорѣ въ нужных для фабрик и прочаго подобнаго, которые нигдѣ индѣ не могут быть суждены, как въ таком мѣстѣ, гдѣ должно почитать, что сіи дѣла и вещи знаемы, и так сказать, чтоб судьи учили сію часть. Но сіе бы не прибыльно было, и для того вздумали распространить сіе право на особы и на имѣніе, и почти на всякія дѣла, из чего и произошло, что Мануфактур-Коллегія сдѣлалась Судным Приказом и Вотчинною Коллегіею; зачали въ ней суды говорить, зачали имѣнія искать, за все стали взятки брать, а от главнаго предмета ея установленія совсѣм отстали; судьи по регламенту ѣздят осматривать фабрики, но какіе судьи? Судьи, не имѣющіе ни смысла, ни вкуса, ѣздят токмо брать взятки и пить у фабриканов. Роздали деньги по страстям, смѣшали мануфактуры с рукодѣльями, для данія каждому фабриканских привилегій, и разрушили все. Оставалась хотя тѣнь еще Мануфактур-Коллегіи, но видя такія злоупотребленія, Государыня восхотѣла вдруг сдѣлать вольные ремеслы, позволя каждому въ домах работать, особливым и точным указом; а как уже Мануфактур-Коллегіи за сими не можно надзираніе имѣть, то и въ самом своем предметѣ она упала, а тогда же худыми и дешевыми мастерствами хорошія фабрики стали подрывать, а самым же сим, крестьяне сдѣлавшись ткачами, и земледѣльство нѣкоторое ослабленіе почувствовало.

Разсмотрим, какого же бы поправленія требовала Мануфактур-Коллегія? Никакого иного, как чтобы ей не быть, а быть, вмѣсто того, Генерал-Директору над фабриками, мужу честному, имѣющему вкус, знающему въ таких работах и искусствах, который бы наблюдал из своей канцеляріи о добротѣ товаров, давал бы им наставленія, как лучше их производить, подпирал бы силою их прозьбы у Двора дѣла бы, до гражданства касающіяся, оставил быть сужденными въ обыкновенных судебных мѣстах а дѣла бы по их ремеслам рѣшил с совѣту людей знающих и самих фабриканов, наконец, имѣл бы право давать награжденія тѣм, которые лучше производят работу, и имѣл бы знаніе и сообщеніе с коммерческим правленіем, дабы положеніе мануфактур с общим положеніем торговли согласить.

Коллегія Економіи. Имя сея Коллегіи показует ея должность, то есть, домостроительство во всѣх, ввѣренных въ правленіе ей, прежде бывших Монастырских и Архіерейских деревнях. Я не вступаю уже въ разсмотрѣніе того, что могла ли Корона лишить монастыри тѣх деревень, которыя они от набожія приватных людей получили? Сіи деревни были отданы въ монастыри для поминовенія душ дателей и, слѣдственно, с нѣ-

коимъ родомъ условія. Духовенство по новымъ духовнымъ штатамъ убавлено, многіе монастыри упразднены, поминовеніе престало, а деревни не къ тѣмъ возвратились, которыхъ предки разорили для сысканія рая души своей. Сверхъ того, скорое желаніе отнять сіи деревни у духовнаго чину здѣлало, что, не взявъ обстоятельнаго извѣстія о нихъ, вдругъ все насовали, отъ чего великіе конскіе и скотскіе заводы разорились, яко Архіерейской въ Ростовѣ, которымъ многіе уѣзды довольствовались, и котораго, наконецъ, прекрасныя кобылы, запаршивленныя, не имѣя лѣтомъ ни корму (ибо луга всѣ стали отданы крестьянамъ), ни присмотру, осенью на живодерню изъ Бѣлогостицкаго монастыря продавались; мельницы опустились, лѣса многіе стали истреблены, пруды спущены и рыба распродана; земля не токмо кругъ монастырей, куда изъ вотчинъ приходили работники, осталась не запахана, но и почти во всѣхъ деревняхъ, гдѣ была монастырская пашня, а гдѣ и запахана осталась, и тутъ не такъ удобрена, какъ прежде была; заготовленные магазейны хлѣба монастырскаго стали раскрадены и за безцѣнокъ проданы; и я слышалъ въ то время нѣкоторыхъ безумныхъ людей, похваляющихъ сіе учрежденіе и приписующихъ дешевизну хлѣбную къ отнятію деревень у монастырей, яко бы крестьяне сами стали болѣе къ хлѣбопашеству прилежать, и отъ того хлѣбъ вздешевѣлъ, вмѣсто, что въ самомъ дѣлѣ сіе было то, что отъ многихъ лѣтъ скопленной хлѣбъ безумно и за безцѣнокъ продали. И самое дѣйствіе оказало, что сіе отнятіе деревень у монастырей уменьшило хлѣбопашество; ибо съ самаго сего времени сталъ хлѣбъ во всей Россіи дорожать; и, наконецъ, безъ всякаго разсмотрѣнія ни выгодъ, ни мѣста, положили всѣ сіи деревни на оброкъ по полтора рубли съ души. Все сіе учинено было учрежденной тогда при Дворѣ Коммисіей, состоящею, сколько я упомню, изъ Новогородскаго Архіерея Димитрія Сѣченова, мужа ученаго, но честолюбиваго, который былъ бѣсновѣръ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, атеистъ и некающійся, не взирая на свой санъ, при Екатеринѣ II-й, и во всемъ желающій послѣдовать изволенію Двора; Князя Сергѣя Васильевича Гагарина, человѣка, знающаго мелкую економію приватнаго человѣка, но впрочемъ совершеннаго безбожника, презирающаго всякій законъ, не сдѣлавъ о немъ разсмотрѣнія, глупаго и труса Двору; Григорія Николаевича Теплова, человѣка умнаго и искуснаго, который и содержалъ, что такое положеніе токмо на первой случай можетъ служить; не предвидѣлъ ли онъ, или не хотѣлъ предвидѣть, какія злы и въ самомъ началѣ могутъ отъ сего произойти; но уповательно, что также угождалъ Двору, хотя нынѣ отъ сего отрекается, яко доказуетъ его голосъ, подданный въ Сенатскій Компитетъ, о причинѣ дороговизны хлѣба въ Россіи; Князя Бориса Александровича Куракина, человѣка молодаго, умнаго, честолюбиваго и желающаго быть учредителемъ Коллегіи Економіи, чего ради, хотя притомъ еще малое знаніе въ домостроительствѣ имѣлъ, поступалъ на все, для достиженія своего предмета.

Сія-то коммисія, толь хорошо составленная и по такимъ видамъ дѣйствующая, отняла на Государя всѣ церковныя имѣнія и учредила Коллегію Економіи, куда и былъ посаженъ Президентомъ вышеписанный Князь Куракинъ. Должность сей Коллегіи состоитъ, собирать положенные оброки съ деревень, отдавать въ наймы земли и мельницы, употреблять сіи деньги на жалованье по штатамъ духовному чину, и на другія ассигнованныя мѣста, что называютъ богоугодными дѣлами, хотя въ самомъ дѣлѣ они суть славолюбныя. Послѣ еще прибавили по полтинѣ на душу, и завели винныя варницы не економически, но на обрядѣ купецкомъ. Сія же Коллегія опредѣляетъ казначеевъ къ каждымъ пяти или шести тысячамъ душамъ, давая имъ по 60 рублей жалованья.

Но въ чемъ бы казалась состоять прямая должность сея Коллегіи, а именно сдѣлать: 1) обстоятельное и вѣрное описаніе всѣхъ, находящихся подъ смотрѣніемъ ея, имѣній; 2) по симъ сдѣлать нужныя расположенія, единые опредѣлить на пашню, учредя тутъ нужные скотскіе заводы, и, давъ приличное наставленіе, какимъ образомъ съ такими вотчинами поступать *); сдѣлать распоряженія о лѣсахъ по расчисткѣ ихъ; 4) о мельницахъ и другихъ заведеніяхъ; 5) завести вездѣ магазейны и нѣкоторыя запасныя суммы денежныя, и первые бы служили на ссуду бѣдныхъ крестьянъ и для подмоги Коронѣ въ случаѣ нужды, а вторые такъ же бы служили на подмогу крестьянамъ, дабы, при правежѣ оброка, они съ дорогими процентами не принуждены были занимать.

Однако, ничего сего не дѣлало, и посыланные казначеи и управители, имѣя иногда излишнюю, а иногда ограниченную, власть, или сами крестьянъ разоряютъ, или крестьянамъ же крестьянъ разорять даютъ, а паче въ рекрутскихъ наборахъ. Казалося бы мнѣ, что въ таковыхъ обстоятельствахъ, для сохраненія благосостоянія крестьянъ, всего бы лучше было позволить имъ самимъ избирать себѣ опекуновъ ежегодно, которымъ бы и нѣкоторое жалованье давали. Естьли опекунъ хорошъ, онъ и всегда бы, получая нѣкоторое награжденіе, и къ чести своей могъ у нихъ пребыть; а ежели онъ дуренъ, то бы выборомъ другаго не токмо могли са-

*) Испытаніе многимъ доказало, что часто пахатныя деревни и ничего не даютъ своимъ хозяевамъ, естьли хорошаго смотрѣнія за пашнею нѣтъ, и для того, въ разсужденіи Государевыхъ деревень, можно два способа употребить: 1) по заведеніи заводовъ препоручить ихъ какому ближнему дворянину, съ показаніемъ всей должности крестьянской, означая ему, какую изъ приобрѣтеннаго доходу должно прибыль въ жалованье себѣ получать; 2) отдать землю крестьянамъ, положа, по числу оныя, съ нихъ, вмѣсто оброка, хлѣбъ, то бы сіе самое ихъ къ хлѣбопашеству склоняло.

ми его смѣнить, но и просить на него. Но все сіе должно быть мудро расположено, кому выбирать, и кому смѣнять, и какову правленію быть; ибо мысли людскія не суть одинаковы, и для того правилами ихъ должно утвердить.

Опасное дѣло, но не можно сказать, чтобъ было дѣло невозможное, раздробя деревни, отдать ихъ на аренду: сіе бы послужило къ поправленію состоянія множества бѣдныхъ дворянъ, и ко умноженію Государственныя економіи; но 1) надлежитъ сіе учрежденіе о арендахъ не съ духомъ деспотичества и пристрастія дѣлать, и 2) лучше бы было начать сіе опробовать малымъ числомъ, дабы и людей къ содержанію арендъ приучить.

Медицынская Коллегія. Сія Коллегія имѣетъ особливое надзираніе о всемъ томъ, что до врачебной науки касается, и хотя не раздѣлена въ два Департамента, однако въ самомъ дѣлѣ двѣ различныя должности имѣетъ. 1) Коллегія, въ которой обрѣтается Президентъ не докторъ и не ученой человѣкъ, но кто по фаверу посажденный, и члены, которые суть доктора, лѣкари, и аптекарь, надзираетъ обще о всемъ, что касается до врачебныя науки; 2) Президентъ, не знающій въ той наукѣ, особливо надзираетъ о економіи и объ употребляемой казнѣ отъ Государя. Но должно еще разсмотрѣть, имѣетъ ли она довольно власти и возможности, дабы первое исполнять. Члены ея екзаменуютъ пріѣзжающихъ лѣ-

карей и докторовъ и даютъ имъ право лечить; екзаменуютъ учившихся въ Россійскихъ гошпиталяхъ лѣкарей, и, не имѣя никакого права, по именному указу, сдѣлала докторомъ Штабъ-Лѣкаря Ореуса. Но такая Коллегія не должна ли бы имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ какое училище, гдѣ бы люди не токмо учились докторству и лѣкарству, но учились бы и нужнымъ языкамъ, нѣкоторымъ образомъ посвященнымъ и наукѣ врачебной, чтобы она давала наставленія къ произвожденію курсовъ разныхъ сихъ наукъ, и потомъ бы выучившихся экзаменовала, и давала по содержаніи ими тезисовъ, градусы докторовъ, опредѣляла бы молодыхъ людей на нѣсколько лѣтъ, быть подъ смотрѣніемъ старыхъ и искусныхъ докторовъ? Сего всего нѣтъ, а между тѣмъ временемъ лишь только чужестранные, иль въ чужихъ краяхъ выучившіеся, во время самой науки своей предубѣжденные нѣкоторыми мыслями, часто несходственными съ нашимъ климатомъ, насъ лечатъ и морятъ. О второй части сея Коллегіи и говорить нечего: ибо хорошъ Президентъ, хороша и економія; худъ Президентъ, и економія худа.

Малороссійская Коллегія. Когда Малороссія сама собою управлялась, тогда при Гетманѣ были чиновники, которые обще, по ихъ правамъ и привилегіямъ, судили (дѣло) доходящія до верхняго ихъ суда; и какъ Гетманъ Хмельницкій и подъ власть Россійскую со всею Малороссіей поддался, то все тоже

право и порядокъ оставлено было. Но когда бунтъ Мазепинъ показалъ, колико власть Гетманская можетъ предосудительна Россіи быть, тогда хотя въ разсужденіи тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствъ и не осмѣлились вдругъ чина Гетманскаго отмѣнить, но вскорѣ потомъ, послѣ смерти Гетмана Апостола, уже Малороссійцевъ до новаго выбору Гетмана не допустили, а вмѣсто того, для вышняго суда и расправы, учредили Малороссійскую Коллегію, надъ которой главный тогда былъ Князь Алексѣй Ивановичь Шаховской, прочіе же члены состояли изъ Малороссійскихъ чиновниковъ, яко: Генеральнаго Обознаго, Генеральнаго Писаря, и прочихъ, которые по Малороссійскому праву должны сочинять Совѣтъ Гетманскій. Перемѣна обстоятельствъ и вездѣ производитъ перемѣну въ правительствѣ, но въ деспотическомъ правленіи своенравіе Государя и разныя его страсти, не взирая на пользу народную и на права, оное, можно сказать, коверкаютъ. Любимецъ былъ Императрицы Елисаветы Петровны Алексѣй Григорьевичь Разумовскій, произшедшій изъ Казаковъ Малороссійскихъ, началъ быть пѣвчимъ при ея дворѣ, достигъ до совершенной ея милости, потомъ при Цесаревнинскомъ ея дворѣ былъ Гофъ-Интендантомъ, и по возшествіи ея на престолъ вдругъ великіе придворные чины, ленты, графство и богатство получилъ; надлежало сего любимца возвысить родъ. Братъ его, Кирилла Гри-

горьевичъ, отъ паствы стада былъ взятъ, привезенъ въ Петербургъ, пожалованъ въ Камеръ-Юнкеры, посланъ, подъ присмотромъ Григорья Николаевича Теплова, тогда бывшаго съ чиномъ Ассессорскимъ при Академіи, въ чужіе краи, чтобы грубость Казацкую съ него посбить; по возвращеніи своемъ пожалованъ былъ Каммергеромъ и Подполковникомъ Гвардіи Измайловскаго полку, женепъ на дочери Ивана Львовича Нарышкина, на Катеринѣ Ивановнѣ, свойственницѣ Государской, за которою двадцать тысячь душъ въ приданное получилъ, и Иванъ Симоновичь Гендриковъ посланъ въ Украйну, чтобъ его радой, или собраніемъ Малороссійцовъ, выбрать въ Гетманы. Хотя сей народъ вольной, имѣвшій свои права и привилегіи, и не хотѣлъ, имѣя множество знатныхъ своихъ согражданъ, выбрать сего, изъ подлости произшедшаго, но угрозы, страхъ и нѣкоторымъ обѣщанія, сіи трудности превозмогли. Кирилла Разумовскій былъ выбранъ въ Малороссійскіе Гетманы и чрезъ самое сіе получилъ чинъ Фельдмаршальскій; а чинъ Гетманскій, соединенный съ милостію отъ Двора, сдѣлалъ его, яко самодержавнаго Государя Малороссіи. Коллегія, учрежденная при Аннѣ Іоанновнѣ, рушилась, возобновилось старое Малороссійское Гетманское правленіе, но токмо однимъ видомъ, ибо уже ни правы, ни законы, ни обычаи болѣе силы не имѣли. Деревни стали отнимаемы, правы нарушаемы, и Малороссіянцы принуждены

были подъ тяжкимъ игомъ стенать. Однако Графъ Разумовскій Гетманъ, довольно бывъ просвѣщенъ, что бы совсѣмъ не полагаться на милость Двора, а паче по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, гдѣ перемѣна правленія долженствовала нѣкоторую перемѣну и въ его состояніи учинить, былъ великъ, почтенъ, ласканъ, но уже не братъ любимцовъ, котораго мѣсто при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ тогда занималъ Графъ, послѣ Имперской Князь, Григорій Григорьевичъ Орловъ. И тако началъ Гетманъ Разумовскій стараться сдѣлать себѣ партію въ Малороссіи, чрезъ которую бы могъ достигнуть, при жизни своей, сына своего, Алексѣя Кирилловича, при себѣ возвести въ Гетманы, и уже челобитная отъ народа была о томъ написана. Увѣряютъ, что мысли сіи издавна ему внушилъ Тепловъ, который, какъ они стали ко исполненію приходить, сдѣлался и доноситель на него. По семъ доносѣ, хотя сіе было весьма тайно, увѣряютъ, что былъ наряженъ судъ судить Гетмана, который, нашедши его виновна въ неприличныхъ подданному замыслахъ, клонящихся къ бунту, осудилъ его на смерть; но участіе, которое онъ имѣлъ въ возшествіи Императрицы Екатерины Алексѣевны на престолъ, политика ея, яко бы уважала царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны и ея любимцовъ, учинило, что его только принудили чинъ Гетманской сложить, однако, давъ ему въ

собственность всѣ на чинъ Гетманской принадлежащія деревни, и платя ему за другіе доходы, такъ что онъ, въ разсужденіи имущества своего, не токмо потерялъ, но выигралъ, а лишился токмо власти и почести Гетманской. И тако опять въ Малороссіи Гетмана не стало: вмѣсто Гетмана учредилась тутъ пока Малороссійская Коллегія, гдѣ присутствуетъ главнымъ Генералъ-Губернаторъ Малороссійской съ Русскими членами пополамъ, которые числомъ составляютъ восемь человѣкъ и съ президентомъ, то есть, Генералъ-Губернаторомъ, и девятый Прокуроръ; изъ коего числа Малороссійскіе чины суть: Генеральный Обозный, Генеральный Писарь, Генеральный Есаулъ, а прочіе суть Русскіе. Сверхъ сего, сіи чины Малороссійскіе, присутствующіе въ сей Коллегіи, имѣютъ чины Россійскіе, дабы сія равность чиновъ отвратила весь споръ въ предсѣдательствѣ; и наконецъ судитъ она во всемъ по Малороссійскимъ правамъ. Не входя во изъясненіе многихъ злоупотребленій, вкрадшихся въ сію Коллегію, яко суть вещи временныя и неизбѣжныя во всякомъ правительствѣ, скажу токмо, что я не могу не назвать сіе учрежденіе весьма мудрымъ и полезнымъ; ибо какъ Великороссійскіе наблюдаютъ, дабы Малороссійцы, яко люди, имѣющіе свои права и привилегіи особливыя, не распростерли ихъ далѣе своихъ границъ, такъ Малороссійскіе чины, извѣстные о своихъ законахъ, стараются ихъ защитить; а желалъ бы токмо я,

чтобъ для показанія, что не хотятъ утѣснить вольность сего самовольно поддавшагося Россіи народа, было больше равенства въ числѣ судей, а именно, чтобы щитая и Генералъ-Губернатора въ числѣ судей Великороссійскихъ, было бы точно тоже число, то есть, четыре Малороссійскихъ; и сіе конечно не сдѣлало бы никакого преимущества и излишней силы Малороссійцамъ; ибо окромѣ Прокурора, яко человѣка, особливо хранящаго интересы коронные, власть Генералъ-Губернатора, и въ случаѣ равенства голосовъ, всегда бы превозмогала.

Главный Магистратъ. Естьли кто читалъ регламентъ судебнаго мѣста, тотъ конечно долженъ признаться, что въ немъ весьма многое полезное изображено. Но какъ многія есть вещи такія въ немъ, которыя долженствовали быть временемъ и добрымъ устройствомъ исполнены, а другія, которыхъ исполненіе или отъ другихъ причинъ, или отъ новыхъ законовъ, зависитъ, то сіе мѣсто, долженствующее бы быть защитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбойниковъ, гдѣ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я нѣкоторые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были записаны въ цехи; а состояніе Россійскаго государства требуетъ, чтобы благородные имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ

нельзя удержать, да и нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужнаго и сходственнаго съ симъ обстоятельствомъ учрежденія нѣтъ. Запрещено крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торгуютъ или прибыль отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли—тѣмъ потеряется великое число денегъ, которыя нынѣ въ обращеніи и въ торгу, а не исключить, то купечество разоряется; законы старые пребываютъ, новые печатаются, другіе невѣдомые указы Магистрату именные о семъ даются, *) и не взирая на все, торгъ крестьянской продолжается. То не лучше ли бы порядочно сіе разсмотрѣть и, чего не можно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позволить? Въ Магистратѣ судятся вексельныя дѣла и дѣла о банкрутахъ, а полнаго вексельнаго уставу нѣтъ, а банкрутскаго и не бывало; два, или три, были сочинены, всѣми мѣстами апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Послѣдній былъ сочиненъ Коммисіей о Коммерціи, по долгомъ лежаніи, пере-

*) Во время бытности Вицъ-Президентомъ Князя Мещерскаго въ Магистратѣ въ Петербургѣ, запечаталъ опъ лавки, гдѣ крестьяне торгуютъ; велѣно было Теплову лавки распечатать, Мещерскаго побранить и Коммисіи о Коммерціи разсмотрѣть счетъ торгу крестьянскому, а до тѣхъ мѣстъ, пока она разсмотритъ и конфисковано будетъ, ничего не дѣлать о семъ торгу; а спустя лѣтъ съ десять, по тайному приказанію, Вице-Президентъ Дурасовъ, для подтвержденія исполненія старыхъ законовъ, ихъ выписавъ, напечаталъ, но торгъ такъ же производится.

смотриванъ Сенатомъ, то есть, мѣстомъ, ненавидящимъ Коммисію о Коммерціи; ибо Князь Вяземскій, Генералъ-Прокуроръ, сіе мѣсто ненавидитъ за то, что оно часто сопротивляется его, несходственнымъ съ правилами торговли предпріятіямъ; какъ поелику онъ имѣетъ наблюденіе и о доходахъ Государственныхъ. Самъ Сенатъ, учиня токмо малыя переправки, сей уставъ о банкрутахъ апробовалъ, за подписаніемъ своимъ и Коммисіи о Коммерціи, Императрицѣ въ 1774 году подалъ; но какъ она въ Кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространнѣйшее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпитъ.

Окончивъ описаніе мое о разныхъ правительствахъ, которыя Петромъ Великимъ и его наслѣдниками были учреждены, надлежитъ теперь нѣчто сказать о новой формѣ правительства, устанавляемой и отчасти уже въ нѣкоторыхъ губерніяхъ установленной. Установленіе сіе довольно всѣмъ извѣстно; и тако ни пространство сего труда не позволяетъ, ниже нужда требуетъ, въ большее пространство о содержащихся статьяхъ въ семъ учрежденіи писать, а довольно, кажется, предложить токмо тѣ главности, на которыхъ сіе учрежденіе основано—главности, которыя не извѣстны многимъ и самымъ тѣмъ, которые сію книгу читаютъ. 1) Дабы скорѣе дѣла могли быть рѣшены, учреждены въ каждомъ Намѣстничествѣ всѣ

судныя мѣста, которыя прежде въ Государствѣ находилися, то есть: Нижній Земскій Судъ вмѣсто Воеводской Канцеляріи, Комендантское или Городническое Правленіе вмѣсто Полиціи, Верхній Земскій Судъ, Гражданская Уголовная и Казенная Палаты вмѣсто Вотчинной, Юстицъ и Каморъ-Коллегіи. 2) Дабы пресѣчь преступленія въ самомъ началѣ учреждены Капитаны-Исправники, коихъ должность есть земскую полицію наблюдать, и нижнія и верхнія расправы. 3) Полезно есть, чтобъ всякой равными своими былъ суженъ; сего ради многіе судьи въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ и въ другихъ выбираются дворянами, другіе, яко для Магистратовъ, мѣщанами и купцами, и наконецъ, для Государственныхъ крестьянъ, въ нижнія расправы, самыми крестьянами. 4) Великое число народа или пространство страны дѣлаетъ затрудненіе въ управленіи; сего ради губерніи положены, чтобы не болѣе были, какъ отъ 200 до 300 тысячъ душъ, а округи или уѣзды отъ 20 до 30 тысячъ. 5) Надъ всѣмъ надъ симъ поставленъ Государевъ Намѣстникъ, которой не есть судья, но токмо понудитель, чтобъ всякой судья свою должность исполнялъ, а токмо въ дѣлахъ уголовныхъ, яко особливой важности, ему пересматривать повелѣно; онъ еще подъ собою имѣетъ Губернатора, или правителя, и Вице-Губернатора, или поручика. 6) Дабы власть судей всегда въ равновѣсіи была, то равнымъ образомъ они

и опредѣляются: единые, яко Намѣстникъ, Губернаторъ и Вицъ-Губернаторъ точно отъ Государя, другіе—по представленіямъ отъ Сената Государю, яко Предсѣдатели Палатъ и Верхняго Земскаго Суда, третіе—отъ Сената, яко Совѣтники и Ассессоры намѣстническаго правленія и палатъ, четвертые—по представленію Намѣстника въ Сенатъ обще съ намѣстническимъ правленіемъ, яко Президенты въ Магистратъ и Расправы и Городничіе, пятые—по выбору дворянства иль мѣщанъ, иль крестьянъ, однако съ конфирмаціею Намѣстника. 7) Для дѣлъ мировыхъ и для дѣлъ трудныхъ, гдѣ законы являются угнетать совѣсть, опредѣленъ Совѣстный Судъ по выбору судящихъ съ конфирмаціею Намѣстника. 8) Дабы пресѣчь апелляціи, положено полагать залоги въ штрафъ, естьли будетъ апеллировавшій обвиненъ. 9) Предводители учреждены рожденными опекунами всѣхъ сиротъ и людей безгласныхъ. 10) Повелѣно учредить школы, домы общаго призрѣнія, домы исправительные, опредѣлить докторовъ и лѣкарей, и прочее все, что въ просвѣщеннѣйшихъ земляхъ есть.

Вотъ планъ учрежденія, который весьма мудрымъ съ перваго виду кажется; но не все то золото, что блеститъ, а надлежитъ ему и прочія качествы, свойственныя сему металлу, имѣть; такъ и въ законодательствѣ, не Платонову Севарамбскую (?) республику должно сочинять, а дѣлать вещи свойственныя со страною, съ народомъ

и со всѣми обстоятельствами, и сіе въ семъ учрежденіи, не входя въ подробности, я и намѣренъ разсмотрѣть.

1. Умноженіе судебныхъ мѣстъ и судей, конечно, должно произвести скорѣйшее теченіе дѣлъ и удовольствіе обиженнымъ. Но когда и при маломъ числѣ судей жалуются многіе, что мало ихъ хорошихъ и право разумѣющихъ законъ, то гдѣ же взять большее число? И какъ тутъ хотятъ до безконечности умножить судей и надѣяться отъ нихъ прямаго правосудія, гдѣ нѣтъ ни собранныхъ всѣхъ правъ, гдѣ нѣтъ училищей, законовъ и гдѣ, наконецъ, мало людей правильно и грамотѣ умѣютъ, то изъ сего умноженія и выйдетъ, что хотя дѣла пойдутъ скорѣе, но не правѣе: одинъ поострѣе и поплутоватѣе всѣхъ переспоритъ; другое мѣсто должно будетъ исправлять дѣло, гдѣ не всѣ обстоятельства выведены, иль обратно отослать, отъ чего такъ же волокита и замедленіе выйдетъ. Въ бывшую послѣднюю язву въ Москвѣ великое число приказныхъ служителей померло, и изъ разныхъ мѣстъ Имперіи требуютъ приказныхъ служителей и для старыхъ мѣстъ; но когда сіе число стало удесятерено, гдѣ же взять приказныхъ служителей? Насажать изъ школъ несмысленныхъ? Въ нихъ пользы мало будетъ, а знающихъ нѣтъ и отъ незнанія ихъ другое замедленіе въ дѣлахъ происходитъ.

II. Земскій Исправникъ, яко бдящій о здоровьи, безопасности и покоѣ гражданъ, есть, конечно, чинъ, мудро

установленный, и не можно сказать, чтобъ сіе и не во время было сдѣлано; ибо толь важныя должности конечно требуютъ особливаго человѣка, дабы недреманнымъ окомъ на все взиралъ. Но токмо должно безпристрастно разсмотрѣть, такъ ли учрежденъ сей чинъ, и можетъ ли онъ то исполнять, что на него положено, и на сіе предписаны ему такія должности и толь генеральными изъясненіями, что найскуснѣйшій въ законахъ и въ наукѣ правленія найдетъ трудъ по сему ихъ исполнять, яко § 236 предписано ему исполнять должность свою съ доброхотствомъ и человѣколюбіемъ къ народу, съ осторожною кротостію, безъ ослабленія во всѣхъ дѣлахъ.

Вотъ малое число словъ, по которыя могутъ подать причину къ написанію великаго числа книгъ и безчетнаго числа противурѣчительныхъ диссертацій, естьли все сіе не будетъ точно означено и утверждено закономъ. Что такое доброхотство и человѣколюбіе къ народу? Что такое осторожность съ кротостію безъ ослабленія? И до коихъ мѣстъ каждое сіе качество простирается, и какъ единое другимъ должно быть смягчено? Трудные вопросы, для рѣшенія которыхъ врядъ найдутся ли и два юрисъ-консульта, во всемъ согласны. Должность Исправника есть великая и многотрудная, какъ въ статьяхъ должности его предписано; но сдѣлано ли ему побужденіе честолюбіемъ или деньгами? Нѣтъ; онъ написанъ быть девятаго классу, то

слѣдственно, естьли онъ Майоръ, не токмо чрезъ сіе что пріобрѣтаетъ, но и нѣкоторымъ образомъ теряетъ чинъ, а жалованья ему триста рублевъ, что въ разсужденіи его трудовъ и самаго убытка отъ поѣздовъ, не токмо прибыль, но разореніе приключитъ.

Нижняя расправа, учрежденная для ради суда однодворцевъ, черносошныхъ крестьянъ и другихъ крестьянъ Государевыхъ; но кто се сочиняетъ? Расправной судья, опредѣленной Намѣстническимъ правленіемъ, и четыре крестьянина или однодворца—засѣдатели. Вотъ желаніе равности, до неумѣренности доведенное, учинило, что изъ послѣдняго и непросвѣщеннѣйшаго рода людей судьи избираются, то либо грубостію своею отнимутъ власть у самаго главнаго главнаго судьи, либо онъ ими такъ овладѣетъ, что учинится деспотомъ; и сего ради, не лучше ли бы было, естьли бы, вмѣсто сихъ сочиненныхъ чиновъ, позволить имъ самимъ избирать себѣ ежегодно опекуновъ, со властію по прошествіи года смѣнять или продолжать ихъ?

III. Я уже сказалъ здѣсь выше, что хотя вредно избраніе крестьянами, людьми непросвѣщенными, изъ общества своего судей, прибавлю о крестьянахъ и то, что судьи крестьяне и ямщики, бывъ выбраны своими собратьями, и побывавъ въ судьяхъ, возгордѣютъ, отстанутъ отъ земледѣлія и тиранами другимъ своимъ собратьямъ учинятся. На сіе мнѣ можетъ быть скажутъ, яко бы я по страсти какой

говорилъ, и что сія опасность не должна превозмочь пользу быть каждому судиму равными себѣ; что самое сіе принудитъ крестьянъ болѣе побужденія для просвѣщенія своего имѣть, и что примѣръ Финляндіи доказуетъ, что крестьяне, побывавъ судьями, отъ земледѣлія не отстаютъ. На все сіе легко мнѣ отвѣтствовать. Конечно полезно есть каждому судиться равными себѣ, но въ чемъ сія полезность состоитъ? Въ томъ, чтобъ имѣть болѣе справедливости въ судѣ; а можетъ ли она быть отъ глупыхъ, грубыхъ и непросвѣщенныхъ людей? Не такъ легко и не такъ полезно просвѣтиться народу, какъ думаютъ; ибо малое просвѣщеніе введетъ токмо въ вящшія заблужденія и къ духу неподданства—а нужно **нравственное просвѣщеніе**—и сіе людей ученыхъ и нравы знающихъ не дѣлаетъ. Мы примѣръ сему видимъ: наши попы и церковники, имѣющіе малое просвѣщеніе безъ нравовъ, суть найвреднѣйшіе люди въ государствѣ: разбои, бунты, корчемства и прочее суть ихъ обыкновенныя преступле-

нія. И ежели народъ подлой просвѣтится и будетъ сравнивать тягости своихъ налоговъ съ пышностію Государя и Вельможъ, не зная, впрочемъ, ни нужды Государства, ни пользы самой пышности, тогда не будетъ ли онъ роптать за налоги, а наконецъ не произведетъ ли сіе и бунта? Финляндскіе крестьяне, побывавъ въ судьяхъ, отъ земледѣлія не отстаютъ; но сіе есть у нихъ самый лучшій промыселъ, и мѣщане ихъ въ свои промыслы не допускаютъ. Но въ Россіи, гдѣ крестьяне купечествуютъ и въ мѣщанскіе промыслы вступаютъ, да по нынѣшнему положенію и быть тако не можно, гдѣ хлѣбопашцы всѣхъ менѣе прибыли получаютъ, можетъ ли крестьянинъ, отвыкшій отъ сохи и наглядѣвшійся на сластолюбіе и промыслы городскіе, къ земледѣлію возвратиться? И тако отъ сихъ судей естественно число земледѣльцевъ, которыхъ и такъ уже мало, ежегодно будетъ убавляться. Я тоже...

(Здѣсь рукопись прерывается).

РАЗМЫШЛЕНІЯ

о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и въ офицеры *).

Не могу я безъ удивленія видѣть ощутительное противурѣчіе въ поступкахъ правительства отечества моего. Можетъ статься, нигдѣ видимаго такого стремленія не показуютъ къ размноженію торговли, нигдѣ столько не тщатся разными узаконеніями ее утвердить, но *нигдѣ же столько ее и не подрываютъ, какъ у насъ.*

Кто взглянетъ на сочиненное учрежденіе о плаваніи по рѣкамъ, о порядкѣ, какимъ образомъ должно храниться отъ пожару на биржи, и о привалѣ и отвалѣ судовъ съ пенькою, на данныя знатныя суммы Россійскому купечеству для размноженія торгу, на безпрерывное пребываніе Коммиссіи о коммерціи, не скажетъ ли, что въ такой странѣ, гдѣ толико о торговлѣ помышляютъ, оная должна процвѣтать и вскорѣ давать вѣсъ всей Европейской торговлѣ? Кто жъ поприлежнѣе вникнетъ въ ее обстоятельствы, тотъ увидитъ, что *она упадаетъ*, и часъ отъ часу упадать должна.

Нещетное множество есть вещей, которыя, яко малые источники воды, ее подкапываютъ, которыхъ бы описаніе и разсмотрѣніе великаго сочиненія требовало; и такъ, оставя оные, сокращуся я на единомъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, которой силою своею сіе еще нестройное зданіе долженъ разрушить и привести насъ, въ разсужденіи торговли, подъ власть тѣмъ націямъ, гдѣ меньше о торговлѣ пишутъ, но болѣе исполняютъ, и гдѣ честь торговца состоитъ въ его доброй вѣрѣ, пространствѣ торгу и капиталѣ, а не въ чинахъ.

Чины, говорю, *есть язва*, которая, заразивъ Россійскихъ купцовъ вреднымъ и обществу и имъ самимъ безуміемъ, совершенно разоряетъ Россійскую торговлю.

Я не думаю, чтобы кто не согласился на сіи истины, что количество капиталовъ и кредитъ суть главныя основанія торговли. А можетъ ли оно тутъ быть, гдѣ ежедневно большіе капиталы изъ обращенія торговли выхо-

*) Статья эта напечатана въ 1 книгѣ чтеній въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1860 г. (см. выше примѣчаніе на стр. 427—428).

дятъ? и можетъ ли тутъ быть кредитъ, гдѣ кореспондентъ, получа письмо отъ Россійскаго купца, въ отвѣтѣ своемъ долженъ усумниться, къ купцу ли, къ дворянину, или къ офицеру, оной дойдетъ. Надежда каждаго купца, входящаго въ богатство, быть вскорѣ офицеромъ или дворяниномъ, дѣлаетъ, что онъ торгъ, яко мимоходящее состояніе почитаетъ, и потому не тщится всѣхъ нужныхъ качествъ и знаній купцу пріобрѣсти, а симъ часто, не достигши своего предмета, и самъ разоряется.

Коль ни ясны суть сіи предположеніи, но я потщуся ихъ болѣе еще утвердить, какъ доказательствами, такъ и примѣрами. И, первое, начну говорить о вышедшихъ капиталахъ изъ торговли.

Естли мы разсмотримъ капиталы купцовъ, продающихъ товары при портахъ и покупающихъ оные, то ясно увидимъ, что у купечества нашего нѣтъ довольно капиталовъ, дабы своими собственными деньгами торгъ сей производить. Доказательство сему есть то, что на всѣ отпускаемые товары впередъ знатныя суммы забираютъ, и всѣ товары привозимые на кредитъ покупаютъ.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ на сіе, что сіе самое составляетъ кредитъ, но я въ семъ согласиться не могу. Ибо кредитъ есть отпущеніе съ платежемъ въ срокъ товаровъ, а не взятье третной или половинной суммы въ задатокъ; потому что кто отпускаетъ свои

товары въ долгъ на срокъ, хотя беретъ ростъ, но ростъ располагаетъ такой, каковой прилично положить на товары, то есть, щитая, что они у него могли залежаться, и щитая, что и самыми векселями, данными за товары, онъ можетъ торговать; но кто даетъ деньги впередъ, тотъ щитаетъ, что деньги, не могущія у него залежаться, изъ обращенія выходятъ, и можетъ по самой перемѣнѣ курсу потерять, и тако все сіе кладетъ на щетъ, а потому и даетъ ихъ впередъ, щитая великіе проценты. Что же касается до товаровъ, взятыхъ на кредитъ, то и оные на два рода должно различить. Выписыванные изъ чюжихъ краевъ съ платежемъ въ сроки, могутъ прямо кредитомъ почитаться, какъ я и выше сего изъяснилъ; но привезенные къ портамъ, гдѣ должны они или продаться, или промѣняться и составить новое обращеніе, несть полезной кредитъ купечеству; ибо и за сей кредитъ всегда гораздо лишніе проценты берутъ, а таковой кредитъ, и найпаче у насъ во употребленіи, и ежели разсмотримъ, какъ еще за оные деньги выплачиваются, каждую субботу чюжестранные купцы ходятъ въ Петербургѣ по Гостиному двору, собирая сколько можно за проданные товары съ ихъ должниковъ.

Все сіе вышеписанное я предложилъ, что Россійское купечество не имѣетъ довольно капиталовъ, чтобъ непосредственно собою, безъ займа денегъ у чюжестранныхъ, торгъ выпускомъ то-

варовъ производить, и само правительство опредѣленіемъ знатнаго числа денегъ для раздачи купцамъ съ умѣренными процентами, истину сію призна́ло. А потому, естли правительство раздачею коронныхъ денегъ тщится умножить капиталъ, обращающійся въ торгу, то за чемъ же другимъ образомъ тщится его убавлять и приводить въ оскудѣніе Россійскую торговлю?

Я паки подтверждаю, что Правительство само убавляетъ число денегъ, обращающееся въ торговлѣ, ибо давая безъ разбору дворянство и чины, всѣ таковыхъ капиталы изъ общей суммы торговли выходятъ. Не малую бы можно было написать тетрадь именъ тѣхъ богатѣйшихъ въ Россіи купцовъ, которые съ большими капиталами вышли изъ торговли; но какъ ни списка такого я не имѣю, ни всѣхъ упамятовать не могу, ниже подлинно знаю о числѣ ихъ капиталовъ, то имена тѣхъ, которыхъ я помню, и сколько подлинно слыхалъ я, что они имѣютъ капитала, здѣсь упомяну. Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ, Арменинъ, капиталу тогда имѣлъ до 500,000 рублевъ, пожалованъ въ дворяне, а потомъ нигдѣ не служа и богатяся самъ токмо переводомъ денегъ, пожалованъ въ Совѣтники. Логиновъ, бывшій Московской и Петербургской откупщикъ, пожалованъ въ штабъ-офицеры; капиталъ его состоялъ до милліона. Барышниковъ, бывшій откупщикъ Московской, онаго имѣлъ до милліону;

Лукинъ, бывшій откупщикъ Московской, онаго имѣлъ болѣе 500,000; Мѣщаниновъ онаго имѣетъ до 500,000; Хлѣбниковъ до 500,000; Гусятниковы, пошедшіе въ службу, до 400,000; Кузмы Матвѣева дѣти, по крайней мѣрѣ до 500,000; Зубковъ, Московской купецъ, до 400,000. Се есть весма малое число, о которыхъ я помянулъ; но и тутъ могу безъ ошибки сказать, что сихъ капиталовъ, выбывшихъ изъ торговли, состоитъ 4,800,000; а естли всѣхъ счесть то, по крайней мѣрѣ, будетъ такого вышедшаго изъ торгу капиталу болѣе десяти милліоновъ, и не щитая множества заводчиковъ и ихъ дѣтей, яко Турченинова, Походяшина и прочихъ, которые чины офицерскіе получили, отъ заводовъ своихъ отстали, и капиталы, которые бы принуждены были употребить въ торги, отъ оныхъ отвратили.

Довольно кажется и сего уже вреда государству, что толь великіе капиталы вышли изъ торговаго обращенія. Разсмотримъ и другіе вреды, которые сіе злоупотребленіе чиновъ производитъ. Въ разсужденіи торговли, первое, что чюжестранные купцы, зная, коль легко въ Россіи изъ купцовъ въ дворяне перепрыгнуть, удерживаютъ своимъ кредитомъ, а безъ кредиту торговля быть не можетъ. Второе, самые купцы поставя себѣ тапѣрь въ предметъ разбогатѣть, для того, чтобы дворянство или чинъ офицерской пріобрѣсти, торговое свое состояніе ми-

моходящимъ почитаютъ, не стараются, ни сами въ опасные торги вступать, ни дѣтей своихъ торгу изучать, но кидаются токмо въ откупы и въ подряды, окрадывая елико можно казну, а не производя никакого чюжестранного торгу. Третіе: выходя изъ купечества, не престаютъ въ откупы вступать, а тѣмъ и остальныхъ подрываютъ. Четвертое: городы не токмо въ лутчее состояніе приходятъ, но паче ослабѣваютъ за недостаткомъ купечества, а которое остается, то вящую тягость должно нести, не зря убавки расходовъ и службъ, а имѣя умаленіе капиталовъ и людей. И пятое: служба претерпѣваетъ и чины уподляются, а служащій корпусъ дворянской огорчается, видя, что сіи, не служа прежде, знатные чины не по старшинству получили и несутъ уже воздаяніе службы, когда тогда вся тягость службы, да и съ закоснѣніемъ, на нихъ однихъ упадаетъ.

Каждый неослѣпленный прибыткомъ человѣкъ, которые такихъ людей производятъ, думаю, признается въ истинѣ предложеній моихъ. Но я болѣе поступлю, и хочю доказать, что сіе есть родъ безумія, сопряженной съ лѣностію, которое побуждаетъ купцовъ дворянскаго состоянія искать. Ибо что они тѣмъ выигрываютъ? Единое имя, позволеніе имѣть деревни и ношеніе шпаги. Потому что естли прямо разсмотрѣть, то Россійской дворянинъ никакихъ, окромѣ сего, правъ не имѣетъ. Что же чрезъ сіе теряютъ? Теряютъ

прибыльной себѣ торгъ, дабы подвергнуться всѣмъ должнымъ издержкамъ дворянину; лишаются спокойнаго житія, дабы всѣ тягости самимъ и дѣтямъ ихъ дворянскаго и офицерскаго состоянія понести. Ибо могутъ ли они подумать, что получа ихъ происками или деньгами, не служа отечеству, таковые достоинствы, и дѣти бы ихъ въ вѣчные роды могли правами дворянъ пользоваться, не неся тягости дворянской? Чинятся они злодѣями своего исчадія, ибо въ грубости рожденныя и худо воспитанныя ихъ дѣти, не должную умѣренность, ощастливливающую всѣ состояніи людскія, въ предметъ себѣ имѣютъ, но пышность и роскошь, дабы равными себя старымъ дворянамъ показать; да и подлинно имѣютъ нѣкоторую причину, ибо чюствуютъ низкость своего прежняго состоянія, не достоинствами и трудами дошедшія отцы ихъ до чину дворянства, примѣра имъ добродѣтели къ подражанію не представляютъ, а естественная гордость влечетъ ихъ сравняться съ старыми дворянами. Чѣмъ же они хотятъ сравняться? Роскошемъ и пышностію. Не привыкши къ умѣренности, вскорѣ неправо нажитые отцами имѣніи расточаютъ, и впадая въ бѣдность, тѣмъ презрительнѣе становятся, что по состоянію своему лишались способу искуствомъ себѣ помочь учинить, а въ бѣдности и отъ знатныхъ родовъ помочи себѣ не находятъ. Не можно много примѣровъ сему слѣдствію ихъ поступка предло-

жить, ибо злоупотребленіе сіе толь недавно учинилось, что еще дѣйствіе не имѣло времени воспослѣдовать; однако и три примѣра довольны, чаю, будутъ для показанія сей истины. Алексѣй Затрапезной, сынъ Ивана Затрапезнаго, при возвращеніи своемъ изъ чюжихъ край, получилъ наличными деньгами болѣе 300,000 рублевъ, что тогда составляло болѣе, нежели почти нынѣ милліонъ, да фабрику полотняную, дающую ему болѣе 50,000 доходу. Менѣе десяти лѣтъ деньги прожилъ, фабрику продалъ и промоталъ, и наконецъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, не успѣвши дойти до нищеты, уже обѣднялый умеръ. Евреиновъ былъ богатый купецъ, зналъ торговлю, былъ консулемъ, но сталъ добиваться въ чины, оные и ленту получилъ, но въ неоплатимыхъ долгахъ Коронѣ и чюжестраннымъ умеръ. Роговиковы, коихъ отецъ былъ крестьяниномъ села Николы въ Ростовскомъ уѣздѣ, Князь—Михайла Михайловича Голицына. Сей, вошедши въ откупы, разбогатѣлъ, умеръ, оставя по себѣ до 500,000 капиталу. Дѣти его были посланы учиться торговли въ чужіи краи, въ чемъ и и предъуспѣли, но возвратясь, жегомы честолюбіемъ, стали офицеры, торговлю бросили и нынѣ разоряются. Такая судьба и всѣмъ другимъ, симъ новопожалованнымъ дворянамъ и офицерамъ грозитъ. Недостойны они сожалѣнія, ибо безуміемъ отцовъ ихъ и ихъ самихъ къ тому доведены, но сожалѣтельно, что отъ сего государство претерпѣваетъ.

Чтобъ кратко заключить, возримъ мы на нашихъ купцовъ: они похожи на листья древесныя, которые и отъ жару, и отъ вѣтра, и отъ осени обваливаются. Журавлевы, Истомины, Лузины, Затрапезные упали, а Пелсы въ Голандіи уже многіе роды пребываютъ.

Не могу окончить сего сочиненія, чтобы не обратить рѣчь мою къ вамъ, помощники милосердые ли, или корыстолюбивые безуміемъ купецкимъ. Ужъ ли и, бывъ возведены на степени возмочь дѣлать благодѣянія людемъ, не размыслили вы о всемъ вредѣ, которой ваше снисхожденіе симъ дѣлаетъ? Иль родясь, живши, получа достоинствы и награжденіи отъ отечества, жадная ваша душа еще неудовольствована, дабы не продавать за малое число денегъ благо государства? Се по незнанію суда, должна единая изъ сихъ двухъ причина побужденіемъ вашей склонности производить купцовъ, то по каждому сему побужденію изыщите, какихъ достойны вы наименованій?

РАЗСУЖДЕНІЕ

о нынѣшнемъ въ 1878 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредъ предупредить подобное же нещастіе *).

Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, печися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся они бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи сѣмена желаемую жатву принести. Часы, посвященные мною къ таковымъ писаніямъ, я драгоцѣннѣйшіе въ жизни моей щитаю, а предпринимая сіи разсужденіи, изъ драгоцѣнныхъ драгоцѣнными ихъ называю, ибо удовлетворяю въ ономъ разные предметы, приятные душѣ моей, то есть, воздаю долгъ отечеству, предлагаю то, что полезно мнѣ быть является, и подаю способы спасти отъ нещастія и жесточайшей гладной смерти многія тысячи людей. Приими во мракѣ моего кабинета приносимую сію жертву, источникъ всея добродѣтели, пріими тѣмъ благопріятнѣе, что тебѣ извѣстны внутреннія движенія моего сердца. Ты вѣси, что въ дѣлахъ отечества моего и въ дѣлахъ приватныхъ, предпочиталъ ли я когда собственную пользу общему благу, и не за первое ли щастіе всегда щиталъ быть отечеству и подобнымъ себѣ полезенъ? Пятьдесятъ четыре года уже протекло сего дня отъ дня рожденія моего и я, при многихъ перемѣнахъ, стѣсняющихъ мою душу, и въ самыхъ заблужденіяхъ младости моей всегда въ исполненіи должностей моихъ отраду себѣ обрѣталъ. Да пребудутъ такія мысли въ сердцѣ моемъ до конца жизни моей, и да будутъ они навсегда наслѣдственны потомству моему!

Приступая же къ самой причинѣ моего сочиненія, кажется, во первыхъ, должно разсмотрѣть, отъ чего сперва дороговизнъ хлѣбу, а наконецъ и голодъ произошелъ.

*) Статья эта напечатана въ 1 книгѣ чтеній въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1860 г.

Причины дороговизны и голоду.

Многія обстоятельствы стеченіемъ своимъ спомоществовали къ произведенію сперва дороговизни, а наконецъ и голоду: 1) Вкрадшееся сластолюбіе во всѣ чины Государственные, даже и до крестьянъ; 2) умноженіе народа; 3) умноженіе разныхъ мастеровыхъ; 4) умноженіе винокуренныхъ заводовъ и корчемства; 5) малое прилежаніе о земледѣліи и недостатокъ земель; 6) неразсмотрительной выпускъ хлѣба въ чюжіе государства; 7) уменьшеніе доброты земель; 8) недостатокъ запаснаго хлѣба, и 9) оставленіе монастырскихъ запашекъ и малое попеченіе о хлѣбопашествѣ Государевыхъ и Економическихъ крестьянъ.

Дабы все сіе яснѣе показать (§ 1) что сластолюбіе вкралось во всѣ чины Государственные, никто сему, взирая на наши столы, житье и зданіи, оспорить не можетъ; а самое сіе сластолюбіе проникши и до крестьянъ, заставляетъ ихъ излишнее употреблять на свои издержки, такъ что то, что прежде довольно было для содержанія двухъ семей, едва ли нынѣ и одну семью содержать довольно. Сластолюбіе обыкновенно влечетъ за собою лѣность, а лѣность людей ослабляетъ въ земледѣльческой работѣ; привязанность къ роскоши, производимый оною недостатокъ, понудилъ множество крестьянъ, оставя ихъ желаніи, итти въ торги, въ мастерствы и въ другіе промыслы: они роскошь свою удовлетворяютъ, слаще пьютъ и ядятъ, но земли, обработыванныя ими, праздны остаются. А естли которыя обработаны, и тѣ обработаны наемниками, гораздо съ меньшимъ тщаніемъ, нежели бы могли они сами оныя обработать; да и самые сіи наемщики, работая со тщаніемъ чюжую землю, свою уже совсѣмъ не обрабатываютъ; и се есть явное уменьшеніе земледѣлія.

§ 2. Взирая на множество такихъ людей, которые и во весь годъ пребываютъ въ городахъ, и которые для разныхъ работъ на лѣто приходятъ, ощутительно есть, что число пахарей должно было уменьшиться; а съ другой стороны благополучное положеніе нашей страны и крѣпость народная, чинящая Россіанъ весма удобныхъ къ дѣтородію, не взирая на войны и язвы, весьма умножило народъ, такъ что въ 50 лѣтъ оный въ полтора прибылъ, то земледѣліе упало, а народу умножилось, а отъ сего и естественно долженствовала произойтить дороговизнь въ хлѣбѣ.

§ 3. По мѣрѣ размноженія сластолюбія, приумножилися всѣ мастерствы, рукодѣліи и промыслы, и самые хотя нужные Государственные строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Естли мы возмемъ въ примѣръ одну Москву, и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ пріумножилось. Двадцати лѣтъ тому не прошло, весь каретной рядъ вмѣщался за Петровскими воротами по Земляной огородѣ по большей улицѣ; а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города, и взаворотъ въ обѣ стороны по Земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не щитая сколько Нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весма рѣдки; нынѣ почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичю въ годъ врядъ до 5 милліоновъ дѣлалось, нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строеньи были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строенія не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ, или приходящихъ на время лѣтнее, яко кирпишниковъ, каменьщиковъ, штекатуровъ, плотниковъ, столяровъ и прочее; а всѣ сіи люди, удвоившіися или утроившіися на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произращенію пропитанія, быть истребителями съѣстныхъ припасовъ. Приложимъ еще, сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ Намѣстничествахъ, огромные всенародные и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ яко бы волшебствомъ какимъ произведенные, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но колико въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей, Россію ослабляютъ!

§ 4. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны винный доходъ весьма былъ не великъ, и помнится, Москва и Петербурхъ токмо 700 тысячь откупу платили; доходъ сей весьма умножился и дошелъ даже до десяти милліоновъ. Правда, не все отъ единой прибавки продажи вина казеннаго, ибо и цѣна на самое вино стала умножена, но однако знатное количество и поставки вина прибавилось, а сверхъ того строгіе непомѣрно законы о корчемствѣ чинили, что его весьма было мало; нынѣ же отмѣненіемъ корчемнаго уставу, наказаніи за корчемство и смотрѣніе за нимъ весма уменьшилось, а тѣмъ самымъ оно весма умножилось къ вящему повреждепію нравовъ, истребленію лѣсовъ и хлѣба, и къ ущербу государственнаго доходу.

§ 5. Достойно есть удивленія, что тогда, когда правилами своими для законодательства царствующая надъ нами Императрица утвердила сію великую истину, что земледѣліе есть найполезнѣйшій трудъ, когда сочиненіями своими Економическое Общество тщилося всѣ роды домостройства побуждать, и когда самыя нужды наши должны бы найболѣе побудить насъ къ земледѣлію, оно тогда совершенно упало. И вмѣсто, что у непросвѣщенныхъ нашихъ предковъ, не знающихъ и слово домостройства, не читающихъ никакихъ

ученыхъ сочиненій, скирды хлѣба погнивали, мы со всѣмъ просвѣщеніемъ и со всѣми побужденіями, и въ обильные годы сѣмянъ не имѣемъ. Мой бывшій добрый пріятель Григорій Николаичъ Тепловъ представлялъ Сенату, въ поданномъ своемъ мнѣніи о дороговизнѣ хлѣба въ Санктпетербургѣ, что сіе отъ излишнихъ поборовъ со крестьянъ происходитъ; но я говорю, что сіе происходитъ отъ нераченія крестьянъ и помѣщиковъ, и отъ неимѣнія людей для употребленія надзирать надъ симъ нужнымъ трудомъ государству. Причины нераченія крестьянъ довольно выше изъяснены, ибо крестьянинъ, убѣгая отъ труда земледѣлія, отъ неподлиннаго же прибытку, которой онъ можетъ надѣиться отъ земледѣлія, располагаетъ свой трудъ такимъ образомъ, чтобъ и лакомство это было удовольствовано, и вѣрность въ полученіи денегъ ему безопаснѣе и точнѣе была—кидаетъ свою пашню и стремится въ разные промыслы, оставляя свою землю. А и оставшійся, худое имѣя знаніе о земледѣліи, послѣдуя токмо обычаямъ своихъ предковъ, не имѣя ни наставника, ни понудителя къ его трудамъ, съ небреженіемъ къ земледѣлію прилежитъ, худымъ урожаемъ пуще огорчается и трудъ, долженствующій составить его благосостояніе, въ ненависть приемлетъ. Економическіе и Государственные крестьяне, оставленные на собственное ихъ попеченіе, не болѣе о семъ нужномъ трудѣ раченія прилагаютъ, но каждой болѣе старается обогатиться какими несправедливыми способами, нежели тѣмъ, что мать и питательница роду человѣческому, то есть земля, ему обѣщаетъ. Помѣщики, изъ дѣтства отдалены отъ своихъ деревень, худо и понимаютъ всѣ тонкости земледѣлія, кладутъ свои деревни на оброкъ, получаютъ великіе доходы, пребываютъ въ службѣ, живутъ или по опредѣленіямъ въ мѣста, или по выборамъ, въ городахъ, не имѣя ни времени, ни удобности войтить во всѣ подробности домостройства, а иные, ради удовольствія своего и безъ привязанности къ должности то же дѣлаютъ. Наконецъ, бѣдные дворяне, которые до сего найболѣе прилежали къ земледѣлію, бывъ должностями отвлечены и получая болѣе жалованья, нежели бы могли доходовъ съ деревень получить, малыя свои селеніи оставляютъ, и не токмо сами, но и съ людьми своими, которые во время ихъ пребыванія въ деревняхъ пахали, самыя лошади, служащія къ унавоживанью и обработыванью ихъ полей, живутъ съ ними въ городахъ. Наконецъ, достаточные и благоразумные помѣщики, чювствующіе, какую пользу можно отъ земледѣлія получить, имѣя въ разныхъ уѣздахъ свои деревни, за недостаткомъ людей для присмотру, принуждены и въ плодоноснѣйшихъ областяхъ деревни свои на оброкъ класть, ибо каждой освобожденной единожды человѣкъ становится свободенъ на вѣкъ, а потому изъ вольныхъ брать въ крѣпость никого не можно; а вольные требуютъ великаго жалованья, а заслужатъ ли, или нѣтъ его, то неизвѣстно; да которой бы и довольно знающъ былъ, имѣя въ предметѣ токмо обогатиться и войти или въ офицеры, или въ приказные служители, или въ купцы, сію должность мимоходящей почитаетъ и усердія къ господамъ не имѣетъ. А и самые оставшіеся въ крѣпости, при самыхъ знакахъ ихъ усердія, токмо ищутъ время или случая отбыть отъ своихъ господъ, и по сему нераченіями о пользѣ господской къ разореніямъ помѣщика и крестьянъ себя приготовляютъ. А потому хотя бы и желалъ какой помѣщикъ употребить свои стараніи о земледѣліи, но за недостаткомъ, кому препоручить смотрѣніе за крестьянами, ихъ ущербомъ себѣ, равно и государству, долженъ проживать.

Къ тому же, коль ни есть пространна Россія, занимающая знатную часть земнаго шару, и коль ни есть по пространству своему немногонародна, однако со всѣмъ тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ по физическому положенію, а въ другихъ по худому учрежденію, Правительство не имѣетъ довольно земли, и остальные еще прилежащіе къ земледѣлію крестьяне не толикое число земли обработываютъ, сколько бы надлежало, тогда какъ великія степи, въ лутчихъ мѣстахъ лежащія и снабженныя тучною землею, безъ земледѣлія остаются. Говорю первое о физическомъ недостаткѣ. Сѣверныя наши области покрыты лѣсами, болотами, мхами и песками, хотя великое число земли на картѣ представляютъ, но земли сіи совсѣмъ неудобны къ земледѣлію; а въ полуденныхъ есть великія степи—многія совершенно безводны, а потому и не могутъ быть заселены; а наконецъ и удобныя остаются во власти у Короны, иныя лежатъ впустѣ, а другія отдаются въ наемъ для паствы, тогда какъ множество и Государственныхъ крестьянъ не имѣютъ и по осминѣ на работника высѣять. Правда, что многія изъ сихъ розданы и распроданы; но кому розданы? Вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями Государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысячи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаемъ въ правило народа скотоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли потребно, нежели народу хлѣбопашцу.

§ 6. Неоспоримое есть правило, что во многихъ случаяхъ выпускъ хлѣба помогаетъ ко умноженію земледѣлія и пользѣ государства; ибо 1) умножая продажу излишняго урожаю, возвышаетъ цѣну на хлѣбъ, а самымъ тѣмъ чинитъ, что труды земледѣльца суть болѣе заплачены; 2) выпускъ, умножая вывозъ товаровъ въ чюжія государства, дѣлаетъ перевѣсъ торговли для той страны, которая хлѣбъ выпускаетъ. Но какъ всякія правилы не

могутъ быть повсемѣстно одинакія, колико бы они всеобщими ни казались, то, во первыхъ, должно разсмотрѣть, приложительны ли они къ Россійской имперіи? Естли бы сія монархія была не только великой обширности, имѣла бы со всѣхъ странъ многія морскія пристанищи, имѣла бы повсемѣстныя сообщеніи судоходными рѣками и каналами, и наконецъ, естли бы плодоноснѣйшія области къ мѣстамъ выпуску прилегали, то бы, конечно, правило о пользѣ выпуску хлѣба безпредѣльно должно было приняться. Но какъ у насъ ничего сего недостаетъ, а именно: Имперія есть такой пространности, что самый перевозъ хлѣба съѣдаетъ всѣ барыши, каковые бы можно было отъ выпуску получить, а чрезъ самое сіе въ продажѣ своего произращенія земледѣлецъ не много пользы получаетъ. Пристанищей морскихъ у насъ мало, да и тѣ не весьма удобны, ибо Петербургской портъ имѣетъ неудобность трудного плаванія по Балтійскому морю; города: Архангельской — дальняго обходу кругъ Норвегіи, трудности плаванія по Бѣлому морю, и баръ *), чрезъ которой близъ города Архангельскаго должно переходить; Крымскія пристанища лежатъ всѣ на Черномъ морѣ, и суть яко заперты узкимъ проходомъ мимо Константинополя. По толь пространной Имперіи водяныхъ сообщеній у насъ весьма мало; ибо хотя великія рѣки и орошаютъ

*) La barre—песчаная мель.

многія страны Россіи, яко Волга, чрезъ которую даже отъ Астрахани могутъ суда ходить до Петербурга, оканчивая остальный путь свой каналомъ и потомъ Невою, но плаваніе по ней все въ верхъ противу теченія, слѣдственно, должно тянуться лямкою, а въ иныхъ мѣстахъ и толь мелка (Волга), что суда, приходящія изъ плодоносныхъ областей, принуждены перегружаться въ Рыбной, а и остальную часть пути своего не съ полнымъ грузомъ дѣлаютъ. Двина, впадающая въ Бѣлое море, хотя и весьма удобна къ плаванію, но довозъ до нее гораздо труденъ, ибо рѣки Югъ и Сухона, въ нее впадающія, не суть въ плодоносныхъ областяхъ, а и до оныхъ пристаней везти надлежитъ далеко на лошадяхъ. Донъ, выходящій изъ плодоносныхъ областей, весьма же удобенъ къ такому плаванію, но выпускъ тутъ не можетъ быть обиленъ; ибо первое: что Турки и другіе полуденные народы не берутъ почти никакого другаго хлѣба, окромѣ пшеницы, что не есть главное произведеніе Россіи; и выше я уже помянулъ, что все Черное море узкимъ Константинопольскимъ проходомъ заперто, и вся торговля сія чинитъ Россію яко подвластну Портѣ Оттоманской. Днѣпръ, впадающій въ Черное море, окромѣ его быстроты, чинящей плаваніе по немъ нѣсколько опасно (отъ) мелей и великихъ пороговъ, и (неудобенъ отъ) общаго загражденія Чернаго моря Турецкою областью—Очаковымъ. Каналовъ,

окромѣ Шлюсенбурскаго, нѣтъ. Области прилегающія къ портамъ, то есть, къ Петербурскому и Архангелогородскому суть не плодоносныя; а которыя лежатъ къ портамъ Чернаго моря, тѣ еще не довольно имѣютъ селеній. А по всему сему выпускъ хлѣба въ чюжіи краи не толь есть выгоденъ для земледѣльцовъ, которые съ весьма малымъ возвышеніемъ цѣнъ свои произведеніи продаютъ; обогащаются тѣмъ единые купцы, дающіе впередъ задатки, и обогащаяся единые, дѣлаютъ дороговизнь и нужду въ Россіи въ хлѣбѣ. Даннымъ указомъ—не упомню въ которомъ году—Губернатору Головцыну, позволено было выпускать до двухъ сотъ тысячь четвертей хлѣба отъ города Архангельскаго, но и то съ тѣмъ, чтобъ Губернаторъ сего портоваго города учинялъ сперва сношеніе съ Казанскимъ Губернаторомъ, и ежели тотъ увѣдомитъ, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ, чтобы выпускъ позволилъ. Но что воспослѣдовало? Въ самый 1775 годъ, когда, по учиненному разоренію Казанской губерніи отъ бунта Пугачева, народъ съ голоду помиралъ и поля были не обсѣяны, и тогда не токмо 200 тысячь четвертей, но и болѣе, скупая у нужныхъ крестьянъ, было выпущено.

Со всѣмъ симъ весьма я отдаленъ, чтобы совершенно выпускъ хлѣба въ чюжіе краи запретить. Расположеніе по разнымъ климатамъ областей во вселенной, кажется, для того было всемогущею властію тако устроено,

дабы единые народы другимъ своими излишками недостаткамъ тѣхъ помогли. Россія же, бывъ страна плодородная хлѣбомъ, то зачѣмъ ей не помогать чюжестраннымъ и не получать за свои избытки ихъ? Но сіе должно быть ограничено такимъ образомъ, чтобы никогда выпускъ хлѣба въ чюжіе краи, для мнимыя пользы торговли и для прибытку нѣкоего числа приватныхъ людей, пропитаніе у собственнаго своего народа не отнималъ. Кажется, яко я и въ единомъ мнѣніи моемъ по Коммисіи о Коммерціи имѣлъ случай предложить, что сіе должно быть уставлено на такихъ основаніяхъ: учредить цѣны въ Москвѣ и при портахъ, съ положеніемъ, что естли цѣна хлѣбу на торгу не будетъ превышать положенную сію цѣну, то выпускъ дозволить; естли же будетъ превозвышать, то оной останавливается. Сія цѣна, бывъ положена ежегодно не низкая, побудитъ самихъ купцовъ привозить въ довольствѣ хлѣбъ на продажу въ тѣхъ мѣстахъ, дабы имъ выпускъ можно было учинить, и тѣмъ обильство въ народѣ, а паче въ столицахъ и при портахъ, содержано будетъ, а излишній хлѣбъ не будетъ выпущенъ; ибо лутчій термометръ урожаю и неурожаю хлѣба есть повольная его цѣна.

§ 7. Кто хотя мало къ физикѣ прилежалъ, тотъ извѣстенъ, что черноземъ не есть природная земля, но пагной отъ согнившихъ травъ, листьевъ,

навозу и прочее, и что взятое изъ земли должно возвращать, то есть, что поелику она рожденіемъ плодовъ истощается, потолику должно силу ея новыми удобреніями возобновлять. Отчего и происходитъ, что всѣ вновь населяемыя мѣста, гдѣ прежде трава согнивала, имѣютъ болѣе иль менѣе толще слой доброй тучной черноземной земли. Таковая земля навозу не требуетъ, но обильно своею тучностію родитъ хлѣбъ. Однако, когда тутъ люди поселятся, земля будетъ обработана, хлѣбъ снимаемъ и трава скошена, тогда новаго нагною на нее быть не можетъ; и такъ часъ отъ часу она выраживается, и хотя видъ черной сохраняетъ, но уже не имѣетъ соковъ. Крестьянинъ, не знающій физики, приявъ отцовъ своихъ обычай не удобрять землю, обманутъ ея увѣтомъ и остановленъ лѣностію, поля свои не удобряетъ, хлѣбъ у него часъ отъ часу хуже родится, и онъ на Бога вину возлагаетъ, какъ вся вина состоитъ въ его собственныхъ невѣдѣніи, упрямствѣ и лѣности. Пространныя у насъ находятся таковыя области, гдѣ бы и земля и воздуха раствореніе обѣщали обильныя жатвы, но оныя въ сравненіи прежнихъ временъ гораздо меньше родятъ. И хотя нѣкоторые помѣщики уже зачали удобрять свои поля, и отъ того обильныя жатвы получаютъ, но крестьяне, по упрямству и по лѣности своей, сего не исполняютъ и наводятъ и себѣ бѣдность, и государству отягощеніе.

§ 8. Сластолюбіе и роскошь, проникшая во всѣ чины государства, учиняетъ, что какія бы мы ни имѣли доходы, они всѣ для удовольствія нашего суть недостаточны; а потому ничего не оставляемъ себѣ впередъ и не запасаемъ хлѣба; но какъ скоро есть урожай, стараемся его продать, дабы, получа деньги, на другое оныя истратить. Правда, что нѣкоторые помѣщики сборомъ съ самихъ крестьянъ старались хотя малые запасные засыпи доставить; но духъ неподвластія, вкоренившійся въ крестьянъ, и недостатокъ людей, которые бы за сими сборами хлѣба и за храненіемъ его наблюдали, учинили, что и сіи засыпи были въ прежніе годы безъ крайней нужды растащены, а когда пришелъ совершенный недостатокъ, то уже сего хлѣба и не было. Равнымъ образомъ, при взятьи монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ въ Государево вѣдомство, почти вездѣ оставленъ былъ крестьянамъ засыпной хлѣбъ, яко я точно о семъ извѣстенъ о Владимірской губерніи; но и тотъ такъ же былъ растащенъ крестьянами, а при наступленіи нужды, его четверика не было.

§ 9. Я выше уже помянулъ, что множество хлѣбопашцевъ вышло въ другія упражненіи, яко имъ, по видимому, прибыльнѣйшія, а и оставшіеся многіе не имѣютъ всего количества земли, которую бы могли обработать, и что земли наши плодороднѣйшія выпахались, а народъ умножился. Приложимъ къ сему, что при взятьѣ крестьянъ отъ монастырей и отъ архіерейскихъ домовъ, положено было на крестьянъ сперва по 1 р. 50 коп. на душу, потомъ прибавлено 2 руб., и нынѣ оброкъ и въ три рубли доведенъ, множество земель, нахатныхъ на самые монастыри, осталися пустыми. Хотя по дошедшимъ извѣстіямъ до Ея Императорскаго Величества въ 1767 году и повелѣно было именнымъ указомъ Коллегіи Економіи забрать отъ всѣхъ казначеевъ вѣдомости, сколько всякаго хлѣба во всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ деревняхъ посѣяно было въ 1763, 764 и 765 годахъ, до положенія штатовъ духовныхъ и крестьянъ економическихъ въ оброкъ за годъ, и послѣ того въ два года, дабы чрезъ таковыя казначейскія вѣдомости узнать было можно, не убавилось ли земледѣліе во всѣхъ економическихъ деревняхъ. А изъ полученныхъ тогда отъ казначеевъ репортовъ усмотрѣно, что засѣвы не токмо не убавилися, но еще нѣкоторымъ числомъ будто стараніемъ каждаго казначея прибавилися. Екстракты изо всѣхъ сихъ репортовъ были вручены Ея Императорскому Величеству и отданы Григорью Николаевичу Теплову, который въ томъ же году, проѣзжая по Тульской дорогѣ въ Малую Россію, во многихъ економическихъ деревняхъ, ему извѣстныхъ, и имѣя, близь его Кромской деревни, въ сосѣдствѣ Петровскаго монастыря, волость не малую, не токмо не нашелъ того, что въ репортахъ означено, но и по распросамъ непримѣтнымъ у самихъ крестьянъ, оказалось противное, и самъ онъ собственными своими глазами видѣлъ, что многія земли, отъ казначеевъ показанныя въ репортахъ засѣянными, впустѣ лежали, съ самаго того времени, какъ крестьянъ на оброкъ положили, и что крестьяне, получа новыя земли, ближайшія къ усадьбамъ, всѣ свои прежнія отдаленныя впустѣ оставили. Изъ сего онъ и заключилъ, что на всѣхъ казначеевъ положиться не возможно, чтобъ они въ репортахъ своихъ объявили правду въ Коллегію Економіи, вѣдая, что хлѣбъ засѣянной, о которомъ вопросъ былъ, не собирается въ казну, а потому о ихъ репортахъ, справедливы ли они, освѣдомиться будетъ не изъ чего. О семъ по возвращеніи своемъ онъ тогда же доносилъ Ея Императорскому Величеству, и всемилостивѣйшая Государыня ему повелѣть соизволила дать знать о томъ Вице-Президенту Коллегіи Економіи, что тогда же имъ учинено, и о всемъ семъ онъ въ поданномъ мнѣніи своемъ о дороговизнѣ хлѣба Правительствующему Сенату предложилъ. Но никакого движенія о умноженіи земледѣлія учинено не было, и за лживые репорты казначеи наказаны не были. И подлинно, кто хотя мало ѣзжалъ по дорогамъ, тотъ ясно усмотритъ, что кругъ Троицкаго, Воскресенскаго и почти всѣхъ другихъ монастырей, вездѣ пространныя поля пусты и не обработаны находятся. А

слѣдствіе ему и вышло такое, какого надлежало ожидать. Ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжацкой пристани была по 86 копѣекъ четверть, въ 1763 поднялась до 95 копѣекъ, а потомъ, часъ отъ часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 году вошла въ 2 рубли 19 копѣекъ, а нынѣ уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы могла и унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей Провіантской Канцеляріи.

Все сіе происходило до учрежденія Намѣстничествъ, по учрежденіи которыхъ завелися огромныя зданіи, приватныя строеніи въ городахъ, являющія великую прибыль ближнимъ крестьянамъ, которые и паче кинувшись въ разныя ремеслы и промыслы, оставили свое земледѣліе.

По всѣмъ симъ вышесказаннымъ обстоятельствамъ, удивительно ли, что цѣна хлѣба часъ отъ часу возвышалась и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ, въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786 годахъ, не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ, и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь оржаной хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 годъ зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю, и вящимъ голодомъ народъ угрожаетъ.

О способахъ помочь нынѣ настоящему голоду.

Означеніе самое сей статьи покажетъ, что двоякая причина въ оной замыкается. То есть: 1) настоящее пропитаніе жителей, и 2) снабженіе ихъ сѣменами, дабы голодъ не продолжался отъ непосѣву и на другіе годы. Хотя сей трудъ я началъ Іюня 22 числа, но самыя сіи строки пишу Іюня 27 числа, когда собранные нѣкоторые Намѣстники въ Москвѣ, въ присутствіи Сената, не давая участія оному, особливо разсуждаютъ о прокормленіи народа, яко бы можно было и успѣть привести изъ дальныхъ мѣстъ хлѣбъ, когда уже люди помираютъ съ голоду, когда липовыя листья и сѣно ѣдятъ: а паче то, о чемъ разсужденія и дошли, заперто, — какъ уже народъ въ крайней нуждѣ препроводилъ съ ослабленіемъ и съ гибелью всю зиму и весну, а наступленіе лѣта, гдѣ самыя травы и ягоды хотя самое нужное пропитаніе могутъ дать, и хорошая надежда на яровые хлѣбы въ началѣ августа, уже и хлѣбное пропитаніе обѣщаетъ. А посему, понеже ни способовъ нѣтъ, ни толь крайней нужды не настоитъ, и должно таперя умолчать о настоящемъ пропитаніи народа, но обратить свои взираніи, какимъ бы образомъ засѣять озимымъ хлѣбомъ поля, то есть, откудова доставить сѣмена ржаные на сей посѣвъ, въ тѣ области, гдѣ весь озимной хлѣбъ вызябъ, и понеже въ сихъ самыхъ областяхъ народъ принужденъ

будетъ питаться яровымъ хлѣбомъ до самаго августа будущаго 1788 года, то какія должно способы употребить, дабы паки народъ совершеннаго недостатку пропитанія не имѣлъ?

Для сего, во первыхъ, надлежитъ учинить воззрѣніе на разные губерніи, гдѣ какъ урожай нынѣшняго года. Я сіе раздѣлю на три части: 1) на тѣ губерніи, гдѣ нѣтъ урожаю; 2) гдѣ есть урожай малой, и 3) гдѣ есть урожай.

Всѣ озимные хлѣба совсѣмъ вымерзли въ слѣдующихъ губерніяхъ: 1. въ Калужской, 2. Тульской, 3. Рязанской, 4. Орловской, 5. Воронежской, 6. Смоленской, 7. во всей Малороссіи.

Хотя есть, но худой урожай, однако на сѣмяна станетъ: 1. въ Тамбовской; въ нѣкоторыхъ округахъ очень худъ, но награждается другими округами, близь Хопра, гдѣ очень хорошъ; 2. въ Пензенской, 3. Вятской, 4. Казанской, 5. Курской, 6. Московской, въ нѣкоторыхъ округахъ рожь вызябла, а въ другихъ хороша, 7. Нижегородской, 8. Новагорода Сѣверскаго.

Хорошій урожай: 1. въ Тверской, 2. Новгородской, 3. Ярославской, 4. Вологодской, 5. Костромской, 6. Владимірской, 7. Саратовской, 8. Слободской.

Таперя воззримъ на карту, и разсмотримъ, какъ бы изъ оныхъ одной губерніи другой помощь учинить; ибо хотя съ хорошимъ урожаемъ нынѣ суть тѣ губерніи, которыя за малостію земли и за нетучностію ея, и при хорошемъ урожаѣ едва могутъ прокормить своихъ жителей, но лутче, чтобы сихъ губерній малую нужду претерпѣли, нежели бы тѣ были необсѣменены и съ гладу помирали.

Хотя въ каждой губерніи по учрежденію должно считаться до 300 тысячь душъ, но я съ уменьшеніемъ полагаю кругомъ по 250 тысячь душъ; ибо прочіе могутъ быть не пахатные, и лутче меньше, нежели больше положить.

Начнемъ таперя разсматривать вообще о всѣхъ губерніяхъ, о которыхъ я помянулъ: о единыхъ имѣющихъ нужду въ помощи другихъ, о могущихъ самимъ собою обсѣять и прокормиться, и наконецъ о тѣхъ, которыя могутъ помощь другимъ подать.

1) Калужская губернія мѣстоположеніемъ своимъ прилегаетъ, съ одной стороны, къ Московской, съ другой къ Тульской, съ третей къ Орловской, и наконецъ къ Смоленской. Изъ сихъ Тульская, Орловская и Смоленская сами крайнѣйшую нужду претерпѣваютъ, а и Московская, о которой ниже болѣе помянуто будетъ, такъ же ни малѣйшей помощи учинить не можетъ.

2) Тульская губернія, такъ же въ нуждѣ находящаяся, прилегаетъ къ Калужской, Орловской, Рязанской и Московской губерніямъ, то слѣдственно, ни откуда изъ сихъ, какъ и выше сказано, помощи взаимствовать не можетъ.

Откуду же на посѣвъ и на нужное пропитаніе симъ губерніямъ получить? Хотя и не безъ трудности сіе есть, но можно, яко изъ самой ближайшей, отъ Ярославской губерніи и отчасти Владимірской, отъ Переславской (Александровской округъ) нѣсколько взаимствовать.

3. Рязанская мѣстоположеніемъ своимъ прилегаетъ къ Тульской, Тамбовской, Владимірской и Московской губерніямъ.

Изъ сихъ, какъ выше сказано, Тульская, Воронежская и Рязанская не токмо могутъ помощи дать, но сами ея требуютъ; Тамбовская токмо можетъ себя удовольствовать, то и остается ей ожидать помощи отъ Владимірской и Костромской губерній.

4) Орловская прилегаетъ къ Калужской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Новагорода-Сѣверскаго и Смоленской губерніямъ. Изъ сихъ уже выше сказано, что Калужская, Тульская, Воронежская и Смоленская сами нужду претерпѣваютъ; Тамбовская, Курская, Новагорода Сѣверскаго едва на свою нужду имѣютъ, но можетъ взаимствовать отъ Слободской губерніи.

5) Воронежская прилегаетъ къ Орловской, Тамбовской, Саратовской, жилищу Донскихъ Казаковъ, къ Екатеринославской, Харьковской и Курской губерніямъ.

Изъ сихъ, Орловская сама нужду имѣетъ; Тамбовская такъ же едва можетъ себя продовольствовать, но

Саратовская имѣетъ хорошіе хлѣбы; Екатеринославская хотя бы и не имѣла хорошихъ хлѣбовъ, но какъ ради саранчи у нихъ всегда запасные хлѣбы есть, то можетъ помощь подать, а при томъ и по близости отъ Польши снабдиться; Харьковская имѣетъ хорошіе хлѣбы, а Курская едва своихъ жителей можетъ прокормить и осѣменить.

6) Смоленская прилегаетъ къ Псковской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской, Могилевской и Полоцкой губерніямъ.

Изъ сихъ Псковская имѣетъ, какъ слышно, довольное плодородіе, равно какъ и Тверская, Могилевская и Полоцкая губерніи; Московская отъ себя дать не можетъ, а Калужская и Орловская сами нужду имѣютъ.

7) Вся Малороссія, то есть, Черниговская и Кіевская губерніи, прилегающія къ Польшѣ, откудова и снабдиться можетъ.

Объ Московской губерніи особливо должно сказать, что въ оной не токмо ея жители истребляютъ хлѣбъ, но такъ же множество приходящихъ изъ всѣхъ городовъ, да и самые жители, находя себѣ удобные промыслы, довольно не прилежатъ къ земледѣлію; а потому коль обильную жатву поля ни представляли бы, но никогда она пропитаться сама собою не можетъ, а должна отъ всего государства заимствовать свое пропитаніе, а тѣмъ болѣе нынѣ, когда нѣкоторые изъ ея округъ такъ же претерпѣваютъ отъ вызябленья озимей, и когда множество людей еще

изъ отдаленныхъ мѣстъ, по надѣяніи сыскать работу, за неурожаемъ хлѣба, пришли для промысловъ въ сію губернію.

Сія губернія, идеже именемъ и дѣйствіемъ находится матерь градомъ Россіи, идеже есть стеченіе отвсюдова народа, и жилища великой части лутчего дворянства, и заслуживаетъ особливаго вниманія, что и составитъ первое наше положеніе. Не токмо не можно положить, чтобъ какая обильная губернія могла дать помощь Москвѣ и ея области, но ниже точно опредѣлить и числа, до коликаго числа хлѣба можетъ расходъ быть.

А сего ради при настоящей нуждѣ, не опредѣляя ни числа, ни цѣны, и надлежитъ учредить разныя награжденія и преміи, кто болѣе хлѣба въ сію губернію привезти можетъ, не выпуская впрочемъ изъ нее никакого хлѣба, окромѣ законтрактованнаго, и того, которой не иначе въ оную ввозится, какъ провозомъ, о чемъ на самыхъ границахъ и въ городахъ при ввозѣ и должны купцы давать извѣстіи. Далѣе я упомяну о разныхъ побужденіяхъ, поелику сія часть сообщается и съ другими частями правленія государственнаго.

Хотя во всемъ вышеписанномъ я и ничего не помянулъ о Санктъ-Петербургѣ, градѣ, идеже присутствіе Государево и стеченіе множества народа требуетъ, дабы умѣренно цѣна была содержана, однако о числѣ нужнаго хлѣба въ семъ градѣ можно

нѣкоторымъ образомъ знать, ибо по большей части и всегда питается онъ привознымъ хлѣбомъ, а потому исчисля, сколько для пропитанія его потребно, причисляя къ находящемуся оставшему хлѣбу, надлежитъ не болѣе двухъ третей позволить привозъ чрезъ пороги, а остальную треть выписать изъ Лифляндіи и Данцика. А дабы святость контрактовъ не претерпѣла, за везомой контрактованной хлѣбъ учинить нѣкоторое возмездіе. Остановленной же хлѣбъ употребить въ пользу областей, онаго не имѣющихъ.

По семъ положить на тѣ губерніи, гдѣ хлѣбъ хорошо родился, окромѣ Московской, по 1 четверику съ души и изъ слѣдующихъ губерній снабдить сѣменами не имѣющія сѣмянъ губерніи; а какъ выше сказалъ, что я полагаю по 250,000 душъ во всякой губерніи, то сіе расположеніе слѣдующимъ образомъ учинить:

На двѣ губерніи, Калужскую и Тульскую, положилъ я на снабженіе Ярославскую губернію всю, и двѣ округи Владимірской губерніи, то есть, Переславскую и Александровскую, полагая съ Ярославской губерніи 250,000 четвериковъ, съ Владимірской 50,000 четвериковъ, обоего 300,000 четвериковъ, то есть 37,500 четвертей. Хлѣбъ сей съ первыхъ сноповъ долженъ быть собранъ и привезенъ, единой въ Переславль, другой въ Ростовъ, а наконецъ послѣдній въ Ярославль, располагая по сему, что изъ Тульской и Калужской губерній, посланные за симъ

хлѣбомъ въ разные округи, ближніе должны взять въ Переславлѣ, которые подалѣе въ Ростовѣ, а наконецъ дальнѣйшіе въ Ярославлѣ, такъ чтобы каждые могли получать между 1 и 3 Августа, слѣдственно, всюда онъ поспѣетъ къ 15 числу Августа, а потому еще поспѣетъ къ сѣменамъ.

Рязанская губернія можетъ получить споможеніе хлѣба изъ Владимірской и Костромской губерній, съ тѣмъ, чтобы и въ сихъ губерніяхъ въ ближайшіе городы хлѣбъ былъ привезенъ, и подобнымъ же образомъ распредѣлено было взять онаго. А хлѣба сего будетъ, съ Владимірской 200,000 четвериковъ, да съ Костромской 250,000 четвериковъ, обоего 450,000 четвериковъ, то есть, 56,250 четвертей.

Орловская губернія можетъ получить себѣ споможеніе отъ Харьковскаго намѣстничества 250,000 четвериковъ, то есть, 31,250 четвертей; а хотя бы чего и не стало, то какъ сіе намѣстничество есть изъ плодороднѣйшихъ, то, уповательно, что иные еще имѣютъ остатки хлѣба.

Воронежское намѣстничество можетъ помощь получить отъ Саратовскаго 31,250 четвертей, а изъ Екатеринославскаго до 100,000 четвертей; ибо сіе послѣднее въ разсужденіи часто бываемой саранчи, всегда имѣетъ запасной хлѣбъ; а хотя бы оно и претерпѣло нѣкоторой недостатокъ, можетъ оной дополнить покупкою изъ Польши.

Смоленское намѣстничество можетъ до 400,000 и болѣе получить помощи

отъ Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ и изъ Псковскаго до 150,000 четвериковъ.

Вся Малороссія, то есть, Кіевское и Черниговское намѣстничествы, могутъ покупкою въ Польши получить себѣ хлѣбъ.

Что касается до Московской губерніи, то о сей выше въ общихъ способахъ къ пропитанію нѣчто упомяну. Ибо токмо двѣ или три ея округи имѣютъ вызябшій ржаной хлѣбъ, прочія же суть довольнымъ плодородіемъ снабжены, а притомъ живутъ въ ней люди промышленные, которые естли токмо есть возможность купить хлѣба, достать могутъ, каковая возможность и есть.

И тако, предложивъ источники, откудова каждое терпящее несчастіе намѣстничество можетъ получить себѣ вспоможеніе въ посѣвѣ, признаюсь, однако, что по большей части сіе споможеніе есть недостаточно, болѣе же его учинить не можно; ибо несчастіе нынѣшняго года есть такое, что самыя плодородныя области принуждены взаимствовать отъ тѣхъ, которыя едва и при обильнѣйшихъ годахъ могутъ себя пропитать. Но входя въ дальнѣйшую подробность, надлежитъ взять въ разсужденіе, что недородъ ржи нынѣшняго года происходитъ отъ того, что отъ малыхъ снѣговъ, отъ ранняго сошествія оныхъ и отъ бывшихъ при началѣ весны теплыхъ дней и морозовъ, корень озимей вызябъ. Но какъ повсюдова зимою дѣлаются суметы, яко къ лѣ-

самъ, изгородамъ, къ деревнямъ, и въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ долѣе остался, то тамъ и есть хотя не весьма хорошія ржи, однако изрядныя, и въ самыхъ ровныхъ поляхъ остаются нѣкоторые корни цѣлы, такъ что, по вѣрнымъ извѣстіямъ, которыя я имѣю, надѣятся земледѣльцы, индѣ четвертую часть, индѣ треть, индѣ половину, а индѣ и всю землю сею новою рожью обсѣменить. Сверхъ сего, какъ сіе несчастіе пало наиболѣе на плодоноснѣйшія области, то уповательно, что, не взирая на трехгодичный неурожай, еще у нѣкоторыхъ хлѣба осталось; то все сіе слагая вмѣстѣ, и должно почесть, что, съ вышепомянутою помощію, поля всѣ обсѣяны могутъ быть.

Къ тому же примѣчено первое, что лутче гораздо сѣять сыромолотнаго, ибо всякое зерно отъ оной всходитъ, и рожь не усыхаетъ и не подгораетъ, и взошедши скорѣе, не толь птицами бываетъ похищена; второе, что крестьяне наши вездѣ великое число сѣмянъ разбрасываютъ, а сего ради, чрезъ искусныхъ людей въ земледѣліи надлежитъ сдѣлать наставленіи, чтобы въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сушеною рожью сѣятъ, сѣяли бы сыромолотною. Наставленіи сіи должны быть сочинены столь ощутительными доказательствами, чтобы не сила власти, но увѣреніе заставило имъ повиноваться, а для неразумныхъ и предопредѣлить смотрителей, чтобы по сему исполняли, съ угрозами наказанія, отправленія и отъ помѣщиковъ. Оное наставленіе

должно доказать, что и излишній сѣвъ лишь трата, а паче въ плодородныхъ земляхъ; и то же надзираніе опредѣлить, а сверхъ того, и сѣменъ по тому числу выдавать, не оскужая, однако, по правиламъ новыя економіи; но полагаю я на Государеву десятину сыромолотки 7 четвериковъ, а сушеной ржи девять четвериковъ.

Симъ образомъ, кажется мнѣ, что можно достигнуть до засѣянія всѣхъ земель озимымъ хлѣбомъ. Таперь должно войтить въ нѣкоторую подробность о прокормленіи народа до снятія яроваго хлѣба и до того времени, какъ врученныя съ толикою нуждою собранные землѣ сѣмена, по благости Господней, плодъ принесутъ; ибо естли весь народъ будетъ питаться яровымъ хлѣбомъ, то можетъ и въ немъ быть недостатокъ.

Сіе должно раздѣлиться по симъ обстоятельствамъ на двѣ части. Первое, какъ и въ краткое время до снятія яроваго хлѣба народъ пропитать? и второе, какъ снабдить народъ до новаго хлѣба?

Первое. Отнимать у имѣющихъ хлѣбъ въ своихъ закромахъ, хотя въ такой нуждѣ, когда, по человѣчеству, единый долженъ лишиться части пропитанія своего, чтобы другому жизнь сохранить, и было бы справедливо; но какъ изъ сего могутъ произойтить злоупотребленіи, которыя и имущихъ лишатъ, и неимущимъ довольной помощи не доставятъ, то лучше сіе побудить награжденіями, нежели неволею учинить.

Разные роды могутъ быть награжденіи: почетныя, полезныя и прибыльныя; а оные должно и употребить. Но какъ у насъ всѣ награжденіи впали въ презрѣніе, и за дешевую цѣну ихъ покупаютъ, то сперва надлежитъ не токмо всѣмъ исправиться, но и въ злоупотребленіи признаться, обнародуя, что примѣчено, колико купцовъ и господскихъ слугъ получили чины офицерскіе, штатскіе и самое дворянство; а потому съ сего часу накрѣпко запрещается таковыхъ, а наче купцовъ, беззаконно не производить, съ угрозами не токмо произведшимъ, яко преступникамъ закона, наказанія, но и самымъ произведеннымъ лишенія чиновъ и половины движимаго имѣнія, ибо недвижимаго имѣть не могли, а которые по полученнымъ беззаконно чинамъ приобрѣтутъ, то и всего того, съ отдачею половины доносителямъ, или публичнымъ людямъ, которые такое злоупотребленіе изыщутъ. А въ разсужденіи нужды народной, дается право отъ перваго Іюля до перваго Сентября, яко прямо пользу учинившимъ государству, пріобрѣтать себѣ чины и достоинства слѣдующимъ образомъ: кто изъ купцовъ, или разночинцевъ, поставитъ въ Государевы магазейны по 3 рубли четверть ржи, ежели поставитъ 1,000 четвертей, можетъ получить чинъ прапорщика; кто поставитъ 2000 четвертей, чинъ порутчика; кто поставитъ 3000 четвертей, чинъ капитана, но безъ права покупать деревни. Кто же поставитъ 5000 четвертей, тотъ получитъ чинъ капитанской съ правомъ покупать деревни. Кто поставитъ 7000 четвертей, получитъ чинъ штабской съ правомъ покупать деревни. А наконецъ, кто поставитъ 10,000 четвертей, тотъ можетъ просить о правѣ на дворянство и о дипломѣ и о гербѣ. Всѣ таковые, бывъ снабжены засвидѣтельствованіями отъ Намѣстниковъ, Губернаторовъ и Губернскихъ Предводителей, а ежели въ приписномъ городѣ, то Уѣзднаго Предводителя и двухъ, или трехъ Судей, и произведеніе ихъ по представленію Намѣстника учинять Сенату въ полномъ собраніи, или доклады подавать Государю. Наконецъ, ежели дворяне имѣютъ запасной хлѣбъ, то оные, ежели кто поставитъ въ магазейны 500 четвертей, получа засвидѣтельствованіе, можетъ требовать Владимерскаго ордена четвертой степени. Кто поставитъ 1000 четвертей, тотъ можетъ требовать Владимерскаго ордена третей степени. А кто поставитъ 2000 четвертей, тотъ можетъ требовать Владимерскаго ордена второй степени, которые, по подобнымъ же, какъ выше помянуто, засвидѣтельствованіямъ, и будутъ имъ даны, съ надписаніямъ на крестахъ: „За усердіе къ отечеству и благосердіе къ народу“.

Симъ способомъ, кажется, можно вскорѣ достать хотя на самое нужное пропитаніе народу до снятія яроваго хлѣба, ибо что есть такое, чего бы честолюбіе не могло произвести? А къ тому еще можно приложить, что тѣ дворяне, которые не служа въ офицерскихъ чинахъ, пошли въ отставку, а потому лишены права быть избранными, давъ 250 четвертей въ магазейнъ по 3 рубли четверть ржи, могутъ получить право быть избираемы ихъ собратьями.

Но дабы и отъ сего какого злоупотребленія не произошло, надлежитъ, чтобъ при присылкѣ засвидѣтельствованій, присланы были и всѣ другіе документы о полученіи и раздачѣ, или остаткѣ сего хлѣба, а именно: пріемныя книги отъ каждаго, кому розданъ, и тѣхъ росписки; а естли которой и останется, то оной въ провіантъ можетъ быть употребленъ, о чемъ и Военной Коллегіи сообщить.

Сказавъ сей удобнѣйшій способъ для сысканія хлѣба на два мѣсяца, чтобъ прокормить народъ до Сентября мѣсяца, надлежитъ таперя воззрѣть и на зимнее состояніе, чтобы и зимою паки въ подобную же нужду не впалъ.

Сей способъ главнѣй есть: ограниченіе винныя сидки и пивоваренъ. Троякая есть винная сидка, для поставки казнѣ, дворянъ для собственнаго своего употребленія и вкрадшееся корчемство.

Въ 1775 году, до раздѣленія Россіи въ намѣстничества, поставная сумма вина была во всю Россію 2 милліона 227 тысячь 595 ведръ, и хотя подлинно знать нынѣ не могу сколько поставка состоитъ, но думаю, что не болѣе трехъ милліоновъ, на которые, щитая на каждые 5 ведръ по четверти 9 пудовой хлѣба, придетъ 600 тысячь четвертей. Хотя при благополучныхъ годахъ сіе и не великую сумму составляетъ, но при нынѣшнихъ неурожаяхъ сіе уваженія требуетъ: а для того, естли поставку винную уменьшить вполовину, то сіе весьма поможетъ народному пропитанію, ибо сіе составитъ обращеннаго хлѣба на пропитаніе народа 4 милліона 80 четвериковъ, а потому что 480,000 человѣкъ, употребляясь яровымъ хлѣбомъ по четверику на человѣка, могутъ симъ хлѣбомъ десять мѣсяцевъ пропитаться; а какъ робята и менѣе ѣдятъ, то сіе даже до 600 тысячь человѣкъ пропитаетъ.

Довольно бы было и сей одной причины; но естли разсмотримъ, то найдемъ, что правосудіе, польза народная, милосердіе и самый прибытокъ казны сего требуетъ.

Первое. Поставщики становили вино Государю отъ 50 копѣекъ ведро, и даже въ послѣдніе годы по 85 копѣекъ цѣна вину была, ибо я щитаю токмо за 20 лѣтъ до 1770 года по 2 рубли по 50 копѣекъ, а съ сего года по три рубли. И тако, хотя положить самую дорогую цѣну съ уменьшеніемъ малымъ постановки вина по 80 копѣекъ ведро, придетъ, что поставщикъ 1,000 ведръ, получая каждый годъ по 800 рублевъ, получилъ въ 20 лѣтъ, со всѣми своими протерями, 16,000 рублевъ; а Государь,

продавая вино три года по 2 рубли по 50 копѣекъ, получилъ, сверхъ заплатимой цѣны, 5,100, да въ 17 лѣтъ продавая вино по 3 рубли ведро, получилъ прибыли 37,200 рублевъ, обоего 42,300 рублевъ. То за такую полученную прибыль не есть ли справедливо, чтобы Государь, въ такое время, когда поставщики не обманомъ и не упрямствомъ отрекаются, но самою невозможностію сыскать хлѣба, и половину поставки уступить?

Второе. Колико Россійскихъ Монарховъ власть ни есть самодержавна, но стихіями и существомъ вещей они повелѣвать не могутъ, а потому и повелѣніе поставить вино будетъ повелѣніе тщетное; ибо гдѣ ни за что не можно сыскать хлѣба, тутъ никакая власть не можетъ изъ пустаго мѣста курить вино.

Естли въ семъ случаѣ Государь поступитъ по учиненному положенію въ ихъ контрактахъ, то есть, повелитъ описать находящіяся ихъ въ залогѣ деревни, получитъ ли чрезъ сіе прибыль? Казна будетъ въ той же невозможности высидѣть вино, въ какой были поставщики, да и конечно въ раздробительныхъ заводахъ болѣе гораздо претерпитъ убытку, нежели имѣли поставщики, а потому и принуждена будетъ, держася закону о правахъ дворянства, брать съ нихъ господскіе доходы, то получитъ ли самимъ симъ возвратъ убытку, каковой отъ невыставки претерпитъ? На примѣръ, кто становилъ 40,000 ведръ

вина, въ залогъ имѣетъ на треть поставки 422 души крестьянъ; пусть будетъ съ нихъ брать по 5 рублевъ оброку, и того 2,110 рублевъ, то возвратитъ ли сей малой суммою 88,000 доходу, которые отъ продажи 40,000 ведръ вина получалъ? ибо не токмо души, но и великіе капиталы суть употреблены въ сіи заводы. Пусть, ломая по изволенію разумъ закона, какъ у насъ не рѣдко случается, деревни сіи будутъ проданы и по 100 рублевъ за душу взято, и тутъ придетъ только 42,200 рублевъ, что получится одинъ разъ, да и въ томъ не удовлетворитъ убытокъ Коронной. А послѣ что воспослѣдуетъ? Заводчики всѣ разорятся, недовольныхъ умножится, заслуженные и знатные домы обнищаютъ, а когда придетъ дѣлать новой подрядъ, то не найдется ни кого, кто бы имѣлъ заводы; а кто бы и имѣлъ, и тотъ не инако приступитъ къ сему опасному торгу, какъ возвышая чрезмѣрно цѣну; а симъ Корона, въ любви подданныхъ, въ ихъ благосостояніи и въ своемъ доходѣ, понесши великой убытокъ, еще его увѣчнитъ.

Но пусть поставщики съ совершеннымъ разореніемъ себѣ и съ изнуреніемъ отъ голоду народа, найдутъ способы поставить вино по ихъ контрактамъ; еще Корона и симъ претерпитъ убытокъ, не токмо въ числѣ жителей России, но и въ самомъ доходѣ; ибо гдѣ люди хлѣба не имѣютъ, тутъ они вина не пьютъ, а отъ сего и по-

ставленное вино выпито не будетъ. А чрезъ сіе и другое зло воспослѣдуетъ, Откупщики будутъ разорены и поѣдутъ на каторгу; вино, не взирая на указъ, усохнетъ; а за сіе приставы тожъ наказаніе претерпятъ, а все сіе ни мало ни умирающимъ, ни умершимъ ни голоднымъ людямъ, ни доходу казнѣ не поможетъ.

Послѣ таковыхъ, уповаю, сильныхъ доказательствъ, хотя удивительно будетъ, однако, думаю, что найдутся люди, которые скажутъ, что убавка половиннаго числа поставки навлечетъ половину уменьшенія отъ вина доходу, а сіе составитъ до 4 милліоновъ, а казна имѣетъ нужду во всѣхъ своихъ доходахъ; то какъ сію пустоту, долженствующую быть по крайней мѣрѣ два года, дополнитъ? Хотя по вышеписанному видно, что доходъ сей сохранить не можно, но я еще скажу, что благоразумное распоряженіе учинитъ, что доходу убавки не будетъ, а паче со временемъ прибавка. Правда, что первымъ уменьшеніемъ половины поставки винной кажется вдругъ убавится въ два года доходу до 8 милліоновъ. Но ежели при семъ случаѣ учинятъ благоразумныя учрежденія о пресѣченіи корчемства, яко заклеймѣніе кубовъ, запечатаніе ихъ, окромѣ времени, долженствующаго быть опредѣленнаго для скидки вина, и строгія, но не безчеловѣчныя, наказанія на преступниковъ; однимъ словомъ, таковыя, которыя бы представляли довольные способы для недопущенія сіе учи-

нить, и болѣе бы предупреждали преступленіе, нежель наказывали, то я заподлинно могу увѣрить, что откупной доходъ въ полтора будетъ собираться, а потомъ и дойдетъ до 13 милліоновъ, иль и болѣе, и тѣмъ еще болѣе, что харчебники, не сожигая напрасно ни лѣсу ни хлѣба, все сіе пойдетъ къ поставщикамъ, а посему и самая великая поставка дешевле будетъ. И тако можно ли сіе убыткомъ почесть, когда потерею въ два года до 8 милліоновъ ежегоднаго и еще умножающагося доходу, чрезъ сіе до 4 милліоновъ въ годъ пріобрѣтается? Но ежели и на сіе мнѣ скажутъ, что прибыль сія есть отдаленная, а убытокъ настоящій, что, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Корона имѣетъ нужду въ наличныхъ деньгахъ, я и на сіе отвѣтствую, что такое положеніе покажетъ, что или весьма худо Коронные доходы управляемы, или весьма неразсмотрительно издерживаемы, что, при самой крайней нуждѣ государства, Корона для спасенія его самаго осми милліонами пожертвовать не въ состояніи. Но пускай бы, къ умноженію стыда нашего вѣка, и сіе было. Не можетъ ли Корона пущенными осьми милліонами банковыхъ билетовъ доходъ сей замѣнить, или не можетъ ли, видя такую нужду и предвидимую пользу, хотя занять въ Голландіи, какъ и прежде дѣлали, то нужда ей настоять и не будетъ?

Я симъ оканчиваю касающе до временныхъ учрежденій о пропитаніи на-

рода и о обсѣяніи земли. А тапеpя приступаю говорить о общемъ учрежденіи, какое, по мнѣнію моему, надлежитъ сдѣлать, для обновленія упадшаго у насъ земледѣлія.

Весьма бы краткой мой предлогъ былъ, состоящій продать всѣ государственныя и економическія деревни дворянамъ, щитая кругомъ по 80 рублевъ за душу, мельницы и другія оброчныя статьи, считая по нынѣшнему доходу проценту по 5 рублевъ со ста—что собирается, и продажу сію дѣлать, распредѣля по чинамъ, въ прибавку къ имѣющимся деревнямъ, дабы большіе бояре и любимцы ихъ всѣ не расхватали, и участники не толь велики были, чтобъ за великимъ числомъ деревень и смотрѣнія за ними не было, и ниже бы кто могъ на выборъ оные взять и получать по жеребью, съ позволеніемъ мѣняться. Продажу бы сію сдѣлать, не бравъ деньги, но бравъ въ залогъ самыя сіи деревни, безсрочно, съ платежемъ процентовъ; отъ сего бы пользы слѣдующія произошли: каждой бы старался умножить разные домостройствы въ сихъ деревняхъ; дворянство бы обогатилось, земледѣліе и другія домоводствы умножились, службы наградились, крестьяне лутше бы управляемы и защищены были; доимокъ бы не было, и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль въ денежномъ своемъ доходѣ; ибо продавъ каждую тысячю душъ по 80 душу рублевъ, казна, съ прибавленіемъ взятыхъ пошлинныхъ

денегъ, получитъ 84,000 рублевъ, съ которыхъ будетъ проценту 4,200 рублевъ, тогда какъ нынѣ и еще съ недоимками получаетъ токмо 3,000 рублевъ.

Но льститься о семъ намъ не должно, ни мнимой проектъ сей, требующій нѣкоторыхъ подробностей, болѣе распространять, ибо коль онъ ни есть полезенъ, но исполненъ не будетъ до того, пока у насъ не познаютъ прямую пользу Короны, чего и во сто лѣтъ неуповательно быть.

Проектъ учрежденія Государственной Коллегіи, или Приказа земледѣлія и домоводства.

И тако приступаю, хотя къ сложнѣйшему и труднѣйшему въ исполненіи проекту, по сходному съ таперешнимъ расположеніемъ на него правительства. Оной состоитъ:

1) Надлежитъ учредить Государственную Коллегію, или Приказъ земледѣлія и домоводства.

2) Сія Коллегія должна, какъ и прочія, быть подчинена Сенату, съ такимъ токмо преимуществомъ, что ежели по какому нужному и не терпящему времени ея докладу, ежели въ три мѣсяца рѣшеніе не воспослѣдуетъ, то она имѣетъ право вторичной докладъ послать отъ себя къ Государю.

3) Присутствіе сей Коллегіи должно быть въ Москвѣ, яко во градѣ средоточій имперіи.

4) Должна она быть составлена изъ одного Президента, одного Вице-Пре-

зидента, двухъ Совѣтниковъ и Асессоровъ, съ довольнымъ жалованьемъ, а паче Президенту, долженствующему и привлекать въ домъ свой разныхъ людей, дабы о разныхъ обстоятельствахъ отдаленныхъ губерній увѣдать.

5) Всѣ сіи должны быть опредѣляемы: Президентъ отъ Монарха, Вице-Президентъ отъ него же, но чтобы былъ Лифлянецъ, или Естлянецъ, знающій домостройства. Совѣтники и Асессоры по представленію Коллегіи отъ Сената, съ такимъ наблюденіемъ, чтобы оные изъ разныхъ мѣстъ имперіи были, имѣли бы тамъ свои деревни, и нѣкоторое бы имѣли имя въ знаніи домоводства.

6) Президентъ всегда долженъ имѣть чинъ Сенатора, дабы могъ и въ Сенатѣ самъ нужное о домоводствѣ представлять.

7) Хотя она должна быть управляема и по общимъ правиламъ Генеральнаго Регламента, но въ могущихъ случиться дѣлахъ, нетерпящихъ времени, хотя бы и всѣ прочіе члены были несогласны, одинъ Президентъ имѣетъ право, по данному отъ него приказанію, велѣть исполнять, однако съ тѣмъ, что какъ свое приказаніе, такъ и мнѣніе всѣхъ своихъ сочленовъ, какъ найскорѣе долженъ представить Сенату.

8) Находящіися при ней приказные служители должны быть раздѣлены на шесть повытьевъ, или столовъ, то есть, на четыре полосы государственные и на Лифлянское и Естлян-

ское, и на Сибирское, Оренбургское и Астраханское, которое каждое должно быть подъ дирекціей одного чина, Лифлянское подъ Вице-Президентомъ, а прочія у другихъ, по способности ихъ, какъ сказано въ избраніи ихъ.

9) Всѣмъ Намѣстникамъ и Губернаторамъ предписать, дабы они помоществовали операціямъ сей Коллегіи.

10) Директоры Економіи непосредственно должны быть подчинены ей, по правленію всѣхъ государственныхъ, дворцовыхъ и економическихъ крестьянъ, и разныхъ въ тѣхъ волостяхъ всякаго званія дачь.

11) Губернскіе предводители такъ же въ разсужденіи домостроительныхъ ея распредѣленій должны всею силою ихъ операціямъ ея спомоществовать, яко клонящимся къ общему благу.

12) Надлежитъ ей, окромѣ довольнаго содержанія ея, опредѣлить нѣкоторую сумму на раздаваніе награжденій, такъ же можетъ она дѣлать представленіи Сенату о учиненіи отличившимся въ домоводствѣ награжденій медалями, или и другими почетными награжденіями.

13) Должность ея состоитъ вообще имѣть попеченіе о хлѣбородіи, обильствѣ и благосостояніи государства; и потому, чтобы всѣ Государевы крестьяне прилежали къ земледѣлію, чтобъ пустыя земли были населены изъ тѣхъ деревень крестьянами, коимъ земель недостаетъ. За удовольствіемъ Государевыхъ крестьянъ можетъ продавать таковыя пустыя

земли и помѣщикамъ для поселенія. Чтобы не токмо разные хлѣбы, но такъ же и разныя овощи, плодоносныя деревья; корни, могущіе замѣнить хлѣбъ, яко земляныя яблоки и патасы, и гороховое дерево было размножено, сохранены были лѣса, посушены болота для земледѣлія. Чтобъ умножить и въ лучшее состояніе привести скотоводство, чтобъ въ лутчее состояніе привести винокуренные заводы и не допускать ихъ сожигать хлѣбъ въ неплодоносные годы, ко изнуренію подданныхъ. Имѣть попеченіе о умноженіи пчелъ, о рыбныхъ ловляхъ, маслобойнахъ и мельницахъ. Стараться о размноженіи винограду, дѣланіи винограднаго вина и водки изъ онаго, такъ же о размноженіи шелковицъ и шелковыхъ червей, о заведеніи разныхъ мастерствъ и фабрикъ, поелику не дѣлаютъ они уменьшенія земледѣлія, дабы родившіися вещи могли обдѣланы быть; о комуникаціяхъ легчайшихъ внутри государства и къ портамъ, и наконецъ о заведеніи магазейновъ.

14) Ради исполненія всего вышеписаннаго надлежитъ сей Коллегіи имѣть слѣдующія вѣдомости: 1. О всѣхъ Государевыхъ деревняхъ, имена волостей и деревень, въ которой губерніи и округѣ, сколько на какой рѣкѣ, или озерѣ, сколько душъ мужеска и женска полу, какой ихъ промыселъ, сколько подъ каждаго земли и какого качества, сколько изъ того числа подъ пашнею, подъ лѣсами строенными и кустарями порознь, какого роду сіи лѣса, сколько земель неудобныхъ и какого роду неудобности, сколько луговъ, есть ли мельницы, или озера и рыбныя ловли. 2. О всѣхъ оброчныхъ статьяхъ, гдѣ они состоятъ, къ какимъ деревнямъ прилегаютъ, и какого свойства и обилія, и что съ нихъ сбирается. 3. О всѣхъ пустыхъ земляхъ, находящихся въ Бѣлорусской, Малороссійскихъ, Саратовской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ, и какого они свойства. 4. О розданныхъ и проданныхъ 1761 года земляхъ, кому розданы и проданы и какія ими на тѣхъ земляхъ учинены поселеніи, или въ какую пользу для Государства употреблены. 5. Общую вѣдомость о каждой губерніи о господскихъ крестьянахъ и о ихъ промыслахъ. 6. Ежегодные вѣдомости о посѣвѣ, урожаѣ каждой годъ хлѣба. 7. Ежегодные о размноженіи или убавкѣ пашни въ каждой вотчинѣ Государевой.

15) По собраніи вѣдомостей о состояніи Государевыхъ деревень, надлежитъ ей сдѣлать наставленіи Директорамъ домоводства, прилагая сіе къ мѣстоположенію губерніи, которому оно дастся; ибо одинаковое для всѣхъ Директоровъ Економіи удобно быть не можетъ, какія бы общія правилы въ ней положены ни были; а въ ономъ не токмо все то, что касается до всякаго домоводства, но даже и до управленія вотчинъ вмѣстить.

16) По семъ учинить разсмотрѣніе о числѣ душъ въ каждой волости и о земляхъ удобныхъ распаханными быть, сдѣлать положеніе законное, которая волость имѣетъ надлежащую ей дачю, то ту оставить въ ея положеніи; ежели имѣетъ лишнюю, то отъ недостаточности изъ той же губерніи перевести и изъ тѣхъ волостей, гдѣ дачи недостаетъ, или раздать крестьянамъ находящіися пустыя земли въ той губерніи. Ежели же за всѣмъ тѣмъ будетъ недостатокъ земель, то изъ недостаточныхъ въ оныхъ волостей должно перевести въ отдаленныя плодоносныя губерніи.

Примѣчаніе. Перевозъ сей не инако должно чинить, какъ: 1) Директоръ економіи въ присутствіи Намѣстника или Губернатора и нѣкоего числа первыхъ судей въ той губерніи, и лутчихъ крестьянъ той волости, по дворовой переписи выбрать (долженъ), которые охотою идутъ на перевозъ, и чтобы тѣ самолично въ семъ собраніи объявили и дали подписку; ежели же нѣтъ охотниковъ или недостаетъ ихъ въ опредѣленное число, то по жеребью выбрать, и учинить имъ отъ Короны нѣкоторое споможеніе, или отъ самыхъ тѣхъ крестьянъ, въ чью пользу земля перевезенныхъ остается, и всему сему сочинить опредѣленіе за руками всѣхъ тутъ бывшихъ; 2) во всемъ государствѣ болѣе трехъ тысячь душъ въ годъ перевозить въ дальныя мѣста не должно; а посему и въ каждой волости что достанется, по тому раздѣлять; 3) Росписаніе Коллегіи, сколько перевозить, и откудова сколько, со всѣми обстоятельствами, такъ же и все произвожденіе выбору, не токмо должно быть донесено Правительствующему Сенату, но и напечатано для народа извѣстіе, дабы каждой видѣлъ справедливость такихъ операцій.

17) Имѣвши вѣдомости о розданныхъ и проданныхъ приватнымъ людямъ земляхъ, надлежитъ Коллегіи сдѣлать разсмотрѣніе: 1) Кто сколько взялъ; 2) во что сія земля употреблена; 3) населена-ль она по закону; 4) не взялъ ли кто яко по смежности къ малому числу душъ великія дачи, которыя праздны или, по крайней мѣрѣ, наствами остаются, и 5) какіе лѣса разобраны и во что употреблены? И о всемъ семъ, если усмотрятся злоупотребленіи, на правилахъ економическихъ сообразясь съ законами, учинить докладъ Государю.

18) Сія Коллегія должна сдѣлать правилы для каждой губерніи, по скольку крестьянинъ Государевъ долженъ пахать земли, и учредить пени на всю вотчину, естли такого числа вспахано не будетъ; за излишнее же положить награжденіи, съ довольными осторожностями, дабы чрезъ сіе злоупотребленія не произошло, побуждая увѣщаніями своими и помѣщиковъ послѣдовать таковымъ же правиламъ, и давая награжденіи медалями за хорошее земледѣліе и домоводство, или представляя и къ вящему почетному награжденію, ежели что знатное кто учинитъ.

19) Ежели по исчисленію и назначенью для перевозу Государевыхъ крестьянъ на пустыя земли найдутся

лишнія пустыя земли, то, учиня о семъ вѣрное исчисленіе, подать докладъ Сенату о продажѣ ихъ помѣщикамъ, желающимъ гдѣ есть тѣснота ихъ крестьянемъ, переселить въ тѣ мѣста. Правилы же на которыхъ таковая продажа чинится, суть слѣдующія: 1) цѣна должна быть положена весьма умѣренная, и покупающій воленъ платить, или не платить денегъ, платя ежегодно съ суммы по пяти процентовъ; 2) пошлины съ данныхъ сихъ должно отмѣнить, и всѣ другіе расходы, яко гербовая бумага, за печать и протчее; ибо гдѣ содѣвается польза государственная, тутъ на малости сіи глядѣть нечего; 4) никто такихъ земель купить не можетъ, не объявя съ приказными засвидѣтельствованіями и предложеніемъ межевыхъ плановъ, что законнаго положенія въ его деревняхъ на число душъ недостаетъ; ибо изъ безплодныхъ провинцій и отъ обильства земли могутъ многія перевести своихъ крестьянъ, оставя тѣ земли пусты, и тако другаго рода пустота учинится въ государствѣ; 4) никому не продавать земли безъ обязательства, чтобъ въ пять или въ семь лѣтъ оныя земли по законному положенію тѣмъ числомъ душъ, на которое требовалъ, и изъ тѣхъ мѣстъ не населилъ; чтобы поселеніи сіи дѣлалъ не вдругъ, но по частямъ, и сперва не по многому числу, и наконецъ, естли по прошествіи урочныхъ лѣтъ сіи земли не поселитъ, то всѣ оставшіися за поселеніемъ, по учиненному

осмотру, безденежно возвратятся Государю.

20) Всѣ оброчныя статьи, въ дачахъ состоящія, яко: земли, луга, озера и рѣки, и мельницы, должно тѣми, куда прилегаютъ, по вышеписаннымъ правиламъ, продать на такомъ основаніи, чтобъ взятыя за нихъ деньги, или положенныя оставшіися въ рукахъ у покупщика, но съ коихъ онъ долженъ платить процентъ, приносили процентомъ ту самую сумму, каковую давали сіи оброчныя статьи, взявъ при томъ залогъ о вѣрности такого платежа.

21) Понеже заведеніе разныхъ новыхъ родовъ хлѣбовъ, перемѣна сѣмянъ и заведеніе разныя скотины и наконецъ нѣкоторыхъ нужныхъ ремеслъ— требуетъ нѣкоего числа денегъ, какъ для покупки, такъ и для прейсовъ, то для сего надлежитъ сей Коллегіи опредѣлить нѣкоторую ежегодную сумму на сіи издержки, которыя чинить по слѣдующимъ предписаніямъ:

22) Первое есть заведенія новыхъ хлѣбовъ. Надлежитъ сей Коллегіи чинить оныхъ разныя выписки и по самому малому количеству раздавать въ тѣ области, гдѣ есть такія удобныя мѣста; а когда чрезъ рапорты получитъ извѣстія о успѣхѣ сего заведенія, то объявить, что соглашается для другихъ выписку дѣлать, приговоря для сего вѣрнаго купца и который бы таковую корреспонденцію имѣлъ, еще съ условіемъ, что невсхожій хлѣбъ отъ него не принимать.

23) Всѣмъ довольно извѣстно, что

земляныя яблоки составляютъ здоровую и сытную пищу, а къ тому занимаютъ мало земли, а всегда сильно родятся, то и сіе должно стараться заводить. Такимъ образомъ въ тѣ области, гдѣ есть удобная земля для саженія ихъ, посылать по нѣсколько четвертей и велѣть сперва Директорамъ економіи разумнѣйшихъ крестьянъ принудить, дабы они по малому числу посадили въ полѣ и въ городахъ, однако не болѣе, какъ во всей губерніи человѣкъ по десяти, и наблюдать въ теченіи трехъ лѣтъ, чтобы оные сажали и выбирали порядочно, и научить ихъ употреблять, оставляя имъ оные. А тогда же обнародовать по десяти прейсовъ во всякой губерніи, которые будутъ даваться тѣмъ, кои безъ принужденія о разведеніи ихъ будутъ стараться. Напримѣръ: первые три—по 25 рублевъ; оной давать, кто предъявитъ, что онъ двѣ четверти ихъ собралъ, три—по 15 рублевъ, кто предъявитъ, что полторы четверти собралъ, и три—по (прейсъ) 5 рублевъ, кто объявитъ, что четверть собралъ; и наконецъ одинъ— 50 рублевъ, кто объявитъ, что болѣе трехъ четвертей собралъ; и другія подобныя учрежденіи на десять лѣтъ учинить, ибо непрерывное десятилѣтнее стараніе уже можетъ сіе ввести въ обычаи. Прейсы же сіи давать не токмо Государевымъ крестьянамъ, но и помѣщиковымъ, кто сіе исполнитъ.

24) Подобнымъ же образомъ должно приложить старапіи о разведеніи гороховаго дерева, коего сѣмена удобны

въ пищу людямъ и скотамъ, а листья могутъ вмѣсто сѣна служить. Посѣянныя такія деревья нанятымъ садовникомъ, подъ смотрѣніемъ Директора домоводства, произведутъ множество деревьевъ, которыя должно раздавать съ наставленіями, садить въ Государевы деревни и въ помѣщичьи, кругъ дворовъ, гуменниковъ и огородовъ, съ подтвержденіемъ, чтобы ихъ хранили, дѣлая при томъ и осмотры, безъ наложенія однако пеней и притѣсненія, но употребляя токмо увѣщаніи. А наконецъ полагая цѣны, по три въ губерніи, кто будетъ имѣть сто деревьевъ, приносящихъ плодъ, тому дать, напримѣръ, 50 рублевъ; кто имѣетъ 200 деревьевъ, тому дать 150 рублевъ; а наконецъ, кто имѣетъ 300 деревьевъ, тому дать 250 рублевъ.

25) Надлежитъ сдѣлать учрежденіи о лѣсахъ, съ такимъ еще предписаніемъ, чтобы плодоносныя деревья, яко рябину, черемуху и другія не истребляли.

26) Побужденіе о заведеніи садовъ всякихъ родовъ деревьевъ и огородовъ, такъ же должно составить единый изъ предметовъ сея Коллегіи.

27) Въ самой пашнѣ находится у насъ происходящій отъ старыхъ обычаевъ недостатокъ, то выписки и употребленіе всякихъ орудій для заведенія лутчія пашни, должно сочинить попеченіе сей Коллегіи.

28) А сего ради Коллегія должна имѣть въ собственномъ своемъ владѣніи небольшія деревни, двѣ или три, кругъ

Москвы, гдѣ она будетъ производить опыты, нанимая для сего економовъ и выписывая или дѣлая орудіи. Такъ же и каждый Директоръ домоводства на городской землѣ долженъ имѣть нѣсколько десятинъ съ садовникомъ, и тремя или четырмя работниками и съ лошадьми.

29) Понеже въ Россіи по пространству ея не довольно конскихъ заводовъ, то и надлежитъ сей Коллегіи стараться о размноженіи оныхъ, не токмо у дворянъ, но и у крестьянъ, и для того ежегодно ей и опредѣлить на выписку жеребцовъ и кобылъ по 5000 рублевъ, которые раздавать желающимъ; имѣть ихъ крестьянемъ однодворцамъ и бѣднымъ дворянемъ, которые не болѣе 50 душъ за собою имѣютъ, съ тѣмъ однако, чтобы за розданные имъ лошади они въ 12 лѣтъ деньги заплатили, начиная платежъ по прошествіи двухъ лѣтъ, бравъ надлежащія залоги или поручительство.

30) Толикую же сумму опредѣлить и на выписку разной скотины, яко быковъ, коровъ и свиней, и на такомъ же основаніи раздавать.

31) Понеже попеченіи сей Коллегіи должны простираться и о самыхъ ремеслахъ, того ради защищаетъ она отъ всякаго притѣсненія изъ Россійскихъ произведеній всѣ заведенныя фабрики, однако наблюдая, чтобы обдѣлыванье самыхъ вещей не мѣшало ихъ произведенію, то есть, чтобы отъ нихъ не потерпѣло земледѣліе, и для сего полагаетъ предѣлы, чтобы жадность къ корысти приватныхъ людей не отнимала множества рукъ отъ земледѣлія.

32) Умножившіися строеніи и роскошь въ городахъ привлекаютъ множество земледѣльцовъ въ оные; того ради и надлежитъ сей Коллегіи постараться сдѣлать такія учрежденіи, чтобы, не сдѣлавъ большаго помѣшательства въ строеніяхъ и другихъ ремеслахъ, остановить до нынѣ бывшій великій приливъ земледѣльцовъ въ города.

33) Винные заводы переводятъ много хлѣба— то воззрить и на сіи, въ чемъ предоставляется ей власть уменьшать или запрещать винокуреніе во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ худо хлѣбъ когда родится, умножая его, гдѣ онъ изобиленъ.

34) Учрежденія и расположенія о выпускѣ хлѣба и въ какія государства попеченію ея полагается.

35) Имѣя свѣдѣніи о всѣхъ частяхъ государства, имѣетъ она право предлагать Сенату для докладу Монарху, дабы устроить новые гдѣ водяные комуникаціи, которые разсматриваемы и свидѣтельствуемы должны быть опредѣленными отъ Сената людьми, ибо Коллегія таковыхъ не имѣетъ, и для того токмо мнѣніи и попеченія ея о семъ требуется.

36) Должна сія Коллегія имѣть попеченіе о заведеніи во всѣхъ государственныхъ вотчинахъ магазейновъ, а такъ же и помѣщиковъ къ тому побуждать.

37) Общимъ образомъ, что здѣсь выше и не предписано, но усмотрѣно будетъ Коллегіею о какой бы то части ни было къ пользѣ государственнаго домоводства, о томъ можетъ со мнѣніями своими представлять Сенату. И о таковыхъ нужныхъ вещахъ можетъ Президентъ писать и прямо къ Государю, ссылаясь на учиненные представленіи Сенату.

38) Понеже здѣсь выше единственно главныя правилы помянуты, безъ подробностей, какъ многое изъ онаго исполнять, то на всякое такое нужное исполненіе должна Коллегія сдѣлать особливыя предписанія и поднести Сенату на разсмотрѣніе, дабы во всемъ имѣла правила, по чему поступать, а не было бы безъ крайней нужды самопроизводительныхъ дѣйствій.

39) Понеже Коллегія чрезъ все вышеписанное будетъ имѣть великую власть надъ всѣми подданными государства, то первое ей предписуется, чтобъ ничего, не увѣдомивъ Сенатъ, вновь не исполняла, исключая, что означено выше §, и опредѣлять ежегодно трехъ Сенаторовъ, которые бы въ каждую треть ревизировали дѣла сей Коллегіи въ присутствіи Президента и представляли Государю.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ ДЕНЕГЪ И ХЛѢБА,

ВЪ НАЧАЛѢ 1788 ГОДА,

ПРИ НАЧАЛѢ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Нѣсть на свѣтѣ ничего, чтобы не подвергнуто было къ перемѣнамъ, и нѣтъ такого хорошаго правленія, которое бы всѣ несчастіи страны предвидѣть и предупредить могло; а потому преданіе въ память бываемыхъ такихъ нещастей, съ показаніемъ причинъ и способовъ, какія употреблены были или могутъ быть для врачеванія оныхъ, есть весьма полезно для будущихъ временъ.

Къ нещастію скажу о отечествѣ моемъ, что голодъ у насъ пришелъ хотя случайно, но предвидѣть его за долго было можно, а *недостатокъ монеты и кредиту отъ худыхъ операцій произошелъ*. А нынѣ, когда большая часть государства съ голоду помираетъ и когда мѣдная и серебреная монета, ходящая въ государствѣ, до крайности возвысилась цѣною, кажется, что на все сіе правительство найхолоднѣйшимъ духомъ смотритъ. Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрной голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже недостаетъ; ибо, къ нещастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по четыре рубли покупаютъ. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченной изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины, и 3 изъ лебеды. Онъ въ ужесть меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четвертка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія дольше, то есть, до исходу Февраля мѣсяца не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народу, для прокормленія того народу, которой сочиняетъ силу Имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошъ. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено; и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею приобрѣтши себѣ деньги, хотя мякиною жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народной не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кореты, содрогшіе отъ холоду младенцы среди холоду и вьюги единое чювствіе глада имѣютъ, безвинныя руки протягаютъ, изчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостины просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ, и случайная милостиня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо и слѣпо, и нечювствительно на сіе является. То естли истинѣ моихъ глаголовъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?

Тогда же умножены ассигнаціи банковые, и мѣдь и серебро уменьшились; банкъ, долженствующій, по данному народу торжественно слову Монаршу, ассигнацій не платитъ, и даже содержитъ на заперти и съ часовыми ворота, чтобы на дворъ не пускать. Нашлися такіе люди, которые, взирая на собственный токмо свой прибытокъ, учредили у себя мѣновныя лавки, въ которыхъ мѣняя крупныя ассигнаціи на мелкія, ассигнаціи на мѣдь и мѣдь на ассигнаціи, и рублевики или имперіалы на ассигнаціи или на мѣдь, за все берутъ промѣнъ. Размѣнивая крупныя ассигнаціи на мелкія, берутъ по грошу съ рубля; размѣнивая ассигнаціи на мѣдные, берутъ по пяти копѣекъ съ рубля; мѣняя ассигнаціи на серебро, берутъ по грошу съ рубля, размѣнивая рублевики на ассигнаціи по десяти копѣекъ съ рубля, а рублевики на мѣдныя деньги по осьми копѣекъ съ рубля. Правительство сіе видитъ, зловредные обогащаются, а отъ мала до велика народъ страждетъ; способовъ къ поправленію зла не употребляютъ, и не извѣстно, для какихъ видовъ честь и кредитъ самыя Монархини разрушаютъ.

О таковыхъ промѣнахъ говорю я въ Москвѣ; но зло сіе по всѣмъ городамъ распространилось, и сказываютъ, что въ Казани на промѣнъ ассигнацій по 13 копеекъ на рубль платятъ, а въ арміи и до 20 копѣекъ сіе восходитъ; и по мѣрѣ въ другихъ городахъ.

То довольно видно каждому, коль есть сіе чювствительное разореніе всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую или и больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которые Монаршимъ словомъ утверждены

быть равные мѣдной монетѣ, которые знаки, яко вексели отъ Правительства, ходятъ, и которые торжественнымъ Монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены. То послѣ сего кто Монарху или Правительству Россійскому повѣритъ? И не есть ли сіе оскорбленіе Величества, и въ его особѣ, и въ должной вѣрѣ отъ подданныхъ къ Государю и къ Правительству?

Исторія, иже есть намъ болѣе памятникъ бывшихъ злоключеній на родъ человѣческій, нежель его благоденствій, многіе намъ примѣры бываемыхъ нуждъ народныхъ представляетъ; яко во времени бунту соединенныхъ провинцій противу Гишпаніи, гдѣ даже до оловянныхъ тарелокъ кусками рѣзали, клеймили и вмѣсто монеты употребляли; въ Швеціи, во время, когда Карлъ XII разорилъ военною своею склонностію Швецію, была бита легковѣсная монета, которая за малую потомъ цѣну отдавалась; въ Россіи послѣ разоренія Россіи отъ разныхъ мятежей, били, какъ увѣряютъ, кожаныя деньги; во Франціи, въ нынѣшнемъ уже вѣкѣ, во время Короля Людвика XV, при произвожденіи войны съ Англіей, помнится мнѣ, въ 1746 году, повелѣно было приватнымъ людямъ серебро свое на монетной дворъ носить. Но все сіе было слѣдствіе войны и худыхъ успѣховъ. У насъ войны съ 1774 года не было, а и война*) была самая успѣшная, области наши не разорены, до-

*) т. е. первая турецкая война. *Примѣч. редакціи.*

ходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винныя продажи, пріобщеніемъ къ Короннымъ доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по три рубли съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, поселеніемъ новой Россіи, пріобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, учиненіемъ новой ревизіи, и протчими способами знатно умножились. А однако отъ безденежія и отъ недостатку кредита Россійскій народъ болѣе страждетъ, нежели вышеномянутыя страны и послѣ всенародныхъ нещастій страдали. Отъ чего же сіе происходитъ?

Понеже я помянулъ о настоящемъ голодѣ, яко предвиженномъ, то бы, слѣдуя порядку, и надлежало начать причины онаго изъяснять; но какъ я въ другомъ моемъ сочиненіи о семъ довольно говорилъ и о способахъ сему помочь, то мнѣ остается токмо доказать, что онъ могъ быть предвидимъ, потому, а именно: 1) по запустѣнію великаго числа монастырскихъ лутчихъ полей, кругъ монастырей находящихся; 2) по выпашкѣ земли въ плодороднѣйшихъ областяхъ; 3) по умноженію народа и по недостатку по числу народа земли; 4) по пустотѣ многихъ областей, гдѣ найплодороднѣйшая земля находится; 5) по раздачѣ безразсудно множества такихъ пустыхъ земель безъ обязательства учинить на нихъ селеніи; 6) по великому числу работниковъ, отставшихъ отъ пашни и отшедшихъ въ города для работъ; 7) по

вкрадшемуся отъ сего сластолюбію и лѣности во крестьянахъ; 8) по недостатку у помѣщиковъ людей, чтобы имѣть смотрѣніе за пахатными деревнями; 9) по умноженію винной курки и корчемства; 10) по выпуску хлѣба въ чужіе краи; 11) по незаведенію вездѣ магазиновъ; 12) по ежегодному возвышенію цѣнъ на хлѣбъ, и 13) по неурожаю хлѣба въ 1776 году. Всѣ сіи причины, яко бы отъ чюжестранныхъ, отъ Правительства нашего сокрыты были, или лутче сказать в и д ѣ л и и н е в и д а л и, р а з у м ѣ л и и н е р а д ѣ л и. Но чему сему удивляться? Когда уже нынѣ и голодъ настоитъ, то и тутъ никакого споможенія и попеченія не имѣютъ, то какъ такому Правительству предъупредительное попеченіе имѣть?

И тако, изъяснивъ, что голодъ былъ предвидимъ и какія онаго причины, приступаю таперя говорить, о т ъ ч е г о н и с е р е б р я н ы х ъ, н и м ѣ д н ы х ъ д е н е г ъ н ѣ т ъ и о т ъ ч е г о к р е д и т ъ Г о с у д а р с т в а и Г о с у д а р я п о д о р в а н ъ?

Дабы о семъ яснѣе показать, надлежитъ объяснить всѣ ошибочныя операціи, учиненныя Правительствомъ въ разсужденіи монеты. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ были биты рублевики легче рублевиковъ Петра Великаго и Императрицы Анны; но какъ старой монеты было мало, а новой было бито много, ибо не токмо изъ вынимаемаго серебра изъ рудниковъ Колывана Воскресенскаго, но изъ пошлин-

ныхъ ефимковъ оные дѣлались, то хотя старые рублевики и многіе были вывезены, но по размѣру ихъ со вновь сдѣланными, число ихъ было такое, что вывозъ ихъ былъ не чювствителенъ; да къ тому же, по причинѣ не толь великаго роскошу, и вывозъ ихъ быть не могъ великъ.

По восшествіи нынѣшнія Императрицы на Россійскій престолъ, хотя предъ тѣмъ временемъ былъ заключенъ миръ Петромъ III съ Прусскимъ Королемъ, которой и Ею былъ утвержденъ, и Россія надѣялась наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ, слѣдственно безъ всякія видимыя причины вдругъ зачали монету передѣлывать, убавя пятую или четвертую часть вѣсу рубля. Извѣстно, что восшествіе Императрицы Екатерины Второй послѣдовало по возмущенію; учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить, даны имъ были: единымъ деревни, другимъ деньги, а всѣмъ чины придворные. Дворъ умножился въ сравненіи Двора Императрицы Елисаветы Петровны. Хотя сначала царствованія своего нынѣ царствующая Императрица роскошу и не любила, однако благопристойность побуждала придворныхъ нѣкоторыя излишныя издержки дѣлать; войски еще изъ Пруссіи и Польши были не выведены; туда надлежало посылать деньги; а вскорѣ воспослѣдующая смерть Короля Польскаго Августа и желаніе Россійскаго Двора возвести на престолъ Станислава Понятовскаго, противу воли всѣхъ Поляковъ и Литов-

цевъ, принудило и еще войски туда посылать, его избрали по неволѣ, произошли конфедераціи, которыя должно было унимать; Король началъ дѣлать нѣкоторыя предпріятіи надъ древними правами Польскими, конфедераціи умножились, противу коихъ и войска Россійскія умножали; а тогда же сластолюбіе у Россійскаго Двора стало умножаться: то все сіе учинило, что хотя и было намѣреніе передѣлать рублевики Императрицы Елисаветы Петровны, но они были туда отвезены, и едва пятая часть оныхъ, за остаткомъ, что въ Прусскую войну было вывезено, въ передѣлку вошла.

Да хотя бы и сихъ обстоятельствъ не было, *всякое убавленіе монеты есть вездѣ вредно, а въ Россіи и наипаче другихъ мѣстъ вреднѣе*. Ибо первое: тщетно Государи радуются, видя больше нулей, при числѣ доходовъ ихъ поставляемыхъ. Монета нѣсть товаръ, но знакъ вещей, а потому *уменьшить настоящую цѣну монеты, се есть возвысить цѣну на вещи*, а потому другой прибыли отъ сего не произойдетъ, какъ умноженіе цыфровъ въ щетахъ. Второе: всѣмъ извѣстно, что повсюду Жиды торгуютъ монетою, червонные обрѣзываютъ, тяжеловѣсную на легковѣсную покупаютъ, и протчее. Россія прилегаетъ въ Польшѣ, гдѣ множество находится сего Израильскаго народа: они всякую у насъ монету всякими образы вытаскиваютъ, а когда надѣлали рублевики легковѣсные, то каж-

дый разсудитъ, коль имъ удобно было вытащить на новые рублевики знатную часть старыхъ, отъ чего серебреная монета и уменьшилась знатнымъ образомъ.

Польская война, можно сказать, продолжалась до самаго начатія Турецкія войны въ 1769 году, во все время были полки въ Польшѣ, офицеры издерживали рублевики, которые изъ Польши не возвращались.

А между тѣмъ временемъ сдѣлано двѣ явно вредныя для Россійской монеты операціи. Первая: при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ заключенъ былъ трактатъ съ Англіей, чтобы Россія содержала всегда готовыхъ войскъ для Англіи сорокъ тысячь человѣкъ, съ обязательствомъ Англіи платить по два милліона въ годъ на содержаніе ихъ, которые ефимками къ намъ приваживали. Сіи деньги ежегодно платились, а токмо единожды были войска посыланы, подъ командою Князь Василія Никитича Реннина. Но они ничего не сдѣлали ради послѣдующаго мира между Франціею и Англіею. Достойно во истину удивленія, что толь полезные договоры мы сами отмѣнили: сказываютъ, что сіе учинено будто бы для того, что непристойно Россійской Императрицѣ брать жалованье отъ Англіи, яко бы сіе жалованье брала Императрица. Сіе были субсиды, и яко дань, платимая Англіей ради полученія защищенія себѣ отъ Россіи въ случаѣ нужды. И тако софистическимъ разсужденіемъ Россія сей пользы лишилась, которую уже не удастся ей

возвратить. Второе: при заключеніи трактата съ Англіею, въ (1756) году, положено было: Англинскіе подданные будутъ платить пошлину, какими деньгами они захотятъ, привозимымъ ли серебромъ, или и Россійскою ходячею монетою. Григорей Николаичъ Тепловъ, бывшій участникъ въ семъ трактатѣ, сказывалъ мнѣ причины такого положенія. Курсъ тогда состоялъ $42\frac{1}{2}$ штивра, они же цѣну ефимковъ положили по курсу 40 штивровъ, слѣдственно Корона, получая Россійскую монету въ платежъ пошлины, выигрывала еще болѣе пяти процентовъ, которыя собираемыя деньги тогда же было опредѣлено переводить въ Голандію и выписывать на оные серебро для монетнаго двора. Вотъ, кажется, видимая причина довольно прибыльная и довольно ясная. Но ежели бы заключающихъ Министровъ сей трактатъ вопросить, не видѣли-ль они умноженія люксу, возвеличенія привозу чюжестранныхъ товаровъ, что упаденіемъ курсу угрожало, какъ и воспослѣдовало? Не помнятъ ли они, что въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, когда стали деньги переводить въ находящуюся въ Пруссіи армію, тогда курсъ упалъ до 35 штивровъ? То что было, не можетъ ли опять случиться, и въ малое число лѣтъ Россія потеряла бы, что бы и во многія лѣта пріобрѣла, то я не знаю, чтобы на сіе могли отвѣтить вамъ? Дѣйствително сіе воспослѣдовало. Сластолюбіе во всѣхъ частяхъ умно-

жилось, Польскія дѣла, требующія непрестанной посылки денегъ, продолжались, войны возгорѣлись, курсъ упалъ, и ни единожды съ того времени до 40 штивровъ не доходилъ, выписывать серебро стало неудобно съ толь явнымъ убыткомъ, а Россія около тысячи пудъ лишилась прежде получаемыхъ ефимковъ.

Конечно, естли возрѣть на такія обстоятельства, и на толь худыя операціи, то довольно уже явно, что серебреная монета должна была истребиться, и *Россія*, богатая обильными рудниками серебреными, *въ нищетѣ серебра должна быть*. Но къ сему еще присовокупились и другія обстоятельства. Первое: при Императрицѣ Аннѣ и въ немалое время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Персія была въ цвѣтущемъ состояніи, серебро и злато въ нее текло изъ Индіи, и, на промѣнъ товаровъ нашихъ, изъ Персіи часто серебро привозили; потомъ Шахъ Томасъ-Куликанъ, разоря Могольскую Имперію, и получа въ столицѣ оныя неизщетное сокровище, злато и сребро цѣну свою потеряло; абасы, содѣланные изъ чистѣйшаго серебра, въ Россію въ великомъ множествѣ приходили, такъ же знатное количество привозили въ Астрахань и въ Оренбургъ, такъ называемаго, копычетаго серебра *); тогда же

---

*) Меня увѣряли, что въ Оренбургѣ въ четырнадцать лѣтъ вступило въ казну Государеву до шести тысячь пудъ абасами, копытчетымъ серебромъ и другимъ, окромѣ что приватные люди получили, мѣняя на товары; и тако всего щитаютъ до десяти тысячь пудъ. *Примѣч. сочин.*

торговля съ Китайцами на границахъ Сибири такъ же хотя не великое число серебра въ Россію приносила. Но Шахъ Томасъ-Куликанъ былъ убитъ, сокровищи его разграблены, Персія, раздѣлясь подъ власть многихъ Хановъ, давное уже время въ безпокойствѣ, междоусобной войнѣ и въ разореніи пребываетъ, и не токмо чтобъ могла за товары наши платить серебромъ, сама жадна получить наши изъ нечистаго серебра и легковѣсные рублевики; и меня знающіе купцы въ Персидской торговлѣ увѣряли, что естли имъ позволятъ рублевики, яко товаръ въ Персію отпускать, они по двацати копѣекъ на рубль пошлины заплатятъ. А потому товаръ сей можетъ легко быть сокрытъ, таможни хотя и вездѣ неисправны, а у насъ еще неисправнѣе и таможенники корыстолюбивѣе, то да разсудитъ каждый, вывозятся ли рублевики въ Персію?

Китайской торгъ такъ же сталъ рушенъ отъ несогласія нашего съ Китайцами, а отъ сего и серебро въ Россію входить изъ Китая не стало. Правда, что сіе составляло весьма малое количество, однако оное было.

Еще къ тому же, Зенгорцы, народъ Калмыцкой, живущій между Киргисъ-Кайсаками и Китайцами, онаго не малое количество на наши Сибирскія границы привозилъ; и сіе было то серебро, которое копытчетымъ называлось. Сей народъ, претерпѣвъ междоусобіи, сталъ разоренъ, то и сей источникъ привозу серебра пресѣкся.

А по всему сему и ясно есть, хотя во время царствованія Императрицы Анны Іоанновны Россія и не имѣла богатыхъ серебреныхъ Колывано-Воскресенскихъ и Нерчинскихъ рудниковъ, однако не менѣе серебра нынѣшняго получала. Нынѣ можно сказать, что хотя внѣшніе случаи и вышепомянутыя худыя операціи и пресѣкли источники сіи ввозу серебра, однако отъ богатыхъ рудниковъ не менѣе его входитъ въ казну Государеву, но уже съ десять лѣтъ ни золотой, ни серебреной монеты не бьютъ. Ежедневно оная и вывозомъ и другими случаями истребляется; то удивительно ли, что она такъ рѣдка стала? А однако отъ сего торговля терпитъ, ибо курсы и такъ низкіе, еще убыточнѣе для покупки привозныхъ товаровъ чинятся. Ибо въ самое сіе время, какъ я пишу, курсъ состоитъ рубль 36 штивровъ, а прибавя къ нему еще десять копеекъ промѣну, учинитъ, что рубль десять копѣекъ стоитъ 36 штивровъ, то есть 72 копѣйки; и тако потеря на выписные товары состоитъ 38 копѣекъ. Въ такомъ государствѣ, гдѣ все, что мы носимъ, чѣмъ домы украшаемъ и многое, что надлежитъ для нашихъ столовъ, должны чюжестранное покупать; и естли сему вскорѣ не помогутъ, то ажіо на рублевики можетъ и вдвое возвыситься; а посему да разсудитъ каждый, колико и частные люди, и торговля вьобще претерпѣваетъ, которая безъ вывозу чюжестранныхъ товаровъ быть не можетъ; и какая

еще перспектива намъ впредь угрожаетъ.

Предложивъ таперъ, какая есть причина уменьшенія серебреныя монеты, надлежитъ мнѣ войтить въ разсмотрѣніе, отъ чего мы терпимъ нужду и въ мѣдной монетѣ.

Россія не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того, народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи, и иногда и понапрасну, желающіе научиться способу не имѣютъ, размышленіи остановлены, ошибки или злоупотребленіи неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, яко бы для поправленія, умножаютъ.

Послѣ таковаго начертанія, довольно видно, что числа битыя монеты узнать подлинно не можно; однако, понеже нѣсть тайны, которая бы совершенно могла сокрыта быть, то хотя не точно, но приближительнымъ образомъ извѣстно, что мѣдной монеты бито, и слѣдственно надлежало бы въ обращеніи быть отъ шестидесяти до семидесяти милліоновъ. Конечно бы до-

вольное число, естли бы было довольно серебреной монеты и естли бы могло быть скорое обращеніе денегъ. Но какъ ни того, ни другаго нѣтъ, то въ самомъ дѣлѣ ея есть недостаточно. А доказателство сему то, что хотя я подлинно положить не могу, да сумнителенъ, чтобы гдѣ и въ правительствѣ было извѣстно сіе, естли положить въ Россіи, Малороссіи, Бѣлоруссіи и другихъ странахъ, окромѣ Сибири, гдѣ особливая монета ходитъ, щитая въ томъ числѣ дворянъ, чюжестранныхъ и другихъ до двадцати милліоновъ, то по раздѣленію, не придетъ мѣдной монеты болѣе трехъ рублевъ на человѣка, ибо серебреной не уповаю, чтобы и десять милліоновъ было, а ассигнаціи, какъ выше помянулъ, весьма великаго числа замѣны мѣдной монеты сдѣлать не могутъ. То каждой да разсудитъ, что по толь великому пространству, какова есть Россія, гдѣ естественно не можетъ монета скорое обращеніе имѣть, можетъ ли сія сумма довольна быть?

Еще при Петрѣ Великомъ представленъ былъ проектъ отъ Князь Ивана Андреевича Щербатаго, тогда учившагося въ Англіи, о заведеніи банковыхъ ассигнацій въ Россіи. Сей государь усмотрѣлъ всю важность сего проекта, сочинителя наградилъ, но по немъ ничего не исполнилъ, говоря, что сіе еще рано. Времена протекли, мѣдныя деньги умножились, наводящія безпокойство своею тягостію и количествомъ; нынѣ царствующая Императрица соизволила учредить ассигнаціоный банкъ

для размѣны мѣдныхъ денегъ, дала Монаршее свое торжественное слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги, и вѣрно будетъ заплачена; сперва съ нѣкою недовѣренностію ихъ принимали, а потомъ, испытавъ о вѣрности исполненія слова Монарша, всѣ стали кидаться имѣть ассигнаціи, и кредитъ сихъ бумажныхъ денегъ былъ толь совершененъ, какого нужно было требовать, а симъ число обращающихся денегъ умножилось и провозъ ихъ облегчился.

Однако коренные пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразсмотрѣніе, которые повсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой розлили. Первое, при самомъ учрежденіи банкъ сей учиненъ почти независимымъ отъ главнаго правительства, а чрезъ сіе главному Директору онаго и далася такая власть, каковая есть непристойна во всякомъ благоучрежденномъ правленіи. Второе, не посмотря на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обращенія монеты въ Россійской Имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли, положили сумму въ банкъ — едва половину въ сравненіе съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета; однако, какъ множество ассигнацій вышло по городамъ, то и сей суммы было довольно для безъзадерживаемаго платежа входящихъ банковыхъ билетовъ.

Потомъ учреждены были конторы банковыя по губерніямъ, которыя такъ же свой кредитъ сохраняли.

Но вскорѣ данное самовластіе Директору банка начало несообразными его операціями оказывать свой вредъ, чрезъ приходящія въ разныя мѣста отъ него повелѣніи — иногда выдавать ассигнаціи, иногда ихъ не выдавать, а токмо выдавать деньги, такъ что первое, сими повелѣніями, самовольно имъ учиненными, нарушился уже тотъ святой и составляющій основаніе банка договоръ между Государя и народа, что ассигнаціи суть деньги и деньги суть ассигнаціи. Но однако народъ вдругъ въ юридическую тонкость не вошелъ и не преставалъ имѣть повѣренность къ банку и къ ассигнаціямъ, изъ котораго болѣе денегъ по таковымъ повелѣніямъ выходило, нежели ассигнацій, а симъ самымъ положенныя суммы знатно убавились.

Заведенныя банковыя конторы по городамъ хотя и съ хорошимъ намѣреніемъ учреждены, то есть, дабы споспѣществовать обращенію монеты и облегчить перевозъ мѣдной монеты, не могли, по существу своему, въ совершенствѣ добра сего произвести, ибо по перемѣнамъ обстоятельствъ торгу, иногда и малыя суммы, въ нихъ положенныя, безъ обращенія оставались, а иногда и естли бы и великія положить, ихъ бы недостало. Предвидѣть задолго сіи обстоятельствы трудно, а при начатіи ихъ уже переслать изъ Петербурга ассигнаціи не было время, а потому

въ торговомъ обращеніи хотя не всѣ деньги, но знатную часть, продолжали деньгами перевозить, а сіе такъ же производило въ столичныхъ городахъ уменьшеніе мѣдныя монеты.

Потомъ, не изчисля порядочно числа ассигнацій и числа положенныхъ денегъ въ банкъ, безразсудно обнадѣясь на кредитъ ассигнацій, не разсуждая, что кредитъ безпрестанными, сходственными съ сими намѣреніями, операціями долженъ быть содерженъ, можетъ статься, были еще злобы и противурѣчіи между вельможъ, не рѣдко жертвующія государство и честь Монаршу собственнымъ своимъ видамъ, а наконецъ, можетъ статься, и виды собственнаго прибытка, учинили: первое, отдать привозъ мѣдныя монеты Армянину Ивану Лазаревичу изъ Екатеринбурга, гдѣ она дѣлается, давъ ему слишкомъ годъ сроку, а послѣ и принимать у него, вмѣсто мѣди, ассигнаціями, что еще прибыль его умножило, такъ что уже нѣсколько лѣтъ онъ токмо ассигнаціями платитъ, а самое сіе и учинило недостатокъ въ мѣдной монетѣ.

Къ тому же и прежде учинено было узаконеніе въ разсужденіи заводчиковъ такое, что каждый, во первыхъ, долженъ платить съ выплавливаемой мѣди Коронѣ десятую часть да, сверхъ того, становить въ Екатеринбургъ двѣ трети выплавливаемой мѣди, взимая за оную по пяти рублевъ съ полтиною, такъ что заводчикъ изъ десяти пудъ имъ выплавленной мѣди имѣлъ токмо въ вольную продажу три пуда. Съ

перваго взгляду является сіе положеніе весьма тягостно; но, входя въ обстоятельства, можетъ быть оно намъ не толь тягостно и справедливѣй покажется. Правда, что они оставленную имъ въ вольную продажу мѣдь продаютъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ по одинадцати и по двѣнадцати рублевъ пудъ; но должно ли во всеобщихъ положеніяхъ государства взирати на жадность нѣсколькихъ корыстолюбивыхъ людей? И они всѣ завели свои заводы на Государевыхъ земляхъ, даны имъ Государевы лѣса, а многимъ и деревни, симъ сами до крайности обогатились; то могутъ ли на тягость положенія пожаловаться и вопіять, за чѣмъ еще изъ ничего богатѣе не стали? Причина сія мнѣ довольно извѣстна по случаю, которой я имѣлъ быть посредникомъ въ дѣлежѣ Твердышева съ племянницами его, Мясниковыми, гдѣ я принужденъ былъ разсматривать ихъ щетныя по заводамъ книги. По онымъ я нашелъ, что пудъ мѣди ему обыкновенно обходилась въ полтора рубли, а помнится, въ одинъ годъ или въ два года, ему она отъ рубля шестидесяти и до рубля семидесяти копеекъ дошла, и онъ, Твердышевъ, меня словесно увѣрялъ, что никому изъ заводчиковъ она болѣе двухъ рублевъ съ четвертью не становится, а нѣкоторымъ, яко Походяшину и Турченинову, и не съ большимъ въ рубль до Екатеринбурга приходитъ; то можно ли почесть за тягость, когда больше нежели вдвое, а нѣкоторымъ втрое и вчетверо пла-

тежъ производится? По тѣмъ же книгамъ Твердышева я видѣлъ, что, помнится, въ 1756 году, при началѣ ихъ заводовъ, было на нихъ долгу до пяти сотъ тысячъ рублевъ, а въ 1784 году, когда Иванъ Борисычъ Твердышевъ умеръ, уже были заводы заведены, восемь тысячъ душъ куплено, и до двухъ милліоновъ съ половиною чистаго капитала было. Я такъ же помню Турченинова, что онъ ничего не имѣлъ, но лѣтъ въ тридцать милліонщикомъ сталъ. Что они не чювствовали никакого себѣ знатнаго убытку, какъ и не можно имъ было чювствовать, сіе доказуется и тѣмъ, что они никогда о семъ открытымъ образомъ не просили, да въ разсужденіи ихъ прибытку и просить было нельзя. Ибо естли бы была просьба порядочная, то-бъ была и выписка, и сравненіе, по какимъ цѣнамъ на Государевыхъ заводахъ мѣдь становится; и такъ уповательно окольничными образами испросили, что одна треть повелѣнной имъ мѣди становить въ казну по пяти рублевъ съ полтиною пудъ была указомъ отмѣнена. Не нужные, не бѣдные, милосердіе получили, но отекшіе съ богатства; а казна въ прибыли (осталась) отъ передѣлу монеты, народъ же отъ неприбавленія мѣдныя монеты претерпѣли.

Мудрено сему повѣрить, однако многіе достовѣрные свидѣтели меня увѣряли, что не взирая, что мѣдь штуковая продается въ одиннатцать рублевъ пудъ, а мѣдныхъ нашихъ денегъ въ пудѣ шеснатцать рублевъ, однако

Жиды въ Польшѣ и тѣ тщатся вытаскивать. Можетъ быть сіе чинится такимъ образомъ: Комиссіи наши военныя, дабы по курсу не имѣть потери, возятъ туда мѣдную монету, которую рубль за сто копѣекъ даютъ, а она тамъ не болѣе ходитъ осмидесяти копеекъ, слѣдственно, уже пудъ обходится въ 12 рублевъ 80 копеекъ, что не много дороже, хотя и штуковую мѣдь изъ Россіи туда привезти. Жиды Польскіе большихъ капиталовъ не имѣютъ, а по частной выпискѣ, они пудами и не могутъ по 11 рублевъ пудъ мѣди купить, денегъ впередъ дать такъ же не могутъ, то возвышая цѣну на свои товары и мѣдная монета, щитая ее за мѣдь не въ дѣлѣ, еще имъ сходно для торгу ихъ обходится, а потому хотя не великое количество, однако и они истребляютъ.

А какъ мѣдная монета подвержена ко многимъ потерямъ, яко сгоренію, потопленію, а иногда и крестьяне накопя деньги зарываютъ, то кажется и должно положить, обще и съ вывозомъ въ Польшу, убавки сей монеты до десяти милліоновъ, а потому и не останется ея въ обращеніи, какъ токмо не съ большимъ пятьдесятъ милліоновъ.

При такихъ обстоятельствахъ вдругъ учинились двѣ крайнія ошибки въ операціяхъ государственныхъ о монетѣ, и единое независящее до оныхъ обстоятельство.

Первое. Вдругъ нашедши, что легко могутъ поддѣлывать старыя ассигнаціи, вдругъ сдѣлали новыя, перемѣня

и образъ ихъ и бумагу; а второе, учредя Заемный Банкъ, умножа ассигнаціи, обнародовали, что ихъ токмо сто милліоновъ быть опредѣлено; и третіе, произшедшій голодъ въ Россіи.

А сіе произвело слѣдующее. Первое, въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ столицъ государственныхъ, опасаясь, что старыя ассигнаціи вскорѣ ходить не могутъ, не толь охотно ихъ стали въ платежъ принимать, а потому изъ столицъ и изъ другихъ городовъ надлежало въ тѣ отдаленныя мѣста для покупки хлѣба и другихъ вещей везти мѣдную монету. *) Второе, хотя не подлинно, но народу извѣстно, что ста милліоновъ мѣдной монеты нѣтъ, то отъ сего объявленія, дѣйствительно ли можетъ казна заплатить всѣ ассигнаціи, народъ пришелъ въ недовѣрчивость; и какъ во многихъ Украинскихъ губерніяхъ, которыя до сего довольствовали хлѣбомъ Москву, совсѣмъ учинился недородъ хлѣбу, кинулись еще съ весны 1787 года купцы покупать хлѣбъ на Вяткѣ, въ Саратовѣ и въ другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, гдѣ еще новыхъ ассигнацій не было, а старыя уже не надежны учинились, да хотя бы и надежны были, тамошнія банковыя конторы не могли столько и выдать ихъ, ибо по случаю сей

*) Увѣряли меня при томъ, что около сорока тысячъ ассигнацій осталось такихъ, которыя не успѣли въ срокъ перемѣнить, и Корона за нихъ заплатить отреклася; и еще нашлося около сорока тысячъ фальшивыхъ, которыя такъ же безъ платежа остались; то сіе учинило такъ же къ бумажнымъ деньгамъ недовѣрку.

Примѣч. сочин.

нужды и обстоятельства, никакого распоряженія не было учинено, то и повезли великія суммы на покупку тамъ хлѣба, такъ что столичные города и многія губерніи почювствовали великой ущербъ въ мѣдной монетѣ; правительство же не сдѣлало осторожности, чтобы почтенному и любимому Лазаревичю велѣть привезти монету изъ Сибири. Вдругъ зачали деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, пошли мѣнять, тамъ учинили затрудненія, яко бы недовольно было щетчиковъ; не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ разсказали, и кредитъ Банка Государственнаго и Монарша слова пропалъ.

Се довольная причина злу; но кажется, яко бы правители Государственные употребляли всѣ способы, дабы болѣе на себя вину наложить. Еще прежде воспослѣдуемой такой нужды, учреждено было въ Дворянскомъ Банкѣ и въ другихъ мѣстахъ брать промѣнъ, ища прибыли Коронной, или лутче сказать алтынничая, и учиня, что и на металлѣ изваянное слово Монарше— гривна рубль, и что рубль гривна, есть несправедливо. Мало пользы Корона получила, но много вреда сдѣлала; ибо собственнымъ своимъ примѣромъ научила подданныхъ въ сей торгъ, вредной каждому государству, вступить и по справедливости отняла у себя способъ, наказаніе и запрещеніе тому учинить; ибо они не суть какъ токмо подражатели вѣрному слову Короны.

Се есть таперь перваго

числа Марта 1788 года наше состояніе. Но должно ли токмо охулять, или должно искать способы злу сему помочи? Не взирая на честь, которую я имѣю засѣдать въ первомъ Правительствѣ государства, сіе Правительство никакого свѣдѣнія о доходахъ и о такихъ операціяхъ не имѣетъ, а потому я долженъ о врачеваніи сего зла, яко совсѣмъ приватной человѣкъ, говорить.

Во первыхъ, порядокъ самого предмета сего сочиненія требуетъ говорить о прокормленіи сихъ нещастныхъ странствующихъ и жалостными своими воплями пронзающихъ чювствителныя сердца и докучающихъ нечювствительнымъ; ибо, кажется, первое попеченіе должно имѣть о сохраненіи людей, потому что безъ нихъ ничего не обрѣтаютъ.

И тутъ я нахожу удивительную для меня содѣланную операцію для соблюденія казны. Ради военнаго времени остановлены всѣ казенныя работы, а симъ способомъ, при гладѣ народномъ и при нуждѣ совершенной, и отняты способы великому числу людей пропитаніе себѣ пріобрѣсти, яко бы сохраненіе подданныхъ внутри государства не способствовало и къ успѣшнѣйшему произведенію самыя войны. Не говорю я, чтобы продолжать вездѣ сіи пышные и огромные всѣ зданіи, которые и въ мирное время, показуя токмо пышность и тщеславіе правительства, отнимая множество рукъ отъ земледѣлія, дѣйствительный вредъ государству наносятъ; и не говорю, чтобы вездѣ строеніи продолжать, ибо подлинно военное время требуетъ уменьшенія Коронныхъ внутреннихъ издержекъ. Но въ разсужденіи нынѣшней нужды народной, чего бы ради, хотя убавя вполовину, не продолжать строенія въ Москвѣ, такъ же въ претерпѣвающихъ голодъ губерніяхъ? Ежели мы исчислимъ, коликія на сіе потребны суммы, то, кажется, самымъ посредствомъ ихъ мнѣніе мое утвердится; а именно, я заподлинно слышалъ, что въ Москвѣ на строеніи выдавалось по 400 тысячъ рублей въ годъ; но я полагаю половину, и того 200 тысячъ, а потомъ въ Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Новогорода-Сѣверскаго и Харьковской губерніяхъ, въ кои на каждую выдавалось по 20 тысячъ рублевъ, и того 160 тысячъ; и того всего 360 тысячъ рублевъ. А сими бы, пущенными отъ Короны, въ народъ деньгами бѣдные бы жители могли воспользоваться, работою своею найтить себѣ не токмо пропитаніе, но и способы къ платежу податей и къ приготовленію хлѣба для будущаго посѣву, которой ими въ нуждѣ и нищетѣ ихъ истребленъ, и продолженіемъ голоду Россіи угрожаетъ. Мнѣ помнится, что я нѣгдѣ читалъ, что во время продолженія разорительныя для Франціи наслѣдныя войны, провинція Лангедокская учинилась не въ состояніи платить податей, то посланы были туда деньги для разныхъ употребленій, оныя въ народъ разошлися, нужныя вещи учинились исправлены, и обращеніемъ монеты провинція не токмо учинилась въ состояніи подати заплатить, но еще и благосостояніе свое пріумножила. У насъ Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, при бывшемъ тогда въ Россіи голодѣ, началъ великія строеніи и тѣмъ народъ пропиталъ, и между прочими строенія колокольни Ивана Великаго сему есть памятникъ. Желалъ бы я хотя видѣніе сея колокольни и звонъ огромныхъ ея колоколовъ возбудилъ напамятованіе такого мудраго и человѣколюбиваго поступку сего похитителя Россійскаго престола, но достойнаго вѣчныя хвалы за сіе его благотвореніе.

Находятся въ каждой губерніи учрежденные, такъ называемые, Приказы Общественнаго Призрѣнія. Государь въ сіи Приказы лишь небольшія суммы денегъ своихъ положилъ, большая же часть сихъ суммъ составлена изъ подаянія приватныхъ людей. То кажется, по званію ихъ и по предписанной должности, когда можетъ быть лутче способъ сему Приказу, какъ дѣлать общественное призрѣніе тѣмъ бѣднымъ, которые, оцѣпенѣвши отъ стужи, жалостными воплями милостины просятъ? Деньги въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія всѣ розданы въ процентъ; то я и не говорю, чтобы таперя, при общей нуждѣ, съ жестокостію понуждать возвращать сіи деньги и новыхъ нищихъ учинить, чтобъ другимъ нищимъ помочь; но для чего бы процентовые деньги не употребить для заведенія какой, хотя ненужной работы, платя за оную щедро, чтобы симъ способомъ нищихъ и съ ихъ семействами пропитать? Естли нѣтъ на сей случай входящихъ процентныхъ денегъ, то можно бы занять изъ другихъ государственныхъ мѣстъ безъ проценту, а по собраніи проценту оныя заплатить. Ибо, какъ я выше сказалъ, знатныя суммы, положенныя въ Приказы Общественнаго Призрѣнія, суть подаяніе приватныхъ людей, то и самая справедливость не требуетъ ли, чтобъ данныя деньги для благодѣянія сходственно съ намѣреніемъ дателей употребить?

Собираютъ съ дворянъ и со всѣхъ помѣщиковъ ежегодно деньги на починку дорогъ, и дабы не говорить о другихъ мѣстахъ, въ Московской губерніи берутъ по пяти копѣекъ съ души. Сей сборъ есть необходимо нужной, ибо подлинно нигдѣ уже отъ худыхъ мостовъ проѣзду нѣтъ, и хотя указомъ Ея Императорскаго Величества 1781 года сказано, что на всѣ дороги суммы опредѣлены, но въ самомъ дѣлѣ они такъ малы, что оными ничего исправить не можно. Но естли собираютъ сей сборъ для добра, то есть для удобности проѣзду, то не лутче-ль бы одними суммами два добра сдѣлать? Первое, починить, сколько ихъ станетъ, дороги и мосты, а второе, дать пропитаніе нищимъ, посылая ихъ и въ нынѣшнее зимнее время для рубки и вязанія фашиннику, и для рубки лѣсу,

на починку дорогъ, съ довольнымъ платежемъ? Пусть лишніе на сіе деньги изойдутъ, но сохраненіе людей и оказанное милосердіе не суть ли довольно сильныя причины для побужденія сіе учинить?

Мнѣ сказывалъ нынѣшній Начальникъ Москвы, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, что видя толпы нищихъ, приказалъ онъ Г-ну Оберъ-Полиційместеру оныхъ отсылать къ одной Государевой работѣ, гдѣ по 25 копеекъ на день человѣку платится, но что они иные не пошли, а другіе съ той работы сбѣжали, говоря, что они милостынею и безъ работы болѣе могутъ пріобрѣсти. Весьма вѣроятное сіе есть дѣло и сходственное съ умоначертаніемъ облѣнчивости нашего народа. Но должно ли для того останавливаться дѣлать добро, что злые есть? И усмотря зло, не должно ли стараться его пресѣчь? А сіе при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба есть самое зло, когда, надѣясь на подаяніе, происходимое отъ природнаго благосердія Россійскаго народа, не токмо толпы нужныхъ, но и толпы лѣнивцовъ для полученія милостины сюда стекутся. Я удивляюся, что сей старый, почтенный добродѣтелію своею, лѣтами, службами и разумомъ, мужъ не примыслилъ для отвращенія сего весьма простой способъ. Сей есть: посылать въ такія работы съ запискою нищихъ, и сіе чинить два раза, а естли они послѣ, имѣя работу, еще публику воплями своими, отъ лѣности происходящими, отягчать

станутъ, то оныхъ высылать изъ города; которые же и за сей высылкою паки явятся въ городѣ, таковыхъ брать и опредѣлять на нѣсколько времени, съ нужнымъ пропитаніемъ, въ Государевы работы на нѣсколько дней. Но для сего надлежитъ, чтобы работы были устроены, и не самовластное бы хотѣніе и не жестокость ихъ выгоняла, но самое доказательство, что лѣность ихъ есть виною ихъ нищетѣ.

Ибо трудно хорошо расположенному сердцу и самое открытое и самовольное преступленіе наказывать, то коль найпаче грѣшно и тягостно бѣдныхъ и томимыхъ гладомъ наказывать за то, что желаютъ жизнь свою и дѣтей своихъ чрезъ благосердіе достаточныхъ продлить. Сей мой предлогъ кажется есть такой, что онъ долженъ быть впечатлѣнъ въ сердцѣ каждаго человѣка, а однако и въ ономъ, взирая на поступки другихъ, я принужденъ усумниться, справедливъ ли онъ и подлинно ли сердце мое и содроганіе души моей о нещастныхъ мнѣ истину вѣщаютъ?

Я видѣлъ, я видѣлъ—и сіе есть истинно—въ прошедшемъ году изгнанныхъ изъ Москвы всѣхъ нищихъ, безъ всякаго опредѣленія о ихъ пропитаніи, которое они отъ подаянія Московскихъ жителей получали; и сіе было учинено ради пріѣзду всемилостивѣйшей Государыни, дабы видѣніе толикаго числа нищихъ ее не обезпокоило.

Причина изганія сего нищихъ есть несправедлива, и естли бы Монархиня,

увѣдавъ сіе, признавъ, слѣдующее сказала: „Дошло до меня, что для сохраненія спокойствія моего и дабы не возмутилось мое сердце, видя великое число народа, страждущаго въ нищетѣ, вы нищихъ всѣхъ изгнали изъ сего моего столичнаго града, гдѣ они отъ благодательныхъ согражданъ пропитаніе себѣ получали. Я благодарна вамъ за ваше вниманіе къ моей особѣ; но вижу, что вы любите токмо мою особу, отличая ее отъ сана Императрицы, да и то любите и поступаете такъ, какъ поступаютъ съ младенцами, которыхъ не хотятъ ничѣмъ огорчить. Вы изгнали множество нищихъ, которые здѣсь пропитаніе находили отъ добросердныхъ гражданъ; но, приложа вниманіе, чемъ же они во время бытности моей въ семъ градѣ могутъ пропитаться? Изгнали ихъ не для ради возвращенія ихъ къ земледѣлію; ибо въ концѣ Іюня мѣсяца, почти есть праздное время и для земледѣлія, да и тощій человѣкъ можетъ ли работать? а приближающійся сѣвъ оржаной, которой для нихъ по нуждѣ ихъ не существуетъ; ибо нечѣмъ имъ посѣять, а вы и то отняли у нихъ, что бы кто хотя бы малое что могъ пріобрѣсти и посѣвъ учинить. Вы изгнали ихъ для того, чтобы я ими не была обезпокоена и зрѣніемъ бѣдности не оскорбилась, но можете ли вы увѣрить, чтобы, лишася подаянія, кто изъ нихъ самихъ или малолѣтныхъ ихъ дѣтей отъ голоду смерти не претерпѣлъ? Зачѣмъ лишили вы ихъ способу пріобрѣсти

что хотя малое излишнее, дабы на сіе купить хотя малое число ржи для посѣву къ будущему году, а чрезъ сіе продолжили недостатокъ хлѣба? Наконецъ, чего ради старались вы сокрыти отъ меня тугу моего народа, не дали мнѣ зрить нищету подчиненныхъ подъ скипетръ мой, за жизнь и благосостояніе коихъ должна я предъ Богомъ отвѣтствовать, не дали чювствительному моему сердцу раздѣлить чювствіе нещастій ихъ и лишили меня удовольствія, пріятнѣйшаго каждому, хорошо расположенному сердцу, а наче Государю, содѣлать имъ благодѣянія и помощь нещастію ихъ? Что скажете вы на сіе?“ То я не знаю, что можно бы было на сіе отвѣтствовать.

Причина самая завела меня говорить пространно о прокормленіи страждущихъ нищихъ. Таперя приступаю говорить о учиненіи вспоможенія Государеву и Банковому кредиту, а самымъ симъ и о уничтоженіи сего разорительнаго торгу, которой нынѣ чрезъ промѣнъ денегъ производится.

Я истинно съ содроганіемъ къ сему приступаю; ибо способы сему помочи кажутся мнѣ быть толь легкіе и только очевидные, что самымъ тѣмъ, что Правительство ихъ не употребляетъ, я, не взирая на чювствіе совѣсти моей, начинаю сумнѣваться въ дѣйствительности ихъ. Но какъ бы то ни было, по Русской пословицѣ: Со вранья пошлины не берутъ, а я удовлетворю расположенію сердца моего, любви къ отечеству и

къ моимъ согражданамъ, и оные, какъ они мнѣ впали на мысль, предложу.

Мнѣ кажется, что единый способъ есть возставить банковый кредитъ и прекратить вредный торгъ мѣнялъ, есть пустить довольное число мѣдныхъ денегъ въ народъ и учинить, чтобы банковыя ассигнаціи безъ замедленія промѣниваемы были; тогда и паки они кредитъ свой возобновятъ, и торгъ сей, за неимѣніемъ нужды никому давать лажь, упадетъ.

А для сего, окромѣ отдаленныхъ способовъ, которыхъ тысячи можно придумать, которые всѣ придутъ поздно, а до пришествія ихъ народъ многое отягченіе почувствуетъ; а что позже они придутъ, то труднѣе будетъ возобновить кредитъ Государственной, ближайшія суть слѣдующія:

I. Извѣстно мнѣ, что въ Камеръ-Коллегіи лежало, помниться мнѣ, до осми сотъ тысячь мѣдныя легковѣсныя монеты, которыя, въ бытность мою въ Коллегіи Президентомъ, отданы въ ассигнаціонный банкъ, а завѣрно знаю, что и въ другихъ мѣстахъ не малое число такой монеты находилось, и слышалъ я, что сей монеты лежитъ въ банкѣ полтора милліона или болѣе. Монету сію, назнача ей цѣну сходственную съ нынѣшнею мѣдною монетою, выпустить немедленно, и сіе учинитъ не малую подпору банку. Не новое сіе есть; ибо и при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ пятикопеешники мѣдные, сперва въ четыре, потомъ въ три, а наконецъ и въ двѣ копейки, безъ передѣлу ходили.

II. Уставомъ о винѣ повелѣно, чтобы откупщики платили таковыми деньгами, каковые у нихъ въ сборѣ бываютъ. На кабакахъ пьютъ на алтынъ или на гривну, а никогда не токмо на пятирублевую ассигнацію, но ниже на рубль кто вдругъ выпиваетъ. Сихъ откупныхъ денегъ въ Москвѣ можетъ собраться до милліона двусотъ тысячь рублевъ, слѣдственно около ста тысячь рублевъ будетъ каждый мѣсяцъ въ подмогу кредиту банковаго мѣдными деньгами; и естли, видя такую тягость народную, по сіе время Казенная Палата съ нихъ мѣдныхъ денегъ не брала, то сіе явно есть, что она имъ потворствовала и давала имъ способы мѣдныя деньги на ассигнаціи съ прибылью мѣнять, въ противность узаконенія, съ убыткомъ казнѣ и народу, а токмо для прибыли ихъ.

III. Соль также, ежели бы и всѣ кулями покупали, и тутъ нѣтъ такой ассигнаціи, которая бы могла за куль соли быть заплачена; ибо куль соли не болѣе бываетъ, какъ отъ десяти пудъ до двѣнадцати; пудъ соли стоитъ тритцать пять копеекъ, слѣдственно, и за куль между трехъ рублевъ пятидесяти копеекъ и четырехъ рублевъ двадцати копеекъ платится; а соль и мало кулями покупаютъ, но берутъ ее пудами, а и ногда и фунтами; сихъ денегъ я щитаю, по многонародію Москвы, соберется въ мѣсяцъ до шестидесяти тысячь рублевъ, зачѣмъ же и ихъ не употребить для подпору кредита банковыхъ ассигнацій?

IV. Тако по моему счету, и конечно я не во многомъ ошибаюсь, приходитъ вдругъ на подкрѣпленіе банка легкой монеты, съ убавкою ее цѣны, слишкомъ милліонъ, да ежемѣсячнаго подкрѣпленія по сту по шестидесяти тысячь; да еще годоваго до сту тысячь. Но кажется мнѣ, и сего еще мало, дабы учинить безтрудное обращеніе мѣдныхъ денегъ въ Москвѣ, и дороговизнь промѣну отмѣнить; то дабы и сему помочь, можно надѣлать до двухъ милліоновъ рублевыхъ ассигнацій, и оныхъ милліонъ въ Москву въ обращеніе пустить, то не имѣя уже какъ на мелкія ассигнаціи дѣлать промѣнъ, и малое число мѣдныхъ денегъ могутъ обращеніе имѣть.

V. Подушныя деньги хотя нѣсколько платятся и ассигнаціями, однако естественно должно и ихъ входить до половины мѣдными деньгами, то, считая 300 тысячь душъ въ Московской губерніи, учинитъ до 100 тысячь оныхъ входящихъ въ годъ.

VI. Понеже, отъ злоупотребленія ли, отъ нераченія-ль, иль отъ безпорядку, промѣнъ въ Банкѣ есть затруднителенъ, или лутче сказать, его почти нѣтъ, то уставить и въ другихъ Присутственныхъ Мѣстахъ промѣнъ, дабы два или три мѣста мѣну производили, и народъ бы могъ быть раздѣленъ сходящійся для промѣну денегъ. Не говорю уже я, чего достойны банковые судьи, не говорю за непромѣнъ денегъ, ибо, можетъ статься, и невозможность настоитъ, но за то, что грубой ихъ поступокъ огорчаетъ народъ и что они, можно сказать, употребляютъ свое искусство не тишину сохранить, но произвести возмущеніе? ибо довольно люди терпятъ, видя кредитъ нарушенной, не имѣя денегъ на раздробительную покупку, платя знатную часть за промѣнъ; зачѣмъ же къ тому грубости дѣлать? Зачѣмъ собравшіеся народные недовольные толпы у воротъ на холоду держать? За чемъ запирать ворота и часовымъ велѣть отбивать, когда народъ проситъ о исполненіи Монаршаго торжественнаго слова? Воззримъ на прежнія времена. Архіерей Амвросій меньше сдѣлалъ, и былъ народомъ убіенъ. А сіи судьи не къ тому ли народъ побуждаютъ? Но я здѣсь не сужу, а токмо самое дѣло предложилъ.

Хотя я здѣсь говорилъ токмо о Москвѣ, но и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ нужно, можно тоже подкрѣпленіе кредиту банковыхъ билетовъ учинить. Ибо вездѣ есть откупы за вино, вездѣ соль продается, и вездѣ подушныя деньги плотятъ; а рублевыхъ ассигнацій я нарочно положилъ для Москвы токмо милліонъ, то другой милліонъ можно и въ другія губерніи разослать.

А учиня первое сіе врачеваніе потерянному кредиту, уже можно другіе способы находить, яко содержаніемъ всегда въ Банкѣ наличныхъ денегъ

противу двухъ третей ходячей монеты, скорѣйшимъ привозомъ битой монеты въ Екатеринбургѣ *) умножить оной число, дѣлая ее болѣе, иль, естли по счету найдется удобно и безъ убыточно, дѣлая оную и въ другихъ мѣстахъ, такъ же битьемъ изъ хранящагося серебра и золота, серебреной монеты, дабы и оная, весьма уменьшившаяся, совсѣмъ не истребилась, взявъ въ правило, что Государь нѣсть казначей Государственныхъ сокровищъ, но благодѣтель своихъ подданныхъ, а потому, отнимая изъ обращенія серебреную и золотую монету, приключаетъ торговли отягощеніе, и тѣмъ и народу и себѣ напрасные убытки, а пустя сіи металлы въ обращеніе, оживляетъ торговлю и творитъ благодѣяніе народу.

Не упоминаю о другихъ способахъ о пріобрѣтеніи металловъ, ибо, окромѣ, что сіе учинило бы трудъ мой безконеченъ, и не принадлежитъ оно къ моему предмету.

*) Говорю я скорѣйшимъ, ибо естли возмемъ въ разсужденіе, что по потеряніи кредита ассигнацій, ни одинъ мужикъ не беретъ оныхъ, но продастъ весь свой товаръ на деньги, то да разсудятъ, сколько въ каждый торговой день должно выдти отъ жителей Москвы денегъ на покупку сѣна, дровъ, тесу и прочаго, и сколько должно заплатить разнымъ работникамъ, которые деньгѣ всѣ изъ Москвы выходятъ, развѣ съ половиннымъ, или двутретнымъ, возвращеніемъ: то сіе еще найвящще уменьшеніемъ монеты угрожаетъ.

Примѣч. сочин.

А наконецъ все сіе должно заключить тѣмъ, что Правительствующаго Сената первый Департаментъ, въ вѣдѣніи своемъ въ Московскаго Сената Департаменты, отъ 17 числа Февраля сего года, прописавъ о великомъ взимаемомъ лажѣ и о происходящихъ казнѣ убыткахъ, объясняется, дабы Господа Генералъ-Губернаторы и правящіи ихъ должности старались пресѣчь такое корыстолюбіе въ промѣнѣ монеты, поступая въ томъ съ виновными по силѣ законовъ безъ малѣйшаго послабленія, чрезъ что я считаю, что сіе и гласитъ равно на пользующихся обстоятельствами для своего корыстолюбія, на не предъупредившихъ начинающееся зло, и наконецъ на подавшихъ причину къ оному. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, торговцы, воспользующіеся обстоятельствами для своего прибытку, и еще содѣлавшіе, что, по крайней мѣрѣ, хотя за дорогой промѣнъ для раздробительной покупки можно деньги достать, есть менѣе другихъ виновны **).

**) Статья эта напечатана въ числѣ десяти статей въ 1 книгѣ Моск. Общ. исторіи и древностей Рос. 1860 г. (См. выше примѣчаніе на стр. 427—428).

ПРОЕКТЪ

О ПРИЧИНѢ ЯЗВЫ *).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Бывъ побужденъ любовью къ отечеству и ободренъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, дерзая нѣкоторыя мнѣнія мои всеподданнѣйше предложить, клонящіяся къ сохраненію уѣздовъ отъ заразительной болѣзни, которая нынѣ въ Москвѣ толь великія злоключенія наноситъ. Я не буду упражнять драгоцѣнные часы Вашего Императорскаго Величества, всѣ опредѣленные къ пользѣ и славѣ Россіи, многими способами каковые употребляются и можно употребить къ недопущенію распространиться толь великаго зла, бывъ уже увѣренъ, что всѣ оные мудрымъ Вашимъ провидѣніемъ и правительства предвидѣны и исполнять ихъ повелѣно; но самое исполненіе по симъ повелѣніемъ сочинитъ мою причину.

Часто, Всемилостивѣйшая Государыня, и лучшія постановленія безъ дѣйствія остаются, если не возмутся нѣкоторые сходственные съ обычаями людей и съ обстоятельствами самыхъ мѣстъ способы, дабы оные исполнить; а чтобы сіи способы взять, то ихъ знаніе надлежитъ и дерзаю сказать, что по многому моему житью въ деревняхъ и по знанію мыслей жителей деревенскихъ, они мнѣ нѣсколько извѣстны. Если препоручить исполненіе взимаемыхъ предосторожностей на всякаго званія градоначальниковъ, то первая обязанность ихъ государственными дѣлами не допуститъ ихъ довольнаго времени къ тому имѣть, дабы не дремлющимъ окомъ всѣ наблюдать—второе, пространство уѣздовъ тому такъ же препону дѣлаетъ; третье, воевода иль какой другаго званія градоначальникъ, часто не имѣя въ томъ уѣздѣ ничего собственнаго, пойдетъ ли самъ подвергать свою жизнь къ опасности, чтобы всю опасность своими глазами видѣть и все предупредить? Опыты Вашему Величеству противное доказуютъ. Хотя я не сумнителенъ при томъ, что Ваше Величество много имѣете такихъ подданыхъ, которые съ радостью себя пожертвуютъ общей пользѣ, но во вся-

*) Печатается съ рукописнаго подлинника Импер. Публ. Библіотеки. Эрмитажная Библіотека № 572 (въ переплетѣ).

комъ случаѣ, кажется мнѣ, лучше такъ опредѣлить, чтобъ собственная польза каждаго была соединена и съ общею, и охраняя бы себя, каждый прочихъ охранялъ. Слѣдственно ко исполненію для предосторожности установленныхъ или установляемыхъ учрежденій лучше опредѣлить такихъ дворянъ, которые бы не токмо въ тѣхъ уѣздахъ, но и въ самыхъ тѣхъ станахъ деревни имѣли. Я для того говорю въ тѣхъ станахъ, ибо если сіе положить на однихъ предводителей, то тѣже неудобности пространства уѣздовъ и дальности еще опасности представятъ. Того ради и почитаю, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ каждый станъ надлежитъ опредѣлить становаго комиссара, давъ ему нѣкоторую команду для постановленія гдѣ надлежитъ караулу и препоручивъ его подъ вѣдѣніе Правительствующаго Сената или Комиссіи, которая бы о здравіи и о сохраненіи подданныхъ Вашего Величества въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ попеченіе имѣла. Выборъ таковыхъ становыхъ комиссаровъ такъ же трудности подвергнутъ; удаленіе тѣхъ, которые пошли въ вѣчную отставку отъ дѣлъ есть толь велико, что за трудъ себѣ почитаютъ какое малое дѣло на себя взять и даже многіе, какъ мнѣ извѣстно, отъ предводительства отрекалися и сіе причиною, что все земское правленіе толь худо исполняется и въ комиссары всегда самыхъ худыхъ и малознающихъ людей избираютъ. Но осмѣлюсь Вашему Величеству искренно донести, что тѣ са-

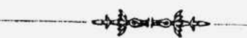
мые, которые являются болѣе отъ дѣлъ убѣгать, если на нихъ оные для общей пользы возложены будутъ и когда они увѣрятся что ихъ труды могутъ извѣстны быть Вашему Величеству, тѣ наиболѣе окажутъ своего усердія. Опасно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и самое дворянское собраніе цѣлаго уѣзда, то если мое предложеніе будетъ достойно нѣкоего вниманія, не повелите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ каждаго стана дворяне, собравшись гдѣ въ деревнѣ, выбрало такого становаго комиссара, имѣющаго свои деревни въ самомъ томъ стану, то сохраненіе собственныхъ его деревень и себя болѣе его понудитъ и о общей пользѣ попеченіе имѣть, а сверхъ того, Всемилостивѣйшая Государыня, дабы не предать елико возможно и сего на худой иногда выборъ, то не повелите ли пристойнымъ образомъ развѣдать о лучшихъ дворянахъ, жившихъ въ уѣздахъ, и именно о тѣхъ приватными рекомендательными письмами кому отписать, изъясняя, что и Вашему Императорскому Величеству достоинства тѣхъ извѣстны, и когда къ сему еще пріобщится милостивое Вашего Величества увѣреніе, что усердіе всѣхъ такихъ становыхъ комиссаровъ безъ уваженія не останется, то почти за вѣрное могу сказать, что оные границъ усердію своему не положатъ.

Еще мнѣ всходитъ на мысль, Всемилостивѣйшая Государыня, что по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ могутъ нужны быть рекруты, а пріемъ

ихъ гдѣ въ городахъ, пріумножа людей и сдѣлавъ тѣсноту въ жилищахъ, можетъ вредныя слѣдствія произвести, и люди сіи не токмо сами могутъ погибнуть, но еще въ проходѣ своемъ вредъ и другимъ мѣстамъ приключить. Должность усерднаго подданнаго Вашего Величества обязуетъ меня при семъ мысль мою предложить, состоящую въ слѣдующемъ. Ежели становые комиссары будутъ учреждены, то можно имъ самимъ повелѣть и рекрутъ по узаконеніямъ принимать, о оставшихся же отъ ихъ стана душахъ увѣдомлять канцеляріи тѣхъ городовъ, которые же станы и деревни подвержены какой опасности; съ тѣхъ бы равно какъ и съ оставшихся душъ взять, когда болѣзни утишатся и наставшій холодъ прекратитъ заразу. Принятые же рекруты сими комиссарами должны только быть замѣчены и возвращены каждый своему помѣщику даже какъ отъ опредѣленнаго премщика, жившаго въ безопасномъ мѣстѣ, велѣно будетъ ихъ сводить для отправленія и тогда сей осмотръ ихъ вторично годными можетъ велѣть и перемѣну сдѣлать, если кто негодный при-

нятъ. Чрезъ сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, избавятся города свозу изъ разныхъ мѣстъ множества народу и слѣдственно могущія послѣдовать опасности. Наборъ скорѣе окончится и будутъ приниманы люди здоровые; правда, возвращеніе содержать до отдачи главному премщику для отправленія помѣщикамъ нѣкоторую тягость приключитъ, но могутъ ли они пожаловаться, когда сіе къ точному сохраненію ихъ самихъ и по совершенной отечества нуждѣ исполняется.

Сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше дерзаю Вашему Императорскому Величеству поднести и руководствуемъ любовью моею къ отечеству и усердіемъ къ Вашему Величеству, льщу себя, что они одни и могутъ дерзость мою оправдать. Коль же счастливымъ себя почту, если Ваше Императорское Величество хотя малое что соизволите усмотрѣть такого, чтобы могло къ пользѣ Россіи и къ славѣ вашей послужить, что сочиняетъ главное въ жизни моей стараніе, такъ какъ глубочайшее почтеніе съ которымъ дерзаю назваться...

ПРОЕКТЪ

О НАРОДНОМЪ ИЗУЧЕНІИ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Всѣмъ извѣстныя попеченія Вашего Императорскаго Величества о всемъ томъ, что можетъ благополучіе и просвѣщеніе народу вашему пріобрѣсти, подаетъ мнѣ смѣлость по долгомъ размышленіи мысли мои о всеобщемъ воспитаніи и вкорененіи добродѣтельныхъ мыслей въ народѣ повергнуть къ стопамъ наипросвѣщеннѣйшей Монархинѣ свѣта.

Тщетно было бы представлять всю полезность, каковую всѣ области пространныя врученныя Вамъ отъ Бога имперіи, чрезъ всеобщее вящее просвѣщеніе могутъ получить; сія есть истина неоспоримая, которую и доказывать не нужно; но судя по всѣмъ великимъ Вашего Императорскаго Величества дѣламъ, уповательно, что божеское Провидѣніе оставило Вамъ всѣять просвѣщеніе и добронравіе въ коснѣющіе въ невѣжествѣ народы.

Народное просвѣщеніе всегда снисходитъ съ вышнія степени до нижнія. Когда Европа была въ невѣжествѣ погружена, тогда духовный чинъ, бывъ болѣе другихъ чиновъ изученъ, былъ во всѣ важнѣйшія дѣла употребляемъ и просвѣщеніе свое на прочіе чины государственные разливалъ. Благородные, завидуя великой силѣ, власти и богатству духовнаго чина, стали сами стараться свой разумъ просвѣтить, симъ подражали купцы и мѣщане, и мало по малу просвѣщеніе и до самыя нижнія степени людей проникло.

Тако, не удаляяся отъ показанныхъ естествомъ и самымъ примѣромъ другихъ народовъ испытанныхъ стезей, почитаю я, Всемилостивѣйшая Государыня, что для всеобщаго просвѣщенія народнаго надлежитъ начать просвѣщать духовный чинъ, дабы оный отъ пастырей своихъ духовныхъ обще съ чистѣйшими правилами вѣры и чистѣйшія основанія добродѣтели, благонравія и нужнаго повиновенія къ властямъ научился. Колико кажется сіе общее предложеніе ни есть неоспоримо, но по мѣрѣ полезностей его и трудности, являющіяся, непреоборимыми

встрѣчаются, ибо трудно найти довольно изученныхъ въ священномъ писаніи и знаніи нравственныхъ правилъ духовно-служителей, дабы наполнить всѣ мѣста церковныя въ толь пространной Имперіи, а которые и есть, тѣхъ трудно согласить итти въ селенія священники ради малаго имъ дохода, непозволяющаго имъ имѣть надлежащаго благосостоянія; соединеніе же приходовъ съ одной стороны можетъ роптаніе народное произвести, а съ другой во многихъ мѣстахъ и неудобно есть ради отдаленности селеній. Но всѣ трудности сіи, коль они велики ни являются, не могли меня, Всемилостивѣйшая Государыня, отвратить дерзко обратить мой взоръ на сію часть, ободряяся токмо тѣмъ, что мудрыя Ваши установленія могутъ всѣ сіи трудности отвратить и тѣмъ усердіемъ побужденъ, какое во мнѣ рождаетъ искренняя моя обязанность къ толь великой Самодержицѣ, дерзаю мысли мои на сіе предложить.

Учрежденныя и ободренныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по епархіямъ семинаріи, хотя великое число воспитываютъ юношей, но я, Всемилостивѣйшая Государыня, весьма сомнителенъ, чтобы размѣрное число по ихъ количеству достойныхъ духовно-служителей изъ нихъ выходило, ибо въ оныхъ семинаріяхъ, во первыхъ, учатъ латинскому языку, потомъ—діалектики и всѣмъ частямъ философіи и наконецъ богословіи, а не всякій имѣетъ способность все сіе какъ толь трудный

языкъ, такъ и науки, требующія великаго остроумія, изучить, изъ чего и происходитъ по слову евангельскому: много есть званыхъ, но мало избранныхъ. И можно сказать, что тѣ, которые преуспѣютъ въ сихъ наукахъ выходятъ преученые, а которые не успѣютъ, тѣ почти въ совершенномъ невѣдѣніи остаются, счастливы, ежели еще не пріобщатъ обыкновенную гордость полученыхъ къ малому своему понятію, какъ то почти обыкновенно случается. Я осмѣлюся еще спросить, что таковые ученые способны ли быть опредѣлены для наученія простаго народа, требующаго приличнаго наставленія, съ родомъ своея жизни и пространства своихъ воображеній и мудрствованія такихъ ученыхъ латинщиковъ о Божіемъ и ангельскомъ веществѣ не нанесутъ ли и вреда, бывъ преданы, такъ сказать, на разсужденіе грубыхъ и непросвѣщенныхъ разумовъ? Какіе же священники для просвѣщенія сельскихъ жителей потребны? Такіе, которые бы 1. къ должному по ихъ сану благочинію пріобщали знаніе съ надлежащими остановками внятно для народа читать. 2. Знали бы краткій катахизмъ для понятія нужнѣйшихъ таинствъ вѣры и церковныхъ преданій. 3. Имѣли бы довольное понятіе о священной и церковной исторіи, какъ для лучшаго разумѣнія самими ими священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, такъ при случаѣ истолкованія его народу и показанія положеній разныхъ соборовъ и возвращенія церкви

посредѣ гоненія на нее. 4. Чтобъ выучены были правиламъ нравоучительнымъ, основаннымъ на словахъ священнаго писанія всѣхъ главнѣйшихъ къ общежитію поступковъ.

Таковые священнослужители, изучась всему вышепоказанному на собственномъ своемъ языкѣ, съ одной стороны будутъ всё довольное имѣть, не токмо для просвѣщенія своего разума, но и для побужденія любопытства, знаніе, и тогда же узнавъ правила добродѣтели, благочиннѣе будутъ и могутъ давать довольныя наставленія поселянамъ; а съ другой стороны, не возгордяся высокою наукою, самое ихъ снисходительство послужитъ къ просвѣщенію народа, и они возмогутъ довольствоваться и малыми доходами, каковые въ сельскихъ церквахъ священники имѣютъ.

Однако сіе мое предложеніе не должно принять, яко бы я хотѣлъ осмѣять или въ презрѣніе привести науку латинскаго и греческаго языковъ, также діалектики, философіи и богословіи, я весьма сіи знанія почитаю, но зная ихъ и трудность нахожу, что не многіе въ оныхъ могутъ предуспѣть, и такіе особливо отличившіеся достоинствами и просвѣщеніями своими люди, конечно должны яко свѣтильники церковные употребиться ко освѣщенію и правленію церкви Божія, гдѣ ихъ велерѣчіе, просвѣщеніе, быстрое проницаніе и глубокое божественныхъ вещей познаніе съ вящею пользою можетъ на пространномъ позорищѣ употребиться, нежель если стѣснить ихъ къ правленію нѣсколькихъ сотенъ поселянъ.

Сихъ ради причинъ осмѣливаюся предложить Вашему Императорскому Величеству, не угодно ли будетъ учинить семинаріямъ повелѣніе: 1. Чтобъ число должныхъ въ оныхъ находиться воспитанниковъ всегда полно было. 2. Чтобъ взирая по остротѣ разума воспитанниковъ, оныхъ раздѣлили на двѣ части, единыхъ послѣдуя до нынѣ пребывающему въ наукахъ расположенію, которое нынѣ во многихъ семинаріяхъ весьма въ лучшій порядокъ приведено, нежели прежде было, опредѣлялись бы для ученія греческаго, латинскаго и другихъ древнихъ языковъ, также всѣхъ частей философіи и богословіи, а другіе, въ коихъ меньше надежды видно, учились бы по нарочно сочиненнымъ для нихъ книгамъ вышепредложенному нужному для сельскихъ священниковъ и таковые бы въ лучшіе сельскіе приходы сжели не во всѣ и распредѣлялись.

Симъ, Всемилостивѣйшая Государыня, уже нѣкоторое нужное просвѣщеніе проникнетъ на нижную часть народа Вашего. Но надлежитъ къ тому и сіе приложить, что не должно полагаться на то единое, что таковые священники, бывъ въ семинаріяхъ обучены болѣе напоминанія того чему учились, не требуютъ, а должно, чтобъ не токмо они сами, но и прочіе каждый могъ нужнымъ познанія закона и основательныхъ правилъ добродѣтели научиться; сего ради 1. не повелѣно ли будетъ напечатать вышепрописанныя книги, которыя служили къ наученію ихъ, и оныя не токмо по всѣмъ церквамъ роздать повелѣть, но съ самою малою прибылью и желающимъ ихъ купить продавать, дабы каждый полезными обрѣтающимися въ нихъ наставленіями пользоваться могъ; 2. сверхъ сего весьма бы полезно было если тѣмъ наипросвѣщеннѣйшимъ изъ сановниковъ Россійскія Церкви сочинены были проповѣди на всѣ тѣ дни, въ которые наиболѣе крестяне ходятъ въ церкви, яко на всѣ воскресенья великаго поста, на праздники Рождества Христова, Новаго года, Богоявленія и другія, въ которыхъ бы равно убѣгая отъ длинности доказательствъ и велерѣчія, дабы первымъ не ослабить вниманіе, а вторымъ снисходя на простоту тѣхъ, кого намѣрены поучать, единственно бы имъ нравоучительныя наставленія, основанныя на словахъ священнаго писанія, были преподаваны, влагались бы имъ тѣми мысли богобоязія, справедливости, повиновенія законамъ и начальникамъ и побуждались бы къ трудолюбію такъ, чтобъ каждое духовное такое слово заключало единую изъ такихъ приличныхъ къ общежитію человѣческому должностей и таковыя бы проповѣди, бывъ разосланы по всѣмъ церквамъ, священниками въ назначенные дни были бы читаны. Таковыя поученія, проповѣдуемыя во храмѣ Божіи, утвержденныя словами Самого Господа Іисуса Христа или примѣрами угодниковъ, кажется не могутъ безъ нѣкоего дѣйствія остаться и самымъ симъ исполнится предписанное Вашимъ Императорскимъ Величествотъ правило въ Наказѣ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенья статья.

Теперь приступаю я къ труднѣйшей вещи, то есть ко умноженію доходовъ священникамъ и слѣдственно къ соединенію приходовъ. Я уже, Всемилостивѣйшая Государыня, въ началѣ сего Всеподданнѣйшаго моего предложенія имѣлъ честь сказать, колико сіе трудно и опасно, чтобы не произвело ропота народнаго: но да позволится мнѣ, Августѣйшая Монархиня, нѣкоторые вопросы учинить. 1. Полезно ли чрезъ просвѣщенный духовный чинъ разліять просвѣщеніе на народъ? 2. Для сего намѣренія должно ли священническіе доходы умножить, ибо опредѣленная имъ по межевой инструкціи земля, хотя отяготительна отмежеваніемъ ея поселянамъ, не составляетъ еще довольнаго дохода священнослужителямъ и имѣетъ еще то неудобство, что принуждаетъ самихъ священниковъ земледѣльцами быть. И такъ уповаю, никто не можетъ мнѣ на сіе отрѣчительно отвѣтствовать, то я и заключаю, что если чего ради какихъ неудобностей вдругъ исполнить не можно, то тихимъ и всегда непремѣннымъ послѣдованіемъ единаго намѣренія не трудно во многіе годы къ окончанію привести. Но прежде приступленія говорить о способахъ, какъ до сего достигнуть, за нужное я почитаю пред-

ставить изображеніе разныхъ приходовъ.

Разныя есть состоянія приходскихъ сельскихъ церквей, по разности оныхъ строенія содержанія, по обширности страны и немногонародія и по случайнымъ причинамъ. 1. Есть церкви изъ набожности построенныя въ толикой близости отъ другихъ церквей, что дѣйствительно отнимаютъ приходъ отъ тѣхъ и тѣмъ и сами скудны остаются и другія въ оскудѣніе приводятъ; другія, которыя къ сему же роду можно причислить, суть погосты на пустыхъ земляхъ построенныя, въ которыхъ почти обыкновенно служба Божія съ малымъ раченіемъ отправляется, при сихъ а паче въ Украинскихъ провинціяхъ обыкновенно бываетъ великое число церковнослужителей, скрывающихся сверхъ штату и священники не изученные ни правиламъ вѣры, ни нравственнымъ добродѣтелямъ отъ отца сыну прелогая, яко наслѣдство, церковь Божію, а притомъ стараяся сколько можно обогатитися, дѣлаютъ великіе нападки на поселянъ и чрезъ самое сіе чинятъ имъ ненавидимъ законъ, пріобрѣтая ненависть на его служителей и чрезъ сіе яко понуждаютъ оныхъ кидаться въ расколы, производятъ корчемствомъ винную продажу и часто пристани воровскія содержатъ, что все имъ удобно учинить, яко поселеннымъ на пустыхъ мѣстахъ и никого не имѣющимъ надъ собою надзирательми. 2. Есть на разномъ содержаніи церкви, коихъ священно и церковно-служители доволь-

ствуются данною имъ и отмежеванною нынѣ землею, и упражняясь сами въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, мало радятъ о благонравіи своего стада и о благолѣпіи церковномъ, даже и самыя необходимыя потребы, когда въ работную пору они священника отъ работы его отлучаютъ, съ трудностью могутъ исполнять, и таковые, прямо сказать, не суть священники земледѣльствующіе, но суть земледѣльцы священствующіе для своея токмо корысти; другіе суть на руги отъ ихъ помѣщиковъ, и сіи хотя нѣкоторою частью своими землями владѣютъ, и иногда если не сами работаютъ, то надсматриваютъ надъ работниками, однако имѣя вѣрной отъ руги доходъ, нѣсколько болѣе къ своей должности прилежатъ. 3. Есть приходы, каковыхъ много въ Московской губерніи, которые до пяти сотъ душъ мужеска пола имѣютъ—что съ женскимъ до тысячи учинитъ—и сіе на толь маломъ разстояніи, что могутъ и еще прибавленіе снести; напротиву же того въ Воронежской и Бѣлгородской губерніяхъ часто случается что и двѣсти душъ раздѣлены на такомъ разстояніи, что въ иную деревню священнику верстъ десять ѣхать надлежитъ. 4. Есть приходскія деревенскія церкви весьма богатыя какою явленною иконою, куда бываетъ часто великое стеченіе народа, и сіе замѣняетъ и малость прихода ихъ, другія же села богатыя, имѣя частыя ярмонки, о которыхъ также отъ стеченія народа, какъ священники, такъ и церковь пользуются. Наконецъ

еще есть по излишной набожности богатыхъ крестьянъ построенныя церкви въ одномъ селѣ, гдѣ бы довольно было одной быть, тутъ и другая построена токмо для того, что богатые крестьяне, желая пріобрѣсти моленіе за себя, яко за основателей храма, въ самомъ дѣлѣ другаго должное благолѣпіе разрушаютъ.

Такое есть дѣйствительное состояніе разныхъ приходовъ деревенскихъ въ Россіи. Давно уже усмотрѣно было, что такое умноженіе церквей ни къ славѣ Божіей, ни къ наставленію поселянъ не служитъ, и для того, не токмо указали, но и самою присягою архіерейскою учинено запрещеніе ихъ болѣе не умножать безъ нужды. Но разныя снисхожденія и прикрытые набожіемъ обманы до совершенно строгаго исполненія сіе не допустили, а хотя бы и въ точности сіе было исполнено, оно бы не болѣе послужило, какъ токмо остановить умноженіе церквей, а не помогло бы сдѣлать приходы достаточными для содержанія съ довольнымъ достаткомъ благовѣйныхъ и благочинныхъ священниковъ. И тако, дабы достигнуть до желаемаго просвѣщенія народа, я осмѣлюся повторить: необходимо нужно, Всемилостивѣйшая Государыня, просвѣтить духовный чинъ и дать ему достаточное содержаніе, а сіе инако не вижу способовъ сдѣлать, какъ введя вышепредложенный мною порядокъ въ науки и учиня приходы довольно многочисленны ихъ соединеніемъ для пріобрѣтенія священникамъ

довольнаго содержанія. Къ способамъ учинить сіе соединеніе теперь приступаю.

I. Надлежитъ сдѣлать росписи всѣмъ приходскимъ деревенскимъ церквамъ съ означеніемъ 1) въ какомъ разстояніи отъ нихъ другія приходскія церкви, 2) сколько въ приходѣ душъ мужеска и женска полу, 3) въ какомъ они разстояніи отъ церкви и къ которой сторонѣ, 4) погостъ ли или въ селѣ построенная церковь, 5) каменная или деревянная, 6) на какомъ содержаніи священно и церковно-служители, 7) нѣтъ ли къ которымъ изъ сихъ церквей особливаго стеченія народу, по причинѣ ли чудотворнаго образа, или торговъ и ярмонковъ, и 8) нѣтъ ли въ которой кладбища окружныхъ и приходскихъ тутъ помѣщиковъ.

II. Имѣя такія обстоятельныя росписи, епископы по своимъ епархіямъ могутъ учинить разсмотрѣніе, состоящее 1) въ томъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частыя селенія находятся, учинить приходы не менѣе 500 душъ. 2) Имѣя себѣ въ правило, чтобъ ни какое селеніе далѣе пяти верстъ отъ церкви не было, назначить въ тайнѣ, которыя церкви должно упразднить; 3) но если гдѣ селенія весьма рѣдки, яко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской, Воронежской и другихъ губерній, то уже по сей нуждѣ, хотя бы и 100 душъ и менѣе у церкви осталось, не должно её упразднить, ибо не должно подвергать жителей быть лишенными нужныхъ христіанскихъ потребъ.

4) Гдѣ сколько бы души ни было, но ежели есть какое стеченіе народа къ церкви, по причинѣ ли чудотворнаго образа или торговъ и ярмонковъ и какъ священники, такъ и церковь довольный отъ того доходъ получаютъ, таковыя, яко не отъ одного прихода довольствующіяся, должны оставлены быть. 5) Въ расположеніи которыя церкви должно упразднить и соединить приходы, надлежитъ на ругѣ обрѣтающуюся церковь содержанной на пашнѣ предпочтить; состоящую въ какомъ селеніи погосту, каменную деревянной и ту, гдѣ дворянскіе роды погребены, той, гдѣ такихъ кладбищъ нѣтъ. 6) Все сіе расположеніе должно быть сдѣлано толь тайно, чтобы совсѣмъ о семъ поселяны извѣстія не имѣли, дабы не подлинное имъ разсказаніе, увеличивающее всегда вещи и не понятіе самыя причины ропоту и огорченія не произвело, тѣмъ наипаче опаснаго, что оно видъ законный будетъ имѣть. 7) Никогда вдругъ многихъ церквей въ ближнемъ разстояніи не упразднять въ скорые годы безъ всякой нужды и когда развѣ прихожане сами пожелаютъ сего, но стараться по разнымъ частямъ епархій и въ разныхъ уѣздахъ сіе по малу въ исполненіе приводить, ибо толь великое и противное народному предубѣжденію дѣло не можетъ быть съ поспѣшеніемъ исполняемо, но самою тихостью и продолженіемъ правленіе покажетъ и мудрость и твердость своихъ намѣреній.

При многихъ церквахъ положены по два священника и дьяконы, то о таковыхъ церквахъ не лучше ли, Всемилостивѣйшая Государыня, будетъ учинить разсмотрѣніе и гдѣ совершенной нужды нѣтъ, тутъ оставить одного священника, а дьяконовъ и вездѣ въ селахъ не имѣть, развѣ только, гдѣ на особливое свое содержаніе прихожане его взять пожелаютъ въ прибавокъ къ дьячковому положенному доходу, оставя ихъ токмо для городовъ; вмѣсто же дьяконовъ опредѣлять по одному лишнему дьячку, съ предписаніемъ ему, дабы его должность была желающихъ учиться грамотѣ безплатежно учить и въ азбукахъ при обыкновенныхъ молитвахъ напечатать десять заповѣдей и нѣкоторыя нравоучительныя правила изъ священнаго писанія, которыя бы уча, юноши тогда же добродѣтельными и нужными гражданину наставленіями душу свою питали. Дьячки же сіи, получая доходъ отъ церкви по чину своему, то есть меньше дьякона, умножатъ еще доходъ для содержанія благовѣйнаго священника.

Такія мои мысли, Всемилостивѣйшая Государыня, что касается до просвѣщенія нижнія степени народа чрезъ духовный чинъ, но какъ милосердіе Вашего Императорскаго Величества не меньше простирается и на градскихъ жителей, коимъ просвѣщеніе не инако, какъ чрезъ заведеніе школъ можно преподать, то и о семъ, яко входящемъ въ предметъ сего сочиненія, дерзну мысли мои предложить и тѣмъ болѣе со смѣлостью, что и должность

чина моего, какъ то означено въ инструкціи Герольдмейстера, къ тому меня побуждаетъ.

Сіе просвѣщеніе, Всемилостивѣйшая Государыня, ни чѣмъ инымъ вкорениться не можетъ, какъ токмо заведеніемъ школъ и вложеніемъ любопытства употреблять разумъ свой къ пріобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній. Желательно было бы, если бы живущее вокругъ городовъ дворянство и мѣщане, совокупно согласясь, таковыя училища каждые во градахъ своихъ съ довольными доходами завели; но какъ по нынѣ еще такого заведенія окромѣ Вышняго Волочка не сдѣлано, то остается, Всемилостивѣйшая Государыня, матернимъ Вашего Императорскаго Величества попеченіемъ, сѣмена сіи просвѣщенія и благонравія въ сердца подданныхъ Вашихъ всѣять. Я мню, Августѣйшая Монархиня, что не должно еще при нынѣшнемъ состояніи Россіи, что огромное повсюду зачинать, дабы чрезъ то не сдѣлать отягощенія казнѣ, безъ великія пользы, и для того сокращаюсь токмо на самыя меньшія установленія, которыя бы, всѣявъ просвѣщеніе, духъ отечестволюбія, благонравія и любопытства, могли быть начаткомъ и великаго; и тако раздѣляю таковыя училища на двѣ степени.

Училища первыя степени должны быть установлены въ губернскихъ городахъ, гдѣ должно имѣть учителей одного для Русскаго языка и грамматики—онаго съ жалованьемъ по сту рублевъ, одного для Нѣмецкаго языка, весьма нужнаго для Россіи по причинѣ многихъ областей Вашего Императорскаго Величества, употребляющихъ сей языкъ, съ жалованьемъ по полтораста рублевъ; одного изъ духовнаго чина для толкованія катихизиса съ жалованьемъ по пятидесяти рублевъ; одного для наученія ариѳметики и первыхъ частей геометріи и тригонометріи съ жалованьемъ по сту рублевъ; одного для наученія исторіи и географіи съ жалованьемъ по сту рублевъ, итого 500 рублевъ.

Вторыя степени училища должны учредиться въ провинціальныхъ городахъ; въ нихъ также одинъ учитель долженъ быть для наученія Россійскаго языка и ариѳметики, съ жалованьемъ по сту рублевъ, одинъ изъ духовнаго чина для толкованія катихизиса и правилъ вѣры съ жалованьемъ по 50 рублевъ и одинъ для наученія исторіи и географіи съ жалованьемъ по 100 рублевъ; всего 250 рублевъ.

Для сихъ училищъ должно дать домы отъ тѣхъ городовъ, гдѣ они уставлены будутъ, въ коихъ сіи учители ежели похотятъ и жить должны; и всѣ, какъ благородные, такъ купцы и мѣщане имѣли бы право въ нихъ учиться, съ платежемъ съ каждаго человѣка въ годъ по 24 рубли, изъ которыхъ 14 должны отдаться учителямъ, а по 10 рублевъ съ каждаго человѣка собираться въ казну, откудова ихъ отдавать въ банки, и происходящая сумма отъ сихъ должна быть опредѣляема по разсмотрѣнію или на

увеличиванiе заведенныхъ уже училищъ или на заведенiе въ другихъ городахъ.

Но какъ есть множество такихъ дворянъ и мѣщанъ, которые не въ состоянiи и сего малаго числа денегъ на заплату для наученiя своихъ дѣтей заплатить, и бѣдность ихъ должна елико возможно милосердiемъ Вашего Величества облегчитися, дабы и изъ сихъ полезныхъ слугъ отечеству получить пользу, просвѣтя ихъ разумъ достаточнымъ образомъ, то неугодно ли будетъ, Всемилостивѣйшая Государыня, при семъ такое положенiе сдѣлать, чтобы во всѣхъ сихъ училищахъ, когда будутъ 9 человѣкъ юношей благородныхъ, платящихъ за свою науку, чтобы десятый неимущiй безъ платежа принимался; также ежели будутъ и 9 мѣщанъ, то бы десятый безъ платежа принимался; и хотя сiя есть и малая въ самомъ дѣлѣ помощь, но лучше Всемилостивѣйшая Государыня, какъ по нынѣ, окромѣ милосердно Вашимъ Величествомъ учиненныхъ учрежденiй, кадецкихъ корпусовъ и академiи художествъ, никакого въ мѣстахъ ихъ жилищъ (училища) не имѣли.

Хотя является, что просвѣщенiе, преподанное каждому человѣку, толико есть полезно, что оно уже безъ всякаго другаго возмездiя есть довольное награжденiе за убытки, которые онъ для сего претерпѣлъ, но зная, Всемилостивѣйшая Государыня, расположенiе мыслей народныхъ, не уповаю, чтобъ и сей убытокъ отдаленные отъ боль-

шихъ городовъ дворяне восхотѣли понести, если имъ видимыя и ощутительныя по ихъ грубымъ мыслямъ пользы не будетъ; того ради не повелите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ таковые, обучившiеся въ провинцiальныхъ училищахъ и могущiе доказать, что не напрасно время свое потеряли, а притомъ имѣющiе засвидѣтельствованiе отъ ихъ начальниковъ (о коихъ ниже помянется), были въ полевые полки приниманы въ подпрапорщики, а таковые же, учившiеся въ губернскихъ школахъ, приниманы были въ тѣже полки кадетами на сержантскомъ жалованьи и предпочтительно бы предъ другими производждены были въ офицеры. Симъ, Всемилостивѣйшая Государыня, никакое не нарушится прежнее учрежденiе, а откроется способъ бѣднымъ дворянамъ къ просвѣщенiю и къ показанiю услугъ отечеству и своей милосердой Монархинѣ.

Сiи училища должны быть подъ присмотромъ ежегодно выбираемыхъ двухъ человѣкъ отъ дворянства и одного изъ купечества, которые хотя не во весь годъ, но по крайней мѣрѣ въ разные мѣсяцы по нѣсколько недѣль должны сами въ томъ городѣ присутствовать и наблюдать, какъ за хорошимъ поступкомъ учителей, такъ и за прилежнымъ и порядочнымъ преподаванiемъ наставленiй въ предписанныхъ наукахъ, и они должны давать засвидѣтельствованiя о наукѣ и о хорошемъ поведенiи тѣхъ, которые въ школахъ будутъ учитися.

Губернаторы тѣхъ губернiй, въ которыхъ таковыя училища будутъ учреждены, должны быть защитники и попечители какъ губернскихъ, такъ и провинцiальныхъ тѣхъ губернiй училищъ.

Если таковыя заведенiя будутъ учреждены, то несомнительно, Всемилостивѣйшая Государыня, что народъ Вашего Императорскаго Величества всю полезность, происходящую отъ оныхъ, восчувствуетъ; и тако, ежели кто восхочетъ нѣкоторое число денегъ дать для умноженiя обще всѣхъ школъ или особливо какой школы, таковыя бы деньги принимать и употреблять на назначенное ими опредѣленiе, съ означенiемъ въ вѣдомостяхъ похвальнымъ образомъ имени того, кто таковое полезное дѣло сдѣлаетъ.

Сiи мои всеподданническiя мысли беру смѣлость повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ приложенiемъ росписи мѣстамъ, гдѣ таковыя школы на первый случай могутъ завестися и со исчисленiемъ суммы денегъ, потребной на сiе. Прiими, Великая Государыня, сiе мое дерзновенiе, яко знакъ искренняго усердiя пребывающаго со глубочайшимъ благоговѣнiемъ.

Роспись губернскимъ и провинцiальнымъ городамъ, гдѣ губернiи надлежитъ учредить школы:

Губернiи.

Москва: есть университетъ и школы.
Санктпетербургъ: есть кадецкiе корпусы и другiя училища.
Новгородъ (потребно) . . . . . . 1050 р.
Кiевъ: есть академiя
Бѣлгородъ . . . . 1050 »
Воронежъ . . . . 1050 »
Смоленскъ . . . . 1050 »
Городъ Архангельскъ: надлежитъ учдить школу для купечества, ибо дворянъ тамъ нѣтъ. . . 1050 р.
Казань: есть гимназiя.
Нижнiй Новгородъ . . . . 1050 »
Астрахань: школа учреждена.
Оренбургъ: за отдаленностью и за малымъ числомъ жителей еще школы не нужно заводить, кромѣ той, которая есть для гварнизону.
Тобольскъ: школа есть, но должно поправить . . . . 1050 р.
Иркутскъ . . . . 1050 »
Харьковъ: школа есть.
Псковъ . . . . 1050 »
Могилевъ: чаю, что школы есть, также римскiе католики учатся отъ своего духовенства.
Азовъ: ради новаго заведенiя еще въ школѣ нуждъ нѣтъ.
Лифляндскiе города школы свои имѣютъ.

Провинцiи.

Переславль Рязанскiй . . . . 550 р.

Кострома .... 550 р.
Юрьевъ .... 550 »
Владиміръ .... 550 »
Суздаль .... 550 »
Переяславль Залѣскій..... 550 »
Тула .... 550 »
Калуга................ 550 »
Ярославль .... 550 »
Угличъ .... 550 »
Олонецъ: ради малаго селенія школы не надобно.
Тверь .... 550 р.
Бѣлоозеро .... 550 »
Сѣвскъ .... 550 »
Орелъ .... 550 »
Елецъ .... 550 »
Тамбовъ................ 550 »
Шацкъ .... 550 »
Вологда .... 550 »
Великій Устюгъ .... 550 »
Галичъ .... 550 »
Свіяжскъ: по близости къ Казани нуждъ въ школѣ нѣтъ.
Пенза .... 550 р.
Синбирскъ .... 550 »
Вятка .... 550 »

Пермь: за малостью дворянства и купечества нуждъ въ школѣ нѣтъ.
Алаторъ................ 550 р.
Арзамасъ .... 550 »
Исецкая провинція: за малостью дворянства и купцовъ нынѣ нуждъ въ школѣ нѣтъ.
Уфимская провинція: за малостью дворянства и купечества нынѣ нуждъ въ школѣ нѣтъ.
Енисейскъ: за неимѣніемъ дворянства и малостью купечества въ школѣ нынѣ нужды нѣтъ.
Якуцкъ: за отдаленностью мѣстъ нынѣ завести школы трудно.

Новороссійская губернія съ ея провинціями требуетъ особливаго о школахъ разсмотрѣнія, смотря по состоянію оныхъ мѣстъ.

Ахтырка .... 550 р.
Сумы................ 550 »
Острогожскъ............ 550 »
Великія Луки .... 550 »
Бахмутъ................ 550 »

Итого всего рублевъ... 25950 р.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЗЕМЛЮ ОФИРСКУЮ*).

Г-на С......

ШВЕЦКАГО ДВОРЯНИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ поѣзду изъ Пондишери до времени, какъ остался въ землѣ Офирской.

Глава I, служащая предисловіемъ.

Наполнены уже всѣ вивліоѳики множествомъ путешествій, а сего ради и являлося бы весьма напрасно оные изданіемъ новые книги умножать, чтобъ можетъ статься, бывъ смѣшена со столь многими другими, и не удостоена была быть прочитанной. Но я не могъ однако воздержаться, чтобы не предложить свѣту, того, что я видѣлъ и чему научился въ такой странѣ, въ которой, колико мнѣ извѣстно, никто не бывалъ, или по крайней мѣрѣ о которой никто никакого не токмо описанія, но ни даже упоминовенія не учинилъ, да до которой и достигнуть трудно, а еще труднѣе все то познать, что по особливому мнѣ счастію удалось увѣдать.

При чтеніи сихъ первыхъ словъ моего сочиненія, да не подумають здѣсь найтить великіе чудеса, въ разсужденіи естественнаго состоянія, чудныхъ звѣрей, птицъ, гадовъ и прочее — богатства, кои бы могли привлечь европейское корыстолюбіе, ибо хотя оно и есть, но тотъ народъ, о которомъ я описываю, никогда не согласится вступить въ торговлю, и самъ, не имѣя нужды въ нашихъ произведеніяхъ, ни своихъ (къ намъ не посылаетъ) чтобы не пріучить насъ, не взирая на превеликіе трудности къ нимъ доѣзжать, учредить свое плаваніе въ ихъ страну.

*) Печатается въ первый разъ по собственноручной тетради автора, нынѣ принадлежащей князю Борису Сергѣевичу Щербатову.

Не для того сіе, чтобы сей народъ не былъ сообщителенъ и человѣколюбивъ, но по нѣкоимъ политическимъ причинамъ, о которыхъ въ теченіи сего путешествія помянется, неохотно чужестранныхъ пріемлетъ.

А дабы первое учинить показаніе о сей странѣ, она, яко лежащая близь полюса антарктическаго, есть страна холодная и совсѣмъ сходственная на европейскія сѣверныя страны, даже что тѣ же въ ней находятся растенія, тѣ же звѣри и прочее, а есть токмо нѣкоторая разность въ водяныхъ птицахъ, которыхъ уже естествоописатели, яко о живущихъ близь полюса антарктическаго, описаніе учинили. И тако, съ сей стороны любопытства не заслуживаетъ. Но если чѣмъ она достойна примѣчанія—сіе есть: мудрымъ учрежденнымъ правленіемъ, въ коемъ власть государская соображается съ пользою народною, вельможи имѣютъ право со всею приличною смѣлостію мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано отъ царскаго двора, и истина имѣетъ во оный невозбранный входъ; въ коемъ законы содѣланы общимъ народнымъ согласіемъ и еще безпрестаннымъ наблюденіемъ и исправленіемъ въ лучшее состояніе приходитъ; правительствъ немного и немногочисленно, но (и) дѣлъ мало, ибо внушенная издѣтства въ каждаго добродѣтель и зачатія ихъ не допускаетъ; въ коемъ вельможи не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбіе имѣютъ содѣлать счастливыми подчиненныхъ имъ людей; остатокъ же народа, трудолюбивый и добродѣтельный, чтитъ во первыхъ добродѣтель, потомъ законъ, а послѣ царя и вельможъ. То если желаніе познать таковое счастливое правленіе, которому бы желательно, чтобъ называющіе себя просвѣщенными Европейскіе народы подражали, возбудитъ чье любопытство, то льщу себя, что тотъ будетъ имѣть причину по прочтеніи сего путешествія довольнымъ остаться. По крайней мѣрѣ я приложилъ мое стараніе, во время четырехлѣтней бытности моей въ сей странѣ, елико можно все спознать и здѣсь то предложить.

Глава II.

Исторія сего путешественника.

Обыкновенно путешественники начинаютъ свое разсказаніе причинами и мѣстами отъѣзда ихъ въ отдаленные страны, а для сего и я необходимымъ себѣ почитаю учинить повѣствованіе о моей исторіи.

Я родился въ Швеціи отъ господина С......, человѣка имѣющаго многіе отличные достоинства и бывшаго употребленна во многіе знатные дѣла; мать же моя была рожденная баронесса Р., которой я на десятомъ году отъ рожденія моего лишился. Родитель мой, отъ знатной фамиліи происходящій, имѣлъ знатный достатокъ, но мать моя была весьма небогата, и всѣ имѣніи ихъ состояли въ провинціи Сканіи. Съ самой юности моей родитель мой весьма старался меня изучить разнымъ наукамъ и я отъ

девяти лѣтъ до семнадцатилѣтняго моего возраста препроводилъ въ Упсальскомъ университетѣ, гдѣ не щажено было ничего для наученія меня всему тому, что можетъ просвѣтить мой разумъ; и я осмѣлюся сказать въ мою похвалу, что успѣхами моего ученія, никогда ни родителю моему, ни наставникамъ моимъ не подавалъ причинъ ни къ малѣйшему огорченію. Меня особливо вела склонность къ познанію математики и правъ, въ чемъ я довольно и предуспѣлъ.

Уже приспѣвало то время, когда родитель мой намѣренъ былъ отправить меня путешествовать во Францію и чтобы тамъ принять службу, ибо сіе есть обычай въ Швеціи, утвержденный на трактатахъ: что служившіе во Франціи, тѣми же чинами принимаются въ швецкую службу. Во Франціи же по политическимъ причинамъ, охотно Шведовъ въ службу принимаютъ и даютъ имъ чины превосходные; и уже чрезъ друзей своихъ, родитель мой предупредительно писалъ о принятіи меня, и мнѣ чинъ капитана артиллеріи обѣщанъ былъ.

При таковыхъ обстоятельствахъ, когда все являлось мнѣ счастливую судьбину предвѣщать, вдругъ разрушилось все мое счастіе слѣдующимъ образомъ: извѣстно было всей Европѣ, въ какомъ замѣшательствѣ правленіе швецкое находилось отъ двухъ партій: «шапки и шляпы». Власть королевская была приведена въ ничто; во всѣхъ разсужденіяхъ о дѣлахъ государствен-

ныхъ не польза отечества, но внушенія тѣхъ державъ, на которыя сіи партіи опирались, дѣйствовали и подъ видомъ содержанія вольности народа Швецкаго, «шапки» въ анархію Швецію привели. Родитель же мой былъ противной партіи, не яко однако желающій разрушить вольность своего отечества и ввести деспотичество, но желалъ чтобы благоучрежденное правленіе, сходственно съ пользою государственною, было утверждено. Многіе наилучшіе сыны отечества, наиразумнѣйшіе и наиме(ни)тѣйшіе въ государствѣ вошли въ умышленіе исправить форму правленія, къ коимъ родитель мой присоединился. Умышленіе противной и сильнѣйшей стороною было узнано, сіи умыслители были пойманы, суждены и казнены. Родитель же мой, находящійся тогда для посѣщенія меня въ Упсалѣ, увѣдавъ о семъ и предвидя всю опасность настоящаго своего положенія, немедленно взявъ меня, скрывая свое имя, уѣхалъ вонъ изъ государства. Онъ, отсутственный, былъ осужденъ, собственные его имѣнія конфискованы, а на имѣніе матери моей наложенъ былъ секвестръ.

Я нѣсколько времени, въ необыкновенной мнѣ нуждѣ, принужденъ былъ странствовать съ родителемъ моимъ въ Германіи, сокрывая повсюду свое имя; а наконецъ, пріѣхавъ во Францію, явился родитель мой министру, который и прежде, въ бытность его во Франціи, былъ ему знакомъ. Онъ былъ изрядно принятъ, и данъ ему былъ пансіонъ. Я же, какъ по знакомости родителя моего (съ) мини-

стромъ, такъ и по прежде бывшимъ рекомендаціямъ, хотя не могъ быть вдругъ опредѣленъ въ капитаны артиллеріи, ради политическихъ видовъ, но на девятнадцатомъ году былъ опредѣленъ въ кадеты, а черезъ годъ пожалованъ въ капитаны артиллеріи.

Вскорѣ послѣ сего, то есть въ 1761 году, на двадцать же первомъ году отъ рожденія моего, я лишился моего родителя, который не толь отъ старости лѣтъ или отъ болѣзней, коль отъ огорченія изгнанія его изъ отечества скончался въ Парижѣ. Друзья мои мнѣ совѣтовали тогда писать въ Швецію о возвращеніи мнѣ материнскаго имѣнія, и сіе я учинилъ по возвращеніи; сіе тянулось два года. Правда, тогда же ко мнѣ писали свойственники и друзья отца моего, что могу я отеческія имѣнія возвратить, ежели пріѣду въ Швецію. Но я, довольствуясь малымъ имѣніемъ, которое получилъ послѣ матери моей, не хотѣлъ туда ѣхать, гдѣ память родителя моего была предана осужденію, и тако, препоруча полученное мною имѣніе въ правленье моимъ ближнимъ родственникамъ, которые самою своею щедростію и во время самаго нашего несчастія насъ не оставляли, получая съ сего имѣнія доходы, продолжалъ пребываніе свое во Франціи въ службѣ артиллерійскаго корпуса.

Колико ни могу я похвалиться учтивствомъ и благосклонностію того народа, среди котораго я жилъ, и благоволеніями моихъ начальниковъ, по лишеніи моего родителя, и изображеніе, что я есть яко изгнанникъ изъ отечества моего, влагало въ сердце мое такое огорченіе, которое въ самой наружности моей являлось. А сего ради, когда въ 1765 году, опредѣлено было послать войска въ Французскія селенія въ Восточной Индіи, тогда я охотой просился туда быть посланъ, и въ семъ удовлетворялъ я и возгнѣ(з)дившемуся внутри сердца моего огорченію и моему непомѣрному любопытству. И тако въ семъ году, на двадцать первомъ же отъ моего рожденія, я въ Индію отправился.

Прибывъ туда, какъ въ Пондишери, такъ и въ разныхъ другихъ Французскихъ селеніяхъ, равнымъ же образомъ по даваемымъ мнѣ коммиссіямъ, пребывалъ одинадцать лѣтъ, и между тѣмъ не малое время на Коромандельскихъ брегахъ, гдѣ я имѣлъ случай спознаться и подружиться съ единымъ знатнымъ браминомъ *Паднапаба*, который, по особливому ко мнѣ благоволенію, изучилъ меня священному ихъ языку, называемому Санскритъ.

Въ 1774 году, когда я уже былъ на тридцать шестомъ году отъ моего рожденія, получено было пріятное для меня извѣстіе, что нынѣшній Шведскій король Густавъ III, разруша всѣ партіи, толико лѣтъ раздирающіе Швецію, пріобрѣлъ себѣ пристойную королю власть, безъ нарушенія правъ и вольности Швеціи, которая, по ученію монархическаго правленія, болѣе нежели прежде въ Швеціи процвѣтаетъ.

А понеже самое желаніе таковые перемѣны было причиною несчастій родителя моего и моихъ, то я немедленно пріялъ намѣреніе проситься о возвращеніи въ Европу и оттуда намѣреніе взялъ ѣхать въ Швецію, просить о возстановленіи памяти родителя моего и о возвращеніи мнѣ его имѣній. По одинадцатилѣтнемъ пребываніи въ сихъ отдаленныхъ отъ Европы мѣстахъ, не можно было мнѣ сего отказать. Я былъ отпущенъ, и на фрегатѣ «Надеждѣ», на коемъ былъ капитанъ Г-нъ Б., въ исходѣ Ноября мѣсяца сего самаго года, изъ Пондишери отправился въ Европу.

Декабря 12 числа, уже по изчисленію нашему, считали мы себя быть близь мыса Доброй Надежды, когда сдѣлалась вдругъ превеликая и необыкновенная въ сихъ мѣстахъ буря. Вѣтеръ былъ со стороны сѣверной, которому никакое искусство мореплавателей сопротивляться не могло, и мы были, посреди безпрерывно продолжающагося мрака и при сильномъ дыханіи вѣтра, несены на полдень къ полюсу антарктическому. По шестидневномъ безпрестанномъ страданіи, среди сильныхъ валовъ морскихъ, въ которые мы потеряли двѣ свои мачты, когда уже корабль, разбитый и поврежденный, во многихъ мѣстахъ впускалъ въ себя воду, и уже мы инаго окромѣ смерти не ожидали, вдругъ буря утишилась. Декабря 19 числа, блистающее солнце оказалось, и остался токмо посредственный прохладный вѣтерокъ, несущій насъ къ полудню. Конечно вдругъ такая перемѣна долженствовала въ насъ произвести совершенную радость, но мы и при утишеніи бури зрили себя въ такой же опасности, какую и въ самую бурю ощущали, то есть что поврежденный отъ біенія водъ корабль нашъ повсюдова воду впускалъ, и всѣ помпы, которыми дѣйствовали безпрестанно, не могли не только достигнуть сдѣлать уменьшенія вліянія воды, но паче она умножалась, и слѣдственно ежеминутно мы должны были ожидать, что корабль нашъ потопитъ. Однако капитанъ, Г-нъ Б., взялъ высоту и нашелъ, что мы были въ $58^1/_2$ градусахъ полуденныя широты, то есть въ такомъ мѣстѣ, куда еще, колико извѣстно, ни одинъ европейскій корабль не проникалъ, ради великихъ льдовъ, окружающихъ антарктическій полюсъ, и считалось невозможнымъ туда проникнуть. Но ко удивленію нашему мы ихъ тогда, окромѣ малыхъ льдинокъ, не видали.

Въ такомъ мы были состояніи, когда новая опасность намъ стала угрожать, то есть, что часть корабельныхъ служителей взбунтовалась и пріяла намѣреніе, сколько ихъ помѣститься могутъ на находящемся ботѣ на кораблѣ, уѣхать. Сіе возмущеніе произвело нѣкоторое ослабленіе въ работѣ, ибо единые, неповинующіеся своимъ начальникамъ, спускали ботъ, накладывали припасы, другіе старались ихъ до сего не допустить, а работа выливки воды ослабѣвала и корабль водою наполнялся.

Тогда г-нъ Б. старался ихъ увѣщевать къ пребыванію на кораблѣ,

представляя отдаленность отъ всѣхъ мѣстъ знаемыхъ, куда бы имъ пристать, дальность мореплаванія и должность, которой они обязаны другъ другу, что отъѣздомъ своимъ въ конечную погибель всѣхъ сотоварищей своихъ приведутъ; напротивъ того, по видѣнію нѣкоторыхъ морскихъ птицъ, которыя обыкновенно не въ дальнемъ разстояніи отъ берега живутъ, онъ надѣялся найти какую землю. Если же и въ семъ ошибается, то конечно огромные льды, окружающіе антарктическій полюсъ, не могутъ быть далеко, то онъ можетъ хотя къ какой льдинѣ пристать и сдѣлать исправленіе корабля, а тогда и всѣ спастися могутъ. Въ случаѣ же неудачи всего сего, предлагалъ имъ взять еще на себя терпѣніе на сутки, ибо онъ предвидитъ, что съ выливаніемъ воды толикое время еще корабль не потонетъ, и когда въ сіе время никакой надежды на спасеніе не получатъ, то могутъ, сѣвши на ботъ и привязавъ сдѣланный изъ досокъ карабельныхъ плотъ, все къ единой части для спасенія своего себя подвергнуть. Но онъ говорилъ не слушающимъ его словъ, и уже многіе стали сходить на ботъ, а другіе имъ сопротивлялись, и едва еще при семъ случаѣ кроволитіе не произошло, когда вдругъ одинъ матросъ, сидящій на послѣдней нашей мачтѣ, закричалъ, что онъ видитъ нѣсколько лодокъ, и кажется, что вдали и земля ему видна.

Каждый можетъ себѣ представить,

коликую сіе перемѣну во всѣхъ насъ произвело; мы зрили себя погибающихъ, а тутъ надежда къ жизни обновилась, неповиновеніе престало, и всѣ съ усердіемъ кинулись выливать воду, которая въ бывшій безпорядокъ въ корабль натекла, да капитанъ и другіе побѣжали на мачту и смотря въ трубу удовольствіе и удивленіе ихъ паче умножилось, примѣчая, что не только видятъ землю, но землю населенную и видъ града имѣющую. А между тѣмъ, къ вящему нашему ободренію, вѣтеръ немного усилился, и корабль былъ весьма скоро несенъ къ желаемому пристанищу. Уже мы съ самаго корабля начинали видѣть землю и чрезъ трубу усматривали построенный хорошій градъ,— тутъ, гдѣ мы только думали льды или по крайней мѣрѣ пустую землю, или населенную варварскими народами обрѣсти. Мы мало почти давали вѣроятія очамъ нашимъ, когда еще новое обстоятельство насъ удивило: сіе есть, что узрили мы изъ за единаго мыса вышедшіе два великіе гребные судна, которыя, какъ мы послѣ увидали, были строеніемъ своимъ смѣшеніе морской архитектуры: Индѣйскихъ народовъ и Европейской, имѣли мачты и паруса, и снабженные великимъ числомъ людей, которые къ намъ прямо шли. Сіе удивленіе однако смѣшано было съ нѣкоторою опасностью, ибо хотя по всему, что мы зрили и могли надѣяться найдти тутъ народъ изъученый и въ обществѣ живущій, который и не могъ варварскимъ быть, но состояніе наше было такое, что намъ возвра-

титься было не можно, и хоть бы и къ канибаламъ въ руки попались, должны были и на сіе рѣшиться.

Однако корабль нашъ, имѣя скорый ходъ по вѣтру, а и тѣ плыли на парусахъ на встрѣчу намъ, мы вскорѣ сблизились; но какъ мы уже спускали ботъ, чтобъ ѣхать на тѣ суда просить о пріятіи насъ, узрили, что и отъ нихъ плыла къ намъ большая лодка, на которой было восемь человѣкъ гребцовъ; и сидѣлъ въ ней единый человѣкъ, держащій нѣчто густое, зеленое, которое по приближеніи къ нимъ мы усмотрѣли, что сіе было связанные сосновыя или еловыя вѣтви. Лодка сія къ намъ безъ всякаго страха приближилась, и какъ мы всѣ прибѣжали къ тому борту, чтобы се видѣть, и уже можно легко было слышать произносимые слова съ оные, тогда начальникъ, вставъ и простирая къ намъ руку съ симъ пукомъ зелени, зачалъ говорить Санскритскимъ языкомъ. Довольно всѣмъ, уповаю, извѣстно, что въ Индіи сей языкъ считается священнымъ, и знатные брамины, которые его знаютъ, не обучаютъ тому никого изъ чужестранныхъ, но я выше сказалъ, что по особливой дружбѣ ко мнѣ одного брамина оному научился, и тако я былъ единый на нашемъ кораблѣ, который могъ его разумѣть.

Рѣчь его къ намъ была слѣдующая: „Кто бы вы ни были, но видимъ по состоянію вашего корабля, что вы имѣете нужду въ помощи, пріимите ту, которую отъ искренности сердца мы вамъ, яко подобнымъ себѣ, представляемъ, и будьте

увѣрены, что никогда насильнѣйшія наши попеченія не могутъ сравняться съ горячимъ желаніемъ, каковое мы имѣемъ вамъ благодѣянія наши оказать“.

Я истинно скажу, что радость и удивленіе, на нѣсколько минутъ, привели въ онѣмѣлость уста наши; однако отвѣтствовано ему было черезъ меня, со всѣми изъясненіями нашей благодарности и съ показаніемъ нужды нашей. А между тѣмъ временемъ онъ присталъ къ нашему кораблю и взошелъ на оный. Сей былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, взрачный собою, имѣющій бороду выбритую; голова его была покровенна сѣрою съ малыми полями, но высокою шляпою, одежду имѣлъ изъ бѣлаго сукна длинную, подпоясанную ремнемъ, на которомъ висѣлъ не очень длинный, но широкій тесакъ, а за поясомъ былъ заткнутъ ножъ. На груди у него былъ черной шерстью вышитъ якорь, на верху котораго кедровая шишка — желтымъ гарусомъ.

По первыхъ привѣтствіяхъ, въ коихъ онъ много учтивства показалъ, мы хотѣли его подчивать, но онъ ничего кромѣ воды пить не сталъ, говоря, что у нихъ есть запрещеніе пить все то, что можетъ пьянство произвести, и самъ попросилъ кусокъ хлѣба, (вмѣсто) котораго мы ему подали морскихъ сухарей. Онъ одинъ разломилъ, подалъ намъ, говоря, что преломленіе хлѣба и скушаніе его у нихъ за клятву добраго согласія и союза почитается.

Мы, можно сказать, о всемъ что видѣли, были яко въ изумленіи; мы думали, что человѣчество и учтивость въ

одной Европѣ пребываютъ, но нашли въ такомъ народѣ, который казался быть отдѣленъ отъ всего обитаемаго свѣта, болѣе прямаго любомудрія, нежели вообразить себѣ могли. Однако между тѣмъ, какъ мы чинили такія размышленія, сей бывшій у насъ офицеръ на корабль свой пріѣхалъ, и мы узрили вскорѣ оба корабля, приближающіеся къ намъ и немалое число лодокъ, наполненныхъ людьми, ѣхавшихъ къ намъ. Сіе паки насъ въ нѣкоторое сомнѣніе привело, которое однако вскорѣ кончилось, ибо первая лодка, которая пристала къ нашему кораблю, была лодка начальника сихъ кораблей, который вшедши къ намъ на корабль, первое сказалъ намъ привѣтствіе, что не распростираяся въ напрасныхъ учтивствахъ на словахъ, лучше самымъ дѣйствіемъ оказать свое благоволеніе, а какъ онъ чрезъ посланнаго прежде отъ него офицера увѣдалъ о худобѣ нашего корабля, то повелѣлъ не малому числу своихъ людей ѣхать на нашъ корабль, которые бы постарались скорѣе выливать воду, освободя тѣмъ и нашихъ людей отъ столь тяжкой работы, которую они конечно толь не малое время претерпѣваютъ и дать имъ приличное, по долговременному путешествію, успокоеніе; и къ тому же чтобы и излишнія вещи намъ выгрузить на его корабли, дабы намъ тѣмъ легче былъ; онъ же ради унявшагося вѣтра повелитъ привязать нашъ корабль къ его судамъ и буксировать въ портъ. Мы не могли инаго учинить, какъ съ совершеннымъ признаніемъ приносить ему благодарности; и

дѣйствіе словамъ его послѣдовало, но съ такою точностію, что хотя и повелѣно было нашимъ офицерамъ смотрѣть за выливаніемъ воды, но они токмо что смотрѣли, не имѣя нужды побуждать, ибо работа съ такимъ усердіемъ и тщаніемъ производилась, что и наши, спасающіе себя отъ потопленія болѣе усердія не показывали; однимъ словомъ мы нашли въ послѣднемъ изъ нихъ такіе знаки человѣколюбія и благоволенія, что каждый изъ насъ сему удивлялся и мы считали, (что какъ бы) не къ незнаемой землѣ приближались, но къ землѣ отечества нашего, и не невѣдомый народъ зримъ, но братій и родственниковъ.

Между тѣмъ временемъ позванъ былъ начальникъ въ каюту нашу; мы его подчивали сколько могли индѣйскими закусками и винами, и при отъѣздѣ его, хотѣли его подарить часами и брилліантовымъ большимъ перстнемъ, но онъ точно также съ нами поступилъ, какъ и прежде посланный отъ него, однако со всею учтивостію; званы мы были имъ на его корабль.

Когда мы пріѣхали на его корабль, то съ удивленіемъ увидѣли на ономъ пушки, которые были поставлены на верхнемъ декѣ и покрыты дабы онѣ не видимы были. Однако мы имъ были со всею возможною учтивостію, и можно сказать, родственническою ласкою приняты—онъ подчивалъ насъ разными закусками и родомъ чаю изъ разныхъ травъ сдѣланнымъ. Тутъ въ первый разъ онъ спросилъ насъ, какого мы народа и какая была причина нашего путешествія?

Мы, не отставъ отъ обычая Европейцевъ выхвалять силу и могущество своихъ государей передъ народами, которыхъ мы варварами считаемъ, съ великолѣпными изъясненіями сказывали ему, что мы суть подданные короля Французскаго, наисильнѣйшаго и богатѣйшей страны государя въ свѣтѣ, что предки его еще учинили завоеваніе на брегахъ Индійскихъ, весьма отдаленныхъ отъ его страны, учредили городъ Пондишери, гдѣ производится великая торговля и получаются великіе богатства, откудова мы, возвращаяся во Францію, въ сіи мѣста ужасною бурею были занесены.

На сіе, подумавъ нѣсколько, начальникъ Офирскій намъ отвѣтствовалъ: «Простите мнѣ, что я съ тою искренностію, которая составляетъ главнѣйшее умоначертаніе народа отечества моего, вамъ на всѣ ваши слова скажу: мнѣ кажется видѣть (можно) нѣкоторое противорѣчіе въ вашихъ словахъ. Вы называете государя своего властителемъ наибогатѣйшей страны въ свѣтѣ, то если то такъ, зачѣмъ же дѣлать завоеванія въ отдаленныхъ мѣстахъ (отъ) своей державы, и посылать подвергаться подданныхъ своихъ къ толикимъ опасностямъ, чтобъ новыя богатства получить, когда земля его собою богата есть. По нашему мнѣнію, всѣ богатства суть относительны. И тако я не могу усомниться въ рѣченіи вашемъ, что отечество ваше есть богато само собою; но конечно оно бѣдно въ разсужденіи разныхъ нуждъ, коимъ оно подвергнуто, а безъ того бы и не было нужды, ни

дальнія пріобрѣтенія дѣлать, ни толикимъ опасностямъ подвергать народъ свой. Я не могъ удержаться, чтобъ не изрещи вамъ моихъ мыслей; но прекратимъ сей семъ нашъ разговоръ, ибо каждая страна имѣетъ свои обычаи, съ коими она и должна остаться, если ихъ полезнѣйшими находитъ. Но вы теперь у насъ гости; хотите ли возвратиться на вашъ корабль и на немъ доѣхать въ пристанище наше, или за лучшее разсудите остаться здѣсь на кораблѣ, гдѣ менѣе для васъ опасности есть, а болѣе будете имѣть спокойства»? И какъ мы выбрали возвратиться на свой корабль, то имъ и были отпущены, и онъ насъ до самаго борта провождалъ.

Все сіе происходило въ теченіи 19 числа декабря мѣсяца. И мы уже поздно поѣхали съ корабля Офирскаго начальника и, нашедъ уже нашъ корабль облегченный и людей Офирскихъ безпрестанно работающихъ для вылитія воды—не видя никакой опасности, легли спать.

Однако все сіе онъ дѣлалъ съ великою поспѣшностью, прося насъ, чтобы дозволили ему осмотрѣть нашъ корабль, дабы онъ могъ начальнику своему о нашемъ состояніи донести. Мы не могли ему въ семъ отказать, и онъ, не спрося насъ о націи нашей, ни о причинѣ нашего путешествія, по осмотрѣ корабля поспѣшилъ ѣхать, съ увѣреніемъ, что мы вскорѣ увидимъ дѣйствіе его обѣщаній въ подаяніи намъ помощи, и какъ мы хотѣли его подарить нѣсколькими блистательныхъ цвѣтовъ сукнами и индѣй-

скими парчами, то онъ ихъ не принялъ, говоря что лучшій даръ и лучшее удовольствіе, каковое мы могли сдѣлать имъ, есть, что подали способъ оказать имъ свое человѣколюбіе — и, сказавъ сіе, поѣхалъ.

Глава III.

Пріѣздъ писателя въ Офирское пристанище, городъ Перегабъ.

Мы были тогда въ самое то время года, когда въ сихъ странахъ суть должайшіе дни, а тому мало соснувши, когда мы въ четвертомъ часу проснулись, то уже зрили себя входящихъ въ единую великую рѣку и видѣли предъ собою на обѣихъ сторонахъ сію рѣку (и) построенный градъ съ великолѣпными зданіями. Примѣтили мы однако, что многіе изъ сихъ зданій были токмо одни развалины. Любопытство наше не могло довольно удовольствоваться воззрѣніемъ на все и вопрошеніемъ находящихся на кораблѣ нашемъ офицеровъ, и отъ нихъ мы увѣдали, что страна, къ которой мы приближались, имѣла общее именованіе Офирской имперіи, градъ и пристанище въ которое входимъ, назывался Перегабъ, а рѣка Пегія.

Между тѣмъ какъ мы дѣлали наши вопросы, корабль нашъ достигъ въ пространную, содѣланную руками человѣческими, гавань, отверстіе которой имѣло два укрѣпленія, снабженныя пушками, а въ оной мы увидѣли немалое число парусныхъ и гребныхъ великихъ судовъ. Корабль нашъ былъ прикрѣпленъ къ берегу, и вскорѣ пріѣхалъ къ намъ одинъ

офицеръ звать насъ на берегъ къ тому самому начальнику, который былъ на тѣхъ судахъ, которые насъ встрѣтили. Мы немедленно поѣхали съ судна нашего и нашли его стоящаго на берегу. Онъ, по первыхъ привѣтствіяхъ, звалъ насъ къ себѣ обѣдать, и уже родъ каретъ, сдѣланныхъ на подобіе нашихъ фурмановъ, однако съ малыми стеклами — каждая запряженная двумя быками — стояли на берегу, и мы, четыре человѣка офицеровъ корабля и я, поѣхали въ домъ его, который находился близъ гавани.

Домъ его былъ весьма посредственной величины и ничего великолѣпнаго не представлялъ. Встрѣчены мы были на крыльцѣ женою его, женщиною молодою и прекрасною собою, которая одѣта была въ бѣломъ камлотовомъ платьѣ; голова ея была повязана родомъ вязаной ленты пунсоваго цвѣта, и волосы ея черные, косами сплетенные, лежали по плечамъ ея. Она съ великимъ обрадованіемъ приняла своего супруга, и увѣдавъ отъ него о насъ, сдѣлала намъ многія учтивости. Мы были ею введены въ комнаты, которыя не имѣли никакихъ излишнихъ украшеній; стѣны были подмазаны алебастромъ, столы и стулья изъ простаго дерева; но удивило меня то, что я видѣлъ поставленныхъ нѣсколько малыхъ зеркалъ. И тутъ пришли еще три человѣка морскихъ офицеровъ, находящихся подъ его начальствомъ, яко самые ихъ мундиры бѣлые показывали.

Черезъ часъ по пріѣздѣ званы мы были къ столу; онъ накрытъ въ одной большой комнатѣ. Скатерть была простая,

лежали тарелки, ножи, вилки и ложки, такъ какъ по европейски, возсѣдали на стульяхъ. Сервизъ былъ жестяной, и хотя все съ великою чистотою, но и съ великою простотою было. Кушанья было очень мало, ибо хотя насъ было и десять человѣкъ за столомъ, но оно состояло въ большой чашѣ похлебки, съ курицею и съ травами сваренной, въ блюдѣ говядины съ земляными яблоками, блюдѣ рыбы вареной, въ жареной дичѣ, пирожномъ, сдѣланномъ съ медомъ, молокѣ и яйцахъ. Пили мы въ зеленыхъ стеклянныхъ большихъ сосудахъ воду, а потомъ мы подчиваемы были разными напитками: пересиженной водою изъ сосновыхъ шишекъ съ медомъ, водою изъ черной смородины и единымъ питьемъ густымъ, о которомъ мы увѣдали послѣ, что оно было сдѣлано изъ проса, на подобіе нашего пива.

Послѣ стола вошли мы въ прежнюю комнату; тамъ нашли мы землянику, клубнику, чернику и морошку, сотъ меду и патоку въ горшкахъ, съ которой тамошніе жители всѣ сіи ягоды ѣли.

Во время продолженія стола, примѣтилъ я въ прекрасной нашей хозяйкѣ великую скромность и хотя я сидѣлъ возлѣ нея, хотя она мнѣ показывала вниманіе учтивства, однако мало спрашивала объ обычаяхъ нашей страны, а также казалось удивлялась, что я былъ уже въ такихъ лѣтахъ не женатъ, и что капитанъ нашъ оставилъ свою супругу.

Вскорѣ послѣ стола начальникъ сей, нашъ хозяинъ, который былъ капитанъ

корабельный и именовался *Ганго*, сказалъ намъ, что завтрашній день мы должны предстать Адмиралтейскому правленію, и тогда мы получимъ повелѣніе о починкѣ нашего корабля, и опредѣлены намъ будутъ квартиры, а между тѣмъ временемъ онъ предоставляетъ въ квартиру свой домъ, гдѣ хотя намъ и тѣсно будетъ, но однако уповаетъ, что мы спокойнѣе можемъ препроводить сутки, нежели на кораблѣ. Мы его благодарили за его учтивство, и онъ насъ отвелъ въ двѣ комнаты, гдѣ мы нашли и постели.

На завтра въ седьмомъ часу, по нашимъ часамъ, хозяинъ нашъ пришелъ насъ взять, чтобы вести въ правленіе Адмиралтейства. Домъ, гдѣ сіе правительство имѣло свое присутствіе, былъ старинной, но великолѣпной архитектуры и великой пространности; онъ былъ возлѣ самыя единыя крѣпости, обнесенной землянымъ валомъ, гдѣ все магазейны, и работы адмиралтейскіи производились. Мы были съ береговой стороны приведены къ сему дому, и, взошедъ на великолѣпную мраморовую лѣстницу, были ведены разными покоями даже до мѣста присутствія. Тутъ, при отвореніи намъ дверей, введены мы были въ присутственную комнату, гдѣ мы нашли поставленный позлащенный тронъ и обращенные кресла. Возлѣ сихъ креселъ на приступкѣ трона другіе — и возлѣ нихъ стулъ, на которомъ сидѣлъ единый не старый человѣкъ — не много одаль отъ стола. Сей былъ, какъ мы послѣ увѣдали, по-

вѣренный главнаго начальника морскихъ силъ, или Генералъ-Адмирала; ибо сей въ правленіи семъ не всегда присутствуетъ, но обрѣтается въ столицѣ при Императорѣ, а чрезъ повѣреннаго своего получаетъ извѣстія о всемъ происходящемъ и предложенія свои даетъ. Потомъ за столомъ, какъ послѣ же намъ сказали, сидѣли два міага, то есть адмиралы; два маміага, то есть вице-адмиралы; каласнаръ, или начальникъ морской артиллеріи, калагиръ, или строитель и снабдитель кораблей, казкола, или казначей и колатедеръ, или начальникъ тутошняго порта. Всѣ они были въ бѣломъ платьѣ, имѣя разные знаки на грудяхъ, изъявляющіе ихъ чины. Адмиралы — дабы употребить европейскія именованія, — имѣли черной шерсти вышитый якорь съ тремя въ кругу сосновыми шишками, все въ тройномъ кругу изъ красной шерсти и золот[illegible]це-адмиралы и другіе (имѣли) такіе же знаки, но токмо съ двумя кругами. Начальникъ порта, иже былъ четвертаго класса, какъ мы послѣ узнали, имѣлъ такое же изображеніе и одинъ кругъ простой; но повѣренный Генералъ-Адмирала имѣлъ на груди на крестѣ положенные два якоря безъ прибавленія сосновыхъ шишекъ и въ одномъ красномъ кругу, и сіе было намъ истолковано, что понеже онъ былъ генералъ-адмиральскій повѣренный, то токмо его знакъ и носитъ, безъ прибавленія сосновыхъ шишекъ, иже есть гербъ государственный; имѣетъ же вокругъ сего знака одинъ кругъ въ показаніе, ко-

тораго онъ класса по собственной своей службѣ.

Какъ скоро мы были введены, то всѣ сіи присутствующіе, изъ коихъ многіе уже были престарѣлыхъ лѣтъ, вставъ, учтиво намъ поклонились и на поставленныя стулья повелѣли намъ сѣсть. По краткихъ минутахъ начальникъ порта именемъ всего присутствія намъ слѣдующее говорилъ: „Правительство здѣшнее, получа вчерашній день донесеніе отъ начальника кораблей, корый васъ встрѣтилъ въ крайней опасности находящихся среди моря, опредѣлило для изъявленія человѣколюбія правленія нашего и незнаемымъ намъ народамъ, изъ всѣхъ государственныхъ припасовъ и нашими работниками корабль вашъ починить, какъ возможно наискорѣе, и, снабдя васъ всѣмъ нужнымъ для дальняго путешествія, отпустить немедленно, дабы великіе льды мореплаваніе ваше не учинили опаснымъ, и препоручило сіе исполненіе мнѣ, но какъ архитектура вашего корабля есть отличная отъ нашей, то вамъ токмо надлежитъ опредѣлить своихъ приставовъ, которые бы дѣлали указанія нашимъ работникамъ. Что-же касается собственно до вашихъ особъ и до всѣхъ подчиненныхъ вамъ, то пріимите предложеніе нашего странноприимствія, состоящаго чтобы жить вамъ въ разныхъ домахъ нашихъ гражданъ, довольствуяся всѣмъ отъ нихъ, и вы конечно найдете въ оныхъ всевозможное спокойствіе и удовольствія, какія они пріобрѣсти вамъ могутъ".

Выслушавъ таковую рѣчь, черезъ меня, яко единаго знающаго санскритскій языкъ, коимъ въ сей землѣ говорили, мы всѣ принесли наше благодареніе. А тогда начальникъ порта, обратясь къ г-ну Б., нашему капитану, говорилъ, что какъ ему препоручено имѣть попеченіе о починкѣ корабля, то имѣя частую нужду съ нимъ объясняться, онъ и проситъ, чтобы онъ принялъ его предложеніе жить въ его домѣ. Г-нъ Б. съ благодарностію сіе пріемля, просилъ токмо, чтобы позволено было и мнѣ, могущему служить переводчикомъ, съ нимъ жить, на что также колатедеръ охотно согласился. А по семъ мы были отпущены изъ сего присутствія и вышли вмѣстѣ съ прежнимъ нашимъ хозяиномъ и колатедеромъ.

Тутъ въ другой комнатѣ, всѣ прочіе офицеры были другими прошены жить въ ихъ домахъ, и мы просили дозволенія заѣхать въ домъ нашего перваго хозяина, принести ему благодареніе за всѣ его учтивости, и тако къ нему поѣхали, съ обѣщаніемъ быть оттуда на пристанищи, дабы купно съ колатедеромъ учредить о немедленной починкѣ корабля.

Пріѣхавши мы въ домъ прежняго нашего хозяина, приносили ему и супругѣ его благодареніе за всѣ ихъ оказанные къ намъ учтивства, и ими поручикъ нашъ г-нъ С. удержанъ былъ жить въ ихъ домѣ.

Оттудова мы пошли на пристанище, гдѣ уже начальникъ порта насъ до-

жидался; онъ вскорѣ съ капитаномъ нашимъ распорядилъ все для починки нашего корабля и уже при насъ зачали выгружать достальное изъ корабля, дабы его ввести (въ докъ) для починки. Тогда присланъ былъ къ намъ одинъ офицеръ отъ перваго Адмирала звать насъ къ нему обѣдать и таковыя, какъ прежде я помянулъ были присланы колесницы, куда съ колатедеромъ и поѣхали.

Домъ его стоялъ на единомъ рукавѣ рѣки Пегіи, не малой пространности, но внутренность его совсѣмъ была проста и только чисто подмазана штукатурою; приняты мы были имъ съ великимъ учтивствомъ, и по краткихъ разговорахъ, обращающихся о нѣкоторыхъ приключеніяхъ мореплаванія и о корабельной военной и купеческой архитектурѣ, званы мы были къ столу. Хотя повсюду видна была совершенная чистота, не [illegible]дѣ роскоши не было; сервизъ его былъ глиняный, изпещренный разными красками. Ѣли мы хорошихъ мясъ, но малое число и просто приправленныхъ; винъ, кромѣ разныхъ водъ и единаго сдѣланнаго изъ проса, никакихъ другихъ не было. За столомъ была весьма нехорошая музыка, составленная изъ роду круглыхъ и прямыхъ трубъ, изъ флейтъ многоствольныхъ, каковы были древнія; изъ роду барабановъ и висячихъ со струнами треугольниковъ, по коимъ, бивъ палочкою, играли. Но можно сказать лучшее украшеніе стола составляла его особа; онъ былъ чело-

вѣкъ за семьдесятъ лѣтъ, но еще бодръ и здоровъ, разговоры его были пріятны, и онъ между важныхъ дѣлъ искусно мѣшалъ дѣла веселыя, пріятно разсказывалъ случавшіяся съ нимъ вещи, и между прочимъ, что онъ еще былъ въ молодыхъ лѣтахъ, когда въ единомъ походѣ для прикрытія ловителей китовъ, видѣлъ одно судно среди льдовъ, носящее такой точно флагъ какъ нашъ. Что сіе судно было такъ стѣснено льдами, равно какъ и его, что хотя и въ близости онъ находился но помощи подать не могъ и съ сожалѣніемъ видѣлъ его погибель. По семъ полюбопытствовалъ знать, чего ради у насъ такъ много флаговъ на корабляхъ; и какъ мы ему сказали, что сіе было для учиненія сигналовъ, то онъ весьма удивлялся, похвалялъ выдумку сію Европейцевъ и просилъ чтобы мы дали ему описаніе какъ дѣлать сіи сигналы, съ усмѣшкою сказавъ, что сіе чаятельно не таинство государственное и что они не уповаютъ никогда сіе искусство въ дѣйство противу насъ употребить.

Въ самое сіе время вбѣжалъ Офирскій морской офицеръ, сказывая что матросы наши на берегу завели драку и что они, вооружась смертоносными оружіями, поражаютъ. Какъ сіе было сказано вслухъ, то я тоже, взявъ позволеніе у капитана, просилъ, чтобы мы были отпущены для унятія своихъ. На сіе получа дозволеніе, я сказалъ капитану, и мы спѣшили къ сей дракѣ, и подлинно нашли, что уже наши съ

палашами и съ топорами дерутся съ Офирцами, которые не толь стараются ихъ поражать, какъ защищаться. Мы, хотя видѣли своихъ пьяныхъ, однако съ обнаженными шпагами, кидались въ опаснѣйшія мѣста и наглѣйшихъ тщалися унять; но можетъ статься, въ буйственномъ состояніи нашихъ матросовъ, мы бы въ семъ и не успѣли, если бы на сіе время не поспѣшилъ Офирскій отрядъ, состоящій въ тысячѣ человѣкъ, имѣющій весьма длинныя копьи, который вскорѣ нашихъ окружа и наклоня концы началъ стѣснять-ся такъ, что ни черезъ копья ни поражать, (ни) защищаться не могши, наши всѣ бывшіе въ дракѣ, въ числѣ сорока человѣкъ, принуждены были кинуть оружіе и сдаться плѣнными, къ чему и мы ихъ побуждали. Плѣнные сіи были отведены въ темницу, а мы спѣшили къ Адмиралу стараться нашихъ извинить и испросить имъ пощаду, но уже никого въ домѣ его не застали, ибо Адмиралъ и всѣ начальники адмиралтейскіе были на сей дракѣ и оттуда прямо проѣхали въ адмиралтейское присутствіе, и вскорѣ насъ настигъ единый офицеръ, повелѣвающій намъ туда идти.

По вшествіи въ присутственную горницу, мы нашли всѣхъ имѣющихъ видъ огорченный, которые съ прискорбіемъ намъ говорили о бывшемъ приключеніи, объявляя что единый изъ Офирцевъ былъ убитъ. А какъ законы ихъ всякое уголовное дѣло повелѣваютъ безъ всякаго мѣшканія изслѣдовать, то они,

собравшись въ тотъ самый часъ, уже опредѣлили судей. Но понеже они имѣютъ дѣло съ чужестранными, то хотятъ, чтобы и мы присутствовали въ семъ сужденіи и чтобы мы дали по совѣсти имъ знать, какіе суть наши законы зачинщикамъ безпорядковъ, дабы офирскія съ нашими соглася, учинить наказаніе виновнымъ. Окончили они свою рѣчь благодаря насъ, за всѣ старанія какія мы оказали, съ опасносностію себѣ, унять сей безпорядокъ.

Мы тотчасъ были введены въ другую комнату, гдѣ уже судьи, часть въ бѣлыхъ платьяхъ—о коихъ я уже сказалъ, что то были мундиры морскія—и часть въ голубыхъ, о коихъ мы послѣ свѣдали, что то были судьи гражданскіе. Насъ ожидали. По вшествіи въ сію комнату, мы вмѣстѣ съ ними за столъ были посажены, и немедленно словесно рапортовалъ морской офицеръ, представя свидѣтелей, что драка сія произошла отъ нѣкоихъ вольныхъ поступковъ единаго матроса, которые онъ учинилъ въ разсужденіи жены одного мѣщанина изъ стекшихся видѣть чужестранныхъ, что сей мѣщанинъ, видя сію наглость, хотѣлъ отвести сего матроса, но тогда же получилъ ударъ съ показаніемъ болѣе наглости, и какъ онъ хотѣлъ еще его оттолкнуть, то другіе вступилися и началася драка, въ которой одинъ изъ Перегабскихъ жителей былъ топоромъ умерщвленъ, и нѣкоторые переранены. По семъ были приведены связанные и скованные наши матросы, которыхъ мы

усмотрѣли быть пьяными, однако и отъ оныхъ довольно увѣдали, что при выгрузкѣ корабля они, нашедши горячія и другія вины, перепилися пьяны. Мы, видя ихъ въ такомъ состояніи, просили, чтобы дали имъ сроку до завтра, дабы сіи весьма отягченные пьянствомъ, могли порядочно отвѣтствовать. Намъ показалось, что судьи изъявляли свое удивленіе о семъ ихъ состояніи, и какъ я истолковалъ, силу сихъ напитковъ, то они на требованіе наше согласились, съ удивленіемъ однако спрашивая, зачѣмъ мы имѣемъ толь ядовитыя вещи? Я отвѣтствовалъ, что онѣ не суть ядовиты и напротивъ, что много пользы приносятъ отъ умѣреннаго ихъ употребленія, но излишество причиняетъ такой безпорядокъ. Съ терпѣніемъ выслушавъ, единый старый мужъ отвѣтствовалъ мнѣ, что изъ всѣхъ моихъ словъ онъ понимаетъ, что со всею ихъ полезностію они не суть необходимы человѣку, а по вреду происходящему, онъ никогда себѣ не представитъ, чтобъ и единочасный, происходящій отъ нихъ вредъ не превосходилъ многихъ лѣтъ полезность, получаемую отъ сихъ напитковъ.

На завтра мы въ шесть часовъ по утру опять собралися въ ту же судебную палату; виновные наши и свидѣтели были представлены предъ судей, учинены были имъ допросы, а нашимъ я переводчикомъ былъ, и хотя сіе такъ долго продолжалось, что уже время обѣду наступило, но мы не пошли домой обѣдать, а приготовленъ намъ

всѣмъ былъ столъ въ самомъ томъ домѣ. Послѣ обѣда потребовано было отъ насъ, чтобы мы сказали какіе суть наши законы о подобныхъ убійцахъ. Мы—истинно сказать—хотя сохранить нашихъ людей, сказали, что таковые отъ нечаянно-происшедшей ссоры учинившіе убійство осуждаются на годъ въ работу. А послѣ сего единый изъ судей разогнулъ книгу законовъ, въ которой читалъ слѣдующія законы:

1) Каждый умышленно учинившій смертноубійство да накажется смертію, и четвертая часть его имѣнія да отдастся оставшим(ся) послѣ убитаго.

2) Если кто неумышленно въ какой дракѣ, или другимъ случаемъ умертвитъ человѣка, и сіе въ первый разъ да осудится на три года въ работу, и изъ имѣнія его возмется толико, колико сей убіенный могъ бы прибытку дому своему принести въ три года, но токмо чтобъ сіе не превосходило четвертой части имѣнія убіеннаго.

Слѣдуетъ длинная роспись, за кого сколько платить:

За мѣщанина шесть фунтовъ чистото золота.

3) По прошествіи года, приставы у такихъ осужденныхъ въ работу, должны увѣдомить правительство, коликое кто показываетъ раскаяніе въ учиненномъ убійствѣ, и потому правительство можетъ уменьшить время работы или и совсѣмъ освободить.

4) Ежели учинится драка, между многими и многими, и въ той однако убіецъ будетъ извѣстенъ, учинить съ нимъ тоже наказаніе; а возмездіе дому убіеннаго учинить съ зачинщика драки и съ убійца—двѣ трети, а третія треть—со всѣхъ бывшихъ въ сей дракѣ.

5) Зачинщикъ драки, ежели онъ и убіецъ, долженъ быть осужденъ на пять лѣтъ въ работу и прежде двухъ лѣтъ освобожденіе не получаетъ. Платить же двѣ трети въ удовлетвореніе дому убіеннаго.

6) Ежели зачинщикъ драки не есть убіецъ—осуждается на два года въ работу и прежде года свободы не получаетъ; платитъ одну треть въ удовлетвореніе виновнаго.

7) Ежели въ слушаніи драки неизвѣстно будетъ, кто есть убіецъ, то зачинщикъ драки осуждается на два года въ работу и прежде года свободы не получаетъ, платитъ треть въ удовлетвореніе дому убіеннаго, а прочее располагается на всѣхъ бывшихъ въ дракѣ.

7) Изъ всѣхъ бывшихъ въ дракѣ, хотя бы никто точно убійцемъ найденъ не былъ, по жеребью, десятый человѣкъ осуждается на годъ въ работу; прочіе же на мѣсяцъ и платятъ детально на начинщика драки по положенію въ удовлетвореніе дому убіеннаго.

По слѣдствію же и нашлось, что хотя зачинщикъ сей драки и извѣстенъ былъ, но не онъ учинилъ убійство и не найдено было, кто точно убилъ Офирскаго гражданина, почему

зачинщикъ и осужденъ былъ на два года въ работу; изъ прочихъ же десятый человѣкъ на годъ въ работу, а прочіе на мѣсяцъ, съ платежемъ шести фунтовъ золота—почему и повелѣно было заключить опредѣленіе.

Мы таковымъ повелѣніемъ, яко громовымъ ударомъ, были поражены, ибо сіе отнимало у насъ надежду возвратиться сей годъ въ отечество наше. Я, иже по знанію моему санскритскаго языка всегда былъ употребляемъ чинить изъясненія, со общаго согласія всѣхъ нашихъ офицеровъ представлялъ судьямъ слѣдующее: «Мы слышимъ ваше опредѣленіе и справедливость онаго оспаривать не можемъ; но случается что и самая строгая справедливость несетъ съ собою нѣкоторый родъ жестокости, яко и есть сіе опредѣленіе, винныхъ справедливо и милосердо, по законамъ вашимъ, наказуются; но вспомните, вы насъ спасли отъ потопленія, со всѣмъ возможнымъ человѣколюбіемъ пріяли въ пристанище ваше. Мы были въ самое время начала сей драки у вашихъ начальниковъ. Пріемлемъ самихъ васъ въ свидѣтели, что мы своей жизни не щадили для унятія сей драки, то будемъ лишеніемъ способа, обѣщаннаго вами—отнятіемъ у насъ лучшихъ и искусныхъ людей наказаны длиннымъ опозданіемъ возвратиться въ отечество наше, и сего ради и просимъ о отмѣненіи сего опредѣленія, дабы тѣмъ исполнилось учиненное вами намъ обѣщаніе».

Единый изъ старшихъ судей, съ усмѣшкою, но однако съ важнымъ видомъ отвѣтствовалъ намъ: «Когда вы толь чувствуете страннопріимственный поступокъ нашего народа, то мы имѣемъ причину отъ васъ надѣется, что вы и предадите судьбу свою и исполненія учиненнаго обѣщанія намъ; и уповая, что добросердечіе Офирскаго народа и доброта его законовъ неподастъ вамъ причины жаловаться. Но да исполнятся законы положеній; ибо если для васъ учинимся невѣрны нашимъ законамъ, то какую можете вѣру къ словамъ нашимъ имѣть?

Симъ окончилъ онъ свою рѣчь, и вскорѣ опредѣленіе было готово, которое по прочтеніи всѣми ими было подписано; требовали они, чтобы и мы его подписали и мы, не смѣя раздражить судей, во власти коихъ находимся, также его подписали и уже за полночь вышли изъ собранія, дабы идти въ свои квартиры; а судьи тутъ еще осталися, и на завтра велѣно намъ было въ седьмомъ часу по утру быть паки въ сіе присутствіе.

Возвращаясь въ нашу квартиру съ начальникомъ порта, мы показали наше удивленіе о толь долгомъ присутствіи въ судебной палатѣ. И онъ намъ на сіе отвѣтствовалъ, что сіе есть узаконеніе ихъ страны, что какъ скоро какое уголовное дѣло дойдетъ къ сужденію, которыя весьма рѣдко случаются, то судьи должны отъ утра до полночи не выходить изъ присутствія, развѣ остановка будетъ за справками или за сысканіемъ свидѣтелей,

или винныхъ, и тогда, хотя бы въ полночь сіе случилось, немедленно судьи собираются и продолжаютъ дѣло.

На завтра въ седьмомъ часу мы паки пріѣхали въ судебную палату — нашли судей и всѣхъ нашихъ взятыхъ подъ стражу связанныхъ. Признаться должно, что состояніе ихъ тронуло насъ до слезъ, и какъ не останавливаясь, введены мы были въ судебную палату, то уже не нашли мы такой ласки, какую прежде видѣли; но президентъ, сухо намъ поклоняся, повелѣлъ единому изъ предстоящихъ тутъ въ синемъ платьѣ офицеру, носящему на груди знакъ меча, ввести винныхъ для наказанія, говоря, что и намъ должно туда же слѣдовать.

Мы родомъ нѣкоторой церемоніи послѣдовали виновнымъ, которые были взведены на высокое для сего уготованное мѣсто. Прочтено было опредѣленіе осужденія ихъ; принесенъ былъ сосудъ для кинутія жеребья десятому, коимъ по году быть въ работѣ; оный былъ кинутъ, и уже приступили стражи взять каждаго отвести въ мѣста наказанія ихъ, когда вдругъ раздался весь народъ и мы узрили предсѣдателя съ двумя судьями, пріѣхавшими къ сему мѣсту. Всѣ остановились и плѣнныхъ нашихъ, во ожиданіи новаго повелѣнія, не повели.

Предсѣдатель, прошедши мимо насъ, повелѣлъ намъ за собою слѣдовать на возвышенное мѣсто и тамъ, вынувъ бумагу, отдалъ читать секретарю, которая была слѣдующая: (ибо намъ тогда же копія была отдана.)

«Лѣта 1704, возобновленіе Офирской Имперіи, мѣсяца четвертаго долгоденнаго, 10-го числа, по случившейся дракѣ между служителями корабля короля Французскаго, называемаго «Надежда», который былъ спасенъ отъ потопленія Офирскими морскими стражами и гражданами города Перегабъ, и по слѣдствію, учиненному въ самый тотъ день и на завтра нашлося, что Г е н р и х ъ Ф л е р ъ, матросъ сего корабля, былъ зачинщикъ оной, а 39 человѣкъ другихъ къ нему пристали и неизвѣстно кѣмъ убитъ до смерти единый гражданинъ Офирскій, именемъ З а н и г о р ъ, ремесломъ хлѣбникъ».

«22 числа мѣсяца, въ полночь, подписано было опредѣленіе, по точнымъ узаконеніямъ Офирской имперіи, которые въ томъ опредѣленіи прописаны, учинить имъ наказаніе, а именно: зачинщику — отослать его на два года; изъ прочихъ отъ девяти десятаго по жеребью на годъ, а остальные на мѣсяцъ въ работу, и должны они заплатить въ пользу дома убіеннаго шесть фунтовъ чистаго золота: треть зачинщикъ и двѣ трети прочіе, ежели сіе не превосходитъ четверти ихъ имѣнія. Сіе опредѣленіе во время третьей стражи предъ народомъ было чинено и къ исполненію приступлено, окромѣ взысканія удовлетворенія. И какъ еще офирскій законъ повелѣваетъ не оскорблять пришельцевъ, а учинившихъ преступленіе вы-

сылать вонъ изъ земли, того ради сіи осужденные отъ работы избавляются, ибо и безъ того по починкѣ ихъ корабля, они должны страну сію оставить. Но дабы они не приключили и еще какого безпорядка, отдать ихъ въ единый особливый домъ подъ стражу и никуда не выпускать, развѣ потребуетъ капитанъ ихъ для нуждъ починки корабля, то и въ семъ случаѣ отпускать ихъ подъ стражею. Что же касается до платежа шести фунтовъ золота, въ удовлетвореніе дома убіеннаго, то сіе яко возмездіе приватной семьи, упуститься не можетъ и оное взыскать по точнымъ словамъ правъ, и росписку отъ получившаго его сына, представить въ судъ».

„Драка сія произошла, какъ сами офицеры объявили, отъ повреждения разума сихъ виновныхъ, происшедшаго отъ питія нѣкоего ихъ страны напитка. Достойны бы наказанія были и офицеры, что имѣя на кораблѣ своемъ толь ядовитую вещь ее не охраняли; но какъ они, по всему видно, искренно объявили, что у нихъ нѣтъ обычая блюсти сію вещь, но она у нихъ свободна каждому пить, сколько кто хочетъ и сказываютъ яко бы здоровье приносила, да и самый ихъ поступокъ изъявилъ въ усердіи ихъ дѣянія драки, то въ семъ они не виноваты, но виненъ дурной обычай ихъ страны, который и учинилъ оныхъ содѣлать нечаянно такую неосторожность, а сего ради сіе имъ прощается, а только повелѣвается чтобы впредь, съ великимъ тщаніемъ, въ бытность свою въ сей странѣ, хранили сей вредный напитокъ, дабы и еще какого безпорядка не приключилось; въ противномъ случаѣ они, яко первая причина происшедшаго зла, отвѣтствовать будутъ".

Симъ окончилось сіе наказаніе и мы, принесши благодареніе за оказанное милосердіе, спѣшили поскорѣй все находящееся у насъ вино отдать въ магазейны офирскія хранить, дабы за него и за пьянство не отвѣтствовать. Подлежащее золото немедленно дому убіеннаго заплатили и росписку, засвидѣтельствованную бывшимъ офицеромъ при исполненіи и нашимъ хозяиномъ, отнесли въ судъ.

По семъ отъѣхали мы въ домъ нашего хозяина, гдѣ съ обыкновеннoю ласкою и учтивствомъ съ нами поступано было.

Послѣ обѣда присланъ къ намъ былъ офицеръ въ черномъ платьѣ отъ Генералъ-Губернатора, который чинъ у нихъ называется Яги-Ягъ, звать насъ къ себѣ.

Мы, предводительствуемые хозяиномъ нашимъ, капитаномъ надъ портомъ, къ нему поѣхали. Домъ его былъ среди города — пространное зданіе, но безъ всякаго великолѣпія, также и внутренность его, имѣющая множество комнатъ, никакихъ украшеній, окромѣ бѣлыхъ стѣнъ и чистоты не представляла и единаго портрета, на доскѣ написаннаго, каковы и у всѣхъ въ домахъ.

Сей Яги-Ягъ былъ человѣкъ уже весьма старыхъ лѣтъ, но еще довольно

бодръ, имѣлъ на себѣ черное платье и золотую цѣпь на шеѣ, на которой висѣла четвероугольная медаль съ изображеніемъ трехъ сосновыхъ шишекъ. Онъ принялъ насъ посреди комнаты весьма учтиво, говоря чтобы мы извинили его въ томъ, что онъ сдѣлалъ намъ трудъ званіемъ къ себѣ, но въ томъ онъ желалъ токмо изъявить уваженіе къ чужестраннымъ. Мы съ своей стороны извинялись, что не могли прежде изъявить ему нашего почтенія, за извѣстными, конечно, ему обстоятельствами. Онъ извиненіе наше благопріятно принялъ, звалъ насъ въ завтрашній день обѣдать и всегда тогда, когда мы можемъ имѣть свободное время.

Такъ мы были отъ толь почтеннаго мужа приняты и были еще у многихъ начальниковъ, о коихъ я уже не хочу входить въ подробности, довольствуясь сказать, что ни единаго дня не проходило, чтобы мы не были куда званы обѣдать. А утро и около вечера время офицеры наши корабельные употребляли для надзиранія починки корабля, которая съ крайнимъ поспѣшеніемъ Офирскими жителями, подъ указаніемъ нашихъ офицеровъ, исполнялась. Я же, не зная кораблестроительной архитектуры, употреблялъ время обзирать градъ и все, что въ немъ находилось любопытнаго.

Глава IV.

Описаніе града Перегаба, вѣры Офирцевъ и нѣкоторыхъ обычаевъ и искуствъ.

Въ самый тотъ день, какъ мы пред-

ставлены были Генералъ-Губернатору, вечеромъ говорилъ я нашему хозяину, капитану надъ портомъ, что я бы весьма желалъ видѣть градъ и все, что въ немъ есть достойное любопытства. Онъ на сіе мнѣ сказалъ, что сіе состоитъ въ моей волѣ и что онъ охотно желалъ самъ вездѣ меня водить, но, бывъ обязанъ по должности своей дѣлами, исполнить сего не можетъ, а для сего дастъ мнѣ одного офицера, хотя молодого человѣка, но весьма разумнаго, который потщится мнѣ показать все достойное примѣчанія въ семъ городѣ и дать мнѣ нѣкоторое просвѣщеніе, впрочемъ не отрекаяся, и самъ по вечерамъ мнѣ сдѣлать изъясненія о сомнѣніяхъ какія я могу имѣть.

Я самое утро завтрашняго сего дни употребилъ разсматривать многія заведенія въ семъ градѣ; видѣлъ тутъ учрежденную академію наукъ, исполненную собраніемъ великаго числа натуральныхъ вещей; слышалъ тутъ отъ находящихся профессоровъ, что главное установленіе сей академіи состоитъ (въ томъ, чтобы) имѣть попеченіе о изысканіи полезныхъ вещей для Офирской имперіи, яко способы разные травы передѣлывать въ краски или въ родъ льну, или пеньки и прочее; въ сысканіи какъ лучше сплавливать и очищать минералы, во изысканіи разныхъ машинъ, чтобы облегчить трудъ человѣческій. Ученики разныхъ состояній во множествѣ въ разныхъ классовъ стекаются, которымъ и словами и

опытами, показываютъ сіи науки и самыхъ неученыхъ основаніямъ оныхъ тщатся научить, отчего неудачи въ мастерствахъ ихъ происходятъ. Видѣлъ биржу, гдѣ продаютъ разные товары и произведенія рыбной ловли, ибо чужестранныхъ купцовъ тутъ нѣтъ. Видѣлъ верфь, содѣланную какъ они называютъ, для купеческихъ кораблей, на самомъ же дѣлѣ для кораблей употребляемыхъ для рыбной ловли. Веденъ потомъ былъ въ литейный домъ, гдѣ видѣлъ какъ у нихъ льются пушки, въ чемъ никакой разности съ европейскими въ способѣ литья не нашелъ; но въ препорціи пушекъ, которые обще болѣе имѣютъ калиберы, длиннѣе и толстостѣннѣе европейскихъ; и еще нашелъ то примѣчательнаго, что мастеръ, получая за литье пушки, получаетъ токмо за ту, которая совсѣмъ исправно вылита; гдѣ же хотя малая найдется неисправность, пушка переливается, и мастеръ платежа не получаетъ. Близь литейнаго дому находится арсеналъ, небольшой, но хорошо отстроенный, и все въ совершенномъ въ немъ порядкѣ. По проходѣ изъ разныхъ мѣстъ въ другія, ко удивленію моему видѣлъ я множество развалинъ и многія пустыя мѣста, которыя показывали, что прежде сей городъ, гораздо многонароднѣе и пространнѣе былъ. Не успѣлъ я тогда спросить о причинѣ сего у моего вожатаго, предоставляя требовать о семъ изъясненія у капитана надъ портомъ, моего хозяина.

А какъ уже часъ обѣда наступалъ то спѣшилъ я идти къ Генералъ-Губернатору, куда я былъ званъ, гдѣ уже нашелъ многочисленное собраніе. Я былъ имъ весьма ласково принятъ. Онъ меня, посадя возлѣ себя, о многихъ обстоятельствахъ нашей страны и тѣхъ мѣстъ, гдѣ я путешествовалъ раcспрашивалъ, и между тѣмъ временемъ пошли мы за-столъ, который былъ также простой, какъ и прочія, и кушанье было на толстыхъ блюдахъ фаянсовыхъ. Я также сидѣлъ возлѣ Генералъ-Губернатора, по лѣвую сторону другимъ, уступя мѣсто нашему капитану, который сидѣлъ первымъ, а по правую сторону сидѣли чиновники Офирской земли, въ томъ числѣ были и вышепомянутые Адмиралы. Между разговоровъ упомянулъ я, что я сегодня имѣлъ любопытство смотрѣть достойныя примѣчанія вещи во градѣ. Генералъ-Губернаторъ тогда мнѣ сказалъ, что о семъ извѣстенъ, ибо отъ самаго пріѣзду нашего онъ уже далъ повелѣніе, что если мы будемъ имѣть сіе любопытство, чтобы насъ потщили-бъ удовольствовать. „Но, продолжалъ онъ, я не буду васъ спрашивать, что вы видѣли и какъ вамъ что показалось, ибо и учтивство чужестраннаго не позволитъ вамъ, все, что вы нашли достойное охуленію, сказать, да и не можете, не знавши ни обстоятельствъ, ни положенія вещей, справедливо о семъ судить. Но не могли вы, подъѣзжая къ сему граду, и ходя сегодня полемъ, не примѣтить множества разва-

линъ, а сіе и можетъ подать вамъ, яко чужестранному, худыя заключенія о нашемъ правительствѣ учинить; и такъ я за должность себѣ считаю кратко разсказать вамъ исторію сего града, и думаю, что самые сіи развалины привлекутъ ваше почтеніе къ правительству нашему".

„Земля сія не плодородная, покрытая прежде лѣсами едва могущими рости, болотистая, уступокъ можно сказать моря, находилась во владѣніи единаго народа Дысвы, который и нынѣ недалеко отсюда граничитъ съ нами. Между древними нашими великими государями, былъ единый именуемый Перега; сей нашелъ государство свое непросвѣщенное и погруженное въ варварство. Онъ первый учредилъ у насъ порядочное правленіе, онъ учредилъ познаніе наукъ и военнаго искуства. Тогда еще мы (не) производили торговлю съ разными народами; хотѣлъ онъ (ихъ въ) оную страну свою привлечь, но не имѣлъ приста(ни)щъ. Сего ради началъ войну съ Дысвами, (и) по многихъ перемѣнахъ счастія, покорилъ многія ихъ области и во время самой войны, градъ сей во имя свое создалъ. „Не взирая на отдаленіе сего мѣста отъ всѣхъ другихъ частей его имперіи, на неплодоносность страны, на близость ко врагамъ нашимъ и на трудность привозу всѣхъ вещей, оставя средоточное положеніе въ Имперіи древней своей столицы града Квамо, учредилъ здѣсь свое жилище; вельможи ему послѣдовали, коммерція зачалась и вскорѣ сей градъ изъ болота, противу чаянія и противу естества вещей, возвеличился. Наслѣдники его, также возлюбя сей градъ, украсили его огромными зданіями, берегъ крѣпкимъ камнемъ обдѣлали; протоки содѣлали порядочными и также камнемъ одѣли завели училища, воздвигли зданія, разныя удивительной великолѣпности, создали увеселительные дома, болота осушили, лѣса вырубили и произвели, можно сказать, превыше естества. Вельможи, жившіе при нихъ имъ подражали (и) истощали также свое имѣніе. Многіе тысячи народу погибли въ сихъ работахъ, и несчетныя сокровища издержаны были. Но содѣланнаго не возвратить, и сожалѣтельно бы было попирать плоды многихъ трудовъ, цѣну столькихъ жизней человѣческихъ и многихъ сокровищей, хотя и самое содержаніе града, гдѣ учинялося усиліе природѣ, многаго стоило. Но тогда же примѣчены были слѣдующіе злы: 1) Государи наши, бывъ отдалены отъ средоточнаго положенія своей имперіи, знаніе о внутреннихъ обстоятельствахъ оныя потеряли. 2) Хотя градъ Квамо и оставленъ былъ, по древности его и положенію, (сіе) учиняло, что всегда стеченіе лучшей и знатнѣйшей части народа въ ономъ было, а сіи, не видѣвъ какъ родъ своихъ государей, любовь и повиновеніе къ нимъ потеряли. 3) Вельможи, жившіе при государяхъ, бывъ отдалены отъ своихъ деревень, позабыли состояніе земской жизни, а потому потеряли и познаніе, что можетъ

тягостно быть народу и оный налогами стали угнетать. 4) Бывъ сами сосредоточены у двора, единый оный отечествомъ своимъ стали почитать, истребя изъ сердца своего всѣ чувства объ общемъ благѣ. 5) Отдаленіе же другихъ странъ чинило, что и вопль народный не доходилъ до сей столицы. 6) Древніе примѣры добродѣтели старобытныхъ нашихъ великихъ людей, купно съ забвеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они подвизались, изъ памяти вышли, не были уже побужденіемъ и примѣромъ ихъ потомкамъ и 7) Близость къ вражескимъ границамъ; отъ сего народъ страдалъ, государство истощевалось, престолъ былъ поколебленъ и многіе по возмущеніямъ оный похищали; бунты были частые и достигло до той великой перемѣны, которымъ отечество наше было обновлено. Мнѣ долго вамъ разсказывать о семъ великомъ и счастливомъ премѣненіи: превеликій нашъ Государь Сабакола взошелъ на Офирскій престолъ. Онъ, хотя видѣлъ всѣ злы, которымъ есть причина сей градъ, но не хотя при первомъ случаѣ огорчить знатную часть велможъ, имѣющихъ дома и селенія вокругъ сего града, располагалъ поперемѣнно свое житье: въ семъ градѣ и въ древней столицѣ Квамо, разстояніемъ отсюда въ осьмидесяти лимъ *). Колико позволили его доходы и бережливость покупалъ у вельможей дома, такъ что они не чувствительно лишалися привязанности къ сему граду; разнымъ чинамъ опредѣлилъ для житья домы изъ сихъ купленныхъ; далъ многіе преимущества, тѣмъ заводамъ, которыхъ работа дороже стоитъ, яко особливой добротѣ всякаго вооруженія, драгоцѣнные ковры служащіе токмо къ украшенію и великолѣпію царскихъ домовъ или кому отъ императора въ даръ дадутся, дѣланіе фарфору и другой драгоцѣнной глиняной посудѣ, тканье лучшихъ штофовъ и шитье разныхъ украшеній и другимъ подобнымъ и роздалъ на исполненіе, не токмо многіе купленные дома, но многіе и изъ своихъ, какъ городскихъ, такъ и загородныхъ домовъ и наконецъ, умирая, въ присутствіи совѣта, наслѣднику своему далъ не малую тетрадь, что, по мнѣнію его, къ направленію государства исполнить надлежитъ, въ которой между прочимъ было написано. Тутъ онъ, вставъ самъ изъ-за стола, вышелъ въ другую комнату и, вошедъ съ книгою, слѣдующее прочелъ: „Между прочимъ по вышеписаннымъ причинамъ ясно мною усмотрѣно, что пребываніе Офирскихъ государей во градѣ Перегабѣ есть видно всему государству; жалѣя потерянныхъ трудовъ и надивленія (?), а паче имѣя нужду въ семъ градѣ для морскаго пристанища, не должно безъ призрѣнія его покидать. А дабы отъ непребыванія въ ономъ Император-

*) Лимъ мѣра долготы, вмѣщается ихъ десять въ градусѣ.

скаго двора сей градъ не пришелъ совсѣмъ въ упадокъ, я, уже скупя многіе дома, учредилъ тутъ разныя фабрики, далъ преимущества купцамъ и мореходцамъ, учредилъ тутъ пребываніе адмиралтейской коллегіи. Совѣтую поступать на тѣхъ же правилахъ мало по малу, посторонними способами отъ двора спабжать сей градъ. Когда не тягостно будетъ великому числу приватныхъ людей, желательно чтобы казна облегчила и каждому тягость. Пребываніе императорскаго двора совсѣмъ перенести въ древній столичный градъ, оставляя токмо чрезъ три года на нѣсколько мѣсяцевъ Государямъ посѣщать сей градъ.

Закрывъ книгу продолжалъ: „По симъ завѣтамъ сего великаго государя и по нынѣ исполняется, въ теченіи 1700 лѣтъ. И хотя подлинно многія заведенія учинены, хотя довольно людей привязанныхъ къ разнымъ должностямъ и къ купечеству здѣсь во градѣ обитаютъ, но все сіе не можетъ замѣнить пышность и великолѣпіе сластолюбиваго двора, а отъ сего и видно много развалинъ и пустыхъ мѣстъ въ семъ градѣ. Но можно сказать, что оный самый доказалъ, что каждая развалина была причиною многимъ великимъ зданіямъ внутри государства, и каждая пустота была причиною насе-

ленія, плодородія и блаженства великихъ областей“.

Я удивлялся краснорѣчію сего почтеннаго мужа, и причина сія распространяся подала поводъ къ разговору о строеніи городовъ, и онъ съ великою мудростію доказывалъ, что власть монарша не содѣлываетъ города, но физическое или политическое положеніе мѣстъ, или особливыя обстоятельства. Либо, говорилъ онъ, гдѣ уже завелися великія селенія и требующіе окромѣ земскаго управленія, управленія гражданскаго, либо гдѣ есть мастерства и рукодѣлія, либо гдѣ есть торги или пристанища, сіи мѣста токмо требуютъ учрежденія городами. Прилагая, что общимъ образомъ его мнѣніе есть согласное и съ самыми главностями узаконеній земли Офирской, что (гдѣ) множество городовъ, тамъ польза и вредъ государственный, ибо гдѣ есть стеченіе разнаго состоянія людей, тутъ есть и больше поврежденія нравовъ; и переименованные земледѣльцы въ мѣщане, отставая отъ ихъ главнаго промысла, развращаясь нравами, впадая въ обманчивость и оставляя земледѣліе, болѣе вреда нежели пользы государству приносятъ. Не побудитъ, продолжалъ онъ, торговлю, многое число названныхъ мѣщанами и впадшихъ въ роскошь людей, но побудитъ ее сельская жизнь, воздержность и трудолюбіе, которые конечно несравнительно менѣе, не взирая на всѣ учрежденія, въ городахъ находятся, нежели въ деревняхъ. А токмо надлежитъ

имѣть города въ такомъ разстояніи единый отъ другаго, чтобы въ два или три дни могъ земледѣлецъ доѣхать для проданія плодовъ его трудовъ; а ежели и въ семъ разстояніи совершенно удобныхъ мѣстъ и нужныхъ къ составленію городовъ нѣтъ, то, учредя торги и ярмарки, довольное спокойствіе жителямъ деревенскимъ можно сдѣлать, ибо коли бы часто таковые торги и ярмарки ни были, сіе бо́льшаго вреда не произведетъ, а паче будетъ способствовать ко внутреннему обращенію торговли.

Таковые наши разговоры продолжались во все время стола, и послѣ нѣсколько времени. А послѣ, откланявшись, я пошелъ съ моимъ проводникомъ паки смотрѣть разныя заведенія; былъ въ нѣкоторыхъ училищахъ, яко морскомъ, математическомъ, академіи художествъ и на фабрикахъ: яко часовой, математическихъ инструментовъ и другихъ, гдѣ все нашелъ — исключая разности нашихъ обычаевъ съ офирскими — весьма хорошо устроено по размѣру знанія и просвѣщенія ихъ, яко народа, неимѣющаго искренняго сообщенія ни съ какимъ другимъ.

Хотя и все сіе обозрѣніе я въ единое мѣсто вмѣстилъ, но въ самомъ дѣлѣ я нѣсколько дней употребилъ для того. Въ единый изъ сихъ дней, проходя великую одну улицу, среди содѣланной небольшой площади, узрилъ я круглое зданіе, отличное своимъ великолѣпіемъ отъ всѣхъ прочихъ, которые общимъ образомъ съ великою

простотою были построены, и возлѣ сего зданія нашелъ я не малое число обоего пола народа, иныхъ входящихъ, а другихъ исходящихъ. Вопросилъ я провожатаго моего о семъ зданіи, и онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сіе есть храмъ Божій. Любопытствовалъ я въ него войти, и спрашивалъ позволяется ли сіе чужестраннымъ? Мой вопросъ казалось удивилъ моего проводника, и онъ мнѣ отвѣтствовалъ: „Вышнее Естество, создавшее вселенную, которому всѣ должны поклоненіе свое приносить, не отщетитъ ни единаго человѣка; тайности же никакой въ ихъ моленіи нѣтъ, то для чего, если я имѣю любопытство, не войти въ сей храмъ? И мы немедленно въ него вошли.

Я нашелъ въ немъ не малое число людей, ожидающихъ начала молитвы и тихо между собою разглагольствующихъ, а нѣкоторые еще входили, другіе же выходили. Сіе еще побудило меня спросить о причинѣ сего. Вожатый мой мнѣ отвѣтствовалъ, что ежедневно у нихъ молитва начинается въ началѣ четвертой утренней стражи *), что три раза молитва ихъ начинается съ перемежками, а потому выходящіе суть тѣ, которые уже моленіе свое принесли, а входящіе тѣ, которые еще пришли молиться; услышали мы тогда гласъ трубный, и провожатый мой сказалъ, что сіе есть возглашеніе, для увѣ-

*) Офирцы начинаютъ день свой съ полуночи и считаютъ не часами, а стражами, каждая въ три часа, раздѣляя ихъ на четыре утреннихъ и на четыре послѣ полуденныхъ.

домленія народа, что вскорѣ молитва начнется.

Во ожиданіи начатія молитвы осматривалъ я зданіе сего храма. Онъ былъ построенъ изъ дикаго камня, имѣя въ середкѣ яко окруженіе столбами въ два ряда поставленными, на коихъ утверждались куполы. По середкѣ, на возвышенномъ мѣстѣ и на богатомъ пьедесталѣ, стояло солнце, или лучше сказать кругъ, имѣя середку серебряную, лучи же златые. На серебряномъ кругу голубою финифтью была изображена цифирная литера, знаменующая единакость, а кругомъ круга надпись: *превѣчный, всемогущій, всевѣдящій, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, вездѣ присутствуяй.* Солнце сіе содѣлано на обѣ стороны, такъ что съ обѣихъ сторонъ окружающему народу слова сіи видимы были. Наконецъ увидалъ я человѣка, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, имѣющаго родъ нагрудника, на коемъ находилось выкованное такое же солнце, какое я выше описалъ; на головѣ у него была повязка голубаго цвѣту, на коей были вышиты слова, о коихъ послѣ узналъ, чтобы были самые тѣ же, именованіе совершенствъ Божіихъ, о коихъ выше упомянулъ, что находились на поставленномъ на пьедесталѣ солнцѣ. Сей, взошедъ на возвышенное мѣсто, сказалъ: „*вознесите мысли свои къ Вышнему.* А потомъ, ставъ на колѣни, съ частымъ преклоненіемъ читалъ молитву, и всѣ бывшіе тутъ въ глубокомъ молчаніи, и съ потупленными очами, также стоя на колѣняхъ, и съ преклоненіемъ на землю, приносили молитву въ молчаніи. Молитва сія не долѣе двухъ минутъ продолжалась, когда возсталъ священникъ обратясь къ народу сказалъ: *да услышана будетъ молитва ваша предъ Господомъ*“, и послѣ сего начали расходиться.

Вышли и мы изъ храма, но насилу мы отошли нѣсколько сажень, какъ узрили единаго человѣка, поспѣшающаго къ намъ. Сей былъ единый изъ служителей священника, который посланъ былъ отъ него звать насъ къ себѣ обѣдать, извиняяся что самъ онъ не пришелъ насъ звать, ибо занятъ былъ ожиданіемъ совершить третью молитву. Мы не могли отречься отъ его званія, а во ожиданіи обѣденнаго часу, посѣщали еще нѣкоторыя полезныя устроенія. Весьма я хотѣлъ быть извѣстенъ о вѣрѣ и о обрядахъ оной и для того намѣренъ былъ вопрошать о семъ провожатаго, но какъ уже позванъ былъ къ священнику, то оставилъ мои вопросы, надѣяся болѣе отъ него свѣдѣнія получить.

Нетерпѣливость моя увѣдать что ни есть о сей вѣрѣ была толь велика, что я часто понуждалъ моего провожатаго идти въ домъ священника, и такъ какъ скоро онъ разсчелъ, что оный могъ уже возвратиться въ домъ свой, повелъ меня къ нему. Домъ его былъ неподалеку отъ храма, посредственной величины, просто и чисто, по обыкновенію офирскому, убранъ. Онъ встрѣтилъ насъ въ первой комнатѣ и благодарилъ за наше пришествіе къ нему по его зву, ввелъ въ гостиную свою комнату, посадилъ насъ на стульяхъ и самъ сѣлъ противъ насъ. Сей былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, росту взрачнаго и имѣлъ видъ кроткій; одежда его была такъ какъ на офицерахъ полиціи и самаго того же цвѣту, то есть синяго, и имѣлъ тотъ же знакъ на груди своей съ тою различностію, что на верху меча малое солнце было изображено съ цифрою одинъ. Сіе первое и побудило мое любопытство спросить, что я вижу на немъ платье и знакъ офицера полицейскаго? На сіе онъ мнѣ сказалъ, что онъ и есть, а какъ примѣтилъ паче во мнѣ удивленіе, то сказалъ мнѣ, что понеже, что полиція у нихъ есть для сохраненія нравовъ, то изъ гражданъ и выбираются тѣ, которыхъ они достойнѣйшими и добродѣтельнѣйшими почитаютъ, въ главные надзиратели частей по три человѣка, которые тогда же опредѣляются быть священниками единаго Бога. Сіе подало мнѣ поводъ его спросить, развѣ никакія особливыя науки не требуются для исполненія священнической должности? Тогда уже священникъ показалъ мнѣ удивленіе, говоря: „И какой ей особливой быть? не все ли по чудесамъ твореніе мы видимъ и ощущаемъ естество Божіе; прочтеніе малаго числа молитвъ не есть вещь трудная, которой бы, окромѣ знанія читать, учиться было должно, а правила нравственныя законами предписать“. Я, извинясь ему о своемъ вопросѣ, яко человѣкъ, который судитъ по обычаямъ страны своего отечества, вопрошалъ его о вѣрѣ ихъ и о обрядахъ оныя. На сіе мнѣ отвѣтствовалъ священникъ: „Я весьма скоро могу ваше любопытство удовольствовать. Мы люди, а потому суть твари одаренные разсудкомъ, и слѣдственно взираемъ на небеса, устройство разныхъ свѣтилъ, ихъ разные пути; взирая на землю, плодородіе ея, испытаніе, что никая травка безъ сѣмени не родится; взирая на животныхъ и видя ихъ одаренныхъ разными способами пріобрѣтать себѣ жизнь, укрываться отъ гонящихъ ихъ, сыскивать себѣ убѣжище во время зимы и безопасное мѣсто для сохраненія дѣтей своихъ, и все, въ такомъ порядкѣ и устройствѣ расположенное, показало намъ, что сіе конечно происходитъ отъ единыя, всесильныя и премудрыя руки, а потому мы и заключили со справедливостію, что есть невидимое нами Всевышнее Естество, которое все создало, все устрояетъ и все содержитъ. Ибо естьли бы были разные какіе могущіе чинить созданія существа, то-бъ не было въ разныхъ твореніяхъ такого согласія, и могла бы быть какая между ими распря, а сіе бы и показывало ихъ несовершенность, а потому и безсильны учинить такія созданія. Слѣдственно, не можетъ быть, какъ токмо Одинъ началомъ всего. Не можетъ Онъ быть не вѣченъ, ибо если бы что могло его разрушить, то бы его сильнѣе было, а потому и не былъ бы

онъ всемогущенъ, яко является чрезъ творенія свои, но яко все содѣлавшій, слѣдственно и всемогущъ есть. Если бы какое познаніе было причастно сему Естеству, то бы могъ многія учинить ошибки, чтобы весьма уже совершенство его отнимало, а потому и есть всевѣдущій. Коль имѣетъ такія совершенства и паче могущество, то правосудіе ему должно быть неотдѣльно. Создавый все — Единый. Кто же можетъ кромѣ Его единаго все устроить, чтобы всевѣдѣніе Его съ правосудіемъ было согласно? А какъ собственное наше чувствіе показуетъ намъ коль мы и всѣ твари ежедневно ощущаемъ его милосердіе, то и справедливо мы заключаемъ, что Онъ все милуетъ, а всевѣдѣніе его заставляетъ насъ мнить, что Онъ вездѣ присутствуетъ, ибо вездѣ сіе видимо и вездѣ сила и могущество его является.“

„Се есть основаніе нашего закона, мы кромѣ сего единаго Бога не имѣемъ, какому иному не покланяемся и нравственные наши правила заимствуемъ отъ его совершенствъ. Но какъ никто Бога не видалъ, то древніе избрали наивеликолѣпнѣйшее его твореніе, то-есть солнце, коимъ изображаютъ Божество, однако съ начертаніемъ его совершенствъ, дабы не могъ кто подумать, якобы мы истуканному или солнцу покланяемся. Поелику мы чувствуемъ Его благодѣянія, благодарность наша обязуетъ насъ Его любить; поелику онъ милосердъ, мы должны являть милосердіе всѣмъ, кому можемъ и по-

лику Онъ правосуденъ, должны и мы быть правосудны.“

„Взирая на разные приключенія жизни человѣческой и бывъ убѣждены въ правосудіи Божіемъ, считаемъ мы быть души человѣческія безсмертны, считаемъ воздаяніе за добрые дѣла и наказаніе за злые.“

„Жертвъ мы никакихъ не приносимъ, ибо лучшая жертва толь вышнему существу есть сердце чистое, а для сего каждый Офирянинъ имѣетъ должность, подъ опасеніемъ не малыя пени, кто бы бы онъ ни былъ, придти единожды въ недѣлю въ храмъ Божій и Ему краткую молитву принести, а сего ради, соблюдая спокойствіе каждаго, и опредѣлено у насъ каждый день три молитвы, а въ день Божій *) семь разъ у насъ чинится сія молитва, начиная отъ конца второй стражи, и въ третью поутру четыре раза, да послѣ полудни во вторую стражу трижды.

„Молитвы наши весьма кратки, яко вы и сами видѣли, и ихъ весьма немного, а именно: 1) ежедневные, 2) на рожденіе младенца, 3) на бракосочетаніе и 4) на погребеніе. А при возобновленіи года, они болѣе составляютъ знаки благодарности, и просьбы наши состоятъ токмо въ томъ, чтобы Онъ, намъ помогъ быть достойными себя и исполнять Его волю, впрочемъ предаемся на Его милосердіе.“

„Священные наши служители, какъ я уже сказалъ, избираются изъ тѣхъ

*) Соотвѣтствуетъ нашему воскресенію.

во всякой части города (ибо каждая часть имѣетъ свой храмъ), которыхъ добродѣтельнѣйшихъ изберутъ, въ каждую часть по три человѣка, которые по очереди исправляютъ молитву во храмѣ, наблюдаютъ о правахъ гражданскихъ, и о всемъ, что касается до тягостей народа; прочія же должности исправляются другими опредѣленными офицерами; многіе изъ нихъ и другіе мѣста имѣютъ, яко я имѣю честь быть начальникомъ вышняго земскаго суда. Три священника еженедѣльно одинъ разъ собираются къ старшему въ домъ, гдѣ разсуждаютъ о всемъ, что до правовъ или до тягости народной касается, и мы тутъ всѣ подвластны единому въ каждомъ градѣ, который и общее главное начальство надъ полиціею имѣетъ. Но однако не можетъ онъ ничего опредѣлить для тягости народной безъ собранія насъ съ каждой части по одному, а въ важныхъ вещахъ и всѣхъ, и тутъ мы не токмо такія вещи вновь установляемъ, но имѣемъ и попеченіе о исполненіи ихъ, истребовавъ напередъ согласіе главнаго правительства, которое въ Квамо. И наконецъ мы всѣ подвластны единому главному священнику, то-есть *цыгою*, который выбирается изъ всѣхъ священниковъ съ подтвержденіемъ Императора, при коемъ для тягостей народныхъ отъ всякой области находится единый для совѣтовъ и для удержанія его самовластія“.

Я не могъ не удивиться мудрости сей вѣры и мудрости установленія, а

для сего и просилъ его, дабы онъ мнѣ позволилъ прочесть ихъ молитвы, на что онъ охотно согласился, не токмо дать мнѣ у себя въ домѣ ихъ прочесть, но и себѣ взять — и вынесъ мнѣ маленькую книжицу.

Между тѣмъ временемъ столъ былъ собранъ, мы пошли за столъ, и истинно скажу, что хотя бы многое мое хожденіе сегодня могло меня побудить къ желанію насытиться, но я почти позабылъ ѣду, распрашивая моего хозяина о многомъ, какъ касающемся до вѣры ихъ, такъ и до полицейскихъ установленій и другихъ. Причины нашихъ разговоровъ были такія, что не могли ихъ не длинными учинить, и многое въ нихъ было такое, которое и не заслуживаетъ большаго любопытства, а иное пространное впредь я опишу, когда буду говорить о ихъ установленіяхъ. Но вотъ что я нашелъ достойное любопытства; вопрошалъ я его, чѣмъ ихъ храмы содержатся? Онъ сказалъ на сіе, что они большаго содержанія не требуютъ, окромѣ освѣщенія на малое время во время зимы и случающейся починки. И на сіе жители части города, гдѣ обрѣтается тотъ храмъ, даютъ по изволенію своему, полагая сіе въ поставленный ящикъ, который въ каждую четверть года растворяется; половина берется на содержаніе храма, а другая отдается въ учрежденную богадѣльню, для увѣчныхъ и неисцѣлимо больныхъ; и всегда сей суммы толь много бываетъ, что лишнее остается. Я вопросилъ: есть ли караулъ у хра-

мовъ, онъ сказалъ, что его нѣтъ, и не было никогда примѣра, чтобы храмъ обокраденъ былъ, хотя онъ и всегда растворенъ. Но однако—продолжалъ онъ—что не бывало, то можетъ случиться, то ради предупрежденія преступленія становится близко храмовъ полицейскій караулъ для бдѣнія о цѣлости ихъ. Вопрошалъ я его—какой онъ получаетъ доходъ отъ храма? Усмѣхнувшись, онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ: что весь его доходъ состоитъ въ чести предъ народомъ приносить мольбы Вышнему, и что сія есть должность каждаго человѣка, то какому и доходу за сіе быть? Что же касается должности моей по полиціи, то также и она мнѣ доходу не даетъ, ибо: первое, она весьма не трудна, а второе, она есть такая, которая защищаетъ жителей отъ всякаго притѣсненія, то и въ семъ случаѣ одной довольно чести.—Вопрошалъ я его о бракахъ, въ какомъ родствѣ позволены они, и нѣтъ ли у нихъ многоженія или наложницъ? Священникъ мнѣ на сіе отвѣтствовалъ, что браки у нихъ не есть дѣло касающееся до вѣры, но до гражданскихъ законовъ, а благословеніе, чинимое бракамъ въ храмѣ, есть токмо дабы оные учинить тверже и непоколебимѣе. Родство же въ бракахъ запрещается: отцу на дочери, сыну на матери, племяннику на теткѣ и брату на сестрѣ—отъ одного ли они отца и матери, или одного отца, или одной матери. И сіе все основано на почтеніи, каковымъ должны дѣти къ родителямъ своимъ и

къ дядямъ и теткамъ, также на единокровіи и на пребываніи въ единомъ домѣ, отчего позволеніе братьямъ жениться на сестрахъ своихъ многій бы развратъ въ правахъ произвело. Многоженія не токмо у нихъ нѣтъ, но и наикрѣпко запрещено, ибо было бы оно противно размноженію рода человѣческаго, яко отнимающее у бѣдныхъ женъ, чтобы присвоить къ богатымъ. А наложницъ они и не знаютъ. И ежели бы кто случился найденъ (и) имѣетъ явно наложницу, то презрѣніемъ отъ всѣхъ наказанъ будетъ и храмъ Божій ему затворится, яко такому человѣку, который нарушилъ данное обѣщаніе во храмѣ его. Вопросилъ я—сколько разъ можно человѣку вступать въ бракъ? На сіе мнѣ отвѣтствовалъ: колико разъ безженство его ему позволитъ. Но вдовый не инако можетъ вступить въ бракъ, какъ по прошествіи года кончины его супруги, тоже и жена. И имѣющій дѣтей долженъ при трехъ человѣкахъ родственниковъ своихъ, прежде вступленія въ другой бракъ, опредѣлить состояніе перваго брака своимъ дѣтямъ, давъ не менѣе трети своего имѣнія, дабы они отъ мачихи и отъ рожденныхъ послѣ не претерпѣли. Вопрошалъ я—есть ли у нихъ разводы? Отвѣтствовалъ: конечно есть, да и не быть не можно ради спокойствія домовъ. И хотя—продолжалъ онъ—каждый, не спросяся никого, можетъ съ супругою своею развестися, но какъ скоро учинится, то главные начальники частей, увѣдавъ

даютъ о семъ знать главному надъ полиціей городскою, и тѣхъ частей главные начальники, иже есть и священники, гдѣ оные жительство имѣютъ, съ градскимъ начальникомъ благочинія, иже есть и первосвященникъ того города, призываютъ мужа и жену, вопрошаютъ ихъ о причинѣ развода и увѣщеваютъ, оставя злобу ихъ, паки въ единое сожитіе сойтиться. Если же увѣщанія не послужатъ, то разсматриваются дѣла, и, обвиня виноватаго, доносятъ о семъ въ главный трибуналъ благочестія, гдѣ присутствуетъ великій первосвященникъ всего государства, отъ всякой области присланные отъ благочинія священники и другіе добродѣтельнѣйшія особы, гдѣ по разсмотрѣніи сего дѣла обыкновенно опредѣляется слѣдующее: виноватый изъ нихъ, ежели то мужъ, если онъ имѣетъ какіе чины или должности, оныхъ лишается. Имѣніе, кто бы виноватъ ни былъ, отнимается изъ владѣнія его и отдается опекунамъ, которые должны его содержать, и наконецъ отнимается власть надъ служителями чинить имъ всякое тѣлесное наказаніе безъ воли опекуновъ; запрещается ему быть ни въ какихъ государственныхъ и приватныхъ собраніяхъ, яко по случаю супружествъ, рожденія младенца или погребенія бываемыхъ. Ибо, продолжалъ онъ, офирскіе законы почитаютъ, что тотъ, кто не могъ и въ супружественномъ состояніи спокойно прожить съ тою особою, которой на вѣкъ обязался,—

не можетъ ни хорошій правитель быть государства, ни добрый хозяинъ дома, и страшатся, чтобы пребываніе ихъ въ собраніяхъ приватныхъ худымъ примѣромъ не воздѣйствовало на нравы другихъ; и подобное же чинится ежели жена найдется виновата.

Окончивъ такимъ образомъ мои вопросы о томъ, что мнѣ казалось принадлежатъ до вѣры, я просилъ у него позволенія сдѣлать нѣкоторые вопросы касательно до полиціи или благочестія, и какъ по испрошеніи онаго учинилъ ему разные вопросы, то онъ мнѣ на всѣ слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ: „У насъ благочиніе и полиція раздѣляется на двое, хотя вообще между собою суть связаны; и первое составляетъ первую степень оныя, а вторая—вторую. Я уже вамъ нѣсколько изъяснилъ по причинѣ разводовъ о должности благочинія; а сверхъ того каждый публичный любодѣй и любодѣица наказуются запрещеніемъ входить въ храмы Божіи, сообщается о семъ въ вышнее правительство, и они имѣющіе должности теряютъ (ихъ) и пока пребываютъ не покаявшись—ихъ никуда не опредѣляютъ, и дѣти ихъ отнимаются отъ воспитанія, дабы они худымъ своимъ примѣромъ не повредили ихъ нравы“. Пресѣкъ я его рѣчь вскричаніемъ: коль сіе есть строгое установленіе! Съ умѣреннѣйшимъ видомъ отвѣтствовалъ мнѣ священникъ: „если вы размыслите, оно ни мало вамъ строго не покажется. Я сказалъ вамъ, что токмо публичные любодѣйцы

симъ наказуются, слѣдственно предписаны имъ такія наказанія за приключаемый ими соблазнъ. Не можетъ правительство наказывать тайные поступки, но неприлично же, чтобы благоучрежденное правительство терпѣло распутность нравовъ и соблазнъ. Дѣлай что хочешь въ тайнѣ, ему въ томъ наказанія нѣтъ, но не приключай соблазна. Ибо лутчая сила и лутчее блаженство государства основано есть на добрыхъ нравахъ. Увы! Древнія исторіи наши повѣствуютъ намъ, что было и у насъ такое поврежденіе нравовъ; что почтенные старики, имѣя важные препорученія тогда, какъ уже природное побужденіе въ нихъ изчезло—еще роскошь въ нихъ осталась—публично содержали распутныхъ женщинъ; они собесѣдовали имъ въ собраніяхъ; дѣти ихъ едва ли отъ нихъ рожденные получали благородство; женщины престарѣлыя, платя деньги, явно молодыхъ любовниковъ имѣли. Чрезъ примѣръ такихъ людей стыдъ отовсюду былъ изгнанъ, нравы повредились, произошло во всѣхъ чинахъ и состояніяхъ растройка; государство было при краю паденія своего, ежели бы счастливое примѣненіе не обновило Офирскую Имперію.“ Я принужденъ былъ на сіе согласиться. И онъ послѣдовалъ: „Богохульники у насъ наказуются, яко безумные; ибо кто не чувствуетъ естества Божія по видимымъ ему тварямъ, тотъ инако какъ безумнымъ не счесться не можетъ. А для того лишается онъ всѣхъ должно-

стей, имѣніе его и онъ самъ отдается подъ опеку, и дѣти отъ воспитанія его отъемлются, предоставляя сродникамъ излечить его болѣзнь. Но ежели таковой безумный будетъ, ходя повсюду, хулы на Бога возлагать, то дабы не нашелъ онъ какихъ слабыхъ людей, какъ бы могли имъ заражены быть, то домъ его опредѣляется ему темницею съ запрещеніемъ никуда не выходить, дондеже исправится и принесетъ публичное признаніе въ безуміи своемъ“.

„Каждый развратъ нравовъ, яко явное непочтеніе къ родителямъ своимъ, сварливость, жестокіе поступки съ подданными своими, мотовство, излишняя роскошь унимается благочинными, возлагая на нихъ токмо такое наказаніе, которое бы отняло у нихъ способы недобрые поступки, вредные имъ самимъ и обществу производить“.

„Сіи суть возложенныя дѣла на главныхъ частныхъ начальниковъ полиціи, которые особливо санкреи (благочинные) называются. Протчія должности полиціи состоятъ въ слѣдующихъ частяхъ: 1) попеченіе о здоровьи жителей, 2) о ихъ безопасности, 3) о спокойствіи и 4) о освѣщеніи.“

„1) Попеченіе о здоровьѣ состоитъ въ слѣдующемъ: въ каждой части находится одинъ приставъ, который наблюдаетъ, чтобы всѣ продаваемыя вещи для жизни человѣческой были продаваны не испорченными и здоровыми, и ежели что усмотрится имъ, то печатаетъ то мѣсто, гдѣ сія

продажа происходитъ и увѣдомляетъ о семъ главнаго начальника полиціи, который въ самый тотъ часъ посылаетъ съ нимъ двухъ офицеровъ, двухъ лекарей и двухъ уже выбранныхъ для сего мѣщанъ, и сіи должны осмотрѣть доброту вещей, и чтобы—не менѣе пяти изъ семи—учинили засвидѣтельствованіе о худобѣ ихъ, то они немедленно истребляются. Если же мнѣнія учинятся несогласны, то вещи сіи приносятся предъ большой трибуналъ о здравіи народномъ учрежденный, гдѣ присутствуетъ главный правитель того города полиціи, четыре искусныхъ лекаря и выбранные отъ граждан каждой степени по два человѣка, и тутъ сіе дѣло рѣшится, съ наложеніемъ еще малой пени на того, кто таковые вещи продавалъ, и съ означеніемъ его имени въ спискахъ, дабы впредь за нимъ прилежнѣе наблюдать“.

„Можетъ, хотя бы и всѣ были согласны изъ первыхъ осмотрщиковъ на истребленіе сихъ вещей, хозяинъ оныхъ требовать суда Большаго трибунала, представя вещи предъ него, а тогда ежели найдется виновенъ, не токмо вещи истребляются, и онъ положитъ двойную пеню, но также и самъ на недѣлю заключается въ темницу, и сіи самые поврежденныя вещи даются ему въ пропитаніе; ибо кто хотѣлъ вредить другимъ, да повредится самъ первый тѣми самыми вещами. Но ежели напротивъ того, осмотрщики найдутся виноваты, то лишаются своихъ мѣстъ, и возлагается на нихъ пеня.

Все сіе однако должно быть исполнено, не болѣе какъ въ теченіи четырехъ стражей. Что же лишнее время пройдетъ, то полиція, смотря по качеству вещей, яко сіе описано въ законахъ, платитъ сужденному человѣку за каждую излишнюю стражу по сему дѣлу“.

„Тотъ же частный приставъ для здоровья съ лекаремъ долженъ ежедневно осмотрѣть всю свою часть, и хоть никто не принужденъ взять такого или такого лекаря, но лечится отъ кого хочетъ, но частный долженъ каждаго больнаго видѣть и Главному трибуналу учинить донесеніе. Если же найдутся какія заразительныя болѣзни, то трибуналъ посылаетъ другой осмотръ и беретъ уже нужныя осторожности“.

„Понеже воздухъ и вода суть главныя вещи для жизни человѣческой, то тотъ же частный приставъ имѣетъ попеченіе дабы, какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ была чистота и ничего такого не было, что можетъ воздухъ заражать, имѣя для сего работниковъ, которымъ повелѣваетъ все очищать; такъ же наблюдаетъ, чтобы въ рѣку никакой нечистоты не кидали и чтобы кладези были чисты. Позволяется ему, ежели случится встрѣтиться съ бочкою, ѣдущею за водою или везомою съ водою, ее осмотрѣть и если найдетъ въ ней дурной запахъ, велѣть ее вычистить самому тому, кто ее везетъ“.

„2) Для безопасности жителей содѣланы у насъ слѣдующія учрежденія: грады наши раздѣлены на части по

числу жителей, части же на число покоевъ неравнымъ образомъ, смотря по домамъ великихъ и богатыхъ господъ, дома которыхъ, родъ жизни и благопристойность требуетъ, чтобы имѣли лишніе и пустые покои по десяти въ жребіи, а такіе дома, гдѣ и когда и много въ одномъ покоѣ живутъ, тѣ по двадцать въ жребіи; всякій жребій долженъ имѣть деннаго и ночнаго сторожа передъ воротами своими... Каждый полдень единый офицеръ въ каждой части собираетъ извѣстія и списки поименные, кто именно и на какой стражѣ будетъ, кои и должны отвѣтствовать за безопасность улицъ. Они вооружены гораздо долгими палками съ маленькимъ копьецомъ и съ крюкомъ, имѣя повѣшенные два или три колокольчика. И если случится что должно ему унять какой безпорядокъ, о чемъ каждому точное наставленіе дано, или кого изловить, то можетъ онъ зацѣпить его крюкомъ, а самое движеніе произведетъ бренчаніе; тогда всѣ ближніе, не только дѣйствительно находящіеся на стражѣ, но и тѣ, которые токмо вписаны въ стражевые въ сей день, должны бѣжать ему помогать. Сверхъ сего находится на концахъ каждой улицы караулъ, составленный изъ военныхъ людей въ числѣ четырехъ человѣкъ, въ построенной караульнѣ, каковые вы видѣли, которые также способствуютъ унятію каждаго безпорядка, и они имѣютъ предъ собою поставленный тулумбасъ, по которому ударяютъ

разными образы по разнымъ случаямъ. Сіи караульные содержатся—половина отъ короны, а другая на иждивеніи жителей. Еженедѣльно выбираютъ въ каждой улицѣ по четыре человѣка изъ жителей, которые—каждый долженъ по два раза вездѣ пройти для осмотрѣнія стражи, а коронный уличный офицеръ обходитъ два раза".

„Въ случаѣ пожару, окромѣ что каждая часть имѣетъ особливый домъ, гдѣ хранятся разныя орудія, удобныя къ отнятію пожара, а люди умѣющіе ими дѣйствовать при нихъ жительство имѣютъ; оставя токмо по единому стражу у каждыхъ воротъ и на концахъ улицы караулы, всѣ должны съ предписанными орудіями явиться къ пожарному офицеру. Также не токмо всѣ другіе коронные офицеры, но также и санкреи (окромѣ единаго изъ каждой части очереднаго для службы Божіей на тотъ день) всѣ сіи пріемлютъ отъ пожарнаго офицера или отъ начальника благочинія и полиціи нѣкоторое число людей для старанія унять запаленіе. И главная въ семъ состоитъ должность отъ пожарныхъ офицеровъ, которые въ семъ случаѣ, яко болѣе искусные въ семъ люди, должны тщаніе свое употреблять, и по окончаніи каждаго пожару всѣ благочинные и полицейскіе офицеры, кромѣ пожарныхъ, собираются къ главному начальнику города, объявляютъ какіе кто видѣлъ знаки усердія въ пожарныхъ офицерахъ и служителяхъ, то за сіе иногда почетныя, а иногда и

денежныя даются награжденія; усмотрѣнные же нерачивыми три раза исключаются отъ ихъ должности".

„Я едва не позабылъ вамъ изъяснить, какимъ образомъ въ великихъ нашихъ градахъ чинятся знаки о пожарѣ. Первое, какъ усмотрится пожаръ уличными стражами, то зачинаютъ особливымъ образомъ бить въ кимвалъ полицейскій той части; домъ, гдѣ лежатъ пожарныя орудія, немедленно тому же соотвѣтствуетъ, и на спицахъ поднимается, ежели то днемъ, флагъ, а ежели то ночью, опредѣленное число фонарей. Тогда на сей великой башнѣ со шпицомъ (указуя и на единую высокую башню) немедленно такой же знакъ поднимается съ выстрѣленіемъ положеннаго числа пушекъ. Тогда уже и во всѣхъ домахъ, принадлежащихъ къ полиціи, бьютъ четверть часа въ кимвалы, и знаки поднимаются, и отвсюду уже въ извѣстное мѣсто спѣшатъ опредѣленные люди, росписанные по частямъ, которые для помощи которой части назначены для унятія пожара".

„3) Въ спокойствіи жителей разумѣемъ мы, чтобы мостовые были исправны, чтобы не было грязи и чтобы поборами на содержаніе полиціи и постоями не были отягчены, а сіе слѣдующимъ образомъ исполняется:

Улицы мостить и чинить предоставлено каждому хозяину дома передъ своимъ дворомъ, а токмо частные пристава ежедневно осматриваютъ оные, и хотя гдѣ мало поврежденій найдется,

то велятъ исправлять, ибо никому не трудно камень или два положить для починки, хотя бы то и каждый день было, или свезти возъ грязи; а когда худоба умножится или грязь накопится, то сіе можетъ трудность и убытокъ сдѣлать; однако изъ сего исключается послѣ зимы бываемое чищеніе, которое полиція, или обрѣтающимися подъ наказаніемъ людьми или наймомъ вычищаетъ, не касаяся до жителей. Касательно же до поборовъ на содержаніе полиціи и до постоевъ, колико ни есть введенъ обычай у насъ страннопріимства и многіе охотно гостей принимаютъ, къ тому же винные люди у насъ имѣютъ свои дома, но случается, что переходя въ городахъ стоятъ, и бываетъ, что не всѣ страннопріимство обрѣтаютъ, то должно ихъ, или для сего, или для удобности стоянія росписывать по домамъ. А какъ и сіе есть тягость, то отъ каждой части ежемѣсячно санкріи вмѣстѣ съ Главнымъ полиціи собираются и росписываютъ домы, если нужда случится для постоевъ, не обходя ни единаго гражданина, а каждые три мѣсяца росписываютъ сборы на содержаніе полиціи."

„4) Долгота и темнота ночей въ нашей странѣ, а отъ сего вездѣ ночное бываетъ безпокойство и самая опасность чинитъ что есть твердое узаконеніе, чтобы черезъ десять «лисовъ» *) былъ поставленъ и содержанъ жите-

*) Лисъ, содержитъ въ себѣ десять футовъ французскихъ, и такъ десять лисовъ составитъ 16 саженъ съ половиною французскихъ.

лями, каждымъ противу своего дома, фонарь съ освѣщеніемъ, и офицеры полицейскіе токмо о семъ смотрѣніе имѣютъ, ходя съ вечера съ рогомъ, и давая онымъ знакъ, чтобъ зажигали и чрезъ каждую стражу, чтобы подновляли масло.“

„Сверхъ сего строеніе домовъ, въ силу учиненныхъ предписаній, для спокойствія города и для безопасности, зависитъ отъ полиціи; а дѣланіе печей, яко наиболѣе подающихъ причинъ къ пожарамъ, ни одинъ гражданинъ не можетъ дѣлать или починивать печи или трубы безъ надзиранія опредѣленнаго въ каждой части печника, которому отъ гражданъ и малая плата съ числа печей производится. А болѣе уже онъ брать подъ опасеніемъ вѣчной работы ничего не можетъ; къ тому же, ежели его неосмотрѣніемъ сдѣлается печь или труба такъ дурно, что сіе подастъ причину къ запаленію, то сей печникъ за сіе наказуется опредѣленіемъ въ вѣчную тягостную работу. Они же получаютъ и сборъ, положенный съ печей и содержатъ трубочистовъ, которые должны въ предписанное время вычистить трубы, такъ что, платя малое, каждый гражданинъ, съ каждой печи, уже не имѣетъ нужды печися о сей важной должности полицейской; что во истинну нѣкоторые малостію починиваютъ, въ самомъ же дѣлѣ отъ сего и самъ приватный человѣкъ можетъ разориться и другимъ разореніе приключить. Еще же пожарный полицейскій офицеръ имѣетъ должность наблюдать, чтобы во время лѣтнее на крышкѣ каждаго строенія, смотря по пространности онаго, былъ одинъ или многіе чаны всегда полны воды, и при каждомъ бы фонарѣ, или колодезь, или по крайней мѣрѣ стоялъ чанъ съ водою.“

„Въ семъ, государь мой — послѣдовалъ онъ — состоитъ все, что я могу кратко объ учрежденіяхъ нашей полиціи сказать, ибо конечно не все вамъ изъяснилъ, потому что сія часть требуетъ великихъ подробностей, которыя у насъ и есть, а дабы и болѣе имѣть на все подробные узаконенія, то, что кѣмъ найдется недостаточно, то представляется сперва въ общее того города полицейское собраніе, и оно требуетъ узаконенія отъ законодательнаго трибунала.“

Сія рѣчь его толь долго продолжалась, что мы нѣсколько болѣе просидѣли за столомъ нежели надлежало, и такъ, вставъ изъ-за стола, не долго побывъ, всѣ бывшіе тутъ гости разошлись, ибо сіе есть обычай въ землѣ Офирской, чтобы послѣ обѣда долго хозяина не безпокоить, но дать ему время для отдохновенія.

Глава V.

Переводъ молитвъ офирскихъ.

Возвратяся домой я спѣшилъ прочесть малую книжку, данную мнѣ, молитвъ, которыя приносятъ Богу въ землѣ Офирской. Краткость ихъ и содержаніе, есть таковое, что никакъ ихъ сократить не можно, а для сего я

и предлагаю имъ точный переводъ съ Санскритскаго языка.

Книга до вѣры принадлежащихъ обрядовъ и молитвъ — Единому Всевышнему — Офирскаго народа.

Когда родится младенецъ мужеска ли, или женска пола, онъ да несется въ храмъ Всевышняго, какъ угодно его родителямъ, но не позже девятаго дня. Тамъ его санкрей пріемлетъ отъ рукъ родительскихъ и, приподнявъ горѣ, говоритъ слѣдующую молитву:

„Боже единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, всеустрояяй, всемилуяй, вездѣ присутствуюяй! Создавый все мудростію и силою своею, и изъ всѣхъ тварей живущихъ благороднѣйшую тварь человѣка, яко да познаетъ Тебя по дѣламъ рукъ Твоихъ, да, взирая на нихъ, восхвалитъ Тя, и, чувствуя Твои благодѣянія, принесетъ Тебѣ свою благодарность. Понимая же и правосудіе Твое, да устрашится онаго. Се вновь, по поставленнымъ Тобою природѣ законамъ, рожденная Твоя тварь, начинающая взирать на всемогущія дѣла Твоя и ощущать милосердіе Твое, предчувственные знаки величества Твоего, отъ земнаго долу, предъ Тебя, яко повсюду присутствующему, приносится, да покрыемъ ее Твоею благодатію, да устроимъ о немъ якоже изволиши и да обратишь очи, чувства и душу его на познаніе, хваленіе и благоугожденіе Тебѣ, всѣхъ сущихъ Владыкѣ“.

По семъ, нарекая имя младенцу, отдаетъ родителямъ или принесшимъ его во храмъ.

Обрядъ бракосочетанія.

Родители или родственники, не менѣе съ каждой стороны трехъ, приводятъ жениха и невѣсту, и поставляютъ жениха на правую сторону, а невѣсту, покровенную покрываломъ, на лѣвую сторону, одаль отъ возвышенія и символа Божія.

Священникъ, сшедъ съ возвышеннаго мѣста и ставъ посредѣ ихъ, глаголетъ слѣдующую молитву:

Боже единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, всеустрояяй, всемилуяй, вездѣ присутствуяй! Се предстаетъ въ долѣ земномъ, предъ горній престолъ Твой, чета, различенныхъ тобою при сотвореніи, половъ, для сочетанія ихъ на вѣки. Просвѣти ихъ разумъ и душу, да возмогутъ взаимственно вѣчную клятву о любви и сожитіи взаимственно другъ другу учинить.“

Потомъ глаголетъ къ жениху: „охотою ли, изъ любви и для всегдашняго сожитія поемлешь сію дѣву?“

Женихъ отвѣтствуетъ: „во истину охотою, изъ любви и для всегдашняго сожитія съ нею, ее поемлю“.

Обратясь къ невѣстѣ, священникъ вопрошаетъ: „охотно ли, изъ любви и для всегдашняго сожитія вступаешь въ бракъ съ симъ юношей или мужемъ?“

Невѣста отвѣтствуетъ: „во истину

охотою, изъ любви и для всегдашняго сожитія вступаю въ бракъ съ симъ юношей или мужемъ".

Тогда священникъ снимаетъ съ нея покрывало, ведетъ ихъ обоихъ къ возвышенному мѣсту, предъ символъ Божества и, поставляя ихъ на колѣни, глаголетъ: „Когда такое есть ваше согласіе учинить клятву предъ Всевышнимъ и мстителемъ всякія неправды Богомъ, иже зритъ внутренность сердецъ вашихъ, и отъ коего правосудія и всемогущества ничто укрыться не можетъ"; и продолжаетъ:

„Мы, представшіе юноша или мужъ (имярекъ) и дѣва или жена (имярекина) клянемся предъ Богомъ, единымъ, превѣчнымъ, всемогущимъ, всевѣдущимъ, правосуднымъ, всеустрояющимъ, всемилующимъ, вездѣ присутствующимъ, что, вступая въ бракъ между собою, другъ другу взаимственно обѣщаемъ любовь, вѣрность, снисхожденіе, общее о всемъ попеченіе, что души и тѣла и имѣніи наши соединяемъ на вѣки, да ни скорбь, ни болѣзнь, ниже какія другія несчастія насъ не раздѣлятъ; и просимъ Всевышняго, да поможетъ намъ (тутъ да преклонятся) исполнить сіе, предъ горнимъ его престоломъ учиненное, наше взаимственное обѣщаніе".

По семъ священникъ ихъ поднимаетъ и, положа ихъ руку въ руку, говоритъ слѣдующую молитву:

„Боже, единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, всеустрояющій, всемилующій, вездѣ присутствующій, пріими сію клятву отъ сей четы и благостію своею даждь имъ силу и мочь исполнити ее, и благослови ихъ Твоею щедротою, да въ благодарности они и потомство ихъ восхвалятъ Тебя Всевышняго и учини съ ними по неизмѣримымъ щедротамъ Твоимъ яко же вѣсть.

А по семъ самъ священникъ, новобрачные и всѣ присутствующіе покланяются на землю предъ символомъ Божества, и, возставъ, священникъ говоритъ:

„Да исполнится клятва ихъ и молитва наша".

По семъ записываетъ священникъ день, имена и состояніе людей вѣнчающихся, а бывшіе тутъ не менѣе трехъ человѣкъ подъ сею запискою подписываются.

Обрядъ молитвы при погребеніи.

Когда кто умретъ, то по измыеніи тѣла его, и одѣвъ его, положа въ гробъ, несутъ ко храму, но не прежде исхода втораго дня. По пренесеніи предъ двери храма, выходитъ священникъ и, отверзивъ двери, глаголетъ съ колѣнопреклоненіемъ слѣдующую мо- молитву, во время которой всѣ присутствующія, покланяся, на землѣ должны лежать:

„Боже единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, всеустрояй, всемилуяй, вездѣ присутствуяй. Се предъ двери тлѣннаго храма твоего приносится трупъ твари твоей, которую ты понятіемъ и смысломъ предъ прочими одарилъ, яко да познаетъ по твореніямъ Твоимъ величество Твое и восхвалитъ Тя. Толь изящное дарованіе ясно показуетъ намъ, что не на краткое время и на не единую суэту сея жизни создалъ Ты такую тварь, а правосудіе твое и болѣе намъ доказуетъ, что предоставилъ еси безсмертной души человѣческой воздаяніе за благія дѣла и наказаніе за злыя. Пріими душу и сего (или сей) умершаго и сотвори съ ней по неизмѣримой милости Твоей, ибо кто есть человѣкъ, который бы могъ достойно прославить имя Твое и возблагодарить за всѣ благодѣянія Твои.

По семъ священникъ и всѣ присутствующіе возстаютъ, и священникъ, обратясь къ присутствующимъ, глаголетъ: „да исполнится предъ благимъ Богомъ молитва наша".

Обрядъ молитвы при возобновленіи года.

Съ полуночи начинается сія молитва и отправляется въ первую, во вторую и третью стражи утренней, въ каждую по дважды, и въ послѣполденную первую стражу единожды.

По даніи знака обновленія года, чрезъ трубы, кимвалы, священникъ, пообождавъ мало, дабы дать время собраться народу, выходитъ и, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, у самаго символа Божества, стоя на колѣняхъ и съ преклоненіемъ на землю, говоритъ слѣдующую молитву, съ обыкновеннымъ началомъ: „вознесите мысли ваши къ Вышнему".

„Боже единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, всеустрояяй, всемилуяй, вездѣ присутствуяй. Неизсчетны суть Твои благости и щедроты. Твоею сильною и милосердою рукою устроена сія вселенная, Твоею силою обращаются въ небеси лученосныя тѣла, приводящія свѣтлость и темноту, зной и хладъ. Се по превѣчнымъ законамъ, уставленнымъ премудростію Твоею, зримъ бывшее въ отдаленіи отъ насъ дневное свѣтило, коего лученосное блистаніе Тебя изображаетъ, елико тварь можетъ его изображать, паки возвратиться къ намъ и купно съ продолженіемъ дней произвести теплоту, благораствореніе воздуха, произращеніе отъ земли. Благодаримъ Тебя, всесильный и милосердый Боже, яко сподобилъ насъ прейти подъ защищеніемъ милости Твоея прошедшій годъ.

Сподоби, Боже единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, всеустрояяй, всемилуяй, вездѣ присутствуяй, да и наступившій сей годъ въ угодности Тебѣ и подъ защищеніемъ всесильные, купно и милосердые Твоей десницы, препроводимъ; устрой о насъ якоже вѣси по милосердію Твоему".

Возставъ, отпускаетъ собраніе обыкновеннымъ возгласомъ: „да услышана будетъ молитва наша предъ Господомъ".

Обрядъ ежедневной молитвы.

По изреченіи обыкновеннаго начала: „вознесите мысли ваши къ Вышнему:

„Боже единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдущій, правосудный, все устрояяй, вездѣ присутствуяй. Сотворивый день и денныя свѣтила для освѣщенія нашего во время трудовъ нашихъ, нощь для успокоенія нашего; укрѣпивый небо звѣздами, освѣщающими насъ во время самой темноты, землю и растенія на ней, питающія насъ, разные скоты и животные для разныхъ пользъ и стихіи, способствующія жизни, какъ животнымъ, такъ и не животнымъ тварямъ, и наконецъ человѣка, съ довольнымъ просвѣщеніемъ и понятіемъ, дабы по чуднымъ дѣламъ Твоимъ познавалъ Тебя всемогущаго и милосердаго Бога, чтобъ прославлялъ и благодарилъ Тебя, чтобъ полагалъ всю свою надежду на Твои щедроты и страшился правосудія Твоего. Къ высоко-непостижимаго Твоего престола мы—дѣяніе рукъ Твоихъ — прибѣгаемъ, благодаримъ Тебя, яко Тобою созданы, Тобою одушевлены, Тобою научены, Тобою пищу и одѣяніе получаемъ. Въ милостяхъ Твоихъ зримъ свое блаженство, въ гнѣвѣ же Твоемъ настоящую и вѣчную гибель. Обрати наши души и сердца, да достойно возможемъ призывать величество Твое, хвалить и благословлять Твое всемогущество, и устрой о насъ яко вѣси по благости Твоей“.

Сію молитву священникъ говоритъ, стоя на колѣняхъ съ преклоненіемъ до земли, и тоже всѣ присутствующіе чинятъ.

А потомъ возставъ, изрекаетъ обы-

кновенные отпустительные словеса: „Да услышана будетъ молитва ваша предъ Господомъ“.

Глава VI.

Разговоръ писателя съ санкреемъ.

Я, самый тотъ день, какъ получилъ книжицу, употребилъ всю ночь для прочтенія и переведенія ее на Французскій языкъ, а писалъ втрое. Около десятаго часу пошелъ ее возвратить давшему мнѣ санкрею. Тѣмъ наипаче спѣшилъ я сіе сдѣлать, что любопытство мое требовало имѣть нѣкоторыя изъясненія.

По приходѣ моемъ къ нему, я, съ обыкновеннымъ благоволеніемъ Офирскому народу, былъ принятъ, и, вручивъ ему съ благодареніемъ книгу, просилъ его о дозволеніи потребовать нѣкоторыя изъясненія на мои сомнѣнія, и какъ онъ мнѣ сіе дозволилъ, то первый мой вопросъ состоялъ:

„Я примѣчаю что вся ваша вѣра основана на одномъ видимомъ величествѣ дѣяній Божіихъ, то желалъ я знать, отъ кого вы ее получили?“

Отвѣтствовалъ онъ мнѣ на сіе: „Вопросъ вашъ меня удивляетъ тѣмъ, что вы мнѣ его дѣлаете и такой, въ которомъ и отвѣтъ на него замыкается. Вы говорите что вѣра наша основана на одномъ видимомъ величествѣ дѣяній Божіихъ, слѣдственно сіи самыя дѣянія, видимые въ его твореніяхъ и показуютъ намъ Естество Божіе, и Его величество, а чувствуемое нами изливаемое

его милосердіе показуетъ намъ щедроты его, и я не знаю можно ли яснѣе быть сей проповѣди, и какой благоразумный человѣкъ не будетъ чувствителенъ и внятеленъ къ оной“.

Говорилъ я: „признаюся въ справедливости вашего предложенія, что каждый благоразумный человѣкъ долженъ воззрѣніемъ на твари познать, что есть вышнее Естество, но желалъ бы я знать, кто былъ первый въ вашемъ народѣ, который могъ разумомъ своимъ до сей высокой истины достигнуть и потомству ее преложить въ законъ.“

Отвѣтствовалъ Санкрей: „О семъ мы никакого свѣдѣнія не имѣемъ, и покрыто все сіе темнотою временъ. Но справедливо есть думать, что первые жители земли, взирая на твореніе и на устройство природы и на самихъ животныхъ, коихъ видя, ни единаго самаго малѣйшаго могущаго самому собою произвестися, то и заключили чрезъ сіе, что всѣ, еже мы зримъ, и сами мы суть творенія рукъ Всевышняго Естества, и съ чего о всемогуществѣ Его и о протчемъ заключили, и сіе свое ученіе предали потомству, которое яко истина очевидна, всѣми зримая, не имѣла нужды въ подтвержденіи и до нынѣ у насъ пребываетъ. Я не могу оспорить, что можетъ быть, первые сотворенные Богомъ люди и имѣли нѣкоторыя яснѣйшія о семъ непосредственно отъ самого Бога откровенія, по крайней мѣрѣ благость Божія сіе думать заставляетъ. Но сіе

преложеніе, кому и какъ оно учинено, до насъ не дошло, а мы, взирая на всѣ твари, и безъ другаго откровенія совѣстію своею принуждены вѣрить естеству всевышняго Бога, имѣющаго всѣ совершенства. Повѣствуютъ наши древніе лѣтописцы, что, въ отдаленныя отъ сихъ времена, пріѣзжали нѣкоторые чужестранцы въ нашу страну, которые намъ—хотя не обстоятельно—сказывали о сотвореніи свѣта и человѣка; о чемъ—увѣряли они—что имѣютъ записки вѣрныя, чрезъ откровеніе самимъ Богомъ учиненныя. Мы не отринули повѣствованіе ихъ, однако не разсудили его принять, держася проповѣди вѣрнѣйшей книги, начертанной перстомъ самаго Бога, то-есть Его твореній, которое намъ довольно естествованіе Божіе показуетъ. Сказываютъ, что увѣряли они насъ и во многихъ чудесахъ, учиненныхъ для ихъ народа; мы также не отвергли сего и конечно увѣрены, что создавшій все можетъ чудеса дѣлать. Считаемъ особливо счастливымъ сей народъ, который удостоился особливой милости и знаки Божія всемогущества видѣть, но для насъ считаемъ чудеса не нужны, потому что въ твореніяхъ ежечасно каждому представляются“.

Второй мой вопросъ состоялъ: „Чего ради у нихъ толь мало молитвъ и толь кратки, и чего ради не нашелъ я въ нихъ поблагодареній за ниспосылаемыя Богомъ особливыя блага, ни прошеній во время великихъ несчастій?

Отвѣтствовалъ санкрей: „Мнѣ кажется, что ихъ у насъ весьма довольно, ибо поелику Богъ есть всевѣдящій, то зачѣмъ длинныя молитвы дѣлать, и краткая молитва, съ сокрушеннымъ сердцемъ учиненная, довольно есть ему пріятна, и не во многоглаголаніи, но въ истинномъ чувствованіи духа состоитъ пріятная молитва Богу. Счастливы бы мы были, если бы и краткія сіи молитвы могли мы съ довольнымъ усердіемъ изрещи, не отягощая разума и тѣло человѣческое многоглаголаніемъ и не приводя его въ уныніе во время моленія. Мы у него ничего не просимъ; ибо чего намъ у него просить, почитая его щедраго къ намъ отца, и что все ему извѣстно, слѣдственно благость его побудитъ Его къ милосердію намъ, а по всевѣдѣнію лучше знаетъ Онъ, нежели мы сами, что намъ нужно. Особливо ни за что не благодаримъ, для того, что и не знаемъ въ видимыхъ намъ его благодѣяній не обратится ли что ко злу нашему, и всѣ благодѣянія особливыя не почитаемъ свыше, которыя Онъ ежедневно на насъ ниспосылаетъ, а токмо за всѣ ежедневно хвалимъ и прославляемъ Его, въ чемъ включается естественно и за благополучныя намъ бываемыя приключенія. Нѣтъ, Государь мой — послѣдовалъ онъ — мы не дерзаемъ вышнее и всевѣдящее Существо научать, что есть на пользу намъ, ни побѣды, ни богатство, иже суть случайныя вещи, почитать, якобы любили усиліе Божіе въ благодѣяніи къ намъ. Почувствуемъ во всемъ Его

благодѣянія и въ самыхъ скорбяхъ нашихъ, Ему благодарность приносимъ“.

Третій мой вопросъ состоялъ: „Въ какихъ степеняхъ вѣра ихъ позволяетъ супружество, ибо хотя вы прежде, говорилъ я, о семъ мнѣ сказывали, но желалъ бы я знать болѣе съ подробностію?

Отвѣтствовалъ санкрей: „Въ разсужденіи законовъ Богослуженія мы не имѣемъ никакого преданія, запрещающаго какой бы то ни было бракъ; но гражданскіе законы для сохраненія благонравія слѣдующее учредили: отецъ или мать, дѣдъ или бабка съ происходящими отъ нихъ совокупиться бракомъ не могутъ, ибо таковой бы бракъ, естественно предполагающій неравенство лѣтъ, былъ противенъ самому естественному положенію и также по почтенію, которое дѣти должны имѣть къ ихъ родителямъ, не совмѣстенъ онъ въ такомъ плотскомъ соединеніи, гдѣ есть равенство. Такъ же по самымъ симъ причинамъ, ни мачиха за пасынка вытти, ни вотчимъ на падчерицѣ жениться не могутъ. Единый мужъ двухъ сестръ, единую послѣ другой, понять не можетъ, ни единая жена за двухъ братьевъ выттить, для того что близость родства, учиняя частое и близкое обращеніе, могла бы подать причину ко многимъ преступленіямъ; и равнымъ образомъ, ни родные, ни двоюродные братья, сестры, дядья и тетки совокупляться между собою не могутъ. Если же кто про-

тивъ сего узаконенія преступитъ, таковой наказуется лишеніемъ всего общества со другими гражданами, имѣніе его отдается подъ опеку его родственникамъ съ даваніемъ ему самого нужнаго, лишается онъ имени, которое носилъ и называется *безпрозвальный*, не погребается во градѣ или близь града, но въ пустомъ лѣсу, и никакого знака надъ могилою его не дѣлаютъ, а дѣти его, отъ такого брака произшедшіе, никакихъ правъ, окромѣ нижнихъ граждан имѣть не могутъ, ибо законными они не почитаются. Однако законы наши, милосердуя и къ самымъ преступникамъ, даютъ имъ способъ отъ тягости сего наказанія избавиться: сіе есть оставить ту жену, которую, преступя законы благочинія, поялъ, предстать предъ главное судилище благочинія, и просить о даніи ему способа загладить свой проступокъ. Судбище, иногда взирая на родъ его проступка, посылаетъ его въ отдаленныя нашей имперіи области, гдѣ онъ безъ всякаго чина долженъ своею особою оказать услуги отечеству въ предписанное число лѣтъ, которое никогда болѣе двѣнадцати не опредѣляется; и когда онъ, какъ своими заслугами, какія возможно ему содѣлать, (такъ) и самымъ нравственнымъ своимъ поведеніемъ заслужитъ въ урочное число лѣтъ порокъ свой, то онъ въ прежнее свое состояніе возвращается. Равнымъ образомъ и жена можетъ просить о способахъ заслужить проступокъ свой, и сія опредѣляется въ боль-

ницы и въ училища, гдѣ она трудами и добрымъ поведеніемъ своимъ должна проступокъ свой заслужить; но взирая на слабость женскую, таковымъ болѣе семи лѣтъ удовлетворенія не опредѣляется, и тогда она входитъ въ прежнія свои права, но не въ прежнее запрещенное супружество.»

Но дѣти ихъ — вопрошалъ я — по сему удовлетворенію получаютъ ли себѣ какую выгоду?

«Никакой — отвѣтствовалъ онъ мнѣ — они остаются беззаконнорожденные и въ самой нижней степени жителей государства.»

Но умилосердись, вскричалъ я, чѣмъ винны несчастные младенцы, что ихъ родители сдѣлали беззаконный бракъ, чтобы ихъ навсегда несчастными сдѣлать?

«Мы ихъ виновными и не почитаемъ — отвѣтствовалъ санкрей — ниже налагаемъ на нихъ какое наказаніе, ибо рожденные беззаконно, въ какую ихъ степень ввести? вродительску ли? Ежели они выше послѣдней степени, то учинить ли въ нихъ воздаяніе преступленію? учинить ли обиду тому состоянію людей, которые въ законномъ рожденіи въ сей степени родились? Слѣдственно и нѣтъ тутъ наказанія, гдѣ ничего не отнимается. Сіи родились внѣ закона, слѣдственно и не подъ защищеніемъ онаго, а потому по строгости бы и послѣдней степени недостойны, но наши законы, милосердуя къ ихъ состоянію, вмѣщаютъ ихъ въ нижнюю самую степень граждан, а

потому и полагаютъ подъ защищеніе законовъ, и тако не токмо что отнимаютъ у нихъ, но паче дарствуютъ. Однако если родители ихъ суть вольны и они остаются вольными, а потому имѣютъ право достигать до всѣхъ чиновъ и до всякаго счастія, ибо собственно имъ сіе рожденіе безсчастія не приключаетъ, и всякій упрекъ учиненный имъ наказывается, ибо они не виноваты какъ они рождены, а что получатъ, то не ради беззаконнаго рожденія своего, но по личнымъ своимъ достоинствамъ; яко нѣкоторые у насъ и есть, которые даже до чину колагиръ (полководителей) достигли.“

Еще вопросъ мой ему былъ: въ молитвахъ вашихъ примѣтилъ я, что при моленіи надъ мертвымъ тѣломъ упоминаете о его душѣ, слѣдственно вы и признаете безсмертіе ея; чрезъ кого вы сей догматъ получили, и признаете ли вы награжденіе благомъ, и наказаніе зломъ.

„Я уже единожды вамъ сказывалъ — отвѣтствовалъ санкрей — что основаніе вѣры нашей ни отъ какихъ откровеній или преданій происходитъ, но отъ самаго размышленія и очевиднаго зрѣнія вещей, а потому понеже по твореніямъ познали мы Бога всемогущаго и правосуднаго, изъ всѣхъ тварей человѣка единаго, одареннаго особливымъ понятіемъ, могущимъ проницаніемъ своимъ приближаться къ вышнему естеству; а наконецъ, разсматривая случаи жизни человѣческой и часто обрѣтая, что добродѣтель терпитъ, а порокъ торжествуетъ, не могли мы изъ сего не заключить, чтобы Богъ всемогущій не могъ сотворить души безсмертной и чтобы его смотрѣніе и сила оканчивалась токмо надъ тлѣнными тѣлами, а къ тому же бы Его правосудіе не воздало за добродѣтели утѣсненныя, и не наказало бы пороки. Сіи есть причины основанія нашея вѣры о безсмертіи души, и къ тому же правительство изъ времени до времени посылаетъ избранныхъ людей для извѣдыванія о разныхъ искусствахъ, а сіи возвратясь насъ увѣряютъ, что повсюду признаютъ вышнее существо и безсмертіе души. Правда, что изъ повѣствій ихъ мы видимъ, что всѣ сіи важные воображеніи суть за тайны множествами нелѣпыхъ и неприличныхъ Божеству басней, которыя мы съ презрѣніемъ отметаемъ, но какъ тогда же основаніе есть сходственно съ нашимъ понятіемъ и чему мы вѣримъ, то паче утверждаемся общимъ увѣреніемъ народовъ земли въ заключеніяхъ нашихъ.“

Наконецъ послѣдній я учинилъ ему вопросъ: есть ли у нихъ проповѣди и поученія?

На сіе онъ отвѣтствовалъ мнѣ: Конечно есть, но не вездѣ и не всегда. Есть въ каждомъ градѣ нѣкоторые храмы, въ которые въ опредѣленные дни оныя читаются. Они состоятъ въ доказательствахъ, чрезъ видимыя нами творенія естества, всемогущества и милосердія Божія, во изъясненіи совершенствъ, которыя сіе вышнее естество должно имѣть, и въ разсужденіи всемогущества и правосудія, равно какъ и по преимущественнымъ дарованіямъ доказуется безсмертіе души, а взимая отъ совершенствъ же Божіихъ, яко Онъ есть благъ и правосуденъ, то всѣ сіи благіе и правосудные дѣла не могутъ ему непріятны быть, изъ чего и сочиняется нравственное ученіе, въ которомъ позволяется вмѣщать изящные поступки отличныхъ добродѣтелью нашихъ предковъ, но никогда живыхъ. Таковыя бесѣды не позволено каждому по своему изволенію дѣлать и читать, но всякій, кто таковую сочинитъ, можетъ ее послать въ главное судьбище благочинія, которое, разсмотря, позволитъ ее читать, однако съ тѣмъ, что того мѣста благочиніе должно разсмотрѣть — согласны ли его нравы съ ученіемъ его, и ежели не согласны, то хотя яко нравоучительное сочиненіе оно и обращается между народа, но не можетъ быть въ храмѣ читано, ибо мы почитаемъ, что добрые нравы самаго того, кто содѣлываетъ нравственное поученіе, весьма помогаютъ къ дѣйствію, какое оно надъ сердцами слушателей производитъ.“

Симъ кончились мои вопросы, и они подали причину къ довольно длинному разговору о христіанской вѣрѣ. Я сему санкрею доказывалъ о сотвореніи міра, о паденіи человѣка, о пріуготовленіи пророчествами и знаками воплощенія Господа Іисуса Христа, наконецъ о воплощеніи Его, о страданіи и воскресеніи.

Разсказаніе мое, которое довольно длинно было, привело въ задумчивость санкрея. А по немногомъ времени молчанія, онъ отвѣтствовалъ мнѣ: „Все что вы сказали о сотвореніи свѣта, есть вѣроятно, единое токмо меня удивляетъ, что Богъ, могущій единою своею волею въ единый мигъ все сотворить, употребилъ однако шесть дней на окончаніе творенія; намъ ли бреннымъ естествамъ разсуждать, для чего такъ, а не такъ Богъ дѣлалъ, а посему если вы имѣете вѣрныя преложенія, какъ вы меня увѣряете, то и сомнѣваться о семъ не можно. Паденіе человѣка имѣетъ подлинно многое въ себѣ непонятнаго, но я думаю, что въ самомъ дѣлѣ ему быть надлежало; ибо взирая купно на совершенства и недостатки сея твари, изъ коихъ первыми подлинно она почти къ Божеству приближается, а послѣдними и хуже скотовъ является, должно заключить, что конечно какая ни есть великая перемѣна въ его состояніи произошла. Касательно же до искупленія его кровію и смертію Сына Божія, коль сіе мнѣ не понятно ни является — да и сами вы признаетесь, что сія статья вѣры, а не разсужденія — но я считаю, что сіе совершенную благость Божію изъявляетъ; а изъ всего сего и заключаю, что вѣра наша не весьма различна съ вашею, ибо мы также единаго Бога какъ и вы почитаемъ, признаемъ Его единаго всемогущимъ строителемъ и правителемъ всего видимаго и невидимаго; отъ Него единаго и Его щед-

рости всего, даже и исправленія души и сердца нашего, ожидаемъ. Пріемлемъ безсмертіе души, воздаяніе благимъ и наказаніе злымъ отъ правосудія Его, и всѣ тѣ же нравственные правила, которые вы пріемлете, дабы учинить угодное сему вышнему Естеству. Правда, что все сіе у насъ происходитъ отъ единаго токмо понятія, которое намъ единое видѣніе тварей подаетъ; вы же напротивъ имѣете, какъ сказываете, и несомнѣнныя откровенія. Щастливы вы есть передъ нами, и конечно должно полагать, что утвержденная на такихъ основаніяхъ ваша добродѣтель должна быть всеобщая и совершенная; а знатно не угодно Богу было намъ оныя учинить, а потому, пребывая въ нашей, неоспоримыми свидѣтельствами всею природою утвержденной вѣрѣ, остается намъ токмо искать ближе сообщиться съ Богомъ, ожидая когда ему угодно будетъ Самому намъ откровеніе учинить".

Симъ окончился нашъ довольно длинный разговоръ и я отъ него пошелъ паки посѣщать разные мѣста града.

Глава VII.

Какимъ образомъ остался сочинитель въ землѣ Офирской.

Между симъ временемъ починка нашего корабля съ великимъ поспѣшеніемъ продолжалась. Правда, что онъ былъ въ такомъ состояніи, что едва не весь его передѣлать надлежало, но великое прилежаніе и число данныхъ работниковъ толь велико было, что уже втораго числа генваря онъ былъ готовъ, а третьяго начали его нагружать, полагая нашъ отъѣздъ шестаго или седьмаго генваря. Уже мы начали прощаться съ тѣми, которые насъ такъ обласкали, когда генваря третьяго числа по возвращеніи моемъ отъ санкрея, я вдругъ почувствовалъ къ вечеру великую боль въ головѣ, которая у меня перерывною дрожью во всю ночь продолжалась. При наступленіи утра началъ я чувствовать жаръ, однако еще въ силахъ былъ встать съ постели въ пятомъ часу, но съ девятаго часу началась у меня опухоль, которая черезъ два часа распространилась на все мое тѣло съ превеликимъ жаромъ и бредомъ. Хозяйка дома, за отсутствіемъ ея супруга по его должности, увѣдавъ о моей болѣзни, послала немедленно сказать своему супругу, бывшему на портѣ, который сказалъ о семъ нашему капитану; немедленно лѣкарь нашъ ко мнѣ пришелъ, но при первомъ осмотрѣніи меня, ибо пульсъ за великою опухолью не можно было ощупать, а видя опухоль багрово-черноватую, заключилъ, что уже во всемъ тѣлѣ моемъ начался антоновъ огонь, а потому, присутственной тутъ хозяйкѣ дома и нашему поручику, пришедшему меня посѣтить, объявилъ, что онъ сей болѣзни прямо не понималъ за скоростію ея дѣйствія, но токмо въ томъ можетъ увѣрить, что я живъ остаться не могу. Тогда хозяйка дома, какъ послѣ я о всемъ узналъ, зная, что таковыя болѣзни у нихъ случаются, послала за двумя Офирскими докторами. Все сіе продолжалось до двѣнадцати часовъ; между тѣмъ временемъ хозяинъ дома возвратился, и наши всѣ офицеры пришли меня посѣтить, также пришли и доктора Офирскіе, которые, нашедъ меня въ памяти, яко въ сей болѣзни всегда бываютъ около полудни нѣсколько часовъ, и я принужденъ былъ слышать изъ устъ нашего лѣкаря осужденіе мое на смерть, и что уже во всей крови моей распространился антоновъ огонь, о чемъ я докторамъ Офирскимъ пересказалъ. Они, усмѣхнувшись, сказали, что они не удивляются сужденію нашего лѣкаря, ибо подлинно болѣзнь сія такіе признаки имѣетъ, о которой онъ судитъ можетъ статься, не знавши ее, потому что особливыя по климатамъ болѣзни есть, но что у нихъ въ странѣ сія болѣзнь есть извѣстная, и она опасной не считается, а токмо нѣсколько продолжительна, ибо бываетъ она не менѣе мѣсяца, да и послѣ несетъ за собою слабость не малое время — и заключили, что они увѣряютъ въ излеченіи моемъ. А только приложили, что ѣхать мнѣ изъ ихъ страны не можно, ибо не токмо пребываніе на кораблѣ, но если и близко водѣ меня приближить, болѣзнь моя смертною и неизлечимою учинится.

Колико меня ни обрадовало слышаніе, что я могу отъ сей болѣзни выздоровѣть, толико меня опечалило, что я долженъ остаться въ сей отдаленной странѣ безъ всякой надежды возвращенія въ Европу; и сіе мнѣ толь чувствительно было, что рѣшился съ подверженіемъ въ неизбѣжной смерти ѣхать.

Хозяинъ мой, капитанъ надъ портомъ, бывъ свидѣтель всему сему, ничего не говорилъ. Но на завтра также въ полдень, когда капитанъ нашего корабля, который вмѣстѣ со мною жилъ и меня окромѣ крайней нужды не оставлялъ, и доктора Офирскіе были у меня, вдругъ я увидѣлъ вшедшаго ко мнѣ Генералъ-Губернатора. Сей почтенный мужъ, услыша о моемъ состояніи и о пріятомъ мною намѣреніи ѣхать, пришелъ меня посѣтить. По изъявленіи сожалѣнія своего о приключившейся мнѣ болѣзни, онъ говорилъ, что ему извѣстно уже чрезъ моего хозяина о рѣшеніи докторовъ и о моемъ намѣреніи, что онъ вчерашній день повелѣлъ всѣмъ докторамъ собраться чрезвычайно и симъ докторамъ сдѣлать изъясненіе о моей болѣзни; и все собраніе о состояніи моемъ, яко о извѣстной и часто бываемой въ ихъ странахъ болѣзни, подтвердило мнѣніе сихъ докторовъ. Правда, приложилъ онъ, „Я вхожу въ ваше состояніе, что любовь къ отечеству побуждаетъ каждаго человѣка стараться возвратиться въ оное, а паче по толь долговременной отлучкѣ, какъ я слышалъ о васъ; съ другой же стороны, оставаясь въ такой землѣ, которая есть вамъ незнакома, въ такомъ отдаленіи и за такими преградами, что едва-ли вы мните и имѣть надежду, ежели вы останетесь, когда возвратиться. Но самая наша любовь къ отечеству, должна быть подчинена правиламъ мудрости, и если бы хотя малая была надежда возмочь вамъ снести море, то, похваляя ваше намѣре-

ніе, не предпріялъ бы я увѣщевать васъ, чтобы вы остались; но какъ сія болѣзнь есть въ нашей странѣ весьма обыкновенная, и всѣ доктора увѣряютъ, по неисчетному множеству опытамъ, что ни одинъ, не токмо отъ пребыванія на водѣ, но ниже отъ приближенія живъ не оставался, то отъѣздъ вашъ не послужитъ вамъ возвратиться въ ваше отечество, но доведетъ васъ къ смерти. Съ другой стороны разсудите въ какой землѣ вы останетесь, не въ той ли, въ которой, льстимъ себѣ, что нашъ поступокъ доказалъ вамъ, коль мы тщимся чужестранныхъ угощать, а потому и не безъ надежды, чтобы вамъ возвратиться, ибо мы иногда и сами свои корабли въ ваши моря посылаемъ, и они намъ не незнакомы. Правда, что не всегда великіе льды, покрывающіе наши моря, сіе позволяютъ, но, по долговременномъ примѣчаніи, намъ извѣстно, что и два года сряду мы можемъ въ море ваше выходить, а никогда не случалось препятствія болѣе двухъ лѣтъ, а посему какъ возможно будетъ, вы можете быть увѣрены, что васъ на мысъ Байдагебуръ *) отвезутъ, откуда вы можете въ отечество ваше возвратиться. Впрочемъ будьте увѣрены, что вы найдете во всѣхъ насъ, имя Офирскихъ гражданъ носящихъ, искреннихъ друзей и попечительнѣйшихъ о васъ родственниковъ".

Къ симъ увѣщательнымъ съ сильнымъ убѣжденіемъ словамъ приложилъ просьбу свою хозяинъ мой, начальникъ надъ портомъ, которую онъ мнѣ съ слезами изъяснилъ, а къ тому и самый нашъ капитанъ кавалеръ С... уговаривалъ меня остаться и не подвергать себя къ неизбѣжной смерти; такъ что я уже, начиная чувствовать пришествіе облегчительныхъ моихъ часовъ—а уже жаръ во мнѣ началъ возобновляться—поспѣшилъ свое согласіе на сіе дать. И тотчасъ Генералъ-Губернаторъ, вышедши на часъ въ другую комнату, по нѣсколькихъ минутахъ вошелъ и отдалъ мнѣ обязательство отъ главнаго правительства сего града, что по выздоровленіи моемъ онъ, Генералъ-Губернаторъ, иль кто будетъ его преемникъ, обязуются въ удобное для мореплаванія время отвести меня на мысъ Байдагебуръ. Я признаюсь, что такое учиненное мнѣ отъ правительства обязательство много меня успокоило, показуя мнѣ хотя вдали надежду возвратиться въ мое отечество.

*) Мысъ Доброй Надежды.

Отъѣздъ моихъ сотоварищей не замѣшкался, ибо они шестаго числа генваря мѣсяца, послѣ полудни, въ провожаніи нѣсколькихъ судовъ Офирскихъ, отправились изъ порта Перегабъ, и, прошедъ уже благополучно опасные отъ льдовъ мѣста, чрезъ письмо свое о благополучномъ своемъ путешествіи меня увѣдомляли, хваля и благодаря народъ Офирскій за всѣ, оказанные къ нимъ благодѣянія, и за снабженіе, какое они при самомъ своемъ отшествіи получили, и прося меня, чтобы я по выздоровленіи своемъ изъяснилъ искреннее ихъ признаніе.

Но прежде нежели поступить далѣе, за нужное я почитаю, для показанія политики сей страны, упомянуть какіе товары Офирцами были у насъ куплены. Оные состояли всѣ въ механическихъ нужныхъ вещахъ, а именно: двои аглинскіе карманные горизонтальные часы: одни простые, а другіе съ секундами, одни столовые часы, двое солнечные: одни горизонтальные, а другіе сферическіе, телескопъ, долонова труба, четверть циркуля для наблюденій, ѳеодоритъ, ватерпасъ мѣдный на ножкахъ, компасъ, математическая полная готовальня, компасъ висячій, заливательная труба, нѣкоторые лѣкарскіе инструменты, атласъ земной и карты морскія, за которыя, какъ я слышалъ, дорогую цѣну заплатили, давая втрое, нежели чего попросили. И я послѣ всѣ сіи вещи видѣлъ, розданныя въ ихъ академіи художествъ лучшимъ мастерамъ, съ образца которыхъ они должны были подъ смотрѣніемъ лутчихъ въ механикѣ и другихъ профессоровъ дѣлать, а также, выспросивъ употребленіе ихъ, а многое уже объясненіе и я по выздоровленіи своемъ далъ, оные были напечатаны и вмѣстѣ съ ними продаваны. Тако сей народъ не чужестранныхъ къ себѣ привлекаетъ, но, не щадя издержекъ, всѣ, что можетъ отъ нихъ свѣдѣнія получить, старается присвоить себѣ.

Однако я остался въ Перегабѣ, пользуяся, можно сказать, яко отъ ближнихъ родственниковъ попеченіемъ моего хозяина и его супруги, и бывъ посѣщаемъ ежедневно двумя докторами; также и первые первосановники сего города мнѣ дѣлали нерѣдко посѣщенія, даже какъ моя болѣзнь начала убавляться, что не прежде воспослѣдовало, какъ съ перваго февраля. Но тогда я почувствовалъ такую слабость, что никакимъ членомъ тронуться не могъ; однако сіе не долго продолжалось, и я къ седьмому февралю могъ уже вставать съ постели.

Тогда увидалъ я, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ будетъ въ сей городъ, для бываемаго чрезъ три года посѣщенія, Императоръ Офирскій. По сему случаю вопрошалъ я хозяина моего, начальника порта, что конечно пріѣздъ ихъ Государя наводитъ имъ много попеченія, дабы изготовиться его принять? На сіе мнѣ онъ отвѣтствовалъ, что отнюдь ни малой заботы о семъ никто не имѣетъ, и что единое безпокойство ихъ будетъ состоять, что Генералъ-Губернаторъ выѣдетъ на границу врученной ему области Императора встрѣтить, а потомъ земскіе правители, располагаясь по два, будутъ встрѣчать его, по два на каждой станціи. При въѣздѣ въ городъ Начальникъ благочинія со всѣми полицейскими офицерами его встрѣтитъ, а наконецъ всѣ прочіе во дворцѣ. Но, говорилъ ему, развѣ не должно вамъ для пріѣзду Государева содѣлать поправленіе дорогъ, строеній и нѣкоторый лучшій видъ городамъ дать? Засмѣялся мой хозяинъ, говоря: «На что это? дороги не для одного Государя, но и для

подданныхъ, а сжели бы мы ихъ для него поправляли, то бы симъ показали ему лучшее состояніе дорогъ и мостовъ нежели они есть, и симъ бы скрыли отъ него тягость народную. Какія намъ строенія поправлять, они по состоянію каждаго гражданина и должны исправны быть. Коронные же и безъ того должны быть въ хорошемъ состояніи; то понудительное исправленіе первыхъ была бы тягость гражданамъ, противная уставленію чина монарша, долженствующаго разливать ѣздою своею милосердіе, а не тягость приключать, а поправленіе коронныхъ строеній показывало бы неисправность тѣхъ, кому они поручены, а все бы сіе клонилось къ обману Государя, чего мы имѣемъ за правило себѣ никогда не дѣлать. Да къ тому же по благости Божіей мы имѣемъ такихъ Государей и Правителей, которыхъ толь грубымъ образомъ обмануть не можно».

Но по крайней мѣрѣ — сказалъ я — вы приготовляете на пути быковъ, или какихъ другихъ скотовъ, для ѣзды государевой? И сего нѣтъ, отвѣтствовалъ начальникъ надъ портомъ, ибо таковое бы постановленіе повозокъ было тягостно народу. На всѣхъ дорогахъ у насъ по станціямъ есть извѣстное число лошадей и быковъ. Императоръ нашъ обыкновенно на своихъ лошадяхъ ѣздитъ, также и весь дворъ его, а чего развѣ недостанетъ, то съ платежемъ берутъ изъ опредѣленныхъ мѣстъ.

Услыша именованіе лошадей, которыхъ я во градѣ Перегабѣ не видалъ,

спросилъ я его, развѣ у нихъ лошади есть? Конечно, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, но они у насъ во градахъ не употребляются, ибо въ прежнія, сказываютъ, времена употребленіе ихъ произвело великую роскошь и щегольство въ народѣ, а сего ради закономъ и запрещено было ихъ употреблять въ городахъ, окромѣ Императора и ближнихъ Князей къ престолу, а употребляются они въ войскахъ для конныхъ воиновъ и начальниковъ и по дорогамъ для скорой ѣзды.

Я признаюся, что всѣ слова его меня удивляли; находилъ я во всемъ, что видѣлъ и что слышалъ, такой порядокъ, что ежечасно умножалось мое хорошее мнѣніе о правительствѣ сея имперіи.

Глава VIII.

Какъ писатель пріобрѣтаетъ себѣ любовь и почтеніе, и какъ спознался съ Агибѣ.

Однако слабость моя ежедневно умалялась, и черезъ недѣлю еще я уже сталъ въ состояніи читать и чертить, къ чему всегда великую имѣлъ охоту, Сотоварищи мои, при отъѣздѣ своемъ оставили мнѣ всѣ вещи, мнѣ принадлежащія, между которыми были многія математическіе, артиллерійскіе, инженерные науки книги, также книги военнаго искуства и физическія; инструменты математическіе и нѣсколько для экспериментальной физики машинъ.

Скука и уединеніе мое — ибо хозяинъ мой, окромѣ что много былъ занятъ должностію своею, хотя ежедневно меня посѣщалъ, однако по слабости моей

не хотѣлъ меня долго безпокоить — принудили меня въ книгахъ искать себѣ удовольствія. Я уже выше сказалъ, что я изъ младости своей любилъ математическія науки, я притомъ бывъ и въ службѣ артиллерійскимъ офицеромъ, то, проходя артиллерію Г-на Леблона, разсудилось мнѣ и пропорцію пушекъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій вспомнить, а сего ради, взявъ готовальню мою съ математическими инструментами, началъ я чертить пушку съ ея лафетомъ. Уже я совсѣмъ отдѣлывалъ сію пушку, когда, пришедъ ко мнѣ, хозяинъ мой увидѣлъ сіе необыкновенное начертаніе, лежащее на столѣ моемъ; онъ, посмотря его, тотчасъ понялъ, что сіе есть пушка, но поставленіе ея на таковой лафетъ ему было незнакомо, ибо у нихъ и всѣ пушки на морскихъ лафетахъ поставлялись. Онъ съ любопытствомъ спросилъ меня о семъ начертаніи, яко человѣкъ, который и самъ прилежалъ къ познанію сея науки. Я ему истолковалъ о составленіи лафета и разныхъ размѣрахъ онымъ въ разсужденіи величины пушекъ, такъ и о размѣрахъ разныхъ пушекъ, и какіе способы были употреблены для сысканія ихъ, показывая ему ихъ разные рисунки въ книгѣ. Вдругъ усмотрѣлъ я его удивленіе, когда увидѣлъ онъ мортиру, которыхъ они незнали. Я истолковалъ ему дѣйствіе оной, ея размѣры, начинку бомбы и прочее. Сіе подало намъ причину продолжать далѣе разговоръ. Я ему съ показаніемъ плановъ и профилей разсказывалъ о

укрѣпленіи нашихъ городовъ, какимъ образомъ ихъ атаковать, какъ дѣлаютъ подкопы, и какое ихъ дѣйствіе; также разсказывалъ ему съ показаніемъ плановъ о устроеніи нашихъ войскъ, какъ учреждаютъ походы и какъ дѣлаютъ укрѣпленные лагери, что все его весьма удивило, и онъ признался, что едва ли можетъ разумъ человѣческій далѣе достигнуть, давая великія похвалы Европейскимъ народамъ.

Послѣ сего разговору, не токмо онъ сталъ чаще меня посѣщать, но также и первосановники Офирскіе, яко Адмиралы, Генералъ-Губернаторъ, которые часто обращали свои разговоры на сіи причины, и я ясно могъ примѣнить, что если человѣколюбіе сперва обращало ко мнѣ сердце Офирцевъ, тогда уже и надежда, что я могу нѣсколько полезенъ быть ихъ царству, ихъ паче приклонило ко мнѣ.

Уже я началъ горазло оправляться отъ моей болѣзни, когда въ концѣ февраля мѣсяца пріѣхалъ къ хозяину моему изъ Квамо гость. Сей былъ человѣкъ росту взрачнаго, имѣющій волосы сѣдые и, хотя уже ему былъ семидесятый годъ, однако сохранялъ и бодрость и веселый нравъ, а только хромалъ на одну ногу. Носилъ онъ платье бѣлое, на груди знакъ — сосновыя шишки, златомъ вышитый, и платье его по краямъ также малое златое украшеніе имѣло. На шляпѣ его, распущенной на тульѣ, также сосновая шишка золотомъ была вышита. Я по спрошеніи у хозяина моего увѣдалъ, что сей почтенный мужъ

былъ единый изъ наименитѣйшихъ вельможъ государства, что имя его было Кагіаи, а титулъ—ибо прямо сказать онъ чину не имѣлъ—*Агибѣ*, то есть просто первоклассный, и что онъ былъ родной дядя хозяину моему, начальнику надъ портомъ, братъ отца его; что нося на себѣ особливую милость Императора, коего онъ воспитывалъ, Императоръ звалъ его съ собою ѣхать посѣтить городъ Перегабъ, и онъ за старостію своею, не могши ѣхать съ Государемъ, пріѣхалъ спокойнѣйшимъ образомъ напередъ.

Я любопытствовалъ спросить, что также сіе было, *агибѣ*, то есть первоклассный, и мнѣ хозяинъ мой сдѣлалъ слѣдующее истолкновеніе: „У насъ нѣтъ обычая, чтобы достигшіе до первыхъ двухъ степеней люди могли совсѣмъ оставить службу, но въ престарѣлыхъ лѣтахъ они берутъ успокоеніе, то есть, что требуютъ не исправлять болѣе должностей, и сіе имъ позволяется. Однако они, хотя сложатъ съ себя должность, но числятся при тѣхъ мѣстахъ, имѣютъ тоже жалованье, тѣже почести, тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они были и также скрифта, или секретаря, который ему доставляетъ краткія выписки изъ текущихъ дѣлъ. И такъ они при успокоеніи своемъ все тѣ же свѣдѣнія, получаютъ, какія имѣли бывъ въ должностяхъ; а когда случатся какія трудныя обстоятельства, въ разсужденіи-ль всего государства или частно по дѣламъ, въ коихъ они обращались, то ихъ тогда токмо призываютъ для совѣту. Ибо—приложилъ онъ—государство не можетъ отречись дать успокоеніе долго служащимъ въ важныхъ должностяхъ ему людямъ, но не можетъ же и лишить себя ихъ споможенія въ совѣтахъ по знанію, какое они по долгомъ пребываніи у должностей получили; а къ тому, не имѣя уже болѣе собственныхъ видовъ, они гораздъ смѣлѣе и тверже для пользы отечества могутъ говорить. А и самые тѣ мѣста, гдѣ они прежде были, бывъ должны сообщать имъ выписки текущихъ дѣлъ, не осмѣливаются что несправедливаго содѣлать, но пребываютъ всегда въ осторожности".

„Сей же Кагіаи Бая Агибѣ—послѣдовалъ онъ—въ юности своей служилъ въ войскахъ и многіе знаки храбрости оказалъ, гдѣ уже и чинъ третія степени полководца имѣлъ, и былъ жестоко раненъ въ одной битвѣ, какъ самое его храненіе показуетъ. Учиняся не въ состояніи служить въ войскахъ, былъ опредѣленъ въ судбище о разныхъ учрежденіяхъ, гдѣ, прошедъ всѣ судейскіе чины, наконецъ былъ оному предсѣдатель. Препоручено также ему было на нѣкое время и судбище уголовныхъ дѣлъ, а послѣ опредѣленъ былъ въ Генералъ-Губернаторы страны Чиркаго, пограничной съ дикимъ и безчеловѣчнымъ народомъ Улуиты, гдѣ онъ три года сію должность съ похвалою исполнялъ. Достоинства его были толь велики, что всѣ сіи должности онъ исполнялъ, достигши токмо до сорока пяти лѣтъ своего возраста; а въ

сіе время покойному нашему Императору Драпму надлежало избрать воспитателя достигшему до седмилѣтняго возраста сыну своему Абраю, нынѣ царствующему Императору, и по общему мнѣнію всего совѣта и вышняго храненія законовъ правительства былъ избранъ онъ въ сію важную должность, которая приноситъ съ собою у насъ Бей Агибѣ, сирѣчь второстепенный, три другія, а именно засѣданіе въ Верховномъ совѣтѣ, засѣданіе въ Вышнемъ правительствѣ храненія законовъ и засѣданіе, или, если есть праздное мѣсто, предсѣданіе въ академіи. Онъ всѣ сіи наложенныя на него должности къ удовольствію Государя-родителя, вельможъ, народа и своего воспитанника исполнилъ, и пробывъ тринадцать лѣтъ воспитанникомъ (воспитателемъ) наслѣдника престола былъ пожалованъ въ Бая-Агибѣ, то есть первостепеннымъ министромъ, и потомъ уже, при нынѣшнемъ Императорѣ, десять лѣтъ въ управленіи должностей, взялъ увольненіе, и нынѣ, какъ я вамъ уже сказалъ, имѣетъ титулъ и всѣ преимущества Агибѣ.

Съ удовольствіемъ я выслушалъ разсказаніе о происхожденіи сего почтеннаго мужа, а самое сіе разсказаніе подало мнѣ любопытство учинить ему слѣдующіе вопросы: первое, что онъ мнѣ сказалъ, что онъ изъ военныхъ былъ опредѣленъ въ гражданскую службу, то, какъ не учася правъ, могъ человѣкъ такъ службу перемѣнять? На сіе отвѣтствовалъ онъ мнѣ, что у нихъ

нѣтъ ни единаго гражданина, котораго бы въ школахъ не учили правамъ и законамъ ихъ страны; ибо—приложилъ—не естественно есть гражданину жить въ какомъ государствѣ, не зная его узаконеній, сирѣчь того, по чемъ онъ долженъ направлять поступки свои, и что во всякомъ случаѣ его отъ всякія опасности защищаетъ; ибо—послѣдовалъ онъ—возможно ли почесть человѣку въ преступленіе, если онъ и не знаетъ, что оно есть, то какъ наказывать за преступленіе закона человѣка, который его не знаетъ, и котораго его не тщались обучить? А посему, если граждане не знаютъ законовъ, долженствующихъ быть правиломъ ихъ поступка, то и законы теряютъ справедливость наказывать за преступленія противу ихъ. Вздохнулъ я, слыша сіе подумавъ: знать что въ Европѣ находятъ сіе естественно, гдѣ развѣ тысячная часть токмо знаетъ свои права и законы страны, подъ которыми они живутъ. Но—продолжалъ я—второй вопросъ: что онъ мнѣ сказывалъ, что дядя его долженъ былъ пройти всѣ судейскія мѣста, дабы быть предсѣдателемъ судбища разныхъ учрежденій. Признаваясь, что я нахожу весьма несправедливо, чтобы человѣка заслужившаго уже знатный чинъ, заставить въ новомъ родѣ службы сызнова въ чины происходить. На сіе отвѣтствовалъ мнѣ хозяинъ мой: „Онъ заслуженныхъ его чиновъ не потерялъ, но долженъ былъ, перемѣня родъ службы, начать засѣдать въ нижнемъ мѣстѣ того судьбища, куда былъ опредѣленъ, дабы болѣе въ

тонкость все обращеніе законовъ и весь обрядъ понять, ибо такое есть установленіе нашея страны, что человѣкъ, перемѣняя родъ службы, коликого бы достоинства ни былъ, долженъ начать въ нижнемъ чинѣ служить въ той службѣ, которую вновь приметъ. Правда, что тамъ уже онъ чины, или лучше сказать мѣста, получаетъ не по старшинству, но какъ скоро усмотрѣно будетъ его достоинство, такъ скоро и изъ самаго нижняго мѣста засѣданія вдругъ, ежели мѣсто есть, предсѣдателемъ чинится, яко и съ дядей моимъ было, который изъ третьей степени полководцевъ былъ посаженъ на степень судьи девятые степени, но черезъ годъ, бывъ одобренъ тутъ своими начальниками и сотоварищами, былъ опредѣленъ прямо въ предсѣдатели, то есть въ туже третію степень, которой онъ былъ. Правда, что можетъ быть дядя мой меньше многихъ имѣлъ нужду въ испытаніи семъ: ибо онъ всѣмъ извѣстный былъ человѣкъ своимъ прилежаніемъ ко всякимъ познаніямъ, въ числѣ коихъ и о законахъ отечества своего вмѣщалось; и многіе уже испытанные судьи, ему сущу въ младыхъ лѣтахъ, въ трудныхъ дѣлахъ съ нимъ спрашивались и всегда совѣты его за полезные принимали. Но не отрекся онъ въ семъ случаѣ исполнить повелѣнное законами для лучшаго порядку государства и для испытанія тѣхъ, коимъ вручается залогъ правосудія".

Третій мой вопросъ ему состоялъ, что мнѣ кажется весьма несовмѣстно

отяготить такими должностями, какъ онъ мнѣ сказывалъ, то есть засѣданіемъ въ верховномъ совѣтѣ, въ вышнемъ правленіи храненія законовъ и предсѣдательствомъ въ академіи, такого человѣка, который весь долженъ быть занятъ воспитаніемъ порфиророднаго своего воспитанника. На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ мое возраженіе весьма справедливымъ находитъ; поелику я говорю, не знавши какъ при таковой порученной ему главной должности всѣ прочія облегчены, а именно: что таковой воспитатель получаетъ токмо свѣдѣнія о всемъ происходящемъ, какъ въ верховномъ совѣтѣ, такъ и въ главномъ правительствѣ храненія законовъ, не имѣя должности всегда тутъ быть и дѣла подписывать; однако если когда находитъ удобное время, то въ оныхъ присутствуетъ и сіе для того, чтобы, имѣвъ способы знать о всѣхъ обстоятельствахъ, нуждахъ и происходимыхъ дѣлахъ въ государствѣ, онъ могъ бы благопристойнымъ образомъ къ скипетру рожденному своему воспитаннику ясное и справедливое понятіе о нихъ учинить. Что же касается до предсѣдательства его въ главной академіи, сіе есть больше почетное имя нежели должность; ибо академія управляется всегда другимъ опредѣленнымъ надзирателемъ, а предсѣдатель токмо получаетъ о всемъ происходящемъ свѣдѣнія и чрезъ сіе имѣетъ случай спознать лучше ученыхъ людей академіи, дабы ихъ употребить къ наученію своего воспитанника.

Я весьма доволенъ былъ сими объяс-

неніями, а между тѣмъ временемъ Агибѣ, вышедшій во время нашего разговора, опять въ комнату вошелъ; хозяинъ мой представилъ меня ему, изъясняя случай нашего пріѣзда и причину, что я остался въ землѣ Офирской, прибавляя, что онъ съ своей стороны, хотя я у него и болѣе двухъ мѣсяцевъ живу, не можетъ умолчать, что находитъ весьма хорошее расположеніе моего сердца и великую чистоту нравовъ. Онъ на сіе съ довольною ласкою отвѣтствовалъ: что уже онъ извѣстенъ о нашемъ прибытіи и особливо о мнѣ, и за удовольствіе себѣ считаетъ мнѣ всякія услуги показать и способствовать колико можетъ съ своей стороны учинить пребываніе мое въ ихъ странѣ не скучно и спокойно; и онъ сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе меня обнять, я же, какъ уже имѣлъ наставленіе отъ моего хозяина, поцаловалъ его въ правое плечо, а онъ меня поцаловалъ въ щеку, ибо такой есть обычай земли Офирской, что ровные другъ друга цѣлуютъ въ щеку, а нижніи вышнихъ въ правое плечо, самого Императора цѣлуютъ въ лѣвую грудь; а напротиву того, вышніи цѣлуютъ нижнихъ въ щеку, а Императоръ цѣлуетъ въ лобъ.

Сей почтенный мужъ пріѣхалъ поутру, и тотъ день изъ почтенья къ нему никто не пріѣзжалъ, окромѣ Генералъ-Губернатора, повѣреннаго отъ Генералъ-Адмирала и Начальника благочинія, которые уже на вечеръ пріѣхали и учинили ему донесенія о губерніи, о городѣ и о флотѣ; и на завтра также никто по утру не былъ, понеже сіе

есть правило въ землѣ Офирской поутру посѣщеніями не безпокоить, почитая сіе время посвященное для дѣлъ, и тако токмо имѣющіи крайнія нужды поутру пріѣзжаютъ.

На завтра Генералъ-Губернаторъ, повѣренный Генералъ-Адмирала, адмиралы, и Главный надъ благочиніемъ были званы обѣдать къ Агибѣ, такъ же и я былъ къ столу его приглашенъ.

Я нашелъ уже сей столъ великолѣпнѣе нежели всѣ столы, которые я въ землѣ Офирской видѣлъ, ибо хотя правда онъ не имѣлъ сего сластолюбія, какое у насъ въ Европѣ примѣчается. Яства были все простые, изъ мясъ и разныхъ огородныхъ овощей, но число ихъ было болѣе, и все подавано на серебрѣ. Также питьи были изъ благовоннѣйшихъ травъ и лучшихъ ягодъ содѣланы, и закуски были подаваны на позолоченныхъ серебряныхъ тарелкахъ и въ такихъ же чашахъ. Столъ не весьма долго продолжался, но былъ можно сказать, улучшенъ пріятными и разумными разговорами Агибѣ.

Когда по окончаніи стола всѣ разошлися и я отошелъ къ себѣ въ комнату, тогда по нѣкоемъ времени пришелъ ко мнѣ хозяинъ мой, который часто меня посѣщалъ, обращая по большей части разговоры свои о разныхъ наукахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ, что я нѣкоторое знаніе имѣлъ. Между таковыхъ разговоровъ, какъ и самъ я имѣлъ великое любопытство узнать о разныхъ обычаяхъ Офирскія страны, изъявилъ я ему свое удивле-

ніе о примѣченномъ мною болѣе нежели у всѣхъ великолѣпіи въ столѣ Агибѣ, и заключалъ я, что онъ достаточнѣе другихъ. На сіе мнѣ хозяинъ мой отвѣтствовалъ, что онъ ничего не имѣетъ, ибо всѣ свои родительскія имѣнія отдалъ своимъ сыновьямъ, и говорилъ про себя, что онъ достаточнѣе его, но что въ житьѣ ихъ никакъ ни богатство, ни убожество не учавствуетъ, а живутъ—каждый служащій на опредѣленномъ отъ короны жалованьѣ, которое такъ расчитывается, чтобы на весь прожитокъ его и съ семьею его было, и не токмо на прожитокъ, но даже и домы служащимъ даются; а ежели кто имѣетъ свой домъ и въ немъ жить пожелаетъ, тотъ за домъ свой получаетъ положенный платежъ. „Все сіе такъ разсчислено, что каждому положены правила, какъ ему жить, какое носить платье, сколько имѣть пространный домъ, сколько имѣть служителей, по скольку блюдъ на столѣ, какіе напитки, даже содержаніе скота, дровъ и освѣщенія положено въ цѣну; дается посуда изъ казны по чинамъ: единымъ жестяная, другимъ глиняная, а первокласснымъ серебряная, и опредѣленное число денегъ на поправку, и посему каждый долженъ жить какъ ему предписано. Правда, что у насъ нѣтъ узаконенія, которое бы запрещало лучше жить, но обычай есть у насъ, что лучшее житье въ сравненіи своего чина за безчестіе и за развратность нравовъ считается. А понеже не всегда единаковая цѣна

бываетъ вещамъ, то въ каждый годъ дѣлаютъ справочныя цѣны и по тому жалованье располагаютъ, такъ что каждый можетъ жить, не касаяся до собственныхъ своихъ доходовъ, которыя употребляютъ для воспитанія своихъ дѣтей, для умноженія своего домоводства и для строенія въ деревняхъ своихъ. А когда кто отстанетъ отъ службы, если не такого чину, чтобы жалованье и въ отставкѣ получать, тотъ можетъ спокойно препроводить дни свои накопленными имъ отъ ней сбереженными деньгами съ его имѣній во время службы." Стыдно бы было правительству—приложилъ онъ—еслибы служащіе ему и свое должны были проживать и, при старости лѣтъ своихъ, отъ самой службы учиниться въ нищетѣ.

Но я его вопрошалъ, что если сіе такъ надлежитъ, чтобы великіе были доходы государственные, дабы на толикіе издержки довольнымъ быть? и просилъ его, дабы онъ мнѣ объяснилъ порядокъ, какъ при отставкѣ и кому продолжаютъ жалованье.

На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ слѣдующими словами: „Дабы удовольствовать ваше любопытство я зачну по порядку о раздаяніи жалованья въ нашемъ правленіи вамъ разсказывать. Первое, я уже вамъ сказывалъ, что жалованье всѣмъ служащимъ опредѣлено такимъ образомъ, чтобы они могли по состоянію своему жить, и самое житье ихъ во всемъ предписано; а какъ правительство наше не токмо самимъ тѣмъ,

которые дѣйствительно служатъ, опредѣляетъ жалованье, но также и семьямъ ихъ, и единому чину неравное производится, и въ случаѣ отлучки служащаго по службѣ дается ему токмо то жалованье, которое слѣдуетъ на его особу, а достальное семьѣ его производится, ибо правило есть нашего правительства, что кто ему служитъ, тотъ не долженъ издержкою своихъ собственныхъ имѣній разоряться, ибо самая его отлучка отъ дому довольно и безъ того ему ущербу приноситъ; а къ тому, не должно, чтобы отлучкою служащаго семья его претерпѣла нужду. Второе, всѣ чины у насъ раздѣляются на четырнадцать степеней, которыя по разнымъ обстоятельствамъ имѣютъ разные преимущества. Нижніе четыре, если возмутъ увольненіе, не получаютъ болѣе никакого жалованья, развѣ въ таковыхъ случаяхъ, если кто съ усердіемъ тридцат лѣтъ прослужилъ и не удалялся отъ походовъ противу непріятеля, или откомандированъ на дальнія границы, а къ тому не имѣетъ ничего собственнаго; такому по смерть пятая часть ему токмо принадлежащаго жалованья производится. Кто въ службѣ противу непріятеля получилъ такія раны, которыя его увѣчнымъ учинили, тотъ получаетъ половинное по смерть, принадлежащее ему жалованье. Кто изъ сихъ убитъ отъ непріятеля, того семья пять лѣтъ полное жалованье, какое онъ въ послѣдній годъ своей жизни и съ семьею своею имѣлъ, получаетъ. Высшія сихъ

четыре степени, ежели оставятъ службу, выслужа не менѣе пятнадцати лѣтъ съ исправностію, получаютъ пятую часть на ихъ особу опредѣленнаго жалованья. Ежели же получилъ въ службѣ раны, приведшія его во всегдашнее увѣчье, таковый по смерть получаетъ половину принадлежащаго ему жалованья; а если кто убитъ, то также какъ и нижнія степени, семья его пять лѣтъ получаетъ полное жалованье. Послѣ сихъ слѣдуютъ еще двѣ степени, кои имѣютъ начальство надъ полками, (въ сравненіи нашихъ чиновъ полковники и бригадиры). Сіи, если выслужатъ съ усердіемъ двадцат лѣтъ, при отставкѣ получаютъ четвертую часть жалованья; если же изувѣченъ кто въ службѣ, или умретъ, то тѣмъ же правомъ пользуются, какъ и нижнія степени. По семъ слѣдуютъ двѣ степени полководителей; сіи, не счисляя лѣтъ ихъ службы, ежели возмутъ отставку, получаютъ третъ принадлежащаго ихъ особѣ жалованья; ежели же изувѣчены въ службѣ, получаютъ двѣ трети всего полнаго жалованья, а впрочемъ въ случаѣ смерти имѣютъ ихъ семьи тоже награжденіе, какъ о нижнихъ степеняхъ я вамъ сказалъ. Что же касается до вышнихъ двухъ степеней, я уже сказывалъ, что по нашимъ законамъ они никогда отъ службы совсѣмъ не увольняются, а потому и все полное жалованье свое до конца жизни получаютъ, а вслучаѣ ихъ убіенія непріятелями семья ихъ получаетъ такое же полное жалованье семь лѣтъ.

„А симъ распорядкомъ, нѣсть нижняго чина, который бы окромѣ почестей, привязанныхъ къ чинамъ, не имѣлъ въ предметѣ собственное свое благосостояніе, отчего можно сказать, что хотя у насъ и совершенная дана свобода каждому служить и не служить, но какъ каждый въ службѣ счастіе свое находитъ, то рѣдко видно, чтобы кто безъ крайнихъ причинъ оставлялъ службу".

„Съ перваго взгляду подлинно кажется, что на такія издержки потребно великія суммы, которыя бы могли отяготить народъ, но если вы болѣе узнаете о образѣ нашего правительства, то сами признаетесь, что они тягостны быть не могутъ, ибо: 1) всѣ, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ находящіеся люди съ толикою точностію предписанныя имъ должности исполняютъ, а народъ въ толь хорошемъ у насъ состояніи, что первые нигдѣ ни малѣйшаго притѣсненія никому не дѣлаютъ, а вторые суть весьма въ состояніи положенное на нихъ платить. 2) всѣ сіи жалованіи для житья—не для сластолюбія—умѣренныя положены, 3) войска наши намъ весьма мало стоятъ, ибо они всѣ суть поселенныя; 4) чиновъ у насъ немного, ибо гдѣ каждый тщится должности свои исполнять, тутъ и одинъ за многихъ дѣлаетъ".

Сей отвѣтъ, которымъ я былъ доволенъ, подалъ мнѣ множество причинъ содѣлать разные вопросы, но я, сохраняя нѣкоторые до другаго времени, сократился его вопрошать съ удивле-

ніемъ: что развѣ въ статской службѣ служащіе люди имѣютъ тѣ же чины, какъ и военные? На сіе не съ меньшимъ удивленіемъ отвѣтствовалъ онъ мнѣ: „да какъ сему инако быть? и развѣ у васъ есть въ семъ какое различіе?" Не могъ уже я сокрыть отъ него, чтобы не сказать, что въ Европѣ въ иныхъ мѣстахъ они совсѣмъ сходдыхъ съ военными чиновъ не имѣютъ, и никакъ съ ними не считаются, а въ другихъ статскіе чины моложе считаются, ибо у насъ вездѣ военная служба статской предпочтена. На сіе мнѣ хозяинъ мой, со всѣмъ учтивствомъ, обычнымъ Офирскому народу, сказалъ, что по сему видно, что мы болѣе любимъ завоеванія, нежели внутреннее благосостояніе народа, безъ чего и завоеваній дѣлать не можно, ниже границъ сохранитъ, онъ послѣдовалъ: „У насъ, хотя именованія по разнымъ службамъ суть разные и разное по службамъ дѣлается производство, но чины равно раздѣлены на четырнадцать степеней, и каждая степень каждой службы есть между собою равны, равное и жалованье имъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, приложилъ онъ—возможно ли одну службу унизить передъ другою, ибо не всѣ ли они клонятся къ благу государства? Воинъ охраняетъ границы, дерется съ непріятелемъ, но все сіе исполняетъ внутреннею силою государства, а когда она изчезнетъ, то тщетна его будетъ храбрость безъ могущества, а посему воздающій правосудіе внутри государства, печащійся

о благосостояніи народномъ, есть столько же полезенъ и нуженъ какъ воинъ. Правда, что воинъ подвергается къ трудамъ, ранамъ и смерти, но и судья, прямо прилежащій къ своей должности, не равно ли изнуряетъ свое тѣло бдѣніемъ и трудами; и у насъ множество есть примѣровъ, что служащіе въ войскахъ сохраняли крѣпкое здоровье, а пошедши въ статскую службу его изнурили, и многіе сократили свою жизнь".

Такимъ образомъ окончился нашъ довольно длинный разговоръ, ибо уже приближался часъ, въ которой Агибѣ будетъ принимать чиненыя ему посѣщенія. Ибо въ землѣ Офирской не яко въ Европейскихъ странахъ, гдѣ часто видны толпы народа, многіе часы ждущіе выхода вельможи, котораго можетъ быть и не увидятъ. Въ сей землѣ, если и послѣдній гражданинъ будетъ ждать долго вельможи, то уже себѣ за оскорбленіе приметъ, а посему каждый располагаетъ по своимъ дѣламъ время и часы, когда онъ можетъ, какъ людей за дѣлами, такъ и изъ почтенія къ нему приходящихъ принимать, и о семъ постановляется записка въ сѣняхъ и приказывается приворотнику. Исключаются однако изъ сего такіе, которые имѣютъ нетерпящую время нужду, то не токмо въ дневные часы, но и во всякое время сна должны вскорѣ быть допущены, хотя бы съ разбуженіемъ вельможи; прочіе же въ назначенные часы приходятъ, въ которые, какъ скоро наступитъ тотъ часъ,

вельможа долженъ оставить всѣ свои упражненія и выйтить къ приходящимъ къ нему, дабы никто пришедшій въ назначенный часъ ни мало не дожидался. И тако они соглашаютъ нужное время для успокоенія своего, и для посвященія къ дѣламъ съ нужнымъ уваженіемъ, которое должны сохранить къ своимъ согражданамъ. У Агибѣ было назначено время къ принятію желающихъ его видѣть (я говорю по нашему образу считать часы) шестой, седьмой и осьмой часы. Подлинно въ сіе время почти весь городъ для принесенія ему почтенія собрался. Я видѣлъ тутъ, какъ учтиво вельможи въ Офирѣ всѣхъ приходящихъ къ нимъ принимаютъ. Было болѣе трехъ сотъ человѣкъ, которые въ разные времена перебывали у Агибѣ; ни единаго онъ безъ нѣкоего привѣтствія не отпустилъ. Пока было мѣсто, всякій съ нимъ сидѣлъ, а какъ число людей умножилось, то хотя онъ былъ уже престарѣлыхъ лѣтъ, хотя отъ полученной раны хромалъ, однако когда не могъ всѣхъ посадить, опершись на трость стоялъ, и сіе продолжалъ около двухъ часовъ, даже какъ минули часы его пріема, тогда онъ, откланявшись, пошелъ во внутренніе покои, и всѣ разошлися.

По семъ чрезъ находящагося при немъ офицера, которыхъ *зундіакъ* называютъ, позванъ я былъ вмѣстѣ съ хозяиномъ моимъ въ его спальню. Когда я вошелъ, то онъ, вставъ со стула, говорилъ, что назначилъ вечерніе часы

яко гостю его племянника и человѣку, о коемъ онъ много слышалъ, дабы имѣть спокойнѣе со мною разговоръ и свести знакомство. Я благодарилъ его за его благоволеніе, и онъ посадилъ меня возлѣ себя, изъявилъ мнѣ любопытство слышать отъ меня о обстоятельствахъ Европы. Вопросы его обращалися познать о разныхъ царствахъ, о ихъ связи между собою, о взаимственныхъ ихъ пользахъ и разныхъ ихъ правленіяхъ, о вѣрахъ, о законахъ, о военномъ искуствѣ, о уступленіи градовъ и прочее. Онъ единственно мнѣ дѣлалъ вопросы, не чиня ни похвалъ, ни охуленія ничему, ибо, какъ я послѣ увѣдалъ, сіе было правило въ Офирской имперіи, ничего у чужестранныхъ ни хвалить, ни хулить; а токмо показалъ онъ мнѣ удивленіе, что какъ единые бывъ вѣры люди, имѣя себѣ вѣра одинакія преданія, могутъ толико различествовать между собою; а потомъ, обратя рѣчь свою на слышанное имъ знаніе мое артиллеріи, военной архитектуры и въ военномъ искуствѣ, просилъ меня, чтобы я сіи вещи по самымъ рисункамъ и по книгамъ своимъ постарался ему изъяснить, и какъ я показалъ мою готовность, то онъ обѣщалъ меня посѣтить, говоря, что книги хотятъ, чтобъ ихъ искали, а не самимъ имъ любителей искать.

Глава IX.

Продолженіе знакомства писателя съ Агибѣ и описаніе Офирскаго царства.

Сей разговоръ нашъ продолжался гораздо поздно, и я, отужинавъ съ

нимъ, съ моимъ хозяиномъ, и съ супругою его, въ его передъ—спальнѣ, пошелъ къ себѣ. На завтра же, по утру, онъ, обославшись со мною, могу ли я его принять, пришелъ ко мнѣ и съ племянникомъ своимъ. (Сей день былъ единый, который я во всю мою бытность видѣлъ, что онъ къ должности своей не пошелъ въ портъ). По первымъ привѣтствіямъ изъяснилъ онъ мнѣ свое желаніе видѣть рисунки нашей артиллеріи, крѣпостей и планы нашихъ военныхъ обращеній. Я немедленно сталъ ему казать оные, находящіеся въ моихъ книгахъ, истолковывая ему все съ подробностію, и самые причины которыя подали причину къ разнымъ изобрѣтеніямъ. Почтенный сей мужъ казался мнѣ весьма всѣмъ быть доволенъ, и я могу отдать ему честь, что мнѣ немного труда стоило сдѣлать ему уразумѣть толкуемое мною, ибо глубокое знаніе, каковое онъ имѣлъ въ математикѣ и многихъ частяхъ физики, а паче быстрый его разумъ, можно сказать, упреждалъ самыя мои изъясненія. Во время самаго нашего разговора, изъ многихъ свертковъ картъ, которые у меня на столѣ лежали, одна упала на земь и какъ я ее поднялъ, тогда Агибѣ полюбопытствовалъ спросить меня—какой сіе есть свертокъ. Я ему сказалъ, что сіе—всеобщая карта вселенной; онъ любопытствовалъ ее видѣть. Когда я ее разогнулъ передъ нимъ, тогда онъ не изъявилъ мнѣ удивленія, что въ двухъ кругахъ карта изображена, ни о градусахъ, ни о

равноденственной чертѣ, ни о зодіакѣ, ни о меридіанахъ, ни о всемъ, что принадлежало къ физическому и астрономическому начертанію, но любопытно меня спрашивалъ о разныхъ странахъ: во первыхъ, Европейскихъ, а потомъ Азіатскихъ, Африканскихъ и Американскихъ, на что я давалъ ему изъясненія. Но обратя свои взоры къ полуденному полюсу, улыбнувшись сказалъ, что конечно въ семъ пустомъ мѣстѣ надлежало быть нашей странѣ, но за незнаніемъ оной сіе мѣсто пустымъ оставлено. Я ему сказалъ, что сіе есть такъ, и онъ на сіе отвѣтствовалъ мнѣ, что не надлежитъ, чтобы я мнилъ якобы я въ маленькую землицу пріѣхалъ, а для познанія моего пришлетъ ко мнѣ карту страны Офирской. Я его за сіе благодарилъ, и мы пошли по семъ въ большіе комнаты, гдѣ ожидаемы были нѣкоторые званые обѣдать, которые вскорѣ зачали съѣзжаться.

Причина разговоровъ Агибѣ между прочимъ была о томъ, что онъ видѣлъ у меня плановъ, похвалялъ искусство Европейцевъ, требуя еще нѣкоторыхъ изъясненій отъ меня, а какъ по окончаніи стола, всѣ разъѣхались, и я пошелъ въ свою комнату, тогда находящійся при немъ офицеръ принесъ мнѣ отъ Агибѣ карту земли Офирской.

Карта сія была сдѣлана по довольно большому размѣру, была величиною около девяти футовъ длины и пяти ширины, выградирована очень хорошо, съ означеніемъ параллельныхъ и меридіальныхъ линій, изъ коихъ первый мери-

діаналъ они счисляютъ отъ града Квамо – столицы имперіи, по прожекціи отъ поля; токмо бумага была гораздо желтовата и груба, ибо я послѣ увѣдалъ, что они дѣлаютъ бумагу изъ пеньки, а изъ алленыхъ (льняныхъ) тряпокъ дѣлать се не умѣютъ. У карты сей были оставлены великіе поля, на которыхъ была пропись содержащая: 1) имена губерній, съ описаніемъ ихъ качествъ, многонародія, доходовъ и управленія, 2) имена столичныхъ городовъ губерній, 3) имена всѣхъ городовъ, также и мѣстъ, гдѣ есть правительства, съ означеніемъ ихъ положеній по градусамъ, 4) пристаница и ярмарки. А понеже сія пропись есть довольной пространности и въ самомъ дѣлѣ полезна для Офирцовъ, дабы имъ знать политическое состояніе своей страны, то я буду довольствоваться сокращенно описаніе карты и выписку изъ сей прописи здѣсь предложить.

Офирская страна простирается отъ 60 градуса южной широты до южнаго полюса, и по нашему исчисленію, считая первый меридіаналъ отъ острова Тенерифа, отъ 5 градуса до 85 градуса долготы. Прилегаютъ къ нему четыре моря: 1) Ефіопскій океанъ; 2) намъ незнаемое, которое они Боліо называютъ, и иже есть почти великій заливъ того же океана; 3) Чекаріа, иже есть море отъ самаго полюса происходящее, и 4) Зиндео, которое такое, что какъ великое озеро. Граничитъ она съ народами: на сѣверѣ Дысвы, народомъ не многолюд-

нымъ, но храбрымъ, съ Піурами на севѣро-востокѣ — сильнымъ королевствомъ, и съ Палями, единою республикою довольно сильною по естественному положенію, но ослабленною царствующими въ ней неустройствами, и на западѣ съ Тагіими, сильнымъ дикимъ и безчеловѣчнымъ народомъ.

Раздѣляется сія имперія на пятнадцать областей, коимъ суть слѣдующія имена, съ ихъ краткимъ описаніемъ:

I. Квамо, генералъ-губернаторство, въ коей находится столичный городъ того же имени, имѣетъ 3 милліона жителей мужеска полу, доходовъ въ нее 4 милліона фіеровъ *), имѣетъ протекающія великія судоходныя рѣки, яко Кваму, Голву, Кіяву и другія; земля ея не весьма плодоносна, однако награждаетъ довольно прилежаніе, имѣетъ довольно лѣсовъ и земли безъ оскудѣнія.

II. Агіара, столичный городъ того же имени, жителей имѣетъ 400 тысячь душъ мужеска полу, доходовъ одинъ милліонъ фіеровъ; имѣетъ протекающія рѣки: Унидву и Гую, и другія. Земля ея весьма неплодородна, но по близости къ морю, имѣя великія рѣки, изобильна рыбами, исполнена лѣсами, болотами и занимаетъ великое пространство земли.

III. Маміело, генералъ-губернаторство, столичный градъ того же имени; въ ней милліонъ жителей мужеска полу, доходу 1 милліонъ и 500 тысячь фіеровъ, имѣетъ протекающія великіи рѣки: Предну и Быу; посредственнаго плодородія, имѣетъ множество лѣсовъ, и земли оскудѣнія.

IV. Габиновія, градъ столичный того же имени, въ ней жителей мужеска полу 300 тысячь душъ, доходу съ нее одинъ милліонъ 200 фіеровъ; претекающія въ ней рѣки: Холбо, Гуя и Негія, и многіе великіе озера, изъ коихъ знатнѣйшее Голганъ; доходу съ нее 400 тысячь фіеровъ; земля ея не плодоносна, наполнена великими лѣсами и болотами и земель имѣетъ гораздо превосходящее число въ сравненіи жителей.

V. Перегабская, генералъ-губернаторство, столичный городъ Перегабъ, имѣетъ жителей 200 тысячь мужеска полу, доходу съ нее 400 (тысячь) фіеровъ; рѣки протекающія въ ней — Негія, Бія и другія. Земля совсѣмъ не плодоносна, — наполнена лѣсами и болотами — и гораздо ея болѣе нежели требовало бы число жителей.

V. Гарибія, стольный градъ того же имени, жителей имѣетъ одинъ милліонъ и сто тысячь, доходовъ съ нее 5 милліоновъ фіеровъ; протекающія въ ней рѣки — Паскла, Бозія; земля весьма плодоносная и не только питаетъ со изобильствомъ своихъ жителей, но также множество хлѣба посылаетъ и въ другія области; земель имѣетъ весьма довольно и нѣсколько излишнихъ по числу жителей, лѣсовъ имѣетъ мало.

VI. Варіажъ, стольный городъ того же имени, жителей въ ней 800 тысячь, доходу 4 милліона фіеровъ; протекающія въ ней великія рѣки: Бозіа, Ордіабанъ и Ордіаманъ; весьма плодоносна и преобильна землями, лѣсовъ имѣетъ мало.

VII. Офироманская, генералъ-губерство, столичный городъ Евки, жителей въ ней одинъ милліонъ, доходовъ 6 милліоновъ; рѣки протекающія въ ней — Предна и Миздна; весьма плодоносна и обильна скотомъ; земель имѣетъ привеликое изобильство, лѣсовъ мало.

VIII. Женигибы, стольный градъ того же имени, жителей 400 тысячь, доходу 3 милліона фіеровъ, имѣетъ протекающія рѣки Голву и Кіяву; земля довольно плодородна и ее безъ большей излишности довольно, къ тому же имѣетъ довольно и лѣсовъ.

IX. Занга, стольный городъ того же имени, жителей въ ней 300 тысячь душъ мужеска пола, доходу съ нее 1 милліонъ и 500 тысячь фіеровъ; протекающія въ ней великія рѣки — Голва, Кална и другія; весьма плодоносна, имѣетъ множество земель и лѣсовъ.

X. Сигіогая, стольный городъ того же имени, жителей въ ней 150 тысячь мужеска полу душъ, доходу въ ней 700 тысячь фіеровъ; притекающая въ ней одна великая рѣка Голва, которая подаетъ способъ жителямъ великое богатство ловленіемъ рыбы получать; земель хотя великое множество и пространностію своею она равняется съ наинаселеннѣйшими, но весьма мало плодоносныхъ, чего ради и получаетъ хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ.

XI. Ефонбіагъ, стольной городъ того же имени, жителей въ губерніи 200 тысячь мужеска полу, доходу съ нее кромѣ рудниковъ 350 тысячь фіеровъ; рѣки большія протекающія въ ней — Акимъ, Ябла, Кіянъ; земля мѣстами въ единыхъ мѣстахъ весьма плодородна, въ другихъ же покрыта неплодными, наполненными минералами землями, лѣсами и болотами, а земель толь много, чтобы и впятеро могла быть населеннѣе.

XII. Олботская, стольный городъ того же имени, жителей въ ней 150 тысячь мужеска пола душъ, доходу окромѣ рудниковъ и другихъ промысловъ 200 (тысячь) фіеровъ; протекающія рѣки суть: Олботъ, Біо, Шиширка и другія, довольно плодородная по своей землѣ; которой толь много, что болѣе нежели въ десятую можетъ народу содержать, а часть ея и совсѣмъ за хладностію неудобна ни въ поселенію, ни къ землѣдѣлію; лѣсовъ, болотъ и озеръ въ ней множество.

XIII. Куикрецкая губернія имѣетъ стольный градъ того же имени, жителей въ ней 150 тысячь мужеска пола душъ, доходовъ съ нее окромѣ рудниковъ 200 тысячъ фіеровъ; рѣки протекающія въ ней главнѣйшія: Аспла, Инесна, Ятелона и другія; земля въ нѣкоихъ мѣстахъ довольно плодородна, но въ другихъ неудобна ни къ какому

*) Фіеръ—серебряная монета, цѣною каждая по качеству своему семь съ половиною ливровъ французскихъ.

населенію и къ земледѣлію, но сіе награждается великими промыслами разныхъ звѣрей и обильною рыбною ловлею; число земель также есть весьма превосходно числу жителей, и находиться довольно лѣсовъ.

XIV. Ярикс, генералъ-губернаторство, коей стольный градъ того же имени, жителей имѣетъ 1 милліонъ 300 тысячь, доходу съ нее семь милліоновъ фіеровъ; главныя ея рѣки суть: Адинъ и Онвара; земля хотя сама собою и не весьма плодоносна, но крайнимъ попеченіемъ жителей не токмо коихъ собственную нужду родитъ, но даже часть отпускаетъ въ другія области; ремесла и торговля болѣе въ сей губерніи цвѣтутъ нежели въ другихъ; земель хотя весьма довольно, но излишности нѣтъ, также и лѣсовъ, только столько, что для нужды потребно жителямъ.

XV. Бросива, генералъ-губернаторство, столичный городъ того же имени, имѣетъ жителей 170 тысячь, доходу съ нее 100 (тысячь) фіеровъ; большія рѣки протекающія чрезъ нее суть: Менку, Гарба и другія, также въ ней часть весьма рыбнаго и великаго озера Гоалда; земля весьма неплодоносна, и вся пашня расположена между великихъ горъ и болотъ, и хотя земли въ ней и весьма довольно, но она почти вся занята неплодными горами, великими болотами и лѣсами.

Всего во всѣхъ губерніяхъ жителей мужеска пола душъ 11.070,000 милліоновъ.

Доходу съ нихъ 36.000,000 фіеровъ.

За симъ слѣдуетъ роспись всѣхъ городовъ и имѣющихъ суды селеній, также главныхъ пристанищъ, съ показаніемъ ихъ градусовъ долготы и широты.

По прилежномъ разсмотрѣніи сей карты и прочтенія росписи, многіе возымѣлъ я сомнѣнія, о которыхъ желалъ я у хозяина моего изъясненія потребовать, ибо казалось мнѣ неприлично утруждать Агибѣ.

Глава X.

Разговоръ писателя въ объясненіе Офирскія страны и политическаго положенія сей земли, также и о древности земли Офирской.

Черезъ два дня по полученіи мною карты, поутру сей почтенный старецъ пришелъ меня посѣтить. Поговоря нѣсколько, о разныхъ европейскихъ наукахъ, самъ онъ меня вопросилъ, какъ мнѣ показалась карта, имъ мнѣ поданная, и не навела ли она какого мнѣ сомнѣнія своею росписью? Я, похваля карту, какъ и дѣйствительно должно было ее похвалить, не могъ сокрыть, чтобы не изъявить нѣкоторыя вещи, которыя меня въ разсужденіи политическаго положенія земли Офирской въ удивленіе привели. Агибѣ съ пріятнымъ видомъ просилъ меня, чтобы я ему открылъ мои сомнѣнія, ибо, говорилъ онъ, сіе не токмо онъ приметъ за противное, но даже за весьма себѣ пріятное, понеже и самое есть правило земли Офирской — терпѣть

охуленія на правительство, ихъ собирать и по сему стараться дѣлать исправленія. „Ибо, въ самомъ дѣлѣ — онъ приложилъ — какъ со временемъ я могу узнать, хотя законы Офирскія и дѣланы съ наивеличайшими осторожностями, но не можетъ ли случиться, что кто еще въ семъ найдетъ пороки, или полезнѣйшее изобрѣтетъ, а первое подастъ правительству причины къ размышленію, а второе учинитъ и способъ къ поправленію. Сохрани насъ, Боже! вскричалъ онъ, чтобы мы мнили, яко бы въ головы токмо нѣкотораго числа людей, въ чинахъ находящихся, Богъ помѣстилъ весь разумъ, ограбя всѣхъ прочихъ людей отъ того.“

Я, бывъ ободренъ такими его увѣреніями, предложилъ ему мои сомнѣнія въ разсужденіи политическаго состоянія государства. Оныя состояли: 1) чего ради толь неровный учиненъ раздѣлъ губерній по числу жителей, что въ иной губерніи до трехъ милліоновъ, а въ другой 150 тысячь ихъ считается? 2) чего ради правленіе сихъ губерній состоитъ единые подъ Генералъ-Губернаторомъ, а другіе подъ губернаторами? — 3) чего ради многіе учреждены правительства не въ городахъ, но по деревнямъ? 4) что доходъ также не равенъ по числу жителей съ губерній положенъ?

Почтенный старикъ, видя у меня стоящую чернилицу, ничего мнѣ не отвѣчая, вопросы мои записалъ на бумагѣ, а потомъ зачалъ говорить: „Я записалъ ваши вопросы, ибо бывъ уже

семидесяти лѣтъ, чувствуя память мою ослабѣвающу, но чтобы мнѣ чего не позабыть и порядочно отвѣтствовавать вамъ“.

„Легко мнѣ ваши сомнѣнія рѣшить, которые не суть сокрыты отъ правительства, по все сіе учинено на основаніи глубокаго размышленія, и я думаю, что если вамъ разскажу всему причины, то вы не токмо не будете сему удивляться, но на противъ того похвалите наши учрежденія.“

„А посемъ приступаю учинять вамъ требуемыя изъясненія. Первый вашъ вопросъ состоялъ: чего ради толь неровный учиненъ раздѣлъ губерній по числу жителей, что въ иной губерніи до трехъ милліоновъ, а въ другой 150 тысячь ихъ считается? Сему есть разныя причины, и первая: взираемо было на многонародіе страны, ибо гдѣ тѣсно жители поселены, слѣдственно и пріѣздъ въ судебные мѣста ближе, тутъ и единое судебное мѣсто можетъ болѣе число людьми управлять; къ тому жъ не могло-бъ много въ весьма населенной странѣ содѣлываться столькихъ и преступленій, какъ въ странѣ не населенной. Возрите вы на карту и увидите, что всѣ сіи губерніи, гдѣ великое есть поселенье, есть гораздо не толь пространны, какъ гдѣ малое число народу обрѣтается. Вторая: взираемо было въ расположеніи губерній и на самое умоначертаніе народовъ: гдѣ пространныя земли и народъ безпокоенъ, тутъ меньше число

на губерніи полагалось, а гдѣ народъ спокойнѣй, тутъ и большее число меньшимъ числомъ правительствъ управляться можетъ, яко губернія Офироманская, гдѣ у насъ народъ особливо тихаго расположенія, и хотя много числа народа и пространна землями, однако въ ней менѣе безпокойствъ и преступленій содѣвается. Третія: тѣ губерніи, которыя наполнены лѣсами и другими мѣстами удобными сокрыть преступленія, также положено, чтобъ менѣе имѣли народа, ибо уповаю, что вы согласитеся въ общихъ нашихъ правилахъ состоящихъ, что числа судей безъ нужды умножать не должно, и что надлежитъ стараться, чтобы и судебные мѣста не весьма были между собою отдаленны. Но что касается до губерніи Квамо, сія имѣетъ, въ разсужденіи ея великаго многонародія, особливое правило. Городъ Квамо, столица сей губерніи и всей имперіи, столица и пребываніе государей Офирскихъ, бывъ и мѣстоположеніемъ своимъ среди имперіи, имѣетъ окромѣ учрежденныхъ многихъ судебныхъ мѣстъ и стеченіе знатнѣйшихъ людей государства, которые и жительство въ деревняхъ своихъ въ округѣ сего града имѣютъ, также земля есть весьма населена, а все сіе и служитъ къ содержанію добраго порядка. А сверхъ сего сія единая губернія, содержавъ себѣ близъ четверти государства и бывъ можно сказать управляема подъ очами государевыми и главнѣйшихъ людей государства, даетъ вся по всей

имперіи примѣръ, и въ случаѣ бы какого возмущенія, гдѣ въ отдаленномъ мѣстѣ, одной силою сей губерніи можно возмущенія унять. Противное сему единожды у насъ воспослѣдовало, когда императрица Арапитса, раздѣля сію губернію, лишилася сей помощи; отдаленныя области взбунтовались, она въ раздѣленныхъ губерніяхъ тщетно тщилась собрать довольное число войскъ. Или разномыслія ихъ колебали, или во время собраться не могли—и она лишилась престола и жизни въ заплату за ея безпорядочныя дѣянія и учрежденія".

„Второй вопросъ вашъ состоитъ: чего ради правленіе губерній состоитъ единыхъ подъ Генералъ-Губернаторами, а другихъ подъ Губернаторами. Взгляните на карту, и оная вамъ покажетъ, что всѣ тѣ губерніи, которыя находятся подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Губернатовъ суть губерніи пограничныя и сіи Генералъ-Губернаторы суть обще и начальники тутъ расположенныхъ войскъ; не думайте же, чтобы Генералъ-Губернаторы имѣли большую власть въ гражданскомъ правленіи; ихъ власть велика во всемъ томъ что касается до военнаго, но въ гражданскомъ, они токмо понудители къ скорѣйшему исполненію дѣлъ, и предохранители всякихъ явныхъ неустройствъ. Власть же гражданская, такъ какъ и въ другихъ губерніяхъ возложена на Губернатора. Генералъ же Губернаторы содержатъ въ хорошемъ

состояніи границу, имѣютъ попеченіе о благоустройствѣ войскъ и по чину своему Генералъ-Губернаторскому, гражданской власти сему предмету способствовать повелѣваютъ. Впрочемъ они есть уже назначенные начальники, которые въ случаѣ войны противу того непріятеля дѣйствовать должны. И тако не занимаются у насъ вожди войскъ многими другими дѣлами окромя военныхъ; ибо въ самомъ дѣлѣ немного въ государствѣ и родится такихъ людей, кои бы довольные для сего качества имѣли, и правосудіе имъ не ввѣряется, ибо хотя и всѣ мы обязаны знать законы, но, не учась приложеніемъ ихъ и нужнымъ обрядамъ, никто исполнителемъ ихъ быть не можетъ.

Третій вашъ вопросъ состоитъ: „чего ради многіе у насъ учреждены правительства не въ городахъ, но по деревнямъ? На сіе бы я могъ кратко вамъ отвѣтствовать, что столькихъ городовъ нѣтъ. Но какъ, уповаю, и самимъ вамъ сія причина есть ощутительна, то я потщуся вамъ причину изъяснить. Правительства учреждаются для жителей страны, а потому и должны они тако быть расположены, чтобы каждому удобно было къ онымъ прибѣгнуть, чего ради каждому такому нижнему правительству и приписать округи. Но какъ не вездѣ въ таковыхъ округахъ нашлися города, то и въ самыхъ деревняхъ ихъ учредили; ибо въ самомъ дѣлѣ, не наименованіе города, не сословіе жителей

градскихъ, но учрежденное правительство управляетъ дѣлами, и тѣмъ еще съ вящею удобностію, что градскіе дѣла и упражненія не отнимаютъ у судей времени дѣла земскіе исполнять. Читалъ я въ нашихъ древнихъ памятникахъ, что въ единое время хотѣли таковые мѣста городами учинить. Сіе не произвело никакой другой пользы окромѣ приведенія въ распутство судей и отнятія жителей отъ земледѣлія, дабы ихъ разоренными и развратными мѣщанами учинить, а городовъ достойныхъ сего именованія не завели; ибо и подлинно не отъ воли государя или правительства зависитъ содѣлать городъ, но надлежитъ для сего удобность мѣста, стеченіе народа, и самый достатокъ жителей. По счастію вскорѣ сіи неудобности были усмотрѣны, переименованныя деревни въ города опять деревнями большая часть осталась и поневолѣ, въ касты купецкую и мѣщанскую вошедшіе, крестьяне съ радостію и съ пользою себѣ и государству къ оранію полей возвратились.

„Четвертый вашъ вопросъ состоитъ: что доходъ расположенъ не по числу жителей въ губерніяхъ? Простите мнѣ если сей вопросъ вашъ меня удивляетъ, ибо кажется сему инако и быть не можно, потому что неплодородныя гдѣ земли, гдѣ нѣтъ промысловъ, отдаленіе отъ столичныхъ и торговыхъ городовъ, и пр., тамъ могутъ ли жители толь много платить какъ тутъ, гдѣ всѣ сіи удобности есть? Доходъ у насъ не

инако положенъ, какъ по прилежному разсмотрѣнію, что житель можетъ самъ получить, и чтобы онъ самъ, имѣя едва пропитаніе, еще налогами не отягощался. А какъ многія мѣста могутъ и удобренія получать, то каждые двадцать лѣтъ оклады перемѣняются, но однако весьма съ малою прибавкою, дабы не отнять и побужденія удобрять земли и заводить новыя прибыли, и даже до того, что если при самомъ окладѣ, кто десять лѣтъ не пользовался какими новыми заведеніями, тому дается право оными воспользоваться, а послѣ платежъ производить. А симъ образомъ подданные никогда сверхъ силы своей не платятъ, старательные получаютъ себѣ прибытокъ, а казна государственная частое умноженіе доходовъ".

Симъ кончилъ почтенный сей мужъ изъясненіе на мои вопросы. Я, видя, что онъ толь охотно въ разглагольствіе вступаетъ, просилъ его позволить ему еще единый вопросъ учинить, а какъ онъ мнѣ дозволилъ, то я ему учинилъ слѣдующій: Именованіе вашей страны неизвѣстно есть нашимъ народамъ, и мы имѣемъ извѣстіе, по нашимъ священнымъ книгамъ, что отъ единаго царя земли Іудейскія, именемъ Соломона, отличнаго своею премудростію, ходили корабли въ землю Офирскую и привозили злато, слоновыя кости и разныхъ рѣдкихъ птицъ, которыхъ мы нынѣ обрѣтаемъ въ ближайшихъ къ равноденственной линіи мѣстахъ. Скажите мнѣ—имѣете ли вы

какіе памятники о семъ путешествіи, и самая ли сія есть та земля Офирская, о которой наши священныя книги поминаютъ? и если то та—есть ли у васъ нынѣ сіи птицы, яко павлины, попугаи и слоны, чтобы симъ кораблямъ возможно было довольствовать оные?

На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ: „Земля наша есть самая та, о которой ваши священныя книги поминаютъ, и мы находимъ въ древнихъ нашихъ лѣтописцахъ, что за.... лѣтъ *) до бывшаго у насъ премѣненія, изъ единой земли, называемой *Іуда*, или *Пластина*, отъ царя Салмона приходили корабли, употребляя болѣе двухъ лѣтъ на путешествіе свое, привозили къ намъ многія вещи и получали отъ насъ многое, а паче золото, ибо тогда у насъ торгъ съ чужестранными не токмо позволенъ, но и побуждаемъ былъ, и богатые наши золотые рудники, не по мѣрѣ нужды, но по жадности къ корысти обработывались въ академіи нашей, и нынѣ хранятся нѣкоторыя ихъ писанія, писанныя на кожахъ, которыя доказуютъ пріѣздъ такихъ чужестранныхъ. Правда, ни слоновъ ни птицъ такихъ у насъ нѣтъ и не бывало, но какъ путешествіе сихъ кораблей было черезъ жегомый поясъ земли, то могли они, бравъ оттуда ихъ, привозить, а какъ путешествіе сихъ кораблей кончалось въ нашей землѣ, то можетъ статься, что и все сіе считалось, якобы изъ земли Офирской было привезено".

Тогда пришелъ въ мою комнату

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

обрѣтающійся офицеръ при Агибѣ сказать ему, что наступаетъ уже первая послѣ полденная стража, то есть первый часъ по полудни, часъ назначенный для пріема людей, и онъ, взявъ меня съ собою, пошелъ въ свои комнаты для пріятія гостей.

Глава XI.

Пріѣздъ въ Перегабъ Офирскаго Императора, описаніе его двора и представленіе писателя ему.

Наконецъ Марта 10 числа, по нашему счисленію, прибылъ въ Перегабъ Императоръ. Я былъ любопытенъ видѣть его встрѣчу и для того спрашивался у хозяина своего—могу ли я идти ее видѣть? Онъ не токмо мнѣ сказалъ, что сіе зависитъ въ моей волѣ, но и отвелъ меня въ домъ одного своего пріятеля, мимо котораго Императоръ долженъ въѣзжать въ городъ, гдѣ я вмѣстѣ съ супругою его смотрѣлъ сего въѣзду, который ничего особливаго не имѣлъ, окромѣ что родъ кареты его, гдѣ онъ сидѣлъ самъ, была богатѣе обыкновенныхъ, то есть, что была покрыта позлащенными кожами, и всѣ кожи были подняты, такъ что онъ всѣми видимъ былъ. Сія карета, ибо такъ я ее именую, была влечена осьми небольшими лошадьми и окружена была Генералъ-Губернаторомъ Перегабскимъ, Начальникомъ благочинія и полицейскими офицерами, верхами на лошадяхъ (ибо токмо въ таковыхъ случаяхъ позволялось въ городѣ лошадей употреблять приватнымъ

людямъ). Стекшееся множество народу, въ молчаніи вездѣ, на проѣздѣ ему кланялись съ приложеніемъ руки къ сердцу, и онъ имъ всѣмъ соотвѣтствовалъ.

На завтрашній день пріѣзда Императора, Агибѣ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ повелѣніе представить меня предъ него, и я, сѣвъ съ нимъ въ его повозку, въ одинадцатомъ часу поутру, поѣхали во дворецъ. Домъ сей содѣланъ весь изъ мрамора, всѣ окошки имѣютъ переплеты мѣдные и позлащенные. Но стѣны ничѣмъ, окромя позлащенныхъ подсвѣчниковъ и множества картинъ, или лучше сказать портретовъ, не украшены. Подъѣзжая еще къ сему императорскому дому, Агибѣ мнѣ сказывалъ, что сіе было зданіе еще древнихъ Офирскихъ Государей, что и самая худая архитектура доказывала, и что самое множество позлащенія, которое я внутри увижу, былъ остатокъ ихъ роскоши. Предупредилъ меня онъ и о самыхъ портретахъ, которыми стѣны убраны были, говоря, что сіи суть изображенія отличавшихся добродѣтелію ихъ прежнихъ Государей, вельможъ, военачальниковъ и самыхъ приватныхъ людей, на которыхъ имена, время житія ихъ и кратко добродѣтели ихъ были подписаны; ибо, приложилъ онъ, чѣмъ лучше украсить домъ Государевъ, какъ тѣмъ что всегда его должности и добродѣтель ему воспоминаетъ. „Довольно, не взирая на обузданіе нашими законами—продолжалъ онъ—по его власти

имѣетъ онъ множество случаевъ содѣлать преступленія, то и избрали за лучшее, чтобы и самыя стѣны и украшенія его дому всегда проповѣдовали ему добродѣтель.

Въ концѣ третія утренняя стражи, по нашему въ одинадцать часовъ, отворены намъ были двери въ комнату аудіенціи Императора. Онъ стоялъ возлѣ великолѣпнаго трона изъ яшмъ, агатовъ и хрусталей содѣланнаго, на златотканномъ коврѣ; и тутъ первыхъ двухъ степеней люди пошли къ нему, цѣлуя его въ лѣвую часть груди, а онъ ихъ цѣловалъ въ лобъ, а потомъ Агибѣ отошедши, подвелъ меня, и я, по наставленію его, тоже въ лѣвую часть груди его поцѣловалъ, и также былъ имъ поцѣлованъ въ лобъ; потомъ пошли другія степени, третьей и четвертой; его также въ тоже мѣсто цѣловали, но онъ уже ихъ не цѣловалъ въ лобъ, но токмо возлагалъ имъ руку свою на голову; за сими слѣдовали шестой, седьмой, осьмой и девятой степени, которые его цѣловали въ тоже мѣсто и въ колѣно, и онъ на нихъ возлагалъ руку свою; прочіе же цѣловали его все въ тоже мѣсто и въ колѣно, безъ возложенія его руки.

Сей Государь, котораго называютъ Самолинъ, (думаю по поврежденію Индѣйскаго языка Заморинъ, то есть Императоръ) именовался Абрай, былъ тридцати двухъ лѣтъ, взрачнаго виду, черноволосъ и смуглъ, впрочемъ имѣлъ лице весьма пріятное и веселое. Одѣяніе его состояло: на головѣ нѣкая шляпа высокая съ малыми полями, цвѣтомъ бѣлая, на косѣ по черной лентѣ были положены жемчуги; на тѣлѣ имѣлъ такое же одѣяніе какъ и на прочихъ его подданныхъ, окромѣ, что верхнее было фіолетоваго цвѣта суконное, а нижнее платье было бѣлое; и какъ верхнее такъ и нижнее узоромъ на подобіе узловъ золотыхъ узкимъ галуномъ уложено по краямъ. На шеѣ у него висѣла златая цѣпь съ четвероугольною медалью, такая же какъ на Генералъ-Губернаторѣ и на Агибѣ я видѣлъ.

По продолженіи часа, что къ нему подданные подходили, ибо не всѣмъ былъ позволенъ пріѣздъ сей день во дворецъ, но по частямъ. Когда уже всѣ престали подходить, тогда Самолинъ пошелъ въ комнаты, и, ко удивленію моему, обходя всѣхъ первыхъ степеней, подходилъ и говорилъ со многими нижнихъ степеней людьми. Сіе продолжалось полчаса, когда онъ покланясь отошелъ въ свои комнаты и тотчасъ отъ Баіари, то есть Гофъ-Маршала Двора присланы были служители, носящіе зеленое платье съ фіолетовою опушкою и имѣющіе на грудяхъ сосновую шишку, бѣлую, звать нѣкоторыхъ ко столу. Въ числѣ сихъ званыхъ первый былъ Агибѣ, и тако я поѣхалъ изъ дворца съ хозяиномъ моимъ, его племянникомъ.

Все, что ни видѣлъ я, возбуждало мое любопытство, а для того какъ ѣдучи, такъ и пріѣхавъ къ нему въ

домъ, чинилъ я ему разные вопросы, состоящіе, первое: чего ради я не примѣтилъ никакого караула у дворца ихъ Государя. На сіе мнѣ хозяинъ мой отвѣтствовалъ, что они не считаютъ, чтобы могла быть нужда въ караулѣ, а можетъ быть вредъ, ибо Государь долженъ быть хранимъ не вооруженными, обрѣтающимися вокругъ его людьми, но любовію народною; если же сего не будетъ, то никакая стража спасти Государя не можетъ, но будетъ и сама способствующая гибели его. Да даже отъ сего могутъ произойти слѣдующія: Государь, бывъ окруженъ стражею, почтетъ не толь нужну себѣ любовь народную, и не имѣя опасности, можетъ ввергнуться въ таковыя поступки, которые ему самому и государству вредъ нанесутъ; вмѣсто что не имѣвъ стражи, онъ всегда старается въ любови народной ее себѣ сыскать. Но—еще послѣдовалъ онъ—настоитъ здѣсь вопросъ кого опредѣлить въ стражи для храненія Государя, единыхъ ли непремѣнныхъ, или чтобы все воинство перемѣнялось? если учинить непремѣнныхъ, то сіи благодѣяніями Государя склонены, не будутъ граждане, но робкіе рабы и исполнители воли государевой; власть его, не основанная на любви и на правосудіи, но самовластіи и мучительствѣ, возвеличится, онъ будетъ страшиться своей стражи, а силою ея страшенъ всѣмъ другимъ учинится; и твердость духа, добродѣтель и законная свобода истребятся. Самые сіи стражи, коихъ конечно должно будетъ отличить и усилить со временемъ, могутъ получить такое могущество, что неосновательные законы и непорядокъ наслѣдства, коихъ хотѣніе будетъ Государей на престолъ возводить и низводить. Наконецъ если однимъ войскамъ дать право сице охранять своего государя, то сіе произведетъ неудовольствіе въ другихъ войскахъ, изъ такихъ же гражданъ сочиненное. Ежели же всѣмъ по очереди—то сіе весьма затруднительно будетъ ради привоженія ихъ изъ дальнихъ мѣстъ государства.

Второй мой вопросъ состоялъ: „Чего ради Самолинъ, пріявъ почтеніе отъ первыхъ особъ своего государства, не удостоилъ ни единому сдѣлать привѣтствія, но пошелъ даже въ другія комнаты искать нижнихъ степеней своихъ подданныхъ, дабы разглаголствіями своими тѣхъ приласкать? Хозяинъ мой мнѣ на сіе отвѣтствовалъ: что сіе самое, которое я являюся охулять, если увѣдаю о причинахъ сего установленія обрядовъ ихъ двора, конечно заслужитъ мою похвалу. Продолжалъ онъ: обрядъ двора нашего Самолина состоитъ, что пять дней въ недѣлю онъ имѣетъ столъ для своихъ подданныхъ, взимая на отдохновеніе себѣ два дни, въ которые обѣдаетъ одинъ, или кого заблагоразсудитъ пригласить, который обычай даже и до всѣхъ вельможъ простирается. Въ сіи назначенные дни столъ Самолиновъ состоитъ изъ 27 человѣкъ, то есть первыя степени одинъ, вторые одинъ, третіе сте-

пени два, четвертые степени три; пятыя, шестыя, седьмыя и девятыя степени каждой по четыре, которые поочередно зовутся, а посему, что выше степень въ разсужденіи ихъ малаго числа, то чаще тотъ имѣетъ честь обѣдать съ Государемъ; также и по вечерамъ пять дней въ недѣлю первые четыре степени имѣютъ входъ къ Государю, изъ сихъ два же дни тоже позволеніе имѣютъ пятая, шестая и седьмая степень, а наконецъ осьмая и девятая—одинъ день. Изъ пяти же дней одинъ и для всѣхъ позволено пріѣзжать ко двору, но сіе уже такое почти собраніе какъ и сегодняшнее, и оно есть публичное, то Государь, приглашая къ себѣ обѣдать и въ приватныя собранія, не токмо сперва съ вельможами, но и съ другими дружески разговариваетъ и оказываетъ имъ свое благоволеніе, стараяся притомъ и проникать ихъ умоначертанія и расположенія ихъ мыслей, но въ таковыхъ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ Государь, можно сказать, народу себя являетъ. Если бы онъ токмо съ первочиновными разговаривалъ, то бы сіе было яко знакъ, что не сыщетъ о чемъ съ нижними и говорить, или бы казало родъ застѣнчивости или презрѣнія. Никогда бы нижнихъ чиновъ люди не удостоились слышать гласъ своего Государя, никогда бы онъ не могъ познать служащихъ ему подданныхъ, изъ коихъ многіе и въ важнѣйшіе чины могутъ произойтить. Слѣпъ бы онъ былъ въ разсужденіи орудій, употребляемыхъ имъ

для исполненія дѣлъ и долженъ бы былъ во всемъ полагатся на тѣхъ, которые его окружаютъ. Се есть причина—чего ради наши Государи въ публичныхъ собраніяхъ всегда и тщатся говорить съ нижними чинами.

Воздавши достойную похвалу толь дальновиднымъ установленіямъ, еще я его вопрошалъ, что меня удивляетъ то, что я не вижу чтобы ихъ Императора окружали его придворные. Есть ли они и какъ многочисленъ дворъ? На сіе онъ мнѣ усмѣхнувшись отвѣтствовалъ: онъ весьма малъ и весьма великъ, а видя мое удивленіе—продолжалъ: я сіе являющееся противорѣчіе вамъ изъясню. Подлинно дворъ нашего Императора въ томъ, что касается до точно привязанныхъ ко двору, весьма малъ, ибо онъ состоитъ изъ слѣдующихъ особъ: въ дворецкомъ, имѣющемъ попеченіе о столѣ Императора и о снабженіи всѣмъ нужнымъ дворъ, который есть третьяго классу, въ конюшемъ четвертаго классу, въ четырехъ придворныхъ, которыхъ мы аза называемъ, двухъ четвертаго классу и двухъ пятаго класса, въ ловчемъ шестаго класса. Сіи суть самые тѣ, которыхъ мы видѣли, въ зеленыхъ верхнихъ платьяхъ, съ фіолетовою опушкою и съ золотымъ галуномъ по опушкѣ, и бѣлымъ нижнимъ платьемъ; у нихъ на груди вышиты желтымъ гарусомъ малыя сосновыя шишки. Сверхъ сихъ имѣетъ Императоръ нашъ двадцати семи при дворѣ ему служащихъ, погодно, братыхъ изъ трехъ службъ, а именно изъ су-

хопутной военной, морской и гражданской, изъ каждой по девяти и въ каждыхъ девяти трое—пятой, трое шестой и трое седьмой степени, которые ежегодно по избранію начальниковъ присылаются ко двору. Сей есть способъ сысканный, дабы не отяготить государство многимъ жалованьемъ придворныхъ, учинить Государю великолѣпіе и доставить ему способъ, уже заслужившихъ нѣкоторые чины, людей короче узнать. Сіи суть тѣ, которыхъ вы видѣли въ разныхъ мундирахъ, имѣющихъ на зеленой повязкѣ съ фіолетовыми каймами вышитую сосновую желтую шишку на правой рукѣ, иже есть знакъ службы ихъ у двора, который они смѣняясь покидаютъ. Еще при Императорѣ находятся два его собственные секретаря, которыхъ вы видѣли, носящихъ бѣлое верхнее и нижнее платье съ опушкою фіолетовою какъ у азавъ и съ испещреніемъ нижняго сосновыми шишками, вышитыми желтымъ гарусомъ, и съ перевязками на правой рукѣ, какъ избранные изъ разныхъ службъ, о коихъ я говорилъ, носятъ.

Наконецъ я его вопросилъ: чего ради при въѣздѣ Императора не видѣлъ я никакого восклиновенія отъ народа? На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сіе бы было тщетные знаки усердія; ибо хотя въ землѣ Офирской и общее имѣютъ попеченіе о воспитаніи юношества какъ мужескаго полу такъ и женскаго, но кажется имъ, что общимъ образомъ нигдѣ народъ не можетъ быть довольно

просвѣщенъ, а потому показуемые бы знаки радости и усердія отъ народа въ самомъ дѣлѣ ничего не значили, а могли бы нѣкоимъ Государямъ вложить мысли гордости и предубѣжденія, якобы они весьма любимы народомъ, что можетъ вредные слѣдствія произвести, а къ тому не находятъ они нужды такими восклицаніями обезпокоить ушеса своихъ Государей.

Пріѣхавъ мы въ его домъ, отобѣдали и послѣ обѣда вскорѣ прибылъ и Агибѣ, который мнѣ слѣдующее говорилъ: „Самолинъ, бывъ извѣщенъ о вашихъ хорошихъ поступкахъ, которые вы во время бытности своей въ нашей странѣ оказали и въ разныхъ полезныхъ свѣдѣніяхъ, которые вы имѣете, воздавая самъ чужестранцу достойное почтеніе за оныя, васъ, какъ вы могли примѣтить, пріялъ яко третія степени своего подданнаго и сегодня соблаговолилъ мнѣ изъясниться, что онъ весьма желаетъ васъ короче узнать“. Я благодарилъ за оказанное мнѣ уваженіе отъ Императора и за всѣ благодѣянія, каковыя я возчувствовалъ въ бытность мою въ землѣ Офирской.

Глава XII.

Писатель болѣе учиняется знакомъ Императору, и призваніе его ѣхать въ столицу имперіи.

Чрезъ три дня послѣ сего пріѣхалъ ко мнѣ единый изъ придворныхъ служителей мнѣ объявить, что угодно Самолину, чтобы я на завтра былъ къ нему къ обѣденному кушанью а какъ

тогда же и Агибѣ былъ званъ къ столу, то я въ обыкновенное время съ нимъ поѣхалъ во дворецъ. Въ двѣнадцать часовъ ровно, по моимъ часамъ, Самолинъ вышелъ и, учиня нѣкоторое привѣтствіе Агибъ и другимъ вельможамъ, посемъ говорилъ очень ласково со мною, распрашивая меня о странѣ моего рожденія и о разныхъ моихъ путешествіяхъ, о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ; о всемъ елико возмогъ я старался удовольствовать его любопытство; говоря съ нимъ я давалъ ему титулъ: блистательный въ добродѣтели, иже есть единый, который онъ пріемлетъ. Въ часъ послѣ полудни мы пошли за столъ, и я былъ посаженъ насупротиву Самолина.

Столъ Самолина состоялъ изъ 27 особъ, по степенямъ званыхъ, какъ я выше помянулъ, и двора его дворецкій— два база, два синкреза, чины соотвѣтствующіе нашимъ адъютантамъ, одинъ отъ сухопутныхъ, а другой отъ морскихъ войскъ, два аіа и два его секретаря, и того считая съ нимъ было за столомъ 35 человѣкъ, что есть, какъ я послѣ узналъ, обыкновенное число людей, бывающихъ у стола государева.

Самолинъ во время стола много со мною разговаривалъ, распрашивая меня о нашей артиллеріи, о строеніи крѣпостей, о учрежденіи войскъ и о ихъ вооруженіи. Разговоръ сей такъ продолжался, что уже онъ и послѣ стола послѣдуемъ былъ, и наконецъ онъ мнѣ говорилъ, что какъ онъ весьма доволенъ моими отвѣтами и слышитъ отъ меня много весьма достойнаго вниманія, то и желаетъ, во время тѣхъ дней, въ которые онъ не выходитъ, чтобы я ему болѣе о семъ изъяснилъ и показалъ бы ему книги, о которыхъ онъ слышалъ, что я ихъ имѣю при себѣ, дабы по самымъ рисункамъ ему вещи понятнѣе были, о чемъ обѣщалъ чрезъ Агиба мнѣ объявить, и позволилъ наконецъ мнѣ ежедневно, когда выходы бываютъ, быть по вечерамъ во дворцѣ.

На завтрашній день, поутру присланъ ко мнѣ былъ одинъ изъ придворныхъ офицеровъ, который привезъ ко мнѣ довольное количество разныхъ шерстяныхъ парчей, нѣсколько мѣховъ песцовыхъ и бѣлыхъ и черныхъ и мѣшокъ денегъ, содержащій въ себѣ на нашу монету до пяти тысячь ливровъ. Я тотъ же день, помню сіе было день выхода императорскаго, за сей подарокъ его благодарилъ цѣлованіемъ въ лѣвую грудь и простымъ поклономъ.

Наконецъ по нѣсколькихъ дней, поутру сказалъ мнѣ Агибъ, чтобы я изготовился послѣ полудни въ пять часовъ ѣхать къ Императору съ моими книгами. Въ назначенный часъ поѣхалъ я съ Агибомъ и съ приготовленными моими книгами, которыя, по пріѣздѣ ко дворцу, отдалъ нести одному изъ служителей Агиба, а потомъ они были несены за мною однимъ придворнымъ служителемъ въ кабинетъ Самолина. Вошедши въ сей кабинетъ, нашли мы тутъ Генералъ-Адмирала, Генерала отъ артиллеріи и Генералъ - Губернатора сей губерніи.

Въ назначенный точно часъ, то есть ровно въ пять часовъ, Императоръ изъ спальни своей вышелъ, и по краткихъ привѣтствіяхъ находящимся тутъ, сѣвши за поставленный тутъ большой круглый столъ, приказалъ мнѣ сѣсть возлѣ себя и казать ему принесенныя книги; прочіе же сѣли вокругъ стола. Я началъ показаніемъ артиллеріи Леблондовой, и тогда вставши подошелъ къ стулу моему Генералъ отъ артиллеріи. И долженъ я признаться, что никогда въ столь жестокомъ экзаменѣ не бывалъ, ибо никакая малѣйшая бездѣлица пропущена не была, на что бы изъясненія и доказательства не востребовали; яко о причинѣ толстоты и длины пушекъ, о зарядѣ ихъ, для чего пороху вполовину противу ядра полагается, о самыхъ карнизахъ и ушахъ пушечныхъ, о толстотѣ фигурѣ, о ковкѣ и вѣсѣ лафетовъ, о отдачѣ пушекъ и прочее; но когда увидѣли мортиры, орудія имъ незнаемыя, то болѣе еще любопытство ихъ умножилось, и вопросы ихъ еще мелочнѣе были—долженъ былъ я имъ доказывать о всемъ, что касается до сложенія мортиры, о разныхъ пропорціяхъ оныхъ, о ихъ лафетахъ, о дѣйствіи мортиръ, о инструментѣ всеобщемъ, и прочее; даже какъ пришли сказать намъ, что столъ готовъ, и мы всѣ за маленькимъ столомъ Императора имѣли честь обѣдать. А послѣ обѣда Императоръ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ, что онъ весьма всѣми моими изъясненіями доволенъ и желаетъ, чтобы я каждый вторникъ и субботу, то есть въ тѣ дни, въ которые онъ не выходитъ, я пріѣзжалъ въ его кабинетъ для окончанія моихъ объясненій.

Сіе я вѣрно исполнялъ, и касающееся какъ до артиллеріи, такъ до вооруженія войскъ, до тактики, до строенія крѣпостей, ихъ атаки и защищенія, сколько я могъ кратко изъяснилъ.

Все сіе продолжалось до 15 числа Марта, по нашему исчисленію, а тогда Агибъ, съ которымъ я жилъ въ одномъ домѣ, зачалъ проситься ѣхать напередъ Императора въ Квамо, ибо по старости его лѣтъ и по припадкамъ его болѣзненнымъ, не могъ онъ поднять тягости зимняго пути и звалъ меня съ собою и дабы я согласился тамъ и жить въ его домѣ. Охотно я сіе предложеніе принялъ, и онъ, получа отъ Императора позволеніе и откланявшись ему, также и я, отправились мы въ путь Марта 25 числа, ѣдучи въ закрытыхъ колясказъ и на быкахъ, такъ что по нашему исчисленію, едва могли по осьми лье пути въ день сдѣлать.

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъѣздъ писателя въ Квамо и его пребываніе тамъ.

Глава I.

Путешествіе писателя въ городъ Квамо, и то, что имъ примѣчено на пути о населенныхъ полкахъ и училищахъ.

Въ первый день мы, отъѣхавъ четыре лье, пріѣхали ночевать въ единый развалившійся замокъ, который видно, что былъ весьма великолѣпнаго зданія, ибо позлащенія еще на нѣкоторыхъ стѣнахъ остаются. Жалѣлъ я, что поздное время дня не дозволяло мнѣ тотчасъ идти удовольствовать мое любопытство, но Агибъ мнѣ сказалъ, что онъ на завтра не рано поѣдетъ, и такъ я могу имѣть время его разсмотрѣть, продолжая однако: „не удивляйтеся развалинамъ сего великолѣпнаго замка. Сіе не токмо показуетъ какое нераченіе правленія, но паче его мудрость, что лучше хотѣло пожертвовать многія великолѣпныя зданія, но твердое благополучіе сдѣлать государству. И я думаю, что вы уже по причинѣ подобныхъ же развалинъ въ городѣ Перегабѣ слышали о причинахъ, побудившихъ изъ онаго пребываніе государево перенести въ древнюю столицу государства Квамо. Сіи самыя причины привели въ запустѣніе и сей великолѣпный замокъ, который былъ увеселительный домъ живущихъ въ Перегабѣ государей и назывался Сисео. Можно сказать, что всѣ сокровища имперіи были истощены для умноженія его великолѣпія, но истощены съ ущербомъ другихъ частей государства, да и самое сіе великолѣпіе не нужно учинилось, когда жилище государей стало перенесено въ древнюю столицу; а дабы совсѣмъ не потерять великіе тутъ положенные иждивенія, то заведена тутъ фабрика лучшаго фаянса, дабы по дороговизнѣ здѣшныхъ мѣстъ могла хорошею работою соразмѣрна продажа посуды быть, и оставлены сады и нѣкоторыя рощи, которые отъ фабрики сей вмѣсто найма зданій содержатся для гулянья пріѣзжающихъ изъ Перегаба. Но какъ фабрика не можетъ ни всѣхъ великихъ зданій занять, ниже въ состояніи всѣ содержать, то большая часть въ развалины превратилась.

На завтра я весьма рано пошелъ смотрѣть сей фабрики и развалинъ великолѣпныхъ зданій и подлинно нашелъ, что хотя болѣе пятисотъ человѣкъ были упражнены въ дѣланіи весьма хорошаго фаянса, которые все и жилища свои тутъ имѣли, но еще большая часть зданій пуста оставалась, хотя огромность оныхъ, остатки позлащенія, великіе камни и много кусковъ разныхъ марморовъ—рѣдкаго въ сей странѣ—показывали великую пышность, но сколько

я могъ примѣтить, все было безъ вкуса и безъ хорошей архитектуры строено. Что наиболѣе меня удивило, что хотя самое сіе мѣсто было на горѣ, но вода изъ дальнихъ мѣстъ водоводомъ была приведена и сочиняетъ не малой величины озеро. Любопытствовалъ я видѣть и сады. Они, правда сказать, не весьма въ хорошемъ содержаніи и суть болѣе рощи, нежели прямо сады. Можетъ быть сіе отъ древности произошло, но пространство ихъ и величина деревьевъ достойна вниманія. Смотрѣлъ я самую фаянсовую фабрику, о которой, колико знаніе мое постигаетъ, скажу, что вещество очень хорошо, но въ обработкѣ, ни въ образѣ сосудовъ ни въ живописи, или рѣзьбѣ, я не видалъ совершенства. Правда, что примѣтя мое неудовольствіе, смотритель сей фабрики мнѣ сказалъ, что они имѣютъ узаконеніе, чтобы не весьма стараться о рѣзьбѣ и живописи, но токмо о добротѣ вещества, ибо сіе истощеніе искусства знатныхъ художествъ можетъ учинить дороговизну посуды и произвести роскошь, а фаянсъ не на то дѣлается, чтобы роскошь умножать, но чтобы дать нужные для спокойства и удовольствія жизни человѣческой сосуды. Что же касается до образа ихъ сосудовъ, то хотя они мнѣ и не полюбились, но вкусъ зависитъ отъ народа и употребленія. Можетъ статься, и Офирецъ бы тоже сказалъ о нашихъ лучшихъ сосудахъ Севрской фабрики.

Однако спѣшилъ я возвратиться къ Агибу, у котораго нашелъ уже запряженныхъ быковъ, и изготовленный завтракъ, состоящій изъ холодныхъ мясъ, вареномъ сырѣ и молокѣ, и такъ, позавтракавъ, поѣхали мы въ путь свой. По переѣздѣ около двухъ лье французскихъ, пріѣхали мы въ одно селеніе, весьма изрядно построенное, гдѣ между множества маленькихъ домовъ были нѣкоторые весьма изрядные дома и противу обычая сихъ странъ нѣкоторые и каменные. Самые жители имѣли бороды выбритыя, такъ же противу обычая крестьянъ тоя страны. Я думалъ, что сіе есть какой городъ. По каждой сторонѣ сего селенія находился караулъ и въ самыхъ улицахъ многія лавки. Любопытствовалъ я спросить какой сей есть градъ, ибо въ имѣющейся у меня картѣ я не находилъ, чтобъ толь близко отъ Перегаба какой городъ находился. „Нѣтъ, отвѣтствовалъ мнѣ Агибъ, сіе не градъ, но военныхъ людей Перегабскаго полка поселеніе, и я намѣренъ здѣсь обѣдать, у однаго моего пріятеля, начальника сего полка*. Уже въ самое сіе время мы и подъѣхали къ крыльцу одного изряднаго каменнаго дому, гдѣ самъ хозяинъ и немалое число офицеровъ, коихъ можно было познать по ихъ синимъ платьямъ, встрѣтили Агиба. Мы были введены въ комнаты, которыя также, какъ и обыкновенно офирскіе, не имѣли никакихъ украшеній. Агибъ сдѣлалъ привѣтствіе хозяину и хозяйкѣ, обоимъ уже людямъ не молодыхъ лѣтъ, также всѣмъ офицерамъ, изъ которыхъ были многіе, которые подъ начальствомъ его служили;

а по семъ нѣкоторые разошлися, и званы мы были къ столу, за которымъ, по узаконеніи офирскому, число гостей по степенямъ чиновъ находилось десять человѣкъ. Кушанье было поставлено на желѣзномъ луженомъ сервизѣ и состояло изъ простыхъ мясъ, токмо съ травами изготовленныхъ, и напитки таковые же, какъ я выше упомянулъ. Послѣ стола по офирскому обычаю всѣ пошли отдыхать. Я же, желая удовольствовать мое любопытство, пошелъ смотрѣть сего селенія. Нашелъ я тутъ порядокъ, чистоту и знаки довольствія, которые едва ли и въ лучшихъ европейскихъ городахъ такъ всеобщіе есть. Нашелъ въ лавкахъ продаваемое все, что для пропитанія человѣческаго принадлежитъ, то есть разные хлѣба въ зернахъ и печеные, мяса, птицы, дичь, огородныя разныя овощи и оставшіеся отъ лѣта плоды, яблоки и груши. Касательно до рукодѣлій: сукны, полотна, сапоги, башмаки, рукавицы, шляпы, пуговицы и прочее, и все сіе по большей части продавано было или престарѣлыми солдатами, или женами ихъ. Полюбопытствовалъ я взглянуть на заднія части дворовъ; тамъ увидѣлъ я великія клади хлѣба, а и самое поле все было покрыто копнами, ибо въ сіе время хлѣбъ уже сожинался. Однако, взглянувъ на часы, спѣшилъ возвратиться на мою квартеру къ Агибу, гдѣ я его нашелъ окруженна тутошними офицерами и многими старыми солдатами, которые съ нимъ служили, и здѣсь, увѣдавъ его пріѣздъ, пришли знаки своего почтенія

оказать. Онъ всѣхъ ихъ привѣтствовалъ, воспоминалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ ихъ службы, говоря, чтобы они и дѣтямъ своимъ тоже усердіе къ отечеству, храбрость и повиновеніе, какое они сами имѣли, внушали, и что меня наиболѣе удивило, состояло, что онъ большую часть сихъ стариковъ по именамъ зналъ.

Наконецъ мы выѣхали изъ сего мѣста уже не рано, но какъ дорога весьма хороша, небо было чисто и было полнолуніе, то мы не опасалися, прихватя часть и самыя ночи, ѣхать.

Когда сѣли мы въ нашу повозку, то вскорѣ почтенный старикъ вопросилъ меня: какъ я сіе селеніе нахожу? Я искренно ему отвѣтствовалъ, что оно мнѣ кажется весьма довольно и спокойно для солдатъ, но что у насъ такихъ селеній нѣтъ, для того, что всѣ у насъ солдаты суть вольно набираемы на сроки, незнающіе и нехотящіе прилежать къ земледѣлію, а единственно токмо упражнены къ познанію ихъ воинской должности, а чрезъ самое сіе, яко во все время своей службы сей единый имѣютъ предметъ и до лучшаго познанія оныя достигаютъ.

Агибъ, который примѣтилъ мою похвалу нашихъ учрежденій, паки меня вопросилъ: имѣютъ ли они какое имѣніе яко граждане, ибо—приложилъ—солдатское есть ничто? Я признался ему, что не имѣютъ. Паки вопросилъ: во сколько лѣтъ они входятъ въ солдаты? Отвѣтствовалъ я: что не прежде какъ двадцати лѣтъ. Еще третій онъ учи-

нилъ вопросъ: изъ какихъ людей у насъ набираются солдаты и взираютъ ли на нихъ добрые нравы? Я отвѣтствовалъ: изо всякихъ и никакъ на нравы не взираютъ. А тогда онъ, усмѣхнувшись, мнѣ слѣдующее говорилъ: „Я, примѣтя, что являетесь, превозвышая ваши учрежденія, охулять наши, сдѣлалъ вамъ три вопроса, а самые отвѣты ваши мнѣ и показали, что мнѣ кажутся ваши учрежденія о военныхъ людяхъ хуже нашихъ. Ваши воины ничего не имѣютъ и тако однимъ жалованьемъ день до дня живутъ, слѣдственно не имѣя ни дому ни привязанности къ собственности, они, можно сказать, отрѣзанные люди отъ государства; а потому, по естественному положенію человѣка, могутъ покуситься искать себѣ лучшаго состоянія, не взирая на пользу государства, слѣдственно и можете ли вы понадѣяться на вѣрность ихъ? Они бьются со врагами яко настроенныя машины съ тою храбростію или запальчивостію, какое или порядокъ военный или ярость битвы влагаетъ, а не съ тою твердостію, каковую долженъ имѣть гражданинъ, защищая отечество свое и собственность свою. Солдаты ваши входятъ въ сіе званіе, вы сказали, около двадцати лѣтъ, слѣдственно съ сего только времени и должности сей службы начинаютъ познавать, не приготовленными ни мало ни въ разсужденіи расположенія ихъ мыслей: коль честно воину храбро сражаться со врагами отечества и коль полезно ему исполнять весь по-

рядокъ военныя дисциплины. Не привыкли они и не обучались ни стрѣлянію изъ ружья, ни дѣйствію копьемъ, ни мечемъ, но всему среди службы и другихъ упражненій, пріявъ уже сіе званіе, должны обучаться. Не пріобыкли они ни къ доброму устроенію ни къ ровному шагу, ни къ обращеніямъ, а уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ должны себѣ сію привычку дѣлать. Принимаете вы въ сіе званіе защитниковъ государства людей вамъ незнаемыхъ, а можетъ статься, и поврежденныхъ нравовъ; то, ничего не имѣя, бывъ безъ всякой собственной привязанности къ государству, безъ знанія, привычки, а можетъ статься и безъ добрыхъ нравовъ, могутъ ли они быть толь храбрые, искусные и вѣрные отечеству воины, какъ тѣ, которые все сіе имѣютъ? Можетъ статься, что доброта устроенія вашего, о которомъ вы мнѣ разсказывали, и котораго я и рисунки у васъ видѣлъ, симъ неудобствамъ помогаетъ, но, разсудите, если бы при вашемъ устроеніи и все прочее было соединено, то не учинились ли бы ваши воины совсѣмъ непобѣдимы“?

Я долженъ былъ ему признаться въ истинѣ его заключеній; а какъ я примѣтилъ, что ему не противно было, чтобы я его о многомъ въ разсужденіи состоянія ихъ имперіи распрашивалъ, то я его и спросилъ, какое есть учрежденіе и порядокъ въ разсужденіи сихъ поселеній военныхъ людей, и какъ земледѣльческая жизнь можетъ быть соглашена съ военною службою?

На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ: „Охотно я потщуся вопросъ вашъ полнымъ изъясненіемъ о всемъ отвѣтствовать; и тѣмъ наипаче, что тихая ѣзда сіе позволяетъ, а бывъ въ такихъ разглагольствіяхъ, и дорога намъ покажется короче".

„Я начинаю, первое, съ того: границы наши всѣ вѣрно измѣрены, но по пристойностямъ у насъ построены крѣпости и снабжены довольными гварнизонами и всякими съѣстными припасами на два года, а воинскими для сильнѣйшаго сопротивленія, какое возможно себѣ представить. Сверхъ того, располагая по силѣ и могуществу нашихъ сосѣдей, къ каждой границѣ имѣемъ мы особливое воинство, довольное для безопасной защиты страны, вооруженное и изготовленное такъ, какъ удобнѣе противу того народа дѣйствовать. Сіи войска у насъ слѣдующія: на границахъ Дысвы противу Срапуки, Колипе противу Утрики, противу Дыбипака, противу Запаркоцяда, противу Ціитыка и наконецъ внутреннія, могущія во всѣ страны помощь подать. Посему вы и видите, что у насъ есть двоякія войска, единые неподвижные гварнизоны въ городахъ, а другіе полевые. Гварнизоны у насъ сочинены довольные по нуждѣ городовъ. Первое ихъ установленіе было, какъ видно по нашимъ лѣтописцамъ и древнимъ узаконеніямъ, изъ солдатъ раненыхъ или выслужившихъ урочныя лѣта; но какъ сіи, живъ въ городахъ, поженились, стали имѣть дѣтей, то уже дѣтьми ихъ стали ком-

плектоваться, и чрезъ теченіе многихъ вѣковъ толико умножились, что нынѣ великія селенія составляютъ. Правда, что число военнослужащихъ не прибавилось, а токмо что изъ молодыхъ людей комплектуются, но и другіе, хотя они еще солдатами не называются, но должны носить всѣ одинакіе особливые имъ платья и съ дѣтства, начавъ съ двѣнадцати лѣтъ, начинаютъ ихъ единожды въ недѣлю обучать ружьемъ; а какъ достигнутъ въ степень совершеннаго возраста, который у насъ для гварнизоновъ полагается семнадцать лѣтъ, то окромѣ, что каждую недѣлю они должны учиться ружьемъ, но и каждый годъ весною и осенью собираются по двѣ недѣли въ лагерь, гдѣ ихъ всѣмъ военнымъ обращеніямъ обучаютъ, и сіе продолжается до шестидесяти лѣтъ. Ружья для сего имѣютъ въ магазейнахъ, и каждый начальникъ сотни имѣетъ у себя тѣхъ, которые къ сотни его по происшествію принадлежатъ; въ лагерѣ же начальникъ гарнизона ихъ обучаетъ. Еще для воспитанія ихъ учреждены школы, въ которыхъ не токмо грамотѣ, но и празнымъ грубымъ и умножающимъ силу ремесламъ обучаются; и въ школахъ сихъ они становятся на часы, ходятъ дозоромъ и прочія должности яко солдаты исправляютъ, а чрезъ сіе привыкаютъ ко всѣмъ обращеніямъ военной службы, и когда учинится убылое мѣсто въ комплектѣ, то уже совсѣмъ изученные вписываются, токмо надѣваютъ на нихъ мундиры, и они уже

добрые солдаты суть. Смотрѣніе за сими гварнизонами есть у насъ строжайшее, ибо не токмо начальники городовъ наблюдаютъ, чтобы дѣти гварнизонныхъ солдатъ не пропадали и весь бы порядокъ былъ наблюдаемъ, но ежегодно опредѣляются и надзиратели, которые объѣзжаютъ гварнизоны и въ самыя малѣйшія подробности въ разсмотрѣніе ихъ входятъ. Сіи гварнизоны толико нынѣ умножились, что у всякаго города есть великія слободы, которыя сими дѣтьми населены. Промышляя разными ремеслами—ибо по большей части они всѣ ремесленники—составляютъ пользу городу и сами весьма зажиточно живутъ. И уже нѣсколько тому лѣтъ, какъ правительство, разсматривая великое число сихъ привязанныхъ людей для комплектованія гварнизоновъ и ихъ благосостоянія, положило на нихъ очень малую подать, которая однако нашлася такъ велика, что самые ся гварнизоны содержатся. Изъ сихъ мы окромѣ крайней нужды не беремъ никого въ полевую службу, а токмо находятся въ нашихъ лѣтописцахъ два случая, въ которые государство, бывъ отягощено жестокою войною, нѣкоторое число изъ сихъ употребило въ полевую армію".

„Касательно до полевыхъ нашихъ войскъ, я уже вамъ сказалъ, что у насъ войска по положенію нашихъ сосѣдей раздѣлены. Земля наша пространна, а потому и довольно нашлося пустыхъ земель, дабы вездѣ по пристойности политическаго положенія полки

поселить, а правда читалъ я въ древнихъ запискахъ, что нѣкоторыя пустыя земли и у приватныхъ людей были куплены. До учиненія сего поселенія, войска наши комплектовались взимаемыми съ народа людьми, и бывшія частыя войны, и неженидьба солдатъ, принужденныхъ странствовать и въ мирное время по государству съ перемѣною климатовъ, въ крайнее изнуреніе привели народъ. Усмотрѣно было сіе зло нашими разумными предками, и для отвращенія сего зла, по разнымъ распредѣленіямъ войскъ, каждые, къ той сторонѣ, гдѣ въ случаѣ нужды имъ должно дѣйствовать, были поселены, съ такими учрежденіями: на каждый полкъ отведены были не токмо довольныя, но и излишнія земли. Полки наши, состоящіе въ двѣнадцати ротахъ сотенныхъ съ мушкетами и двумя пушками, были раздѣлены селеніями ихъ на роты, и каждая рота подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, составляла селеніе, а какъ роты наши были только по сту человѣкъ, то умножены они были до ста двадцати человѣкъ. Каждому солдату дана была меньше обыкновеннаго хлѣбопахаря—однако довольная—земля, которую они обязаны стали обдѣлывать; треть же изъ каждой роты, перемѣняяся погодно, производитъ солдатскую службу; а и всѣ должны каждый годъ собираться на три недѣли и обучаться военнымъ обращеніямъ, а во все время, въ каждый мѣсяцъ два раза. Служащимъ по очереди позволено отдавать ихъ землю въ наймы другимъ,

которымъ для сего и неполная дана. Не токмо позволено, но и повелѣно въ полкахъ имѣть приличные мастерства, но больше грубые, яко плотничье, столярное, кузнечное, шляпное, сапожное и подобные. Съ начала учрежденія они три года получали всѣ жалованье и провіанты, и комплектовались взимаемыми людьми съ народа; но чрезъ три года сіе жалованье и провіантъ были отмѣнены, оставлена токмо трети, которая производитъ военную службу, а другимъ на токмо мѣсяцъ, то есть, считая то время, когда они въ ученье военныхъ обращеній упразднены. Что же касается до комплектованія ихъ взимаемыми людьми съ народа, то какъ тогда же учреждено было, что каждый отставленый солдатъ, по выслуженіи урочныхъ лѣтъ, не токмо долженъ въ селеніе его полка возвратиться, но и въ самую ту роту. Дѣтей отъ нихъ весьма умножилось, и учреждено, что, окромѣ крайней нужды—отъ двухъ сыновей у отца брать одного, отъ трехъ одного, отъ четырехъ двухъ въ солдаты. А симъ способомъ служащіе, или лучше сказать записныя солдатъ роты у насъ ни часу не комплектованны не бываютъ; ибо какъ скоро одинъ выбудетъ, такъ скоро изъ той же роты дѣтей солдатскихъ другой берется. Желали наши предки и то учинить, чтобы отвратить всякое злоупотребленіе въ начальникахъ, содѣлать ихъ благосостояніе и побудить службу. А сего ради мы имѣемъ въ каждомъ полку четырехъ начальниковъ, то есть первый и главный, называемый *байратъ*; второй его намѣстникъ, *байратъ-кого*; третій *мамьятъ*, который исполняетъ повелѣніе байрата, и четвертый *мамьятъ-кого*, его товарищъ. Каждый изъ сихъ имѣетъ свою сотню или роту въ полку; а чрезъ сіе другихъ начальниковъ ротъ уменьшается, чрезъ что государство жалованье сохраняетъ, и начальниковъ ротъ, *бараевъ*, бывъ меньше, скорѣе имъ достается въ вышніе чины. Къ тому же начальникъ полка и его намѣстникъ, такъ же всѣ начальники ротъ, имѣютъ въ поселеніи полковъ опредѣленныя земли, которыя служащіе солдаты и дѣти ихъ должны обработывать. Земли сіи расположены такъ, чтобы на начальника полка не болѣе двухъ дней весь полкъ въ году работалъ; чтобы на его намѣстника не болѣе двухъ дней половина полка работала; а начальника роты, не болѣе двухъ дней рота работала; и два начальника не токмо симъ правомъ пользуются въ разсужденіи полка, но и въ разсужденіи роты, яко они начальники и ротъ. Все сіе стеченіе учиняется, что они самыхъ солдатъ и ихъ дѣтей, окромѣ должности по службѣ, но и по самому собственному своему прибытку, считаютъ таковыми, которые имъ самимъ пользу приносятъ, а потому и весьма стараются о размноженіи подчиненныхъ своихъ, такъ что нынѣ есть роты, которыя имѣютъ по двѣсти и по триста человѣкъ, готовыхъ вступить въ службу, если нужда потребуется.—Главное правило нашего правленія есть изъ самыхъ страстей и слабостей человѣческихъ извлекать пользу государству, что въ семъ случаѣ, какъ вы видѣли, и исполнено повелѣніемъ: опредѣленное время работать всѣмъ военнымъ поселянамъ на ихъ начальниковъ, а дабы какое злоупотребленіе не было учинено, то взяты слѣдующія осторожности, которыя за нужное почитаю вамъ сдѣлать примѣтить. Главный начальникъ полка, всегда при ономъ находящійся, наблюдаетъ о благосостояніи ротъ; ротные начальники, а паче мамьятъ и мамьятъ-кого, которые суть ближе чинами къ первымъ начальникамъ, имѣютъ право остановить какіе злоупотребленія въ разсужденіи полка учиненые, а паче въ отягощеніи военныхъ поселянъ; ибо сіе отягощеніе не можетъ и имъ самимъ тягостей не нанести; а къ тому по два раза посылаемые надзиратели съ такою строгостію и точностію изыскиваютъ нѣтъ ли какихъ злоупотребленій, что едва они укрыться могутъ и за малѣйшее укрывшее сіе подвергаются лишенія чина и чести. Самые надзиратели, если они не учинятъ прилежнаго изысканія, а послѣ то откроется, яко нерачивые и учинившіе похлѣбство, судятся. Впрочемъ не думаю, чтобы мнѣ нужно было входить въ подробность изъяснять вамъ всѣ пользы, происходящія отъ такого поселенія полковъ, ибо онѣ есть очевидны; однако я ихъ кратко исчислю: 1) поселенные полки такъ размножились, что, уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ, мы не знаемъ, чтобы съ народа брать людей для укомплектованія полковъ; 2) благосостояніе военныхъ людей содѣлано, ибо они всѣ живутъ съ довольнымъ достаткомъ; 3) не несмышленые и не незнаемые входятъ въ должность солдатскую, но такіе, которые съ самой юности своей привыкали къ военнымъ обращеніямъ, коимъ дѣйствіе оружіемъ, устроеніе, повиновеніе и нужное воину честолюбіе почти природны учинились; 4) не могутъ сіи люди нехрабры и невѣрны быть, ибо окромѣ внушенія имъ сихъ добродѣтелей отъ сосцовъ матерей ихъ, они всѣ имѣютъ собственность и сражаются со врагами обще, яко искусные воины, вѣрные граждане, и защищающіе свое имѣніе; 5) все государство отъ умноженія ихъ ремеслъ и земледѣлія пользу получаетъ; 6) въ случаѣ какого внутренняго безпокойства государственный врагъ вездѣ находитъ укрѣпленные мѣста, ибо, чаю, вы примѣтили, что то селеніе, которое мы проѣхали, окружено валомъ, а наконецъ 7) хотя прилагаются у насъ всѣ попеченія, дабы злоупотребленій не было, и хотя строгіе учреждены наказанія преступникамъ, и хотя можно довольно похвалиться, что добрые нравы въ нашемъ государствѣ толико же дѣйствуютъ надъ народомъ какъ самые законы, однако могутъ случиться злоупотребленіе въ раздачѣ жалованья и съѣстныхъ припасовъ солдатамъ, или неусмотрѣніе въ леченіи ихъ во время болѣзней; а какъ наши солдаты имѣютъ собственность и достатокъ, то почти ни одинъ не выходитъ въ походъ, чтобы не имѣлъ съ собою нѣкоего числа денегъ, которые въ слу-

чаѣ нужды на необходимость употребляетъ, и, повѣрьте мнѣ, что часто таковой ихъ малой достатокъ помоществуетъ къ спасенію жизни многихъ“.

Симъ сей почтенный мужъ окончилъ свою рѣчь, и мы тихою ѣздою продолжали путь свой, даже какъ на третій день, около полудни, пріѣхали въ единый великій градъ, окруженный высокими бойницами, съ пушками на оныхъ и съ глубокимъ водянымъ рвомъ. Врата были желѣзные, и ведущій къ онымъ подъемный мостъ чрезъ ровъ еще былъ защищенъ поставленными пушками.

Понеже я не хотѣлъ безпокоить Агиба моимъ вопросомъ во ожиданіи, что мы скоро пріѣдемъ на квартиру, то токмо его вопросилъ о имени сего города, и онъ мнѣ сказалъ, что сіе есть Габановія, столичный градъ губерніи сего имени. Мы вскорѣ послѣ сего пріѣхали на изготовленную намъ квартиру, гдѣ уже нашли нѣсколькихъ изъ начальниковъ града ожидающихъ Агиба. По первымъ привѣтствіямъ, вышелъ Агибъ и я хотѣлъ идти смотрѣть городъ, но какъ онъ, выходя изъ повозки людямъ своимъ сказалъ, что онъ намѣренъ въ семъ градѣ ночевать, то я и почелъ за лучшее послѣ обѣда идти удовольствовать мое любопытство; а, какъ между тѣмъ временемъ, вышедши офицеръ, находящійся у Агиба, звалъ остаться нѣкоторыхъ изъ пришедшихъ тутъ городскихъ начальниковъ, то я разсудилъ за лучшее употребить сіе время—сдѣлать знакомство съ ними. Сіи на-

чальники были: Губернаторъ города, чинъ который они именуютъ *Преай*, начальникъ гварнизу *Кадиръ* и нѣкоторые другіе, но обще сіе были начальные судьи града.

Домъ, гдѣ мы остановились былъ гостинница; зданіе довольно пространное, ничѣмъ не убранное окромѣ подмазки, и всѣ нужные токмо находящіяся тутъ вещи совершенной простоты были. Мы заняли токмо четыре комнаты, а и въ другихъ также находились стояльцы, ибо дорога сія есть весьма проѣзжая, да и въ самый городъ многіе пріѣзжаютъ.

Отдохнувъ съ полчаса, вышелъ Агибъ и уже приспѣло время обѣда. Сѣдши за столъ, Агибъ распрашивалъ Губернатора о единыхъ вновь дѣланныхъ укрѣпленіяхъ, какой они имѣтъ успѣхъ. Сей случай подалъ мнѣ (поводъ) его вопросить: что развѣ сей городъ подверженъ какой опасности отъ непріятелей, что вижу его огражденнаго толь высокими стѣнами и глубокимъ рвомъ, и слышу, что еще новыя укрѣпленія дѣлаютъ. „Нѣтъ, отвѣтствовалъ мнѣ Агибъ, онъ не болѣе подверженъ непріятельскому нападенію, какъ и прочіе внутренніе грады государства. Но сіе есть у насъ политическое правило, чтобы въ самой нутренности имѣть въ каждой губерніи одинъ или два города укрѣпленныхъ; а въ сей губерніи окромѣ пограничныхъ находится онъ одинъ. Правило сіе основано на сихъ двухъ главныхъ причинахъ. Первая: въ какомъ благополучіи государство ни на-

ходится, хотя оно у насъ двойнымъ рядомъ крѣпостями ограждено, но не можно на неподлинность дѣлъ человѣческихъ полагаться; то въ случаѣ какого несчастія, ежели непріятель войдетъ во внутренность страны, если нигдѣ не будетъ укрѣпленныхъ городовъ, то уже безъ сопротивленія непріятель будетъ свои успѣхи простирать, а государство лишится способа и времени защищаться и новые войска набрать. Вторая: хотя уже тому тысяча пятьсотъ лѣтъ миновало, какъ въ Офирской имперіи ни малѣйшаго бунта и междоусобія не было, но чего не было, а что въ естествѣ не невозможно, то можетъ случиться, то тогда, ежели нѣтъ внутри укрѣпленныхъ градовъ, каждое возмущеніе гибелью государству можетъ угрожать, и весьма трудно его будетъ унять. Вмѣсто того, что укрѣпленные и снабженные войсками грады, не токмо сіи злы, но и самое покушеніе, наводя страхъ, предупреждаютъ“.

Послѣ обѣда спѣшилъ я сдѣлать обозрѣніе городу, и начальникъ войскъ, по обыкновенному учтивству Офирскаго народа, предлагалъ мнѣ сотовариществовать. Я поспѣшилъ первое на великомъ озерѣ портъ, гдѣ видѣлъ множество проходящихъ и множество выгрузяющихся судовъ съ хлѣбомъ, пенькою, желѣзомъ и прочее. И казалось мнѣ: тутъ торговля толико жива и цвѣтуща, какъ въ лучшихъ купеческихъ нашихъ городахъ. Я видѣлъ тутъ множество купцовъ: иные згружаютъ свои товары, иные даютъ наста-

вленіе судамъ, идущимъ въ Перегабъ, иные нагружаютъ лѣсъ и доски для отпуску, наконецъ иные продаютъ свои товары или покупаютъ; и все сіе съ такою скоростію дѣлается, что какъ скоро кто какой торгъ заключилъ, тотчасъ въ лежащую въ единомъ залѣ откровенную книгу подъ стражею единаго писца записывалъ, и сіе, какъ меня увѣряли, было уже всегда вѣрно исполнено. Потомъ посѣщалъ я укрѣпленія градскіе, которые нашелъ на подобіе старинныхъ нашихъ городовъ созданные: стѣны высокія толстыя и съ бойницами, окруженныя глубокимъ рвомъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ онаго находится вода. Проходя по улицамъ видѣлъ: первое, рынокъ наполненный всякими рыбами, тутъ близь ловящими живыми, солеными и сухими, и видѣлъ множество вывѣсокъ всякой желѣзной работы, также столярныхъ мастеровъ. Я нѣсколько удивился великому числу сего рода ремесленниковъ въ семъ градѣ; но вожатый мой сказалъ, что понеже страна сія имѣла нѣкоторые рудники желѣзные, а еще болѣе получая привозимое желѣзо на судахъ, также понеже сія страна есть обильная лѣсами, то множество находится столяровъ и другихъ древодѣлей, которые, производя свои рукодѣлія, отправляютъ оные въ разные другіе города, или гдѣ меньше лѣсовъ или меньше искусниковъ, или они за какими другими обстоятельствами дороже становятся, и правительство, по разнымъ состояніямъ городовъ, такіе ремесла и промысла побуждаетъ.

Многіе во градѣ семъ находятся училища, яко для солдатскихъ дѣтей, для мѣщанъ, для купцовъ и наконецъ для дворянъ, и я надѣялся, что лучшее видѣть просилъ, чтобы меня ввели въ училище дворянское. Я встрѣченъ былъ главнымъ надзирателемъ онаго, и увидѣлъ я тутъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ юношей. Единые учились грамотѣ, другіе ариѳметики и первымъ основаніямъ геометріи, иные рисовать, а другіе наконецъ правамъ ихъ страны. Пересмотря ихъ классы, каждый подъ начальствомъ единаго учителя, введенъ я былъ на пространный дворъ, и многіе юноши пошли за нами; тутъ по разнымъ мѣстамъ расположенныя игры, но всѣ таковыя, которыя могутъ силу и проворство умножить, яко родъ кеглей, которые марами сбиваютъ; сдѣланные цѣли на стѣнѣ, въ которыя мечутъ метательные копья, другія сдѣланные окошки круглые, куда шарами попадаютъ; поставленные на высотѣ знаки, которые броскомъ камнями сбиваютъ. И юноши сіи съ особливымъ проворствомъ и искуствомъ въ играхъ сихъ упражнялися. Откуда я былъ введенъ въ единую великую залу, гдѣ также уже юноши были и производили по гласу трубъ и барабановъ разные танцы съ великими прыганіями, и представляющіе родъ битвы.

Симъ окончились разныя ученія и экзерсиціи денныя сего юношества, но послѣ сего они, бывъ всѣ собраны, должны были въ глубокомъ молчаніи выслушать слѣдующую бесѣду, говоренную, какъ

я послѣ узналъ, единымъ изъ старшихъ учителей и о коего добротѣ нравовъ наиболѣе увѣрены были.

„Се мы, любезное юношество, при благости Всевышняго, окончили исполненіе нашихъ должностей сего дня, служащихъ къ просвѣщенію разума вашего и къ подкрѣпленію вашего тѣла. Подите теперь вкушать покой, который, по благости же Вышняго, ночной мракъ намъ пріобрѣтаетъ. Но прежде нежели сонъ отяготитъ ваши очи и чувства ваши въ нѣкое онѣмѣніе придутъ, размыслите о всѣхъ вашихъ поступкахъ вашего дня и старайтеся, ежели что благо сегодня учинили, завтрашній день еще что превыше содѣлать; если же что худо, отъ того воздержаться; въ обоихъ сихъ случаяхъ призывая помощь Всевышняго, чтобъ иль болѣе процвѣтать въ добродѣтеляхъ и дарованіяхъ, иль получить Его вспомоществованіе отстать отъ вашихъ пороковъ, относя однако всѣ ваши добродѣтели къ благодѣянію сотворившаго васъ, безъ него же ничего человѣкъ не можетъ".

По семъ, кликнувъ по именамъ, похвалилъ нѣкоторыхъ, или за отличные знаки благосердія; другихъ же, назвавъ именами, охулилъ за ихъ поступки, съ таковымъ прибавленіемъ, что понеже три тайные и два предъ малымъ числомъ его собратій учиненные ему увѣщанія ничего въ немъ не воздѣйствовали, то принужденъ ему при всемъ обществѣ укоризну учинить.

По семъ единые юноши подъ пред-

водительствомъ своихъ учителей пошли въ одну сторону, а другіе такъ же — почти каждый, имѣя при себѣ кого зрѣлыхъ лѣтъ человѣка, пошли въ другую сторону. Любопытствовалъ я спросить о семъ, и на сіе мнѣ начальникъ училищъ отвѣтствовалъ, что тѣ, которые съ ихъ учителями пошли, суть тѣ, которые и живутъ въ семъ училищѣ, а которые пошли подъ надзираніемъ другихъ суть тѣ, которые токмо приходятъ учиться, прибавляя, что сіе окромѣ нѣкоторыхъ каждому на волю отдается — жить ли въ училищѣ, или приходить токмо учиться; но токмо они всѣ должны обѣдать въ училищѣ, дабы время переходами не терять, и не могутъ быть инако приняты, что либо сами родители, или кто отъ нихъ приставленный человѣкъ не молодыхъ лѣтъ и хорошаго поведенія долженъ ихъ привести и отвести.

По семъ главный начальникъ училищъ, который близь сего училища жилъ, звалъ меня къ себѣ. Я очень радъ былъ его приглашенію, ибо находилъ чрезъ сіе способъ болѣе узнать о учрежденіи училищъ въ сей странѣ.

По приходѣ моемъ въ его домъ, какъ естественно учтивость требовала, чтобы я его поблагодарилъ за показаніе мнѣ сего училища, также бы и похвалилъ, то сіе и подало мнѣ способъ спросить о учрежденіи училищъ въ ихъ странѣ. Учтивый хозяинъ мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ съ охотою любопытство мое удовольствуетъ и тѣмъ паче считаетъ, что онъ сіе учинить можетъ, что, бывъ не малое время въ главныхъ акаде-

міяхъ потомъ частнымъ надзирателемъ училищъ, нынѣ уже двѣнадцатый годъ находится главнымъ надзирателемъ всѣхъ училищъ сей губерніи.

„Офирское правленіе, говорилъ онъ, особливое имѣетъ прилежаніе о воспитаніи юношества, которое есть у насъ изучить человѣка, и самымъ просвѣщеніемъ его разума учинить ему познать и возлюбить добродѣтель, прилагая при томъ стараніе, чтобы и самые поступки гражданъ были сходственны съ преподанымъ имъ ученіемъ въ ихъ юности. Сего ради и учреждены у насъ училища не токмо въ знатныхъ городахъ, но и въ самыхъ деревняхъ слѣдующимъ образомъ: всякая та округа сельскихъ жителей, гдѣ есть храмъ, тамъ и учреждено училище, и опредѣленъ единый при службѣ храма находящійся отличной добродѣтели мужъ, который даетъ наставленіе юношеству. Сіи училища не простираются до какихъ высокихъ наукъ, а токмо учатъ юношей читать, писать и два катихизма, единый нравственный а другой законной, дабы каждый зналъ, что каждому человѣку позволено или запрещено въ его естественномъ и гражданскомъ состояніи; такъ же дѣлать исчисленія на счетахъ. Каждый поселянскій сынъ, достигшій до пяти лѣтъ, долженъ во всякую недѣлю ходить въ сіе училище по три дни на цѣлый день въ зимніе мѣсяцы. Платежа они за сіе никакого не производятъ, окромѣ, что каждый пришедшій долженъ имѣть съ собою кусокъ хлѣба и что ни есть изъ корней,

что ихъ обѣдъ составляетъ. Ежели же кто достаточнѣе принесетъ что и лучшее съ собою, то долженъ, хотя по малому кусочку, раздѣлить всѣмъ своимъ собратьямъ и симъ къ благоподательству пріобучается. Приходятъ они изъ каждой деревни подъ надзираніемъ какого престарѣлаго мужа, который также ихъ и отводитъ по домамъ. На содержаніе школъ сихъ опредѣляется самый малый сборъ со всѣхъ поселянъ, который, какъ на сію школу, такъ и на женскую, о которой послѣ вамъ скажу, не болѣе приходитъ двухъ пелговъ *), которыя деньги употребляются на книги, на трости для письма и на бумагу, а сверхъ того многіе на содержаніе и самовольно даютъ. Сіе ученіе имъ продолжается до двѣнадцати лѣтъ возраста ихъ. Въ каждомъ же такомъ селеніи, гдѣ есть храмъ, находится другое училище для женщинъ; къ сему опредѣляется единый престарѣлый мужъ, который бы имѣлъ у себя жену не молодыхъ лѣтъ, и обои бы извѣстной добродѣтели были. Въ сіе училище также ходятъ и потомъ же днемъ молодыя дѣвы, также начиная свое ученіе съ пяти лѣтъ, а оканчивая въ двѣнадцать лѣтъ. Все въ училищѣ семъ на такихъ же правилахъ происходитъ какъ и въ мужескихъ, а токмо еще прибавляется, что тутъ же они въ праздные часы употребляются прясть и ткать, и сіе полотно и пряжа продается въ пользу училища.

*) На французскія деньги двѣ съ половиною копѣйки.

Въ каждомъ маломъ городѣ у насъ есть четыре разныхъ училищъ: единое для мѣщанъ и купцовъ мужеска пола, другое для женска пола, третье для дворянъ мужеска пола и четвертое для дворянокъ. Учрежденіе ихъ состоитъ: каждый мѣщанинъ или купецъ, у котораго есть дѣти мужеска пола, могущіе учится, платитъ одиннадцать роповъ *), и посылаетъ дѣтей своихъ съ кушаньемъ на обѣдъ, но если кто хочетъ, чтобы дѣти его и жили въ училищѣ, таковой платитъ пятьдесятъ пять рупъ за каждаго. Сіе есть общее у насъ правило, что никакой юноша безъ надзирателя въ школу придти и изъ школы выйтить не можетъ, а дабы и сіе труда не составило, то въ каждой части города выбираютъ или нанимаютъ немолодаго и добрыхъ нравовъ человѣка, котораго провожатымъ къ юношамъ опредѣляютъ, и тоже и съ дѣвицами дѣлаютъ, избирая для нихъ таковыхъ же похвальныхъ качествъ женщинъ. Колико правительство ни старается дабы каждаго въ благосостояніе привести, но какъ сего невозможно, а потребно есть, чтобы каждому дать просвѣщеніе, то учреждено, что всегда когда девять платятъ по учрежденію, десятый пріемлется безъ всякой платы, какъ въ число приходящихъ учиться, такъ и въ число живущихъ въ училищахъ. Обще ученики и ученицы въ обоихъ половъ училищъ еще окромѣ науки грамотѣ и прочаго обучаются

*) Сіе составляетъ на французскія деньги пятьдесятъ пять ливровъ.

въ опредѣленные между наукою часы, мужескій полъ точить, дѣлать столярную работу и подобное, смотря по обстоятельствамъ, а женскій полъ прясть, ткать, вязать, шить и прочее. Сработанныя ими вещи продаются невысокими цѣнами, и деньги употребляются на содержаніе училищъ".

„По семъ въ каждомъ городѣ есть подобныя же училища для благородныхъ, которые совсѣмъ на томъ же основаніи учреждены, окромѣ что каждый приходящій учиться, платитъ двадцать двѣ рупы, а живущій 110 рупъ, и сверхъ прежде сказанныхъ мною вещей обучаютъ ихъ рисовать, ариѳметикѣ, первые правила геометріи, плясать и дѣйствовать оружіемъ. Но какъ предполагаемъ мы, что дворянину не за чѣмъ торопиться оставить училища, то для сего, и время ихъ ученія продолжаемъ до пятнадцати лѣтъ, сирѣчь до самаго того времени, какъ онъ можетъ уже въ службу государственную быть употребленъ".

„Изъ сихъ мужеска полу выбираемъ, и прежде назначеннаго времени, острыхъ и памятныхъ, и благонравнѣйшихъ, которыхъ съ позволенія родителей, хотя бы и не достигли до пятнадцатилѣтняго ихъ возраста, опредѣляются въ губернскія училища, и они съ самаго того времени уже считаются въ службѣ государства, и яко служащіе, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, получаютъ чины, а опредѣленное отъ казны жалованье имъ отдается на содержаніе школы; въ оныхъ учатъ окромѣ подтвержденія того, что

въ нижнихъ школахъ училисъ, продолжаютъ геометрію, учатъ военную и гражданскую архитектуру, артиллерію, исторію, географію и часть нѣкоторую физики. Въ сихъ школахъ шесть дней преподаютъ науки, но не всѣмъ, напримѣръ, тѣ, которые учатся математики, исторіи, географіи и другимъ наукамъ, которыя въ губернскихъ училищахъ токмо преподаются, тѣ учатся три дни, употребляя другіе три дни учить тѣхъ, которые первымъ основаніямъ наукъ учатся, имѣя еще надзирателя, первое, для того, чтобы прилежно учили, а второе, если гдѣ не могутъ еще ясно истолковать, могли-бъ и сами помощь отъ искуснѣйшихъ людей получить. Ученіе сіе ихъ продолжается до семнадцати лѣтъ, а тогда по наукѣ и благонравію своему нѣкоторые распредѣляются въ разныя должности, въ военную или гражданскую службу, однако подъ присмотръ старшихъ начальниковъ, которые должны за нихъ отвѣтствовать, до двадцати двухъ-лѣтняго ихъ возраста, чтобы сохранена была чистота ихъ нравовъ и чтобы они въ изученныхъ знаніяхъ предуспѣвали. Которые же показываютъ отличную охоту и склонность къ высшимъ наукамъ, тѣхъ отсылаютъ въ разные устроенныя академіи, гдѣ они, получая чины яко служащіе, продолжаютъ свои науки, состоящія въ высшей математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Учители въ губернскія школы—иногда изъ мѣщанъ—присылаются изъ академіи и иногда берутся изъ губернскихъ мѣщанскихъ

школъ. Дѣвицы въ губернскомъ городѣ также имѣютъ и на такомъ же основаніи учрежденныя школы, гдѣ однако ихъ сверхъ городскихъ школъ не учатъ болѣе ничему, какъ токмо ариѳметикѣ, первымъ основаніямъ геометріи, рисовать, шить гарусами и цвѣтить, и нѣсколько домоводству".

„Также учреждены у насъ школы для мѣщанскихъ дѣтей, точно на томъ же основаніи, какъ и для дворянъ, окромѣ, что ихъ наиболѣе стараются обучать ариѳметическимъ исчисленіямъ; въ географіи включены нѣкоторыя статьи, касающіяся до разныхъ отраслей торговли; такожде даютъ имъ нѣкоторое понятіе о торговлѣ. Сіи юноши не прежде семнадцати лѣтъ выходятъ изъ сего училища и по разнымъ мѣстамъ, по желаніямъ ихъ, распредѣляются; единые идутъ въ купечество и въ мастерства, другіе опредѣляются въ писцы въ судебные мѣста, подъ надзираніе старшихъ, нѣкоторые остаются тутъ и становятся подъ надзираніемъ старшихъ сами учителями, откудова они, дабы вновь входящимъ очищать мѣста, берутся въ дворянское училище въ учители же, а другіе, но не прежде двадцати семи лѣтъ, отпускаются въ учители въ дома, кто хочетъ своихъ дѣтей дома воспитывать; а наконецъ прилежнѣйшіе и остроумнѣйшіе отсылаются въ академіи для ученія вышнихъ наукъ, такъ какъ благородные".

„Такое же есть училище и для женщинъ, и въ немъ учатъ, окромѣ ариѳметики, основаній геометріи и другимъ

приличнымъ ихъ полу наукамъ, еще разнымъ мастерствамъ и домоводству, и онѣ тутъ должны быть до семнадцати лѣтъ".

„Я позабылъ вамъ сказать, что во всѣхъ сихъ училищахъ, каждый день оставляется полчаса на преподаваніе и толкованіе нравственныхъ правилъ".

„Хотя у насъ нѣтъ никакого никому понужденія, чтобы дѣтей своихъ отдавать учить въ сіи училища, но каждый можетъ ихъ воспитывать, если имѣетъ достатокъ въ своемъ домѣ; но совсѣмъ тѣмъ ни единый юноша, достигшій въ надлежащія лѣта, быть въ училищѣ не можетъ быть въ него не записанъ, и хотя онъ и не имѣетъ обязанности ходить въ него учиться, но каждый мѣсяцъ должны всѣ они явиться въ училище со своими учителями и быть свидѣтельствованы въ ихъ успѣхахъ, почему и пользуются всѣми тѣми правами, каковые учащіеся въ училищахъ пользуются. Ибо съ единой стороны правительство разсуждая, что никто лучше нравственныхъ наставленій и призрѣнія никто не можетъ содѣлать, какъ родители для ихъ чадъ, однако не отдаетъ совсѣмъ на ихъ волю—имѣть ли или не имѣть попеченія, а къ тому же, понеже въ домашнемъ ученіи нѣсть такого побужденія, каково находится въ училищахъ, то дабы и сіе содержать, ежемѣсячное свидѣтельство юношамъ имъ тужe пользу приноситъ, якобы они учились и въ училищахъ, побуждая ихъ честолюбіе

не токмо сравняться съ тѣми но и превзойти. Самые учители, бояся славу имени своего потерять и не прослыть нерачивыми, прилагаютъ всѣ свои старанія какъ возможно лучше врученное имъ юношество обучать. Учители сіи у насъ для ученія юношества не могутъ быть взяты другіе, какъ тѣ, которые окончили нѣкоторыя науки въ нашихъ учрежденныхъ училищахъ и сами нѣсколько времени другихъ учили, которые притомъ и добрыми нравами отличились; и безпрестанно имѣютъ взираніе училища, чтобы таковые, которые отъ добрыхъ нравовъ развратились, были усмирены, не употреблялись бы въ учители, даже какъ послѣ смиренія нѣсколькими годами исправленіе ихъ засвидѣтельствовано будетъ".

„Таковые учреждени произвели у насъ еще сію пользу, что какъ многіе чадолюбивые родители не хотятъ отдать въ училище дѣтей своихъ, достатокъ же ихъ не позволяетъ имъ всѣхъ учителей имѣть—да едва ли бы и можно было ихъ сыскать—то многіе дома сложася составятъ содержаніе учителямъ, и дѣти вмѣстѣ обучаются, такъ что иногда и въ какой деревнѣ можно найтить таковое самовольное составленное училище, гдѣ даже для губернскихъ школъ опредѣленныя науки преподаются, а въ губернскихъ городахъ такія, гдѣ академическія ученія. Однако правительство за всѣми такими училищами наблюдаетъ, а въ отдаленныхъ мѣстахъ по крайней мѣрѣ единожды въ годъ ихъ должно посѣтить, а въ городахъ

и каждые два мѣсяца, наблюдая чтобы вездѣ благонравіе наблюдалось и чтобы вездѣ по данной методѣ обучаемо было; ибо у насъ не полагается на самопроизволеніе учителя какую методу въ преподаваніи наукъ преподавать, но каждый долженъ слѣдовать той, которая одобрена ученѣйшими людьми государства и предписана училищамъ. Не стѣсняется симъ разумъ учителей, ибо если кто изобрѣтетъ лучшую методу, можетъ ее послать въ академію въ Квамо—тамъ она разсматривается, и онъ конечно чрезъ три луны получаетъ отвѣтъ—либо причины ея отверженія, либо одобренія оной; повелѣніемъ повсюду по оной обучать онъ получаетъ знатное награжденіе. И нынѣ къ намъ прислана метода ученія исторіи, которую сочинилъ единый городовой учитель, и она на разсмотрѣніи опробована была академіей".

„Окромѣ сихъ училищъ имѣемъ мы еще училища въ каждомъ полку, которые вы, чаю, видѣли, какъ они у насъ поселены. Въ сихъ училищахъ, установленныхъ для солдатскихъ дѣтей, даютъ всѣ тѣ наставленія, каковые опредѣлены для сельскихъ училищъ, съ прибавленіемъ, что имъ учатъ катехизмъ о военныхъ обращеніяхъ и о нѣкоемъ родѣ тактики".

„Наконецъ имѣемъ мы многія академіи, гдѣ и вышнія науки преподаются, но какъ вы нынѣ ѣдете въ самое то мѣсто, гдѣ наилучше можете о установленіяхъ оныхъ узнать, то я своимъ разсказаніемъ не буду васъ утруждать".

А тогда, снявъ со стола, подарилъ мнѣ двѣ маленькія книжки, содержащія нравоучительный катехизизмъ и катехизизмъ гражданскій, которые яко весьма короткіе я здѣсь переведя ниже предложу.

По нѣкоимъ краткимъ разговорамъ я спѣшилъ возвратиться къ Агибу, котораго уже засталъ за столомъ; онъ меня пріятно спрашивалъ о всемъ, что я видѣлъ, и хотѣлъ мысли мои слышать о сихъ учрежденіяхъ; во изъясненіи которыхъ не преминулъ я ему искренне похвалить, и мнѣ онъ казался быть симъ доволенъ, а послѣ отошелъ въ свою комнату отдыхать, дабы на завтра ранѣе намъ поѣхать.

Глава II.

Катехизисмы, нравственный и гражданскій, которымъ учатъ юношей въ Офирской имперіи.

Хотя и положено было намъ завтра ѣхать рано, однако я не только поданныя мнѣ маленькія книжки катехизисмы: нравственный и гражданскій прочелъ, но, взявъ перо, зачалъ ихъ переводить. Большую часть ночи я въ семъ упражненіи препроводилъ, такъ что на завтра, когда время пришло ѣхать, меня разбудили; и я другія ночи, гдѣ мы ночевали, въ семъ переводѣ упражнялся, такъ что въ самомъ пути ихъ окончилъ и здѣсь по обѣщанію моему предлагаю.

Катехизизмъ

нравственный Офирской имперіи, которому каждый юноша,

какого бы онъ состоянія ни былъ, долженъ изъучиться, дабы во всю жизнь свою по вѣрнымъ правиламъ нравственной науки поступать.

Часть I.

Должности человѣка относительныя къ вышнему Естеству и самому себѣ.

1. Ничто изъ ничего быть не можетъ. Подумай, и ты увидишь самъ сію истину, что каждая вещь имѣетъ свою причину и начало; слѣдственно и составленіе вселенной, и самое твое естествованіе должно имѣть свою причину и начало; и сіе есть Богъ.

2. Во храмѣ ты видѣлъ надписаніе, которое изъявляетъ главныя силы и свойства Божія; сіи суть: единый, превѣчный, всемогущій, всевѣдящій, правосудный, всеустрояяй, всемилуяй, вездѣприсутствуяй. Сіи именованія суть такія, что едва ли возможетъ смертный человѣкъ изобрѣсти что болѣе для изъявленія всесовершеннаго существа.

3. Понеже ничто не изъ чего происходитъ, а все отъ Создателя, то слѣдственно, что мы пищу одежду и все прочее отъ Бога получаемъ, а потому и должны мы его всегда благодарить и все угодное ему дѣлать.

4. Содѣланіе угодное сему вышнему Естеству составляетъ самую нашу пользу и блаженство, ибо, побуждая его благодѣянія къ намъ, мы часъ отъ часу болѣе оныхъ получаемъ и блаженнѣе становимся.

5. Напротивъ того, никакая власть не можетъ насъ сохранить отъ Его

гнѣва и наказаній, ибо Онъ всемогущъ есть.

6. Не можемъ мы укрыть никакого нашего дѣянія отъ Него, ниже самыхъ нашихъ помышленій, яко Онъ всевѣдящій, а потому, имѣя всѣхъ нашихъ дѣяній въ свидѣтели толь вышнее Естество, и должны дѣянія и мысли наши располагать тако, чтобы мы ни въ чемъ не могли передъ нимъ постыдиться.

7. Мы должны во всѣхъ нашихъ дѣяніяхъ и мысляхъ остерегаться отъ всякаго неправосудія и всегда то дѣлать и желать другимъ, что бы желали и содѣлывали для себя. Взимая однако въ основаніе, чтобы что не было къ отягощенію другихъ, ибо каждый человѣкъ есть гражданинъ міра и не долженъ ничего со вредомъ другихъ себѣ желать, дабы тѣмъ не прогнѣвить правосудія Божія, коему мы должны подражать.

8. Самыя свойства Божія научаютъ насъ имѣть попеченіе, ибо сіе всевышнее Естество, хотя все устрояетъ, но тѣмъ и дастъ побужденіе человѣку трудолюбіемъ и добрыми дѣлами устроять свое благосостояніе, споспѣшествуя онымъ; напротиву же того лѣнивые противятся Его воли.

9. Ежеминутно чувствуя на себѣ милости вышняго Естества, коему не можемъ мы по слабости своей часто супротивное не содѣлать, то сіе самое и должно намъ примѣромъ служить—быть милосердымъ къ подобнымъ себѣ.

10. Понеже справедливость есть не

отдѣльное свойство вышняго Естества, слѣдственно не можетъ ложь Ему быть пріятна, и сего ради блюдися лжи, яко сильнѣйшаго порока.

11. Не для роскоши и обжорства мы созданы, но ради исполненія нашихъ должностей; а роскошь занимаетъ наши мысли, отводитъ насъ отъ полезныхъ упражненій, наводитъ намъ не нужныя нужды и развращаетъ сердце; обжорство же омрачаетъ разумъ и вредитъ здоровью, то сего ради отъ сихъ страстей, яко вредныхъ себѣ и обществу, должно убѣгать.

12. Ты есть человѣкъ, и какими бы преимуществами счастіе тебя при рожденіи не одарило, но не выступаешь изъ роду человѣческаго; а потому если бы ты и первый былъ степенію на свѣтѣ, знай: что поелику человѣкъ —послѣдній человѣкъ тебѣ ровенъ; равнымъ образомъ, если ты послѣдній человѣкъ на свѣтѣ—наивеличайшій царь тебѣ ровенъ по человѣчеству, ибо равно вы родились, равные вамъ суть естественныя нужды, равно болите, равно и умираете, а потому не презирай никого, въ какой бы ты степени ни былъ; поблагодари Бога, давшаго тебѣ излишняго, а всѣхъ нижнихъ себѣ почитай братьями по человѣчеству.

13. Равнымъ образомъ, если ты одаренъ и особливыми отъ Бога дарованіями, благодари Его за Его милости, и относи ихъ не себѣ, но щедротамъ Его, безъ коихъ бы ты ничего не могъ. Меньше же имѣющихъ дарованій не презирай, ибо, разсуди самъ, между со-

вершенствъ человѣческихъ и совершествъ Божiихъ есть неизмѣримый промежекъ. Но между совершенствъ человѣческихъ находится лѣствица, или степени; ежели бы ты и на высочайшей степени стоялъ, а если самаго нижайшаго презришь и восхочешь унижить, то симъ унижаешь и всю лѣствицу, а потому и самаго себя. И тако старайся болѣе научить несмышленаго, наставить неразумнаго, а не презирай его.

14. Не думай, чтобы со всѣми твоими дарованiями, какiя бы ты ни имѣлъ, могъ все познать и все предвидѣть: сiе не дано природѣ человѣческой; а потому принимай благопрiятно совѣты, которые тебѣ и съ меньшими дарованiями человѣкъ будетъ подавать; размысли о нихъ и не стыдись не токмо имъ послѣдовать, но и признаться отъ кого ты сiе благодѣянiе получилъ.

15. Терпѣливо сноси противорѣчiя, ибо какая есть причина тебѣ сердиться за противорѣчiе? Если право тебѣ кто противорѣчитъ, ты долженъ еще того благодарить, что онъ тебя просвѣщаетъ; если же не право, то болѣе долженъ ты сожалѣть о его заблужденiи нежели сердиться.

16. Убѣгай тщеславiя, яко могущаго тебя ввести во многiе проступки, и старайся себя излечить отъ сего зла. Взирая прилежно на себя, то конечно найдемъ толико въ себѣ слабостей, что конечно не будемъ имѣть причины тщеславiя имѣть.

17. Будь склоненъ извинять пороки твоего ближняго, не осуждая его, и воззри прилежно на себя; то, нашедъ и въ себѣ ихъ множество, имѣй тоже снисхожденiе къ другому, въ какомъ нужда тебѣ самому настоитъ.

18. Удержи языкъ твой отъ всякой непристойности и отъ изрѣченiя того, что должно тебѣ таить, ибо откровенiемъ своихъ тайнъ ты подвергаешь помѣшать успѣху своихъ предпрiятiй; а откровенiемъ чужихъ таинъ содѣлываешься тому измѣнникомъ и причиняешь ему вредъ.

19. Воздержися отъ озлобленiй и отъмщенiя, ибо сiе повреждаетъ твое сердце, и разсуди: что ты себѣ позволяешь, то долженъ ты позволить и другому. Если ты будешь озлобленiе и мщенiе противу другихъ имѣть, могутъ и они противу тебя тоже имѣть, и слѣдственно достойно себя подвергаешь ко многимъ зламъ.

20. Размышляй прилежно о всемъ, что хочешь предпрiимать, ибо скорые и неразмышленые дѣла рѣдко хороши бываютъ; и чтобы тебѣ не навлечь чрезъ сiе такихъ дѣлъ на себя, о которыхъ ты будешь тужить.

21. Если, по размышленiи, найдешь какое дѣло худо — не дѣлай его; если и только сомнительно — воздержися, ибо зачѣмъ тебѣ и въ сомнѣнiе — не содѣлалъ ли ты что худое, подвергаться.

22. Относи всеблагiя твои дѣянiя къ милосердiю вышняго Естества, а худые къ твоей слабости. За первые благодари Его, а о вторыхъ проси, чтобы далъ тебѣ помощь воздержаться.

23. Не завидуй ни чьему счастiю,

ибо въ самомъ дѣлѣ зависть твоя лишь тебѣ единому содѣлаетъ вредъ. Къ тому же, что ты, чтобы возмогъ нѣкоимъ образомъ охулять ниспосылаемые дары Божiи? Старайся самъ имъ достоинъ учиниться, а не завистiю своею иначе себя отдалять.

24. Прилагай свое попеченiе каждый вечеръ размышлять о содѣянномъ тобою; суди себя яко строгiй судья, и благодари Бога, что содѣялъ хорошее, остерегайся же и проси его, чтобы далъ тебѣ силу воздержаться, что содѣялъ худое.

ЧАСТЬ II.

Должности человѣка относительно къ обществу.

1. Слабость рожденiя и младенческихъ твоихъ лѣтъ, и повсечастныя твои нужды въ помощи другихъ тебѣ доказуютъ, что ты рожденъ для общества, что безъ общества жить не можешь, что ты силенъ и блаженъ лишь въ общественной жизни становишься.

2. Въ какомъ бы ты состоянiи ни былъ, не думай, чтобы ты былъ властелинъ или рабъ общества, но все есть взаимственно. Царь безъ народа, есть тщетное имя, и невольникъ напротивъ того еще многихъ имѣетъ, которые трудятся о снабженiи его нуждъ.

3. Чѣмъ болѣе общественныя узы связуются, тѣмъ благополучнѣе человѣкъ становится.

4. А потому благодарность и почтенiе къ родителямъ, давшимъ тебѣ жизнь, питающимъ тебя во младости твоей, снабдѣвающимъ твои нужды, должны занимать первое мѣсто твоихъ общественныхъ должностей. Если ты будешь отецъ или мать, не восхочешь ли ты благодарности, любви, почтенiя и призрѣнiя отъ дѣтей твоихъ? Начни же содѣлывать то самъ чего желаешь и прiобрѣти право сего требовать.

5. Единая кровь, отъ единыхъ родителей преданная, текущая въ жилахъ твоихъ братiй и сестеръ, заставляетъ тебя имѣть любовь и уваженье къ нимъ. Ты долженъ сею любовiю изъ почтенiя самому къ себѣ, изъ почтенiя къ родителямъ своимъ, по воспоминанiю вашего вмѣстѣ воспитанiя, по единоимянству вашему и по надеждѣ всегда отъ нихъ взаимственную любовь и услуги имѣть.

6. Распростирай по семъ по самымъ тѣмъ же причинамъ любовь свою и почтенiе къ дальнѣйшимъ твоимъ родственникамъ, не токмо старшимъ лѣтами, отъ коихъ можешь помощь и наставленiе получить, но и старшимъ степенiю, что ты хотя не для нихъ дѣлаешь, такъ дѣлаешь изъ почтенiя къ родителямъ, ибо кто равенъ есть степенiю съ родителями твоими, то почитая его, относишь почтенiе къ самымъ тѣмъ, отъ кого ты жизнь получилъ.

7. По семъ люби своихъ согражданъ всякаго состоянiя, высшихъ и нижнихъ, ибо отъ сословiя гражданскаго составляется государство, и съ согласiемъ оно содержится, и въ немъ вящше тебя пекутся о важныхъ вещахъ твоего

благосостоянія, а и нижніи трудами своими многіе спокойства тебѣ пріобрѣтаютъ.

8. Почитай старшихъ себя, ибо въ почтеніи старыхъ найдешь многому научиться, если бы и разумъ ихъ меньше быстроты твоей былъ, но испытаніе ихъ чинитъ, что они должны надъ тобою имѣть преимущество. А къ тому подумай, что воздаваемое тобою почтеніе престарѣлымъ людямъ, когда самъ достигнешь старости, тебѣ отъ другихъ заплотится.

9. Ты живешь; родители и предки твои жили или живутъ; они тебѣ дали рожденіе, малое или большое состояніе тебѣ приготовляютъ; ты обучаешься; ни гладъ, ни холодъ, ни хищные звѣри, ни злодѣи-человѣки жизни твоей не отняли. Кому ты за все сіе обязанъ? Отечеству, которое бдило о тебѣ, когда ты еще былъ въ слабости младенчества, которое, во время ночнаго твоего успокоенія, есть стражъ твой, и которое о всякомъ благѣ твоемъ печется. То не долженъ ли ты его любить, и усердіемъ твоимъ къ его службѣ показать твою признательность. Ибо будь увѣренъ, что всякое благо, которое ты съ пользою отечества имѣешь, есть долговременно и преходящее на самое потомство твое, до дальнѣйшихъ родовъ; всякая же та польза, которую ты съ нарушеніемъ пользы его можешь получить, есть недолговременна—никогда на потомство не преходитъ, а мало которые и наконецъ жизни своей имъ пользуются.

10. Чтобы любить отечество – не можно чтобы не любить своихъ согражданъ, ибо самое отечество не въ однихъ земляхъ, волахъ, лѣсахъ и болотахъ состоитъ, но и въ жителяхъ въ немъ, а сего ради, елика сила твоя есть, старайся помогать твоимъ согражданамъ. Да не отречется никто своимъ состояніемъ; ибо нѣсть состоянія такого, въ которомъ бы не можно было пользу согражданамъ своимъ приносить. Если ты будешь вельможа—пекися о счастіи народномъ; ежели ты судья—воздавай безпристрастно правосудіе; если ты воинъ—защищай съ безстрашіемъ смерти отечество и согражданъ; если ты земледѣлецъ—приложи попеченіе твое обдѣлывать землю пропитай себя, свое семейство, излишнимъ учиняй довольство твоимъ согражданамъ; если ты купецъ произведи со справедливостью торгъ доставленіемъ вещей, также обращеніемъ монеты составляй пользу всѣмъ чинамъ; если ты ремесленникъ, употребляй твои труды къ лучшему искусству для удовольствія имѣющихъ въ немъ нужду, и прочее.

11. Кто любитъ свое отечество, тотъ любитъ его и законъ; будь твердый послѣдователь оныхъ, положи себѣ въ предметъ никогда отъ нихъ не отступать и размысли, что если все по законамъ исполняется, то каждый, въ томъ числѣ и ты, имѣетъ вѣрное правило, по коему поступать; но если законы ослабѣютъ, то ничья жизнь, ни имѣніе не могутъ быть безопасны. Не надѣйся, если ты силою или какимъ случаемъ ослабишь для себя законы; въ другое время тоже ослабленіе законовъ воздѣйствуетъ надъ тобою, и ты самъ претерпишь тоже зло, которое другимъ ослабленіемъ законовъ учинилъ.

12. Любленіе отечества и законовъ предполагаетъ любленіе порядка, а порядокъ требуетъ начальниковъ и подчиненныхъ; а потому: какого бы ты состоянія ни былъ, если ты подъ начальствомъ, люби и почитай твоихъ начальниковъ, ибо сіи суть предпоставлены для устроенія твоея безопасности и блаженства; сіи избраны яко достойнѣйшіи и болѣе свѣдѣнія имѣющіи, а потому и симъ уже преимуществуютъ надъ тобою. Ежели ты начальникъ, то знай, что начальство тебѣ дано не для тебя, но для ради подчиненныхъ тебѣ. Ты пользуешься выгодами предъ другими, употреби же лишній трудъ для содѣланія спокойства и блаженства подчиненныхъ тебѣ; не возгордись величествомъ твоего сана, ибо и санъ тебѣ данъ для пользы общества и отъ общества, то какъ ты можешь, общимъ или части того, что тебя возвысило, презирать? Не великоумствуй, думая, что разумъ и испытаніе твое учиняютъ тебя не имѣть нужды ни въ совѣтахъ, ни въ представленіяхъ. Сколько бы ты не имѣлъ дарованій, сколько бы ты трудолюбія ни прилагалъ—всего тебѣ познать не можно, ни разумы другіе твоимъ разумомъ не загашены; а для сего не токмо благопріятно принимай, но и ищи совѣтовъ: они часто тебѣ въ многотруднѣйшихъ вещахъ помогутъ, и самое пріятіе ихъ содѣлаетъ честь, какъ сердцу, такъ и разуму твоему; сердцу—что толь оно хорошо расположено, что совѣты не отвергаешь; а разуму— что умѣешь разбирать хорошіе съ худыми, и первыми пользоваться, ибо знай: что не меньше дѣлаешь чести принять и исполнить хорошій совѣтъ, какъ самому изобрѣтателемъ быть.

13. Бѣги роскоши и будь трудолюбивъ, ибо первое отягчаетъ разумъ, ослабляетъ крѣпость духа, приводитъ въ разореніе домъ и повреждаетъ здоровье, а напротиву того второе сопротивляется всѣмъ симъ зламъ и возвышаетъ человѣка.

14. Будь скроменъ и молчаливъ въ дѣлахъ и въ обхожденіи. Всякая наглость въ человѣкѣ чинитъ его почитать, яко бы онъ требовалъ предпочтеніе предъ другими, а сіе самое дѣлаетъ его ненавидима, ибо рѣдко кто другому въ разумѣ хочетъ уступить, рѣдко кто чтобъ много зналъ, а чѣмъ кто совершенно не знаетъ—утвердительно говорить не должно, а кто сіе будетъ разсуждать, тотъ не можетъ быть не многоглаголивъ.

15. Храни ввѣренные тебѣ таинства; если то государственные, то открытіе ихъ тебя содѣлываетъ врагомъ отечества и измѣнникомъ; если ввѣренные тебѣ отъ кого посторонняго, то дѣлаетъ тебя вреднымъ ему и не достойнымъ впредь никакой повѣренности, а въ обоихъ случаяхъ безумнымъ болтуномъ.

16. За удовольствіе почитай содѣлать кому благодѣянія, ибо для общества человѣкъ родился, и самому ему

благодѣянія другихъ нужны быть могутъ.

17. Не хвастайся благодѣяніями, учиненными тобою, самъ являй благодарность, кто тебѣ ихъ содѣлалъ, а не требуй отъ другихъ благодарности себѣ. Не гордость и пышность должны быть побужденіемъ къ содѣланію благодѣяній, но желаніе утвердить наипаче узы общества—то чѣмъ тебѣ и хвастаться, что ты сдѣлалъ какое благодѣяніе? ибо содѣлалъ токмо свою должность, и развѣ толь самое исполненіе твоей должности тебѣ въ диковинку, что и самъ ты тому дивишься, а посему хвастовство твое ничего болѣе не знаменуетъ, какъ худое расположеніе твоего сердца. Когда благодаришь ты за содѣланное собою тебѣ благодѣяніе, тогда возвратнымъ образомъ хочешь и слабыхъ—побудить исполнять сей долгъ, связующій людей, и достоинъ хвалы, ибо елико можешь къ благотворенію побуждаешь. Но сдѣлалъ ты благодѣяніе и требуешь благодарности, то тѣмъ показуешь, что ни красота дободѣтели, ни чувствуемая тобою нужная связь людей, ни мягкосердіе твое къ содѣянію добраго дѣла тебя побудили, но родъ прибытка, который ты хотѣлъ имѣть; ты учинился продавцомъ того, что естество и добродѣтель продавать запрещаютъ, а жалобою твоею, потерявъ товаръ, потерялъ и должную цѣну за него.

18. Однако какъ въ благодѣяніяхъ, такъ и во всѣхъ твоихъ поступкахъ, да будетъ справедливость—непремѣнное

правило, направляющее поступокъ твой. Будь справедливъ не токмо въ разсужденіи твоихъ друзей, но и въ разсужденіи самыхъ твоихъ злодѣевъ. Въ разсужденіи твоихъ друзей: для того, что ты тѣмъ наиболѣе ихъ повѣренность и почтеніе пріобрѣтешь, а въ разсужденіи непріятелей: что ты тѣмъ превозможешь ихъ злобу. Если ты содѣлаешь какую несправедливость другимъ для угожденія друзей твоихъ, то самые твои друзья могутъ подумать, что ты и имъ какую несправедливость можешь содѣлать, для тѣхъ кого болѣе любишь; и наконецъ не хочешь ты, чтобы тебѣ кто сдѣлалъ несправедливость, не дѣлай и самъ се другимъ.

19. Не будь корыстолюбивъ; разныя состоянія разныхъ издержекъ требуютъ. Если состояніе твое есть знатное, то довольствуйся тѣмъ, что ты законно можешь пріобрѣсти, а тѣмъ заслужа повѣренность и почтеніе отъ всѣхъ, еще улучшишь свое состояніе, не ввергаясь въ корыстолюбіе. Если бы и не имѣлъ довольнаго достатка, чтобы по твоему состоянію жить, уменьши твое житье, ибо лучше сохранить душу здраву и сдѣлать себя почтительнымъ, нежели въ пышности и самолюбіи жить. Ежели твое состояніе есть низкое, то старайся своими трудами пріобрѣсти себѣ довольное для житья, не кидаясь на излишнюю корысть, потому что, если примѣтятъ тебя корыстолюбивымъ, всѣ тебя будутъ опасаться, и ты и послѣдніе способы къ прожитку твоему потеряешь.

20. Храни свое слово; глаголъ намъ данъ для того, чтобы объяснять свои мысли, а потому и должны слова наши съ сердцемъ нашимъ соглашаться, но когда ты не будешь хранить своего слова, вѣщаніи твои будутъ тщетные звуки, коимъ никто не повѣритъ.

21. Повинуйся законамъ; всѣ законы составлены для пользы общества, они ту безопасность охраняютъ, слѣдственно и нужны каждому. Но если ты самъ имъ не повинуешься, возможешь ли требовать, чтобы они тебя защищали, ибо ты первый право тревать ихъ защищенія нарушилъ, а безъ защищенія ихъ, что ты въ обществѣ будешь?

22. Ни въ шуткѣ, ни для нужды—не лги, ибо вѣщаніи наши должны быть согласны съ нашими мыслями, а когда примѣтятъ въ тебѣ ложь, никто тебѣ не будетъ вѣрить, и ты съ дарованіемъ глагола, яко нѣмъ останешься.

23. Почитай вельможъ и правителей государства, ибо тѣ бдятъ о безопасности его и твоей, но не простирай твоего почтенія до раболѣпности; ибо ничто не можетъ болѣе самихъ ихъ повредить, какъ раболѣпность окружающихъ ихъ; а потому ты съ тягостію и съ порокомъ, будешь единъ изъ содѣвателей какъ изъ защитниковъ злодѣями государственными учинить—а какъ ты составляешь часть государства, слѣдственно долго ли коротко—и твоими.

24) Не будь скупъ въ твоихъ знаніяхъ, но охотно ихъ сообщай другимъ, ибо ты самъ отъ другихъ знанія твои

получилъ; заплати же долгъ, которымъ тебя другіе одолжили и долгъ тебѣ безубыточный, ибо, сообщая твои знанія другимъ, ты ничего не теряешь.

25. Будь ревнивъ къ твоимъ правамъ, но безъ упрямства; не уступай ихъ по напрасну, ибо сіе разрушаетъ основаніе государства, но когда, по основательнымъ правамъ имперіи будетъ разсуждаемо, и найдется, что должно ихъ благу общему пожертвовать, не скорби, хотя бы тебѣ собственно и тягостно было, ибо конечно сія тягость есть гораздо легче, нежели та, которую ты претерпишь въ общемъ разрушеніи отечества.

26. Почитай и люби своего государя, но чтобы почтеніе и любовь твоя къ нему состояла не въ тщетномъ раболѣпствѣ и не въ надеждѣ получать отъ него награжденіе, но въ благѣ, которое ты отъ него всему обществу ожидаешь, въ увѣреніи твоемъ, что онъ всегда склоненъ дѣлать добро, подчинять желанія свои установленнымъ законамъ и внушать истину, ибо откудова бы его власть не происходила, во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ первое обязательство быть полезенъ обществу, которымъ правитъ.

27. Люби твое семейство, но не такою любовію, чтобы все пожертвовать ему. Ты можешь часть твоего времени, имѣнія и трудовъ употребить къ его благосостоянію, но не труды чужіе и не благо государства, ибо первое есть твое, а второе не твое.

28. Старайся воспитывать твоихъ

дѣтей на правилахъ благоправія; не укрывай отъ себя ихъ пороки, не кажи отмѣны однимъ предъ другими, дабы и не сдѣлать ихъ худыми, когда ты хочешь ихъ сдѣлать лучшими, и не сдѣлать ихъ врагами между собою, къ отягощенію старости твоей и съ поврежденіемъ ихъ нравовъ.

29. Однимъ словомъ, при всякомъ случаѣ помни, что ты человѣкъ и гражданинъ, а потому елико человѣкъ во всякомъ случаѣ помощь другихъ тебѣ потребна, старайся же и самъ полезенъ быть другимъ; а поелику гражданинъ—все твое благоденствіе состоитъ отъ соединенія общества, то воздавай ему за всѣ блага, которыя отъ него получаешь.

Катихизмъ законовъ.

1. Дабы человѣку жить въ обществѣ, должно ему имѣть правилы почему поступать, безъ чего ежеминутно подвергнется къ ошибкамъ. Сіи правилы суть законы той страны, въ которой онъ живетъ. Старайся познать оные.

2. Не могутъ инако хорошіе законы быть сочинены, какъ съ воздаяніемъ за добрыя дѣла и съ наказаніемъ за злыя, то зная, что законъ добромъ и худомъ почитаетъ, старайся получить воздаяніе и избѣжать наказаній.

3. Не жалуйся на видимую тебѣ иногда тягость законовъ, ибо законодатели могли имѣть такія виды при сочиненіи ихъ, а лишь бы законъ удо-

бенъ былъ ко исполненію, то уже онъ не труденъ становится.

4. Понеже каждая минута жизни нашей и каждая ощущаемая нами вещь показуетъ бытіе вышняго Естества и Его къ намъ благодѣянія, то не токмо по правиламъ, преданнымъ намъ отъ предковъ нашихъ, долженъ ты имѣть почтеніе къ Нему, но также и по законамъ гражданскимъ, опасаясь за богохуліе быть содержанъ яко безумный, а за разсѣваніе богохульныхъ глаголовъ, яко бѣшенный быть заключенъ.

5. По Богѣ мы должны къ родителямъ нашимъ имѣть почтеніе: за рожденіе, за презрѣніе въ нашемъ младенствѣ и за воспитаніе. Нарушившій же сію священную должность почитается безумнымъ и недостоинъ становится ни владѣть своимъ имѣніемъ, ни жениться, ни женатый воспитывать своихъ дѣтей.

6. Соединеніе обществъ не могло быть безъ начальника; и первый образецъ думамъ должно отцы родовъ сему начальству показали, а поелику власть родительская и невозможность жить безъ начальника въ обществѣ отъ самаго естества человѣческаго происходитъ, то должны мы сію власть, яко отъ Бога происходящую, почитать. А сего ради люби, почитай и будь вѣренъ своему государю, однако всегда зависимо отъ государства, и знай, что учиненное тобою покушеніе на его жизнь, или на какой вредъ здоровью его, наказуется смертною казнію, а

всякое ругательство ему—заключеніемъ на три года.

7. Сказано, что любовь, почтеніе и вѣрность твоя къ государю должны быть зависимы отъ государства, то есть отъ сношенія государя съ государствомъ; и потому и самая первая твоя любовь и вѣрность должна быть государству, и знай, что всякое дѣло, которое ты содѣлаешь въ измѣну и къ явному вреду государства, наказуется не токмо смертною казнію, но и самымъ лишеніемъ тѣла твоего погребенія, и затменіемъ имя твоего, которое потомки и единоплеменные твои должны будутъ перемѣнить, яко носящее имъ стыдъ.

8. А сего ради будь остороженъ въ вѣщаніяхъ твоихъ предъ государемъ, искрененъ въ твоихъ совѣтахъ, и знай, что каждый, слышавшій отъ тебя что противное пользѣ и благу государства, имѣетъ право влечи тебя предъ вышнее судище, и ты по важности лжи или неискренности совѣта наказаніе претерпишь, но самое меньшее—отлученіе отъ царскаго двора на немалое время, а можетъ сіе и до самаго всенароднаго тебѣ безчестія дойтить.

9. Страшись и передъ вельможами что подобное учинить, ибо и они суть правители государства, и въ справедливыхъ ихъ мнѣніяхъ зависитъ благо онаго, то и имъ обманъ учиненный или неискренно данный совѣтъ можетъ вредъ государству нанести, а потому и къ подобному же прежнему наказанію тебя подвергнуть.

10. Остерегайся, чтобы не умертвить человѣка, ибо ты самъ собою никому жизни дать не можешь, то не долженъ ее по страсти какой и отнимать, и знай, что за умышленное убійство ты долженъ жизнію своею заплатить, а и за самое неумышленное безъ строгаго наказанія не останешься.

11. Остерегайся всякой драки, чтобы не быть тебѣ зачинщикомъ или соучастникомъ, окромѣ развѣ для разъему, или для спасенія слабаго, весьма сильными одолѣваемаго. Въ противномъ же случаѣ, ты, по мѣрѣ содѣяннаго тобою вреда, претерпишь наказаніе.

12. Всякое воровство и похищеніе да будетъ тебѣ омерзительно, и стремися, что за каждое такое дѣло ты долженъ будешь воздать вдвое и еще претерпишь наказаніе; въ случаѣ же невозможности твоей за плату учинить, ты долженъ будешь тяжкою работою сіе заработать, хотя бы она и по конецъ жизни твоей продолжалась.

13. Не захватывай ни у кого тебѣ не принадлежащаго, бывъ увѣренъ, что законы не оставятъ тому возмездія учинить, состоящее по размѣрности вещей вдвое что ты сдѣлалъ убытку съ тебя взыщутъ, и тебя еще, яко захватчиваго человѣка, предъ народомъ укорятъ, а по повтореніи и вящіе тебѣ учинятъ наказанія.

14. Требующему отъ тебя помощи не откажи, если то тебѣ безъ тягости возможно, ибо законы наши опредѣляютъ: если ты съ ущербомъ и тяго-

стію себѣ помощь учинилъ, хвалою и даваемыми преимуществами тебя почесть; если же возмогъ, но помочи не учинилъ, то не токмо при каждомъ таковомъ твоемъ поступкѣ учинить тебѣ воспоминаніе о должности твоей человѣка и гражданина, но и записать сіе во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имя твое находится, яко немилосердаго человѣка, что во всѣхъ твоихъ дѣлахъ вредъ тебѣ будетъ наносить.

15. Держи свято твое условіе, съ кѣмъ бы ты его не заключилъ, ибо если ты судомъ принужденъ будешь ѳное исполнить, то сіе исполненіе навлечетъ тебѣ убытокъ, который ты долженъ будешь обидимому и для пользы бѣдныхъ излишній заплатить; и при другихъ условіяхъ будутъ объявлять тѣмъ, съ кѣмъ ты заключаешь, чтобы они осторожнѣе съ тобою поступали.

16. Не вчинай никакихъ тяжебныхъ дѣлъ безъ разсмотрѣнія и безъ пристрастія, внушая даваемые тебѣ совѣты отъ миротворнаго судбища, ибо, вошедши въ дѣло по неразсмотрѣнію или по какому пристрастію, не токмо ты претерпишь убытокъ отъ обвиненія тебя, но и пеню заплотишь, что не послушалъ даваемыхъ тебѣ наставленій.

17. Во всѣхъ купляхъ твоихъ и продажахъ, гдѣ требуются приказные дѣянія, убѣгай, чтобы не принуждать ничего двоесмысленнаго, темнаго и излишняго, наполненнаго многословіемъ написать; ибо знай, что если ты по сему будешь имѣть какое притязаніе съ твоей стороны, то разумъ написанныхъ словъ,

поелику возможно будетъ толковать въ пользу отвѣтчика, а хотя бы ты и оправданъ былъ, за ученіе сего заплатишь пеню.

18. Не будь жестокъ къ твоимъ рабамъ; служащихъ тебѣ не оставь безъ довольнаго пропитанія и одежды; живущихъ на твоихъ земляхъ не отяготи излишними податьми и работою, и не оскорби ихъ жестокими наказаніями; ибо правительство на все сіе имѣетъ присмотръ и обличеннаго тебя въ таковыхъ безпорядкахъ лишитъ управленія твоихъ имѣній.

19. Ежели для кого, что дѣлаешь, содѣлывай то съ такимъ тщаніемъ, чтобы тотъ жаловаться на тебя не могъ; въ противномъ случаѣ, не токмо принужденъ будешь то передѣлать, но и пеню заплотишь. Равнымъ образомъ не лиши и дѣлателя мзды его, ибо и дѣлатель въ справедливости своей чрезъ правительство принудитъ тебя себя удовольствовать и со излихвою, за время его ожиданія и ходьбы.

20. Дѣли имѣніе дѣтямъ своимъ по законамъ, не давая преимущества одному предъ другимъ, распредѣляя каждую твою дочь въ половину противу твоего сына, ибо тщетно сіе ты учинишь—законы то передѣлаютъ.

21. Не тщися разумными подложными укрѣпленіями учинить обмана законамъ, ибо если сіе найдется, не токмо законъ испровергнетъ твои вымыслы, но и о тебѣ обнародуетъ, что ты есть тотъ, который обманомъ положеніе закона разрушити хотѣлъ.

22. Старайся познавать законы твоего отечества, коль они многочисленные ни есть, дабы самому по невѣдѣнію не впасть въ проступокъ, и дабы другимъ не дать воспользоваться невѣдѣніемъ твоимъ.

Глава III.

Продолженіе пути въ Квамо и пріѣздъ во градъ Тервекъ.

На завтра мы продолжали свое путешествіе, проѣзжали нѣсколько градовъ и поселеній воинскихъ людей, гдѣ ничего особливо примѣчательнаго я не видалъ, окромѣ школъ въ городахъ, о коихъ нѣсколько выше упомянулъ, и учрежденій въ поселеніяхъ, описанныхъ мною выше же; но по пяти дней тихаго путешествія пріѣхали мы въ городъ Тервекъ. Подъ градомъ симъ протекаетъ великая рѣка Голва, но въ семъ мѣстѣ она еще не получила ни великой широты, ни глубины, ради близости къ своей вершинѣ, однако уже есть судоходна; градъ сей не губернія, а сказываютъ, что прежде тутъ было губернское правленіе. Пространствомъ онъ не великъ и жители его не богаты. Мы, переѣхавъ великій деревянный мостъ, ѣхали еще гораздо далеко городомъ и за городъ, на французскую мѣру около полумили, къ единому старому пріятелю Агиба, который близь города сего имѣлъ деревни и коему обѣщалъ Агибъ на возвратномъ своемъ пути заѣхать. Проѣзжая сей градъ, весьма я удивился видѣть множество пустыхъ мѣстъ, заваленныхъ развали-

нами каменнаго строенія, видѣть дома низкіе, которые по строенію своему ясно являли, что они были содѣланы изъ высокихъ, а иные были и такіе, что половина дома унижена и въ ней живутъ люди, а другая высокая часть развалинами остается.

Не могъ я удержаться не вопросить Агиба, что конечно сей градъ претерпѣлъ какое разореніе, что вижу я его толь многимъ числомъ развалинъ наполненнымъ? „Нѣтъ, отвѣтствовалъ мнѣ Агибъ—онъ нынче въ лучшемъ состояніи, нежели былъ тогда, когда всѣ сіи зданія были возвышены и когда развалинъ сихъ не было“. Примѣтилъ онъ мое удивленіе и послѣдовалъ слѣдующими словами: „Я думаю, что во время вашего путешествія вы могли примѣтить, что хотя богатства и роскоши въ народѣ нѣтъ, но нѣтъ и бѣдности, то чего же бы ради сему граду отличну быть отъ другихъ бѣдностію своихъ жителей? Вы, думаю, согласитесь со мною, что не великолѣпныя зданія и не тщетная пышность благосостояніе народное составляютъ, но умѣренность и довольствіе въ естественно нужныхъ вещахъ. Пышность нужды умножаетъ и при обильствѣ чинитъ народъ бѣднымъ, а сіе самое въ семъ градѣ и было, когда онъ почитался наилучше устроеннымъ въ нашей имперіи. Я думаю за полезное разсказать вамъ исторію сего града. Единый изъ нашихъ древнихъ государей, именуемый Кастаръ, былъ властолюбивъ, честолюбивъ, роскошенъ и пышенъ, съ присоединеніемъ

совершеннаго незнанія о обстоятельствахъ государства. Онъ любилъ строенія, мня несправедливо, что кучи камней, складенныя искуствомъ зодчихъ и каменьщиковъ въ порядокъ приведенныя, не взирая на тягость народа, вѣчную ему содѣлаютъ славу. Проѣзжая часто изъ Перегаба, гдѣ онъ жительство имѣлъ, въ Квамо, мѣстоположеніе сего града ему полюбилось, и онъ вздумалъ изъ него великолѣпный градъ соорудить. Не взирая ни на способы къ промысламъ, ни на достатокъ жителей — ибо всего сего не доставало и близость града Квамо отнимало способы мелочнаго торгу — повелѣлъ изъ стяжанія короннаго всѣмъ каменные дома строить, одолжая тѣхъ, кому таковые дома были построены, въ нѣсколько лѣтъ издержки сіи заплатить. Строители, болѣе угождая волѣ государской, нежели взирая на состояніе жителей, строили для каждаго дома, превосходящіе достатокъ ихъ для содержанія оныхъ, да и въ самомъ дѣлѣ хотѣли сдѣлать градъ великолѣпный; а могло ли тутъ быть великолѣпіе, гдѣ царствуетъ бѣдность, могли ли тутъ быть палаты въ два или три жилья возвышенныя, гдѣ по состоянію жителей надлежало быть хижинамъ? Тщетно граждане плакали и вопіяли; по неволѣ имъ дома построили, учиня ихъ и болѣе должными по разнымъ злоупотребленіямъ, нежели и самые дома стоили. Заставили ихъ въ нихъ жить, отапливать, принудили по срокамъ деньги платить и въ пущее разореніе граждане привели. Тщетно послѣ учредили

тутъ губернію, наполнили судьями сей градъ. Малая, происходящая прибыль симъ гражданамъ, не могла замѣнить убытки содержанія самыхъ сихъ домовъ, и, не взирая на всѣ принужденія, дома уже тогда безъ крышекъ, безъ окончинъ не починены оставались и уже стали развалины представлять. По счастію сего града вскорѣ послѣдовала счастливая перемѣна въ нашемъ правленіи, великимъ Сабаколомъ причиненная: оставили людямъ искать своего спокойствія по мѣрѣ своего достатка; унизились сіи зданія и пышностію престали казать болѣе достатка, нежели онъ есть. Отъ сего, правда, что зданія пришли въ упадокъ, но люди лучшее состояніе себѣ получили; а посему и не согласитесь ли вы со мною, что сей градъ, представляющій нынѣ по большей части развалины, есть благополучнѣе, нежели онъ прежде былъ, когда сіи зданія, возвышенные деспотичествомъ, тщетнымъ славолюбіемъ и безуміемъ, въ цѣлости пребывали".

Принужденъ я былъ искренно на то согласиться, и онъ послѣдовалъ: „не подумайте, чтобъ одинъ сей градъ въ нашей имперіи въ такомъ состояніи былъ; если вы будете имѣть время поѣздить по Офирской имперіи, то множество найдете такихъ, иже суть памятники безумнаго царствованія и тщетной пышности Кастара. Онъ подлинно построенными вездѣ зданіями пріобрѣлъ себѣ славу, но славу разорителя народа и безумнаго правителя".

Съ таковыми разговорами доѣхали

мы до деревни того друга Агибова, гдѣ онъ имѣлъ намѣреніе отдохновеніе имѣть. Подъѣзжая къ дому, въѣхали въ алею, насажденную рябинами въ два ряда, которая насъ привела къ весьма посредственному домику, въ два этажа содѣланному, самой простой архитектуры; тутъ на крыльцѣ встрѣтилъ насъ единый почтенный старикъ, покрытый сѣдинами, но окромѣ, что имѣлъ одну ногу на деревяницѣ, являющійся сохранять довольную бодрость и ради сего увѣчья былъ поддерживаемъ единой среднихъ лѣтъ прекрасной женщиной. Тутъ же насъ встрѣчала еще единая весьма престарѣлая женщина, поддерживаемая двумя женщинами, единой середнихъ лѣтъ, а другой еще въ младыхъ лѣтахъ, блистающей всѣми красотами, каковыя природа можетъ произвести — и видѣлъ еще нѣсколько прекрасныхъ дѣвицъ и нѣсколько младыхъ обоего пола дѣтей. Агибъ былъ принятъ съ великою ласкою отъ всей сей семьи, но я примѣтилъ, что онъ при ласкѣ своей показывалъ почтеніе къ престарѣлому мужу и къ его супругѣ, сей престарѣлой женщинѣ, о которой я упомянулъ. Онъ, облобызавъ ихъ всѣхъ, представилъ меня, сказывая кратко мою исторію, и похваляя мои достоинства и свѣдѣнія во многихъ нужныхъ наукахъ. Я тотчасъ былъ всею сею почтенною семьею обласканъ. А Агибъ мнѣ говорилъ: сей почтенный мужъ, въ коего домъ я васъ привезъ, былъ другъ отца моего, я подъ нимъ первыя лѣта моей молодости служилъ, онъ меня наставлялъ въ юности моей,

и я сохраняю навсегда память какъ дружбы его съ моимъ родителемъ, такъ и собственно за оказанныя мнѣ благодѣянія. Да — обернувшись къ нему говорилъ — если я имѣю какія достоинства, которые меня учинили быть годну къ службѣ отечества моего, не обинуяся скажу, что первыя сѣмена оныхъ отъ васъ я получилъ. Старикъ улыбнувшись сказалъ: по крайней мѣрѣ добрая земля вамъ принадлежитъ. Послѣ такихъ взаимственныхъ привѣтствій введены мы были въ комнаты, гдѣ чистота и простота содѣлывали всѣ украшенія. Тамъ вскорѣ мы сѣли за столъ, который съ такою же простотою былъ изготовленъ. Во время стола два почтенные старика разговаривали много между собою, напоминая знатныя бывшія дѣянія; а по самыхъ ихъ разговорахъ я позналъ, что сей престарѣлый мужъ назывался Бадіосъ-воса, былъ знатнаго рода, бывъ еще не съ большимъ тридцати лѣтъ, имѣлъ начальство надъ полкомъ, но въ бывшемъ единомъ сраженіи былъ весь израненъ, грудь его была пробита копьемъ, голова изрублена, нога также проколота, которую у него и отрѣзали, и за сими онъ ранами принужденъ былъ просить увольненія; не могъ же за частыми болѣзнями его головы принять на себя и гражданскую службу, а для сего, отдаляся отъ столицы, препровождалъ уже шестьдесятъ тому лѣтъ жизнь свою въ сей своей деревнѣ. Окружающія его женщины, та, которая поддерживала его, была его внука, дочь дочери его, въ

супружествѣ за единымъ военачальникомъ, который былъ тогда въ отсутствіи, а двѣ, поддерживающія его супругу, также были его внуки, единая въ супружествѣ за однимъ начальникомъ полка, а другая его правнука, еще дѣвою; младые же дѣти также иные были его или внучаты или правнучаты, и всѣ они пріѣхали около сего времени посѣтить своего родоначальника.

По окончаніи стола оба старика пошли каждый въ свои комнаты, а я нѣсколько остался со старшею его внукою, отъ которой чрезъ разговоры узналъ, что супругъ ея и сестры ея были въ отдаленныхъ областяхъ имперіи, и что престарѣлая чета, въ домѣ которыхъ я находился, лишилися всѣхъ дѣтей своихъ, хотя и многочисленное имѣли потомство, а токмо остаются имъ внучата и правнучата, изъ коихъ, указавъ на двухъ юношей, сказывала, что сіи были сыновья внука почтеннаго старца, который нынѣ вмѣстѣ съ ея супругомъ находится въ войскахъ въ единой отдаленной области. Она много меня распрашивала о нашихъ обычаяхъ, а паче о обхожденіи женщинъ и ихъ удовольствіяхъ и о упражненіяхъ, и какъ выговорилъ я, что не прилагаютъ у насъ большаго попеченія ихъ изучить, и притомъ слыша, что ихъ жизнь по большей части проходитъ въ праздности и исканіи удовольствій, не могла удержаться, чтобы не оказать своего сожалѣнія, что толь великая часть рода человѣческаго у насъ къ невѣжеству осуждена, что лишены они способовъ въ уединеніи, если когда непреоборимыя обстоятельства ихъ къ тому принудятъ, найтить самимъ въ себѣ удовольствіе, и что при воспитаніи дѣтей своихъ во всѣхъ наставленіяхъ принуждены полагаться на наемныхъ. Не подумайте, государь мой, продолжала она, чтобы женщины Офирскія инако были составлены какъ и ваши; мы также въ молодости любимъ веселіе, украшеніи и прочее. Даваемыя намъ наставленія намъ тягостны кажутся; я сіе и по собственному моему испытанію говорю, но коль юности моей неудовольствія мнѣ стали сугубо заплачены, когда разумъ мой получилъ зрѣлость свою отъ лѣтъ; когда пріятности младости стали увядать, когда, вступя въ супружество, должна была принять правленіе на себя дома; когда по тѣмъ же обстоятельствамъ, не малую часть жизни моей должна препровождать въ уединеніи, и наконецъ когда должна стала прилагать мои попеченія о воспитаніи дѣтей моихъ. Тогда то я узнала, колико просвѣщеніе спомоществуетъ спокойствію жизни.

Я удивился ея словамъ, разуму и и произношенію, но она, не принимая токмо какъ съ холоднымъ видомъ мои похвалы, предлагала мнѣ—не хочу ли я, пользуяся хорошимъ временемъ, видѣть сады и другія заведенія родителя ея. Охотно я съ такимъ хорошимъ товарищемъ согласился, и она, вышедъ на часъ, привела съ собою свою прекрасную дочь, которую я видѣлъ поддерживающую супругу нашего почтеннаго хозяина, и вмѣстѣ мы трое пошли сперва въ садъ.

Садъ былъ не просторенъ, не было въ немъ ни прямыхъ дорогъ, ни шпалеръ, но деревья были посажены какъ случилось, и узенькія дорожки перевивались между плодовитыхъ деревьевъ. Назвалъ бы я сей садъ англинскимъ, если бы тутъ было все сіе собрано—неплодовитые для единой красы и роскоши посаженые деревья, были бы тутъ и луга стриженые, которые коврами называютъ, и все что Англичане а у нихъ вся Европа, извыкшая наиполезнѣйшія вещи портить, перенявъ у Китайцевъ, которые по многонародію страны и недостатку земли полезное содѣлываютъ. Тутъ не было ничего такого: деревья и кусты насажденные представляли рощу, взаимствующую токмо красоту свою отъ доброты деревьевъ и кустовъ и отъ хорошаго ихъ содержанія; подъ деревьями по большей части находился лугъ, служащій для снятія сѣна; узкія протоптаны дорожки были не для того, чтобы кружася почти съ одного мѣста не сойтить, но чтобы, не топтавъ травы, доходить до деревьевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были пустые мѣста, гдѣ разныя овощи на грядахъ были насажены. Небольшой протекающій ручеекъ извивался въ семъ саду; ни чѣмъ онъ былъ не обдѣланъ, но какъ природа его содѣлала, такъ онъ межъ камней и по песку текъ съ тихимъ журчаньемъ, имѣя нѣкоторыя бочешки, служащія для взиманія воды—поливать. Ни развалинъ, ни храмовъ пустыхъ, не кстати содѣланныхъ, ни горокъ не было. Но было одно содѣлано возвышеніе, котораго скатъ падалъ къ сѣверу, и на семъ скатѣ были посажены вишневыя деревья для скорѣйшаго поспѣванія; находились тутъ нѣкоторые роды бесѣдокъ или шалашей, на четырехъ столбахъ содѣланныхъ, съ простыми лавками для отдохновенія и дабы укрыться отъ дождя садовникамъ; другія были со стѣнами для сохраненія плодовъ и ради иногда отдохновенія гуляющимъ, а всѣ токмо для самой нужды построенныя. Она подчивала тутъ меня оставшимися еще на деревьяхъ яблоками, грушами и сливами; хотя плоды сіи всѣ въ сравненіи нашихъ были легки, но я нашелъ въ нихъ весьма хорошій вкусъ. Ходя тако по саду, достигли мы къ густому непроходимому насажденію, на полуденной сторонѣ учиненному изъ елей и кедровъ, которые толь тѣсно были насажены, что на нѣсколько сажень ширины непроницаемую стѣну составляли. Сіе, яко пріятная моя предводительница мнѣ сказывала, было сдѣлано для сохраненія сада отъ хладныхъ и вредныхъ полуденныхъ вѣтровъ. За садомъ мы вошли въ пространное загорожденіе, гдѣ стояло множество скирдовъ хлѣба, тутъ были сушильни для сушенія онаго, близко сараи для сохраненія мякины, двѣ вѣтряныя мельницы и житницы. Мы отъ сего мѣста алеею, насажденною рябинами, пошли къ дому. Тутъ увидѣлъ я единое зданіе, вокругъ котораго было не малое

число народу обоихъ половъ. Вопросивъ о семъ у моей проводницы, она мнѣ сказала, что се есть домъ прикащика деревни, а толпа народа—тѣ бѣдные, которые въ сей день (ибо одинъ назначенъ день въ недѣлѣ) получаютъ жалованье и хлѣбъ на пропитаніе себѣ. Любопытство мое весьма было побуждено спросить какіе сіе люди и какой образъ сей раздачи? Она мнѣ говорила, что всѣмъ меня охотно удовольствуетъ. «Три рода суть сихъ людей; единые суть дряхлые и престарѣлые, другіе одинокіе, но многосемьянисты, или многосемьянистыя вдовы; третіи суть сироты и престарѣлые, могущіе еще нѣкоторыя работы содѣлывать. Отецъ мой, бывъ не богатъ, опредѣлилъ нѣкоторое число денегъ и хлѣба для помощи бѣдныхъ, раздѣляя сіе по разнымъ степенямъ. Изъ оныхъ первые дряхлые и престарѣлые получаютъ, не требуя отъ нихъ никакого возмездія. Вторые—одинокіе, но многосемьянисты и многосемьянистыя же вдовы должны и съ дѣтьми своими исполнять нѣкоторыя легкія работы, яко женщины прясть ленъ, пеньку и волну, полоть въ огородѣ; за все они довольную и сверхъ труда ихъ плату получаютъ; третія—сироты и престарѣлыя, могущія также нѣкоторыя работы исполнять, также къ симъ работамъ опредѣляются, или стеречь въ саду или что легкое, съ довольною же платою, чтобы не токмо имъ пропитаніе было, но чтобы и оставалось, ибо—приложила она—правило нашей земли, которому

и родитель мой послѣдуетъ есть, что нѣсть то благодѣяніе, что можетъ человѣка въ облѣнчивость привести». Я не могъ не похвалить сего разумнаго и человѣколюбиваго учрежденія, но она мнѣ холоднымъ образомъ сказала, что сіе большой чести отцу ея не дѣлаетъ, ибо рѣдкая есть деревня, гдѣ бы подобное благодѣяніе не исполнялось; правда, что на сіе нѣсть никакого учрежденія государственнаго, но обычай изъ давныхъ лѣтъ толь вкоренился, что почтутъ недостойнымъ общества того помѣщика, который много ли или мало таковыхъ благодѣяній не творитъ; и сіе учиняетъ, что во всей пространной имперіи Офирской нѣсть никого нищаго, и часто самые желающіе дѣлать благодѣянія не могутъ сыскать нужныхъ, кому бы оное содѣвать.

Причина сія довела меня говорить о учрежденіи нашихъ гошпиталей, сиротскихъ домовъ и домовъ для отставныхъ. Съ сими разговорами мы продолжали наше гуляніе, мимоходомъ зашли на конскій, скотскій и овечій дворы хозяина, гдѣ видѣлъ я все въ порядкѣ, но ничего особливо примѣчательнаго тутъ не было, и наконецъ возвратились мы въ домъ, гдѣ уже нашли нашихъ престарѣлыхъ мужей сѣдящихъ, такъ какъ и вся семья, вокругъ очага; а дабы сіе показать что такое, яко отъ обычаевъ зависящее, у Офирцовъ въ комнатѣ пріемной, смотря по пространству оныя дѣлается очагъ съ отверстіями на всѣ стороны, на которомъ они возгнѣтаютъ огонь, а въ

зимнее или осеннее время, какое тогда было, часто вокругъ сего огня сидятъ.

Какъ скоро мы вошли въ сію комнату, хозяинъ, вставъ, меня обласкалъ, подчивалъ меня садиться возлѣ себя, повелѣлъ мнѣ подать изъ благовонныхъ травъ сдѣланнаго питья и пенялъ своей внукѣ, что она меня замучила, водя, тогда когда надлежало бы взять успокоеніе. Я ему изъяснялся, что не токмо гулянье сіе за трудъ себѣ считаю, но, напротиву того, оно мнѣ великое удовольствіе приключило, и что я благодарю любезную его внуку за трудъ, который она приняла меня водить, хвалилъ его садъ, учрежденіе о бѣдныхъ и прочее. Послѣ сего пріятная моя предводительница говорила: „я весьма сожалѣю ежели гуляньемъ навела вамъ трудъ, но примѣчая изъ васъ удовольствіе въ томъ, его я болѣе для васъ нежели для себя продолжала. А какъ и вы сами чистосердечно сказали, что сіе вамъ труда не сдѣлало, то я еще осмѣлюся понахалиться и вамъ новый трудъ сдѣлать. Онъ состоитъ, чтобы вы окончили разсказаніе ваше, которое вы зачали о благоподательныхъ учрежденіяхъ, которые у васъ содѣланы, что уповаю какъ любезный дѣдъ мой, такъ и всѣ прочіе, охотно восхотятъ выслушать“. Почтенный старикъ приложилъ къ тому свою просьбу, и я началъ имъ подробно разсказывать о всѣхъ гофшпиталяхъ, которые видалъ я въ Парижѣ, а именно что называется Отель Дье, или Божій домъ; о гофшпиталѣ слѣпыхъ, о гофшпиталѣ неизлѣ-

чимо больныхъ, о сиропитательномъ домѣ и наконецъ и о домѣ отставныхъ.

Съ вниманіемъ выслушавъ мои слова, Бадіонъ мнѣ говорилъ слѣдующее: „не могу я воздать довольной хвалы тѣмъ добродѣтельнымъ приватнымъ людямъ и царямъ, которые толь полезные и человѣколюбивые учрежденія содѣлали, но каждая страна имѣетъ свои обстоятельства и положенія, а потому многое изъ сихъ нѣсть удобно ко исполненію въ нашей странѣ, а другія есть и не нужны. Позвольте мнѣ — продолжалъ онъ, — во первыхъ подивиться, что я вижу изъ разсказаній вашихъ, что бóльшая часть сихъ заведеній обращаются въ пользу городовъ, а о сельскихъ жителяхъ мало пріемлется попеченія, ибо, разсудите, какъ больнаго, въ немаломъ разстояніи находящагося, вести въ называемую вами больницу Божій домъ, не подвергши его, а паче въ нашемъ холодномъ климатѣ, къ смерти? Какъ изъ дальняго разстоянія, въ нашемъ климатѣ, нести младенца въ сиропитательный домъ? Всегдашнее пребываніе во градѣ, да и въ столичномъ, великаго числа отставныхъ не причиняетъ ли жителямъ дороговизны и имъ уменьшенія содержанія, и еще можетъ статься можно найтить нѣкоторыя затрудненія. Но я не съ тѣмъ зачалъ говорить, чтобы охулять сіи учрежденія; да воздастся напротиву того достойная хвала и вѣчная память да пребудетъ сихъ благодѣтельныхъ учредителей, хотя и могли они ошибки содѣлать, какъ по

самой слабости человѣческой, такъ и по стеченію обстоятельствъ“.

„Чтоже касается до нашей имперіи, я вамъ разскажу, какія на сіи предложенныя вами случаи для благодѣтельства человѣкамъ содѣланы учрежденія. Мы нигдѣ такихъ огромныхъ больницъ не имѣемъ, какъ сказываете вы, какія у васъ учреждены, а которыя и есть, въ тѣ не очень больныхъ, коихъ болѣзни слѣдствій имѣть не могутъ, ни тѣхъ, которые могутъ имѣть призрѣніе въ своихъ домахъ, безъ платежа не принимаютъ. И тако, первое въ каждомъ городѣ, смотря по величеству его, учреждены больницы, въ которыя принимаютъ людей на слѣдующихъ основаніяхъ: каждая часть города имѣетъ своего лѣкаря, который имѣетъ должность ежедневно осмотрѣть всѣ дома, находящіеся въ его части; изъ сихъ онъ назначаетъ такихъ, которые, или тяжко занемогли, или имѣютъ начало болѣзни, могущую имѣть слѣдствіе, и изъ сихъ таковыхъ, которые дома не могутъ имѣть призрѣнія; о сихъ немедленно главнаго лѣкаря больницы увѣдомляетъ, который тотчасъ пріѣзжаетъ самъ или кого присылаетъ осмотрѣть сихъ больныхъ и могущихъ быть везенныхъ въ больницу, туда отвозятъ, а понеже жестокость нашего климата есть такая, что иногда и перевезеніе сихъ больныхъ опасно для жизни становится, то для таковыхъ опредѣляются смотрители изъ больницъ, даже какъ могутъ быть туда безъ опасности отвезены, и частный лѣкарь ихъ

лѣчитъ такъ, какъ и другихъ лечить обязанъ, безъ всякой платы, ибо содержаніе его дано и трудъ заплаченъ отъ государства. Подобное сему у насъ и исполняется въ деревняхъ,—всякій буіонъ (станъ) имѣетъ своего лѣкаря, который еженедѣльно дѣлаетъ подобные же осмотры и надлежащихъ въ больницу, учрежденную гдѣ въ селеніи буіона, отсылаетъ. Недалеко и отъ моей деревни есть такая учрежденная больница, и я весьма желалъ, чтобы ее перевести къ себѣ, ибо считалъ бы за богоугодное дѣло о страждущихъ въ болѣзняхъ приложить мое попеченіе, но какъ у насъ добронравіе свыше всего почитается, то хозяинъ той деревни, хотя человѣкъ и молодой, мнѣ въ томъ спорилъ, не хотя уступить болѣе двусотъ лѣтъ въ домѣ его пребывающее право надзирать сію больницу и благодѣнія равнымъ себѣ дѣлить, и самымъ симъ пріобрѣлъ похвалу отъ всѣхъ. Простите мнѣ, если я истину вамъ скажу, что у васъ изъ одной гофшпитали напрасно двѣ содѣланы, то есть, одна неизлечимо больныхъ, а другая слѣпыхъ. Мнѣ кажется и лишеніе зрѣнія человѣку есть жестокая болѣзнь. У насъ нѣтъ никакой такой гофшпитали, но рѣдкій изъ насъ—помѣщиковъ находится, который бы не старался взять къ себѣ на содержаніе какого увѣчнаго или неизлечимо больнаго, которыхъ со всѣмъ возможнымъ попеченіемъ содержать. Раздѣленныя сіи люди на множество желающихъ ихъ взять, не токмо тягости государству не дѣлаютъ, но,

уповаю, лучше содержаны и побуждаютъ къ благонравію. Старость лѣтъ моихъ побуждаетъ меня болѣе къ благодѣтельству, нежели кого другаго, и я насилу могъ сыскать двухъ человѣкъ увѣчныхъ и больныхъ, которыхъ яко дѣтей своихъ содержу; толь у насъ стараются симъ бѣднымъ призрѣніе дать. Домовъ для отставныхъ офицеровъ и солдатъ у насъ нѣтъ, ибо, по узаконеніямъ, каждый, выслужа надлежащее число лѣтъ или получа рану, имѣетъ часть или и полное свое жалованье, такъ какъ и я по ранѣ моей получаю, и слѣдственно имѣютъ свое благосостояніе и свободу; а солдаты съ жалованьемъ же отходятъ въ поселенные свои полки и тамъ до конца жизни своей проживаютъ. Я не знаю покажутся ли вамъ наши обычаи, но я думаю, что вы уже могли примѣтить, что у насъ много нравы дѣйствуютъ, а потому и нѣтъ нужды правительству законами предписывать или дѣлать какія учрежденія“.

Я признаюся, что бывши рожденъ и воспитанъ въ Европѣ, живши во Франціи и привыкши почитать, что все просвѣщеніе лишь у насъ находится, каждая вещь, что я видѣлъ и все что я слышалъ, меня въ удивленіе приводило и жалѣлъ я о заблужденіи нашихъ европейцовъ, что они себя толь высоко предъ другими возвышаютъ. Здѣсь видѣлъ я простую природу и здравый разсудокъ, доведшій ихъ до такой степени познанія гражданскихъ нравственныхъ правилъ и до точнаго исполненія ихъ, что они во всемъ наи-

ученѣйшіе европейскіе народы превышаютъ. Слѣдствія разсказанія о моемъ путешествіи еще болѣе сіи истины докажетъ; я же возвращаюсь къ продолженію моего путешествія.

Мы пробыли у Бадіоса два дни. Въ третій день по утру Агибъ, простяся со слезами съ Бодіосомъ, считая оба по старости ихъ лѣтъ сіе свое свиданіе послѣднимъ въ ихъ жизни, поѣхалъ въ путь свой, а мы, по четырехъ дневномъ продолженіи пути нашего, пріѣхали въ Квамо — столичный городъ имперіи Офирской.

Глава IV.

Пріѣздъ писателя въ Квамо, описаніе сего столичнаго города и нѣкоторыхъ учрежденій.

Не доѣзжая еще около двухъ миль до Квамо, начали намъ оказываться великолѣпные верхи башенъ сего города, которые единые были позлащенные, другіе же разными красками расписаны; множество каменныхъ зданій, бѣлѣющихся среди великаго числа деревянныхъ, тѣмъ самымъ великолѣпнѣе являлись. Сей градъ былъ построенъ въ единой долинѣ, отъ которой пологіе возвышенія во всѣ стороны на довольное пространство простирались, а сіе чинило, что онъ со всѣхъ сихъ высотъ весьма изрядно видимъ былъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе нежели на двѣ льё французскіе. Сквозь него не весьма большая, однако судоходная, рѣка Квамо протекала, и нѣкоторыя другія небольшія рѣчки, но вода особ-

ливо въ рѣкѣ Квамо была отмѣнной доброты, и самая нѣжная рыба въ ней жила. Я первый разъ, когда пошелъ обзирать сію рѣку, удивился великому употребленному иждивленію для обдѣлыванія камнемъ всѣхъ ея береговъ; но мнѣ на сіе сказали, что сія самая рѣка, которой я хвалю чистоту воды и которая есть наиздоровѣйшая, была та, которую въ прежніе времена достаточные люди мерзили пить, и часто она болѣзни производила; по долгомъ претерпѣніи сего града отъ скудости воды, наконецъ признано было, по легости воды и по нѣжной рыбѣ, живущей въ ней, что сія рѣка естественно имѣетъ воду весьма хорошую, но она повредилась отъ малаго попеченія о чистотѣ ея и отъ согніенія великаго числа лѣса, пригоняемаго по ней, какъ для строенія, такъ и для топки въ семъ холодномъ климатѣ; а тогда брега рѣки одѣлали камнемъ, опредѣлили мѣсто для стоянія плотовъ ниже города, да и тутъ ископали яко прудъ въ берегахъ, куда лѣсъ заводить, дабы стержень воды всегда чистъ оставался, и рѣка учинилась столь чиста и вода толь пріятна, какъ я ее вижу, а также и другія рѣки были обдѣланы камнемъ, и вычищены ихъ болотистые дны, вездѣ по улицамъ были покопаны колодези, ибо взиманіе воды изъ единыхъ рѣкъ за дальностію тягостно гражданамъ по великому пространству было.

Вмѣстилъ я сіе здѣсь немного прежде, ибо говоря единожды о сей рѣкѣ, уже

вторично возвращаться къ сему не хотѣлъ, а теперь продолжаю повѣстіе нашего путешествія. Агибъ нарочно велѣлъ немного остановиться, чтобы дать мнѣ насытить взоры мои на великолѣпіи сего града и обозрѣть прекрасныя окружности его, а наконецъ мы пріѣхали въ оный около вечера, по нашему счету Апрѣля 10 числа.

Наконецъ мы въѣхали въ городъ Квамо, который есть смѣшеніе огромныхъ каменныхъ домовъ, множества деревянныхъ и великаго числа хижинъ. Въ проѣздѣ нашемъ по улицамъ видѣлъ я множество построенныхъ лавокъ, единыхъ особливо, другія подъ домами, а иныя яко родъ шалашей, и вездѣ въ оныхъ торговля нужными вещьми производилась. Тако мы, проѣхавъ многія улицы, наконецъ достигли до дому Агибова.

Сей домъ былъ великолѣпный, по обычаю царства Офирскаго, ибо въ немъ токмо считается въ великолѣпіе величина дома, понеже никакого не терпятъ внѣшняго архитектуры излишняго украшенія, но единая простота и симетрія оное составляетъ. На крыльцѣ мы были встрѣчены сыномъ его, человѣкомъ имѣющимъ болѣе сорока лѣтъ и уже употребленнымъ на сей годъ въ военный совѣтъ съ чиномъ Бей-каги, иже есть третьей степени въ государствѣ, также супругою его и дѣтьми, и нѣкоторыми другими ближними его родственниками. По вшестіи въ палаты, нашелъ я все такой же простоты, какъ видѣлъ въ Перегабѣ, а единая

чистота и хорошее расположеніе составляло все великолѣпіе сего дома.

Я послѣ увѣдалъ, что самый сей домъ, былъ не его, но коронный, въ которомъ онъ жилъ по чину своему, а сынъ его Бей-каги жилъ въ той же улицѣ въ своемъ домѣ. Агибъ мнѣ тотчасъ велѣлъ отвести въ своемъ домѣ пространныя комнаты, куда я и ушелъ, и, чувствуя великую усталость, извинился нейтить ужинать.

Коль путешествіе наше ни было спокойно, но оно ли, или холодный воздухъ, который уже весьма мнѣ, привыкшему человѣку жить въ жаркихъ климатахъ, учинили, что я на завтра не въ состояніи былъ выдти удовольствовать свое любопытство смотрѣть города, но пробылъ почти въ постели до полудни, а тогда пошелъ я къ столу къ Агибу, который уже извѣстенъ былъ о худомъ моемъ здоровьѣ. Онъ наиласкательнѣйшимъ образомъ меня спрашивалъ о моемъ здоровьѣ, и какъ я ему сказалъ, что я чувствовалъ нѣкоторое безпокойство, но оно прошло. Онъ показалъ свое удовольствіе, представилъ меня своему сыну, о которомъ я сказалъ, что онъ въ тотъ годъ находился въ военномъ совѣтѣ; настоящая же его служба была въ артиллеріи, яко я могъ примѣтить изъ самаго его платья, которое было верхнее чернаго цвѣта, съ бѣлымъ подъ низомъ платьемъ и на груди вышита была пушка, между трехъ сосновыхъ шишекъ—такъ же и его супругѣ, которая была дочь байдара-коло, то

есть хранителя законовъ. Они оба меня весьма привѣтствовали, и такъ пришло время обѣда, я съ ними сѣлъ за столъ; вдругъ Агибъ, усмѣхнувшись, мнѣ сказалъ, что онъ позабылъ важнѣйшее обо мнѣ приказать, то есть, что зная мое любопытство осмотрѣть городъ, опредѣлить мнѣ повозку, въ которой ѣздить, и тотъ же часъ приказалъ, чтобы одна всегда готовая къ повелѣніямъ моимъ была.

Однако я, тотъ день чувствуя въ себѣ слабость, не пошелъ смотрѣть города, и сіе мнѣ подало случай ознакомиться со многими и получить лучшія удобности все видѣть, ибо какъ я выше сказалъ, что изъ почтенія учиненныя посѣщенія въ землѣ Офирской бываютъ послѣ полуденъ въ назначенный часъ.

Въ назначенный часъ великое число знатнѣйшихъ особъ города съѣхались къ Агибу. Тутъ были байдаръ-коло, хранитель законовъ, тесть сына Агибова, Генералъ-Губернаторъ города, предсѣдатель военнаго совѣта, совѣтники хранилища законовъ, и множество другихъ, которыхъ всѣхъ съ великою ласкою Агибъ принялъ, и представилъ меня имъ, прося имъ спомоществовать мнѣ, удовольствовать мое любопытство, и къ удивленію моему услышалъ я отъ Генералъ-Губернатора, что онъ уже получилъ повелѣніе отъ Императора, чтобы старался мнѣ показать все то, что есть достойное любопытства, или что я видѣть возжелаю, и, оборотяся ко мнѣ, сказалъ, что

онъ уже изготовилъ человѣка, который будетъ ходить и ѣздить повсюдова со мною для показанія и на завтрашній день явится ко мнѣ поутру, дабы быть въ моихъ повелѣніяхъ. Я весьма его благодарилъ, и какъ сей, такъ и всѣ другіе, коимъ я былъ представленъ, звали меня къ себѣ обѣдать, когда я удобное время безъ безпокойства себѣ найду.

Я подлинно опредѣлялъ на завтрашній день ѣхать смотрѣть города и другихъ достопамятныхъ находящихся вещей, но Агибъ тотъ вечеръ мнѣ сказалъ, что онъ намѣренъ на завтра ѣхать во дворецъ и представить меня Императрицѣ и ея дѣтямъ, а для сего и совѣтовалъ еще день погодить для удовольствія моего любопытства.

Глава V.

Представленіе писателя предъ Императрицу и ея дѣтей.

На завтрашній день, переговоря съ присланнымъ ко мнѣ офицеромъ отъ Генералъ-Губернатора, о достойныхъ любопытства вещахъ въ городѣ Квамо; остальную часть утра препроводилъ я съ Агибомъ, съ нимъ вмѣстѣ отобѣдалъ, и онъ, по маломъ успокоеніи послѣ обѣда, прислалъ меня къ себѣ звать чтобы ѣхать во дворецъ къ Императрицѣ, которая обыкновенно по нашему счисленію въ пять часовъ выходитъ.

Поѣхалъ я съ Агибомъ во дворецъ, который былъ построенъ въ срединѣ самаго города, на берегу рѣки Квамо; окруженъ онъ былъ высокими каменными стѣнами съ бойницами; самый же дворецъ былъ пространное зданіе или, лучше сказать, собраніе разныхъ зданій, единыхъ отъ другихъ отдѣленныхъ разными архитектурами и разной величины построенныхъ. При въѣздѣ же находился великолѣпный храмъ, гдѣ обыкновенно Офирскія Императоры пріемлютъ корону и дѣлаютъ присягу народу своему; примѣтилъ я нѣсколько возвышенныхъ зданій между непорядочной сею кучею палатъ, и какъ спросилъ я Агиба о нихъ, онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сіи были молитвенные храмы, ибо Императоръ Офирскій, его супруга и дѣти имѣютъ обязанность ежедневно ходить для моленія въ храмъ, то, для спокойствія ихъ, опые внутри дворца, единый для Императора другой для Императрицы, единъ для дѣтей ихъ мужеска пола, другой для женска, единый для братьевъ Императора и единый для сестеръ созданы, которые каждые онъ мнѣ указывалъ верхи. Не могъ я не удивиться пространству строеній дворца, и на сіе Агибъ мнѣ сказалъ, что онъ не токмо пространенъ но и тѣсенъ, ибо тутъ окромѣ, что Императоръ съ своими дѣтьми и братья императорскіе жительство имѣютъ, но также есть мѣста и для всѣхъ государственныхъ присутственныхъ мѣстъ, и для самаго арсенала, который онъ мнѣ указалъ, ибо мы въ сіе время мимо его ѣхали, а потомъ указывалъ мнѣ разные присутственные мѣста, яко трибуналы искуствъ, рудокопства, домостройства, земель и межеванья, до-

ходовъ и торговли, уголовныхъ дѣлъ, воинскій, чужестранныхъ дѣлъ, государственнаго благочинія, вышняго хранилища законовъ и наконецъ вышній совѣтъ. Въ таковыхъ разговорахъ мы достигли до крыльца дворцоваго.

Сіе крыльцо строеніе древнихъ государей, той еще династіи, которая царствовала прежде бывшаго пренесенія столицы въ городъ Перегабъ, было состроено изъ великихъ камней весьма пространно; ступени его были мѣдныя, и по перилямъ разныя худо сдѣланныя статуи изъ мѣди и позлащенныя стояли. Однимъ словомъ, оно было великолѣпно своею величиною и употребленными припасами, ничего прельстительнаго въ себѣ не имѣло. Къ сему крыльцу мы подъѣхали, къ которому токмо первыя двѣ степени чиновниковъ имѣютъ право подъѣзжать.

Вошедши на сіе крыльцо, вошли мы въ палаты, построенныя новѣйшей архитектурою, но самою простою, и въ оныхъ не нашелъ я, какъ и снаружи, никакихъ украшеній. Нашли мы тутъ не малое собраніе мужщинъ и женщинъ, ожидающихъ выхода Императрицы, которая точно по нашимъ часамъ и вышла. Сія была младая женщина, не болѣе какъ двадцати пяти лѣтъ, росту больше малаго нежели средняго, становита, и лицомъ хотя не красавица, однако имѣла великое пріятство, распущенныя, переплетенныя златыми шнурами черныхъ волосъ, косы, и власы главы паче ея бѣлизну умножали. На головѣ у ней былъ уборъ изъ тонкаго полотна содѣланный, съ сшитымъ златомъ, фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтомъ. Верхняя ея одежда была изъ камлоту фіолетоваго съ опушкою зеленою и шитымъ волоченымъ золотомъ, узлами, а нижняя также камлотовая зеленая съ подобнымъ же шитьемъ. Сіи одежды толь плотно на ней сидѣли, что весь ея хорошій станъ былъ видѣнъ, но грудь и руки по самыя длани были закрыты одеждою. На шеѣ у нее находилось ожерелье изъ малахитовъ и перлъ, и зеленый цвѣтъ малахитовъ бѣлизну шеи ея возвышалъ.

Когда она вышла, то сперва женскій полъ къ ней подходилъ, наблюдая точно такой же обрядъ, какъ мною описано, что употребляютъ мужщины въ разсужденіи Императора, а потомъ мущины, подходя токмо поклоненіемъ изъявляютъ ей свое почтеніе, и она единственно на первыя двѣ степени руку свою налагаетъ, прочимъ же отвѣтствуетъ поклономъ.

Я былъ представленъ ей отъ Агиба, и она съ пріятнымъ лицемъ мнѣ поклонилась, а послѣ, оказавъ разговорами своими свое уваженіе къ первосановникамъ, подошла ко мнѣ, милостиво меня спрашивая не скучаю ли я житьемъ моимъ въ ихъ странѣ и не противенъ ли мнѣ климатъ оной, а потомъ нѣсколько меня распрашивала и о обычаяхъ нашея страны. Я на все елико могъ болѣе въ угодность ей отвѣтствовалъ, а потомъ она подошла ко многимъ женщинамъ, говорила

пріятно съ ними и въ семь часовъ, откланявшись, отошла въ свои покои.

Агибъ меня взявши, повелъ въ другія комнаты; тамъ, вошедши, велѣлъ о себѣ сказать, и тотчасъ вышелъ дядка, или гофмейстеръ дѣтей императорскихъ. Сей былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, носящій на себѣ всѣ тѣ должности, о которыхъ я выше помянулъ, что имѣлъ Агибъ, когда имѣлъ такую же должность. Происхожденіе его хотя было не весьма знатной природы, какъ я послѣ увѣдалъ, но достоинства его то замѣняли, чего у него недоставало въ рожденіи. Онъ, по первымъ привѣтствіямъ своимъ Агибу и мнѣ, когда я ему представленъ былъ, ввелъ насъ въ комнату младыхъ князей, изъ которыхъ одинъ былъ по седьмому году, а другой пяти лѣтъ. Я нашелъ комнату ихъ устланну картами, множество разныхъ моделей и инструментовъ повсюдова стояли, и также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были на стѣнахъ прибиты доски, на коихъ большими литерами начертаны были разныя нравоученія, изъ коихъ я нѣсколько помню.

1.

Строгость и власть дѣлаютъ рабовъ, а правосудіе и милосердіе привлекаютъ сердца.

2.

Не народъ для царей, но цари для народа, ибо прежде нежели были цари былъ народъ.

3.

Похвала всегда портитъ государей, однако она нужна для побужденія

ихъ къ добродѣтели, а потому ни отметать ее не должно, ни излишне въ нее вдаваться, размышленія собственно о себѣ учинить распознать, что есть искренняя похвала, и что нѣтъ.

4.

Лесть есть наижесточайшій ядъ для государей, а льстецы должны быть почтены, яко погубляющіе ихъ душу и славу.

5.

Лучше одной деревни сдѣлать благополучіе, нежели завоеваніе цѣлаго государства.

6.

Слава побѣдителя оглушаетъ уши, а добродѣтели правосуднаго монарха на многіе вѣки услаждаютъ души.

7.

Цари не бываютъ ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими и не ощущаютъ многихъ нуждъ, которыя ихъ подданные чувствуютъ, а потому и неудобны суть сами сочинять законы.

8.

Царь долженъ самъ первый законамъ страны своей повиноваться, ибо по законамъ онъ и царь; а разрушая ихъ власть, разрушаетъ и подчиненіе подданныхъ къ себѣ.

9.

Когда царь благонравенъ, благонравны будутъ и подданные его, кои всѣ любятъ ему подражать.

10.

Когда царь даетъ великую власть подданному, то власти сану и любви

народной къ себѣ убавляетъ и по большей части приводитъ въ разстройку государство.

11.

Когда царь искренности не имѣетъ, примѣтя сіе, не будутъ къ нему подданные имѣть. Онъ одинъ многихъ тысячъ людей не обманетъ, а многія тысячи часто найдутъ удобный случай его обмануть.

12.

Добродѣтели царскія суть какъ лучи солнечные— все оживляютъ, а пороки, яко зараза, истребляютъ все.

Я былъ представленъ симъ князьямъ, и воспитникъ ихъ разсказалъ имъ отчасти мои приключенія, и подведши къ картѣ, показалъ имъ мѣсто, говоря: сіи назначенные нами невѣдомые мѣста есть страны, откуда онъ пріѣхалъ, а сіи далѣ есть мѣсто его отечества. А по семъ они, нѣсколько поговоря со мною, любопытно меня о многомъ спрашивали, а наконецъ какъ наступило по моимъ часамъ восемь часовъ, то они съ воспитникомъ своимъ пошли къ ихъ родительницѣ, я же съ Агибомъ поѣхалъ изъ дворца.

Глава V.

Исторія Бомбей-Горы, Бей-агиба, воспитника царскихъ дѣтей.

Какъ мы сѣли съ Агибомъ въ колесницу, онъ, помолчавъ немного, сказалъ: „во истину сей мужъ Бомбей-Гора достоинъ своего званія, и не тщетно счастіе возвело его въ сію степень. Сіе подало мнѣ случай спро-

сить о его возглашеніи. Агибъ на сіе отвѣтствовалъ: „Вы не удивитесь моему возглашенію, когда увѣдаете всю исторію сего почтеннаго мужа. Но какъ ѣзда наша не близка, то я могу въ удовольствіе вашего любопытства ее вамъ разсказать“.

„Во первыхъ надлежитъ вамъ сказать, что хотя сіе нѣсть у насъ основательное право, чтобы окромѣ знатныхъ родовъ людей въ воспитники къ царскимъ дѣтямъ не опредѣлять, однако гораздо болѣе тысячи лѣтъ окромѣ таковыхъ никогда не опредѣляли, а находили достойнѣйшихъ людей изъ знатныхъ родовъ для сего важнаго служенія. Но сей Бомбей-Гора, хотя отъ благороднаго рода родился, но есть не изъ знатныхъ родовъ, но изъ тѣхъ родовъ, которые у насъ въ четвертой степени благородства считаются, то есть, такихъ, коихъ дѣдъ удостоенъ былъ быть принятъ за его достоинства въ сословіе благородныхъ. Отецъ его въ разныхъ предпріятіяхъ своихъ для изысканія многихъ вещей чрезъ химію пришелъ въ разореніе, и оставилъ его младенцемъ съ его матерью и съ другимъ юнѣйшимъ братомъ въ совершенной бѣдности. Онъ, по неизвѣстному вамъ нашему обычаю, былъ записанъ въ школу, въ число тѣхъ юношей, которые за недостаткомъ своего достатка на содержаніи школы живутъ, и тутъ окромѣ что добронравіемъ, прилежаніемъ, понятностію и памятью предъ всѣми отличался, во время самаго своего обѣда, даваемой ему части, какъ

она ни была умѣренна, не доѣдалъ и даваемый хлѣбъ для завтрака оставлялъ, чтобы давать его своей матери и брату на пропитаніе. Сего не довольно, понеже у насъ въ училищахъ учатъ также разнымъ ремесламъ, Бомбей-Гора вскорѣ изучился хорошо точить и, отнимая отъ спокойствія своего ночные часы, съ позволенія начальниковъ, точилъ многія вещи, отсылалъ ихъ къ матери своей, для пропитанія ее. Наконецъ, начальники, видя его великимъ бдѣніемъ и трудомъ изнуряема, разсудили, похваляя однако его подвигъ, увѣщевать его о сохраненіи его здоровья. На сіе Бомбей-Гора отвѣтствовалъ: „Еще я долгъ не заплатилъ трудовъ бдѣнія и попеченія, каковые мать моя обо мнѣ въ младенчествѣ имѣла, а вы мнѣ говорите о спокойствіи моемъ! Ради Вышняго, позвольте мнѣ трудиться для пропитанія ее. Если сіе наноситъ вредъ моему здоровью, если сіе мнѣ приключитъ и смерть, могу ли я имѣть лучше причину то и другое потерять, какъ для родившей меня, которая нынѣ находится въ нищетѣ? И тако начальники, съ удивленіемъ о расположеніяхъ добродѣтельнаго его сердца, позволили ему ночные часы для пропитанія матери своей употреблять“.

„Толь отличная добродѣтель не могла не привлечи къ себѣ всѣ сердца знающихъ его. Въ семъ училищѣ былъ начальникомъ единый старый и добродѣтельный мужъ, который имѣлъ изрядное имѣніе, но ни родственниковъ, ни свойственниковъ у него никого не было. Сей по обряду законовъ нашихъ, учиня объявленіе и засвидѣтельствованіе о своемъ безродіи, отдалъ ему при смерти своей все свое имѣніе, изъявляя въ своей записи, что воздаетъ сей долгъ добродѣтели Бомбей-Горы. Вдругъ состояніе его перемѣнилось, и онъ, воздавъ долгъ слезами своими благодѣтелю своему, пріявъ имѣніе, отдалъ его своей матери на пропитаніе, оставя токмо для себя толико, сколько надлежало, дабы платить надлежащую цѣну въ училищѣ; хотя и тутъ отъ училища ему представлено было, чтобъ онъ ничего не платилъ, ибо его добродѣтель и примѣръ суть наидрагоцѣннѣйшая заплата для училища; но онъ, съ униженіемъ принимая такое одобреніе, отрекся симъ пользоваться, сказавъ, что онъ въ тягость училищу быть не хочетъ, ни лишить другаго бѣднаго на мѣсто его правомъ неимущества пользоваться; и сіе привлекло къ нему новое почтеніе“.

„Между тѣмъ временемъ достигъ и братъ Аидъ-Гора до такихъ лѣтъ, въ которые надлежало ему войтить въ училище, и какъ онъ вошелъ, тогда Бомбей-Гора учинился его дядькою, наставникомъ и учителемъ, употребляя всѣ свои праздные часы, чтобы всякую ему помощь и просвѣщеніе подать. Труды его были не тщетны, ибо и сей имѣлъ великія дарованія къ наукамъ; но при сихъ похвальныхъ качествахъ имѣлъ и пороки, и между прочими единый изъ главнѣйшихъ былъ,

что онъ былъ непослушливъ и рѣзовъ до крайности. По девятилѣтнемъ пребываніи сего послѣдняго въ школѣ, когда онъ уже достигъ до четырнадцати лѣтъ, а Бомбей-Гора былъ уже девятнадцати лѣтъ, и достоинства его были таковы, что по общему согласію учителей и начальниковъ губернской школы, онъ посланъ былъ для осмотра нѣкоторыхъ нижнихъ училищъ; и во время его отлучки учинилось несчастіе его брату, которое подало ему причину еще свою добродѣтель явить. Сей Аидъ-Гора бывъ чрезмѣрно рѣзовъ, съ нѣкоторыми другими юношами укрался на башню, которая надъ домомъ построена, для примѣчанія небесныхъ тѣлъ; тамъ онъ, рѣзвяся уронилъ на крышку изъ окошка свою шляпу и, думая ее достать, вывѣсился изъ окошка, но тѣло его перетянуло, и онъ съ высоты оныя упалъ; все тѣло его, бившись о крышку и стѣны летя внизъ, учинилась единая рана; голова его была испереломана, грудь расшибена, обѣ ноги и рука переломлена и, однимъ словомъ, онъ обезображенный мертвъ упалъ. На вопль юношей сбѣжались всѣ надзиратели, нашли въ немъ малую живность, призвали немедленно врачей и съ немалымъ трудомъ возвратили ему дыханіе. Чрезъ три дни послѣ сего пріѣхалъ Бомбей-Гора. Изобразить себѣ не можно, какъ велико было его огорченіе, видя брата своего въ толь жалкомъ состояніи; онъ денно и нощно при немъ былъ, помогалъ хожатымъ его успокаивать и перевязывать, и наконецъ съ помощію врачей опасность о жизни его миновалась, и раны его были исцѣлены, но онъ остался хромъ на обѣ ноги; переломленная лѣвая рука худо могла дѣйствовать, на груди сталъ рости горбъ, и къ безпрестаннымъ головнымъ болямъ подверженъ сталъ. Сіе излѣченіе, какъ вы можете себѣ представить, не малое время продолжалось, а между тѣмъ временемъ и мать его умерла. Бомбей-Гора получилъ чрезъ сіе обратно данное имъ ей имѣніе, но онъ, видя брата своего въ такомъ состояніи, отдалъ все ему и препоруча его въ правленіе опекуновъ, ниже оставилъ себѣ и той части, которую прежде оставилъ для платежа за ученіе свое; ибо, бывъ тогда на двадцатомъ году возраста своего, оставилъ училище съ достойными добродѣтели и качествъ его одобреніями и вошелъ въ военную службу, гдѣ уже получилъ для содержанія своего жалованье“.

„Пребываніе его въ военной службѣ также было знаменито, какъ отличенъ былъ поступокъ его въ училищѣ. Мы имѣли тогда войну съ народомъ... *), весьма многолюднымъ и храбрымъ. Хотя Бомбей-Гора и былъ опредѣленъ токмо въ четвертую на десять степень, то есть въ нижніе офицеры, который чинъ у насъ называется мунькъ, однако во все продолженіе кампаніи являлъ неутрудимую прилежность, великое трудолюбіе, безпримѣрное попеченіе о подчиненныхъ ему вои-

---

*) Въ рукописи имя народа пропущено.

нахъ, совершенное повиновеніе къ своимъ начальникамъ, превыспренную храбрость и отличное человѣколюбіе къ побѣжденнымъ. Трижды онъ во время разныхъ сраженій получилъ засвидѣтельствованіе (отъ начальниковъ равныхъ себѣ и отъ нижнихъ) превышающей храбрости, искусства и особливые добродѣтели, каковые у насъ свидѣтельства собраніемъ войскъ даются, которые въ покровенный ящикъ вмѣщаютъ малыя записки; и онъ толь великое имѣлъ почтеніе, что два раза не нашлася ни одна записка, которая бы его не одобрила, а мало которыя бы и то сказали, что, не имѣя точнаго знанія, ни о немъ, ни о дѣлахъ его, ничего сказать не могутъ; а посему онъ не по старшинству и получилъ три чина, ибо безъ такого свидѣтельства никто у насъ не по старшинству производиться не можетъ; и такъ въ двѣ кампаніи достигъ уже онъ быть бареемъ, а притомъ понеже у насъ обычай есть, что воины грабительствъ для себя не дѣлаютъ, но по разбитіи непріятеля, или по взятіи града, вся корысть сносится вмѣстѣ и раздѣляется между всѣхъ воиновъ и по чинамъ, а къ тому вольно воинамъ, кому особливо отличившемуся отъ общества въ даръ нѣкоторую часть дать. Бомбей-Гора окромѣ участія корысти, еще четыре раза за храбрость свою таковые дары отъ полка своего получилъ, а все сіе и учинило его состояніе гораздо лучше и пріобрѣтши ему довольное иждивленіе“.

„Байратъ того полка, въ которомъ

онъ находился, человѣкъ знатнаго рода и богатый, имѣлъ единую дочь, прекрасную собою. Уже во время самой войны, онъ обратилъ очи свои на него, чтобы его учинить своимъ зятемъ. А какъ, по двухъ годахъ счастливой войны заключено было перемиріе на два года, и полки въ ихъ жилища возвратились, тогда предложено ему было супружество отъ байрата. Бомбей-Гора уже довольно часто бывалъ въ домѣ у своего начальника, зналъ сію прекрасную дѣву, сердце его красотою ея было тронуто, и примѣчалъ, что онъ ей не противенъ былъ, то на предложеніе о семъ супружествѣ согласіе свое далъ, такъ какъ и ее согласіе получилъ. Все уже изготовлялось къ брачному торжеству, когда вмѣстѣ съ нимъ вышедшій изъ училища юноша, искренній его другъ и достойный его и также оказавшій толь много добрыхъ дѣлъ, что былъ бареемъ, хотя и послѣ его пожалованъ, за нѣсколько дней его свадьбы пришелъ къ нему, блѣденъ, дрожащъ, ослабленъ и являющій всѣ знаки отчаяннаго человѣка. Бомбей-Гора удивленъ видѣть въ краткое время въ своемъ другѣ такую перемѣну, съ горячностію его спрашиваетъ о причинѣ видимой на лицѣ его печали. Сей, иже назывался Тодинъ-Кулъ, дрожа ему говорилъ слѣдующія слова: „ты знаешь, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ насъ дружба неразрывными узами соединила, во всѣхъ твоихъ подвигахъ, я признаюсь, болѣе былъ про-

вождаемъ дружбою и примѣромъ твоимъ, послѣдовалъ тебѣ, и часть славы твоей на меня упадала; не единожды ты тѣломъ своимъ меня отъ вражескихъ ударовъ защитилъ. Я дружбу твою совершеннымъ себѣ счастіемъ считаю и пріемлю участіе во всѣхъ твоихъ удовольствіяхъ, но состояніе мое есть то, что я долженъ оставить сіи мѣста и службу, ѣхать, скрыться въ пустыню и умереть. Я пришелъ къ тебѣ проститься. Воспомяни — сказалъ тяжко вздохнувъ — ты друга своего, когда о смерти его услышишь.“

„Пораженъ подобно громовому удару Бомбей-Гора кидается въ объятія своего друга, проситъ сказать ему причину своего огорченія, который, по долгомъ сопротивленіи, наконецъ слѣдующее ему говорилъ:“ Ты знаешь, что ради моихъ ранъ, я былъ отпущенъ прежде полка въ сіе обиталище. Пріѣхавъ, я часто посѣщалъ супругу нашего байрата, видѣлъ ея прекрасную дщерь, въ нее влюбился и осмѣлился чувствіи мои ей изъяснить; на сіе она мнѣ отвѣтствовала, что она за противность себѣ не возметъ, если я буду просить ее у родителей въ супружество себѣ, но безъ воли ихъ ничего обѣщать не можетъ, привыкши изъ юности подчинять самыя движенія сердца ея волѣ ихъ. Я бѣжалъ съ поспѣшеніемъ къ ея матери, которая мнѣ и родственница была, просилъ ее о дозволеніи соединиться съ произшедшею отъ нея дѣвою. На сіе мать мнѣ отвѣтствовала, что

бракъ сей ей будетъ пріятенъ, если только супругъ ея согласится. Въ сей лестной надеждѣ я пребывалъ до вашего пріѣзда. Пріѣздъ вашъ всѣ обстоятельства перемѣнилъ; вскорѣ я узрилъ сію дѣву обѣщанную тебѣ. Ты не зналъ моей страсти, ты вскорѣ будешь ея супругъ. Желаю искренно тебѣ всякаго блага, а я, вчерась веверу взявъ у байрата позволеніе, сейчасъ отъѣзжаю.“

„Бомбей-Гора чувствительно былъ тронутъ сими словами, онъ самъ ощущалъ страсть къ сей дѣвицѣ, но любилъ своего друга, и предстало ему двѣ крайности: или любовницу или друга потерять. Трепещущъ самъ нѣсколько промолчалъ, но взявъ иройское намѣреніе страсть свою побѣдить, просилъ токмо друга своего, чтобы онъ послѣдній знакъ преданности своей ему сдѣлалъ, то есть, чтобы до вечера обождалъ своимъ отъѣздомъ, на что сей и согласился. Бомбей-Гора немедленно пошелъ къ своей невѣстѣ, и хотя она и удивилась толь раннему его приходу, однако его приняла; онъ, съ ней разговаривая, якобы шутя, сказалъ ей о всемъ, что слышалъ отъ своего друга и о взятомъ имъ намѣреніи; она ему призналась о всемъ бывшемъ и наконецъ съ негодованіемъ сказала, что онъ весьма несправедливо дѣлаетъ, что шутитъ отчаяніемъ и несчастіемъ своего друга. Сего Бомбей-Гора и ожидалъ. На сіе онъ, увѣривъ ее въ искренней своей любви, просилъ ее, чтобы она открытно ему

сказала—къ кому изъ нихъ она болѣе имѣетъ преклонности, ибо онъ безъ воли ея пожертвовать любовію своею не можетъ, а если самымъ симъ возможетъ и его умножить удовольствіе, то для счастія двухъ толь любезныхъ ему особъ готовъ любовію своею пожертвовать. Невѣста его отвѣтствовала ему слѣдующими словами: что она во всемъ повиновенна волѣ родителей ея, что же касается до сердечныхъ ея чувствованій, то признается, что она почитаетъ всѣ достоинства Бомбей-Гора, но должайшее ли знакомство или что ни есть особливое преклоняетъ ее болѣе къ Тодинъ-Кулу, не для того, чтобы она ощущала въ себѣ непобѣдимую страсть, но болѣе токмо преклонности своей. Насилу она сіи слова выговорила съ испущеніемъ вздоха, вошла мать въ ту комнату. Бомбей-Гора, изъясня ей все бывшее и сказавъ, что онъ любовію своею намѣренъ сей четѣ пожертвовать, ставъ на колѣни, просилъ, чтобы она сама согласилась свою прекрасную дочь съ другомъ его соединить. По нѣкоемъ оказаніи оскорбленія, сія на просьбу его согласилась, пошла изъ комнаты, а ей трепещущъ послѣдовалъ и Бомбей-Гора въ комнаты ея супруга, коему имѣлъ нѣчто по военной должности донести. Противу обычая нашей страны, онъ долго его дожидался, и вдругъ растворилась дверь и онъ, яко изумленный, вбѣжалъ, укорялъ его въ презрѣніи его дочери, въ неблагодарности къ нему и наконецъ въ несдержаніи своего слова. Бомбей-Гора, не принося ему оправданія, хотя весьма смущенъ самъ былъ, сказалъ, что сіе есть дѣло между ихъ приватное, а онъ пришелъ ему говорить о дѣлѣ, касающемся до его роты. Нѣсть у насъ въ обычаѣ, чтобы всякое движеніе не унялось, когда должно содѣлывать свою должность, и тако байратъ принужденъ былъ выслушать его предложеніе, дать на него рѣшеніе и довольна его отпустить по сему дѣлу; но сдѣлался за отказъ дочери его совершеннымъ его злодѣемъ.“

„Продолжалось нѣсколько времени, пока байратъ далъ свое соизволеніе на бракъ дочери своей за Тодинъ-Кула, но какъ онъ находилъ и въ семъ великія достоинства, а къ тому и весьма знатную породу, то наконецъ согласился, однако съ тѣмъ, чтобы онъ никакого знакомства съ Бомбей-Горой не имѣлъ, къ чему онъ и самъ согласіе свое не токмо далъ, но и принуждалъ своего друга, говоря, что искренняя дружба не въ частомъ свиданіи состоитъ, но въ чувствіяхъ сердечныхъ. Байратъ узнаетъ его справедливость, и самъ наконецъ повелитъ зятю своему, коего лишаетъ друга, сокровище сіе паки сыскать“.

„Хотя краткое время между отказомъ и бракомъ симъ протекло, однако Бомбей-Гора имѣлъ уже многія причины чувствовать огорченіе отъ озлобленнаго байрата, который, не токмо выискивалъ всѣ способы его безпокоить, но и къ начальникамъ писалъ, что

Бомбей-Гора, возгорженный нѣкоторыми учиненными имъ храбрыми дѣлами, разрушаетъ все повиновеніе и устройство въ полку, и конечно если бы не погубилъ его, ибо сіе у насъ весьма трудно, но по крайней мѣрѣ учинилъ бы ему многое безпокойство слѣдствіемъ, ибо у насъ весьма трудно или, паче сказать, почти невозможно безвиннаго осудить. Если бы извѣстная его добродѣтель не учинила нѣкоторую остановку въ посланіи произвести слѣдствіе, а между тѣмъ временемъ получено было извѣстіе, что во время самой зимы Утрики учинили впаденіе въ Офирскія границы. Немедленно полкъ весь выступилъ, и Бомбей-Гора, бывъ подвергаемъ къ вящей опасности, съ одною своею сотнею посланъ былъ впередъ. Онъ повиновался, пошелъ, и вскорѣ бѣгущая толпа отъ меча непріятельскаго, которую онъ воинами своими прикрылъ, а за ними гонящіеся непріятели на него съ стремленіемъ напали и окружили его. Не малое время онъ сему превосходному числу сопротивлялся, и хотя слышна была стрѣльба въ полку, однако не поспѣшилъ байратъ ему помогать, даже какъ зять его бомбей, приступя къ нему съ другими офицерами, принудилъ его на спѣхъ послать помощь, которую взявъ, бомбей летѣлъ помогать другу своему, но приближеніе и самой сей помощи, а паче храбрость Бомбей-Гора обратила уже непріятелей въ бѣгство“.

„И новое позорище открылось Бомбей-Гору показать свою добродѣтель; онъ собралъ спасенныхъ имъ поселянъ и другихъ, далъ имъ все, что имѣлъ и отпустилъ далѣ внутрь земли, и между сими примѣтилъ онъ единую престарѣлую жену съ младою дѣвою, которая, между прочими предстоя передъ нимъ и услыша его именовать, вдругъ яко изумленная кинулась въ объятія его, съ рыданіемъ сказывая, что она Багія. Сія Багія была жена знатнаго рода и въ супружествѣ же за знатнаго родомъ человѣкомъ, который въ войнѣ былъ убіенъ—жила не малое время въ Квамо для воспитанія своихъ сыновей, которые или померли въ младыхъ лѣтахъ, или побиты на войнѣ, и оставалась единая у нея дочь. Во время пребыванія своего въ Квамо, она была другъ матери Бомбей-Гора и хотя сама была не богата, однако елико можно снабжала Бомбей-Гора и жилище свое въ Квамо по дружбѣ матери его продолжала, знала еще его младенцемъ, а какъ сей другъ ея скончалась, то съ дочерью своею отъѣхала въ маленькія свои деревеньки, гдѣ спокойно пребывала, даже какъ сіе нападеніе Утриковъ лишило ее вдругъ людей, кои ими были избиты, селенія, которое было сожжено, и всего имѣнія. Каждый въ жалкомъ состояніи находящійся человѣкъ имѣлъ право на благодѣянія Бомбей-Гора, то коль Багія сія, заслужа отъ него, которую онъ позналъ, облобызалъ ее, припомнилъ ея благодѣянія и послалъ ее жить въ домѣ его въ полку и пользоваться всѣмъ, что онъ имѣетъ. Учредя тако, учинилъ

о всемъ донесеніе байрату, не показуя ни малаго огорченія за оставленіе его безъ помочи“.

„Продолжающаяся война къ новымъ знакамъ храбрости, искусства и великодушія ему причину подала. Случилося, что воинство наше стояло близь единыя великія рѣки, которую надлежало переходить, а для сего былъ посланъ тотъ полкъ, въ которомъ находился Бомбей-Гора для содѣланія мостовъ. Байратъ, пришедши къ рѣкѣ для занятія другаго берега, придавъ ему другую роту, отправилъ за рѣку, яко онъ по ненависти своей къ нему имѣлъ обычай всегда въ опаснѣйшія мѣста его подвергать. Бомбей-Гора, перешедъ рѣку, занялъ единое высокое съ нѣкоторыми заразами мѣсто. Но насилу онъ могъ тутъ расположиться, какъ вдругъ великая толпа непріятелей на него напала. Вышина мѣста учиняла, что воинство видѣло опасность, къ коей сей храбрый мужъ подвергнутъ былъ. Байратъ, хотя стоялъ на самомъ берегу и имѣлъ удобный случай чинить ему помощь, однако недвижимъ оставался; даже какъ присланное къ нему повелѣніе отъ главнаго предводителя понудило его на лодкахъ на помощь къ нему перевозиться, и хотя всѣ воины стремились поспѣшать, но онъ напротиву того подъ видомъ сохраненія порядка ихъ стремленіе остановлялъ. Однако не толь была велика его мѣшкотность, коль велика храбрость Бомбей-Гора, который мѣста своего не уступилъ и могъ дождаться

идущей помощи, которой однако не дождавшись, непріятели побѣжали. Однако онъ въ семъ сраженіи нѣсколько получилъ ранъ“.

„Все воинство извѣстно было, что не было въ байратѣ недостатка храбрости, ибо онъ во многихъ случаяхъ ее показалъ, а посему и справедливо заключили, что онъ сего достойнаго мужа и съ нимъ воиновъ ненависти своей пожертвовать хотѣлъ. Всѣ противу его вопіяли и требовали его наказанія, которое долженствовало по законамъ состоять въ лишеніи чести. Предъ очами всего воинства происходило дѣяніе, предъ очами онаго надлежало и сужденію быть; и тако на третій день, какъ все воинство переправилось черезъ рѣку, учинено было собраніе, и байратъ предъ судъ былъ призванъ. Предсталъ онъ трепещущій; всѣ офицеры, всѣ простые солдаты, всѣ свидѣтельствовали на него, что онъ довольной поспѣшности не учинилъ и подвергалъ къ погибели Бомбей-Гора со всѣми находящимися при немъ. Сей несчастный мужъ дрожащъ ничего не могъ отвѣтствовать, и зять его Тодинъ-Кулъ едиными своими слезами тщился жалость привлечи, когда вдругъ раздалися воины и узрили Бомбей-Гора, двумя его служителями ведомаго. Всѣ думали, что онъ идетъ пріобщить свою жалобу на байрата, но напротиву того, онъ, ставъ предъ начальниковъ, сталъ его оправдывать, представлялъ трудность перехода, опасность, чтобы не подвергнуть по частямъ и весь полкъ

къ погубленію—и противность вѣтра, трудность всхода на берегъ, и наконецъ, открывъ свои раны, говорилъ, чтобы они долженствовали заставить его прежде всѣхъ жалобу приносить, но онъ, видя такія обстоятельства, которые могли его не допустить подать скорой помощи, не токмо проситъ отмщенія себѣ, на паче преклоняетъ колѣна свои и изліянною своею кровію проситъ, да сохранится сей храбрый мужъ для пользы отечества и для показанія вящихъ впредь ему услугъ“.

„Все воинство было удивлено такимъ великодушіемъ, и воины вдругъ вскричали: тебѣ, Бомбей-Гора, мы даруемъ честь сего мужа, ты два великія дѣла содѣлалъ, сохранилъ безъ помощи, гдѣ бы казалось невозможно, намъ нужное мѣсто и предавшаго тебя—или по крайнѣй мѣрѣ что имѣло такой видъ, ибо мы словамъ твоимъ вѣримъ—отъ поноснаго наказанія. И сіе сужденіе и начальники подтвердили. Бомбей-Гора принесъ свое благодареніе воинству, а въ байратѣ сіе толикую чувствительность произвело, что онъ упалъ въ обморокъ и былъ отведенъ въ его палатку“.

„Однако въ продолжающемся собраніи воиновъ всѣ единогласно возопили, что они купно всѣ были свидѣтели его храбрости и искусства, и великодушія, то не надлежитъ, чтобы толь отличные качества душевные остались безъ награжденія, а сего ради и просили начальники, чтобы онъ ему далъ чинъ мамьетъ-кола, и сіи съ радостію на сіе согласились. Но Бомбей-Гора, при-

ступя къ начальникамъ и учиня благодареніе воинамъ, говорилъ: что содѣлалъ я—есть ничто иное какъ исполненіе моей должности, а потому и долженъ токмо должнаго воздаянія требовать. Правда, законы наши позволяютъ, что въ нижніе чины по общему одобренію воинства и безъ очереди производить, но о чинѣ мамьетъ-кола такого положенія нѣтъ, а къ тому же хотя запрещенія и нѣтъ, но почти не видимъ мы примѣровъ, чтобы сверхъ комплекта кто былъ произведенъ, а нынѣ вы хотите, обошедши двухъ старшихъ меня, и сверхъ комплекта произвести! За доброе желаніе ваше не могу вамъ не быть благодаренъ, но позвольте мнѣ сего вашего благодѣянія не принять, ибо если я имѣю какую добродѣтель, то долженъ я ее соблюсти; а будетъ ли въ семъ какое соблюденіе, если, по причинѣ меня, нарушится законъ и обычай, и побѣда моя, или лучше сказать, отпоръ учиненный непріятелю не учинится побѣдою надъ законами и обычаями, подъ сѣнію которыхъ мы уже толикое время благополучны живемъ“.

„Всѣ принуждены были потупившись замолчать, бывъ исполнены сугубымъ его великодушіемъ, и онъ яко побѣдоносецъ, не токмо надъ врагами, но и надъ своими страстями. Тамъ новое позорище ему предстало. Сіе есть байратъ, ожидавшій его въ палаткѣ, который какъ скоро онъ вошелъ, палъ предъ нимъ на колѣни, благодаря его за свое спасеніе, и извиняясь въ грубостяхъ сво-

ихъ. Бомбей-Гора, поднявши его, обнялъ, говоря, что онъ единаго возмездія себѣ требуетъ, чтобы все прежнее непріятное было забыто".

„Во время продолженія сей компаніи, Бомбей-Гора еще многіе знатные дѣла оказалъ, но, бывъ наконецъ смертельно пораненъ, принужденъ былъ ѣхать въ полкъ свой лѣчиться. Онъ, пріѣхавъ туда, нашелъ тамъ Багію съ ея дочерью, которыя во время его болѣзни возможную помощь ему подавали. Во время сіе имѣлъ онъ случай спознать обычаи и расположеніе мыслей дочери сей Багіи, которая называлась Бавіяла. Она есть не токмо хороша, но болѣе дурна, однако имѣетъ глаза быстрые, показующіе ея разумъ, и нѣчто пріятное въ лицѣ, изъявляющее доброту ея нравовъ. Разговоры ея и поступки были благопристойны, но пріятны; чувствованія добродѣтельнаго сердца ея повсюду оказывались, и она о всѣхъ почти вещахъ мыслила справедливо. Таковые качества не могли не тронуть сердце Бомбей-Гора, который болѣе любилъ красоту душевную, нежели тѣлесную. Но продолжающаяся война возбраняла ему помышлять о супружествѣ и потому открыть мысли свои сей дѣвѣ и ея матери; но два обстоятельства его вдругъ преклонили. Первое, когда уже началъ онъ приходить въ крѣпость, тогда Багія принесла ему счеты издержаннаго ею; хотя онъ не хотѣлъ ихъ принять, но она его принудила, а принявши лишь взглянулъ—увидѣлъ великій остатокъ отъ до-

ходовъ, и такой, что почти Багія ничего не издержала. Принужденнымъ онъ нашелъ себя пенять ей, что она не хотѣла воспользоваться тѣмъ, что онъ ей далъ и пріять знаки его благодарности за многія учиненныя его благодѣянія его матери и самому ему во время младенчества его. Багія на сіе отвѣтствовала, что она, привыкши жить въ бѣдности, не имѣла нужды брать болѣе, не меньше однако благодарна она за оказанное имъ въ ихъ несчастіи благосердіе, а что она за лучшее почла употребить трудъ дочери своей для удовольствія своихъ нуждъ, нежели тратить его доходы, которые остатки у нея вѣрно хранятся, и онъ можетъ сейчасъ ихъ принять. Бомбей-Гора хотѣлъ сіе подарить сей почтенной женщинѣ, но она твердо отказалась, и онъ принужденъ былъ принять сіи деньги хотя и съ огорченіемъ. Труды, которые Багія подняла, во время его болѣзни, ее весьма изнурили, такъ что и она впала въ жестокую болѣзнь. Тутъ онъ воздавалъ ей тѣмъ же попеченіемъ, какое она имѣла объ немъ, и имѣлъ случай видѣть привязанность, искреннюю любовь и попеченія дочери ея. А по всему сему и рѣшился стараться соединить судьбу свою съ сею добродѣтельною дѣвою. По облегченіи матери сказалъ онъ о своемъ намѣреніи Бавіалѣ, которая ему отвѣтствовала, что она не скрываетъ то, что она имѣетъ совершенное почтеніе къ нему и счастливой бы себя считала соединить вѣкъ свой съ нимъ, но

что, первое, сіе зависитъ отъ воли матери ея, въ которой она увѣрена, что она на сіе не согласится, да и она о семъ ее будетъ просить, ибо, бывъ въ совершенной бѣдности, должна она желать себѣ подобнаго и жениха, и онъ, самъ бывъ не богатъ, лишь токмо ея отяготитъ, тогда когда богатѣйшія дѣвы, рожденныя отъ родителей, которые знатные чины имѣютъ, за счастіе себѣ почтутъ быть супругами его. Удивленъ былъ Бомбей-Гора, что всѣ женщины его въ великодушіи побѣждаютъ. Однако, зная уже мысли Бавіалы, по выздоровленіи ея матери, просилъ у нея дочь ея себѣ въ супруги. Сія всѣми тѣми же причинами, каковыя представляла дочь, опровергала его требованія. Принужденъ былъ Бомбей-Гора пасть на колѣни къ ней и просить ея согласія, но когда уже колебалась мать, тогда вошла Бавіала, и сказавъ, что она совершенную чувствуетъ къ нему любовь, однако, падши на колѣни предъ матерью своею, просила ее на сіе супружество не соизволять, дабы чрезъ сіе не содѣлать какого ущерба и несчастія Бомбей-Гора. Не мало надлежало слезъ и просьбы, дабы великодушіе сихъ двухъ женъ побѣдить, но какъ наконецъ испросилъ соизволеніе матери и дочери, то по краткихъ дняхъ вступилъ съ сей дѣвою въ супружество, содѣлалъ свое и ея счастіе, въ которомъ и нынѣ слишкомъ двадцать пять лѣтъ въ союзѣ, основанномъ на взаимственномъ почтеніи, въ совершенномъ согласіи живетъ".

„Бомбей-Гора возвратился къ воинству, гдѣ продолжалъ знатные свои дѣла; повсюду оружію его побѣда послѣдовала. Не единожды онъ былъ и въ нижнихъ чинахъ единственною причиною одержанныхъ побѣдъ, такъ что, идучи по степенямъ, наконецъ достигъ быть на мѣсто убитаго байрата того полка, гдѣ онъ находился самъ байратомъ. Сей байратъ, хотя просьбою Бомбей-Горы и былъ оправданъ, но толь дурное учинили о немъ всѣ заключеніе, что можно сказать вездѣ онъ кидался въ непріятельскіе войска, не славы и побѣды себѣ, но смерти ища. Война сія толь долго продолжалась, что онъ достигъ уже чина бей-мансо, то есть четвертой степени. Непріятели заключили перемиріе, войска были съ границъ отведены, а оставленъ онъ былъ съ немногимъ числомъ полковъ для храненія границъ. Перемиріе сіе лишь былъ хищный обманъ съ стороны нашихъ непріятелей, ибо какъ скоро войска отступили отъ границъ, они, собравшись тайно въ великихъ силахъ, подъ начальствомъ лучшихъ своихъ вождей, напали на наши границы. Но ни нечаянное нападеніе, ни превышающее число войскъ, ни искусство ихъ вождей, не остановило Бомбей-Гора. Онъ немедленно противу ихъ выступилъ, защитилъ границы, и наконецъ, толь искусно противу ихъ дѣйствуя, не токмо отогналъ отъ Офирскихъ областей, но вступилъ въ ихъ страну, учинилъ въ ней опустошенія, единый изъ ихъ крѣпкихъ градовъ взялъ и захватилъ

другіе выгодные мѣста, откудова страна ихъ къ нападеніямъ нашимъ подвергнута стала. Посланные на помощь къ нему войска нашли уже его побѣдителемъ, а успѣхи его толь были быстры, что почти въ одно время получены были извѣстія о впаденіи непріятельскомъ, о ихъ пораженіи и о знатныхъ успѣхахъ. Можно сказать что сіи знатные дѣянія и захваченные имъ выгодные мѣста сію войну, болѣе десяти лѣтъ продолжающуюся, прекратили; ибо, видя уже землю свою откровенну набѣгамъ нашимъ и чувствуя тяжкія пораженія, стали мира просить, который съ ними чрезъ самаго сего Бомбей-Гора, посланнаго съ другими послами, по совѣтамъ его и былъ заключенъ".

„По заключеніи сего мира, призванъ онъ былъ съ прочими начальниками ко двору; тутъ покойный Императоръ нашъ Браимъ принялъ его со всѣмъ уваженіемъ, какого достоинъ онъ былъ своими заслугами и добродѣтелью, и по первомъ привѣтствіи ему сказалъ: „Ты знатную часть моей провинціи Офироманской сохранилъ, оказалъ многія услуги отечеству, явилъ свои добрые нравы; разсматривая съ совѣтомъ моимъ всѣ твои изящные дѣла, опредѣлилъ учинить тебя отъ себя и отъ отечества награжденіе, яко памятникъ твоихъ заслугъ, побужденіе другимъ тебѣ подражать"—и тогда же вручилъ ему грамату на великія лежащія въ Офирской губерніи деревни."

„Оказывалъ къ нему Императоръ великое почтеніе и милость, но не долго она продолжалася, ибо чрезъ два года случились такія обстоятельства, что народъ содѣлалъ нѣкоторыя озлобленія Офирской имперіи. Покойный Императоръ Браимъ любилъ войну и военную славу, желалъ же и нѣкоторыя области отъ сего народа къ имперіи своей присоединить. Обычай у насъ есть, что хотя Императоръ съ единымъ своимъ совѣтомъ можетъ предпріимать всякую войну въ защищеніе государства, но для наступательной онъ долженъ собрать совѣтъ, не токмо изъ членовъ хранилища законовъ, но также и всѣхъ обрѣтающихся въ столицѣ четырехъ первыхъ степеней людей. Бомбей-Гора случился тогда быть въ столицѣ, слѣдственно онъ былъ призванъ на совѣтъ. Предложено было о началкѣ сей войны и о пользахъ, каковыя Офирская имперія получитъ. Единые тутъ бывшіе въ совѣтѣ были увлечены изволеніемъ Императора, другіе же были прельщены показуемыми пользами, такъ что всѣ на сіе согласились. Единый Бомбей-Гора, хотя послѣдній былъ въ совѣтѣ, учиня извиненіе, что онъ осмѣливается мнѣніе старшихъ себѣ и искуснѣйшихъ оспорить, предложилъ толь ясно пользы мира и злоключенія войны, несправедливость сей, вновь предъпріемлемой за нѣкоторыя наглости, происшедшія отъ приватныхъ безпорядочныхъ людей, и не только пользу, но вредъ, который можетъ произойти отъ пріобщенія тѣхъ областей, на которыя льстятся, дорого-

визны содержанія въ отдаленныхъ мѣстахъ войскъ, говоря: (сіи слова въ памяти моей навсегда останутся, ибо и я между прочими тутъ былъ) Не расширеніе областей составляютъ силу царствъ, но многонародіе и доброе внутреннее управленіе. Еще много у насъ мѣстъ не заселенныхъ, еще во многихъ мѣстахъ земля ожидаетъ труда человѣческаго, чтобы сторичный плодъ принести; еще у насъ есть подвластные народы, требующіе привести ихъ въ лучшее состояніе, то не лучше ли исправить сіи внутренности, нежели безнужною войною подвергать народъ гибели и желать покорить или страны пустыя, которыя трудно будетъ и охранять, или народы, отличные во всемъ отъ насъ, которые и чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ не пріимутъ духа отечественнаго Офирской имперіи и будутъ подъ именемъ подданныхъ нашихъ тайные намъ враги. Наконецъ предложилъ онъ послать туда посольство, стараться прекратить всѣ несогласія. Колико предложенія сіи ни были противны Императору, но какъ большая часть совѣта на сіе согласились, то и онъ принужденъ былъ согласіе свое дать, и самъ Бомбей-Гора противу же изволенія императорскаго былъ избранъ въ сіе посольство. Онъ туда поѣхалъ, всѣ требованные удовольствія получилъ, утвердилъ миръ и возвратился въ Квамо. Но Императоръ толь былъ за сіе огорченъ, что едва могъ самое благопристойное по его сану ему привѣтствіе дѣлать. Бомбей-Гора, привязанный къ отечеству, а не ко Двору, симъ ни мало не огорчился, и смѣяся часто говаривалъ, что онъ храбростію то не почитаетъ, кто умѣетъ токмо сражаться, но не смѣетъ говорить, а прямая храбрость и великодушіе должны проститраться равно въ битвѣ и въ совѣтѣ. Но какъ и должность его влекла быть при войскахъ въ его провинціи, куда онъ и отъѣхалъ, гдѣ пребылъ до кончины императорской."

„По взошествіи на престолъ нынѣшняго Императора, пожалованъ онъ былъ въ кола-канги: иже есть третья степень чиновъ государственныхъ. Чувствуя, что достоинствами своими долженъ себѣ гражданинъ счастіе содѣлывать, а не исканьемъ, не торопился онъ пріѣхать ко Двору возблагодарить за полученный имъ чинъ, но нечаянное обстоятельство принудило его ѣхать ко Двору. Сіе состояло—я уже сказалъ вамъ—что Императоръ его пожаловалъ знатными деревнями въ той провинціи, гдѣ полки его обрѣтались и которую онъ спасъ отъ вражескаго нападенія. Сія провинція много претерпѣвала отъ разныхъ налоговъ и отъ нѣсколькихъ злоупотребленій, необходимо вкрадывающихся въ отдаленныя области. У насъ обычай есть, что каждые три года собираются чины каждой провинціи для разсужденія о своихъ пользахъ и тягостяхъ. Сіи собрались, избрали его отъ себя посланнымъ ѣхать въ главное правительство, принести свою жалобу. Онъ, пріѣхавъ, предсталъ сему правительству; истекъ изъ устъ

его обильный источникъ сладости и ученья. Представилъ онъ состояніе сей провинціи, изъяснилъ ея недостатки, какія пользы можно отъ поправленія получить, упомянулъ законы, прямой разумъ ихъ и намѣреніе, и просилъ о исправленіи. Всѣ слышащіе удивлялися толикому во всѣхъ частяхъ знанію въ военномъ человѣкѣ; просьбы его были приняты и потомъ точно рѣшенія учинены.

„Уже онъ намѣренъ былъ возвратиться, когда ходатай той провинціи, избираемый на три же года, которые у насъ при вышнемъ правительствѣ находятся, претерпѣлъ въ деревняхъ своихъ многіе убытки, просилъ дозволенія отъ провинціи и отъ правительства отъѣхать для поправленія своихъ дѣлъ, а вмѣсто себя, съ позволенія же своихъ собратій, представилъ Бомбей-Гора. Принужденъ былъ остаться, девять мѣсяцевъ въ правительствѣ засѣдалъ, хотя рѣшенія и не давалъ, но въ сомнительныхъ дѣлахъ, когда его вопрошали, отвѣты его были такіе, что всегда на оныхъ рѣшенія послѣдовали. По возвращеніи же настоящаго ходатая и онъ отъѣхалъ въ свою провинцію."

„Оказавъ такимъ образомъ во всѣхъ частяхъ свое великодушіе, храбрость, искусство, когда чрезъ нѣсколько времени достигло время, то есть при пятилѣтнемъ возрастѣ старшаго сына Императора, избирать ему воспитника. Обыкновенно сіе чинится въ собраніи совѣта перваго правительства и первостепенныхъ людей государства. Обычай у насъ всегда есть отъ знатныхъ родовъ рожденныхъ другимъ предпочитать; однако въ семъ случаѣ, взирая на его изящные достоинства, Бомбей-Гора былъ единогласно къ общему удовольствію всѣхъ избранъ и должность свою достойнымъ образомъ со мнѣніемъ, какое о немъ имѣли, исполняетъ."

Симъ разсказаніе его окончилось; между тѣмъ пріѣхали въ домъ сына его, гдѣ онъ съ должнымъ подобострастіемъ былъ принятъ, также и я, какъ имъ, такъ и супругою его обласканъ былъ.

Глава VII.

О супружествахъ Императоровъ Офирской земли.

По нѣкоимъ разговорамъ, въ коихъ касалось до Императрицы, вопрошалъ я о ея родѣ и какого она государя дочь. Агибъ мнѣ сказалъ, что изъ самаго моего вопроса понимаетъ, что у насъ обычай есть, чтобы жениться нашимъ государямъ на ровныхъ себѣ дщеряхъ другихъ государей, какъ ему, что сіе и во многихъ другихъ странахъ ведется. Но пожалуй скажи, продолжалъ онъ, какой есть вашъ предметъ заставлять вашихъ государей предавать сердце свое незнакомой ему дѣвѣ, къ которой онъ никакихъ чувствъ не имѣетъ и водитъ чужестранокъ въ свое государство, которыя часто по могуществу своему надъ супругомъ могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе въ самое правленіе—чужестранокъ, которыя ни обычаевъ, ни нравовъ вашихъ, а можетъ быть часто и языка вашего не знаютъ? Я ему отвѣтствовалъ на сіе, что многія есть причины, основанныя на глубокой политикѣ для веденія сего обычая, 1) и чтобъ чрезъ сіе твердѣйшими узами союзы между государствъ утвердить; 2) получить нѣкоторыя наслѣдія, если не пріобщеніемъ земель къ государству, то по крайней мѣрѣ, для возведенія на тѣ престолы кого изъ дома того государя; 3) чтобы не усилить союзомъ нѣкоторые роды, которые по родству своему съ государями, могутъ мучителями народными учиниться.

Терпѣливо выслушавъ мои слова, Агибъ сказалъ: „Я признаюсь, что во всемъ сказанномъ вами есть нѣкоторые виды полезности, но не самая польза; а для сего отриньте вы сіе предубѣжденіе, которое часто въ странѣ своей наидобродѣтельнѣйшихъ людей ослѣпляетъ и внушите мои разсужденія, которые я не въ охуленіе вашей страны, но въ разсужденіяхъ буду говорить".

Охотно я ему сіе обѣщалъ, и онъ продолжалъ свою бесѣду: „Я, первое, не нахожу, чтобы между государями союзы брачными узами и родствомъ могли утвердиться, ибо государство не женится, но государь, а государь долженъ блюсти пользу государственную,—то ежели онъ въ предосужденіе государства будетъ по супружествамъ и по личнымъ обязательствамъ сохранять союзы, не можетъ то полезное быть. А если положительное состояніе государствъ взаимственно того требуетъ, то и безъ брачныхъ союзовъ оное согласіе на всегда можетъ быть. Прибавьте къ сему, что хотя мы можетъ быть нѣкоторое ощущеніе по крови и чувствуемъ, но утверждается оно нашей свычкою. Ни сынъ родителя, ни родитель сына, когда они другъ друга не видали, любить не могутъ, ибо то бы было любить изобразительное себѣ естество; подобнымъ образомъ и самая разлучка, если не разрываетъ узы дружбы и кровнаго союза, то по крайней мѣрѣ весьма ихъ ослабляетъ, а потому и всѣ сіи обязательства разрушаются; слѣдственно таковые супружества ни въ политическомъ, ни въ физическомъ положеніи ничего полезнаго не приносятъ. Второе, говорите вы о наслѣдіяхъ, каковые можетъ государство отъ такихъ брачныхъ союзовъ пріобрѣсти, но, во первыхъ, сіе не можетъ не рѣдко быть, а второе, и сіи наслѣдія по большей части кровію и войною, разорительною тому государству, которое его достаетъ, получаютъ и тако въ тягость самому народу обращается. Приложите къ тому, что Государь, имѣя отческіе владѣнія, родившись въ томъ царствѣ, привыкши къ тѣмъ законамъ, его порядочно управляетъ, но онъ пріобрѣтаетъ другое наслѣдіе, гдѣ болѣе или меньше его власть стѣснена. Если болѣе, то силою своего природнаго государства восхочетъ подобные же законы установить, а если менѣе, то силою того восхочетъ въ отеческомъ

своемъ наслѣдіи распространить свою власть; а изъ сего произойдетъ утѣсненіе, нарушеніе праотческихъ правъ, пристрастіе къ которому изъ сихъ двухъ народовъ, а все къ несчастію государства и къ раздорамъ обратится. А притомъ ежели имѣть въ предметѣ отъ сихъ союзовъ получить наслѣдіе, то самое государство подвергается быть наслѣдіемъ чужестраннаго государя, не знающаго ни обычаевъ, ни законовъ, ни нравовъ народа и всегда болѣе привязаннаго къ отчичамъ своимъ, между которыми воспитанъ, нежели коими будетъ владѣть. На третье—не нахожу я никакой опасности въ возвышеніи родственниковъ той, на которой Государь женится, ибо ежели онъ одинъ, то не бываютъ ли примѣры, что Государь имѣетъ таковую преклонность къ кому изъ своихъ подданныхъ, что яко родственника своего почитаетъ, возводитъ его въ вышніе достоинства, богатитъ и большую часть власти своей ему уступаетъ; ежели ихъ много, то самое стеченіе ихъ противныхъ пользъ не момогутъ учинить ихъ соединенныхъ, и возвышеніе ихъ токмо видимое будетъ. Но они по самому свойству получатъ вышніе мѣста, по свойству своему будутъ обогащены. Но какой отъ сего вредъ, что свои соотчичи возвышаются; не возвышаютъ ли у васъ и безъ свойства? что свои соотчичи богатятся; не богатятся ли и безъ свойства? И не лучше ли, чтобы свои соотчичи и возвышались и богатились, нежели все сіе падетъ не токмо на пріѣзжающихъ пожинать, идѣже не сѣяли, чужестранныхъ, но чтобы и туда деньги богатить тѣхъ посылали. Но сверхъ того, каковы бы они ни были, они уже по свойству привязаны къ особѣ государской, а не къ его сану; они по близости крови ограждены—безъ крайнихъ преступленій—отъ какого жестокаго паденія, то въ случаѣ заблужденія государя, кто смѣлѣе можетъ истинныя его пользы представлять? избранные ли временщики, которые токмо для пользы своей служатъ, или свойственники государевы, которыхъ самая польза съ благосостояніемъ государства соединена?

„Приложите наконецъ къ тому, что санъ государскій есть пышенъ, великъ; роскошь и удовольствіе по видимому ему послѣдуютъ. Но все сіе не иное что, какъ возмездіе наложеннымъ на него должностямъ, которыя суть весьма трудныя, и среди сего видимаго другими благополучія едва ли онъ его ощущаетъ отъ множества попеченій и заботъ, если хочетъ исполнять свою должность. Что же остается содѣлать главнымъ возмездіемъ Государя, которое бы и при сихъ его заботахъ ему чувствительно было? не есть ли даніе свободы ему поять себѣ въ супруги ту, къ которой сердце его наиболѣе горячности ощущаетъ, осчастливить любезную себѣ и осчастливить себя и содѣлать себѣ на вѣчно друга и утѣшителемъ въ своихъ заботахъ, вмѣсто, чтобъ принудить своего Государя поневолѣ сердце свое незнаемой отдавать, наказать его имѣть навѣкъ сожитіе съ

тою, къ кому ни сердце не привязано, ни нравы съ кѣмъ не сходны, заставливать его въ незнаемую влюбляться и веселиться такимъ супружествомъ, которое ему вѣчное огорченіе обѣщаетъ“.

Умолкъ сей старый мужъ, я же, ничего не отвѣчая, признаніе мое глубокимъ поклономъ ему изъявилъ, а не смѣлъ ему сказать, что Государи наши въ объятіяхъ любовницъ находятъ то удовольствіе, каковое онъ желалъ бы имѣть отъ супруги, ибо конечно бы Агибъ еще длинною рѣчью примѣръ развратности нравовъ охулилъ, показалъ бы, что обыкновенно такія мѣшаются въ дѣла государственныя, все повреждаютъ, возводятъ свою родню и любимцевъ, и разстроиваютъ и разоряютъ государство, чему увы! многіе примѣры въ Европѣ у насъ видны.

Однако наконецъ, по симъ долгимъ разговорамъ, онъ мнѣ сказалъ, что государь ихъ женатъ на единой дѣвѣ знатнаго рода Наіевъ, который по обыкновенію ихъ страны произведенъ въ баи съ его семействомъ, что родитель ихъ Императрицы умеръ, а остался у нея одинъ братъ, который нынѣ съ чиномъ Агиба присутствуетъ въ правительствѣ хранилища законовъ.

Остальную мы часть вечера препроводили въ веселыхъ разговорахъ, даже какъ отужинавъ, поѣхалъ я съ Агибомъ въ его домъ.

Глава VIII.

Назначеніе знатныхъ мѣстъ города и обозрѣніе писателемъ ихъ.

На завтра опредѣленный офицеръ явился ко мнѣ поутру и принесъ мнѣ роспись, что есть любопытнѣйшаго въ семъ городѣ. Оный состоялъ:

1) Палата памятная.

2) Вышнее правительство храненія законовъ.

3) Арсеналъ, или оружейная.

4) Литейный домъ.

5) Фабрика оружій.

6) Палата памятная. *)

7) Казна государственная.

8) Государственная палата доходовъ.

9) Государственная палата уголовныхъ дѣлъ.

10) Государственная палата суда о всякаго рода имѣніяхъ.

11) Государственная палата домоводства и земледѣлія.

12) Государственная палата мореплаванія.

13) Государственная палата торговли.

14) Государственная палата воинская.

15) Государственная палата дѣлъ съ чуждыми народами.

16) Государственное благочиніе.

17) Судъ губерніи Квамо.

18) Частное благочиніе города и губерніи Квамо.

19) Государственный купецкій судъ.

20) Академія наукъ.

---

*) *Примѣчаніе редакціи:* ошибкою въ оригиналѣ повторяется

21) Академія артиллеріи, инженерства и архитектуры.

22) Академія художествъ.

23) Академія наукъ мореплавательныхъ.

24) Академія свободныхъ наукъ.

26) Шесть училищъ.

27) Училище механическихъ ремеслъ.

28) Общее судище купецкихъ дѣлъ.

29) Судище купецкихъ дѣлъ по губерніи Квамо.

30) Палата разсмотрительная законовъ.

31) Погребалище внѣ города.

32) Гульбище народное.

34) Два загородные дома императорскіе.

35) Тюрьмы.

Я уже его ожидалъ, и онъ, подавая мнѣ сію роспись, сказалъ, что она сочинена не по порядку мѣстъ, но потому какъ удобнѣе въ оные ѣздить и совѣтовалъ мнѣ, какъ уже время поздно становится, ѣхать прежде всего осмотрѣть погребалище, гульбище народное и два императорскіе дома внѣ города. Я совѣту его послѣдовалъ и, повидаясь съ Агибомъ, поѣхалъ съ нимъ.

Погребалище.

Пріѣхали мы разстояніемъ отъ города около французской льё къ единому весьма пространному мѣсту, составляющему четвероугольникъ, коего каждый бокъ имѣлъ по видимому польлье французскія, окруженному каменными стѣнами. Входъ въ сей четвероугольникъ былъ едиными вратами, которые намъ стражемъ, имѣющимъ жилище у сихъ вратъ, были отворены. Въ середкѣ сего пространства находилось пространное четвероугольное съ куполою зданіе. Прежде нежели войтить въ сіе окруженіе, любопытствовалъ я спросить о семъ зданіи, по середкѣ находящемся, и вожъ (вождь) мой мнѣ отвѣтствовалъ, что сіе было погребалище Государей; но какъ я примѣтилъ, что находятся многіе знаки на могилахъ, въ память поставленные, то я его спросилъ: а во всемъ пространствѣ семъ кто погребается? На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ, что тутъ погребаются дворяне, въ какой бы службѣ и состояніи ни были, купцы и мѣщане. Но спросилъ я, гдѣ же погребаются военные люди и крестьяне? На сіе онъ отвѣтствовалъ, что военные люди у нихъ всѣ поселенные, а потому и погребаются въ своихъ селеніяхъ, а крестьяне въ ихъ деревняхъ, гдѣ вездѣ содѣланы такіе же погребательные мѣста. Самые, говорилъ онъ, офицеры, которые, бывъ въ своемъ поселенномъ полку, умрутъ, и если не восхотятъ велѣть тѣло свое нести въ городъ, погребаются въ полковыхъ погребалищахъ, и дворяне, умирающіе въ своихъ деревняхъ, также погребаются между крестьянъ своихъ и имѣютъ право содѣлать для погребенія своего рода зданіе. Говорилъ притомъ, что и во всякомъ городѣ у нихъ учреждены подобные погребалища, и содѣлано мѣсто особливое для погребенія начальниковъ града.

По семъ вошли мы въ сіе пространство; я жаденъ былъ видѣть поставленные памятники и для того спѣшилъ подойтить къ единому, который мнѣ огромнѣе показался, мня найтить памятникъ или министра или военачальника, но, къ удивленію моему, на марморовомъ великолѣпномъ столбѣ, поддерживающимъ отъ времени уже поврежденную поясную статую, нашелъ я слѣдующую надпись:

„Въ 960 году возстановленія имперіи здѣсь положенъ города Квамо мѣщанинъ Бундлай, искусствомъ столяръ. Онъ былъ человѣкъ добрыхъ нравовъ, вѣренъ въ своемъ словѣ, никогда въ мастерствѣ своемъ не имѣлъ на себя жалобы, дѣтей своихъ научилъ тому же ремеслу, и изобрѣлъ дѣлать вѣтреныя мельницы. Правительство, уважая въ немъ гражданскія добродѣтели и полезное изобрѣтеніе, чрезъ что много труда убавилъ у народа, чтобы молоть въ ручные жернова, поставило ему сей памятникъ, въ 990 году.“

Возлѣ него лежалъ простой сѣрый камень. Любопытствовалъ я и сію надпись прочесть, но коль я удивился когда нашелъ:

„Въ 1100 году, здѣсь положенъ Буги-Агай-агибъ, хранитель законовъ“.

Нашедши я такую разность между столяра и, по нашему назвать, канцлера, весьма удивился.

Примѣтивъ мое удивленіе, вождь мой мнѣ говорилъ: „чему вы удивляетесь, что столяръ преимущественное имѣетъ надгробное зданіе и надпись? Смертію всѣ люди равняются и остается токмо память ихъ дѣлъ и пользъ, которые они обществу оказали. Сей столяръ, какъ вы видите, къ полезному изобрѣтенію присоединилъ похвальные гражданскіе качества, а сей агибъ ничего почти полезнаго не содѣлалъ; оба они человѣки, а потому въ памятникахъ своихъ и должны пользоваться токмо тѣмъ преимуществомъ, которое независимо отъ фортуны они по человѣчеству имѣли. Вы видите здѣсь много могилъ, которыя ниже какого камня имѣютъ, и токмо остатокъ возвышенія и трава ихъ означаетъ. Не думайте, чтобы тутъ все подлые люди были погребены. Тутъ есть множество сановниковъ государства, которые, не содѣлавъ ничего достойнаго, не удостоились и камня на гробѣ своемъ имѣть, и тѣлеса ихъ подвержены, когда по прошествіи великаго числа лѣтъ, наполнится сіе погребалище—каковыхъ у насъ три, и сіе уже четвертый разъ возобновляется — тогда неимѣющіе знака разрываютъ кости ихъ, тутъ погребаютъ въ углу, гдѣ и на томъ мѣстѣ вновь погребаютъ. Но что я говорю о подданныхъ, многіе Государи наши не удостоились имѣть надгробныхъ памятниковъ и надписей, яко въ семъ зданіи (указуя мнѣ на четвероугольное зданіе) увидите. Такимъ образомъ мы стараемся возбудить въ нашихъ гражданахъ любочестіе и по смерти ихъ и учинить, чтобы они не все взирали на настоящее ихъ благосостояніе, но и на честь, каковую могутъ по смерти получить“.

Но кто, отвѣтствовалъ я, можетъ

такъ судить мертвыхъ людей? Не примѣшаются ли тутъ пристрастія, ради царствующаго сына, или въ вельможныхъ чинахъ находящихся потомковъ; или пристрастіе ненависти, бывъ царемъ или вельможею, хотя и по справедливости, огорчены?

„Нѣтъ—отвѣтствовалъ онъ мнѣ—по крайней мѣрѣ у насъ взяты удобнѣйшіе по человѣчеству расположенія. Никто у насъ по самой своей кончинѣ не имѣетъ надгробнаго памятника, а по прошествіи тридцати лѣтъ смерти Царя, собираются собраніи народные. Они судятъ о ихъ первыхъ начальникахъ и о прочихъ даже до самыхъ нижнихъ; о послѣднихъ рѣшатъ какого памятника достойны, а о вторыхъ, собравъ голоса и доказательства, приводятъ въ государственныхъ чиновъ нарочно для сего учиненное собраніе, гдѣ сперва судятъ, во первыхъ, умершаго Императора, потомъ его министровъ и всѣхъ главныхъ начальниковъ, коимъ и опредѣляютъ приличные памятники, и тогда говорятъ похвальныя рѣчи на ихъ могилахъ, освѣщаютъ ихъ свѣщами, украшаютъ цвѣтами и другіе знаки благодарности надъ оными творятъ. Тридцать же лѣтъ положенный срокъ есть таковъ, что всѣ страсти, ради или противу мертваго утухаютъ, дѣла ихъ—принесли пользу или нѣтъ—испытаніемъ времени ясны становятся, а еще есть довольно свидѣтелей всѣхъ ихъ поступкамъ. И въ слѣдующій годъ у насъ будетъ собраніе для сужденія дѣда нынѣшняго Императора и его министровъ“.

Идучи къ царскому погребалищу, бывъ побуждаемъ моимъ любопытствомъ, часто я совращался съ пути моего обзирать не только великолѣпныя гробницы, но и самые простые камни. Между великолѣпныхъ, правда, я нашелъ многіе, созданные въ честь первыхъ степеней людей государства, но многіе изъ нихъ были и въ честь самыхъ нижнихъ чиновниковъ—въ честь купцовъ и мастеровыхъ людей, а многіе были и въ честь женъ, яко между прочимъ одна великолѣпная, изъ сѣраго камня состроенная, съ ея изображеніемъ статуею, на которой была слѣдующая надпись:

„1201 года здѣ погребена Улоа, добродѣтельная супруга беймаса (генералъ-маіора) Кулинъ-тага. Она была ему вѣрна, благопріятна ко всѣмъ, прилагала попеченіе о воспитаніи своихъ дѣтей. Бывъ во градѣ Зилзе съ мужемъ своимъ, который тогда претерпѣлъ вражеское нападеніе, она всѣ труды и опасности оныя съ нимъ раздѣляла, и наконецъ, когда два сына и мужъ ея были убиты на стѣнахъ и воины оробѣли, съ мечемъ въ рукахъ прибѣжала на стѣны, представляя откровенную свою грудь врагамъ, возбудила бодрость воиновъ и градъ отъ взятія спасла, и въ старыхъ лѣтахъ скончалась въ Квамо“.

Возлѣ нея другая гробница, не толь великолѣпная, на коей токмо медальономъ портретъ младой жены былъ изображенъ съ надписью:

„1005 года, здѣсь погребена Лунива—супруга санодѣлателя. Красота ея

прельстила тогда царствующаго Императора Рамзи. Сей, бывъ развратный нравами, повелѣлъ ее восхитить для удовольствія своей страсти. Она, видя неизбѣжную гибель, притворилась согласною на все быть, а просила токмо нѣсколько часовъ времени удовольствовать его хотѣніе. Получа сіе согласіе и уединяясь въ комнату, имѣющимся при ней ножемъ выколола себѣ глазъ, обрѣзала носъ и губы и все тѣло свое ужасно изчеркала, а потомъ, какъ Императоръ пришелъ, сказала ему: красота моя подвергала меня лишиться чести; я ее наказала. Устыдись и накажи себя за то, къ чему ты любострастіемъ своимъ меня подвергнулъ. Въ память толикія добродѣтели созданъ ей сей памятникъ, тогда какъ Императоръ и голыша на гробѣ своемъ не имѣетъ“.

Были многія и другія подобныя во всѣхъ частяхъ добродѣтели, были и самыя скудныя ради первостепенныхъ людей. Даже какъ мы, уже бывъ при всходѣ въ царское погребалище, представилося мнѣ зданіе, изъ чернаго мармора содѣланное, украшенное рѣзьбою изъ позлащенной мѣди. На верху была статуя въ ростъ человѣческій, мѣдная же, позлащенная, а на пьедесталѣ, на доскахъ бѣлаго мрамора, позлащенными же мѣдными литерами была изваяна слѣдующая надпись:

„1305 здѣсь не погребенъ, ибо пусто мѣсто той земли, которое бы удостоено было сокрыть кости великаго мужа Агибѣ, Миноско-дола. Онъ, когда хищникъ и мучитель Дамбетъ (коего имя

токмо для проклятія его здѣсь вмѣщается) хотѣлъ разрушить всѣ благіе законы и ввести единое свое хотѣніе за правило въ законъ, толь твердо ему сопротивлялся, что самыхъ робчайшихъ побуждалъ сохранить праотеческіе законы, къ чему испытанная его добродѣтель, разумъ, и заслуги отечеству, какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, такъ и въ военныхъ, ему способъ подавали; ввергнутый въ темницу согнившей (sic) отъ сырости, потомъ мучимый, и при самой мучительной казни не отступилъ отъ твердости своей и не прельстился ни на какія лестныя обѣщанія. Изрубленъ тираномъ на части, тѣло его было сожжено. По изгнаніи тирана, въ назначенное законами время, содѣлана была ему сія пустая гробница, въ память его добродѣтели—поставлена близь царскаго погребалища, для показанія, что таковыхъ честныхъ и добродѣтельныхъ министровъ должны они искать“.

По семъ мы вошли въ царское погребалище и первое, что мнѣ представилось, была мѣдная позлащенная гробница, на подобіе высокой пирамиды содѣланная, на которой содѣланы были разныя изваянія. Пьедесталъ ея былъ изъ бѣлаго лучшаго мрамора, а на верху стояла въ ростъ человѣческій великая статуя, о коей увѣряли меня, что она была златая. Вокругъ ея были поставлены восемь чернаго мрамора столбовъ, съ мѣдными позлащенными капителями, и сведенъ былъ сводъ, также рѣзбою внутри испещренный,

которая была изъ позлащенной мѣди, на черномъ мраморѣ.

Сія гробница была ихъ славнаго Государя Сабакула; надпись на пьедесталѣ чернаго мрамора, златыми врѣзанными литерами учиненная, была весьма кратка и содержала:

„Въ 65 году погребенъ здѣсь Сабакулъ Императоръ, тотъ, который падающую имперію возобновилъ, мудростію своихъ законовъ не временное, но вѣчное счастіе ей содѣлалъ, который былъ снабженъ всѣми добродѣтелями и власть свою любилъ токмо, поелику могъ ею счастіе подданныхъ своихъ составлять. Неудобно есть все его дѣянія здѣсь описать; воззри на нихъ кратко, на близь стоящей доскѣ, удивись его дѣламъ и сожалѣй, что не имѣешь счастіе при немъ жить. Преемникъ же его подражаетъ онымъ“.

И подлинно, окруженная украшеніями стояла въ сторонѣ великая мѣдная доска, гдѣ кратко его исторія была прописана, но я здѣсь оной не вмѣщаю, ибо когда буду говорить о учиненной перемѣнѣ симъ Сабакуломъ, то и сіе описаніе по большей части и еще пространнѣе вмѣстится. Но хотѣлъ я узнать знаменованіе изваяній, находящихся на пирамидѣ, и мнѣ было истолковано; на единой сторонѣ, какъ онъ защищалъ права отечества и былъ сосланъ императрицею Рихшею; на другой, какъ онъ былъ избранъ въ императоры; на третьей, даетъ законы, на четвертой, во время нужды государственной, отдаетъ всѣ сокровища короны, дабы прокормить народъ.

Потомъ я осматривалъ другія гробницы. Иныя были довольно великолѣпны, другія же имѣли простой камень, но ничего чрезмѣрно-отличнаго я въ оныхъ не обрѣталъ. Вожатый мой примѣтилъ мое удивленіе и слѣдующее мнѣ говорилъ: „Законы наши и учрежденія, содѣланные великимъ Сабакуломъ есть столь хороши, что преемникамъ его не остается ничего болѣе дѣлать, какъ по онымъ поступать. Слишкомъ въ 1700 лѣтъ не было у насъ прямо злыхъ Государей, окромѣ двухъ, окромѣ Рамзи и Бомбета, коихъ ты имена, къ поруганію ихъ памяти, на гробницахъ видѣлъ; но и тѣ, сверженные съ престола, въ темницѣ жизнь свою скончали. Правда, многіе не удостоились никакого памятни[illegible] но проступки ихъ были не велики, котор[illegible] они и добродѣтелью своею не [illegible]дили; ибо знайте, что мы суд[illegible] [illegible]жае своихъ Государей, нежели приватныхъ людей, и единый законъ[illegible] безъ разсмотрѣнія учиненный, который вредъ нанесъ государству, если онъ не награжденъ великими заслугами, лишаетъ постановленія памятника Государю. Однако вы видите многія великолѣпны[illegible] гробницы, яко Бигая, утвердившаго наслѣдство имѣній; Зингія, введшаго распоряженіе о полиціи; Билтея, пресѣкшаго великое злоумышленіе, сочиненное противу его особы; Зиндивея, умно[illegible]шаго земледѣліе и введшаго многія травы и древеса рости въ нашей странѣ; Пилпея, учредившаго училища и узаконившаго объ нихъ; Загатая, побѣдившаго

многихъ враговъ и законодательствомъ своимъ приведшаго ихъ возлюбить свое покореніе; Пингея, учинившаго полки поселенны; Баагія, утвердившаго границы государства; Титея, наказавшаго злоупотребленіе вельможъ; Бракола, уставившаго порядочно доходы и упустившаго многіе стѣсняющіе вольность народную и прочихъ. Подводилъ меня къ симъ великолѣпнымъ гробницамъ, гдѣ я читалъ имена сихъ любезныхъ Офирской имперіи государей, купно и съ дѣяніями ихъ, за что таковыя гробницы имъ были созданы. Находились тутъ нѣкоторыя гробницы и Императрицъ, которыя иль любовь къ отечеству показали, или укрощали горячность своихъ супруговъ или дѣтей, или что славное содѣлали. Вообще же каждая Императрица, коей супругъ удостоился содѣланія памятника, если не была въ какомъ проступкѣ изобличена, получала честь гробницы, хотя не толь великолѣпной какъ ея супругъ, однако довольной для сдѣланія ей чести памяти. Симъ способомъ, говорилъ вожатый мой, въ самомъ домѣ своемъ и на самомъ своемъ ложѣ имѣлъ совѣтника, побуждающаго его къ пользѣ государства.

Осмотря сіе достойное любопытства погребалище, послали мя въ единъ загородный королевскій домъ, близъ онаго стоящій при теченіи рѣки Квамо, которая отчасти его окружала. Тутъ я нашелъ не весьма пространное зданіе, съ простыми украшеніями. Простота архитектуры и спокойство комнатъ составляло все его украшеніе. Но на-

противу того сады были великой пространности, насаженные плодовитыми деревьями, не порядочными дорогами, но на подобіе лѣса, съ малыми дорожками среди деревьевъ и кустовъ. Были тутъ нѣкоторыя бесѣдки также простой, но хорошей архитектуры, содѣланныя для успокоенія. И самые находящіеся въ семъ пространномъ саду овраги и заразы наполнены были кустами, ростущими деревьями, яко такіе мѣста, которые множествомъ нанесеннаго тутъ снѣга во время зимы, при великихъ стужахъ, удобнѣе могли сіи деревья сохранить. Въ единой странѣ находилась пространная долина, между многихъ высотъ вся насажденная молодыми деревьями, о которой вожатый мой мнѣ сказалъ, что сія была учреждена для удовольствія народнаго, что понеже сіи сады были наполнены лучшими плодоносными деревьями, отбирая молодыя, сажали въ сію долину и изъ оной продавали приватнымъ людямъ дешевыми цѣнами, дабы могли и тѣ завести подобные деревья. Также въ удобныхъ мѣстахъ, индѣ копаные, а индѣ на протокахъ, были содѣланы пространные пруды, наполненные рыбою, изъ которыхъ также по нѣкоему числу для приватныхъ людей оную продавали. Вожатый мой, примѣтя во мнѣ нѣкоторое удивленіе, мнѣ сказалъ, что се есть обычай Офирскіе страны, что и самъ Императоръ, не нанеся себѣ безчестія, не можетъ содѣлать себѣ како зданія для увеселенія, чтобы тогда же не учинилъ воззрѣнія на пользу на-

родную. Показалъ онъ мнѣ стоящія тутъ великія житницы, которыя—увѣрялъ—что были наполнены разнымъ хлѣбомъ, а съ единыя высоты показалъ мнѣ пространныя поля, которыя были обдѣланы. А здѣ, говорилъ онъ, приставлены знающіе люди въ земледѣліи; они надъ сими полями, часто и съ убыткомъ государевой казны, дѣлаютъ разныя испытанія въ посѣвѣ разныхъ хлѣбовъ, и по пятилѣтнемъ испытаніи, которымъ поденную записку обнародуютъ, берутъ окружныхъ деревень крестьянъ на два года учиться ихъ новому изобрѣтенію. Изъ сихъ житницъ, говорилъ онъ, выдаютъ за деньги тѣ сѣмена приватнымъ людямъ, которые требуютъ частаго перемѣненія. Сей въ долинѣ лѣсъ, который вы видите, есть весь составленъ изъ акацій, или гороховаго дерева, а сіе, къ полудню лежащее, поле зеленѣющееся все насажено земляными яблоками, коего края обсажены потанасами (sic) въ шесть рядовъ; и сіе есть токмо первое заведеніе, ибо уже нынѣ и всѣ крестьяне, переучась и нашедши себѣ пользу, огороды свои обсаживаютъ акаціями и множества садятъ земляныхъ яблокъ и патанасовъ.

Въ разстояніи полу-французской мили, на берегу рѣки, усмотрѣлъ я великое четвероугольное низкое зданіе, о которомъ любопытствовалъ я также спросить, какое оно? Вожатый мой мнѣ отвѣтствовалъ, что сіе было скотный дворъ, гдѣ не токмо для довольствія императорскаго двора и для удобренія земель содержалася скотина, но

также и для продажи за дешевую самую цѣну приватнымъ людямъ. Ибо, говорилъ онъ, хладность нашего климота чинитъ, что всякая скотина у насъ вскорѣ мелѣетъ, то чтобы породы содержать, ежегодно изъ теплѣйшихъ мѣстъ выписывается во многіе императорскіе заводы знатное число такой скотины, которая или самая та, по привычкѣ къ нашему климату, раздается за дешевую цѣну приватнымъ людямъ, или по крайней мѣрѣ другой родъ, а не третій, и чрезъ сіе доброта въ скотинѣ содержится. А сихъ ради установленій сей царскій домъ именуется пои-катци, то есть домъ полезности. Не рѣдко наши государи пріѣзжаютъ въ сіе жилище, наслаждаются простою сельскою жизнію и очевидные бываютъ свидѣтели трудовъ земледѣльца, а сіе самое и воздерживаетъ ихъ отъ налоговъ на то состояніе людей, которые съ столь великимъ трудомъ пропитаніе другимъ состояніямъ людей пріобрѣтаютъ.

Подлинно можно бы было, входя во всѣ подробности сего по видимому домашняго домостройства, въ самомъ же дѣлѣ государственнаго, многое описывать, ибо тутъ все расположено въ цѣну, все подвергнуто исчисленію и на такомъ основаніи служитъ образцомъ и училищемъ частнымъ домоводствамъ; но какъ я есть чужестранный и токмо принужденъ единые начертанія дѣлать, понеже нѣкоторыя подробности только удобны къ той странѣ, то оставляю сіе и продолжаю описаніе моего осмотрѣнія.

Уже вечеръ начиналъ наступать, и я опасался, что въ другой увеселительный домъ мнѣ некогда будетъ ѣхать, но вождь мой мнѣ сказалъ, что и самое ночное время не воспрепятствуетъ мнѣ видѣть все достойное примѣчанія въ томъ загородномъ домѣ, куда мы и поѣхали.

Сей домъ именовался танги-пои, то есть зимняя полезность. Онъ былъ разстояніемъ отъ перваго въ полуфранцузской мили. Когда мы стали къ нему подъѣзжать, увидѣлъ я предлинное зданіе—все освѣщенно, что весьма меня удивило, и я вопрошалъ вожатаго моего о причинѣ сего освѣщенія съ нѣкоимъ удивленіемъ. Онъ на сіе мнѣ отвѣтствовалъ, что, когда я увижу сей домъ, то и самъ причину онаго узнаю, а послѣ, ѣдучи обратно въ городъ, онъ, что подлежитъ къ моему свѣдѣнію, потщится мнѣ разсказать. Подъѣхавъ, увидѣлъ я множество стоящихъ тутъ разныхъ повозокъ, а потомъ вошли мы въ пространный домъ, который онъ мнѣ сказывалъ быть домъ жилища императорскаго; онъ въ фасадѣ своей состоялъ въ пространныхъ сѣняхъ, на обѣихъ сторонахъ по весьма длинной галереи, которыя были изрядно освѣщены, но другія комнаты на другую сторону и великія крылья дома освѣщены не были, которыя были комнаты житья императорскаго и его семьи, кои мы, со свѣчами ходя, осматривали, но ничего великолѣпнаго и особливо достойнаго примѣчанія, окромя самой простоты, я не нашелъ. Въ сихъ же двухъ, помянутыхъ мною галереяхъ видѣлъ

я множество картинъ, представляющихъ разныя растенія, на которыхъ были надписи, которымъ Императоромъ они въ Офирскую землю были пріобрѣтены. Вожатый мой мнѣ сказалъ, что сіи картины были яко памятники посвященные тѣмъ Императорамъ, которые учинили сіи растенія знаемы въ ихъ странѣ.

Въ концѣ каждой сихъ галерей находились двери, которыми по нѣсколькимъ ступенямъ внизъ сходили въ пространныя оранжереи, по обѣимъ сторонамъ, и каждая была въ полъ-мили длиною, перегороженная въ разныя части. Сіи были наполнены ананасами, бананами, померанцевыми и лимонными деревьями, кофейными деревьями, персиками, абрикосами и другими, изъ разныхъ странъ Индіи привезенными, плодоносными и цвѣтовыми растеніями; въ великомъ порядкѣ вездѣ висѣли фонари, освѣщающіе сіи оранжереи, и видѣлъ я множество народа ходящаго тутъ. За оранжереями другой рядъ были комнаты также освѣщенныя, гдѣ каждый могъ съ своими сотоварищами найтить себѣ отдохновеніе, ужинъ и нужное прохлажденіе. Толь великое изъ разныхъ странъ собраніе растеній меня удивило и толь многочисленное собраніе людей всякаго состоянія. Я съ любопытствомъ вопрошалъ моего вожатаго о причинѣ сего учрежденія и кто оное учинилъ.

На сіе мнѣ вожатый отвѣтствовалъ: уже болѣе пятисотъ лѣтъ сіе учрежденіе содѣлано Императоромъ нашимъ Бузиръ-Коламъ, коего вы видѣли гроб-

ницу изъ чернаго мрамора, на коей есть и надписаніе о семъ учрежденіи. Онъ былъ государь миролюбивый и милосердый къ своимъ подданнымъ. Попеченіе его о земледѣліи, а паче о садахъ, память его прославило. Сперва самая охота его побудила начать заведеніе таковыхъ теплицъ и съ трудомъ доставать изъ теплѣйшихъ мѣстъ деревья, а потомъ, разсуждая, что семь мѣсяцевъ продолжающаяся зима принуждала всѣхъ людей въ заперти въ комнатахъ своихъ находиться, поелику таковая жизнь явнымъ образомъ приключала поврежденіе здоровья, учреждено было сіе зимнее гулянье, гдѣ каждый, заплатя самую бездѣлицу для освѣщенія, можетъ себѣ удовольствіе находить. Я его вопрошалъ: сколько платятъ? Онъ на сіе мнѣ сказалъ, что бѣдные платятъ не болѣе десяти копѣекъ въ годъ, а богатые что хотятъ, и сіе токмо для освѣщенія, а сверхъ того содержаніе питья и кушанья особливо откупаютъ, и сего становится довольно для содержанія освѣщеніемъ сихъ зимнихъ гульбищъ, куда часто и самъ Императоръ пріѣзжаетъ.

Я нашелъ тутъ многихъ своихъ знакомыхъ, съ которыми съ удовольствіемъ ходилъ и, дабы мнѣ пользоваться симъ гуляньемъ, зная, что зиму долженъ буду прожить, далъ десять руновъ смотрителю, который тотчасъ поднесъ мнѣ книгу подписаться и далъ мнѣ билетъ, съ которымъ я всю зиму имѣлъ право ѣздить гулять въ сіи мѣста.

Поздно уже намъ было тогда идти въ пространный садъ, но какъ я многажды въ немъ и послѣ бывалъ, то здѣсь его опишу. Онъ весь былъ составленъ изъ плодовитыхъ деревьевъ, непорядочно посаженныхъ, представляющихъ самую природу. Переплетенные пути вели въ разные убѣжища. Въ пустыхъ мѣстахъ были содѣланы разныя гряды и парники, гдѣ посаждено было великое число лекарственныхъ травъ, а среди самаго сада находилась пространная галерея съ комнатами, содержащая ботаническую библіотеку. Стѣны самые ея были убраны картинами, представляющія сіи травы съ ихъ именованіями и съ показаніемъ мѣста, гдѣ ихъ найтить въ саду или въ оранжереяхъ. Сей садъ, сказывали мнѣ, назначенъ для науки ботаники, и изъ него съ малымъ платежемъ берутъ тѣ травы, которыя въ поляхъ и лѣсахъ не растутъ, для употребленія въ лекарства. Среди самаго сада протекалъ чистый источникъ, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ запруженъ и представлялъ каскады; также было ископано нѣсколько довольно великихъ прудовъ.

Въ семъ состояло все, что я нашелъ особливо примѣчательнаго въ семъ императорскомъ домѣ, и мы уже около девяти часовъ оттуда поѣхали въ городъ, а какъ онъ былъ ближе кладбища и другаго дома увеселительнаго, то мы въ началѣ десятаго часа пріѣхали домой, опредѣля завтрашній день другія мѣста сколько можно посѣщать.

ГЛАВА IX.

Продолженіе обозрѣній писателя достойныхъ любопытныхъ вещей въ Квамо.

На завтра въ семь часовъ мы поѣхали видѣть помѣстную палату. Сіе составляетъ великолѣпное и пространное зданіе, въ единой отдаленной части города находящееся; окружено оно со всѣхъ сторонъ пространными площадями, на которыхъ посажены въ два ряда большіе деревья. Рѣка Квамо у одной стѣны сего дома протекаетъ, и мы съ набережной стороны къ нему подъѣхали.

Какъ уже предупреждено было отъ правленія, меня вездѣ хорошо принимать, то при выходѣ встрѣченъ я былъ однимъ судьею, который меня повелъ по присутственнымъ комнатамъ. Въ первую большую мы комнату вошедъ, увидѣли стѣны обиты въ большомъ маштабѣ сочиненною картою всей Офирской имперіи, а между окошекъ, маленькими частными картами губерній и уѣздовъ. По середкѣ стоялъ большой круглый столъ, на которомъ также лежали карты, нѣсколько книгъ и циркули, но не нашелъ я никого въ присутствіи тутъ. Сіе естественно побудило мое любопытство спросить, что какъ я вижу присутственную палату, какъ мнѣ по поставленнымъ стульямъ видно, но судей тутъ не обрѣтаю? Вожатый мой — судья, который меня встрѣтилъ, отвѣтствовалъ на сіе: „Сіе есть палата полнаго собранія всѣхъ департаментовъ сего присутственнаго мѣста, въ которую они токмо тогда собираются, когда случается какое такое дѣло рѣшить, гдѣ случится темнота законовъ, или такое дѣло, которое законы и не предвидѣли; а какъ естественно весьма должны быть такіе дѣла рѣдки, то и весьма рѣдко собираются въ нее, и уже семь лѣтъ, какъ не было въ ней ни единаго собранія“. Слѣдственно, сказалъ я, она не нужна!“ Простите, господинъ мой— отвѣтствовалъ мнѣ судья, „если и въ семьдесятъ бы лѣтъ случилось одиножды въ нее собраться, она есть нужна, ибо чѣмъ же темные законы или недостатокъ ихъ рѣшить, когда отмѣнить такое узаконеніе? А пребываніе его требуетъ и мѣста для собранія. Здѣсь же хранятся общія карты всей имперіи и книги всѣхъ владѣній“. Какія книги? вопросилъ я. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ: „не истолковывая вамъ объ оныхъ, вы сами ихъ увидите—и, подошедъ къ столу, разогнулъ изъ одной кучи первую встрѣтившуюся ему книгу. Любопытенъ я былъ прочесть ея надписаніе и видѣть ея содержаніе. Се есть надписаніе: Книга алфавитная деревень и земель, губерніи Квамо, округа Бринкого, съ 1600 года, по возобновленіи имперіи. По семъ хотѣлъ я видѣть ея содержаніе. Сія книга была расположена по алфавитному порядку. Каждыя двѣ страницы открытой книги сочиняли одинъ листъ. Полныя владѣнія яко волости или села, имѣющіе приписныя деревни и земли, были писаны красными буквами. Которые же приписные — тѣ писаны обыкновенными

черными съ означеніемъ къ которому главному мѣсту принадлежатъ. Каждый такой листъ былъ разграфленъ во множество графъ, и противу каждаго изъ сихъ было писано, что такое главное мѣсто, или деревня, или землица, въ такомъ году, по такому праву перешла, такая землица была между многихъ раздѣлена, и сіе каждый переходъ въ особливой графѣ записанъ. Сіе побудило меня спросить къ чему сіе служитъ и какой наблюдется для сего порядокъ? Отвѣтствовалъ мнѣ судья: „Всѣ помѣстные дѣла не отчего инаго происходятъ, какъ отъ спору кому можетъ принадлежать какое недвижимое имѣніе, а понеже каждое прехожденіе и раздѣленіе землицъ записано въ сей книгѣ, то и гражданинъ, въ единый мигъ справясь, можетъ имѣть свѣдѣніе о исторіи своихъ владѣній отъ давнѣйшихъ лѣтъ, ибо сія книга, которую вы видите, есть токмо въ прибавленіе къ прежнимъ, потому что за 1200 лѣтъ такія у насъ продолжаются, а потому все свое право вдругъ увидѣть можетъ, тѣмъ наипаче, что вы видите поставленные номера, которые показуютъ, гдѣ и оригинальные дѣла въ архивѣ можно сыскать о томъ имѣніи. Порядокъ же о записыванѣ учрежденъ слѣдующій: каждый, вступая въ свое владѣніе, по наслѣдству ли, или по купчей, долженъ право свое объявить для записанія въ сію книгу; но если бы отъ какого небреженія и не объявилъ, то округа судья не допуститъ его вступить во владѣніе того имѣнія, пока имъ выведенъ не будетъ, и немедленно о семъ увѣдомляетъ сіе присутственное мѣсто, которое дважды въ недѣлю посылаетъ отъ себя трехъ судей, которые по всѣмъ объявленіямъ и репортамъ вносятъ сіи прехожденія въ книгу. Тѣ же, которые не рачили объявить своего права для вписанія, платятъ малую пеню съ земель и съ душъ“.

Но, государь мой—говорилъ я ему—разсматривая прилежно сію книгу, нашелъ я, что хотя часто отдѣленныя землицы между многими раздробляются, но селеніи никогда. Пожалуста скажите мнѣ о семъ, какое право у васъ наслѣдства отъ отца дѣтямъ и чего ради единые не раздробляются, а другіе раздробляются? Охотно отвѣтствовалъ мнѣ судья: „Право наше о раздѣлѣ, между дѣтей и другихъ, какіе могутъ быть наслѣдники недвижимыхъ имѣній, состоитъ, дабы мнѣ въ большую о семъ не входить съ вами подробность, что мужескій и женскій полъ можетъ въ нихъ наслѣдникомъ быть на такомъ основаніи, что всегда женщина получаетъ въ половину противу мущины. Для лучшей ясности представлю я вамъ нѣкоторые примѣры. Если бы, послѣ родителей, осталось два брата и четыре сестры, все имѣніе располагается на восемь частей, изъ коихъ каждый братъ беретъ по двѣ части, а сестра по одной. Если кто изъ дѣтей умретъ, то имѣніе его наслѣдуетъ отецъ и мать вообще, считая однако отцу двѣ части, а матери одну часть, но съ тѣмъ, что они сего недвижимаго имѣнія избыть

уже не могутъ никакимъ образомъ: пойдетъ оно послѣ ихъ наслѣдникамъ ихъ. Дѣти развѣ женатые, и то со стороны своихъ женъ, или замужнія дочери со стороны своихъ мужей, никакого права къ наслѣдію не имѣютъ, но все приходитъ къ родителямъ на такомъ же основаніи, какъ я вамъ сказалъ о восходящихъ отъ дѣтей имѣніяхъ къ родителямъ. Такимъ образомъ уже у насъ долгое время продолжалось, и всѣ имѣнія безъ всякаго различенія подвергнуты были къ раздробленію. Пятьсотъ тому уже лѣтъ, какъ правительство, примѣтивъ, что такія раздробленія приключаютъ ссоры и неудобство въ домостройствѣ, за лучшее разсудило содѣлать слѣдующія узаконенія: всякое, въ наслѣдство идущее между многихъ недвижимое имѣніе, должно быть при единомъ судьѣ и нѣсколькихъ повѣренныхъ отъ каждаго сонаслѣдника росписано, стараясь елико можно, чтобы имѣніе и ихъ дачи не раздроблять. Если же сего не можно, то и оныя раздробить. Каждой части дать выборъ наслѣдникамъ. Если же не согласятся—рѣшить то жеребьемъ; но какъ таковое бы раздробленіе было вредно государству, то учинится по общему согласію оцѣнка каждой части таковаго селенія и предложится, чтобы кто изъ имѣющихъ участіе другимъ за прочія части заплатилъ деньги; если кто одинъ получитъ позволеніе отъ другихъ, то сіе пріемлетъ на себя и даетъ имъ обязательство заплатить въ десять, а не болѣе какъ въ пятнадцать лѣтъ, платя по четыре процента. Если же никто не согласится, то кидается жеребій, отдается по неволѣ тому, на кого жеребій падетъ“.

Но, государь мой—говорилъ я,—сіе можетъ произвести великое затрудненіе, ибо если на кого падетъ такой жеребій, а онъ денегъ не имѣетъ, то чѣмъ заплатитъ онъ? „Правительство сіе предвидѣло—отвѣтствовалъ онъ—и способы учинило; оно положило въ каждомъ городѣ знатныя денежныя суммы съ тѣмъ, чтобы такимъ помогать. И тако, если кому достанется жеребій заплатить деньги, то тотчасъ отчислится доходъ съ сихъ частей, и судья, присутствующій при раздѣлѣ, дастъ отъ имени правительства въ обязательство пятнатцать лѣтъ положенную цѣну заплатить, платя уже по три процента на сто, за остающуюся сумму. Правительство возметъ въ закладъ сіи части имѣнія и обяжетъ новаго владѣтеля, чтобы всѣ доходы съ оныхъ взносилъ въ судебное мѣсто, изъ которыхъ оставляется два процента на умноженіе казны, а достальные съ тремя процентами на остающіяся деньги отдаются тѣмъ, чьи имѣнія куплены. И тако не чувствительно долгъ выплачивается, и тѣ свое получаютъ“.

Не могъ я на сіе не сказать, что таковое учрежденіе мнѣ является толь полезно покупающимъ, толь вредно и разорительно продающимъ; ибо покупающій, купя, долженъ считать, что онъ ничего имѣнія себѣ не пріобрѣлъ и ожидаетъ терпѣливо пятнадцать лѣтъ, когда вдругъ его чистое получитъ. А

продающій, получая только по три процента и малую уплату, деньги издержитъ, а по прошествіи пятнадцати лѣтъ останется безо всего.

На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что возраженіе мое видъ справедливости имѣетъ. „Но на сіе легко можно отвѣчать, и, первое: получая по три процента, онъ дѣйствительно развѣ съ самою малою убавкою получаетъ тотъ самый доходъ, какъ бы получалъ съ своего имѣнія, и потому въ разсужденіи доходовъ ничего не теряетъ; второе: въ разсужденіи издержки капитальныхъ денегъ, то, во первыхъ, въ странѣ ихъ излишно проживающаго человѣка презираютъ; что если онъ въ службѣ, то жалованье его такъ распредѣлено, что онъ и безъ доходовъ можетъ прожить, и, третье: при всякой выдачѣ правительство дѣлаетъ увѣщаніе, не хочетъ ли кто оставить сіи капитальныя деньги въ казнѣ, на что большая часть и соглашаются, и слѣдственно, или не имѣютъ случая издержать, или отдавъ ихъ въ правительство и получая доходъ, по прошествіи пятнадцати лѣтъ, имѣютъ полную сумму за свое имѣніе, на которую и другое могутъ пріобрѣсти; четвертое: не бывъ заняты домостройствомъ, болѣе побуждаются къ службѣ, а наконецъ, пятое: еслибы кто отъ безумія своего и претерпѣлъ, то не лучше ли предать ихъ таковыхъ достойной имъ судьбѣ, взирать правительству на общее благо и на лучшее благоустройство.

„Я,—продолжалъ онъ—вамъ болѣе скажу, что правительство, усмотря изъ великаго числа бывшихъ дѣлъ, по коимъ были убійства, потравы и разныя затрудненія въ домоводствѣ, учиня таковое учрежденіе, о каковомъ я вамъ сказывалъ, усмотрѣло, что оно можетъ токмо служить впредь не раздроблять селенія, но что раздробленные въ томъ же состояніи остаются; для соединенія еще ихъ слѣдующее узаконило: хотя у насъ и не часто продаются недвижимыя имѣнія, однако они иногда продаются; положено время выкупа онымъ имѣніямъ два года по обнародованіи, что оно продано. Выкупщики суть ближніе родственники продавца, которые, если ихъ много, или сами между собою соглашаются, или кидаютъ жеребій для выкупа, и съ ними въ таковое же право входитъ каждый, имѣющій участіе въ томъ недвижимомъ имѣніи, хотя бы онъ и ни мало свойственникъ не былъ, еще съ тѣмъ преимуществомъ, что государство при каждомъ выкупѣ имѣніе беретъ по три процента съ выкупщика, а ежели выкупитъ соучастникъ, то ему сія пошлина уступается, чрезъ что онъ можетъ всегда родственникамъ его, совыкупщикамъ дать нѣкоторое воздаяніе, дабы самовольно они его до выкупа допустили, и симъ способомъ уже великое число имѣній прежде раздробленныхъ стали соединены“.

Я весьма доволенъ былъ всѣми сими объясненіями, и онъ повелъ меня по присутственнымъ камерамъ. Первая, въ которую онъ ввелъ, называлась г а я к а м а н а, то есть камера добраго совѣта. Должность ея состояла, что каждое прошеніе, которое подавалось въ сію помѣстную палату, въ который бы оно департаментъ ни шло, надлежало быть подано въ сей департаментъ добраго совѣта. Оно, принявъ его, назначало день, въ который двѣ спорящіяся особы, имѣя каждый при себѣ по одному совѣтнику, должны явиться, которые съ тремя тутъ присутствующими судьями разсматривали самое существо дѣла и давали совѣтъ помириться, показывая кто правъ и кто виноватъ, и если кто большимъ числомъ голосовъ былъ обвиненъ и на миръ не соглашался, то, по даніи трехъ дней на размышленіе, тотъ хотя и могъ право свое обыкновеннымъ порядкомъ отыскивать, но долженъ былъ малую сумму положить въ залогъ въ сіе первое мѣсто, которая, если онъ былъ обвиненъ, оставалась въ ономъ, а если былъ оправданъ, то ему и съ процентами возвращалась. Прошеніе же его отъ сего присутствія отсылалось въ тотъ департаментъ, гдѣ оно должно быть суждено.

Я, вошедъ въ сіе присутствіе, нашелъ тутъ трехъ почтенныхъ мужей, засѣдающихъ судьями, и другихъ четырехъ, которые были просители и ихъ совѣтники, какъ мнѣ о семъ вожатый мой судья сказалъ. Они, учиня мнѣ учтивство своимъ привѣтствіемъ, просили у меня позволенія ихъ продолжать дѣло: ибо притѣсненный не долженъ ни часу потерять въ своемъ удовольствіи. Я сѣлъ у нихъ возлѣ стола на поставленный мнѣ стулъ. Тутъ я видѣлъ въ какую тонкость они входили въ сіе дѣло, какъ раздробляли всѣ обстоятельства, а наконецъ, по долгомъ изъясненіи, объявили свое мнѣніе, къ которому и два совѣтника согласились. Оправленный, хотя съ нѣкоторою уступкою, тотчасъ согласился, а обвиненный согласиться отрекся и требовалъ трехъ дней на размышленіе, что ему и позволено было. Рѣшеніе же кратко записалось въ журналѣ. Какъ скоро сіи встали отойтить, то двое изъ предстоящихъ тутъ, подошедъ, объявили свое согласіе на бывшее предъ симъ за три дни рѣшеніе, и то было записано въ журналъ, и повелѣно было написать между сими спорящимися мировую запись, которую они спорящіеся подписали. Также и судъ и совѣтники яко свидѣтели приложили свои руки, съ которой подобный же списокъ былъ оставленъ для архива сего судебнаго мѣста.

Весьма меня единое зрѣніе во удивленіе привело. Се есть: что въ каждой судейской палатѣ были у стѣнъ лѣстницею сдѣланы лавки, на которыхъ я видѣлъ множество людей обоихъ половъ и даже юношей сидящихъ. Спросилъ я о семъ у своего вожатаго судьи. На сіе мнѣ отвѣтствовалъ онъ: „Сіи суть любопытные слушатели. А потомъ продолжалъ: хотя воспитаніе и вкореняетъ у насъ добрые нравы, хотя всякая развратность у насъ не токмо законами, но и самымъ презрѣніемъ народа наказуется, однако не можно такъ исправить человѣка, чтобы они слабости человѣческія не имѣли, а для сего еще премудрымъ нашимъ Императоромъ Саба-

куломъ было узаконено, чтобы всѣ дѣла, окромѣ нѣкоторыхъ тайныхъ государственныхъ, безъ закрытія предъ народомъ исправлялись. Мнѣ многіе старые и добродѣтельные судьи признавались, что случалось имъ иногда нѣкоею слабостію подвергнуту быть дать мнѣніе свое не по сущей справедливости, но зрѣніемъ толикихъ свидѣтелей удержаны были. Къ тому же при зрѣлищѣ толикихъ сограждан благопристойность болѣе наблюдается, и каждый, хотя себѣ почтеніе отъ согражданъ своихъ заслужить, являетъ колико можно болѣе прилежности и вниманія. Здѣсь однако зрители не имѣютъ права подать свой голосъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ судятъ уголовное дѣло, тамъ каждый токмо въ защищеніе обвиняемаго, а не во удрученіе его судьбы, можетъ изъ мѣста своего сказать, что онъ ко оправданію или ко облегченію судьбы его находитъ; ибо жизнь человѣческая есть толь драгоцѣнна, что не можно отнять ни у какого гражданина права стараться спасти ее ближнему своему. И многажды случалось, что не токмо мужья, но самыя юныя жены подавали таковые совѣты, которые спасали подвергающихся къ жестокому осужденію или по крайней мѣрѣ облегчали судьбу ихъ. Къ тому же, какъ вездѣ у насъ находятся таковые зрители, то самымъ симъ не токмо мужья, но и самыя жены и дѣти съ юности своей научаются законамъ и обрядамъ судебнымъ и тѣмъ самымъ лучшіе и полезнѣйшіе граждане становятся.

Потомъ я былъ введенъ въ другіе присутствія сего судебнаго мѣста; ихъ было три, въ коихъ въ каждомъ судились дѣла пяти губерній Офирской имперіи. Въ сихъ я ничего болѣе того, что прежде мною примѣчено было, не видалъ, а вообще зрилъ великое прилежаніе къ дѣламъ, совершенное благочиніе, такъ что, истину сказать, единое возрѣніе почтеніе привлекало. Въ каждомъ изъ сихъ присутствій засѣдало по три судьи, изъ коихъ одинъ предсѣдательствовалъ, списокъ дѣлъ предъ нимъ лежалъ на столѣ, а онъ, разгнувъ его, по порядку дѣло требовалъ. Если же случалось, что требовалъ дѣло не по порядку, то сіе не инако, какъ сказавъ другимъ судьямъ причины, которыя требуютъ скорѣйшаго рѣшенія сего дѣла: яко крайнее притѣсненіе единаго изъ просителей, или видное разореніе имѣній отъ непризрѣнія, и получа ихъ согласіе, оное подать повелѣвалъ, а что дѣло не по порядку представилось и для чего— о семъ записывалось обстоятельно въ журналѣ. Однако и въ семъ случаѣ, какъ сказывано мнѣ было, законъ офирскій учинилъ такія осторожности, что болѣе семи дѣлъ миновать не можно. А дабы и сіе не учинило тягости другимъ—ибо всякій челобитчикъ претерпѣваетъ—положено по мѣрѣ въ каждую недѣлю, таковыхъ не по очереди взятыхъ дѣлъ, за каждое дѣло, по два часа лишніе присутствовать, а самое сіе чинитъ и судей осторожными легко вырывомъ дѣлъ не брать.

Понеже уже было поздно, то мы спѣшили возвратиться домой, съ тѣмъ, чтобъ

ѣхать въ вышнее правительство послѣ обѣда.

Поспѣша отобѣдать, поѣхали мы въ вышнее правительство, которое было возлѣ самаго дворца, и изъ покоевъ государскихъ содѣланные переходы—мы съ симъ мѣстомъ сообщеніе имѣли. Зданіе сіе было великое, хотя не имѣло великолѣпія, но самая огромность его и старинное строеніе нѣкое почтеніе привлекало. Мы пріѣхали къ одному великому крыльцу, гдѣ, по данному повелѣнію и по извѣстію, единымъ изъ нижнихъ чиновъ были встрѣчены и безъ всякаго доклада вошли въ присутственную комнату (какъ я увѣдалъ послѣ) судейскими дверьми. Комната сія не имѣла другаго украшенія на стѣнахъ, окромѣ портретовъ разныхъ ихъ государей—но не было тутъ портрета царствующаго Императора—и въ картушахъ нѣкоторыхъ надписей, изъявляющихъ человѣколюбіе. Другія стѣны имѣли лавки единыя надъ другою для зрителей, куда особливыми дверьми входили. По срединѣ комнаты стоялъ круглый столъ, на которомъ лежало нѣсколько книгъ, о коихъ я послѣ узналъ, что сіе были книги законовъ, и кругомъ стояли пять стульевъ.

Я тутъ засталъ двухъ судей, которые ходили по комнатѣ, не дѣлая ничего во ожиданіи часа присутствія и своихъ сотоварищей. Они меня весьма ласково приняли и сказывали мнѣ, что сіе засѣданіе раздѣлено на пять департаментовъ. Въ первомъ, въ которомъ я тогда находился, суждены были дѣла

уголовные; во второмъ дѣла, касающіеся до разныхъ учрежденій для воспитанія народнаго, до правъ и до благочинія; третій, гдѣ все, касающееся до домостроительства, доходовъ государственныхъ и торговли разсуждаемо было; четвертый касательно до укрѣпленія градовъ, снабженія войскъ и до дѣлъ съ окружными народами, разсуждаетъ; пятый, гдѣ судились дѣла, касающіеся до всякаго званія имѣній; пятый, въ которомъ разсуждалось о войскахъ морскихъ и сухопутныхъ: что есть у нихъ одна камера, гдѣ они по случающимся нуждамъ всѣ департаменты собираются, яко въ случаѣ, гдѣ теменъ законъ или, если случай найдется гдѣ его совсѣмъ нѣтъ, или когда случится дѣлать какое государственное установленіе, которое должно быть обнародовано; что право ихъ собраній такое надлежитъ для рѣшенія дѣла, чтобы двѣ трети голосовъ согласны были. Каждымъ департаментомъ правитъ единый изъ судей, котораго они изъ среди себя по баламъ на годъ выбираютъ, и онъ на тотъ годъ первое мѣсто занимаетъ. Еще же при каждомъ департаментѣ находится единый у нихъ, называемый законникъ, который наблюдаетъ, что все по законамъ было рѣшено, и въ случаѣ, если бы что не по законамъ было сдѣлано, то имѣетъ онъ право подать свое предложеніе, которое уже въ совѣтѣ императорскомъ разсматривается, и если найдется его предложеніе справедливо, а судьи на сіе на него не согласились,

то они платятъ немедленно пеню. Если же онъ несправедливо подалъ предложеніе, то долженъ онъ заплатить пеню и еще просить у нихъ прощенія. Разглаголствующій со мною мнѣ показалъ такого тутъ ходящаго защитника, который былъ человѣкъ старый, покрытъ сѣдинами, однако еще бодрый. „Сей, говорилъ онъ мнѣ, изъ юности не токмо учился законамъ, но и, находяся при каморѣ около сорока лѣтъ, пріобрѣлъ уже великое знаніе, а потому другой годъ какъ въ сію должность сталъ опредѣленъ, и никогда у насъ окромѣ какъ престарѣлыхъ, испытанныхъ въ правахъ и знаніи людей въ сей чинъ не опредѣляютъ; и ему препоручено и храненіе архива, дабы удобнѣе онъ могъ о всемъ справиться. Въ каждомъ изъ сихъ департаментовъ засѣдаютъ у насъ по шести судей, окромѣ тѣхъ, которые для чести имѣютъ названіе нашихъ засѣдателей, яко всѣ главные военачальники, общій распоряжатель доходовъ, управитель дѣлъ съ окружными народами и приставъ дѣтей императорскихъ; присутствующіе же рѣшатъ бывшіе дѣла по числу голосовъ, то есть, что двѣ трети содѣлываютъ рѣшеніе“.

Во время сего нашего разговора другіе судьи пріѣзжали, и каждый самъ пріѣздъ свой записывалъ на лежащей бумагѣ на столѣ, а наконецъ ударилъ часъ засѣданія, и они тотчасъ сѣли въ свое мѣсто. Оставался еще праздный стулъ, и двери входа судейскаго были заперты. Черезъ четверть часа,

вдругъ услышали мы: стучатся у дверей. Сей былъ шестой судья, которому тотчасъ двери отперли. Сей, вошедъ вручилъ придвернику монету рунъ, а сей, объявя ее предсѣдательствующему, положилъ въ стоящій ящикъ, на которомъ сдѣлана была дыра для положенія денегъ, подобно какъ у насъ въ церквахъ становятся. Судья себя извинилъ, что онъ въ назначенный часъ не бывалъ, сказывая, что его повозка испортилась, и онъ отчасти долженъ былъ идти пѣшкомъ, даже какъ встрѣтясь съ однимъ своимъ пріятелемъ былъ довезенъ; оправданіе его было выслушано и записано въ журналъ, который онъ самъ подписалъ, и дѣло стали чтеніемъ продолжать.

Мнѣ послѣ сказывали, что двери входа судей токмо тогда запираютъ, когда полнаго числа ихъ нѣтъ, дабы пріѣхавшій во время засѣданія не могъ, не постучась и не заплатя пени, войтить. Въ первый разъ онъ платитъ рунъ, во второй два руна, а въ третій четыре руна, въ четвертый десять руновъ, въ пятый двадцать руновъ; а въ шестой уже и не впускается, а на его мѣсто требуется другой. Однако каждый разъ, когда онъ такъ пріѣдетъ, долженъ онъ остаться послѣ другихъ судей и ту часть дѣла, которую не слыхалъ, прочесть самъ и дать свое мнѣніе. Въ случаѣ же болѣзни, если онъ еще въ состояніи рѣшить дѣла, посылается къ нему дѣло въ домъ, и онъ мнѣніе свое на письмѣ присылалъ, которое въ слѣдующее собраніе объяв-

лялось. Но если бы случилось быть кому такъ больну, что онъ не можетъ и слушать дѣла, или бы кто выбылъ, то на время болѣзни его, или до опредѣленія другаго, берется изъ земскихъ верховныхъ судей одинъ по баламъ, который съ прочими тутъ всѣ дѣла производитъ, дабы никогда празднаго мѣста не было, и дѣла бы теченіе свое имѣли.

Любопытствовалъ я спросить о сихъ земскихъ верховныхъ судьяхъ, и мнѣ показали близь большаго судейскаго стола лавку, гдѣ девять почтенныхъ мужей засѣдали. Сіи, сказывали мнѣ, были избранные депутатами отъ губерній, отъ каждой по пяти, дабы засѣдать во всѣхъ департаментахъ сего вышняго правительства, а какъ Офирская имперія раздѣлена на пятнадцать губерній, то и приходитъ ихъ въ каждое засѣданіе по девяти. Сіе самое и подало причину мнѣ ко многимъ вопросамъ, и первый изъ нихъ состоялъ: какіе люди въ сіи депутаты выбираются? На сіе мнѣ разглаголствующій судья сказывалъ слѣдующее: „хотя сіе займетъ нѣсколько времени, однако я съ удовольствіемъ хочу васъ удовольствовать. Каждый городъ у насъ имѣетъ два правительства, единое государственное, а другое гражданское. Въ первомъ засѣдаютъ токмо опредѣленные люди отъ короны, а во второмъ отъ уѣзда того города выбранные трое судей. Первое токмо судитъ дѣла уголовные и дѣла учрежденій и доходовъ, а другое судитъ дѣла земскіе и, въ случаѣ несогласія сихъ послѣднихъ, оба сіи су-

дебные мѣста чинятъ общее засѣданіе. Изъ троихъ земскихъ судей каждый годъ по одному перемѣняется, дабы всегда два уже были вникшіе въ дѣла, и тако въ три года каждое земское правительство своихъ судей перемѣнитъ. Губерніи наши раздѣляются еще на провинціи, то каждый провинціальный городъ имѣетъ четыре суда. Два первые такіе же какъ и въ уѣздномъ городѣ, поелику каждый и провинціальный городъ имѣетъ свой уѣздъ; и два провинціальныхъ въ провинціи съѣзжаются каждые три года по три человѣка; депутатовъ отъ дворянъ выбираютъ, изъ бывшихъ и хорошо исполняющихъ свою должность въ уѣздныхъ судахъ трехъ депутатовъ, которые провинціальный земскій судъ составляютъ, и также чрезъ три года въ каждый годъ по одному перемѣняются, ибо при каждомъ выборѣ уже и назначаютъ тѣхъ излишкомъ, кому должно упадшіе мѣста заступать. Сіи также въ три года перемѣняются. Понеже въ губернскихъ городахъ трояkіе дѣла суть, ибо каждый губернскій городъ есть и провинціальный, и каждый городъ имѣетъ свой уѣздъ, то и находится въ губернскомъ городѣ три суда государственные, какъ по дѣламъ, такъ и по опредѣленію отъ правительства судей, и три суда земскіе, то есть: уѣздный, провинціальный и губернскій. И въ губернскій судъ съѣздомъ чрезъ три года депутаты изъ провинцій выбираются, на такомъ же основаніи какъ въ провинціи и въ уѣздные города по три

судьи, изъ такихъ, которые уже съ похвалою въ провинціальныхъ земскихъ судахъ засѣдали. А наконецъ изъ сихъ, которые уже и въ губернскомъ земскомъ судѣ имѣли засѣданіе, выбираются на три года, но уже безъ перемѣны по одному, ибо уже считаются довольно навыкшими къ дѣламъ, изъ каждой губерніи по пяти, которые и засѣдаютъ по девяти въ каждомъ департаментѣ".

„Когда войдете вы, продолжалъ онъ, въ третій департаментъ, гдѣ разсуждаютъ о дѣлахъ торговыхъ, то окромѣ сихъ пяти человѣкъ дворянскихъ депутатовъ, найдете вы пятнадцать человѣкъ депутатовъ отъ купечества, ибо въ разсужденіи и купечества, яко вмѣщающаго въ себѣ и мастерства, у насъ учреждено особливое правленіе, сходственное тому, какъ я уже вамъ сказывалъ, то есть во всякомъ уѣздномъ городѣ уѣздный купеческій судъ; въ провинціальномъ два суда: провинціальный и уѣздный. Въ губернскомъ городѣ три суда: губернскій, провинціальный и уѣздный, въ которые, также какъ дворяне, по три человѣка избираются, на такомъ же основаніи какъ и дворяне, и наконецъ изъ тѣхъ, которые уже съ похвалою исполняли во всѣхъ сихъ мѣстахъ свои должности, выбираются по два человѣка отъ каждой губерніи, для пребыванія въ столичномъ городѣ, которые по жеребью раздѣляются на двое; половина засѣдаетъ въ государственномъ купеческомъ правленіи, и половина въ вышнемъ правленіи, въ третьемъ департаментѣ. Но

какъ примѣчено было, что толь великое число купцовъ, опредѣленныхъ въ судьи, можетъ наносить вредъ ихъ торговлѣ, то позволено имъ и мѣщанъ разумныхъ и знающихъ торгъ и обстоятельства тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жительство имѣютъ, выбирать; также и изъ живущихъ тамъ и ученыхъ людей, лишь бы сіи были тамошніе жители, за что они и плату отъ купечества получаютъ".

Должность депутатовъ дворянскихъ состоитъ засѣдать по нѣсколько человѣкъ въ каждомъ департаментѣ вышняго правительства и наблюдать, чтобы не учинено было какого положенія во вредъ какой губерніи, и въ семъ токмо они и въ дѣлахъ уголовныхъ къ вспоможенію обвиняющихся имѣютъ свой голосъ. Но какъ не въ каждомъ департаментѣ отъ всѣхъ губерній присутствуютъ, то чтобы вездѣ предохранить пользу каждой губерніи, имѣютъ они особливую комнату, куда каждый день послѣ собранія всѣ собираются, и тамъ каждый объявляетъ: не было ли чинено какихъ предложеній о постановленіяхъ государственныхъ и, ежели гдѣ въ департаментѣ такое несообразное было чинено для какой губерніи, то, если тотъ депутатъ не присутствуетъ туть, тотъ имѣетъ право и изъ другаго департамента требовать войтить въ тотъ департаментъ, гдѣ сіе положеніе дѣлается, и, разсмотря дѣло, дать свое мнѣніе. Что же касается до мѣщанскихъ депутатовъ, оные имѣютъ засѣданіе въ третьемъ департаментѣ и во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ имѣютъ свой

голосъ, для охраненія, чтобы какого вреднаго положенія въ разсужденіи обще всего государства, или и единой губерніи, учинено не было".

Второй вопросъ мой состоялъ: кто сочиняетъ разные собранія сего вышняго правительства? На сіе мнѣ разглаголствующій отвѣтствовалъ: „Двоякіе суть члены въ немъ: единые—всегда присутствующіе и другіе, которые не всегда присутствуютъ, но по чинамъ своимъ имѣютъ засѣданіе, когда нужда востребуетъ, или когда хотятъ, токмо государственнымъ дѣламъ обще во всѣхъ департаментахъ, а потому они и называются общіе баи. Также есть во всѣхъ департаментахъ три сверхъ-численные баи, которые также общими баями, повѣренными называются, которые ежедневно присутствуютъ въ верхнемъ совѣтѣ и равно какъ и прежніе присутствуютъ въ верхнемъ правительствѣ, или когда нужда потребуетъ, или когда есть удобное имъ время по государственнымъ дѣламъ. Прочіе же баи, яко я, имѣемъ ежедневное присутствіе здѣсь, дабы имѣть честь присутствовать въ семъ вышнемъ правленіи. Наблюдаются слѣдующіе обряды. Если случится мѣсто праздное, то дается о семъ извѣстіе депутатамъ дворянскимъ и депутатамъ купеческимъ, присутствующимъ здѣсь, и они, каждые особливо собравшись, чрезъ положеніе въ запечатанный сосудъ малыхъ записокъ съ именами, означаютъ свои мнѣнія о достойнѣйшихъ по мнѣнію ихъ людяхъ, увѣдомляютъ о испол-

неніи сего засѣдателей главнаго правительства, гдѣ тогда присутствуютъ общіе баи и баи сверхъ численные. Тогда они всѣ, собравшись въ общее собраніе, повелѣваютъ принести сіи сосуды и, распечатавъ, при самыхъ тѣхъ депутатахъ, выбираютъ изъ купеческаго одного, а изъ дворянскаго двухъ, которые имѣютъ болѣе голосовъ, наблюдая, сохранено ли было въ ономъ одобреніи положеніе закона о качествахъ по такимъ выборамъ; а потомъ, отославъ ихъ, кладутъ сами свои записки о одобряемыхъ ими, и также распечатавъ сосудъ, выбираютъ на такихъ же основаніяхъ другихъ. Ежели же случится, что двое имѣютъ равное число одобреній, то разсуждается между ими, кто старѣй лѣтами и кто болѣе служилъ—и тотъ предпочитается. Потомъ сихъ шестерыхъ балотируютъ балами и, избравъ троихъ, представляютъ Императору, который единаго изъ трехъ въ сіе засѣданіе и именуетъ.

Вопрошалъ я: какія же качества требуются, дабы удобну быть ко избранію? На сіе мнѣ отвѣтствовалъ бай: „они суть слѣдующіе: 1) не можетъ никто быть избранъ, если ему менѣе тридцати пяти лѣтъ; 2) надлежитъ, чтобы онъ службу свою продолжалъ безпорочно не менѣе семнадцати лѣтъ; 3) чтобы онъ имѣлъ супругу и дѣтей; 4) чтобы всѣмъ извѣстенъ былъ честный его поступокъ, или по крайней мѣрѣ не было бы никакого приказнаго дѣла, которое бы на оный подавало сомнѣніе; 5) чтобы прилежность его и зна-

ніе въ службѣ отъ его начальниковъ была засвидѣтельствована; 6) чтобы онъ прошелъ нижнія степени судейскія должности, или бы былъ депутатомъ отъ дворянства въ вышнемъ правительствѣ три года; 7) чтобы онъ имѣлъ свѣдѣнія по самому употребленію его въ дѣла, что онъ имѣетъ свѣдѣнія о тѣхъ дѣлахъ, въ который департаментъ употребляется; 8) чтобы онъ по крайней мѣрѣ былъ четвертой степени по чинамъ государственнымъ, то онъ купно съ пожалованіемъ въ баи жалуется въ третію степень.

Я удивлялся толь хорошимъ расположеніямъ о сысканіи хорошихъ главныхъ судей, но еще мое любопытство не было удовольствовано, и я спрашивалъ: какія есть сіи общіе и сверхъ-численные баи? На сіе мнѣ отвѣтствовалъ разглаголствующій со мною бай: Баи общіе суть тѣ, которые по самымъ чинамъ своимъ въ верховномъ совѣтѣ и въ семъ вышнемъ правительствѣ имѣютъ засѣданіе, то есть хранитель законовъ, и онъ же и опекунъ государственный; остерегатель государства, то есть тотъ, которому препоручены всѣ дѣла съ чужестранными народами; казны хранитель, то есть казначей государственный; домостроитель государственный; всеправитель, который управляетъ всѣми военными дѣлами и имѣетъ предсѣданіе въ государственномъ военномъ правленіи; мореначальникъ, то есть тотъ, который управляетъ всѣми морскими дѣлами и имѣетъ предсѣданіе въ правленіи о мореплаваніи и—еже-

ли когда есть бай наставникъ дѣтей императорскихъ, а ежели его нѣтъ—то надзиратель наукъ или председатель академіи. Сіи отъ самыхъ чиновъ своихъ получаютъ право засѣданія въ верховномъ совѣтѣ и въ семъ верховномъ правительствѣ; но какъ случаются въ первомъ изъ оныхъ дѣла тяжебныя, то, для лучшаго познанія въ нихъ, выбираются изъ всѣхъ баевъ девятеро, изъ которыхъ по избранію своему Императоръ троихъ въ совѣтъ, которые уже сверхъ-численными считаются".

Хотѣлъ я его еще вопрошать о причинѣ разности во мнѣніяхъ и о должности каждаго изъ чиновниковъ, о коихъ онъ упомянулъ, но онъ прекратилъ мою рѣчь, звавъ меня къ себѣ на вечеръ. Весь сей длинный разговоръ у насъ не прежде засѣданія продолжался, но отчасти и послѣ засѣданія. Во время онаго засѣданія слышалъ я предлагаемое дѣло и видѣлъ совершенное вниманіе, благопристойность, и въ даніи каждаго голоса справедливое изъясненіе законовъ, сопряженное съ человѣколюбіемъ о виновномъ. И тако сіе засѣданіе окончилось безъ всякаго противорѣчія, и я съ тѣмъ баемъ поѣхалъ къ нему въ домъ.

Не буду я описывать его пріема, который не могъ быть по обычаю сей страны какъ весьма ласковъ, также и образъ житья его, а токмо продолжу о продолженіи моихъ вопросовъ. Я его во первыхъ вопрошалъ: что какъ возможно, чтобы при ясныхъ и точныхъ законахъ могли несогласные мнѣнія слу-

чаться? На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, „что понеже всѣ дѣла человѣческія суть подвергнуты къ несовершенству, слѣдственно ниже въ самомъ изъясненіи никакіе законы не могутъ быть совершенны; къ тому могутъ случиться противорѣчія, а въ иныхъ мѣстахъ и недостатки, чего [redacted] и учреждено въ Офирской имперіи: что если въ вышнемъ правительствѣ какомъ департаментѣ, по голосамъ, составляющимъ болѣе двухъ третей, дѣло будетъ рѣшено въ граматическомъ разумѣ или въ противорѣчіи, то сіе рѣшеніе, хотя уже непоколебимо остается, однако отсылается въ полное собраніе, гдѣ тогда присутствуютъ и всѣ сверхъ-численные баи и призываются нѣкоторые ученые люди знающіе законы, и они утверждаютъ какъ сей законъ должно толковать. Сіе рѣшеніе обнародуется и вписывается противу сей статьи въ законную книгу, дабы никто впредь не отваживался толковать сіе окромя смертной казни, ибо въ семъ случаѣ и единый можетъ исполненіе остановить. Если же будетъ меньше двухъ третей на одной сторонѣ, то дѣло не рѣшено и отсылается въ полное собраніе и тамъ подобнымъ же образомъ разсматривается, пріемля мнѣнія депутатовъ и всѣхъ призванныхъ ученыхъ людей, но рѣшится токмо по превосходству двухъ третей голосовъ баевъ и въ законную книгу вписывается. Но если и въ семъ собраніи согласиться не могутъ, то учреждается коммисія для истолкованія и исправленія сего закона на подобіе

той, каковая была учреждена при сочиненіи всего законодательства, состоящая изъ двадцати человѣкъ, кого все сіе собраніе изберетъ по баламъ. Она раздѣляется на четыре департамента: первый, который разсматриваетъ законъ и причины его постановленія и дѣлаетъ выписки изъ другихъ сходныхъ законовъ и рѣшеній; второй изъ сего чинитъ истолкованіе, сочиняетъ положительное правило и обнародуетъ, дая время полгода каждому мнѣніе свое объяснить. Третій собираетъ сіи мнѣнія, сличаетъ ихъ съ учиненнымъ положеніемъ и вноситъ въ четвертый, который, учиня пространное описаніе, чего ради какихъ мнѣній не принято, и, входя въ обстоятельства закона, чинитъ положительный законъ, который также въ полномъ собраніи разсматривается и по числу голосовъ уже не двухъ третей и не однихъ баевъ, но всѣхъ тутъ призванныхъ утверждается по баламъ, по превосходящему числу. И уже не позволено тутъ ни похвалять, ни охулять законъ, но каждый кладетъ балъ—принятъ ли, или не принятъ такой законъ, и если будетъ не принятъ, то вторично дѣлаетъ четвертый департаментъ исправленіе, и тако до трехъ разъ, всегда соглашаясь колико можно и съ народными мнѣніями. А въ четвертый разъ, если не будетъ согласія, то отлагается до трехгодичнаго собранія, и тамъ онъ бываетъ во всѣхъ губерніяхъ балотированъ, а вышнее сіе правительство, токмо слича всѣ рапорты и число баловъ, утверждаетъ

его по превосходящему числу оныхъ. Также поступаютъ и въ томъ случаѣ, если случится и недостатокъ въ законѣ. Но таковые случаи у насъ весьма рѣдко случаются, и помнится мнѣ, что отъ время законодательства нашего при великомъ Сабакулѣ единожды у насъ было.

Второй вопросъ мой состоялъ о помянутыхъ имъ сверхъ - численныхъ баяхъ и о должностяхъ ихъ. Онъ мнѣ на сіе отвѣтствовалъ: „Сіи суть слѣдующіе: первый—хранитель государственныхъ законовъ. Сей имѣетъ первое мѣсто какъ въ верховномъ совѣтѣ, такъ и во всѣхъ другихъ присутственныхъ мѣстахъ; онъ получаетъ жалобы и просьбы отовсюду, гдѣ жалуются въ замедленіи дѣлъ, имѣетъ при себѣ двухъ собственныхъ искусныхъ въ законахъ совѣтниковъ для помощи ему. Каждое дѣло, доходящее до Государя, онъ разсматриваетъ, предлагаетъ его Государю и изъясняетъ какое должно быть положеніе закона, прилагая свое заключеніе съ доводами, которое, какое бы рѣшеніе ни было, при дѣлѣ неотъемлемо остается. Въ каждомъ дѣлѣ, гдѣ должно истолковать, объяснить, сообразить или дополнить законъ, онъ въ опредѣляемой коммисіи предсѣда-

тельствуетъ; однимъ словомъ онъ есть душа всего исполненія по законамъ; а дабы не могъ онъ употребить во зло своей власти, каждый годъ онъ подаетъ вышнему правительству поденную записку всѣхъ своихъ дѣлъ, гдѣ въ полномъ собраніи дѣла его разсматриваются. На сіе опредѣлено не болѣе трехъ недѣль, въ которое время онъ лишенъ всей своей власти и снимаетъ всѣ знаки своего чина, и когда получаетъ засвидѣтельствованіе о своемъ поступкѣ, тогда паки въ должность свою вступаетъ; ежели же въ чемъ явится виновенъ или подозрителенъ, то немедленно на его мѣсто выбирается другой, а онъ полнымъ собраніемъ верховнаго совѣта и вышняго правительства слѣдуемъ бываетъ. Въ чинъ сей не инако опредѣляются, какъ такіе люди, которые долгое время присутствовали въ вышнемъ правительствѣ, изъ коихъ выбираются трое по баламъ и представляются Императору, а онъ, по изволенію своему, кого хочетъ изъ нихъ опредѣляетъ“.

„Второй—охранитель внѣшняго спокойствія; онъ есть тотъ, которому препоручены всѣ дѣла съ чужестранными государствами.

Здѣсь оканчивается статья «Путешествіе въ землю Офирскую». Въ подлинной рукописи она оканчивается въ началѣ новой чистой страницы, и подъ послѣднею строкою почеркомъ автора написано: «29 тетратей 59-ть листовъ.» Изъ нѣкоторыхъ строкъ главы VIII-ой (стр. 1023) видно, что князь М. М. Щербатовъ, имѣлъ въ виду продолжать это свое сочиненіе.

Редакціи принадлежитъ правописаніе современное намъ, но съ удержаніемъ лишь одной особенности, а именно употребленія въ среднемъ родѣ множественнаго числа окончанія на е, а не на я, чего авторъ держится упорно. За тѣмъ имя:» Агибъ «авторъ употребляетъ какъ несклоняемое, но не выдерживаетъ этого и потомъ начинаетъ измѣнять его по падежамъ.